This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице http://books.google.com/

PSlav 176.25

Harvard College Library

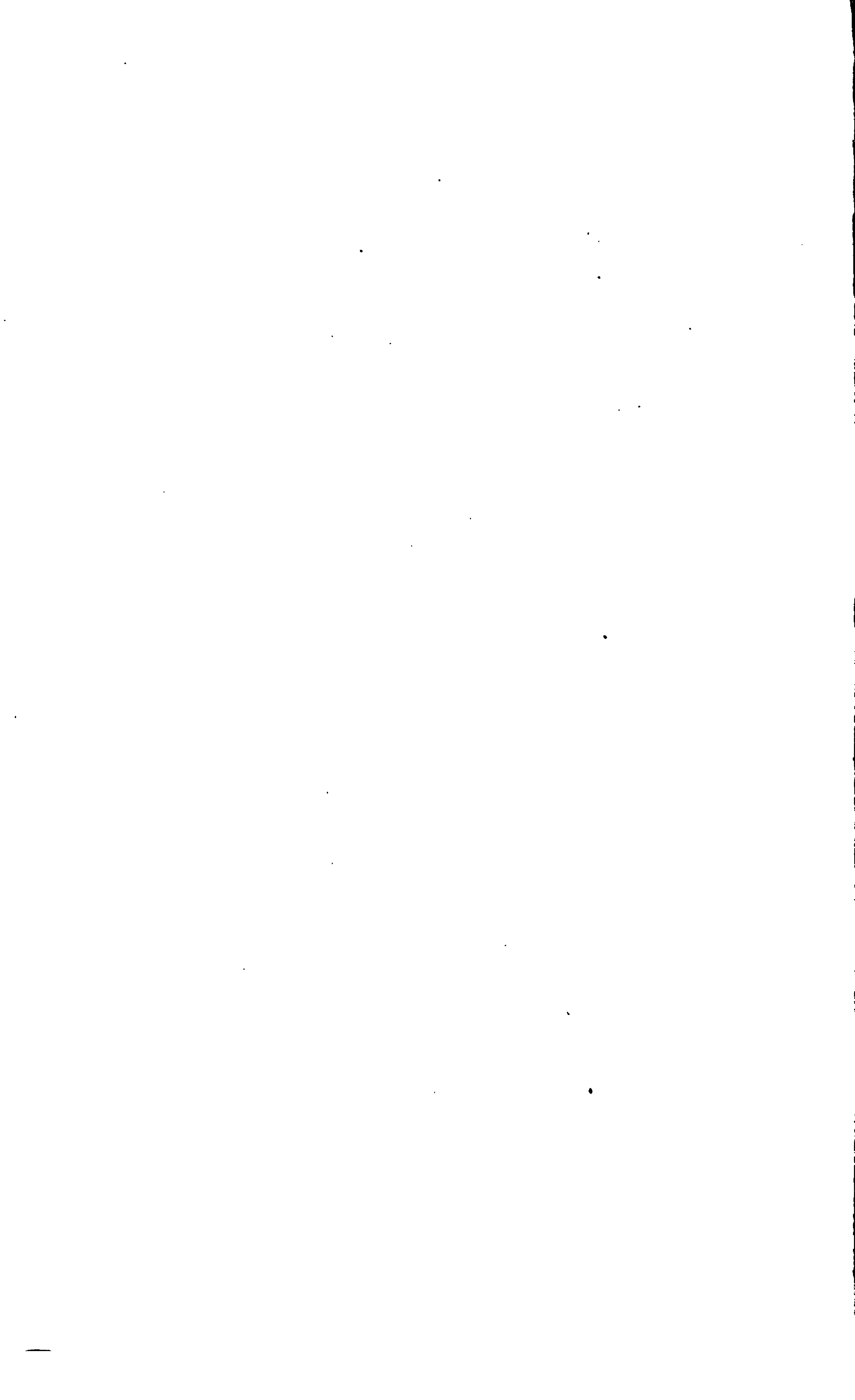
FROM THE BEQUEST OF

MRS. ANNE E. P. SEVER

OF BOSTON

Widow of Col. James Warren Sever

(Class of 1817)



ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

СОРОКОВОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ II.

ъ LXX. — ТОМЪ CDVI — 14 МАРТА 1905

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ

ДВѢСТИ-ТРИДЦАТЬ-ВТОРОЙ ТОМЪ

СОРОКОВОЙ ГОДЪ

ТОМЪ II

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ": ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: Васильевскій Островъ, 5-я линія, № 28.

Экспедиція журнала: Вас. Остр., Академич. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1905

P Slav 176.25

~~Slav 30.2~~

8423

МОИ ЗАМѢТКИ

Лѣто 1900—Іюнь 1904.

Окончаніе [1]).

8-го октября 1902 г.—Съ перваго времени пріѣзда въ Петербургъ, въ 1850 г., я сталъ знакомиться съ положеніемъ и интересами литературы и связанными съ ней интересами общественными. Послѣднимъ событіемъ, о которомъ все еще часто вспоминали, была такъ называемая исторія Петрашевскаго. Въ первый разъ я получилъ о ней смутное понятіе еще въ Казани, прочитавъ въ газетѣ объ осужденіи его и его товарищей. Затѣмъ мнѣ не случилось слышать объ этомъ никакихъ подробностей; въ Петербургѣ знали, конечно, очень много, и въ кругу товарищей случалось слыхать нерѣдко объ этомъ кружкѣ, изъ котораго многіе были извѣстны и разсказчикамъ. Какъ теперь выяснено, „дѣло Петрашевскаго“, было въ свое время крайне раздуто, вслѣдствіе соревнованія III-го Отдѣленія и министерства внутреннихъ дѣлъ. Никакого заговора, никакихъ опасныхъ для государства замысловъ не было; былъ обыкновенный кружокъ почти исключительно молодыхъ людей, которые собирались и толковали о разныхъ отвлеченныхъ вопросахъ нравственности и политики—продолженіе тѣхъ философскихъ кружковъ, какіе существовали въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, преимущественно въ Москвѣ, и за скудостью университетской науки и серьезной литературы работали собственными силами для „самообразованія“, какъ теперь говорится. Разница была въ томъ, что если тогда высшимъ вопросомъ человѣческой мысли, идеальнымъ источникомъ всего лич-

---

[1]) См. выше: февраль, 469 стр.

наго и общественнаго бытія полагалась метафизическая философія, отъ которой и ждали рѣшенія всѣхъ недоумѣній, то теперь кредитъ философіи былъ очень подорванъ: въ самомъ дѣлѣ, и въ Европѣ начинали охладѣвать къ метафизикѣ. Уже вскорѣ противъ нея предпринятъ былъ настоящій походъ, и отъ метафизики господство надъ умами перешло къ позитивизму и естествознанію; а въ умахъ нашихъ молодыхъ поколѣній этому послѣднему предшествовало увлеченіе соціальными науками, которыя также, какъ предполагалось, должны были дать реальное объясненіе развитія человѣческаго общества. На первый разъ эти науки явились прямо въ формѣ соціализма. Это было довольно естественно. Молодыя поколѣнія, съ возбужденнымъ нравственнымъ и общественнымъ идеализмомъ, ищутъ обыкновенно основной теоріи, которая объясняетъ все, „послѣдняго слова", и этимъ послѣднимъ словомъ былъ французскій соціализмъ—Пьеръ Леру, Луи Бланъ, но особенно Кабе, Фурье, Сенъ-Симонъ. Напомнимъ разсказъ Салтыкова о томъ, какъ въ 1848 году въ русскомъ обществѣ (конечно, всего больше молодомъ) горячо интересовались французскими событіями того времени. Какъ извѣстно, въ этихъ событіяхъ имѣлъ уже мѣсто и соціализмъ; Пьеромъ Леру интересовались еще въ кружкѣ Бѣлинскаго. Въ кружкѣ Петрашевскаго соціализмомъ увлекались гораздо раньше событій сорокъвосьмого года. Понятно, что это увлеченіе было чисто платоническое - смѣшно было бы говорить о намѣреніи водворить въ россійской имперіи соціалистическій порядокъ вещей; но въ соціализмѣ увлекала перспектива раскрытія законовъ политическаго устройства, особливо устройства экономическаго, за которымъ должно было послѣдовать благополучіе народовъ. Понятно, что въ русскихъ отношеніяхъ сюда на первомъ планѣ должно было войти освобожденіе крестьянъ. Понятно также, что въ обширной программѣ соціализма могли находить себѣ мѣсто самые разнообразные вопросы русской жизни, давно волновавшіе русское общество: на первомъ планѣ освобожденіе крестьянъ, затѣмъ какая-либо степень политической свободы, свобода печатнаго слова и т. д. Вспоминались разныя отрицательныя стороны русской жизни, и относительно ихъ не было сомнѣній. Немудрено, что здѣсь съ великимъ сочувствіемъ было встрѣчено извѣстное письмо Бѣлинскаго къ Гоголю по поводу „выбранныхъ мѣстъ": его читали, переписывали для друзей, -- и извѣстно, что пересылка этого письма было однимъ изъ главныхъ обвиненій противъ Достоевскаго.

Что вопросъ состоялъ именно такъ, какъ выше говорено,

что въ обществѣ, гдѣ очень знали о кружкѣ Петрашевскаго, не придавали ему никакого особеннаго политическаго значенія, краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ служитъ извѣстное „Запутанное дѣло“ Салтыкова. Этотъ разсказъ, написанный раньше „исторіи“, касается отчасти и людей кружка Петрашевскаго, какъ извѣстнаго типа, могущаго подлежать сатирическому изображенію: уже одна возможность такой точки зрѣнія показываетъ, что автору сатирическаго изображенія не приходило въ голову, что противъ лицъ, имъ нарисованныхъ, могло быть поднято обвиненіе въ государственномъ преступленіи. Но и самъ авторъ „Запутаннаго дѣла“ подвергся подобному политическому осужденію.

Дѣло получило громкую извѣстность между прочимъ и потому, что въ немъ замѣшаны были и литературныя имена. Въ числѣ главныхъ осужденныхъ былъ Достоевскій, который только передъ тѣмъ началъ свою литературную дѣятельность—и „Бѣдные люди“ котораго были, дѣйствительно, крупнымъ литературнымъ фактомъ; подвергся ссылкѣ Плещеевъ, который незадолго передъ тѣмъ обратилъ на себя вниманіе своими стихотвореніями.

Впечатлѣніе было тягостное; оно усиливалось разными новыми мѣропріятіями, направленными именно противъ науки и литературы, въ которыхъ, несмотря на ихъ скромные размѣры и на постоянный цензурный надзоръ, видѣлась причина превратныхъ мыслей. Цензура была усилена „негласнымъ комитетомъ“ до невозможности; всѣ главныя вѣдомства получили право своей спеціальной цензуры, и около 1850 года иная статья, гдѣ затрогивались разные предметы нашей внутренней жизни, должна была проходить цѣлый рядъ цензурныхъ мытарствъ.

Въ дѣйствительности, ходъ развитія общественнаго мнѣнія относительно теоретическихъ вопросовъ и относительно существующаго порядка нашей внутренней жизни не былъ нисколько остановленъ.

Кругъ моихъ знакомствъ въ первое время моего студенчества былъ, конечно, невеликъ, но и въ этомъ небольшомъ кругу я уже могъ видѣть интересы и взгляды, которые бывали иногда очевиднымъ продолженіемъ того „либерализма“, который только-что былъ такъ жестоко покаранъ. Нѣкоторые изъ знакомыхъ даже лично знавали или имѣли точныя свѣдѣнія о „петрашевцахъ“; они прямо не соглашались съ фатальной характеристикой, какая дана была имъ оффиціально; они находили ее прямо преувеличенной; думали только, что по обстоятельствамъ времени было слишкомъ неосторожно дѣлать большія сборища,

куда легко могли проникать простые шпіоны съ ихъ обыкновенно черезъ мѣру развитой фантазіей или неразвитостью. То, что̀ читали въ кружкѣ Петрашевскаго, продолжали читать и теперь, конечно, только съ гораздо большей осторожностью. Я самъ имѣлъ въ рукахъ эти книги, но досконально ихъ не читалъ: вопросы экономическіе меня не интересовали; кромѣ того, напримѣръ, у Фурье была слишкомъ очевидна произвольная фантастика, которая не казалась мнѣ интересной. Около этого времени въ Петербургѣ, какъ мнѣ говорили, очень широко обращалась эта соціалистическая иностранная литература, конечно строго запрещенная. Одинъ книгопродавецъ, Лури, велъ торговлю этой контрабандой даже очень неосторожно и, уличенный въ ней, былъ сосланъ изъ Петербурга. Но эта ссылка не остановила контрабанды. Я очень хорошо помню особаго рода букинистовъ—ходебщиковъ—типъ съ тѣхъ поръ исчезнувшій (онъ становился ненуженъ). Эти букинисты, съ огромнымъ холщевымъ мѣшкомъ за плечами, ходили по квартирамъ извѣстныхъ имъ любителей подобной литературы (черезъ которыхъ находили и другихъ любителей) и, придя въ домъ, развязывали свой мѣшокъ и выкладывали свой товаръ: это бывали сплошь запрещенныя книги, всего больше французскія, а также нѣмецкія. Книги они продавали на довольно льготныхъ условіяхъ, напримѣръ съ разсрочкой; когда книга была прочитана и владѣлецъ не желалъ удерживать ее, букинистъ покупалъ ее обратно, конечно, по пониженной цѣнѣ, — другими словами, букинистъ за извѣстную плату давалъ книгу на прочтеніе. Сдѣлка совершалась на взаимномъ довѣріи,—и довѣріе было большое. Одинъ такой букинистъ прихаживалъ и къ намъ; книги были иностранныя, но букинистъ въ нихъ разбирался и съ особымъ акцентомъ, конечно очень забавнымъ, называлъ имена авторовъ и французскія или нѣмецкія названія книгъ. Кажется, независимо отъ этихъ негоціантовъ, Н. Г. [1]) могъ тогда пріобрѣсти главныя сочиненія Фейербаха, какъ помню, въ свѣжихъ, неразрѣзанныхъ экземплярахъ. Тогда я въ первый разъ познакомился съ его сочиненіями: эта сильная и рѣшительная логика казалась мнѣ гораздо болѣе привлекательной, чѣмъ фантастика французскихъ соціалистовъ.

---

[1]) Рѣчь идетъ о Чернышевскомъ. Невольно вспоминается, какъ на вопросъ, почему, при печатаніи воспоминаній о Некрасовѣ, отецъ не называетъ Н. Г. полнымъ именемъ, онъ отвѣчалъ: „Пользоваться полицейскимъ разрѣшеніемъ теперь — мнѣ противно... Поздно... Кто подумаетъ, тѣ поймутъ меня, а не поймутъ — и Богъ съ ними“...—*В. Л.*

Н. Г. прожилъ тогда въ Петербургѣ не долго. Выше я, кажется, упоминалъ, что (помнится, въ 1851 г.) онъ уѣхалъ въ Саратовъ, взявши тамъ мѣсто учителя гимназіи, чтобы пожить вмѣстѣ съ своими родителями. Черезъ него я успѣлъ познакомиться съ нѣкоторыми изъ его прежнихъ знакомыхъ. Однимъ изъ нихъ былъ довольно извѣстный впослѣдствіи М. Л. Михайловъ. Когда я, въ 1850 г., ѣхалъ съ Н. Г. вмѣстѣ въ Петербургъ, нашъ путь лежалъ черезъ Нижній. Мы остановились здѣсь на нѣсколько времени, чтобы посмотрѣть городъ, и между прочимъ Н. Г. хотѣлъ разыскать Михайлова. Они были знакомы раньше въ Петербургѣ: во время студенчества Н. Г., Михайловъ былъ въ университетѣ вольнослушателемъ по тому же факультету. Они сошлись, потому что Н. Г. встрѣтилъ въ Михайловѣ образованнаго молодого человѣка, съ которымъ у нихъ нашлись общіе литературные интересы. Михайловъ былъ очень живой, начитанный, остроумный человѣкъ и съ несомнѣннымъ, хотя и неглубокимъ дарованіемъ; изъ него вышелъ потомъ едва ли не лучшій переводчикъ Гейне. Въ то время среди молодежи немного было людей, знакомыхъ съ иностранной литературой; Михайловъ ею интересовался и много читалъ; Н. Г. тоже очень много читалъ, и хотя его больше интересовала современная политическая исторія, у нихъ находилось немало точекъ соприкосновенія, напримѣръ на Гейне, Берне и т. д. Михайловъ не дослушалъ университетскаго курса и, кажется, по разстройству его денежныхъ дѣлъ долженъ былъ уѣхать изъ Петербурга. Сколько помню, онъ отправился въ Нижній, гдѣ былъ начальникомъ удѣльной конторы В. И. Даль, съ которымъ онъ, кажется, былъ въ родствѣ; тамъ онъ имѣлъ нѣчто вродѣ службы и жилъ, кажется, у Даля. Мы вмѣстѣ съ Н. Г. отправились его искать и нашли. Это былъ молодой человѣкъ небольшого роста, замѣчательно некрасивый, но производившій пріятное впечатлѣніе живостью разговора и литературными интересами. Когда затѣмъ Михайловъ пріѣхалъ въ началѣ пятидесятыхъ годовъ въ Петербургъ (Н. Г. уже уѣхалъ въ Саратовъ), мы встрѣтились съ нимъ какъ старые знакомые: между прочимъ, у меня съ нимъ оказались общіе интересы, мною прежде неожиданные.

Сколько помню, это пришлось въ то время, когда я былъ на послѣднемъ курсѣ въ университетѣ, и мое изученіе русской литературы при помощи библіотеки Смирдина нашло примѣненіе въ моей работѣ съ диссертаціей. Извѣстно, что библіотечныя занятія очень развиваютъ библіографическую память, и я въ это время владѣлъ уже значительнымъ запасомъ свѣдѣній по старой

и новой русской литературѣ. Оказалось, что этому не былъ чуждъ и Михайловъ. Не могу теперь припомнить, что̀ его навело на эти интересы, но замѣчу, что именно въ это время разысканія въ старой литературѣ занимали цѣлую группу молодыхъ людей (отчасти будущихъ ученыхъ) въ Петербургѣ и Москвѣ. Нѣсколько позднѣе, къ концу пятидесятыхъ годовъ, надъ этой, такъ называемой, библіографіей немало подшучивали, — напримѣръ Добролюбовъ, который одно стихотвореніе въ „Свисткѣ“ снабдилъ цѣлой массой подобныхъ библіографическихъ примѣчаній, остроумно-шутовскихъ; а въ послѣднее время г. Венгеровъ, самъ весьма прикосновенный къ этому дѣлу, также отзывался о „библіографахъ“ пятидесятыхъ годовъ нѣсколько свысока. Въ дѣйствительности дѣло обстояло не такъ просто и заключалось не въ одной случайной охотѣ къ литературному антикварству, къ отыскиванію книжныхъ курьёзовъ, раскрытію старинныхъ псевдонимовъ и т. п. Почти сплошь эти новые антиквары были тогда молодые люди съ большой любознательностью къ литературной исторіи, и ихъ работы въ этомъ новомъ направленіи были вовсе не случайны и не произвольны. Надо вспомнить, во-первыхъ, что это время, конецъ сороковыхъ и первые пятидесятые годы, было однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ періодовъ, какіе переживала русская литература. Выше я упоминалъ, что цензурный гнетъ, усиленный тогда „негласнымъ комитетомъ“, особой цензурной инквизиціей, небезопасной и для писателей, и для самихъ цензоровъ, доходилъ иногда до послѣднихъ предѣловъ; невольно приходилось направлять работу на детальныя изслѣдованія, которыя не рисковали бы цензурнымъ истребленіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, эти детальныя разысканія открывали немало интереснаго и исторически важнаго: а именно, прежняя художественно-историческая критика выдѣлила изъ старой литературы восемнадцатаго вѣка и начала девятнадцатаго то немногое, что̀ съ ея точки зрѣнія представляло художественный прогрессъ, подготовившій впервые настоящую русскую литературу, — основателемъ ея былъ Пушкинъ. Но старые писатели, сплошь и рядомъ даже не чувствовавшіе эстетическихъ требованій, внѣ чистой художественности представляли другой интересъ: въ ихъ писаніяхъ проходитъ нагляднымъ образомъ постепенное воспитаніе общества восемнадцатаго вѣка къ воспринятію интересовъ науки, литературы, общественности; изученіе тогдашней литературы могло дать очень скудную жатву въ художественномъ смыслѣ, но могло дать очень много для исторіи общественныхъ настроеній, нравовъ... Когда Бѣлин-

скій умеръ, его друзьямъ привелось сказать жестокія, печальныя слова: „благо Бѣлинскому, онъ умеръ вô-время“! Дѣйствительно, ему нéчего было бы говорить, или, вѣрнѣе, его судьба была бы трагическая. Его дѣло, возбужденіе общества къ самосознанію путемъ принципіальнаго изслѣдованія современной литературы, должно было на время остановиться; но его опредѣленіе старой литературы должно было быть дополнено изученіемъ другой стороны литературнаго развитія, которая была оставлена имъ безъ вниманія, какъ не входившая въ его прямую задачу. И это дополненіе брала на себя группа новыхъ изслѣдователей. Что это былъ органическій и жизненный интересъ, можно видѣть уже изъ того, что въ новомъ поколѣніи онъ выросталъ самъ собою, безъ чьего-либо указанія или руководства, въ отдѣльныхъ лицахъ, которыя приступали къ дѣлу съ различныхъ сторонъ; только послѣ эти люди сближались, не составивъ, однако, никогда какого-нибудь кружка.

Нѣчто подобное я встрѣтилъ уже у Михайлова, одного изъ первыхъ моихъ литературныхъ знакомыхъ, тогда, впрочемъ, только-что начинавшаго свою литературную дѣятельность. Помнится, черезъ него я познакомился съ его землякомъ уфимскимъ или оренбургскимъ—Петромъ Петровичемъ Пекарскимъ. Михайловъ интересовался тогда литературой восемнадцатаго вѣка, въ которой и я пребывалъ по случаю своей студенческой диссертаціи. Пекарскій также интересовался старой литературой; нѣсколько позднѣе онъ познакомился съ Н. Г., съ которымъ мы жили тогда вмѣстѣ, и такимъ путемъ появились его первыя работы въ „Современникѣ“. Около того же времени, въ 1853 или 1854 г., я познакомился съ Тихонравовымъ: онъ кончилъ курсъ въ московскомъ университетѣ въ одинъ годъ со мной и пріѣзжалъ въ Петербургъ для работъ по біографическому словарю, который въ это самое время готовился къ предстоявшей въ 1855 году сотой годовщинѣ основанія московскаго университета. Составленіе исторіи университета и редакція біографическаго словаря были поручены Шевыреву; послѣдній очень цѣнилъ своего талантливаго ученика, и такъ какъ работа была спѣшная, то онъ заваливалъ Тихонравова работами-біографіями и всякаго рода историческими справками, — это собираніе детальныхъ фактовъ, въ которыхъ нерѣдко открывались характерныя черты времени, становилось невольно привычною чертою научной работы. Къ тѣмъ же интересамъ обратился съ другой стороны писатель болѣе старшаго поколѣнія, чѣмъ всѣ мы, съ которымъ я около того же времени познакомился въ Москвѣ: это былъ Александръ

Николаевичъ Аѳанасьевъ, который въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, уже при новыхъ, нѣсколько благопріятныхъ условіяхъ, началъ издавать „Библіографическія Записки". На томъ же библіографическомъ поприщѣ явились тогда Геннади,—кажется, богатый человѣкъ, для котораго библіографія была нѣчто вродѣ спорта; Викторъ Павловичъ Гаевскій, который, не рѣшившись приступить къ Пушкину, косвенно изучалъ его самого и его дружескій кругъ на баронѣ Дельвигѣ; въ „Библіографическихъ Запискахъ" Аѳанасьева появились первые труды Д. Ѳ. Кобеко, съ такими же детальными поисками въ старой литературѣ и проч.

Другой кружокъ людей отчасти съ педагогическими, а главное съ литературными интересами, я встрѣтилъ у очень извѣстнаго тогда Введенскаго, Иринарха Ивановича. Одинъ изъ наиболѣе выдающихся педагоговъ въ области военно-учебныхъ заведеній, котораго очень цѣнилъ Як. И. Ростовцевъ, управлявшій тогда этими заведеніями (онъ далъ Введенскому особое положеніе, назначивъ его, по тогдашнему, „наставникомъ-наблюдателемъ", т.-е. руководителемъ и инспекторомъ преподаванія по русскому языку и словесности), Введенскій былъ очень извѣстенъ и въ литературныхъ кругахъ, какъ замѣчательный переводчикъ Диккенса. Впослѣдствіи, долго спустя, говорили, что переводы Введенскаго не отличались большой точностью,—другими словами, онъ за мелочной точностью не гнался, но живой разсказъ Диккенса онъ умѣлъ передавать живымъ разсказомъ русскимъ, и это, конечно, было немалымъ достоинствомъ и прямо свидѣтельствовало о его литературномъ дарованіи. Съ Введенскимъ познакомилъ меня Н. Г., знавшій его раньше отчасти какъ земляка,—и я потомъ почти не пропускалъ его пятницъ, на которыхъ всегда собирался кружокъ преподавателей и литераторовъ. Введенскій былъ дѣйствительно человѣкъ интересный: онъ происходилъ изъ духовнаго званія, прошелъ семинарію, побывалъ, кажется, въ московской духовной академіи и университетѣ, жилъ одно время у Погодина (кажется, въ роли репетитора въ его пансіонѣ), о которомъ сохранилъ не весьма благополучную память. Въ литературныхъ вопросахъ онъ (какъ тогдашнее большинство) былъ самоучкой, но у него была большая начитанность,—особенно, кажется, во французской и англійской литературѣ,—и кромѣ вопросовъ литературныхъ его очень занимали и вопросы общественные. Собиравшаяся у него публика приносила съ разныхъ концовъ Петербурга новости подобнаго характера и новости литературныя; въ разговорахъ вспоминалось недавнее прошлое, разгромъ кружка Петрашевскаго, въ которомъ бывали и люди знакомые; симпатіи были

несомнѣнно къ широкому развитію литературы; анекдоты о дѣйствовавшемъ тогда негласномъ комитетѣ указывали невозможное положеніе вещей; въ параллель къ нимъ шли разсказы о разныхъ случаяхъ въ тогдашней общественной жизни. Несмотря на покровительство Ростовцева, Введенскій имѣлъ все-таки репутацію человѣка либеральнаго образа мыслей. Около этого времени (не помню съ точностью годовъ; я былъ еще, кажется, въ университетѣ) открылась вакансія на каѳедру русской словесности въ университетѣ,—вѣроятно, по выходѣ изъ университета Плетнева; рѣшено было назначить на каѳедру конкурсъ; вѣроятно, конкурренты должны были указать свои ученые труды, а кромѣ того они должны были прочитать пробную лекцію. Этому послѣднему я былъ свидѣтелемъ. Конкуррентовъ было трое: М. И. Сухомлиновъ, Введенскій и нѣкто Тимоѳеевъ; лекція была прочитана въ большой аудиторіи въ присутствіи факультета и при большой массѣ слушателей-студентовъ. Лекція Сухомлинова была очень гладкая, съ нѣкоторыми оригинальностями; лекція Тимоѳеева была слабая; но самое сильное впечатлѣніе оставила лекція Введенскаго. Здѣсь я единственный разъ видѣлъ его на каѳедрѣ. Это была крѣпкая, нѣсколько грубоватая фигура, съ громкимъ голосомъ, съ ясной, почти рѣзкой манерой говорить и съ довольно опредѣленнымъ общественнымъ взглядомъ, который можно было бы назвать демократическимъ, или, по позднѣйшему, народническимъ. Не знаю, по какому мотиву, можетъ быть вслѣдствіе непривычности случая и новой аудиторіи, Введенскій, чтобы рѣзче указать свою мысль, отмѣтилъ, что энергія дѣятельности Ломоносова имѣла источникомъ то, что онъ былъ „мужикъ“, и это слово для большей выразительности было подкрѣплено довольно звучнымъ ударомъ кулака по каѳедрѣ. Мы тогда же подумали, что этотъ ораторскій пріемъ,—вѣроятно происходившій отъ простой неловкости,—перепугаетъ факультетское начальство и сдѣлаетъ кандидатуру Введенскаго невозможной. Такъ это и случилось. Каѳедра была предоставлена Сухомлинову... Какъ педагогъ, Введенскій пользовался большимъ авторитетомъ и любовью у своихъ питомцевъ. Послѣдніе годы жизни онъ совсѣмъ потерялъ зрѣніе, но нѣкоторое время не прекращалъ своихъ уроковъ: его приводили въ классъ, и онъ слѣпой давалъ свои уроки или лекціи. Сколько припоминаю, онъ, вѣроятно, очень расширилъ и осмыслилъ преподаваніе словесности; между прочимъ онъ вводилъ до нѣкоторой степени знакомство съ западно-европейской литературой. У него я встрѣчалъ тогдашнихъ педагоговъ и начинавшихъ писателей,

напримѣръ В. Кеневича, Г. Е. Благосвѣтлова, уже тогда человѣка рѣшительныхъ мнѣній, А. П. Милюкова и другихъ. Кругъ Введенскаго былъ не единственный, гдѣ собирались люди съ литературными интересами; какъ я упоминалъ, здѣсь очень хорошо знали и близко принимали къ сердцу недавніе литературные погромы—ссылку Салтыкова, исторію Петрашевскаго, дѣянія тогдашней цензуры и III-го Отдѣленія, но, въ общемъ, настроеніе того времени, первыхъ пятидесятыхъ годовъ, не было похоже ни на философскіе кружки тридцатыхъ, сороковыхъ годовъ (когда, между прочимъ, возникало славянофильство и „западничество"), ни на соціалистическія увлеченія друзей Петрашевскаго. Настроеніе было вообще, что называется, либеральное, но занимали не вопросы отвлеченные (какъ философія Гегеля или самый соціализмъ), а вопросы ближайшей дѣйствительности. Господствовало сознаніе тягостнаго положенія литературы, т.-е. умственнаго и нравственнаго состоянія общества и ожиданіе какого-нибудь исхода.

Современныя событія дѣлали это настроеніе тѣмъ болѣе напряженнымъ и тревожнымъ: европейскія событія 1848 и 1849 годовъ,—которыя, между прочимъ, встревожили и русское правительство, и побудили его къ различнымъ репрессивнымъ мѣрамъ, какъ выше упомянуто, — очевидно, не могли имѣть въ русской жизни ни малѣйшаго реальнаго отголоска; но они не могли не имѣть очень сильнаго отголоска теоретическаго. Эти событія указывали въ европейскихъ странахъ процессъ политическаго развитія, который наглядно представлялъ общественные идеалы—стремленіе къ общественной свободѣ въ ея различныхъ сторонахъ и проявленіяхъ. Но скажу опять, интересъ былъ чисто теоретическій: русская жизнь была такъ близка, такъ очевидны были господство бюрократіи, безучастность, т.-е. невѣжество громаднаго большинства въ обществѣ, и крѣпостное право, тяготѣвшее надъ массою народа, что невозможно было помышленіе о какомъ-нибудь скоромъ измѣненіи этого порядка вещей; присутствія этихъ условій нельзя было забыть, они каждую минуту напоминали о себѣ, но у людей съ пробудившеюся мыслью не могло уже быть сомнѣнія въ ненормальности такого порядка вещей, не только для просвѣщенной части общества, но для всего народа, для самого государства. Случились событія, которыя взволновали цѣлую массу общества и дали сильный толчокъ указанному здѣсь настроенію,—пробудивъ въ общественной массѣ потребность сознать положеніе вещей...

Началась крымская война.

Понятно само собою, что объявленіе войны отозвалось силь-

нымъ возбужденіемъ и порывами патріотическаго чувства. Всѣ слѣдили съ величайшимъ интересомъ за извѣстіями, приходившими изъ хотя бы урѣзанныхъ иностранныхъ газетъ, изъ оффиціальныхъ извѣщеній правительства, которыя дополнялись множествомъ разнородныхъ слуховъ. Военныя дѣйствія начались на Дунаѣ— это были пока привычныя встрѣчи съ турками; ожидались и бывали побѣды, — но впереди предстояло еще другое, именно нападеніе „англо-французовъ". Дѣйствительно, передъ Кронштадтомъ появился англійскій флотъ: петербургскіе жители отправлялись на пароходахъ въ Кронштадтъ, чтобы увидѣть вдали линію англійскихъ кораблей; однажды и я видѣлъ эту линію. Около Петербурга дѣлали военныя сооруженія; самый городъ былъ раздѣленъ на военные участки, въ виду возможности какихъ-либо военныхъ событій. Какъ извѣстно, на Балтійскомъ морѣ не случилось ничего особеннаго: „англо-французы" завладѣли небольшимъ флотомъ въ Бомарзундѣ (впослѣдствіи, въ 1858 г., я видѣлъ въ музеѣ Cluny нѣкоторые трофеи этой „побѣды" въ видѣ иконъ, взятыхъ французами въ Бомарзундѣ); флотъ ихъ ловилъ чухонскія лайбы, что̀ дало поводъ сочинить мнимо-чухонскую пѣсню о такихъ подвигахъ, очень тогда популярную; англичане нашли нужнымъ осаждать Соловецкій монастырь, неизвѣстно зачѣмъ; совершали какія-то нападенія въ Камчаткѣ... Англичанамъ вообще не придавали тогда военнаго значенія, и было очень распространено стихотвореніе (авторъ его, кажется, остался неизвѣстенъ), начинавшееся такъ:

„Вотъ въ воинственномъ азартѣ
Воевода Пальмерстонъ
Поражаетъ Русь на картѣ
Указательнымъ перстомъ", и т. д.

Но вскорѣ пошли болѣе тревожныя извѣстія—о крымской экспедиціи. Здѣсь, очевидно, должно было произойти нѣчто болѣе серьезное. Были отозваны русскія войска съ Дуная.

Для тѣхъ, кто слѣдилъ тогда за политическими событіями, было понятно, что война должна была служить политическимъ планамъ Наполеона III-го. Извѣстна была исторія переворота „второго декабря", въ которой личность новѣйшаго французскаго императора обрисовалась достаточно; извѣстно было и отношеніе къ нему русскаго правительства; извѣстно было посольство князя Меньшикова въ Константинополь и т. д. Крымская экспедиція, въ которой главную роль играли французы и весьма второстепенную, иногда мизерную роль играли англичане, турки,

наконецъ, итальянцы,—очевидно, должна была принести ту „славу", которою Наполеонъ III желалъ замазать неблаговидное вступленіе на престолъ и отомстить за пренебреженіе, оказанное русскимъ правительствомъ. Во главѣ французской арміи поставленъ былъ маршалъ Сентъ-Арно, оказавшій услуги въ переворотѣ 2-го декабря... Надо было ожидать серьезнаго столкновенія. Событія крымской войны извѣстны. Довольно сказать, что свѣдѣнія, приходившія съ театра войны и сообщаемыя оффиціально, а также и всякіе слухи, совсѣмъ не попадавшіе въ печать, встрѣчались съ лихорадочнымъ любопытствомъ. Вначалѣ думали, что дѣло обойдется чѣмъ-нибудь неважнымъ, но настроеніе начинало становиться болѣе тревожнымъ, когда пошли извѣстія объ англо-французской армадѣ, предназначенной идти въ Черное море. Высадка произошла у Евпаторіи, гдѣ, кажется, ее не совсѣмъ ожидали; затѣмъ началось движеніе англо-французовъ къ Севастополю; чѣмъ дальше, тѣмъ тревожнѣе становились слухи. Какъ обыкновенно бывало, оффиціальныя реляціи не внушали довѣрія. Десятки лѣтъ господствовала система оффиціальныхъ заявленій, что все обстоитъ благополучно, хотя въ дѣйствительности благополучно было не все. Такъ и здѣсь недоставало духу говорить всю правду—съ одной стороны, по данному пріему, прикрашивать положеніе вещей исходило, вѣроятно, изъ желанія не тревожить общественное мнѣніе, быть можетъ въ надеждѣ, что дальнѣйшія событія будутъ благопріятнѣе. Но на дѣлѣ происходило то, чего оффиціальный міръ, вѣроятно, не ожидалъ: слишкомъ искусственнымъ реляціямъ прямо не вѣрили и, напротивъ, ждали именно частныхъ свѣдѣній, которыя дѣйствительно приходили въ письмахъ изъ арміи, въ разсказахъ лицъ, бывавшихъ на мѣстѣ, наконецъ изъ оффиціальныхъ извѣстій секретныхъ. Что общество было право въ своемъ недовѣріи, въ этомъ можно убѣдиться и теперь. Довольно сличить тогдашнія газетныя извѣстія по оффиціальнымъ указаніямъ съ тѣмъ, что̀ мы знаемъ теперь изъ современныхъ мемуаровъ, писемъ и т. п. Настроеніе общества, насколько достигаютъ мои воспоминанія, было очень серьезное. Со времени высадки въ Евпаторіи до тѣхъ поръ, когда союзники обложили Севастополь съ юга и съ моря, приходили одно за другимъ свѣдѣнія весьма удручающія: одно пораженіе слѣдовало за другимъ. Какъ шли эти сраженія, какъ шла осада Севастополя, теперь извѣстно до большихъ подробностей. Было потрачено много истинно геройскаго мужества, были отдѣльные славные подвиги, съ великимъ искусствомъ велась инженерная война,—но все больше и больше

общество угадывало самую сущность дѣла: при всѣхъ достоинствахъ самой арміи, которыя были достоинствомъ людей, все больше укрѣплялось убѣжденіе, что администрація арміи была очень плохая: армія была дурно вооружена; ходили разсказы о томъ, какъ сами солдаты объясняли трудность дѣла, когда у нихъ были ружья „казенныя“, а у непріятеля „аглицкія“,— разница въ дальности боя была невообразимая; ходили разсказы о несчастномъ курскомъ ополченіи, которое выходило съ топорами противъ дальнобойныхъ орудій; дальше, не было благоустройства ни въ провіантской части, ни въ лазаретной; не было наконецъ путей сообщенія. Въ Петербургѣ особенно бросалась въ глаза эта разница между положеніемъ арміи въ боевомъ дѣлѣ и блестящими парадами, на которые тратилось въ прежнее время столько заботы. Армія была любимое дѣтище государства; это была какъ бы привилегированная служба, но оказывалось, что за внѣшнимъ блескомъ, за строевой выправкой не было помышленія о томъ, чтобы снабдить эту армію дѣйствительными средствами при возможной борьбѣ—вооруженіемъ, которое по крайней мѣрѣ равнялось бы вооруженію непріятеля, какими-нибудь сносными путями сообщенія и т. д. Оказывалось, что здѣсь далеко не все обстояло благополучно,—между тѣмъ эта область государственнаго дѣла еще болѣе, чѣмъ какая-либо другая, почти абсолютно была закрыта отъ какого-либо вмѣшательства общественнаго мнѣнія. Вспоминалось невольно, что и въ другихъ областяхъ государственнаго дѣла точно также не допускалось ни малѣйшаго участія общественнаго мнѣнія. Въ концѣ-концовъ, подъ вліяніемъ все новыхъ фактовъ военной и гражданской жизни, въ обществѣ возникалъ общій вопросъ о положеніи вещей; созрѣвало убѣжденіе, что старая административная система идетъ къ банкротству. Въ общественномъ мнѣніи шла глухая борьба. Для одной стороны упомянутое банкротство было очевидно; но были, конечно, именно въ средѣ старыхъ администраторовъ упорные защитники этой старой системы, необходимость которой объясняема была „духомъ народа“ (т.-е. крѣпостного), невозможностью сдѣлать все „вдругъ“,—хотя духъ народа установлялся, вѣрнѣе, искажался этими самыми учрежденіями, и хотя для исправленія недочетовъ было много времени раньше. Какъ обыкновенно бываетъ, въ этихъ спорахъ и перекорахъ, резоны хорошенько не выслушивались и аргументація защитниковъ старой системы слишкомъ часто была мало удовлетворительна. Въ качествѣ аргумента приводилась и самая осада Севастополя. Эти славные подвиги его защитниковъ счи-

тались заслугою старой системы; не хотѣли видѣть, что въ подвигахъ этихъ защитниковъ говорила уже не жалкая система, а именно то горячее чувство преданности родинѣ, которое воспламеняло людей—не благодаря этой системѣ, а—несмотря на нее и наперекоръ ей...

Такимъ образомъ, несомнѣнно начинавшійся споръ двухъ сторонъ общественнаго мнѣнія переходилъ и на тотъ жгучій вопросъ, какимъ была крымская война. Блистательной защитой Севастополя, на которую положено было столько героизма и національнаго самоотверженія, хотѣли воспользоваться для защиты тѣхъ политическихъ началъ, которыя были настоящимъ бѣдствіемъ національной жизни. До чего доходило возбужденіе, можно судить по одному факту, который сохранился въ моей памяти и который можетъ представиться чудовищнымъ, если не вспомнить того, что̀ мы говорили о крайнемъ возбужденіи, тогда господствовавшемъ. Приходили послѣдніе дни Севастополя. Помню, какъ общество поняло предстоящее паденіе изъ оффиціальной телеграммы (другихъ не было), явившейся въ газетахъ: „наши верки страдаютъ“,—это было предупрежденіе, что они не выдержатъ. Въ это время мы узнали о паденіи Севастополя отъ одного изъ нашихъ пріятелей, который, находясь на службѣ въ министерствѣ финансовъ, имѣлъ случай слышать извѣстія, еще не попадавшія или совсѣмъ не попавшія въ печать. „Севастополь взятъ“,—сообщилъ онъ намъ со страннымъ выраженіемъ огорченія за большое національное дѣло и вмѣстѣ радости—что отпадаетъ послѣдняя опора, которою пользовались защитники стараго порядка.

Дѣйствительно, старому порядку съ паденіемъ Севастополя нанесенъ былъ серьезный ударъ. Несмотря на множество отдѣльныхъ случаевъ высокаго мужества и самоотверженія, весь ходъ войны былъ рядомъ разнообразныхъ неудачъ, прямо оскорблявшихъ чувство національнаго достоинства, и общественная мысль невольно искала причинъ. Само собою являлось соображеніе, что главнѣйшею причиной былъ цѣлый режимъ, основанный на безграничномъ бюрократизмѣ, который все хотѣлъ вершать самъ, съ полнымъ пренебреженіемъ не только къ обществу, которому нельзя было сказать живого слова (за этимъ смотрѣли во всѣ глаза цензура и негласный комитетъ), но и къ достоинству самой націи (бюрократизмъ строго поддерживалъ крѣпостное право, т.-е. держалъ цѣлые милліоны народа въ настоящемъ рабствѣ); наконецъ, онъ держалъ въ заблужденіи и невѣдѣніи настоящаго положенія вещей самую верховную власть извѣстнымъ

утвержденіемъ, что „все обстоитъ благополучно". Война показала, что далеко не все было благополучно: войско было дурно вооружено, дурно снабжено провіантомъ, должно было двигаться по дурнымъ дорогамъ; раненые попадали въ дурно до невозможности устроенные лазареты, и т. д., и т. д. Достовѣрныя извѣстія, приходившія съ мѣста, изображали тяжелыя картины, на которыя не было даже намека въ извѣстіяхъ оффиціальныхъ. Такъ не привыкли говорить всю правду въ оффиціальныхъ отчетахъ, что не могли переломить этой ужасной привычки и въ суровыя минуты бѣдствія,—не понимали, что слово правды въ такія минуты могло произвести новое, могущественное возбужденіе національнаго чувства, еслибы въ томъ была надобность. Положеніе было таково, что это чувство, несомнѣнно одушевлявшее всю массу общества, должно было таиться и скрываться, потому что оно не отвѣчало оффиціальной реляціи... Понятно, что въ эту минуту въ обществѣ шло чрезвычайно сложное броженіе—крайняго недовольства прошедшимъ и все болѣе укрѣплявшагося убѣжденія, что впредь государственное дѣло не можетъ, не должно идти такъ, какъ оно шло до сихъ поръ... Однимъ изъ яркихъ выраженій тогдашняго настроенія было стихотвореніе, ходившее тогда по рукамъ и впослѣдствіи, кажется, напечатанное Герценомъ въ „Голосахъ изъ Россіи", гдѣ съ большою силою изображенъ былъ упомянутый бюрократическій режимъ: „Меня поставилъ Богъ надъ русскою землею"—и т. д.

Смерть императора Николая была окружена легендарными слухами—въ общемъ тонѣ тревожнаго настроенія и тревожныхъ ожиданій. Было сильно распространено убѣжденіе, что долженъ наступить новый порядокъ вещей. Событія показали, что общество не ошиблось въ своихъ ожиданіяхъ.

Я, кажется, говорилъ выше, что въ тѣ годы была чрезвычайно распространена цѣлая рукописная литература, которая не думала обращаться къ цензурѣ за разрѣшеніемъ и обходилась безъ нея. Это было естественное желаніе сказать, наконецъ, живое слово о томъ, что̀ совершалось въ государствѣ и народной жизни, естественная потребность высказать правду, которая не могла быть сказана въ литературѣ подъ цензурнымъ присмотромъ, и которая не находила также мѣста и въ литературѣ оффиціальныхъ бумагъ. Понятно, что общество съ особеннымъ, острымъ любопытствомъ бросалось на эти разнообразныя записки, гдѣ говорилось о разныхъ дѣйствительно серьезныхъ и

крупныхъ вопросахъ государственной и народной жизни, начиная отъ вопроса крестьянскаго до суда, цензуры, администраціи, полиціи, до разсказовъ объ отдѣльныхъ событіяхъ, бросавшихся въ глаза по противорѣчію административныхъ мѣропріятій съ чувствомъ справедливости или просто здравымъ смысломъ. Пошли въ ходъ, наконецъ, и документы историческіе—разсказы о дворцовыхъ переворотахъ восемнадцатаго вѣка, о воцареніи Екатерины II, о вступленіи на престолъ Павла, записки декабристовъ и т. п. Помнится мнѣ ѣдкая записка о цензурѣ, ходившая съ именемъ Погодина, наглядное изображеніе хожденія бумагъ отъ низшей инстанціи до высшей и обратно, замѣчательная записка о положеніи внутренней жизни Россіи, ходившая съ именемъ Грановскаго; снова вспомнилось письмо Бѣлинскаго къ Гоголю и пр.

Возвращаюсь къ своимъ личнымъ дѣламъ. Въ это самое время я въ первый разъ познакомился съ литературными кругами, сначала, помнится, „Отечественныхъ Записокъ", т.-е. Краевскаго, потомъ „Современника". Съ Краевскимъ я познакомился, сколько помню, черезъ своихъ библіографическихъ друзей, которые думали, что можно было помѣстить въ „Отечественныхъ Запискахъ" мою университетскую диссертацію или какой-нибудь эпизодъ изъ нея. Цѣлое сочиненіе я считалъ неудобнымъ для журнала; это потребовало бы, чтобы представить интересъ, еще много работы, и я выбралъ эпизодъ, который въ то время представлялъ извѣстную новизну, а именно эпизодъ о писателѣ XVIII столѣтія Лукинѣ, и эта статья была напечатана въ „Отечественныхъ Запискахъ" 1854 г. Впослѣдствіи здѣсь появились отдѣльными статьями нѣкоторыя мои работы совсѣмъ иного рода, а именно: я уже задумывалъ тогда другую работу, которая могла бы стать моей диссертаціей магистерской. Отъ XVIII вѣка я перешелъ къ старинѣ, гдѣ мое вниманіе привлекли памятники до тѣхъ поръ почти не тронутые и неизвѣстные, тѣ памятники, въ которыхъ выражались поэтическіе интересы древней письменности. Это были, напримѣръ, статьи объ очень извѣстной теперь древне-русской сказкѣ объ Акирѣ Премудромъ изъ „Тысячи и одной ночи"; о такъ называемой „Александріи", фантастической исторіи Александра Македонскаго; едва ли не въ первый разъ мнѣ привелось затронуть древнюю литературу апокрифическихъ или, по старинному, „отреченныхъ" сказаній и передать, напримѣръ, не разъ потомъ изданное (мною и другими) очень поэтическое сказаніе о хожденіи Богородицы по мукамъ и т. п.

Въ октябрѣ 1903 г.—Въ другомъ мѣстѣ [1]) я упомянулъ о томъ, какъ раздражился, напримѣръ, Григоровичъ, который порядочно грубо и весьма неумно „вывелъ“ Н. Г. въ повѣстушкѣ, которую тогда же напечаталъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“. Только послѣ онъ познакомился съ нимъ ближе и, сколько помню, пожалѣлъ, что написалъ эту пошлость. Долженъ былъ, вѣроятно, узнать себя и Дружининъ: онъ былъ умнѣе Григоровича и не отвѣчалъ на шутку; но, какъ видно изъ переписки Тургенева, изданной впослѣдствіи, друзья были единодушны во враждебномъ отношеніи къ „новому направленію“, и вскорѣ оппозиція этому направленію“ должна была найти мѣсто въ „Библіотекѣ для Чтенія“, которой Дружининъ вскорѣ сдѣлался редакторомъ. Тургеневъ именно думалъ, что ихъ старый кругъ долженъ выставить и защищать „Пушкинское“ направленіе *противъ* „Гоголевскаго“. Изъ этого противоположенія можно заключать о вкусахъ, а также о томъ, какъ въ ту минуту странно представлялись друзьямъ общественныя отношенія литературы: они не чувствовали, что оба „направленія“ были тѣсно и органически связаны другъ съ другомъ, и что въ этой органической связи и былъ именно залогъ дальнѣйшаго развитія литературы.

Но еще болѣе сильную вражду въ кружкѣ старыхъ друзей, и всего больше, кажется, самого Тургенева, возбудилъ Добролюбовъ.

Скажу, впрочемъ, раньше, когда и какъ я въ первый разъ узналъ Добролюбова.

По окончаніи своего курса въ университетѣ, Н. Г. пробылъ около года, кажется, въ Петербургѣ, потомъ уѣхалъ въ Саратовъ, гдѣ взялъ мѣсто учителя гимназіи,—для того, конечно, чтобы доставить удовольствіе своимъ родителямъ. Въ Саратовѣ онъ пробылъ года два. Тамъ онъ сталъ замѣтнымъ лицомъ въ небольшомъ кружкѣ образованныхъ людей и, между прочимъ, особенно сблизился съ Костомаровымъ. Они видались постоянно; это были люди одинаковаго научнаго уровня, что въ провинціи не легко было встрѣтить; Н. Г. могъ вполнѣ оцѣнить начатыя тогда работы Костомарова, которыя вскорѣ потомъ явились въ печати—„Хмельницкій“ въ „Отечественныхъ Запискахъ“, и „Очеркъ жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ“ въ „Современникѣ“. Чернышевскій очень высоко ставилъ труды Костомарова и сравнивалъ ихъ съ произведеніями знаменитаго Тьерри. По характерамъ они не очень сходились; у

[1]) Объ отношеніяхъ автора къ „Современнику“ и Некрасову см. статьи о Некрасовѣ, „Вѣстн. Европы“, 1903, ноябрь—декабрь;—главу: „Нѣсколько воспоминаній“ въ книгѣ о Некрасовѣ.

Костомарова бывали странности, бывало, например̀ъ, соединеніе вкусовъ мистическихъ и рядомъ скептическаго реализма; бывали капризы и немалыя угловатости характера (иногда очень рѣзкія), которые Чернышевскому нравиться не могли; послѣднія онъ, вѣроятно, приписывалъ извѣстному нервному возбужденію... Въ гимназіи, какъ преподаватель русской словесности, Ч—ій чрезвычайно привлекъ къ себѣ своихъ учениковъ именно старшихъ классовъ. Онъ объяснялъ имъ значеніе литературы; богатая память давала ему возможность иллюстрировать преподаваніе интересными отрывками русской поэзіи. Нѣкоторые изъ его учениковъ, кончивъ курсъ, поступили въ педагогическій институтъ въ Петербургѣ и явились къ нему, когда и самъ онъ, послѣ женитьбы въ Саратовѣ, переселился въ Петербургъ и окончательно отдался литературѣ. Эти старые ученики-земляки приходили къ нему по воскресеньямъ, когда были отпускаемы изъ института, и приводили съ собой товарищей, которымъ успѣли передать свои большія симпатіи къ прежнему учителю, у котораго образовывалось уже и литературное имя. Собирался небольшой кружокъ, гдѣ бесѣда въ концѣ концовъ становилась разсказами Ч—го по русской исторіи и литературѣ. Для молодыхъ людей это было желанное дополненіе къ ихъ курсу литературы, гдѣ, по старому обычаю, о новомъ времени совсѣмъ не говорилось, и если случайно поминалось имя Бѣлинскаго, то вѣроятно съ строгимъ осужденіемъ. Здѣсь, напротивъ, раскрывалась передъ ними именно новѣйшая судьба литературы, переходившая ея настоящее. Понятно, что тѣ мысли, которыя Чернышевскій развивалъ въ своихъ статьяхъ въ „Современникѣ“, здѣсь подтверждались наглядными фактами. Этотъ кружокъ молодыхъ людей, безъ сомнѣнія, и основалъ большую популярность Чернышевскаго въ кружкахъ молодежи, которая съ великимъ интересомъ перечитывала его статьи.

Выше говорено, что время было очень оживленное. Въ историческихъ замѣткахъ о томъ времени, какія уже въ значительномъ количествѣ начинаютъ появляться въ литературѣ, можно видѣть, какъ въ обществѣ и, повидимому, въ самомъ правительствѣ сплетались самыя разнородныя настроенія, въ которыхъ смѣшивались и консервативная боязнь новизны, и настоятельная необходимость вступить на новый путь. Самымъ крупнымъ и по истинѣ великимъ дѣломъ того времени, была рѣшимость поставить вопросъ объ освобожденіи крестьянъ; но извѣстно, какъ и здѣсь старались о томъ, чтобы вопросъ, если возможно, оставался только въ вѣдѣніи правительственныхъ сферъ и оффи-

ціальныхъ обсужденій. Слишкомъ сильна была цѣлыми вѣками пріобрѣтенная привычка не допускать общества къ разсужденію о подобныхъ предметахъ,—оттого такъ и распространились тогда разнаго рода записки о вопросахъ нашей внутренней жизни, ходившія въ рукописяхъ, и авторы которыхъ и не помышляли объ ихъ напечатаніи, хотя записки ходили въ большомъ количествѣ и могли быть безъ особеннаго труда добыты каждымъ, кто желалъ... Эта боязнь печатнаго слова и какого-нибудь голоса общественнаго мнѣнія доходила до того, что въ разгаръ крымской войны, когда любопытство къ совершающимся событіямъ было крайне напряжено среди цѣлаго общества, даже среди цѣлаго народа, въ обращеніи были однѣ оффиціальныя реляціи, и я помню, что редакція „Современника“ должна была предпринять особенныя хлопоты, чтобы въ журналѣ разрѣшено было дѣлать обзоръ этихъ событій хотя по тѣмъ же реляціямъ. Большою новостью явились тогда статьи Сокальскаго въ какомъ-то одесскомъ изданіи, гдѣ разсказывались нѣкоторые военные эпизоды въ *беллетристической* формѣ. Потомъ, сколько помню, статьи Сокальскаго являлись и въ „Современникѣ“.

Понятно, что при безгласности печати тѣмъ больше трудилась „стоустая молва“. Эта молва бываетъ, какъ извѣстно, всего чаще весьма ненадежнымъ источникомъ свѣдѣній: переходя черезъ сто устъ, фактъ, конечно, перевирается или преувеличивается, но за трудностью провѣрки и при усиленномъ любопытствѣ слухи быстро распространяются и, конечно, участвуютъ въ созданіи того, что̀ называется общественнымъ настроеніемъ. Каждый принимаетъ это согласно съ характеромъ своихъ собственныхъ взглядовъ: одни принимаютъ слухъ съ удовольствіемъ, другіе съ раздраженіемъ, и мало-по-малу, даже „ничего не видя“, какъ говорится, въ обществѣ поддерживаются и даже вновь рождаются „партіи“.

Въ началѣ новаго царствованія еще одно событіе принято было въ обществѣ съ большимъ интересомъ и даже нѣкоторымъ волненіемъ. Это было возвращеніе изъ ссылки множества людей, свидѣтелей прошлаго царствованія: было много декабристовъ, немало людей, сосланныхъ по дѣлу Петрашевскаго, много поляковъ; были и отдѣльныя лица, сосланныя по тому или другому поводу. Эти лица, какъ, напримѣръ, престарѣлые декабристы, возбуждали большой интересъ и сочувствіе. Въ числѣ вернувшихся были затѣмъ большіе писатели, какъ Достоевскій, Салтыковъ, Костомаровъ, Шевченко,—съ ними вступали въ литературу новыя, крупныя силы, и дѣйствительно для этихъ

redivivi открылась именно теперь главная, основная пора ихъ дѣятельности. Старое преданіе соединялось съ новыми порывами общества, и нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ являлся новый факторъ общественнаго сознанія.

Для тѣхъ, у кого сложились уже нѣсколько опредѣленные взгляды на складъ и desiderata русской жизни, этотъ факторъ могъ не имѣть особеннаго значенія, но, безъ сомнѣнія, были интересны личныя встрѣчи.

Кстати упомяну здѣсь объ одной подробности,—чтобы больше къ ней не возвращаться,—которая, между прочимъ, эксплоатировалась реакціонными историками того времени. Въ числѣ возвращенныхъ поляковъ былъ очень извѣстный впослѣдствіи Сѣраковскій; мистическій поэтъ, писавшій подъ псевдонимомъ Антоній Сова. Познакомились они съ Чернышевскимъ очень просто, черезъ кого-то изъ общихъ знакомыхъ. Было еще два-три человѣка пріѣзжихъ поляковъ съ Волыни, сколько помню, прикосновенныхъ къ крестьянскому дѣлу, оффиціально пріѣхавшихъ въ Петербургъ. Сѣраковскій былъ уже немолодой человѣкъ, начитанный во французской литературѣ; по характеру это былъ какъ будто человѣкъ восторженный, но и фантастъ. Онъ состоялъ въ какой-то военной службѣ (кажется, онъ немало работалъ потомъ по вопросу объ уничтоженіи тѣлесныхъ наказаній въ арміи). Помню, что ему была доставлена разъ или два литературная работа въ „Современникѣ“ ради полученія гонорара. Это знакомство не представляло ничего исключительнаго: у Сѣраковскаго вскорѣ было уже много знакомыхъ въ Петербургѣ въ обществѣ польскомъ и русскомъ,—возвращеннымъ ссыльнымъ оказывали гостепріимство, а также удовлетворяли и своему любопытству. Впослѣдствіи различные „патріоты своего отечества“ стали говорить о „польской интригѣ“, проникшей, будто бы, въ журналистику (говорили, будто бы, даже о „переодѣтыхъ полякахъ“), другими словами, пошла въ ходъ простая сплетня, которая, къ сожалѣнію, имѣла успѣхъ въ самихъ административныхъ сферахъ. Въ данномъ случаѣ дѣло было очень просто: отношеніе, напримѣръ, съ Сѣраковскому было простое вниманіе, нѣсколько близкое къ состраданію; никакого вліянія на Н. Г. онъ имѣть не могъ и развѣ только могъ служить примѣромъ политико-исторической фантастики, владѣвшей польскими умами. „Переодѣтые поляки“, вѣроятно, остались Чернышевскимъ очень недовольны. Помню одинъ разговоръ, когда польскіе гости, излагая свои національныя „права“ и предполагая видѣть въ Чернышевскомъ очень либеральнаго человѣка, заявляли извѣстныя

польскія притязанія на сѣверо-западный и юго-западный край, т.-е. на край бѣлорусскій и малорусскій;—имъ, вѣроятно, очень непріятно было встрѣтить у Чернышевскаго совершенное несогласіе съ этимъ взглядомъ, какъ исторически-ошибочнымъ и нравственно несправедливымъ. Ч. стоялъ просто на этнографической точкѣ зрѣнія: на своей землѣ народъ долженъ быть свободенъ и особливо отъ чуженародныхъ господъ, съ которыми уже дѣлила его исторія.

Въ числѣ товарищей, которыхъ приводили къ Чернышевскому знакомиться его бывшіе ученики въ саратовской гимназіи, они привели между прочимъ и Добролюбова. Здѣсь и увидалъ я его въ первый разъ. Это былъ довольно высокій, нѣсколько худощавый юноша въ студенческомъ мундирѣ педагогическаго института, очень сдержанный, мало мѣшавшійся въ разговоръ, но видимо очень наблюдательный. Сближеніе было весьма удобно въ простой домашней обстановкѣ за чайнымъ столомъ и въ дружеской бесѣдѣ. Молодые студенты передавали, конечно, Чернышевскому подробности своего институтскаго быта, и первая статья Добролюбова, авторство котораго на этотъ разъ тщательно скрывалось, была посвящена именно педагогическому институту по поводу его годичнаго отчета. Чернышевскій, конечно, тотчасъ понялъ сильный талантъ Добролюбова, и послѣ первой статьи воздерживалъ его отъ литературнаго труда до окончанія курса, когда бы онъ могъ пріобрѣсти извѣстную независимость. Въ виду этого окончанія курса, первой заботой было обезпечить Добролюбову возможность остаться въ Петербургѣ, гдѣ бы только могла идти его дальнѣйшая работа,—такъ какъ студенты института, по окончаніи курса, обязывались на нѣсколько лѣтъ службой въ качествѣ учителей гимназіи, обыкновенно въ провинціи, откуда нелегко было потомъ вырваться. По окончаніи курса дѣйствительно для Добролюбова устроена была нѣсколько фиктивная учительская служба въ вѣдомствѣ кадетскихъ корпусовъ.

Вскорѣ потомъ мнѣ случилось сдѣлать съ Добролюбовымъ маленькое путешествіе. Вѣроятно, это было въ 1856 г., а можетъ быть и въ 1857-мъ. Я отправлялся на лѣто въ Саратовъ, онъ ѣхалъ въ Нижній къ своимъ. Не помню, былъ ли еще живъ тогда его отецъ, или уже теперь легли на него всѣ домашнія заботы... Мы проѣхали, конечно, въ третьемъ классѣ желѣзной дороги до Твери; тамъ перешли на пароходъ и проплыли вмѣстѣ до Нижняго. Кромѣ насъ былъ еще нѣсколько знакомый юноша, котораго Добролюбовъ, вѣроятно, видывалъ въ нашей семьѣ. Всю дорогу, конечно, шли разговоры, и разные эпизоды пути не

разъ вызывали у Добролюбова стихотворные экспромпты, которые я и просилъ его вписывать въ мою записную книжку, на память этого препровожденія времени. Вѣроятно она у меня цѣла.

Въ Петербургѣ мы видывались нерѣдко,—всего чаще у Чернышевскихъ, съ которыми я жилъ тогда вмѣстѣ; встрѣчались изрѣдка у Некрасова. Случалось мнѣ бывать у него, помню, въ небольшой квартирѣ въ домѣ у Аничкова моста, по другую сторону Фонтанки. Квартира была очень скромная, почти бѣдная, по студенческому образцу. Позднѣе для него устроили другую квартиру въ томъ же домѣ, гдѣ жилъ Некрасовъ; это было опять небольшое помѣщеніе, имѣвшее то удобство, что оно было рядомъ, раздѣляясь отъ Некрасова одной общей черной лѣстницей, и Добролюбову можно было обойтись безъ кухмистерскихъ обѣдовъ, потому что онъ обѣдалъ у Некрасова. У него замѣчали уже болѣзненность, конечно, большую непрактичность — при той страстной ревности къ работѣ, которая его тогда и послѣ увлекала, несмотря на всѣ убѣжденія близкихъ людей, опасавшихся слишкомъ большого утомленія. Дѣйствительно, эта ревность къ работѣ была у Добролюбова необычайна. Приведу одинъ примѣръ. Въ тѣ годы произошелъ одинъ случай, который очень занялъ тогда общественное мнѣніе и сталъ предметомъ толковъ,— случай, описанный въ статьѣ Добролюбова: „Пассажъ въ исторіи русской словесности". Это былъ публичный диспутъ между гг. Перозіо и Смирновымъ по общественно-практическому вопросу,—диспутъ, гдѣ суперъ-арбитромъ былъ уже очень извѣстный тогда Е. И. Ламанскій и гдѣ, въ его заключительной рѣчи, была сказана знаменитая фраза: „мы не созрѣли". Диспутъ былъ событіемъ, какъ едва ли не первый примѣръ публичнаго обсужденія по хотя бы частному, но все-таки общественному вопросу. Сценой диспута была одна зала въ Пассажѣ, куда собралось множество народа. Диспутъ долженъ былъ несомнѣнно заинтересовать и печать; предполагалось, что о немъ будетъ упомянуто и въ „Современникѣ". Въ данную минуту для журнала это было уже поздно—послѣдніе дни мѣсяца передъ выходомъ книжки. Диспутъ происходилъ вечеромъ. На другое утро Добролюбовъ приходитъ къ Чернышевскому поговорить объ этомъ; онъ находилъ, что этого случая не надо бы пропустить въ „Современникѣ"; Чернышевскій соглашался, но думалъ, что это надо будетъ отложить до слѣдующей книжки, такъ какъ теперь уже поздно будетъ писать статью. Но, къ удивленію Чернышевскаго, оказалось, что статья уже написана: она могла быть напечатана въ той же очередной книжкѣ журнала. Позднѣе, она помѣщена

была въ собраніи его сочиненій (въ IV т.), гдѣ заняла двадцать страницъ сжатой печати. Для людей пишущихъ понятно, какой громадный трудъ былъ сдѣланъ въ одну ночь. Статья написана съ начала до конца съ обычной живостью и остроуміемъ и безъ малѣйшаго признака утомленія.

Какъ я уже упоминалъ, я потомъ въ теченіе двухъ лѣтъ отсутствовалъ изъ Петербурга, и снова увидѣлъ Добролюбова уже въ шестидесятомъ году. Неутомимая дѣятельность была все та же, но уже близилась болѣзнь, которая скоро окончательно надломила его силы... Возвращусь къ началу его дѣятельности. Выше упомянуто, что Добролюбовъ возбудилъ къ себѣ весьма неблагопріятное, даже прямо враждебное отношеніе въ старыхъ друзьяхъ Некрасова изъ прежняго кружка „Современника". Я отчасти уже говорилъ объ этомъ. Добавлю нѣсколько подробностей...

Добролюбовъ вступалъ въ литературу, только-что оставивъ товарищескую студенческую среду. Эта среда, кромѣ него, не представляла никакихъ особенныхъ талантовъ, но въ ней господствовало большое возбужденіе, которое питалось именно вопросами принципіальными. Въ эту среду проникали всѣ основные интересы, какими волновалось общество, и молодой кружокъ волновался ими тѣмъ болѣе. Добролюбовъ въ особенности много читалъ, живо увлекался тѣмъ, что̀ было общественнымъ вопросомъ, и когда онъ вошелъ въ литературный кругъ, ему хорошо знакомы были и общія черты тогдашняго литературнаго броженія, и частныя особенности тѣхъ дѣятелей, съ которыми онъ встрѣтился теперь лицомъ къ лицу. По давнему складу его личнаго характера онъ видѣлъ въ литературѣ великое дѣло, которое ставило требованія общественныя, которыя были и требованіями нравственными. Такимъ образомъ, и писатель, именно писатель крупный, пользующійся извѣстностью и бо̀льшимъ или ме́ньшимъ вліяніемъ на общество черезъ свои произведенія, подлежалъ этимъ требованіямъ тѣмъ въ большей степени, чѣмъ больше было его значеніе въ литературѣ. Онъ зналъ, что въ нашихъ условіяхъ литература была единственнымъ поприщемъ, гдѣ могло сказываться общественное мнѣніе, и его страстное отношеніе къ общественному интересу было именно тѣмъ основаніемъ, которое придало его литературной критикѣ яркій публицистическій тонъ. Эта черта, конечно, давно была отмѣчена, но не слѣдуетъ думать (какъ это бывало у нѣкоторыхъ позднѣйшихъ историковъ), будто бы только въ этомъ и заключалась критика Добролюбова; напротивъ, у него былъ не только большой худо-

жественный вкусъ, но и вообще высокое представленіе о произведеніяхъ художества,—напоминающее даже то, какъ судила о произведеніяхъ искусства старая Гегеліанская эстетика. Въ художественномъ произведеніи, заслуживающемъ этого имени, составляющемъ плодъ поэтическаго творчества, заключалась поэтическая истина, и въ особенности такія произведенія Добролюбовъ избиралъ предметомъ своихъ изученій: истинный художникъ правдивъ, его произведенія вѣрно отражаютъ жизнь, а потому и даютъ матеріалъ для изученія самой жизни съ ея матеріальной и нравственной стороны. Достаточно нѣсколько вникнуть въ его статьи подобнаго рода, напримѣръ о Тургеневѣ, Островскомъ, Достоевскомъ, Гончаровѣ, чтобы видѣть, до какой степени дѣйствительно онъ погружался въ эти художественныя картины; онъ вѣрилъ въ нихъ, какъ въ дѣйствительность, и на ихъ основаніи онъ опредѣлялъ эту дѣйствительность и искалъ путей къ ея улучшенію. Чрезвычайно впечатлительный, хотя обыкновенно сурово-сдержанный, всегда наблюдательный, онъ чутко и тревожно переживалъ годы крымской войны и послѣдующее время, и у него рано развился тотъ критическій анализъ, съ какимъ онъ впослѣдствіи относился къ событіямъ нашей общественной жизни, и который издавна отстранилъ его отъ тѣхъ оптимистическихъ самообольщеній, которымъ въ тѣ годы наше общество предавалось нерѣдко сверхъ всякой мѣры. Громкія, самодовольныя и всего чаще фальшивыя фразы возбуждали въ немъ желчное негодованіе или язвительную насмѣшку... Очевидно, этотъ характеръ съ самаго начала по существу представлялъ нѣчто совсѣмъ не похожее на господствующій тонъ въ кружкѣ друзей Некрасова. Люди старшаго поколѣнія были часто люди лично хорошіе, питали взгляды наиболѣе просвѣщенныхъ людей того времени, видѣли недостатки настоящаго, ожидали и надѣялись благотворной реформы въ будущемъ—но большею частью люди пассивные,—потому что они съ своей стороны бывали уже утомлены испытаніями, которыя выпадали и на ихъ долю, но въ настоящее время не помышлявшіе о борьбѣ люди болѣе или менѣе благополучные и благодушные, встрѣчавшіе тѣ или другія явленія современности,—хотя бы въ нихъ сказывался иногда серьезный общественный смыслъ,—какъ любопытный анекдотъ... но то, къ чему равнодушно относились они, нерѣдко могло поднимать въ душѣ Добролюбова желчное негодованіе. Повидимому, съ первыхъ встрѣчъ обнаружилось взаимное непониманіе.

Мои дѣла шли въ сторонѣ отъ журнала. Меня занимала исторія литературы—новая и старая. Мнѣ привелось, занимаясь

въ Публичной библіотекѣ встрѣтить нѣсколько любопытныхъ памятниковъ, содержаніе которыхъ (а иногда и самые тексты) я излагалъ въ нѣсколькихъ статьяхъ, напечатанныхъ тогда въ „Академическихъ Извѣстіяхъ“ и въ „Отечественныхъ Запискахъ“. Мало-по-малу сложилась тема моей послѣдующей диссертаціи о старой русской повѣсти. Въ теченіе значительнаго времени почти каждый вечеръ я встрѣчался въ читальномъ залѣ Публичной библіотеки съ Пекарскимъ и Костомаровымъ. Первый, небольшой чиновникъ въ министерствѣ финансовъ, пристрастился тогда къ литературной старинѣ, и нѣсколько статей его было тогда напечатано въ „Современникѣ“ и „Отечественныхъ Запискахъ“. Оренбургскій уроженецъ, онъ кончилъ свое ученіе въ казанскомъ университетѣ (по юридическому, или, по тогдашнему, „камеральному“ факультету); онъ былъ человѣкъ очень живого характера, но съ способностью къ немалой выдержкѣ и упорному труду; знанія, какія далъ ему университетъ, были невелики, но теперь онъ усердно читалъ по тѣмъ историко-литературнымъ вопросамъ, съ какими встрѣчался; занимаясь писателями XVII и XVIII вѣка, онъ, между прочимъ, встрѣтился и съ латынью, которую, вѣроятно, плохо одолѣвалъ въ гимназіи и успѣлъ перезабыть въ университетѣ; онъ снова занялся латынью и успѣлъ ее преодолѣть настолько, чтобы читать источники XVII-го вѣка. Отъ XVII вѣка онъ перешелъ къ эпохѣ Петра В.—и старательно собираемая масса матеріала (причемъ ему приходилось испытывать и неудобныя библіотечныя затрудненія) дала ему возможность исполнить извѣстную огромную работу—„Наука и литература при Петрѣ Великомъ“. Костомаровъ былъ также частымъ посѣтителемъ Библіотеки. Уже вскорѣ послѣ водворенія въ Петербургѣ, онъ занялъ каѳедру русской исторіи въ петербургскомъ университетѣ и передъ тѣмъ, и во время самаго профессорства много занимался въ Публичной библіотекѣ, потомъ также въ государственномъ Архивѣ для своихъ историческихъ работъ. Одинъ изъ предметовъ, которые его особенно увлекали, была древняя легенда: изученіе ея было ему необходимо для исторіи Новгорода, а впослѣдствіи онъ задумалъ и большое изданіе „Памятниковъ старинной русской литературы“, въ которомъ предложилъ и мнѣ принять нѣкоторое участіе...

То время было вообще очень оживленное и общительное. Кромѣ общества, собиравшагося въ редакціи „Современника“, точнѣе у Некрасова, я мало зналъ другіе литературные кружки того времени, и больше видалъ нѣкоторые кружки профессорскіе: попрежнему я бывалъ на пятницахъ у Никитенки, отъ студен-

ческихъ временъ бывалъ у Срезневскаго, Н. М. Благовѣщенскаго, нерѣдко бывалъ у Костомарова. У Срезневскаго собирался кружокъ больше археологическій, люди прикосновенные къ славянской старинѣ и народности, обыкновенно довольно чуждые или даже враждебные новѣйшимъ общественнымъ интересамъ. Такъ какъ Срезневскій жилъ въ далекой линіи Васильевскаго Острова, я обыкновенно отправлялся къ нему вмѣстѣ съ Пекарскимъ (съ нимъ мы были близко знакомы) и вмѣстѣ возвращались. Н. М. Благовѣщенскій былъ моимъ профессоромъ въ университетѣ: это не былъ такой ученый спеціалистъ, какихъ не мало развелось теперь, но онъ умѣлъ внушать интересъ къ своему предмету; въ томъ, что̀ онъ писалъ, онъ старался и для обыкновенныхъ читателей дѣлать свой предметъ доступнымъ и интереснымъ; съ нынѣшней точки зрѣнія, его, вѣроятно, сочли бы ученымъ, тратящимъ время на популяризацію, дѣло едва ли не безполезное. Намъ кажется, что точка зрѣнія Благовѣщенскаго была правильная: надо было распространять въ массѣ обыкновенныхъ образованныхъ людей интересъ къ античному міру съ той стороны, которая можетъ сдѣлать его особенно привлекательнымъ— со стороны литературы и искусства. Если бы этотъ взглядъ былъ распространенъ больше между учеными-классиками, общественное образованіе выиграло бы несравненно болѣе, чѣмъ могъ сдѣлать новѣйшій школьный классицизмъ, поселявшій только отвращеніе къ тому, что̀ могло бы стать важнымъ орудіемъ общественнаго образованія...

Чернышевскій, послѣ своего вступленія въ журналъ, уже вскорѣ сталъ для него человѣкомъ необходимымъ. Онъ былъ многосторонне образованный и очень начитанный человѣкъ, съ громадной памятью, съ большою способностью много и быстро работать, наконецъ съ живѣйшимъ интересомъ къ вопросамъ общественнаго характера.

Мнѣ привелось теперь же, когда пишутся эти строки, издать письма Некрасова къ Тургеневу; изъ нихъ и изъ объясненій къ нимъ читатель увидитъ, какъ складывался новый характеръ „Современника". Въ это время, въ 56-мъ и 57-мъ гг., Некрасовъ, между прочимъ, надолго уѣзжавшій за границу, по возвращеніи, увидѣлъ значительную перемѣну въ настроеніи цѣлаго общества, именно въ томъ самомъ направленіи, къ которому уже раньше клонились интересы Н. Г. Случайно къ этому же времени Некрасову пришлось нѣсколько разувѣриться въ своихъ прежнихъ друзьяхъ-беллетристахъ. Дѣло въ томъ, что въ 1856-мъ году ему пришла мысль тѣснѣе привлечь къ журналу

этихъ друзей, пригласивъ ихъ быть исключительными сотрудниками журнала и, въ вознагражденіе, сдѣлавъ ихъ участниками въ чистой прибыли журнала, кромѣ ихъ обычнаго гонорара. Соглашеніе состоялось, и объ немъ было печатно заявлено въ „Современникѣ“. Весьма естественно думать, что Некрасовъ при этомъ разсчитывалъ на выгоду и для самого „Современника“; но ясно вмѣстѣ съ тѣмъ, что и относительно приглашаемыхъ лицъ онъ поступилъ совершенно правильно, и въ нашей журналистикѣ еще небывало. Но результатъ этой комбинаціи оказался странный, даже смѣшной. Во-первыхъ, сотрудники, которымъ было это предложено, съ удовольствіемъ соглашались получать дивидендъ, и вскорѣ даже заявлялись нѣкоторыя желанія получать впередъ нѣчто въ счетъ этого будущаго дивиденда, но въ то же время заявляли, что должны сначала выполнить обязательства, сдѣланныя раньше. Въ результатѣ появилось слѣдующее. „Обязательные“ сотрудники „Современника“ принялись исполнять свои ранѣе заключенныя обязательства; другіе журналы, какъ напримѣръ „Отечественныя Записки“, „Библіотека для Чтенія“, стали наполняться произведеніями ближайшихъ друзей „Современника“, а самый „Современникъ“ ихъ не получалъ. Когда это продлилось нѣкоторое время, эффектъ получился явно невозможный и смѣшной, и въ концѣ-концовъ началась рѣчь объ уничтоженіи обязательства.

Какъ я говорилъ, въ это время я видалъ другіе литературные или ученые кружки. Возникло, конечно, большое число знакомствъ, такъ что мнѣ былъ болѣе или менѣе извѣстенъ наличный составъ тогдашняго литературнаго міра въ Петербургѣ, а также и въ Москвѣ. Кружки были довольно разнообразны. Я упоминалъ о разнообразныхъ посѣтителяхъ четверговъ Краевскаго, гдѣ, между прочимъ, я въ первый разъ познакомился съ Горбуновымъ, котораго тогда вывезъ изъ Москвы Островскій; разнообразные гости собирались на пятницахъ у Никитенки, гдѣ я въ первый разъ видѣлъ Гончарова, только-что вернувшагося изъ кругосвѣтнаго путешествія,—онъ былъ таковъ же, какимъ я зналъ его впослѣдствіи: съ брюшкомъ, несмотря на отдаленное путешествіе, съ неполной шевелюрой, мало разговорчивый въ обществѣ, вѣроятно, для него недостаточно избранномъ, съ видимой манерой избалованности и самодовольнаго каприза. Онъ не производилъ привлекающаго впечатлѣнія, и скорѣй напоминалъ дядюшку въ „Обыкновенной исторіи“. Я уже говорилъ, кажется, что самъ Никитенко былъ интересный собесѣдникъ; онъ любилъ поговорить; предметомъ разсказовъ бывали всего чаще—

не современныя дѣла (относительно ихъ онъ былъ молчаливъ), а недавнее прошлое, и общій тонъ былъ таковъ, о которомъ даетъ понятіе изданный впослѣдствіи извѣстный „Дневникъ"; цѣлое впечатлѣніе было впечатлѣніе хотя не широко образованнаго человѣка, а скорѣе начитаннаго самоучки, но человѣка, которому интересы общественнаго просвѣщенія были дороги, и который понималъ необходимость для нихъ извѣстнаго простора. У Н. М. Благовѣщенскаго собиралось общество немноголюдное, и, вообще говоря, не всегда занимательное, но онъ бывалъ очень доволенъ, когда къ нему захаживали знакомые изъ литературнаго круга, о чемъ онъ даже предварялъ своихъ гостей, что онъ ожидалъ такого-то или такого-то. Между прочимъ, постояннымъ его гостемъ бывалъ его товарищъ нѣкогда по педагогическому институту, В. Д. Яковлевъ, впослѣдствіи извѣстный авторъ „Италіи". Высокаго роста, худощавый, онъ уже тогда имѣлъ видъ человѣка слабаго здоровья; позднѣе я видалъ его и нѣсколько разъ у него бывалъ, когда онъ былъ уже человѣкомъ совершенно разрушеннаго здоровья; онъ былъ въ общемъ параличѣ, потерялъ зрѣніе, но голова у него оставалась еще свѣжа... Однажды Благовѣщенскій заявилъ гостямъ, что у него будетъ Майковъ, т.-е. Аполлонъ Николаевичъ. Я зналъ его не только какъ автора поэмы „Двѣ судьбы", но и уже какъ автора „Коляски". Въ это время Майковъ, повидимому въ воспоминаніе старой россійской Академіи, сталъ корреспондентомъ II-го Отдѣленія Академіи Наукъ; начиналась крымская война, и въ „Извѣстіяхъ" II-го Отдѣленія напечатаны были его патріотическія стихотворенія. Мнѣ припоминается этотъ вечеръ у Благовѣщенскаго, когда Майковъ, видѣнный мною въ первый разъ, произвелъ на меня мало пріятное впечатлѣніе. Общественное броженіе временъ крымской войны, о которомъ мнѣ случалось говорить, въ это время уже было замѣтно. Начинали слышаться извѣстные запросы общественнаго мнѣнія, недовольство нѣкоторыми общественными порядками; возникало разногласіе. Майковъ былъ сполна на консервативной и панегирической точкѣ зрѣнія, и на меня очень непріятно подѣйствовало, когда въ разговорѣ названо было имя Бѣлинскаго, и Майковъ причислилъ его (вѣроятно, какъ родоначальника) къ той либеральной „партіи" настоящей минуты, къ которой онъ относился очень враждебно. По крайней мѣрѣ, ему не слѣдовало говорить такъ о Бѣлинскомъ.

Къ этому прибавлялись московскія знакомства. Не помню, говорилось ли раньше о началѣ ихъ, когда, около 55-го года отправляясь домой, я прожилъ недѣли двѣ-три въ Москвѣ. Передъ

тѣмъ въ Петербургѣ я познакомился и довольно дружно сошелся съ Тихонравовымъ. Зная о моей предположенной поѣздкѣ, при чемъ мнѣ хотѣлось побыть въ Москвѣ, онъ предложилъ мнѣ остановиться и пожить у него. Я такъ и сдѣлалъ. Помнится, онъ встрѣтилъ меня на вокзалѣ, что̀ было съ его стороны и любезно, и предусмотрительно, такъ какъ иначе, безъ провожатаго, мнѣ было бы вѣроятно довольно трудно отыскать его квартиру, находившуюся тогда въ самомъ концѣ какого-то замысловатаго „тупика", который шелъ какими-то изворотами, такъ что, какъ припоминаю, мнѣ трудно было опредѣлить его положеніе относительно странъ свѣта. Тихонравовъ (онъ былъ уже тогда учителемъ въ гимназіи) жилъ въ очень скромной, небольшой квартиркѣ, на студенческій ладъ, но небольшія комнатки были уже заставлены плотно набитыми книжными полками. Онъ былъ уже большой библіофилъ, отличаясь, однако, отъ толпы библіофиловъ тѣмъ, что онъ зналъ содержаніе своихъ книгъ и намѣчалъ историко-литературное значеніе тѣхъ книжныхъ рѣдкостей, которыя онъ пріобрѣталъ...

Въ іюнѣ 1904 г.—Къ началу 1858 года я уѣхалъ надолго за границу. Это произошло такимъ образомъ. Въ петербургскомъ университетѣ послѣ моей магистерской диссертаціи возникла мысль о „командировкѣ" меня за границу, когда вмѣстѣ съ тѣмъ явилось предположеніе объ основаніи въ университетѣ новой каѳедры западно-европейскихъ литературъ; но въ данную минуту у университета, по обычаю, не было на это денегъ, и командировка могла быть устроена только потому, что тогдашній попечитель, кн. Гр. Алекс. Щербатовъ внесъ отъ себя въ университетъ потребную для того сумму (помнится, это было по 1.200 р. на годъ). Мнѣ предложили поѣхать за границу на два года, въ видахъ приготовленія именно къ этой предполагаемой будущей каѳедрѣ.

Это была особая пора въ исторіи нашихъ университетовъ. Министерство просвѣщенія въ старые годы, особенно когда управлялъ имъ гр. Уваровъ, не могло не чувствовать необходимости расширять горизонтъ будущихъ профессоровъ изъ болѣе компетентнаго и богатаго источника, чѣмъ тогдашняя доморощенная научная школа. На первый разъ принята была для этого средняя мѣра учрежденіемъ такъ-называемаго „профессорскаго института" въ Дерптѣ, который, въ качествѣ нѣмецкаго университета, былъ все-таки ближе другихъ къ подлиннымъ источникамъ европейской науки: туда посылали для усовершенствованія молодыхъ

ученыхъ, которыхъ впослѣдствіи предполагалось назначать профессорами въ русскіе университеты; но затѣмъ стали посылать этихъ молодыхъ ученыхъ и прямо за границу; около того же времени послана была за границу, спеціально въ славянскія земли, и группа молодыхъ ученыхъ, которымъ предстояло занять будущія каѳедры „исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій".

Эта мѣра была для нашей университетской науки по-истинѣ благодѣтельна. Довольно было сравнить старомодныхъ ученыхъ съ профессорами новой формаціи, чтобы видѣть громадную разницу. Первые (за очень немногими исключеніями, напр. въ медицинѣ) всего чаще имѣли очень смутное представленіе о содержаніи европейской науки; во многихъ случаяхъ они просто не имѣли о ней понятія. Вторые имѣли возможность слышать самихъ западныхъ (особливо нѣмецкихъ) вождей этой науки и приносили домой большой запасъ свѣжихъ познаній, а главное, новыя понятія о современныхъ задачахъ науки и пріемахъ научнаго анализа и критики.

Послѣ конца тридцатыхъ и начала сороковыхъ годовъ „командировки" ученыхъ за границу почти прекратились. Въ бурныхъ для Запада сороковыхъ годахъ пребываніе тамъ скромныхъ россіянъ сочтено было бы прямо зловреднымъ; поэтому университеты надолго остались безъ обновленія и освѣженія ихъ научныхъ силъ. Новое движеніе открылось опять съ конца пятидесятыхъ годовъ. То оживленіе русской общественности и самой правительственной мысли, которое было результатомъ испытаній крымской войны, отразилось новыми взглядами и въ министерствѣ просвѣщенія. Моя поѣздка совпадала съ началомъ этого взгляда. Становилась очевидной громадная разница въ нашемъ научномъ уровнѣ и уровнѣ европейскомъ; было сознано, что для сколько-нибудь правильнаго изложенія той или другой науки на университетской каѳедрѣ русскій ученый не можетъ быть ограниченъ одними средствами нашего, такъ сказать, домашняго обученія, что ему надо познакомиться съ постановкой дѣла въ главныхъ очагахъ европейской науки. Посылки молодыхъ ученыхъ за границу участились; польза этихъ посылокъ уже вскорѣ становилась очевидной; „командировки" становились дѣломъ все болѣе обыкновеннымъ, наконецъ стали какъ бы правиломъ,— въ этомъ правилѣ, очевидно, заключалось драгоцѣнное средство поддерживать достоинство русской университетской науки.

Мнѣ привелось видѣть если не первое начало этихъ новыхъ научныхъ экскурсій молодого ученаго поколѣнія на Западъ,— за границей я встрѣтилъ уже нѣсколько человѣкъ, которые жили

тамъ нѣкоторое время,—то я видѣлъ во всякомъ случаѣ то общее впечатлѣніе, какое получалось при этомъ давно неиспытанномъ сближеніи русскаго молодого поколѣнія съ европейской наукой, а также и европейской общественностью. Я прожилъ тогда за границей ровно два года.

Въ „эпоху великихъ реформъ“ исполнена была между прочимъ одна очень небольшая, но собственно очень значительная реформа, именно стало доступно для всѣхъ путешествіе за границу, которое въ послѣдніе годы императора Николая было чрезвычайно затруднено. Теперь множество людей поѣхало за границу. Кружокъ молодыхъ ученыхъ составлялъ, конечно, особую группу, которая легко сближалась по общему университетскому интересу.

Въ настоящее время, когда это путешествіе стало дѣломъ совершенно обыкновеннымъ, когда множество людей ѣдетъ за границу въ курорты или для простой прогулки и развлеченія, уже забылось то первое впечатлѣніе, какое въ пятидесятыхъ годахъ произведено было разрѣшеніемъ заграничныхъ путешествій. Русское общество еще съ восемнадцатаго вѣка было сильно заинтересовано европейской жизнью, нравами, наукой, природой; можно сказать, что этотъ интересъ съ теченіемъ времени все возрасталъ, и справедливо. „Письма русскаго путешественника“ Карамзина даютъ очень наглядное понятіе о томъ, въ какой степени привлекательно было это путешествіе для представителя русскаго образованнаго общества еще сто лѣтъ тому назадъ; какая масса предметовъ любознательности и иного интереса окружала въ Европѣ русскаго путешественника, который находилъ здѣсь возможность знакомиться и съ національными характерами европейскихъ народовъ, ихъ историческими памятниками, и съ знаменитыми произведеніями невиданнаго искусства, и съ центрами науки, и съ родиной и представителями литературы, со всѣмъ тѣмъ, что̀ еще давно дома доставляло пищу „для ума и для сердца“, что̀ было уже жадно искомой потребностью русскаго образованія во всѣхъ его направленіяхъ. Очевидно, что, напримѣръ, въ сороковыхъ годахъ эта потребность непосредственно знать и видѣть европейскую жизнь становилась тѣмъ болѣе настоятельной, что къ этому времени вліяніе и отголоски европейской науки и литературы становились болѣе широки и сознательны, чѣмъ когда-нибудь прежде. Была исполнена интереса и другая сторона жизни: положеніе свободной науки и литературы, нравы, внутренняя политическая жизнь общества, невиданныя формы гражданскаго быта, вся эта нравственно-реаль-

ная сторона просвѣщенія, которая лучшимъ людямъ русскаго общества представлялась только въ одномъ мечтательномъ идеалѣ. Для массы была привлекательна другая, болѣе элементарная сторона европейской жизни: широкое развитіе простой общественности, доступность искусства, литературы, театра, между прочимъ, во многихъ странахъ среди мягкой, оригинальной, красивой или величественной природы. Долгое запрещеніе, лежавшее на заграничномъ путешествіи, дѣлало его теперь еще болѣе заманчивымъ. Въ молодомъ ученомъ кружкѣ къ этой привлекательности путешествія присоединялось и другое—возможность непосредственнаго знакомства съ знаменитыми научными центрами, съ университетской аудиторіей, библіотеками, лабораторіями, музеями, иногда съ самими знаменитыми авторитетами западной науки. Вниманіе поглощалось массою этихъ вновь раскрывавшихся интересовъ. Только обжившись нѣкоторое время, можно было ближе заняться какимъ-либо спеціальнымъ вопросомъ науки, и это всего доступнѣе было тѣмъ, чьи занятія были направлены на какую-нибудь опредѣленную тему, какую-либо болѣе или менѣе тѣсную спеціальность; но гораздо труднѣе было спеціализироваться для тѣхъ, чьи изученія были направлены на область прямо безграничную, какъ исторія: здѣсь все требовало вниманія и широко возбуждало его, и современная жизнь, и рядъ историко-филологическихъ наукъ, и памятники древности, и средніе вѣка, и современный складъ литературы и т. д. Болѣе или менѣе всѣ молодые „русскіе путешественники", за исключеніемъ или людей зрѣлыхъ, или тѣсныхъ спеціалистовъ, испытали этотъ наплывъ разнородныхъ образовательныхъ потребностей, которыя и въ самомъ дѣлѣ были вполнѣ законны. Европейская жизнь представляла громадное обиліе этихъ образовательныхъ интересовъ, и было жаль не усвоить ихъ хотя бы въ извѣстной степени, потому что въ нихъ отзывалась цѣлая исторія просвѣщенія и цивилизаціи. Всѣ, у кого являлась возможность, стремились обыкновенно воспользоваться сколько можно шире представлявшимся случаемъ увидѣть этотъ громадный культурный горизонтъ, гдѣ столь многому можно было научиться и для блага собственнаго отечества: какъ ни были разнообразны спеціальности, представителями которыхъ являлись здѣсь молодые ученые россіяне, нѣтъ сомнѣнія, что въ глубинѣ ихъ исканій, занятій, трудовъ лежала эта надежда послужить потомъ своими работами отечеству, какъ было нѣкогда и въ мысляхъ Карамзина.

Какъ я сказалъ, мнѣ привелось уже встрѣтить за границей

путешественниковъ нѣсколько болѣе старшаго поколѣнія: я видѣлъ здѣсь, напримѣръ, М. М. Стасюлевича, Ив. К. Бабста, М. И. Сухомлинова, И. М. Сѣченова (съ которымъ, впрочемъ, тогда еще не былъ знакомъ), Н. Н. Булича, и гораздо больше —своихъ сверстниковъ, которые были представителями, кажется, всѣхъ русскихъ университетовъ, а также и медицинской академіи: здѣсь были классическіе филологи, историки, юристы (цивилисты и криминалисты), политико-экономы, натуралисты-зоологи, физіологи, химики и т. д. Встрѣчались мы, конечно, въ разныхъ стадіяхъ нашихъ путешествій и, конечно, съ немалымъ интересомъ мѣнялись общими впечатлѣніями нашихъ странствій. Понятно, что „командированнымъ“ ученымъ въ ту пору и въ томъ настроеніи часто приходилось быть обыкновенными туристами, съ тою разницей, что командированные историки и филологи были больше приготовлены къ пониманію исторической древности и старины и современной политической жизни, чѣмъ обыкновенные туристы, очень часто, къ сожалѣнію, крайне невѣжественные.

Я выѣхалъ изъ Петербурга, сколько помню, въ самомъ концѣ 1857-го или самомъ началѣ 1858 года. Стояла довольно злая зима; ѣхать привелось по тогдашнему обычаю въ почтовомъ дилижансѣ. Я намѣренно взялъ наружное мѣсто, чтобы не быть заключеннымъ въ коробкѣ и видѣть дорогу, хотя впередъ можно было угадывать, что будетъ предстоять борьба со стихіями, т.-е. съ морозомъ. Путь лежалъ по балтійской дорогѣ черезъ Нарву, Дерптъ, Ригу, Митаву, Тильзитъ, затѣмъ въ нѣмецкомъ дилижансѣ до Кёнигсберга. Интересныхъ спутниковъ у меня не было; но вспоминается Шопенъ, тогда уже очень старый человѣкъ, авторъ довольно извѣстной въ свое время книги объ Арменіи; не помню, въ этотъ или другой путь я встрѣтилъ на этой же дорогѣ стариннаго поэта Любеча-Романовича. Изъ Кёнигсберга шла уже желѣзная дорога на Берлинъ, куда я и доѣхалъ съ Шопеномъ. Въ Берлинѣ я встрѣтилъ знакомыхъ, М. М. Стасюлевича и Б. И. Утина; другихъ не помню, но были, кажется, и другіе. Зимній Берлинъ (конечно, все-таки, не такой холодный, какъ Петербургъ) не былъ особенно привлекателенъ, но все-таки былъ очень интересенъ: въ первые же дни, въ качествѣ „гостя“ я бывалъ въ университетѣ, нѣсколько разъ осматривалъ Altes и Neues Museum, бывалъ въ театрѣ. Въ университетѣ, конечно, было чрезвычайно любопытно послушать знаменитыхъ профессоровъ, ихъ въ Берлинѣ бывало не мало: мнѣ пріятно бывало потомъ вспомнить, что я слышалъ не однажды

знаменитаго Риттера, основателя новой географіи, и не менѣе знаменитаго Леопольда Ранке; болѣе спеціальною знаменитостью былъ тогда Рудольфъ Гнейстъ и др. Конечно, мнѣ было любопытно познакомиться съ общей программой университетскихъ чтеній, которая поражала богатствомъ, разнообразіемъ научныхъ силъ. На этотъ разъ я оставался въ Берлинѣ недолго. Меня привлекла программа путешествія, которая составилась въ нашихъ берлинскихъ бесѣдахъ и особенно предлагалась М. М. Стасюлевичемъ, а именно: отправивъ тяжелую поклажу прямо въ Парижъ, сдѣлать путешествіе налегкѣ, съ однимъ саквояжемъ, черезъ Германію на Гейдельбергъ à petite journée, останавливаясь по дорогѣ въ особенно интересныхъ пунктахъ на день, на два. Мы отправились въ дорогу, помнится, въ мартѣ 1858 и пріѣхали въ Парижъ въ 15 — 20 дней. Путешествіе было дѣйствительно очень интересно: М. М. Стасюлевичъ былъ уже тогда очень опытный туристъ, такъ что я свободенъ былъ отъ всякихъ заботъ; онъ всегда умѣлъ выбрать наиболѣе подходящій поѣздъ и времяпребываніе въ томъ или другомъ городѣ, наиболѣе удобную гостинницу, наиболѣе удобный планъ осмотра города и т. п.; время сберегалось. Такимъ образомъ, мы останавливались прежде всего въ Лейпцигѣ, потомъ въ Галле, гдѣ успѣли посмотрѣть университетъ,—прослушать лекцію философа Эрдмана (между прочимъ, автора извѣстной тогда книги: „Akademisches Leben und Studium“), протестантскаго теолога Толука,—успѣли взглянуть на „галлоровъ“; дальше мы были въ Веймарѣ, гдѣ, какъ подобаетъ, смотрѣли воспоминанія о Шиллерѣ и Гёте (какъ разъ около того времени вышла любопытная книга Штара съ воспоминаніями о старомъ Веймарѣ, временъ Шиллера и Гёте). Изъ Веймара мы сдѣлали экскурсію въ Іену. Іена меня чрезвычайно заинтересовала. Это небольшой, скромный нѣмецкій городокъ на берегу р. Саалы, однако знаменитый, во-первыхъ, своимъ университетомъ, однимъ изъ самыхъ древнихъ въ Германіи, во-вторыхъ, извѣстнымъ сраженіемъ, которое, послѣ страшнаго пораженія нѣмцевъ Наполеономъ, послужило однимъ изъ первыхъ стимуловъ къ національному возрожденію Германіи послѣ феодальнаго застоя. М. М. Стасюлевичъ, какъ и я, раньше не бывалъ въ Іенѣ. Мы пріѣхали въ Іену поздно вечеромъ; на другое утро, по обычаю, поспѣшили осматривать городъ, и первымъ дѣломъ было, конечно, посмотрѣть университетъ. Отель былъ выбранъ заранѣе въ центрѣ города, недалеко отъ главной площади, и мы прежде всего къ ней направились; на пути встрѣтилась книжная лавка, и здѣсь всего ближе было справиться,

какъ пройти въ университетъ Мы были очень удивлены, когда на нашъ вопросъ объ университетѣ приказчикъ отвѣтилъ намъ: „Aber wir haben keine Universität“. Какъ, въ Іенѣ нѣтъ знаменитаго іенскаго университета? Оказалось, что дѣйствительно нѣтъ центральнаго зданія, которое заключало бы въ себѣ университетъ; былъ только одинъ, сравнительно небольшой домъ, гдѣ помѣщалась библіотека и, кажется, одна—двѣ аудиторіи; всѣ остальныя аудиторіи были разсѣяны по городу въ частныхъ домахъ. Приказчикъ объяснилъ намъ, что общее расписаніе лекцій съ адресами квартиръ-аудиторій по разнымъ улицамъ мы найдемъ въ двухъ шагахъ въ центральномъ мѣстѣ, на стѣнѣ собора. Расписаніе лекцій этого столь скромно размѣщеннаго университета блистало знаменитыми именами. Просмотрѣвъ расписаніе и разсчитавъ время, мы въ два-три дня могли прослушать нѣсколькихъ профессоровъ, имена которыхъ занимаютъ славное мѣсто въ нѣмецкой литературѣ и наукѣ: мы были на лекціяхъ знаменитаго философа Куно Фишера, незадолго передъ тѣмъ нашедшаго здѣсь пріютъ послѣ гоненій въ Гейдельбергѣ; извѣстнаго историка Дройзена, перезваннаго потомъ въ Берлинъ; знаменитаго натуралиста Шлейдена; я одинъ былъ на лекціи знаменитаго филолога и слависта Августа Шлейхера. Вечера были у насъ, конечно, свободны, но и на этотъ разъ скромный провинціальный городъ могъ доставить пищу „для ума и для сердца“; оказалось, что профессора университета въ опредѣленные дни читаютъ по вечерамъ за очень скромную плату популярныя лекціи въ общественномъ собраніи вродѣ скромнаго клуба „Zur Rose“, гдѣ бывали бюргеры съ ихъ семействами. Таковъ былъ этотъ знаменитый и почти бѣдный по внѣшней обстановкѣ пріютъ нѣмецкой науки,—и который былъ въ тѣ времена не единственнымъ. Своимъ внѣшнимъ и внутреннимъ характеромъ Іена оставила во мнѣ сильное впечатлѣніе, какъ одинъ изъ любопытнѣйшихъ типическихъ и внушающихъ глубокое уваженіе образчиковъ научнаго быта въ Германіи: очевидно съ давнихъ поръ, отъ среднихъ вѣковъ, въ такихъ скромныхъ внѣшнихъ условіяхъ могла развиваться силами преданныхъ умовъ могущественная наука, которая пріобрѣтала, наконецъ, настоящее міровое значеніе.

Послѣ Іены и Веймара мы осмотрѣли въ Готѣ старые памятники, напоминавшіе о среднихъ вѣкахъ и реформаціи, старый, нѣкогда католическій монастырь, гдѣ на стѣнахъ большой залы сохранилась галерея картинъ, изображающихъ „пляску смерти“. За Готой мы смотрѣли Эйзенахъ, и въ его

сосѣдствѣ извѣстный зàмокъ Вартбургъ съ келіей Лютера и пр. Далѣе, нашъ путь лежалъ на Франкфуртъ, образчикъ блестящаго торговаго города, съ его извѣстными достопримѣчательностями, красивымъ расположеніемъ и постройкой города, „Аріадной“ Данекера, исторической „Judengasse“. Отсюда мы направились на югъ, гдѣ особеннымъ предметомъ нашего любопытства былъ Гейдельбергъ. Впослѣдствіи я прожилъ въ этомъ городѣ нѣсколько мѣсяцевъ и скажу о немъ дальше. На этотъ разъ мы все-таки остались тамъ нѣсколько дней: снова поражала картина нѣмецкаго университетскаго города, гдѣ сохранялись и различные остатки средневѣковой старины, спокойно творилась богатая научная жизнь, повидимому наполнявшая весь этотъ край; это было цѣлое гнѣздо университетовъ,—чуть не въ двухъ шагахъ, въ нѣсколькихъ часахъ желѣзной дороги отъ Гейдельберга расположены Гиссенъ, Тюбингенъ, Мангеймъ, Фрейбургъ, гдѣ бывали свои знаменитые дѣятели и совершались знаменитые подвиги науки (напримѣръ, въ Гиссенѣ проходила научная дѣятельность Либиха; отъ Тюбингена носитъ свое имя знаменитая школа протестантской исторической теологіи,—не говорю о самомъ Гейдельбергѣ. За Гейдельбергомъ остановки въ Штуттгардтѣ, Карлсруэ; затѣмъ мы переѣхали границу и послѣ осмотра Страсбурга, тогда еще французскаго, были въ Парижѣ. Описывать Парижъ я, конечно, не буду. Достаточно вспомнить о культурно-историческомъ значеніи Парижа отъ временъ Петра Великаго, посланничества графа Андрея Матвѣева, Антіоха Кантемира, Тредьяковскаго до импер. Екатерины и парижскихъ ея друзей, до Фонъ-Визина, Карамзина, наконецъ до m-me Курдюковой и до переписки одного русскаго высокопоставленнаго лица съ статскимъ совѣтникомъ Поль-де-Кокомъ. Понятно, что обще-европейское значеніе Парижа не могло не производить впечатлѣнія на русскихъ путешественниковъ: его значеніе историческое, культурное, политическое, литературное, научное—такъ громадны, что представляли богатую пищу и для „командированныхъ молодыхъ ученыхъ“. Конечно, увлекалъ осмотръ всякихъ достопримѣчательностей, занималъ театръ, но въ обычномъ препровожденіи времени особую привлекательность получали Collège de France, Сорбонна, музей Cluny,—все это въ знаменитомъ старинномъ и типическомъ Латинскомъ кварталѣ, гдѣ мы и сами помѣстились.

Время было раздѣлено въ особенности между лекціями, музеями, театромъ и бесѣдами съ своей компаніей. Мало-по-малу накоплялось число знакомыхъ, въ особенности между молодыми учеными путешественниками. Я жилъ въ Парижѣ въ 1858 и

1859 годахъ. Въ моей памяти отчасти смѣшиваются подробности встрѣчъ и знакомствъ, и въ нихъ я могу ошибиться на тотъ или другой годъ. У насъ не образовалось какого-либо одного кружка; частью встрѣчались лишь немногіе, но на лекціяхъ и въ музеяхъ, за общимъ обѣдомъ дѣлалось все больше новыхъ знакомствъ и встрѣчъ, большею частію интересныхъ. Я упоминалъ, что въ эти годы все больше возрастало число университетскихъ „командировокъ", и за границей, въ Берлинѣ, Парижѣ, въ Италіи я видѣлъ молодыхъ представителей почти, кажется, всѣхъ русскихъ университетовъ; ближе всѣхъ были петербургскіе: М. М. Стасюлевичъ, у котораго я во время моего пребыванія въ университетѣ успѣлъ даже прослушать нѣсколько лекцій при его вступленіи на каѳедру; Б. И. Утинъ, который былъ питомцемъ дерптскаго университета и съ которымъ я еще до поѣздки познакомился у К. Д. Кавелина; М. И. Сухомлиновъ, котораго я также зналъ еще ранѣе въ Петербургѣ: онъ былъ питомцемъ университета харьковскаго; я былъ, помнится, еще студентомъ послѣдняго курса, на его пробной лекціи по конкурсу, въ которомъ онъ состязался съ Иринархомъ Введенскимъ и Тимоѳеевымъ; но каѳедру онъ получилъ уже послѣ моего выхода изъ университета. Изъ Харькова же былъ Ник. Ник. Бекетовъ, съ которымъ былъ постоянный его ассистентъ Галичъ-Гарницкій; оттуда же былъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ профессоровъ харьковскаго университета, который сталъ потомъ нашимъ хорошимъ другомъ, Дм. Ив. Каченовскій,—профессоръ международнаго права, широко образованный человѣкъ, съ живымъ остроуміемъ, музыкальными вкусами и политическими интересами. Оттуда же былъ (встрѣтившійся мнѣ тогда же или послѣ) молодой талантливый профессоръ всеобщей исторіи Петровъ. Впослѣдствіи, вернувшись снова на свою каѳедру въ Харьковѣ, Петровъ потерялъ зрѣніе и умеръ еще молодымъ: отъ него остался прекрасный сжатый курсъ „Всеобщей исторіи" и другія работы. Были также представители Кіева и Варшавы. Въ нашихъ бесѣдахъ отражались наши общіе разнообразные интересы, литературные, общественные, научные; между прочимъ опредѣлились и планы дальнѣйшихъ путешествій. На первый разъ привлекало ближайшее путешествіе—въ Лондонъ. Я не владѣлъ (практически) англійскимъ языкомъ, но у меня нашелся спутникъ, говорившій по-англійски и въ другихъ отношеніяхъ очень интересный товарищъ: это былъ Б. И. Утинъ. Путешествіе было оченъ короткое, но не безъ впечатлѣній. Мы быстро проѣхали отъ Парижа въ Кале; отсюда до Дувра надо было пройти краткій курсъ,

впрочемъ легкій, морской болѣзни, затѣмъ быстрый поѣздъ доставилъ насъ въ Лондонъ. Извѣстно подавляющее впечатлѣніе, какое производитъ англійская столица: Парижъ не могъ идти съ нимъ въ сравненіе ни по пространству, ни по массѣ населенія, гдѣ буквально кипѣла невѣдомая дѣятельность,—разумѣется, она была, главнымъ образомъ, промышленная и торговая. Эта сторона Лондона и англійской жизни не входила въ нашъ интересъ, но живѣйшую любознательность возбуждали художественныя и научныя учрежденія—и собранія, и историческіе памятники: хотѣлось осмотрѣть, сколько возможно, громаду самаго города и главныхъ знаменитыхъ окрестностей, затѣмъ Національную галерею, Британскій музей, Кенсингтонъ, Сейденгемскій дворецъ, отчасти театръ, гдѣ намъ хотѣлось видѣть исполненіе Шекспира; мнѣ привелось быть на публичномъ чтеніи изъ произведеній Диккенса, эпизоды изъ которыхъ читалъ самъ Диккенсъ. Для русскихъ того времени особую привлекательность Лондона составлялъ еще Герценъ. У насъ обоихъ не было къ нему никакихъ ближайшихъ отношеній. Онъ жилъ тогда въ Пётнеѣ (Putney), приблизительно, помнится, въ получасѣ ѣзды отъ Лондона. Мы списались съ нимъ и пріѣхали къ нему въ качествѣ „русскихъ путешественниковъ". Не помню, въ этомъ или слѣдующемъ году, когда я въ другой разъ былъ въ Лондонѣ, я встрѣтилъ и еще русскихъ знакомыхъ, съ которыми увидѣлся у Герцена; это были П. В. Анненковъ, В. П. Боткинъ и И. С. Тургеневъ; былъ здѣсь и нашъ недавній знакомый, Д. И. Каченовскій. Герценъ произвелъ на меня очень пріятное и чисто русское впечатлѣніе. Это былъ гостепріимный, добродушный, какъ будто балованный русскій баринъ; не очень высокаго роста, очень полный, но живой человѣкъ, очень разговорчивый, съ мягко льющеюся рѣчью, блестѣвшею остроуміемъ. Онъ былъ уже издателемъ „Колокола": извѣстенъ характеръ этого изданія, гдѣ его собственныя статьи проникнуты были глубоко возбужденнымъ чувствомъ любви къ родинѣ; мысль о ней, очевидно, его никогда не покидала; разговоръ постоянно обращался къ тѣмъ или другимъ чертамъ и подробностямъ тогдашнихъ русскихъ событій. Это всего больше сохранилось въ моей памяти. По журналу можно было видѣть, что у него было довольно и даже много корреспондентовъ изъ Россіи; новости доходили до него быстро; много бывало и посѣтителей, между прочимъ людей, совсѣмъ не принадлежавшихъ къ какой-нибудь литературѣ, но, безъ сомнѣнія, также подъ видомъ почитателей являлись и шпіоны. Не могу, конечно, припомнить разговоровъ, но ясно запечатлѣлось въ моей памяти общее вос-

поминаніе этой бесѣды, легко переходившей отъ серьезныхъ предметовъ къ шуткѣ, обыкновенно живой и остроумной, между прочимъ, на разныхъ языкахъ. Герценъ зазвалъ насъ къ обѣду, и ему видимо пріятно было, что онъ можетъ угостить насъ самой настоящей русской кашей изъ съѣстныхъ припасовъ, которые отъ времени до времени привозилъ къ нему въ подарокъ русскій капитанъ корабля изъ его почитателей. Совсѣмъ другимъ характеромъ отличался Огаревъ. Онъ тоже носилъ на себѣ черты русскаго барина помѣщичьяго склада. Какъ извѣстно, онъ былъ нѣкогда очень богатый русскій баринъ; но романтическая филантропія и вражда къ крѣпостному праву, когда онъ почти даромъ отдалъ крестьянамъ свое богатое помѣстье Бѣлоомутъ, оставили его съ очень небольшими средствами, а въ послѣднее время его жизни даже въ бѣдности. Это былъ молчаливый, задумчивый человѣкъ, впрочемъ очень мягкій и привѣтливый; какъ, вѣроятно, и въ прежніе годы имъ овладѣли мечты романтической философіи, такъ теперь занимали его вопросы общественные и всего больше крестьянскій вопросъ. Таковы были и статьи его въ „Колоколѣ". Я видѣлся съ Герценомъ въ оба пребыванія мои въ Лондонѣ въ этомъ и слѣдующихъ годахъ. Онъ и Огаревъ остались для меня свѣтлымъ воспоминаніемъ, какъ живые, тогда уже доживавшіе зрители той эпохи сороковыхъ годовъ, которая была такой благотворной исторической эпохой въ развитіи нашего общественнаго самосознанія, эпохи, когда въ русскомъ обществѣ серьезнѣе, чѣмъ когда-либо, ставились задачи критическаго изслѣдованія и общественнаго долга, оставшіяся надолго живительнымъ завѣтомъ для русскаго общества, и гдѣ какъ бы въ отвѣтъ на эти запросы созрѣла цѣлая плеяда высокихъ талантовъ, слава которыхъ озаряетъ русскую литературу до сей минуты.

Послѣ второго пребыванія въ Лондонѣ, на другой годъ, я возвращался на материкъ не во Францію, а черезъ Голландію. Наши путешествія въ ту пору вообще получали частью спеціальный, частью общеобразовательный характеръ. Видѣть Голландію съ ея оригинальной жизнью, природой, историческими воспоминаніями, памятниками искусства—могло быть совершенно естественнымъ желаніемъ въ этомъ образовательномъ смыслѣ. Привлекала, конечно, и память о Петрѣ Великомъ. Путешествіе по Голландіи было короткое, и самое незнакомство съ языкомъ поневолѣ сокращало болѣе детальные интересы.

Не входя во всѣ подробности путешествія, я остановлюсь только на главныхъ, болѣе продолжительныхъ эпизодахъ. Однимъ изъ такихъ была поѣздка по Рейну съ нѣсколько продолжитель-

нымъ пребываніемъ въ Боннѣ, гдѣ опять былъ любопытенъ знаменитый университетъ съ его нравами и гдѣ между прочимъ я въ качествѣ посторонняго зрителя, конечно, видѣлъ процедуру студенческой дуэли не безъ кровопролитія. Рейнская природа для меня, видѣвшаго Волгу, казалась, конечно, красивой, но какъ будто декораціонной и миніатюрной, и опять съ нею пробуждались историческія воспоминанія. Затѣмъ я прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Гейдельбергѣ. Въ качествѣ „гостя“ я прослушалъ немало лекцій, въ числѣ которыхъ были лекціи по исторіи новѣйшей нѣмецкой философіи,—предметъ, къ сожалѣнію, отсутствовавшій въ нашей тогдашней университетской программѣ. Нѣсколько разъ я слышалъ лекціи извѣстнаго историка Гейссера. Въ Гейдельбергѣ жили тогда и частью еще дѣйствовали многіе знаменитые ученые люди. Я видѣлъ здѣсь еще сравнительно молодого Гельмгольца; здѣсь жили на покоѣ химикъ Бунзенъ и два знаменитыхъ представителя нѣмецкой исторической науки, Гервинусъ и Шлоссеръ. Перваго мнѣ не случилось видѣть; но мнѣ представился поводъ посѣтить Шлоссера. Не имѣя такого повода, я бы не рѣшился къ нему пойти, потому что казалось нескромностью или назойливостью одно желаніе „засвидѣтельствовать свое почтеніе“, хотя бы и знаменитому человѣку, но которому это могло быть вовсе неинтересно. Когда я уѣзжалъ изъ Петербурга, тамъ начато было близкими мнѣ людьми изданіе русскаго перевода „Исторіи восемнадцатаго вѣка“. Я рѣшилъ взять съ собой нѣсколько вышедшихъ томовъ книги, полагая, что автору можетъ быть интересно видѣть русскій переводъ его книги (въ переводѣ отчасти и я принималъ участіе). Посѣщеніе устроилось, и оставило для меня высоко-интересное и пріятное воспоминаніе. Въ опредѣленный часъ я пришелъ къ Шлоссеру въ его скромное и тихое обиталище. Я увидѣлъ передъ собой довольно высокаго сѣдовласаго старца; въ красивыхъ старческихъ чертахъ свѣтилась глубокая, какъ бы задумчивая мысль; онъ встрѣтилъ меня очень привѣтливо, особенно когда узналъ и характеръ моего путешествія, и поводъ моего посѣщенія. Онъ не зналъ о начавшемся появленіи его книги на русскомъ языкѣ и совершенно понялъ значеніе этого перевода: онъ зналъ, что раньше его книга была просто запрещена въ Россіи, и радовался, что пришло время конца этого запрещенія, потому что этотъ конецъ означалъ начало лучшаго положенія русской литературы. Затѣмъ разговоръ тотчасъ же перешелъ на положеніе дѣлъ въ Россіи. Его живѣйшимъ образомъ интересовалъ вопросъ о внутреннихъ

реформахъ, предположенныхъ русскимъ правительствомъ и о которыхъ слухи уже въ обиліи проходили въ иностранную печать.

— Вы застали меня,—говорилъ онъ,—какъ разъ за чтеніемъ очень любопытныхъ свѣдѣній о вашемъ отечествѣ.—У него на столѣ развернута была книжка „Revue des deux Mondes“ на статьѣ о русскихъ дѣлахъ. Онъ съ большимъ чувствомъ, точно съ благоговѣніемъ, говорилъ о поставленномъ тогда вопросѣ объ освобожденіи крестьянъ. Онъ придавалъ этой реформѣ, когда она совершится, великое значеніе; съ нею долженъ совершиться поворотъ во внутренней жизни и дальнѣйшемъ развитіи русскаго общества.

Шлоссеръ былъ тогда уже очень древенъ, и это теплое сочувствіе къ лучшимъ явленіямъ русской жизни вполнѣ отвѣчало цѣлому характеру этого историка. Для него историческая наука была не только холоднымъ итогомъ событій, не только холоднымъ объясненіемъ ихъ связи, но и нравственнымъ поученіемъ, нравственнымъ судомъ надъ правыми и неправыми, осужденіемъ зла и проповѣдью высокихъ, гуманныхъ требованій, которыми должны одушевляться дѣятели исторіи; они были въ свое время живыми участниками событій и должны были быть нравственно обязанными членами своего общества. Личность Шлоссера производила въ высокой степени привлекательное впечатлѣніе: этотъ мудрый, безпристрастный, но вмѣстѣ и строгій историкъ напоминалъ собою лучшихъ представителей древней и новѣйшей общественной философіи, и вмѣстѣ былъ для меня, и могъ бы быть для всѣхъ, высокимъ представителемъ нѣмецкой науки, которая въ своей, не однажды тяжелой, судьбѣ успѣла выработать такіе возвышенные характеры научнаго знанія и общественнаго принципа.

Понятно, что самъ Гейдельбергъ былъ для насъ не только привлекателенъ въ качествѣ изящнаго южно-нѣмецкаго города, съ прекрасной природой и университетскимъ бытомъ, но и по своему историческому характеру; мы, конечно, съ нимъ близко освоились.

Гейдельбергъ кромѣ университетскихъ лекцій послужилъ намъ и съ другой стороны. Въ дальнѣйшемъ планѣ нашихъ странствій стояла, во-первыхъ, Швейцарія (она была въ двухъ шагахъ), а затѣмъ Италія. Эта послѣдняя вызывала, конечно, живѣйшіе интересы, и мы нашли необходимымъ здѣсь же, въ Гейдельбергѣ, пристально заняться итальянскимъ языкомъ.

Найти способы ученія въ Гейдельбергѣ не трудно было и въ этомъ отношеніи,—и способы хорошіе. Учителя итальянскаго

языка мы (я и Б. Утинъ) нашли не въ комъ иномъ, какъ въ профессорѣ гейдельбергскаго университета: это былъ д-ръ Рутъ (Ruth), который между прочимъ былъ авторомъ книги, въ свое время цѣнной (Geschichte der italienischen Litteratur). Когда мы явились къ нему и заявили желаніе брать у него уроки итальянскаго языка, онъ принялъ это предложеніе съ большимъ удовольствіемъ, и съ своей стороны указалъ такой гонораръ, который поразилъ насъ своими скромными размѣрами, а именно: мы вдвоемъ должны были уплачивать ему одинъ гульденъ, когда мы приходили на урокъ къ нему, и одинъ гульденъ двадцать крейцеровъ, когда онъ приходилъ къ намъ. Мы предпочли, конечно, послѣднее. Докторъ Рутъ, уже пожилой человѣкъ, оказался человѣкомъ и ученымъ, и любезнымъ: онъ разсказалъ намъ, что за послѣднія много лѣтъ онъ каждый годъ ѣздилъ въ Италію (такъ близко отъ Гейдельберга), потому что это было его Lieblingstudium. Онъ началъ съ очень сжатой грамматики (предполагалось знаніе латинскаго и французскаго языка, и у обоихъ слушателей было уже нѣкоторое знаніе самого итальянскаго), и въ его изложеніе входили вообще и подробности изъ исторіи, исторіи искусства, исторіи литературы и т. п.; за грамматикой слѣдовало чтеніе и наконецъ практика разговора, а также и полезные совѣты для нашего предстоящаго путешествія. Умѣнье преподаванія было очень разумное, и его уроки доставляли намъ настоящее удовольствіе. Когда потомъ мы отправились въ Италію и встрѣтились тамъ съ нѣкоторыми нашими друзьями изъ упомянутыхъ русскихъ путешественниковъ, я прослылъ за особеннаго знатока итальянскаго языка, — съ этимъ, какъ увидимъ, происходили, однако, и довольно забавные анекдоты.

Живя въ Гейдельбергѣ, мы отчасти успѣли ознакомиться и съ его стариной, нравами и окрестностями; чтобы развлечься театромъ (котораго въ Гейдельбергѣ не было), мы ѣздили въ театръ въ Маннгеймъ (полчаса ѣзды по желѣзной дорогѣ), конечно, возвращаясь въ тотъ же вечеръ домой; гуляли по ту сторону Неккара по Philosophenweg, въ знаменитомъ гейдельбергскомъ замкѣ, и взбирались на ту гору, вершину которой составляетъ Königstuhl; мы оба жили на старой Anlage, гдѣ потомъ прошла желѣзная дорога, и передъ нашими глазами была, какъ стѣна, эта высокая, покрытая лѣсомъ, гора. Помню, однажды на прогулкѣ застала меня на горѣ сильная непогода, и я зашелъ въ простой крестьянскій домикъ, гдѣ пришлось выждать сильный ливень; бесѣдуя съ хозяиномъ, я былъ нѣсколько удивленъ и самимъ хозяиномъ, и обстановкой его жилища; по-

своему это былъ образованный человѣкъ, и на одной стѣнѣ его скромнаго обиталища была небольшая полка съ книгами; по книжнической привычкѣ я пересмотрѣлъ эту библіотечку, и кромѣ нѣсколькихъ сочиненій общаго популярнаго содержанія я нашелъ тамъ и цѣлый рядъ книжекъ, даже книгъ по разнымъ предметамъ деревенскаго хозяйства... Въ числѣ окрестностей Гейдельберга мы сдѣлали поѣздку и въ Baden-Baden, гдѣ тогда еще процвѣтала рулетка: прелестное мѣстоположеніе извѣстно; чтобы взглянуть на процедуру рулетки, мы положили употребить на это (т.-е. пожертвовать ей) не болѣе двухъ талеровъ,—долженъ сказать, что зрѣлище, какое представляла сама публика, произвело на меня довольно отталкивающее впечатлѣніе—при всей блестящей обстановкѣ заведенія.

Путешествіе по Швейцаріи описывать не буду. Припомню только нашъ маршрутъ. Первымъ городомъ на нашемъ пути съ этой стороны былъ, конечно, Базель; отсюда мы двинулись на Цюрихъ (гдѣ, въ отелѣ, россіянъ угощали уже самоваромъ); дальше по горной дорогѣ надъ озеромъ мы проѣхали на Цугъ и по Цугскому озеру на Артъ, откуда дѣлается подъемъ на неизбѣжный тогда для путешественниковъ Риги-Кульмъ. Funiculaire тогда еще не существовалъ; мы поднялись туда пѣшкомъ и, прибывъ туда къ вечеру, нашли огромный отель биткомъ набитымъ публикой, такъ что для насъ съ трудомъ нашли уголокъ на чердакѣ для ночлега. Публика была, конечно, изъ всѣхъ племенъ, нарѣчій и состояній: первое горное зрѣлище было по-истинѣ исполнено интереса. На другой день мы такимъ же образомъ, пѣшкомъ, спустились на другую сторону горы въ Küssnacht и тамъ по озеру прибыли въ Люцернъ. Понятно, что путешествіе завлекало невиданными красотами природы, но, по соображеніямъ времени и издержекъ, надо было ограничить свои планы, и дальнѣйшій путь по Швейцаріи ограничился Берномъ, Невшателемъ, Лозанной, Женевой, Женевскимъ озеромъ, Вильнёвомъ, наконецъ Бригомъ и Симплономъ. Разумѣется, интересенъ былъ чрезвычайно не только пейзажъ, но и разнородныя историко-литературныя воспоминанія и впечатлѣнія художественныя. Не обошлось и безъ воспоминаній курьёзныхъ. Еще раньше, бесѣдуя съ нашими соотечественниками и учеными друзьями въ Парижѣ, Лондонѣ, Гейдельбергѣ, мы предполагали, что намъ вѣроятно приведется встрѣтиться гдѣ-нибудь въ Швейцаріи и Италіи, которыя также входили въ ихъ программы. Дѣйствительно, помнится, сначала въ Люцернѣ, потомъ въ Бернѣ собралась цѣлая компанія знакомыхъ, и мы рѣшили ѣхать, не раздѣляясь, до

Женевы и даже до сѣверной Италіи. Встрѣча была очень пріятна: у всѣхъ были свои воспоминанія и разсказы; у многихъ бывали общіе интересы; на прогулкахъ, во время обѣда шли оживленныя бесѣды, которыя въ концѣ концовъ навлекли намъ еще одного спутника, непремѣнно желавшаго быть въ нашемъ обществѣ и отъ котораго мы не знали какъ отдѣлаться. Въ нашемъ кружкѣ, кромѣ другихъ, были тогда Д. И. Каченовскій и Сухомлиновъ, оба занимательные собесѣдники и оба склонные къ веселой шуткѣ. Нашъ новый спутникъ, NN, былъ уже немолодой человѣкъ, боевой (кажется, впрочемъ, интендантскій) генералъ, между прочимъ защитникъ Севастополя; онъ путешествовалъ одинъ, вѣроятно только для развлеченія; повидимому также онъ скучалъ своимъ одиночествомъ, и очень обрадовался, встрѣтивъ молодую компанію веселыхъ соотечественниковъ. Онъ, буквально, присталъ къ намъ; онъ непремѣнно хотѣлъ видѣть то, что̀ хотѣли мы осмотрѣть, и вообще хотѣлъ проводить съ нами время. При первомъ знакомствѣ онъ нѣсколько удивилъ насъ, подробно разспрашивая каждаго, гдѣ онъ раньше былъ, какимъ путемъ пріѣхалъ, положимъ, въ Бернъ, куда поѣдетъ дальше, какимъ путемъ вернется въ Россію и куда и т. д.; все это онъ просилъ насъ ему записать или записывалъ самъ. Эта настойчивая любознательность показалась намъ странной, какъ будто даже немного подозрительной: зачѣмъ ему нужно было все это знать? Вскорѣ, однако, оказалось, что это была величайшая наивность или невѣжество. Онъ объяснялъ, что, имѣя наши маршруты, онъ можетъ потомъ самъ выбирать маршрутъ для собственныхъ поѣздокъ, потому что будетъ знать, какъ изъ одного города попасть въ другой и во сколько времени; онъ не имѣлъ понятія, что всѣ подобныя свѣдѣнія можетъ найти по картѣ и въ путеводителѣ. Онъ дѣлился съ нами и собственными опытами, и впечатлѣніями, которыя бывали удивительны и иногда непонятны; напримѣръ, онъ сообщилъ намъ, что былъ въ Гамбургѣ, который поразилъ его равнодушіемъ своихъ жителей; мы доспрашивались, къ чему же жители Гамбурга оказались такъ равнодушны, онъ отвѣчалъ: „къ генеральскому чину“... Словомъ, это былъ живой образецъ того генерала Дитятина, съ которымъ мы познакомились впослѣдствіи въ разсказахъ Горбунова. Мы не оставляли его своими совѣтами для благополучія его дальнѣйшихъ странствій; но въ концѣ концовъ собесѣдникъ становился утомителенъ, и чтобы спастись отъ него, мы употребили военную хитрость, — именно, уѣхали, не сказавъ куда: мы уѣхали въ дилижансѣ въ Невшатель, откуда на пароходѣ проѣхали по Нев-

шательскому озеру въ Ивердэнъ и затѣмъ въ Лозанну и Женеву. Пріѣхавъ въ Невшатель, мы осмотрѣли городъ и отправились на пароходную пристань. Пароходъ въ Ивердэнъ долженъ былъ скоро отойти; часъ отъѣзда наступилъ, но пароходъ все медлилъ, и на вопросъ нашъ о причинѣ замедленія намъ сказали, что мы должны дождаться, чтобы принять пассажировъ съ другого парохода, который долженъ подойти. Дѣйствительно, мы увидѣли вдали идущій пароходъ, и когда онъ подошелъ нѣсколько ближе и можно было различать людей, мы увидѣли, что намъ машетъ платкомъ нашъ генералъ. Онъ насъ догналъ; его-то и долженъ былъ подождать нашъ пароходъ. Пересѣвъ къ намъ, онъ сдѣлалъ намъ дружескій укоръ, что мы не предупредили его о своемъ отъѣздѣ, и разсказалъ, съ какимъ трудомъ собиралъ онъ свѣдѣнія о томъ, въ какую сторону мы могли уѣхать. Съ тѣхъ поръ онъ, кажется, внимательно стерегъ насъ и еще проживалъ съ нами въ Женевѣ. Тамъ мы окончательно разстались: кажется, Италія не входила въ его маршруты.

Не буду разсказывать о достопримѣчательностяхъ Женевы, о красотахъ Женевскаго озера, о Монтрё, гдѣ провели нѣсколько дней, Шильонскомъ замкѣ и проч. Здѣсь опять, конечно, сопровождали насъ историческія и литературныя воспоминанія. Въ Италію мы попали черезъ Симплонъ. Переѣздъ черезъ гору былъ, конечно, чрезвычайно интересенъ и не безъ сильныхъ впечатлѣній: медленный подъемъ съ постоянно растущимъ горизонтомъ, гдѣ съ вершины мы увидѣли опять въ миніатюрѣ мѣстечко Бригъ, точку нашего отправленія; остановка на вершинѣ съ совершенно иной, холодной и скудной растительностью; быстрый спускъ черезъ дикое и эффектное ущелье Гондо; наконецъ, когда внизу раздвинулись его скалы, раскрывшія передъ нами цвѣтущій пейзажъ равнины Піемонта, послѣднія поражали разнообразіемъ картинъ; изящный и мягкій видъ озера и цвѣтущей равнины какъ бы давалъ отдохнуть отъ суровыхъ впечатлѣній Симплона и Гондо и былъ завлекающимъ предисловіемъ къ иной странѣ, иной природѣ, нравамъ и исторіи. Изъ Ароны мы проѣхали прямо въ Туринъ, гдѣ оставались два-три дня, чтобы познакомиться со столицей еще скромнаго тогда Піемонта, потомъ въ Геную, гдѣ видѣли первый, чрезвычайно оригинальный итальянскій городъ и первый образчикъ средневѣковой итальянской старины, когда Генуя была самостоятельной и сильной республикой... Помнится, здѣсь произошла первая проба приписаннаго мнѣ, какъ выше сказано, аккуратнаго знанія итальянскаго языка. Въ Италію и въ Геную мы пріѣхали изъ Женевы цѣлой маленькой

компаніей,—помню, что еще въ Женевѣ присоединился къ намъ Д. И. Каченовскій. Мы разстались съ нимъ въ Лондонѣ: тѣмъ временемъ онъ сдѣлалъ путешествіе въ Испанію, которою очень увлекался, между прочимъ, угощая насъ на фортепіано подобранными имъ испанскими народными пѣснями. Мы вмѣстѣ осматривали своеобразные генуэзскіе памятники, храмы (немногіе), палаццо и галлереи. Однажды намъ понадобились сигары; мы вошли въ лавчонку, и мнѣ поручено было выбрать ихъ и купить. Оказалось, однако, что это было не такъ просто. Владѣлецъ лавчонки, генуэзскій демократъ, съ нѣкоторымъ трудомъ понималъ мои вопросы, дѣланные на языкѣ, практикѣ котораго обучалъ насъ профессоръ Рутъ въ Гейдельбергѣ. Мои спутники видѣли, что и я также съ нѣкоторымъ трудомъ понимаю подлиннаго итальянца. Проба оказалась не совсѣмъ удачна, и коварный Каченовскій съ прискорбіемъ припомнилъ стихи:

И былъ ли то привѣтъ странѣ родной,
Названье ли утраченнаго друга... и т. д.

—словомъ, поднялъ меня на смѣхъ. Я не могъ отвергнуть очевиднаго факта, и хотя подозрѣвалъ, въ чемъ дѣло, но все-таки былъ нѣсколько смущенъ неполнотой своего знанія итальянскаго языка. Дѣйствительно, когда потомъ я съ Б. Утинымъ поселился во Флоренціи, мой итальянскій языкъ оказался достаточно удовлетворительнымъ: здѣсь была тосканская основа итальянскаго литературнаго языка, а генуэзскій демократъ угощалъ меня своимъ мѣстнымъ нарѣчіемъ.

Изъ Генуи мы отправились на пароходѣ въ Ливорно; путешествіе продолжалось отъ вечера до утра. Изъ Ливорно мы переѣхали прямо во Флоренцію. Здѣсь на этотъ разъ мы прожили мѣсяца два: это были первые осенніе мѣсяцы, едва ли не лучшіе для путешествія въ южной Италіи. Въ слѣдующемъ году, опять осенью, мнѣ привелось прожить здѣсь довольно долго. Потомъ я живалъ въ Римѣ, Неаполѣ, въ Венеціи, видалъ немало болѣе скромную итальянскую провинцію—Сіену, Пизу, Пистойю, Болонью, Парму, Модену. Но несмотря на всю грандіозность, напримѣръ, римскихъ впечатлѣній, на весь заманчивый интересъ Венеціи, самымъ привлекательнымъ пунктомъ Италіи, въ моихъ тогдашнихъ интересахъ, осталась для меня Флоренція—съ ея мягкимъ, изящнымъ пейзажемъ, съ ея стариной (гдѣ въ окрестностяхъ были въ Fiesole даже остатки циклопическихъ построекъ), средневѣковыми воспоминаніями, богатыми музеями и галлереями, съ ея незамысловатымъ тогда, но интереснымъ театромъ, осо-

бенно народнымъ, прекрасными окрестностями и, какъ мнѣ казалось тогда, болѣе живыми проявленіями жизни литературной. Опять не буду останавливаться на описаніи достопримѣчательностей ни Флоренціи, ни Рима, ни другихъ итальянскихъ городовъ: онѣ слишкомъ знамениты, чтобы перечислять ихъ. Отмѣчу одно впечатлѣніе, которое здѣсь очень отвлекло меня отъ моихъ обычныхъ занятій. Итальянское путешествіе вообще (какъ и пребываніе въ Германіи и Франціи) было для меня не только исполнено величайшаго личнаго интереса, но представлялось и донынѣ представляется по-истинѣ драгоцѣннымъ, образовательнымъ поученіемъ: это было (и доселѣ можетъ быть) въ высокой степени привлекательнымъ дополненіемъ къ университетскому, да и всякому другому высшему курсу: для нашего учащагося, или вѣрнѣе доканчивающаго свое ученіе поколѣнія, путешествіе подобнаго рода можетъ быть прекраснымъ дополненіемъ книжно-пріобрѣтенныхъ свѣдѣній—по всѣмъ отраслямъ науки. Молодой человѣкъ съ нѣсколько развитымъ дома интересомъ науки найдетъ въ европейскихъ научныхъ учрежденіяхъ множество новыхъ указаній; можетъ видѣть—и поучиться — у знаменитыхъ представителей европейской науки, нерѣдко могущественныхъ ея двигателей; можетъ видѣть громадный научный аппаратъ въ библіотекахъ, лабораторіяхъ, музеяхъ, клиникахъ; въ предметахъ общаго образованія онъ найдетъ также множество поучительнаго въ разнообразныхъ общественныхъ учрежденіяхъ, картинныхъ галлереяхъ, музеяхъ художественныхъ, наконецъ въ самомъ складѣ общественной жизни и нравовъ. Нечего говорить, что кромѣ спеціально-научной пользы, для нѣсколько разбуженнаго ума можетъ представиться здѣсь множество умственной и духовной пищи, которая въ состояніи быть на цѣлую жизнь задаткомъ здраваго, просвѣщеннаго міровоззрѣнія.

Такой высокій интересъ путешествіе по Европѣ представляло для насъ, молодыхъ университетскихъ „русскихъ" путешественниковъ конца пятидесятыхъ годовъ. Какъ выше было сказано, путешествіе на Западъ только-что становилось доступнымъ. Быть можетъ, только позднѣе (для насъ, тогда большею частью еще очень молодыхъ людей) стала яснѣе сказываться общая разница въ общественной жизни, учрежденіяхъ, нравахъ, литературѣ, и т. д. Прежде всего, еще были сильны свои университетскія воспоминанія и наличный запасъ научныхъ познаній. Насъ охватывало едва обозримое богатство европейской науки, живой, дѣятельной, тѣсно слитой съ нравами и—съ исторіей. Обозрѣніе „достопримѣчательностей" (становящееся обязательнымъ и для

обыкновеннаго туриста) было для насъ не только интересно какъ для обыкновеннаго туриста, но было особенно поучительной новизной, какъ будто заключительнымъ курсомъ всеобщей исторіи. У себя дома мы, къ сожалѣнію, мало имѣемъ старыхъ памятниковъ исторіи, наглядно рисующихъ намъ давно прошедшую древность; здѣсь на каждомъ шагу мы видѣли множество этой наглядной старины не только въ музеяхъ, но на самыхъ мѣстахъ, въ подлинникѣ сохранившейся въ теченіе не только вѣковъ, но тысячелѣтій, какъ, напримѣръ, въ Римѣ. Италія въ этомъ отношеніи производила особенно сильное впечатлѣніе. Въ нашемъ тѣсномъ кружкѣ, въ какомъ мнѣ случалось осматривать ея „достопримѣчательности", бывалъ единодушный, сильный интересъ въ этомъ направленіи. Здѣсь это изученіе старины—въ обстановкѣ прекрасной природы—было въ особенности привлекательно и поучительно. Это было настоящее откровеніе. Само собою разумѣется, что никакія книжныя описанія, никакіе, самые живые разсказы не могли дать того могущественнаго впечатлѣнія, какое давала сама древность, и въ тѣхъ завершенныхъ, художественныхъ произведеніяхъ, какія по счастливой судьбѣ сохранились до нашего времени, и въ тѣхъ намекахъ, какіе давала древность полуразрушенная, тѣ обломки, которые, и будучи обломками, составляютъ иногда и до сихъ поръ предметъ удивленія для любителей и цѣнителей искусства. Италія доставляла особенно богатое поученіе и въ томъ отношеніи, что въ нашемъ „высшемъ" университетскомъ образованіи въ тѣ годы совершенно недоставало одного чрезвычайно важнаго образовательнаго предмета (къ сожалѣнію и до сихъ поръ поставленнаго не весьма удовлетворительно),—именно исторіи искусства. Въ наше время въ университетскомъ преподаваніи не было даже намека на этотъ отдѣлъ историческаго знанія. Полагалось, что это есть предметъ совсѣмъ особаго спеціальнаго интереса, не имѣющаго отношенія къ принятому историческому „курсу". Для меня, а также и для нѣкоторыхъ другихъ товарищей путешествія, этотъ интересъ къ исторіи искусства въ первый разъ опредѣлился въ настоящую потребность именно здѣсь. Мы видѣли уже не мало „галлерей", видѣли древности, классическія скульптуры, знали довольно хорошо уже многія знаменитыя имена художниковъ и ихъ произведеній,—но все это оставалось для насъ какъ будто только предметомъ любопытства, правда, очень интереснымъ, но который могъ спокойно оставаться въ памяти. Италія, напротивъ (и, кажется, только она можетъ это сдѣлать), впервые сообщила этимъ предметамъ любопытства характеръ живѣйшаго историче-

-скаго и художественнаго интереса. Дѣло въ томъ, что, во-первыхъ, нигдѣ насъ не окружало такое множество изящныхъ произведеній искусства; во-вторыхъ, мы были на самомъ мѣстѣ ихъ созданія; вмѣстѣ съ ними передъ нами представала сама исторія. Римъ усыпанъ памятниками древней римской исторіи; памятниками древняго христіанскаго искусства; Ватиканъ и Капитолій — богатѣйшія въ свѣтѣ собранія античной скульптуры; римскіе храмы и палаццо—богатыя собранія произведеній итальянской живописи, въ особенности съ эпохи Возрожденія. Флоренція менѣе богата скульптурой, но зато владѣетъ единственными въ своемъ родѣ собраніями старо-итальянской живописи, и галлерея Уффици въ особенности поучительна хронологической послѣдовательностью памятниковъ, наглядно рисующихъ исторію средневѣкового итальянскаго искусства; въ высокой степени интересные эпизоды изъ той же исторіи представляютъ ея архитектурныя сооруженія и окрестные памятники искусства въ Пизѣ, Сіеннѣ, Болоньѣ и т. д. Когда вспоминались при этомъ другія чудеса древности, какъ римскія катакомбы, какъ памятники первыхъ вѣковъ христіанства, какъ средневѣковые памятники Венеціи, частью Генуи и др.; когда вспоминались древнѣйшіе памятники итальянской литературы—все это воспроизводило такую широкую историческую картину, которая не могла не оставлять поразительнаго впечатлѣнія и не внушать глубокаго историческаго уваженія къ тѣмъ вѣкамъ, которые создавали столь великое обиліе произведеній художественнаго генія и творческой мысли...

Отчасти было замѣчено выше, что въ другихъ отношеніяхъ подобное впечатлѣніе производили другія страны Запада, какъ ближе видѣнныя мною Германія и Франція съ одной стороны великимъ богатствомъ памятниковъ исторической жизни, съ другой—великимъ богатствомъ научныхъ учрежденій, результата высокой исторической культуры, и богатствомъ современнаго научнаго труда во всѣхъ отрасляхъ человѣческаго знанія. Чувствовалось въ особенности, что все это было не случайнымъ результатомъ какого-либо единичнаго покровительства просвѣщенію, а результатомъ цѣлой исторической жизни, объединявшимъ усиліемъ многихъ вѣковъ, проникавшимъ во всѣ слои и стремленія націй, результатомъ органическаго развитія. Такъ, Германія поражала этимъ обиліемъ высшей науки, храмы которой, университеты, разсѣяны были по всѣмъ нѣсколько крупнымъ пунктамъ бывшей феодальной Германіи и процвѣтали донынѣ въ небольшихъ провинціальныхъ городахъ; нѣкоторые знаменитые германскіе университеты существуютъ донынѣ въ скромныхъ, малень-

кихъ городахъ, не больше нашихъ уѣздныхъ, не имѣютъ иногда даже своего цѣльнаго зданія, и аудиторіи знаменитыхъ ученыхъ ютились въ частныхъ квартирахъ, а общее расписаніе лекцій находило свой центръ на городской площади, на стѣнахъ стариннаго собора. Громадное распространеніе научнаго труда было грандіозно, а въ нѣкоторыхъ частностяхъ по-истинѣ трогательно.

Такое впечатлѣніе складывалось у меня вообще въ двухлѣтнее пребываніе за границей: постоянно повторяясь въ разныхъ странахъ Европы, оно укрѣплялось подъ конецъ въ прочное убѣжденіе. Оно выростало совершенно естественно, постоянно подтверждаясь фактами, и было исторически несомнѣнно...

Въ оба года моей жизни за границей, побывавъ въ Германіи, Франціи, Италіи, я кончалъ славянскими землями, гдѣ наибольшую часть времени я проводилъ въ Прагѣ. Свой интересъ къ литературѣ и общественному быту славянства я давно почерпнулъ изъ университетскихъ лекцій Григоровича и Срезневскаго. Въ свое время я занимался славянскими предметами вѣроятно не меньше другихъ своихъ товарищей-современниковъ; но я не сдѣлался славистомъ, т.-е. не сдѣлалъ славянскихъ предметовъ своей спеціальностью. Точно также я не сдѣлался славянофиломъ. Выше я, помнится, указывалъ, почему не произошло это послѣднее: я все-таки (хотя мало, но достаточно) видѣлъ подлинный *народъ*—и мнѣ трудно было идеализировать его такъ, какъ необходимо было для славянофильства, т.-е. до фантастики. Народъ, громадная масса котораго была еще крѣпостная, представлялъ собою нѣчто матеріально-грандіозное, но, по содержанію, столь неопредѣленное, малокультурное, неясное и безправное, что дѣлать его готовымъ носителемъ возвышенной „народной идеи“ возможно было бы только при большомъ запасѣ вѣры, т.-е. своего рода энтузіазма. Въ данныхъ условіяхъ для этого энтузіазма было слишкомъ мало матеріала, когда, притомъ очень рано, въ мои понятія входила совсѣмъ иная точка зрѣнія, въ которой ставились требованія, во-первыхъ, исторической критики, во-вторыхъ живого фактическаго наблюденія. Домашнее славянофильство переносило эту же вѣру и въ пониманіе славянства западнаго и южнаго. Само по себѣ, какъ я сказалъ, это внѣ-россійское славянство привлекало меня съ университетской скамьи, и привлекало совершенно естественно: во всякомъ случаѣ, — принималась или не принималась точка зрѣнія нашего славянофильства,—въ западномъ славянствѣ вступалъ въ исторію новый міръ, который требовалъ себѣ своего мѣста въ этой исторіи, міръ отчасти таинственный по своей малой извѣстности, обѣщавшій

какія-то невѣдомыя откровенія, и тѣмъ больше привлекательный для насъ, потому что чувствовалось какое-то близкое, инстинктивное родство съ этимъ міромъ. Для меня, какъ для моихъ товарищей, которые были учениками нашихъ первыхъ ученыхъ славистовъ и слышали ихъ въ лучшую пору ихъ собственнаго увлеченія, была уже отчасти открыта завѣса, скрывавшая этотъ міръ отъ большинства профановъ. Срезневскій, главный нашъ учитель, въ ту пору еще сохранялъ ту романтическую жилку, которая отличала его первыя изученія славянства, и намъ естественно передавались тѣ симпатіи, которыми самъ онъ былъ тогда проникнутъ: многое изъ того, что̀ онъ говорилъ намъ о современномъ славянствѣ, принималось на вѣру; многія имена славянскихъ дѣятелей, которыхъ онъ лично зналъ, въ которыхъ онъ видѣлъ надежду славянскаго будущаго и съ которыми дѣйствительно были уже связаны многіе крупные факты новѣйшаго славянскаго движенія и науки, — эти имена были намъ хорошо знакомы; многое мы уже сами читали... Понятно, что для меня пріѣздъ въ Вѣну, потомъ въ Прагу былъ тогда исполненъ интереса, такъ какъ ко многому я былъ довольно хорошо приготовленъ. Когда я видѣлъ Миклошича, Шафарика, Палацкаго, Ганку, Эрбена и другихъ, я уже имѣлъ болѣе или менѣе отчетливое представленіе объ ихъ историческомъ трудѣ, о стремленіяхъ славянскаго общества; эти новыя лица возбуждали тѣмъ бо̀льшее любопытство, что и въ данную минуту они стояли во главѣ своего народа.

Я прожилъ особенно долго въ Прагѣ и имѣлъ случай познакомиться чуть ли не со всѣмъ, болѣе крупнымъ, личнымъ составомъ тогдашней чешской литературы... Первое мое посѣщеніе было, вѣроятно, по обычаю всѣхъ русскихъ, заѣзжавшихъ тогда въ Прагу, въ Чешскій Музей, въ его тогдашнемъ скромномъ помѣщеніи на Коловратской улицѣ, гдѣ имѣлъ также небольшую квартирку и главный библіотекарь музея, Ганка. Этотъ библіотекарь бывалъ обыкновенно всегда на своемъ посту.

Въ Прагѣ я перезнакомился съ большимъ числомъ литературныхъ и общественныхъ дѣятелей, между прочимъ еще многихъ изъ тѣхъ, имена которыхъ мы знали нѣкогда отъ Срезневскаго. Объ этомъ заботился и самъ Ганка, который, живя весь въ интересахъ національнаго дѣла, прежде всего желалъ меня ввести въ кругъ патріотическихъ дѣятелей, познакомить со старыми и молодыми, быть можетъ, еще ничего особеннаго не совершившими, но обѣщающими совершить. Люди крупные, обыкновенно уже старые, держались особнякомъ; молодежь постоянно

встрѣчалась между собой, интересуясь всякими новостями политическими и литературными, и обыкновенно была настроена въ самомъ патріотическомъ духѣ, разумѣя національно-чешскій. Главнымъ центромъ, гдѣ собирался патріотическій кругъ, была „Чешская бесѣда“, родъ скромнаго клуба, гдѣ каждый вечеръ сходилась публика, вся между собой знакомая, чтобы выпить привычную кружку пива и къ ней потребовать иногда Wiener-schnitzel. Ганка разъ навсегда пригласилъ меня въ „бесѣду“, гдѣ кончали свой день чешскіе патріоты. Другими сборными пунктами были концерты, а именно прекрасные пражскіе квартеты, на которые собиралась скромная публика, какъ на домашнія вечеринки.

Другимъ сборнымъ мѣстомъ былъ чешскій театръ. Въ тѣ годы чешская сцена еще не имѣла собственнаго зданія театра, и ей тогда приходилось ютиться въ нѣмецкомъ театрѣ, конечно въ тѣ часы, когда онъ былъ свободенъ отъ нѣмецкихъ представленій. Это бывало не весьма удобно, такъ какъ приходилось именно въ серединѣ дня. Посѣщеніе чешскаго театра бывало почти патріотической обязанностью. Ганка очевидно считалъ своимъ долгомъ просвѣщать меня по чешскимъ національнымъ дѣламъ, и билетъ для меня всегда былъ заранѣе взятъ въ чешскій театръ рядомъ съ его мѣстомъ, въ первыхъ рядахъ...

Вся обстановка этой патріотической жизни была особенная — очень скромная, очень провинціальная и патріархальная. Сильное патріотическое возбужденіе миновало давно, въ концѣ 40-хъ годовъ, но было еще памятно и вспоминалось съ замѣтнымъ одушевленіемъ. Мнѣ старались доставить литературные останки того времени, напримѣръ вродѣ изданій Гавличка, объясняли пражскую топографію и т. п. Лица, какъ Палацкій, Ригеръ, Браунеръ, были готовыми представителями чешскаго патріотизма и считались, при случаѣ, готовыми борцами. Въ данную минуту борьбы не предвидѣлось; еще продолжалось реакціонное настроеніе, при которомъ чешскому патріотизму оставалось только беречь свои преданія и запасаться силами на будущее... Въ ту минуту патріоты скромно исполняли свою задачу. Тотъ кругъ ихъ, который былъ болѣе или менѣе на виду въ литературѣ, по большей части занималъ очень скромное положеніе въ общественной жизни: очень часто это были учителя, иногда гувернеры въ большихъ домахъ, газетные работники, частью чиновники въ какихъ-нибудь индифферентныхъ вѣдомствахъ, также въ библіотекахъ и архивахъ, въ народной школѣ. Большая филіація патріотическихъ друзей распространялась на провинцію.

Когда я пріѣхалъ въ Прагу и на первыхъ порахъ мнѣ случилось сказать Ганкѣ, что я думаю остаться въ Прагѣ довольно долго, онъ заявилъ мнѣ, что мнѣ, конечно, не слѣдуетъ оставаться жить въ гостинницѣ, и что онъ самъ разыщетъ для меня квартиру: онъ найдетъ для меня „недорогую" комнату, въ „хорошемъ" чешскомъ семействѣ (гдѣ, между прочимъ, окончательно привыкну говорить по-чешски) и т. д. Черезъ два-три дня комната у „хорошихъ" чеховъ была дѣйствительно найдена, и Ганка повелъ меня показать ее. Но онъ, повидимому, разсчитывалъ на мою неприхотливость по своимъ молодымъ чешскимъ патріотамъ, которые бывали черезчуръ неприхотливы, другими словами, жили часто бѣдно; комната у „хорошихъ" чеховъ была дѣйствительно недорогая, но оказалась такой патріотической конурой, поселиться въ которой я не рѣшился. Ганка только удивился, почему я отказался поселиться у такихъ хорошихъ людей? Объясненіемъ можетъ служить отчасти тотъ общій уровень, въ которому онъ привыкъ, между прочимъ, и въ своемъ собственномъ быту. Въ его квартирѣ въ музейскомъ домѣ я былъ всего нѣсколько разъ (мы видались обыкновенно по утрамъ, въ самомъ музеѣ). Его жилище обставлено было очень скромно, и бережливость доходила до того, что онъ зажигалъ огонь только когда было совсѣмъ необходимо: по вечерамъ, когда мнѣ случалось захаживать за нимъ, отправляясь въ „бесѣду", я обыкновенно находилъ его въ полупотьмахъ.

Мое общее впечатлѣніе вспоминается мнѣ и понынѣ довольно ясно. Конечно, на первый разъ живы были въ памяти романтическія представленія о славянскомъ возрожденіи, слышанныя отъ нашихъ профессоровъ; на мѣстѣ, эти представленія необходимо видоизмѣнялись, становились нагляднѣе, проще, а нерѣдко и скуднѣе. Не разъ можно было встрѣтить трогательный патріотизмъ, особенно у людей старшаго поколѣнія, доживавшаго ужъ свой вѣкъ, которое въ прежнія времена отстаивало права своей народности путемъ скромной литературы, скромной и аккуратной народной школы; на это полагалось много самоотверженнаго усердія; но становилось ясно, что этихъ патріотическихъ усилій слишкомъ мало для тѣхъ вопросовъ, которые уже возставали для чешскаго (и вообще для западно-славянскаго) возрожденія. Движеніе во многихъ случаяхъ напоминало своими формами старыя времена: литература была въ особенности популярная, разсчитывала на демократическую и небогатую публику; національный патріотизмъ все еще питался старой романтической пищей, древними, отчасти воображаемыми, историческими героями, но въ настоящей дѣйствительности видимо должна была предстоять тя-

желая борьба съ австрійской, т.-е., въ концѣ концовъ, нѣмецкой государственностью, борьба, для которой требовались иныя средства, не романтическое, а реально-политическое возрожденіе. Надежда была бы (какъ это и считалось уже и въ тѣ времена) на славянское большинство въ пестромъ австрійскомъ государствѣ, но это большинство было разноплеменное и всего менѣе солидарное... Я упоминалъ, что Ганка старался, чтобъ я не пропускалъ чешскихъ спектаклей. Тамъ давались частью бытовыя пьесы, комедіи, обыкновенно довольно занимательныя, потому что поддерживались особенно двумя очень талантливыми исполнителями-комиками, но давались и драмы и трагедіи на темы изъ чешской исторіи, съ патріотическими интересами, но съ литературнымъ исполненіемъ, напоминавшимъ русскому зрителю не то чтобы Пушкина, а больше Кукольника. Однажды мнѣ привелось слышать на сценѣ даже одну изъ поэмъ знаменитой Краледворской рукописи — „Ярославъ", въ чтеніи перваго тогдашняго чешскаго трагика Колара [1]): онъ съ великимъ эмфазомъ читалъ патріотическіе стихи изъ поэмы, которую одинъ изъ новѣйшихъ ученыхъ считалъ въ числѣ „*новѣйшихъ* памятниковъ *древней* чешской литературы", — другими словами, хотѣлъ указать, что эта древность есть новѣйшая, т.-е. поддѣльная... Мы, недавніе ученики Срезневскаго (впослѣдствіи съ немалымъ, но лукавымъ искусствомъ защищавшаго подобныя поддѣлки), въ то время склонны были вполнѣ вѣрить въ подлинность этой старины, но въ нѣмецко-австрійской литературѣ уже высказывались подозрѣнія и обвиненія, и чтеніе „Ярослава" со сцены (а „Ярославъ" былъ именно одной изъ поэмъ самыхъ подозрительныхъ) было явной патріотической демонстраціей.

Въ числѣ новыхъ впечатлѣній, не отвѣчавшихъ романтическому представленію о славянскомъ возрожденіи, было одно наблюденіе, къ которому мы не были приготовлены. Уже на первыхъ порахъ я замѣтилъ, что мои чешскіе пріятели (они были, конечно, среди молодежи; о старомъ поколѣніи нечего и говорить) не имѣли понятія о новѣйшей русской литературѣ...

А. Н. Пыпинъ.

[1]) Не смѣшивать съ знаменитымъ поэтомъ Яномъ Колларомъ, который, впрочемъ, тогда уже умеръ.

ПО СОВѢСТИ

РОМАНЪ

ИЗЪ ПОМѢЩИЧЬЕЙ ЖИЗНИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

V *).

Прошло два мѣсяца со времени посѣщенія Дубовки Натальей Владиміровной.

Аполлонъ Николаевичъ жилъ въ городѣ и по праздникамъ навѣщалъ жену свою въ Кіоскерлѣ. Дима жилъ въ лагерѣ, а Гри-Гри радовался на хорошій урожай. Еслибы не мысль, что, вотъ-вотъ, Аполлонъ Николаевичъ потребуетъ съ него больше денегъ, чѣмъ онъ могъ бы дать безъ ущерба правильному ходу хозяйства, онъ былъ бы совсѣмъ покоенъ и доволенъ своей судьбой. По праздникамъ онъ обыкновенно уѣзжалъ или по дѣламъ, или къ Градову. Изрѣдка бывали гости, большей частью случайные, и у него. Въ будни же съ утра до ночи на ногахъ, то въ полѣ, то на гумнѣ, то въ конторѣ, онъ лѣтомъ не находилъ даже времени почитать; только когда приносили ему почту, онъ съ жадностью бросался на газеты и прочитывалъ ихъ отъ доски до доски. Почту приносили къ ночи, а потому въ эти дни онъ ложился позже обыкновеннаго.

Почту доставлялъ ему со станціи крестьянинъ дубовскій, Гарасимъ. Два раза въ недѣлю, онъ пѣшкомъ отправлялся рано утромъ на станцію, а къ ночи возвращался домой съ почтой въ кожаной сумкѣ, сдѣлавъ въ теченіе дня шестьдесятъ верстъ.

---

*) См. выше: февр., стр. 510

Продѣлывалъ онъ это и зимой, и лѣтомъ. Развѣ исключительно сильная мятель, да еще полая вода, отрѣзывавшая ежегодно Дубовку отъ остального міра, его задерживали.

Гарасимъ этотъ извѣстенъ былъ далеко за предѣлы Дубовки, какъ человѣкъ на всѣ руки. Зимой онъ чинилъ сапоги (новыхъ онъ не дѣлалъ), переплеталъ кому нужно книги, хотя, за неимѣніемъ шрифта, на переплетъ надписей онъ не ставилъ; пускалъ въ ходъ часы, когда они почему-нибудь останавливались; лѣтомъ ставилъ мужикамъ походныя молотилки, помогалъ кузнецу деревенскому, оправлялъ бочки, кадушки. А главнымъ образомъ онъ былъ извѣстенъ какъ знатокъ богослуженія. Онъ никогда почти не пропускалъ церковной службы. Вмѣстѣ со сторожемъ, отпиравшимъ церковь, въ нее входилъ обыкновенно и Гарасимъ; онъ же замѣчательно трезвонилъ, причемъ мѣнялъ характеръ трезвона, глядя по празднику. Затѣмъ онъ становился на лѣвый крылосъ и изображалъ изъ себя лѣвый хоръ. „Господи, помилуй“ и „подай, Господи“ онъ пѣлъ такъ, что двухъ похожихъ напѣвовъ въ ектеньѣ не было: то растянетъ „ми“, то „по“, то слогъ „дай“ опуститъ, то подниметъ, то еще выше подниметъ. Гласы всѣ онъ зналъ необыкновенно твердо, но и тутъ допускалъ различныя варіаціи, не выходя, впрочемъ, изъ характера мотива. По храмовымъ праздникамъ онъ всегда обходилъ приходъ съ духовенствомъ и получалъ добровольныя даянія. При этомъ, зная слабость дьячка, онъ не пилъ до вечера. Обходъ совершался, по обычаю, быстро и пѣть приходилось все время и на ходу. И тутъ выручалъ Гарасимъ: удивительныя легкія позволяли ему все время пѣть безъ остановки, несмотря на сильнѣйшіе морозы и усталость. Въ это же время онъ заботился о кадилѣ, продавалъ свѣчки изъ ящика и смотрѣлъ за тѣмъ, чтобы все было въ порядкѣ: пьяныхъ изъ избы выталкивалъ, а дѣтей выдвигалъ впередъ; а когда забалуются,—дергалъ за волосы. Къ вечеру онъ напивался и возвращался домой.

Пилъ онъ не часто, но крѣпко. „Пить, такъ пить,—говорилъ онъ,—а то незачѣмъ губы марать“. Очень тихій и веселый, онъ ни съ кѣмъ не ссорился, а домашнее хозяйство всецѣло поручилъ женѣ, которую любилъ и которой немного побаивался, когда былъ трезвъ. Пьяный же онъ ее билъ ни съ того, ни съ сего. Разъ сосѣди, услыхавъ крики, прибѣжали и избили его.

— За что ты ее бьешь?—спросили сосѣди.—Вѣдь она у тебя умная.

— А то нѐчто дура?

— Такъ ты бы ее пожалѣлъ, чѣмъ бить-то.

— Затѣмъ и бью, чтобъ умна была. На то она мнѣ жена.

Трезвый онъ у нея просилъ прощенія и обѣщался бросить пить, но обѣщанія никогда сдержать не могъ.

Дѣтей у нихъ было пять человѣкъ, малъ-мала меньше, и жили они бѣдно: даже лошади не было. Да и не особенно она и нужна была имъ, такъ какъ Гарасимъ окончательно бросилъ полевыя работы и перешелъ къ болѣе благороднымъ занятіямъ. Деньги, заработанныя имъ хожденіемъ на станцію (онъ получалъ два рубля въ недѣлю, по рублю за каждую почту) по воскресеньямъ въ конторѣ получала его жена, каждый разъ говорившая управляющему:

— Вы, пожалуйста, Ѳедоръ Елисеевичъ, моему идолу-то денегъ не давайте. А то нажрется пьянъ.

— Да, знаемъ, знаемъ, матушка. Не дадимъ.

Гарасимъ, впрочемъ, и не спрашивалъ денегъ.

Въ концѣ августа день былъ прекрасный. Гри-Гри присѣлъ на желѣзную мѣру, стоявшую въ ригѣ вверхъ дномъ, и, несмотря на шумъ машинъ, громко говорилъ съ купцомъ, пріѣхавшимъ покупать хлѣбъ. Вдругъ въ ригу вошелъ Гарасимъ.

— Чтò это ты, братъ, такъ рано сегодня?

— Я постарался для вашей милости. Станціи начальникъ мнѣ передалъ депешу для васъ, говоритъ, нарочнымъ посылать хотѣлъ, да я подвернулся. Скорѣй, говоритъ, отнеси депешу барину,—папаша, вишь, заболѣлъ. Я и пошелъ скорѣе; и не отдыхалъ на станціи.

Гри-Гри быстро открылъ телеграмму. „Отецъ опасно заболѣлъ. Пріѣзжай немедленно. Новодубская“. У него защемило сердце. Онъ перечелъ телеграмму.

— Да, что-то недоброе. Надо ѣхать.

Сказавъ окружавшимъ его—купцу, старостѣ и Гарасиму, въ чемъ дѣло, онъ сейчасъ же велѣлъ запрягать лошадей, а самъ побѣжалъ домой. Съ собой онъ захватилъ чемоданъ съ кое-какъ набросанными въ него Никитóй вещами и, какъ только подали лошадей, велѣлъ гнать скорѣе на вокзалъ. Провожали его разные служащіе, бывшіе на усадьбѣ и сейчасъ же собравшіеся къ крыльцу, какъ услыхали про полученное извѣстіе.

По дорогѣ онъ то-и-дѣло смотрѣлъ на часы. До послѣдняго поѣзда оставалось два съ половиной часа, и онъ все торопилъ кучера. Когда онъ подъѣхалъ къ вокзалу, поѣздъ уже стоялъ, и Гри-Гри кое-какъ успѣлъ прыгнуть въ вагонъ, не взявши билета. Чемоданъ къ нему сунули, когда поѣздъ уже тронулся.

Обыкновенно, въ вагонѣ Гри-Гри любилъ разговориться съ своими спутниками. Теперь же онъ до самаго Петербурга сидѣлъ молча на своемъ мѣстѣ. Двѣ ночи провелъ онъ въ вагонѣ, старался уснуть, но скоро опять просыпался. Мысли его были направлены все время въ Кіоскерлё. Онъ старался убѣдить себя, что болѣзнь, хоть и опасная, можетъ пройти, но предчувствіе его мучило, что отца онъ въ живыхъ уже не застанетъ. Пробовалъ онъ и газеты читать, которыя покупалъ по дорогѣ, но перечитывать ему пр ходилось одну и ту же телеграмму по нѣскольку разъ. Онъ не понималъ, чтò читалъ. Подъѣзжая къ Петербургу, онъ какъ бы свыкся съ мыслью, что все кончено, и когда, позвонивъ у подъѣзда своей квартиры, услыхалъ отъ швейцара, что Аполлонъ Николаевичъ приказалъ долго жить, повидимому спокойно спросилъ, чтò произошло.

Никто подробностей не зналъ. Знали только, что два дня тому назадъ выписали по телеграфу доктора, но что онъ въ живыхъ Аполлона Николаевича уже не засталъ.

Въ Кіоскерлё онъ у наружной двери уже увидалъ крышку гроба. Въ передней его встрѣтила мать, съ которой онъ молча обнялся.

— Ну, Гри-Гри, кончено. Вы съ Димой у меня одни остались. Не бросайте меня!..

Дима тоже плакалъ, здороваясь съ братомъ.

— Мы тебя ждали, чтобы перевезти прахъ твоего отца въ Петербургъ,—сказала Наталья Владиміровна.—Пройди, посмотри на него.

Покойникъ лежалъ уже въ гробу въ комнатѣ, обитой трауромъ, съ зеркалами, завѣшанными коленкоромъ. Гробъ былъ окруженъ пальмами. Монахини монотонно и уныло читали псалтырь. Лицо было покрыто бѣлымъ покрываломъ. Когда Гри-Гри его раскрылъ, онъ отшатнулся: отца его трудно было узнать: синія пятна выступили, ротъ и носъ были закрыты ватой. Онъ поцѣловалъ руку и лобъ и съ матерью и братомъ вышелъ въ другую комнату.

Смерть произошла отъ удара. Вечеромъ послѣ ужина Аполлонъ Николаевичъ почувствовалъ себя дурно, прилегъ. Дима увидалъ, что онъ какъ-то странно дышетъ,—послали за докторомъ. Онъ пріѣхалъ утромъ и уже не засталъ больного въ живыхъ.

На другой день послѣ пріѣзда Гри-Гри, гробъ перевезли въ Петербургъ, гдѣ и похоронили покойника. На кладбищѣ былъ купленъ довольно большой семейный участокъ для рода Ново-

дубскихъ. Торжественныя похороны, множество провожавшихъ, изъ которыхъ почти всѣ считали долгомъ сказать нѣсколько словъ вдовѣ и сыновьямъ покойнаго, надгробныя рѣчи—все это утомило ихъ и не дало имъ углубиться въ свое положеніе. Церемоніалъ не пощадилъ и семейной скорби. Очнулись они на своей квартирѣ. Все было какъ бы по старому, только не было главы семейства. Наталья Владиміровна похудѣла и часто плакала. Сыновья попремѣнно были съ ней. Разговоръ, конечно, все время шелъ о покойномъ.

На третій день послѣ похоронъ, Дмитрію Аполлоновичу доложили, что какой-то господинъ его спрашиваетъ. Вслѣдъ затѣмъ въ бывшій кабинетъ Аполлона Николаевича Дима позвалъ и Гри-Гри. Господинъ разсказалъ, что велъ денежныя дѣла съ покойнымъ, и что имѣетъ его векселя. Сообщить сроки и сумму долга онъ и считаетъ нужнымъ его наслѣдникамъ, чтобы, говорилъ онъ, не быть вынужденнымъ поставить ихъ внезапно въ неловкое положеніе.

Дима первый взялъ векселя и сталъ ихъ просматривать. Одинъ вексель его удивилъ.

— Какъ? я не понимаю. Вексель 1-го мая у васъ написанъ въ двадцать-двѣ тысячи, когда мы получили по нему всего шестнадцать тысячъ?

— Шестнадцать тысячъ покойный генералъ приказали заплатить по вашей роспискѣ г. Залкинду, а четыре тысячи я имъ додалъ лично деньгами. Вексель девятимѣсячный; проценты небольшіе-съ.

Пошелъ разговоръ о деньгахъ. Векселей оказалось на большую сумму. Гри-Гри объявилъ, что изъ доходовъ и думать нечего оплатить всего. Когда кредиторъ ихъ ушелъ, естественно, что они перешли на вопросъ о деньгахъ и о наслѣдствѣ. Нѣкоторые поставщики представили свои счетà.

— А у тебя, Дима, есть еще долги?

Дмитрій Аполлоновичъ покраснѣлъ.

— Есть, но пустые. Не стòитъ говорить.

— Вотъ чтò, другъ мой. Ты въ денежныхъ дѣлахъ, кажется, не очень силенъ. Не краснѣй, а скажи мнѣ всю правду. Не скрывай ничего. Прежде всего, чтобы распутаться, надо знать положеніе въ точности.

Оказалось, что точно Дима положенія самъ не зналъ. Кое-какъ подсчитали, и въ общемъ долговъ оказалось довольно много.

— Ты въ полку останешься?—спросилъ Гри-Гри.

— А то какъ же? Я и не думалъ выходить.

— Вотъ что, братъ. Поговоримъ серьезно. Все, что я тутъ вижу, можно будетъ заплатить,—взявъ деньги подъ вторую за-

Віосберлё принадлежитъ мамà. Капиталовъ у
му она является наслѣдницей седьмой части
езаложенной Дубовки, а намъ приходится по
Кое-какъ я надѣюсь устроиться, чтобы уплачи-
имѣнію и кое-что выдавать мамà и тебѣ. Но
а многое разсчитывать нельзя. Для меня ясно,
года не протянешь и разоришься. По-моему,
въ отставку и поселиться въ деревнѣ, хоть на

говорилъ, Дима вертѣлъ между пальцами усы

кажется, что дѣло еще не такъ скверно. А
о.

Наталью Владиміровну посвятить въ эти дѣла.
братѣ заговорилъ съ ней о совѣтѣ Гри-Гри
а разсердилась.

опустился и хочешь, чтобы и братъ твой за-
Ты забылъ, что черезъ два-три года онъ мо-
ченъ военнымъ агентомъ за границу. Я все
лё, и свою седьмую часть, лишь бы онъ слу-
, не безпокойся,—онъ, я надѣюсь, проживетъ
ѣтовъ

дорогая! не сердись, Христа ради! Я ника-
даю насильно. Я предупредилъ, каково поло-
айте, какъ знаете. Врядъ ли и военный агентъ
но жалованье. Впрочемъ, я опять повторяю:
ете.

томъ, что Гри-Гри займется утвержденіемъ
вахъ наслѣдства, вводомъ во владѣніе, второй
ой долговъ. Имѣнье рѣшили оставить въ об-
и, причемъ Гри-Гри объявилъ, что можетъ да-
маленькій доходъ. На этомъ онъ и поѣхалъ
отправился въ лагерь, а Новодубская—въ

и-Гри покончить всѣ дѣла, распродать урожай
е, какъ Герасимъ принесъ телеграмму: „Вы-
ь, дѣло чести. Дима“.

были кое-какъ посланы, но вмѣстѣ съ тѣмъ
ть письма къ матери и брату съ требова-

ніемъ раздѣла. „Хуже же для васъ будетъ, мамочка, если мы всѣ разоримся окончательно. Лучше ужъ я что-нибудь сохраню“,— писалъ онъ матери.

Наталья Владиміровна отвѣтила, что лучшаго она ничего отъ него и не ожидала. Когда онъ пріѣхалъ въ Петербургъ для раздѣла, она съ нимъ обошлась сухо. Вмѣсто седьмой части ей вырѣзали пятую. Дима взялъ больше земли, а Гри-Гри—усадьбу и скотину. Хотя усадьба была оцѣнена очень высоко, и часть Гри-Гри была хуже Диминой части, и Дима это сознавалъ, но мать ихъ все-таки упрекала Гри-Гри и въ томъ, что онъ себѣ оставилъ лучшее, а брата обдѣлилъ. Гри-Гри не спорилъ, и уѣхалъ хозяйничать, снявъ въ аренду части брата и матери дороже, чѣмъ они могли сдать ихъ постороннему лицу.

VI.

Въ числѣ служащихъ Дубовки была завѣдующая молочной, Анисья Петровна Богоявленская. Отецъ ея, Петръ Перевейченковъ, крестьянинъ одного изъ ближайшихъ къ Дубовкѣ селъ, когда-то поступилъ въ работники къ Новодубскимъ. Смышлёный, дѣятельный, честный малый, онъ былъ, притомъ, грамотный. Выучился онъ самоучкой. Азбуку показалъ ему его дядя, Николаевскій солдатъ, и съ тѣхъ поръ онъ каждую свободную минуту проводилъ въ чтеніи всего, что̀ ему попадалось подъ руку. Всякій лоскутокъ бумаги, печатной или писанной, всякая надпись на спичечной коробкѣ привлекали его вниманіе. А когда ему попадала въ руки какая-нибудь книжонка или газета, онъ прочитывалъ ее отъ доски до доски. Въ рабочихъ онъ остался недолго, и вскорѣ былъ произведенъ въ объѣздчики, а затѣмъ и въ старосты. На этой должности онъ и умеръ.

Жена его, Акулина, была изъ дворовыхъ, служила не то экономкой, не то кухаркой управляющихъ Дубовки. Всѣмъ она умѣла угодить. Естественно, что Перевейченковымъ удалось скопить нѣсколько деньжонокъ. Лѣтъ шестнадцать до только-что описанной нами смерти Аполлона Николаевича и послѣдовавшаго затѣмъ раздѣла его наслѣдниковъ, въ Дубовкѣ открылась эпидемія тифа. Переболѣли многіе, а умеръ одинъ Петръ Перевейченковъ, оставивъ вдову и двухъ дочерей: Анисью, девяти лѣтъ, и грудную Настю. Акулина погоревала, но духомъ не упала. Она еще больше стала работать и всѣмъ угождать. Прошло нѣсколько лѣтъ, и она не только не уменьшила своего капитала, но даже прибавила къ нему лишнюю сотню, другую рублей.

Наслышавшись отъ мужа о пользѣ грамоты и ученья, она еще при жизни его начала учить свою старшую дочь. Въ душѣ она таила желаніе отдать ее въ городъ, въ гимназію, и вывести ее въ учительницы. Очень возможно, что она свою мечту привела бы въ исполненіе, не умри у нея мужъ. Но когда она осталась одна съ двумя дочерьми, о такой роскоши нечего было и думать. Анисья выучилась, чему могла, отъ добрыхъ людей; главнымъ образомъ училъ ее по вечерамъ. конторщикъ, семью котораго за это Акулина обстирывала и даже обшивала. Когда дѣвочкѣ стало пятнадцать лѣтъ, ученье ея было давно окончено, а мать продолжала пріучать ее ко всевозможнымъ работамъ: шить, стирать, готовить кушанья—на все она была мастерицей. Она же и няньчила Настю.

— О, она у меня молодецъ! Не пропадетъ!—говорила мать.

Не замедлили являться и свахи. Въ особенности польщена была Акулина, когда ей намекнули на возможность выдать Анисью за діаконова сына. Исключенный изъ второго класса семинаріи, онъ уже прожилъ года три дома и могъ получить мѣсто псаломщика, съ надеждой добраться и до діаконскаго. Такой блестящій женихъ не могъ не привлечь Акулину. Имѣть дочь діаконицей, да вѣдь это лучше, чѣмъ вывести ее въ учительницы! Естественно, что, несмотря на свой врожденный умъ, Акулина не остановилась въ должной мѣрѣ на его недостаткахъ. Говорили ей, что онъ пьетъ лишнее, что онъ играетъ въ карты, и даже что таскаетъ изъ дому, что̀ подъ руку попадетъ, когда денегъ не было, но все это объяснялось молодостью.

— Молодой человѣкъ! Женится — остепенится. Пойдутъ дѣти—не до картъ будетъ.

И Анисья вышла за діаконова сына. Сама она не то что влюбилась въ него, но тоже была отуманена его высокимъ положеніемъ. Вскорѣ онъ былъ опредѣленъ во псаломщика. Но счастье Анисьи было непродолжительно. Какъ только они привыкли другъ къ другу, мужъ сталъ часто уходить изъ дому и возвращаться пьянымъ. Попробовала жена его усовѣщивать—не тутъ-то было.

— Какъ? ты, неученая дура, мужичка, да вздумала меня учить? Коль ты посмѣешь еще, я тебя въ лепешку расшибу.

Анисья Петровна замолчала. Наконецъ, ея мужъ до того напился разъ, что въ церкви нагрубилъ священнику, и его прогнали. Вернулись они къ діакону. И тутъ Анисья Петровна смирялась, насколько могла. Мужъ продолжалъ пьянствовать и тащить въ кабакъ что̀ попало. Въ особенности діаконица обижала свою сноху.

— Мы думали, путную взяли, а она не можетъ мужа удержать. На кой его и женить-то намъ надо было!

Черезъ годъ архіерей его простилъ и снова далъ мѣсто, но здѣсь онъ еще меньше служилъ, окончательно спился и былъ окончательно прогнанъ. Раза два онъ жену беременную билъ и выгонялъ изъ дому, такъ что ее принимали добрые люди. Поступалъ онъ и на частныя мѣста, но нигдѣ не уживался. Наконецъ, жизнь Анисьи Петровны стала до такой степени невыносимой, что она съ груднымъ сыномъ ушла отъ мужа и поселилась у матери. Къ счастью для нея, мужъ ея за ними и не гнался. Онъ, можетъ быть, и радъ былъ, что они развязали ему руки.

Ребенокъ у Анисьи Петровны былъ слабый отъ рожденья, а жизнь ея до такой степени мучительна, что и кормилицей она оказалась плохой. Мальчикъ годъ все болѣлъ и, наконецъ, лѣтомъ, когда ему еще не было года, умеръ отъ истощившаго его поноса. Погоревала Анисья Петровна и поступила въ какое-то имѣнье экономкой.

Мать ея, тѣмъ временемъ, все жила у Новодубскихъ и учила меньшую дочь. Настя ходила въ школу, которая къ тому времени была открыта Аполлономъ Николаевичемъ, и училась хорошо.

Сидѣла разъ Акулина у Аглаиды Петровны, которая только-что поступила въ пріемный покой Новодубскихъ, и пила чай. Стирать приглашали всегда ее, потому что она всегда работала вдвое успѣшнѣе и лучше другихъ. Зато и ухаживали за ней, и угощали, какъ могли.

— Чтò бы ты, Акулинушка, отправила Анисью Петровну въ молочную школу. Я, вотъ, когда была въ смоленской губерніи, жила неподалеку отъ нея. Туда много женщинъ и дѣвушекъ пріѣзжаетъ учиться дѣлать масло, сыръ. Теперь это дѣло сильно въ хòду, и мастерицамъ платятъ хорошее жалованье. Ты бы ее туда отправила. Ученье недорого и мѣстà оттуда выходятъ хорошія. Подумай-ка объ этомъ. Спасибо скажешь.

Акулина подумала, разузнала получше, какъ это дѣлается, и при случаѣ поговорила съ дочерью. Та съ радостью взялась за предложеніе матери, получила отъ нея сто рублей (капиталецъ ихъ уже значительно поубавился на приданое, да и на помощь Анисьѣ Петровнѣ, когда она жила съ мужемъ) и отправилась.

Въ школѣ она оказалась одной изъ лучшихъ ученицъ, и когда въ Москвѣ была выставка молочныхъ продуктовъ, была уже въ

качествѣ мастерицы отправлена на выставку показывать свое искусство въ присутствіи публики. Здѣсь она отличилась, получила отъ школы прекрасное свидѣтельство объ окончаніи курса и немедленно поступила на мѣсто. Жалованье ей назначили хорошее—двадцать рублей въ мѣсяцъ и награды.

Когда Гри-Гри еще студентомъ сталъ заниматься хозяйствомъ, то одною изъ первыхъ его заботъ было построить громадный скотный дворъ и завести большое стадо коровъ. Когда онъ хотѣлъ выписывать спеціалиста по маслодѣлію и сываренію, ему кто-то сказалъ про Анисью Петровну:

— Охота вамъ, Григорій Аполлоновичъ, искать какихъ-то швейцарцевъ,—возьмите въ мастерицы дочь Акулины: она—женщина чистоплотная, работящая и притомъ знающая. Плохо поведетъ дѣло—успѣете ее перемѣнить.

Такъ онъ и сдѣлалъ. Анисья Петровна бросила свое мѣсто и поспѣшила въ Дубовку. Жалованье ей назначили въ двадцать-пять рублей и дали хорошую квартиру. Мать ея была внѣ себя отъ радости.

За дѣло молодая мастерица взялась хорошо. Скоро дубовское масло въ Москвѣ вошло въ славу, а сыры конкуррировали съ швейцарскими. Анисья Петровна сдѣлалась необходимымъ человѣкомъ въ Дубовкѣ и ни на минуту не переставала заботиться о порученномъ ей дѣлѣ.

Акулина продожала работать и пріучать къ работѣ младшую дочь свою, Настю. Разъ, весной, въ самую полую воду, идя на рѣчку полоскать бѣлье, она завязла гдѣ-то въ мокромъ снѣгу, затѣмъ не скоро вернулась домой и схватила воспаленіе легкихъ. Черезъ недѣлю ея не было въ живыхъ. Дочерей она благословила передъ смертью.

— Ну, Анисьюшка, прощай! Живи у господъ, работай, сколько силъ есть, а Настюшѣ будь матерью, пріучи къ своему дѣлу. А замужъ выдавать будешь—смотри на жениха, что̀ онъ за человѣкъ. Не гонись за богатствомъ, абы былъ человѣкъ хорошій.

Похоронили Акулину съ честью. Дочери долго плакали.

Анисья Петровна еще удвоила свое усердіе въ работѣ. Лѣтомъ вставала на дойку чѣмъ-свѣтъ, а зимой успѣвала не только кончить дойку, но и уборку молочной къ восходу солнца. Настю она тоже заставляла работать, не гнушаясь ни раннимъ вставаньемъ, ни обмываньемъ коровъ, ни мытьемъ половъ.

Смотрѣла она за сестрой строго, и безъ себя ее почти никуда не пускала. Блѣдная, задумчивая дѣвочка физически не

была похожа на сестру. Анисья Петровна была вылитая мать: черненькая, юркая, некрасивая, но миловидная, съ большими глазами и вздернутымъ носомъ; всегда готовая работать, она находила время и пошутить. Съ тѣхъ поръ, какъ она разошлась съ мужемъ и осталась бездѣтной, у нея на умѣ главнымъ образомъ было, какъ бы современемъ пристроить сестру да и самой приберечь кое-что про черный день. Дѣло свое сдѣлаетъ все хорошо, скоро, гдѣ надо—распорядится, гдѣ надо—сама сдѣлаетъ, все приберетъ, вымоетъ и свободна потомъ; зимой идетъ въ гости, или къ ней гости придутъ; лѣтомъ съ сестрой сидитъ передъ молочной на скамейкѣ, а по праздникамъ присоединится къ компаніи женъ дубовскихъ начальниковъ, управляющаго, конторщика, старостъ и опять же съ сестрой идетъ гулять по саду, къ рѣкѣ; при этомъ поютъ хоромъ вполголоса, одна Анисья Петровна поетъ полнымъ, звучнымъ и даже довольно пріятнымъ голосомъ.

Пошутить она была не прочь. Естественно, что не обошлось дѣло безъ ухаживателей, которыхъ она не отгоняла и не поощряла. Пока они оставались въ рамкахъ сравнительнаго приличія—она смѣется. Перейдутъ они границы того, что̀ она себѣ считала позволеннымъ—она такъ умѣла отдѣлать ухаживателя, что тотъ потомъ и подойти къ ней боится. Впрочемъ, при сестрѣ она и двумысленностей никакихъ не допускала.

Настя, впрочемъ, и не нуждалась въ строгости. Отъ матери она унаслѣдовала трудолюбіе, во всемъ же остальномъ скорѣе была въ отца. Бѣлокурая, худенькая, она и ребенкомъ была серьезнѣе своихъ лѣтъ, и подругъ подыскивала себѣ всегда на нѣсколько лѣтъ старше себя. Развивалась она очень медленно, и пятнадцати лѣтъ была еще дѣвочкой. Только перейдя на семнадцатый годъ, она сама себя и другіе стали считать ее взрослою.

— Невѣста-то какая у васъ подрастаетъ!—говорила Анисьѣ Петровнѣ какая-нибудь знакомая, встрѣтясь съ ней въ церкви, или еще гдѣ-нибудь.

— Ну, какая еще невѣста! такъ, дѣвочка.

— Какая, Анисья Петровна, еще невѣста,—рукодѣльная! Ее и купецъ возьметъ.

— Что̀ за пустяки—купецъ!... былъ бы человѣкъ хорошій, хоть мужикъ, да хорошій. Мы съ ней за купцомъ не погонимся. Я, небось, по себѣ знаю, что выше себя искать не надо.

Настя въ этихъ случаяхъ молчала, какъ будто рѣчь шла не о ней.

Григорій Аполлоновичъ очень интересовался скотнымъ дворомъ и молочной. Поэтому вначалѣ онъ каждый день бывалъ тамъ и вникалъ во всѣ мелочи работы Анисьи Петровны, самъ записывалъ пробные удои, вычислялъ выходъ масла, сыра.

— Ну, чтò, голубушка, Анисья Петровна, какъ дѣлá?

— Хороши. Развѣ у насъ дѣла могутъ быть плохи? Кормъ хорошій, молока коровки даютъ хорошо. Чего жъ еще?

— Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше. А вы все хлопочете?

— Кто же будетъ хлопотать? Самъ сыръ не сварится, Григорій Аполлоновичъ, а вы мнѣ жалованья платить не будете.

И начинался разговоръ о сырѣ и о томъ, не нужно ли чего выписать и выгодно ли это будетъ. Разъ рѣшили дѣлать сыръ какой-то особенный, про выгодность котораго Григорій Аполлоновичъ вычиталъ въ сельско-хозяйственномъ журналѣ. Выписали нужныя приспособленія. Сыръ не удался. Сдѣлала его Анисья Петровна во второй разъ. На другой день Григорій Аполлоновичъ зашелъ въ молочную. У Анисьи Петровны глаза были красные.

— Ну, чтò нашъ сыръ?

— Григорій Аполлоновичъ, вы меня увольте. Возьмите швейцарца. Сыръ опять не удался.

— Объ чемъ вы плачете, голубушка? Ну, объ чемъ? Вѣдь вы же меня предупредили, что не умѣете дѣлать этого сыра?

— Вотъ и возьмите швейцарца. Я не гожусь.

Съ трудомъ удалось Григорію Аполлоновичу ее успокоить.

Послѣ похоронъ матери, Анисья Петровна зашла къ Григорію Аполлоновичу.

— Мы теперь съ сестрой однѣ остались,—сказала она, сдерживая слезы.—Позвольте сестру взять къ себѣ. Она будетъ у меня жить, и кстати я пріучу ее къ своему дѣлу.

— Ну, конечно, возьмите. Чего тутъ спрашивать? Я очень радъ, если она выучится. Да иначе и быть не можетъ.

Когда Григорій Аполлоновичъ приходилъ въ молочную, онъ Анисью Петровну приглашалъ садиться, Настя же большею частью стояла тутъ же; когда нужно было, приносила стаканъ молока выпить или кусочекъ масла или сыра показать. Такъ шло и дальше. Григорій Аполлоновичъ въ молочную ходилъ все рѣже и рѣже. Масло и сыръ были неизмѣнно хороши, и отъ поставщиковъ онъ кромѣ похвалы своимъ товарамъ ничего не слыхалъ. Онъ вполнѣ довѣрился Анисьѣ Петровнѣ, и пересталъ за ней слѣдить. Изрѣдка только онъ видѣлся съ ней: или встрѣтится

въ конторѣ, гдѣ она ежедневно докладывала, сколько чего получилось за день; или мимоходомъ зайдетъ въ молочную выпить стаканъ молока.

Разъ,—дѣло было вскорѣ послѣ его послѣдней поѣздки въ Петербургъ для раздѣла съ братомъ и съ матерью,—Григорій Аполлоновичъ къ вечеру сидѣлъ на террасѣ—вдругъ, видитъ, къ крыльцу подходитъ одна изъ доильщицъ, молча кланяется и облокачивается на перила террасы.

— Я къ вашей милости. Анисья Петровна прислала у васъ спросить примочки... я забыла, какъ она прозывается-то...

— Да что̀ случилось?

— Настя-то доила, такъ корова-то ее дюже ушибла. Не вздохнетъ голубушка, мы ее чуть на рукахъ отнесли домой. Дюже болитъ. Просто страсть!

— Забодала ее корова, что-ль?

— Зачѣмъ забодала? Вѣдь коровушки у насъ привязаны стоятъ. Она какъ сѣла на скамеечку-то доить, такъ корова... она у насъ такая... я двадцать лѣтъ коровъ дою, и то боишься къ ней приступиться... озорная такая...

— Да что̀ корова-то сдѣлала?

— Ногой задней ее убила. Куда что̀ полетѣло... молоко въ ведрѣ пролилось, а Настѣ-то бокъ дюже отшибло... Таперича не передохнетъ... Анисья-то Петровна и велѣла мнѣ: бѣги, говоритъ, скорѣе, попроси у барина примочки-то,—да, вотъ, забыла, какую она примочку-то спросить велѣла...

— Свинцовую?

— Во, во, свинцовую, свинцовую. Она самая и есть... Свинцовая.

У Григорія Аполлоновича были кое-какія простыя снадобья. Онъ и отправилъ свинцовой примочки, да на всякій случай далъ ей и арники.

„Надо, однакожъ, сходить посмотрѣть, что̀ тамъ случилось",—подумалъ онъ и направился къ молочной.

У Анисьи Петровны были двѣ комнатки. Первая называлась залой. Въ ней былъ деревянный столъ работы мѣстнаго столяра, покрытый сѣтчатой скатертью сѣраго цвѣта съ красной бахромой, четыре стула дубовыхъ, очень тяжелыхъ, очевидно,—старинной, тоже мѣстной работы, угольникъ съ разной посудой и сундукъ, покрытый какимъ-то ковромъ. На окнѣ висѣла бѣлая коленкоровая занавѣска и стояло нѣсколько горшковъ растеній. Другая комната служила спальной для двухъ сестеръ, и въ ней, кромѣ двухъ деревянныхъ кроватей и двухъ такихъ же стульевъ,

какъ и въ залѣ, ничего не было. Все здѣсь блистало безукоризненной чистотой отъ бѣлья до половъ, хотя некрашеныхъ, но бѣлыхъ, точно они только-что были сдѣланы изъ новыхъ досокъ.

Когда вошелъ Григорій Аполлоновичъ, въ спальной лежала Настя и охала. Сестра хлопотала вокругъ нея. У больной дѣйствительно оказался сильный ушибъ праваго бока.

— Не нужно ли чего?—спросилъ Григорій Аполлоновичъ.—Не послать ли за докторомъ?

— Спасибо, Григорій Аполлоновичъ,—отвѣтила Анисья Петровна.—Можетъ, Богъ дастъ, такъ пройдетъ, что̀ будетъ дальше.

— Да какъ вы, Анисья Петровна, подъ такихъ коровъ сажаете дѣвочку? Могли бы такихъ давать доильщицамъ.

— Надо же ей пріучаться. Ей уже шестнадцать лѣтъ. Скоро и ей въ мастерицы идти. Нельзя же ей коровъ бояться. Вѣдь надо провѣрять бабъ, хорошо ли онѣ выдоили коровушекъ. Что̀ же будетъ, коли она бояться будетъ?

— Такъ-то такъ, а вотъ и это не хорошо. Ну, желаю вамъ поправиться.

Григорій Аполлоновичъ погладилъ Настю по головѣ и ушелъ. На другой день онъ опять зашелъ въ молочную, справиться о ея здоровьѣ. Анисья Петровна была въ рабочемъ отдѣленіи молочной; били масло; Настя все лежала.

— Ну что̀, какъ вы себя чувствуете?

— Ничего, спасибо, только бокъ все колетъ.

Григорій Аполлоновичъ потрогалъ ея лобъ: жару не было.

— Вотъ что̀: я вамъ пришлю іоду и кисточку,—намажьте себѣ бокъ покрѣпче. Во всякомъ случаѣ это будетъ полезно,—сказалъ онъ.

Вернувшись, онъ отправилъ ей іоду. Живя въ деревнѣ далеко отъ докторовъ, невольно всякій научается немного лечить.

„Все равно,—думалъ Новодубскій,—простой ли это ушибъ, или плевритъ будетъ, іодъ будетъ полезенъ“.

Отъ іода ли лучше стало Настѣ, или болѣзнь прошла сама собой, но она вскорѣ выздоровѣла.

„Какая она миленькая!“—мелькнуло въ головѣ у Новодубскаго, когда онъ, нѣсколько дней спустя, пришелъ въ молочную, справиться, какъ онъ это дѣлалъ ежедневно, о ея здоровьѣ и нашелъ ее вставшею.

Онъ присѣлъ; она, по обыкновенію, стояла передъ нимъ.

— Что же вы не присядете?—сказалъ онъ:—вѣдь стоя гостей принимаютъ, когда ихъ спровадить хотятъ поскорѣе.

— Развѣ вы гость? Вы не гость.

— Что же я такое, какъ не гость?

— Вы хозяинъ.

— Во-первыхъ, для васъ я не хозяинъ,—вы жалованья не получаете; а во-вторыхъ, развѣ хозяинъ не можетъ въ гости придти къ служащимъ? Вы все стоите. Значитъ, меня гоните? Хотите, чтобъ я ушелъ?

— Нѣтъ, почему же? Я сейчасъ сестру позову.

— Зачѣмъ? Я къ вамъ пришелъ, а не къ сестрѣ вашей. Я же васъ вылечилъ. Нѣтъ, я вижу, вы окончательно меня гоните: все стоите.

Настя сѣла, не пододвигая стула къ столу.

— Скажите, вамъ, небось, тяжело вставать до свѣту коровъ доить? Спать, вѣроятно, еще хочется, а тутъ вставай!

— Нѣтъ, ничего-съ. Безъ этого нельзя. Вѣдь какъ я на мѣсто поступлю, надо же будетъ рано вставать.

— А можетъ быть вы и не поступите на мѣсто. Выйдете замужъ. Вѣдь вы хорошенькая.

Настя молчала и покраснѣла.

— Развѣ вы не знаете, что вы хорошенькая?

— Я ничего... да на мѣстѣ лучше жить... Я замужъ не пойду.

Въ это время вошла Анисья Петровна, и разговоръ перешелъ на выдѣлку сыра.

„Тьфу, какую я глупость сказалъ! — думалъ, идя домой, Новодубскій.—Съ чего я сталъ ей комплименты дѣлать? А вѣдь она, правда, хорошенькая, и какъ просто себя держитъ, не жеманно. Что значитъ—умная мать была, да и сестра умная. А все-таки на кой чортъ я ей сказалъ про то, что она хорошенькая?... Эхъ, это все пустяки!“

Молочная, положительно, стала интересовать Григорія Аполлоновича: онъ каждый день бывалъ и на дойнѣ, и въ сыроварнѣ, и видимо искалъ поговорить съ Настей.

Когда она доила, онъ справлялся, не бойкая ли у нея корова, не устала ли она. Когда она вертѣла маслобойку, онъ то-и-дѣло повторялъ, что тутъ и учиться нечему, и приказывалъ вертѣть бабамъ.

— Вы забываете, что я вашъ докторъ. Я же васъ вылечилъ, и вы опять себя не бережете.

— Развѣ вредно для здоровья вертѣть маслобойку?—спрашивала она уже смѣлѣе.

— Ну, положимъ, я скажу, что вредно. Хоть бы для рукъ. Охота портить себѣ руки понапрасну.

Руки у Насти были пренекрасивыя. Сестра ее заставляла работать не только тяжелую, но и грязную работу. Отъ сырости у нея руки были красны, и на пальцахъ были заусенцы. Она знала это, и руки, когда можно было, всегда держала подъ фартукомъ.

Каждый разъ, вернувшись изъ молочной, Новодубскій самъ досадовалъ на себя за то, что ухаживаетъ за Настей.

„Вѣдь не соблазнять же ее хочу я!"—говорилъ онъ себѣ. А самъ опять шелъ, и все старался быть съ нею одинъ, чтобы дать понять, что она ему нравится. Настя сама стала съ нимъ гораздо смѣлѣе. Когда онъ ей очень явно показывалъ свое къ ней расположеніе, она краснѣла и заминала разговоръ, но внѣ этого даже сама съ нимъ шутила. Посѣщенія его не могли не быть ей пріятными. Когда онъ спрашивалъ молока, она всегда сама подавала его, не допуская до того сестру или доильщицъ. Встрѣтивъ его, она часто не только не торопилась на работу, но нарочно затѣвала длинный разговоръ.

— Что̀ ты, Настя, не работаешь? — иногда спрашивала сестра.

— Да я работаю,—не могу жъ я уйти, когда со мной говоритъ Григорій Аполлоновичъ.

Анисья Петровна качала головой и старалась потомъ мѣшать разговорамъ сестры съ Новодубскимъ. Не могъ и онъ не замѣтить, что Настя охотно съ нимъ говоритъ. Замѣтилъ онъ, что когда она ждетъ его посѣщенія, она старается получше одѣться, а затѣмъ, послѣ его ухода, опять одѣвается, какъ прежде была. Руки у нея стали лучше, и она не разъ поручала бабамъ работы, гдѣ приходилось мочить руки, какъ, напримѣръ, мытье половъ, чистка посуды.

VII.

Поѣздки Новодубскаго къ Градову стали совсѣмъ рѣдки. Теперь ужъ онъ никогда не оставался у него ночевать. Да и съ поля его тянуло пораньше домой. Онъ сталъ все чаще и чаще придумывать предлоги, чтобы пройти въ молочную или хотя бы мимо нея.

Анисья Петровна, кромѣ завѣдыванія молочной, иногда исполняла нѣкоторыя и другія хозяйственныя порученія. Такъ она завѣдывала солкой огурцовъ. Кому это, повидимому, легкое дѣло

ни поручалось, огурцы скоро портились. У Анисьи же Петровны они выходили прекрасными. До крайности аккуратная и добросовѣстная, она при себѣ заставляла выпарить кадки по нѣскольку разъ. Ни одинъ не совсѣмъ прочный огурецъ не попадалъ въ кадку. Однимъ словомъ, огурцы выходили на славу. До самыхъ Петровокъ тянулись они въ этомъ году къ великому удовольствію рабочихъ. Варила она и варенье прекрасно: ни засахарится, ни прокиснетъ до новаго.

Молочная примыкала къ саду, а такъ какъ она находила, что варенье выходитъ лучше, будучи сварено на воздухѣ, чѣмъ на плитѣ, то и варила его въ саду.

Наладивъ дѣло, она передала его Настѣ, а сама пошла хлопотать по молочной. Былъ жаркій лѣтній день. Григорій Аполлоновичъ гулялъ по саду и по обыкновенію держался ближе къ молочной. Въ концевой стѣнѣ, выходившей въ садъ, оконъ не было. Тутъ вокругъ маленькой лужайки были густые кусты сирени лиловой и бѣлой въ перемежку. Изъ середины возвышалось нѣсколько громадныхъ ветелъ, принадлежавшихъ къ садовой оградѣ. На лужайкѣ, примыкавшей къ стѣнѣ, стояла скамейка, на которой, когда было жарко, въ свободное время сидѣла Анисья Петровна, Настя, а также кто къ нимъ заходилъ по дѣлу или поболтать. Тутъ же теперь, на разведенномъ между кирпичами огнемъ, въ мѣдномъ тазу съ деревянной ручкой, Настя варила клубничное варенье, которое Григорій Аполлоновичъ особенно любилъ и котораго всегда поэтому варилось много. Она стояла надъ нимъ, снимая по временамъ ложкой образовавшіяся пѣнки. Одѣтая въ простенькое ситцевое платье, съ распущенной косой, она, обыкновенно блѣдная, немного раскраснѣлась отъ жары и отъ огня, къ которому то-и-дѣло наклонялась.

— Настасья Петровна, вы все хлопочете?—сзади послышался голосъ Григорія Аполлоновича.

Настя вздрогнула, но быстро оправилась. Григорій Аполлоновичъ протянулъ ей руку, чего прежде не дѣлалъ. Она протянула ему свою руку, держа ее совершенно прямо и даже не сгибая ея. Онъ же ее крѣпко сжалъ и немного подержалъ въ своей.

— Хотите, я вамъ помогу?—спросилъ онъ ее опять, не дождавшись отвѣта на первый вопросъ.

— Да чѣмъ же вы мнѣ поможете? Работа не трудная.

— Ну, хоть потрясти тазъ,—отвѣтилъ онъ ей, видя, что она, взявшись за ручку, встряхиваетъ его, и захвативъ своей рукой больше ея руку, чѣмъ ручку таза.—Ну, вотъ такъ, вотъ я вамъ и помогаю.—Онъ отпустилъ ея руку и сѣлъ на скамейку.

— Уфъ, какая жара! Да бросьте вы ваше варенье! Присядьте на минуту. Отдохните.

— А кто же будетъ варенье-то варить?

— Да ничего ему не сдѣлается, если вы на минуту отдохнете. Вѣдь у огня невыносимо жарко.

Онъ взялъ ее за руку и посадилъ рядомъ съ собой. Она сѣла. Онъ переложилъ ея руку въ свою лѣвую, а правой гладилъ, стараясь глядѣть ей въ глаза. Она опустила глаза, какъ будто внимательно разглядывала что-то на землѣ, но руки своей не отдернула. Вдругъ онъ обнялъ ее и губами прильнулъ къ ея губамъ. Она немного откинула голову назадъ, закрыла глаза, но не сопротивлялась. Ему показалось, что она вернула ему поцѣлуй.

Вѣтеръ ли дунулъ, птичка ли какая вылетѣла изъ кустовъ, только ему показалось, что кто-то стоитъ, и онъ, быстро выпустивъ Настю, всталъ. Она тоже бросилась къ варенью и дрожащей рукой стала снимать пѣнки. Посмотрѣвъ за кустами и убѣдившись, что ему только такъ показалось, но что никого нѣтъ, онъ тѣмъ не менѣе, не говоря ни слова, быстро пошелъ по направленію къ дому.

Сердце у него сильно билось.

„Что̀ я дѣлаю? Что̀ я дѣлаю?—подумалъ онъ.—Вѣдь это нечестно. Такъ можетъ, Богъ знаетъ, до чего дойти. Нѣтъ. Надо провѣтриться, а то, право, нехорошо“.

— Никита!—громко крикнулъ онъ, подходя къ дому и опускаясь на скамейку. Потъ лилъ съ его лба.

Никита пришелъ и сталъ у двери. Новодубскій сидѣлъ, не замѣчая его присутствія.

— Что̀ прикажете? Вы меня гаркнуть изволили.

— Да, позови ко мнѣ Ѳедора Елисеевича и Павла Трофимовича. Чтобы захватили съ собой конторскую памятную книжку.

Черезъ нѣсколько минутъ пришелъ конторщикъ.

— Ѳедоръ Елисеевичъ въ поле уѣхалъ на пахоту. Памятную книжку я принесъ. Что̀ прикажете?

— Вотъ что̀, другъ мой, я сейчасъ ѣду. Мнѣ надо и въ уѣздный городъ, и въ губернскій. Скажите все, что̀ нужно,—я куплю. А ты, Никита, уложи, что̀ нужно мнѣ на нѣсколько дней.

Въ тотъ же вечеръ Григорій Аполлоновичъ поѣхалъ въ городъ.

„Нѣтъ, окончательно надо бросить все это. А то это скверно. Вѣдь не хочу же я ее погубить. Боже избави“!

Въ вагонѣ онъ твердо рѣшилъ порвать всякія сношенія съ молочной и избѣгать встрѣчъ съ Настей. Въ городѣ онъ захо-

дилъ въ кое-какія лавки, былъ въ земской управѣ, гдѣ заказалъ какія-то машины, навѣстилъ двухъ-трехъ знакомыхъ. Къ вечеру ему городъ надоѣлъ и захотѣлось ѣхать домой; но чтобы дать времени охладить его чувство къ Настѣ, онъ поѣхалъ въ губернскій городъ, гдѣ тоже сдѣлалъ нѣсколько визитовъ, а вечеромъ былъ въ лѣтнемъ саду на представленіи какой-то оперетки.

„Нѣтъ, скучно здѣсь. Неужто меня такъ тянетъ къ Настѣ? Что̀ за глупость! Неужели я не справлюсь съ собой? Надо ей замужъ выйти, а я, чѣмъ помочь бѣдной дѣвушкѣ, стану ее губить! Что̀ за вздоръ...

Мысль о замужествѣ Насти его заинтересовала, и онъ сталъ перебирать въ умѣ всѣхъ, кого онъ зналъ, кто бы могъ сдѣлаться ея женихомъ.

„Столяровъ сынъ? Онъ пока малый хорошій, трезвый, и, недавно вышедши изъ ученья отъ Листа, уже сталъ получать порядочное жалованье. Но онъ ей понравиться не можетъ: маленькій, рябой... и притомъ руки. Руки въ дегтю, съ ужасными ногтями; одинъ даже ноготь у него сходитъ,—весь синій. Положимъ, и у нея руки нехороши, но вѣдь у нея это можетъ пройти, если она броситъ возиться въ водѣ и въ грязи... Онъ сморкается даже въ руку...

„Говорятъ, у Андрея Михайлова сынъ малый славный и отцу хорошо по лавкѣ помогаетъ. Да онъ и не возьметъ ее, а если и возьметъ... Я былъ у его отца въ лавкѣ... жена-то его чисто кухарка... и ей придется всю жизнь такъ проводить. И наконецъ, онъ недалеко ушелъ отъ крестьянъ, которые на женщину смотрятъ какъ на вьючное животное. Это не жизнь.

„Вотъ, если за какого-нибудь изъ дрховныхъ, не окончившихъ курсъ, такъ вѣдь почемъ знать? Нападешь на такого, какъ мужъ Анисьи Петровны“.

Сколько ни перебиралъ онъ въ своемъ умѣ жениховъ, всѣ ему казались неподходящими. Всѣ они какіе-то противные, и счастья Настѣ ни въ какомъ случаѣ не дадутъ. Чѣмъ больше онъ, лежа въ гостинницѣ, объ этомъ думалъ, тѣмъ болѣе онъ эту мысль отгонялъ. Наконецъ, ему стало какъ-то больно думать объ этомъ. Онъ вообразилъ себѣ свадьбу Насти, и пришелъ къ заключенію, что и ей было бы тяжело выйти за кого-либо другого, и ему знать, что она—жена другого.

„Неужели это ревность?—подумалъ онъ.—Да, положительно ревность! Надо, однако, вылечиться отъ этого. Я еще здѣсь пробуду нѣсколько дней“.

Нѣсколько дней онъ дѣйствительно прожилъ въ городѣ, хо-

дилъ въ клубъ, гдѣ въ это время велась игра въ лото, игралъ до поздней ночи. Днемъ дѣлалъ визиты, обѣдалъ у губернатора. Онъ часто думалъ о Настѣ, но сумѣлъ убѣдить себя, что это—простое увлеченіе, и что стоитъ ему не ходить въ молочную и все пройдетъ.

„Не вѣкъ же мнѣ тутъ жить. Что̀ за пустяки! точно я не могу взять себя въ руки и бросить всю эту затѣю“.

Скоро онъ былъ въ Дубовкѣ, обошелъ всѣ работы, осмотрѣлъ, все ли въ порядкѣ, въ амбарахъ, скотныхъ дворахъ, конюшняхъ, былъ вездѣ, кромѣ молочной.

На другой день онъ пошелъ гулять по саду и незамѣтно для себя направился по дорожкѣ, которая вела къ молочной. Онъ спохватился и хотѣлъ-было вернуться назадъ.

„Что̀ за пустяки! Или ужъ я не могу по саду гулять“?

Онъ пошелъ дальше, издали у молочной увидѣлъ Анисью Петровну и Настю, поклонился имъ, но обратнаго поклона Насти не замѣтилъ, такъ какъ не смотрѣлъ въ ея сторону. На другой день онъ ходилъ по саду съ управляющимъ.

— Кстати,—сказалъ ему Ѳедоръ Елисеевичъ,—Анисья Петровна жалуется, что коровы молока убавили. Это странно, потому что онѣ теперь пасутся на лугахъ. Надо за пастухомъ присмотрѣть.

— Да, это странно. Зайдемте къ ней. Я посмотрю пробные удои. Вѣроятно, причина найдется.

„Не могу же я совсѣмъ забросить молочную, — подумалъ онъ.—Да, наконецъ, Богъ знаетъ, что̀ подумаютъ, если я вдругъ совсѣмъ перестану въ нее заглядывать. Къ тому же, я теперь не одинъ, да и иду по важному дѣлу“.

Зашли они въ молочную и въ залѣ у Анисьи Петровны посидѣли. Настя не показывалась, хотя Григорій Аполлоновичъ ясно слышалъ шорохъ въ спальнѣ. Просидѣли они тамъ дольше, чѣмъ слѣдовало.

„Неужели она не выйдетъ къ намъ“?

Но Настя такъ и не вышла, и имъ пришлось уйти домой. На другой день былъ праздникъ, и Григорій Аполлоновичъ увидалъ издали, какъ компанія служащихъ, съ Анисьей Петровной и Настей, направилась гулять по дорогѣ къ плотинѣ.

— Никита, кто это идетъ? ты лучше разберешь моего.

Никита назвалъ всѣхъ служащихъ, которыхъ, впрочемъ, хорошо видѣлъ и Григорій Аполлоновичъ.

— А это вотъ кто въ сѣромъ пальто и шляпѣ? — спросилъ онъ.

— Это письмоводитель станового пристава, онъ заѣхалъ къ Павлу Трофимовичу и съ ними гулять пошелъ.

Это и нужно было Григорію Аполлоновичу; онъ не зналъ этого молодого человѣка, и ему пришло въ голову, не женихъ ли это какой сватается за Настю. Онъ позвалъ Ѳедора Елисеевича и, какъ бы осматривая усадьбу, приблизился къ плотинѣ, которой тѣ не могли миновать, идя домой. Тутъ они встрѣтились какъ бы нечаянно. Взглядъ, брошенный на письмоводителя, ничего не сказалъ Новодубскому. Совсѣмъ молодой человѣкъ, въ потертомъ пальто, онъ ничѣмъ не привлекалъ вниманія. Григорій Аполлоновичъ сдѣлалъ общій поклонъ. Всѣ, молча, на него отвѣтили. Настя поклонилась, какъ и всѣ, но видимо старалась на него не смотрѣть.

„Ну, пускай женится. Тѣмъ лучше. Мнѣ-то что̀?“ —думалъ онъ.

Когда они разошлись, онъ нѣсколько разъ оглядывался. Письмоводитель къ Настѣ и не подходилъ.

Цѣлый вечеръ этотъ письмоводитель не шелъ у него изъ головы. На другой день онъ опять заходилъ въ молочную, узнать, сколько коровы дали молока, встрѣтилъ Настю и, здороваясь съ ней, долго держалъ ея руку въ своей. Анисьѣ Петровнѣ онъ далъ порученіе на слѣдующій день съѣздить въ одну экономію, верстахъ въ двѣнадцати отъ Дубовки, сговориться относительно покупки всего удоя для дубовской сыроварни.

— Завтра неудобно, Григорій Аполлоновичъ, накопилось много молока. Надо завтра сыръ варить.

— Ничего, вы какъ-нибудь устройтесь въ обѣдъ съѣздить.

На этомъ и порѣшили. Анисья Петровна уѣхала. А Григорій Аполлоновичъ, какъ разъ послѣ обѣда, когда всѣ отдыхали, прошелся по усадьбѣ и заглянулъ въ молочную, чтобы убѣдиться, уѣхала ли Анисья Петровна. Онъ дошелъ до спальни. Анисьи Петровны не было. Настя, не одѣтая, спала на кровати. Онъ постоялъ, любуясь ею, и собирался уходить, какъ вдругъ она открыла глаза. Онъ подошелъ, обнялъ ее и впился въ ея губы длиннымъ поцѣлуемъ. Она закрыла глаза... Бѣдная Настя!..

Когда Анисья Петровна вернулась, его уже не было въ молочной, а Настя все еще лежала.

— Что̀ это ты лежишь все? — спросила сестра ея, входя.

— Нездоровится, голова болитъ.

— Григорій Аполлоновичъ былъ здѣсь безъ меня?

— Былъ.

Анисья Петровна долго посмотрѣла на сестру, но ничего не сказала. Настя весь вечеръ не вставала. Ложась спать, Анисья Петровна подошла къ Настиной кровати и сѣла. Она обняла ее и тихо спросила:

— Неужто, Настя, все кончено? Ты любишь его?

— Люблю.

— Настя, голубчикъ мой, уѣдемъ. Ты теперь можешь работать не хуже меня. Поступимъ вмѣстѣ куда-нибудь. Меня наша школа всегда рекомендуетъ на хорошее мѣсто. Поѣдемъ. Вѣдь добромъ это кончиться не можетъ.

— Я останусь. Будетъ, что̀ будетъ, сестра. Прости меня!— прошептала Настя.

Анисья Петровна ничего не отвѣчала, легла и долго не спала. Не спала всю ночь и Настя. Новодубскій тоже весь вечеръ не выходилъ изъ своей комнаты.

Онъ сознавалъ, что сдѣлалъ дурно, и только думалъ о томъ, какъ онъ поправитъ сдѣланное зло.

„Бросить ее теперь и уѣхать—будетъ подло. Обезпечить ее и выдать замужъ? Обезпечить-то, конечно, нужно, а замужъ вѣдь и она теперь не пойдетъ, да и я не захочу этого. Нехорошо, нехорошо... будетъ что̀ будетъ; только одно необходимо, чтобы она изъ-за меня не сдѣлалась несчастной".

Свиданья ихъ продолжались потихоньку гдѣ-нибудь въ саду поздно вечеромъ. Въ молочную онъ ходилъ только чтобы люди не замѣчали, что онъ преднамѣренно избѣгаетъ ея, и не стали болтать. Узнавъ отъ Насти, что Анисья Петровна догадалась объ ихъ отношеніяхъ, онъ конфузился ея и старался не смотрѣть ей въ глаза.

Тайна ихъ вскорѣ сдѣлалась достояніемъ всей усадьбы. Первыми замѣтили вечернія прогулки Насти доильщицы, жившія въ молочной. Онѣ прослѣдили свиданія ея съ Новодубскимъ, и на другой же день всѣ про это узнали. Пошли комментаріи, разбирали каждый шагъ ихъ и пришли къ убѣжденію, что это такъ. Настя продолжала работать еще усерднѣе прежняго, думая скрыть свою тайну. Григорій Аполлоновичъ, жалѣя ее, уговаривалъ ее не утомлять себя и не портить своихъ рукъ, а ограничиваться надзоромъ за работами. Анисья Петровна, наоборотъ, настаивала на томъ, чтобы сестра работала.

— Не теряй привычки, а главное охоты къ работѣ. Жизнь неизвѣстно какъ сложится, а будешь работать—не пропадешь.

Сама Настя все дѣлала, лишь бы ея секретъ не всплылъ

наружу. Вскорѣ, впрочемъ, ей пришлось убѣдиться, что тайна ея раскрыта. Доильщицы стали ее называть Настасьей Петровной, а то и барышней. Когда она бралась за грязную работу, онѣ ей не давали работать.

— Что вы, барышня, трудитесь? Мы вычистимъ все. А то еще Григорій Аполлоновичъ придутъ. Они не велятъ вамъ въ грязи возиться.

Изъ остальныхъ служащихъ нѣкоторые тоже старались ей угождать; другіе, наоборотъ, дѣлали видъ, что ничего не знаютъ, и обращались съ нею попрежнему. Болѣе интеллигентные, какъ Аглаида Петровна и учитель дубовской школы, наоборотъ, стали ея избѣгать. Какъ ни старалась она быть еще скромнѣе прежняго, какъ ни бѣгала отъ людей, она не могла не замѣтить, что положеніе ея сдѣлалось ложнымъ.

Замѣчалъ это и Григорій Аполлоновичъ, которому это было очень больно: онъ сознавалъ все зло, которое имъ уже было ей сдѣлано, и выхода не видѣлъ. Онъ пробовалъ ей дѣлать подарки, но она ничего не принимала. Взяла только тоненькую золотую цѣпочку его, на которой онъ носилъ крестъ.

— Ея никто не увидитъ, — сказала она,—а съ ней я не разстанусь. Когда бы что ни случилось, когда бы вы меня ни бросили, она будетъ со мной и будетъ мнѣ служить памятью о васъ.

Привезъ онъ ей разъ золотые часы. Она обидѣлась.

— Что же вы меня за часы, что-ли, купили? или за деньги? Одѣвать меня сестра одѣваетъ, а больше мнѣ ничего не нужно.

Она настояла, чтобы ее взяли въ доильщицы съ жалованьемъ, какое получали всѣ, и то съ тѣмъ, чтобы ей не быть сверхкомплектной, а поступить на мѣсто одной изъ доильщицъ, которая уходила. Это мѣсто позволило ей совершенно уединиться. Прежде она съ сестрой принадлежала къ высшей категоріи служащихъ, которыхъ называютъ по имени и по отчеству (доильщицы звали ее Настей, какъ малолѣтку), и которые про низшихъ служащихъ говорятъ пренебрежительно: „баба, мужикъ“, а про своихъ: „дама, барышня“. Теперь, когда ее кто звалъ въ гости, она всегда отговаривалась неимѣніемъ времени и придумывала какую-нибудь работу, не терпящую отлагательства.

Сестра ее одну въ этихъ случаяхъ не оставляла, а сама сидѣла дома. Попрежнему веселая и готовая посмѣяться, она была съ сестрой нѣжна и ласкова.

— Бѣдная моя, что-то изъ тебя выйдетъ? и чѣмъ все это кончится,—говорила она, гладя ее по волосамъ и цѣлуя.

— Будетъ, что̀ Богу угодно! Я-то почемъ знаю?

— Горькая ты моя, несчастная! Надо же было такому грѣху случиться! Не плачь, родная, слезами не поможешь.

А сама Анисья Петровна отирала глаза. Настя же плакала, сознавая, что ее презираютъ, но не раскаивалась. Она беззавѣтно вѣрила въ Новодубскаго, и въ душѣ убѣждена была, что онъ ея не броситъ, хотя сама ему часто говорила объ этомъ. Самъ же Новодубскій тоже старался о будущемъ не думать. Таинственность, которою приходилось окружать свиданія съ Настей, поддерживала его любовь; онъ видѣлъ, что она его любитъ, понималъ, что брось онъ ее—она, можетъ быть, и не вынесетъ; сознавалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что не вѣкъ же это будетъ такъ тянуться, что онъ сдѣлалъ подлость и на вѣкъ погубилъ ее,—и поэтому-то откидывалъ всякую мысль о будущемъ и старался увѣрить себя, что все кончится благополучно. Какъ?—онъ самъ бы не сказалъ.

VIII.

Осенью въ Петербургѣ у стараго, заслуженнаго генерала Доброрадовича былъ большой обѣдъ. Гости понемногу собирались въ гостиной. Принимали ихъ самъ генералъ и его дочь, уже не первой молодости дѣвица, высокаго роста, некрасивая, съ надменнымъ выраженіемъ лица. Глаза ея быстро передвигались съ одного изъ пріѣзжавшихъ на другого. Всѣхъ она встрѣчала съ полупокровительственной, полупрезрительной улыбкой. Къ этой улыбкѣ, казавшейся у нея прирожденной, теперь примѣшивалось выраженіе торжества.

„Вотъ и я дождалась!“—говорили ея глаза.

Генералъ былъ очень веселъ и для каждаго находилъ любезное слово.

— А, княгиня, какъ я радъ, что и вы пожаловали на наше семейное торжество!—сказалъ онъ, быстро идя навстрѣчу толстой дамѣ, входившей въ гостиную съ двумя дочерьми, тоже немолодыми и некрасивыми. Княгиня ничего не отвѣтила, когда генералъ цѣловалъ у нея ручку.

— Садитесь сюда, княгиня, вамъ тутъ удобно будетъ,—продолжалъ генералъ, усаживая ее въ кресло. Дочь его присѣла, подавая ей руку. Наконецъ княгиня отдышалась.

— Я такъ больна, что и не думала къ вамъ попасть,—сказала она,—но желаніе поцѣловать Ninette пересилило болѣзнь.

И мои дочери такъ были рады, когда услыхали про ея помолвку, что грѣхъ былъ бы не пріѣхать.

Княжны поцѣловались съ хозяйкой дома. Ninette, казалось, еще больше торжествовала передъ своими подругами.

„Почему не я на ея мѣстѣ?—думала каждая изъ тѣхъ.— Впрочемъ, все это деньги. Съ милліонами и мы бы не хуже жениха нашли“.

— Ну, а гдѣ же виновникъ торжества?—спросила княгиня.

— Сейчасъ будетъ, вѣроятно. Пора,— отвѣчалъ генералъ, смотря на часы.— А... вотъ и они!

Дѣйствительно, входила Наталья Владиміровна въ черномъ бархатномъ платьѣ съ отдѣлкой изъ дорогихъ черныхъ кружевъ.

За ней, въ красивомъ мундирѣ, шелъ Дима, нѣсколько подальше—Гри-Гри въ простомъ черномъ фракѣ, какъ будто нѣсколько сконфуженный. Дима со всѣми поздоровался, съ генераломъ поцѣловался, невѣстѣ пожалъ руку. Гри-Гри остановился въ дверяхъ, не подходя ни къ кому.

Пока шли обоюдныя привѣтствія на разныхъ языкахъ, онъ стоялъ и кусалъ губы. Наталья Владиміровна усѣлась.

— Это вашъ второй сынъ?—спросилъ ее генералъ, указывая на Гри-Гри.

— Ахъ, я и забыла вамъ его представить. Прошу васъ и его принять подъ свое покровительство.

— Очень радъ познакомиться,—сказалъ генералъ, пожимая ему руку. Руку подала ему и Ninette. Онъ довольно неловко поклонился и пробормоталъ, что пріѣхалъ только утромъ изъ деревни, и потому не успѣлъ сдѣлать имъ визита. Это было сказано по-французски.

— Ничего, мы знаемъ. Вы вѣдь свѣта не любите? Не правда ли?

— Да, я живу въ деревнѣ и занимаюсь хозяйствомъ.

На этомъ разговоръ съ нимъ прекратился и начался другой— о политикѣ. Гри-Гри продолжалъ стоять у двери. Наконецъ собрались всѣ: были дамы и старыя, и молодыя, военные и статскіе. Съ нѣкоторыми говорили только на иностранныхъ языкахъ: это были дипломаты. Слышалось: „Monsieur le ministre, votre gouvernement“, и т. д. Хозяинъ подалъ руку княгинѣ, Новодубская пошла съ посланникомъ, Дима съ невѣстой.

— Вы завтра на карусели будете?—спрашивалъ ее Дима.

— Буду, какъ же! Я разъ даже участвовала въ ней.

— Ну, и я заѣду, только не надолго. У насъ въ полку вечеръ съ цыганами по случаю пріѣзда иностранцевъ.

— Какъ хотите. Вѣдь всѣ видятъ, что мы врозь съ вами постоянно.

— Какъ постоянно врозь? И завтра я буду вѣдь съ вами.

— Какъ хотите,—сказала Ninette, улыбаясь.

Ninette, хотя была некрасива, имѣла много претендентовъ на ея руку. Знатность рода, прекрасное въ смыслѣ свѣта воспитаніе, высокое положеніе отца ея, а главное, громадное состояніе, какъ доставшееся ей по смерти матери, такъ и ожидавшееся послѣ отца — замѣняли вполнѣ красоту. Два раза съ тѣхъ поръ, какъ она показалась въ свѣтѣ, говорили, что у нея романы, и оба раза несчастные. Тогда она рѣшилась или не выходить замужъ вовсе, или если ужъ выходить, то только въ случаѣ блестящей партіи. Такой случай представился ей теперь. Дима, хотя на нѣсколько лѣтъ былъ моложе ея, былъ для очень богатой невѣсты прекрасный женихъ, какъ по своимъ внѣшнимъ качествамъ, такъ и по карьерѣ, которая передъ нимъ открывалась, благодаря чрезвычайно счастливому стеченію обстоятельствъ. Для него же къ браку главнымъ побужденіемъ могло быть лишь состояніе невѣсты, которое бы позволило ему продолжать службу. Въ этомъ отношеніи лучше Доброрадовичъ онъ найти не могъ. Любви между ними не было и тѣни. Дѣло обдѣлали съ одной стороны Наталья Владиміровна, съ другой — какая-то тетка Ninette. Молодые люди подумали и согласились. Между собой они и не притворялись. Смотря на свой бракъ какъ на обоюдную сдѣлку, они другъ друга не обманывали.

За столомъ Гри-Гри сидѣлъ на одномъ изъ концовъ. Какъ всегда, мужчинъ было приглашено больше, чѣмъ дамъ. А поэтому Гри-Гри оказался сидящимъ между двумя молодыми, ему незнакомыми людьми. Сначала онъ сидѣлъ молча и просидѣлъ бы такъ до конца, если бы одинъ изъ его сосѣдей надъ нимъ не сжалился и не заговорилъ съ нимъ. Это былъ одинъ изъ многихъ причисленныхъ одной изъ самыхъ модныхъ петербургскихъ канцелярій. Однакоже и съ нимъ попытки завести разговоръ оказались безплодными. Чиновничьи и свѣтскіе интересы сосѣда были совсѣмъ незнакомы для Гри-Гри, также какъ для того — деревенскія соображенія и новости.

Еще меньше интересовали петербургскаго юношу общіе вопросы, о которыхъ было-заговорилъ Гри-Гри. Разговоръ вскорѣ прекратился, за неимѣніемъ подходящихъ темъ.

За столами сначала говорили о политикѣ, впрочемъ весьма сдержанно, въ виду присутствія дипломатовъ. Потомъ какимъ-то скачкомъ перешли на деревню.

— Мой управляющій пишетъ, что мужики потравили цѣлое поле пшеницы,—говорилъ генералъ,—не знаю, чтò только будетъ, и куда мы идемъ. Куда идемъ? Я и понять не могу. Если правительство еще долго будетъ церемониться съ этими негодяями, дѣло будетъ уже непоправимо... да-съ... не-по-пра-ви-мо!

Всѣ съ этимъ согласились.

— По-моему, одно средство, — сказалъ одинъ молодой офицеръ, — ввести въ деревнѣ военную дисциплину. Только такъ можно ихъ воспитать. А иначе черезъ лѣтъ двадцать... фьюить!..

— Воображаю,—вставила Новодубская,—чтò тамъ только дѣлается. Не понимаю, какъ бѣдный Гри-Гри добровольно захотѣлъ себя похоронить въ деревнѣ.

— Да... — отвѣтилъ генералъ, — вѣдь у насъ тутъ знатокъ деревни, который рѣшилъ лично все это перестрадать. Ну, чтò, воюете съ мужиками, молодой человѣкъ?

— Нѣтъ, не воюю. Чего же съ ними воевать?

— А если они вамъ поле потравятъ? Или въ самое горячее время возьмутъ, да и не выѣдутъ на работу?

— Бываетъ, и потравятъ немного, да вѣдь это большею частью непреднамѣренно. Бываетъ, и мои пастухи запустятъ скотину въ крестьянскій хлѣбъ. Мы всегда считаемся по совѣсти. А на работы, кто заранѣе обязался, выѣзжаютъ исправно, развѣ у кого лошадь падетъ, или самъ заболѣетъ. Судиться съ ними не приходится.

— Кто же ихъ тамъ у васъ такъ вышколилъ, полиція или земскій начальникъ?

Гри-Гри стало досадно слушать, чтò говорилъ Доброрадовичъ. Онъ отвѣтилъ нѣсколько рѣзко:

— Потому, можетъ, быть они въ ладу съ нами, что ихъ никто не школилъ. Гдѣ школятъ, тамъ и разгорается вражда между крестьянами и помѣщиками.

— По вашему, значитъ, ихъ еще больше распустить надо?

— Ни распускать, ни подбирать, ваше высокопревосходительство. Школить дѣтей надо въ школѣ, а со взрослыми—стараться улаживаться, къ обоюдной выгодѣ.

— C'est devenu un rouge, votre fils?—спросилъ потихоньку генералъ у Новодубской, сидѣвшей рядомъ съ нимъ, довольно, однако, громко, чтобы Гри-Гри слышалъ.

— Il est encore si jeune,—отвѣтила та.

Это было сказано очень кстати. Доброрадовичъ и офицеръ, желавшій въ деревнѣ ввести военную дисциплину, начинали уже смотрѣть на Гри-Гри недружелюбно, но, услыхавъ про его

молодость, приняли это обстоятельство во вниманіе. Генералъ даже улыбнулся ему не то снисходительно, не то презрительно. Гри-Гри сильно покраснѣлъ. Какой-то господинъ среднихъ лѣтъ, съ звѣздой на фракѣ и совершенно незнакомый ему, сдѣлалъ ему знакъ рюмкой вина, что, молъ, сочувствую тебѣ и пью за твое здоровье. Гри-Гри тоже поднялъ рюмку и отпилъ немного вина. Дима съ невѣстой сидѣли рядомъ, но мало разговаривали между собой: Ninette разговаривала съ сидѣвшимъ направо отъ нея секретаремъ посольства, а женихъ болталъ съ младшей княжной, которая была его лѣвой сосѣдкой.

Иногда они говорили очень тихо, почти шопотомъ, и при этомъ смѣялись. Княжна опускала глаза, но при новомъ шопотѣ Димы опять оба хохотали. Иногда они говорили громко, но тогда разговоръ, повидимому, былъ неинтересенъ: они не смѣялись. Одинъ отрывокъ ихъ разговора долетѣлъ до Гри-Гри.

— C'est un ermite?—спросила княжна.

— C'est un sauvage récidiviste,—отвѣтилъ Дима.

Эта фраза сопровождалась взглядомъ въ его сторону. Очевидно, она относилась къ нему.

„Когда же кончится этотъ обѣдъ?“ — думалъ онъ про себя. Онъ надѣялся услыхать въ Петербургѣ что-нибудь интересное. Но за обѣдомъ ему не пришлось слышать ничего новаго. Разговоръ переливался съ одного предмета на другой, скользя по всему и ни на чемъ не останавливаясь. Говорили о послѣдней энцикликѣ папы, о новомъ циркулярѣ министра, о дебютѣ итальянской танцовщицы, а главное, объ орденахъ, повышеніяхъ по службѣ, помолвкахъ и разводахъ, при чемъ каждый придумывалъ сказать что-нибудь оригинальное, смѣшное. Выходило не оригинально и не смѣшно, но въ видѣ поощренія при каждой остротѣ считали нужнымъ смѣяться. Очень, между прочимъ, понравилось замѣчаніе одного изъ обѣдавшихъ молодыхъ людей, что вмѣсто Pie Neuf слѣдовало бы говорить Pie Neuve, чтобы не грѣшить противъ грамматики. А Гри-Гри болѣе и болѣе думалъ:

„Когда же эта мука кончится“?

Послѣ жаркого, генералъ, нѣкогда служившій на Кавказѣ, предложилъ избрать „тамаду“, причемъ изъяснилъ его обязанности. „Тамадой“ избрали молодого человѣка, побывавшаго на Кавказѣ и знавшаго кавказскіе порядки. Пошли тосты за жениха и невѣсту, за Новодубскую, за Доброрадовича. Тамада для каждаго находилъ болѣе или менѣе остроумное слово. Потому ли, что Гри-Гри сидѣлъ на концѣ стола, или потому, что тамада его не зналъ, но тостъ за него оказался послѣднимъ. Тостъ

заключался въ томъ, что Гри-Гри, избѣгавшій столичнаго шума, можетъ теперь убѣдиться, что въ Петербургѣ есть свои привлекательныя стороны, и что онъ, тамада, желаетъ ему присоединиться къ ихъ веселому обществу. Генералъ сказалъ: „Пора!“— Новоду бскаятихо произнесла: —„Дай-то Богъ!“ —Въ общемъ тостъ былъ принятъ холодно.

„На что вы мнѣ нужны,—подумалъ Гри-Гри,—съ вашимъ шумомъ и вашимъ весельемъ?—Да неужели же обѣду конца не будетъ“?

Наконецъ обѣдъ кончился. Мужчины опять повели своихъ дамъ въ гостиную, а Гри-Гри оказался опять въ хвостѣ.

Поблагодаривъ генерала и отвѣтивъ ему на снисходительно предложенный вопросъ: „Avez-vous trouvé bon notre dîner?“ довольно невѣжливо: „Oui, mon général, excellent, mais un peu long“, Гри-Гри отправился въ библіотеку, служившую и курительной комнатой. Библіотека была изъ тѣхъ, которыя покупаются цѣликомъ при обстановкѣ квартиры. Переплеты были разноцвѣтные, дорогіе, сочиненія все многотомныя, причемъ новѣйшему изданію было уже тридцать лѣтъ. Тогда, приблизительно, и купилъ библіотеку генералъ, переселившись въ Петербургъ съ Кавказа. Пришедшихъ покурить было больше, чѣмъ мѣстъ для сидѣнья. Кто сидѣлъ съ ногами на турецкомъ диванѣ, кто, за неимѣніемъ мѣста, и на ручкахъ креселъ. На столахъ стояли коробки съ сигарами и папиросами, а также подносъ съ кофе и бутылками коньяку и ликеровъ. Нѣкоторые подходили и наливали себѣ рюмку того или другого напитка. Военные, по любезной командѣ хозяина, разстегнули мундиры и отдувались послѣ сытнаго обѣда. Гри-Гри пилъ чашку кофе, прислонившись къ письменному столу. Разговоры были болѣе откровенные, чѣмъ за обѣдомъ, и касались темъ, которыя дамами громко не обсуждаются.

— Какъ вы, молодой человѣкъ, живете, зарывшись въ деревнѣ?—спросилъ генералъ Гри-Гри.

— Живу прекрасно: читаю, ѣзжу верхомъ, хозяйничаю.

— Я не объ этомъ. Неужели вы можете жить безъ женщинъ?

„Что онъ ко мнѣ пристаетъ?“ — подумалъ Гри-Гри. Онъ вспомнилъ Настю и покраснѣлъ.

— А развѣ вы думаете, что въ деревнѣ нѣтъ женщинъ, ваше высокопревосходительство? — попробовалъ онъ отдѣлаться отъ его вопроса.

— Я не объ тѣхъ говорю. Любовь къ босоножкамъ еще допустима въ гимназистѣ. Но не станете же вы доказывать, что вамъ не нужна любовь женщины настоящей, какихъ въ деревнѣ вы не найдете?

— Я и босоножекъ, какъ вы ихъ изволите называть, считаю настоящими женщинами, даже болѣе настоящими, чѣмъ городскія. И чувства у нихъ настоящія, тогда какъ у городскихъ—фальшивыя.

— Ну и живите съ вашими босоножками!—какъ бы сердясь, отвѣчалъ генералъ.—А вы, князь, тоже молчите? вѣдь вы экспертъ въ этомъ вопросѣ,—обратился генералъ къ молодому офицеру, про котораго ходили слухи, что онъ въ одинъ годъ истратилъ милліонъ съ какой-то не то итальянской, не то испанской пѣвицей.

— О вкусахъ не спорятъ: кому нравится апельсинъ, а кому и свиной хрящикъ.

Въ это время въ библіотеку вошелъ Дима и обратился къ Гри-Гри.

— Maman ѣхать хочетъ. Велѣла тебя спросить, не поѣдешь ли съ нею?

— Конечно, поѣду,—отвѣтилъ Гри-Гри, довольный, что освобождается отъ всѣхъ этихъ разговоровъ. Онъ быстро и холодно простился съ генераломъ, сдѣлалъ общій поклонъ и вышелъ.

Въ каретѣ Наталья Владиміровна сочла нужнымъ прочесть сыну нравоученіе.

— Неужели ты не видишь, что ты себя губишь? Ты живешь въ своей мурьѣ и берешься спорить съ человѣкомъ громаднаго административнаго опыта! И притомъ ты говоришь такъ рѣзко! Вѣдь тебя принимать не будутъ.

— Не могу же я согласиться, что мужики—разбойники, которыхъ надо держать какъ провинившихся солдатъ въ дисциплинарныхъ батальонахъ?! Вѣдь уши вянутъ—слушать всѣ эти разговоры.

— Никто отъ тебя не требуетъ, чтобы ты соглашался съ ними; но надо быть поскромнѣе. Неужели ты серьезно думаешь, что кромѣ тебя никто мужика не знаетъ? Доброрадовичъ тотъ же два мѣсяца въ году лѣтомъ живетъ въ деревнѣ и не хуже тебя изучилъ мужика. Да я не объ этомъ говорю... Я предупреждаю, что ты себя губишь окончательно. Каково мнѣ-то слышать, что сына моего называютъ „краснымъ"? Ты бы хоть объ матери подумалъ!

Наталья Владиміровна вытерла глаза платкомъ.

— Мама, опять ты плачешь! Что̀ мнѣ-то съ этимъ дѣлать? Меня выписали изъ деревни, гдѣ я былъ спокоенъ; потащили на обѣдъ съ людьми, съ которыми у меня ничего общаго нѣтъ, не было и не будетъ; со мной заговариваютъ, и когда я говорю, что̀ думаю, я же заставляю тебя плакать. Что касается знанія

деревни того же Доброрадовича, то неужели ты думаешь, что въ деревнѣ онъ изучаетъ крестьянина? Съ одной стороны, ему нужно побольше доходовъ; съ другой, онъ пуще огня боится, что его сочтутъ за краснаго; наконецъ, онъ родился, воспитанъ и жилъ въ убѣжденіи, что мужикъ существуетъ для его, Доброрадовича, удобства, пользы и благосостоянія, что ихъ интересы противоположны, и что мужикъ, причиняя ему, хотя бы незначительной потравой, маленькій убытокъ или безпокойство, тѣмъ самымъ совершаетъ великое преступленіе, за которое съ нимъ надо скоро и внушительно расправиться. Онъ теперь искренно убѣжденъ, что все спасеніе Россіи заключается въ томъ, чтобы ему, Доброрадовичу, жилось хорошо, удобно, пріятно. Что̀ же прикажешь мнѣ дѣлать? Поддакивать ему и утверждать, что мы благодѣтели этого негодяя-мужика?

— Я ничего не прикажу и пререкаться съ тобой о мужикѣ не намѣрена, а сказать тебѣ правду была моя обязанность: ты себя губишь. Не для этого отецъ твой всю жизнь старался, и не думала я, что ты такъ воспользуешься воспитаніемъ, которое мы тебѣ давали.

Весь вечеръ Гри-Гри просидѣлъ у себя, и рѣшилъ мѣсяцъ, остававшійся до свадьбы брата, опять жить въ деревнѣ.

Петербургъ его давилъ, и онъ чувствовалъ себя какъ въ тюрьмѣ. Не безъ вліянія на его рѣшеніе было и желаніе поскорѣе свидѣться съ Настей, которая не шла у него изъ ума. Матери онъ про свой отъѣздъ сказалъ на другой день утромъ, и она, сначала было-хотѣвшая его пріохотить къ свѣтской жизни, но убѣдившаяся наканунѣ, что ей этого не добиться, не сочла нужнымъ его отговаривать.

Передъ отъѣздомъ онъ постарался разыскать двухъ товарищей по университету, съ которыми былъ когда-то хорошъ.

Одинъ изъ нихъ, какъ оказалось, жилъ въ имѣніи въ Малороссіи, гдѣ предпринялъ устройство свеклосахарнаго завода. Другой служилъ и притомъ успѣшно. Гри-Гри пробылъ у него часа два; разговоръ вертѣлся все вокругъ ихъ прежнихъ общихъ товарищей. Деревня, очевидно, для него была совершенно невѣдомымъ міромъ. Впрочемъ, онъ фактами доказалъ, что въ деревнѣ, кромѣ должности предводителя дворянства, никакой принимать не слѣдуетъ. Все остальное—движенія дальнѣйшаго не даетъ. Онъ по пальцамъ перечислилъ, сколько земскихъ начальниковъ получили повышеніе по администраціи, и указалъ при этомъ, что обязаны они этимъ были не своей предыдущей службѣ, а особеннымъ обстоятельствамъ. О самой службѣ въ деревнѣ онъ отозвался презрительно.

— Дай мнѣ самое ускоренное производство—я и то не пойду туда служить! Брр!.. заживо себя похоронить тамъ, да еще возиться съ мужичьемъ съ утра до ночи!

— Ну, а въ земство?

— Да это, братъ, и не служба!

— Я и не называю это службой. А поработать для дѣла тебя уже не тянетъ?

Собесѣдникъ Новодубскаго свистнулъ.

— А, братъ! это хорошо было нашимъ отцамъ, да и то не всѣмъ, да намъ, когда мы были мальчишками.

— Много въ земствѣ теперь сдѣлаешь? Скоро и земство-то пожалуй похерится. А ты все еще мечтаешь?

Новодубскій ничего не отвѣтилъ, всталъ и началъ прощаться.

— Да что̀ ты торопишься?—останавливалъ его пріятель.

— Я сегодня ѣду, хотѣлъ-было съ тобой душу отвести, да ты ужъ очень мраченъ сталъ и... практиченъ...

— Такъ-то лучше. Мечталъ и я, когда виталъ въ облакахъ. Теперь сошелъ на землю. Право, лучше. И тебѣ совѣтую то же сдѣлать.

Гри-Гри вечеромъ уѣхалъ въ Дубовку.

Переговоривъ съ встрѣтившимъ его управляющимъ и конторщикомъ о хозяйствѣ, Григорій Аполлоновичъ направился въ молочную, гдѣ засталъ Настю одну. Онъ бросился къ ней.

— Ну, что, ты соскучилась безъ меня?

— И не знаю, какъ время долго тянулось. Я чуть съ ума не сошла. Боялась, что вы тамъ останетесь до свадьбы Дмитрія Аполлоновича.

— Вотъ видишь, и я не вытерпѣлъ—вернулся.

Настя бросилась его цѣловать. Она и плакала, и смѣялась.

— Ну что̀, какъ ты поживаешь? работаешь все?

— А то какъ же? Всѣ на меня впередъ здѣсь косились, а какъ увидали, что я такая же осталась, стали опять обращаться по просту! Еслибы я васъ послушала и вмѣсто работы начала бы распоряжаться, всѣ бы отъ меня отвернулись, а то теперь все лучше и лучше.

— А сестра твоя что̀ говоритъ?

— Она меня все жалѣетъ. Говоритъ, что вы меня бросите, что я вамъ не пара и что вѣкъ вамъ не прожить со мной.

Новодубскій ничего не отвѣтилъ. Сколько онъ одинъ ни думалъ объ этомъ, онъ ничего придумать не могъ. Онъ понялъ, что никогда „обезпечить“ ее ему не удастся, а такъ бросить,

когда время придетъ, онъ ни за что бы не согласился. О женитьбѣ ему мысль приходила, правда, но онъ ее отбрасывалъ, какъ нѣчто „несуразное". Задача такъ и оставалась неразрѣшенной, и онъ кончилъ тѣмъ, что старался не думать о будущемъ.

Незамѣтно для него прошло время въ Дубовкѣ до свадьбы брата. На свадьбу онъ поѣхалъ съ разсчетомъ пробыть въ Петербургѣ какъ можно меньше времени, былъ на вѣнчаньѣ шаферомъ, проводилъ молодыхъ за границу—и вернулся въ деревню. На торжествахъ онъ все время былъ въ тѣни, знакомствъ новыхъ по возможности не заводилъ и съ молодыми простился холодно. Сестра его, которой онъ уже давно не видалъ, была на свадьбѣ одна. Когда онъ ее спросилъ о мужѣ, она сдѣлала видъ, что не слыхала вопроса. Гри-Гри спросилъ объясненія этого у матери. Наталья Владиміровна сказала ему, что графъ Линденъ-де-ла-Рошъ оказался грубымъ негодяемъ. Онъ долго мучилъ Нелли и недавно даже поднялъ на нее руку. Бѣдная Нелли—говорила она—долго страдала молча и всецѣло отдалась воспитанію дочери, но послѣ послѣдней сцены, гдѣ онъ чуть ее не побилъ, не выдержала этихъ истязаній и поселилась у матери. Теперь она хлопочетъ объ отдѣльномъ видѣ, такъ какъ ея негодяй-мужъ довелъ свою жестокость до того, что не соглашается дать ей паспортъ.

— Неужели ей такъ плохо?—удивился Григорій Аполлоновичъ.—Кто бы подумалъ, что Линденъ таковъ? Жаль Нелли!

— Мы это такъ не оставимъ: я говорила графу Савельеву: онъ обѣщался похлопотать. Этого господина изъ полка прогонятъ. C'est un monstre! Поднять руку на мою дочь!

— Да, некрасиво. Не могу, впрочемъ, мама̀, не напомнить тебѣ факта изъ твоей практики. Помнишь, жена кучера Акима къ тебѣ приходила просить содѣйствія власти, чтобы избавить ее отъ ежедневныхъ побоевъ мужа? Помнишь — она приходила къ тебѣ вся въ синякахъ? А ты отвѣтила ей, что надо терпѣть, что Акимъ—ея мужъ, и что нельзя же разрушать семью изъ-за двухъ-трехъ синяковъ?

Наталья Владиміровна изъ себя вонъ вышла.

— Да ты, кажется, совсѣмъ рехнулся? Нѣтъ, скажи: что̀ ты на смѣхъ мнѣ выдумалъ это говорить, или серьезно? Я тебѣ говорю про то, что Линденъ посмѣлъ поднять руку на твою сестру... понимаешь? на твою сестру... а онъ мнѣ толкуетъ про жену кучера? Опомнись... ты сестру началъ оскорблять!..

— Чѣмъ же я ее оскорбляю? Я не менѣе тебя возмущенъ поступками Линдена и нахожу это безобразіемъ, но не могу только согласиться, что кучеръ вправѣ бить свою жену.

— Если ты разницы не видишь между сестрой и Акимовой женой, то и говорить не стоитъ. Слѣпому красокъ не объяснишь.

Григорій Аполлоновичъ началъ наблюдать за сестрой. Она была весела и гораздо свободнѣе держала себя, чѣмъ прежде. Особенно весело, а иногда особенно тихо разговаривала она съ однимъ изъ товарищей по полку ея мужа, который отъ нея не отходилъ. Когда, проводивъ молодыхъ, Нелли собиралась уѣзжать домой съ матерью, этотъ офицеръ объявилъ, что собачью кожу цѣловать не хочетъ. Нелли, имѣвшая перчатки почти до плечъ, спустила перчатку съ правой руки немного ниже локтя, гдѣ и получила продолжительный поцѣлуй отъ своего ухаживателя.

„Кажется, побои мужа,—подумалъ Гри-Гри,—не очень разстроили нервы бѣдной Нелли“.

Наталья Владиміровна сѣла въ ландо рядомъ съ Нелли, а Гри-Гри сѣлъ напротивъ.

— Да, Дима далеко пойдетъ,—сказала Новодубская, когда они поѣхали.—Il ne se mouche pas du pied gauche.—Онъ не исковеркалъ своей жизни, какъ другіе.

При этомъ она посмотрѣла на сына.

— Да, Гри-Гри, скажи, пожалуйста, что̀ ты изъ себя дѣлаешь?—спросила его сестра:—ты, говорятъ, сдѣлался какимъ-то мизантрòпомъ? Никого видѣть не хочешь? Въ пору хоть въ монастырь идти?

— Неужели, Нелли, ты думаешь, что мизантропамъ мѣсто въ монастыряхъ? Странное же у тебя о монастыряхъ представленіе. Впрочемъ, успокойся, я не мизантропъ, даже больше... безъ людей жить не могу и одиночество ненавижу. Только мы немножко не сходимся насчетъ того, гдѣ людей искать, или, скорѣе, кого за людей считать.

— Молодецъ, ты философомъ сталъ! Гдѣ же мнѣ за тобой угнаться! Ты лучше скажи мнѣ: влюбился ты тамъ въ какую-нибудь сосѣдку?

Гри-Гри покраснѣлъ.

— Хорошо, я тебѣ отвѣчу и отвѣчу откровенно, только при условіи, что и ты мнѣ также откровенно скажешь, влюблялась ли ты въ кого-нибудь, кромѣ, конечно, мужа?

Очередь покраснѣть пришла за Нелли.

— Vous devenez indécent, Gri-Gri!—рѣзко сказала ему мать.—Ты забываешь, что твоя сестра—порядочная женщина. Ты въ деревнѣ потерялъ всякую способность различать приличное отъ

неприличнаго. Какъ ты опустился! Боже мой, какъ ты опустился!

— Я, мамà, буду молчать лучше всего. Чтò я ни скажу, все невпопадъ. Такъ лучше ужъ я замолчу, чтобы тебя не раздражать.

IX.

На слѣдующій день Гри-Гри сидѣлъ въ вагонѣ и ѣхалъ въ Дубовку. Мысль объ его отношеніяхъ къ матери его болѣе и болѣе мучила. Его желаніе жить въ деревнѣ и служить по земству очевидно было ей не по сердцу и разрушило ея честолюбивые замыслы насчетъ его будущности. Поступить же на службу и провести жизнь въ канцеляріяхъ, получая ежегодно двадцати-восьми-дневные отпуски—это было для него жертвой непосильной. Тѣмъ менѣе могъ онъ согласиться идти въ дипломаты, чтò составляло давнишнюю мечту его матери. Онъ любилъ Россію,—не ту, ѣ которой заботятся, пишутъ, кричатъ въ петербургскихъ департаментахъ, редакціяхъ и гостиныхъ, а ту, съ которою онъ успѣлъ ознакомиться въ Дубовкѣ и которая въ своемъ богатырскомъ снѣ волнуется отъ разносторонних порывовъ различныхъ ревнителей ея благополучія не больше моря, кажущагося людямъ бурнымъ, а въ глубинѣ безконечно спокойнаго; онъ любилъ русскій народъ, какимъ онъ есть, а не такимъ, какимъ его знаютъ за границей, да и у насъ въ описаніяхъ и въ представленіи тѣхъ, кто позволяетъ себѣ говорить его именемъ. Онъ любилъ его и желалъ ему живительнаго свѣта и тепла, которые и въ глубинѣ морской создали бы новыя теченія, еслибы до нея доходили; онъ сначала безсознательно, потомъ болѣе и болѣе опредѣленно поставилъ себѣ цѣлью жизни впередъ изучить народъ, затѣмъ внести хоть малую частицу этого свѣта.—Могъ ли онъ на всю жизнь изгнать себя и посвятить эту жизнь разработкѣ вопросовъ внѣшней политики, которая даже косвенно не касалась русскаго народа, готоваго въ тунгузѣ, индусѣ, эѳіопѣ видѣть брата и храбро берущагося за оружіе въ твердой увѣренности, что то французъ, то англичанинъ „бунтуетъ“, т.-е. первый нарушаетъ миръ?

Его влекло въ деревню сердце его, и онъ счелъ бы за измѣну народу, еслибы добровольно отказался отъ своей мечты, чтобы въ канцеляріи или посольствѣ сдѣлать то, чтò всякій сдѣлалъ бы на его мѣстѣ.

Видѣть свой долгъ въ томъ, чтò охлаждало къ нему его мать, было очень тяжело, но онъ не колебался. Если вначалѣ

онъ, по окончаніи курса, поѣхалъ въ деревню, слѣдуя болѣе или менѣе инстинктивному влеченію, то теперь это влеченіе было вполнѣ сознательно: онъ шелъ въ деревню, чтобы посвятить ей жизнь!

Послѣднее разставаніе съ матерью было тяжело. Онъ передалъ ей и брату деньги, причитающіяся за аренду ихъ частей.

— Вотъ все, что̀ я получаю съ Дубовки!—замѣтила Наталья Владиміровна.

Это былъ намекъ на то, что онъ мало даетъ. Конечно, онъ сознавалъ, что онъ изъ своей части уплатилъ долги брата, сознавалъ, что не они обижены раздѣломъ, а онъ, понималъ и намекалъ, что аренды онъ даетъ больше, чѣмъ далъ бы кто-либо другой, и что онъ не могъ физически дать больше безъ разоренія хозяйства,—совѣсть его была спокойна,—и тѣмъ больнѣе для него, былъ уколъ его матери. Онъ промолчалъ, думая, что братъ за него заступится, но и Дмитрій Аполлоновичъ не возразилъ матери. Такъ онъ и уѣхалъ.

„Неужели мама вправду думаетъ, что я ихъ обидѣлъ?"—думалъ онъ, но отвѣта на этотъ вопросъ самъ себѣ дать не могъ.

Вернувшись въ Дубовку, Григорій Аполлоновичъ рѣшилъ ближе познакомиться съ уѣздомъ. Лѣтомъ предстояли выборы въ гласные, и онъ намѣренъ былъ баллотироваться. Въ послѣднее время онъ какъ-то рѣже видѣлся съ Градовымъ. Частыя отлучки изъ деревни и желанье, когда былъ дома, не удаляться отъ Насти, причинили это охлажденіе. Градовъ же, какъ семейный человѣкъ и притомъ добросовѣстно исполнявшій свои служебныя обязанности, и прежде рѣдко посѣщалъ Новодубскаго. Теперь поѣздки къ Градову опять участились; два раза онъ посѣтилъ предводителя и сдѣлалъ визиты другимъ выдающимся помѣщикамъ, которые лишь лѣтомъ бывали въ деревнѣ и которыхъ онъ поэтому не зналъ. Земскій инспекторъ народныхъ училищъ; Сергѣй Сергѣевичъ Тростенскій, горячо преданный школьному дѣлу, сразу понялъ, что въ Новодубскомъ онъ найдетъ могучаго союзника въ земскомъ собраніи для охраненія земской школы отъ нападокъ нѣкоторыхъ гласныхъ и для дальнѣйшаго его развитія въ уѣздѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, каждое предложеніе, направленное къ улучшенію положенія школъ и учителей или къ увеличенію числа школъ, проходило безъ возраженій, благодаря авторитету стараго, почтеннаго предводителя дворянства и нѣкоторыхъ гласныхъ. Въ послѣднее же время многіе изъ нихъ, въ томъ числѣ и предводитель, умерли или выбыли изъ гласныхъ. Началось движеніе противъ школъ, прикрытое нежела-

ніемъ увеличивать земскіе расходы. Положеніе инспектора стало труднѣе. Онъ старался заинтересовать школами какъ можно больше гласныхъ, не зналъ ни днемъ, ни ночью покоя, ѣздилъ, хлопоталъ, радовался каждому успѣху, болѣлъ душою, когда дѣло гдѣ-нибудь не ладилось. Онъ очень боялся наступающаго собранія: ряды прежнихъ гласныхъ рѣдѣли, враги школы становились смѣлѣе.

Понятно, что инспекторъ не могъ не обрадоваться желанію Новодубскаго вступить въ число гласныхъ. Онъ съ нимъ возился, посвящалъ его въ подробности дѣла, уговорилъ сейчасъ же сдѣлаться попечителемъ дубовской школы, приглашалъ съ собою, когда ѣхалъ въ уѣздъ на ревизію. Григорій Аполлоновичъ очень полюбилъ Тростенскаго за его горячность и строилъ съ нимъ разные несбыточные планы о всеобщемъ обученіи, о четырехлѣтнемъ курсѣ вмѣсто трехлѣтняго. Къ концу разговора всѣ школы уже оказывались двухклассными, учителя обезпеченными, и вопросъ шелъ уже о дальнѣйшемъ удлиненіи курса ученія.

— Однакоже, мы съ вами, Сергѣй Сергѣевичъ, далеко ушли!—вдругъ, смѣясь, прервалъ разговоръ Новодубскій.

— Да, оно, пожалуй, рано еще объ этомъ мечтать, а вотъ, будете гласнымъ, помогите въ собраніи провести вопросъ о помощницѣ въ колычевскую школу и о томъ, чтобы въ Анастасьинѣ земство ремонтъ школы приняло на себя. А то, вотъ-вотъ, придется ее закрывать.

— Такъ-то лучше. Это, пожалуй, ближе къ настоящему положенію вещей. Вы на меня, Сергѣй Сергѣевичъ, теперь не разсчитывайте. Пожалуй, въ собраніи и говорить-то побоюсь. На меня сначала всѣ коситься будутъ.

Тростенскій часто заѣзжалъ въ Дубовку и вмѣстѣ съ Новодубскимъ просиживалъ цѣлые часы въ школѣ. Молодой попечитель заботился о ней, входилъ въ положеніе учениковъ, помогалъ кое-чѣмъ учителю, купилъ фонарь для туманныхъ картинъ и самъ устраивалъ по праздникамъ чтенія для народа.

Заѣзжалъ онъ и въ больницы, знакомился съ докторами, нѣсколько разъ бывалъ и въ земской управѣ, гдѣ его охотно посвятили въ бухгалтерскую часть. Однимъ словомъ, онъ хотѣлъ быть гласнымъ не для счета только, а для того, чтобы по мѣрѣ силъ работать и приносить пользу.

Настя сначала безпокоилась его частыми выѣздами. Потихоньку она стала его разспрашивать, гдѣ онъ бываетъ. Новодубскій разсказывалъ про свои поѣздки.

— А для чего это вы все хлопотать стали?

— Хочу въ земствѣ работать. Надо же послужить и другимъ, не все своимъ хозяйствомъ заниматься.

— Ну, а что̀ вамъ за это дадутъ?

— Какъ что̀ дадутъ? Ничего не дадутъ. Жалованья за это не даютъ.

— И жалованья не будетъ? Чины, значитъ, давать будутъ?

— И чиновъ не будутъ давать. Это не считается службой.

— Такъ это вы такъ-себѣ! А я думала, васъ генераломъ сдѣлаютъ.

— Какія ты глупости говоришь! Мнѣ этого не нужно.

— Изъ-за чего же вамъ хлопотать?

— Чтобы пользу приносить. Вотъ, я богатъ: меня учили, и я своихъ дѣтей учить могу. Если боленъ, могу докторовъ позвать, а крестьянамъ все это не по средствамъ. Кто ихъ будетъ учить и лечить? Вотъ, земство и хлопочетъ. Подумай сама. Вѣдь надо бѣднымъ помогать?

— Какъ, вы и денегъ даете?

Григорій Аполлоновичъ задумался.

— Деньги земство беретъ съ земли и съ моей, и съ крестьянской одинаково.

— Значитъ, сборъ съ земли, а ваши—хлопоты... Не даромъ васъ мужики любятъ.

— Ну, положимъ, любятъ-то они больше, когда имъ водки подносишь. Но, конечно, современемъ поймутъ, что̀ имъ нужно и кто имъ пользы желаетъ.

— А меня вы бросите, когда служить будете? Вамъ не до меня будетъ.

— Зачѣмъ же, Настя? вѣдь я буду жить въ деревнѣ. Да не бойся ты! Отъ меня ты несчастной не будешь.

Настя свои опасенія высказывала при всякомъ почти разговорѣ. Новодубскій, хотя продолжалъ ее любить, отдѣлывался общими мѣстами. Онъ сознавалъ, что рано или поздно надо будетъ имъ разойтись.

X.

Зимой Дмитрій Аполлоновичъ съ женой жилъ въ своей квартирѣ. Наталья Владиміровна жила у нихъ, и сознавая, что средства не ея, а невѣстки, устроилась такъ, что ея присутствіе не только не было той въ тягость, но даже пріятно. Оставляя ей всѣ привилегіи хозяйки, она своимъ тактомъ сумѣла ей быть

полезной. Оживляя и привлекая отборное общество, ихъ посѣщавшее, она себя иначе не называла, какъ гостьей своей belle-fille. У нея все время была одна мысль, одно стремленіе: способствовать карьерѣ и общественному положенію старшаго сына. И это ей удавалось какъ нельзя лучше: Дмитрій Аполлоновичъ получилъ желаемое мѣсто за границей. Она сочла нужнымъ увѣдомить объ этомъ младшаго сына. „Дима,—писала она,—всегда слѣдовалъ совѣту своихъ родителей, и Богъ наградилъ его. Я увѣрена, что и ты не совсѣмъ безучастно отнесешься къ его новому назначенію. Сердце надрывается, когда я думаю, что̀ и изъ тебя могло бы выйти, еслибы ты вѣрилъ хоть немножко опыту людей, которые не могутъ тебя не любить и для которыхъ твоя судьба дорога. Но, видно, всего отъ Бога не получишь. Да умудритъ тебя Богъ, пока ты не совсѣмъ еще опустился въ деревнѣ“.

Не теряя времени, Дмитрій Аполлоновичъ съ женой отправился къ своему посту. Это сильно повліяло на жизнь Натальи Владиміровны. Ѣхать за границу съ сыномъ было невозможно. Невозможно было и вести въ Петербургѣ прежній образъ жизни. Кіосверлё было продано, доходовъ съ Дубовки получалось немного. Положеніе ея ухудшилось еще тѣмъ, что дочь ея окончательно разошлась съ мужемъ и, поневолѣ, съ дочерью переселилась къ матери. При состояніи графа Линдена ея приданое было цѣло. Достаточное, чтобы быть подспорьемъ въ большомъ хозяйствѣ, это приданое не могло дать средствъ вести шумную великосвѣтскую жизнь въ столицѣ. Какъ ни сильно ее тянуло къ свѣту, но прожить капиталъ и оставить дочь нищею она не рѣшалась, и первая заговорила съ матерью о необходимости выбрать болѣе скромный образъ жизни. Списались съ Григоріемъ Аполлоновичемъ, и къ лѣту Наталья Владиміровна съ дочерью и внучкой поселилась въ Дубовкѣ. Григорій Аполлоновичъ устроилъ себѣ квартиру во флигелѣ, предоставивъ домъ матери и сестрѣ.

Пріѣхали онѣ вечеромъ въ высланной за ними коляскѣ, и распоряженіемъ Григорія Аполлоновича остались довольны.

— Однако, мы тебя стѣснили, бѣдный Гри-Гри, — сказала ему мать.

— Стòитъ, мама, объ этомъ говорить!—отвѣтилъ онъ.—Не все ли равно, гдѣ жить? Во флигелѣ мнѣ еще уютнѣе будетъ. Лишь бы вамъ удобно было.

— Будь покоенъ! Я въ тягость тебѣ не буду.

За ужиномъ Наталья Владиміровна была сначала въ духѣ

и все время повторяла, что она въ гостяхъ у сына. Елена Аполлоновна начала говорить, что необходимо имъ согласиться насчетъ платы. Григорію Аполлоновичу этотъ разговоръ былъ непріятенъ, и онъ постарался его замять.

— Послушай, Гри-Гри,—сказала ему мать,—надо, чтобы за столомъ служила моя Поля, а то Никита твой невозможенъ—онъ какой-то грязный.

— А онъ для вашего пріѣзда надѣлъ свою парадную тужурку и даже перчатки.

— Воображаю, каковъ онъ не въ парадѣ!.. Нѣтъ, нѣтъ, пускай Поля служитъ.

Позвали Полю, горничную, которую Новодубская привезла съ собой.

— Ты служи за столомъ, Поля. А Никита будетъ приносить кушанья изъ кухни.

Никита, очень оскорбленный тѣмъ, что первое мѣсто пришлось уступить какой-то пріѣзжей „дѣвкѣ", какъ онъ говорилъ, снялъ перчатки и, ворча, началъ бѣгать изъ кухни въ домъ и обратно.

— Ты въ которомъ часу обѣдаешь, Гри-Гри? По старому, въ дзѣнадцать?

— Да, конечно.

— Это нужно будетъ перемѣнить. А то miss Maude никакъ не привыкнетъ къ этому и смѣяться будетъ. Да и удобнѣе въ шесть часовъ обѣдать, а въ двѣнадцать—завтракать.

— Какъ вамъ угодно, мамà. Я велю вамъ подавать въ шесть. Только самъ я буду обѣдать въ двѣнадцать. Привыкъ, да къ тому же въ двѣнадцать я свободенъ.

Miss Maude была англичанка, привезенная Еленой Аполлоновной изъ-за границы. Она ни слова не умѣла говорить ни на какомъ языкѣ, кромѣ англійскаго, и была въ глазахъ графини Линденъ и ея матери образцовой воспитательницей. Въ два года она ухитрилась выучить свою семилѣтнюю воспитанницу прекрасно говорить по-англійски и держать себя, какъ подобаетъ хорошо воспитанной дѣвочкѣ. При старшихъ она не говорила ни слова иначе какъ отвѣчая на вопросы, за столомъ сидѣла прямо, положивъ на столъ концы пальцевъ, и прекрасно знала, что рыбу рѣзать ножемъ—shocking. Прямо, съ концами пальцевъ на столѣ, сидѣла и сама miss Maude. Когда miss Maude говорила, а тѣмъ болѣе когда смѣялась, у нея были видны зубы до самыхъ десенъ. Она это знала и заботилась о нихъ. Но, несмотря на эту заботливость, зубы у нея были нехороши и по-

чти всѣ запломбированы золотомъ. Это бросалось въ глаза. Казалось, что у нея зубы были сплошь позолочены и что позолота со временемъ сошла, оставшись кое-гдѣ въ неровныхъ мѣстахъ.

Когда ей объяснили, что Гри-Гри обѣдаетъ въ двѣнадцать часовъ, она улыбнулась и замѣтила, что, значитъ, обѣдомъ въ Россіи называется lunch.

Гри-Гри отъ поздняго обѣда отказался и ѣлъ въ свое время у себя во флигелѣ. Мало-по-малу стали въ Дубовской усадьбѣ вводиться новые порядки. На почту вмѣсто Гарасима, разъ потерявшаго письмо Елены Аполлоновны, стали посылать верхового каждый день. Верховой разъ опоздалъ, по разсчетамъ Натальи Владиміровны, и хотя доказывалъ, что лошадь расковалась и что остановка въ Коноплинѣ была вынужденная, но былъ, по ея требованію, замѣненъ другимъ.

— Да, конечно. Тебѣ дѣла нѣтъ до матери,—сказала сыну Новодубская.—Я заплачу тебѣ за эти поѣздки.

— Мамà, я, кажется, платы не просилъ, я только сказалъ и опять повторяю, что Капраловъ не виноватъ. Впрочемъ, я уже велѣлъ ѣздить Антону вмѣсто Капралова.

Вся усадьба стала себя чувствовать не такъ свободно, какъ прежде. Хотя Новодубская и дочь ея были всегда вѣжливы и никогда даже не возвышали голоса, но всѣ начали чувствовать себя стѣсненно. По праздникамъ всѣ служащіе, ходившіе по усадьбѣ и по саду свободно, начали прятаться, какъ бы не попасться барынямъ на глаза. Громкіе разговоры прекратились.

Рабочіе, по праздникамъ часто сидѣвшіе передъ людской и громко иногда хохотавшіе, стали сидѣть въ комнатѣ или уходили на деревню. Услыхавъ разъ, вечеромъ, звуки гармоники, Наталья Владиміровна выслала свою горничную сказать, что господская усадьба—не кабакъ. Гармоника умолкла. Пьяныхъ Новодубская не выносила и безусловно потребовала, чтобы сынъ ея прогналъ плотника, который мимо палисадника прошелъ, въ праздникъ, пьяный, пошатываясь и самъ съ собою разговаривая. Григорій Аполлоновичъ просилъ мать не настаивать на этомъ распоряженіи, такъ какъ плотникъ—человѣкъ прекрасный, живетъ у нихъ уже шесть лѣтъ и необходимъ по хозяйству.

— Онъ оправляетъ сохи, бороны, всю сбрую; онъ же и шорникъ. Выпиваетъ только по праздникамъ, но не буянитъ и зла никому никакого не дѣлаетъ.

— Ты, Гри-Гри, пересталъ понимать разницу между позволеннымъ и непозволеннымъ. Тебѣ мать говоритъ, что не выноситъ

пьяныхъ. У тебя сестра, которая не привыкла къ такимъ сценамъ. Наконецъ, я не могу допустить, чтобы Аня видѣла всѣ эти гадости. Miss Maude и такъ говоритъ, что она попала къ дикимъ. Боже мой! Думала ли я, что ты можешь такъ опуститься! Vous perdez, mon cher, la notion du bien et du mal. Ты скоро самъ пить начнешь.

На другой день плотника разочли.

XI.

Знакомствъ въ уѣздѣ у Натальи Владиміровны было очень мало. Сама она къ мѣстнымъ помѣщикамъ не ѣздила, такъ какъ ничего съ ними не имѣла общаго и находила ихъ mauvais genre. Нѣкоторые заѣзжали по дѣлу или случайно къ Новодубскому, и онъ представлялъ ихъ матери и сестрѣ. На этомъ кончалось знакомство. Поселившись въ деревнѣ, Новодубская съ дочерью сочли нужнымъ съѣздить въ губернскій городъ, гдѣ были у губернаторши, у жены губернскаго предводителя и у архіерея. Губернаторша ей очень понравилась тѣмъ, что прекрасно говорила по-французски и даже по-англійски. Хотя ей пріятно было быть первой дамой въ губерніи, но она тоже тяготилась отсутствіемъ порядочныхъ людей и вздыхала по Москвѣ, гдѣ она родилась и провела молодость.

— Въ провинціи такъ нужны люди,—говорила она Новодубской,—такъ нужны люди, здраво смотрящіе на вещи, что у меня не хватаетъ духу совѣтовать мужу бросить свое губернаторство. Я понимаю пользу, которую оно можетъ принести, хотя бы сдерживая земство. Но всякое терпѣніе можетъ лопнуть. Это все или мужичье, или какіе-то красные. Богъ знаетъ, куда мы идемъ.

При словѣ „красные“, Новодубская вспомнила про сына и невольно покраснѣла.

— А что̀ вашъ предводитель?

Губернаторша махнула рукой.

— Такой же! — сказала она. — Бѣдному мужу иной разъ такъ тяжело приходится, что много нужно гражданскаго мужества все это переносить. А вы, графиня, небось, страшно скучаете?—обратилась она къ Еленѣ Аполлоновнѣ.

— Некогда скучать. Я занята воспитаніемъ дочери.

— Она такая чудная мать! — замѣтила Новодубская про дочь. — Она мужественно несетъ свой крестъ.

Губернаторша долго ихъ не отпускала и взяла слово на другой день у нея отобѣдать. Новодубская сначала отказывалась, но затѣмъ принуждена была согласиться, для чего на день отложила свой отъѣздъ.

Жена губернскаго предводителя произвела на Наталью Владиміровну худшее впечатлѣніе. Хотя она принадлежала къ старинному дворянскому роду, но тридцатилѣтнее пребываніе въ деревнѣ заставило ее порвать прежнія связи съ свѣтомъ. Мужъ ея былъ старый земецъ, весь погруженный въ земскія дѣла. Она его боготворила и мало-по-малу перестала имѣть какіе-либо интересы—иные, чѣмъ то, что̀ интересовало мужа.

Съ Новодубской у нея разговоръ не клеился, и знакомство ихъ ограничилось обмѣномъ короткихъ визитовъ.

Зато отъ архіерея Наталья Владиміровна осталась въ восторгѣ. У нихъ оказались общіе знакомые изъ высшихъ сановниковъ имперіи, въ которыхъ очень нуждался архіерей и съ которыми Новодубская считала долгомъ сохранять связи. Она думала, что служитъ Россіи и что ея служеніе полезно. Между прочимъ, она думала, что высшее общество, нравственно поддерживая полезныхъ, по ея мнѣнію, сановниковъ и содѣйствуя ихъ популярности, тѣмъ самымъ приноситъ большую пользу. Съ тѣми сановниками, про которыхъ она разговорилась съ архіереемъ, она даже была въ постоянной перепискѣ. Архіерей попросилъ Наталью Владиміровну быть членомъ одного общества, гдѣ онъ предсѣдательствовалъ и которое хотя и проявляло свою дѣятельность только ежегодными собраніями, но считалось очень важнымъ и вмѣнялось архіерею въ большую заслугу. Наталья Владиміровна съ радостью приняла предложеніе и внесла довольно высокій членскій взносъ. Затѣмъ, она взяла, по его же просьбѣ, подъ свое высокое и просвѣщенное покровительство одну церковно-приходскую школу по сосѣдству съ Дубовкой и обѣщалась устроить общество трезвости. Попечительницей другой церковно-приходской школы, тоже по сосѣдству съ Дубовкой, согласилась быть графиня Линденъ.

Когда продолжительный визитъ ихъ кончился и архіерей проводилъ ихъ до лѣстницы, пріѣхавшія изъ разныхъ мѣстъ епархіи и ожидавшія аудіенціи духовныя лица очень обрадовались; на лѣстницѣ архіерей еще остановился съ Новодубской и обѣщалъ ей при объѣздѣ епархіи такъ направить свой маршрутъ, чтобы побывать въ Дубовкѣ, и взамѣнъ того получилъ съ нея обѣщаніе кланяться въ ближайшемъ письмѣ ихъ общему знакомому сановнику. Онъ поклонъ, переданный такимъ лицомъ, какъ Новодубская, очевидно, считалъ очень для себя важнымъ.

Наконецъ, Новодубская, въ послѣдній разъ поцѣловавъ у преосвященнаго руку и назвавъ его, по ошибкѣ, „батюшкой“, стала спускаться по лѣстницѣ.

Какая-то попадья, пріѣхавшая по очень для нея важному дѣлу, изъ самаго отдаленнаго отъ губернскаго города уголка епархіи, бросилась-было уже архіерею въ ноги, но тотъ быстрыми шагами другой дорогой прошелъ во внутренніе свои покои. Вышедшій же келейникъ объяснилъ просителямъ, что владыка теперь изволитъ кушать, а потомъ отдыхать, и что потому пріемъ откладывается на недѣлю — до слѣдующаго вторника.

На другой день, получивъ отвѣтные визиты губернатора съ женой, предводителя съ женой и архіерея и отобѣдавъ у губернатора, Новодубская съ дочерью переѣхала въ уѣздный городъ, чтобы, сдѣлавъ визитъ женѣ уѣзднаго предводителя, вернуться въ Дубовку. Къ женѣ уѣзднаго предводителя Новодубская рѣшила ѣхать не потому, что считала это нужнымъ, — наоборотъ, она нѣсколько была шокирована тѣмъ, что предводитель не счелъ нужнымъ ей представиться, когда она поселилась въ Дубовкѣ, — а для сына.

— Бѣдный Гри-Гри, — говорила она дочери, — очевидно въ люди не выйдетъ. Онъ вѣдь и здѣсь не уживется. Я увѣрена, что онъ съ Николаевымъ не сойдется. Съѣздимъ, Нелли, къ нему. Это моя обязанность, какъ матери, по возможности облегчать ему жизненный путь... Бѣдный Гри-Гри!

У Алексѣя Демидовича Николаева — такъ звали предводителя — былъ старинный одноэтажный деревянный домъ съ двумя флигелями, соединенными съ домомъ длинными коридорами съ крыльцами. Домъ былъ похожъ на птицу съ распростертыми крыльями. Подъѣхавъ къ крыльцу въ нанятой въ городѣ коляскѣ, Новодубская съ дочерью вошли въ коридоръ, затѣмъ въ переднюю, не встрѣтивъ никого. Полъ въ коридорѣ былъ непроченъ и видимо нуждался въ перестилкѣ. На перилахъ крыльца висѣло просушивавшееся дѣтское бѣлье, а въ коридорѣ на окнѣ стояла бутыль съ керосиномъ и ящики съ вылѣзавшими изъ земли ростками какого-то растенія. Въ углахъ кое-гдѣ была густая, видимо, давнишняя паутина, а на окнахъ жужжали мухи и бились бабочки.

— Comme la maison est mal tenue! — вполголоса сказала графиня Линденъ своей матери.

— Pas âme, qui vive, — прибавила мать.

Онѣ сняли сѣрые, изъ одной матеріи сшитые cache-poussière'ы, посмотрѣлись въ зеркало, стоявшее въ передней и сильно кривившее лица, и вошли въ залу. Дальше онѣ идти не рѣшались и присѣли у окна.

Между тѣмъ пріѣздъ ихъ былъ замѣченъ, кромѣ собакъ, людьми, работавшими на кухнѣ. Они завозились.

— Гля-ка! Пріѣхали какія-то,—говорилъ поваренокъ.

— Ямщикъ городской,—замѣтилъ сторожъ, коловшій дрова.

— Митька, ты бы сбѣгалъ, сказалъ въ домѣ. А то, небось, спятъ послѣ обѣда, — сказалъ поваръ.

— Кому жъ я скажу, коли спятъ? — возразилъ поваренокъ.

— Хоть Катеринѣ Михайловнѣ скажи. Да бѣги скорѣе...

Поваренокъ побѣжалъ къ дальнему флигелю.

— Катерина Михайловна, Катерина Михайловна! Пріѣхали какія-то.

— Ну что-жъ, что пріѣхали. Подождутъ. Господа спятъ.

— Да, поди, важныя пріѣхали-то. На тройкѣ. Разодѣтыя.

— Да я-то тутъ причемъ? Анэта, Анэта! Запропастилась куда-то... Анэта!.. тьфу ты пропасть!.. Анэта!

Анэта, недавно взятая въ услуженіе дочь садовника, въ отличіе отъ деревенскихъ Анютокъ названная Анэтой, не откликалась.

— Знать, къ матери пошла,—проворчала Катерина Михайловна и пошла будить Василья, камердинера Алексѣя Демидовича, спавшаго въ домѣ.

— Василій, Василій!.. глухой чортъ!

— Что? Это вы, Катерина Михайловна?

— А то кто жъ?.. Иди, разбуди господъ-то. Гости пріѣхали.

— Какіе гости?

— А я почемъ знаю!

— Да какъ же я господъ-то будить буду? Надо впередъ спросить, какъ доложить... Я сейчасъ одѣнусь...

— Ему еще одѣваться... Ну, одѣвайся... а я сама схожу.

Новодубскія начинали уже терять терпѣнье.

— А что̀ ты думаешь, мама, если мы дальше произведемъ маленькую рекогносцировку?

— Это опасно. Кабы еще знакомы были... тогда другое дѣло... Если долго никто не появится, поѣдемъ...

Въ это время въ отдаленіи послышался стукъ дверями, а затѣмъ шлепанье туфель и старческій кашель. Вошла Екатерина Михайловна. Это была довольно полная старушка. Вытянувшіеся подъ старость носъ и подбородокъ, при полномъ отсутствіи зубовъ, почти сходились, когда она говорила. Слѣзшій съ головы на плечи платокъ раскрылъ ея голову: кожа просвѣчивала сквозь пряди рѣдкихъ сѣдыхъ волосъ. За тесемку, замѣнявшую поясъ, была привѣшена связка ключей, гремѣвшихъ при каждомъ движеніи.

— Вамъ барыню?—спросила она.

— Да, мы давно ждемъ: Принимаетъ барыня?

— Она почиваетъ послѣ обѣда. И баринъ почиваетъ. Разбудить ихъ, что-ли?

— Нѣтъ, зачѣмъ же будить? мы поѣдемъ. Скажите, что генеральша Новодубская и графиня Линденъ-де-ла-Рошъ заѣзжали къ нимъ съ визитомъ.

— Генеральша какъ?

— Дайте лучше записку: я напишу наши фамиліи.

— Въ передней, должно, есть бумага и перо. Я сейчасъ подамъ.

И Катерина Михайловна зашлепала въ переднюю. Пока она возилась тамъ и искала бумагу, издали послышался женскій голосъ: „Катя“!

— Сейчасъ!—откликнулась Катерина Милайловна, но очевидно услышана не была.

— Катя!.. Катя!.. Анэта!—послышалось еще громче.

— Да сейчасъ же, говорятъ вамъ! Тьфу, загорѣлось!.. И бумаги-то тутъ нѣтъ... Я сейчасъ принесу.

Катерина Михайловна, не спѣша, пошла по направленію голоса.

Новодубскія опять усѣлись. Довольно долго доносились еще женскіе голоса изъ внутреннихъ комнатъ. Наконецъ, опять послышались шаги Катерины Михайловны.

— Сама выйдетъ сейчасъ. Одѣвается,—сказала она.

Новодубскія молчали.

— Одѣвается. Сейчасъ выйдетъ. Подождите! — повторила старуха.

— Хорошо. Мы подождемъ,—отвѣчала Новодубская.

— Cela s'appelle une visite à la campagne,—замѣтила графиня.

— Pauvre Gri-Gri!

И Наталья Владиміровна вздохнула.

Наконецъ вошла дама въ широкомъ, сильно вырѣзанномъ розовомъ капотѣ. Отдѣланъ капотъ былъ въ изобиліи шолковыми, тоже розовыми лентами. Первое впечатлѣніе, которое она производила, было впечатлѣніе большой толщины. Но, приглядѣвшись, можно было замѣтить, что толста особенно она казалась отъ широкаго строенія костей. Лицо было квадратное, руки и ноги большія. Жиръ же весь сконцентрировался въ груди, образовавшей какъ бы полку: грудь сильно была приподнята корсетомъ. Эта „полка“ бросилась прежде всего въ глаза графинѣ.

„Навѣрное, она своихъ ногъ не видитъ“,—мелькнуло у нея въ головѣ.

— Вамъ, кажется, пришлось меня ждать. Я отдыхаю послѣ обѣда, и немного переспала. Мой мужъ тоже отдыхаетъ. Онъ такъ занятъ съ тѣхъ поръ какъ предводителемъ...

— Конечно. Очень рада съ вами познакомиться. Мой сынъ такъ много говорилъ про вашего мужа... Онъ его такъ уважаетъ...

— Какъ же, какъ же! Онъ у насъ бывалъ. Теперь только какъ будто забылъ насъ.

— Онъ такъ занятъ своимъ хозяйствомъ...

„И съ медвѣдями-то своими и то ужиться не умѣетъ“,— подумала она.

— Чѣмъ васъ угощать? Чаю, варенца не хотите ли?

— Я не откажусь. А то мы проѣхались по этой жарѣ. Пить хочется.

— Василій, Василій!.. Василій!—повторила она вошедшему въ залу неряшливо одѣтому немолодому лакею съ курчавыми съ просѣдью волосами и плохо выбритыми щеками.—Устрой намъ чаю. Варенцу подай. Скажи Катѣ, чтобы все приготовила.

— Ключи пожалуйте!

— Ключи у Кати. Она дастъ, что̀ нужно. Да варенья не забудь! И барину доложи, что генеральша Новодубская пріѣхала съ дочерью, графиней... Ну, что̀ вы, графиня, не скучаете въ нашихъ краяхъ?.. Вы, небось, не привыкли къ деревенской жизни?..

— Ничего. Конечно, послѣ заграничной жизни, перемѣна чувствуется.

— Гдѣ ей скучать!—вставила ея мать.—Вѣдь у моей Нелли дѣвочка учится. Она такая мать, такая образцовая мать, что вы себѣ представить не можете! Ей развѣ есть время скучать?

— Небось, у васъ всякія бонны, гувернантки, графиня?

— Нѣтъ, представьте себѣ, всего одна англичанка.

— Чего ей гувернантокъ, — Вnоторила Наталья Владиміровна.—Она вѣдь все сама дѣлаетъ. все сама...

Въ это время вошелъ хозяинъ. Худой, высокій, стройный, съ улыбающимися глазами и подстриженной по-французски бородкой, онъ, несмотря на порядочную сѣдину, казался бы еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, не будь все лицо его испещрено морщинами.

Когда жена его представила гостямъ, Алексѣй Демидовичъ тоже выразилъ удивленіе, что онѣ, привыкшія къ свѣту, поселились въ деревнѣ, и выслушалъ тотъ же отвѣтъ, что Нелли поглощена воспитаніемъ дочери. Нечаянно сказанное графиней Линденъ французское слово вызвало со стороны Николаева цѣ-

лую фразу на томъ же языкѣ. Онъ очевидно былъ радъ показать великосвѣтскимъ помѣщицамъ, что и онъ не только говоритъ по-французски, но и хорошо по-французски произноситъ. Другой результатъ имѣло обращеніе графини по-французски къ хозяйкѣ дома. Она не только не отвѣтила на томъ же языкѣ, но и быстро заговорила о другомъ, очевидно не понявъ заданнаго ей вопроса.

— Вы страшно заняты, не правда ли? — спросила Николаева Новодубская.

— Да, конечно! Вѣдь предводитель имѣетъ голосъ по всѣмъ вопросамъ и во всѣхъ коммиссіяхъ предсѣдательствуетъ. Да это бы еще ничего. А вотъ приходится бороться съ разными теченіями въ земствѣ. Это, дѣйствительно, тяжело. А надо! Что подѣлаешь?

„Ужъ не на Гри-Гри ли онъ намекаетъ?“—подумала Новодубская.

— А я думала, что съ вашимъ знаніемъ дѣла и съ вашимъ талантомъ вамъ нечего бояться кого бы то ни было,—замѣтила графиня, хотя не имѣла ни малѣйшаго понятія ни о знаніи дѣла, ни тѣмъ болѣе о талантѣ Николаева.

Онъ, тѣмъ не менѣе, принялъ это за чистую монету и сдержалъ улыбку удовольствія.

— Это такъ. Но знаніемъ дѣла и талантомъ ничего не добьешься. Эти господа, если что себѣ зарубятъ, то никакими силами ихъ не убѣдишь. Теперь у нихъ мода на земскія школы, и они на десятину набрасываютъ пятачки съ такимъ легкимъ сердцемъ, что даже жутко дѣлается.

— Скажите, пожалуйста!—удивилась Новодубская.—А мнѣ мой пріятель графъ Савельевъ говорилъ, что подборъ земскихъ начальниковъ прекрасный и что этого... знаете... нѣтъ.

— Я про гласныхъ говорю, а не про земскихъ начальниковъ.

— Вы говорили—въ земствѣ у васъ...

— Ну, да, въ земствѣ... а земскіе начальники... это совсѣмъ другое дѣло.

— А-а! Мой сынъ хотѣлъ къ вамъ въ земство поступить.

— Да, я слышалъ, — холодно отвѣтилъ Николаевъ. — Ну, что-жъ, ему, вѣроятно, скучно въ деревнѣ, онъ все съ мужичьемъ возится и мало бываетъ у сосѣдей.

— Онъ нелюдимый у меня... и не знаю, въ кого онъ у меня такой вышелъ... Вы его, пожалуйста, поддержите...

— Вѣдь это дѣло выборовъ... Я могу отвѣчать только за свой шаръ. У насъ вѣдь тоже партіи... къ тому же, его мало знаютъ.

— Ну, это вы такъ говорите... Я вѣдь знаю. Ce que Nikolaeff veut, Dieu le veut,—вставила графиня.

— Вы преувеличиваете мое значеніе, графиня.

„Хотя Гри-Гри меня и не слушаетъ, а мой долгъ для него хлопотать“,—подумала Новодубская.

Послѣ многократныхъ попытокъ Новодубской уѣхать до чая, котораго долго не подавали, и стольких же обѣщаній, что вотъ-вотъ сейчасъ принесутъ самоваръ и варенецъ, чай, наконецъ, явился. Громадный мѣдный самоваръ былъ принесенъ Васильемъ, а затѣмъ, онъ же съ Катериной Михайловной и Анэтой принесли хлѣбъ, разное варенье, масло, сыръ, варенецъ, къ варенцу мелкаго сахару и порошокъ изъ засушеннаго чернаго хлѣба, а затѣмъ, по особому приказанію Николаевой, различныя начатыя бутылки водокъ, винъ и настоекъ и всевозможныя закуски на тарелочкахъ и въ баночкахъ, маринованныя и копченыя. Въ одной бутылкѣ какой-то настойки было очень мало; хозяйка это замѣтила.

— Да что ты сливянки-то, Катя, даешь на донышкѣ? Точно у меня ея мало. Принеси цѣлую бутылку.

Напрасно Новодубская и ея дочь говорили, что имъ ѣсть не хочется, и что онѣ ограничатся чашкой чаю, напрасно онѣ заявляли, что вина никакого не пьютъ,—хозяйка ихъ не пощадила и предлагала неоднократно отвѣдать,—только отвѣдать того или другого,—причемъ перечисляла всѣ вина и всѣ настойки, всѣ закуски и всѣ сласти, бывшія на столѣ. Наконецъ Алексѣй Демидовичъ счелъ нужнымъ остановить жену.

— Да чтò ты, Eudoxie, насильно угощаешь? Ты видишь, наши гостьи не хотятъ кушать. Дай же людямъ свободу дѣлать, чтò хотятъ.

Тѣмъ не менѣе, Натальѣ Владиміровнѣ и графинѣ пришлось поѣсть варенца, въ чай положить варенья, котораго онѣ не любили, и отвѣдать какихъ-то грибковъ домашняго приготовленія. Графиня потомъ утверждала, что какой-то червячокъ-звѣрь, какъ она выражалась, копошился на ея грибкѣ.

— Прежде, бывало, когда я не былъ предводителемъ и самъ занимался хозяйствомъ, у меня не только огурцы, но и дыни бывали въ это время.

— А теперь у васъ садовникъ?—спросила графиня.

— Извѣстное дѣло—садовникъ. Только слава, что садовникъ! Я ихъ за эти два года чуть не десятокъ перемѣнилъ. То тѣмъ недовольны, то жалованье мало, то пища на людской не хороша... а сами лодырь на лодырѣ, пьяница на пьяницѣ...

— Не говорите! Я этотъ народъ знаю теперь. Надо ангельское терпѣнье моего сына, чтобы все это переносить. Да какъ они смѣютъ съ вами? Вы сами предводитель...

— Что жъ что предводитель? Я пробовалъ обращаться въ судъ. Наши, съ позволенія сказать, юристы все не находятъ состава преступленія, когда дѣло идетъ о какомъ-нибудь негодяѣ. А тутъ еще скажутъ, что предводитель вліяетъ на съѣздъ въ своихъ дѣлахъ... Ну ихъ къ ч... къ Богу! Ну, а если помѣщикъ обругаетъ мужика, а тѣмъ болѣе пальцемъ если хоть его тронетъ... и составъ преступленія найдется, и подходящія статьи закона...

— Il n'y a pas à dire,—вставила графиня,—время дворянства прошло. Потому все и идетъ вверхъ дномъ.

— Григорій Аполлоновичъ, кажется, тоже увлекся модными идеями?

— Да, бѣдный Гри-Гри все мечтаетъ о какомъ-то подъемѣ мужика, но увидите—это все пройдетъ со временемъ. Онъ еще такъ молодъ!.. „Какую онъ успѣлъ себѣ репутацію сдѣлать!"— мысленно прибавила Новодубская.—У молодежи,—продолжала она громко,—столько искушеній, ее отуманиваютъ громкими словами. Естественно, что они, пока не поживутъ подольше, увлекаются... Но со временемъ это проходитъ... Я увѣрена, что у Гри-Гри это пройдетъ... Вотъ, когда онъ будетъ служить у васъ, вы своимъ вліяніемъ...

— А развѣ онъ намѣренъ служить?

— А какже! онъ вѣдь собирается въ гласные къ вамъ.

— Вѣдь это не служба. А я думалъ, что онъ служить хочетъ въ управѣ, что-ли... или земскимъ начальникомъ.

— Я бы такъ хотѣла, чтобы онъ хоть гдѣ-нибудь служилъ. Вы его уговорите... я такъ буду вамъ благодарна... Я вамъ по правдѣ скажу. Я боюсь для него деревни... je crains, qu'il ne se rouille...

Разговоръ этотъ, происходившій за чаемъ, сначала часто прерывался вопросами Авдотьи Петровны: „А не хотите ли черносливу? прекрасный черносливъ!.. французскій!" или: „Вы бы хоть немножко попробовали вишнёвки!.. совсѣмъ дамскій напитокъ... Ну, хоть пригубьте, какъ у насъ говорятъ!"—Отвѣты были лаконическіе: „Нѣтъ, благодарствуйте"... „Нѣтъ, не безпокойтесь"... „Я сыта".

Видя, что эти вопросы не нравятся мужу, каждый разъ толкавшему ее ногой подъ столомъ, чтобы молчала, Авдотья Петровна перестала говорить, но не могла удержаться, чтобы хоть

жестами не указывать то на одну тарелочку или бутылку, то на другую.

Наконецъ, Новодубская, а за нею и дочь ея, рѣшительно встали и, несмотря на просьбы Авдотьи Петровны еще посидѣть хоть минуточку, распростились и уѣхали. Хозяева ихъ провожали до крыльца, съ просьбами не забывать ихъ, а съ другого крыльца вышли и тоже провожали ихъ глазами Катерина Михайловна и Анэта. Поваренокъ же, Митька, выбѣжалъ за ворота и смотрѣлъ вслѣдъ за отъѣзжавшей тройкой, пока она не скрылась изъ глазъ при поворотѣ дороги за садомъ.

Когда онѣ отъѣхали нѣсколько, графиня расхохоталась.

— Не правда ли, она преуморительная съ своимъ угощеніемъ?

— Это должна быть какая-нибудь изъ мѣстныхъ. Elle est affreuse. Онъ, повидимому, былъ не такой, но тоже въ деревнѣ опустился... Да, бѣдный Гри-Гри не сознаетъ, сколько мнѣ изъ-за него приходится приносить жертвъ... Ну, современемъ пойметъ...

А. Новиковъ.

АЛЕКСАНДРЪ I и НАПОЛЕОНЪ I

Последніе годы ихъ дружбы и союза.

IV *).

Въ началѣ 1808 года, наступилъ моментъ, когда лучшее выясненіе взаимныхъ отношеній между Россіей и Франціей требовалось крайнею необходимостью поддерживать дальнѣйшее существованіе заключеннаго въ Тильзитѣ союза. Разногласія между обоими императорами-союзниками обнаруживались во всѣхъ главнѣйшихъ политическихъ вопросахъ, поставленныхъ на очередь. Коленкуръ въ С.-Петербургѣ и гр. Толстой въ Парижѣ постоянно доносили о взаимныхъ претензіяхъ, для улаженія которыхъ оба посла добросовѣстнымъ образомъ искали удобной почвы. Но ихъ усилія оказались тщетными.

Французское правительство питало серьезное неудовольствіе противъ гр. Толстого, съ которымъ оно никакъ не могло поладить. Русскій посолъ, по словамъ Шампаньи, исключительно оберегаетъ интересы Пруссіи и довольно равнодушно относится къ присоединенію Дунайскихъ княжествъ къ Россіи. „Все, что касается до прусской династіи, возбуждаетъ въ немъ самыя горячія симпатіи". Такъ писалъ французскій министръ иностранныхъ дѣлъ Коленкуру 2-го (14-го) января 1808 года. Вообще, графу Толстому французское правительство ставило въ упрекъ, что онъ слишкомъ увлекается своими собственными личными чувствами. Даже его заподозрили въ неисполненіи данныхъ ему инструкцій.

---

[1]) См. выше: февр., 609 стр.

Съ другой стороны, Коленкуръ, донося о своихъ разговорахъ съ императоромъ Александромъ и графомъ Румянцовымъ, долженъ былъ постоянно подтверждать, что ни Александръ I, ни его министръ, не хотятъ отказаться отъ своихъ претензій на Дунайскія княжества, но, въ то же время, оба категорически отказываются согласиться на захватъ Силезіи Франціей.

При такихъ обстоятельствахъ императоръ Наполеонъ призналъ, наконецъ, нужнымъ пойти навстрѣчу русскимъ вожделѣніямъ относительно Турціи и создать новую почву для полнаго соглашенія съ своимъ союзникомъ. Эту задачу должно было разрѣшить его знаменитое письмо къ императору Александру I отъ 21-го января (2-го февр.) 1808 года.

Послѣ возвращенія Савари въ Парижъ, Наполеонъ имѣлъ съ нимъ нѣсколько бесѣдъ, которыя привели его къ убѣжденію въ необходимости лучше закрѣпить союзныя узы съ Россіей и лучше выяснить планъ общихъ дѣйствій.

„Я не испытываю ни малѣйшаго чувства зависти къ Россіи", пишетъ Наполеонъ, „а только желаю ея славы, процвѣтанія и расширенія. Позволите ли, ваше величество, особѣ, которая вызываетъ вамъ нѣжную и искреннюю привязанность, подать вамъ совѣтъ? Вашему величеству необходимо удалить шведовъ отъ своей столицы; протяните съ этой стороны свою границу, насколько вамъ угодно будетъ. Я всѣми своими силами готовъ помогать вамъ въ этомъ".

Однако, замыслы Наполеона шли гораздо дальше: онъ недаромъ согласился помогать Россіи противъ Швеціи—этой союзницы Франціи съ половины XVII вѣка.

„Еслибъ армія изъ 50.000 человѣкъ",—продолжаетъ онъ,— „русскихъ, французовъ, пожалуй даже немножко австрійцевъ, направилась чрезъ Константинополь въ Азію и появилась на Евфратѣ, то она заставила бы трепетать Англію и повергла бы ее къ ногамъ материка. Я готовъ—въ Далмаціи; ваше величество готовы на Дунаѣ. Чрезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ мы условились бы, эта армія могла бы быть на Босфорѣ. Ударъ этотъ отразился бы въ Индіи, и Англія была бы покорена.

„Я не отказываюсь", продолжаетъ Наполеонъ, „ни отъ какихъ необходимыхъ предварительныхъ условій для достиженія такой великой цѣли. Но взаимная выгода обоихъ нашихъ государствъ должна быть разсчитана и взвѣшена. Это можетъ состояться только при свиданіи съ вашимъ величествомъ, или же послѣ зрѣлыхъ обсужденій между Румянцовымъ и Коленкуромъ и присылки сюда человѣка, который былъ бы хорошо знакомъ съ этой системой.

„Г. Толстой прекрасный человѣкъ, но онъ преисполненъ предубѣжденій и недовѣрія къ Франціи и очень далекъ отъ величія тильзитскихъ событій и того новаго положенія, въ которое поставленъ свѣтъ, благодаря тѣсной дружбѣ, господствующей между вашимъ величествомъ и мною. Все можетъ быть подписано и рѣшено до 15-го марта. Къ первому мая наши войска могутъ быть въ Азіи и въ то же время войска вашего величества въ Стокгольмѣ. Тогда англичане, угрожаемые въ Индіи, изгнанные съ Востока, будутъ раздавлены подъ тяжестью событій, которыми будетъ насыщена атмосфера.

„Ваше величество и я предпочли бы вкушать сладости мира и проводить нашу жизнь среди нашихъ обширныхъ имперій, занимаясь ихъ оживленіемъ и осчастливливая ихъ искусствами и благодѣяніями управленія. Враги всего міра этого не желаютъ. Мы должны быть поневолѣ болѣе великими!

„Благоразумно и политично“,—заключаетъ Наполеонъ свое важное письмо къ императору Александру I,—„дѣлать то, что̀ судьба намъ повелѣваетъ, и идти туда, куда ведетъ насъ непреодолимый ходъ событій. Тогда эта тучка пигмеевъ, которые не хотятъ понять, что настоящія событія таковы, что подобія имъ слѣдуетъ искать въ исторіи, а не въ газетахъ послѣдняго столѣтія, смирится, послѣдуетъ за движеніемъ, которое мы съ вашимъ величествомъ направимъ, и русскій народъ будетъ доволенъ славою, богатствомъ и счастіемъ, которыя будутъ послѣдствіями этихъ великихъ событій.

„Въ этихъ немногихъ строкахъ я высказываю вашему величеству всю свою душу. Тильзитское дѣло установитъ судьбу всего свѣта. Можетъ быть, нѣкоторое малодушіе со стороны вашего величества и моей склоняло насъ предпочесть вѣрное и минутное благо лучшему и болѣе совершенному положенію, но такъ какъ, наконецъ, Англія не желаетъ этого, то признаемъ, что наступило время важныхъ перемѣнъ и великихъ событій“.

Приведенное, почти цѣликомъ, февральское письмо Наполеона служитъ убѣдительнымъ доказательствомъ глубокаго пониманія Наполеономъ I душевнаго настроенія и политическихъ плановъ своего августѣйшаго союзника императора Александра. Мастерски набросанный планъ общихъ дѣйствій Россіи и Франціи противъ Швеціи и въ Индіи не могъ не увлечь впечатлительную натуру русскаго императора. Возможность дойти до Стокгольма, послѣ присоединенія Финляндіи, и согласіе Наполеона на раздѣлъ Турціи не могли не возвысить въ глазахъ Александра I цѣнность его союза съ Франціей. Но едва ли можно сомнѣваться

въ томъ, что Наполеонъ своимъ письмомъ только хотѣлъ пустить пыль въ глаза своему союзнику и увлечь его миражемъ великолѣпныхъ политическихъ плановъ. На самомъ же дѣлѣ онъ не желалъ ни паденія Оттоманской имперіи, ни увеличенія русскихъ владѣній на югѣ Европы.

Для того, чтобы императоръ Александръ слѣпо вѣрилъ въ слова своего друга и союзника, Наполеонъ долженъ былъ добиться удаленія гр. Толстого съ поста русскаго посла въ Парижѣ. Онъ отлично зналъ, что гр. Толстой относится крайне недовѣрчиво къ его словамъ и постоянно предостерегаетъ своего государя насчетъ коварныхъ его замысловъ относительно Россіи. Вотъ почему Наполеонъ требуетъ присылки въ Парижъ другого человѣка для переговоровъ съ нимъ о грандіозныхъ планахъ, набросанныхъ въ февральскомъ письмѣ. Гр. Толстой не находился, по мнѣнію императора французовъ, на высотѣ великихъ плановъ, проектированныхъ въ Тильзитѣ.

Однако, пока гр. Толстой не былъ отозванъ, Наполеонъ продолжалъ выказывать ему особенный почетъ и явную милость. Только графъ оказывался вѣрнымъ своей подозрительности и неуклонно предостерегалъ свое правительство, несмотря на то, что оно не „опровергало и не одобряло" его взгляды на общее положеніе Европы. Въ письмѣ, отъ 16-го (28-го) февраля 1808 года, къ графу Румянцову, посолъ высказываетъ убѣжденіе, что, несмотря на безполезность его предостереженій, онъ все-таки обязанъ сказать всю правду, которая заключается въ томъ, что совершенно нельзя вѣрить императору французовъ и его министрамъ.

„Все меня убѣждаетъ",—писалъ гр. Толстой въ упомянутомъ донесеніи,—„въ существованіи у Наполеона сильнаго желанія, сложившагося уже въ Тильзитѣ, откладывать эти дѣла въ долгій ящикъ. Съ этимъ умысломъ онъ намъ подсказалъ мысль о пріобрѣтеніи Молдавіи и Валахіи, и онъ ее поспѣшно подхватилъ, когда она была принята его императорскимъ величествомъ, и онъ намъ словесно обѣщалъ ее поддерживать въ то время, когда онъ въ трактатѣ постановилъ объ очищеніи этихъ обѣихъ провинцій". Враждебные планы Наполеона противъ Россіи не подлежали для гр. Толстого ни малѣйшему сомнѣнію. Онъ спросилъ графа Румянцова: что̀ Россія можетъ противопоставить французской арміи въ 200.000 человѣкъ? Русскій посолъ искренно удивлялся геніальнымъ способностямъ и несокрушимой энергіи Наполеона, и именно поэтому остерегалъ свое отечество отъ угрожающей ему великой опасности. Онъ настолько

опасался чарующаго вліянія личности императора французовъ, что умолялъ своего государя не принимать предложенія Наполеона о личномъ съ нимъ свиданіи. Въ такомъ новомъ свиданіи Толстой предвидѣлъ „потерю Россіи", ибо на немъ будутъ, навѣрное, подписаны такія соглашенія, которыя „послужатъ завершеніемъ всѣхъ ея несчастій".

Гр. Толстой принужденъ былъ весьма скоро убѣдиться, что его предостереженія производятъ очень мало впечатлѣнія въ Петербургѣ и остаются гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Вице-канцлеръ ничего не отвѣтилъ на его горячія воззванія къ осторожности и бдительности, а императоръ Александръ, искренно полюбившій гр. Толстого, пришелъ мало-по-малу въ убѣжденію, что его посолъ—человѣкъ тяжелаго и почти несноснаго характера. Февральское письмо Наполеона произвело на него глубокое впечатлѣніе, и эрфуртское свиданіе состоялось вопреки совѣтамъ и мольбамъ гр. Толстого.

Въ концѣ февраля, Коленкуръ получилъ письмо Наполеона, отъ 2-го февраля, и немедленно лично его вручилъ императору Александру, который при немъ сталъ его читать. Прочитавъ первую половину его, императоръ видимо остался довольнымъ, и, продолжая чтеніе, онъ вдругъ воскликнулъ: „Вотъ великія дѣла!" Затѣмъ онъ нѣсколько разъ повторялъ: „Вотъ тильзитскій стиль!"—„Вотъ онъ, великій человѣкъ!"

Когда же императоръ кончилъ чтеніе, онъ съ явнымъ воодушевленіемъ взялъ руку французскаго посла и сказалъ ему: „Скажите императору, какъ я тронутъ его довѣріемъ, какъ желаю его поддерживать. Вы можете засвидѣтельствовать, какимъ образомъ я получаю его письмо. Я хочу его вамъ прочесть". Государь прочелъ вслухъ письмо Наполеона, останавливаясь на каждой фразѣ, и, по окончаніи чтенія, онъ сказалъ послу: „Генералъ, я вамъ скажу откровенно: это письмо доставляетъ мнѣ большое удовольствіе. Это—языкъ тильзитскій. Императоръ можетъ на меня разсчитывать, ибо я нисколько не перемѣнилъ тона—какъ вамъ извѣстно".

Вслѣдъ затѣмъ императоръ Александръ началъ съ увлеченіемъ развивать политическіе планы, изложенные въ письмѣ Наполеона. Онъ сказалъ, что Коленкуръ и гр. Румянцовъ могутъ начать переговоры и подготовить почву для полнаго соглашенія. Онъ самъ охотно отправился бы въ Парижъ, „хотя бы курьеромъ", для свиданія съ Наполеономъ, но, къ несчастію, онъ не можетъ покинуть Россію. Онъ непремѣнно поѣдетъ, но только впослѣдствіи.

Что же касается желанія императора французовъ о посылкѣ къ нему особенно довѣреннаго лица, то онъ совершенно понимаетъ это желаніе. Но гдѣ ему найти такое лицо? „Императоръ изъ назначенія Толстого могъ видѣть, что у меня нѣтъ такого лица“,—сказалъ Александръ I французскому послу.—„Можетъ быть, вы знаете кого-нибудь изъ здѣшнихъ? Я назначилъ Толстого потому, что онъ не интриганъ. Однако, онъ не ведетъ дѣла. Императоръ имъ недоволенъ. Между нами будь сказано: я давно это замѣтилъ“. Такимъ образомъ, судьба гр. Толстого была рѣшена, и его кредитъ въ глазахъ своего государя былъ подорванъ навсегда.

При прощаніи Александръ I поручилъ Коленкуру засвидѣтельствовать Наполеону о его чувствахъ благодарности. Вечеромъ, на придворномъ балѣ, онъ нѣсколько разъ милостиво заговаривалъ съ французскимъ посломъ и не разъ повторялъ: „Я нѣсколько разъ перечиталъ письмо императора: вотъ это тильзитскія слова!“ На это посолъ отвѣтилъ, что никогда другихъ словъ не произносилъ Наполеонъ [1]).

Энтузіазмъ императора Александра казался совершенно искреннимъ, и онъ повелѣлъ графу Румянцову заняться изученіемъ затронутыхъ въ февральскомъ письмѣ Наполеона чрезвычайно важныхъ вопросовъ. Сверхъ того, ему было поручено вступить въ переговоры съ французскимъ посломъ.

Въ исполненіе этого высочайшаго повелѣнія министръ иностранныхъ дѣлъ собственноручно написалъ секретную записку, въ которую были включены всѣ мысли и соображенія самого государя, сообщенныя имъ предварительно автору. Эта записка носитъ заглавіе: „*Общій взглядъ на Турцію*“—и она была впослѣдствіи вручена французскому послу, съ цѣлью опроверженія французскихъ взглядовъ и созданія почвы для соглашенія.

Въ виду мнѣнія императора французовъ, говорится въ началѣ этой записки, для поддержанія въ Европѣ мира и спокойствія необходимо приступить къ раздѣлу турецкихъ провинцій. Въ Тильзитѣ состоялось соглашеніе о томъ, чтобъ изгнать турокъ обратно въ Азію, оставя за ними въ Европѣ только городъ Константинополь и Румелію. Тогда было условлено, что императоръ французовъ пріобрѣтетъ Албанію, Морею и островъ Критъ. Молдавію и Валахію должна была получить Россія съ тѣмъ, чтобы Дунай сдѣлался границею Россійской имперіи и Бессарабія была присоединена къ ней.

[1]) Сравн. *Vandal*, loc. cit., t. I, p. 283 et suiv.

„Если къ этой долѣ“, продолжаетъ гр. Румянцовъ, „еще прибавится Болгарія, то государь готовъ участвовать въ походѣ на Индію, о чемъ тогда не было условлено. Только необходимо, чтобы походъ на Индію совершался такимъ образомъ, какъ императоръ Наполеонъ самъ его начерталъ,—черезъ Малую Азію“.

Императоръ Александръ вполнѣ одобряетъ мысль Наполеона убѣдить императора австрійскаго дать корпусъ войскъ для участія въ походѣ противъ англійской Индіи. За такую помощь слѣдуетъ уступить Австріи турецкую Кроацію и Боснію. Сверхъ того, можно признать независимость Сербіи. Правда, сербы выразили желаніе находиться подъ властью Россіи. Но императоръ Александръ не намѣренъ исполнить такое желаніе. Онъ, напротивъ, предлагаетъ возвести Сербію въ королевство и посадить на сербскій королевскій тронъ одного изъ австрійскихъ эрцгерцоговъ, не состоящаго въ числѣ ближайшихъ наслѣдниковъ австрійскаго престола.

Такимъ образомъ, „согласно обязательствамъ, принятымъ въ Тильзитѣ“, должно совершиться раздѣленіе Оттоманской имперіи. Однако, Наполеонъ, въ своемъ февральскомъ письмѣ, идетъ дальше: онъ желаетъ бо̀льшаго раздѣленія Турціи. Императоръ Александръ „охотно“ соглашается на такое расширеніе первоначальныхъ предначертаній. Но онъ ставитъ свое согласіе въ зависимость отъ одного условія, а именно, чтобъ его часть новыхъ пріобрѣтеній была непремѣнно меньше части, которую получитъ его союзникъ.

„Исходя изъ этого начала, императоръ Александръ, не только безъ всякой зависти, но даже съ удовольствіемъ, увидѣлъ бы пріобрѣтеніе и присоединеніе Наполеономъ къ своимъ владѣніямъ, кромѣ вышеозначенныхъ областей, всѣхъ архипелагскихъ острововъ, Кипра, Родоса и даже всего, что̀ останется отъ Леванта, Сиріи и Египта“.

Въ случаѣ такой новой постановки вопроса, императоръ Александръ измѣнилъ бы свой взглядъ насчетъ Сербіи: онъ желалъ бы присоединенія ея къ Австріи вмѣстѣ съ бо̀льшею частью Македоніи. Западная часть Македоніи, съ городомъ Салоники, должна была отойти къ Франціи. Кроація также могла бы быть присоединена къ Франціи, если бы послѣдняя не признала за Австріей больше правъ на эту область.

Что же касается новыхъ пріобрѣтеній, на которыя имѣла бы право Россія послѣ вышеизложенныхъ значительныхъ приращеній Франціи и Австріи, то императоръ Александръ убѣжденъ въ необходимости поставить между своими владѣніями и Франціей

владѣнія австрійскія, ибо дружба и союзъ между Россіей и Франціей лучше сохранятся, если ихъ обоюдныя владѣнія не будутъ соприкасаться.

Исходя изъ этого начала, Россія должна получить въ видѣ прибавки къ вышеупомянутымъ новымъ пріобрѣтеніямъ: „городъ Константинополь съ окрестною областью въ нѣсколько миль въ Азіи и съ частью Румеліи въ Европѣ“. Къ западу новыя русскія владѣнія граничили бы съ австрійскими владѣніями и Сербіей.

Однако, Коленкуръ выразилъ графу Румянцову мысль, что если Россія пріобрѣтетъ Константинополь, то Франція должна занять Дарданельскій проливъ или, по меньшей мѣрѣ, азіатскій берегъ этого пролива.

Противъ такой претензіи Наполеона графъ Румянцовъ энергическимъ образомъ возражаетъ въ своей запискѣ, ибо занятіе Дарданелловъ или азіатскаго берега пролива „совершенно уничтожило бы принятое императоромъ всероссійскимъ основное начало не быть поставленнымъ, вслѣдствіе второго раздѣла, въ худшее положеніе, чѣмъ онъ находится въ настоящее время относительно своихъ географическихъ и коммерческихъ отношеній“.

Желая всѣми средствами придти къ окончательному соглашенію съ Наполеономъ, императоръ Александръ предложилъ ему, вмѣсто занятія Дарданельскаго пролива, слѣдующія выгоды:

1) Франція можетъ устроить военную дорогу черезъ австрійскія и русскія владѣнія въ Левантъ и въ Сирію;

2) Россія обязывается оказывать союзную помощь противъ Турціи или Англіи, въ случаѣ нападенія на французскія владѣнія въ Левантѣ;

3) Россія обязывается не завоевывать азіатскаго берега Чернаго моря и согласиться даже на занятіе французами Смирны, и, наконецъ,

4) императоръ Александръ самымъ торжественнымъ образомъ подтверждаетъ уже данное имъ обѣщаніе не предъявлять никакихъ претензій на завоеванія, которыя Наполеонъ сдѣлаетъ въ Индіи. Все, что онъ тамъ завоюетъ, будетъ всецѣло принадлежать одной Франціи.

Таково содержаніе этой весьма замѣчательной записки гр. Румянцова, написанной съ начала до конца собственною его рукою.

Въ заключеніе заявляется о согласіи императора Александра отправиться въ Эрфуртъ, на свиданіе съ императоромъ Наполеономъ, куда его пригласилъ послѣдній. „Но“, сказано въ запискѣ, „его величество императоръ Александръ полагаетъ, что было бы желательно, до назначенія этого свиданія, точнѣе опре-

дѣлить основанія соглашенія, которое предстоитъ подписать", дабы въ Эрфуртѣ осталось только „подписать судьбу этой части свѣта".

Нельзя не сказать, что графъ Румянцовъ коснулся жизненныхъ вопросовъ Россіи и сдѣлалъ попытку разрѣшить историческія задачи русской дипломатіи при соблюденіи самыхъ высшихъ интересовъ своего отечества и уваженіи вѣковыхъ стремленій русскаго народа. Его планъ раздѣла Турціи былъ грандіозенъ, и онъ былъ одобренъ императоромъ Александромъ I, который искренно имъ увлекался. Еслибъ этотъ планъ былъ осуществленъ въ началѣ XIX вѣка, при помощи Наполеона I, вся будущность Европы и Россіи получила бы совершенно новое направленіе. Центръ тяжести Россіи, какъ міровой державы, былъ бы безповоротно перенесенъ на берега близкаго Чернаго моря, Босфорскаго и Дарданельскаго проливовъ. Государственная жизнь русскаго народа продолжала бы роскошно развиваться въ болѣе широкихъ рамкахъ его историко-національныхъ стремленій.

V.

Но судьба рѣшила иначе этотъ великій вопросъ. Въ дипломатическихъ переговорахъ Александра I съ Наполеономъ I въ послѣдній разъ былъ серьезнымъ образомъ поставленъ вопросъ о водруженіи русскаго православнаго креста на храмѣ св. Софіи въ Константинополѣ. Въ послѣдній разъ была дана Россіи серьезная возможность стать твердою ногою на берегахъ Мраморнаго моря и сосредоточить здѣсь, недалеко отъ сердца Россіи, жизненныя силы своего народа и обезпечить достиженіе его міровыхъ задачъ.

Однако, эта попытка не удалась: взаимное недовѣріе между Александромъ I и Наполеономъ сдѣлало полное соглашеніе между ними невозможнымъ. Судьба, съ одной стороны, вернула Францію въ ея тѣсныя историческія границы и, съ другой, заставила Россію обратить свой взоръ отъ близкаго и симпатичнаго Востока на дальній, всепоглощающій и не столь привлекательный Востокъ...

Графу Румянцову было повелѣно вступить въ обмѣнъ мыслей съ французскимъ посломъ и выработать планъ раздѣленія турецкихъ земель, который могъ бы быть утвержденъ ихъ государями. Этотъ обмѣнъ мыслей былъ чрезвычайно интересенъ, но онъ не привелъ ни къ какому практическому результату. Переговоры

происходили въ кабинетѣ русскаго министра иностранныхъ дѣлъ и сохранялись въ величайшемъ секретѣ. За столомъ, занятымъ множествомъ географическихъ картъ, сидѣли представители Россіи и Франціи и дружескимъ образомъ бесѣдовали о переустройствѣ всей юго-восточной Европы.

Коленкуръ, само собою разумѣется, доказывалъ, что если Россія пріобрѣтетъ Дунайскія княжества, вмѣстѣ съ Болгаріею, то она получитъ львиную долю въ сравненіи съ пріобрѣтеніями Франціи. Гр. Румянцовъ старался опровергнуть это положеніе и доказывалъ, что Россія имѣетъ законныя права на Константинополь, если турки будутъ изгнаны изъ Европы, а равно въ ея же владѣніи долженъ находиться „ключъ отъ Босфора и Дарданелловъ".

На это французскій посолъ отвѣтилъ: „Ключъ отъ Чернаго моря и ключъ отъ Мраморнаго моря—это много для одной двери. Было бы уже много имѣть одинъ ключъ. Этого, мнѣ кажется, даже нельзя предлагать, ибо каждый долженъ имѣть свой ключъ".

„Одинъ безъ другого—это ничего!" немедленно отвѣтилъ гр. Румянцовъ. — „Вѣдь географія и наше Черное море еще больше, чѣмъ нашъ политическій интересъ, требуютъ, чтобы мы владѣли Константинополемъ. Вы находитесь отъ него далеко и у васъ будутъ такія прекрасныя владѣнія, что вамъ нечего намъ завидовать".

Когда русскій министръ иностранныхъ дѣлъ сказалъ французскому послу, что Франція можетъ взять не только Морею съ Архипелагомъ, но также Албанію, Египетъ и Сирію, Коленкуръ отвѣтилъ, что судьба Албаніи рѣшена. „Однако, затѣмъ", остроумно прибавилъ посолъ, „вы, графъ, немедленно ведете въ Азію. Я съ удовольствіемъ готовъ за вами слѣдовать, но пойдемте шагомъ, приведемте въ порядокъ наши мысли и подѣлимте сперва Европу, ибо, мнѣ кажется, намъ нужно начать съ этого пункта".

Когда же графъ Румянцовъ, наконецъ, откровенно сказалъ, что Россіи должны принадлежать Константинополь и два пролива, Коленкуръ, съ улыбкою, замѣтилъ:

„Доли не равныя. Одинъ Константинополь больше стòитъ, нежели все, что̀ вы намъ даете въ Европѣ. Сегодня, графъ, вы не великодушны".

Графъ Румянцовъ: „Скорѣе это вы, имѣющіе все получить. Что̀ значитъ Константинополь съ окрестностью, если тамъ нѣтъ болѣе турокъ? Наконецъ, какъ вы смотрите на дѣло?"

Посолъ: „Константинополь меня пугаетъ—я признаюсь. Это прекрасное пробужденіе—проснуться императоромъ константинопольскимъ. Отъ вашей нынѣшней границы до Константинополя,—это цѣлая имперія. Какое положеніе, можно сказать, въ двухъ частяхъ свѣта! Это такія мысли, съ которыми нужно свыкнуться, чтобы рискнуть о нихъ говорить".

Графъ Румянцовъ: „Географія этого требуетъ столько же, сколько и наши торговые интересы. Вамъ она ставитъ другія требованія. Да это и не такъ ужъ выгодно для насъ, какъ вы полагаете; Константинополь отъ насъ далеко; это будетъ городъ и область безъ обывателей. Однако, наше положеніе таково, что мы не можемъ отказаться ни отъ Константинополя, ни отъ Дарданелловъ, имѣя въ виду Черное море".

Посолъ: „Я не совсѣмъ хорошо понимаю возможность завладѣнія Константинополемъ. Однако, если это допустить, то, признаюсь, я не согласился бы на завладѣніе тою же державою Дарданеллами".

Гр. Румянцовъ: „Кому же вы ихъ отдали бы?"

Посолъ: „Я бы ихъ занялъ для Франціи".

Гр. Румянцовъ: „Это для чего? Какую выгоду вы можете имѣть въ томъ, чтобы такъ приблизиться къ намъ?"

На эти вопросы Коленкуръ не затруднился отвѣтить, что если Россія возьметъ Константинополь, то Франція имѣетъ право на соотвѣтствующее большое приращеніе. Если она получитъ въ Азіи Сирію и Египетъ, то она должна имѣть возможность поддерживать съ этими владѣніями постоянныя сношенія. Для этой цѣли владѣніе Дарданеллами совершенно необходимо.

Когда же русскій министръ иностранныхъ дѣлъ сталъ доказывать Коленкуру, что Россія не можетъ допустить занятія Дарданелловъ какою-либо европейскою державою, ибо уже одни интересы русской торговли требуютъ, чтобъ этотъ проливъ непремѣнно находился во власти Россіи, французскій посолъ очень находчиво возразилъ: русскія произведенія вывозятся на иностранныхъ судахъ, и Россія не нуждается въ собственномъ торговомъ флотѣ!

„Какой же вредъ", спросилъ онъ удивленнаго графа Румянцова, „могло бы вамъ принести наше положеніе на Дарданеллахъ?—Никакого, я васъ увѣряю. Ваше положеніе можетъ безпокоить всѣхъ, но наше—никого!"

„Но посмотрите", воскликнулъ озадаченный гр. Румянцовъ, „что̀ вы такимъ образомъ пріобрѣтаете! Какое вліяніе! А мы? Что̀ же у насъ будетъ? Городъ съ громкимъ именемъ и больше ничего. Я во сто разъ предпочелъ бы второе" (т.-е. Дарданеллы).

„Это сравненіе“, замѣтилъ посолъ, „не въ ущербъ Константинополю“.

Оба собесѣдника никакъ не могли согласиться другъ съ другомъ. Если одинъ заявлялъ какое-нибудь желаніе, то другой немедленно увеличивалъ свои претензіи. Если одинъ дѣлалъ какую-нибудь незначительную уступку, то другой отвѣчалъ такою же малозначащею уступкою. Понятно, что такого рода уступчивость не могла привести къ какому-нибудь серьезному соглашенію по міровымъ вопросамъ, о которыхъ велись переговоры.

Когда гр. Румянцовъ убѣдился, что Коленкуръ не намѣренъ отказаться отъ претензіи Франціи на Дарданеллы, онъ потребовалъ уступки намъ Сербіи. Французскій посолъ и слышать не хотѣлъ о такой уступкѣ. „Такимъ образомъ“, отвѣтилъ онъ, „вы забираетесь въ нашъ карманъ, впередъ предупреждая, что не желаете допустить насъ до вашего“. Коленкуръ просилъ гр. Румянцова бросить взглядъ на карту, чтобъ убѣдиться въ невозможности для насъ владѣнія Сербіею.

„Все, что̀ вы пріобрѣтаете“, прибавилъ онъ, „соприкасается съ вашимъ государствомъ и его упрочиваетъ; все же, что̀ вы намъ предлагаете, находится по отношенію къ нашему государству на краю свѣта. Слѣдовательно, вы, во всякомъ случаѣ, будете вездѣ сильны, а мы безсильны“ [1]).

Эта остроумнѣйшая и дружеская бесѣда между представителями Россіи и Франціи о раздѣлѣ владѣній Оттоманской имперіи кончилась ничѣмъ. Гр. Румянцовъ категорически объявилъ, что Россія никому не можетъ уступить ни Константинополя, ни Дарданелловъ. Французскій же посолъ остался при мнѣніи, что если русскіе находятся въ Константинополѣ, то французы должны занимать берега Дарданельскаго пролива. Съ такою претензіей никакъ не могъ согласиться министръ иностранныхъ дѣлъ, и потому онъ прекратилъ бесѣду заявленіемъ, что доложитъ о всемъ государю императору и испроситъ его наставленій.

Императоръ Александръ I очевидно совершенно одобрялъ рѣшительный отказъ своего министра иностранныхъ дѣлъ согласиться на завладѣніе Франціею Дарданельскимъ проливомъ. Онъ высказался послу въ этомъ смыслѣ настолько категорично, что у послѣдняго пропала всякая надежда достигнуть своей цѣли. Государь также отказался отъ мысли устроить изъ Констан-

---

[1]) Сравн. *Vandal.* Napoléon et Alexandre I, t. I, p. 285 et suiv.

тинополя свободный, никому не принадлежащій городъ. Онъ старался убѣдить французскаго посла въ умѣренности своихъ домогательствъ при раздѣлѣ Оттоманской имперіи.

„Я увѣряю васъ", сказалъ онъ послу, „я умѣренъ въ моихъ притязаніяхъ. Я требую только того, чего требуетъ польза моего народа и отъ чего я отказаться не могу".

Когда Коленкуръ еще разъ возвратился къ вопросу о Дарданеллахъ, сказавъ, что владѣніе ими и Константинополемъ со стороны Россіи поставило бы проходъ черезъ Дарданельскій проливъ въ худшее положеніе, чѣмъ проходъ черезъ Зундъ, императоръ Александръ I отвѣтилъ:

„Не будемте сосѣдями! Я припоминаю добрые совѣты императора Наполеона. Я не могу сдѣлать уступки въ этомъ пунктѣ. Румянцовъ вамъ это сказалъ. Ни я и никто не могъ бы выходить отъ меня или входить безъ вашего позволенія, еслибъ вы тамъ были. Я нисколько не сомнѣваюсь относительно намѣреній императора Наполеона, но я не желаю дѣлать чего-либо, что̀ могло бы встревожить общественное мнѣніе и поселить между нами недовѣріе. Уже давно ждутъ какого-нибудь результата. Постарайтесь, чтобъ онъ былъ достоинъ императора. Нужно, чтобы наконецъ увидѣли тѣ выгоды, которыя вы намъ молчаливо обѣщали. Вѣдь левантскіе порты, знаете ли, это самые богатые и населенные порты! Смирна—какое богатство! Однимъ словомъ, ваше положеніе во всѣхъ отношеніяхъ превосходное".

Это краснорѣчивое обращеніе императора Александра къ разсудку и чувству справедливости представителя Франціи нисколько на него не повліяло. Онъ остался при своемъ мнѣніи, что если Франція не будетъ владѣть Дарданельскимъ проливомъ, то доли обоихъ союзниковъ при раздѣлѣ Оттоманской имперіи будутъ совершенно неравны. Онъ продолжалъ доказывать, что никогда не можетъ быть войны между Франціей и Россіей, что единственный и опасный врагъ Россіи на близкомъ Востокѣ—Австрія, и что предложеніе императора Александра Наполеону взять всю Азію нисколько его не увлекаетъ.

Результатъ вышеизложенныхъ интереснѣйшихъ переговоровъ о раздѣлѣ владѣній Оттоманской имперіи между Россіей и Франціей былъ совершенно отрицательный. Было совершенно ясно, что соглашеніе между ними исключено и что оба союзника проникнуты явною подозрительностью въ отношеніи другъ друга. Ни обоюдные комплименты, ни взаимные подарки въ этомъ отношеніи ничего не измѣнили. Отвѣтное письмо императора Але-

ксандра I, отъ 1-го (13-го) марта 1808 года, на знаменитое письмо Наполеона, отъ 2-го февраля, отличается изысканною любезностью, но малою практичностью: оно нисколько не подвинуло впередъ хода начатыхъ въ Петербургѣ секретныхъ переговоровъ.

„Виды вашего величества", писалъ государь, „кажутся мнѣ столь же великими, какъ и справедливыми. Только такому превосходному генію, какъ вашъ, можно было создать подобный, столь обширный планъ, и тотъ же геній будетъ руководить его исполненіемъ. Я выяснилъ откровенно и безъ утайки генералу Коленкуру интересы моей имперіи, и ему поручено изложить вашему величеству мои мысли. Онѣ были основательно обсуждены имъ и Румянцовымъ, и если ваше величество согласитесь съ ними, то я предлагаю вамъ одну армію для похода въ Индію, а другую для захвата портовъ въ Малой Азіи".

Наконецъ, императоръ Александръ ставитъ свою заграничную поѣздку для свиданія съ Наполеономъ въ зависимость отъ принятія имъ русскаго проекта раздѣла Турціи.

„Если мысли", писалъ Александръ I, „предлагаемыя мною вашему величеству, согласны съ вашими, то я готовъ отправиться на свиданіе, которое ваше величество желаете имѣть со мною. Я радуюсь ему заранѣе, и мнѣ потребуется не болѣе двухъ недѣль для прибытія въ Эрфуртъ"...

Такимъ образомъ, согласіе отправиться въ Эрфуртъ было поставлено въ зависимость отъ предварительнаго согласія Наполеона на русскія требованія при раздѣлѣ Оттоманской имперіи. Мы увидимъ, что императоръ Александръ отправился на эрфуртское свиданіе, не добившись такого согласія.

Этого мало: многочисленные факты доказывали императору Александру, что Турція не только не намѣрена уступить Россіи Дунайскія княжества и заключить миръ на условіяхъ, выставленныхъ императорскимъ правительствомъ, но даже сильно вооружается къ новой войнѣ. И этого еще мало: русское правительство захватило два письма генерала Себастіани, французскаго посланника при Портѣ, доказывавшія происки послѣдняго противъ Россіи.

Императоръ Александръ I обратился къ Коленкуру съ настоятельною просьбою объяснить такой невѣроятный образъ дѣйствія французскаго правительства.

„Говорите безъ обиняковъ", сказалъ онъ послу въ апрѣлѣ 1808 года. „Что̀ за цѣль этихъ писемъ (Себастіани)? Развѣ императоръ измѣнился? Хочетъ онъ меня подготовить къ пере-

мнѣ? Генералъ Себастіани какъ будто боится, что мы завладѣемъ Турціей, раньше чѣмъ вы успѣете переступить ея границы. Императоръ возвѣщалъ о великихъ проектахъ; я принялъ мѣры для содѣйствія ему по первому знаку, и еслибъ мои дѣйствія окончились ранѣе, нежели его, то развѣ онъ не знаетъ, что я спѣшу лишь для того, чтобъ всѣми моими средствами придти ему на помощь. Мое поведеніе послѣ Тильзита говоритъ само за себя. Должно было убѣдиться въ довѣріи, которое можно питать во мнѣ". (Донесеніе Коленкура Шампаньи, отъ 24-го апрѣля (6-го мая) 1808 года).

Императоръ Александръ продолжалъ внѣшнимъ образомъ выказывать полное довѣріе къ Наполеону и доказывать свою привязанность къ тильзитскому союзу. Между тѣмъ его оффиціальный представитель въ Парижѣ неутомимо повторялъ, что Наполеонъ—злѣйшій врагъ Россіи, что онъ, только и думаетъ о томъ, какъ бы уничтожить „русскаго колосса". Графъ Толстой не затруднялся въ своихъ письмахъ и донесеніяхъ обвинять свое правительство въ слѣпой преданности Франціи, въ бездѣятельности и бездарности.

„Намъ ничего нельзя ожидать отъ французскаго правительства", писалъ онъ изъ Парижа 9-го (21-го) іюня 1808 года. „Доказательства самой искренней привязанности не принесли намъ по настоящее время ничего, кромѣ пустыхъ увѣреній и обѣщаній, которыя никогда не будутъ исполнены и расточались исключительно съ цѣлью выиграть нужное время для устройства испанскихъ дѣлъ"...

„Развѣ увѣренія Наполеона", спрашивалъ графъ Толстой, „въ состояніи вознаградить за потери нашей торговли, за упадокъ нашего процвѣтанія и за тотъ вредъ, который эти временныя, но чувствительныя бѣдствія должны наносить государю въ сердцѣ его народа!"

Графъ Толстой до глубины души возмущался довѣріемъ, съ которымъ его правительство относилось къ ловкимъ и льстивымъ пріемамъ императора французовъ, имѣвшимъ единственною цѣлью убаюкивать императора Александра и парализовать его естественную и законную подозрительность.

Весною 1808 года, флигель-адъютантъ князь Волконскій былъ посланъ съ письмомъ Александра I къ Наполеону. Князь Волконскій удостоился очень милостиваго пріема. За обѣдомъ Наполеонъ обратился къ нему съ слѣдующими словами:

„Скажите вашему государю, что я его другъ и чтобъ онъ остерегался тѣхъ, которые желаютъ насъ поссорить. Если мы

согласны, то міръ намъ принадлежитъ. Міръ похожъ на яблоко, которое я держу въ рукѣ. Мы можемъ его раздѣлить пополамъ и каждый изъ насъ будетъ имѣть половину. Намъ абсолютно нужно согласіе, и дѣло будетъ сдѣлано" [1]).

Графъ Толстой возмущался такими „банальными" рѣчами Наполеона и былъ увѣренъ, что онѣ производятъ чарующее вліяніе въ Петербургѣ. Онъ совершенно не зналъ, что когда князь Волконскій, по возвращеніи въ Петербургъ, разсказалъ императору Александру исторію съ яблокомъ, государь замѣтилъ: „Сначала онъ удовольствуется одною половиною яблока, а тамъ придетъ охота взять и другую!"

Вообще гр. Толстой почти ничего не зналъ ни о намѣреніяхъ своего правительства, ни о животрепещущихъ переговорахъ по восточному вопросу съ Коленкуромъ. Онъ горько жаловался, что въ продолженіе цѣлыхъ трехъ мѣсяцевъ не получалъ отъ своего правительства никакихъ извѣстій или наставленій. Еще въ концѣ августа онъ не имѣлъ точныхъ извѣстій объ эрфуртскомъ свиданіи, которое состоялось въ сентябрѣ.

Поэтому гр. Толстой настоятельно просилъ о своемъ отозваніи, находя свое положеніе совершенно смѣшнымъ. „Я здѣсь ничего не дѣлаю", писалъ онъ въ августѣ своему государю, „абсолютно ничего, и я совершенно безполезенъ, какъ это слишкомъ хорошо извѣстно вашему императорскому величеству. Всякій другой исполнитъ лучше меня мою должность и многія лица гораздо лучше, ибо я не могу скрыть отъ себя, что я становлюсь смѣшнымъ какъ для правительства, при которомъ я аккредитованъ, такъ и для общества, среди котораго я долженъ находиться. Мое положеніе становится невыносимымъ"...

Въ доказательство вѣрности оцѣнки графомъ Толстымъ своего положенія, можно привести слѣдующія немногія слова Наполеона, сказанныя имъ въ началѣ сентября русскому послу.

Наполеонъ пригласилъ русскаго посла на охоту и въ моментъ отбытія, послѣ завтрака, обратился къ русскому послу съ слѣдующимъ вопросомъ:

„Не имѣете ли вы чего-нибудь новаго?" — „Нѣтъ, ваше величество",—отвѣтилъ посолъ.—„У меня имѣются новости",—сказалъ Наполеонъ, — „и совершенно свѣжія, отъ 10-го августа. А у васъ никакихъ нѣтъ новостей",—прибавилъ онъ, злорадствуя,—„это я отлично знаю, и знаю также почему". Напо-

[1]) Сравн. Сборникъ И. Р. И. Общ., т. LXXXIX, стр. 759.

леонъ старался дать понять графу Толстому, что ему извѣстна причина, почему онъ ничего не знаетъ.

Что было отвѣтить графу Толстому на такое обидное глумленіе надъ его „невыносимымъ“ положеніемъ!

„Я не знаю“, отвѣтилъ онъ, „въ интересахъ ли Россіи то, что ваше величество раньше меня извѣщены“.

Въ виду такихъ отношеній между императоромъ французовъ и графомъ Толстымъ, пребываніе послѣдняго въ Парижѣ становилось абсолютно невозможнымъ. Письмомъ императора Александра I Наполеонъ былъ извѣщенъ, что графъ Толстой отзывается и на его мѣсто назначенъ посломъ князь Александръ Борисовичъ Куракинъ. Графъ Толстой также былъ въ Эрфуртѣ, но онъ не принималъ никакого дѣятельнаго участія въ происходившихъ тамъ дипломатическихъ переговорахъ.

VI.

Императоръ Александръ выѣхалъ изъ С.-Петербурга на свиданіе съ императоромъ Наполеономъ въ Эрфуртѣ 14-го сентября. Не подлежитъ сомнѣнію, что не „съ легкимъ сердцемъ“ отправился онъ въ путь. Въ началѣ переговоровъ съ Коленкуромъ о свиданіи онъ категорическимъ образомъ объявилъ, что поѣдетъ не раньше, какъ послѣ соглашенія по основнымъ вопросамъ, возбужденнымъ февральскимъ письмомъ Наполеона. Онъ хотѣлъ напередъ знать, будетъ ли Наполеонъ при составленіи проекта раздѣла Турціи настаивать на завладѣніи Дарданеллами, которые графъ Румянцевъ остроумно назвалъ „кошачьимъ языкомъ“, въ виду формы полуострова Галлиполи. Однако, мало-по-малу, императоръ Александръ сталъ забывать, въ бесѣдахъ съ французскимъ посломъ, объ этомъ условіи и въ концѣ концовъ согласился на свиданіе въ Эрфуртѣ безъ всякихъ условій. Коленкуръ чрезвычайно обрадовался такой неожиданной уступчивости со стороны русскаго императора и совсѣмъ не ломалъ себѣ головы надъ вопросомъ: какая причина вызвала такую перемѣну?

Между тѣмъ нѣтъ сомнѣнія, что императоръ Александръ отказался отъ исполненія выставленнаго имъ условія, потому что рѣшился не продолжать въ Эрфуртѣ переговоровъ о раздѣлѣ Оттоманской имперіи. Онъ проникся мало-по-малу убѣжденіемъ, что исполненіе какого-либо проекта раздѣла Турціи свяжетъ Россію на многіе годы и лишитъ ее какой-либо возможности дать, въ случаѣ нужды, отпоръ завоевательнымъ замысламъ На-

полеона. Исторія захвата Испаніи должна была открыть глаза Александру I и убѣдить его окончательно въ неминуемости, въ ближайшемъ будущемъ, борьбы между Россіей и Франціей. Еслибъ Россія только ограничилась присоединеніемъ Дунайскихъ княжествъ, уже занятыхъ ея войсками, то она могла бы продолжать неукоснительнымъ образомъ наблюдать за всѣми ходами французской политики въ западной Европѣ. Въ такомъ случаѣ, она могла бы предупредить новый разгромъ Пруссіи и Австріи и купить согласіе послѣдней державы на присоединеніе къ Россіи Молдавіи и Валахіи тайнымъ соглашеніемъ противъ Наполеона. Напротивъ, завоеваніе Константинополя и паденіе всей Оттоманской имперіи привело бы неизбѣжнымъ образомъ къ міровой катастрофѣ, окончательный исходъ которой никакъ нельзя было предвидѣть. Во всякомъ случаѣ, такая катастрофа совершенно отвлекла бы всѣ военныя силы Россіи на берега Чернаго моря и заставила бы императора Александра оставить на произволъ судьбы всю западную Европу.

Рѣшиться на такую политику приключеній не могъ императоръ Александръ, и потому онъ далъ свое согласіе на свиданіе въ Эрфуртѣ безъ всякихъ условій.

Однако, такое его отношеніе къ своему союзнику должно было оставаться въ тайникахъ его души. Никому онъ не могъ открыться. Вотъ почему близкіе ему люди, питавшіе глубокую подозрительность къ Наполеону, должны были серьезнымъ образомъ бояться за исходъ предстоящаго новаго свиданія съ французскимъ „Антихристомъ", котораго геніальность и сила увлеченія были общеизвѣстны. Духовнымъ центромъ непримиримыхъ враговъ Наполеона при высочайшемъ дворѣ была императрица-мать Марія Ѳеодоровна. Она считала своимъ материнскимъ долгомъ сдѣлать все, чтобъ отговорить своего августѣйшаго сына отъ этой роковой поѣздки, отъ которой она ожидала для Россіи еще бо́льшихъ невзгодъ, нежели какія принесло свиданіе обоихъ императоровъ въ Тильзитѣ.

Передъ отъѣздомъ государя императрица-мать имѣла съ нимъ нѣсколько серьезныхъ разговоровъ, съ цѣлью остановить его отъ исполненія намѣренія поѣхать въ Эрфуртъ. Наконецъ, 25-го августа (ст. ст.) она написала сыну подробное письмо на французскомъ языкѣ, въ которое она вложила всю свою душу, и умоляла его не подвергать себя участи испанскаго короля въ Байоннѣ [1]).

---

[1]) Мы приводимъ выписки изъ интереснѣйшаго письма императрицы-матери, не измѣняя въ немъ ничего:

„Я встревожена и опечалена до глубины души, дорогой Александръ“, писала императрица Марія Өеодоровна, „угнетена ужасной мыслью—видѣть васъ вредящимъ самому себѣ; поэтому нужно, чтобы я еще разъ поговорила съ вами; нужно еще разъ, и уже письменно, оживить для васъ воспоминаніе обо всемъ, что̀ я говорила вамъ въ продолженіе нашихъ трехъ послѣднихъ бесѣдъ... Эти строки будутъ вашими и моими судьями на судѣ Верховнаго Существа... Черезъ недѣлю вы покинете насъ, чтобъ отправиться въ чужую страну на свиданіе съ Бонапартомъ и, притомъ, на свиданіе въ крѣпости, находящейся еще подъ его владычествомъ и охраняемой его войсками“.

Затѣмъ императрица-мать переходитъ къ разсмотрѣнію общаго положенія дѣлъ, къ цѣли предположеннаго свиданія, къ вопросу о времени выбора для свиданія и, наконецъ, къ послѣдствіямъ и опасностямъ свиданія для государя и Россіи.

1. „Общее положеніе дѣлъ за границей представляетъ въ высшей степени грустную и поражающую картину. Европа подчинена велѣніямъ кровожаднаго тирана, управляющаго ею съ желѣзнымъ скипетромъ въ рукахъ“. Австрія еще держится и пользуется независимостью. Всѣ прочіе государи—„рабы подъ пурпуромъ“. Испанскій народъ возсталъ. Италія и Германія порабощены.

Что же касается Россіи, то тильзитскій миръ мы были вынуждены заключить, съ цѣлью „сберечь человѣческую кровь и прекратить бѣдствія войны. Однако, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого, хотя Наполеонъ не только не выполнилъ ни одного изъ принятыхъ на себя, по договору, обязательствъ, но нѣкоторыя изъ нихъ нарушилъ, занявъ области, неприкосновенность которыхъ онъ гарантировалъ,—мы довели дѣло до разрыва съ Англіей и уничтожили нашу торговлю, потому что онъ хотѣлъ этого“. Наполеонъ же заставилъ Россію начать войну противъ Швеціи и занять своими войсками Финляндію. Этого мало.

„Воля Бонапарта парализовала наши дѣйствія противъ турокъ; мы находимся ни въ войнѣ, ни въ мирѣ, а между тѣмъ государство несетъ всѣ издержки войны, и я предвижу, что если предпріятія Бонапарта увѣнчаются успѣхомъ, онъ никогда не согласится на присоединеніе Молдавіи и Валахіи, а если и согласится, то, быть можетъ, лишь подъ пагубнымъ условіемъ территоріальнаго вознагражденія для него и для его семьи, что̀ создастъ намъ сосѣдей честолюбивыхъ или же неспособныхъ, грозя нашей имперіи самыми непосредственными опасностями“.

По словамъ императрицы-матери, Бонапартъ вмѣшивается

повсюду и навязываетъ свою волю: даже въ отношенія Россіи къ Персіи, которой пословъ онъ принимаетъ.

„Однимъ словомъ, его вліяніе распространяется на все, и по-истинѣ стыдно, но справедливо сказать, что оно простирается начиная съ солдатской формы и кончая рѣшеніемъ государственныхъ дѣлъ".

„Бросимъ взглядъ", продолжаетъ императрица-мать, „на наше внутреннее положеніе; мы увидимъ тамъ всеобщее недовольство, смѣшанное съ негодованіемъ, отвращеніе къ французамъ, погубленную торговлю; цѣны на предметы первой необходимости возросшими столь чрезмѣрно, что для бѣдныхъ это равнозначаще голоду; недостатокъ въ соли, финансовыя средства въ положеніи, близкомъ къ банкротству"...

2. Что касается цѣли эрфуртскаго свиданія, то, по убѣжденію императрицы-матери, она можетъ заключаться только въ томъ, чтобы связать еще больше съ судьбою Наполеона судьбу Россіи и ея вѣнценоснаго главы. „Польза, которой онъ ожидаетъ для себя отъ этого свиданія, разсчитана имъ заранѣе и разсчитана навѣрное: онъ чувствуетъ, что его обаяніе начинаетъ исчезать, и ищетъ новаго въ дружбѣ русскаго императора: кумиръ шатается, но присутствіе, великодушныя заботы его молодого друга должны поддержать его".

Эрфуртское свиданіе нужно Наполеону для его новыхъ плановъ и кровопролитныхъ войнъ.

„Императора Россіи завлекли на это свиданіе именно для того, чтобы проливать кровь и чтобы при помощи лукавыхъ разговоровъ побудить его, такъ сказать, противъ его собственной воли, принять участіе въ новой войнѣ... Все это для того, чтобы ослѣпить насъ новыми проектами занятія и раздѣленія Оттоманской имперіи, которые всѣ гибельны для насъ въ томъ отношеніи, что увеличатъ силы, которыми онъ располагаетъ"...

3. Время для свиданія избрано Бонапартомъ также самымъ лукавымъ образомъ. Именно въ то время, когда его лживость и коварство обнаруживаются во всей полнотѣ и когда на него падаютъ проклятія всѣхъ угнетаемыхъ имъ народовъ, русскій государь согласился своимъ свиданіемъ съ Бонапартомъ дать ему доказательство довѣрія и дружбы и поддерживать его. Не лучше ли было бы оставаться „спокойнымъ и невозмутимымъ зрителемъ и выжидать судьбы, которую Небо, быть можетъ, готовитъ ему".

4. Наконецъ, императрица-мать предвидитъ самыя пагубныя

послѣдствія отъ этого свиданія для государя лично, для государства и для будущности обоихъ.

„Убѣдитесь, дорогой Александръ“, писала императрица-мать, „что всѣ тѣ въ нашемъ народѣ, которые васъ уважаютъ и любятъ и которымъ дорога ваша слава, носятъ въ своемъ сердцѣ величайшую печаль объ этомъ свиданіи, которое чернитъ вашу репутацію и кладетъ на нее неизгладимое пятно, за которое даже грядущія поколѣнія будутъ упрекать васъ, каково бы ни было ваше дальнѣйшее царствованіе. Весь народъ долженъ быть не только опечаленъ этимъ, но онъ будетъ оскорбленъ въ своемъ самолюбіи, такъ какъ его достоинство задѣто въ лицѣ его государя, на котораго онъ смотритъ какъ на своего Бога-хранителя; видѣть, что онъ уступаетъ желанію Бонапарта, уѣзжая изъ своего государства для свиданія съ нимъ и такимъ образомъ ввѣряя свою священную особу тому, который не уважаетъ ни божескихъ, ни человѣческихъ законовъ, — это противно его славѣ. Какъ только народъ увидитъ, что вы находитесь вмѣстѣ съ нимъ, онъ утратитъ довѣріе къ вашимъ рѣшеніямъ, къ вашимъ повелѣніямъ, и, каковы бы они ни были, онъ будетъ считать ихъ исторгнутыми силою“...

„Во всемъ мірѣ лишь вы одни можете вѣрить, что подобнымъ путемъ предотвратите бѣдствія и возродите благополучіе и миръ. Нѣтъ, Александръ, это не такъ. Вы ошибаетесь и даже преступнымъ образомъ“...

Императрица-мать предсказываетъ августѣйшему своему сыну, что Наполеонъ заставитъ его согласиться участвовать въ войнѣ противъ Австріи и противъ всѣхъ враговъ его.

Наконецъ, августѣйшая мать умоляетъ своего сына остановиться на краю пропасти, въ которую его тянетъ Наполеонъ.

„Не оскорбляйте вашего народа“, продолжаетъ она свое краснорѣчивое посланіе, „во всемъ томъ, что̀ для него священно и дорого въ вашей августѣйшей особѣ, признайте его любовь въ удрученномъ настроеніи данной минуты и не преклоняйте добровольно своего чела, украшеннаго прекраснѣйшимъ изъ вѣнцовъ, передъ кумиромъ счастья, но кумиромъ, проклятымъ настоящимъ и грядущимъ поколѣніями; остановитесь на краю бездны!“ Вѣдь Бонапартъ способенъ на все! Поэтому императрица-мать умоляла сына отказаться отъ свиданія, или же, по меньшей мѣрѣ, отсрочить его на нѣкоторое время.

„Ради Бога, Александръ, уклонитесь отъ этого свиданія; уваженіе народа утрачивается легко, но не столь же легко завоевы-

вается обратно. Вы потеряете его черезъ это свиданіе и вы потеряете вашу имперію и вашу семью: остановитесь, еще есть время, послушайтесь голоса чести, просьбъ, моленій вашей матери; она громогласно взываетъ къ вашему сердцу, остановитесь, мое дитя, мой другъ... Александръ, я молю помощи Божьей для васъ, чтобы Святой Духъ руководилъ вами, пролилъ просвѣтленіе въ вашъ умъ и въ ваше сердце, и мои опасенія, мои муки смѣнятся изъявленіями благодарности Верховному Существу и благословеніями вамъ. Прощайте!"

Мы считали долгомъ привести почти цѣликомъ мало извѣстное письмо императрицы Маріи Θеодоровны къ своему августѣйшему сыну касательно эрфуртскаго свиданія. Нѣтъ сомнѣнія, что это письмо произвело глубокое впечатлѣніе на императора Александра и на его поведеніе во время переговоровъ съ императоромъ Наполеономъ въ Эрфуртѣ. Весьма вѣроятно, что положительный отказъ императора Александра участвовать въ войнѣ противъ Австріи, наравнѣ съ Франціей, и уклоненіе отъ развитія проектовъ о раздѣлѣ Турціи въ значительной степени объясняются трогательными предостереженіями со стороны обожаемой матери.

Однако императоръ Александръ не могъ оставить безъ отвѣта это письмо. Передъ своимъ отъѣздомъ въ Эрфуртъ, онъ собственноручно набросалъ отвѣтъ, въ которомъ почтительнѣйше, но и энергически, защищаетъ свою политику послѣ тильзитскаго трактата. Онъ старается по всѣмъ четыремъ пунктамъ опровергнуть доводы материнскаго письма и совершенно ее успокоить насчетъ послѣдствій предстоящаго въ Эрфуртѣ свиданія съ Наполеономъ.

Мы ограничимся выпискою изъ отвѣтнаго письма императора Александра наиболѣе характеристическихъ и важныхъ мѣстъ [1]).

„Ваше письмо, дорогая матушка", пачинаетъ императоръ, „и предметъ, о которомъ оно говоритъ, налагаютъ на меня обязанность отвѣчать на него съ довѣріемъ и откровенностью, на которыя я чувствую себя способнымъ. Его содержаніе слишкомъ серьезно, слишкомъ важно, чтобы я могъ допустить въ своемъ отвѣтѣ другое чувство, чѣмъ то, которое обусловливается моими обязанностями въ отношеніи къ отечеству и занимаемымъ мною въ немъ положеніемъ".

Вслѣдъ затѣмъ императоръ переходитъ къ подробному опроверженію по всѣмъ четыремъ пунктамъ письма матери.

---

[1]) Оригиналъ этого письма также на французскомъ языкѣ.

1. Общее политическое положеніе Европы требовало отъ Россіи сблизиться съ Франціей.

„Послѣ несчастной борьбы, которую мы вели противъ Франціи, послѣдняя осталась наиболѣе сильною изъ трехъ еще существующихъ континентальныхъ державъ, и, по своему положенію, по своимъ средствамъ, она можетъ одержать верхъ не только надъ каждою изъ нихъ въ отдѣльности, но даже надъ обѣими, взятыми вмѣстѣ".

„Не является ли въ интересахъ Россіи быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ этимъ страшнымъ колоссомъ, съ этимъ врагомъ, по-истинѣ опаснымъ, котораго Россія можетъ встрѣтить на своемъ пути?"

Нужно было убѣдить Францію, что ея политическіе интересы могутъ сочетаться съ политическими интересами Россіи. Въ такомъ случаѣ она всегда предпочтетъ дружбу и союзъ съ Россіей враждѣ съ нею. Между тѣмъ миръ на континентѣ европейскомъ можетъ быть поддерживаемъ только союзомъ между Россіей и Франціей.

„Поэтому", спрашиваетъ императоръ, „какимъ другимъ средствомъ могла располагать Россія для того, чтобы сохранить свое единеніе съ Франціей, какъ не готовностью примкнуть на нѣкоторое время къ ея интересамъ и тѣмъ доказать ей, что она можетъ относиться безъ недовѣрія къ ея намѣреніямъ и планамъ?"

„Къ этому-то результату должны были клониться всѣ наши усилія, чтобы такимъ образомъ имѣть возможность нѣкоторое время дышать свободно и увеличивать въ теченіе этого столь драгоцѣннаго времени наши средства, наши силы. Но мы должны работать надъ этимъ среди глубочайшей тишины, а не разглашая на площадяхъ о нашихъ вооруженіяхъ, нашихъ приготовленіяхъ и не гремя публично противъ того, къ кому мы питаемъ недовѣріе".

2. Переходя затѣмъ къ цѣли предстоящаго свиданія, императоръ Александръ доказываетъ фактическую невозможность отказаться отъ него, если нужно пока сохранять добрыя отношенія къ Франціи. „Нужно окончить массу дѣлъ, оставшихся нерѣшенными, и которыя Наполеонъ не желаетъ покончить при помощи посредниковъ или письменнымъ путемъ. Такъ какъ сила въ его рукахъ, то нужно пойти на свиданіе, котораго онъ желаетъ, или же отказаться отъ разрѣшенія этихъ дѣлъ, имѣющихъ столь существенное значеніе для интересовъ Россіи".

Кромѣ того, нужно спасти Австрію и остановить новое кровопролитіе „и сохранить ея силы для подходящаго момента, когда ей окажется возможнымъ употребить ихъ для всеобщаго блага. Этотъ моментъ близокъ, но онъ еще не наступилъ, и ускорять его наступленіе значило бы испортить и погубить все. Все заставляетъ предполагать, что Наполеонъ не желаетъ войны съ Австріей... Еслибы свиданіе имѣло единственнымъ своимъ послѣдствіемъ предотвращеніе столь прискорбнаго бѣдствія, то это съ избыткомъ вознаградило бы за неразлучныя съ нимъ непріятности".

Что же касается Испаніи, то одно только Провидѣніе рѣшитъ, каковъ долженъ быть исходъ начатой противъ нея войны. Русская армія туда не отправится.

3. Переходя къ вопросу о времени, избранномъ для свиданія, императоръ Александръ доказываетъ своей августѣйшей матери, что Наполеонъ выбралъ это время, и ему уклониться отъ принятія его нѣтъ никакихъ основаній. Онъ не можетъ подавать поводъ заподозрить его прямоту и искренность. Неудачи Наполеона въ Испаніи могутъ быть временныя. Если же Наполеону суждено будетъ пасть, то „мы спокойно будемъ смотрѣть на его паденіе".

„Но чего я желаю прежде всего", продолжаетъ императоръ, „такъ это того, чтобы мнѣ доказали, на чемъ основываютъ предположенія о столь близкомъ паденіи столь могущественной имперіи, какъ Франція настоящаго времени?"

Геній и таланты Наполеона неоспоримы, и нѣтъ никакихъ признаковъ въ пользу неминуемости паденія созданной имъ колоссальной имперіи.

„Если Провидѣніе предрѣшило паденіе этой колоссальной имперіи, я сомнѣваюсь, чтобы оно могло произойти внезапно; но еслибы даже оно было такъ, то болѣе благоразумно выждать, чтобы она рухнула, а затѣмъ уже принять свое рѣшеніе. Таково мое мнѣніе".

4. Наконецъ, императоръ отвѣчаетъ весьма кратко и съ сознаніемъ своего достоинства на вопросъ о послѣдствіяхъ предстоящаго свиданія. Только одному Богу могутъ быть извѣстны эти послѣдствія.

„Я удовольствуюсь сказать, что было бы преступно съ моей стороны, еслибы я пріостановился осуществленіемъ того, что̀ считаю полезнымъ для интересовъ имперіи, подъ вліяніемъ разговоровъ, которые позволяютъ себѣ въ обществѣ, безъ малѣй-

шаго знанія дѣла, не углубляясь въ сущность обстоятельствъ, не желая даже узнать побудительныхъ причинъ моего образа дѣйствія. Поступить иначе значило бы измѣнить своему долгу, чтобы погнаться за грустнымъ преимуществомъ оказаться въ согласіи съ этимъ *„что скажутъ?"* данной минуты, столь же шаткимъ, какъ и люди, порождающіе его... Признаюсь, что мнѣ тяжело видѣть, что въ то время, когда я имѣю въ виду лишь интересы Россіи, чувства, руководящія моимъ образомъ дѣйствій, могутъ быть такъ превратно понимаемы".

Не взирая на всю почтительность тона отвѣтнаго письма императора Александра, все-таки нельзя не замѣтить въ немъ нѣкотораго раздраженія по поводу сдѣланныхъ ему упрековъ со стороны августѣйшей матери. Онъ считалъ эти упреки совершенно незаслуженными и энергическимъ образомъ протестовалъ противъ мнѣнія, что онъ настолько очарованъ Наполеономъ, что не видитъ пропасти, въ которую тотъ его тянетъ. Императоръ Александръ былъ самолюбивъ и не допускалъ мысли о такомъ порабощеніи волѣ Наполеона.

Извѣстно, что передъ самымъ отъѣздомъ изъ Россіи въ Эрфуртъ императоръ писалъ своей сестрѣ, великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ, на французскомъ языкѣ:

„Bonaparté думаетъ, что я больше ничего какъ дуракъ. *Смѣется хорошо тотъ, кто смѣется послѣднимъ.* Я же полагаюсь вполнѣ на Бога" [1]).

Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что интимныя бесѣды и письма императрицы Маріи Ѳеодоровны должны были оставить глубокій слѣдъ на впечатлительной натурѣ императора Александра, который съ дѣтства преклонялся предъ рѣдкимъ умомъ своей августѣйшей родительницы. Императоръ Александръ прибылъ въ Эрфуртъ съ твердымъ намѣреніемъ не поддаваться обворожительному воздѣйствію Наполеона и дать ему, въ случаѣ надобности, энергическій отпоръ. Такъ онъ и сдѣлалъ.

Если Наполеонъ выѣхалъ изъ Парижа въ Эрфуртъ съ грандіозными планами о раздѣлѣ Оттоманской имперіи и о рѣшеніи судьбы всей Европы, ея цивилизаціи и будущности, то, напротивъ, императоръ Александръ прибылъ въ Эрфуртъ съ твердою волею не дѣлить Турціи и не рѣшать никакого вопроса о будущемъ Европы [2]). Если Наполеонъ былъ увѣренъ, что въ Эр-

---

[1]) Сравн. *мое* Собр. тракт., т. XIII, стр. 306.

[2]) *Vandal, loc. cit.*, t. I, p. 406—7.

фуртѣ произойдетъ завершеніе дѣла, начатаго въ Тильзитѣ, въ смыслѣ порабощенія русской политики его видамъ и цѣлямъ, то, напротивъ, императоръ Александръ былъ убѣжденъ, что въ Эрфуртѣ ему удастся отстоять свою самостоятельность и раскрыть всѣ завоевательные замыслы императора французовъ.

Ходъ личныхъ переговоровъ между обоими императорами и результатъ ихъ—нижеслѣдующая конвенція—вполнѣ объясняютъ чувства разочарованія, съ которыми Наполеонъ покинулъ Эрфуртъ послѣ сказочныхъ празднествъ, имъ тамъ устроенныхъ въ честь своего друга и союзника.

Во время бесѣдъ о политическихъ вопросахъ, оба императора обыкновенно ходили взадъ и впередъ. Эти разговоры большею частью происходили въ огромномъ кабинетѣ Наполеона. Послѣдній добивался всѣми силами согласія императора Александра на активное участіе въ предстоящей войнѣ его противъ Австріи. Александръ оставался непреклоненъ въ своемъ отказѣ, и Наполеонъ со злобою сказалъ разъ Коленкуру: „Вашъ императоръ Александръ упрямъ, какъ лошакъ: онъ глухъ, если не хочетъ понять". Иногда Наполеонъ устраивалъ бурныя сцены, въ которыхъ императоръ Александръ обыкновенно сохранялъ полное свое хладнокровіе.

Разъ случилась слѣдующая сцена. Оба императора ходили взадъ и впередъ и бесѣдовали объ Австріи. Наполеонъ настаивалъ на общихъ военныхъ дѣйствіяхъ Россіи съ Франціей противъ Австріи. Императоръ Александръ возражалъ и доказывалъ невозможность такого рода обязательства. Тогда Наполеонъ потерялъ терпѣніе, взбѣсился и, бросивъ свою шляпу на полъ, сталъ ее топтать ногами. Александръ немедленно остановился, пристально посмотрѣлъ на него и, послѣ нѣкотораго молчанія, хладнокровно сказалъ: „Вы горячитесь; я же упрямъ. Гнѣвъ на меня не дѣйствуетъ. Будемъ бесѣдовать и разсуждать, или же я уѣзжаю". При этихъ словахъ императоръ Александръ направился къ дверямъ. Но Наполеонъ немедленно его остановилъ и, успокоившись, опять сталъ говорить объ австрійскихъ дѣлахъ. Такія сцены не могли ни возвысить Наполеона въ глазахъ императора Александра, ни заставить послѣдняго отказаться отъ своего твердаго рѣшенія предупредить гибель Австріи. Онъ только согласился также считаться въ войнѣ съ Австріей, если она возникнетъ между ею и Франціей [1].

---

[1]) *Vandal, loc. cit.*, t. I, p. 435.

Такимъ же образомъ поступилъ Александръ I, когда Наполеонъ сталъ развивать свои обширные планы относительно раздѣла Оттоманской имперіи: онъ оставался твердъ въ своемъ рѣшеніи не входить въ критику этихъ плановъ. Онъ только требовалъ согласія Наполеона на присоединеніе къ Россіи обоихъ Дунайскихъ княжествъ и на признаніе Дуная границею русской имперіи. Наполеонъ исполнилъ это требованіе въ формѣ, которая не могла вызвать открытой вражды противъ него со стороны Порты. Въ статьѣ VIII-й нижеслѣдующей эрфуртской конвенціи сказано, что императоръ Наполеонъ признаетъ эти совершившіеся факты. Сверхъ того, это согласіе должно было сохраняться въ глубочайшемъ секретѣ, — что̀ Александръ I охотно обѣщалъ, ибо вся конвенція должна была храниться десять лѣтъ въ абсолютной тайнѣ. Только въ случаѣ нападенія на Россію Австріи или другой державы изъ-за присоединенія Дунайскихъ княжествъ Франція должна придти на помощь Россіи.

Оба императора также согласились обратиться съ общимъ письмомъ къ королю англійскому и предложить ему вступить въ переговоры о заключеніи мира на основаніи „uti possidetis". Наполеонъ желалъ, чтобъ Александръ I обѣщалъ ему активную союзную помощь противъ Англіи, но получилъ и въ этомъ вопросѣ категорическій отказъ, несмотря на то, что самъ онъ призналъ завоеваніе Финляндіи и присоединеніе ея къ Россіи. Онъ готовъ былъ, за дѣйствительную помощь противъ Англіи, признать завоеваніе Россіею еще другихъ шведскихъ провинцій, вплоть до Стокгольма, ибо Швеція, какъ онъ выразился, „географическій врагъ Россіи".

Но императоръ Александръ I нисколько не намѣренъ былъ распространять свои завоеванія на сѣверѣ за предѣлами Финляндіи и меньше всего думалъ о завоеваніи Стокгольма. Фридрихсгамскій мирный трактатъ удовлетворялъ всѣ его завѣтныя желанія.

Наконецъ, въ Эрфуртѣ также былъ разговоръ о Варшавскомъ герцогствѣ, и Александръ I нисколько не скрывалъ своихъ опасеній относительно плановъ Наполеона. Послѣдній отрицалъ какія бы то ни было предположенія о возстановленіи Польши и, въ видѣ доказательства своей искренности, обѣщалъ вывести изъ герцогства французскія войска. Только онъ наотрѣзъ отказался включить въ конвенцію это обѣщаніе, ибо слово Наполеона крѣпче всякихъ письменныхъ актовъ.

Когда, послѣ подписанія союзной конвенціи, отъ 30-го сен-

тября (12-го октября), оба императора покинули маленькій германскій городъ, видѣвшій въ своихъ стѣнахъ обоихъ повелителей міра при небываломъ блескѣ, они уносили съ собою совершенно противоположныя впечатлѣнія.

Наполеонъ открыто высказывалъ свое неудовольствіе результатами эрфуртскаго свиданія, которое совершенно не оправдало его розовыхъ надеждъ, ибо въ Эрфуртѣ дѣло, начатое въ Тильзитѣ, не было ни развито, ни окончено.

Напротивъ, Александръ I былъ доволенъ этимъ свиданіемъ, ибо всѣ сдѣланныя имъ завоеванія были признаны за Россіей, и никакихъ неудобныхъ обязательствъ онъ не подписалъ. Личное же поведеніе Наполеона лишило его, въ глазахъ Александра I, того ореола геніальности и величія, который онъ съумѣлъ сохранить во время тильзитскаго свиданія.

Ѳ. Ѳ. Мартенсъ.

ИЗЪ
МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ
1843—1860 гг.

V *).

Des grands artistes, les plus grands, ne sont pas ceux qui troublent, mais ceux qui apaisent et répandent autour le calme bienfait des beautés sereines.

Говоря объ отцѣ, у меня является ѣдкое сожалѣніе, что я была такъ легкомысленна въ молодости и не записывала разсказовъ и разговоровъ его; тогда мнѣ не приходили въ голову мысли объ утратѣ близкихъ мнѣ людей, о собственной старости, которая помѣшаетъ мнѣ помнить многое, вообще о будущемъ. Когда я была уже замужемъ, мужъ совѣтовалъ мнѣ разспрашивать отца объ его жизни и составлять, такимъ образомъ, матеріалъ для его біографіи; но я не послушалась, оправдывая свою лѣнь и безпечность тѣмъ, что у отца есть подробныя записки и цѣлые ящики писемъ; горько раскаялась я потомъ, такъ какъ весь этотъ богатый матеріалъ былъ уничтоженъ моей матерью. Чтò всего обиднѣе—это то, что я имѣла одинъ разъ у себя бòльшую часть собственноручныхъ записокъ отца и имѣла глупость отдать ихъ, не успѣвъ даже прочесть. Вотъ какъ это случилось. Въ послѣдніе годы жизни отецъ занимался приведеніемъ

---

*) См. выше: февр., стр. 767.

въ порядокъ своихъ записокъ, но онъ былъ почти слѣпъ, самъ писать не могъ, переписывали ему частями разныя барышни,— выходило не приведеніе въ порядокъ, а полная путаница. Разъ какъ-то я застала отца одного и попросила у него всѣ его черновыя; онъ добродушно согласился, и я, въ восторгѣ, забрала все это съ собой. Не успѣла я дома приняться за чтеніе моихъ драгоцѣнностей, какъ раздался звонокъ, и мнѣ подали записку, написанную каракулями моего отца, гдѣ онъ просилъ прислать ему записки для какой-то справки и обѣщался черезъ часъ возвратить мнѣ ихъ. Я самымъ необдуманнымъ образомъ отдала ихъ посланному, потомъ уже сообразивъ, что не слѣдовало этого дѣлать. Я поѣхала къ отцу.

— Я сама пріѣхала за записками!—сказала я.

— За какими записками?—удивленно спросилъ папà.

— За тѣми, которыя ты мнѣ далъ и за которыми только что присылалъ!

— Такъ вѣдь я жъ тебѣ ихъ далъ?

— Но потомъ ты прислалъ за ними записку съ человѣкомъ.

— Какая записка? Ну, если я и присылалъ, такъ вѣдь я же тебѣ ихъ отдалъ!

Видя, что его самого спутали съ толку и что я, ничего отъ него не добившись, только могу огорчить его разъясненіемъ этого дѣла, я отправилась къ матери.

— Отдай мнѣ записки!

Она улыбнулась.

— Хорошо, нечего сказать! — промолвила она: — пришла безъ меня, распорядилась и думала, что я это такъ оставлю. Я не желаю, чтобы знали подробности интимной жизни отца!

— Но вѣдь я же не печатать собираюсь!

— Можетъ быть, но я не желаю, чтобы и ты знала!—отвѣчала она и прибавила:

— Впрочемъ, теперь всѣ слова безполезны,—я уже сожгла ихъ всѣ!

Я тогда не повѣрила ея словамъ, но записокъ отца я никогда больше не видѣла и не нашла ихъ послѣ смерти матери. Вмѣстѣ съ разсказами объ интимной жизни, погибло и все то, что̀ онъ писалъ объ окружающей его жизни общественной и объ его личной жизни, какъ художника. Изъ этого крушенія спаслась одна тетрадь дѣтскихъ и юношескихъ воспоминаній, которую я еще раньше, не помню, при какомъ случаѣ, присвоила себѣ. Въ статьѣ моей, напечатанной въ „Русскомъ Художественномъ Архивѣ", я извлекла, что̀ могла, изъ названной тетради; но такъ

какъ „Архивъ", по своему спеціальному характеру, не былъ широко распространенъ, я считаю небезполезнымъ привести здѣсь выдержки изъ этой статьи, кое-что прибавляя къ нимъ.

Графъ Ѳедоръ Петровичъ Толстой родился въ С.-Петербургѣ въ домѣ кригскоммиссаріата у Поцѣлуева моста, 10 февраля 1783 года. При крещеніи 17-го февраля пожалованъ сержантомъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка и тутъ же получилъ отъ полка отпускъ на одинъ годъ [1].

Отецъ Ѳедора Петровича, бригадиръ Петръ Андреевичъ Толстой, управлялъ въ то время кригскоммиссаріатомъ; въ вѣдѣніе его входило: снабженіе арміи обмундировкой, провіантомъ; отпускъ жалованья офицерамъ и солдатамъ, выдача суммъ на содержаніе крѣпостей и военныхъ госпиталей.

Петръ Андреевичъ былъ человѣкъ добрый, простой въ обращеніи съ людьми и въ своихъ привычкахъ; чтеніемъ дошедшій до хорошаго для того времени образованія, разсудительный и гуманный, онъ отличался высокой нравственностью и непоколебимой честностью, казавшейся современникамъ утрированною. Въ началѣ шведской кампаніи, въ 1787 г., когда Петръ Андреевичъ былъ переведенъ въ Выборгъ и, кромѣ своей должности, получилъ еще начальство надъ всѣми военными госпиталями и надзоръ надъ постройками крѣпостей, произошелъ случай, какъ нельзя лучше характеризующій, шедшій въ разрѣзъ со временемъ, взглядъ графа на долгъ и честность. Загорѣлся выборгскій замокъ, гдѣ помѣщалась казначейская часть коммиссаріата. Узнавъ объ этомъ, Петръ Андреевичъ прискакалъ къ мѣсту пожара, не задумываясь бросился въ объятую пламенемъ казначейскую и, съ опасностью жизни, спасъ всѣ хранившіеся тамъ документы и громадныя суммы денегъ. На другой день онъ все сполна представилъ главнокомандующему, бывшему съ нимъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Главнокомандующій съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Толстого и сказалъ съ досадой:—„Ну, что бы тебѣ стоило отложить себѣ милліончикъ! Сошелъ бы за сгорѣвшій, а награду получилъ бы все ту же!" [2]) Часто приходилось Петру Андреевичу слышать отъ друзей и родныхъ упреки въ томъ, что, служа на крайне доходномъ мѣстѣ, онъ не съумѣлъ составить себѣ состояніе, какъ дѣлали его предше-

---

[1]) Такіе отпуски получались родителями ежегодно, пока ребенокъ числился въ полку, но не поступалъ на дѣйствительную службу.

[2]) Награда, полученная П. А. за его подвигъ, была крестъ св. Владиміра на шею.

ственники; но онъ продолжалъ жить почти бѣдно, довольствуясь своимъ жалованьемъ, и умеръ, не оставивъ послѣ себя ни гроша.

Петръ Андреевичъ женился очень рано, во время службы въ Казани, на четырнадцатилѣтней Елизаветѣ Егоровнѣ Барботъ-де-Марни-де-Женевьевъ, племянницѣ извѣстнаго адмирала Крузе.

Елизавета Егоровна была во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательная женщина: свѣтлый умъ, отзывчивость, впечатлительность, безконечная доброта, нѣжная преданность семьѣ соединялись въ ней съ серьезнымъ образованіемъ и талантливостью. Она была вѣчно занята, и все спорилось въ ея волшебныхъ рукахъ: она плела шляпы, составляла картины изъ раскрашенныхъ ею соломинокъ, вышивала шелками на тонкомъ батистѣ прелестные пейзажи, какъ бы рисованные тушью или акварелью, клеила портфели и игрушки. Она сама учила дѣтей русской и французской грамотѣ, рисованію, слѣдила за ихъ прочими уроками. Мать имѣла большое вліяніе на развитіе Ѳедора Петровича и была имъ страстно любима. Вспоминая о ней, онъ иначе не называлъ ее, какъ умнѣйшей женщиной и чудной матерью. Ѳ. П. видѣлъ еще родителей матери, о домѣ которыхъ въ его дѣтскихъ воспоминаніяхъ смутно сохранилось впечатлѣніе ласки и всякаго баловства.

У Толстыхъ было тринадцать человѣкъ дѣтей. При рожденіи Ѳедора были въ живыхъ: Вѣра, Александръ, Владиміръ, Константинъ; послѣ родились: Надежда, Петръ и Елизавета. Петръ, молодымъ человѣкомъ, утонулъ, а Елизавета умерла ребенкомъ. По поводу этой смерти графъ Ѳеодоръ Петровичъ разсказываетъ слѣдующее: „Не помню, сколько мнѣ было лѣтъ, когда умерла моя младшая сестра Лиза, но помню, что я довольно долго объ ней сожалѣлъ, и разъ, проснувшись по обыкновенію рано, когда кучеръ приходилъ топить въ дѣтской печь, я увидѣлъ совершенно ясно сестру, сидящую на стулѣ возлѣ моего изголовья въ томъ же платьицѣ и въ той же гладкой черной шолковой шапочкѣ, въ которыхъ видѣлъ ее больную. Я смотрѣлъ на нее и въ то же время на кучера, какъ онъ клалъ дрова въ печь, смотрѣлъ съ большимъ удивленіемъ, но безъ всякаго страха, хотя вообще боялся привидѣній, объ которыхъ наслышался отъ горничныхъ дѣвушекъ“.

Старшая дочь Толстыхъ, Вѣра Петровна, вышедшая впослѣдствіи замужъ за Дмитрія Семеновича Шишкова и уѣхавшая съ мужемъ въ Сибирь, была красавица; она унаслѣдовала способности матери, прелестно рисовала, а переписка ея показываетъ недюжинный литературный талантъ. Вѣра относилась съ

большой любовью къ первымъ опытамъ своего маленькаго брата на пути къ искусству и давала матери совѣты относительно преподаванія ему рисованія.

Дѣти Толстыхъ жили одной жизнью съ родителями; они не были удалены въ дѣтскую, не разлучались съ матерью, катались, гуляли, ѣздили въ театръ съ родителями. Ѳедюша видѣлъ Сандунову въ оперѣ „Деревенская пѣвица" (Cantatrice di vilano); сильное впечатлѣніе произвелъ на него Дмитревскій, когда въ роли вѣщаго Олега быстро входилъ на сцену, весь сіяющій въ „рыцарскомъ одѣяніи", какъ говорили тогда, т.-е. въ полуфантастическомъ костюмѣ римскаго воина, съ серебряной кольчугой, голыми руками, сандаліями на ногахъ и щитомъ съ рельефнымъ изображеніемъ золотого коня. А „Дезертиръ" въ балетѣ Лепика приводилъ даже маленькаго Ѳедю въ недоумѣніе, проходя по сценѣ употреблявшимся даже въ балетѣ „трагическимъ шагомъ".

Два раза видѣлъ Ѳедюша Екатерину: на большомъ праздникѣ, который она давала народу въ Петербургѣ, и въ Царскомъ-Селѣ. „Насъ иногда возили въ Царское-Село,—разсказываетъ графъ,— гдѣ мы одинъ разъ встрѣтили идущую рядомъ съ другой дамой императрицу, въ простомъ зеленомъ капотѣ и шляпѣ бурачкомъ такого же цвѣта. Около нея бѣгала маленькая, англійской породы, собачка".

Дѣти Толстыхъ никогда не подвергались тѣлесному наказанію. Учитель, поступившій къ нимъ, когда Ѳедѣ было шесть лѣтъ, дворянинъ Ѳедоровъ, былъ прекраснымъ воспитателемъ и сдѣлался настоящимъ членомъ семьи. На нравственное развитіе Ѳедора Петровича имѣлъ также вліяніе, хотя и не личное, братъ его матери, Егоръ Егоровичъ. Онъ служилъ въ Нерчинскѣ, былъ превосходный горный инженеръ, любимъ подчиненными и каторжниками, не боялся одинъ спускаться къ послѣднимъ въ шахты, чего до него никто не осмѣливался дѣлать. Въ семьѣ у Толстыхъ постоянно говорили о его высокой человѣчности и благородномъ характерѣ. Чтобы пополнить картину этой семьи, надо упомянуть о нянѣ Ефремовнѣ, горячо любимой Ѳедюшей. Это была одна изъ тѣхъ чудныхъ нянюшекъ добраго стараго времени, которыхъ не разъ описывали наши лучшіе поэты и беллетристы, изъ тѣхъ любящихъ, умныхъ, преданныхъ русскихъ женщинъ, въ трудныя минуты совершавшихъ молчаливые и великіе подвиги.

Вотъ въ какой здоровой семейной атмосферѣ возрасталъ добрый, живой, всѣми любимый ребенокъ. Рано, шутя, выучился онъ

грамотѣ; пріютившись у ногъ матери, онъ вышивалъ съ нею шелками, а вечеромъ около нея же рисовалъ карандашомъ и красками не каракули, обыкновенно производимыя трехъ-четырехъ-лѣтними дѣтьми, а вещи, въ которыхъ сквозятъ понятія о перспективѣ и ракурсахъ. Рано умъ его началъ обнаруживать складъ, присущій его художественной натурѣ: мысли слагались въ живые образы въ его головѣ; все, что̀ было въ видѣнной природѣ или обстановкѣ картиннаго, красиваго, производило на ребенка неизгладимое впечатлѣніе, и вниманіе его обращалось на самое характерное въ окружающемъ его мірѣ. Неоцѣненное для художника и такъ трудно пріобрѣтаемое преимущество — память глаза— было у него врожденнымъ. Картины природы, сочетаніе красокъ, красивыя или смѣшныя черты лицъ—вотъ что̀, еще совсѣмъ маленькимъ, замѣчалъ и запоминалъ онъ при всякомъ случаѣ. Его дѣтскія воспоминанія открываютъ передъ нами цѣлый міръ, давно минувшій; пестрымъ калейдоскопомъ проходятъ передъ нами оригинальные типы времени, отдаленнаго отъ насъ не столько годами, сколько разницею взглядовъ и понятій.

Вотъ самъ Ѳедюша, немало гордящійся своими длинными, распущенными по плечамъ, бѣлокурыми локонами, курточкой съ отложными воротничками и тросточкой съ набалдашникомъ въ видѣ бильбокѐ, гуляющій съ гувернеромъ, посреди разряженной толпы, въ Лѣтнемъ саду или на набережной, гдѣ франтики и петиметры занимались, даже гуляя, модной игрой въ бильбокѐ.

Вотъ, въ своей дворцовой квартирѣ, сидитъ въ большихъ креслахъ, одѣтая „по послѣднему дворцовому этикету“, почтенная и важная старушка, статсъ-дама графиня Румянцова. По старости лѣтъ, она не сопровождала дворъ въ Царское-Село и проводила лѣто, окруженная дурами, карлицами, болонками, моськой и попугаемъ, во дворцѣ Петра Великаго въ Лѣтнемъ саду. Почтенная старушка любила Е. Е. Толстую; послѣдняя часто читала ей или играла съ ней въ карты; нерѣдко брала съ собой и своего сыночка. Разъ попугай обозвалъ Ѳедюшу дуракомъ, и вотъ ребенокъ плачетъ отъ обиды, уткнувшись въ платье матери, но скоро утѣшается, заигрывая съ карлицей, которую по росту считаетъ своей однолѣткой.

Вотъ дѣдушка, почти слѣпой, сидитъ за маленькими ящичками письменнаго стола, наполненными монетами и драгоцѣнными камнями, и бабушка, отрѣзывающая аршинами воланы изъ point d'Alençon на платья кукламъ внучекъ.

Вотъ цѣлый рядъ извѣстныхъ въ городѣ дураковъ и шутовъ,

бо̀льшею частью очень умныхъ и острыхъ людей. Изъ ихъ толпы выдѣляется умомъ и даромъ слова шутъ графа Левашова. По праву своего дурацкаго колпака, онъ громилъ всякую неправду и способствовалъ проводить честныя и добрыя намѣренія своего патрона. Кромѣ служившихъ въ частныхъ домахъ шутовъ, были, такъ сказать, вольно практикующіе. Изъ послѣднихъ—извѣстный всему Петербургу Тимоѳей Патрикѣевичъ Ямщиковъ, про котораго Державинъ сказалъ:

Натуры пасынокъ,
Чудесъ ея примѣръ:
Піита, философъ
И унтеръ-офицеръ.

Ямщиковъ подносилъ свои стихи юмористическаго содержанія разнымъ лицамъ, причемъ была приписка въ концѣ: „а мнѣ за труды слѣдуетъ"—„синяшка", или „краснушка", или „бѣлянка", смотря по состоянію того, кому подносились вирши. Онъ подносилъ свои оды и посланія митрополиту Платону, Потемкину, Безбородкѣ. Въ стихотвореніи, поднесенномъ маленькой Надѣ Толстой, были слѣдующія строки:

Двѣ ручки, какъ тучки,
Сходятся и расходятся
И при своемъ лучезарномъ корпусѣ
Находятся.

Вотъ праздничный день у Толстыхъ: четырнадцатилѣтній сынъ Александръ получилъ чинъ офицера и ѣдетъ представляться императрицѣ. Новый гвардейскій офицеръ, трепещущій и сіяющій, переходитъ отъ зеркала къ зеркалу въ своемъ новомъ элегантномъ мундирѣ, сопровождаемый восторженной толпой братьевъ и сестеръ. Вечеромъ онъ отказывается разстаться со своимъ костюмомъ, хочетъ лечь спать въ мундирѣ, и только послѣ строжайшихъ доводовъ родителей рѣшается разложить свою амуницію на стулѣ около кровати.

Вотъ картины дачной жизни на Островахъ, съ ея катаньями, прогулками и шалостями, гдѣ кавалергарды блещутъ своими мундирами и красотой, избранники, которыхъ капитаномъ — сама Екатерина. Ихъ была только одна рота, гдѣ каждый рядовой былъ офицерскимъ сыномъ; обязанность ихъ состояла въ почетномъ караулѣ во дворцѣ.

Вотъ красивый іеромонахъ изъ Невскаго монастыря, вскружившій голову не одной свѣтской барынѣ... Вотъ въ оградѣ Никольской церкви модное гулянье, вскорѣ запрещенное митрополитомъ...

И вдругъ надъ этимъ безпечнымъ, занятымъ забавами обществомъ проносится, какъ отдаленный раскатъ грома, вѣсть о французской революціи и поражаетъ всѣхъ невообразимой тревогой.

Для счастливаго Ѳедюши также неожиданно наступилъ тяжелый переворотъ въ жизни. Во время военныхъ дѣйствій противъ послѣдней польской конфедераціи, изъ дѣйствующей арміи былъ присланъ съ донесеніемъ къ императрицѣ внучатный дядя Ѳедора Петровича, графъ Петръ Александровичъ Толстой. Въ награду за добрую вѣсть, послѣдній получилъ Георгія и чинъ полковника; вскорѣ послѣ того онъ женился на очень богатой и воспитанной подъ особымъ покровительствомъ государыни дѣвушкѣ, красавицѣ княжнѣ Марьѣ Алексѣевнѣ Голицыной.

Назначенный полковымъ командиромъ одного изъ двухъ четырехтысячныхъ полковъ имперіи, Псковскаго драгунскаго полка, и отправляясь съ молодой женой къ мѣсту своего назначенія, Петръ Александровичъ предложилъ взять съ собой Ѳедю, позаботиться объ его воспитаніи и будущей карьерѣ, на что родители, въ виду пользы сына, должны были съ благодарностью согласиться.

Горько было ребенку покидать свое теплое гнѣздышко! Дорога была утомительная и долгая: цѣлыми днями приходилось ѣхать по мостовой, состоящей изъ бревенъ, избитыхъ и неровныхъ. Обозъ, состоявшій изъ двухъ каретъ, коляски и нѣсколькихъ кибитокъ и телѣгъ, часто вязъ въ грязи, между поломанныхъ бревенъ; часто приходилось сзывать толпы мужиковъ, чтобы вытаскивать экипажи. Ночью поѣздъ сопровождали люди съ факелами. Наконецъ, наши путешественники добрались до жидовскаго мѣстечка Ошмяны, въ семи верстахъ отъ Вильны, гдѣ было мѣсто стоянки штаба полка.

Дядя съ женою были ласковы съ Ѳедюшей, и онъ постепенно пересталъ скучать и сталъ привыкать къ новой обстановкѣ. Занимали его военная жизнь, роскошь польскихъ магнатовъ, пріѣзжавшихъ съ большими свитами и цѣлыми взводами гусаръ въ гости къ Петру Александровичу, но больше всего верховая ѣзда, которая сдѣлалась его страстью. Въ этомъ отношеніи онъ удивлялъ всѣхъ своею смѣлостью и ловкостью.

Своего дядюшку графъ Ѳедоръ Петровичъ характеризуетъ слѣдующими словами: „Петръ Александровичъ былъ не глупый человѣкъ, но и не отличался своимъ умомъ. Образованіе получилъ также совсѣмъ не отличное; онъ и по-французски говорилъ плохо. Онъ, кажется, полагалъ, что болѣе того, что̀ онъ зналъ, и знать не нужно; я никогда не видалъ, чтобы онъ занимался

чтеніемъ. Не знаю, учился ли онъ топографіи, но впослѣдствіи, когда онъ былъ уже петербургскимъ генералъ-губернаторомъ, онъ иногда разсматривалъ топографическіе атласы со своими пріятелями: генераломъ Вердеревскимъ и другими, при чемъ мнѣ не одинъ разъ былъ случай убѣдиться, что ни онъ, ни его пріятели совсѣмъ не знаютъ математики. За то онъ былъ очень добръ, щедръ, правдивъ, честенъ въ высшей степени и за правду готовъ былъ стоять, передъ кѣмъ бы то ни было, непоколебимо".

Несмотря на то, что Петръ Александровичъ готовилъ своего племянника въ кавалерію и обращалъ много вниманія на физическое воспитаніе, онъ рѣшилъ дать взятому на свое попеченіе ребенку и возможно лучшее общее образованіе: онъ помѣстилъ его въ славившуюся въ то время іезуитскую школу въ Полоцкѣ, начальникомъ которой былъ извѣстный патеръ Груберъ. Въ школѣ было болѣе семисотъ воспитанниковъ, но Ѳедя былъ принятъ, въ видѣ исключенія, приходящимъ. Онъ жилъ у полоцкаго коменданта, полковника Дуве, посѣщая школу только во время тѣхъ уроковъ, которые находилъ для него нужными патеръ Груберъ, принявшій мальчика подъ свое покровительство. Найдя въ ребенкѣ добрый, мягкій характеръ и большое прилежаніе, Груберъ полюбилъ его, а замѣтя его способность къ рисованію, обратилъ на этотъ предметъ особенное вниманіе. Ѳедору Петровичу, однако, не пришлось кончить курсъ въ полоцкомъ училищѣ. Послѣ смерти императрицы, дядя былъ переведенъ въ Петербургъ; съ нимъ вернулся туда и его племянникъ.

Возвратившись домой, Ѳедя не всю семью засталъ въ сборѣ. Во время шведской кампаніи, Петръ Андреевичъ отказалъ имп. Павлу, бывшему тогда наслѣдникомъ, въ суммѣ денегъ, которую послѣдній желалъ, чтобы ему выдали изъ казначейства, и отказалъ не по своей иниціативѣ, а по личному запрещенію императрицы; тѣмъ не менѣе, Павелъ Петровичъ этого не забылъ и, тотчасъ по восшествіи на престолъ, посадилъ Петра Андреевича на гауптвахту. Съ нимъ вмѣстѣ были арестованы князья Горчаковы и атаманъ войска донского Платовъ. Перемѣны въ Петербургѣ поразили Ѳедю. Въ первый же день своего пріѣзда онъ увидѣлъ своего брата въ новомъ мундирѣ, показавшемся нашему мальчику крайне уродливымъ; онъ думалъ, что братъ для смѣха такъ нарядился, но скоро на самомъ себѣ замѣтилъ, что прошло время такъ нравившихся ему, элегантныхъ и удобныхъ костюмовъ: на улицѣ Ѳедюшу остановилъ полицейскій приказаніемъ немедленно возвратиться домой. Ѳедя, несмотря на сердечную доброту, былъ очень вспыльчивъ, разсердился и сопротивлялся.

Полицейскій тогда объяснилъ дядькѣ мальчика, что императоръ запретилъ даже дѣтямъ ходить по улицамъ иначе, какъ въ опредѣленномъ костюмѣ, и старый Осипъ насильно увелъ разгорячившагося ребенка домой. Тамъ смастерили Ѳедѣ неуклюжій нарядъ, съ длинными, тяжелыми сапогами, высокимъ воротникомъ, закутали шею широкимъ галстухомъ, мѣшавшимъ свободѣ движеній, прикололи поля круглой шляпы, чтобы она была похожа на треуголку; глядя на брата, Ѳедюша смѣялся, а тутъ расплакался. Все, что̀ происходило на улицахъ, казалось Ѳедѣ очень страннымъ: проходившіе мимо дворца снимали шляпы; встрѣчавшіе государя должны были выходить изъ экипажей и, сбросивъ на землю шинели или шубы, низко кланяться; дамы не составляли исключенія, хотя, при открытыхъ шеяхъ и атласныхъ туфелькахъ, какъ тогда ходили, соблюденіе этикета могло имѣть печальныя послѣдствія для здоровья. Немудрено, что всѣ старались ѣздить закоулками, и главныя улицы Петербурга, недавно такія шумныя и веселыя, совершенно опустѣли. Дворъ и общество были хмуры и недовольны; большинство гвардейцевъ вышли въ отставку; Павелъ выдвигалъ офицеровъ гатчинскаго батальона, большею частью людей невоспитанныхъ, выслужившихся изъ солдатъ. Названіе „гатчинскій офицеръ" сдѣлалось въ обществѣ презрительнымъ выраженіемъ. Ходили анекдоты вродѣ того, что государь велѣлъ выкрасить Михайловскій за̀мокъ въ цвѣтъ перчатокъ Лопухиной, или цѣлому полку скомандовалъ: „маршъ въ Сибирь"! Эти анекдоты, впрочемъ, явились нѣсколько позднѣе, но вотъ что̀ видѣлъ Ѳедюша и разскажетъ самъ: „Разъ, бывши у батюшки (во время его заключенія), услышали мы, что пришелъ къ гауптвахтѣ Аракчеевъ, игравшій важную роль при Павлѣ I и извѣстный по своей жестокости. Я подошелъ къ окну, чтобы увидѣть этого человѣка. Онъ привелъ съ собой преображенскаго унтеръ-офицера, по оплошности не успѣвшаго во̀-время отдать ему должной по формѣ чести. Онъ поставилъ его передъ фронтомъ и приказалъ бить его палками. Увидавъ это, я со слезами бросился отъ окна и убѣжалъ на набережную, чтобъ не слыхать стоновъ несчастнаго".

При всеобщемъ трепетѣ передъ личностью государя, одинъ только старшій братъ Ѳеди, Александръ Петровичъ, не унывалъ. Это былъ смѣльчакъ, остроумный забавникъ, любимый императоромъ. Онъ позволялъ себѣ разныя шутки: однажды съѣлъ приготовленный для государя завтракъ, въ другой разъ держалъ пари съ офицерами, что заставитъ государя быть своимъ камердинеромъ. На вахтъ-парадѣ Александръ Толстой, отдавая императору

честь эспантономъ, нарочно поворотилъ его не въ ту сторону, куда слѣдовало. Разгнѣванный Павелъ закричалъ: „Какъ такой отличный офицеръ могъ сдѣлать такую ужасную ошибку!“—и велѣлъ арестовать его. Александръ Петровичъ, вмѣсто того, чтобы отдать свою шпагу флигель-адъютанту, тихимъ, строевымъ шагомъ подошелъ къ самому императору и вручилъ ему шпагу, потомъ эспантонъ, за симъ отстегнулъ орденъ, развязалъ шарфъ и все это подавалъ одно за другимъ государю, который, озадаченный серьезнымъ видомъ провинившагося, принималъ всѣ эти вещи и самъ передавалъ адъютанту,—графъ Александръ Петровичъ выигралъ парú. Когда Павелъ I узналъ объ этой продѣлкѣ, онъ не только не разсердился, но сказалъ съ удовольствіемъ: „Я зналъ, что такой хорошій офицеръ не могъ сдѣлать такую грубую ошибку“.

Черезъ нѣсколько времени послѣ пріѣзда сына, Петръ Андреевичъ былъ выпущенъ изъ-подъ караула и отставленъ отъ должности съ половиннымъ жалованьемъ. Жизнь Толстыхъ, хотя стала еще скромнѣе,—потекла попрежнему мирно и любовно. По примѣру матери, всегда чѣмъ-нибудь занятыя дѣти по вечерамъ усаживались со своими родителями къ большому круглому столу, каждый принимался за какое-нибудь любимое дѣло, а отецъ или мать читали вслухъ историческіе разсказы, путешествія или популярныя научныя сочиненія; это были любимые, съ нетерпѣніемъ ожидаемые дѣтьми, часы. Ѳедя чаще всего рисовалъ, но онъ любилъ токарное, слесарное мастерства, а главное, любилъ узнавать, чтò какъ дѣлается. Разбирая и складывая опять карманные часы, онъ хорошо понялъ ихъ механизмъ и началъ самъ дѣлать мелкія вещицы и игрушки, приводимыя въ движеніе часовымъ механизмомъ. „У меня было такъ много занятій,—говоритъ графъ въ своихъ запискахъ,—что недоставало времени на исполненіе того, чтò я затѣвалъ. Мы всегда были заняты полезнымъ, любимымъ нами дѣломъ и были совершенно счастливы“. Но родители думали о дальнѣйшемъ образованіи сына и, послѣ совѣтовъ съ родными, отдали его въ морской корпусъ, считавшійся тогда лучшимъ учебнымъ заведеніемъ.

Директоромъ морского корпуса числился адмиралъ Иванъ Логгиновичъ Голенищевъ-Кутузовъ, но, въ виду его преклонныхъ лѣтъ, управлялъ заведеніемъ сынъ его, контръ-адмиралъ Логгинъ Ивановичъ. Жена послѣдняго считалась одною изъ самыхъ образованныхъ женщинъ аристократическаго круга. Логгинъ Ивановичъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы поставить корпусъ на высоту примѣрнаго заведенія; онъ не только привлекъ преподава-

телями такихъ извѣстныхъ ученыхъ, какъ проф. Фуссъ, Германъ, Гамалей, но постоянно заботился о хорошемъ нравственномъ и матеріальномъ состояніи воспитанниковъ.

Вмѣстѣ съ Өедоромъ Петровичемъ находились въ корпусѣ его старшій братъ Константинъ и пять ихъ двоюродныхъ братьевъ; всѣ они помѣщались въ одномъ дортуарѣ, носившемъ названіе „комнаты графовъ Толстыхъ“. Между ними находился Өедоръ Ивановичъ, прозванный впослѣдствіи „американцемъ“,—человѣкъ, своимъ умомъ, красотой, бреттерствомъ, страстнымъ и дикимъ нравомъ давшій поводъ распространенію цѣлыхъ легендъ о немъ. Въ корпусѣ онъ уже слылъ „отчаяннымъ“,—напримѣръ, устроилъ между кадетами тайное общество, чтобы сдѣлаться членомъ котораго, надо было, разорвавъ живого крысенка пополамъ, съѣсть тутъ же одну половину, въ то время какъ онъ самъ съѣдалъ другую.

Во все время пребыванія въ корпусѣ, Өедя былъ первымъ ученикомъ, семнадцати лѣтъ выдержалъ экзаменъ на гардемарина и два года подъ-рядъ ходилъ въ плаваніе по Балтійскому морю и въ Данію и Норвегію. Во время путешествій онъ велъ дневникъ, изобилующій техническими подробностями, интересными описаніями и наблюденіями.

12-го марта 1801 года весь корпусъ былъ собранъ въ большой залѣ. Почтенный директоръ, давно не встававшій съ креселъ, вошелъ, поддерживаемый своими сыновьями, и, со слезами на глазахъ, объявилъ о кончинѣ императора Павла. Послѣ присяги Александру I-му, кадеты были распущены по домамъ. На улицахъ царило давно небывалое движеніе: по нимъ сновали толпы народа; люди останавливались, разговаривали безъ всякаго страха; простолюдины, сходясь между собой, крестились, обнимались и цѣловались,—все, казалось, дышало радостью.

Въ 1802-мъ году Ө. П. Толстой кончилъ курсъ, былъ произведенъ мичманомъ въ гребной флотъ и могъ остаться жить въ Петербургѣ, что̀ дало ему возможность продолжать и серьезныя занятія, и физическія упражненія, — фехтованіе, танцы, вольтижированіе на лошади, — которыхъ требовала его молодая, здоровая натура. Проф. Фуссъ предложилъ безвозмездно заниматься съ нимъ математикой; въ кругу профессоровъ юноша усовершенствовался въ владѣніи нѣмецкимъ языкомъ. Въ это время онъ бывалъ у Лабзиныхъ, у Олениныхъ, гдѣ познакомился съ Дмитріевымъ, Карамзинымъ, Крыловымъ, Гнѣдичемъ, Жуковскимъ и съ членами возникавшаго „Вольнаго общества любителей наукъ“.

VI.

До сихъ поръ Ѳедоръ Петровичъ работалъ карандашомъ и кистью, но какъ-то разъ отецъ его принесъ поддѣльную камею съ портретомъ Наполеона; вещица понравилась будущему художнику; онъ взялъ лежавшій на рабочемъ столикѣ восковой огарокъ, подкрасилъ его, какъ съумѣлъ, въ тѣлесный цвѣтъ и при помощи перочиннаго ножа и булавки вылѣпилъ вѣрную копію съ камеи. Послѣ второй такой работы Фуссъ посовѣтовалъ ему серьезно заняться искусствомъ, посѣщать классы академіи художествъ или хоть познакомиться съ кѣмъ-нибудь изъ учениковъ. Толстой послѣдовалъ этому совѣту, познакомился съ ученикомъ академіи Шиловымъ, получилъ отъ него нужныя указанія, стеки, голову Каракаллы для копированія; вскорѣ было получено и дозволеніе посѣщать медальерный классъ. Полный энергіи, молодой художникъ скоро узналъ всѣ тонкости лѣпки изъ воска и началъ учиться рѣзать на стали. Спустя мѣсяцъ послѣ того, какъ онъ сталъ посѣщать академію, въ классъ вошелъ профессоръ скульптуры Прокофьевъ, съ удивленіемъ взглянулъ на работавшаго съ учениками флотскаго офицера и, осмотрѣвъ его работу, спросилъ:—„Вы какъ хотите учиться художеству: основательно, какъ художникъ,—или, какъ вся ваша братья дворянчики, для забавы?"—„Тутъ,—говоритъ графъ въ своихъ запискахъ,—я почувствовалъ свое настоящее призваніе, и что въ немъ я могу, по моему всегдашнему желанью, быть обязанному самому себѣ и отвергнуть всякое покровительство и протекцію; съ этой минуты я рѣшилъ посвятить себя въ художники и отвѣтилъ: „Хочу знать и научиться художеству основательно и сдѣлаться, если буду въ силахъ, настоящимъ художникомъ".—„Когда такъ,—сказалъ Прокофьевъ,—то оставьте всѣ прочія занятія, попросите билетъ на право посѣщенія академическихъ классовъ и начинайте учиться съ самаго начала". На другой день Толстой имѣлъ билетъ и въ пять часовъ вечера вошелъ въ рисовальный классъ; съ этой минуты онъ посѣщалъ академію ежедневно, приходя пѣшкомъ изъ Семеновскаго полка, гдѣ жилъ тогда съ родителями.

Поразительно быстро пошло художественное образованіе Ѳедора Петровича: черезъ двѣ недѣли онъ былъ переведенъ въ классъ рисованія фигуръ съ оригиналовъ, за симъ въ гипсовый классъ, а скоро и въ натурный. Здѣсь ему гораздо больше

профессоровъ помогалъ уже оканчивающій ученикъ Кипренскій. Занятія въ академіи казались графу недостаточными: „Я придумалъ, —пишетъ онъ,—заготовить дома папку съ такою же точно бумагою, какая была у меня въ натурномъ классѣ, для того, чтобы, приходя изъ академіи, рисовать на ней на память натуру, поставленную въ классѣ, и такъ продолжалъ рисовать всю недѣлю. Такъ я дѣлалъ при каждой новой позѣ натурщиковъ, а также и по третямъ при постановкѣ группъ. Позже я завелъ у себя большую деревянную доску, выкрашенную черной краской и вылакированную, на которой рисовалъ мѣломъ, тоже наизусть, въ натуральную величину тѣ модели, которыя ставились въ натурномъ классѣ. Этотъ мною изобрѣтенный способъ учиться принесъ мнѣ много пользы, потому что ускорилъ и много способствовалъ изученію натуры“. Про свои дальнѣйшія занятія онъ пишетъ: „Я много рисовалъ съ гипсовыхъ écorchés и, для изученія женскихъ формъ, ходилъ рисовать въ галереи академіи, гдѣ рисовалъ также и съ другихъ античныхъ статуй, при чемъ восхищался изящною красотою формъ и позами этихъ превосходныхъ произведеній древности. Увлекшись красотою статуй Греціи, я полюбилъ ея высокія произведенія въ барельефахъ, саркофагахъ, жертвенникахъ, вазахъ, чашахъ, канделябрахъ, лампахъ, мебели, колесницахъ и пр. Со всѣхъ этихъ произведеній я много рисовалъ, старательно и долго ихъ изучалъ, и вполнѣ полюбилъ древнюю Грецію; сталъ читать и изучать все, чтò было написано о нравахъ, обычаяхъ, внѣшней и домашней жизни этого знаменитаго, отличавшагося необыкновеннымъ изящнымъ вкусомъ и образованнѣйшаго народа въ древности“... „Любовь къ изящному,—продолжаетъ онъ,—была до того развита, что они украшали малѣйшія бездѣлушки своего быта: вѣсы, безмѣны, молотки; даже ихъ гвозди имѣютъ изящную форму... У себя дома, въ часы свободные отъ научныхъ занятій, я лѣпилъ изъ воска портреты, которые всѣ находили очень похожими, сочинялъ и лѣпилъ цѣлыя группы и барельефы. Я первый сталъ лѣпить изъ воска большіе барельефы изъ исторіи древней русской и всемірной, употребляя самые вѣрные костюмы; это мнѣ было очень удобно дѣлать, такъ какъ я изучалъ археологію и имѣлъ большое собранье костюмовъ, а также описаній жизни народовъ и ихъ утвари въ разные вѣка“.

Такъ правильно сложившіяся занятія чуть было не прекратились тѣмъ, что молодой мичманъ былъ переведенъ въ гребной флотъ, стоявшій въ Регенсальмѣ. Помощь оказалъ графъ Петръ Александровичъ, обратившись къ исправлявшему должность мор-

скаго министра адмиралу Чичагову, съ просьбой оставить талантливаго племянника въ Петербургѣ. Послѣ долгаго разговора съ художникомъ, адмиралъ сказалъ: „вы останетесь здѣсь“, и отпустилъ его. Черезъ нѣсколько дней, однако, Толстой получилъ отъ ближайшаго начальства приказъ немедленно отправиться на мѣсто назначенія. Въ отчаяніи полетѣлъ онъ къ Чичагову. Послѣдній утѣшилъ его словами: „Я вамъ сказалъ, что вы никуда не поѣдете. Подите и успокойте вашихъ родителей“. Вскорѣ получился приказъ о назначеніи Ѳедора Петровича адъютантомъ Чичагова, что̀ дало ему возможность остаться въ городѣ и прекрасно окончить курсъ академіи.

Въ медальерномъ классѣ былъ преподавателемъ Леберехтъ; онъ не былъ настоящимъ художникомъ и могъ передать своимъ ученикамъ только технику дѣла, но онъ былъ полезенъ графу тѣмъ, что познакомилъ его съ кружкомъ нумизматиковъ и археологовъ, среди которыхъ были такіе знаменитые ученые, какъ Кругъ, Адлунгъ, Парротъ, Моргенштернъ, Келлеръ. Можетъ быть, въ это же время сблизился Толстой съ таинственнымъ ученымъ и алхимикомъ Алексѣевымъ.

24-го декабря 18— г. [1]) скончалась Елизавета Егоровна. Излишне было бы описывать отчаяніе ея любимаго сына,—потеря матери была для него потерей друга, души, вполнѣ понимавшей его! Исчезло звено, прекрасно скрѣплявшее всю семью въ одно тѣсное цѣлое, и дружная семья распалась! Петръ Андреевичъ уѣхалъ въ Москву; старшіе сыновья разбрелись по квартирамъ или уѣхали на службу; графъ Ѳедоръ съ сестрой Надеждой переѣхали жить къ Петру Александровичу. Здѣсь Ѳедоръ Петровичъ имѣлъ случай ближе познакомиться со всѣмъ придворнымъ и свѣтскимъ міромъ тогдашняго Петербурга. Нравственный и умственный кругозоръ молодого человѣка, твердо сложившійся, позволялъ ему относиться критически къ окружающей средѣ и мѣшалъ увлечься ея блескомъ. Графъ не могъ примириться съ тѣмъ, что, по его словамъ, въ этомъ мірѣ „не достоинство человѣка, а ловкость и интрига выдвигаютъ его впередъ“. Среди роскоши и шума свѣтской жизни, онъ восклицаетъ: „Какъ много, какъ много осталось мнѣ учиться, чтобы быть образованнымъ человѣкомъ“!

Отдавая дань молодости и веселости, Толстой не оставлялъ общества профессоровъ и не переставалъ трудиться. Въ академіи уже на выставкахъ—работы нашего художника; онъ заду-

[1]) Годъ смерти Ел. Ег. Толстой мнѣ точно не извѣстенъ.

мывалъ созданіе своихъ барельефовъ изъ Одиссеи, но въ 1805 году патріотическія чувства охватили его, и въ немъ воспылало желаніе участвовать въ войнѣ. Во флотѣ онъ не могъ служить, такъ какъ былъ подверженъ морской болѣзни, а любовь къ лошадямъ заставляла желать поступить въ гвардію. Послѣ ряда препятствій, его желаніе было близко къ удовлетворенію: государь уже объявилъ на это свое согласіе. И вотъ, разъ, когда государь обѣдалъ у Петра Александровича, графиня Марья Алексѣевна заняла его разсматриваніемъ художественныхъ произведеній племянника. Александръ, разсмотрѣвъ ихъ, велѣлъ позвать ихъ автора и сказалъ ему: „Я обѣщалъ назначить васъ въ кавалергардскій полкъ, но такъ какъ у меня много офицеровъ и я могу нажаловать ихъ сколько хочу, а художниковъ такихъ, какъ вы, я не могу создать, то мнѣ бы хотѣлось, чтобъ вы, при вашемъ талантѣ къ художествамъ, пошли по этой дорогѣ". Такія слова были приказаніемъ. „Мнѣ больше ничего не оставалось,— говоритъ графъ, — какъ исполнить волю государя. Какъ я ни желалъ въ военную службу, но я долженъ былъ сознаться, что это предложеніе болѣе всего согласовалось съ моей привязанностью къ художествамъ и съ моимъ твердымъ правиломъ быть обязанному только самому себѣ, а не протекціи".

Выходъ своему патріотическому чувству Ѳедоръ Петровичъ скоро нашелъ въ томъ, что въ своихъ классическихъ медальонахъ на отечественную войну увѣковѣчилъ искусствомъ славу родины.

Несмотря на то, что самъ государь поощрилъ призваніе художника, общество и родные иначе взглянули на это дѣло. Пока онъ предавался, по ихъ мнѣнію, искусству, какъ въ видѣ развлеченія дилеттантъ, они находили это похвальнымъ и восхищались его работами; но когда онъ рѣшился сдѣлаться художникомъ pour tout de bon, общество пришло въ негодованіе. Родные начали отговаривать его, соблазнять предложеніемъ средствъ къ жизни, званія камеръ-юнкера. Онъ отвѣчалъ на послѣднее, что „онъ ни по душѣ, ни по разсудку не рожденъ для этой должности, считаетъ, что всякій честный человѣкъ долженъ добиваться чиновъ и наградъ своимъ собственнымъ трудомъ, а не случайной протекціей, что онъ для этого слишкомъ гордъ". Послѣ такого отвѣта разразилась цѣлая буря. „Аристократъ, имѣющій титулъ, блестящія связи, которому все само въ руки дается, и вдругъ все отвергаетъ и идетъ въ *маляры*!.. Онъ этимъ безчеститъ не только свою фамилію, но все дворянское сословіе"! И они спѣшили закрыть свои двери передъ этимъ

опаснымъ сумасбродомъ. Одинъ родственникъ даже написалъ Петру Андреевичу, что его сынъ сошелъ съ ума, ибо, „будучи взрослымъ, продолжаетъ учиться, какъ маленькій“.

Петръ Александровичъ уѣхалъ за границу посланникомъ при Наполеонѣ, Марья Алексѣевна—въ деревню, гдѣ давала пріютъ Надеждѣ Петровнѣ, — Ѳедоръ Петровичъ остался одинъ безъ мѣста, безъ средствъ, безъ поддержки, но спокойная воля его только крѣпла подъ препятствіями. Онъ бросилъ свѣтъ, родныхъ, даже на время добрыхъ знакомыхъ, заперся въ какой-то лачужкѣ и сталъ еще ревностнѣе учиться. Его, не привыкшаго къ такой жизни, не испугали ни нищета, ни одиночество: онъ сталъ зарабатывать себѣ хлѣбъ, вылѣпливая изъ воску на грифельныхъ дощечкахъ гребни, брошки,—подражаніе камеямъ,—бывшія тогда въ модѣ. Одинъ только человѣкъ понялъ и не покинулъ Ѳедора Петровича въ трудную минуту его жизни,—это была нянька Ефремовна. Она поселилась со своимъ Ѳедюшей, носила продавать его работы, а когда онъ, не думая о пищѣ, тратилъ полученныя деньги на книги и инструменты, она приговаривала, гладя его, какъ маленькаго, по головкѣ: „Ничего, батюшка, работай, не заботься ни объ чемъ: у старой няньки найдется, изъ чего щей и кашки тебѣ сварить, не даромъ въ барскомъ домѣ жила. Работай себѣ съ Богомъ“. И она вытаскивала изъ своихъ сундуковъ всякія сбереженія; а когда ихъ не стало,—вязала чулки и продавала ихъ потихоньку отъ своего воспитанника. Такъ прожилъ графъ два года, пока И. Н. Новосильцевъ не вспомнилъ самъ и не напомнилъ государю о молодомъ труженикѣ; ему было предложено мѣсто при эрмитажѣ съ жалованьемъ 1.500 р. ассигнаціями, которое онъ и принялъ.

Не съ однимъ высшимъ обществомъ приходилось графу выдерживать борьбу, но и съ академіей, гдѣ его приняли весьма недружелюбно. Художники и профессора тоже возстали на „дворянчика“, когда онъ сталъ заниматься искусствомъ не какъ любитель, а какъ спеціалистъ. „Его дѣло,—говорили они,—полы натирать на придворныхъ балахъ, а не въ художники лѣзть, у другихъ хлѣбъ отбивать!.. Хочетъ быть и графомъ, и офицеромъ, да еще и художникомъ! Никогда никакой дворянчикъ не можетъ достигнуть того, чтобы быть настоящимъ художникомъ“. Отъ родныхъ Толстой ушелъ, но отъ колкостей и насмѣшекъ, встрѣченныхъ въ академіи, не могъ избавиться, такъ какъ ежедневно посѣщалъ классы. Съ своей замѣчательной выдержкой, онъ молчалъ, продолжая работать, и силой своего характера и дарованія побѣдилъ наконецъ всѣ непріязненныя отношенія къ нему. Два-

двати-пяти лѣтъ отъ роду, онъ былъ избранъ почетнымъ членомъ той самой академіи, которая сначала отнеслась къ нему такъ враждебно.

Такъ готовилъ себя графъ къ тому, что̀ онъ самъ называлъ: „служеніемъ отечеству, искусству и человѣчеству".

VII.

> No fact ever looms so large on me, no law remains so stead fast in the universality of its application, as the fact and law that great men are all great workers: nothing concerning them is matter of more astonishment than the quantity they have accomplished in the given length of their life.
>
> *Ruskin.*

Какъ въ достиженіи своей цѣли въ жизни, такъ и въ своей спеціальной дѣятельности, отецъ отличался замѣчательной выдержкой и силой характера: чѣмъ больше ему встрѣчалось трудностей, тѣмъ энергичнѣе онъ дѣйствовалъ, и непремѣнно доводилъ начатое дѣло до конца. Если ему попадалось по дорогѣ что-нибудь, чего онъ не зналъ, онъ не боялся отклониться въ сторону и изучить до основанія нужный ему предметъ, чтобы потомъ болѣе сознательно вернуться къ своему спеціальному дѣлу. Столько вещей интересовало его, что рѣшительно не понимаешь, откуда у него хватало времени на все это. Существуетъ каталогъ его главныхъ художественныхъ произведеній, очень обширный каталогъ, но въ него не вошли многочисленные подарки, которые онъ дѣлалъ своимъ друзьямъ, то, что̀ онъ считалъ пустяками, и то, что̀ забылъ записать. Но, кромѣ художественныхъ работъ, онъ занимался дѣлами академіи, онъ былъ профессоромъ двухъ предметовъ, устроителемъ и завѣдующимъ мозаичнымъ заведеніемъ при академіи, хорошимъ математикомъ и механикомъ; онъ много читалъ; онъ писалъ статьи о самыхъ разнообразныхъ предметахъ, начиная отъ учебниковъ гальванопластики до трактатовъ о нравственности въ войскѣ, писалъ даже повѣсти; записывалъ имъ выдуманные или испробованные способы и рецепты для составленія всевозможныхъ вещей, до сѣрныхъ спичекъ включительно; переписывалъ и калькировалъ цѣлыя массы художественныхъ изданій, которыя ему было трудно пріобрѣсти. Путевыя записки его составляютъ двѣнадцать толстыхъ томовъ. Инструменты, нужные ему для работы, онъ дѣлалъ самъ, или

передѣлывалъ по-своему; работалъ, не жалѣя себя, въ тѣхъ обществахъ, гдѣ участвовалъ, при этомъ не избѣгалъ вечеровъ, любилъ театры, музыку. Просто трудно повѣрить, что можно столько сдѣлать въ одну, хотя и долгую, человѣческую жизнь, но это становилось еще удивительнѣе, когда возьмешь въ соображеніе кропотливость и миніатюрность большинства его работъ, то количество труда, которое онъ полагалъ на каждую изъ нихъ, и самый способъ его работы. Его чудные цвѣты, бабочки и птицы сдѣланы почти пунктиромъ; надъ каждой изъ своихъ медалей отечественной войны онъ, по словамъ М. Ѳ. Каменской, работалъ въ продолженіе года. Безо всякаго механическаго пособія, своей рукой рѣзалъ онъ въ мѣди ихъ формы, работая при этомъ съ лупой. Хотя я не застала уже самой плодовитой поры его дѣятельности, но и я могу свидѣтельствовать о томъ, какое количество труда онъ полагалъ на каждую свою вещь. Сдѣлавъ эскизъ какого-нибудь рисунка и испачкавъ его милліонами перекрещивающихся линій, въ которыхъ онъ одинъ могъ разобраться, онъ переводилъ его на другую бумагу и опять начиналъ поправки; множество разъ тотъ же рисунокъ переводился, вырисовывался начисто перомъ, снова поправлялся. Такихъ перерисованныхъ и снова измѣненныхъ эскизовъ для медалей отечественной и турецкой войны и для дверей „Спасителя“ были у насъ цѣлыя кипы, поступавшія обыкновенно въ наши дѣтскія руки и безжалостно раскрашивавшіяся и вырѣзывавшіяся; между тѣмъ это былъ бы очень интересный матеріалъ, характеризующій безконечную добросовѣстность художника, который никогда не оставлялъ дѣла, пока не доводилъ его до крайняго, для него возможнаго, совершенства. Каждый честный художникъ, носящій въ себѣ свой идеалъ, не довольствуется никакими à peu près, но у многихъ художниковъ часто бываетъ, что первоначальные эскизы ихъ лучше послѣдующихъ, и что, ища свою линію или свой эффектъ, они теряютъ ихъ. Съ отцомъ этого не было: тотъ рисунокъ, на которомъ онъ останавливался, *всегда* былъ лучше всѣхъ предшествовавшихъ, которые тоже шли, постепенно улучшаясь. Доказательствомъ этому могутъ служить многіе, еще сохранившіеся у меня, его рисунки. Смотришь, бывало, на работу отца и думаешь: „Зачѣмъ онъ передѣлываетъ? Кажется, такъ хорошо!“ Но онъ улавливалъ незамѣтныя для другихъ детонирующія мелочи и не жалѣлъ трудовъ, чтобы довести свое произведеніе до полной гармоніи. Конечно, совершенно доволенъ своей работой онъ все-таки не былъ, ибо всякій истинный художникъ носитъ въ груди своей гораздо больше, чѣмъ можетъ выразить.

Для императрицы Елизаветы Алексѣевны, которую отецъ боготворилъ и называлъ ангеломъ доброты, онъ нарисовалъ двѣнадцать листовъ бразильскихъ бабочекъ съ натуры, передавъ ихъ металлическій блескъ такъ, что на рисункѣ, какъ и въ натурѣ, если смотрѣть сверху, бабочка казалась коричневой, съ одной стороны — синей, съ другой зеленой. „Какъ же ты могъ это сдѣлать?" — спрашивала я его. — „Я работалъ съ лупой, — отвѣчалъ онъ, — пунктиромъ, поставлю выпуклую точку коричневой краски, а когда высохнетъ, съ одного бока поставлю синюю точку, съ другой зеленую, и такъ всю бабочку". Казалось бы, что такая работа должна быть непремѣнно суха, но то-то и удивительно, что онъ, при такой отдѣлкѣ, не упускалъ изъ вида общее, и его бабочки рельефны и такъ полны жизни, что, кажется, сейчасъ полетятъ. Даже пустяки, которыми отецъ занимался въ свободныя минуты, и тѣ служили ему поводомъ къ мысли, къ изученію; за что бы онъ ни взялся, онъ серьезно отдавался этому дѣлу, какъ бы оно ни было мало. Онъ нарисовалъ цѣлую коллекцію рисунковъ акварелью для стереоскопа, цѣлыя вереницы рисунковъ, которые, приведенные во вращательное движеніе, изображали движущіяся фигуры: бѣгущихъ и прыгающихъ мальчиковъ, скачущихъ лошадей; устроилъ намъ разъ лѣсенку, по которой куколка-клоунъ, кувыркаясь, сходила сама по ступенькамъ и т. д.; все это существуетъ теперь, но не существовало тогда, когда онъ самъ до всего этого додумывался; его знаменитаго фокуснаго кабинета я уже не застала, но, должно быть, судя по разсказамъ, у него тамъ производились удивительныя вещи, — напр., онъ какъ-то посредствомъ проволоки передавалъ звуки съ одного мѣста на другое. Производя всѣ эти вещи, онъ интересовался, конечно, только законами физики и механики, сдѣланныя игрушки служили ему для опытовъ, а потомъ уже онъ увеселялъ ими дѣтскую компанію; въ иныхъ же случаяхъ, при желаніи повеселить дѣтей, ему приходили въ голову разныя мысли, которыя онъ потомъ разрабатывалъ. Оригинальны и прелестны его разрисованныя карты, изъ которыхъ, къ счастью, я сохранила нѣсколько колодъ. Упоминая выше о разнообразныхъ знаніяхъ и занятіяхъ отца, я, конечно, не назвала и трети всѣхъ ихъ и назвала довольно безпорядочно, но онъ не случайно занимался тѣмъ или другимъ, — одно послѣдовательно вытекало у него изъ другого и все стремилось къ цѣли: сдѣлаться, какъ онъ говорилъ, „образованнымъ художникомъ". Помимо главнаго въ его искусствѣ — фигуры, онъ зналъ, что ему приходилось изображать на медаляхъ и рисункахъ зданія, аксессуары, животныхъ, и вотъ

онъ изучаетъ, со свойственной ему настойчивостью, архитектуру, археологію, теорію орнамента, физіологію и анатомію животнаго. „Если встрѣчается надобность помѣщать въ медаляхъ звѣрей, птицъ и всякаго рода пресмыкающихся,—говоритъ онъ въ своихъ запискахъ,—то они должны быть изображаемы совершенно вѣрно съ натурою, и всѣ ихъ движенія и дѣйствія должны быть сообразны съ природою и наклонностями животнаго; поэтому художникъ-медальеръ долженъ быть знакомъ съ зоологіей". Но кромѣ научной подготовки и искусства, онъ хотѣлъ еще овладѣть и ремесленной частью каждаго дѣла, которымъ занимался; привожу опять его слова: „Сдѣлавшись медальеромъ, я изучилъ, кромѣ извѣстной мнѣ художественной части этого искусства, и грубую техническую часть, принадлежащую къ медальерному искусству, какъ-то: ковку и закалку штемпелей, дѣланіе пунсоновъ, а также и всю операцію выбиванія медалей изъ металловъ въ исполненные медальерами штемпеля. Эти, чисто механическія производства не принадлежатъ къ занятіямъ медальеровъ, и для каждаго изъ этихъ занятій на монетномъ дворѣ есть особые мастера, но я думаю, что медальеръ долженъ знать, какъ дѣлается все, необходимое для производства медалей". И такъ разсуждалъ онъ во всемъ. Въ своихъ скульптурныхъ произведеніяхъ онъ дѣлалъ самъ каркасы, самъ формовалъ, самъ обтесывалъ мраморъ, ничья чужая рука не касалась его произведеній; можетъ быть, потому такъ мягокъ и жизнёнъ его мраморъ и такіе живые и нѣжные цвѣты на вѣнкѣ, украшающемъ голову его Морфея.

Никто, видѣвшій много произведеній отца моего, не откажетъ ему въ самой богатой фантазіи; воображеніе его было сильно развито; масса образовъ, не успѣвшихъ воплотиться, постоянно носилась въ его головѣ, но фантазія его подчинялась мысли и, въ его произведеніяхъ, являлась урегулированная разумомъ настолько, что не теряла своей пылкости и свѣжести, но пріобрѣтала спокойствіе и гармонію. Мнѣ кажется, одно изъ наиболѣе рѣдкихъ и драгоцѣнныхъ качествъ художника,—это именно тактъ, умѣнье удерживать равновѣсіе между разумомъ и воображеніемъ, не дать первому своей сухостью задушить всякій непосредственный порывъ вдохновенія и не дать фантазіи волю безформенно и безпорядочно носиться въ пространствѣ. Кто-то сказалъ, что „геній есть соединеніе таланта съ усиленнымъ трудомъ"; если подъ трудомъ понимать не одинъ только физическій трудъ, но и трудъ мысли, то это, пожалуй, довольно вѣрное опредѣленіе.

Хотя отецъ былъ преданъ классицизму, который теперь уже отжилъ свой вѣкъ, но въ свое время и въ своемъ дѣлѣ онъ былъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, новаторъ.

Zopf и rococo—вотъ что̀ вполнѣ царствовало тогда въ Россіи въ медальерномъ искусствѣ и отчасти въ скульптурѣ, вотъ что̀ было тогда рутиной и противъ чего ополчился отецъ, со своимъ разумнымъ стремленіемъ къ правдѣ и со своимъ чувствомъ красоты. Не могу удержаться, чтобы не привести еще нѣсколько выписокъ, которыя ясно показываютъ взглядъ отца на рутину его времени и на его собственныя нововведенія въ медальерномъ искусствѣ: „Всѣ эти медали во вкусѣ Людовика XIV-го были исполнены безтолковыми аллегоріями, представлявшими миѳическихъ боговъ въ тѣхъ карриватурныхъ, фантастическихъ костюмахъ, въ какіе ихъ наряжали въ то время въ театрахъ,—звѣрей и птицъ, породы которыхъ невозможно было опредѣлить,—уродливыхъ пирамидъ съ висящими на нихъ вензелями и портретами, увѣнчанными гирляндами цвѣтовъ, лавровъ и дубовыхъ листьевъ. Представлялись также на медаляхъ уродливые, ни на что не похожіе храмы, тоже украшенные гирляндами, пылающіе жертвенники, колонны и т. п. И все это изображено было безъ всякаго вкуса, совершенно несообразно съ природою и безъ всякаго понятія о художествѣ и перспективѣ. Къ довершенію всего этого, между аллегорическими изображеніями миѳологическихъ боговъ, людей и животныхъ, зданій и разныхъ вещей, наставленныхъ на медаляхъ безъ всякаго толку, по землѣ, воздуху и во всѣхъ направленіяхъ сновало нѣсколько преуродливыхъ купидоновъ, одни—съ гирляндами, другіе—съ вѣнками, факелами, стрѣлами и даже пылающими сердцами и портретами въ рукахъ. Это смѣшное, жалкое положеніе медальернаго искусства у насъ на монетномъ дворѣ, стоявшаго внѣ всякихъ правилъ, требуемыхъ новѣйшею степенью художественнаго образованія, нужно было измѣнить". И онъ излагаетъ новую программу, какъ должны производиться медали и какъ онъ будетъ производить ихъ. „Я полагалъ,—говоритъ онъ,—что всякой медали должно было предшествовать сочиненіе и вылѣпка медали изъ воска такъ, чтобы всякій, смотря на готовую медаль, могъ узнать, не прибѣгая къ надписи, на какой случай она выбита".

Сюжетъ долженъ быть изображенъ „съ строгимъ сохраненіемъ красоты и вѣрности природы", „строго соблюдая вѣрность костюмовъ, мѣстности и страны того времени и тѣхъ лицъ, при которыхъ совершилось долженствующее быть изображеннымъ событіе"; „костюмы должны быть изображены археологически вѣрно".

Такъ какъ нерѣдко случается изображать на медаляхъ различныя зданія, то медальеру необходимо хорошо, вполнѣ основательно знать правила архитектуры и перспективы", „вообще рисунокъ медали долженъ быть исполненъ изящно и строго, сообразно съ натурой, и вполнѣ ясно изображать то дѣйствіе, въ память котораго чеканится медаль".

Преподаваніе медальернаго искусства отецъ вполнѣ создалъ у насъ въ академіи: изъ дѣла чисто ремесленнаго—создалъ искусство.

Строгаго копированія древнихъ образцовъ также не было въ произведеніяхъ отца. Во всѣхъ его многочисленныхъ барельефахъ и рисункахъ нѣтъ ни одной утвари, ни одного орнамента на одеждѣ, который былъ бы непосредственно скопированъ съ антика. Всѣ они сочинены имъ самимъ, но онъ такъ былъ проникнутъ античнымъ міромъ, такъ сжился съ нимъ, что эти его собственные орнаменты стильны, какъ будто ихъ создалъ грекъ временъ Перикла. Онъ не копировалъ, онъ возсоздавалъ античный міръ. Это яснѣе всего выступаетъ, если сопоставить рисунки отца съ рисунками Флаксмана. Рисунки послѣдняго—я слышала такое мнѣніе—ставятъ выше „Душеньки" моего отца, и именно потому, что Флаксманъ былъ ближе къ греческимъ подлинникамъ и архаистичнѣе, если можно такъ выразиться. Отецъ, дѣйствительно, вполнѣ свободно относился къ своему сюжету. Въ художественномъ мірѣ теперь существуетъ тенденція подражать формамъ болѣе древняго искусства, какъ болѣе искренняго и наивнаго. Эта тенденція мнѣ кажется явленіемъ неправильнымъ и временнымъ. Какъ можно подражать наивному, когда самое это слово обозначаетъ искренность и безсознательность? Какъ можно *сдѣлать* себя наивнымъ? А между тѣмъ это стараются дѣлать масса художниковъ и въ Европѣ, и у насъ. Ихъ недостатокъ заключается въ томъ, что они въ самомъ началѣ лгутъ, а ложь не можетъ существовать въ истинномъ искусствѣ. Я вполнѣ согласна, что настоящіе прерафаэлисты прелестны и трогательны, что византійское искусство имѣетъ глубокое значеніе, что въ нашей старинной живописи, какъ я ее видѣла въ Кирилловскомъ монастырѣ въ Кіевѣ, выражается геніальность художниковъ, которые съумѣли въ плохо нарисованныхъ образахъ передать свою мысль, свою глубокую вѣру. Но что̀ такое это „нерукотворенное", что̀, вопреки плохому рисунку, говоритъ нашимъ душамъ изъ картинъ этихъ художниковъ, какъ не ихъ настроеніе, ихъ правдивое исканіе, ихъ стараніе всѣми средствами, которыми они владѣютъ, передать свою мысль и чувство? Они

ни одного изъ своихъ бѣдныхъ знаній не бросали въ сторону, ни одного таланта, ввѣреннаго имъ Богомъ, не зарыли въ землю, напротивъ, они стремились изо всѣхъ силъ впередъ, къ свѣту... И вдругъ человѣкъ нашего времени, котораго самого создали цѣлые вѣка, прошедшіе съ тѣхъ поръ, человѣкъ другого развитія, другихъ вѣрованій, другихъ—куда болѣе обширныхъ—знаній, начинаетъ писать такъ, какъ тѣ художники, со всѣми ихъ внѣшними, свойственными дѣтству искусства, пріемами! Какъ же онъ не понимаетъ, что не во внѣшности заключается ихъ сила, а именно въ той искренности, которой у него нѣтъ, такъ какъ то, что̀ они дѣлали серьезно и убѣжденно, онъ дѣлаетъ *нарочно*.

Отецъ мой, съ его свѣтлымъ взглядомъ, всегда былъ чуждъ подобнымъ эксцентричностямъ. Онъ выбралъ для своихъ произведеній античную форму, потому что считалъ ее наиболѣе изящной, наиболѣе совершенной въ смыслѣ красоты, но его занимала не одна отжившая, хотя и прекрасная внѣшность, а та жизнь, которая билась подъ нею; онъ старался вникнуть душою въ эту жизнь и вдохнуть ее въ свои о̀бразы. Поэтому случалось иногда, что онъ отступалъ въ своихъ рисункахъ отъ древнихъ образцовъ. Я думаю, что если не въ орнаментахъ и драпировкахъ, которыя у него безукоризненны во всѣхъ отношеніяхъ, но въ сочиненіи и постановкѣ фигуръ нѣкоторые рисунки „Душеньки" кажутся недостаточно сильными, то это зависитъ отъ того, что отецъ, для выраженія жизни древнихъ пользовался всѣми средствами современнаго искусства, а не хотѣлъ только копировать образцы. Возьмемъ для примѣра очаровательный рисунокъ, гдѣ Душенька хотѣла повѣситься; Амуры нагнули сукъ, а Душенька стыдливо опускаетъ поднявшееся платье. Психея на этой картинѣ вовсе не дѣлаетъ впечатлѣнія древней статуи, пейзажъ не представляетъ ничего классическаго, движенія амуровъ свободны и игривы; вся сцена изображаетъ что-то интимное, что-то жанровое, чего мы не встрѣчали ни въ древнихъ барельефахъ, гдѣ все такое героическое, ни на вазахъ, гдѣ все условное, ни у Флаксмана,—но развѣ такая сцена не могла произойти въ древнемъ мірѣ? Развѣ не могла и тамъ юная красавица гулять въ лѣсу съ ребятами и стыдливо опускать свое платье передъ маленькими шалунами? Развѣ тамъ все всегда было драматично и торжественно?

И вотъ, черезъ много лѣтъ послѣ „Душеньки", открываютъ танагрскія статуэтки, прелестныя, граціозныя фигурки изъ обыденной жизни, настоящій древній жанръ... Не правъ ли былъ художникъ, когда онъ, не поддѣлываясь подъ существующіе об-

разцы, изображалъ древнюю жизнь, какъ онъ ее чувствовалъ и понималъ?

Изъ скульптурныхъ произведеній отца, по-моему, неизмѣримо выше всѣхъ бюстъ Морфея. Какая чистота профиля, какое благородство линій! Вотъ онъ, спокойный, жизнерадостный греческій бого-человѣкъ! Какъ превосходно и правдиво передано состояніе сна! Какая улыбка въ полуоткрытыхъ губахъ: и пріятная, и сонная, и слегка насмѣшливая... Не снится ли ему какая-нибудь милетская сказка?

Позднѣйшія статуи отца, работанныя въ мое время, уже не то. Петергофская нимфа, льющая изъ кувшина воду, еще очень хороша, и въ глинѣ была удивительно жизненна, такъ что всѣ удивлялись, какъ могъ онъ вылѣпить ее такъ хорошо и вѣрно безъ натуры; послѣдовавшія за ней двѣ статуи, также заказанныя Николаемъ Павловичемъ для Петергофа, послѣ его кончины не утвержденныя и оставленныя въ гипсовыхъ слѣпкахъ, уже носятъ на себѣ отпечатокъ упадка таланта. Обѣ онѣ прелестны по композиціи и полны граціи, но въ нихъ меньше натуры: таліи тонки, руки и ноги длинны и чувствуется нѣкоторая манерность, какъ и въ рисункахъ его къ стихотвореніямъ Щербины.

Во всемъ, что̀ только дѣлалось въ его время въ Россіи хорошаго и передового, отецъ мой или принималъ живое участіе, или помогалъ своимъ сочувствіемъ. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ устроителей въ нашей родинѣ ланкастерскихъ школъ, и надо было слышать, съ какою любовью онъ въ старости разсказывалъ о ихъ успѣхахъ, чтобы понять, какъ энергично принялась тогда молодежь за это дѣло.

Объ учрежденномъ тайномъ обществѣ „Зеленой Книги" отецъ часто разсказывалъ мнѣ. Цѣль этого общества была распространять нравственность и карать зло силою общественнаго мнѣнія. Но общественное мнѣніе нужно было тогда создать. Устройство общества было слѣдующее: было центральное общество или кружокъ изъ шести человѣкъ, которые изъ своей среды избирали своего голову; каждый изъ членовъ учреждалъ новое общество или кружокъ изъ шести человѣкъ, въ которомъ онъ уже дѣлался головою; каждый изъ этихъ членовъ поступалъ такъ же.

Такимъ образомъ, общество быстро развѣтвлялось, но каждый изъ его членовъ зналъ только два его отдѣленія: то, въ которое вступалъ членомъ, и то, головою котораго дѣлался;

кромѣ этихъ двѣнадцати человѣкъ всѣ прочіе члены общества были ему неизвѣстны.

Если кто-нибудь изъ участвующихъ въ обществѣ узнавалъ о какомъ-нибудь дурномъ поступкѣ: насиліи офицера, лихоимствѣ чиновника и проч., то онъ обязанъ былъ сообщить объ этомъ въ томъ кружкѣ, гдѣ онъ былъ членомъ, а голова сообщалъ въ тотъ, въ которомъ онъ былъ только простымъ членомъ; такимъ образомъ, свѣдѣнія объ этомъ поступкѣ доходили до центральнаго общества, которое, провѣривъ достовѣрность сообщеннаго факта, поручало черезъ головъ всѣмъ членамъ общества говорить всѣмъ и каждому о недостойномъ поступкѣ такого-то. Такимъ образомъ создавалась широкая гласность, и человѣкъ, совершившій дурной поступокъ, изобличался передъ его начальствомъ и передъ обществомъ. Отецъ говорилъ, что много было случаевъ, гдѣ цѣли общества были вполнѣ достигнуты: изобличенные люди сами отказывались отъ своихъ мѣстъ, были изгнаны товарищами или начальствомъ. Членами центральнаго кружка были, сколько мнѣ помнится: князь Долгоруковъ, Муравьевъ-Апостолъ, другой Муравьевъ, Игнатьевъ, Ѳ. Н. Глинка и отецъ, котораго они выбрали головой.

Общество „Зеленой Книги", къ сожалѣнію, не долго продолжалось. Вслѣдствіе его организаціи оно не легко могло быть открыто, но нѣкоторые изъ участвовавшихъ въ немъ будущихъ декабристовъ стали все болѣе и болѣе вносить въ него политическіе вопросы, которые были совершенно чужды первоначальнымъ цѣлямъ общества; тогда отецъ самъ предложилъ закрыть его и, получивъ согласіе членовъ, сжегъ всѣ книги общества. Во многихъ другихъ обществахъ участвовалъ отецъ, былъ также масономъ и мастеромъ ложи „св. Михаила къ добродѣтели", первой въ Петербургѣ ложѣ, гдѣ велись дѣла на русскомъ языкѣ.

Съ декабристами отецъ разошелся въ убѣжденіяхъ и не хотѣлъ ничего знать объ ихъ новомъ обществѣ: онъ не вѣрилъ въ возможность осуществленія ихъ дѣлъ и никогда ни въ чемъ не одобрялъ насилія, но знакомства съ ними онъ не прерывалъ и многихъ изъ нихъ очень любилъ.

О 14-мъ декабря онъ ничего не зналъ, хотя и видѣлся наканунѣ съ Рылѣевымъ и еще съ кѣмъ-то. Въ отрывкѣ изъ записокъ отца, который мнѣ удалось прочесть въ тотъ короткій срокъ, когда онѣ находились въ моихъ рукахъ, именно говорилось о происшествіи 14-го декабря, и ни одно описаніе этого событія не сдѣлало на меня такого сильнаго впечатлѣнія, какъ

этотъ безпристрастный, простой разсказъ о томъ, что̀ видѣлъ и чувствовалъ человѣкъ въ этотъ день. Все такъ просто, просто разсказано, безъ всякихъ комментарій. Какъ онъ, не зная, въ чемъ дѣло, пошелъ на Дворцовую площадь, что̀ видѣлъ тамъ, какъ ему стало такъ тяжело, что онъ не могъ тамъ болѣе оставаться, пошелъ по Галерной, и вдругъ что-то загудѣло, народъ шарахнулся, и ядро пролетѣло вдоль улицы: „да вѣдь тамъ могутъ быть женщины и дѣти!"... Потомъ, какъ онъ съ семьей ухаживалъ за раненымъ солдатомъ; какъ его требовали въ слѣдственную комиссію, и что̀ онъ отвѣчалъ тамъ. Его характеристика декабристовъ очень заинтересовала меня: всѣхъ онъ ихъ хвалитъ, кромѣ Пестеля,—послѣдній всегда былъ ему несимпатиченъ, и вліянію его отецъ приписываетъ тѣ крайности, въ которыя впали декабристы и которыя были причиной ихъ гибели. Въ тонѣ, какимъ онъ разсказывалъ объ особенностяхъ характера, объ умѣ, знаніи и талантахъ всѣхъ этихъ молодыхъ людей, сквозитъ горячая дружба и глубокая печаль, но словами онъ ни разу не высказываетъ сожалѣнія о самихъ декабристахъ, а только—о Россіи, которая лишится столькихъ способныхъ, дѣятельныхъ и честныхъ гражданъ.

VIII.

> Lo splendor dell'aria sua rissenerava ogni animo onesso.
>
> *Vasari.*

Во время декабрьскаго возстанія, отецъ мой былъ уже женатъ на Аннѣ Өедоровнѣ Дудиной и имѣлъ двоихъ дѣтей: Елизавету и Марію. Въ запискахъ сестры моей, Маріи Өедоровны Каменской, напечатанныхъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ" за 1894-й годъ, прекрасно изображена жизнь отца въ его первой семьѣ. Въ нихъ отецъ нашъ описанъ такъ художественно, что, читая, я вижу его, какъ живого, передъ собой.

Одно только мнѣ не совсѣмъ понятно: въ этихъ запискахъ отецъ,—молодой, полный силъ, въ расцвѣтѣ своей дѣятельности, масонъ, основатель ланкастерскихъ школъ и проч.,—является гораздо менѣе либеральнымъ (я не умѣю подобрать болѣе подходящаго и менѣе затасканнаго слова), чѣмъ въ мое время, когда онъ былъ уже старикъ. Происходитъ ли это оттого, что сестра моя, писавшая въ очень преклонномъ возрастѣ, припоминала только то, что̀ ей самой было болѣе по душѣ, или оттого, что внѣшнія формы жизни и рѣчи были иныя въ то отдаленное

время,—не знаю. Я видѣла отца горячимъ сторонникомъ ожидаемыхъ реформъ, рѣзко и открыто выражающимъ протестъ противъ всего, что̀ казалось ему неправильнымъ и несправедливымъ. Я могла бы разсказать случаи такихъ вспышекъ, что мать моя приходила въ ужасъ. Отецъ всегда отвѣчалъ: „Развѣ я говорю неправду? Развѣ я не готовъ сказать то же самое въ глаза государю?"

Отецъ не былъ революціонеромъ, онъ всегда былъ противъ всякаго насилія; онъ не былъ и тѣмъ, что̀ потомъ называли „постепеновцемъ",—не отъ одного времени ожидалъ онъ прогресса, а считалъ, что всякій, по силѣ и возможности, долженъ способствовать улучшенію человѣческой жизни и трудомъ своимъ, и честнымъ, правдивымъ словомъ; горячій отъ природы, онъ волновался и негодовалъ на все, что̀ задерживаетъ ходъ человѣческаго совершенствованія.

Онъ былъ патріотъ, горячо, страстно любившій Россію и все русское (даже терпѣть не могъ, когда русскіе говорили между собой на иностранныхъ языкахъ), но онъ былъ далекъ отъ узкой и несправедливой вражды къ „гнилому Западу" и вездѣ равно цѣнилъ хорошее. Людей онъ различалъ не по ихъ національности или соціальному положенію, а по ихъ внутреннимъ качествамъ. Мужикъ былъ въ его глазахъ не *холопъ*, котораго можно презирать, и не *идеалъ*, передъ которымъ надо преклоняться, даже не *меньшій братъ*, а просто *человѣкъ*, такой же, какъ и онъ самъ.

Чтобы охарактеризовать его повседневныя отношенія къ людямъ, можно бы привести цѣлый рядъ случаевъ, вродѣ описаннаго сестрой моей [1]): если нужно было вытащить изъ грязи санки прачки или помочь плечомъ ломовому извозчику сдвинуть возъ, то отецъ никогда не обращалъ вниманія, есть ли у него при этомъ звѣзда на груди и не запачкаетъ ли онъ бѣлыхъ форменныхъ панталонъ.

Обожаемый прислугой, такой добрый, что избѣгалъ убить лишняго комара, отецъ, особенно въ молодости, былъ крайне вспыльчивъ, и въ минуты горячности не помнилъ, что̀ дѣлалъ. Съ нимъ случилось, что онъ, въ одинъ изъ такихъ моментовъ, ударилъ своего лакея такъ, что тотъ упалъ головой о печку, потерялъ сознаніе и былъ долго боленъ; „къ моему счастью,—говорилъ отецъ,—онъ совершенно выздоровѣлъ". Разсказывая мнѣ это событіе, спустя полстолѣтіе послѣ его совершенія, онъ, каясь

---

[1]) „Историческій Вѣстникъ" 1894 г., глава XI, стр. 648.

передо мной, имѣлъ трогательно-виноватый видъ. Не сказалъ онъ только мнѣ, что онъ шесть недѣль, бросивъ всѣ дѣла, провелъ у изголовья этого человѣка и ходилъ за нимъ, какъ сидѣлка. Послѣ такого урока, отецъ, въ минуты гнѣва, не поднималъ уже руки на людей, зато разбивалъ объ полъ свои начатыя работы. На моей памяти, этой участи подвергались уже только тарелки.

Какъ не было въ отцѣ моемъ гордости и важничанія, такъ не было и низкопоклонства,—онъ со всѣми былъ *самимъ собой*. Сила его безъискусственной правдивости вліяла даже на Николая I-го. Отецъ не боялся возражать грозному царю, когда дѣло касалось его спеціальности. Мнѣ извѣстенъ случай, когда отецъ при всей свитѣ и всей академіи заявилъ, что: „*и не подумаетъ* исполнить приказанія государя“, и, спокойно выдерживая сердитый взглядъ Николая, убивавшій, какъ тогда говорили, на мѣстѣ людей, приступилъ къ изъясненію своихъ мотивовъ. Къ чести императора, дѣло кончилось тѣмъ, что онъ сказалъ: „Ну, да тебя не переспоришь, дѣлай, какъ знаешь“.

Разъ въ Петергофѣ отецъ пошелъ посмотрѣть на парадъ: „Сталъ я,— разсказывалъ онъ,—къ самой палаткѣ, разговариваю съ знакомыми... Смотрю: государь идетъ, да прямо на меня и страшные свои глаза дѣлаетъ. Думаю: за что онъ на меня сердится? но смотрю на него прямо: онъ на меня глаза вытаращилъ, а я на него... Подошелъ близко, опустилъ глаза и повернулъ въ сторону. Тутъ я на себя оглянулся, а я въ своемъ сѣренькомъ сюртучкѣ и галстухѣ à la Byron, да въ самую середину всѣхъ генераловъ затесался!!“

Рѣзкія рѣчи иногда доходили до императора; одинъ разъ Адлербергъ нарочно пріѣхалъ къ отцу и передалъ ему слова монарха: „Спроси ты, пожалуйста, у Толстого, за что онъ меня ругаетъ? Скажи ему отъ меня, чтобы онъ, по крайней мѣрѣ, не дѣлалъ этого такъ публично“.

Со смертью Николая Павловича, отецъ потерялъ личнаго покровителя и щедраго заказчика, но онъ въ это время не думалъ о себѣ, а только о будущемъ благѣ отечества, которому заря новаго царствованія обѣщала многое. Надежда на эмансипацію крестьянъ была мечтой всей его жизни; примѣромъ, словомъ, вліяніемъ на окружающихъ способствовалъ онъ освобожденію. Онъ былъ безконечно счастливъ, что дожилъ до его осуществленія, и послѣдняя его работа была медаль въ ознаменованіе этого великаго и столь близкаго его сердцу событія.

Теперь скажу нѣсколько словъ о наружности отца. Роста

онъ былъ средняго, нѣсколько худощавъ и держался прямо,— почему казался высокимъ. Волосы съ просѣдью вились локонами; изъ-подъ нѣсколько нависшихъ бровей добрые сѣроголубые глаза смотрѣли открыто и ясно; прямой носъ съ подвижными ноздрями былъ точно выточенный; его профиль былъ совершенно правильный, еслибъ не выдающаяся, какъ почти у всѣхъ Толстыхъ, нижняя челюсть. Несмотря на этотъ недостатокъ, наибольшая, послѣ глазъ, прелесть его лица была въ губахъ: что-то такое красивое, ласковое, обаятельное было въ его улыбкѣ, что этого не передашь словами. Рука у него была гибкая и красивая, ухо маленькое и правильной формы, кости тонки, ноги необыкновенно малы [1]). Въ его бархатной шубкѣ, подбитой тигристымъ пестренькимъ мѣхомъ, которую онъ всегда носилъ дома, онъ имѣлъ спокойно-благородную осанку Вандиковскихъ портретовъ. Весь внѣшній образъ отца былъ крайне изященъ и соотвѣтствовалъ какъ нельзя болѣе его прекрасной душѣ. Въ манерахъ его была та врожденная, спокойная увѣренность, не допускающая возможности какимъ-нибудь внѣшнимъ дѣйствіемъ унизить свое достоинство, та благосклонная обходительность, дающая человѣку возможность найтись во всякой средѣ, всегда поставить себя на уровень съ тѣми людьми, съ которыми приходится сталкиваться, тѣ, никогда, ни въ какой обстановкѣ не измѣняющія себѣ вѣжливость и деликатность, такъ ярко выраженныя французскими словами „courtoisie" и „urbanité", все то неуловимое и тонкое, что̀ составляетъ плодъ воспитанія нѣсколькихъ поколѣній. Я отъ многихъ слышала, что въ отцѣ моемъ было что-то влекущее къ себѣ, и что „увидѣть его — значитъ полюбить".

Привычка къ физическихъ упражненіямъ развила въ немъ силу, ловкость и здоровье. Когда онъ былъ женихомъ моей матери (ему тогда было 55 лѣтъ), онъ скакалъ верхомъ на своемъ знаменитомъ Гекторѣ изъ Парголова въ Петербургъ и обратно за моткомъ шерсти. Въ семьдесятъ лѣтъ онъ былъ такъ бодръ, что бѣгалъ съ нами и танцовалъ на вечерахъ, гдѣ его непремѣнно заставляли дѣлать соло въ кадрили и восхищались его антреша̀ и батманами. Онъ былъ большой ходокъ и до самой смерти совершалъ длинныя прогулки. Вообще онъ велъ правильную и умѣренную жизнь.

---

[1]) Отецъ разсказывалъ, что когда онъ послалъ Гёте свои барельефы изъ Одиссеи, поэтъ, между прочимъ, замѣтилъ: „У гр. Толстого должны быть очень маленькія руки и ноги; я это заключаю изъ того, что онѣ очень малы у всѣхъ его фигуръ".

Вставалъ отецъ мой всегда рано и тотчасъ же принимался за работу. Въ кабинетъ приносили ему чай со сливками и трубку. Тутъ же приходили къ нему чиновники академіи и подавали рапортички на четвертушкахъ разграфленной сѣрой бумаги. Потомъ отецъ уходилъ въ канцелярію, классы или мастерскую; возвращался онъ къ завтраку и опять уходилъ до обѣда, послѣ котораго спалъ одинъ часъ, всегда предупреждая, чтобы мы не стѣснялись бѣгать и шумѣть. Проснувшись, онъ принималъ участіе въ нашихъ играхъ, ходилъ, разговаривая, съ кѣмъ-нибудь изъ насъ, по комнатѣ, или сидѣлъ въ нашей дѣтской, вырѣзывая изъ картъ и рисуя лошадокъ и коровокъ, иногда показывая намъ фокусы. Послѣ чая, который пили въ восемь часовъ, онъ уходилъ въ свой кабинетъ и работалъ обыкновенно до двухъ часовъ ночи. Кромѣ званыхъ вечеровъ, онъ не стѣснялся присутствіемъ гостей и рисовалъ слушая разговоры, чтеніе и музыку. Въ глубокой старости, когда у него начали утомляться глаза, онъ проводилъ нѣсколько времени по вечерамъ за раскладываніемъ пассьянсовъ.

Обстановка квартиры всегда говоритъ о личности ея хозяина. Когда отецъ жилъ съ своей первой семьей въ такъ называвшемся у нихъ „розовомъ домѣ“, принадлежащемъ академіи, вся квартира была отдѣлана въ греческомъ вкусѣ: зала имѣла форму ротонды съ колоннами и стекляннымъ куполомъ; между колоннами на нѣкоторой высотѣ были золоченыя жерди, съ которыхъ спускались, движущіяся на кольцахъ, блѣдныя розовато-лиловыя драпировки, вышитыя Анной Ѳедоровной, ея сестрами и тетей Надей. Спальня „Душеньки“ прямо срисована съ собственной спальни отца моего. Въ нашей квартирѣ въ академіи [1]) не было такъ стильно, но въ ней не было и безвкусицы, не было пустяшныхъ bibelots, все было просто, спокойно и глазъ отца могъ всюду покоиться на любимыхъ очертаніяхъ.

О кабинетѣ отца я уже говорила, также о залѣ, которая была большая, въ два свѣта, со сводами, съ приступками въ стѣнахъ у оконъ, гдѣ стояли табуреты; рамка зеркала, узенькіе диваны по стѣнамъ были краснаго дерева въ стилѣ empire; зала была украшена хорошими слѣпками съ античныхъ статуй и бюстовъ; изъ картинъ въ ней были только двѣ большія копіи съ Леопольда Робера и два оригинальныхъ этюда братьевъ Чернецовыхъ.

Голубая гостиная была самой веселой и нашей любимой

[1]) Уголъ набережной и Румянцовской площади.

комнатой. Мебель въ ней была сдѣлана по рисунку отца, въ неогреческомъ стилѣ, хотя и не въ сухомъ стилѣ „empire“; легкая и граціозная, съ откинутыми спинками, съ точеными ножками, она была замѣчательно красива: по полированному ясеневому дереву тянулся рельефный орнаментъ изъ темнаго краснаго дерева; изображающій переплетенныя вѣтви дуба и лавра; обивка была блѣдно-голубая. Прямо противъ входа изъ залы находилась амбразура окна, гдѣ также стояли голубые диванчики; вечеромъ она затягивалась голубымъ пологомъ, и комната освѣщалась спускавшимся съ потолка алебастровымъ фонаремъ съ бронзовыми львиными головами и цѣпями, также сдѣланными по рисунку отца.

Впослѣдствіи въ нишѣ передъ окномъ была поставлена нимфа отца, окруженная зеленью. За этой комнатой слѣдовала коричневая гостиная, строгая и темная, увѣшанная работами отца: восковыми медальонами, барельефами и цѣлымъ рядомъ фамильныхъ портретовъ, также сработанными имъ изъ воска. Такая же, какъ и въ смежной комнатѣ, ниша была заполнена диванчиками и столомъ, уставленнымъ бронзовыми вазами и фигурами, гдѣ между прочимъ была художественная лучерна съ фигурой Нептуна, подаренная отцу, во время его пребыванія въ Римѣ, русскими художниками. Спальня была отдѣлена отъ будуара перегородкой готическаго стиля съ разноцвѣтными стеклами, также исполненная по рисунку отца. Все въ домѣ напоминало его, дышало имъ.

Что̀ меня болѣе всего плѣняетъ въ отцѣ моемъ—это цѣльность и гармоничность его развитія. Трудно сказать, что̀ преобладало въ немъ: свѣтлый умъ, духовная высота, талантъ или физическая обаятельность. Онъ былъ одинъ изъ рѣдко встрѣчающихся примѣровъ вполнѣ уравновѣшенной натуры. Эта гармонія отражалась въ его жизни и убѣжденіяхъ, какъ и въ его художественномъ творчествѣ, чѣмъ-то широкимъ, яснымъ, чуждымъ крайностей, разностороннимъ и вмѣстѣ цѣлостнымъ [1]).

До конца жизни, при немощи старости [2]), при почти полной слѣпотѣ, умъ отца оставался свѣтлымъ; интересъ къ общественнымъ дѣламъ, любовь къ прекрасному и глубокая вѣра въ человѣческій прогрессъ не изсякли въ немъ. Какъ-то, въ послѣдній годъ его жизни, мужъ мой и нашъ родственникъ Соколовъ стали говорить, что въ его время только были люди, что теперь мелкота пошла и молодое поколѣніе плохо стало. Отецъ совсѣмъ разсердился: „Что̀ это вы говорите?—горячо возразилъ

[1]) Буслаевъ называлъ его „русскимъ Леонардомъ“.

[2]) Отецъ мой умеръ 90-ти лѣтъ, въ 1873 году.

онъ,—это *неправда*, этого *быть не можетъ*! Молодое поколѣніе *должно* быть лучше стараго, *иначе зачѣмъ же мы работали*?!“ Это говорилъ 90-ти-лѣтній старикъ...

Мнѣ отецъ мой представляется, какъ въ крупныхъ дѣлахъ, такъ и въ тысячахъ мелкихъ событій обыденной жизни, которыя то-и-дѣло мелькаютъ въ моемъ воспоминаніи, до такой степени совершеннымъ человѣкомъ, что мнѣ хотѣлось бы сочинить новыя, болѣе сильныя слова или обладать художественнымъ талантомъ, чтобы достойно обрисовать чудный образъ его, оставшійся въ душѣ моей; а между тѣмъ, боясь, чтобы меня не упрекнули въ пристрастіи, я ломаю себѣ голову, чтобы отыскать въ немъ слабыя стороны. При всемъ стараніи, нахожу только одну, это—его безхарактерность въ домашней жизни. Онъ, такой сильный, такой выдержанный въ своемъ дѣлѣ, въ своихъ убѣжденіяхъ, изъ-за этой слабости разстался съ любимой дочерью, причиняя и ей, и себѣ, тяжелое страданіе. На моей памяти онъ также уступалъ въ случаяхъ, гдѣ онъ былъ вполнѣ правъ. Бывало, разсердится, хлопнетъ дверью, а потомъ самъ чуть прощенья не проситъ. Но, Боже мой, какъ винить его?! Онъ былъ уже немолодъ, всегда былъ очень занятъ, по своему характеру не могъ выносить, чтобы на него сердились или дулись; его счастьемъ было видѣть около себя довольныя лица, радость! Мира, мира жаждалъ онъ, отдыха, покоя послѣ трудовъ!

IX.

„Духъ вѣетъ, гдѣ хочетъ“...

При восшествіи на престолъ Александра II, отецъ мой позаботился о томъ, чтобы исходатайствовать прощеніе поэту и художнику Т. Г. Шевченку. Н. О. Осиповъ былъ посредникомъ въ перепискѣ съ поэтомъ. Но государь собственноручно вычеркнулъ Шевченка изъ списка прощенныхъ, будто бы сказавъ: „Этого я не могу простить, потому что онъ написалъ стихи противъ моей матери“.

Осиповъ и моя мать говорили, что дѣло можно поправить при коронаціи. Отецъ ѣздилъ къ великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ, къ Адлербергу, но никто изъ нихъ не рѣшился повторить просьбу о помилованіи. „Будь, что̀ будетъ,—сказалъ отецъ,—самъ подамъ прошеніе отъ своего имени“. Несмотря на то, что Марія Николаевна сказала ему, что это—безуміе, онъ исполнилъ свое намѣреніе.

Прошла коронація,—отвѣта не было. Волненіе въ нашемъ домѣ было большое,—всѣ предсказывали самыя ужасныя послѣдствія смѣлой выходки отца. Время тянулось, неизвѣстность все болѣе томила, но я должна сказать къ чести нашей семьи, что все вниманіе всѣхъ насъ было обращено не на личные интересы, а только на то: будетъ или нѣтъ освобожденъ Шевченко? Наконецъ, — никогда не забуду я этого вечера, — отвѣтъ былъ полученъ! Бумага пришла часовъ въ одиннадцать вечера; мы, дѣти, уже спали. Вдругъ тетя будитъ насъ. „Что такое?"—вскакиваемъ мы.—„Радость! радость! одѣвайтесь скорѣе, идите въ залу..." Въ одну минуту готовы, летимъ въ залу, попадаемъ въ объятія матери, въ объятія Николая Осиповича, который подбрасываетъ насъ на воздухъ. Тутъ и тетя Надя, ради такого торжества, спустившаяся со „своего верху", m-me Левель [1]), всѣ въ одинъ голосъ кричатъ: „Освобожденъ! освобожденъ! Шевченко освобожденъ!" Суютъ намъ какую-то бумагу... Отецъ притягиваетъ насъ къ себѣ, лицо у него свѣтлое и радостное... Раздается выстрѣлъ открываемой бутылки шампанскаго, и мы съ сестрой, точно теперь только проснувшись, начинаемъ кричать отъ радости и кружиться по залѣ.

Какъ извѣстно, Шевченко былъ задержанъ въ Нижнемъ и нуждался въ деньгахъ; чтобы доставить ему нужныя средства, у насъ устроился въ 1857-мъ году домашній спектакль.

Для насъ, дѣтей, это было необыкновенно веселое время. Мы были уже настолько взрослыя, что живо интересовались артистической стороной этого спектакля, и настолько дѣти, что насъ забавляли всѣ мелочи приготовленій, и мы устраивали себѣ массу побочныхъ удовольствій: десять разъ въ день бѣгали въ театръ и задавали на сценѣ собственныя импровизированныя представленія. Съ утра до ночи у насъ толпилась молодежь, гостили барышни. Машенька Константинова была годомъ меня старше, она воспитывалась въ одномъ изъ хорошихъ петербургскихъ пансіоновъ, и такъ какъ ея родители жили въ провинціи, а ея отецъ и дядя почти воспитывались у отца моего, то, понятно, Машенька всегда проводила праздники у насъ. Она была милая, ласковая дѣвочка, привязанная ко всѣмъ намъ и единственная изо всѣхъ моихъ подругъ, къ которой и я также была серьезно привязана и съ которой была вполнѣ откровенна. Живя въ пансіонѣ, гдѣ ей приходилось выносить много тяжелаго, она была гораздо разсудительнѣе и сдержаннѣе меня, но, по при-

---

[1]) Она снова жила у насъ.

родѣ веселая, чувствуя себя у насъ хорошо и свободно, она всѣхъ заражала своимъ милымъ, искреннимъ смѣхомъ. Она была маленькая, полненькая, хорошенькая, съ румяными щечками и ясными глазками; она была такой же ребенокъ и такъ же мало думала о кокетствѣ или ухаживаніи, какъ и я. Зато другая гостившая у насъ барышня, Лизанька Ш., дѣвушка лѣтъ 17-ти, высокая, полная красавица - блондинка, изображала изъ себя настоящаго diable-à-quatre; она все у насъ перевертывала вверхъ дномъ, пѣла, болтала, плясала, всѣхъ задирала, не исключая, даже отца моего. Мы, младшія, безъ мѣры восхищались ею и слѣдили съ интересомъ за ея flirt'омъ съ г-мъ К. Она постоянно ссорилась съ нимъ, кокетничала при немъ съ другими и, доведя его до состоянія полнаго отчаянія, снова привлекала къ своимъ ногамъ и своей улыбкой дѣлала счастливѣйшимъ изъ смертныхъ. Мы были на сторонѣ молодого К., до слезъ жалѣли его, страшно злились на Лизаньку, когда она мучила его, но потомъ, также какъ и онъ, прощали очаровательную шалунью.

Вокругъ И. Л. Г. всегда тѣснилась толпа ухаживателей. Уже немолодая дѣвушка, но очень кокетливая, она была талантлива, умна, жива и обладала большимъ и хорошо обработаннымъ голосомъ. Она числилась пансіонеркой Елены Павловны, ученицей Глинки, пользовалась въ Петербургѣ репутаціей хорошей салонной пѣвицы и принимала у себя знаменитыхъ артистовъ. У нея я познакомилась впослѣдствіи съ Антономъ Рубинштейномъ. И. Л. была усердной посѣтительницей нашихъ вечеровъ, и въ этотъ разъ тоже принимала участіе въ спектаклѣ.

Всѣ эти flirt'ы были чѣмъ-то исключительнымъ въ нашемъ домѣ; они пронеслись съ этимъ спектаклемъ и исчезли съ нимъ, но въ это время атмосфера любви царила у насъ до такой степени, что даже мамà шутила, говоря, что ревнуетъ отца къ одной хорошенькой молодой барынькѣ, женѣ одного изъ нашихъ артистовъ. Нашъ домъ такъ и трепеталъ весельемъ.

Странно, какъ самыя противоположныя впечатлѣнія совершенно спокойно рядомъ укладывались въ моей головѣ! Ясно помню я вечеръ первой считки, которая происходила въ субботу. По обыкновенію отправилась я ко всенощной, чувствовала себя въ церкви очень хорошо, и въ какомъ-то торжественномъ, ...мъ, но серьезномъ настроеніи прошла мрачными, полу...ыми академическими коридорами; высокіе своды тер...таинственной мглѣ, каменныя плиты звонко отдавали ...аговъ, всегда возбуждая во мнѣ невольный страхъ...

Звонокъ, отворенная дверь—и на меня хлынули потоки свѣта, шумъ людского смѣха, пахнýло широкой жизнью... И такіе контрасты не поражали меня, не противорѣчили другъ другу. Я брала свои радости,—какъ въ святой тишинѣ церкви, такъ и въ шумномъ веселіи гостиной,—все это совершенно естественно сливалось въ моемъ представленіи въ одно понятіе: благость ко мнѣ Бога,—мое счастье.

Въ этотъ вечеръ я въ первый разъ увидѣла у насъ m-me Кони, которая брала на себя роль Кауровой въ комедіи Тургенева: „Завтракъ у предводителя", и пришла въ восторгъ отъ ея превосходнаго чтенія, а также отъ ея добродушія, веселости и умѣнья заинтересовать своимъ разговоромъ. Всѣ сразу рѣшили, что она сыграетъ эту роль лучше Линской, и, какъ оказалось впослѣдствіи, не ошиблись. Г-жа Кони, урожденная Сандунова, до замужества была актрисой, и заполучить талантливую и опытную артистку для одной изъ глáвныхъ ролей было большой удачей для домашняго спектакля—это должно было возбуждать и въ прочихъ участвующихъ желанье стать на ея уровень. Впрочемъ, всѣ относились горячо къ этому спектаклю, всѣ старались, чтобы онъ вышелъ на славу. Сцену устроили въ одной изъ залъ академическаго музея, гдѣ могли помѣститься 500 человѣкъ; Роллеръ взялся самъ ставить декораціи, Каратыгинъ—быть режиссеромъ, Самойловъ—репетировать съ актерами, Контскій—играть въ антрактахъ. Рѣшено было назначить спектакль тогда, когда пьесы будутъ разучены до малѣйшихъ деталей, и играть безъ суфлера. А. П. Рясовскій предложилъ въ концѣ спектакля представить французскаго продавца d'images d'Epinal, нѣчто вродѣ нашего раёшника, чтò и было принято и, въ день представленія, имѣло большой успѣхъ, какъ нѣчто новое и оригинальное.

Послѣ этого вечера было еще нѣсколько считокъ, и потомъ уже приступили къ репетиціямъ, на которыхъ часто присутствовалъ и старикъ Сосницкій.

На каждую роль было нѣсколько желающихъ; на считкахъ дѣлался первый выборъ, но этимъ не довольствовались, бѣдныхъ заставляли выучивать роли, и на репетиціи окончательно выбирался лучшій актеръ. Всѣ охотно шли на это, и никто не обижался. Вообще, никакихъ ссоръ и неудовольствій не было; этому, кромѣ общаго соревнованія въ успѣхѣ спектакля, немало способствовалъ авторитетъ отца; онъ говорилъ: „мы всѣ согласны въ желаніи, чтобы этотъ спектакль вышелъ какъ можно

лучше, такъ ужъ навѣрное, господа, никто изъ васъ за правду обижаться не будетъ",—и всѣ съ нимъ согласились не допускать въ свою среду никакой мелочности.

Мирному характеру приготовленій къ спектаклю способствовало и то, что въ немъ участвовали только три женщины, которыя были каждая въ своемъ амплуа и не могли другъ съ другомъ соперничать.

Спектакль состоялся 13-го апрѣля 1857 года. Дѣйствительно, онъ былъ въ высшей степени удаченъ; его отличительная черта была та, что онъ совершенно не былъ похожъ на домашніе спектакли съ ихъ обыкновенной неурядицей и неумѣлостью. Никакія кулисы не задѣвали, никакихъ замѣшательствъ не было при входахъ и выходахъ; не было ни суеты на сценѣ, ни лишнихъ жестовъ у актеровъ; всѣ были свободны, какъ дома, всѣ имѣли видъ не любителей, а опытныхъ профессіональныхъ артистовъ; роли были разучены такъ, что играли, какъ и было предположено, безъ суфлера; загримированы были всѣ восхитительно; когда Н. О. Осиповъ зашелъ ко мнѣ передъ спектаклемъ, я не могла узнать его, хотя очень внимательно всматривалась въ него: гримъ былъ совершенно незамѣтенъ, даже вблизи казалось, что это—естественное лицо человѣка.

Всѣ играли хорошо, въ томъ числѣ и моя мамаша, въ „Дипломатіи жены", и m-lle Грюнбергъ въ „la Niaise de St. Flour", которая давалась по-французски, но въ главномъ „clou" спектакля, въ „Завтракѣ у предводителя", игра нашихъ артистовъ дошла до совершенства.

Каждый изъ нихъ создалъ типъ, и ни одинъ не впалъ въ шаржъ или каррикатурность. Когда Осиповъ въ роли помѣщика Алупкина говорилъ фразу: „Ну, положимъ, мой мужичокъ укралъ козла; но вѣдь у меня дочь Екатерина, вы это возьмите въ соображеніе!",—говорилъ онъ это до того горячо, серьезно и убѣдительно, что весь театръ гремѣлъ отъ хохота; онъ представилъ типъ стараго отставного военнаго, крайне вспыльчиваго, недалекаго, но убѣжденнаго въ своемъ достоинствѣ. Шульманъ превосходно изобразилъ пронырливаго, мелкаго помѣщика-лизоблюда; Соколовъ въ роли дѣлящагося съ сестрой помѣщика Беспандина, былъ толстъ, лѣнивъ и апатиченъ, какъ настоящій южный помѣщикъ; роль предводителя Баласалаева, крайне неблагодарную, такъ какъ онъ все время только уговариваетъ и старается мирить, г-нъ Хитрово провелъ просто и хорошо. Двѣ очень маленькія роли бывшаго предводителя дворянства и судьи были такъ хорошо исполнены—первая Расовскимъ, а вторая художни-

комъ Мартыновымъ,—что производили взрывы восторга въ публикѣ. Бывшій предводитель является въ самомъ концѣ пьесы, когда Баласалаевъ уже отчаялся примирить брата и сестру; всѣ ждутъ, какъ утопающій хватается за соломинку, что̀ скажетъ бывшій предводитѐль; но онъ, хотя и сохранилъ привѣтливыя и свѣтскія манеры стараго джентльмена, видимо, впалъ въ дѣтство и ничего не понимаетъ. Окруженный всеобщимъ вниманіемъ, онъ пристально разсматриваетъ планъ раздѣла, говоритъ шамкающими губами: „Знаете, я бы это раздѣлилъ иначе: вотъ такъ... Я это, конечно, только en gros...“—и проводитъ пальцемъ по плану какую-то совершенно произвольную и ни съ чѣмъ несообразную линію. Картина. Баласалаевъ выражаетъ на лицѣ своемъ снисходительное презрѣніе къ своему предшественнику, будто говоритъ: „Чего же другого можно было ожидать отъ него?“ Братъ, у котораго было-блеснула нѣкоторая надежда, окончательно сраженъ. Судья Сусловъ, который во все время пьесы сидѣлъ за отдѣльнымъ столикомъ, закусывалъ, пилъ и ни на что не обращалъ вниманія, но теперь тоже приблизившійся къ общей группѣ, машетъ рукой и снова принимается за ѣду. Мартыновъ совсѣмъ не былъ загримированъ,—онъ и такъ какъ нельзя больше подходилъ къ этой роли: среднихъ лѣтъ, полный, немного лысый. Совершенно спокойно сидѣлъ онъ и, все время, съ наслажденіемъ смаковалъ всякія кушанья; когда предводитель обращался къ нему со словами: „не угодно ли вамъ посмотрѣть?“—онъ, съ полнымъ ртомъ и не трогаясь съ мѣста, отвѣчалъ: „я вижу!“—Онъ не дѣлалъ никакихъ жестовъ, ничего не утрировалъ,—просто сидитъ себѣ человѣкъ самымъ спокойнымъ образомъ и ѣстъ, но стоило взглянуть на него, чтобы разразиться неудержимымъ хохотомъ; въ чемъ, именно, заключался этотъ комизмъ, я даже не могу опредѣлить,—можетъ быть, именно въ простотѣ, естественности и серьезности, съ которыми это дѣлалось,—но Мартыновъ до сихъ поръ въ этой роли стоитъ передъ моими глазами, какъ живой. Лучше всѣхъ была И. С. Кони. У нея неоспоримо былъ громадный талантъ; въ этой пьесѣ она не играла,—она была сама г-жа Каурова. Среди дѣйствія произошелъ маленькій инцидентъ: Шульманъ, подавая m-me Кони редиски, нечаянно облилъ ее водой съ тарелки, но она такъ естественно вскинула на него глаза и такимъ недовольнымъ голосомъ сказала: „Да что это ты, мой батюшка?“, что публика осталась убѣждена, что такъ надо было по пьесѣ. Публики была масса, зала была биткомъ набита; въ антрактахъ, кромѣ оркестра на хорахъ, за сценой Контскій игралъ на фис-

гармоніи. Спектакль былъ довольно продолжителенъ, но онъ былъ такъ разнообразно составленъ и хорошо исполненъ, что никто не скучалъ, и тутъ же публика просила о повтореніи его, что̀ и было исполнено черезъ нѣсколько дней при такомъ же стеченіи и удовольствіи зрителей. Мы, дѣти, въ антрактахъ, конечно, летѣли за кулисы. Большое удовольствіе было намъ смотрѣть на публику въ дырочку въ занавѣсѣ, но много интереснѣе было присутствовать при той веселости, которая лилась за кулисами, около столовъ съ чаемъ и закуской, гдѣ толпились и актеры въ ихъ костюмахъ, и большинство нашихъ знакомыхъ. Столы были устроены въ большой залѣ музея, между женскими и мужскими уборными. Тетя всѣхъ радушно угощала, и наши расходившіеся актеры смѣшили насъ разсказами, анекдотами и продолжали за кулисами свои роли.

Несмотря на весь этотъ шумъ и на все это возбужденіе въ нашемъ домѣ, уроки мои шли своимъ порядкомъ. Не помню, хорошо ли шло ученіе именно въ это время, но вообще я хорошо и охотно училась. На меня не только домашніе, но и наши добрые знакомые смотрѣли почему-то какъ на выдающагося по своимъ способностямъ ребенка, чего-то особеннаго ожидали отъ меня, и меня это какъ-то обязывало учиться изо всѣхъ силъ. Это была, впрочемъ, единственная обязанность, которую я признавала; во всемъ остальномъ я предавалась своимъ желаніямъ и влеченіямъ. Этимъ я не хочу сказать, чтобы мнѣ позволялось дѣлать все, что̀ бы мнѣ ни вздумалось,—мои дѣйствія контролировались матерью, но такъ незамѣтно, что я этого не сознавала,—мнѣ же самой не приходилось приневоливать себя ни въ чемъ, кромѣ ученья, да и въ послѣднемъ случаѣ очень мало, такъ какъ ученье давалось мнѣ легко. Кромѣ того, что у меня была хорошая память, занятія были мнѣ очень облегчены отсутствіемъ экзаменовъ и полной свободой преподаванія. Давали мнѣ уроки лучшіе въ Петербургѣ учителя. Главное вниманіе было обращено на языки, литературу, исторію и искусства; немного физики было тоже включено въ программу, но два предмета, считающіеся главными во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, были совершенно исключены изъ моего образованія;—это были: ариѳметика и законъ Божій. Первый моя мамаша считала чѣмъ-то низшимъ, матеріальнымъ. Она была преисполнена немного запоздалаго романтизма, хотѣла создать изъ меня неземное, возвышенное существо, которое не должно было умѣть считать и разсчитывать, не должно было имѣть понятія ни о чемъ практическомъ, житейскомъ: „чѣмъ больше человѣка обма-

нывають, тѣмъ лучше для него, ибо это показываетъ чистоту его души; пусть его обманываютъ, но онъ не долженъ никогда терять довѣрія и любви къ людямъ". Понятно, что при такихъ воззрѣніяхъ шитье, хозяйство, обращеніе съ деньгами, были совершенно изгнаны изъ моего воспитанія. Почему такому же остракизму былъ подвергнутъ и законъ Божій, я не знаю навѣрное, но сознательно или безсознательно сдѣлала это моя мать, я ей за это глубоко благодарна. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ положивъ въ мои руки одно только Евангеліе, мать все-таки дала мнѣ возможность долгое время наслаждаться такою чистою вѣрой и такими блаженными религіозными экстазами, которые не выпадаютъ на долю тѣхъ, кто не имѣлъ вѣры, непосредственно создавшейся въ душѣ подъ вліяніемъ словъ божественнаго Учителя. Все для меня непонянное въ Евангеліи уходило въ туманъ передъ высокимъ ученіемъ Спасителя, передъ Его личностью, передъ Его кровавымъ потомъ, передъ Его свободно взятыми на Себя страстями: на Себя, Чистаго и Непорочнаго, за насъ, грѣшныхъ и неблагодарныхъ! Еще совсѣмъ маленькой я плакала надъ этими страстями; когда стала постарше,—падала ницъ передъ ихъ величіемъ.

Но возвращаюсь къ тѣмъ предметамъ, которымъ я училась: языки я знала очень хорошо, литературой занималась съ наслажденіемъ, но новѣйшую иностранную литературу не успѣла пройти со своими учителями, такъ что пришлось потомъ самой дополнять этотъ пробѣлъ: мои учителя всѣ необыкновенно долго задерживались на народной поэзіи и эпосѣ, или на классикахъ. Французскій мой учитель, m-r de Tournefort, такъ и застрялъ на Корнелѣ. Этотъ добрый старикъ ужасно потѣшалъ меня своей страстью къ этому писателю, къ которому я уже успѣла охладѣть. M-r de Tournefort былъ высокъ, худъ, серьезенъ, разсѣянъ и обыкновенно казался вялымъ и апатичнымъ, читалъ и диктовалъ самымъ беззвучнымъ голосомъ и монотоннымъ образомъ, но когда дѣло доходило до Корнеля, мой французъ преображался: глаза его горѣли, краска появлялась на лицѣ, голосъ дѣлался громкимъ, онъ воодушевлялся до того, что вскакивалъ съ мѣста и съ трагическимъ жестомъ восклицалъ: „Tout votre Goethe et tout votre Schakespeare ne valent pas cette seule phrase:—Qu'il mourût!" При этомъ онъ выговаривалъ „Гѣтé" и „Шакѐспеáръ". Я тогда уже была хорошо знакома съ Шекспиромъ и немного съ Гёте, но, любуясь пыломъ Турнефора, не пыталась даже возражать ему.

Англійскій языкъ намъ преподавалъ г-нъ Бишопъ, очень

модный тогда учитель. Онъ давалъ намъ уроки на дому, но, кромѣ того, мы, когда стали постарше, ѣздили по вечерамъ къ нему на его практическіе курсы. Эти курсы были очень цѣлесообразны и интересны. Около длиннаго стола, покрытаго зеленымъ сукномъ, подъ предсѣдательствомъ учителя, разсаживались ученики, все почти взрослые дамы и мужчины. Они читали по очереди вслухъ что-нибудь изъ поэтовъ-классиковъ, потомъ разбирали и критиковали прочитанное, спрашивали о томъ, что̀ имъ было непонятно, при чемъ разъясненія давалъ или также кто-нибудь изъ учениковъ, или самъ учитель; читали стихотворенія наизустъ. За симъ кѣмъ-нибудь изъ присутствующихъ говорилась рѣчь, экспромптомъ, на тутъ же заданную тему, или приготовленную дома. Иногда, вмѣсто рѣчи, происходили диспуты: одинъ ученикъ долженъ былъ защищать какой-нибудь назначенный учителемъ тезисъ, другой долженъ былъ опровергать его. Когда кто-нибудь покидалъ классъ, одинъ изъ учащихся долженъ былъ сказать ему прощальное слово, вновь поступающаго встрѣчали привѣтственной рѣчью. Послѣ этихъ упражненій подавался чай, во время котораго Бишопъ заводилъ разговоръ, стараясь втянуть въ него всѣхъ присутствующихъ, и вечеръ часто оканчивался живой и веселой бесѣдой. Иногда разыгрывались маленькія англійскія пьески, или передѣлывались сцены изъ романовъ; разъ у насъ воспроизводился судъ надъ Пиквикомъ; дѣйствующія лица могли говорить все, что̀ вздумается, лишь бы это было въ характерѣ того лица, которое они изображали. Понятно, что при такихъ занятіяхъ легко пріобрѣталось практическое знаніе языка, развязность и умѣнье говорить.

Не стану распространяться обо всѣхъ моихъ учителяхъ, между которыми были такія имена, какъ Сентъ-Илеръ, разсѣявшій мракъ, въ которомъ я пребывала въ области естественныхъ наукъ, какъ Бауеръ, будущій профессоръ петербургскаго университета, читавшій мнѣ настоящія лекціи, приводившія меня въ восторгъ и открывавшія мнѣ новый горизонтъ въ любимомъ моемъ предметѣ—древней исторіи; какъ А. Г. Контскій, человѣкъ, которому самъ Бетховенъ игралъ свои сонаты; упомяну только знаменитыхъ по своей части учителей танцевъ, Стуколкина, Пишо, старика-итальянца, пѣвшаго теноромъ въ шестьдесятъ лѣтъ и писавшаго мнѣ стихотворенія, вродѣ m-r Трикэ. Перейду къ тому изъ моихъ учителей, кто имѣлъ наибольшее вліяніе на мое развитіе, къ Н. Д. Старову.

Николай Дмитріевичъ Старовъ, поклонникъ Грановскаго, Бѣлинскаго и Герцена, былъ большой идеалистъ и мечтатель,

но вмѣстѣ съ тѣмъ удивительно живой человѣкъ. Большой шутникъ и весельчакъ, онъ хранилъ въ душѣ постоянное недовольство собой и горячую скорбь о страданіяхъ человѣчества; эта нотка дѣлала его симпатичнымъ. Онъ былъ до безконечности впечатлителенъ, страшно увлекался, мѣры ни въ чемъ не было у этого человѣка: онъ постоянно переходилъ изъ одной крайности въ другую, неистовый восторгъ смѣнялся у него такимъ же негодованіемъ, безумное веселье—отчаяньемъ. Надо удивляться, какъ тѣло его выносило такія постоянныя волненія. Можетъ быть, его чувства, вырываясь постоянно наружу, не ложились такимъ тяжелымъ гнетомъ на душу, какъ у болѣе замкнутыхъ натуръ; впрочемъ, онъ скоро сгорѣлъ и до успокоенія старости не дожилъ. Несмотря на свой умъ и начитанность, онъ былъ настолько необузданъ, что заносился въ своихъ рѣчахъ иногда до абсурдовъ, но всегда былъ вполнѣ искрененъ, и потому имѣлъ вліяніе на окружающихъ, въ особенности на молодые умы, и вліяніе, во всякомъ случаѣ, хорошее. Много умственной пищи, много различныхъ познаній пріобрѣла я отъ Николая Дмитріевича, хотя, надо правду сказать, въ весьма хаотическомъ состояніи. Одинъ урокъ толковалъ онъ о подлежащемъ и сказуемомъ, слѣдующій—о значеніи формъ глаголовъ въ разныхъ языкахъ; разъ цѣлый урокъ разбиралъ этимологическое происхожденіе двухъ-трехъ словъ, другой—позабывъ часы и время, посвящалъ горячей защитѣ правъ женщинъ: привычнымъ жестомъ откинувъ назадъ спадавшую на лобъ прядь волосъ, быстро шагая по комнатѣ, захлебываясь отъ волненія, онъ несся тогда на всѣхъ парахъ; рѣчь его лилась восторженно и красиво, заставляя замирать и трепетать мое юное сердце. Старовъ читалъ мнѣ все: Бѣлинскаго, Шекспира и Гервинуса, Домостроя, Тредьяковскаго и Герцена, все съ собственными комментаріями, съ тѣми же горячими диѳирамбами и филиппиками... Онъ широкой струей вливалъ въ мою душу и идеализмъ сороковыхъ годовъ, и либерализмъ пятидесятыхъ; онъ мало научилъ меня русской грамотѣ, но научилъ мыслить, чувствовать, задумываться надъ прочитаннымъ.

Заговоривъ о моемъ образованіи и воспитаніи, я должна упомянуть здѣсь, что, какъ въ раннемъ дѣтствѣ, такъ и въ юности, мать съумѣла изолировать меня отъ міра моихъ сверстницъ по годамъ. Какъ въ дѣтствѣ, такъ и въ юности, у меня, кромѣ Машеньки Константиновой, не было подругъ, въ полномъ смыслѣ этого слова. Тѣ дѣвушки, съ которыми мнѣ приходилось встрѣчаться почти каждый день, были очень далеки отъ меня, онѣ

чуждались меня и называли bas bleu; я же считала ихъ пустыми, смотрѣла на нихъ свысока и, привыкшая къ мужскому обществу, не интересовалась ихъ болтовней; наши съ ними разговоры были всегда, если можно такъ выразиться, оффиціальными и только усугубляли мое презрѣніе къ этимъ барышнямъ, неизмѣримо выше которыхъ я, въ своей безпричинной гордости, себя считала. Вслѣдствіе такого холоднаго отношенія къ подругамъ, я никогда не узнала того, чтò дѣвушки обыкновенно очень рано узнаютъ изъ интимныхъ разговоровъ другъ съ другомъ. Романы мнѣ позволили читать съ четырнадцати лѣтъ, и то только англійскіе, и тогда я, въ восторгѣ, жила съ героинями Диккенса. Когда случалось, что мамà, или гувернантка, оставляли въ комнатѣ книжку французскаго романа, я не прикасалась къ ней: мнѣ было достаточно, если я слышала отъ матери: „это не для тебя", или: „это тебѣ не будетъ интересно". Не подозрѣвая существованія запретнаго плода, я не искала его; къ тому же я была такъ добросовѣстна, что если мнѣ давали книгу и отмѣчали, что отъ такого мѣста до такого я не должна читать, то я избѣгала даже какъ-нибудь нечаянно кинуть взглядъ на эти строки.

Пусть это покажется смѣшно современной молодежи, но я считала бы себя опозоренной въ собственныхъ глазахъ, еслибы сдѣлала что-нибудь *тайно*, допустила себя до какой-нибудь *лжи*. Если я бунтовала, то бунтовала открыто.

X.

O, primavera, gioventù dell'anno!
O, gioventù, primavera della vita!

1857—58-й годъ былъ знаменателенъ въ моей жизни; онъ былъ особенно богатъ впечатлѣніями, и въ это время разыгрался мой дѣтскій романъ.

Мнѣ минуло четырнадцать лѣтъ, и день моихъ именинъ былъ отпразднованъ въ этомъ году особенно весело и торжественно: у насъ долженъ былъ быть танцовальный вечеръ, и меня сильно занимало, что я буду танцовать со взрослыми. Вывозить меня, конечно, еще и не думали, но мамà считала, что одинъ разъ повеселить меня дома не принесетъ мнѣ вреда.

Проснулась я утромъ и вижу надъ собой дорогое лицо, слышу тихій, ласковый голосъ: „Поздравляю тебя, родная!"—„И я тебя, тетя!" — говорю я, полусонная, обхватываю ея шею и притягиваю къ себѣ.—„Вставай, милая, въ церковь пора!"—Я пово-

рачиваю голову и вижу передъ своей кроватью столикъ, убранный горшками цвѣтовъ. „Это отъ тебя?"—спрашиваю я и знаю, что это такъ, и рада, что ея подарокъ—первый, полученный въ этотъ день.—„А вотъ эту книгу прислалъ тебѣ Костенька; ты знаешь, онъ вѣдь предупреждалъ, что самъ не придетъ, потому что будутъ гости".—„Знаю ужъ я его!"—говорю я, улыбаясь, и рада, что его подарокъ тутъ же вмѣстѣ съ тетинымъ; что̀ бы мнѣ ни подарили, ужъ я напередъ знаю, что дороже для меня этихъ не будетъ.

Когда я выбѣжала въ залу, меня поразило неожиданное зрѣлище: вся комната обращена въ зимній садъ и въ концѣ—мой вензель! Цѣлую ночь работали тутъ наши друзья, чтобы доставить мнѣ удовольствіе. Въ какомъ-то чаду отъ восторга, я отправляюсь въ церковь; въ передней тетя суетъ мнѣ въ руку что-то маленькое:. „Вотъ, ты хотѣла имѣть образокъ Екатерины Великомученицы; я напомнила мама̀ и купила тебѣ, возьми его въ церковь!"—Возвращаемся мы изъ церкви какъ разъ къ завтраку, который накрытъ въ моей классной. Тутъ встрѣчаетъ меня семья и кое-кто изъ знакомыхъ; мама̀ говоритъ нѣсколько прочувствованныхъ словъ на тему, что я теперь стала старше, начинаю новый годъ моей жизни, и проч. Я теперь по себѣ знаю, что родителямъ очень трудно обойтись безъ такихъ безполезныхъ рѣчей въ торжественныхъ случаяхъ, но и тогда это казалось мнѣ тоже неизбѣжною принадлежностью торжества; я искренно обѣщаю въ этомъ году вести себя совсѣмъ хорошо и устремляюсь къ столу съ подарками.

Весь день прошелъ оживленно и весело, а вечеръ былъ настоящимъ упоеньемъ для меня. Я еще была слишкомъ молода, чтобы играть роль хозяйки и думать о другихъ,—напротивъ, *меня* чествовали и веселили: я свободно, вся предалась своей радости и за цѣлый вечеръ не присѣла ни на одну минуту: всѣ наперерывъ танцовали со мной, и я увѣрена, что это имъ самимъ доставляло удовольствіе, такъ какъ такого беззавѣтнаго счастья имъ врядъ ли случалось видѣть на человѣческомъ лицѣ. Когда, въ фигурѣ мазурки, кавалеры, хлопая въ ладоши, отбивали меня другъ у друга, въ состязаніи принялъ участіе папа̀, отбилъ меня отъ всѣхъ и всю остальную мазурку протанцовалъ со мной [1]). Я плясала до восьми часовъ утра, и на другой день не могла встать, ибо ноги мои такъ распухли, что даже чулки не налѣзали на нихъ; вотъ это такъ былъ настоящій „первый балъ"!

---

[1]) Ему тогда шелъ 74-й годъ.

Мнѣ не приходило въ голову, чтобы нашъ Костенька отважился присутствовать на балѣ, поэтому я совсѣмъ и не вспоминала о немъ въ этотъ вечеръ.

К. П. К. былъ одинъ изъ тѣхъ несчастныхъ людей, которые необыкновенно способны къ саморазъѣданью и очень сенситивны: ложь, пошлость причиняли ему страданіе, всякая малость причиняла ему боль, а судьба не щадила его. Тетя разсказывала мнѣ, что онъ любилъ одну молодую дѣвушку, а такъ какъ отецъ ея объявилъ, что не отдастъ свою дочь за художника, то К. П. бросилъ академію, гдѣ успѣшно занимался, и поступилъ чиновникомъ въ департаментъ; но отецъ обманулъ его и все-таки не выдалъ за него дѣвушки, которая тоже любила К. Пожертвовать своимъ призваніемъ и не получить взамѣнъ ожидаемаго счастья —этого было достаточно, чтобы надломить человѣка, не обладающаго сильнымъ характеромъ.

Когда К. П. познакомился съ нами, онъ былъ дикъ и озлобленъ, онъ бѣгалъ отъ людей; часто, придя къ намъ и увидя, что у насъ уже кто-нибудь есть, онъ снова надѣвалъ пальто и уходилъ. Постепенно онъ сталъ относиться довѣрчивѣе къ людямъ, но все-же избѣгалъ общества и предпочиталъ нашу дѣтскую. Мы, дѣти, испытали на себѣ, сколько нѣжности и любви было въ его сердцѣ. Онъ умѣлъ облекать свои слова о любви, добрѣ и правдѣ въ ясные образы, доступные дѣтскому пониманію; онъ рисовалъ въ наши тетрадки прелестныя вещицы; во время моей болѣзни, въ этомъ году, цѣлыми днями просиживалъ у моей постели, разсказывалъ, читалъ и переводилъ мнѣ массу прекрасныхъ вещей. Я чувствовала въ этомъ человѣкѣ такое богатство сердечной теплоты, такую деликатность души, а узнавъ объ его несчастной судьбѣ, я испытывала къ нему такое нѣжное сожалѣніе, что я все больше и больше привязывалась къ нему, все больше и больше привыкла дѣлиться съ нимъ каждою мыслью. Говорятъ, мы были похожи другъ на друга лицомъ и насъ иногда принимали за брата и сестру. По настоянію К., я начала въ этомъ году писать дневникъ; онъ вообще такъ умѣлъ со мною обращаться, что стоило ему своимъ ласковымъ голосомъ тихо сказать мнѣ: „сдѣлайте это для меня, Катечка!“—чтобы я съ радостью исполнила то, что передъ тѣмъ казалось мнѣ непріятнымъ и скучнымъ.

Прошелъ день послѣ моихъ именинъ, прошла недѣля, мѣсяцъ, а К. все не являлся къ намъ. Я знала, что онъ здоровъ, терялась въ догадкахъ, мнѣ каждую минуту недоставало его. Наконецъ, тетя, подъ секретомъ, объяснила мнѣ причину. К. П. имѣлъ какой-то непріятный разговоръ съ мама.

Посреди обычныхъ занятій медленно и скучно тянулась зима. Случилось, что мою любимую собачку, Биби, переѣхали сани. Смерть ея была моимъ первымъ горемъ, сильно, интенсивно воспринятымъ горемъ. Много дней разливалась я горючими слезами надъ своимъ дневникомъ, гдѣ изображала самые трогательные некрологи Бибишкѣ, наконецъ не вытерпѣла и написала К. Вотъ отвѣтъ, который я получила отъ него: „Милая Катечка, мнѣ тоже скучно и жаль бѣднаго Бибишку, но больше всего мнѣ хочется, чтобы вамъ было легче. Не плачьте слишкомъ много, пожалѣйте свѣтлые глазки свои. Мнѣ жаль васъ, и вы не ошиблись, что я раздѣлю ваше горе, потому что понимаю его. Но въ жизни все такъ полно жизни, не плачьте слишкомъ много, милая Катечка. Ваше горе заставило васъ написать письмо; ваше письмо, прежде всего, принесло такъ много счастья мнѣ. Благодарю васъ, ангелъ мой. О, какъ хотѣлось бы мнѣ утѣшить васъ. Но какъ—не знаю? Я любилъ покойника Биби, мнѣ жаль его преждевременную кончину, жаль этихъ слезъ, которыя льются по немъ, и ту привязанность, которая порвалась, и то сердце, у котораго отняли ее. Мнѣ жаль васъ, Катечка, но утѣшьтесь, не плачьте слишкомъ много. Вы должны владѣть своими чувствами, а не отдаваться имъ во власть. Утѣшьтесь. Мы всѣ теряемъ,—вы потеряли Биби, а я сестру“.

Когда я теперь перечитываю это памятное письмо, мнѣ кажется, что оно какъ нельзя болѣе рисуетъ человѣка: и умъ его, и сердце. Какъ онъ съумѣлъ стать на уровень ребенка, понять, что для меня Бибишка былъ другомъ, существомъ, одареннымъ и чувствомъ, и мыслью! Какъ своимъ сочувствіемъ располагаетъ меня къ довѣрію, какъ нѣжно, какъ постепенно подходитъ къ тому уроку, который хочетъ дать мнѣ, и какъ эффектно и сильно, наконецъ, преподаетъ его! Въ то время, когда я получила это письмо, я, конечно, ничего не анализировала, но дѣйствіе, желаемое К., было полное. Когда я начала читать, сердце мое таяло въ благодарности и вѣрѣ въ Костеньку; когда я дошла до словъ: „вы должны владѣть своими чувствами“— я испытывала приливъ бодрости и даже гордости, а послѣдняя фраза просто ошеломила меня, точно чѣмъ-то больно хлестнула: слезы мои изсякли разомъ, и мнѣ стало стыдно, глубоко стыдно. Какъ смѣшно показалось мнѣ мое маленькое горе, изливаемое такими громкими словами, передъ его великимъ горемъ, выраженнымъ такъ просто, будто мимоходомъ. Эта послѣдняя фраза, это сопоставленіе двухъ потерь, было мастерскимъ пріемомъ, сильнымъ лекарствомъ, сразу отрезвившимъ меня. Я была уничтожена и вмѣстѣ глубоко тронута.

Послѣ этого случая, тоска моя по Костенькѣ усилилась; я часто вспоминала о немъ въ своемъ дневникѣ: „когда онъ говоритъ со мной",—писала я—„я дѣлаюсь бодра, и могу побѣдить все зло, которое во мнѣ..."

„Мнѣ кажется, я не могу жить безъ него... Фу, глупости! Живу же!"

Я повѣряла свои мысли дневнику, но никогда ни съ кѣмъ не говорила больше о К., потому что съ нѣкоторыхъ поръ, когда упоминали при мнѣ его имя, я стала вспыхивать какъ огонь, и это приводило меня въ совершенное отчаяніе,—всякій разъ хотѣлось сквозь землю провалиться.

Зима стала склоняться къ веснѣ, а во мнѣ происходило что-то новое и странное... Я вдругъ начала „думать"; прежде я всегда или занималась, или разговаривала, или играла, теперь я стала цѣлыми часами сидѣть и „думать". Ниша въ окнѣ коричневой гостиной сдѣлалась мѣстомъ моихъ новыхъ „думъ". Что̀ это были за думы—трудно даже передать; это были скорѣе какія-то неясныя грезы и ощущенія: что-то небывалое закрадывалось въ сердце, что-то сладкое и грустное, слегка волнующее и баюкающее, какъ колыбельная пѣсня... Грезилась мнѣ природа, деревня, вѣчное лѣто, лунныя ночи, покачиванье лодки, шелестъ камышей на заливѣ, все это какое-то преображенное и безмятежное, всѣ мои милые тамъ, никто не ссорится, всѣ какъ-то особенно счастливы и всегда, всегда Костенька со мной...

Въ это же время сильный наплывъ религіознаго чувства овладѣлъ мною: въ перемежку со своими мечтами, я зачитывалась Евангеліемъ. Наступила страстная недѣля. Машенька Константинова была очень религіозна, въ ней вѣра сидѣла крѣпче, чѣмъ во мнѣ, но она была менѣе восторженна.

Въ этотъ годъ мы усиленно постились, съ наслажденіемъ посѣщали всѣ службы, поддерживали другъ друга въ этомъ настроеніи, читали вмѣстѣ молитвы, но я, одна въ своей комнатѣ, приходила въ настоящій молитвенный экстазъ: грудь просто не вмѣщала силы любви къ Богу... Для исповѣди священникъ приходилъ къ намъ въ домъ вечеромъ, въ страстную пятницу. Въ темной гостиной, передъ столикомъ съ Евангеліемъ, крестомъ и восковой свѣчкой, рыдая, спрашивала я, какъ надо дѣлать добро и помогать людямъ? Что-то незатѣйливое сказалъ мнѣ нашъ добрый старичокъ-исповѣдникъ, но натянутое состояніе моихъ нервовъ вдругъ разрѣшилось божественнымъ покоемъ и радостью, мнѣ было такъ легко, точно камень сняли съ меня, точно мнѣ дали другую, лучшую душу. Когда я лежала вечеромъ въ своей

постели, мнѣ казалось, что еслибъ всѣ сказочныя чудовища, всѣ призраки и мертвецы, съ Гоголевскимъ Віемъ во главѣ, нагрянули теперь на меня, я бы нисколько не испугалась: я чувствовала себя чистой, безгрѣшной, я чувствовала близость Божію, я ощущала около себя дуновеніе Его...

Жалѣю я дѣтей, которыхъ рано коснулось безвѣріе и которыя не испытали такихъ чудныхъ мгновеній!

Весна показалась мнѣ особенно прекрасной, и я начала замѣчать многія красоты тоно̀въ и красокъ, которыхъ не замѣчала прежде; съ весеннимъ солнцемъ врывался въ мою душу лучъ надежды, и я убѣждала себя, что теперь я скоро, непремѣнно, должна встрѣтиться съ Костенькой и сказать ему, что̀ я перечувствовала въ эту длинную зиму. Въ одно прекрасное утро, на набережной Невы (можетъ быть, не безъ содѣйствія тети), мы встрѣтились... Но лучше передать мою кратковременную идиллію словами ея четырнадцатилѣтней героини,—гдѣ же теперь, проживши всю жизнь, найти слова достаточно свѣжія и наивныя!..

„Пятница 11-го апрѣля.—Гуляя по утру, на набережной, мы встрѣтили К. Намъ такъ много надъ было сказать другъ другу, а мы молчали, или говорили про выставку, про собакъ!.. И ничего, ничего объ томъ, что̀ было нужно, что̀ бы мнѣ такъ хотѣлось сказать ему... Мнѣ не было ни весело, ни пріятно, я какъ будто ничего не чувствовала, ничего не помнила.

Теперь у меня такое странное чувство: то сердце вдругъ заноетъ и такъ скучно, точно я занята какими-то мыслями, а мыслей никакихъ нѣтъ; то мнѣ весело и хочется смѣяться; то хочется молиться и быть одной; не знаю, что̀ такое. .

21-го апрѣля.—Третьяго дня мы опять встрѣтили К. Я очень просила его придти къ намъ, и онъ въ тотъ же вечеръ пришелъ. Мнѣ опять не было ни пріятно, ни весело, я почти не говорила, была какъ-то холодна съ нимъ, раздражительна, но зато вчера—какое блаженство! Мы цѣлый вечеръ говорили. Была гроза. Мнѣ было такъ хорошо, да, я думаю, и ему тоже".

Я должна замѣтить, что еще въ началѣ зимы, когда К. приходилъ, я бросалась къ нему на шею, садилась на колѣни; когда же весною онъ явился къ намъ, я подала ему руку и называла съ этой минуты по имени и отчеству. Я сама не знала, почему, но мнѣ было невозможно иначе... Возвращаюсь къ своему дневнику.

„25-го апрѣля.—Костенька бываетъ теперь каждый день, и намъ такъ весело вмѣстѣ. Мы говоримъ о многомъ, о многомъ!

1-го мая.—Цвѣточная выставка—это прелесть, волшебный садъ Черномора; розы всѣхъ цвѣтовъ и формъ, пальмы, кактусы, чудо! К. былъ съ нами. Не скажу почему, но только я—глупая.

14-го мая.—Вчера мы долго гуляли по Косой линіи; было сыро, мы шли по мосткамъ; съ заборовъ свѣшивались жидкія вѣтви расцвѣтающей сирени; тетя шла съ Ольгой, я—съ К. Мы заговорили о томъ, какъ сладка вѣра, какъ прекрасно Евангеліе, какая дивная мысль, что Богъ—Отецъ нашъ; какъ эта мысль возвышаетъ насъ и сближаетъ съ Нимъ!.. Я разсказывала, какъ мнѣ было легко на душѣ послѣ исповѣди, какъ мнѣ казалось, что Богъ надо мной, и я какъ будто чувствовала Его дыханіе. Ужасно, что это прошло и что я опять сдѣлалась дурною; мнѣ кажется, что я никому ничего не дѣлаю, кромѣ зла.

— Вы мнѣ дѣлаете добро,—сказалъ онъ:—съ вами мнѣ весело и я счастливъ. Когда мнѣ бываетъ грустно и тяжело, и я вспоминаю о васъ, то мнѣ хочется молиться; мысль о васъ соединяется съ мыслью о Богѣ...

— Если это правда,—отвѣчала, я—то это не я причиной, а вы сами.

— Вы себѣ цѣны не знаете; я двадцать-три года живу на свѣтѣ и лучше васъ знаю людей.

— Зато вы знаете меня только три года, а я себя знаю уже четырнадцать.

— Вы это въ вашемъ дневникѣ пишете?

— Чтò?

— Вотъ чтò вы мнѣ о себѣ разсказывали?

— Тамъ еще больше написано: еслибы вы знали все! Ну,—сказала я серьезно,—теперь скажите, отчего вы къ намъ не ходили?

— Оттого что я обидѣлся; но когда увидѣлъ, что это было глупо, тогда осталось одно сожалѣніе. Я такъ страдалъ это время. Это было наказаніе Божіе, но я страдалъ больше, чѣмъ того стоилъ.

Да, я вѣрю, что онъ очень, очень любитъ меня, такъ же, какъ и я его.

27-го мая.—Вчера мы много и серьезно разговаривали. Какъ пріятно мнѣ слушать его! Я не могу записать его слова; я напишу все это, когда я буду больше знать, когда я буду большая и перо будетъ меня слушаться; все равно, оно написано въ моемъ сердцѣ.

20-го мая.—Я сидѣла на открытомъ окнѣ, и чувствовала, что я счастлива, счастлива!.. О, благодарю Тебя, Господи, что Ты сохранилъ меня отъ холоднаго безвѣрія и томительнаго сомнѣнія! И какъ можно не вѣрить, когда посмотришь на солнце, на тучи, на море, на лѣса и луга; когда разсмотришь каждую травку, какъ она растетъ, какъ она умно устроена, на самое

маленькое животное, какъ оно живетъ, на каждую пылинку которая и та даже такъ хорошо сдѣлана! Если бы и хотѣлъ, то нельзя не вѣрить. Чтò за жизнь безъ вѣры? Вѣрить такъ сладко. Благодарю Тебя, Господи, за эту природу, за эти минуты, за все, за все, что Ты сдѣлалъ для меня!"

К. поѣхалъ съ нами въ Финляндію, и тамъ моя блаженная идиллія почти сравнялась съ моими мечтами и развивалась подъ голубымъ или звѣзднымъ небомъ, надъ тихой гладью залива, среди полей и цвѣтовъ но, должно быть, она развивалась слишкомъ пышно для вкуса моей мамаши, которая и положила ей внезапный конецъ. Объ этомъ дѣлѣ рукъ ея я узнала нѣсколько лѣтъ спустя отъ тети. Мать моя объяснила К., что никогда не отдастъ меня за него и, ради моего покоя и счастья, потребовала отъ него страшной жертвы: она сказала ему, что просто уѣхать не поможетъ, „подольетъ только масла въ огонь"; что „если онъ съумѣлъ сдѣлать, что я полюбила его, то долженъ съумѣть уничтожить во мнѣ это чувство". И онъ принялъ на себя эту жертву и пытку!.. Пьесы вродѣ „Сюлливано", „La dame aux camélias", кажутся намъ очень мелодраматичны и неестественны, а вотъ же, бываютъ и въ жизни такія вещи. К объявилъ намъ, что долженъ на время уѣхать въ Ревель. Эта временная разлука не могла смутить покоя и счастья, которые наполняли мою душу, и я, почти весело, пошла провожать Костеньку на нашу пристань, откуда онъ отправлялся на лодкѣ до парохода. Простившись съ нами и спустившись со ступеньки или двухъ, онъ обернулся, лицо его было на уровнѣ съ моимъ, и онъ вдругъ поцѣловалъ меня... Онъ, бѣдный, зналъ, что прощается со мной навсегда...

Трудно описать, чтò произошло со мной отъ этого поцѣлуя. Я бросилась стремглавъ домой, спрятала въ подушки свое пылающее лицо и два дня пролежала въ жару. Но все это время у меня была одна мысль: не подымать головы, чтобы не увидѣли на щекѣ моей то мѣсто, которое продолжало жечь меня. Мнѣ было страшно, что слѣдъ этого поцѣлуя останется на вѣки виденъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ощущеніе его на щекѣ доставляло мнѣ никогда не испытанное еще наслажденіе. Мнѣ было ужасно стыдно при мысли, что знакъ этотъ увидятъ, и вмѣстѣ жалко, будто этимъ что-то мое отнимутъ у меня. Очень трудно передавать словами эти ощущенія; слова слишкомъ грубы. Я была удивлена, когда не увидѣла въ зеркалѣ предательскаго знака, между тѣмъ какъ ощущеніе его на щекѣ не проходило. Черезъ нѣсколько дней только я совсѣмъ опомнилась, и, не умѣя дать себѣ отчета,

что̀ это такое со мной было, рѣшила предать это дѣло забвенію, благо, какъ мнѣ казалось, никто ничего не замѣтилъ и мою болѣзнь приписали простудѣ.

Долго не возвращался Костенька. Вскорѣ послѣ его отъѣзда, мама̀ очень смутила меня однимъ своимъ разговоромъ со мной; она сказала мнѣ: „Ты *влюблена* въ К., и это въ твои годы большой грѣхъ". Выраженіе, съ которымъ она произнесла въ особенности слово „влюблена", произвело на меня впечатлѣніе какого-то безпричиннаго ужаса. „Какъ влюблена!—проговорила я дрожащимъ голосомъ:—что̀ же это такое значитъ?"—„Значитъ, что ты любишь его больше всѣхъ, больше Бога, и ты этимъ оскорбляешь Бога". Видя сильное впечатлѣніе, произведенное на меня, мать болѣе къ этому предмету не возвращалась; я же провела нѣсколько дней въ большой тревогѣ. Я пряталась въ глухихъ уголкахъ сада, становилась на колѣни, склоняла голову на землю и передъ лицомъ Бога старалась разобраться въ своихъ мысляхъ и чувствахъ.

„Влюблена"; это слово даже своимъ звукомъ почему-то шокировало и оскорбляло меня; зачѣмъ это слово? Почему гадкое, какое-то особенное „влюблена", а не простое „люблю"? Я чувствую, что я люблю Костеньку такъ же, какъ всѣхъ другихъ, только очень сильно. Но если я люблю человѣка больше Бога, то это ужасно!.. Если я люблю К. больше Бога, то я и тетю люблю больше Бога... Люблю ли я ихъ больше Бога? Какъ узнать это, какъ сравнить? какъ разобраться? Надо бы узнать, люблю ли я Бога меньше съ тѣхъ поръ, какъ сильно полюбила К.? О! нѣтъ! „Ты знаешь, Господи, люблю ли я Тебя, понимала ли такъ, какъ теперь. Да и онъ та̀къ вѣритъ, та̀къ любитъ Тебя! Съ нашею любовью рядомъ растетъ и любовь къ Тебѣ!"—Чѣмъ болѣе я думала и молилась въ глухихъ уголкахъ сада, тѣмъ болѣе миръ нисходилъ на мою, душу, и, наконецъ, я ясно *почувствовала*, что Богъ не оскорбленъ мною и не гнѣвается на меня. Побесѣдовавъ такъ просто съ моимъ Богомъ и получивъ отъ Него отвѣтъ, я успокоилась. Попрежнему молитва моя была хвалебнымъ и благодарственнымъ гимномъ, попрежнему я ждала, не могла дождаться Костеньки. Наконецъ, я могла написать въ своемъ дневникѣ: „...Дверь отворилась и вошелъ К. Сердце мое замерло отъ радости; я покраснѣла не только по-уши, но, кажется, вся превратилась въ огонь; я еще никогда такъ не радовалась"... Не долго я была счастлива,—на другой же день начались мои испытанія. Я замѣтила, что К. сталъ какъ будто старше, что лицо его приняло несвойственное ему какое-то саркастическое

выраженіе, манеры стали рѣзкія, расположеніе духа неровное. Скоро у насъ пошли распри: всѣмъ моимъ желаньямъ онъ сталъ противорѣчить, всѣ мои взгляды осмѣивать; началъ дразнить меня, былъ иногда просто грубъ и, что̀ особенно коробило меня, съ какимъ-то цинизмомъ отрицалъ всѣ наши прежніе общіе съ нимъ идеалы. Сначала я не вѣрила своимъ глазамъ, мое негодованіе перемежалось съ возвращавшимся нѣжнымъ чувствомъ, и я винила себя въ нашихъ ссорахъ; но время шло, и я все болѣе убѣждалась, что передо мной былъ не прежній К., а совсѣмъ новый и чуждый мнѣ человѣкъ. Дневникъ свой я запустила и только изрѣдка выливала въ немъ свою горечь.

„Цѣлый день онъ дразнитъ, бѣситъ меня. Все дѣлаетъ напротивъ, каждое слово перетолковываетъ... Все, что̀ я когда-то, въ простотѣ души, говорила ему про самыя святыя мои чувства, онъ превращаетъ Богъ знаетъ во что̀ и такъ грубо смѣется надъ этимъ... Господи, и я могла такъ любить его! Но я его не знала!“...

„Была чудная лунная ночь, такъ свѣтло, что можно читать... Мнѣ было очень грустно... Какъ я любила К., какъ мнѣ было съ нимъ хорошо! и какъ онъ сдѣлался недостоинъ этого! Думая объ этомъ, я расплакалась“.—„Онъ сталъ Богъ-знаетъ что̀ говорить про женщинъ: что онѣ могутъ любить только тряпки, что онѣ не умѣютъ чувствовать, что онѣ ничего хорошаго не могутъ понять, что у нихъ нѣтъ ума. Перевернулъ стихи Шиллера и прочелъ:

„Die Weiber, sie weben und flicken die Hosen“...

Фу, какая гадость! Вдругъ сегодня говоритъ: „Есть ли въ мірѣ что-нибудь глупѣе звѣздъ?“... Онъ, который всегда такъ любовался ими со мной! Мнѣ стало такъ досадно и больно, что я ушла“.

Я была тогда еще слишкомъ ребенокъ, чтобы понять всю неестественность такой быстрой перемѣны и задаться вопросомъ объ ея причинѣ; я просто чувствовала себя обманутой, и страшная горечь разочарованія легла мнѣ на душу. Дошло до того, что я была рада, когда К. уѣхалъ; я могла теперь уходить одна на тѣ мѣста, гдѣ мы, бывало, въ счастливую пору нашей любви, сиживали вмѣстѣ, и свободно и долго рыдать о потерѣ моего друга.

Ек. Юнге.

ЖЕНЩИНА СЪ ВѢЕРОМЪ

РОМАНЪ.

— *Robert Hichens*. The Woman with the fan. London, 1904.

I.

Въ большой гостиной одного лондонскаго дома сидѣло немногочисленное общество, слушая пѣніе звучнаго сопрано подъ аккомпанементъ рояля. Звуки доходили изъ сосѣдней комнаты, и всѣ взоры были направлены туда; только одинъ или два человѣка казались равнодушными къ обаянію пѣвицы.

Маленькая женщина съ блестящими черными волосами и огромными темными глазами откинулась на спинку дивана и, обмахиваясь краснымъ вѣеромъ, поглядывала искоса на пожилого худощаваго господина; онъ сосредоточенно смотрѣлъ въ ту сторону, откуда доносился голосъ. Губы его слегка шевелились подъ густыми сѣдыми усами, а блѣдно-голубые глаза имѣли напряженное выраженіе. Его тонкія желтыя руки нервно сжимались, точно стремясь схватить что-то и удержать, не выпуская. Маленькая женщина съ черными волосами взглянула на его руки и быстро перевела глаза на его лицо. Легкая насмѣшливая улыбка показалась на ея слегка накрашенныхъ губахъ, и, рѣзко повернувшись къ нему спиной, она стала оглядывать остальныхъ присутствующихъ.

На всѣхъ лицахъ, кромѣ одного, она увидала выраженіе сосредоточеннаго вниманія. Исключеніе составлялъ неуклюжій, толстый человѣкъ съ отвислыми щеками, крючковатымъ носомъ и волосами съ просѣдью. Онъ сидѣлъ въ низкомъ креслѣ, надувъ

губы, игралъ моноклемъ и видимо скучалъ. Онъ то скрещивалъ ноги, то спускалъ ихъ, клалъ свои толстыя бѣлыя руки на спинку кресла, потомъ снималъ ихъ, разглядывалъ свои розовые блестящіе ногти; потомъ, нахмурившись, такъ плотно закрывалъ глаза, что кожа вокругъ нихъ сбиралась въ мелкія морщинки, и, вытянувъ ноги, сдѣлалъ попытку заснуть.

Стройный молодой человѣкъ, сидѣвшій неподалеку отъ него, окинулъ его презрительнымъ взглядомъ, но сейчасъ же отвернулся, какъ бы досадуя на то, что обратилъ на него малѣйшее вниманіе, и, наклонившись, сталъ напряженно слушать пѣніе. Маленькая женщина съ темными волосами внимательно поглядѣла на него поверхъ красныхъ перьевъ своего вѣера. У него было тонкое, смуглое лицо съ удлиненными черными глазами и длинными, загнутыми кверху рѣсницами. Черты лица были правильныя. Прямой носъ и короткій подбородокъ выражали силу характера, но ротъ имѣлъ грустное и безвольное выраженіе. Фигура у молодого человѣка была стройная.

Маленькая женщина переводила нѣсколько разъ взглядъ съ него на пожилого человѣка рядомъ съ ней, какъ бы сравнивая степень вниманія, съ которымъ оба слушали пѣніе. Можетъ быть, ей открылось что-то ужасное при этомъ сравненіи, потому что выраженіе задорной насмѣшливости исчезло съ ея лица. Она съ усталымъ видомъ опустила вѣеръ на колѣни и, опустивъ глаза, стала грустно разглядывать коверъ.

Очень высокая старая женщина, съ бѣлыми какъ снѣгъ волосами, съ благороднымъ усталымъ лицомъ, проронила нѣсколько слезъ, а у сидѣвшаго противъ нея коренастаго человѣка, съ коротко остриженными волосами цвѣта бронзы и сильно выдающейся нижней челюстью, появилось на лицѣ выраженіе гордости, когда онъ увидѣлъ слезы старой дамы.

Нѣжное сопрано продолжало пѣть итальянскую пѣсню о лѣтней ночи въ Венеціи, о звѣздахъ, темныхъ каналахъ и темныхъ дворцахъ, о зноѣ и музыкѣ, о гондольерахъ, перекликающихся на лагунахъ. Голосъ былъ очаровательный, небольшой, но гибкій и теплый. Аккомпанементъ рояля былъ робкій и неумѣлый; когда аккомпаніаторъ очень путался, голосъ пѣвицы дѣлался рѣшительнымъ и рѣзкимъ, и разъ даже прозвучалъ пронзительно. Тогда піанистъ, точно испугавшись, сталъ играть громче и быстрѣе; маленькая женщина съ черными волосами злорадно улыбнулась, сѣдая дама поднесла платокъ къ глазамъ, а молодой человѣкъ имѣлъ такой видъ, точно собирался убить кого-

нибудь. Но коренастый человѣкъ съ волосами цвѣта бронзы сохранилъ на лицѣ прежнее выраженіе гордости.

Когда звуки голоса замерли, раздались слабые аплодисменты, заглушенные отчасти громкой игрой аккомпаніатора, шумно и съ ошибками исполнившаго финалъ. Изъ второй гостиной вошла въ эту минуту женщина съ разсерженнымъ выраженіемъ лица. У нея была высокая, стройная фигура, свѣтло-каріе глаза и свѣтлые, волнистые волосы. Маленькая голова красиво сидѣла на длинной и нѣжной шеѣ. Правильныя, нѣжныя черты овальнаго лица были теперь слегка искажены гнѣвомъ. Самое замѣчательное въ ней былъ ея цвѣтъ лица; нѣжный, тепловатый тонъ кожи напоминалъ лепестки чайной розы. Въ противоположность большинству лондонскихъ свѣтскихъ женщинъ, она не прибѣгала ни къ какимъ искусственнымъ средствамъ; очаровательный цвѣтъ лица ея былъ природный. Она была молода; ей едва исполнилось двадцать-четыре года, и она потому не употребляла никакихъ косметическихъ средствъ, что считала совершенство достигнутымъ.

По внѣшности она была обаятельной сиреной, и внутреннее ея обаяніе было тоже большимъ. Но она умѣла сердиться и обнаруживала это иногда. На этотъ разъ раздраженіе ея отражалось очень ясно на ея лицѣ.

Когда она показалась въ гостиной, все общество окружило ее, шумно восторгаясь ея пѣніемъ. Только молодой человѣкъ взглянулъ ей въ лицо и ничего не сказалъ; но ея гнѣвъ отразился и на его лицѣ; оно вспыхнуло явнымъ сочувствіемъ къ пѣвицѣ. Женщина съ сѣдыми волосами крѣпко пожала руку пѣвицы, благодаря ее взволнованнымъ голосомъ, а маленькая женщина съ черными волосами и краснымъ вѣеромъ воскликнула:

— Положительно, Віола, вы точно перенесли всю Венецію къ намъ въ Лондонъ своимъ пѣніемъ.

Лэди Гольмъ слегка нахмурилась.

— Благодарю васъ всѣхъ, вы очень любезны,—сказала она, стараясь не выдавать раздраженія. Потомъ, услышавъ за собой легкій шелестъ платья, она рѣзко повернулась и очень недружелюбно посмотрѣла на шедшую за ней молодую женщину съ острымъ носомъ и въ очкахъ; у нея былъ самоувѣренный видъ и она улыбалась нѣсколько кривой улыбкой. Человѣкъ съ выдающейся нижней челюстью—это былъ лордъ Гольмъ—сказалъ ей громкимъ голосомъ:

— Благодарю васъ, миссъ Фильбертъ.

— Не за что, лордъ Гольмъ,—отвѣтила она, вся просіявъ.—

Я считаю честью аккомпанировать любительницѣ съ такимъ голосомъ, какъ у лэди Гольмъ.

Слово „любительница“ она произнесла съ особымъ удареніемъ.

Лэди Гольмъ быстро прошла дальше, на другой конецъ гостиной. Пожилой господинъ, имя котораго было сэръ Дональдъ Ульфордъ, сдѣлалъ движеніе, точно собирался пойти вслѣдъ за нею, но остановился, кашлянулъ и только проводилъ ее глазами. Лордъ Гольмъ выдвинулъ нижнюю челюсть и казался разсерженнымъ, но лэди Кардингтонъ, женщина съ сѣдыми волосами, заговорила съ нимъ мягкимъ голосомъ, и, нагнувшись къ ней, онъ сталъ отвѣчать ей въ томъ же тонѣ. Толстякъ, котораго звали м-ромъ Брэй, заговорилъ о Чайковскомъ съ м-ссъ Генри Вольфштейнъ, женщиной съ краснымъ вѣеромъ. Онъ высказывалъ свои замѣчанія очень внушительно, говоря медленнымъ и растянутымъ голосомъ и глядя на кончики своихъ ботинокъ.

Робинъ Пирсъ—такъ звали стройнаго молодого человѣка—постоялъ еще нѣсколько минутъ одинъ, а потомъ направился къ лэди Гольмъ; она сѣла на диванъ и, взявъ со столика передъ нею маленькую серебряную шкатулку, вертѣла ее въ рукахъ. Онъ сѣлъ рядомъ съ нею.

— Почему вы сами себѣ не аккомпанировали?—тихо спросилъ онъ ее.—Вы вѣдь знали, что она будетъ путать.

— Да, она ужасное существо и возмутительно играетъ. Но я не люблю сидѣть за роялемъ при пѣніи. Это имѣетъ смѣшной видъ. Стоя, я имѣю публику въ моей власти.

— И вы предпочитаете, чтобы ваше пѣніе плохо звучало, лишь бы не пожертвовать хотя бы однимъ моментомъ торжества вашей внѣшности. Вамъ важнѣе ваша красота, нежели вашъ талантъ; для васъ важно лицо, а не душа. Віола, вы все та же!

— Лэди Гольмъ, — поправила она. — Мой мужъ сердится, когда меня зовутъ по имени.

— Пусть сердится,—не все ли вамъ равно?

— Вовсе не все равно. Когда онъ чѣмъ-нибудь недоволенъ, онъ неистовствуетъ, ломаетъ вещи, и когда мнѣ удается, наконецъ, успокоить его, онъ начинаетъ усиленно заниматься комнатной гимнастикой и становится еще болѣе плотнымъ и сильнымъ. А онъ и такъ достаточно силенъ; я поэтому стараюсь поддерживать въ немъ спокойное настроеніе духа.

— Но вы не можете обязать другихъ мужчинъ сохранять душевное спокойствіе. Съ вашимъ лицомъ и съ вашимъ голосомъ...

— Дѣло не въ голосѣ,—возразила она презрительно.

Онъ грустно взглянулъ на нее.

— Почему вы придаете такое чрезмѣрное значеніе вашей внѣшности? Почему вы не хотите допустить, что три-четверти вашего обаянія зависятъ отъ чего-то иного—отъ вашей сущности—вашей души?

— Моей души?—повторила она.—Что вы, что вы, мистеръ Пирсъ! Какіе у васъ устарѣлые взгляды!

— Мистеръ Пирсъ!—раздраженно повторилъ онъ.

— Да, мистеръ Пирсъ, атташé англійскаго посольства въ Римѣ, многообѣщающій молодой дипломатъ и запоздалый идеалистъ.

— Не понимаю, какъ можно быть такой, какъ вы, и при этомъ такъ пѣть! — воскликнулъ онъ, глядя ей въ лицо. — Вы говорите, что для васъ важна только оболочка, только внѣшнее. Вы думаете, что всѣ раздѣляютъ ваши взгляды. А между тѣмъ, когда вы поете...

— Что тогда?

— Тогда въ васъ поетъ точно другая женщина, совершенно на васъ не похожая, женщина, которая вѣритъ и любитъ истинную, отвергаемую вами, внутреннюю красоту.

— Та красота, которая управляетъ міромъ, исчерпывается только внѣшностью,—сказала она, раскрывая вѣеръ и улыбаясь.— Что, еслибы вотъ это—она коснулась своего лица—стало похожимъ, скажемъ, на лицо миссъ Фильбертъ?

— Какой ужасъ!—воскликнулъ онъ.

— Ну, вотъ видите. Какъ только я привожу вамъ примѣръ, вы должны согласиться со мной.

— Нельзя пѣть, какъ вы, имѣя лицо глупой овцы.

— Бѣдная миссъ Фильбертъ! Но, предположимъ, что лицо у меня было бы изуродовано, но я бы при этомъ пѣла лучше, чѣмъ когда-либо,—кто бы сталъ меня слушать?

— Я.

— Нѣсколько минутъ. Потомъ бы вы сказали: „Бѣдняжка, она потеряла голосъ!“—Нѣтъ, увѣряю васъ, что всѣ слушаютъ только мое лицо, что только моя внѣшность создаетъ мнѣ друзей и враговъ, что только мое лицо ввело въ заблужденіе м-ра Робина Пирса, который увѣрилъ себя, что любитъ въ женщинахъ ихъ душу, ихъ внутреннее обаяніе.

— Знаете ли,—прервалъ ее Пирсъ,—вы, въ сущности, очень скромны, полагая, что всѣмъ нравится только ваша внѣшность и что ваши душевныя качества тутъ ни-при-чемъ.

— Душевныя качества помогаютъ при отсутствіи внѣшняго

обаянія,—но это только суррогатъ. Всѣ предпочитаютъ иное. Можетъ быть, я слишкомъ цинично высказываю это,—но я увѣрена, что всѣ думаютъ, какъ я.

— Какъ бы я хотѣлъ, чтобъ вы жили въ Римѣ!

— И тамъ навѣрное такъ же грубо смотрятъ на вещи. Кромѣ того, есть причины, по которымъ мнѣ и не слѣдовало бы жить въ Римѣ.

Она опять взглянула на него болѣе мягкимъ взглядомъ, и вся она казалась въ эту минуту болѣе доброй и нѣжной.

— Примиритесь съ моимъ лицомъ, Робинъ, — прибавила она.—Напрасно желать, чтобы я стала безобразна. Вѣдь этого все равно не будетъ. — Она засмѣялась. Все ея дурное расположеніе духа прошло.

— Еслибы вы, — сказалъ онъ, — еслибы вы утратили красоту, — неужели, по-вашему, никто бы не любилъ васъ ради васъ самой?

— Я этого не говорю. Нѣсколько старыхъ дамъ сохранили бы симпатіи ко мнѣ. Меня любятъ старыя дамы извѣстнаго, устарѣлаго теперь типа,—тѣ, которыя носятъ чепчики и черныя шолковыя платья въ знакъ набожности. Онѣ считаютъ меня „свѣтлымъ существомъ". И я дѣйствительно такова.

— Я никакъ не могу васъ понять. Иногда вы начинаете выясняться для меня, а потомъ вдругъ ваше лицо застилаетъ точно облакомъ вашу душу. Только когда вы поете, все для меня ясно.

Она искренно разсмѣялась.

— Бѣдный Робинъ!—сказала она.—У васъ былъ всегда этотъ недостатокъ—вы ищете глубины въ томъ, что̀ плоско, и ныряете въ воду глубиной, быть можетъ, въ полфута.

Онъ на минуту замолчалъ и, наконецъ, сказалъ:

— А что̀ же вашъ мужъ? Пытается ходить, какъ по суху, въ океанскихъ глубинахъ?

— Нечего смѣяться надъ Фрицемъ,—рѣзко сказала она.— Ему нѣтъ никакого дѣла до глубокаго и плоскаго. Онъ любитъ меня прямо до глупости, и бо̀льшаго отъ него нельзя требовать.

— А васъ это удовлетворяетъ?

Она утвердительно кивнула головой.

— Ну, а что̀ сталось бы съ вашимъ Фрицемъ, еслибы вы утратили красоту? По-вашему, и онъ разлюбилъ бы васъ, какъ другіе?

На этотъ разъ лэди Гольмъ задумалась. Лицо ея приняло слегка встревоженный видъ.

— Мужъ—дѣло другое,—медленно сказала она.—Или, во

всякомъ случаѣ, слѣдовало бы, чтобы на любовь мужа къ женѣ ничто не могло повліять.

Въ ея большихъ карихъ глазахъ мелькнуло выраженіе ужаса.

— Фрицъ,—прибавила она,—долженъ меня любить, если бы даже...

Она не докончила фразы, и оглянулась вокругъ себя въ комнатѣ. Робинъ Пирсъ тоже посмотрѣлъ на гостей, которые разговаривали, сидя или стоя въ непринужденныхъ позахъ, улыбались или равнодушно молчали. М-съ Вольфштейнъ смѣялась, и вдругъ зѣвнула среди веселаго разговора. Лэди Кардингтонъ разсказывала, повидимому, нѣчто очень трагическое мистеру Брэю, который протиралъ очки и вытягивалъ впередъ губы. Сэръ Дональдъ Ульфордъ разглядывалъ картины, висѣвшія на стѣнахъ. Лэди Манби, женщина съ цѣлой башней темныхъ волосъ на головѣ и очень плоской спиной, что-то разсказывала, очевидно, изображая въ комическомъ видѣ исторію какого-то несчастья. Жесты ея были намѣренно преувеличенные, и она представляла поочередно разныхъ людей въ комическомъ видѣ. Лордъ Гольмъ громко расхохотался, и его густой басъ наполнилъ комнату. Вдругъ лэди Гольмъ тоже разсмѣялась.

— Почему вы смѣетесь?—спросилъ Робинъ Пирсъ.—Вѣдь вы даже не слышали разсказа лэди Манби...

— Нѣтъ, но смѣхъ Фрица—такой заразительный. Я положительно вѣрю въ существованіе микробовъ смѣха. Смотрите, какъ онъ громко смѣется! Никакіе разсказы лэди Манби не могли бы такъ разсмѣшить меня, какъ видъ моего забавнаго милаго Фрица.

Лицо Робина Пирса нѣсколько вытянулось, и какъ разъ въ этотъ моментъ сэръ Дональдъ Ульфордъ, осмотрѣвшій всѣ картины по стѣнамъ, подошелъ къ дивану, на которомъ сидѣли хозяйка дома и Робинъ.

— Какой у васъ великолѣпный Кейпъ, лэди Гольмъ! Я вамъ положительно завидую.—Онъ сказалъ это уставшимъ, утратившимъ всякую звучность голосомъ.

— Ахъ, сэръ Дональдъ, я ненавижу коровъ. У меня съ ними связано тяжелое воспоминаніе дѣтства, когда корова, укушенная оводомъ, бросилась на меня. Это было ужасно, и съ тѣхъ поръ у меня искреннее желаніе, чтобы испанцы пошли еще на одинъ шагъ дальше, и убивали бы коровъ, а не только быковъ на бояхъ. Я ненавижу коровъ.

Сэръ Дональдъ сѣлъ въ кресло и посмотрѣлъ своими блѣдно-голубыми глазами прямо въ глаза лэди Гольмъ. У него было

грустное, вытянутое желтое лицо, какъ у человѣка, который долго болѣлъ. А между тѣмъ знавшіе его люди говорили, что никакихъ болѣзней онъ не переносилъ, и что внѣшность его не измѣнилась за послѣднія двадцать лѣтъ.

— Вѣдь не можете же вы ненавидѣть что-либо прекрасное,— сказалъ онъ, не совсѣмъ, впрочемъ, увѣренно.

— Коровы, по-моему, отвратительны.

— И коровы Кейпа?

— Всѣ коровы въ мірѣ. На васъ, видно, никогда не нападала корова, если вы такъ говорите.

Она взяла въ руки перчатки, лежавшія на столикѣ подлѣ нея, и стала медленно растягивать ихъ промежъ пальцевъ. Сэръ Дональдъ и Робинъ оба глядѣли на ея руки, не только прекрасныя по формѣ, но поражавшія одухотворенностью своихъ движеній. Онѣ дѣлали все красиво и твердо, безъ малѣйшаго колебанія. Никто еще не видалъ, чтобы онѣ когда-либо дрожали.

— Неужели, по-вашему, то, что̀ можетъ быть опасно въ тотъ или другой моментъ, навсегда уже становится отвратительнымъ?—спросилъ сэръ Дональдъ послѣ короткой паузы.

— Право, не знаю. Но я искренно не выношу вида коровъ.

— Не надѣвайте перчатокъ!—вдругъ воскликнулъ Робинъ.

Сэръ Дональдъ взглянулъ на него и сказалъ:

— Благодарю васъ.

— Почему?—спросила лэди Гольмъ.

Никто изъ нихъ не отвѣтилъ ей на этотъ вопросъ, считая это совершенно лишнимъ. Она положила перчатки на колѣни, разгладила ихъ своими узкими пальцами и замолчала. Молчаніе было одной изъ ея характерныхъ чертъ. Являясь въ общество, она часто подолгу сидѣла спокойно и не произнося ни слова. Поглядѣвъ на нее нѣсколько минутъ, сэръ Дональдъ сказалъ:

— Вы, навѣрное, хорошо знаете Венецію и вполнѣ понимаете ея жизнь.

— Я тамъ была. Послѣ свадьбы Фрицъ возилъ меня по всей Европѣ.

— И вы полюбили Венецію.

Сэръ Дональдъ произнесъ это не въ видѣ вопроса, а вполнѣ утвердительно.

— Нѣтъ, мнѣ тамъ не понравилось. Мы какъ разъ попали въ сезонъ москитовъ.

— Ну, такъ что̀ же?

— Милый сэръ Дональдъ, если бы у васъ тоже была дырка въ сѣткѣ надъ постелью, вы бы меня поняли. Черезъ два дня

я настояла на томъ, чтобы Фрицъ увезъ меня, и больше никогда туда не возвращалась. Я не намѣрена жертвовать моей красотой ни для чего въ мірѣ.

Сэръ Дональдъ не сказалъ ей въ отвѣтъ комплимента, какъ это собственно полагалось. Онъ только вытянулъ свои худыя руки на колѣняхъ, и сказалъ:

— Венеція—единственный идеальный городъ въ Европѣ.

— Вы забываете Парижъ.

— Парижъ—предмѣстье Лондона и Нью-Іорка,—пренебрежительно возразилъ сэръ Дональдъ.—Парижъ пересталъ быть городомъ-свѣточемъ, а сдѣлался очагомъ порнографіи и дамскихъ модъ.

— Я не знаю, что̀ такое порнографія,—можетъ быть, это новый способъ снимать моментальные фотографическіе снимки,—но я знаю толкъ въ платьяхъ, и люблю Парижъ. А въ Венеціи магазины никуда не годятся, и москиты очень больно кусаютъ. Я ненавижу Венецію.

На лицѣ сэра Дональда отразилось глубокое изумленіе, и онъ взглянулъ на Робина Пирса, какъ бы прося его разъяснить эту загадку. Но Робинъ, повидимому, былъ доволенъ объясненіями лэди Гольмъ, и сэръ Дональдъ еще болѣе нахмурился. Какъ бы для того, чтобы удостовѣриться въ чемъ-то, онъ опять сталъ разспрашивать лэди Гольмъ.

— Вы, кажется, побывали во всѣхъ европейскихъ столицахъ?—спросилъ онъ.

— Да, во всѣхъ.

— Какъ вамъ понравился Константинополь?

— Отвратительный городъ—собаки, собаки и больше ничего!

— Ну, а Петербургъ?

— Я его возненавидѣла послѣ того, какъ простудилась тамъ; мы катались съ Фрицемъ въ лодкѣ по Невѣ и слушали русскую дѣвушку, которая пѣла народную пѣсню, а послѣ этого я заболѣла.

— Вотъ какъ!—сказалъ сэръ Дональдъ.—Что̀ она пѣла? Я знаю много сѣверныхъ народныхъ пѣсенъ.

Лэди Гольмъ быстро поднялась, уронивъ перчатки на землю.

— Пойдемте, я пропою ее вамъ,—сказала она.

— Только, ради Бога, не подъ аккомпанементъ миссъ Фильбертъ!—тихо сказалъ Робинъ Пирсъ, коснувшись ея руки.

— Хорошо. Но сядьте такъ, чтобы видѣть меня.

— Не хочу,—сказалъ онъ съ неожиданнымъ упрямствомъ.

— Сумасшедшій! — возразила она. — Ну, пойдемте, сэръ Дональдъ.

Она легкими шагами направилась къ роялю, въ сопровожденіи сэра Дональда. Миссъ Фильбертъ быстро поднялась со стула, намѣреваясь пойти ей аккомпанировать; но лэди Гольмъ ледянымъ тономъ поблагодарила ее; подойдя къ роялю, она сѣла на вертящійся табуретъ и взяла нѣсколько нотъ. Лицо ея въ первую минуту было такимъ рѣшительнымъ и неумолимымъ, что м-ръ Брэй приготовился слушать нѣчто весьма трагичное: онъ не зналъ, что она думаетъ въ эту минуту о раздосадовавшей ее миссъ Фильбертъ.

Но выраженіе глазъ лэди Гольмъ скоро измѣнилось; линія рта сразу сдѣлалась болѣе мягкой, и все лицо ея приняло невинный дѣвичій видъ. Она слегка наклонилась въ сторону слушателей и стала пѣть, такъ глядя въ пространство—точно тамъ спрятанъ былъ родственный ея душѣ міръ. Въ ея пѣснѣ звучала загадочная тоска сѣвернаго пейзажа, томныхъ всплесковъ воды въ тихую лѣтнюю ночь, чувствовался широкій разливъ рѣки, по которой ѣдетъ въ лодкѣ одинокая женщина и поетъ о печали, глубокой, какъ могила, и невѣдомой никому въ мірѣ, кромѣ нея. Пѣсня была короткая, только изъ двухъ строфъ. Когда лэди Гольмъ кончила пѣть, сэръ Дональдъ, стоявшій подлѣ пѣвицы, пока она пѣла, вернулся къ дивану, гдѣ Робинъ Пирсъ сидѣлъ, закрывъ глаза, и сказалъ, продолжая апплодировать лэди Гольмъ:

— Я слышалъ эту пѣсню на Невѣ, ночью, и все-же я точно слышу ее теперь въ первый разъ.

Гости начали расходиться. Былъ уже двѣнадцатый часъ. Сэръ Дональдъ и Робинъ Пирсъ одновременно попрощались съ лэди Гольмъ. Протягивая руку сэру Дональду, она сказала:

— Скажите, сэръ Дональдъ,—вѣдь вы бывали въ Петербургѣ,—не знаете ли вы, чтò это тамъ всегда возятъ въ баркахъ внизъ по Невѣ? Что-то съ сильнымъ противнымъ запахомъ. Эта пѣсня всегда напоминаетъ мнѣ тотъ запахъ, а Фрицъ не можетъ припомнить названіе.

— Я тоже не припомню,—отрывисто отвѣтилъ сэръ Дональдъ.—Спокойной ночи, лэди Гольмъ.

Онъ вышелъ изъ гостиной вмѣстѣ съ Робиномъ.

II.

Выйдя изъ дома лорда Гольма на Кадоганъ-Скверѣ, сэръ Дональдъ и Робинъ Пирсъ пошли вмѣстѣ пѣшкомъ,—имъ обоимъ нужно было идти по тому же направленію. Они шли медленно.

Была ранняя весна; цѣлый день шелъ дождь, и воздухъ былъ влажный и теплый. Отъ земли въ скверѣ поднимался паръ,—казалось, что землю что-то придавило, и она тяжело дышетъ. Небо было темное и облачное, а воздухъ пропитанъ былъ сложнымъ запахомъ, въ который входилъ и запахъ дождя, дыма, деревьевъ и растеній, свѣжей краски на рѣшеткѣ сквера, промокшей соломы подъ окнами больного, оранжерейныхъ цвѣтовъ изъ промчавшейся по улицѣ коляски, гдѣ сидѣла дама съ букетомъ въ рукахъ. Все это составляло тяжелую атмосферу, пропитанную дыханіемъ жизни. Сэръ Дональдъ жадно вдохнулъ въ себя этотъ воздухъ.

— Лондонъ, Лондонъ!—сказалъ онъ.—Я бы узналъ его, если бы попалъ сюда слѣпой.

— Да. Запахъ Лондона несравнимъ съ запахомъ никакого другого города. Вы давно вернулись сюда?

— Уже года три. Теперь я здѣсь прочно основался, закончивъ дипломатическую карьеру. Мнѣ приходилось много путешествовать на своемъ вѣку. Изъ Копенгагена меня перевели въ Тегеранъ, потомъ въ Марокко...—и онъ остановился, не закончивъ фразы.—А теперь,—прибавилъ онъ, помолчавъ,—я провожу долгіе часы въ лондонскихъ клубахъ и гляжу изъ оконъ на улицу.

Они медленно пошли дальше.

— Вы давно знакомы съ лэди Гольмъ?—спросилъ сэръ Дональдъ Робина.

— Довольно давно. Но теперь я долго жилъ въ Римѣ, и она вышла замужъ въ мое отсутствіе.

— А я только одинъ разъ разговаривалъ съ нею до сегодняшняго вечера, хотя видалъ ее довольно часто и слышалъ много разъ ея пѣніе. Она для меня загадка,—прибавилъ сэръ Дональдъ послѣ нѣкотораго колебанія.—Я не могу ее понять.

Робинъ Пирсъ улыбнулся въ темнотѣ и засунулъ руки въ карманы пальто.

— Не знаю,—продолжалъ сэръ Дональдъ,—придаете ли вы большое значеніе красотѣ въ ея безконечныхъ и разнообразныхъ проявленіяхъ. Молодые люди обыкновенно понимаютъ и любятъ красоту.

— Я очень люблю красоту,—сказалъ Робинъ.—Мать моя итальянка, какъ вамъ извѣстно, и воспитала во мнѣ художественный вкусъ.

— Въ такомъ случаѣ, помогите мнѣ разобраться въ этой загадкѣ. Лэди Гольмъ, очевидно, любитъ и понимаетъ красоту—вѣдь не случайно же она такъ поразительно поетъ.

— Конечно, нѣтъ. Она безъ самой тщательной подготовки не выступила бы передъ жестокимъ свѣтомъ, въ которомъ живутъ и она, и мы съ вами, сэръ Дональдъ.

— Ну, да, я такъ и думалъ. Я понимаю, что она работала до тѣхъ поръ, пока не достигла вершины художественнаго совершенства, на которой уже не чувствуется намѣренность эффектовъ и получается впечатлѣніе полной непосредственности. Но въ ея пѣніи чувствуется еще нѣчто большее, чѣмъ артистическая законченность. Въ немъ сказывается темпераментъ, глубокое чувство и полное пониманіе. Вѣдь, кажется, я не ошибаюсь?

— Нѣтъ, вы правы. Когда слушаешь пѣніе лэди Гольмъ, дѣйствительно кажется, что у нея чуткая, тонко понимающая душа.

— „Кажется"?..

Сэръ Дональдъ остановился на минуту на тротуарѣ у газоваго фонаря. При падающемъ на него свѣтѣ онъ казался какимъ-то усталымъ старымъ призракомъ, которому хотѣлось бы расплыться во мракѣ лондонской ночи.

— Вы говорите „кажется",—повторилъ онъ.—Почему?

— А развѣ вы поручились бы за большую душевную чуткость лэди Гольмъ?

Сэръ Дональдъ медленно пошелъ дальше.

— Въ разговорѣ со мной она не обнаружила глубины душевной,—сказалъ онъ.

— И я тоже никогда не слышалъ отъ нея ничего глубокаго.

— Она несомнѣнно очень обаятельна. Въ ней есть нѣчто воспламеняющее воображеніе, возбуждающее ожиданія. Нѣчто большее, чѣмъ красота.

— Она считаетъ, что красота—это все. Она бы скорѣе пожертвовала голосомъ, умомъ—она вѣдь умна, въ житейскомъ и свѣтскомъ смыслѣ слова,—пожертвовала бы тѣмъ личнымъ обаяніемъ, о которомъ вы говорите, скорѣе, чѣмъ своимъ цвѣтомъ лица, напоминающимъ лепестки чайной розы, или естественными волнами своихъ волосъ.

— Неужели?

— Да, внѣшность для нея—все. Она увѣрена, что могущество, любовь и счастье—удѣлъ одной только красоты. Еще сегодня она сказала мнѣ, что мы слушаемъ пѣніе ея лица, а не ея голоса, что еслибы она пѣла точно такъ же, но была бы при этомъ уродлива, мы всѣ не стали бы ее слушать. Подумайте, какая нелѣпость!

— Каково-то ей будетъ, когда начнетъ надвигаться старость?—Въ голосѣ сэра Дональда прозвучала горькая нота.

— Она этого страшно боится,—сказалъ Пирсъ.—Но пока ей еще рано объ этомъ думать.

— Не то что другимъ... Какъ, мы уже пришли къ вашему дому?

— Сдѣлайте мнѣ удовольствіе и зайдите ко мнѣ на минутку. Еще не поздно—нѣтъ еще двѣнадцати.

— Съ удовольствіемъ.

Они вошли въ маленькую переднюю, и въ эту же минуту на лѣстницѣ, ведущей внизъ въ кухню, появился лакей.

— Вотъ, только-что принесли письмо,—сказалъ онъ, передавая письмо Пирсу.—Мнѣ сказано подать его вамъ, какъ только вы вернетесь.

— Простите, пожалуйста,—сказалъ Пирсъ сэру Дональду, разрывая конвертъ. Онъ быстро пробѣжалъ письмо.

— Васъ зовутъ куда-нибудь сейчасъ же?—спросилъ сэръ Дональдъ.

— Да, но я не пойду. Это записка отъ одного пріятеля, который живетъ въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда, въ Стратонъ-Стритѣ. Если вы ничего не имѣете противъ этого, я попрошу его придти сюда.

Робинъ сказалъ нѣсколько словъ лакею и попросилъ своего гостя подняться наверхъ.

— Но я боюсь вамъ помѣшать,—нерѣшительно сказалъ сэръ Дональдъ.

— Ничуть. Я только надѣюсь, что мой пріятель не произведетъ на васъ слишкомъ непріятнаго впечатлѣнія. Онъ странный человѣкъ и въ самомъ лучшемъ настроеніи духа, а сегодня, какъ онъ пишетъ, у него припадокъ черной тоски. Но онъ очень талантливъ. Его зовутъ Рупертъ Кэри. Вы, можетъ быть, случайно знаете его?

— Нѣтъ. Какъ у васъ здѣсь красиво!

Онъ сталъ осматриваться въ комнатѣ, гдѣ было лишь очень немного мебели. Стѣны были задрапированы сѣровато-голубымъ холстомъ, на которомъ висѣли нѣсколько старыхъ итальянскихъ картинъ въ черныхъ рамахъ. Полъ былъ устланъ восточными коврами въ блѣдныхъ тонахъ. Въ большомъ каминѣ горѣли дрова, и подъ прямымъ угломъ отъ него стоялъ большой диванъ, съ прямой спинкой, обитый тоже блѣдно-синей тканью. Противъ дивана стояло низкое кресло, тоже въ блѣдно-синихъ тонахъ. Большой рояль фабрики Стэнвея стоялъ раскрытый посреди комнаты. Нѣсколько низкихъ книжныхъ шкаповъ чернаго дерева были наполнены книгами, отчасти въ художественныхъ переплe-

тахъ, отчасти вовсе непереплетенными. На шкапахъ стояли четыре китайскія вазы въ формѣ драконовъ, наполненныя букетами гвоздики разнообразныхъ оттѣнковъ. Электрическія лампы горѣли у самаго потолка и были скрыты отъ взоровъ. Въ одномъ углу комнаты, на постаментѣ изъ чернаго дерева, стояла поразительно красивая мраморная статуэтка нагой дѣвушки—съ вѣеромъ въ рукахъ. На постаментѣ прибита была дощечка съ надписью: „Une danseuse de Tunisie".

Сэръ Дональдъ подошелъ къ статуэткѣ и нѣсколько минутъ молча разглядывалъ ее.

— Да, вы дѣйствительно любите красоту,—сказалъ онъ наконецъ.—Но знаете ли, этотъ вѣеръ придаетъ фигурѣ дѣвушки оттѣнокъ порочности.

— Да, но дѣлаетъ ее въ тысячу разъ болѣе обаятельной. Кэри сказалъ то же, что̀ вы, когда въ первый разъ увидѣлъ статуэтку. Хотѣлъ бы я знать мнѣніе лэди Гольмъ...

Они сѣли на диванъ у камина.

— Кэри могъ бы намъ это сказать,—прибавилъ Пирсъ.

— Какъ, вашъ пріятель знаетъ лэди Гольмъ?

— Онъ ее зналъ прежде. Теперь, кажется, ему отказали отъ дома у Гольмовъ. А, вотъ и онъ.

На лѣстницѣ послышались быстрые шаги, дверь раскрылась, и въ комнатѣ появился широкоплечій молодой человѣкъ средняго роста, съ рыжими волосами, огромными рыжими усами и упрямымъ взглядомъ карихъ, слегка красноватыхъ глазъ.

— Я пришелъ по вашему зову, но, кажется, буду очень непріятнымъ собесѣдникомъ сегодня,—отрывисто сказалъ онъ, взглянувъ на сэра Дональда.

— Мы васъ развлечемъ. Позвольте представить васъ сэру Дональду Ульфорду—м-ръ Рупертъ Кэри.

Кэри пожалъ руку сэру Дональду.—Очень радъ познакомиться съ вами,—сказалъ онъ.—Я возилъ вашъ томикъ персидскихъ стиховъ съ собой во время всѣхъ моихъ путешествій.

— Неужели?—съ видимымъ смущеніемъ сказалъ сэръ Дональдъ, и густая краска выступила на его провалившихся щекахъ.—Моя книга вѣдь не имѣла успѣха. Въ „Times" сказано было, что это стихи человѣка, который знаетъ толкъ, быть можетъ, въ финансахъ, но не въ поэзіи.

— Какая глупость! Вы, кажется, дѣйствительно въ теченіе своей дипломатической карьеры оказывали услуги Англіи въ финансовомъ отношеніи, но что̀ же изъ этого слѣдуетъ? Въ вашей книгѣ много недостатковъ,—это сразу видно всякому,—но все-

таки въ ней чувствуется подлинный духъ Персіи. Я разъ двадцать перечиталъ вашу книгу, хотя и сознаю ея недостатки.

Онъ опустился въ широкое кресло, и сэръ Дональдъ ясно замѣтилъ выраженіе страданія въ его большихъ некрасивыхъ глазахъ.

— Откуда вы теперь оба?—спросилъ Кэри съ почти невѣжливой прямотой.

— Мы обѣдали у Гольмовъ,—отвѣтилъ Пирсъ.

— У этого негодяя! А она, пѣла?

— Да, два раза.

— Какъ бы я хотѣлъ послушать ее! А то я теперь очутился въ роли Саула—безъ Давида. Много было народа?

— Нѣсколько человѣкъ, лэди Кардингтонъ.

— А, эта сѣдая обольстительница, Ніобея, плачущая не о своихъ дѣтяхъ,—ихъ у нея никогда не было,—а о своей молодости. А она какъ разъ теперь имѣетъ успѣхъ въ обществѣ. Тѣ, которые не обращали на нее вниманія, когда ей было шестнадцать лѣтъ, двадцать-шесть, тридцать-шесть, преклоняются передъ нею теперь, когда ей шестьдесятъ. А она еще оплакиваетъ свою юность! Кто еще былъ у нихъ?

— М-ссъ Вольфштейнъ.

— Умная, но очень грубая женщина. Я довѣряю ея сужденіямъ о театрѣ, объ искусствѣ и литературѣ, но я бы не довѣрилъ ей ни своей души, ни полкроны денегъ.

— Была еще лэди Манби.

— И, конечно, надо всѣмъ смѣялась. Она такъ переполнена юморомъ, что ничто другое въ ней не вмѣщается. Я не увѣренъ, что у нея есть легкія. А сердца или мозговъ у нея навѣрное нѣтъ.

— Но если она такъ чувствительна къ смѣшному,—сказалъ сэръ Дональдъ,—какъ же она...

— А какъ великій писатель иногда не можетъ сдѣлать простого сложенія? Какъ человѣкъ, знающій восемь языковъ, говоритъ глупости на всѣхъ нихъ? Почему птицы не ангелы? Хорошо бы знать все это. Кто же еще былъ, Робинъ?

— Былъ, конечно, м-ръ Брэй.

На лицѣ Кэри выразилось отвращеніе.

— Это одинъ изъ самыхъ законченныхъ лондонскихъ типовъ,—сказалъ онъ.—Ни въ какомъ другомъ городѣ нѣтъ людей, которые такъ бы обезцвѣчивали все на свѣтѣ, какъ Брэй. Онъ чрезвычайно уменъ и чрезвычайно противенъ. Онъ достаточно уменъ, чтобы знать, какая онъ низкая тварь, но это сознаніе

не тревожитъ его. Въ общемъ, интересная компанія для бесѣды, нечего сказать. А можетъ быть, еще лэди Гольмъ была въ дурномъ настроеніи и вы случайно сидѣли подлѣ нея, или же послѣ ухода дамъ остались въ столовой наединѣ съ Гольмомъ,—тогда я васъ еще болѣе жалѣю.

— Вы считаете Гольма неинтереснымъ собесѣдникомъ?—спросилъ сэръ Донапьдъ.

— Да, очень неинтересенъ. Онъ не въ состояніи пошевелить мозгами. Скажите, Робинъ,—вы знаете вѣдь, какъ мнѣ сегодня тяжело на душѣ, почему же вы не предлагаете мнѣ ничего выпить?

— Простите. Вотъ виски и содовая вода,—налейте себѣ стаканъ. Чтò съ вами сегодня, почему вамъ грустно?—спросилъ Пирсъ, когда Кэри поднесъ ко рту большой стаканъ виски съ содовой водой.

— Потому что я живъ, а хотѣлъ бы умереть. Кажется, достаточная причина.

— Вы неисправимый эгоистъ,—въ этомъ все ваше несчастіе, —сказалъ Пирсъ.

— Да, я эгоистъ, какъ и каждый изъ насъ.

— Ну, а женщины?

— Среди женщинъ многія, дѣйствительно, чужды эгоизма. Но сегодня вы какъ разъ обѣдали у самой несомнѣнной эгоистки во всемъ Лондонѣ.

— Вы говорите о лэди Гольмъ?—спросилъ сэръ Дональдъ, пересаживаясь въ лѣвый уголъ дивана.

— Да, о Віолѣ Гольмъ, бывшей лэди Віолѣ Грантунъ, съ которой мнѣ теперь воспрещено видаться.

— Не знаю, правы ли вы, Кэри,—сказалъ Пирсъ нѣсколько натянуто.—Развѣ истинный эгоизмъ совмѣстимъ съ любовью?

— Конечно, вѣдь и въ эгоистѣ есть животное начало.

Пирсъ сжалъ губы, и рука его, лежавшая на колѣняхъ, вздрогнула.

— По-вашему, она можетъ сильно любить?

— Очень сильно.

— Вы говорите о чувственной любви?

— Да, и о духовномъ началѣ чувственности. Безъ него нѣтъ жизни. Я увѣренъ, что есть духовное начало въ сладострастіи, въ голодѣ, во всемъ. Когда мнѣ хочется пить, то, значитъ, этого требуетъ мой духъ. Духъ Віолы Гольмъ—легкое пламя, которое потухнетъ въ часъ смерти,—сопричастенъ ея любви къ грубому, тупому мужу. И все-же она—одна изъ самыхъ несомнѣнныхъ эгоистокъ во всемъ Лондонѣ.

— Не можете ли вы объяснить намъ, на какомъ основаніи вы это утверждаете?—спросилъ сэръ Дональдъ усталымъ, слабымъ голосомъ, составлявшимъ рѣзкій контрастъ съ оживленностью Кэри.

— Она всегда помнитъ о себѣ,—отвѣтилъ Кэри,—во всевозможныхъ жизненныхъ положеніяхъ и отношеніяхъ. Даже когда она любитъ, она говоритъ себѣ: какъ красиво я люблю! Никогда, ни на одну минуту она не забываетъ о своей красотѣ и обаятельности. Еслибы ее убивали, она думала бы въ то время, какъ надъ нею заносили бы ножъ: какое привлекательное существо, какого незамѣнимаго человѣка они убиваютъ!

— Ну, что за глупости вы говорите, Рупертъ! —воскликнулъ Пирсъ, невольно разсмѣявшись однако.

— Это не глупости. Я только ясно вижу правду, и знаю, что лэди Гольмъ—обаятельная эгоистка; она любитъ только себя, и потому ей никто и не нуженъ.

— И вы хотите сказать, что всѣ женщины таковы?—воскликнулъ Пирсъ.

— Какъ я могу произносить приговоръ надъ всѣми женщинами? Я ихъ не знаю. Я никогда не былъ женатъ,—а о женщинахъ можно судить только по любящимъ женамъ, а не по любовницамъ. Французы неправы, утверждая противоположное. Для меня женщины таинственны,—какъ героиня моего царства грёзъ.

— Вы говорите большія глупости, Рупертъ.

— Какъ всегда, когда я въ дурномъ расположеніи духа. А сегодня я особенно скверно настроенъ. Я обѣдалъ въ гостяхъ и встрѣтился съ молодымъ человѣкомъ, имѣющимъ въ жизни, повидимому, одну только цѣль—умерщвлять живыя существа.

Сэръ Дональдъ взглянулъ на него.

— А вы не любите спорта, мистеръ Кэри?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, люблю, я много охотился—да проститъ мнѣ Господь—и очень любилъ охоту. Но этотъ молодой человѣкъ произвелъ на меня все-таки угнетающее впечатлѣніе. Онъ такой сильный, такой уравновѣшенный и самодовольный и, по его собственнымъ словамъ, такъ любитъ все истреблять, что мнѣ становилось не по себѣ, глядя на него. Онъ женатъ. Онъ женился на вдовѣ, которая слышитъ только черезъ слуховой рожокъ и имѣетъ огромныя помѣстья въ Шотландіи, съ великолѣпными охотничьими парками. Я увѣренъ, что онъ готовъ былъ бы подстрѣлить и свою жену ради забавы.

— Какъ зовутъ этого молодого человѣка?—спросилъ сэръ Дональдъ.

— Я не разслышалъ его фамиліи. Хозяинъ дома называлъ его Лео. Онъ...

— А! Это мой единственный сынъ.

Пирсъ нѣсколько смутился, но Кэри спокойно отвѣтилъ:

— Вотъ какъ! Удивляюсь, что онъ васъ давно не застрѣлилъ.

Сэръ Дональдъ улыбнулся.

— Васъ онъ не удручаетъ?—спросилъ Кэри.

— Удручаетъ, но не такъ сильно, какъ я его.

— Мнѣ кажется, что онъ понравился бы лэди Гольмъ.

На этотъ разъ лицо сэра Дональда ясно выразило удивленіе и недовольство.

— Я этого не думаю,—сказалъ онъ.

— Увѣряю васъ, однако, что это такъ. Люди съ развитымъ вкусомъ и тонкой душой ей не нравятся. Ея идеалъ мужа или друга сердца, которымъ можно увлечься такъ, чтобы совсѣмъ потерять голову,—это человѣкъ богатырскаго сложенія, чуждый всякаго пониманія внутренней красоты. И вашъ сынъ влюбился бы въ нее, сэръ Дональдъ. Лучше не подпускайте его къ ней. Гольмъ ревнивъ какъ чортъ.

— И безъ всякаго основанія,—сказалъ Пирсъ съ горечью.

— Конечно; но это подходитъ къ его характеру турецкаго паши. Ему бы слѣдовало имѣть дворецъ гдѣ-нибудь на Востокѣ; въ Лондонѣ, гдѣ супружеская ревность совершенно не въ модѣ, онъ нестерпимъ.

Кэри налилъ себѣ еще стаканъ виски. Сэръ Дональдъ поднялся.

— Я надѣюсь повидать васъ еще, — сказалъ онъ на прощанье Кэри. — Меня всегда можно застать въ Альбани-клубѣ.

Пирсъ и Кэри обѣщали зайти туда, и онъ тихо вышелъ изъ комнаты.

— Какой онъ впечатлительный человѣкъ! — сказалъ Кэри послѣ ухода сэра Дональда. — У него много общаго съ лэди Кардингтонъ: оба они болѣзненно сознаютъ свою старость, и страдаютъ такъ, точно старость—преступленіе. Но оба они по-своему интересны. Сынъ его ужасенъ.

— А каковы стихи сэра Дональда?

— Очень неотдѣланные, несмѣлые, но въ нихъ есть нѣчто самобытное. Я увѣренъ, однако, что онъ больше ничего не будетъ печатать. Онъ навѣрное мучится уже тѣмъ, что слишкомъ раскрылъ свою душу въ этой книгѣ. Скажите, вы знали покойную жену сэра Дональда?

— Нѣтъ.

— Отецъ ея былъ торговецъ лошадьми; она одѣвалась по-мужски, носила крахмаленные воротники и булавку въ видѣ золотой лисицы въ галстухѣ. Она пятнадцать лѣтъ отравляла жизнь Ульфорду и погибла отъ несчастнаго случая, объѣзжая лошадь въ Мексикѣ. Трудно себѣ представить болѣе неподходящую пару. Лэди Кардингтонъ и техасскій cowboy лучше бы подходили другъ къ другу, чѣмъ они. Со времени ея смерти Ульфордъ ходитъ какъ привидѣніе—все еще не можетъ придти въ себя отъ долголѣтняго кошмара. Хотѣлъ бы я видѣть его въ присутствіи сына,—прибавилъ Кэри съ злораднымъ выраженіемъ въ глазахъ.

— Вы кровожадны, какъ испанецъ, любящій бой быковъ.

— Милый мой, я самъ пострадалъ въ бою съ быкомъ.

Пирсъ замолчалъ. Онъ подумалъ о нѣжномъ цвѣтѣ лица лэди Гольмъ и о прекращеніи знакомства Кэри съ Гольмами. Никто собственно не зналъ, почему Кэри больше не бываетъ на Кадоганъ-Скверѣ.

Кэри выпилъ еще стаканъ виски и глубоко вздохнулъ.

— Когда вы возвращаетесь въ Римъ?—спросилъ онъ.

— Въ началѣ іюля.

— Вы попадете туда уже въ мертвый сезонъ.

— Я люблю Римъ въ это время. Жары я не боюсь, и люблю тишину. Древность воскресаетъ въ Римѣ тогда, когда его покидаетъ американская колонія.

Кэри пристально поглядѣлъ на него.

— Начинающій дипломатъ не долженъ жить прошлымъ,— сказалъ онъ.

— Я люблю развалины.

— Но, надѣюсь, не женщинъ-развалинъ.

— Еслибы я любилъ женщину, я бы продолжалъ ее любить, даже еслибы она превратилась въ то, что̀ называется развалиной. Я какъ разъ говорилъ объ этомъ сегодня,—конечно, въ легкомъ, салонномъ тонѣ,—съ Віолой.

— Подходящій разговоръ, чортъ возьми! И что̀ же вы ей доказывали?

— Что если любишь, то любишь ядро, а не скорлупу. Она съ этимъ не соглашалась. Ну, а вы какого мнѣнія, Кэри?

— Вотъ видите ли, по-моему, если скорлупа красива, и вдругъ разбивается, то это чертовски мѣняетъ отношеніе къ самому ядру.

— Для меня это было бы безразлично.

— Думаю, что вы ошибаетесь.

— Вы, значитъ, становитесь на сторону Віолы?

— Развѣ я когда-нибудь не былъ на ея сторонѣ? Прощайте.

Онъ всталъ, кивнулъ головой и быстро ушелъ. Пирсъ слышалъ, какъ онъ пѣлъ низкимъ голосомъ, спускаясь съ лѣстницы, и улыбнулся съ нѣкоторой ироніей.

„Какъ странно, что никто не вѣритъ человѣку, когда онъ имѣетъ глупость сказать правду о себѣ! — подумалъ онъ.— А вѣдь Кэри такъ хорошо знаетъ людей“!

III.

Когда послѣдній гость раскланялся съ лэди Гольмъ и ушелъ изъ гостиной, она стояла, опершись рукой на каминъ, и глядѣла въ большое зеркало, висѣвшее противъ нея. Она на минуту осталась одна. Мужъ ея пошелъ проводить м-ссъ Вольфштейнъ, и лэди Гольмъ слышала снизу его громкій, раскатистый голосъ, прерываемый задорнымъ тонкимъ голосомъ м-ссъ Вольфштейнъ. Она говорила по-англійски съ легкимъ иностраннымъ акцентомъ, который нравился мужчинамъ и былъ ненавистенъ женщинамъ. Лэди Гольмъ не любила м-ссъ Вольфштейнъ, какъ вообще не любила женщинъ, считая, что имъ нельзя довѣрять. Она часто говорила, что всѣ женщины лгутъ, и прибавляла, что, утверждая это, она въ видѣ исключенія говоритъ правду. Услышавъ рѣзкій смѣхъ м-ссъ Вольфштейнъ внизу, она нахмурилась. Лицо, отражавшееся въ зеркалѣ противъ нея, измѣнилось и казалось почти старымъ.

Это ее непріятно поразило. Она сохранила на лицѣ выраженіе нахмуренности и стала разглядывать внимательно свои черты, воображая себя старой женщиной, утратившей все свое теперешнее обаяніе. Въ старости вѣдь все измѣнится. Даже голосъ сдѣлается разбитымъ, дряблымъ, исчезнетъ воля, или даже если и останется, то члены и черты лица не будутъ повиноваться ея внушеніямъ. Ея столь прекрасная теперь фигура расплывется, покроется избыткомъ жира, которымъ время съ какой-то насмѣшливой щедростью надѣляетъ въ чрезмѣрномъ количествѣ, отнимая все другое. Начнется упадокъ и спускъ съ горы. Драгоцѣнные годы юности невозвратно уйдутъ.

Она разгладила морщины, снова взглянула на свое красивое лицо, и улыбнулась. Мимолетная горечь прошла. Вѣдь передъ нею было еще много лѣтъ красоты и власти надъ людьми. Она была молода, здорова, и красота ея казалась очень прочной. Она

вспомнила объ одной знаменитой актрисѣ, на которую была похожа. Актрисѣ этой было уже сорокъ-три года, но она все еще славилась своей красотой и покоряла всѣ сердца. Ее любили не только за ея талантъ, но и за очаровательный тонъ кожи, большіе романтичные глаза, густые волнистые волосы.

Лэди Гольмъ засмѣялась. Черезъ двадцать лѣтъ ея „скорлупа", по выраженію Робина Пирса, будетъ еще очаровательна, и тогда еще она сможетъ ходить, не опираясь на костыль душевныхъ качествъ,—въ эту опору она плохо вѣрила. Она знала мужчинъ, и была увѣрена, что они цѣнятъ только внѣшнюю красоту.

— Что̀ это, Ви, ты засмотрѣлась въ зеркало? Возмутительное тщеславіе! Такой дурнушкѣ, какъ ты, слѣдовало бы не глядѣть слишкомъ часто въ зеркало. Оставь это занятіе разнымъ м-ссъ Вольфштейнъ!

Лэди Гольмъ повернула лицо къ мужу и увидѣла его лукавую гримасу, всегда предшествовавшую его необузданному смѣху.

— Я считаю м-ссъ Вольфштейнъ красивой и интересной женщиной,—сказала она.

Хохотъ лорда Гольма разразился какъ бомба.

— Ты, признающая достоинства какой-нибудь другой женщины,—вотъ такъ штука! Нѣтъ, ты на это не способна. Лицемѣріе—большой порокъ, а если женщина говоритъ о красотѣ другой женщины, то она притворяется. Иначе быть не можетъ.

— Нѣтъ, я говорю правду... Глаза м-ссъ Вольфштейнъ были бы красивы, еслибы въ нихъ не было жаднаго выраженія, какъ у ростовщика.

— Ага, вотъ онъ, голосъ правды! Ну, что, ты довольна нашимъ вечеромъ? Кажется, все хорошо сошло.

Онъ сѣлъ на диванъ и вынулъ папиросу.

— Вовсе не хорошо.

Онъ скрестилъ свои длинныя ноги, откинулъ голову назадъ, на подушки, и, пуская дымъ къ потолку, удивленно сказалъ:

— Чѣмъ же ты недовольна? Всѣмъ было весело, и даже лэди Кардингтонъ только одинъ разъ всплакнула, когда ты принялась визжать.

У лорда Гольма была привычка говорить непочтительно обо всемъ, чѣмъ онъ восторгался.

— Я ее понимаю. Было отъ чего заплакать. Аккомпанементъ миссъ Фильбертъ былъ истинной катастрофой. Я никогда больше ее не приглашу.

— А что̀? Мнѣ казалось, что она чрезвычайно бы́стро перебираетъ клавиши пальцами.

— И беретъ при этомъ всегда не тѣ ноты.

Віола встала и пересѣла къ мужу.

— Вѣдь ты, Фрицъ, не понимаешь музыки, слава Богу,— сказала она.

— Я знаю, что не понимаю. Но почему же слава Богу?

— Потому что тѣ, которые понимаютъ музыку, обыкновенно такіе безкровные, хрупкіе; они похожи на стриженыхъ пуделей съ бантиками въ волосахъ, по случаю праздника.

— Ну, а Пирсъ понимаетъ всѣ эти музыкальныя тонкости?

— Робинъ?

— Я сказалъ: Пирсъ.

— А я сказала: Робинъ.

Лордъ Гольмъ нахмурился. Когда его что-нибудь злило, онъ всегда принималъ видъ борца, состязающагося на призъ. Его выдающіяся скулы и крупный мясистый подбородокъ способствовали этому впечатлѣнію.

— Послушай, Ви,—сказалъ онъ сердито:—не дѣлай глупостей, не то повторится та же исторія, какъ съ Кэри. Я тебя предупреждаю. Я не какой-нибудь Бренфортъ или Пенисфордъ, чтобы спокойно сносить...

— Какъ жаль, что при твоемъ крупномъ сложеніи у тебя такой неразвитой умъ! — мягко перебила она его. — Нельзя ли упражнять умственныя способности при помощи комнатной гимнастики?

— У меня совершенно достаточно ума для того, чтобы не быть въ жизни дуракомъ. Думай обо мнѣ, что̀ хочешь, но предупреждаю тебя, что я выгналъ бы Пирса, какъ выгналъ Кэри, еслибы могъ предположить...

— А что̀, еслибы я этого не допустила? — сказала она измѣнившимся, холоднымъ и рѣзкимъ тономъ. Мужъ ея съ удивленіемъ взглянулъ на нее. — Что̀, еслибы я не позволила тебѣ очутиться вторично въ смѣшномъ положеніи?

— Ничего смѣшного въ моемъ поступкѣ не было. Не вздумаешь ли ты утверждать, что Кэри не былъ въ тебя влюбленъ?

— Половина Лондона влюблена въ меня. Я одна изъ самыхъ привлекательныхъ женщинъ — это вѣдь общеизвѣстный фактъ. Иначе почему бы ты женился на мнѣ?

— Кэри—оселъ и негодяй, какъ всѣ рыжіе. Я зналъ одного человѣка въ...

— Слыхала, слыхала. Ты мнѣ уже говорилъ объ этомъ, когда отказалъ отъ дома м-ру Кэри. Но у Робина черные волосы, и онъ очень обходительный дипломатъ.

— Но я ему не довѣряю.

— Онъ этого и не добивается. Онъ слишкомъ уменъ, чтобы желать невозможнаго.

— Въ такомъ случаѣ, пусть перестанетъ добиваться твоей любви.

— Ты, положительно, оскорбляешь меня, Фрицъ. Ты ведешь себя не по-джентльменски.

Лордъ Гольмъ въ раздраженіи прокусилъ свою папироску.

— Иногда мнѣ хотѣлось бы, чтобы ты была уродлива,— пробормоталъ онъ.

— А что, еслибы это дѣйствительно такъ случилось?—Она оживленно вытянулась вся впередъ на диванѣ, ожидая отвѣта, и не имѣла въ эту минуту свой обычный видъ избалованнаго ребенка.—Что, еслибы я сдѣлалась уродливой женщиной,—повторила она,—какія бы у тебя были чувства ко мнѣ?

— Какъ это ты можешь сдѣлаться уродливой?

— Господи, можетъ быть тысяча случайностей. Я могу заболѣть оспой и остаться изуродованной на всю жизнь, или обварить лицо кипяткомъ, какъ это часто случается съ дѣтьми бѣдняковъ, или меня могутъ облить сѣрной кислотой, какъ часто обливаютъ женщинъ въ Парижѣ. И мало ли что еще можетъ случиться!

— Что за глупости! Кому можетъ вздуматься облить тебя сѣрной кислотой, хотѣлъ бы я знать!

Онъ закурилъ новую папиросу. Лэди Гольмъ начинала нѣсколько раздражаться, и это было замѣтно по ея лицу.

— Да напряги хоть немножко свое воображеніе! — рѣзко сказала она.—Я очень прошу, чтобы ты себѣ представилъ меня уродливой. Ты слышишь, я настаиваю на этомъ. Представь себѣ, что я была бы той же женщиной, съ тѣмъ же сердцемъ, чувствами и желаніями, совершенно такая же, какъ теперь, только съ другимъ—уродливымъ лицомъ. Ты продолжалъ бы любить меня попрежнему? Ты ревновалъ бы меня, какъ теперь?

— Подожди, подожди, дай подумать. Ты была бы уродлива, какъ кто?

— Очень уродлива, — хуже, чѣмъ миссъ Фильбертъ.

— Миссъ Фильбертъ вовсе не такъ ужасна.

— Нѣтъ, она ужасна, ты самъ это знаешь. Но представь себѣ, что я была бы еще хуже: съ багровымъ цвѣтомъ лица, ну, скажемъ, вродѣ м-ссъ Армингтонъ, съ которой мужъ хотѣлъ развестись, или со сломаннымъ носомъ, съ какимъ-нибудь страшнымъ шрамомъ на щекѣ. Могъ ли бы ты любить меня

попрежнему, если бы я при этомъ оставалась такой же, какъ теперь?

— Я полагаю, что мнѣ бы это было безразлично.—А теперь пора идти спать.

Лордъ Гольмъ всталъ, подошелъ къ камину, въ которомъ еще горѣло нѣсколько полѣнъ дровъ, разставилъ ноги, согнулъ и вытянулъ нѣсколько разъ колѣни, засунувъ руки въ карманы панталонъ. На лицѣ его было выраженіе полной удовлетворенности, когда онъ взглянулъ на жену и лукаво прищурилъ глаза. Его крупныя черты расширились, и полныя красныя губы раскрылись подъ короткими русыми усами, обнаруживая рядъ ровныхъ зубовъ.

— Чертовски трудно представить себѣ тебя уродомъ!—сказалъ онъ, расхохотавшись.

— Да стой же ты спокойно,—сказала лэди Гольмъ,—и отвѣчай прямо: любилъ ли бы ты меня, какъ теперь?

— А тебѣ было бы очень больно, еслибы я разлюбилъ тебя, не правда ли?

— Ты возмутительно самонадѣянъ,—сказала она съ нѣкоторымъ раздраженіемъ.

— Не больше всякаго англичанина, который къ чему-либо пригоденъ въ жизни.

Онъ вынулъ одну руку изъ кармана, провелъ ею по щекѣ и зѣвнулъ. Въ эту минуту онъ казался просто безпечнымъ, чуждымъ всякаго фатовства, человѣкомъ съ непосредственными чувствами и страстями.

Лэди Гольмъ молча смотрѣла на своего мужа. Ее дѣйствительно раздражало его полное равнодушіе къ интересовавшему ее вопросу, и ей было досадно, что любопытство ея не удовлетворено. Но его простодушный видъ, въ которомъ ясно сказывалось безсознательное животное начало, вернулъ ей хорошее настроеніе духа. Она любила Фрица именно такимъ, и почувствовала теперь нѣжность къ нему.

— Пора спать, старушка,—сказалъ онъ, потягиваясь.

Въ эту минуту открылась дверь и вошелъ лакей, чтобы затушить электричество и закрыть рояль. Онъ нечаянно такъ быстро опустилъ крышку рояля, что она захлопнулась съ громкимъ шумомъ. Лэди Гольмъ, которая только-что поднялась, чтобы пройти въ спальню, вздрогнула. Она ничего не сказала, но съ такимъ холоднымъ укоромъ взглянула на слугу, что тотъ покраснѣлъ. Лордъ Гольмъ уже поднимался по лѣстницѣ и громко зѣвалъ, направляясь къ себѣ. Лэди Гольмъ медленно послѣдо-

вала за нимъ, маленькими, частыми шагами, составлявшими особенность ея походки. Шлейфъ ея синяго платья мягко шелестѣлъ по ковру. Когда ея французская камеристка заперла въ шкапъ ея брилліанты и помогла ей снять вечерній туалетъ и накинуть пеньюаръ, она ее отпустила и позвала лорда Гольма, который былъ въ сосѣдней комнатѣ.

— Фрицъ,—сказала она,—поди сюда!

Онъ появился не сразу. Изъ сосѣдней комнаты слышенъ былъ еще нѣсколько времени шумъ и плескъ воды. Лэди Гольмъ сѣла на кушетку подлѣ постели. Она закуталась въ мягкое бѣлое платье, сшитое вродѣ бурнуса; оно было дѣйствительно настоящее арабское, съ бѣлымъ капюшономъ сзади. Поднявъ вверхъ руки, она натянула капюшонъ на голову. Бурнусъ чрезвычайно ее молодилъ. Она всунула голыя ноги въ туфли безъ задковъ и сѣла, поджавъ ноги по восточному; и выраженіе полной безмятежности на ея лицѣ соотвѣтствовало костюму и позѣ. Противъ нея было длинное зеркало, и она стала качаться съ боку на бокъ, глядя въ него.

— Аллахъ-Акбаръ!—пробормотала она.—Аллахъ-Акбаръ! Я фаталистка. Все предначертано, чего же мнѣ безпокоиться? Я буду жить для минуты. Аллахъ-Акбаръ, Аллахъ-Акбаръ!

Изъ сосѣдней комнаты послышался звукъ воды, льющейся изъ стакана, опрокинутаго въ полную умывальную чашку, и въ спальнѣ появился лордъ Гольмъ съ освѣженнымъ водой лицомъ. Лэди Гольмъ перестала покачиваться.

— У тебя видъ двѣнадцатилѣтней дѣвочки въ этой штукѣ,— сказалъ онъ, глядя на нее.

— А между тѣмъ я взрослая женщина съ своимъ собственнымъ философскимъ міросозерцаніемъ,—отвѣтила она съ нѣкоторой важностью.

— Это еще чтò такое?

— Ты вѣдь мало чему учился въ Итонѣ и въ Christchurch,— и потому ничего не смыслишь въ философіи.

— Я научился пользоваться, когда нужно, кулаками и покорять женщинъ.

— Ты циникъ! — воскликнула она безъ всякаго философскаго спокойствія.

— И поэтому-то ты меня любишь,—отвѣтилъ онъ ровнымъ голосомъ.—И поэтому я имѣлъ успѣхъ у женщинъ съ шестнадцати лѣтъ.

У лэди Гольмъ былъ дѣйствительно возмущенный видъ. Лицо ея судорожно передернулось. Она была одной изъ тѣхъ женщинъ, которыя способны ревновать къ прошлому.

— Зачѣмъ ты говоришь мнѣ о своихъ прежнихъ побѣдахъ?— сказала она.—Ты меня оскорбляешь этимъ.

— Но вѣдь съ тѣхъ поръ, какъ я тебя полюбилъ, другія женщины для меня не существуютъ. Ты подумай, что̀ бы ты сама сказала, если бы такой молодой человѣкъ, какъ я, жизнерадостный и полный силъ, никогда бы... ну, хорошо, я не буду продолжать. Но повѣрь, что ты бы никогда не обратила на меня вниманія, если бы я былъ тихоней, чуждающимся женщинъ.

— Да я и не знаю, за что собственно я полюбила тебя.

— А для меня это ясно.—Я самый подходящій для тебя мужъ. Ты фантазёрка, и тебѣ нуженъ сильный и трезвый человѣкъ, чтобы сдерживать твои порывы. Если бы ты вышла замужъ за этого осла Кэри, или...

— Фрицъ, не ругай, пожалуйста, всѣхъ моихъ друзей. Я позволила тебѣ поступить такъ, какъ тебѣ хотѣлось съ Рупертомъ Кэри, но я не позволю оскорблять Робина Пирса, или кого-либо другого. Пойми, пожалуйста, что я вышла замужъ, чтобы быть болѣе свободной, а не...

— Ты вышла за меня замужъ, потому что влюбилась въ меня, вотъ почему.—А теперь тебѣ пора спать. Какъ—ты не хочешь?—Онъ сдѣлалъ быстрый шагъ по направленію къ ней, и прежде чѣмъ она могла опомниться, взялъ ее на руки и снесъ на постель. Она вздумала-было протестовать, но было поздно. Туфли ея упали на полъ, капюшонъ бурнуса надвинулся на глаза; она покорилась своей участи. Лордъ Гольмъ не задавался вопросомъ о томъ, что̀ она чувствуетъ и почему чувствуетъ именно такъ, а не иначе; онъ думалъ только о себѣ, и это — лучшій способъ покорять другихъ своей волѣ.

IV.

Робинъ Пирсъ и Рупертъ Кэри были давнишними пріятелями. Они нѣсколько времени вмѣстѣ учились въ Гарроу. У Пирса было шесть тысячъ фунтовъ годового дохода, но онъ все-же усердно работалъ за сравнительно небольшое вознагражденіе. Кэри имѣлъ тысячу фунтовъ въ годъ, и ничего не дѣлалъ. У него были очень разнообразные таланты. Онъ хорошо игралъ на роялѣ, проявлялъ истинное сценическое дарованіе—большее, чѣмъ у многихъ профессіональныхъ актеровъ, писалъ недурные, оригинальные по настроенію стихи. Но у него ни въ чемъ не было выдержки. Онъ былъ строгій критикъ относительно другихъ,

но всегда очень чутко подмѣчалъ всякое проявленіе истиннаго дарованія. Неумѣлость во всякомъ дѣлѣ была для него хуже всякаго преступленія. Внутренно онъ себя презиралъ за свою лѣнь, которая казалась ему самому какой-то позорной неизлечимой болѣзнью. Ему было уже тридцать-четыре года, и онъ чувствовалъ, что ничего путнаго не сдѣлаетъ въ жизни. Онъ объѣздилъ весь міръ, много видалъ, начиналъ множество предпріятій, но все сейчасъ же забрасывалъ. У него были очень большія знакомства въ обществѣ и въ артистическихъ кругахъ. Его всѣ любили, несмотря на рѣзкость его обращенія, и считали очень талантливымъ человѣкомъ. Онъ иронически говорилъ, что нарочно ничѣмъ не проявляетъ своихъ талантовъ, чтобы не обнаружить своей несостоятельности. Его мать, вдова, жила на сѣверѣ Англіи, въ старомъ родовомъ помѣстьи, неподалеку отъ Кумберлэнда. Его единственная сестра была замужемъ въ Америкѣ.

Пирсъ совершенно не походилъ на своего пріятеля по характеру. Онъ казался болѣе мечтательнымъ, но былъ гораздо энергичнѣе, чѣмъ Кэри, меньше говорилъ и больше дѣлалъ. Онъ всегда мечталъ объ успѣхахъ на дипломатическомъ поприщѣ, и во многихъ отношеніяхъ былъ дѣйствительно пригоденъ для дипломатической карьеры. У него былъ несомнѣнный талантъ къ языкамъ, умѣнье держаться, самообладаніе, большая выдержка и прозорливость. Онъ любилъ жить въ чужихъ странахъ, присматриваться къ новымъ людямъ. Въ общемъ онъ былъ вполнѣ доволенъ своимъ положеніемъ въ Римѣ. Ему пріятно было жить тамъ. Имѣя много связей черезъ мать, римскую уроженку, онъ предпочиталъ римлянъ лондонскому обществу. Его отецъ и мать жили почти всегда въ большихъ отеляхъ. Отецъ, обладавшій огромнымъ состояніемъ, былъ настоящій malade imaginaire, постоянно жаловался на свои болѣзни и вѣчно лечился, хотя былъ совершенно здоровъ. Его друзья съ годами увѣровали въ его необычайно опасныя болѣзни, и жалѣли „бѣднаго сэра Генри Пирса, вся жизнь котораго — сплошное мученичество“. Но жалѣть слѣдовало бы не сэра Генри, а его жену, которая дѣйствительно была мученицей, подчинявшейся его капризамъ. Никто не могъ бы сказать, знала ли лэди Пирсъ, или нѣтъ, что мужъ ея въ сущности совершенно здоровъ. Она никому не открывала свою душу. Въ настоящее время родители Робина были на водахъ въ Германіи, откуда собирались на Nachkur въ Швейцарію, а потомъ на осень въ Италію. Такъ какъ они никогда не жили въ Лондонѣ, то у Робина не было тамъ настоящаго дома; пріѣзжая въ Лондонъ, онъ жилъ одинъ въ маленькомъ до-

никѣ на Half Moon Street'ѣ. У него былъ братъ — одинъ изъ лучшихъ игроковъ въ поло, и сестра, вышедшая замужъ за начинающаго американскаго политическаго дѣятеля.

Робинъ Пирсъ и Кэри сравнительно рѣдко видались, такъ какъ обыкновенно ихъ раздѣляло много миль пространства; но они всегда рады были другъ другу при встрѣчахъ. Кэри не стѣснялся проявлять свой буйный нравъ передъ спокойнымъ молодымъ секретаремъ посольства, который былъ на три года моложе его, но казался старше именно вслѣдствіе своей сдержанности. Онъ даже давалъ ему понять намеками о своихъ истинныхъ чувствахъ къ лэди Гольмъ, хотя и не давалъ болѣе подробныхъ объясненій ни ему, ни кому-либо другому. Иногда Робину хотѣлось ничего не знать о чувствахъ Кэри, потому что онъ самъ сильно увлекался лэди Гольмъ и дѣлалъ ей предложеніе, но она его отвергла, и во время его пребыванія въ Римѣ вышла замужъ за лорда Гольма. Робинъ восторгался ея красотой, но ему казалось, что онъ любитъ ее не за ея внѣшность. Онъ былъ увѣренъ, что полюбилъ въ ней ея скрытую отъ всѣхъ— даже отъ Кэри—душу, и думалъ, что даже сама лэди Гольмъ не знаетъ о томъ, что въ ней скрыто, и что проявлялось въ ея пѣніи, или же иногда въ выраженіи глазъ, когда лицо ея становилось серьезнымъ, или же въ какомъ-нибудь движеніи. Робинъ вѣрилъ въ то, что линіи лица выражаютъ характеръ, отражаютъ душу. Въ разговорѣ лэди Гольмъ онъ души ея не чувствовалъ. Ему казалось, что ея скрытая сущность какъ бы затемнена красивымъ окномъ, — ея красота ему именно представлялась какъ окно изъ прекраснаго расписаннаго стекла, украшенное драгоцѣнными камнями, но скрывающее то, что за нимъ. И черезъ это окно она была осуждена глядѣть всю жизнь, черезъ него же всѣ глядѣли на нее. Иногда Робину дѣйствительно хотѣлось, чтобы лэди Гольмъ стала уродлива; ему казалось, что, быть можетъ, тогда въ ней проявится ея скрытая душа, что тогда ее можно будетъ видѣть сквозь чистое, прозрачное стекло. Ему казалось, что любовь его стала бы еще болѣе сильной, если бы прекрасная маска не отвлекала его отъ скрывающейся за ней болѣе прекрасной сущности. Эта мысль превратилась у него въ своего рода idée fixe, о которой онъ никому не говорилъ, чтобы не казаться смѣшнымъ. Онъ чувствовалъ въ себѣ способность къ романтическимъ поступкамъ, къ геройству и самопожертвованію, чувствовалъ въ себѣ нѣчто донъ-кихотовское, пламенность, которая должна была бы покорять сердца женщинъ, и былъ увѣренъ, что только одна лэди Гольмъ могла бы пробудить въ немъ эти спящія въ немъ силы.

они слышатъ чарующій звонъ колоколовъ въ часъ заката, скользятъ по золотистымъ струямъ въ легкихъ гондолахъ; — а когда она говорила о Венеціи, въ ея словахъ слышался только голосъ проголодавшихся москитовъ, набрасывающихся на свою жертву. Которая изъ двухъ Венецій была подлинная? Которая изъ двухъ натуръ въ лэди Гольмъ была ея настоящей натурой?

V.

На слѣдующій день—очень теплый и сырой—лэди Гольмъ поѣхала на Бондъ-Стритъ, купила двѣ новыя шляпы, заѣхала показать руку новому модному хироманту, называвшему себя „Купидономъ", заглянула въ женскій клубъ и отправилась къ м-ссъ Вольфштейнъ, которая пригласила ее къ завтраку. Лэди Гольмъ не любила м-ссъ Вольфштейнъ, какъ не любила всѣхъ женщинъ вообще, но не могла отдѣлаться отъ ея приглашенія. Услыхавъ, какъ Віола сказала лэди Кардингтонъ, что она свободна въ этотъ день до четырехъ часовъ, м-ссъ Вольфштейнъ тотчасъ же поймала ее на словѣ и позвала завтракать. Помимо антипатіи, лэди Гольмъ чувствовала нѣкоторый страхъ передъ м-ссъ Вольфштейнъ. Она хорошо говорила и любила проявлять свое разговорное искусство въ ущербъ другимъ присутствующимъ, даже своимъ же гостямъ. При ней лэди Гольмъ казалась сама себѣ иногда глупой, и даже чувствовала иногда, что умно разговаривающая женщина можетъ иногда произвести большее впечатлѣніе, нежели только красивая, но не обладающая краснорѣчіемъ. Потомъ лэди Гольмъ забывала это впечатлѣніе, но оно не увеличивало ея пріязни къ м-ссъ Вольфштейнъ.

М-ссъ Вольфштейнъ хотя и не принадлежала къ самому избранному лондонскому обществу, но имѣла много связей во всѣхъ кругахъ: среди завсегдатаевъ скачекъ, въ финансовыхъ кругахъ, а также среди многочисленныхъ родовитыхъ англійскихъ семей, которыя льнутъ къ денежной аристократіи. Она также имѣла много знакомыхъ среди артистовъ. Она часто приглашала гостей,—большей частью устраивая пріемы въ модныхъ ресторанахъ. У нея бывало много иностранцевъ, французовъ и нѣмцевъ, и обычной темой разговора была ругань всего англійскаго—искусства, литературы, лондонской кухни. М-ссъ Вольфштейнъ была, по всей вѣроятности, восточнаго происхожденія, а иногда говорила и вела себя такъ странно, что возникалъ вопросъ, не была ли она когда-то, прежде чѣмъ стать Амаліей Вольфштейнъ, гдѣ-нибудь на Востокѣ очень сомнительной особой.

Мужъ ея былъ ужасенъ съ виду—маленькій, тщедушный, лысый, съ большими оттопыренными ушами, съ посинѣвшими отъ слишкомъ частаго бритья щеками. Онъ казался суетливымъ и нѣсколько растеряннымъ, но за этой внѣшностью, какъ говорили, скрывалось дьявольское коварство. Говорили также, что онъ сильно кутилъ, тратя на это огромныя деньги. У Вольфштейновъ было двое дѣтей, мальчикъ и дѣвочка, одиннадцати и двѣнадцати лѣтъ, маленькіе, похожіе на лягушекъ и очень дерзкіе. Они говорили на трехъ языкахъ, и ихъ выпуклые глаза казались больными отъ чрезмѣрнаго умственнаго напряженія.

Домъ Вольфштейновъ на Курзонъ-Стритѣ былъ некрасивъ. Повидимому, ни м-ссъ Вольфштейнъ, ни ея мужъ, финансистъ и устроитель крупныхъ акціонерныхъ обществъ, не обладали вкусомъ. Комнатъ было много, но всѣ онѣ были крайне неуютны и некрасивы. Въ обстановкѣ преобладали шоколадный и желтый цвѣта; въ комнатахъ было слишкомъ много темныхъ ковровъ и массивныхъ столовъ. Большая передняя съ колоннами, арками, расписанными голубой краской и золотыми звѣздами, была очень безвкусна. Прямо противъ входныхъ дверей висѣла огромная картина, изображавшая груду битой дичи и рядомъ съ ней ружье и кожаныя гетры.

Дверь открывали два лакея огромнаго роста, съ желтыми и измученными лицами. Одинъ изъ нихъ провелъ лэди Гольмъ наверхъ въ гостиную, имѣвшую видъ салона въ отелѣ. Въ ожиданіи хозяйки, лэди Гольмъ сѣла на коричневый съ желтыми разводами диванъ, у стола, на которомъ лежало нѣсколько книгъ и разрѣзные ножи. Минутъ черезъ пять въ комнату вошла м-ссъ Вольфштейнъ, очень нарядная, въ синемъ платьѣ съ краснымъ и похожая не то на восточную женщину, не то на испанку.

— Здравствуйте, дорогая моя! — сказала она, взявъ руку лэди въ свою, унизанную необыкновенно широкими кольцами.— А я должна покаяться передъ вами... Какая прелестная шляпа!

Лэди Гольмъ была увѣрена, что признаніе будетъ заключать въ себѣ непріятность, но она спокойно сказала нѣсколько томнымъ голосомъ, которымъ обыкновенно говорила съ женщинами:

— Въ чемъ дѣло? Я готова выслушать вашу исповѣдь.

— Завтракъ, на который я васъ пригласила, состоится въ Карльтонъ-отелѣ.

Лэди Гольмъ это было скорѣе пріятно. Въ Карльтонъ-отелѣ можно интересно провести время.

— И на завтракъ приглашены только женщины, — прибавила м-ссъ Вольфштейнъ.

На лицѣ лэди Гольмъ ясно отразилось ея разочарованіе.

— Я такъ и знала, что вы будете въ ужасѣ, — продолжала м-ссъ Вольфштейнъ. — Вы считаете всѣхъ женщинъ скучными, и это дѣйствительно правда. Но я не могла отказать себѣ въ удовольствіи залучить васъ хоть хитростью въ нашу женскую компанію. Объ этомъ будетъ говорить весь Лондонъ. Вы меня простите?

— Конечно.

— А вы выдержите такое испытаніе?

У лэди Гольмъ былъ нерѣшительный видъ.

— Я вамъ скажу, кто будетъ: лэди Кардингтонъ, лэди Манби, м-ссъ Трентъ — вы ее знаете? У нея видъ испанки, она дважды разведена и одѣвается всегда въ красное. Затѣмъ, Салли Персиваль, миссъ Бернсъ и Пимпернель Шлей.

— Пимпернель Шлей? Это кто такая?

— Американская актриса, которая выступаетъ во всѣхъ неприличныхъ новыхъ пьесахъ. Какъ только въ Парижѣ играютъ пьесу, которую мы ѣздимъ смотрѣть изъ Лондона, — одну изъ пьесъ, гдѣ непремѣнно появляются на сценѣ какіе-нибудь иностранные принцы и великіе князья, — она сейчасъ же ставитъ эти пьесы. Конечно, чрезмѣрныя вольности въ словахъ она выбрасываетъ, но своей игрой возстановляетъ все выпущенное. Американская молодежь безъ ума отъ нея. Она теперь будетъ здѣсь играть.

— Вотъ какъ!

Голосъ лэди Гольмъ не звучалъ очень одобрительно, но м-ссъ Вольфштейнъ не замѣтила этого, или не хотѣла замѣтить. Она весело болтала всю дорогу до отеля. Тамъ, въ пальмовомъ саду, онѣ уже застали лэди Кардингтонъ, сидѣвшую въ креслѣ съ трагическимъ видомъ и имѣвшую видъ уставшей отъ царственныхъ заботъ императрицы. Оркестръ игралъ за стеклянной перегородкой, отдѣлявшей большую столовую отъ сада, гдѣ собралось нѣсколько людей, поджидавшихъ своихъ знакомыхъ или просто убивавшихъ время разглядываніемъ публики. Среди нихъ былъ высокій, широкоплечій молодой человѣкъ съ круглымъ лицомъ, презрительными голубыми глазами и слегка надутыми губами. Онъ былъ изящно одѣтъ, но въ покроѣ его платья, въ фасонѣ галстуха былъ слишкомъ спортсменскій отпечатокъ. Онъ сидѣлъ подлѣ самаго оркестра, слегка откинувъ назадъ свой зеленый стулъ, и курилъ папиросу.

Въ то время, какъ м-ссъ Вольфштейнъ и лэди Гольмъ подошли поздороваться къ лэди Кардингтонъ, появились вдвоемъ Салли Персиваль и м-ссъ Трентъ, а почти непосредственно за ними лэди Манби.

Салли Персиваль была очень хорошенькая женщина; она проводила почти все свое время въ томъ, что ѣздила на скачки, играла въ азартныя игры и выѣзжала на вечера и балы. Она казалась очень хрупкой и слабой, а между тѣмъ ни разу не болѣла, несмотря на свой утомительный образъ жизни. Она была образована, но не интеллигентна, отлично ѣздила верхомъ, плавала, объѣздила весь міръ со своимъ мужемъ—красивымъ, но до нельзя глупымъ и неразвитымъ человѣкомъ. М-ссъ Трентъ была женщина высокаго роста, очень образованная и величественная; у нея были сверкающіе глаза, какъ у испанки, и она говорила теплымъ контральто. Она гордилась тѣмъ, что, по общему мнѣнію, у нея былъ чисто мужской умъ, а враги ея говорили, что и по своему буйному нраву она тоже могла бы поспорить съ любымъ мужчиной.

Лэди Манби имѣла смѣшное лицо, слегка напоминавшее по формѣ чайникъ, и весь міръ ей почему-то представлялся въ каррикатурномъ видѣ. Когда заходилъ разговоръ о войнѣ, въ ея воображеніи сейчасъ же возникали образы какихъ-нибудь толстыхъ полковниковъ, питающихся крысами, или фельдмаршаловъ, застигнутыхъ врагомъ въ ночныхъ рубашкахъ, или простыхъ солдатъ, принужденныхъ чинить сами свое платье и исполнять разныя женскія работы. Все въ общественной жизни ее потѣшало: судъ—своей торжественностью („ложь въ парикахъ“, по ея выраженію), политическій міръ—своими интригами. Лордъ-канцлеръ въ парадномъ мундирѣ казался ей самымъ забавнымъ явленіемъ въ очаровательно-смѣшномъ мірѣ. Она принуждена была однажды выйти изъ церкви, гдѣ сто колоніальныхъ епископовъ пѣли торжественный гимнъ, потому что ее охватилъ истерическій хохотъ среди этого торжественнаго зрѣлища.

Миссъ Бернсъ, вбѣжавшая, запыхавшись, на десять минутъ позже назначеннаго срока, была очень тонка, очень невзрачна и плохо одѣта, носила коротко остриженные волосы и была очень близорука. Она совершила много далекихъ экспедицій совершенно одна, и написала объ этомъ нѣсколько книгъ. Она жила довольно долго среди дикарей, ходящихъ нагишомъ, бывала въ хижинахъ эскимосовъ и ѣздила въ Китай, переодѣтая мужчиной. При первой встрѣчѣ въ ней видно было отсутствіе всякой аффектаціи, и ея искренность постоянно приводила ее къ

столкновеніямъ съ лгунами, составляющими такъ называемое хорошее общество.

— Я знаю, что опоздала, — сказала она, поправляя сдвинувшуюся набокъ круглую черную шляпу. — Я заставила васъ ждать. Вы изъ-за меня не садились еще за столъ. Простите.

— Нѣтъ, вы не послѣдняя,—отвѣтила м-ссъ Вольфштейнъ.— Пимпернель Шлей еще не явилась. Она живетъ тутъ же въ отелѣ, и потому, конечно, придетъ позже всѣхъ.

М-ссъ Трентъ оперлась одной рукой въ бокъ и стала дерзко оглядывать группы людей, собравшихся въ пальмовомъ саду; лэди Кардингтонъ вздыхала по обыкновенію, а лэди Гольмъ смотрѣла въ пространство отсутствующимъ взоромъ, наиболѣе отвѣчавшимъ ея настроенію въ эту минуту. Она обыкновенно чувствовала себя не на своемъ мѣстѣ въ обществѣ однѣхъ только женщинъ.

Прошло еще десять минутъ.

— Я умираю отъ голода, — сказала Салли Персиваль.—Я пріѣхала сюда изъ купальнаго клуба, гдѣ долго плавала сегодня утромъ, и теперь мнѣ пора съѣсть что-нибудь.

— Какая она, право... А, вотъ она наконецъ!—воскликнула м-ссъ Вольфштейнъ.

Много головъ въ пальмовомъ саду повернулось къ лѣстницѣ, по которой медленно спускалась женщина съ кроткимъ, чистымъ выраженіемъ лица. Широкоплечій молодой человѣкъ съ круглымъ лицомъ поднялся со стула съ заинтересованнымъ, жаднымъ видомъ, а лакеи, стоявшіе у конторки за стеклянной дверью, оглянулись, стали шептаться и потомъ, улыбаясь, разошлись каждый къ какому-нибудь изъ маленькихъ столиковъ.

Пимпернель Шлей шла одна, но съ такимъ видомъ, точно вела за собой процессію весталокъ. Она была вся въ бѣломъ, съ черной бархатной лентой вокругъ тонкой таліи, и въ большой черной шляпѣ. Ея свѣтлые волосы были причесаны гладкими бандо съ проборомъ, и она шла, опустивъ глаза. Появленіе ея было очень эффектное. Руки она держала опущенными по бокамъ, и въ одной рукѣ у нея былъ черный вѣеръ. Она была безъ перчатокъ, и на ея тонкихъ пальцахъ сверкало множество брилліантовыхъ колецъ. Приближаясь къ м-ссъ Вольфштейнъ, она стала все больше замедлять шаги, какъ бы жалѣя, что такъ скоро пришла къ мѣсту назначенія.

Лэди Гольмъ напряженно глядѣла на нее. Она сразу замѣтила, что миссъ Шлей на нее похожа и обладаетъ тѣмъ же очарованіемъ очень свѣтлыхъ блондинокъ—только еще болѣе

дѣвственнымъ. Волосы у нея были нѣсколько свѣтлѣе, глаза тоже. Цвѣтъ лица болѣе холодный, не такого теплаго тона, какъ у нея. Но сходство было несомнѣнное. Миссъ Шлей была того же роста, и лэди Гольмъ быстро оглянулась вокругъ себя. Изъ всѣхъ собравшихся здѣсь женщинъ только она и миссъ Шлей наиболѣе походили одна на другую. Удостовѣрившись въ этомъ, лэди Гольмъ испытала въ себѣ враждебное чувство къ миссъ Шлей.

Актриса шла, не поднимая глазъ, пока не подошла почти вплотную къ м-ссъ Вольфштейнъ. Тогда она остановилась, спокойно подняла глаза и сказала медленнымъ, нѣсколько дѣтскимъ протяжнымъ голосомъ:—Мнѣ нужно было остаться и присутствовать при разборкѣ сундуковъ, но я не хотѣла опоздать. Я бы ни для кого другого, кромѣ васъ, не спустилась сегодня внизъ.

Голосъ у нея былъ пріятный, ясный и юношескій, напоминавшій голосъ маленькихъ церковныхъ пѣвчихъ, и безъ всякихъ носовыхъ звуковъ, свойственныхъ американцамъ. Но въ этомъ голосѣ было что-то искусственное и неженственное.

М-ссъ Вольфштейнъ стала представлять миссъ Шлей своимъ гостямъ. Никто ее не зналъ. Она кланялась каждый разъ все съ тѣмъ же выраженіемъ весталки, и говорила каждой изъ дамъ поочередно: „Очень рада познакомиться“. Но ни на одну изъ нихъ она не подняла глазъ.

Всѣ сидѣвшіе за другими столиками обратили вниманіе на группу женщинъ, когда онѣ вошли въ столовую и усѣлись за большой столъ посреди комнаты. Лэди Кардингтонъ сѣла по одну сторону м-ссъ Вольфштейнъ, а лэди Гольмъ—по другую; рядомъ съ лэди Гольмъ сѣла м-ссъ Трентъ, а миссъ Шлей сидѣла прямо противъ нихъ. Она все время держала глаза опущенными, какъ монахиня, читающая предобѣденную молитву. Всѣ молодые люди въ ресторанѣ смотрѣли на нее съ напряженнымъ вниманіемъ, и двое изъ нихъ уже стали бросать на нее очень нескромные взгляды. У другихъ лица принимали меланхолическое выраженіе, точно ихъ внезапно охватила романтическая скорбь. Люди постарше болѣе безпристрастно судили о гостьяхъ м-ссъ Вольфштейнъ. А всѣ женщины безъ исключенія устремили взоры на шляпу лэди Гольмъ. Лэди Кардингтонъ, которая казалась чѣмъ-то глубоко удрученной, сказала, обращаясь къ м-ссъ Вольфштейнъ:

— Читали вы сегодня въ „Daily Mail“ статью, въ которой говорится объ основаніи школы, гдѣ будутъ учить только счастью?

— А кто же будетъ учителемъ?

— Какой-то человѣкъ,—фамилію я забыла.

— Да развѣ это мужское дѣло?—воскликнула м-ссъ Трентъ. —Мужчины вѣдь всегда внѣ себя, если мы чѣмъ-нибудь наслаждаемся, чего они не могутъ лишить насъ, когда захотятъ. Нѣтъ, мужчины менѣе всего способны научить счастью.

— А кто же годится для этого?—спросила лэди Кардингтонъ.

— Никто, или же ребенокъ,—и то не лондонскія дѣти,—прибавила она, взглянувъ на м-ссъ Вольфштейнъ и подумавъ очевидно объ ея дѣтяхъ.—Въ Лондонѣ ни у кого нѣтъ простоты, нѣтъ яснаго и правдиваго отношенія къ жизни.

— Я и не знала, что вы поклонница Толстого и стоите за простоту,—сказала м-ссъ Вольфштейнъ.

Разговоръ перешелъ на тему о простотѣ и утонченности, о порокахъ и добродѣтеляхъ; миссъ Шлей не принимала участія въ общей бесѣдѣ, пока м-ссъ Вольфштейнъ не обратилась къ ней съ прямымъ вопросомъ, признается ли еще въ Америкѣ добродѣтель, совершенно вышедшая изъ моды въ Англіи.

— Мы въ общемъ довольно порядочные люди въ Америкѣ,—сказала она, растягивая слова и спокойно продолжая ѣсть sole à la Colbert.—И почему не быть порядочнымъ? Кому это мѣшаетъ?

Лэди Гольмъ была странно взволнована. Она не слѣдила за разговоромъ, а только смотрѣла все время на миссъ Шлей. Она сразу замѣтила впечатлѣніе, которое актриса произвела своимъ появленіемъ. Имя ея уже успѣло долетѣть изъ Америки, и множество лондонскихъ молодыхъ людей съ нетерпѣніемъ ждали уже нѣсколько недѣль пріѣзда этой блѣдной и такой скромной съ вида „звѣзды“. Теперь, когда она пріѣхала, общій интересъ къ ней былъ очень великъ. Всѣ знали также исторію того, какъ она ловко провела какого-то своего импрессаріо, и это придавало ей еще больше пикантности, — въ особенности въ связи съ ея смиреннымъ видомъ.

Лэди Гольмъ умѣла иногда быть ясновидящей. Такъ, въ эту минуту она чувствовала всѣми своими нервами, что эта молчаливая дѣвушка, которая скромно и спокойно сидѣла за завтракомъ, произведетъ фуроръ въ Лондонѣ. Все равно, талантлива ли она, или нѣтъ. Ея успѣхъ былъ несомнѣненъ для лэди Гольмъ, когда она оглянула сидѣвшихъ за маленькими столиками мужчинъ, которые напряженно глядѣли всѣ на миссъ Шлей. Лэди Гольмъ почувствовала теперь вдвойнѣ злобу противъ актрисы—и за внѣшнее сходство съ собой, и за то, что она тоже обладаетъ

ея способностью молчать среди неугомонной болтовни свѣтскихъ кумушекъ.

— Посмотрите,—сказала м-ссъ Вольфштейнъ, нагнувшись къ ней,—вотъ тамъ сидитъ сэръ Дональдъ Ульфордъ, который тщетно пытается обратить на себя ваше вниманіе.

— Гдѣ?

Она взглянула по направленію, указанному м-ссъ Вольфштейнъ, и увидѣла сэра Дональда, сидѣвшаго противъ широкоплечаго молодого человѣка съ презрительнымъ взглядомъ голубыхъ глазъ. Оба они, повидимому, скучали.

— Кто это съ нимъ?—спросила лэди Гольмъ.

— Не знаю,—отвѣтила м-ссъ Вольфштейнъ.—Онъ похожъ на Купидона, много упражнявшагося въ комнатной гимнастикѣ. Ему только крыльевъ недостаетъ.

— Это сынъ сэра Дональда,—сказала лэди Кардингтонъ.

Пимпернель Шлей взглянула на Лео Ульфорда и снова опустила глаза.

— Лео Ульфордъ негодяй,—сказала м-ссъ Трентъ.—А если блондинъ негодяй, то онъ опаснѣе брюнета.

Всѣ женщины съ особымъ вниманіемъ посмотрѣли на Лео Ульфорда.

— Онъ красивъ,—сказала Салли Персиваль.—Но я ненавижу такихъ херувимовъ. Это въ большинствѣ случаевъ обманщики. Онъ, кажется, женатъ.

— Да,—сказала м-ссъ Трентъ,—на очень богатой и глухой наслѣдницѣ.

— Это съ его стороны очень умно,—замѣтила м-ссъ Вольфштейнъ.—Я всегда жалѣла, что не вышла замужъ за какого-нибудь слѣпого милліонера, вмѣсто моего мужа. Онъ слишкомъ зорко видитъ даже то, чего нѣтъ. Однако, у сэра Дональда и его сына, повидимому, не много чего есть сказать другъ другу.

— Развѣ вы не знаете, что семейныя чувства—самыя безмолвныя?—сказала м-ссъ Трентъ.

— Они слишкомъ глубоки для разговора,—сказала лэди Манби, вѣчно занятая отыскиваніемъ комичнаго въ жизни.—Я люблю видѣть отцовъ и сыновей вмѣстѣ, когда отцы хотятъ казаться моложе, а сыновья старше. Это ужасно смѣшно, порождая всегда неловкость въ отношеніяхъ,—какъ западно-африканскій климатъ порождаетъ лихорадку.

— Я знаю всю западную Африку наизусть,—заявила миссъ Бернсъ, качая головой и нервно работая ножомъ и вилкой,—

и никогда ничѣмъ тамъ не болѣла. Я себя отлично чувствовала въ Калабарѣ,—продолжала она.—Это было потому, что у меня была тамъ интересная работа. Я изучала нравы и привычки аллигаторовъ.

— А нравы эти очень предосудительные?—серьезно спросила лэди Манби.

— Я предпочитаю изучать нравы и привычки мужчинъ,—сказала Салли Персиваль, которую всегда окружала толпа молодыхъ спортсмэновъ.

— Мужчинъ не стоитъ изучать,—сказала м-ссъ Трентъ.—Всѣ они одинаковы—какъ бусы, нанизанныя на одинъ шнурокъ. Всѣ только тщеславны—гораздо тщеславнѣе и самонадѣяннѣе насъ. Если у женщины, напримѣръ, нѣтъ волосъ на головѣ, то она прикрываетъ этотъ недостатокъ парикомъ, а лысый мужчина совершенно не думаетъ, что это помѣшаетъ ему покорять женщинъ. Онъ не надѣваетъ парика, увѣренный, что его и такъ полюбятъ.

— И самое печальное, что его дѣйствительно любятъ,—сказала м-ссъ Вольфштейнъ.—Вѣдь люблю же я моего мужа.

Онѣ начали говорить о своихъ мужьяхъ. Лэди Гольмъ не принимала участія въ разговорѣ. Она и миссъ Шлей были единственными молчаливыми участницами дамскаго завтрака. Даже миссъ Бернсъ,—не вышедшая замужъ, какъ она утверждала, по убѣжденію,—погрузилась въ вопросъ о мужьяхъ, и стала описывать подробности брачныхъ обычаевъ у разныхъ языческихъ племенъ. Описанія ея были очень смѣлыя.

Пимпернель Шлей почти ничего не говорила. Когда одна изъ присутствующихъ дамъ обратилась къ ней съ вопросомъ объ ея мнѣніи относительно обсуждаемаго вопроса, она подняла свои блѣдные глаза и сказала голосомъ маленькаго церковнаго пѣвчаго:

— У меня нѣтъ мужа и никогда не было; я поэтому не компетентна въ этомъ вопросѣ.

— Я думаю, однако, что она можетъ судить о чужихъ мужьяхъ,—тихо сказала м-ссъ Вольфштейнъ лэди Кардингтонъ.—Эта дѣвушка надѣлаетъ много бѣдъ въ Лондонѣ.

Лэди Гольмъ отъ времени до времени посматривала на сэра Дональда и его сына. Они были такъ же неразговорчивы, какъ она. Сэръ Дональдъ продолжалъ смотрѣть по направленію стола м-ссъ Вольфштейнъ, и его сынъ также. Но глаза Лео Ульфорда были прикованы къ миссъ Шлей, а сэръ Дональдъ встрѣтился нѣсколько разъ взглядами съ лэди Гольмъ. Она почувствовала

досаду не потому, что сэръ Дональдъ смотрѣлъ на нее, а потому, что его сынъ смотрѣлъ на другую женщину.

Въ какомъ тонѣ всѣ эти женщины говорили о своихъ мужьяхъ! Лэди Кардингтонъ, которая уже давно овдовѣла, говорила о мужьяхъ, какъ о вымирающей расѣ. Она утверждала, что современныя женщины начинаютъ тяготиться институтомъ брака, и не такъ заняты мужчинами, какъ встарь. Прежде, говорила она, барышни, посѣщавшія театры, увлекались актерами, исполнявшими главныя роли,—теперь онѣ увлекаются актрисами. Кромѣ того, она указывала на примѣръ многихъ очень красивыхъ дѣвушекъ въ лондонскомъ обществѣ, которымъ за тридцать лѣтъ, и которыя не собираются выходить замужъ, хотя у нихъ нѣтъ недостатка въ поклонникахъ. Противъ мнѣнія лэди Кардингтонъ очень энергично возражала м-ссъ Трентъ, и разговоръ становился все болѣе и болѣе оживленнымъ. Многіе изъ сидѣвшихъ за сосѣдними столиками съ интересомъ прислушивались къ смѣлымъ и оригинальнымъ по большей части разсужденіямъ гостей м-ссъ Вольфштейнъ. Когда завтракъ кончился и дамы поднялись, чтобы пройти въ пальмовый садъ, пить кофе и ликеры, лэди Гольмъ очутилась непосредственно позади миссъ Шлей, которая шла спокойно, какъ благонравный ребенокъ, привыкшій, чтобы его показывали гостямъ. Ея свѣтлые волосы спущены были узломъ на ея бѣлоснѣжную шею; она шла маленькими шагами, и ея бѣлое платье тянулось за ней по ковру. Когда она прошла мимо Лео Ульфорда, шлейфъ ея платья какъ-то случайно задѣлъ его; онъ забарабанилъ пальцами по столу и открылъ ротъ, точно собираясь сказать что-нибудь.

Сэръ Дональдъ поднялся и поклонился. М-ссъ Вольфштейнъ сказала ему что-то, проходя мимо, и едва только дамы усѣлись пить кофе, какъ сэръ Дональдъ явился къ нимъ съ сыномъ. Онъ тотчасъ же подошелъ къ лэди Гольмъ.

— Вы мнѣ позволите представить вамъ моего сына, лэди Гольмъ?—сказалъ онъ.

— Конечно, я буду очень рада.

— Лео, я хочу представить тебя лэди Гольмъ.

Лео Ульфордъ поклонился нѣсколько неуклюже, и сталъ болѣе чѣмъ когда-либо похожъ на большого мальчика; на лицѣ его было тоже выраженіе, свойственное подрастающимъ мальчикамъ—внѣшняя беззастѣнчивость, прикрывающая внутреннее смущеніе.

Лэди Гольмъ ничего не сказала. Лео Ульфордъ сѣлъ подлѣ нея.

— Погода поправилась,—замѣтилъ онъ, и, подозвавъ лакея зычнымъ голосомъ, велѣлъ ему принести рюмку ликера; затѣмъ онъ закурилъ толстую папиросу и опять обратился къ лэди Гольмъ.

— Я былъ въ Сахарѣ, — сказалъ онъ,—охотился тамъ за газелями.

Онъ говорилъ очень громко и отрывисто, вѣроятно потому, что привыкъ говорить со своей глухой женой.

— Я только-что вернулся,—прибавилъ онъ.

— Вотъ какъ!—сказала лэди Гольмъ. Она сидѣла совершенно прямо на стулѣ, и замѣтила, что глаза ея собесѣдника разглядываютъ ее съ беззастѣнчивостью, поражающей даже въ человѣкѣ изъ лондонскаго общества, въ которомъ царитъ достаточная безцеремонность. Она сразу поняла по этому взгляду, каковъ Лео Ульфордъ. Но въ немъ было нѣчто общее съ лордомъ Гольмомъ, какъ въ миссъ Шлей было сходство съ нею. Переставъ наконецъ смотрѣть на нее въ упоръ, Лео Ульфордъ продолжалъ:

— Хорошо тамъ—въ Сахарѣ. Никакой скуки, никто не мѣшаетъ дѣлать, что̀ угодно. А газели—очень дикія животныя.

— Это вамъ навѣрное по душѣ,—сказала лэди Гольмъ спокойнымъ тономъ.—Вы вѣдь сами дикій человѣкъ.

Онъ на минуту изумленно поглядѣлъ на нее и сказалъ:

— Однако, вы не стѣсняетесь высказывать свои мнѣнія, лэди Гольмъ.

Онъ повернулъ голову къ миссъ Шлей, которая сидѣла на нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ, опустивъ глаза, и молча пила турецкій кофе маленькими глотками.

— Кто это?—спросилъ онъ.

— Это миссъ Пимпернель Шлей. Не правда ли, красивое имя?

— Вы находите? Она, конечно, американка? Это видно по ея самоувѣренности. Что̀ она дѣлаетъ, какая у нея профессія?

— Кажется, она играетъ—въ извѣстнаго рода пьесахъ.

Лицо Лео Ульфорда просіяло, и онъ еще больше сталъ похожъ на большого мальчика.

— Въ какого рода пьесахъ?—спросилъ онъ, улыбаясь.—Въ такихъ, какія были бы мнѣ по вкусу?

— Весьма возможно. Но я вѣдь не знаю вашихъ вкусовъ.

Она отлично знала, что̀ ему можетъ нравиться, такъ какъ въ Лондонѣ много Лео Ульфордовъ.

— Мнѣ нравится все веселое, все, въ чемъ нѣтъ пуританскаго святошества.

— Неужели вы можете предположить, что есть что-нибудь пуританское въ миссъ Шлей или въ чемъ-либо, ее касающемся?

Онъ снова взглянулъ на миссъ Шлей и потомъ на лэди Гольмъ. Улыбка на его лицѣ расплылась въ гримасу.

— Я люблю говорить съ женщинами,—сказалъ онъ, смѣясь.— Я многому у нихъ учусь,—въ особенности, когда онѣ говорятъ о другихъ женщинахъ. Кое-чему и вы меня научили.

Лэди Гольмъ не спросила его, чему. Она только видѣла, что Лео Ульфордъ больше занятъ ею, чѣмъ миссъ Шлей, и поднялась въ лучшемъ настроеніи, чѣмъ за все время завтрака.

— Не уходите!—сказалъ Лео Ульфордъ.

— Мнѣ необходимо идти.

— Уже? Вы мнѣ позволите быть у васъ?

— Вашъ отецъ знаетъ мой адресъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не уходите еще!—воскликнула м-ссъ Вольфштейнъ. Она выпила вторую рюмочку бенедиктина, и стала еще болѣе разговорчивой, причемъ ея иностранный акцентъ сказывался теперь еще сильнѣе.

— Нѣтъ, мнѣ пора.

— Я боюсь, что мой сынъ наскучилъ вамъ,—тихо сказалъ ей сэръ Дональдъ усталымъ голосомъ.

— Нѣтъ, онъ мнѣ нравится, — отвѣтила она, достаточно громко, чтобы Лео могъ ее услышать.

Сэру Дональду эта похвала его сыну, повидимому, не доставила большого удовольствія. Лэди Гольмъ попрощалась со всѣми, а подойдя къ миссъ Шлей, сказала:

— Желаю вамъ успѣха, миссъ Шлей.

— Благодарю васъ,—протянула смиренная весталка, продолжая глядѣть въ свою чашку кофе.

— Я непремѣнно буду на вашемъ первомъ представленіи. Вы никогда еще не играли въ Лондонѣ?

— Никогда.

— Вы не будете очень волноваться?

— Я никогда не волнуюсь.—Она наклонилась и отхлебнула кофе изъ чашки.

Когда лэди Гольмъ направлялась къ выходу изъ отеля, она услышала за собой тихій голосъ лэди Кардингтонъ:

— Позвольте мнѣ отвезти васъ домой въ моемъ экипажѣ.

Лэди Гольмъ хотѣлось быть одной въ эту минуту, и она только-что отказала сэру Дональду, который предлагалъ проводить ее. Еслибы ей это предложила какая-нибудь другая женщина, она бы отказалась, но отказать лэди Кардингтонъ было

невозможно. Лэди Гольмъ тоже подчинялась власти кроткой лэди Кардингтонъ надъ людьми. И затѣмъ она вспомнила, что лэди Кардингтонъ плакала, слушая ея пѣніе. Она приняла ея предложеніе и сѣла въ ея коляску.

Погода просвѣтлѣла. Лучи свѣта проникали изъ-за облаковъ и освѣщали скользкія улицы, по которымъ шли забрызганные грязью пѣшеходы. Было что-то молодое, возбуждающее надежды, въ весеннемъ воздухѣ.

— Я не люблю этого времени года,—сказала лэди Кардингтонъ, откидываясь въ экипажѣ и тревожно озираясь.—Въ немъ чувствуется слишкомъ много молодости. А въ мои годы видъ всего молодого возбуждаетъ грусть.

— Хотѣла бы я знать...—Лэди Гольмъ не докончила фразы, взглянувъ на бѣлоснѣжные волосы своей спутницы, обрамлявшіе широкими волнами ея голову подъ большой черной шляпой, очень кокетливой при всей своей скромности и какъ нельзя лучше идущей къ лэди Кардингтонъ.

— Пятьдесятъ-восемь, — сказала она, отвѣчая на незаконченный вопросъ лэди Гольмъ, и взглянула на нее съ нѣсколько тревожной улыбкой. — Вы вѣрно считали меня старше?—спросила она.

— Я совершенно не думала о вашихъ годахъ, — отвѣтила лэди Гольмъ, съ той равнодушной откровенностью, съ какой всегда говорила съ женщинами.

— Ну, да, конечно. Чѣмъ это могло интересовать васъ или кого бы то ни было! Когда женщинѣ за пятьдесятъ лѣтъ, то совершенно безразлично исполнится ли ей послѣ того пятьдесятъ-одинъ или семьдесятъ-одинъ. Не правда ли?

Лэди Гольмъ задумалась на минуту, потомъ сказала:

— Право, не знаю. Я вѣдь не мужчина.

У лэди Кардингтонъ нахмурился лобъ, и углы рта опустились.

— Настоящая жизнь женщины очень коротка, — сказала она. — Но жажда полноты жизни можетъ длиться очень долго, хотя жажда эта—глупая, безсмысленная.

— А если она остается красивой?

— Этого не бываетъ; красота проходитъ.

— А вы думаете, что все дѣло во внѣшней красотѣ?

— А вы какъ думаете?—спросила лэди Кардингтонъ.—Да что̀ вы объ этомъ можете знать, въ ваши годы и съ вашей красотой!

— Я думаю, что у насъ съ вами разные взгляды на то,

что нравится въ женщинѣ,—сказала лэди Гольмъ, задумавшись болѣе серьезно, чѣмъ обыкновенно.

— Нравится... нравится мужчинамъ! — воскликнула лэди Кардингтонъ съ необычнымъ въ ней раздраженіемъ. — Почему мы, женщины, должны во всемъ примѣняться къ мужчинамъ?

— Не знаю, но въ дѣйствительности это такъ. И знаете, есть мужчины, которые считаютъ, что главное обаяніе женщины— не въ ея красотѣ...

— Кто это говоритъ?—быстро спросила лэди Кардингтонъ.

— Это многіе говорятъ,—уклончиво отвѣтила лэди Гольмъ.— Многіе вѣрятъ въ преимущества внутренняго обаянія надъ внѣшностью. А вѣдь внутреннее обаяніе не старѣется—во всякомъ случаѣ, не такъ явно, какъ внѣшнее. Можетъ быть, намъ бы слѣдовало увѣровать въ это. Какъ вамъ нравится миссъ Шлей?

Лэди Кардингтонъ взглянула на нее съ выраженіемъ сдержаннаго любопытства.

— Она именно увѣровала въ противоположное, во власть молодости и красоты, — сказала она. — Она очень красива. И знаете ли, она мнѣ нѣсколько напоминаетъ васъ.

Лэди Гольмъ почувствовала сильное раздраженіе, услыхавъ это замѣчаніе, но сдержала себя и только сказала:—Развѣ?

— Есть что-то общее въ цвѣтѣ волосъ и лица. Я увѣрена, что она нравится мужчинамъ, но мнѣ она не кажется интересной.

— Женщины, которыя нравятся мужчинамъ, рѣдко нравятся намъ. Но имъ этого и не нужно,—сказала лэди Гольмъ. Въ эту минуту она подумала, что между Пимпернель Шлей и ею есть нѣкоторое сходство и помимо цвѣта лица и волосъ.

— Да, вы правы. Однако... но вотъ Кадоганъ-Скверъ.—Она поцѣловала лэди Гольмъ и попрощалась съ ней.

„Пятьдесятъ-восемь лѣтъ! — повторяла лэди Гольмъ про себя, входя домой.—Какой ужасъ: имѣть пятьдесятъ-восемь лѣтъ, привыкши всю жизнь нравиться только мужчинамъ! Ужъ можетъ быть лучше имѣть качества, привлекательныя только для мужчинъ. Но какъ ихъ пріобрѣсть?“

У нея былъ нѣсколько озабоченный видъ, когда она вошла въ гостиную, гдѣ Робинъ Пирсъ нетерпѣливо поджидалъ ее уже минутъ двадцать.

— Робинъ,—сказала она,—я очень несчастна.

— Менѣе, чѣмъ я въ послѣдніе полчаса, — сказалъ онъ, взявъ ея руку и удерживая ее въ своей.—Но почему вы чувствуете себя несчастной?

— Я ужасно боюсь, что принадлежу къ разряду женщинъ, которыя нравятся мужчинамъ. Какъ вы думаете объ этомъ? это вѣрно?

Онъ не могъ удержаться отъ улыбки, глядя на разстроенное выраженіе ея лица.

— Да, я думаю, что это такъ. Но почему это васъ огорчаетъ?

— Въ сущности, я сама не знаю. Но лэди Кардингтонъ говорила объ этомъ много грустнаго. И кромѣ того, я встрѣтилась за завтракомъ съ отвратительной женщиной; она показалась мнѣ какъ бы ребенкомъ, но уже прошедшимъ черезъ многое въ какомъ-то прежнемъ существованіи, и все это вмѣстѣ... Давайте пить чай. А теперь утѣшьте меня, Робинъ! Я страшно упала духомъ. Скажите что-нибудь успокоительное. Скажите, что я могу нравиться всѣмъ, а не только мужчинамъ, и что я никогда не буду лишней на свѣтѣ, даже—когда мнѣ будетъ пятьдесятъ-восемь лѣтъ.

VI.

Успѣхъ Пимпернель Шлей въ Лондонѣ былъ очень большой и проявился еще до ея выступленія на сценѣ. Многимъ, которые думали, что знаютъ Лондонъ, это казалось непостижимымъ. Миссъ Шлей была красива и умѣла одѣваться. Хотя иные пытались отрицать это, какъ отрицаются въ Лондонѣ всякіе факты,— это было все-таки несомнѣнно. Но миссъ Шлей почти всегда молчала. Она не блистала въ разговорѣ, какъ многія ея соотечественницы, а большей частью ничего не говорила и оживлялась только въ рѣдкихъ случаяхъ. Никакія „злобы дня“ не интересовали ее. Ей вообще многаго недоставало. Но одно въ ней было: она была очаровательно смышлёна и лукава. Лукавство ея было совершенно опредѣленное и явное. Оно ей замѣняло умъ, интеллектуальное развитіе, даже живость, и казалось пикантнымъ. Мужчины говорили о миссъ Шлей, что это чертовски умное маленькое существо, что она немного говоритъ, но умѣетъ сказать все, что̀ нужно. На женщинъ она тоже производила сильное впечатлѣніе. Въ ея холодности и спокойствіи чувствовались непоколебимая сила воли и полная увѣренность въ себѣ. Ничто не могло ее смутить, никогда она не оказывалась въ неловкомъ положеніи.

Лондонъ былъ увлеченъ такимъ небывалымъ сочетаніемъ холодной неприступности и лукавства, и началъ поклоняться

миссъ Шлей. Долго считалось, что англичане очень холодны и гордятся этой національной чертой. Но въ послѣднее время произошла большая перемѣна въ этомъ отношеніи,—національный характеръ измѣнился, по крайней мѣрѣ въ Лондонѣ. Чопорность вышла изъ моды. Ее осуждаютъ, какъ черту, свойственную островитянамъ, и всѣмъ полагается быть космополитами, чтобы не уронить себя въ глазахъ общества. Поэтому фешенебельныя англичанки похожи теперь на пылкихъ неаполитанокъ. Лондонскія дамы вѣчно въ движеніи, точно все ихъ тѣло на пружинахъ. Онѣ жестикулируютъ, шумно толкуютъ обо всемъ и всячески стараются выказать свою живость, показаться скорѣе истеричками, чѣмъ быть обвиненными въ британской флегматичности.

Спокойствіе миссъ Шлей, поэтому, не было въ опасности слиться съ общей холодностью остальныхъ женщинъ. Напротивъ того, оно очень обращало на себя вниманіе, казалось своеобразнымъ. Ея сдержанность среди суетливой болтовни англійскихъ дамъ придавала ей особое благородство, замѣнявшее природную воспитанность. Она была всегда естественна и говорила очень сдержанно; это производило очень выгодное впечатлѣніе на всѣхъ.

Она положительно начинала входить въ моду. Одна дама изъ высшаго общества, которая любила угождать вкусамъ мужчинъ своего круга, увидѣла, что всѣ интересуются миссъ Шлей, и пригласила ее къ себѣ. Другія дамы послѣдовали ея примѣру. Миссъ Шлей интересовала почти одинаково и мужчинъ, и дамъ, и вскорѣ стала всюду бывать. Ея успѣхи сдѣлали ее постояннымъ членомъ общества, въ которомъ вращалась лэди Гольмъ, и всѣ стали замѣчать ея сходство съ послѣдней. Лэди Гольмъ не была лукава. Ея голосъ не напоминалъ голосъ маленькаго церковнаго пѣвчаго. Она не сидѣла какъ на картинѣ, съ вѣчно опущенными глазами, и даже не молчала съ такимъ упорствомъ, какъ миссъ Шлей, но всѣ мужчины говорили, что у нихъ много общаго въ цвѣтѣ лица и волосъ, и это было дѣйствительно вѣрно. На нѣкоторомъ разстояніи ихъ можно было принять одну за другую. Походка миссъ Шлей тоже напоминала манеру ходить лэди Гольмъ. Было еще нѣсколько характерныхъ особенностей лэди Гольмъ, которымъ миссъ Шлей, повидимому, нарочно подражала, слегка преувеличивая ихъ. Ея волосы были такіе же, только нѣсколько блѣднѣе, бѣлизна ея кожи была болѣе холодная, молчаніе болѣе сосредоточенное, спокойствіе болѣе загадочное, походка болѣе медленная. Въ общемъ можно было по-

думать, что она имитируетъ лэди Гольмъ въ слегка каррикатурномъ видѣ.

Нѣкоторые знакомые лэди Гольмъ говорили ей про это сходство, но она выслушивала ихъ съ полнымъ равнодушіемъ.

— Развѣ мы похожи другъ на друга?—спрашивала она.—Можетъ быть, вы и правы, но я вѣдь не могу замѣтить этого. Себя вѣдь никто не можетъ видѣть со стороны. Я нахожу миссъ Шлей очень привлекательной—и преклоняюсь передъ ея талантами.

— Да вѣдь у нея нѣтъ никакихъ талантовъ!—кричала м-ссъ Вольфштейнъ, которая первая говорила лэди Гольмъ о сходствѣ съ нею американской актрисы.

— Какъ вы это можете сказать? Весь Лондонъ у ея ногъ.

— У ея ногъ—это возможно. Онѣ у нея красивыя. Но у нея нѣтъ талантовъ, и въ этомъ—причина ея успѣха. Лондону надоѣли таланты, и миссъ Шлей гораздо больше нравится именно ихъ отсутствіемъ, тѣмъ, что она дикарка въ умственномъ отношеніи.

— Она хорошая актриса?—спросила лэди Гольмъ равнодушнымъ тономъ.

— Она играетъ пикантно, но не талантливо, — отвѣтила м-ссъ Вольфштейнъ.—Но она пользуется огромной популярностью, хотя серьезная критика и презираетъ ее. А вы пригласите ее къ себѣ? Вѣдь ей страшно хотѣлось бы бывать у васъ. Всѣ приглашаютъ ее, а съ вами она познакомилась раньше, чѣмъ съ другими.

Лэди Гольмъ поняла, почему она всегда терпѣть не могла м-ссъ Вольфштейнъ. Ей были противны люди, которые вмѣшиваются въ чужія дѣла.

— Я и не знала, что ей хотѣлось бы бывать у меня,—отвѣтила она нѣсколько холодно.

— Милая моя, подумайте только—она американка, и для нея было бы огромной честью бывать въ вашемъ домѣ. Какъ вы не понимаете своего положенія,—вы скромны до нелѣпости! Она, положительно, горитъ желаніемъ попасть къ вамъ. Могу я передать ей ваше приглашеніе?

— Я бы предпочла пригласить ее сама, — сказала лэди Гольмъ съ нѣкоторой застѣнчивостью, которая вызвала лукавую улыбку у м-ссъ Вольфштейнъ.

Когда лэди Гольмъ осталась одна, она поняла, что безсознательно именно хотѣла показать миссъ Шлей, что по крайней мѣрѣ въ одномъ лондонскомъ домѣ дверь не растворяется передъ

нею настежъ. Но все-же лэди Гольмъ не думала составлять исключеніе изъ общаго правила, не хотѣла внушать подозрѣніе, что она намѣренно избѣгаетъ миссъ Шлей.

Сама не отдавая себѣ отчета въ своей тайной враждебности, она старалась увѣрить себя, что не выноситъ притворства и хитрости американки. Но внутренно она знала, что возненавидѣла миссъ Шлей главнымъ образомъ за ея сходство съ собой. До появленія миссъ Шлей въ Лондонѣ, она, Віола Гольмъ, была оригинальна и по своей красотѣ, и по тому, какъ она проявляла эту красоту въ обращеніи съ другими. А изъ-за миссъ Шлей она превратилась въ какое-то типичное явленіе. Это было ужасно!

Она спрашивала себя, знаетъ ли миссъ Шлей объ ихъ сходствѣ. Но вѣдь ей, конечно, объ этомъ уже сказали. М-ссъ Вольфштейнъ была ея близкимъ другомъ. Она познакомилась съ нею въ Карлсбадѣ, сразу сообразила, что она могла бы имѣть успѣхъ въ Лондонѣ, и уговорила ее пріѣхать. Женщины вродѣ м-ссъ Вольфштейнъ рѣдко завидуютъ успѣхамъ другихъ женщинъ. Онѣ защищены своей самоувѣренностью и полагаются на свою находчивость и умъ, зная, что не дадутъ себя въ обиду Не боясь ни въ какомъ отношеніи миссъ Шлей, м-ссъ Вольфштейнъ увидѣла въ ней, напротивъ того, способъ еще болѣе утвердить свое положеніе въ лондонскомъ обществѣ, и рѣшила, что именно она создастъ успѣхъ въ Англіи этой ангелоподобной актрисѣ. Благодаря миссъ Шлей, кругъ знакомыхъ семьи Вольфштейновъ увеличился уже нѣсколькими очень желательными для нихъ людьми. Въ благодарность за это, Генри Вольфшейнъ сдѣлалъ миссъ Шлей соучастницей какихъ-то чрезвычайно выгодныхъ акціонерныхъ обществъ. Все шло великолѣпно, если бы лэди Гольмъ не заупрямилась и пригласила бы наконецъ къ себѣ американку.

— Она васъ ненавидитъ, Пимпернель,—сказала м-ссъ Вольфштейнъ своей подругѣ.

— За чтó?—протянула миссъ Шлей.

— Вы отлично знаете, за что. Вы—ея точный двойникъ. Я увѣрена, что она боится вашего перваго появленія на сценѣ. Она боится, что изъ-за васъ всѣ разочаруются въ ея, собственно говоря, безцвѣтной красотѣ. Къ тому же, у васъ появились теперь и ея манеры. Скажите, вы не подражаете ей, Пимпернель?

Жадное выраженіе сверкнуло въ глазахъ м-ссъ Вольфштейнъ.

— Я еще не начала подражать ей,—спокойно отвѣтила миссъ Шлей.

— Еще не начали?

— Ну, да. Если она не позоветъ меня къ себѣ, можетъ быть у меня и явится желаніе изобразить ее въ карриватурномъ видѣ. Я начала свою карьеру въ Филадельфіи именно съ имитацій.—Миссъ Шлей задумчиво поглядѣла на темный коверъ въ будуарѣ м-ссъ Вольфштейнъ. — Говорятъ, что у меня есть мимическій талантъ,—прибавила она.

— Нужно мнѣ будетъ предупредить Віолу,—сказала м-ссъ Вольфштейнъ.

Она обнаруживала особую интимность съ знатными людьми,—въ особенности въ ихъ отсутствіи. Миссъ Шлей сдѣлала видъ, что пропустила мимо ушей фразу м-ссъ Вольфштейнъ. Она часто такъ поступала, когда ей говорили что-нибудь важное. Для нея было чрезвычайно важно быть принятой въ домѣ лэди Гольмъ, гдѣ бывало лучшее общество. Всѣ знали, что она была представлена лэди Гольмъ, всѣ начинали сравнивать ихъ лица, и навѣрное стали бы скоро сравнивать ихъ манеры... положительно, лучше было бы, если бы она не проявляла свои филадельфійскіе таланты.

М-ссъ Вольфштейнъ не предупредила лэди Гольмъ. Она не хотѣла себѣ испортить возможнаго будущаго развлеченія. Напротивъ того, съ этой минуты она готова была бы интриговать, для того чтобы двери дома на Кадоганъ-Скверѣ не раскрывались для ея пріятельницы. Но на такую интригу она все-таки не рѣшилась, такъ какъ была увѣрена въ проницательности миссъ Шлей: она навѣрное бы уличила ее. Но м-ссъ Вольфштейнъ ни во что не вмѣшивалась и только съ любопытствомъ слѣдила за ходомъ событій.

Миссъ Шлей собиралась играть въ Лондонѣ всего одинъ мѣсяцъ. Ея управляющій нанялъ театръ на іюнь. Такъ какъ она должна была выступить въ пьесѣ, въ которой уже играла по всей Америкѣ, и такъ какъ къ ней пріѣзжала вся ея американская труппа, то у нея не было почти никакой подготовительной работы. Пріѣхавъ въ Лондонъ ранней весной, она имѣла передъ собой три мѣсяца для отдыха и развлеченій. Разговоръ ея съ м-ссъ Вольфштейнъ происходилъ въ концѣ марта. Какъ разъ въ то время лэди Гольмъ серьезно обсуждала вопросъ, пригласить ли ей американку къ себѣ, или нѣтъ. Она знала, что миссъ Шлей рѣшила пустить въ ходъ всѣ средства, чтобы добиться приглашенія, и знала, что ея домъ дѣйствительно центръ, гдѣ необходимо бывать всѣмъ, разсчитывающимъ на успѣхъ въ лондонскомъ обществѣ. Ей вовсе не хотѣлось принимать у себя

миссъ Шлей, но она рѣшила все-таки пригласить ее, если въ обществѣ обращаютъ вниманіе на то, что она ее не приглашаетъ. Ей хотѣлось знать, дѣйствительно ли объ этомъ говорятъ. Она спросила объ этомъ Робина Пирса. Онъ еще не былъ изгнанъ изъ дома Гольмовъ, какъ Кэри. Лэди Гольмъ встрѣтилась съ нимъ на открытіи выставки картинъ одного художника, мало извѣстнаго публикѣ, но имѣвшаго успѣхъ въ высшемъ свѣтѣ. На выставкѣ собраны были исключительно портреты красивыхъ женщинъ; и всѣ эти красивыя женщины съ ихъ поклонниками наполнили выставочныя комнаты. Въ числѣ портретовъ были также портреты лэди Гольмъ и миссъ Шлей. И по странной случайности—или, быть можетъ, нарочно—они были повѣшены рядомъ. Лэди Гольмъ не видѣла еще ихъ, когда издали показался направляющійся къ ней Пирсъ. Лэди Гольмъ попросила его провести ее въ буфетъ, выпить чаю, потому что она хотѣла избѣгнуть встрѣчи съ самимъ художникомъ, прежде чѣмъ осмотритъ выставку. Когда они сѣли въ буфетѣ за маленькій столикъ, пить чай, лэди Гольмъ обратилась къ Робину.

— Мнѣ нужно васъ спросить кое о чемъ,—сказала она.— Вы вездѣ бываете и все слышите; скажите мнѣ, о чемъ теперь толкуютъ?

— Все о глупостяхъ. Съ каждымъ сезономъ лондонское общество все больше и больше глупѣетъ.

— А о какихъ же глупостяхъ говорятъ въ нынѣшнемъ сезонѣ?

— Въ области религіи, политики, театра, бракоразводныхъ процессовъ или чего-нибудь другого?—спросилъ Пирсъ.

Онъ взглянулъ на нее съ нѣсколько лукавымъ выраженіемъ на темномъ лицѣ, и она поняла, что онъ вполнѣ понимаетъ, о чемъ она его хочетъ спросить.

— Вы отлично знаете, о чемъ я говорю. Такъ скажите мнѣ прямо.

— Вы хотите знать, о комъ теперь больше всего говорятъ? Если я вамъ скажу, вы будете возмущены.

— Значитъ, о какой-нибудь женщинѣ?

— Развѣ когда-нибудь говорятъ не о женщинахъ?

— А я ее знаю?

— Немножко знаете.

— Такъ кто же это?

— Миссъ Шлей.

— Неужели?—Голосъ лэди Гольмъ звучалъ совершенно спокойно. Въ немъ не чувствовалось ни малѣйшаго раздраженія.

— Чтò же говорятъ о миссъ Шлей?—прибавила она, прихлебывая чай и оглядывая комнату, гдѣ толпилось множество публики.

— Говорятъ разное, и, между прочимъ, одну совершенно невѣроятную вещь. Это даже слишкомъ глупо, чтобы я вамъ передавалъ.

— Нѣтъ, скажите. Глупости бываютъ забавны. Скажите мнѣ, Робинъ!—повторила она.

— Говорятъ, что она удивительно похожа на васъ, и что—это уже самая большая глупость—что вы ее ненавидите за это.

Лэди Гольмъ улыбнулась, какъ будто бы ее это очень забавляло.

— Почему бы я ее за это ненавидѣла?

— Не знаю. Но вѣдь женщины для всего найдутъ причины. По ихъ словамъ, вамъ непріятно, что теперь, когда явилась миссъ Шлей, столь похожая на васъ, вы перестали быть единственной въ своемъ родѣ.

Лэди Гольмъ промолчала съ минуту, а потомъ сказала:

— Я увѣрена, что сказавшія это женщины не употребили выраженіе „единственная въ своемъ родѣ“; онѣ навѣрное сказали, что я теперь стала „болѣе банальной“.

Онъ разсмѣялся.—Развѣ это можно сказать про васъ?

— Дѣло не въ этомъ. Значитъ, говорятъ, что миссъ Шлей похожа на меня не только внѣшностью, но и въ другихъ отношеніяхъ. Неужели же мы дѣйствительно близнецы съ нею?

— Я не вижу ни малѣйшаго сходства.

— Теперь вы уже преувеличиваете въ другую сторону.

— Я хочу сказать, что по существу вы совершенно не похожи. Можетъ быть, есть что-то общее въ манерахъ—вотъ и все. Она подражаетъ вамъ.

— Я кажется, должна, буду пригласить ее къ себѣ для того, чтобы не говорили, что я огорчена этимъ предполагаемымъ сходствомъ между нами.

— Мало ли чтò люди говорятъ! Если строить жизнь согласно съ ихъ нелѣпыми представленіями...

— Однако, мы съ этимъ считаемся.

— Да, если мы не слѣдуемъ внушеніямъ нашей души.

Понизивъ голосъ почти до шопота, онъ продолжалъ:

— Будьте сами собой, будьте той женщиной, которая обнаруживается въ вашемъ пѣніи, и тогда никто—даже послѣдній дуракъ—не будетъ говорить о вашемъ сходствѣ съ такимъ ничтожнымъ существомъ, какъ миссъ Шлей. Вотъ видите, — вы

испытываете даже практическія неудобства того, что вы не вѣрны себѣ самой. Вамъ можетъ подражать, вашъ образъ можетъ возсоздать въ каррикатурномъ видѣ какая-то хитрая американка, не имѣющая ни фантазіи, ни ума, а обладающая только смышлёностью низменныхъ натуръ.

— Робинъ, вспомните, гдѣ мы! Хорошъ дипломатъ, нечего сказать!

Она приложила палецъ къ губамъ и поднялась.

— Мы должны осмотрѣть картины, а то художникъ будетъ въ бѣшенствѣ.

Они стали пробираться въ выставочныя комнаты, биткомъ набитыя посѣтителями. Издали лэди Гольмъ увидѣла миссъ Шлей и м-ссъ Вольфштейнъ. Ихъ окружала группа молодыхъ людей. Лэди Гольмъ внимательно поглядѣла на блѣдное лицо американки, и внутренно спросила себя: „неужели я такая“? Разговоръ съ Робиномъ Пирсомъ ее взволновалъ, хотя она и скрыла это. Въ ней проснулся воинственный духъ. Она подумала о томъ, намѣренно ли американка подражаетъ ей. Какая наглость! Но, очевидно, наглость составляетъ основу ея существа.

Лэди Гольмъ, въ сопровожденіи Робина, медленно приближалась къ м-ссъ Вольфштейнъ и американкѣ. Онѣ стояли рядомъ передъ картинами; къ нимъ подошелъ художникъ, Ашли Гривсъ, и вступилъ въ оживленный разговоръ. Онѣ повернулись спиной къ публикѣ и не замѣтили, что лэди Гольмъ и Робинъ стоятъ за ними. У м-ссъ Вольфштейнъ былъ отъ природы громкій голосъ, и она обыкновенно не старалась говорить тише въ толпѣ, а напротивъ того, еще болѣе возвышала голосъ, какъ бы желая, чтобъ ее слышали всѣ кругомъ.

— Какъ удивительно вы передали сходство между Пимпернель и лэди Гольмъ!—громко ораторствовала она.—Вы показали намъ не только то, что мы всѣ видѣли, но и чего не замѣчали. Вы выдвинули ихъ сходство...

Робинъ переглянулся съ лэди Гольмъ. Ашли Гривсъ сталъ объяснять что-то тонкимъ голоскомъ, не соотвѣтствовавшимъ его могучей фигурѣ.

— Я хотѣлъ показать, что есть нѣчто родственное между англичанкой и американкой. Эти два портрета, такъ сказать, воплощаютъ двѣ народности и... и...—Онъ спутался и прекратилъ дальнѣйшее объясненіе.—Вы вѣдь поняли мою мысль, не правда ли?

Миссъ Шлей ничего не сказала. Она спокойно смотрѣла на портретъ лэди Гольмъ и на свой, и какъ бы совершенно не сознавала, сколько взоровъ обращено на нее.

— Вы вѣдь чувствуете родственную связь между вами двумя,— сказала м-ссъ Вольфштейнъ съ иностраннымъ акцентомъ, обращаясь къ миссъ Шлей. — Это какъ бы пожатіе руки черезъ океанъ.

— Мистеръ Гривсъ вложилъ въ свои произведенія больше, чѣмъ можно выразить словами, сказала миссъ Шлей. — Я хотѣла бы, чтобы лэди Гольмъ взглянула на эти портреты.

Она вдругъ подняла глаза и поглядѣла въ пространство съ такимъ видомъ, точно видитъ что-то интересное, совершающееся гдѣ-то далеко.

— Филадельфія!—сказала м-ссъ Вольфштейнъ и не могла удержаться отъ смѣха,—до того взглядъ миссъ Шлей былъ похожъ на выраженіе лица лэди Гольмъ, когда она пѣла. Робинъ Пирсъ это увидалъ, и гнѣвно сжалъ губы. Въ эту минуту толпа нѣсколько порѣдѣла, и лэди Гольмъ смогла направиться къ художнику. Онъ увидалъ ее и радушно бросился къ ней на встрѣчу съ довольной улыбкой.

— Васъ можно поздравить съ успѣхомъ,—сказала она.

— Если успѣхъ есть, то только благодаря вашему портрету.

— А гдѣ же мой портретъ?

— Развѣ вы не догадываетесь?—сказалъ художникъ, вытирая себѣ лобъ бѣлымъ шолковымъ платкомъ.—Тамъ, гдѣ публика больше всего толпится. Позвольте, я васъ проведу туда.

Слѣдуя за нимъ, лэди Гольмъ очутилась подлѣ портретовъ и по близости отъ м-ссъ Вольфштейнъ и миссъ Шлей. Она привѣтствовала ихъ кивкомъ головы, болѣе привѣтливо, чѣмъ обыкновенно здоровалась съ женщинами. Лицо м-ссъ Вольфштейнъ просіяло.

— Портреты производятъ сенсацію! — громко воскликнула она.

— Какъ вы поживаете?—спросила миссъ Шлей, остановивши свои блѣдные глаза на лэди Гольмъ, а потомъ опять устремивъ ихъ въ пространство.

Лэди Гольмъ стояла теперь передъ самыми портретами, и съ видимымъ интересомъ разсматривала портретъ миссъ Шлей. М-ссъ Вольфштейнъ съ любопытствомъ глядѣла на нее...

— Ну, что?—спросила она.—Какъ вы находите?

— Удивительно вѣрно схвачено сходство,—сказала лэди Гольмъ.—Удивительно!

— Даже вы это замѣчаете? Вы должны гордиться, Ашли.

— Удивительно передано сходство на портретѣ миссъ Шлей, —прибавила лэди Гольмъ, останавливая шумный порывъ м-ссъ Вольфштейнъ.

Обернувшись къ американкѣ, она сказала:

— Я хотѣла васъ просить зайти какъ-нибудь ко мнѣ. Я знаю, что всѣ зовутъ васъ наперерывъ, но, можетъ быть, у васъ найдется какъ-нибудь свободная минутка въ одну изъ средъ.

— Сочту за счастіе.

— Такъ, значитъ, въ будущую среду?

— Хорошо, въ будущую среду.

— Я живу на Кадоганъ-Скверѣ. Но я вамъ еще пришлю адресъ, а теперь мнѣ пора идти; я очень тороплюсь.

Когда она ушла въ сопровожденіи Робина, м-ссъ Вольфштейнъ сказала миссъ Шлей:

— Она испугалась вашихъ филадельфійскихъ талантовъ.

— Подождите, я ей покажу и нью-іоркскіе таланты,—спокойно сказала миссъ Шлей.

Повидимому, тайная ненависть лэди Гольмъ къ американкѣ была обоюдной.

Съ англ. З. В.

ГЕРМЕСЪ ТРИЖДЫ-ВЕЛИКІЙ

„СОПЕРНИКЪ ХРИСТІАНСТВА".

Окончаніе.

VIII *).

Египетская религія была лишь одной изъ двухъ, съ которыми греческій „герметизмъ" встрѣтился на александрійской почвѣ; второй была еврейская. При этомъ, мнѣ придется напомнить читателю лишь давно извѣстные факты. Александрія быстро стала главнымъ центромъ еврейскаго „разселенія" (діаспоры): изъ ея пяти кварталовъ два были еврейскими. Но, вошедши въ сферу греческой образованности, евреи сами стали греками; потребность сочетать греческую культуру и особенно ея орудіе—греческій языкъ—съ еврейской вѣрой повело къ возникновенію греческаго перевода Ветхаго Завѣта, начало котораго восходитъ еще къ III-му вѣку до Р. Х. Благодаря этому переводу, стало возможнымъ воздѣйствіе еврейской религіи на греческую, и спеціально на „герметизмъ". Въ области низшаго „герметизма" всѣ двери были открыты, проникновеніе состоялось быстро и стремительно: еврейская каббалистика, которая еще съ персидской эпохи дѣятельно разрабатывалась раввинами, предоставила весь свой внушительный „пандемоній", всю свою мудреную мистику буквъ и чиселъ въ распоряженіе герметической магіи—какъ мы

---

*) См. выше: февраль, стр. 696.

это еще увидимъ. Но съ высшимъ „герметизмомъ“ дѣло обстояло труднѣе: еврейская религія признавала лишь единаго Бога-Творца неба и земли; отожествить его съ Гермесомъ нельзя было, такъ какъ по основному догмату его религіи самъ Гермесъ былъ созданнымъ богомъ. Но тутъ навстрѣчу ученіямъ герметистовъ пошло другое, интересное теченіе.

Эллинистическая религія вообще стоитъ подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ *эвэмеризма*—этого оригинальнаго и въ своей основѣ атеистическаго ученія, согласно которому боги народной вѣры—не что иное какъ обоготворенные люди. Ни египетская, ни герметическая религія не были, разумѣется, атеистическими; тѣмъ не менѣе, эвэмеризмъ былъ на руку обѣимъ, и вотъ—почему. По египетскому ученію, первою династіей египетскихъ царей была династія боговъ—стало быть, боги были нѣкогда людьми. Что же касается герметизма, то мы уже видѣли, что онъ съ самаго начала обладалъ склонностью аллегоризировать свои божественные типы; Гермесъ есть Космосъ, Панъ есть Логосъ. Несомнѣнно, что эти аллегорическія имена были гораздо выгоднѣе для религіи, хотѣвшей стать супранаціональной,—мы знаемъ вѣдь, какъ много способствовало распространенію еврейской религіи то обстоятельство, что ея адепты изъ страха называли своего Бога просто Господомъ (Адонаи), а не Іеговой или Іахве. Итакъ, по примѣру Пана-Логоса, вся герметическая космогонія подверглась обобщенію. Зевсъ сталъ Разумомъ (Nûs), заимствованнымъ изъ философіи Анаксагора; Гермесъ... онъ давно уже, какъ мы знаемъ, былъ Космосомъ, но теперь это объясненіе не всѣми было удержано: оно грѣшило пантеизмомъ, между тѣмъ какъ всепобѣждающее вліяніе Платона научило людей признавать активнаго творца вселенной, созданнаго для этой цѣли высшимъ божествомъ—„Дэміурга“. Итакъ, Гермесъ сталъ вторымъ богомъ „Разумомъ-дэміургомъ“; кромѣ него, Разумъ создалъ съ одной стороны Логоса (это представленіе было сохранено)—его помощника при устроеніи міározданія, а съ другой—Человѣка. При этомъ миѳологическія имена—Зевсъ, Гермесъ, Асклепій—стали свободны; ихъ носители изъ космогоническихъ началъ превратились въ людей глубокой древности, ставшихъ источниками или первыми воспріемниками герметическихъ откровеній. Египетскіе эквиваленты имъ давно были найдены: Зевсу соотвѣтствовалъ Амонъ, Гермесу—Тотъ (или, у герметистовъ, Татъ), Асклепію—Имготепъ. Но при сліяніи состоялся компромиссъ: Зевсъ былъ замѣненъ Амономъ, Асклепій же одолѣлъ Имготепа; что касается Гермеса и Тата (сына Тота), то они были удер-

жаны оба, причемъ Татъ сталъ сыномъ Гермеса, вытѣсняя Асклепія, удовольствовавшагося скромной ролью ученика. Источникомъ откровенія былъ, разумѣется, Гермесъ; какъ пророкъ герметической религіи, онъ получилъ прозвище *Трижды-Великаго* (Trismegistos), унаслѣдованное имъ отъ египетскаго Тота (ср. Тураевъ, стр. 87). Онъ сталъ пророкомъ царя Амона, и въ своихъ откровеніяхъ обращался то къ нему, то къ своему сыну Тату, то къ своему ученику Асклепію. А съ развитіемъ герметической религіи и другія божества были пріобщены къ этой мистической четверицѣ: поклонники Исиды пожелали прорыть каналъ отъ герметизма къ своей многоименной богинѣ... или, можетъ быть, его прорыли герметисты, чтобы использовать ея громкую славу. Какъ бы то ни было, Исида, какъ „Дѣва Міра", стала ученицей Гермеса Трижды-Великаго, сообщившей его таинства своему сыну Гору.

Такова внѣшняя обстановка греко-египетскаго герметизма; повторяю, что кромѣ этой обстановки въ высшемъ герметизмѣ почти ничего египетскаго нѣтъ. Быть можетъ, герметисты были бы рады пріобщить къ своей религіи древнеегипетскую „таинственную мудрость"; но, къ сожалѣнію, эта мудрость была такъ таинственна, что ея никто не понималъ, не исключая и самихъ жрецовъ. Она состояла въ огромномъ числѣ темныхъ и расплывчатыхъ формулъ, которыя заучивали наизусть, не вникая въ ихъ смыслъ; эти формулы пришлись по вкусу, какъ мы увидимъ, низшаго герметизма, но для высшаго они были довольно безполезны. Высшій—черпалъ полными горстями изъ греческой философіи, преимущественно Платона, изъ греческихъ миѳовъ въ ихъ стоическомъ толкованіи и изъ Ветхаго Завѣта; послѣднее не представляло затрудненія, такъ какъ ветхозавѣтный эквивалентъ *очеловѣченнаго* Гермеса былъ найденъ. Это былъ самъ еврейскій законодатель Моисей, совѣтникъ египетскаго фараона, чудодѣйственный жезлъ котораго получилъ у каббалистовъ значеніе, немногимъ уступавшее значенію золотого жезла греческаго владыки чаръ.

IX.

То, чтò мы называемъ низшимъ герметизмомъ, вводитъ насъ прежде всего въ область *магіи*. Весь подлунный міръ кишитъ демонами; мы и въ высшемъ герметизмѣ встрѣтимъ это представленіе, но тамъ его значеніе — другое: демоновъ опасаются, какъ вредныхъ для души существъ; здѣсь, напротивъ, съ ними

стараются вступить въ сношенія ради всякихъ земныхъ благъ. Властвуетъ надъ демонами Луна, по-гречески—Гэката, а по-египетски—Тотъ, онъ же „владыка словесъ“. Зная эти словеса, формулы заклинанія, можно подчинить себѣ демоновъ. А каковы они были, объ этомъ можетъ дать представленіе нижеслѣдующая молитва, найденная въ одномъ папирусѣ лѣтъ десять назадъ и приписываемая славному магу Астрампсиху (текстъ по Рейценштейну, стр. 20 сл.):

„Войди въ меня, владыка Гермесъ, какъ входятъ дѣти въ утробы женщинъ. Войди въ меня, владыка Гермесъ, ты, собирающій пищу боговъ и людей. Войди въ меня, владыка Гермесъ, и дай мнѣ обаяніе, достатокъ, побѣду, благоденствіе, красоту лица, наружность, силу противъ всѣхъ. Я знаю имя твое, на небесахъ возсіявшее—Воѳи, Вастенвоѳи, Оаменоѳъ, Эндомухъ: таковы твои имена въ четырехъ углахъ неба; я знаю и образы твои, они слѣдующіе: на востокѣ ты имѣешь образъ ибиса, на западѣ образъ песьиголовца, на сѣверѣ имѣешь образъ змія, на югѣ имѣешь образъ волка; я знаю, какая твоя трава: это элолла этевеноотъ; я знаю и твое дерево: это эбеновое. Я знаю тебя, Гермесъ, кто ты—откуда ты и какой твой городъ: это Гермополь. Я знаю и варварскія твои имена“... Повидимому, приведенныя еще не казались автору достаточно варварскими—онъ заставилъ своихъ адептовъ ломать языкъ на слѣдующихъ: „Фарнаѳасъ, Барахилъ, Хѳа—таковы твои варварскія имена; а равно и истинное твое имя, вырѣзанное на священной плитѣ гермопольскаго храма, гдѣ твоя родина: твое истинное имя Осеріаріахъ Номафи—таково твое пятнадцатизначное имя, имѣющее число знаковъ по числу дней роста луны, а другое имя семизначное по числу властителей міра (планетъ), а по счету [1]) соотвѣтствующее числу дней—Абрасаксъ. Я знаю тебя, Гермесъ, и ты знаешь меня: я есмь ты, и ты еси я. Войди въ меня и сотвори мнѣ все и помоги мнѣ вмѣстѣ съ Доброй Судьбой и Добрымъ Демономъ“.

Въ этой молитвѣ нѣтъ почти ни одной мысли, которой нельзя было бы подтвердить аналогіей изъ древнеегипетскихъ формулъ. Главная сила принужденія заключается въ томъ, что авторъ знаетъ истинныя имена тѣхъ, къ кому онъ обращается; нѣкогда проводникъ душъ, Тотъ училъ своихъ опекаемыхъ знать истинныя имена чудовищъ загробнаго міра и членовъ страшнаго суда; теперь та

[1]) Т.-е. по суммѣ буквъ, если принимать въ разсчетъ значеніе послѣднихъ какъ цифръ (ср. „звѣриное число“): $\alpha=1$, $\beta=2$, $\rho=100$, $\alpha=1$, $\sigma=200$, $\alpha=1$, $\xi=60$, сумма 365.

же наука обращена противъ него самого. Полезно знаніе также и его „варварскихъ“ именъ; разумѣются еврейскія, какъ показываетъ форма Барахилъ (Barachêl), взятая изъ богатой демонологіи еврейской каббалистики. Однимъ словомъ, передъ нами образчикъ той греко-египто-еврейской смѣси, которой пробавлялось суевѣріе эллинистической эпохи.

„Дѣва Міра“, великая Исида, получила свое знаніе отъ Гермеса, своего учителя—или, по другому варіанту, отъ Камефиса: „Слушай, сынъ мой, Горъ; ты внимаешь тайному ученію, которое древній Камефисъ узналъ отъ Гермеса, писца всѣхъ дѣлъ, а я отъ древняго Камефиса, тогда же, когда онъ меня почтилъ и чернетью совершенства (tò teleiô melani)“. Послѣднихъ словъ никто не понимаетъ; мнѣ кажется, что я могу ихъ объяснить. Прежде всего установлю фактъ, что тотъ Камефисъ, котораго примирительная теологія Дѣвы Міра называетъ ученикомъ Гермеса,—не что̀ иное, какъ самъ Гермесъ, а именно одно изъ его „истинныхъ“ именъ; это ясно доказываетъ молитва (у Рейценштейна стр. 29), гдѣ Гермесъ подъ конецъ названъ „владыка Кмефъ“. А затѣмъ сошлюсь на интересный разсказъ той же Исиды тому же Гору о своихъ приключеніяхъ въ священномъ градѣ Ормануси (Berthelot, Collection des anciens alchimistes grecs 29): „Тутъ случилось, что одинъ изъ ангеловъ, обитающихъ въ первой небесной тверди, увидѣлъ меня и пожелалъ совокупиться со мною. Я, однако, не соглашалась, желая узнать, *какъ приготовляется золото и серебро*. Тогда онъ сказалъ, что не имѣетъ права меня этому научить, въ виду чрезвычайной таинственности предмета, но что на слѣдующій день придетъ старшій ангелъ Амнаилъ, и что онъ имѣетъ власть отвѣтить мнѣ на мой вопросъ“. Исида настояла на своемъ; такъ-что отъ Амнаила пошла наука приготовленія золота и серебра.

Позволительно догадываться, что таинственный Амнаилъ—лишь „варварское“ имя того Гермеса, „истинное“ имя которому было Кмефъ. „Священныя грамоты—говоритъ Зосимъ (Berthelot, Origines de l'alchimie, 9)—учатъ насъ, что есть родъ демоновъ, имѣющій общеніе съ женщинами; *Гермесъ говоритъ о нихъ въ своихъ книгахъ о природѣ*. Древнія и священныя писанія говорятъ, что нѣкоторые ангелы, воспылавъ любовью къ женщинамъ, сошли на землю и научили ихъ тайнамъ природы: вслѣдствіе этого они были изгнаны съ неба и обречены на вѣчное изгнаніе. Отъ этой связи произошелъ родъ великановъ. Книга, въ которой они учили искусствамъ, названа Chêma; отсюда, слово chêma предпочтительно обозначаетъ искусство“,—а именно химію. А

теперь вспомнимъ, что chêma—слово египетское, означающее, „чернеть“; теперь, я думаю, понятны слова Дѣвы Міра, что Гермесъ-Камефисъ „почтилъ ее чернетью совершенства“—это значитъ: „научилъ ее химіи“—въ награду за ея любовь.

Дѣйствительно, химія, какою ее зналъ Египетъ, была искусствомъ приготовлять золото и серебро, особенно первое. При этомъ слово „приготовлять“ не слѣдуетъ понимать черезчуръ точно; задача была рѣшена, если удавалось представить металлъ, имѣющій внѣшній видъ золота. Однимъ средствомъ была позолота, другимъ—изготовленіе сплава, похожаго на искомый металлъ; при этомъ иногда дѣло велось чисто, иногда же съ несомнѣнной цѣлью обмана. Намъ сохранены рецепты той и другой категоріи. Этими рецептами, понятно, дорожили: они передавались отъ отца къ сыну, отъ учителя къ ученику, преимущественно устно; если же ихъ записывали, то только какъ опору для памяти, стараясь выражаться не слишкомъ ясно и часто нарочно затемняя смыслъ прибавленіемъ ненужныхъ и сбивающихъ съ толку словъ. Это дѣлалось и съ практической цѣлью —во избѣжаніе разглашенія,—и съ мистической: „демоны ревнуютъ къ грамотѣ“. А безъ демоновъ обойтись нельзя было: отъ нихъ зависѣлъ успѣхъ или неуспѣхъ дѣла, ихъ призывали къ его началу подобающими формулами и молитвами. Такъ-то составной частью химіи была магія: таково было египетское „чернокнижіе“.

Въ этомъ видѣ его приняли отъ нихъ греки. Впервые ли? Положительно отвѣтить на этотъ вопросъ нельзя. Я выше привелъ свидѣтельства о химическихъ свойствахъ воды Стикса, о золотѣ, какъ дарѣ Гермеса; сами греки называли своимъ первымъ химикомъ Демокрита. Мы съ первыхъ же ихъ шаговъ въ Египтѣ видимъ ихъ во всеоружіи чисто греческой научной терминологіи, съ очень незначительной египетской примѣсью; но какъ бы то ни было, если они и приняли химію отъ египтянъ, то они проникли ихъ своимъ научнымъ духомъ. Имъ было мало чисто ремесленныхъ рецептовъ о позолотѣ и поддѣлкѣ золота: мысль объ единствѣ вселенной подсказала имъ другую мысль—о возможности реальнаго *превращенія* другихъ металловъ въ золото. Этимъ былъ данъ сигналъ для продолжительной и плодотворной научной работы; „искусство“ Гермеса пережило паденіе его культа и сдѣлало популярнымъ его имя въ теченіе всего средневѣковья—христіанскаго и мусульманскаго—и доброй части новыхъ временъ. Теперь оно забыто, какъ забыта и концепція одушевленности элементовъ, и только осиротѣлое слово „герметическій“ напоминаетъ знатокамъ о томъ, кто нѣкогда считался творцомъ „черной науки“.

X.

Довольно, однако, о низшемъ герметизмѣ; попытаемся проникнуть въ сущность высшаго герметическаго ученія, бросивъ предварительный взглядъ на его источники. Это, во-первыхъ, дошедшіе до насъ въ особыхъ спискахъ 17 діалоговъ на греческомъ языкѣ; во-вторыхъ, большое „слово посвященія", сохраненное намъ только въ латинскомъ переводѣ, который раньше неправильно приписывали Апулею, подъ заглавіемъ „Асклепій"; въ-третьихъ, названная выше „Дѣва Міра", крупные отрывки которой намъ сохранены Іоанномъ Стовейскимъ въ его хрестоматіи. Эти сочиненія—далеко не все, что̀ въ древности приписывалось Гермесу Трижды-Великому,—даже если отнестись скептически къ свидѣтельству Ямблиха, говорящему о 20.000 его книгъ, и, вычеркнувъ пару нулей, зачислить въ эту цифру и многочисленныя произведенія по низшему герметизму съ алхиміей. Равнымъ образомъ, сочиненія эти не одновременны: древнѣйшее изъ нихъ (Пемандръ) въ своей первоначальной редакціи послужило источникомъ для „Пастыря" Эрмы, одного изъ первыхъ сочиненій христіанской литературы, будучи, такимъ образомъ, древнѣе II в. по Р. Х.; самое позднее (Асклепій) въ его нынѣшней редакціи относится къ эпохѣ императора Констанція (IV в.).

Начнемъ съ „Пемандра", прозрачное заглавіе котораго (Poimandres, „пастырь мужей") сохранило еще воспоминаніе о древнемъ богѣ-пастырѣ аркадской миѳологіи. Это—слово откровенія: говорящимъ представляется, повидимому, самъ Гермесъ Трижды-Великій. Онъ разсказываетъ, какъ въ экстазѣ, вызванномъ усиленнымъ погруженіемъ въ тайны мірозданія, ему явился самъ Пемандръ, „державный Разумъ", какъ онъ себя называетъ; при его содѣйствіи онъ вновь переживаетъ сотвореніе міра. Эта „пемандрова космогонія" въ главныхъ чертахъ совпадаетъ со страсбургской, только миѳологическія имена замѣнены аллегорическими. Въ началѣ былъ свѣтъ, онъ же и первый Разумъ, и тьма; послѣдняя рождаетъ изъ себя „влажную природу", дымящуюся какъ отъ огня и издающую жалобный звукъ. Отъ свѣта къ ней нисходитъ „священный Логосъ", благодаря которому происходитъ раздѣленіе стихій. Затѣмъ, „первый Разумъ", будучи обоеполымъ, рождаетъ Разумъ-Дэміурга и даетъ ему власть надъ высшей стихіей — огнемъ; онъ создаетъ семь планетныхъ божествъ, послѣ чего Логосъ съ нимъ соединяется. Оставленныя Логосомъ нижнія стихіи стали простой матеріей (hyle), и въ

качествѣ таковой произвели „безсловесныя твари". Тогда первый Разумъ... но то, что̀ слѣдуетъ, такъ оригинально и такъ красиво, что было бы жаль сокращать и измѣнять изложеніе подлинника.

„Тогда Разумъ, отецъ всего сущаго, будучи свѣтомъ и жизнью, родилъ подобнаго ему Человѣка; его онъ полюбилъ какъ своего сына. Онъ былъ вѣдь прекрасенъ, имѣя образъ отца; такъ-то, въ дѣйствительности, богъ полюбилъ свой собственный образъ. Ему онъ передалъ всѣ свои созданія. Онъ, созерцая твореніе Дэміурга въ огнѣ (т.-е. планетныя сферы), и самъ пожелалъ творить; и ему это было разрѣшено отцомъ. Очутившись въ сферѣ Дэміурга съ тѣмъ, чтобы имѣть власть надъ нею, онъ созерцалъ созданія брата (т.-е. планетныхъ боговъ), и они полюбили его, и каждый удѣлилъ ему часть собственнаго естества. Познавъ ихъ сущность и получивъ удѣлъ въ ихъ природѣ, *онъ пожелалъ разорвать вращеніе сферъ и разбить власть того, кто возсѣдаетъ надъ огнемъ*".

Мы здѣсь безъ труда узнаемъ знакомые мотивы изъ „Книги Бытія"; такъ какъ мы ниже найдемъ несомнѣнное заимствованіе изъ нея, то ничто не мѣшаетъ допустить ея непосредственное вліяніе и здѣсь. Но какъ смѣло и странно грѣхопаденіе ангеловъ соединено съ грѣхопаденіемъ человѣка! Не ангелъ, нѣтъ— самъ Человѣкъ, созданный Богомъ по Его образу и подобію и облагодѣтельствованный Имъ, пожелалъ возмутиться противъ Него и „разбить Его власть". Это рѣшеніе является послѣдствіемъ того, что планетные боги удѣлили ему своей силы; отсюда видно, что это были злыя вліянія. Какія — это Пемандръ старается опредѣлить ниже, но очень искусственно и неубѣдительно (§ 25). Гораздо удачнѣе попытка, о которой мы узнаемъ отъ Сервія, древняго комментатора Виргилія (къ кн. VI, 714 Энеиды). Согласно ей, душа человѣка, проходя для воплощенія черезъ планетныя сферы, заражается отъ медленнаго Сатурна вялостью, отъ властолюбиваго Юпитера спѣсью, отъ воинственнаго Марса вспыльчивостью, отъ прелестницы Венеры сладострастіемъ, отъ корыстолюбиваго Меркурія жадностью, (остатокъ я дополняю) отъ всепожирающаго Солнца обжорствомъ, отъ блѣдной Луны завистью. Вотъ они, семь смертныхъ грѣховъ церковнаго ученія, на которыхъ еще Данте построилъ свою концепцію чистилища! Кто бы могъ думать, что его корень находится въ астрологіи и въ герметизмѣ?

Но что̀ же дѣлаетъ грѣховный и мятежный Человѣкъ?

„И вотъ владыка всего смертнаго міра съ его безсловесными

тварями—прошелъ черезъ небесную гармонію, разорвавъ ея сферы и разбивъ силу бога; онъ показалъ нижней Природѣ прекрасный образъ бога; увидѣвъ его, вмѣстившаго въ себѣ всю силу распорядителей судьбы (т.-е. планетныхъ боговъ) и подобіе бога,—Природа ему *улыбнулась въ любви.* А онъ, увидѣлъ свое подобіе въ ней, отраженное ея водой, воспылалъ любовью къ нему и пожелалъ вселиться въ него; съ желаніемъ явилась и сила, и онъ вселился въ безсловесное подобіе. *А Природа, залучивъ къ себѣ возлюбленнаго, обвила его вся, и они совокупились*: они вѣдь были любовниками. И вотъ почему, въ отличіе отъ всѣхъ другихъ существъ земли, человѣкъ двойственenъ, будучи смертенъ своимъ тѣломъ и безсмертенъ благодаря тому сущному Человѣку".

Что̀ сказать объ этомъ дивномъ миѳѣ? Одно ясно: передъ нами уже не Книга Бытія, мы на греческой или грекоазіатской почвѣ. Человѣкъ нисходитъ къ Природѣ; Природа, прельщенная его неземной красотой, улыбнулась ему въ любви; чтобы имъ овладѣть, она показываетъ ему въ водѣ его собственное изображеніе. Дѣйствительно, онъ спускается къ прекрасному призраку; тогда она обвиваетъ его, и онъ принадлежитъ ей. Гдѣ-то читали и мы эту притчу. Такъ, Нарцисса любила нимфа Эхо, а онъ, безучастный къ ея мученіямъ, любовался на свое отраженіе въ ручьѣ, пока не испустилъ душу... Но здѣсь нѣтъ той черты, что нимфа овладѣла имъ, благодаря этой его себялюбивой страсти. Такъ, прекрасный Гермафродитъ, желая выкупаться въ принадлежащемъ нимфѣ Салмакидѣ ключѣ, подпалъ ея власти... Но здѣсь нѣтъ любви къ собственному отраженію. Такъ, наконецъ, юный Гиласъ, увидѣвъ свой призракъ въ ключевой водѣ, наклонился къ нему, любуясь его красотой,—а наяды ключа, плѣнившись имъ, увлекли его къ себѣ... Вотъ именно этотъ послѣдній разсказъ и содержитъ всѣ требуемыя черты. Къ тому же онъ былъ въ ходу у александрійскихъ поэтовъ: намъ сохранились поэтическія обработки и Ѳеокрита, и Аполлонія Родосскаго, и Каллимаха, послѣдняя — въ подражаніи Проперція. А затѣмъ — героя звали Гиласомъ (Hylas); въ Человѣка же герметической религіи была влюблена природа, матерія (hyle); должны ли мы признать это созвучіе случайнымъ? Не вѣроятно ли, что какой-нибудь поэтъ или мыслитель, пораженный этимологіей имени Гиласа, далъ миѳу о немъ космогоническое толкованіе, и что герметизмъ принялъ его въ свои откровенія?

Пемандръ продолжаетъ: „И вотъ таинство, скрытое до нынѣшняго дня. Природа, совокупившись съ Человѣкомъ, принесла чудо-чудное: такъ какъ Человѣкъ имѣлъ въ себѣ природу гар-

мовіи тѣхъ семи (планетныхъ боговъ)... то и Природа не остановилась, но родила семерыхъ людей, соотвѣтствующихъ природѣ семи правителей, обоеполыхъ и рѣющихъ въ воздухѣ... А когда исполнилось время, весь половой союзъ былъ разорванъ по волѣ Бога, всѣ обоеполыя существа раздѣлились вмѣстѣ съ человѣкомъ и стали мужскія сами по себѣ и женскія сами по себѣ. И тотъ же Богъ сказалъ святое слово: „*Растите въ ростѣ и умножайтесь во множествѣ, всѣ твари и созданія; и да познаетъ мыслящій человѣкъ самого себя, что онъ безсмертенъ, и что причина смерти — любовь, и да постигнетъ онъ смыслъ всего сущаго*".

Тутъ заимствованіе изъ Книги Бытія — „Растите и умножайтесь!"—такъ очевидно, что ученый византіецъ Пселлъ, воскресившій интересъ къ герметизму у себя на родинѣ, сдѣлалъ къ выписаннымъ словамъ слѣдующее замѣчаніе: „Повидимому, этотъ кудесникъ основательно ознакомился съ Божьимъ словомъ; на основаніи его онъ разсуждаетъ и о сотвореніи міра, и не останавливается передъ заимствованіемъ подлинныхъ словъ Моисея... Все-же онъ не соблюлъ простоты, ясности, прямоты, чистоты и вообще божественности Писанія, но впалъ въ привычное эллинскимъ мудрецамъ заблужденіе, въ аллегоріи и суесловія и фантазіи, оставивши прямой и вѣрный путь или, вѣрнѣе, выбитый изъ колеи Пемандромъ. А кто такой этотъ Пемандръ—ясно: тотъ же, кого мы называемъ „царемъ міра сего", или кто-нибудь изъ его свиты. Ибо дьяволъ — воръ, говоритъ Василій, и крадетъ наши слова, не для того, чтобы научить благочестію своихъ приверженцевъ, а для того, чтобы они, скрасивъ словами и мыслями правды свое нечестіе, сдѣлали его болѣе убѣдительнымъ для толпы".

Но это не все... Укажу вскользь на семерыхъ сыновей и семерыхъ дочерей Человѣка и Природы, въ которыхъ читатель безъ труда узнаетъ обѣ седьмицы Ніобидовъ аркадско-ѳиванскаго герметизма; число пришлось на руку астрологическимъ наклонностямъ общества и было поэтому сохранено. Но интереснѣе всего, конечно, послѣднія слова откровенія: „*Да познаетъ мыслящій человѣкъ самого себя, что онъ безсмертенъ, и что причина смерти—любовь*". Мы узнаемъ глубокомысленную концепцію, лежащую въ основѣ стольких греко-восточныхъ миѳовъ о безвременно погибшихъ юношахъ — Адонисѣ, Нарциссѣ, Гиласѣ: оплодотвореніе, т.-е. удѣленіе собственнаго естества, есть причина вѣчности породы, но въ то же время причина смерти индивидуума. Безсмертіе мыслимо либо для индивидуума, либо для

породы, но одинъ его видъ исключаетъ другой. Прачеловѣкъ представляется подъ видомъ цвѣтущаго юноши; онъ силенъ и божественъ, онъ могъ бы быть безсмертнымъ, если бы скрылъ въ себѣ самомъ производительную силу своего естества. Но именно этого не можетъ допустить божество разлитаго по всей природѣ стремленія къ бытію и передачѣ бытія, богиня любви и оплодотворенія, сама вѣчно-женственная Природа: она плѣняетъ возлюбленнаго отраженіемъ его особы въ ея естествѣ — и онъ передачей своей живительной силы обрекаетъ на гибель самого себя, свое индивидуальное существованіе. Таково значеніе герметической антропогоніи Пемандра.

Отъ нея прямой шагъ къ этикѣ: если любовь лишила человѣка личнаго безсмертія, то онъ можетъ обрѣсти его обратно лишь путемъ отвращенія отъ любви и всего, что съ нею связано; отсюда проповѣдь отреченія отъ чувственности, проповѣдь аскетизма. Пусть человѣкъ стремится при жизни оставить безъ примѣненія тѣ пагубные дары, которыми онъ обязанъ семи правителямъ, планетнымъ богамъ; тогда рокъ не будетъ имѣть власти надъ нимъ, онъ прорветъ сферы всесвязующей седьмицы и, отдавая поочередно каждому правителю его непримѣненный смертный грѣхъ, поднимется до восьмого неба, до святой „огдоады".

„Сказавъ мнѣ это, — продолжаетъ Гермесъ отъ себя, — Пемандръ возсоединился съ властями (огдоады); а я, воздавъ благодареніе и славословіе Отцу вселенной... началъ вѣщать людямъ красоту благочестія и знанія:—О народы, землеродные люди, отдавшіе себя пьянству и сну и невѣдѣнію бога, отрезвитесь, разсѣйте пары вина и чары неразумнаго сна!—Они, услышавши, дружно сошлись; я же имъ сказалъ:—Зачѣмъ вы, землеродные люди, отдали себя смерти, имѣя власть пріобщиться безсмертью? Покайтесь, вы, шествовавшіе съ заблужденіемъ и общавшіеся съ незнаніемъ; отрѣшитесь отъ темнаго свѣта, примите участье въ безсмертіи, оставивъ гибель!—И одни изъ нихъ съ глумленіемъ покинули меня, отдавъ себя пути, ведущему къ смерти; другіе же, бросаясь къ моимъ ногамъ, просили меня учить ихъ. А я, приказавъ имъ встать, сталъ предводителемъ ихъ рода, уча ихъ словами, какъ и какимъ образомъ они спасутся. И я посѣялъ въ нихъ рѣчи мудрости, и они были вскормлены водой безсмертія. А когда наступилъ вечеръ и весь сіяющій ликъ солнца сталъ погружаться, я приказалъ имъ благодарить Бога. И воздавъ благодарность, они обратились каждый къ своему ложу".

Такъ, около времени пришествія Христа, были основаны на

берегахъ Нила первыя герметическія общины. Призывъ къ покаянію и отрѣшенію отъ путей смерти раздавался не только изъ устъ учениковъ галилейскаго пророка: „пастырь мужей“ тоже собиралъ свое стадо, и оно росло, „умножаясь во множествѣ“, въ ожиданіи того дня, когда ему предстояло соединиться съ гораздо болѣе численной паствой Добраго Пастыря.

XI.

Дальнѣйшее движеніе герметической идеи опредѣляется двумя факторами: во-первыхъ, потребностью ея внутренняго послѣдовательнаго развитія и оправданія; во-вторыхъ, ея борьбой съ идеей христіанства. Начнемъ съ перваго: дѣйствительно, неудача герметизма въ первомъ направленіи стала одной изъ причинъ его неудачи также и во второмъ.

Мы исходимъ изъ выставленнаго уже выше новаго въ исторіи философія и тѣмъ не менѣе неоспоримаго принципа „*миѳологэма была матерью философэмы*“, или, выражаясь безъ аллегорій, при переходѣ человѣка отъ миѳологическаго къ философскому мышленію, направленіе этого послѣдняго обусловливалось конфигураціей предшествовавшихъ миѳологическихъ образовъ. Въ аркадскомъ герметизмѣ мы имѣли дѣло съ миѳологэмой: „Зевсъ родилъ Гермеса, Гермесъ родилъ Пана“; Панъ, какъ мы видѣли, былъ истолкованъ какъ Логосъ—„Слово“; а разъ это такъ, то Гермесъ, его отецъ, долженъ былъ превратиться въ Разумъ (Nûs), такъ какъ слово—порожденіе разума. Но что же тогда Зевсъ? Вѣра въ приматъ разума была вначалѣ сильна: выше разума можетъ быть только высшій, первый разумъ. Итакъ, Первый Разумъ родилъ Разумъ-Дэміурга; таковъ путь отъ древне-аркадской черезъ страсбургскую къ пемандровой космогоніи. Этой герметической троицѣ — Первому Разуму, Разуму-Дэміургу и Логосу—противополагается матерія, изъ которой былъ ею созданъ міръ; мы, такимъ образомъ, на почвѣ онтологическаго дуализма. Это слѣдуетъ имѣть въ виду.

Но Панъ, исходная точка этой спекуляціи, былъ чисто аркадскимъ божествомъ, неизвѣстнымъ прочей Греціи вплоть до историческаго времени; на второй родинѣ герметизма, въ Ѳивахъ, обходились безъ него. Здѣсь поэтому Логоса не знали; а поэтому не было никакого основанія видѣть въ Гермесѣ Разумъ. И дѣйствительно, метафизическое мышленіе пошло здѣсь по другому пути: мы видѣли уже, что Гермесъ былъ въ Ѳивахъ отождествленъ не съ Разумомъ, а съ Кадмомъ-Космосомъ, „супру-

гомъ“ Гармоніи. Итакъ, богъ есть міръ; мы безусловно на почвѣ пантеистическаго монизма. Въ птолемеевскомъ Египтѣ оба направленія столкнулись, сплелись; затѣмъ, придя къ сознанію своей разнородности, вступили въ борьбу; затѣмъ, въ виду общаго врага, попытались примириться. Въ сохранившихся герметическихъ трактатахъ мы находимъ слѣды и борьбы, и примиренія; разобраться въ нихъ поэтому довольно затруднительно.

Сосредоточимся сначала на дуалистическомъ направленіи.

Основная герметическая троица — Первый Разумъ, Разумъ-Дэміургъ и Логосъ—выросши изъ миѳологэмы, по исчезновеніи этой послѣдней изъ сознанія, стала чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе ощущаться какъ ирраціональная. Уже Логосъ въ сущности немногимъ отличался отъ Разума—онъ былъ вѣдь не просто словомъ, а „словомъ-разумомъ“; разграниченіе же перваго разума отъ второго не могло не показаться страннымъ. Пробовали-было спасти это раздвоеніе пріобщеніемъ платоническаго представленія о двухъ мірахъ, мірѣ идей и мірѣ явленій, мірѣ мыслимомъ и мірѣ видимомъ. Первый Разумъ создалъ міръ мыслимый; Разумъ-Дэміургъ, въ подражаніе ему, создалъ міръ видимый. Дѣйствительно, уже пемандрова космогонія содержитъ вставку въ этомъ духѣ, но она не привилась. Гораздо соблазнительнѣе было подвергнуть нашу троицу упрощенію, признавая бога-творца единымъ, а разумъ съ логосомъ—его орудіями. Этотъ шагъ былъ сдѣланъ въ трактатѣ № 4 подъ заглавіемъ: „Чаша—или монада“. Богъ есть дэміургъ, т.-е. творецъ; логосъ онъ даровалъ всѣмъ людямъ; что же касается разума, то онъ пожелалъ, чтобы они сами стремились къ нему. Для этого онъ наполнилъ имъ чашу и послалъ „вѣстника“ объявить душамъ: „*Погрузись* (baptison) *въ чашу, ты, могущая погрузиться,—ты, вѣрующая, что взойдешь къ ниспославшему чашу,—ты, вѣдающая, для чего ты сотворена*“! Кто такой этотъ вѣстникъ — не сказано; но герметисты видѣли въ немъ Пемандра, и еще въ IV-мъ вѣкѣ алхимистъ Зосимъ приглашаетъ свою подругу Ѳеосевію „погрузиться въ чашу Пемандра“. Кстати: отъ читателя не ускользнуло, что понятіе „погрузиться“ выражено по-гречески знаменательнымъ словомъ, встрѣчающимся и у христіанъ и означающимъ у нихъ „крещеніе“.

Итакъ, богъ есть монада, а не троица; міръ созданъ имъ, но созданъ изъ матеріи, а матерія—злая; богъ—добро и источникъ блага, міръ—обитель зла. Эту мысль мы встрѣчаемъ уже въ пемандровой космогоніи: даже отъ планетныхъ боговъ, созданныхъ изъ огня, Человѣкъ заразился пороками, еще прежде

чѣмъ подпасть власти Природы нижнихъ стихій. Весь трактатъ № 6 посвященъ развитію мысли, что „благо только въ богѣ, а кромѣ его нигдѣ". Богъ, міръ, человѣкъ—такова новая герметическая троица. Богъ—безусловно благъ; міръ—безусловно золъ; человѣкъ, исходящій отъ обоихъ — и благъ, и золъ. Съ богомъ онъ общается путемъ разума (nûs) и мышленія (noêsis), съ міромъ—посредствомъ чувствованія (aisthêsis); къ богу его ведутъ посланцы бога, которые либо отожествляются съ воплощенными въ человѣкѣ частями божественнаго разума („Пемандръ"), либо представляются его вѣстниками („Чаша"); къ міру—„карающіе демоны", исходящіе отъ міра. Если человѣкъ съумѣлъ отрѣшиться отъ чувствованій и отдать себя разуму, то онъ восходитъ къ „огдоадѣ", т.-е. надпланетной сферѣ, и возсоединяется съ божествомъ; это его „возрожденіе" (трактатъ 13, „Тайная рѣчь на горѣ"). Если же онъ отдаетъ себя чувствованіямъ, то его душа остается на землѣ, переселяясь все въ новыя человѣческія тѣла —человѣческія, но не звѣриныя: „никакое другое тѣло не можетъ вмѣстить человѣческую душу, да и нечестиво, чтобы человѣческая душа пала въ тѣло безсловесной твари: таковъ законъ бога, чтобы сохранить человѣческую душу отъ такого позора" (трактатъ 10, „Ключъ"). Но кто совершаетъ въ человѣкѣ это возрожденіе? Это—„сынъ божій, онъ же и человѣкъ, по волѣ бога", отвѣчаетъ „тайная рѣчь". Разумѣется, повидимому, Гермесъ; но читатель видитъ, до какой степени правъ былъ Василій Великій, утверждая, что „дьяволъ—воръ".

Все это звучитъ довольно послѣдовательно, но на практикѣ колебанія были неизбѣжны; упраздненіе Разума-Дэміурга оставило послѣ себя пробѣлъ, который многими ощущался какъ таковой. И вотъ, одни пытаются устранить причину, вызвавшую это упраздненіе другимъ толкованіемъ исконной герметической троицы. Логосъ—сынъ Разума (второго, Дэміурга), а Разумъ чей сынъ?— „Воли", отвѣчаютъ они; итакъ, первый богъ есть Воля. Но эта замѣчательная мысль, замѣнившая античный приматъ разума приматомъ воли и какъ бы предварившая величественную концепцію Шопенгауэра, только мелькаетъ въ герметической литературѣ („Ключъ"); она еще не имѣла почвы въ мышленіи человѣчества. Другой, очевидно подъ вліяніемъ гностическихъ ученій, вводитъ какъ непосредственнаго творца міра Эонъ (тр. 11, „Разумъ къ Гермесу"); третій—взятаго изъ эллинизованной египетской религіи Добраго Демона (тр. 12), который сталъ, такимъ образомъ, божественнымъ дѣдомъ Гермеса. Но всѣ эти вымыслы были эфемерны: объ отрицательномъ къ нимъ отношеніи серьезныхъ гер-

метистовъ свидѣтельствуетъ тр. 14-й, энергично отстаивающій строгій дуализмъ творца и творенія: „слѣдуетъ отрѣшиться отъ многословія и суесловія, и признать только эти два начала, созидаемаго и создающаго; ни средняго, ни третьяго къ нимъ нѣтъ. О чемъ бы ты ни размышлялъ и что бы ни слышалъ, помни объ этихъ двухъ началахъ и знай, что въ нихъ заключается все".

Таковъ герметическій дуализмъ; перейдемъ, однако, и къ *пантеистическому* теченію. Тутъ прежде всего надо помнить, что герметическій пантеизмъ, подобно стоическому, не былъ очень строгъ: онъ, вѣдь (согласно старинному уравненію Гермесъ-Космосъ), отожествлялъ міръ не съ первымъ, а лишь со вторымъ богомъ. „Господинъ и творецъ всего сущаго, котораго мы называемъ богомъ, создалъ второго бога, видимаго и ощутимаго... Создавъ это единственное существо, занимающее первое мѣсто среди созданій и второе послѣ него, онъ нашелъ его прекраснымъ и полнымъ всякихъ благъ и полюбилъ его какъ часть своего божества. Итакъ, чтобы онъ былъ и великъ, и благъ, онъ пожелалъ, чтобы былъ другой, способный созерцать это его твореніе, и сотворилъ человѣка, какъ отраженіе своего разума и слова" (Асклепій, гл. 8). Итакъ, та же троица, что и у позднѣйшихъ дуалистовъ, но съ однимъ крупнымъ различіемъ: богъ, міръ и человѣкъ—всѣ трое божественны. „Богъ—первое существо; міръ—второе существо и первое измѣняющееся; человѣкъ — второе измѣняющееся и первое смертное" („Ключъ"). „Богъ — безсмертный человѣкъ, человѣкъ — смертный богъ" (тамъ же и тр. 12).

Все это выходило довольно изящно; затруднителенъ былъ, однако, при указанныхъ условіяхъ отвѣтъ на вопросъ, откуда произошло зло. Именно легкость отвѣта на этотъ вопросъ составляла силу дуалистовъ: благо отъ бога, зло—отъ міра. Но разъ міръ былъ божественъ, то злымъ онъ быть не могъ; и дѣйствительно, благость міра—основной догматъ пантеистовъ, какъ читатель могъ усмотрѣть изъ приведенныхъ словъ автора „Асклепія". Прекрасно; но зло то все-таки есть; откуда же оно взялось? Оно,—отвѣчаетъ авторъ 14-го трактата,— возникло само собою, какъ ржавчина на металлѣ, какъ грязь на тѣлѣ: не кузнецъ же дѣлаетъ ржавчину, не родители родятъ грязь. Понятно, что этотъ наивный отвѣтъ никого не удовлетворилъ; пришлось прибѣгнуть къ другимъ изворотамъ. Уже авторъ трактата объ Эонѣ (№ 11) съ этой цѣлью, повидимому, отдѣляетъ міръ отъ земли; опираясь на это отдѣленіе, авторъ пантеистическаго трак-

тата № 9 („О мышленіи и чувствованіи") признаетъ „зло въ землѣ, а не въ мірѣ, какъ нѣкогда, кощунствуя, скажутъ нѣкоторые" — явная полемика съ дуалистическимъ трактатомъ № 6: будущее время—„скажутъ"—объясняется тѣмъ, что трактатъ влагается въ уста древнему Гермесу. Особенно удовлетворительнымъ, понятно, и это рѣшеніе признать нельзя; было предложено третье. Зло было пріурочено къ человѣку; конечно, для этого нужно было разорвать непосредственную связь между нимъ и богомъ. Вопреки формулѣ „Асклепія", было предположено, что человѣкъ не былъ созданъ богомъ: сыномъ бога былъ міръ, сыномъ міра—человѣкъ (трактатъ 9 и 10). Богъ благъ, человѣкъ золъ; что касается міра, то онъ, занимая среднее положеніе, по необходимости долженъ былъ оказаться нейтральнымъ, „не благимъ, не злымъ" („Ключъ"). Но что же онъ тогда? Тутъ, наконецъ, греческая мысль познала себя и отвѣтила: „онъ прекрасенъ, но не благъ и не золъ" („Ключъ"). Подхватила эту мысль полу-пантеистическая „Дѣва Міра" въ своей поэтической космогоніи: „Богъ улыбнулся и своей улыбкой создалъ прекрасную Природу". Ея дальнѣйшее развитіе мы имѣемъ въ недавно найденномъ герметическомъ гимнѣ (изд. Dieterich, Abraxas, 1891): богъ смѣется семикратно и каждый разъ своимъ смѣхомъ создаетъ начало или божество природы; но въ седьмой разъ „богъ засмѣялся и, среди смѣха, вздохнулъ и пролилъ слезу: возникла человѣческая Душа".

Конечно, мы не можемъ поручиться, что найденное авторомъ „Ключа" рѣшеніе—по-истинѣ, „ключъ" загадки—стало общепринятымъ въ пантеистическомъ герметизмѣ догматомъ; но кто желалъ быть послѣдовательнымъ, тотъ долженъ былъ его признать, и заодно преобразовать и другія части герметическаго ученія. У дуалиста человѣкъ, происходя и отъ бога, и отъ міра, общается съ первымъ путемъ мышленія (noêsis), со вторымъ — путемъ чувствованія или ощущенія (aisthêsis); пантеисты вначалѣ не прочь были удержать это столь удобопонятное опредѣленіе (тр. 8), но современемъ догадались (тр. 9): вѣдь это значило бы, что богъ лишенъ ощущенія, а міръ — разума, — а этого допустить нельзя: „неправда, будто богъ, какъ это утверждаютъ нѣкоторые, лишенъ разума и ощущенія,—чрезмѣрное благочестіе заставляетъ ихъ кощунствовать". А если такъ, то неправда и то, что отрѣшеніе отъ ощущеній приблизитъ насъ къ богу; тотъ аскетизмъ, который былъ существенной частью дуалистическаго герметизма, теряетъ свое право на существованіе въ его пантеистической вѣтви. И здѣсь души, воплощаясь, проходятъ черезъ планетныя сферы, но не пороками онѣ отъ

нихъ заражаются. „Солнце сказало: я дамъ имъ больше свѣта. Луна обѣщала озарить слѣдующую за Солнцемъ колею и напомнила, что она уже родила Страхъ, и Молчаніе, и Сонъ, и Память, которой предстояло стать для нихъ столь полезной. Сатурнъ объявилъ, что онъ сталъ уже отцомъ Правды и Необходимости. Юпитеръ сказалъ: чтобы грядущее племя не враждовало постоянно, я произвелъ ему Счастье, и Надежду, и Миръ. Марсъ сознался, что у него уже есть дѣти—Соревнованіе, Гнѣвъ и Распря. Венера не заставила себя ждать и сказала:—А я къ нимъ приставлю Желаніе, и Наслажденіе, и Смѣхъ, чтобы родственныя намъ души, подверженныя тяжкому приговору, не были чрезмѣрно наказаны. *И богъ болѣе всего обрадовался этимъ словамъ Венеры.*—А я,—сказалъ Меркурій (Гермесъ),—сдѣлаю природу людей ловкой и подарю имъ Мудрость и Здравомысліе, и Убѣжденіе, и Истину“ („Дѣва Міра“). Какъ видно, не аскетическимъ представляетъ себѣ авторъ желательный для человѣка путь жизни; что же касается спеціально закона Венеры, то онъ прямо обязателенъ для человѣка. Прошу сравнить злорадствующую пантеистическую вставку въ строго дуалистическомъ трактатѣ № 2; придираясь къ словамъ трактатиста, что богъ есть отецъ, авторъ вставки продолжаетъ: „Поэтому дѣторожденіе—самое серьезное и въ то же время самое благочестивое старанье въ жизни для здравомыслящихъ людей; и величайшее несчастье и нечестье—бездѣтнымъ оставить жизнь. Такой человѣкъ послѣ смерти наказуется демонами; наказанье же состоитъ въ слѣдующемъ: душа бездѣтнаго опредѣляется въ тѣло, не имѣющее природы ни мужчины, ни женщины, что̀ проклято подъ солнцемъ. Поэтому, Асклепій, не поздравляй бездѣтныхъ, а напротивъ, соболѣзнуй имъ, зная, какое ихъ ждетъ наказаніе“. Еще недвусмысленнѣе выражается авторъ „Асклепія“ (гл. 20 сл.): *Гермесъ.*—Вотъ, Асклепій, почему и какимъ образомъ всѣ вещи бываютъ обоего пола.—*Аскл.*—Не исключая и бога, о Трижды-Великій!—*Герм.*—Ни бога, Асклепій, ни какого бы то ни было одушевленнаго или неодушевленнаго существа. Немыслимо вѣдь, чтобы что-либо изъ сущаго было неплодно; отними плодовитость у чего-либо изъ сущаго—и ему невозможно будетъ быть вѣчно... Оба пола полны зиждительной силы, и ихъ соединеніе или, говоря правильнѣе, единство не поддается пониманію; его ты можешь по праву назвать либо Купидономъ, либо Венерой, либо тѣмъ и другимъ именемъ. И если умъ можетъ воспринять что-либо еще болѣе истиннаго и очевиднаго, чѣмъ сама истина, такъ это—таинство рожденія, которое тотъ богъ всей природы присвоилъ на всѣ времена всѣмъ

существамъ и въ которое онъ вселилъ величайшую нѣжность, веселье, отраду, желаніе и божественную любовь. И я счелъ бы нужнымъ развить силу и властность этого таинства, еслибы она не была извѣстна каждому по наблюденію самого себя. Но достаточно обратить вниманіе на одинъ тотъ мигъ, когда, въ силу крайняго возбужденія, одна природа въ другую вливаетъ живительное начало, а другая съ жадностью его поглощаетъ и внѣдряетъ въ себя,—какъ тогда, вслѣдствіе взаимнаго смѣшенія, женщина получаетъ силу мужчины, мужчина слабѣетъ въ женственной истомѣ. Дѣйствіе же этого столь нѣжнаго и нужнаго таинства потому совершается сокровенно, чтобы божественности той и другой природы при совокупленіи половъ не пришлось краснѣть отъ насмѣшекъ профановъ, а тѣмъ болѣе—нечестивцевъ".—Не правда ли, какъ далеки мы отъ тѣхъ прежнихъ жесткихъ и строгихъ словъ дуалистическаго откровенія: *да познаетъ мыслящій человѣкъ самого себя, что онъ безсмертенъ и что причина смерти—любовь!* Положительно, остался только шагъ до кощунственной вставки въ тр. 15 (§ 16): „не любовь, а логосъ—тотъ, кто блуждаетъ и заставляетъ блуждать".

При всемъ томъ и пантеистическій герметизмъ допустилъ восхожденіе человѣческой души къ божеству и ея нисхожденіе—это въ отличіе отъ дуализма—въ звѣриныя тѣла. Дѣйствительно, разумъ (nûs) разлитъ по всему міру; имѣется онъ и у звѣрей, у которыхъ мы называемъ его „природой", т.-е., по нашему, инстинктомъ (тр. 21). Восхожденіе достигается благодаря добродѣтелямъ, особенно благочестію; нисхожденіе—кара за пороки. Общая схема, такимъ образомъ, одинакова,—только содержаніе стало инымъ.

Такъ-то двойственность старинной миѳологэмы—Гермесъ-Разумъ и Гермесъ-Космосъ—стала роковой для всего дальнѣйшаго развитія герметизма; онъ запутался въ скрещивающихся нитяхъ дуалистическихъ и пантеистическихъ концепцій и запутался безъисходно. Раздѣленіе на два толка много бы способствовало выясненію дѣла, но именно его не послѣдовало: всѣ, кто вѣровалъ въ Гермеса, принадлежали къ той же герметической общинѣ; книги откровенія были общимъ достояніемъ—все равно, имѣли ли онѣ первоначально дуалистическій, или пантеистическій характеръ. Борьба сказывалась въ томъ, что къ рѣзкимъ проявленіямъ того или другого направленія дѣлались полемическія приписки противоположнаго характера: а позднѣе стали писать примирительные трактаты, вродѣ много разъ упомянутаго „Ключа", въ которыхъ враждующія ученія растворя-

лись въ высшемъ—увы, недостижимомъ—единствѣ. Видно, герметизму недоставало той пламенной вѣры въ непреложность откровенія, которая обезпечила побѣду его великому сопернику—христіанству.

XII.

Христіанство ни разу не упоминается въ герметическихъ трактатахъ; все-же его близость чувствуется нами при внимательномъ ихъ чтеніи. Главное послѣдствіе этой близости состояло въ томъ, что пантеистическое направленіе чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе стало преобладать надъ дуалистическимъ. Дѣйствительно, христіанство покоилось на дуализмѣ, имѣя въ своемъ основаніи представленіе о богоотчужденной природѣ; дуалистическій герметизмъ, вродѣ пемандровыхъ откровеній, будучи посредствующимъ типомъ между дуалистическимъ христіанствомъ и пантеистическимъ герметизмомъ, былъ этимъ самымъ обреченъ на исчезновеніе. Вотъ почему именно послѣдніе герметическіе трактаты—„Дѣва Міра", „Асклепій"—принадлежатъ болѣе или менѣе явно къ пантеистическому направленію.

Идея же аскетизма, какъ мы видѣли, была порожденіемъ дуалистическаго міровоззрѣнія; понятно, что герметизмъ ею пожертвовалъ. Не забудемъ, что борьба велась на египетской почвѣ, видѣвшей первые и наиболѣе яркіе примѣры христіанскаго подвижничества; тягаться съ христіанскимъ аскетизмомъ было трудно — лучше было поднять знамя противоположной идеи, Природы. Съ этой точки особенно интересны выписанныя выше мысли о дѣторожденіи и физической любви: читатель согласится, что въ нихъ очень слышно звучитъ полемическая нотка. „Не поздравляй бездѣтнаго, а соболѣзнуй ему"—чтобы вполнѣ понять этотъ совѣтъ, нужно представить себѣ картину христіанскаго монаха, осуждающаго себя на безбрачіе и, стало быть, бездѣтность. Онъ дѣлаетъ это ради высшихъ наградъ, обѣщанныхъ его религіей,—а Гермесъ говоритъ ему, что онъ будетъ не награжденъ, а наказанъ переселеніемъ его души въ безполое тѣло, проклятое подъ солнцемъ. Осужденіе аскетизма повело вообще къ снисходительному взгляду на человѣческія слабости. Содѣйствовала этому и астрологія: планетныя божества заранѣе опредѣлили человѣку его жизненный путь. Одна только добродѣтель и одинъ грѣхъ всецѣло зависятъ отъ человѣка и имѣютъ, поэтому, рѣшающее вліяніе на его восхожденіе или нисхожденіе; эта добродѣтель—благочестіе, этотъ грѣхъ—нечестіе. „Вокругъ солнца рѣютъ лики демоновъ, многочисленные и похожіе на

разнообразныя войска; они, живя вблизи смертныхъ, недалеки отъ безсмертныхъ, и, занимая промежуточное мѣсто, видятъ дѣла людей; они исполняютъ приказанія боговъ, наказывая нечестіе бурями и смерчами, молніями и пожарами, а равно и голодовками, и войнами. Ибо это величайшій грѣхъ для смертныхъ по отношенію къ богамъ... всѣ другія прегрѣшенія смертныхъ, совершаемыя подъ вліяніемъ заблужденія, или пылкости, или необходимости, которую зовутъ рокомъ, или незнанія—не подлежатъ отвѣту передъ богами, одно только нечестіе подлежитъ карѣ" (тр. 15, „Опредѣленія Асклепія"). А что такое нечестіе—ясно: со стороны герметизма нечестіемъ будетъ измѣна герметизму и переходъ въ христіанство. Всѣ другіе грѣхи простительны, одно только отщепенство непростительно: такъ учитъ религія, борющаяся за свое существованіе.

Нечестивцами вообще слыли христіане съ точки зрѣнія языческаго общества и языческихъ властей; *герметизмъ заключаетъ тѣснѣйшій союзъ и съ обществомъ, и съ властями.* Отсюда его строго вѣрноподданническій характеръ.

Въ сущности, тутъ ничего особеннаго не было: всѣ античныя религіи—религіи государственныя, болѣе или менѣе тѣсно связанныя съ формами правленія. Въ Египтѣ еще Птолемеи называли себя земными отраженіями Гермеса; когда надъ Востокомъ блеснула звѣзда молодого Цезаря, было естественно объявить новымъ Гермесомъ именно его. Таковъ—какъ это основательно развиваетъ Рейценштейнъ (176 сл.)—смыслъ заключительныхъ строфъ второй оды Горація (пер. Фета):

Склонись, сынъ Маи, станъ съ проворными крылами
На образъ юноши земной перемѣнить:
Мы будемъ признавать, что избранъ ты богами
За Цезаря отмстить.
Надолго осчастливь избранный градъ Квирина,
Да не смутитъ тебя гражданъ его порокъ,
И поздно ужъ отъ насъ подыметъ властелина
Летучій вѣтерокъ.

Но герметизму не удалось пріобщить Августа къ сонму своихъ божествъ: не Гермесъ, а Аполлонъ сталъ покровителемъ юной имперіи. Еще разъ—въ послѣдній разъ—религія Аполлона побѣдила религію Гермеса. Вообще, при строго національныхъ римскихъ императорахъ изъ Юліевъ и Флавіевъ, герметизмъ не дѣлалъ успѣховъ въ Римѣ; положеніе дѣлъ могло измѣниться къ лучшему для него лишь въ правленіе Антониновъ. Правда, и для ихъ эпохи у насъ данныхъ нѣтъ: таковыя начинаются лишь

съ третьяго вѣка. Въ это время, по волѣ императоровъ, появляется новое всеобъемлющее божество—богъ-Солнце; и вотъ герметизмъ торопится принять его въ свою систему. Уже въ трактатѣ № 5 мы находимъ знаменательную вставку (§ 3): „Солнце—высшій богъ среди небесныхъ боговъ, всѣ небесные боги подчиняются ему, какъ своему царю и властителю". Но настоящую теорію солнцепочитанія развиваютъ „Опредѣленія Асклепія" (тр. 15). Солнце не болѣе и не менѣе какъ дэміургъ, управляющій вселенной, низводящій сущность и возводящій матерію. Онъ же и носитель мыслимой сущности (т.-е., очевидно, того, что Пемандръ называлъ nûs'омъ): она живетъ въ его свѣтѣ и путемъ его лучей проникаетъ въ людскіе умы. Самъ же онъ „стоитъ въ серединѣ, имѣя вокругъ себя міръ на подобіе вѣнца, и точно хорошій возница, укрѣпивъ колесницу міра и привязавъ ее къ себѣ, чтобы она не неслась безъ порядка". Міръ—вѣнецъ, міръ—колесница: метафоры перепутаны, но основное представленіе ясно; мы видимъ передъ собой божественнаго возницу съ вѣнцомъ изъ лучей, каковымъ изображался богъ-Солнце въ третьемъ вѣкѣ.

Но мало было включить въ герметизмъ излюбленную религію властителей: нужно было включить ихъ самихъ. Всѣмъ извѣстно, что нововведеніемъ римскаго принципата былъ культъ императора: культъ его генія на западѣ, культъ его самого на востокѣ; императоръ сталъ по-истинѣ всеримскимъ божествомъ, признаваемымъ государственной религіей, особенно—войска, но не включеннымъ ни въ одну изъ существовавшихъ и связанныхъ съ ученіемъ религій. Единственное исключеніе составляетъ, насколько мы можемъ усмотрѣть, герметизмъ. Теорію императорской божественности выработала „Дѣва Міра" и притомъ, повидимому, еще раньше III-го вѣка: это мы заключаемъ изъ того, что она еще отличаетъ солнце отъ Дэміурга. Мірозданіе, учитъ она, состоитъ изъ четырехъ частей: неба, эѳира, воздуха и земли. На небѣ живутъ боги; управляетъ ими Дэміургъ. Въ эѳирѣ рѣютъ свѣтила; управляетъ ими солнце. Въ воздухѣ рѣютъ демоны; управляетъ ими луна. На землѣ живутъ люди; управляетъ ими царь. „Царь—послѣдній изъ боговъ и первый изъ людей".—„Вселяемая въ него душа происходитъ изъ мѣста, находящагося выше тѣхъ мѣстъ, откуда ниспосылаются души въ другихъ людей".—Но настоящій панегирикъ царской власти находимъ мы въ тр. № 17—„Къ царямъ", написанномъ, повидимому, въ эпоху Діоклетіана. Божества составляютъ въ вышнихъ согласную семью, небесный первообразъ царской четверицы, вве-

денной именно Діоклетіаномъ: „нѣтъ тамъ у нихъ другъ съ другомъ раздоровъ, нѣтъ измѣнъ; всѣ одинаково настроены, у всѣхъ промыслъ одинъ, одно чувство ими руководитъ: одна и та же любовь ихъ вдохновляетъ, созидая гармонію всего сущаго“.— „Добродѣтель и имя царя одни обезпечиваютъ миръ. Царь (basileus) потому и названъ, что онъ легкой поступью (basei leiâ) ходитъ по вершинѣ и властвуетъ надъ словомъ, созидающимъ миръ... Оттого-то одно имя царя часто заставляетъ врага отступать... часто одно изображеніе царя доставляло войску побѣду“. Мы привыкли читать эти и имъ подобныя мысли въ похвальныхъ словахъ императорамъ, сохраненныхъ намъ именно изъ Діоклетіановой эпохи; но кто бы ожидалъ встрѣтить ихъ въ религіозныхъ трактатахъ?

Ниже и ниже преклоняетъ Трижды-Великій свое чело передъ властью земного бога. Божій судъ былъ раньше надеждой и оплотомъ для тѣхъ, кого постигалъ неправый приговоръ изъ устъ царя и его замѣстителей; теперь онъ измѣняетъ свое значеніе и дѣлается смиреннымъ исполнителемъ царскихъ приговоровъ. „Какіе преступники,—спрашиваетъ Асклепій,—достойны самыхъ тяжелыхъ наказаній?“ — „Тѣ,—отвѣчаетъ Гермесъ,—которые, бывъ осуждены людскими законами, насильственно лишаются жизни и о которыхъ поэтому можно сказать, что они не должную дань возвратили природѣ, а получили заслуженное своими дѣяніями наказаніе“ (гл. 29). Такова отповѣдь герметизма христіанамъ, взывавшимъ отъ царскаго суда къ суду своего Бога: не награда за подвигъ, а избытокъ наказанія ждетъ ихъ на томъ свѣтѣ, такъ какъ ихъ насильственная смерть, нарушающая законы природы, есть новый грѣхъ съ ихъ стороны.

Такъ-то по всей линіи дается отпоръ христіанскому ученію. Ихъ аскезу противопоставляется угожденіе природнымъ инстинктамъ, ихъ отказу въ поклоненіи императорамъ—обоготвореніе этихъ послѣднихъ, ихъ упованіямъ на Божій судъ—подчиненіе этого суда императорскому. Само собой разумѣется, что и по вопросу о поклоненіи кумирамъ герметизмъ выступилъ противъ христіанства—правда, путемъ теоріи, которую само христіанство не замедлило признать правильной. Авторъ 16-го трактата, отъ котораго намъ сохранился только конецъ, исходитъ изъ платоническаго противопоставленія мыслимаго и видимаго міра, понимаемаго имъ, впрочемъ, довольно наивно. Онъ установляетъ существованіе „безтѣлесныхъ тѣлъ“, каковы отраженія зеркалъ и идеи; участвующій въ бесѣдѣ царь (очевидно, Аммонъ) вполнѣ согласенъ съ этимъ положеніемъ своего пророка Тата, и послѣдній продолжаетъ: „Итакъ, есть взаимоотношеніе между тѣ-

лами и безтѣлесными предметами, а стало быть, между мыслимымъ и видимымъ міромъ. А поэтому, о царь, *воздавай почитаніе кумирамъ*, такъ какъ и въ нихъ живутъ идеи мыслимаго міра". Заключеніе нѣсколько неожиданное: объясненій не дается никакихъ, царь встаетъ, находя, что ему нужно позаботиться о гостяхъ. Зато мы находимъ недостающее объясненіе въ самомъ позднемъ изъ герметическихъ діалоговъ, въ „Асклепіи" (гл. 23): „А такъ какъ намъ предстоитъ рѣчь о родствѣ и общеніи боговъ и людей, то узнай, Асклепій, власть и силу человѣка. Какъ богъ—нашъ господинъ и отецъ—творецъ небесныхъ боговъ, такъ человѣкъ—творецъ тѣхъ боговъ, которые живутъ въ храмахъ, довольствуясь близостью людей"... „Ты говоришь о кумирахъ, о Трижды-Великій?"—„Да, Асклепій, о кумирахъ; или уже и тобой овладѣло сомнѣніе? О кумирахъ, одушевленныхъ и полныхъ чувства и разума, совершающихъ столь великія и разнообразныя дѣла, о кумирахъ, обладающихъ предвѣдѣніемъ, объявляющихъ людямъ будущее въ жребіяхъ, пророчествахъ, снахъ и другими средствами, посылающихъ на людей болѣзни и внушающихъ имъ, смотря по заслугамъ, грусть или радость, указывающихъ способы къ ихъ исцѣленію... (гл. 37).—„Наши предки... нашли средство создавать боговъ; нашедши его, они прибавили къ нему соотвѣтственную силу, заимствованную изъ природы міра: такъ какъ создавать души они не могли, то они вызвали души демоновъ или ангеловъ и вселили ихъ въ кумиры путемъ священныхъ и божественныхъ таинствъ, вслѣдствіе чего кумиры получили силу творить и добро, и зло". Разумѣется, христіане противъ этой теоріи ничего бы не возразили: и по ихъ мнѣнію, языческій кумиръ былъ одержимъ демоническими, т.-е. дьявольскими силами.

„А потому, о царь, воздавай почитаніе кумирамъ!" Всякое дяяніе требуетъ воздаянія; мы послушно слѣдили за развитіемъ вашей религіозной мысли; соотвѣтственно измѣняя наше ученіе, мы подчинили вашему суду судъ нашего бога; мы отвели вамъ самимъ мѣсто въ нашемъ пантеонѣ—позаботьтесь же о томъ, чтобы вѣра въ смыслъ и силу нашихъ символовъ не угасала среди людей. Герметизмъ недаромъ заключилъ союзъ съ царской властью: теперь, когда въ сознаніи людей почва ускользала изъ-подъ его ногъ, когда поклонниковъ „нечестья" становилось все больше и больше—онъ взывалъ къ своему союзнику, чтобы вернуть себѣ прежнюю силу. Но, увы,—союзъ съ властью не бываетъ надеженъ для гибнущихъ идей. И царь, поднявшись, сказалъ: „Пора намъ, пророкъ, позаботиться и о гостяхъ". А гостей было много: и города, и войска, и самъ императорскій

дворъ были переполнены гостями изъ Галилеи. И Константинъ позаботился о нихъ; былъ изданъ миланскій эдиктъ. И еще усерднѣе позаботился о нихъ его сынъ Констанцій: мало-по-малу язычники заняли то мѣсто, которое раньше принадлежало христіанамъ, и герметизму пришлось раскаяться въ томъ, что онъ такъ довѣрчиво возвысилъ царскій судъ надъ судомъ бога. Мы естественно склонны сочувствовать побѣждаемымъ, хотя бы они и сами были виновны въ своемъ пораженіи; но даже самые строгіе изъ насъ, полагаю я, не откажутъ въ своемъ участіи этому предсмертному воплю гибнущаго герметизма, который сохранился намъ въ видѣ вставки во много разъ уже названномъ трактатѣ: „Асклепій". Не забудемъ, что говорящимъ предполагается Гермесъ, пророкъ глубокой старости (гл. 24):

„Придетъ время, когда Египетъ окажется напрасно окружившимъ божество всѣмъ благочестіемъ старательнаго почитанія, когда все его преклоненіе передъ нимъ станетъ безплоднымъ начинаніемъ. Тогда божество вернется съ земли на небо, Египетъ будетъ покинутъ, земля, бывшая обителью богопочитанія, овдовѣетъ, оставленная присутствіемъ боговъ. Пришельцы заполнятъ эту страну; послѣдуетъ не только пренебреженіе къ стариннымъ обрядамъ, но, что̀ еще горше,—точно благоговѣніе благочестіе и богопочитаніе стали противозаконными и подлежащими карѣ дѣяніями—ихъ запрещеніе. *Тогда эта святая земля, родина святынь и храмовъ, наполнится могилами и трупами.* О, Египетъ, Египетъ! Одни только преданія останутся о твоей святости, невѣроятныя для твоихъ потомковъ; одни только слова уцѣлѣютъ на камняхъ, свидѣтеляхъ твоего благочестія. Египетъ населятъ скиѳы, индійцы или другіе варвары; божество вернется на небо; люди, покинутые имъ, всѣ погибнутъ. Египетъ опустѣетъ, оставленный и богами, и людьми. Къ тебѣ я взываю, священная рѣка, тебѣ предрекаю грядущее: потоками крови зальешь ты свои берега, твои божественныя волны будутъ уже не осквернены ею, а всецѣло отравлены. Число могилъ превзойдетъ число живыхъ, а уцѣлѣвшіе только по языку будутъ признаны за египтянъ,—по своимъ дѣяніямъ они станутъ чужды своей родинѣ.

„Ты плачешь, Асклепій? Настанутъ еще большія и худшія бѣдствія. Самъ Египетъ, эта нѣкогда столь преданная богамъ земля, единственное отраженіе святости, единственная учительница благочестія, станетъ примѣромъ величайшей жестокости; *тогда отвращеніе овладѣетъ людьми, вслѣдствіе чего міръ перестанетъ внушать имъ удивленіе и благоговѣніе.* Все это благо, величайшее изъ всѣхъ когда-либо бывшихъ, или сущихъ, или бу-

дущихъ, станетъ предметомъ сомнѣнія; тяжело станетъ людямъ, съ презрѣніемъ и ненавистью отвернутся они отъ этого міра, нетлѣннаго творенія бога,—восхитительнаго построенія блага въ разнообразіи всевозможныхъ формъ,—орудія воли бога, щедро расточающаго свои дары своему творенію,—единой совокупности всего, что̀ должно вызывать поклоненіе, хвалу и любовь созерцающихъ. Тогда мракъ станетъ предпочтительнѣе свѣта, смерть будетъ признана лучшей долей, чѣмъ жизнь; никто не будетъ любоваться небомъ, благочестивый прослыветъ безумнымъ, нечестивый разумнымъ, бѣшеный сойдетъ за доблестнаго̀, порочный за добраго. Душа и всѣ ея свойства, въ силу которыхъ она или родилась безсмертной, или надѣется пріобрѣсть безсмертіе, станетъ, говорю вамъ, не только предметомъ насмѣшекъ, но и пустымъ звукомъ. Но вѣрьте мнѣ: *опасности жизни подвергнется тотъ, кто останется вѣрнымъ религіи Разума.* Новые возникнутъ нравы, новые законы: не останется ничего святого, ничего благочестиваго, ничего достойнаго неба и небожителей во всемъ томъ, что люди будутъ слышать и исповѣдывать. Боги на горе людямъ удалятся отъ нихъ, останутся одни демоны зла; они, пребывая среди людей, наложатъ свою руку на этихъ несчастныхъ и станутъ побуждать ихъ ко всѣмъ проявленіямъ преступной отваги, къ войнѣ, къ хищеніямъ, къ обману, ко всему, что̀ противно природѣ душъ. Тогда земля престанетъ быть твердой, море—судоходнымъ; небо откажется служить ристалищемъ для свѣтилъ, свѣтила—кружиться по небу, всякій гласъ умолкнетъ въ вынужденной нѣмотѣ, плоды земли испортятся, да и земля перестанетъ быть плодородной, самъ воздухъ отяжелѣетъ въ унылой недвижности. Такъ-то настанетъ старость свѣта; нечестіе, безпорядокъ, несоразмѣрность всѣхъ благъ. А когда это настанетъ, Асклепій, тогда тотъ владыка и отецъ, всемогущій и единственный правитель міра, сопротивляясь по своей благости своей волей злу... истребитъ всю злобу либо потопомъ, либо пожаромъ, либо моровыми язвами одновременно въ различныхъ мѣстахъ, возвратитъ міру его прежній обликъ, чтобы онъ вновь сталъ предметомъ удивленія и благоговѣнія, чтобы онъ самъ, его творецъ и возродитель, вновь былъ возвеличенъ славословіями и благословеніями новыхъ людей".

XIII.

Такъ погибъ герметизмъ — погибъ торжественно и славно, въ багровомъ закатѣ солнца земной любви, съ надеждой на ея воскресеніе въ далекомъ будущемъ, на возрожденной землѣ, среди

новыхъ людей. Промежуточное состояніе міра подъ властью христіанства казалось его пророкамъ царствомъ мрака и смерти, культомъ могилы взамѣнъ прежняго радостнаго культа святынь и храмовъ... Вовсе не слѣдуетъ смущаться тѣмъ, что въ переведенномъ отрывкѣ послѣднимъ борцомъ за любовь земли выставленъ Египетъ: разумѣется тутъ вездѣ эллинизованный Египетъ, т.-е. та же Греція, а не тотъ фараоновскій; этотъ послѣдній, конечно, не имѣлъ права упрекать христіанъ въ томъ, что они воздаютъ почитаніе могиламъ, будучи самъ виновенъ въ этомъ болѣе, чѣмъ какой-либо народъ въ мірѣ.

Упрекъ былъ прекрасно понятъ христіанами, и они не замедлили на него отвѣтить устами блаженнаго Августина. Надобно замѣтить, что христіане довѣрчиво относились къ вымышленной хронологіи герметическихъ трактатовъ, построенной на эвэмеристическомъ очеловѣченіи миѳологическихъ боговъ. Разумѣется, тожества Гермеса-Меркурія съ библейскимъ Моисеемъ они не признавали и считали послѣдняго болѣе древнимъ: „Ко времени рожденія Моисея,—говоритъ Августинъ („De civitate Dei", XVIII, 39),—жилъ тотъ Атласъ, великій астрономъ, братъ Прометея и дѣдъ по матери старшаго Меркурія, внукомъ котораго былъ Меркурій Трижды-Великій". Странное дѣло! Всего какія-нибудь сто лѣтъ отдѣляли Августина отъ времени возникновенія послѣдняго герметическаго трактата „Асклепій", и уже этотъ трактатъ успѣлъ прослыть за сочиненіе глубокой древности, почти что одновременное съ Пятокнижіемъ. Августинъ („Civ. D.", VIII, 23 сл.) съ удовлетвореніемъ приводитъ его „пророчество" о предстоящей гибели язычества, столь схожее съ тѣмъ, что̀ вѣщали ветхозавѣтные пророки; но его намекъ на христіанскій культъ могилъ его возмущаетъ. „Повидимому,—говоритъ онъ (гл. 26),—онъ скорбитъ о томъ, что память нашихъ мучениковъ будетъ обходиться тамъ, гдѣ раньше стояли ихъ капища и храмы—въ разсчетѣ, что его невѣжественные и враждебные намъ читатели вообразятъ, будто язычники поклонялись богамъ въ ихъ храмахъ, а мы—мертвецамъ въ ихъ могилахъ". Онъ возвращаетъ Гермесу упрекъ, основываясь на томъ, что языческіе боги—тѣ же умершіе люди, и забывая, что это эвэмеристическое толкованіе давно было отброшено герметизмомъ позднѣйшихъ эпохъ.

Вообще, отношеніе христіанъ къ герметизму было очень своеобразно: пророкъ Гермесъ внушалъ имъ едва ли не болѣе уваженія, чѣмъ отвращенія. Конечно, его не хвалили за признаваемые имъ сонмы боговъ; но за то его восторженныя рѣчи объ

единомъ высшемъ богѣ, невидимомъ, но познаваемомъ въ своихъ твореніяхъ, не могли имъ не нравиться. Различія временъ и направленій тогда, разумѣется, не замѣчали: все, носившее имя Гермеса Трижды-Великаго, приписывалось одному и тому же человѣку, праправнуку астронома Атланта, современника Моисея — пантеистическій „Асклепій“ такъ же, какъ и дуалистическій „Пемандръ“. А въ этомъ послѣднемъ объ единомъ герметическомъ богѣ утверждались замѣчательныя вещи: онъ родилъ бога-Логоса, родилъ, затѣмъ, Разумъ-Дэміурга, т.-е. почти что бога-Духа... Было отчего придти въ изумленіе, особенно вспоминая объ евангеліи отъ Іоанна: герметическая троица такъ походила на христіанскую, будучи, подобно ей, растроеніемъ единаго Бога! Возможно ли допустить, чтобы этотъ лже-пророкъ зналъ то, чего не знали ни Моисей, ни пророки Ветхаго Завѣта? Конечно, „дьяволъ — воръ“, но мыслимо ли, чтобъ онъ выдалъ язычникамъ важнѣйшее таинство истинной вѣры, откровеніе котораго Богъ отложилъ до пришествія Христова? Лактанцій только отмѣчаетъ фактъ, не объясняя его: „Не знаю, какъ это произошло, — говоритъ онъ, — только Гермесъ предугадалъ всю истину“. Очевидно, и другимъ этотъ фактъ бросался въ глаза; однимъ этимъ и можно объяснить сохраненіе намъ герметическихъ трактатовъ задолго по исчезновеніи самого герметизма.

Впрочемъ, тутъ и случайность приходится благодарить. Въ XIII вѣкѣ существовала только одна рукопись герметическаго корпуса; ею пользовался Михаилъ Пселлъ, ученый воскреситель платонизма въ Византіи. Гермесъ ему понравился, очевидно, вслѣдствіе своего родства съ Платономъ; отъ подозрѣнія въ ереси онъ оградилъ себя грознымъ примѣчаніемъ, текстъ котораго приведенъ нами выше (гл. X). Съ его времени интересъ къ герметизму воскресъ; а когда въ XV вѣкѣ Георгій Гемистъ Плетонъ перенесъ неоплатонизмъ въ Италію, то въ числѣ перенесенныхъ авторовъ первое мѣсто принадлежало Гермесу: онъ первымъ дѣломъ былъ (въ 1463 г.) переведенъ по-латыни главой платонической академіи во Флоренціи, Марсиліемъ Фициномъ. Слѣдуетъ помнить, что интересъ этотъ былъ не чисто философскій и подавно не чисто историческій: онъ стоялъ въ связи съ мистическимъ направленіемъ гуманистическаго католицизма. Надлежало противопоставить Аристотелю, изъ котораго схоластики брали свое оружіе, другіе авторитеты; понятно, что Гермесъ, этотъ почти-что современникъ Моисея, былъ драгоцѣннымъ союзникомъ: за Гермеса ручалась его древность, а за Платона — Гермесъ. И вотъ нѣкто Лацарелло обрабатываетъ для неаполи-

танскаго короля Фердинанда Аррагонскаго „Чашу“ Гермеса, сопровождая ее вступительнымъ діалогомъ между собой и королемъ; онъ описываетъ, какъ онъ томился, ища истину, пока его не просвѣтилъ Пемандръ—Іисусъ Христосъ. „Ты, видно, герметистъ, Лацарелло?“ —спрашиваетъ его король.—„Я, о король,— отвѣчаетъ онъ,—христіанинъ, но сознаюсь безъ стыда, что я въ то же время и герметистъ; вникни въ ученіе Гермеса, и ты увидишь, что оно не отличается отъ христіанскаго ученія“. Повидимому, пророчество послѣдняго герметиста оправдалось: съ „возрожденіемъ“ земли, съ возвращеніемъ къ человѣчеству любви къ красотѣ окружающаго міра, воскресло и ученіе Гермеса Трижды-Великаго.

Но не надолго. — Всходы Возрожденія были заглушены религіозными смутами XVI вѣка, а когда церковь собралась въ Тріентѣ спасать то, что можно было спасти, то ея стягомъ былъ, конечно, не стягъ Гермеса. Иные вопросы волновали религіозный міръ; обаяніе Трижды-Великаго было уже подорвано, когда въ началѣ XVII-го вѣка французскій филологъ Казобонъ нанесъ ему рѣшительный ударъ, доказавъ несостоятельность легенды, сдѣлавшей его древнеегипетскимъ пророкомъ. Съ тѣхъ поръ его почти-что перестали читать; критическое изданіе, предпринятое Parthey’емъ въ 1854 г., за отсутствіемъ интереса не могло быть окончено. Только въ самое послѣднее время, подъ вліяніемъ египетскихъ находокъ, вниманіе ученаго міра вновь обратилось къ герметизму.

Конечно, этотъ новый интересъ былъ уже чисто историческимъ; задача же историка—указать происхожденіе и прослѣдить развитіе изучаемой имъ идеи. Я уже замѣтилъ въ первой главѣ, что рѣшеніе этой задачи первымъ современнымъ „герметистомъ“, Рейценштейномъ, выводящимъ это ученіе изъ фараоновскаго Египта, мнѣ кажется невѣрнымъ; въ противоположность ему я старался вернуть Греціи это дѣтище, которое ею было рождено и, несмотря на всѣ египетскія личины, не переставало носить ея обликъ до самаго конца. Такова первая цѣль настоящей статьи; вторая же состояла въ томъ, чтобы познакомить и нашу публику, интересующуюся религіозно-историческими вопросами, съ религіозной идеей, которая двукратно, въ обѣ рѣшающія эпохи всемірной исторіи, была гаванью спасенія для томимой сомнѣніями человѣческой души.

Ѳ. Зѣлинскій.

НА ВѢТКѢ

Эскизъ по роману: „Sur la branche“, par Pierre de Coulevain. Paris 1904.

Окончаніе.

V *).

Парижъ. Новый годъ.—Иногда, сами того не желая, мы останавливаемся мыслью на вѣхахъ нашего жизненнаго пути. Я теперь изумляюсь тому, съ какою легкостью перенесла я всѣ удары судьбы и событія за эти послѣдніе четыре мѣсяца. Приступая къ моимъ запискамъ, я надѣялась, что мнѣ придется отмѣчать впечатлѣнія простой зрительницы, но мнѣ еще предстояло пережить душевную борьбу. Легкій, ровный путь моей жизни вдругъ оказался труднымъ, усѣяннымъ выбоинами, и меня начало снова встряхивать безъ милосердія. Но я не сожалѣю о прежнемъ спокойствіи; мнѣ отрадно слышать біеніе моего сердца, во мнѣ зазвенѣли струны, которыя я считала навѣки порванными, и сидящій во мнѣ романистъ слѣдитъ съ живѣйшимъ интересомъ за всѣми перипетіями моей душевной драмы.

Я обѣщала себѣ, насколько бы ни увеличились мои средства, не измѣнять ничего въ моемъ образѣ жизни, но я была принуждена раздвинуть ея рамки, такъ какъ не могла принимать Гюи въ своей комнатѣ. Входя въ нее, онъ наполнялъ ее всю; я слишкомъ чувствовала его присутствіе. Съ Рождества я взяла смежную съ моей комнатой гостиную, уютную, изящно меблированную, сама убрала ее растеніями, цвѣтами, размѣстила фотографіи, а также перенесла туда перья, чернила и бумагу,

*) См. выше: февраль, стр. 726.

но къ изумленію своему почувствовала, что не смогу тутъ работать, и смущенная вернулась къ моему старому письменному столу. Время отъ времени я встаю и прогуливаюсь съ дѣтскимъ удовольствіемъ. Нѣсколько лишнихъ квадратныхъ метровъ—все-таки прибавляютъ простора. Неограниченный просторъ — вотъ мое понятіе о раѣ. Хозяинъ отеля прислалъ мнѣ рождественскую омелу, дядя Жоржъ — корзину чуднаго винограда, многіе изъ знакомыхъ — цвѣты, а Гюи — выписанный изъ Англіи складной столикъ чернаго дерева для игры въ „бриджъ". По возвращеніи изъ Рошейля, онъ, конечно, пожелалъ обновить его, и г-жѣ де-Мьеръ придется сыграть партію съ сыномъ своего мужа и своей кузины. Велико могущество ироніи въ жизни народовъ и отдѣльныхъ личностей!

Я провела сочельникъ у камина, въ tête-à-tête съ Жанъ-Ноэлемъ; на слѣдующій день я обѣдала съ семьею де-Люссонъ, занимающей старинный отель, одинъ изъ тѣхъ, передъ которыми кажутся такъ пошлы современныя жилища, всюду обличающія стремленіе архитектуры выгадать мѣсто и обмануть глазъ. Длинная анфилада комнатъ съ высокими потолками, расписные карнизы, окна, выходящія въ большой садъ. Мебель, картины, бездѣлушки— полны гармоніи и, очевидно, находятся здѣсь уже давно. Въ домѣ имѣются растенія, книги, котъ, собака, и отъ всего вѣетъ радушіемъ и уютомъ.

Сэръ-Уильямъ не ошибся, предположивъ, что г. де-Люссонъ мнѣ понравится. Онъ получилъ прекрасное образованіе, глаза его подъ стеклами pince-nez сверкаютъ умомъ; m-me де-Люссонъ своею веселостью и добротою напоминаетъ Колетту былыхъ временъ. Дочерью, m-lle Жозефою, я заинтересована и очарована. Ея здоровая молодость, нравственная и физическая жизнерадостность—озаряютъ солнечнымъ лучомъ весь домъ. Она продолжаетъ свои занятія, посѣщаетъ курсы и лекціи съ намѣреніемъ понять и изучить жизнь. Особенно мнѣ нравится ея рука — ловкая, дѣятельная, интеллигентная, которая съумѣетъ перевязать рану, оказать помощь, сдѣлать букетъ, приласкать ребенка и животное.

Кажется, де-Люссонъ также намѣрены не дозволять мнѣ уединяться; я слабо защищаюсь. Временами у меня является искушеніе убѣжать отъ нихъ, отъ Гюи, отъ судьбы, снова наложившей на меня руку, но я не убѣгу. Я совершенно ясно сознаю, что качусь куда-то съ головокружительной быстротой, что душа моя вспыхиваетъ послѣднимъ пламенемъ. Все равно. Лучше столбъ пламени, чѣмъ струйка дыму.

Парижъ.—Прежде парижанки закусывали бисквитами и сэндвичами и пили испанское вино у Кювиллье и въ кондитерской Мадлэнъ; теперь five o' clock получилъ у насъ право гражданства, и Парижъ обогатился „чайными домами". Француженка до сихъ поръ не понимаетъ толку въ чаѣ, и если бы не опасеніе прослыть вульгарной — она пила бы шоколадъ, но пятичасовой чай — для нея пріятный отдыхъ послѣ посѣщенія магазиновъ и примѣрки платьевъ, а five o' clock отеля Рицъ — собираетъ самое элегантное общество Парижа. Стеклянная галерея напоминаетъ большую клѣтку, полную пестрыхъ птицъ, а говоръ голосовъ— птичье щебетанье, хотя—къ слову сказать—звучитъ онъ не особенно гармонично. Когда я бываю здѣсь одна, я усаживаюсь въ уголкѣ для наблюденій; г-жа де-Мьеръ любитъ шелестъ шелка, красивыя платья, драгоцѣнности, Жанъ-Ноэль слѣдитъ за игрою лица, движеніями посѣтителей, и оба хорошо проводятъ время.

Однажды, наблюдая за „мондэнками", проходившими мимо въ своихъ горностаевыхъ пелеринахъ, въ накидкахъ изъ шиншиллй, изъ чернобурыхъ или синихъ лисицъ, я увидѣла, какъ одна изъ нихъ оправила свою пелерину движеніемъ, перенесшимъ меня въ отдаленныя времена. Она представилась мнѣ—высокою, мощною, величавою, стоящею со звѣриною шкурою на плечахъ на порогѣ пещеры въ ожиданіи возвращенія мужа. Природа продолжала свое дѣло усовершенствованія на протяженіи цѣлыхъ вѣковъ, она дала утонченность ея тѣлу, оттѣнки—уму, но подъ этимъ болѣе бѣлымъ и высокимъ челомъ еще таятся первобытные инстинкты ревности, зависти, хитрости, жестокаго кокетства. Ея зимняя одежда подверглась выдѣлкѣ, она стала изъ звѣриной шкуры—драгоцѣннымъ мѣхомъ, но—по странной ироніи судьбы— она украшена хвостомъ и лапами хищнаго звѣрька.

Тѣмъ не менѣе, отъ пещеры каменнаго періода до отеля Рицъ — далекій путь. Постоянныя посѣтительницы дѣлятся на актрисъ — парижанокъ и американокъ—и зрительницъ — англичанокъ. Француженка плыветъ, какъ безукоризненно оснащенное судно по вѣтру, дѣлая видъ, что она не сознаетъ собственной своей красоты и изящества; ея осанка, движенія, манера держать себя — полны чувства мѣры. Франко-американка тщетно округляетъ руку, пытаясь подражать ей въ свободѣ движеній, она— „не то". Испано-американка довольствуется тѣмъ, что служитъ вывѣской своей портнихи и модистки, а любопытная англичанка въ костюмѣ tailleur или безобразномъ дорожномъ платьѣ благоговѣйно пьетъ чай, нѣсколько оглушенная всѣмъ происходящимъ передъ нею.

Five o' clock мало посѣщается людьми изъ общества; тутъ встрѣчаются старые кутилы, молодые карьеристы, любопытные. Мнѣ кажется, что француженка почему-то утрачиваетъ свою власть надъ мужчиною: она не умѣетъ ни привлечь, ни удержать его. И тѣмъ не менѣе, она—обольстительна. Порою подъ свѣтскою маскою мнѣ хочется разглядѣть ея настоящее лицо. Одна изъ посѣтительницъ въ особенности привлекаетъ мое вниманіе; ея гордая осанка и поворотъ головы заставляютъ ее казаться выше ея дѣйствительнаго роста. Густые рыжевато-коричневые волосы, матовая кожа, подкрашенныя губы — придаютъ лицу ея теплый колоритъ. Широкій лобъ съ прямыми бровями и слишкомъ открытый вырѣзъ ноздрей—придали бы ея чертамъ рѣзкое выраженіе, если бы не золотисто-каріе лучистые глаза. Ротъ, улыбающійся полною нѣги, медлительною улыбкою—одинъ изъ самыхъ красивыхъ, самыхъ неотразимыхъ. И я готова побиться объ закладъ, что эта женщина несчастна. Порою лицо ея выражаетъ глубокую усталость, она отвѣчаетъ полу-словами, но, придя въ себя, она гордо выпрямляется, словно бросая вызовъ невидимому врагу. Имени ея я такъ и не могла узнать, но она окружена лучшимъ обществомъ, мужчины почтительно цѣлуютъ ей руку. Сегодня, послѣ моего возвращенія въ Парижъ, я впервые увидѣла ее. На ней было свѣтло-сѣрое суконное платье и накидка—изъ синихъ лисицъ, достойная царицы,—прелестная шляпа, отдѣланная такимъ же мѣхомъ, и крупныя жемчужины въ ушахъ. Бывая у Рица, я всегда думалъ о подругѣ Гюи, и сегодня, при появленіи незнакомки, меня вдругъ охватилъ трепетъ: что̀ если это она? Мысль эта мгновенно промелькнула у меня въ мозгу. Въ такомъ случаѣ — да хранитъ его Богъ! Могу себѣ представить, какую власть должна имѣть такая женщина надъ человѣкомъ съ его характеромъ. И если это она—какъ бы возненавидѣла ее Колетта!

Вчера самымъ неожиданнымъ образомъ мнѣ удалось узнать имя незнакомки. Воля, руководящая нашими дѣйствіями и поступками, направила меня въ урочный часъ къ Виро̀. Я—одна изъ старѣйшихъ кліентокъ знаменитаго моднаго магазина. Теперь я покупаю мало шляпъ, но захожу время отъ времени посмотрѣть новинки, и меня встрѣчаютъ съ прежнею предупредительностью.

Вчера я сидѣла въ большомъ салонѣ, разсматривая шляпы, многимъ изъ которыхъ предстоитъ пережить немало похожденій на головахъ ихъ будущихъ владѣлицъ, какъ вдругъ позади себя

я увидѣла въ одномъ изъ простѣночныхъ зеркалъ мою незнакомку. Поднявъ руки, она надѣвала шляпку на свои рыжеватые волосы. На ней было подбитое мѣхомъ болеро, и бѣлая атласная блузка оттѣняла красоту ея бюста. Наши взоры встрѣтились въ зеркалѣ, и съ минуту мы были точно загипнотизированы; затѣмъ мы сразу отвернулись въ разныя стороны, что̀ вышло даже нѣсколько комично, она—съ надменнымъ видомъ, я—съ улыбкой. Наконецъ-то я узна̀ю ея имя. Мнѣ казалось, что я поймала ее. Не спѣша, съ дѣланною небрежностью, я обошла салонъ и, остановившись у кассы, спросила:

— Кто эта красивая брюнетка, примѣряющая шляпу въ томъ концѣ залы?

— Маркиза де-Моріонъ, бывшая герцогиня Лонгвей,—отвѣтилъ кассиръ, понизивъ голосъ.

Маркиза де-Моріонъ! Я читала это имя въ „Figaro“, въ „Gaulois“. Порывшись въ памяти, я вспомнила исторію бракоразводнаго процесса, нашумѣвшаго въ свѣтѣ года четыре тому назадъ. Спрошу подробности у моего крестника. Вотъ прекрасное средство узнать правду.

Да, она—подруга Гюи. Мое внушеніе не было обманчивымъ. Не даромъ ихъ лица рисовались мнѣ рядомъ. Объясни, кто можетъ, такой феноменъ. Я рѣдко выхожу по утрамъ, но, вотъ уже двое сутокъ, какъ въ моей работѣ наступилъ „штиль“. Раздосадованная, я надѣла шляпу и отправилась бродить по городу. Побывавъ у моихъ издателей, гдѣ я узнала о возрастающемъ успѣхѣ моего романа, я пошла созерцать витрины и прежде всего — къ Лушэ. Art nouveau, живое, психологическое искусство! Эти женщины-канделябры съ злыми лицами, истощенными страстью, онѣ — живутъ; обвившіяся вокругъ чашъ женскія тѣла̀—тоже живыя. Эти украшенія странной, вымученной формы, эти кабошоны—имѣютъ свою физіономію. Есть перстни, имѣющіе злой видъ, пряжки, производящія впечатлѣніе утонченно-жестокаго кокетства. И духъ, живущій въ этихъ произведеніяхъ — болѣзненный, сложный, мучительно стремящійся... Къ чему? Артисты оказались неспособными воплотить въ своихъ созданіяхъ пламень здоровой радости, лучъ надежды. Отъ Лушэ я перешла къ витринамъ модныхъ магазиновъ и наконецъ—къ магазину бумагъ и письменныхъ принадлежностей, создавшемуся на моихъ глазахъ и достигшему извѣстности, благодаря артистическому вкусу его хозяйки, относящейся съ такою же любовью къ своему товару, какъ я—къ своимъ романамъ.

Сегодня я любовалась тамъ отдѣлкою и замкомъ сака, только-что вышедшаго изъ мастерской,—когда передъ магазиномъ остановился автомобиль, и Гюи вышелъ изъ него съ дамой; воротникъ ея мѣховой тальмы былъ поднятъ, вуаль опущена. Оба вошли въ магазинъ и прошли направо; мой крестникъ дотронулся рукой до своей шляпы и спросилъ погребецъ для автомобиля, подобный тому, который былъ имъ купленъ ранѣе. Пока за нимъ ходили, онъ сказалъ нѣсколько словъ своей спутницѣ, и я чувствовала, какъ у него горятъ глаза и губы.

Словно откликнувшись на мою мысль, онъ быстро повернулся въ мою сторону, взгляды наши встрѣтились, и, сильно покраснѣвъ, онъ подошелъ ко мнѣ.

— Какъ это вы, крестная, вышли такъ рано изъ дому? — воскликнулъ онъ, стараясь говорить самымъ естественнымъ тономъ.

— Я бью баклуши... какъ и вы,—добавила я коварно.

— Вы правы,—сказалъ онъ съ нервною улыбкой,—я пѣшкомъ: понадобилось кое-что исправить въ моей машинѣ, и я самъ за этимъ наблюдаю. Сегодня я намѣревался отобѣдать съ вами. Можно?

— Разумѣется.

— До вечера, значитъ,—сказалъ онъ съ ласкою въ голосѣ, и, поцѣловавъ мнѣ руку, вернулся къ дамѣ, оглянувшейся, чтобы посмотрѣть—къ кому подошелъ баронъ д'Отривъ. Изъ-подъ короткой вуалетки я разглядѣла ротъ маркизы де-Моріонъ, чувственный и тонкій ротъ, рисунокъ котораго поразилъ меня своею рѣдкою красотою. Очень смущенная, я изъ деликатности первая оставила магазинъ. Нѣтъ, встрѣча ихъ не была случайною, между ними ощущался магнетическій любовный токъ.

Съ большимъ волненіемъ ожидала я моего крестника—разъ уже онъ сталъ крестникомъ; вначалѣ мы оба почувствовали замѣшательство; онъ старался прочесть правду на моемъ лицѣ, а я дѣлала видъ, что ничего не произошло. Когда мы сѣли за столъ, я спросила его, не принадлежитъ ли онъ также къ числу покупателей С.?

— И даже самыхъ старинныхъ. Я купилъ у нихъ массу вещей, мама заказывала тамъ всю свою бумагу для писемъ. Вы могли тамъ съ нею встрѣтиться.

Я вздрогнула при этой мысли; слава Богу, что все произошло иначе.

— Не съ маркизою ли де-Моріонъ я видѣла васъ сегодня утромъ?—спросила я самымъ естественнымъ тономъ.

— Вы знаете ее?—воскликнулъ мой крестникъ съ видимымъ волненіемъ.

— Я встрѣчаю ее у Рица, но фамилію ея узнала лишь дня два тому назадъ.

— А какъ вы ее находите?

— Красивой и опасной.

Глаза молодого человѣка блеснули; онъ опустилъ вѣки, чтобы скрыть этотъ лучъ торжествующей любви.

— Она въ разводѣ съ мужемъ?—продолжала я.

— Да, мужъ ея, герцогъ Лонгвей, былъ негодяй. Имя и титулъ маркизы де-Моріонъ—фамильныя.

— Она богата?

— Вѣроятно; она живетъ очень широко.

— Ложное положеніе!

— Даже—мучительное.

— У нея не можетъ быть недостатка въ утѣшителяхъ, — проговорила я, и при этой банальной фразѣ лицо Гюи такъ измѣнилось, что я была поражена.

— Нѣтъ, дѣйствительно, въ нихъ нѣтъ недостатка,—проговорилъ онъ хрипло.

Сомнѣнья нѣтъ: она — его возлюбленная. А Колетта еще просила меня женить его!

Съ нѣкотораго времени я постоянно встрѣчаю маркизу де Моріонъ, и это даже тревожитъ меня. Мы встрѣчаемся, обмѣниваемся взглядомъ и расходимся. Теперь я настолько знакома съ жизнью, чтобы знать, что подобныя совпаденія никогда не бываютъ случайными, но сами подготовляютъ событія.

Недавно я была свидѣтельницей сцены, очень меня смутившей. Пріятели-американцы пригласили меня пообѣдать у Рица. Общество было многочисленное и элегантное. Въ бѣлой рамкѣ ресторана убранные цвѣтами столы, за которыми сидѣли дамы въ парадныхъ туалетахъ, — казались очень эффектными. Блескъ глазъ, улыбки, карминъ губъ, движеніе усѣянныхъ алмазами рукъ, сіяніе драгоцѣнностей — придавали атмосферѣ жизнь и веселье. Неподалеку отъ нашего стола я замѣтила маркизу де Моріонъ.

„Опять она!“—мелькнуло у меня въ умѣ.

Ее и двухъ хорошенькихъ женщинъ съ ихъ мужьями—угощалъ русскій князь К., проѣдающій по-джентльменски свое состояніе въ Парижѣ. Съ моего мѣста я хорошо видѣла линіи ея бюста, страстное и печальное выраженіе ея лица. Низко вырѣзанный корсажъ, задрапированный сверху чернымъ газомъ, открывалъ ея шею и плечи; черная шляпа восхитительно оттѣ-

няла ея волосы и профиль. Нѣсколько жемчужныхъ нитокъ служили единственнымъ украшеніемъ ея простого туалета. Глаза мои не безъ любопытства остановились на князѣ — еще молодомъ человѣкѣ, преждевременно отяжелѣвшемъ отъ обжорства. Правильное лицо его разбухло отъ излишествъ всякаго рода, но я была поражена его умнымъ, насмѣшливымъ выраженіемъ. Бѣдный прожигатель жизни, безъ сомнѣнія, зналъ истинную цѣну окружавшимъ его паразитамъ и ихъ поклоненію. Я тотчасъ же поняла, что между нимъ и маркизою де-Моріонъ—что-то происходило. Онъ открыто любовался ею и видимо хотѣлъ ею завладѣть. Она надменно уклонялась, упорно поворачивая голову къ своему сосѣду съ правой стороны, но затѣмъ снова улыбалась ему своею неотразимо-чарующею улыбкой. Къ концу обѣда оба они, словно по взаимному уговору, одновременно и почти торжественно подняли свои бокалы съ шампанскимъ и, поднеся ихъ къ губамъ, съ секунду смотрѣли въ глаза другъ другу.

Затѣмъ маркиза, не отпивъ изъ своего бокала, внезапно и рѣзко поставила его на столъ, разсмѣявшись злымъ смѣхомъ. Князь поблѣднѣлъ, осушилъ свой бокалъ до дна и поднялся съ мѣста. Нѣсколько пораженные гости, принявъ это за приглашеніе встать изъ-за стола, послѣдовали его примѣру, и компанія удалилась изъ ресторана. Сцена была сыграна, и какая эффектная сцена! Тутъ чувствовался не простой флёртъ, но глубокая, захватывающая психологическая и физіологическая борьба. Неужели Гюи обманутъ? Эта мысль вызвала во мнѣ радость, которой я стыжусь. Сынъ г. де-Мьеръ обманутъ! Такое возмездіе удовлетворило бы мою женскую мстительность. Красивый юноша съ глазами, сверкающими мужественной, здоровой энергіей,—обманутъ ради ожирѣвшаго кутилы? Нёвозможно. Увы, не знаю ли я по себѣ, что все бываетъ возможно?

Вернулась къ себѣ въ отель послѣ шестидневнаго отсутствія; за это время во мнѣ совершились изумительныя перемѣны, и Жанъ-Ноэль, считавшій себя глубокимъ психологомъ, даже и не подозрѣвалъ того, на что способна душа человѣческая.

Въ прошлый понедѣльникъ меня позвали къ телефону. Слуга моего крестника взволнованнымъ голосомъ просилъ меня пріѣхать: у его барина сильнѣйшій жаръ, онъ никого не узнаётъ и, должно быть, сильно боленъ. Сердце у меня защемило; я отвѣтила, что сейчасъ же буду.

— Это дѣло рукъ маркизы,—сказала я себѣ, вѣшая трубку.

Я пріѣхала къ Гюи очень разстроенная, и выраженіе лица Луи еще болѣе встревожило меня. На мой вопросъ о томъ, что̀ случилось съ его бариномъ — онъ только развелъ руками. По его мнѣнію, тутъ замѣшалась любовь, но если женщины устраиваютъ такія штуки красавчикамъ вродѣ г. Гюи, — чего же могутъ ждать отъ нихъ остальные мужчины?

Луи продолжалъ свои поясненія. Съ нѣкоторыхъ поръ его господинъ былъ самъ на себя не похожъ; онъ бросилъ заниматься, пріѣзжалъ, уѣзжалъ, ходилъ по комнатамъ. Вчера за обѣдомъ ничего не ѣлъ, не понималъ, что̀ ему говорятъ, и жаловался на головную боль.

— Утромъ онъ не слышалъ, какъ я вошелъ къ нему въ комнату, но я не сталъ будить его; часовъ около двѣнадцати я услышалъ, какъ онъ стонетъ. Онъ словно не можетъ открыть глазъ; барыня сама увидитъ...

И я увидѣла его лежащимъ на кровати empire; онъ походилъ на человѣка, получившаго смертельный ударъ, пульсъ у него былъ слабый, замедленный, взглядъ — тусклый, дыханіе — частое, прерывистое. Я испугалась и поспѣшила телефонировать доктору Г., оказавшемуся, къ счастію, дома. Онъ обѣщалъ пріѣхать немедленно, а я вернулась къ Гюи.

Какія невидимыя силы сломили этотъ могучій организмъ? При взглядѣ на него, глаза мои увлажились слезами, а въ той области сердца, гдѣ зарождается материнская любовь, — области, бывшей у меня до сихъ поръ сухою и безплодною, — зашевелилось еще не испытанное мною, странное, безконечно нѣжное чувство.

Гюи задвигался и застоналъ.

— Maman! — жалобно̀ позвалъ онъ.

И я машинально отвѣтила: — Дитя мое, мое милое дитя! — Я положила руку ему на голову, словно желая благословить, облегчить, усыновить его. Въ глубинѣ моей души пробудился материнскій инстинктъ, восторжествовавшій надъ мелкими чувствами, надъ обидою, нанесенной мнѣ, какъ женщинѣ.

Увидѣвъ меня у постели больного, докторъ нѣсколько изумился, и я поспѣшила объяснить, что баронъ д'Отривъ приходится мнѣ родственникомъ; тутъ только я сообразила, что онъ дѣйствительно былъ имъ.

Докторъ объявилъ положеніе больного серьезнымъ: воспаленіе мозга, температура 40°. Вѣроятно причиною — переутомленіе?

— Скорѣе — потрясеніе.

Докторъ объявилъ, что необходима опытная сидѣлка, которой онъ сейчасъ же телефонируетъ.

— Сдѣлайте все необходимое, но, ради Бога, спасите мнѣ его! — воскликнула я, не думая о томъ, какъ странно должна звучать моя фраза.

Менѣе чѣмъ въ часъ все было устроено; докторъ, дядя Жоржъ, котораго я выписала, сидѣлка, я и Луи — всѣ принялись за дѣло. Въ продолженіе трехъ дней Гюи былъ въ сильной опасности; ледъ къ головѣ, ванны, впрыскиваніе — ничто не помогало, температура повысилась до 41°. Мнѣ казалось, что какая-то громадная тяжесть давитъ его мозгъ; дежуря при немъ съ 12-ти часовъ ночи до 6-ти утра, и съ 1 часу до 6-ти, я впервые почувствовала то, чтò даетъ матерямъ такую силу у изголовья ихъ больныхъ дѣтей. Въ окружавшей его тьмѣ онъ словно ощущалъ мое присутствіе, и оно облегчало его. Иногда онъ звалъ мать, иногда—крестную, и это дѣлало меня счастливою. Часто съ губъ его срывалось имя Анны; онъ требовалъ милліоновъ, денегъ, много денегъ! Ему грезились синія лисицы на стѣнахъ его комнаты, и онъ отмахивался отъ нихъ руками. За этими минутами возбужденія слѣдовала летаргія, еще болѣе пугавшая меня. По приказанію доктора, я сдѣлала ему на третью ночь впрыскиваніе кокаиномъ. Къ утру онъ приподнялъ вѣки, по губамъ его скользнуло подобіе улыбки, затѣмъ онъ глубоко вздохнулъ и глаза его сомкнулись. Мнѣ показалось, что онъ умеръ. Я наклонилась къ нему, но онъ дышалъ ровно и спокойно, и я подумала, что въ болѣзни произошелъ переломъ. Сидѣлка пощупала его пульсъ, и лицо ея просвѣтлѣло.

— Онъ внѣ опасности! — прошептала она, и онъ дѣйствительно былъ спасенъ.

Когда къ нему вернулось сознаніе, онъ ничуть не казался удивленнымъ, увидѣвъ меня подлѣ себя.

— Вы за мною ходили, крестная?—спросилъ онъ тихо.

Я утвердительно наклонила голову.

— Я былъ очень боленъ?

— Достаточно для того, чтобы напугать насъ и принудить меня вызвать дядю Жоржа.

Вѣроятно, память вернулась къ нему, такъ какъ онъ мучительно покраснѣлъ и не сказалъ болѣе ни слова.

Послѣ сцены у Рица я уже не сомнѣвалась, что ударъ былъ нанесенъ маркизою де-Моріонъ. Какъ узналъ онъ объ ея отношеніяхъ къ князю? Онъ бредилъ милліонами, но чтò озна-

чали эти синія лисицы—бредъ алкоголика, но не влюбленнаго? Физическое страданіе скоро должно поддаться леченію, но какъ велико нравственное—я еще не могу опредѣлить.

По возвращеніи домой, нашла чудный букетъ отъ де-Люссонъ, которыхъ я увѣдомила о болѣзни моего родственника, и они нѣсколько разъ въ день справлялись о немъ по телефону. Телефонъ—обличитель. По интонаціямъ голоса легче всего судить о характерѣ человѣка. Въ голосѣ Жозефы де-Люссонъ — звучномъ и добромъ—нѣтъ ни одной рѣзкой или фальшивой ноты.

Среди писемъ меня ожидало письмо сэръ-Уильяма Рэндольфа, проводящаго зиму въ Торквеѣ, который онъ находитъ „ужасно англійскимъ". Его физическія страданія не мѣшаютъ его юмору. Въ моемъ романѣ онъ нашелъ много утѣшительныхъ „полныхъ кислорода мыслей, а кислородъ, какъ вамъ извѣстно, сдѣлался теперь моимъ идеаломъ добра".

Слишкомъ много чести для Жанъ-Ноэля, но я все-же радуюсь этимъ строкамъ. Значитъ, онъ приноситъ свою долю пользы—мой скромный аккумуляторъ!

Я опасалась, что съ выздоровленіемъ Гюи исчезнетъ мое чувство материнства, но оно прочно укрѣпилось въ моемъ сердцѣ. Здоровье Гюи еще плохо, лихорадочное состояніе и обмороки повторяются время отъ времени, и я провожу у него половину дня. Я оправляю его подушки, какъ это дѣлала Колетта, и чувствую странное наслажденіе въ томъ, чтобы звать: „дитя мое!" сына г-жи д'Отривъ и г. де-Мьеръ. Я стараюсь развлечь его; онъ сокрушенъ мыслью объ измѣнѣ—одинаково ужасной какъ для мужчины, такъ и для женщины, и проникающей въ сокровенную глубь нашего существа. Какъ мнѣ знакомъ этотъ мучительный румянецъ стыда! Среди писемъ, полученныхъ на имя Гюи, я замѣтила три изящныхъ конверта, надписанныхъ твердымъ готическимъ почеркомъ,—они, очевидно, отъ маркизы. Только бы ей не удалось снова захватить его! Подобныя примиренія дѣйствуютъ всегда деморализующимъ образомъ. Но въ Гюи есть сознаніе своего достоинства; когда онъ спитъ и глаза г. де-Мьеръ закрыты, лицо его напоминаетъ дѣда Колетты и вообще родъ де-Нолэ.

Сегодня, подойдя погрѣться къ камину, я отступила пора-

женная: передо мною явился портретъ моего мужа, заставленный ранѣе погребцомъ и еще какими-то предметами, которые Луи вздумалъ убрать. Я взяла фотографію дрожащими руками.

Шестнадцать лѣтъ я не видѣла этого лица. Я жадно смотрѣла на незнакомую мнѣ фотографію, снятую вѣроятно въ послѣдніе мѣсяцы его жизни. Аппаратъ уловилъ и передалъ то, чего еще никто не замѣчалъ: близость смерти. Она просвѣчивала въ его впалыхъ вискахъ, въ прозрачности ушей, въ выраженіи губъ, въ складкѣ между бровями. И все это ускользнуло отъ меня! Волна долго сдерживаемой нѣжности прорвалась наружу, и среди очищающихъ слезъ я повторяла: — Мой дорогой, мой бѣдный, дорогой!

Гюи видимо поправляется; онъ перешелъ съ постели на кушетку, пробуетъ читать и смотритъ, какъ мы съ дядею Жоржемъ играемъ въ бриджъ. Сегодня я отдала ему письма. Вѣроятно онъ ждалъ и желалъ ихъ, но, увидя ихъ, онъ поблѣднѣлъ, и по странному чувству противорѣчія они возбудили въ немъ гнѣвъ и презрѣніе. Съ раздувающимися ноздрями, крѣпко сжавъ челюсть, онъ разорвалъ ихъ на четыре части съ болѣзненнымъ торжествомъ, хорошо мнѣ знакомымъ, и бросилъ клочки въ огонь.

— Отъ Робéра!—сказалъ онъ, вскрывъ другой конвертъ, и лицо его просвѣтлѣло. Еще одно письмо заинтересовало его,—оно было отъ его пріятеля, Макса Реннъ, отправившагося золотоискателемъ въ Клондайкъ. Онъ восхвалялъ золотоносныя богатства Аляски и приглашалъ Гюи присоединиться къ нему. Глаза Гюи блеснули, красныя пятна выступили на щекахъ.

— Искатель золота! Что-жъ? Я поѣду. Еслибы я лучше зналъ жизнь, я съ этого бы и началъ!

Сердце мое сжалось,—я становлюсь матерью не на шутку.

— Кажется, вы достаточно богаты для того, чтобы не искать счастья вдали?

Онъ расхохотался болѣзненнымъ смѣхомъ. Счастье покупается, какъ и все на свѣтѣ. Ни въ комъ и ни въ чемъ нельзя быть увѣреннымъ...

— Даже во мнѣ и въ дядѣ Жоржѣ?—сказала я примирительнымъ тономъ, садясь возлѣ его кушетки.

— Простите,—проговорилъ онъ, приподнимаясь,—я—грубое животное, но вы не знаете, какой это ужасъ—измѣна, она дѣлаетъ насъ дикарями.

— Знаю,—отозвалась я, стараясь улыбнуться.

— Вы? — Онъ посмотрѣлъ на меня съ изумленіемъ, и я вспыхнула подъ этимъ полнымъ сострадания взглядомъ. Затѣмъ онъ поднесъ мою руку къ губамъ съ выраженіемъ нѣжности и уваженія, тихо проговоривъ:—Бѣдная крестная!

Многаго ожидала я отъ твердости Гюи, но все-же не того, что̀ случилось. Сегодня, пока Гюи спалъ у себя въ комнатѣ, Луи со смущеннымъ видомъ доложилъ мнѣ, что его барина спрашиваетъ дама, но было бы лучше, еслибы г. Гюи не видѣлъ ее.

Въ библіотекѣ меня ожидала закутанная въ манто̀ высокая женщина подъ густою вуалью, которую она сейчасъ же подняла при моемъ входѣ, и это движеніе, обличавшее смѣлость или довѣріе, понравилось мнѣ.

— Я маркиза де-Моріонъ,—сказала она просто.

Я поклонилась и пригласила ее сѣсть.

— Г. д'Отривъ... внѣ опасности, надѣюсь?—произнесла она прерывающимся голосомъ, въ которомъ слышалось сильное волненіе.—Вчера мнѣ говорили, что ему сдѣлалось хуже.

— Нѣтъ, выздоровленіе идетъ правильно, но докторъ предписалъ ему полный покой.

— Не безпокойтесь, я не потревожу его; я пріѣхала къ Жанъ-Ноэлю, какъ пріѣзжаютъ къ духовнику; вамъ знакомо не только сердце человѣка, но и жизнь. Знаете, есть такая пословица—русская, кажется: „коготокъ увязъ—и всей птичкѣ пропасть".

— Я знаю ее.

— Я пришла просить васъ объяснить это Гюи. Пусть онъ не такъ сильно меня ненавидитъ. Вѣдь онъ ненавидитъ меня, не правда ли?

— Онъ ничего не говорилъ мнѣ и не скажетъ, такъ какъ дѣло касается женщины.

— Однако вы поняли, что его постигло жестокое разочарованіе?

— Да, оно едва не стоило ему жизни.

Мучительный румянецъ выступилъ на щекахъ маркизы; она опустила вѣки, и когда она подняла ихъ, глаза ея были полны слезъ.

— Эта мысль усиливаетъ мое горе и угрызенія совѣсти. Я хотѣла бы знать, какое у него настроеніе? Могу я спросить: нѣтъ ли у него какихъ-нибудь плановъ?

— Кажется, онъ охваченъ золотою лихорадкой и намѣренъ ѣхать къ своему пріятелю въ Даусонъ-Сити,—отвѣтила я не безъ коварства.

Маркиза поблѣднѣла.—Но вы этого не допустите! Надо, во что бы то ни стало, помѣшать ему! Вы одна можете удержать его, вы имѣете на него большое вліяніе, онъ часто говорилъ о своей крестной... Быть можетъ, вамъ было предназначено спасти его отъ смерти...

Въ эту минуту дверь отворилась, и мы, повинуясь одному и тому же побужденію, поднялись съ мѣста. Гюи! Онъ такъ поблѣднѣлъ и перемѣнился въ лицѣ при видѣ маркизы, что я инстинктивно поспѣшила къ нему. Думая, что я хочу удалиться, онъ оперся рукою о мое плечо.

— Останьтесь, крестная, намъ съ m-me де-Моріонъ нечего сказать другъ другу.

— Нечего!—повторила маркиза съ гордымъ достоинствомъ, вызвавшимъ мое восхищеніе,—я пріѣзжала къ Жанъ-Ноэлю.

— Я такъ и думалъ,—холодно отвѣтилъ мой крестникъ,—и очень сожалѣю, что прервалъ ваше свиданіе.

Онъ выпустилъ мое плечо, поклонился и вышелъ. Молодая женщина проводила его глазами, въ которыхъ свѣтилась вся душа ея, а затѣмъ упала въ кресло, словно у нея подкосились ноги.

— Онъ очень измѣнился,—прошептала она;—надѣюсь, что это новое волненіе не повредитъ ему. Я не искала съ нимъ встрѣчи... Вы мнѣ не вѣрите? Я сама себя убѣждала, что хочу видѣть исключительно Жанъ-Ноэля, но я хотѣла видѣть и его, и я его увидѣла...

Въ голосѣ ея слышалась истинная скорбь; я прикоснулась къ ея рукѣ.

— Вамъ даны отъ природы большія силы. Повѣрьте, рано или поздно вы найдете свой путь.

— Мнѣ даны большія силы? На этотъ разъ, Жанъ-Ноэль, ваше прозрѣніе измѣнило вамъ.

— Не думаю. Вотъ уже два года какъ я замѣтила васъ у Рица, привлеченная вашею необычайною яркою индивидуальностью. Какъ только вы показывались—весь интересъ сосредоточивался на васъ.

— Пріятно слышать это о себѣ,—сказала маркиза съ милой откровенностью, и продолжала: — намъ нельзя видѣться, я это знаю, и сожалѣю объ этомъ... отъ всего сердца.

— Подумайте о томъ, что я сказала. Постарайтесь отрѣ-

шиться отъ себя, вдумывайтесь въ явленія жизни, ведущія къ тѣмъ или другимъ событіямъ, и вы забудете ваше горе. Вы еще слишкомъ молоды для такой работы, но я хочу посѣять въ вашемъ умѣ сѣмя этой мысли, и современемъ оно, быть можетъ, принесетъ плоды.

— Будьте увѣрены, я не забуду вашихъ словъ.

Я протянула руку молодой женщинѣ; она медленно, крѣпко пожала ее, обвела комнату взглядомъ, остановившимся на портретѣ матери Гюи, опустила вуаль и направилась къ двери. У порога она обернулась и проговорила страстнымъ, взволнованнымъ голосомъ:

— Не отпускайте его!

Все еще находясь подъ обаяніемъ ея красоты, голоса, обращенія, я прошла къ Гюи, который лежалъ въ креслѣ у камина, закинувъ руки за голову. Онъ не сдѣлалъ мнѣ ни одного вопроса, но все время слѣдилъ за мною взоромъ, стараясь прочесть мои впечатлѣнія. Какъ бы то ни было, посѣщеніе маркизы де-Моріонъ явилось бальзамомъ для его мужского тщеславія.

До сихъ поръ еще не могу побѣдить своего волненія. Я проводила Гюи на ліонскій вокзалъ. Онъ отправился съ дядею Жоржемъ въ Алжиръ, Тунисъ, Испанію; я сама посовѣтовала ему отправиться для полнаго излеченія въ Африку, благодѣтельное вліяніе которой мнѣ хорошо знакомо. Если бы Колетта не поручила ему меня, онъ уѣхалъ бы въ Аляску, но онъ не рѣшился меня покинуть. Когда поѣздъ тронулся, я ощутила глубокое внутреннее страданіе, но образовавшаяся теперь вокругъ меня пустота—еще мучительнѣе. Во время выздоровленія Гюи я проводила время съ нимъ и съ дядей Жоржемъ; мы вмѣстѣ обѣдали, пили чай, играли въ бриджъ, и г-жа де-Мьеръ была совершенно счастлива; но Жанъ-Ноэль былъ не особенно этимъ доволенъ, онъ все время тянулъ ее за рукавъ. Сегодня онъ съ радостью усѣлся за свой письменный столъ, заваленный корректурами послѣдняго романа. Пора снова взяться за работу.

Сегодняшнее послѣ-обѣда осталось у меня въ памяти, хотя ничего особеннаго не произошло. Мы были съ г-жею де-Люссонъ и Жозефою на каткѣ. Среди немногочисленной въ это время публики я замѣтила женскую фигуру, всю въ черномъ, съ вуалью на лицѣ, одиноко скользившую по льду. Ея движенія

были полны необычайной гармоніи, словно она скользила, повинуясь какому-то внутреннему ритму, выражавшему попеременно желаніе, страсть, потребность опьяненія и забвенія, а также— крайнюю усталость. И въ этой фигурѣ, походившей на большую черную птицу, рѣзко выдѣлявшуюся на бѣлизнѣ льда, было что-то грустное, почти патетическое.

M-lle де-Люссонъ воскликнула:—Опять маркиза де-Моріонъ! Она приводитъ меня въ отчаяніе. Рядомъ съ нею я чувствую себя какою-то жердью. Чтò за гибкость! Я желала бы походить на нее...

— Не желайте этого,—невольно вырвалось у меня,—вы не были бы тѣмъ, чтò вы есть.

— А вы развѣ знаете ее?

— Немного,—отвѣтила я, но въ это время къ Жозефѣ подошелъ ея учитель, и она упорхнула съ нимъ, а мы съ г-жею де-Люссонъ пошли полюбоваться удивительными штуками, которыя продѣлывали двое знаменитыхъ конькобѣжцевъ: англичанинъ и французъ, совершенно непохожіе другъ на друга по своимъ пріемамъ. Первый съ геометрическою правильностью разрѣзалъ ледъ,—второй скользилъ, повинуясь фантазіи, и словно едва касался льда.

Уходя съ катка, мы встрѣтили маркизу—уже съ поднятою вуалью. Она взглянула въ упоръ на m-lle де-Люссонъ, потомъ— на меня, губы ея сжались, она наклонила голову и прошла. Наша встрѣча была мгновенною, но ея ревнивый взглядъ какъ будто говорилъ: вы прòчите для Гюи эту молодую дѣвушку? Для Гюи? Эта мысль пронизала меня, какъ стрѣла, и мнѣ внушила ее сама маркиза де-Моріонъ! Передо мною возникло странное видѣніе: длинный путь, который идетъ все съуживаясь, и въ концѣ его мелькаетъ свѣтлая точка... Чтò можетъ это означать? Я снова встревожена.

Мой романъ вышелъ въ свѣтъ. Жозефа обошла главныя улицы и бульвары и явилась ко мнѣ, вся сіяющая радостью, для того, чтобы сообщить:—M-me де-Мьеръ, онъ—у Ашилля, во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, вездѣ!

Да, въ теченіе нѣкотораго времени онъ будетъ всюду. Заглавіе его съ именемъ автора будетъ фигурировать во всѣхъ газетахъ, о немъ будутъ говорить, спорить, я стану получать письма отъ знакомыхъ и незнакомыхъ, затѣмъ шумъ начнетъ затихать. Онъ будетъ болѣе или менѣе продолжительнымъ—судя по успѣху книги. Успѣхъ не всегда обусловленъ достоинствами

произведенія, но зависитъ отъ того: затрогиваетъ ли оно душевныя струны большинства или меньшинства? Успѣхъ несомнѣнно свидѣтельствуетъ о настроеніи массы.

Гюи пишетъ мнѣ съ каждою почтой; его письма являются для меня солнечнымъ лучомъ. Они полны нѣжныхъ словъ, которыхъ я уже не ждала въ этомъ мірѣ. Если бы годъ тому назадъ кто-нибудь сказалъ мнѣ, что сынъ г. де-Мьеръ будетъ звать меня: „милая, дорогая крестная!"—я подскочила бы отъ негодованія. Гюи притворяется веселымъ; онъ смотритъ на море, на дивное африканское небо, но видитъ передъ собою только окаймленные синевою глаза и страстныя губы маркизы де-Моріонъ. Воспоминаніе объ измѣнѣ гложетъ его сердце, и онъ также спрашиваетъ себя:—Гдѣ? Какъ? Когда?

Рэндольфы вернулись домой, куда съѣхались сынъ, дочь и внуки сэръ-Уильяма, вызванные по его желанію. Неужели онъ чувствуетъ, что часъ его уже приближается?

Судьбѣ очевидно угодно подносить мнѣ сюрпризъ за сюрпризомъ. Вчера за обѣдомъ г. де-Люссонъ внезапно спросилъ меня: не родственники ли мнѣ де-Мьеры, бывшіе владѣльцы зáмка Шавиньи въ С.?

Рука моя, державшая вилку, дрогнула, но я отвѣтила, стараясь улыбнуться:

— Очень близкіе; это были мой мужъ и я, мы прожили тамъ пятнадцать лѣтъ.

— Простите,—проговорилъ г. де-Люссонъ въ смущеніи,—я этого не зналъ.

— Пожалуйста, не извиняйтесь, но скажите: въ чемъ дѣло?

Г. де-Люссонъ объяснилъ, что зáмокъ Шавиньи продается; Жозефа плѣнилась имъ и желаетъ употребить свое приданое на покупку этого имѣнія.

— Я вѣдь не знала!—воскликнула молодая дѣвушка; но я ласково сжала ея руку, проговоривъ, что я сама никогда бы не вернулась въ опустѣвшее гнѣздо, но если бы я могла выбирать, то сама выбрала бы ее владѣлицею Шавиньи.

— Слышишь, папа?—воскликнула сіяющая Жозефа.

— Слышу,—отвѣтилъ г. де-Люссонъ съ лукавою улыбкою.

— Значитъ, вамъ очень понравилось Шавиньи?—спросила я въ свою очередь.

— Понравилось—не настоящее слово. Я полюбила его съ перваго взгляда, какъ живое существо. Аллея изъ буковъ, старинный грабинникъ, окружающіе лѣсà—все придаетъ ему такой симпатичный видъ... А чтò за прелестный входъ съ террасою!

Терраса! Мнѣ вспомнилось признаніе Колетты, и я вспыхнула.

— Я не переставала грезить о немъ,—прибавила моя моложенькая пріятельница.

— И говорить о немъ,—замѣтила г-жа де-Люссонъ.

Послѣ обѣда мы долго толковали объ этой покупкѣ. Раньше я даже радовалась, что зàмокъ перешелъ въ руки торгашей; мнѣ казалось, что это—униженіе для памяти г. де-Мьеръ. Это было недостойное чувство,—теперь мнѣ хотѣлось бы видѣть Гюи въ родовомъ гнѣздѣ. Если бы онъ женился на Жозефѣ! Но судьба направляетъ порою нашъ челнъ не въ ту сторону, куда мы желаемъ плыть.

Бѣдный Гюи! Теперь я знаю причину его разрыва съ маркизою, и узнала ее случайно—у того же Рица, изъ разговора двоихъ пожилыхъ людей, сидѣвшихъ за сосѣднимъ столомъ.

— Успѣхи у женщинъ?—говорилъ старшій, закуривая папиросу. — Что за вздоръ! Я самъ былъ не хуже всякаго другого, и все-таки я платилъ по счетамъ — даже въ то время, когда туалеты стоили пустяки. Теперь же, когда женщины рядятся какъ византійскія императрицы, бюджетъ свѣтскихъ дамъ такъ же неуравновѣшенъ, какъ бюджетъ дамъ полусвѣта, и онѣ пополняютъ дефицитъ тѣми же способами...

Въ эту минуту маркиза де-Моріонъ прошла черезъ залу.

Герцогъ Д., указавъ на нее глазами, тихо проговорилъ:

— Спросить бы у князя К., во чтò ему обходится этотъ успѣхъ?

— Неужели она дѣйствительно пошла въ ходъ?

Это жаргонное слово, примѣненное къ свѣтской женщинѣ, поразило меня ужасомъ.

— И какъ еще! Мужъ даетъ ей шестьдесятъ тысячъ въ годъ, сама она получаетъ еще меньше, а тратитъ не менѣе трехъ-сотъ тысячъ. Ты замѣтилъ на ней пелерину изъ синихъ лисицъ, которой завидуютъ всѣ женщины? Цѣнность ея—равна приданому какой-нибудь мѣщаночки; это—княжескій подарокъ.

— Еслибы это слышалъ д'Отривъ! Онъ имѣетъ у нея успѣхъ.

— Ахъ, я и не зналъ! Въ нашемъ кругу не знаешь, куда ступить, чтобы не попасть въ трясину...

— Впрочемъ, онъ могъ слышать эти толки и отъ другихъ.

Не они ли вызвали это воспаленіе въ мозгу, которое чуть не отправило его на тотъ свѣтъ?

Герцогъ пожалъ плечами.—Что жъ? всѣмъ приходится узнавать жизнь; она даетъ намъ чертовски непріятные уроки.

Бѣдный Гюи! Маркиза была его первою любовью. Не говорилъ ли онъ мнѣ: „Если богиня, которую я чту—не настоящая, то настоящей—нѣтъ!“ А богиня продавала свои милости. И ее я не могу не пожалѣть. Послѣ развода она изъ тщеславія продолжала прежній образъ жизни, запуталась въ долгахъ, и утратила въ этихъ тискахъ свою честь, счастье, спокойствіе. Она должна глубоко страдать, а какая-нибудь бѣдная женщина, видя ее полулежащею въ экипажѣ, быть можетъ, скажетъ съ горечью: „Вотъ кому хорошо живется на свѣтѣ“!

Послѣ грустныхъ впечатлѣній—радостныя. Вѣчная игра свѣтотѣни. Сегодня мы катались съ Жозефою въ Булонскомъ лѣсу; ничто такъ не располагаетъ къ интимности, какъ такія прогулки вдвоемъ. Я стараюсь привить ей мои взгляды на жизнь, открыть ей новые горизонты, и порою ея сѣрые глаза загораются, и она говоритъ: „Да, да... я теперь вижу... раньше я не думала объ этомъ“...

Сегодня Булонскій лѣсъ очаровалъ меня. На деревьяхъ почки, всюду трепетъ ожиданія, легкій вѣтерокъ шелеститъ въ вѣтвяхъ. Я вспомнила, какъ мы катались здѣсь зимою съ Гюи. Разговоръ зашелъ о Шавиньи, дѣло о покупкѣ котораго налаживалось.

— Теперь вамъ остается лишь одно: найти владѣльца зàмка—мнѣ по вкусу. Только на меня очень трудно угодить.

— И на меня тоже,—сказала дѣвушка, смѣясь, но тотчасъ же прибавила серьезно:—Мои родители очень желаютъ выдать меня замужъ; я сама не прочь имѣть спутника на жизненномъ пути, съ тѣмъ условіемъ, чтобы это былъ пріятный спутникъ. Иначе—лучше остаться въ старыхъ дѣвахъ.

— Вы требуете совершенства?

— Боже сохрани! Онъ долженъ быть джентльменомъ, человѣкомъ изъ общества, но не свѣтскимъ фатомъ, съ рѣшительнымъ, веселымъ характеромъ и стремленіемъ приносить пользу своей странѣ, себѣ и другимъ... Я требую слишкомъ многаго?

— Нѣтъ, продолжайте.

— Наконецъ, я хотѣла бы, чтобы онъ понималъ природу, искусство, чтобы онъ интересовался всѣмъ, всѣмъ на свѣтѣ... Но такихъ людей среди нашей свѣтской молодежи я не встрѣ-

чала, и каждый разъ, возвращаясь съ бала, я говорю себѣ: „Стоило ѣздить"!

Я разсмѣялась и сказала, что не такъ давно одинъ молодой человѣкъ говорилъ о молодыхъ дѣвушкахъ почти въ томъ же духѣ: онѣ не внушаютъ ему довѣрія.

Жозефа заговорила серьезно.

— Во всемъ виновато воспитаніе. У многихъ дѣвушекъ есть благородные порывы, имъ хочется дѣлать добро, приносить пользу, но едва онѣ задумаютъ что-нибудь устроить, какъ имъ сейчасъ же говорятъ: „Потомъ, когда вы будете замужемъ!"—и онѣ принуждены ограничиваться вознею съ тряпками. Я могу смѣло говорить объ этомъ, такъ какъ мнѣ была предоставлена значительная свобода. Гостя въ Симли-Голлъ, я всегда завидовала дѣятельной жизни англійскихъ дѣвушекъ, ихъ товарищескимъ отношеніямъ съ молодыми людьми. У нихъ есть школы, клубы, всевозможныя занятія...

— Почему же вамъ не послѣдовать ихъ примѣру?

Жозефа взглянула на меня съ нѣкоторымъ колебаніемъ, и потомъ сказала съ милою улыбкой:

— Хорошо, я вамъ довѣрю тайну. Насъ теперь шесть барышенъ, нашедшихъ себѣ дѣло...

И она разсказала мнѣ, что ея ближайшая подруга, Жослина де-Монфоръ, получивъ наслѣдство послѣ отца, пріютила двѣнадцать брошенныхъ дѣтей—дѣвочекъ, для которыхъ она наняла въ Нёйльи домикъ, окруженный садомъ. Дама-шотландка предложила ей свое содѣйствіе, она — начальница пріюта; мистриссъ Ардокъ сама ведетъ хозяйство съ помощью одной дѣвушки. Дѣти посѣщаютъ приходскую школу, куда онѣ уходятъ въ восемь часовъ, позавтракавъ и прибравъ комнаты подъ наблюденіемъ служанки. Дѣти чувствуютъ себя какъ дома и зовутъ m-lle де-Монфоръ—„мама Жослина", а м-ссъ Ардокъ—„мама Мэри".

— Четыре другихъ барышни и я—мы ѣздимъ въ Нёйльи каждый четвергъ и воскресенье—заниматься съ дѣтьми гимнастикой и пѣніемъ; мы наблюдаемъ за ихъ бѣльемъ и платьемъ, покупаемъ въ Bon-Marché остатки, какъ экономныя хозяйки. Это очень весело. На дѣвочкахъ все горитъ, но зато онѣ такія крѣпкія, здоровенькія!—прибавила Жозефа съ гордостью.

— Но какъ же отнеслись ваши семьи къ подобной затѣѣ?

— Очень неодобрительно. Жослинѣ пришлось выдержать сильную борьбу, но теперь они должны были сознаться, что мы принесли нѣкоторую пользу, и наши матери почти хвастаются

нашею „эмансипаціей“: M-lle де-Монфоръ явилась піонеркою... У меня тоже есть четыре мальчика,—сказала Жозефа, краснѣя.

— И вы никогда не говорили объ этомъ, скрытница! А кто же ихъ воспитываетъ?

— Моя бывшая гувернантка-англичанка. Когда я выйду замужъ, ихъ будетъ дюжина, и мы съ Жослиной поженимъ нашихъ дѣтей. Еще одна барышня хочетъ попробовать воспитывать дѣвочекъ и мальчиковъ вмѣстѣ. Мы задаемся широкими планами. Но найдемъ ли мы жениховъ, способныхъ жениться на барышняхъ-филантропкахъ? Тѣмъ не менѣе, мы рѣшили не дозволять „закабалить“ себя. Чтобы жена принадлежала цѣликомъ одному своему мужу—это уже слишкомъ!

Эта забавная наивность заставила меня расхохотаться до слезъ, но я была растрогана. Не начинается ли среди французскихъ женщинъ то движеніе, которое дастъ намъ настоящихъ матерей?

Возвращеніе Гюи и дяди Жоржа—доставило мнѣ давно не испытанную радость. Утромъ я отправилась на квартиру Гюи и нашла въ полномъ цвѣту садикъ, оставленный мною два мѣсяца тому назадъ мрачнымъ и безмолвнымъ. Деревья зазеленѣли, въ вѣтвяхъ щебетали птицы, сирень была въ цвѣту, на розахъ появились почки, а у подножія покрытыхъ плющомъ стѣнъ—фіалки и ландыши. Когда я вышла на террасу, благоуханная волна воздуха ласково обвѣяла мнѣ лицо. Я такъ глубоко наслаждаюсь нынче весною, словно это—первая или... послѣдняя весна, которую мнѣ суждено видѣть.

Я осмотрѣла бѣлье, разставила принесенные мною цвѣты, похвалила Луи за образцовый порядокъ, и онъ сообщилъ мнѣ, что изучилъ за это время ремесло шоффёра и уже получилъ свидѣтельство. Онъ самъ отвезъ меня на вокзалъ (я радовалась, что мнѣ тоже пришлось встрѣчать близкихъ людей!), и покуда я разглядывала высыпавшую изъ вагоновъ публику, чья-то рука обвилась вокругъ моей шеи и дорогой голосъ проговорилъ:

— Крестная! какъ мнѣ хотѣлось васъ видѣть!

(Меня ли?)

Мой крестникъ очень обрадовался своему автомобилю и еще болѣе—Луи въ качествѣ шоффёра.

— Сознайся, ты ревновалъ меня къ моему шоффёру?—пошутилъ онъ.

— Очень возможно, monsieur Гюи,—отвѣтилъ, краснѣя, добрый малый, сіявшій усердіемъ.

Конечно, я обѣдала у нихъ, и мы поздно засидѣлись. Гюи вернулся здоровымъ, но измѣнившимся: лицо его постарѣло на нѣсколько лѣтъ, онъ похудѣлъ и кажется выше ростомъ; черты его получили ту законченность, которую придаѣтъ послѣдній ударъ рѣзца; ротъ принялъ жесткое выраженіе, въ голосѣ заслышались болѣе глубокія ноты. Природа совершила эту невидимую работу съ помощью орудія, которое называется страданіемъ. Его сходство съ г. де-Мьеръ еще болѣе отъ этого усилилось.

Я настояла, чтобы онъ возобновилъ свои занятія на курсахъ Гриньонъ. Онъ цѣпляется за меня, какъ ребенокъ; почти каждый день онъ обѣдаетъ у меня въ отелѣ, по воскресеньямъ мы катаемся и пьемъ у него чай. Вчера онъ показалъ мнѣ два портрета въ одной рамѣ: портретъ г. де-Мьеръ и мой собственный.

— Гдѣ вы достали эту фотографію? — спросила я, пораженная.

— Дядя Жоржъ позволилъ мнѣ переснять ее съ имѣющагося у него портрета.

Я—въ тридцать-восемь лѣтъ! Очень густые темные волосы, зачесанные наверхъ, какъ носятъ и теперь, сіяющіе счастьемъ глаза, торжествующая улыбка, лицо безъ морщинъ, овальное, еще сохранившее тонкость очертаній. Портретъ--поясной; я снята въ декольтированномъ корсажѣ отъ Ворта, очень стильномъ и потому не зависящемъ отъ капризовъ моды. Благодаря этому, портретъ не имѣетъ вида какой-то древности.

— Что̀ вамъ пришла за фантазія?—спросила я Гюи, подавивъ свое волненіе.

— Крестный казался мнѣ всегда такимъ одинокимъ! Я соединилъ васъ здѣсь, какъ соединяю васъ въ моей любви. Не правда ли, я хорошо сдѣлалъ?—спросилъ онъ, пристально взглянувъ на меня.

— Очень хорошо,—отвѣтила я твердо.

Онъ взялъ у меня фотографію и поцѣловалъ мнѣ руку.

Онъ соединилъ насъ. Великая, жестокая иронія судьбы!

Со вчерашняго дня Шавиньи перешелъ въ собственность моего маленькаго друга—Жозефы де-Люссонъ. Когда я сообщила объ этомъ Гюи, онъ вспыхнулъ и подскочилъ на мѣстѣ. За̀мокъ Шавиньи продавался, и я ничего ему объ этомъ не сказала! Онъ купилъ бы имѣніе для того, чтобы оно вновь не перешло въ чужія руки. Тамъ, будучи девятилѣтнимъ мальчуганомъ, онъ впервые ходилъ на охоту съ крестнымъ—потихоньку отъ всѣхъ. Съ нимъ связаны воспоминанія дѣтства...

— Зачѣмъ вамъ имѣніе, если вы не намѣрены жениться?— спросила я не безъ коварства.

— Вы могли бы жить тамъ со мною. Въ окрестностяхъ продаются земли, я устроилъ бы чудное хозяйство. Это всегда было моей мечтой.

— Дѣтская мечта, другъ мой! Никогда бы я не согласилась быть гостьей тамъ, гдѣ я сама была хозяйкою.

— Наконецъ, у меня есть права!—воскликнулъ онъ, и, замѣтивъ мое изумленіе, прибавилъ, покраснѣвъ:—Конечно, это только такъ говорится. Но такъ какъ нѣтъ прямыхъ наслѣдниковъ, то я, въ качествѣ двоюроднаго племянника, могъ бы сдѣлаться владѣльцемъ Шавиньи, и крестный, очень меня любившій, — навѣрное бы этого желалъ. Но, можетъ быть, по вашей просьбѣ, г. де-Люссонъ согласится перепродать мнѣ имѣніе?

— Невозможно. М-lle де-Люссонъ бредила имъ и вложила въ него все свое приданое.

— Она можетъ выйти замужъ за какого-нибудь идіота, который не станетъ имъ заниматься.

— Я убѣждена, что она не выйдетъ за идіота. Она очень любитъ деревню.

— Въ такомъ случаѣ это — феноменъ,—сказалъ Гюи иронически.

— Но вѣдь у m-lle де-Люссонъ течетъ въ жилахъ ирландская кровь, она любитъ дѣятельность и свѣжій воздухъ. Не странно ли, что я познакомилась съ ними черезъ сэръ-Уильяма?

— И что они лишили меня Шавиньи? Вотъ фантазія у барышни—купить себѣ зàмокъ!

Гюи разсерженъ, но онъ будетъ думать о владѣлицѣ Шавиньи—хотя бы съ раздраженіемъ. Онъ оставилъ у нихъ свою карточку, чтобы поблагодарить ихъ за вниманіе къ нему во время его болѣзни; скоро придется представить его моимъ друзьямъ. Жозефа слушаетъ мои разсказы о немъ и, я чувствую, что здѣсь можетъ „клюнуть", но многое зависитъ отъ первой встрѣчи.

Еще могила на моемъ пути! И безъ того ихъ было много. Скончался сэръ-Уильямъ Рэндольфъ.

Встрѣча состоялась, но безъ моего участія. Мы съ Жозефою де-Люссонъ отправились на лекцію въ народный университетъ предмѣстья Сентъ-Антуанъ, гдѣ отецъ ея преподаетъ по праз-

никамъ шахматную игру. Въ аудиторіи молодой ученый читалъ лекцію о египтянахъ и ихъ искусствѣ, и публика, состоявшая главнымъ образомъ изъ рабочихъ и трудящихся женщинъ, слушала его, къ моему изумленію, съ большимъ вниманіемъ, живо интересуясь такимъ, повидимому, чуждымъ для нея предметомъ. Рефератъ сопровождался чертежами и снимками, демонстрированными съ помощью кинематографа, и каково было мое изумленіе, когда въ господинѣ, проявлявшемъ ихъ, я узнала Гюи. Онъ никогда не говорилъ мнѣ о своемъ участіи въ дѣлѣ народнаго образованія. Неужели мои слова подѣйствовали на него?

По окончаніи лекціи, мы отправились ждать г. де-Люссонъ у входа. Почти въ одно время съ нимъ къ намъ подошелъ Гюи, замѣтившій меня въ толпѣ, и смутился, увидѣвъ, что я не одна. Г. де-Люссонъ очень дружелюбно обошелся съ нимъ; атмосфера публичной лекціи какъ-то сразу объединила насъ. Гюи разглядывалъ владѣлицу Шавиньи, Жозефа—крестника г-жи де-Мьеръ, и, кажется, обоюдное впечатлѣніе было благопріятное.

На слѣдующій день Гюи зашелъ ко мнѣ, и у насъ произошла маленькая стычка. Присутствіе Жозефы на лекціи удивило его. Я отвѣтила, что онѣ съ m-lle де-Монфоръ постоянно посѣщаютъ ихъ.

— Ученыя барышни?

— Почему бы и нѣтъ? У m-lle де-Монфоръ—цѣлая семья. Она воспитываетъ на свой счетъ двѣнадцать человѣкъ дѣтей.

— А сколько ихъ у владѣлицы Шавиньи?

— Четверо,—отвѣтила я спокойно.

— Новый видъ женской эмансипаціи?

— Вотъ вы каковы!—воскликнула я съ негодованіемъ:—вы жалуетесь на легкомысліе дѣвушки, а стоитъ ей только достойнымъ образомъ занять свой умъ и сердце, какъ вы относитесь къ ней съ насмѣшкою. Вы требуете не чистоты, а лишь незнанія... единственной вещи, которую вы можете ей открыть, и потому закрываете ей доступъ къ общественной жизни. А когда мужъ наскучитъ ей, она будетъ искать у любовника единственнаго счастья, которое вы могли ей дать. Въ сущности, вы имѣете тѣхъ женщинъ, какихъ заслуживаете.

— Крестная, не вдаетесь ли вы также въ феминизмъ?— сказалъ Гюи съ улыбкою.

— Не въ тотъ, который проповѣдуетъ ненависть къ мужчинѣ; я уважаю гигантскій трудъ, выпавшій ему на долю, но полагаю, что женщина, дополняющая его жизнь, должна помочь

ему въ его дѣлѣ. На свѣтѣ слишкомъ много голодныхъ, преступныхъ, нравственно загрязненныхъ людей, и бороться съ этимъ зломъ—долгъ женщины, какъ долгъ мужчины—строить мосты и взрывать скалы. Наши больницы, наша благотворительность—позоръ для Франціи, и все потому, что ими завѣдуетъ мужчина. Развѣ я неправа?

Гюи не возражалъ, и я продолжала доказывать ему необходимость иной системы воспитанія для французскихъ дѣвушекъ. Въ Парижѣ онѣ уже начинаютъ работать въ ясляхъ, въ лечебницахъ...

— Посѣщаютъ народные университеты, и это отчасти тревожитъ меня,—сказалъ онъ упрямо.

— Можете о нихъ не тревожиться. M-lle де-Монфоръ двадцать-пять лѣтъ, и она не употребила во зло своей свободы; а Жозефа де-Люссонъ—чиста, какъ Божій день.

— Крестная, я положительно начинаю васъ ревновать къ этой молодой особѣ!—воскликнулъ Гюи шутливо:—она отняла у меня Шавиньи, а теперь отбиваетъ васъ.

Де-Люссонъ уѣзжаютъ изъ Парижа одними изъ первыхъ; мы должны свидѣться въ Эксъ-ле-Бэнъ, затѣмъ я погощу у нихъ въ Турени. Гюи проведетъ нѣкоторое время въ Рошейль, а потомъ онъ собирается прокатить меня на своемъ автомобилѣ по Савойѣ и Швейцаріи. Я чувствую себя очень счастливой въ его обществѣ, но все-же гоню его изъ Парижа. Иногда мнѣ даже хочется встрѣтить во время катанья маркизу де-Моріонъ, чтобы узнать: какое впечатлѣніе произведетъ на него такая встрѣча? До чего романистъ можетъ быть жестокъ!

Желаніе Жанъ-Ноэля исполнилось, и какъ всегда—неожиданнымъ образомъ.

Наканунѣ отъѣзда Гюи заѣхалъ за мною, и послѣ прогулки мы отправились пить чай въ саду у Рица—зеленомъ уголкѣ въ стилѣ восемнадцатаго вѣка, гармонирующемъ съ свѣтлыми дамскими туалетами. Хотя публики было уже много, мой столикъ оставался незанятымъ; когда гарсонъ, которому я заказала чай, отошелъ, я увидѣла почти насупротивъ насъ маркизу де-Моріонъ, сидѣвшую подъ зонтикомъ-тэнтомъ въ обществѣ трехъ молодыхъ дамъ и двоихъ мужчинъ: маркиза А. и графа С. Взоры ея и Гюи скрестились, какъ двѣ шпаги. Мой крестникъ слегка поблѣднѣлъ, ноздри его раздулись, онъ стиснулъ зубы. Маркиза вздрогнула и подалась назадъ, какъ отъ удара, вѣки ея опустились. Я поняла, что съ ея стороны еще была любовь, съ его стороны—лишь негодованіе обманутаго мужчины.

Намъ подали чай; лицо моего спутника оставалось невозмутимымъ.

— Красивое зрѣлище!—сказалъ онъ, обводя садикъ взглядомъ.

— Отчасти—въ стилѣ Ваттò, и въ красавицахъ нѣтъ недостатка, согласитесь?

— Обманъ зрѣнія! Накрашенныя губы, выкрашенные волосы. Найдется ли среди нихъ хоть одна, способная на неподдѣльное чувство?

— Имъ и не для чего здѣсь быть, дитя мое,—отвѣтила я просто, и онъ невольно улыбнулся. Мы заговорили о Рошейль, о его братѣ, и раздраженіе его стихло. Время отъ времени я тайкомъ посматривала на маркизу—прелестную въ платьѣ цвѣта „mauve" и въ шляпкѣ, убранной анемонами того же цвѣта. Она весело разговаривала, но два красныхъ пятна горѣли у нея на щекахъ. Наши глаза встрѣтились; она прочла въ моихъ почти материнское состраданіе и поблагодарила меня своею медлительною улыбкой. Мнѣ хотѣлось скорѣе уйти.

— Вы кончили чай? Поѣдемъ,—обратилась я къ Гюи.

— Куда же намъ спѣшить, крестная? Тутъ хорошо... настоящій рай.

Онъ закурилъ сигару, и я поняла, что онъ не уйдетъ первымъ. Свѣтъ падалъ ему прямо въ лицо. Его загорѣлое лицо было очень мужественно; контрастъ между темными волосами, синими глазами и болѣе свѣтлымъ оттѣнкомъ усовъ придавалъ его наружности нѣчто плѣнительное и вмѣстѣ съ тѣмъ—жестокое. Вѣроятно, онъ сознавалъ свое очарованіе не хуже любой женщины. Наконецъ, маркиза де-Моріонъ встала изъ-за стола; она прошла мимо насъ подъ-руку съ графомъ С., и въ ея осанкѣ чувствовался надменный вызовъ. Гюи проводилъ ее изумленнымъ взглядомъ. Когда она исчезла, онъ бросилъ сигару и всталъ.

— Теперь я къ вашимъ услугамъ, крестная,—сказалъ онъ спокойно.

Раненый человѣкъ—жестокъ.

VI.

Экс-ле-Бэнъ.—Мнѣ предстоитъ пробыть здѣсь въ одиночествѣ нѣсколько дней, покуда не съѣхались мои близкіе, и я пользуюсь этимъ, чтобы собраться съ мыслями и отдохнуть. Почему-то я съ осо-

бенною грустью покидала ныньче свою „вѣтку“—отель Кастильоне, гдѣ весь служебный персоналъ такъ хорошо ко мнѣ относится. Въ послѣднюю минуту я поднялась въ свою комнату подъ предлогомъ посмотрѣть, не забыла ли я чего-нибудь, а въ сущности для того, чтобы съ нею попрощаться. Стѣны, казалось, удерживали меня. Неужели я не вернусь сюда даже для того, чтобы умереть? Я вздрогнула, когда дверца кареты захлопнулась за мною. На вокзалѣ я сказала провожавшему меня швейцару:—„Когда-нибудь, Анри, вамъ придется проводить меня, вмѣсто вокзала, на кладбище“. Онъ отвѣтилъ:—„Дай Богъ, сударыня, чтобы это случилось какъ можно позднѣе, и ужъ, конечно, въ этотъ день у меня не будетъ такъ легко на душѣ, какъ сегодня“.

Лучше не могъ бы отвѣтить и свѣтскій человѣкъ.

Изъ окна моего—я помѣстилась въ Palace-Hôtel—открывается дивный видъ на долину и гористую даль. Первый мой выходъ было паломничество: я посѣтила виллу, которую мы когда-то занимали съ моимъ мужемъ; я увидѣла густыя деревья и террасу, съ которой я и Гюи—другой Гюи—любовались лунною ночью, и доносившаяся издали музыка казалась аккомпанементомъ нашихъ словъ...

Съѣздъ большой. Обѣды, пикники, спектакли, фейерверки слѣдуютъ одинъ за другимъ. Семья де-Люссонъ пріѣхала; комнаты ихъ въ томъ же этажѣ, мы вмѣстѣ обѣдаемъ и завтракаемъ; по утрамъ Жозефа, въ бѣломъ капотикѣ, выдающемъ гармоническія линіи ея тѣла, съ волосами, заплетенными въ толстую косу, приноситъ мнѣ чашку чаю съ лимономъ. Я невольно любуюсь ею въ этомъ видѣ. Тотъ, кому достанется эта милая дѣвушка, можетъ возблагодарить небо. Гюи пріѣхалъ раньше, чѣмъ я ожидала. Обнимая меня, онъ объявилъ, что не можетъ больше обходиться безъ крестной. Вѣдь и я рада его возвращенію, не такъ ли?

— Скучно стало въ Рошейль. Нѣтъ больше прелестныхъ черныхъ глазъ и ласковыхъ улыбокъ, не слышно шелеста платьевъ... Я не могъ тамъ дольше оставаться.

Разумѣется, онъ вошелъ въ нашъ кружокъ. Случайно ледъ былъ проломанъ между нимъ и Жозефою.

— Вотъ кто очень сердитъ на васъ,—пошутила я, обращаясь къ ней.

— Сердитъ на меня?—Жозефа широко раскрыла глаза.

— Да, за то, что вы сдѣлались владѣлицею Шавиньи. Въ

качествѣ родственника и крестника господина де-Мьеръ, онъ думаетъ, что имѣетъ на него больше правъ.

— Я въ отчаяніи, что не могу сожалѣть объ этомъ,—отвѣтила она лукаво.

— Во всякомъ случаѣ, если вы пожелаете отдѣлаться отъ своей покупки, вы отдадите ему предпочтеніе передъ другими претендентами, не такъ ли?

— Уступить кому-нибудь Шавиньи? Никогда!

Къ моему удовольствію, я замѣтила въ глазахъ Гюи искорку лукавства.

— Кто знаетъ?—проговорилъ онъ спокойно.—Я все-же могу надѣяться.

— Этого я вамъ не запрещаю.

— Вы очень любезны.

Гюи очень милъ въ обществѣ, манеры у него безукоризненныя, онъ кажется веселымъ, но на дняхъ, когда онъ полулежалъ въ креслѣ, сдвинувъ шляпу на глаза и полузакрывъ ихъ, на его лицѣ виднѣлось выраженіе такой грусти, во всемъ его существѣ столько апатіи, что я была взволнована до глубины сердца. А вдругъ Жозефа полюбитъ его? *Увидитъ* ли онъ когда-нибудь ея ирландскіе глаза, ея густые волосы и стройную фигуру? Все зависитъ отъ этого. До сихъ поръ онъ смотрѣлъ на нее, но не видѣлъ.

E fatto il miracolo!—какъ говоритъ священникъ, показывая неаполитанцамъ закипѣвшую кровь св. Януарія... Чудо совершилось... Восхищеніе посторонняго человѣка открыло Гюи глаза: старое какъ міръ, но вѣрное средство. Произошло это во время игры въ теннисъ. На фонѣ зеленаго трельяжа красиво выдѣлялись бѣлые костюмы молодежи, и я наблюдала за тѣмъ, какъ сказывается во время спорта различіе національностей. Нанося или парируя ударъ, француженка всегда сохраняетъ красоту линій, между тѣмъ какъ англичанка готова, повидимому, вывихнуть себѣ члены! Во время перерыва, Гюи, только-что выигравшій партію у m-lle де-Люссонъ, подошелъ ко мнѣ; онъ былъ очень красивъ въ своемъ костюмѣ изъ бѣлой фланели. Неподалеку отъ насъ стояли двое англичанъ, которые, въ качествѣ знатоковъ, громко высказывали свои сужденія.

— Чертовски красивая дѣвушка, вотъ эта, что̀ держитъ ракетку, и хорошо играетъ. Держу пари, что она англичанка.

— Гдѣ у тебя глаза? Посмотри на ея фигуру, на ея платье... Сейчасъ видно, что оно—парижское.

— Во всякомъ случаѣ, она чертовски интересна.

Глаза Гюи невольно обратились въ сторону m-lle де-Люссонъ, и я замѣтила, какъ въ нихъ что-то блеснуло.

— А этотъ юный Джонъ-Булль все-таки узналъ въ ней свою расу, вѣроятно по ея сѣро-голубымъ ирландскимъ глазамъ,—замѣтила я, улыбаясь.

Въ эту минуту къ намъ подошла Жозефа, которую я подозвала знакомъ, и Гюи посмотрѣлъ на нее съ любопытствомъ, словно желая разглядѣть, что̀ есть ирландскаго въ ея глазахъ?

— Пойдемте, — сказала я, — уже поздно; мы едва успѣемъ переодѣться.

— Слава побѣжденнымъ!—сказалъ Гюи, проводивъ насъ до поворота и раскланиваясь съ насмѣшливою любезностью.

— Завтрашнимъ побѣдителямъ! — весело отпарировала Жозефа.

Эти шутливыя слова показались мнѣ символическими. Не совершилось ли желанное чудо?

Турень. Командорство.—Послѣ двухнедѣльнаго отдыха въ Буврэ, куда я пріѣхала прямо изъ Эксъ-ле-Бэнъ, я нахожусь подъ кровомъ де-Люссонъ, выѣхавшимъ мнѣ на встрѣчу въ Туръ. Гюи отправился въ поѣздку по Дофинэ; за послѣднее время онъ видимо искалъ общества Жозефы, старался вызвать ее на откровенность, и когда онъ, садясь въ автомобиль, въ послѣдній разъ раскланялся съ нами, боюсь, что его прощальный взглядъ предназначался не крестной... Она уже на второмъ планѣ. Письма его полны юношескимъ жаромъ, въ которомъ чувствуется пламя зарождающейся любви. Онъ стремится сюда. Что̀ же? Тѣмъ лучше! Всѣ матери должны жертвовать собою.

Командорство—за̀мокъ эпохи Людовика XIII, весьма искусно подновленный, съ неособенно большимъ, но чуднымъ паркомъ; въ домѣ много старинной мебели, гобеленовъ, семейныхъ реликвій, но въ немъ имѣются также признаки дѣятельной жизни, чуждые бутафорскаго характера: на роялѣ играютъ, книги прочитываются, корзинка съ работою поставлена не только для виду. Мнѣ отвели комнату съ прекраснымъ видомъ изъ оконъ и старинною меблировкою: громадное бюро, бержерки, пузатый комодъ, шкафъ съ книгами.

Мы ходили съ Жозефою въ „Хижину“ — такъ называется убѣжище для ея мальчиковъ, длинное строеніе въ видѣ фермы, обвитое ползучими растеніями; у оконъ—бѣлыя занавѣски; у крыльца лежитъ собака, на скамьѣ я замѣтила двухъ кошекъ, совершавшихъ свой туалетъ. Миссъ Джонсъ, особа среднихъ

лѣтъ, безобразная, какъ только можетъ быть англичанка, но съ добрыми голубыми глазами, радостно встрѣтила насъ и провела по дому. Въ большой комнатѣ дѣти учатся, ѣдятъ, играютъ; тутъ имѣется большой столъ, стулья, шкафы для книгъ и игрушекъ, печь. Рядомъ—свѣтлая кухня, дѣтскія спальни, уютныя и веселыя, двѣ комнаты для миссъ Джонсъ; несмотря на простоту, все устроено со вкусомъ и комфортомъ.

Дѣти съ криками:—„Крестная, крестная пришла!"—кинулись къ Жозефѣ, довѣрчиво окружили ее, разсказывая ей наперерывъ о своихъ работахъ и событіяхъ дня; одинъ мальчуганъ съ гордостью показывалъ ей выдернутый имъ у себя зубъ, и она ласково погладила ребенка по темноволосой головѣ.

— Видите, не вы одна—крестная!—сказала она съ довольною улыбкою.

— Они сіяютъ здоровьемъ и опрятностью,—замѣтила я.

— Это—заслуга миссъ Джонсъ; когда мы взяли двоихъ старшихъ, бѣдняжки были всѣ въ грязи и покрыты насѣкомыми. Теперь они не выносятъ неопрятности. Недавно мы услышали отчаянный крикъ; оказалось, что Поль насильно мылъ у насоса дѣвочку фермерши.

Жозефа очень интересуется своимъ дѣломъ; она старается угадать наклонности дѣтей, думаетъ о ихъ будущемъ; тутъ нѣтъ ни малѣйшей позы и рисовки. Она—сама искренность.

Жизнь въ Командорствѣ пріятная, въ англійскомъ духѣ. Въ сосѣдствѣ много дворянъ, и каждый день автомобили привозятъ къ намъ гостей; такова была бы и моя жизнь, не произойди въ судьбѣ моей трогательной перемѣны. Сегодня я думала объ этомъ, читая газету въ паркѣ. Но тогда не было бы на свѣтѣ товарища моей старости—Жанъ-Ноэля. Провидѣніе многое отняло у меня, но дало мнѣ еще болѣе.

Я побывала съ моими хозяевами въ Турѣ, куда съѣзжаются по четвергамъ окрестные дворяне; несмотря на провинціальный духъ и обиліе ханжей, городъ нравится мнѣ своимъ оживленіемъ; въ немъ сохранилось что-то рыцарски-безпечное. Въ темныхъ глазахъ женщинъ сверкаетъ веселость, въ мужскихъ—смѣлость; тутъ должны растрачивать безъ счету деньги и любовь. На пріемѣ у m-me де-Люссонъ я увидѣла пожилыхъ матронъ съ дурнымъ цвѣтомъ лица, вслѣдствіе плохой гигіены; на всѣхъ—черныя со стеклярусомъ платья. Молодыя дамы хороши собою, но не элегантны; барышни—неуклюжи; были тутъ офицеры и владѣльцы имѣній. Общество мало культурно, исполнено предразсудковъ, но во многихъ чувствуется природный умъ, засорен-

ный невѣжествомъ въ той же степени, какъ Луара—пескомъ. Когда одна изъ дамъ, вдова генерала, заговорила о томъ, какъ она довольна своимъ зятемъ (о мнѣніи ея дочери не спрашивалось), я замѣтила, какъ сверкнули глаза Жозефы. За „наслѣдницею“ очень ухаживаютъ, но видимо мысленно критикуютъ ея полную достоинства, свободную манеру держать себя. Во время чая за нею ухаживалъ красивый егерскій поручикъ, и мнѣ почуялось, что тутъ пахнетъ свадьбой.

Поздно вечеромъ, когда Жозефа явилась ко мнѣ по обыкновенію въ своемъ капотикѣ и со щеткою въ рукѣ для расчесыванія волосъ, я прямо спросила ее: чтò это за молодой человѣкъ?

— Графъ де-Морзьé, маминъ кандидатъ, — отвѣтила она, тряхнувъ своими распущенными волосами съ вызывающимъ видомъ.

Я коварно похвалила его, и на ея лицо мгновенно набѣжала тѣнь. Она просидѣла недолго и казалась опечаленной. Прощаясь съ нею, я сказала:

— Будемъ надѣяться, что Провидѣніе пошлетъ намъ владѣльца Шавиньи, какого желаемъ мы обѣ.

— Будемъ надѣяться,—сказала она серьезно.

Покуда я тревожилась о немъ, „мой кандидатъ“ летѣлъ сюда на всѣхъ парахъ, и сегодня онъ буквально упалъ среди насъ, какъ огненный метеоръ.

Г-нъ и г-жа Люссонъ уѣхали съ визитами, а мы съ Жозефою отправились въ „Хижину“. Въ ожиданіи чая и горячихъ пирожковъ, Жозефа играла съ дѣтьми, а я, сидя въ креслѣ съ кошкою на колѣняхъ, слѣдила взоромъ за нитями паутины, носившимися въ прозрачномъ воздухѣ, спрашивая себя въ тысячный разъ: откуда онѣ берутся? Вдругъ собаки отчаянно залаяли, кинулись впередъ, и я увидѣла подходившаго къ намъ Гюи. Кошка соскочила, выгнувъ спину; я встала, и прежде чѣмъ я успѣла опомниться, онъ уже обнималъ меня.

— Откуда вы?—воскликнула я наконецъ.

— Съ автомобиля. Я пріѣхалъ изъ Тура, — отвѣтилъ онъ развязно и подошелъ къ m-lle де-Люссонъ. Глаза и руки ихъ встрѣтились, а лица озарились какимъ-то свѣтомъ. Это длилось нѣсколько секундъ, но Жанъ-Ноэль успѣлъ схватить всѣ детали этой картины: освѣщенная солнцемъ хижина, миссъ Джонсъ съ чайникомъ въ одной рукѣ и тарелкою съ пирожками—въ другой,

накрытый въ тѣни деревьевъ столъ, дѣти, собаки... А на первомъ планѣ—Жозефа, смущенно гладящая мальчика по головѣ, Жозефа—восхитительная въ короткомъ сѣромъ суконномъ платьѣ съ жакетомъ и шемизеткою изъ фуляра цвѣта crême, въ мягкой широкополой шляпѣ. Судьба нерѣдко выбираетъ изящную обстановку для своихъ дѣйствующихъ лицъ.

— Объясните мнѣ, почему вы пріѣхали двумя недѣлями ранѣе?—обратилась я къ Гюи.

— Потому что не могъ ждать двѣ недѣли,—спокойно отвѣтилъ мой крестникъ.

— А гдѣ вы оставили автомобиль?—спросила оправившаяся Жозефа.

— Въ Командорствѣ. Мнѣ сказали, что г-нъ и г-жа де-Люссонъ уѣхали, а также указали, гдѣ васъ найти.

— Вы заслужили, чтобы и насъ не оказалось дома.

— Въ качествѣ хозяйки, я протестую! — весело сказала Жозефа.—Я очень рада, что могу предложить monsieur д'Отриву чашку чаю.

— Вѣроятно, его привлекъ запахъ вкусныхъ пирожковъ?—сказала я, улыбаясь.

— Навѣрное что-нибудь влекло меня, такъ какъ я ѣхалъ съ максимальною скоростью,—отвѣтилъ онъ отважно, и почему-то эти простыя слова вызвали румянецъ на щекахъ Жозефы.

Мы усѣлись за столъ и я только-что задала себѣ вопросъ: что подумаютъ родители Жозефы,—какъ раздался стукъ экипажа.

— Папа съ мамой!—воскликнула дѣвушка.—Миссъ Джонсъ, пожалуйста, горячаго чаю и пирожковъ!

Мы съ Гюи поспѣшили къ нимъ навстрѣчу; они очень радушно приняли Гюи, но мнѣ почудилось въ ихъ обращеніи нѣкоторое замѣшательство, и я разсердилась на виновника переполоха.

— Надѣюсь, вы не за крестной пріѣхали?—спросила г-жа де-Люссонъ.—Мы не отпустимъ ее до конца мѣсяца.

— Она и не позволитъ себя увезти. У меня есть друзья въ Турѣ и въ Орлеанѣ, я подожду.

— Вы могли бы подождать въ Рошейль, — отвѣтила я суховато.

— И я мчался со скоростью шестидесяти миль въ часъ для того, чтобы это услышать!

Его опечаленное лицо было до того забавно, что всѣ мы расхохотались, и стѣсненіе исчезло.

Послѣ чая Гюи осмотрѣлъ „Хижину“ и видимо былъ восхищенъ, но скрылъ это подъ своею обычной насмѣшливостью.

— Ваша дочь не думаетъ поступить въ „Армію спасенія“?—спросилъ онъ у г-на де-Люссонъ.

— Вы шутите,—отвѣтилъ тотъ, улыбаясь,—а въ прошломъ году она до того увлеклась ею, что чуть было не вступила въ ея ряды. Лишь безобразіе костюма помогло мнѣ убѣдить ее; я зналъ, что шляпа ее испугаетъ.

Жозефа покраснѣла, но прибавила серьезно:—Я неспособна на такое самоотверженіе. Подумайте, вѣдь они должны быть готовы придти на помощь во всякое время, во всякій часъ; они съумѣли вернуть обществу и такихъ людей, которые находились на низшей степени паденія. Эта армія воплощаетъ въ себѣ силу добра и всѣ должны помогать ей въ ея борьбѣ со зломъ.

— Видите!— сказалъ насмѣшливо г-нъ де-Люссонъ: — дочь моя и безъ шляпы занимается пропагандой.

Жозефа взяла его подъ-руку. — Ты заслуживаешь, чтобы я дѣйствительно надѣла эту шляпу.

Простившись съ миссъ Джонсъ, мы всѣ направились къ Командорству. Гюи пришелъ въ восторгъ отъ стариннаго замка, и мои хозяева пригласили его на завтра къ завтраку. Подъ предлогомъ показать ему мое чудное помѣщеніе, я увела его къ себѣ. Какъ только дверь затворилась за нами, я строго сказала ему, что не позволю ему оставаться въ Турѣ,—онъ можетъ ѣхать въ Сомюръ, въ Орлеанъ, куда ему угодно.

— Почему?—спросилъ онъ съ невиннымъ видомъ.

— Потому что мои хозяева сочтутъ долгомъ пригласить васъ гостить, а у нихъ взрослая дочь, и здѣшнее общество можетъ подумать, что у васъ есть намѣренія...

— Но у меня и есть намѣренія!—воскликнулъ онъ, и лицо его засвѣтилось радостнымъ лукавствомъ.

Онъ обнялъ меня за плечи, какъ дѣлалъ это мой мужъ, усадилъ меня и сталъ исповѣдываться. Онъ уже думалъ, что не будетъ въ состояніи полюбить кого бы то ни было, но по отъѣздѣ изъ Эксъ-ле-Бэнъ у него вдругъ явилось желаніе, чтобы сѣро-голубые глаза m-lle де-Люссонъ увидали тѣ мѣстности, по которымъ онъ проѣзжалъ. Ему было недостаточно своихъ собственныхъ. Не странно ли это?

— Очень странно,—замѣтила я насмѣшливо;—а крестную вы, конечно, позабыли?

— Неужели вы ревнуете? Вы знаете, что я обожаю васъ.

Я выслушала подробное описаніе чувствъ влюбленнаго автомобилиста и поблагодарила его отъ имени Жанъ-Ноэля.

— А какъ вы думаете, выдадутъ ли ее за меня? — проговорилъ онъ нервно.

— Надѣюсь; вы понравились имъ; ваше имя и состояніе могутъ ихъ удовлетворить. О ней же я не считаю себя вправѣ говорить.

Когда мы прощались, Гюи полюбовался моею комнатою. Я не должна болѣе жить въ отелѣ,—онъ уступитъ мнѣ свою холостую квартиру съ садикомъ. Я прервала его:—Не надо строить плановъ, это приноситъ несчастье... До завтра.

Когда онъ ушелъ, ощущеніе мрака и холода охватило меня. Я подошла къ огню, но пламя не согрѣло моихъ рукъ; холодъ былъ у меня въ сердцѣ.

Жертва принесена. Де-Люссонъ отдали свою дочь, я—своего крестника, и мы до сихъ поръ еще не опомнились отъ изумленія. Когда наступаетъ рѣшительная минута, — хотя бы мы и ждали ее,—высшія силы лишаютъ насъ возможности сопротивляться, воля парализуется, намъ словно кто-то подсказываетъ самыя слова. Насъ охватываетъ вихрь, и когда онъ уляжется, и мы остаемся лицомъ къ лицу съ совершившимся фактомъ — наступаетъ радость или страданіе.

Во время завтрака, несмотря на присутствіе постороннихъ, я все время чувствовала магнетическій токъ, существовавшій между молодыми людьми; онъ окрашивалъ румянцемъ щеки Жозефы и придавалъ блескъ глазамъ Гюи. Послѣ завтрака четверо мужчинъ отправились на осмотръ образцовой фермы, принадлежавшей родственнику г. де-Люссонъ, а я поднялась къ себѣ—писать письма. Покончивъ съ ними, я подошла къ окну и вздрогнула при видѣ Жозефы и Гюи, медленно шедшихъ по лугу; вдругъ они остановились подъ старымъ кедромъ, прозваннымъ „дѣдушкой“,—мой крестникъ снялъ шляпу и стоялъ съ непокрытою головою передъ дѣвушкою. Отъ этой живой картины вѣяло любовью, какъ въ картинѣ Миллѐ „Angélus“ чувствуется вѣяніе молитвы. Зрѣлище молодого счастья не причинило мнѣ ни зависти, ни сожалѣнія. Мнѣ казалось, что я уже стою далеко отъ всего этого, на какой-то чуждой земныхъ страстей вершинѣ.

Черезъ четверть часа Гюи вихремъ ворвался ко мнѣ и заключилъ меня въ объятія.

— Крестная, она меня любитъ!..

— Это не причина, чтобы душить меня.

— Простите, но я слишкомъ счастливъ. Сейчасъ я объявилъ ей, что ѣду въ Сомюръ, и лицо ея сразу омрачилось. Я поспѣшилъ прибавить, что меня отсылаетъ крестная, увѣряющая, что останься я въ Турѣ, я стану каждый день здѣсь бывать, а этого нельзя... если только я не получу на это право.

— Значитъ, крестная пригодилась?

— Даже очень, — отвѣтилъ онъ, подмигнувъ по-мальчишески.—Тогда лицо ея снова просвѣтлѣло; я сказалъ, что жажду пріобрѣсти это право, но желалъ раньше получить ея разрѣшеніе—испросить его. Она отвѣтила: „А вы будете несчастны, если я откажу въ немъ?“. Можете угадать, каковъ былъ мой отвѣтъ! „Ну, такъ я не хочу, чтобы вы были несчастны. М-ше де-Мьеръ никогда мнѣ этого не проститъ“. Вотъ ея подлинныя слова.

— Маленькая притворщица!—воскликнула я, невольно разсмѣявшись.

— Мнѣ хотѣлось заключить ее по-англійски въ объятія и поцѣловать, но французское воспитаніе превозмогло, и я просто снялъ шляпу.

Гюи хотѣлъ сейчасъ же летѣть къ г-ну и г-жѣ де-Люссонъ, но я убѣдила его, что необходимо прежде подготовить ихъ, и я беру это на себя: завтра — возможно ранѣе—я извѣщу его телеграммой. Послѣднія слова его были:—Я васъ обожаю!

Между шестью и семью часами мы всѣ собираемся въ библіотекѣ, куда приносятъ почту. Я вошла туда съ бьющимся сердцемъ, втайнѣ гордясь моею ролью матери. Г. де-Люссонъ читалъ вслухъ „Figaro“; жена его работала при свѣтѣ лампы; въ каминѣ горѣлъ огонь, и черный котъ спалъ, поджавъ лапы, на листахъ рукописи. Мнѣ показалось, что слова мои нарушатъ царившую здѣсь атмосферу мира; я невольно смутилась и, опустившись въ кресло, начала нервно играть костянымъ ножомъ, при чемъ съ губъ моихъ сорвался, вмѣсто приготовленной рѣчи, первый навернувшійся вопросъ:—Ну, какъ вы съѣздили на ферму?

— Отлично, — отвѣтилъ г. де-Люссонъ; — мой кузенъ былъ очень радъ, что могъ показать ея устройство ученику академіи. Кстати, я долженъ извиниться передъ г. д'Отривъ,—я считалъ его простымъ любителемъ агрономіи, а онъ удивилъ насъ своими познаніями. Въ немъ чувствуется творческая способность, и какъ онъ любитъ землю!

— Я рада, что вы такъ говорите о немъ. Кажется, вы къ нему благоволите?—замѣтила я дипломатически.

— Это правда.

— Ну, а если бы у васъ была дочь, согласились ли бы вы отдать ее за него замужъ?—почти неожиданно для себя самой вдругъ выговорила я, сжимая ножикъ, все еще бывшій у меня въ рукахъ.

Хозяева мои переглянулись. Стекла очковъ г-на де-Люссонъ блеснули.

— Чтò вы объ этомъ думаете, Луиза?—проговорилъ онъ съ комическою серьезностью:—если бы у насъ была дочь, отдали ли бы мы ее за барона д'Отривъ?

Мать была смущена и взволнована.

— Я думаю, что да,—отвѣтила она, силясь улыбнуться.

— А я въ этомъ увѣренъ,—горячо подхватилъ отецъ.

— Но развѣ... это серьезно? — переспросила г-жа де-Люссонъ.

— Серьезно. Вчера крестникъ мой сознался, что вернулся двумя недѣлями раньше не ради меня, но ради m-lle Жозефы, и онъ шлетъ меня посломъ, чтобы узнать: можетъ ли онъ явиться къ вамъ завтра съ формальнымъ предложеніемъ,—заключила я, отбрасывая ненужный ножикъ.

Машинально мы всѣ трое встали; мать порывисто обняла меня, отецъ поцѣловалъ мою руку.

— Пусть баронъ д'Отривъ пріѣзжаетъ, — сказалъ онъ просто.

Мы продолжали разговоръ о нашихъ „дѣтяхъ", ихъ характерѣ, наклонностяхъ. Г-жа де-Люссонъ оцѣнила деликатность и утонченность Гюи; она увѣрена, что онъ не оскорбитъ чистоты ея дочери тою грубостью, которая такъ коробила ее въ нѣкоторыхъ „молодыхъ" мужьяхъ.

Мы услыхали шумъ шаговъ въ передней; г. де-Люссонъ сдѣлалъ намъ знакъ,—онъ весь сіялъ лукавствомъ.

Первою вбѣжала собака; поласкавшись къ намъ, она подбѣжала къ коту, лежавшему на столѣ, и лизнула его, за что была вознаграждена пощечиной бархатной лапки. За собакою вошла Жозефа.

— Здравствуйте всѣ!—сказала она, бросая шляпу на стулъ. Она обвела насъ вопросительнымъ взглядомъ, и словно предчувствуя торжественность минуты, присѣла рядомъ съ матерью вмѣсто того, чтобы, по обыкновенію, взобраться на ручку кресла къ отцу.

— Есть что-нибудь новое въ „Figaro"?—спросила она.

— Не изъ „Figaro", но отъ m-me де-Мьеръ мы узнали

нѣчто новое, очень интересное,—сказалъ отецъ, стоявшій у камина.—Она имѣетъ для тебя въ виду блестящую партію: онъ—маркизъ, тридцати-пяти лѣтъ, обладатель зàмка въ Анжу и ежегоднаго дохода въ триста тысячъ. Заманчиво?

Онъ проговорилъ это такъ естественно, что, несмотря на объясненіе съ Гюи, Жозефа попалась на удочку. Лицо ея омрачилось; она посмотрѣла на меня удивленными, полными укора глазами и произнесла презрительно:

— Заманчиво? Только не для меня! Я не имѣю никакого желанія сдѣлаться маркизой. Что же касается зàмка — у меня есть Шавиньи, и мнѣ вовсе не нужно, чтобы мужъ мой былъ настолько богаче меня...

Г. де-Люссонъ торжествовалъ.

— Несчастная дѣвочка! Не намѣрена ли ты остаться у насъ на шеѣ?

— Это было бы совсѣмъ не такъ плохо для васъ.

— Подите ко мнѣ, моя милая дѣвочка!—сказала я ласково. Она повиновалась и, все еще недовольная, присѣла на ручку моего кресла. Я съ улыбкой пожала ея руку.

— Успокойтесь... Женихъ, котораго я вамъ сватаю, не маркизъ, но простой баронъ—мой крестникъ. Онъ васъ любитъ, и вы согласитесь, не правда ли?—хотя бы только для того, чтобы стать моею крестницей...

При первыхъ же словахъ волна крови прилила къ лицу Жозефы, уголки ея губъ дрогнули, нервныя слезы брызнули изъ глазъ.

— Я хотѣла бы наказать васъ всѣхъ, отказавъ ему, но... я не могу.

— Ага! Вотъ оно что̀!—засмѣялся г. де-Люссонъ.—Значитъ: да?

Она шепнула ему что-то на ухо и убѣжала, а мы послали Гюи телеграмму:

„Поздравляю. Васъ ждутъ.—Крестная“.

Г-жа де-Люссонъ снова обняла меня, а хозяинъ мой, крѣпко пожавъ мнѣ руку, проговорилъ:

— Я радуюсь тому, что этотъ бракъ еще тѣснѣе соединитъ насъ и закрѣпитъ нашу дружбу. Бѣдный другъ мой, вы стремитесь къ независимости, и вотъ у васъ на рукахъ цѣлая семья. Станемъ вмѣстѣ доживать жизнь, играть въ безигъ, пировать на крестинахъ и будемъ очень счастливы, не взирая на преклонные года и ревматизмы.

— Да будетъ такъ!—отвѣтила я весело.

Утромъ Гюи вошелъ ко мнѣ, когда я заканчивала свой туалетъ. Онъ снова обнялъ меня, но уже безъ вчерашней юношеской порывистости, а съ серьезностью мужчины.

— Значитъ, да?—спросилъ онъ съ волненіемъ.

— Да, но вы его не заслуживаете. Давно ли вы были противникомъ брака?

— Я былъ идіотомъ. Но я хочу знать подробности...

Мои хозяева ожидали насъ въ библіотекѣ, и я сразу заговорила:

— Вотъ мой крестникъ, о которомъ идетъ рѣчь. Онъ является съ тѣмъ, чтобы просить у васъ то, чтò у васъ есть самаго дорогого.

Г. де-Люссонъ протянулъ Гюи обѣ руки.

— Нашу Жозефу? Я съ радостью отдаю ее вамъ. Мы чувствуемъ, что вы любите ее настоящею любовью, а вашъ характеръ служитъ намъ порукою за ея счастье.

Взволнованный до глубины души, Гюи обратился къ матери, не зная, какъ ее благодарить.

— Не надо словъ, дитя мое,—сказала г-жа де-Люссонъ,—мы знаемъ ваши чувства. Мнѣ нуженъ не зять, а сынъ, — добавила она съ милою улыбкой, напомнившей мнѣ Колетту.

— Мнѣ не трудно будетъ сдѣлаться имъ, — отвѣтилъ Гюи, цѣлуя ея руку,—вы такъ похожи на мою мать.

— А теперь отправляйтесь за невѣстой!—сказалъ г. де-Люссонъ, хлопая его по плечу:—она укрылась въ „Хижинѣ“ (обычная исторія!)... И не забывайте о завтракѣ.

Оставшись одни, мы переглянулись. Наступила минута молчанія, слѣдующая всегда за важными событіями; затѣмъ мы разговорились, и сознаніе нашей близости послужило намъ утѣшеніемъ. Около одиннадцати часовъ мы увидѣли изъ окна нашихъ влюбленныхъ. На Жозефѣ было — надѣтое по моему совѣту— сѣрое суконное платье съ бѣлымъ жилетомъ и галстухомъ; Гюи былъ очень изященъ въ своемъ жакетѣ англійскаго покроя.

— Славная парочка!—сказалъ де-Люссонъ.—Глядя на нихъ, желаешь стать дѣдушкой.

На порогѣ балконной двери Гюи продѣлъ руку Жозефы въ свою.

— Вотъ моя невѣста!—объявилъ онъ.

— Вотъ мой женихъ!—отвѣтила молодая дѣвушка, улыбаясь.

Подъ этой шутливостью таилось искреннее волненіе.

Жозефа поцѣловала мать и меня, потомъ подошла къ отцу, который погладилъ ея ручку и задержалъ въ своей.

— Сегодня мы отдали ее,—сказалъ онъ,—это нашъ долгъ передъ жизнью. И ты, дѣвчурка, заплатишь ей впослѣдствіи свою дань. Но я радъ, что другой замѣнитъ меня въ твоемъ сердцѣ, когда меня не станетъ.

— Никто не замѣнитъ тебя, папа. Monsieur д'Отривъ не займетъ ничьего мѣста.

— Потому что у него есть свое собственное? Такъ, что-ли?

Она, краснѣя, наклонила голову, и въ эту минуту доложили, что завтракъ поданъ.

Я только-что вернулась изъ Шавиньи; я преклонила колѣни на могилѣ моего мужа, водворила его сына въ наслѣдственномъ гнѣздѣ, и божественный миръ снизошелъ въ мою душу, миръ, порождаемый единеніемъ силъ судьбы и силъ души человѣческой. Борьба была жестокою и длилась она шестнадцать лѣтъ. Все сдѣланное мною для того, чтобы изгладить прошлое—послужило къ тому, чтобы оживить его. Родъ де-Мьеръ продолжится благодаря мнѣ. Прежде эта иронія судьбы показалась бы мнѣ чудовищною; теперь я преклоняюсь передъ нею. Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ у меня явилось тайное желаніе посѣтить могилу моего мужа—отнести ему мое прощеніе и раскаяніе, но что-то меня удерживало. Какъ только сынъ его получилъ съ моею помощью руку m-lle де-Люссонъ, я почувствовала непреодолимое стремленіе посѣтить Шавиньи, и сама предложила это жениху и невѣстѣ, не помнившимъ себя отъ радости. Мы выѣхали поутру въ чудный день — одинъ изъ тѣхъ, когда въ самомъ воздухѣ ощущается обѣщаніе счастья. Во время трехъ-часовой поѣздки по желѣзной дорогѣ и въ экипажѣ, я дѣлала надъ собою отчаянныя усилія, чтобы скрыть мою возрастающую тревогу. Они думали, что меня волнуетъ перспектива увидѣть Шавиньи, и не догадывались о предстоявшемъ мнѣ испытаніи. Я думала только объ этой бѣдной могилѣ, добровольно забытой мною; я представляла ее себѣ заросшею травою. Когда-то мы рѣшили съ мужемъ быть погребенными рядомъ и подъ открытымъ небомъ. Послѣ его смерти я ограничилась тѣмъ, что послала его сестрѣ сдѣланное имъ письменно подробное распоряженіе, найденное въ его бумагахъ, но даже не знаю, было ли оно исполнено. Теперь я краснѣла отъ стыда за свое поведеніе.

— Хорошо ли вамъ, крестная?—заботливо спрашивалъ Гюи, и я успокоительно кивала головою. Когда мы подъѣзжали къ Шавиньи, г. де-Люссонъ пожалъ мнѣ руку.

— И мы живемъ, не такъ ли, другъ мой?

— О, да!—отвѣтила я серьезно.

Онъ не подозрѣвалъ, сколько я переживала за эти минуты.

Я прямо отправилась на кладбище. Глубокое, нѣжное волненіе, настоящее волненіе любви, охватило меня, какъ только я осталась одна; мнѣ казалось, что онъ ждетъ меня. Словно во снѣ, я открыла калитку и направилась къ часовнѣ, выстроенной надъ склепомъ семьи де-Мьеръ. У рѣшотки я преклонила колѣни и, обхвативъ ее руками, прошептала: „Прости мнѣ, мой возлюбленный!“ Мнѣ показалось, что онъ слышитъ меня, и я почувствовала себя счастливою. Все было сдѣлано по его желанію. Желѣзный литой крестъ съ нашимъ девизомъ: *Къ свѣту!* возвышался среди гигантскаго куста розъ, рядомъ—поросшее травою—виднѣлось и мое мѣсто. Мое мѣсто! Я съ радостью смотрѣла на него; вотъ почему ни на одномъ изъ видѣнныхъ мною кладбищъ я не нашла для себя мѣста по сердцу,—безъ моего вѣдома меня инстинктивно тянуло сюда—къ нему...

Я робко ласкала цвѣты, возникшіе изъ его праха, и мнѣ чудилось, что я прикасаюсь къ чему-то живому. Я совершенно утратила сознаніе времени, и женихъ съ невѣстою, обезпокоенные моимъ долгимъ отсутствіемъ, показались наконецъ у входа. Я подозвала ихъ знакомъ. Гюи снялъ шляпу.

— Дорогой крестный!—сказалъ онъ просто, съ нѣжностью и волненіемъ въ голосѣ. Видъ молодыхъ людей доставилъ мнѣ большую радость,—въ нихъ была моя награда. Поднимаясь съ земли, я зацѣпилась юбкою за репейникъ, и мнѣ удалось освободиться лишь съ помощью Гюи, поблѣднѣвшаго отъ суевѣрнаго предчувствія.

— Можно подумать, что крестный не хочетъ меня отпустить,—сказала я весело.—Это и понятно: вѣдь онъ такъ долго былъ одинокимъ.

Мы сѣли въ экипажъ и направились къ Шавиньи. Я была поражена гармоническою стройностью его размѣровъ, теплымъ колоритомъ сѣраго камня. Первою мнѣ бросилась въ глаза терраса, сыгравшая такую роль въ моей жизни, и кровь прилила мнѣ къ лицу. Гюи на рукахъ высадилъ меня изъ экипажа, повторяя:

— Домой, крестная, мы пріѣхали домой!

Я не смогла повторить это священное слово. Я знала, что для меня нѣтъ болѣе дома въ этомъ мірѣ. Отославъ молодежь на ферму, гдѣ насъ ждалъ завтракъ, я одна обошла весь домъ, съ верху до низу. Тамъ еще сохранилась старинная мебель, окна были открыты, и въ нихъ потокомъ врывались солнечные

лучи; огонь пылалъ въ каминахъ, но, несмотря на это, домъ производилъ впечатлѣніе опустѣвшаго гнѣзда. Я поняла, что была бы безсильна внести въ него жизнь, и радовалась, что это суждено исполнить другимъ.

Когда я вошла въ столовую на фермѣ, всѣ взоры не безъ тревоги обратились ко мнѣ.

— Жанъ-Ноэль произвелъ сегодня новый опытъ,—сказала я весело:—еслибы мнѣ предложили Шавиньи, я бы не взяла его. Нужно много жизненности, много сердечной теплоты для того, чтобы согрѣть его, и вотъ эта молодежь одна способна на такое дѣло. Я же годна лишь на то...

— Чтобы дѣлать всѣхъ счастливыми, — сказала Жозефа, обнимая меня.

Послѣ кофе мы отправились гулять, толкуя о необходимыхъ передѣлкахъ, осматривая службы, и Гюи, обративъ вниманіе на небольшой флигель, заявилъ, что тутъ можно помѣстить крестниковъ, за что зардѣвшаяся отъ удовольствія Жозефа поблагодарила его взглядомъ. Она уже думала объ этомъ. Тутъ всѣмъ найдется мѣсто, хотя ихъ будетъ уже шестеро.

— Браво, дѣти мои!—сказала я.—Я пользовалась здѣсь эгоистическимъ счастьемъ, ваше будетъ возвышеннѣе и достойнѣе. Міръ все-таки подвинулся впередъ.

Я побывала у священника; многіе изъ жителей узнали меня, разспрашивали о моей жизни въ чужихъ краяхъ, и это уже не смущало меня. Я радовалась тому, что насъ съ мужемъ еще помнятъ здѣсь. Это паломничество дало мнѣ глубокое удовлетвореніе, и я понимаю теперь, какое благо даровалъ Іисусъ людямъ, когда онъ сказалъ: „Я принесъ вамъ миръ“.

Миссія моя окончена, и завтра я возвращаюсь въ Парижъ— не въ отель Кастильоне, а на квартиру Гюи, желающаго, во что бы то ни стало, оказать мнѣ гостепріимство. Луи уже отправленъ впередъ; его сестра будетъ у насъ кухаркою. Мы рѣшили совершить путь въ автомобилѣ, и я радовалась какъ ребенокъ возможности промчаться съ чудесною скоростью по долинамъ Босье. Гюи убѣждалъ меня поѣхать по желѣзной дорогѣ, опасаясь, что я могу простудиться, но я протестовала всѣми силами, и онъ долженъ былъ уступить, взявъ съ меня, однако, слово, что мы пересядемъ на поѣздъ въ Орлеанѣ, если воздухъ окажется слишкомъ холоднымъ. Теперь ноябрь, но погода стоитъ дивная; мы выѣзжаемъ завтра въ восемь часовъ утра.

Мой чемоданъ уложенъ, все готово, но на сердцѣ у меня тяжело, словно передъ дальнею дорогой. Это смѣшно. Де-Люссонъ пріѣдутъ въ Парижъ черезъ недѣлю, а въ апрѣлѣ, послѣ свадьбы нашихъ дѣтей, мы вернемся въ Командорство. Я увижу деревья и цвѣтущія изгороди, я наслажусь настоящею весной. Какъ славно будетъ отдохнуть! Странно! Съ нѣкоторыхъ поръ спокойствіе, отдыхъ—сдѣлались моимъ идеаломъ счастья. Неужели я сразу состарилась? Неужели я такъ устала?

VII.

Парижъ.— „Дочь моя, тщеславіе твое тебя погубитъ“. Эти слова, часто повторявшіяся моею матерью, приходятъ теперь мнѣ на память; они оказались пророческими. Мнѣ не хотѣлось благоразумно вернуться въ Парижъ съ поѣздомъ, какъ подобало старой женщинѣ,—я хотѣла совершить съ Гюи послѣднее путешествіе, и результатомъ его явилась ужасающая простуда. Но я не сожалѣю о немъ. Укутанная въ плащъ и мѣха́, съ толстою вуалью на лицѣ и грѣлкою подъ ногами, я ощущала, гордо возсѣдая рядомъ съ моимъ мальчикомъ, неизъяснимое наслажденіе; я упивалась просторомъ, и когда мы неслись по равнинѣ, мнѣ казалось, что мы летимъ прямо къ солнцу. По пріѣздѣ въ Парижъ, я совершенно опьянѣла отъ воздуха, и мой крестникъ долженъ былъ на рукахъ вынуть меня изъ автомобиля. Теплая, ярко освѣщенная, убранная въ честь мою цвѣтами — его квартира очаровала меня своею уютностью. Мы обѣдали вдвоемъ; онъ ухаживалъ за мною, какъ за драгоцѣнною вещью, и это воскресило во мнѣ давно не испытанное сладостное ощущеніе. Несмотря на усталость, мы поздно засидѣлись, и я съ сожалѣніемъ ушла въ свою комнату. Около семи часовъ я проснулась отъ сильнаго озноба, ломоты во всемъ тѣлѣ и колотья въ боку. Съ трудомъ удалось мнѣ одѣться, и, пристыженная, я должна была сознаться Гюи, что я простудилась.

— Я забыла, что я—старуха,—созналась я смиренно,—но въ другой разъ буду послушнѣе.

— Простудиться можно во всякомъ возрастѣ, крестная,—сказалъ Гюи съ ласковою улыбкой; — я очень огорченъ вашею простудою, но радъ, что могу, въ свою очередь, ухаживать за вами.

А я предпочла бы страдать въ одиночествѣ, но, конечно, я этого ему не скажу.

. . . .

Воспаленіе легкихъ! Только-то? И однако, когда, выстукавъ меня, докторъ Г. поднялъ голову, я уловила въ его глазахъ тревожное выраженіе. Пришлось сознаться въ моей неосторожности.

— Знаете, m-me де-Мьеръ,—сказалъ докторъ,—есть вещи, которыя можно безнаказанно дѣлать лишь въ сорокъ, но не въ пятьдесятъ-восемь лѣтъ.

Жестко, но вѣрно. И однако, я думаю, что катанье по Булонскому лѣсу могло имѣть для меня такія же послѣдствія,—эта болѣзнь была для меня откровеніемъ. Съ помощью доктора Г., я побѣдоносно боролась съ ревматизмомъ, считая его моимъ единственнымъ врагомъ, но уже давно я слышала въ своихъ бронхахъ странные шумы и хрипы; очевидно, дыхательные пути мои были затронуты, а я, по своему невѣжеству, даже и не подозрѣвала, что болѣзнь сидитъ во мнѣ, и что одной неосторожности достаточно для того, чтобы она обострилась. Я старалась доказать это Гюи, терзавшемуся угрызеніями совѣсти.

— Не виноваты ни вы, ни я, ни автомобиль. Болѣзнь таилась во мнѣ. Надо быть мужественнымъ до конца... Поддержимъ же другъ друга.

Мы обмѣнялись крѣпкимъ безмолвнымъ рукопожатіемъ.

. . . .

Не говорила ли я сэръ-Уильяму, что найдется и для меня сестра милосердія, когда она понадобится? За мною ухаживаетъ сестра Анна, премилое существо, которой помогаетъ родственница Луи; меня окружаетъ атмосфера любви, заботливости, вызывающая чувство глубокой благодарности. Милый Гюи! Онъ дѣйствительно любитъ задыхающееся, кашляющее, безпомощное существо, которымъ я стала теперь, и я съ трудомъ могу убѣдить его выходить на воздухъ. Я отказалась лечь въ постель, и провожу дни на кушеткѣ, въ элегантномъ домашнемъ платьѣ, сдѣланномъ мною передъ отъѣздомъ на воды. Въ этомъ видѣ я кажусь себѣ менѣе больной. Со стѣны смотрятъ на меня глаза Колетты, и я рада быть съ нею; лицо ея словно живетъ и постоянно мѣняетъ выраженіе. Около меня—книги, цвѣты, огонь въ каминѣ. Изъ окна я вижу садикъ, гдѣ чирикаютъ воробьи и зяблики, которыхъ кормитъ Луи. Это—куда лучше больницы, всегда внушавшей мнѣ тайный ужасъ. Будемъ признательны... да,—хотя я ужасно страдаю. . . . .

Впрыскиваніе морфиномъ... Одинъ уколъ—и страданія уменьшаются, какъ бы по волшебству, а умственныя способности сразу проясняются. Благодаря ему, Жанъ-Ноэль до конца не выпуститъ

изъ руки своего американскаго пера съ золотою ручкою—самая цѣнная моя собственность, которую я раньше не знала, кому завѣщать, а теперь оставлю Гюи. Чемоданъ—мой старый другъ—будетъ сожженъ; часть моихъ денегъ я завѣщала людямъ, оказавшимъ мнѣ нѣкоторыя услуги; остальное пойдетъ на покупку великолѣпнаго жемчужнаго ожерелья для Жозефы—оно будетъ напоминать ей крестную. Авторскія права предназначаются на воспитаніе шестерыхъ крестниковъ,—теперь ихъ всѣхъ будетъ уже двѣнадцать. Меня отвезутъ въ Шавиньи, гдѣ знакомый священникъ проводитъ меня до мѣста послѣдняго успокоенія. Дѣлая эти распоряженія, я какъ-то умилилась надъ собою и пролила нѣсколько слезъ. Вѣрю ли я въ то, что умираю? Пожалуй—нѣтъ.

Сегодня видѣлась съ моимъ издателемъ; между нами существовали всегда самыя лучшія отношенія. Онъ былъ пораженъ происшедшею во мнѣ перемѣною, и только съ помощью обычныхъ моихъ шутокъ мнѣ удалось вернуть его въ обычную колею. Оба мы вспомнили тотъ день, когда я принесла ему мой первый романъ. Какъ давно это было! Мнѣ кажется, что прошедшее словно отходитъ отъ меня.

. . . .

Двое сутокъ облегченія, затѣмъ снова колотье въ лѣвомъ боку, потрясающій ознобъ... Захвачено и другое легкое. Чѣмъ я буду дышать? Сэръ-Уильямъ выносилъ цѣлый годъ эту пытку, не прибѣгая къ морфину. И я жажду, молю воздуха. Боясь заразы для другихъ, я просила доктора примѣнить въ данномъ случаѣ всѣ усовершенствованія асептики. По мѣрѣ приближенія смерти, она кажется менѣе страшною. Сегодня ночью я думала о молодости, о любви, объ успѣхѣ, о путешествіяхъ—и ничто не вызвало во мнѣ сожалѣнія. Я видѣла однажды искусственно сохраненные цвѣты,—они не утратили ни формы, ни окраски, и тѣмъ не менѣе они потеряли свое необъяснимое очарованіе. Для человѣка, какъ и для цвѣтка—настаетъ пора умиранія. Смерть—цѣна жизни.

. . . .

Сегодня я осчастливила сестру Анну, пригласивъ священника. Онъ принесъ мнѣ „хлѣбъ жизни“. Это слово отрадно звучитъ для слуха умирающей...

Сегодня же мнѣ вздумалось примѣрить платье, въ которомъ меня похоронятъ. Помню, что изготовленіе его вызвало тревогу въ мастерской; одна изъ швеекъ даже залилась слезами. Оно—изъ бѣлой, подбитой шолкомъ саржи, съ длиннымъ трeномъ, широкими рукавами и классически красивыми складками, съ

капюшономъ изъ стариннаго гипюра; я похожа въ немъ на аббатиссу. Въ это время вошелъ Гюи, и узнавъ платье, которое я показывала ему раньше, былъ такъ пораженъ, что, потерявъ самообладаніе, кинулся передо мною на колѣни и зарыдалъ, повторяя:—Крестная, крестная!

Это страстное отчаяніе сына Колетты особенно тронуло меня, и я говорила ему, какъ ребенку, котораго хотятъ утѣшить: —Еще не теперь, дитя мое, еще не сейчасъ. Но телеграфируйте нашимъ, я хочу ихъ видѣть.

Они всѣ пріѣхали: г. и г-жа де-Люссонъ, Жозефа, дядя Жоржъ. Моя „крестница" такъ умѣетъ быть мнѣ полезной, облегчать мои страданія, преодолѣвать мое отвращеніе къ пищѣ, что я почти желаю ей побѣды въ ея борьбѣ съ моимъ недугомъ. Наименѣе мужественный—г. де-Люссонъ; я часто замѣчаю слезы подъ стеклами его pince-nez...

Эта ночь была тяжелая, мучительная; кажется, я бредила,— мнѣ представлялось, что я снимаю и не могу снять съ моей руки обручальное кольцо. Потомъ мнѣ показалось, что Гюи—умершій Гюи стоялъ на колѣняхъ у моей постели, я хотѣла встать, и— не могла. Я проснулась въ холодномъ поту. . . . . . .

На какомъ пути за предѣлами земной жизни встрѣчу я моего мужа? Мнѣ вспомнился нашъ пріѣздъ въ Шавиньи. Домъ—теплый, свѣтлый, благоухающій—напоминалъ земной рай. Надѣвъ къ обѣду вѣнчальное платье princesse — гладкое, изъ бѣлаго атласа, съ пучкомъ цвѣтовъ у корсажа,—я отправилась въ библіотеку, гдѣ ждалъ меня мой супругъ и повелитель. Онъ пошелъ ко мнѣ навстрѣчу съ распростертыми объятіями. Словно въ блаженномъ снѣ, не отрывая отъ него глазъ, я медленно подошла къ нему, и онъ привлекъ меня къ себѣ на грудь. Я слышала, какъ бились рядомъ наши сердца; это длилось нѣсколько секундъ и было такъ необычайно, что насъ охватилъ благоговѣйный трепетъ... Вотъ мигъ, который я желала бы пережить! Вотъ мигъ, котораго я жажду—мигъ свиданія...

Сегодня мое ручное зеркало отразило ужасный образъ: темные круги подъ глазами, заострившійся носъ, безцвѣтныя, пересохшія губы. Мои окружающіе — очень опечалены, а больше всѣхъ—дядя Жоржъ. Онъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ признаться мнѣ въ той многолѣтней любви, которую онъ мужественно таилъ до сихъ поръ. Развѣ я не угадала ее? Развѣ я не гордилась ею? Это послѣднее объясненіе въ любви было мнѣ пріятно,—должно быть, мое женское тщеславіе очень живуче. Мой мальчикъ глубоко огорчаетъ меня. Я читаю въ его глазахъ нѣ-

мую мольбу, которая перевертываетъ мнѣ душу. Захотѣла ли бы я остаться въ живыхъ, еслибы это зависѣло отъ меня? Нѣтъ и нѣтъ! Что-то говоритъ мнѣ, что я ухожу во-время. Уйти во-время, чтобы о васъ пожалѣли...

Послѣдній романъ Жанъ-Ноэля подходитъ къ концу... Я задыхаюсь... Временами я теряю сознаніе... Морфинъ не помогаетъ... Вѣтка качается, она гнется, сильно гнется... Она ломится... Но мнѣ не страшно, ничуть... Какъ у птицы, о которой говоритъ поэтъ, и у меня есть крылья...

... Упала съ вѣтки!

О. Ч.

ЕВРЕЙСКІЯ КОЛОНІИ

ВЪ

АРГЕНТИНѢ

По личнымъ наблюденіямъ.

Еврейскія колоніи въ Аргентинѣ возникли благодаря извѣстному барону Гиршу. Онъ задумалъ превратить часть еврейскаго народа въ сельскихъ хозяевъ. На осуществленіе этого дѣла онъ пожертвовалъ 2.000.000 фунт. стерл. (18.800.000 руб.), раздѣленныхъ на 20.000 акцій. Единственный сынъ барона Гирша, Люсьенъ, умеръ въ молодыхъ лѣтахъ, а вдова филантропа послѣ своей смерти завѣщала все доставшееся ей состояніе на то же дѣло, которому покойный мужъ ея посвятилъ уже столько средствъ и личнаго труда. Такимъ путемъ возникло колоссальное предпріятіе подъ именемъ „Jewish Colonisation Association“ (ассоціація еврейской колонизаціи), зарегистрованное въ Англіи.

Къ громадному основному фонду, вложенному барономъ Гиршемъ и его вдовою, присоединились взносы нѣкоторыхъ еврейскихъ ассоціацій, и капиталъ возросъ до 9.000.000 фунт. стерл. (84.600.000 руб.). Близкое участіе въ дѣлахъ еврейской колонизаціи принимаютъ нынѣ: „Alliance Israélite Universelle“, „Anglo-Jewish Association“ и подобныя же учрежденія въ Берлинѣ, Франкфуртѣ-на-Майнѣ и Брюсселѣ. Предпріятіе возникло въ октябрѣ 1891 г. Въ Аргентинѣ были куплены большіе участки свободныхъ земель и начата ихъ колонизація путемъ переселенія на земли евреевъ изъ Россіи.

Главное управленіе „Ассоціаціи еврейской колонизаціи“ находится въ Парижѣ. Оно состоитъ изъ 11 членовъ административнаго совѣта, въ который входятъ видные еврейскіе дѣятели и представители учрежденій; совѣтъ собирается нѣсколько разъ въ годъ. Всѣми текущими дѣлами управляютъ три директора и секретарь. Въ Петербургѣ организованъ спеціальный комитетъ, задача котораго состоитъ въ собираніи переселенцевъ изъ Россіи и отправленіи ихъ въ Аргентину.

Въ Аргентинѣ, именно въ Буэносъ-Айресѣ, организовано управленіе колоніями; оно состоитъ изъ двухъ директоровъ и нѣсколькихъ спеціалистовъ по постройкамъ, землемѣрію и проч. Это управленіе непосредственно вѣдаетъ колоніями, а само получаетъ всѣ указанія изъ Парижа. На мѣстахъ въ колоніяхъ находятся управляющіе (по мѣстному—administrator); они находятся въ прямомъ подчиненіи управленію въ Буэносъ-Айресѣ.

Въ настоящее время въ Аргентинѣ имѣется четыре большихъ еврейскихъ колоніи. Одна изъ нихъ Клара (Clara) находится въ центральной части провинціи Энтре-Ріосъ (Entre-Rios); другая Люсіенвиль (Lucienville)—въ той же провинціи нѣсколько южнѣе первой; третья —Мойзесвиль (Moisesville)—въ провинціи Санта-Фе (Santa-Fe) около 76 верстъ къ сѣверозападу отъ города Санта-Фе; четвертая — Морисіо (Mauricio)—въ провинціи Буэносъ-Айресъ, близъ станціи Касаресъ (Casares)—около 260 верстъ на западъ отъ города Буэносъ-Айреса.

Пространство, занятое каждой колоніей, по отчетамъ къ 1 января 1904 г., выражается слѣдующими цифрами:

Названіе колоніи.	Площадь въ гектарахъ [1]). Всего.	Колонизовано.
Клара	143.944	74.091
Люсіенвиль	56.061	35.243
Мозесвиль	116.022	60.035
Морисіо	43.731	33.043
	359.758 [2])	202.412

Такимъ образомъ, изъ общей площади четырехъ колоній

[1]) Гектаръ = 0,91 десятины.

[2]) Кромѣ того, недавно была куплена въ провинціи Энтре-Ріосъ эстансія „La gama“—пространствомъ въ 9.239 гектаровъ, такъ что всей земли въ распоряженіи администраціи—368.997 гектаровъ.

въ 359.758 гектаровъ (329.179 десят.) занято колонистами 202.412 гект., или 54%.

Колонистъ съ его женой и дѣтьми считается первичной единицей, но современемъ, путемъ женитьбы сыновей, количество семей увеличилось, а число зарегистрованныхъ первоначально колонистовъ остается то же самое. Распредѣляется населеніе въ колоніяхъ слѣдующимъ образомъ:

Колоніи.	Число: Колонистовъ.	Семей.	Душъ.
Клара	461	556	2.926
Люсіенвиль	231	262	1.516
Мойвесвиль	274	362	2.088
Морисіо	164	214	1.128
Итого	1.130	1.394	7.658

Отсюда видно, что общее населеніе всѣхъ 4 колоній составляло къ 1-му января 1904 года 7.658 человѣкъ въ составѣ 1.394 семей; средній составъ фактической семьи—$5^1/_2$ душъ, а средній составъ семьи колониста—6,8 душъ.

Еще при первоначальной организаціи дѣла выяснилось, что въ колоніяхъ съ самаго момента ихъ основанія возникнуть такія общественныя потребности, которыя надо имѣть въ виду; сюда относятся медицинская помощь и образованіе дѣтей. Колоніи основывались въ мѣстахъ пустынныхъ, удаленныхъ отъ городовъ на десятки верстъ,—поэтому искать врача было очень затруднительно; кромѣ того, населеніе, пришедшее изъ Россіи, совершенно не знало мѣстнаго испанскаго языка, что̀ чрезвычайно могло затруднить всякіе переговоры съ больными. Поэтому каждая колонія была снабжена врачомъ. и фельдшерами; кромѣ того, было приступлено къ сооруженію больницъ. Особенно большая и хорошо оборудованная больница выстроена при ст. Dominguez для колоніи Клары и Люсіенвиля. Больница эта находится въ вѣдѣніи доктора Ярхо. Онъ — бывшій питомецъ кіевскаго университета, хотѣлъ жить въ деревнѣ и служить земскимъ врачомъ, но это ему не удалось: ему въ службѣ было отказано, такъ какъ онъ еврей. Переселившись въ Аргентину, онъ прежде всего долженъ былъ держать экзаменъ въ буэносъайрескомъ университетѣ, чтобы имѣть право на практику въ предѣлахъ Аргентины [1]). Затѣмъ онъ поступилъ врачомъ въ ко-

[1]) Въ Аргентинѣ требуется отъ всѣхъ иностранцевъ-врачей особый дополнительный экзаменъ, независимо отъ того диплома, который они уже имѣютъ. Такому экзамену подвергались всѣ русскіе врачи, французскіе и другіе.

ловію Клара. Здѣсь, въ теченіе десятилѣтняго пребыванія, онъ пріобрѣлъ необычайную популярность и любовь не только евреевъ, но и другихъ обывателей даннаго района. Онъ чрезвычайно отзывчивъ, во всякое время дня и ночи готовъ летѣть на помощь къ больнымъ; имя его извѣстно во всей провинціи, а завѣдуемая имъ больница не оставляетъ желать ничего лучшаго. Мнѣ многіе евреи говорили, что въ первые года, когда колонистамъ было очень трудно, докторъ Ярхо являлся связующимъ звеномъ колоніи. „Если бы не Ярхо,—говорилъ одинъ старикъ,—многіе бы разбѣжались изъ колоніи!"

Оплачивается медицинскій трудъ въ колоніяхъ довольно хорошо. Такъ, напр., докторъ Ярхо получаетъ 6.000 пезо жалованья (4.920 руб.) при готовой квартирѣ; три фельдшера подъ его наблюденіемъ получаютъ по 1.200 пезо (984 руб.) при готовыхъ помѣщеніяхъ. Въ другихъ колоніяхъ жалованье врачамъ меньше, но тамъ и хлопотъ меньше.

Что касается образованія дѣтей, то колонисты, предоставленные самимъ себѣ, не имѣли бы возможности давать образованіе всѣмъ своимъ дѣтямъ, такъ какъ, во-первыхъ, въ пустынной молодой странѣ число школъ далеко еще не достаточно, а во-вторыхъ, пришлось бы дѣтей посылать иногда очень далеко. Поэтому съ самаго начала колонизаціи рѣшено было начальное образованіе организовать на средства администраціи, причемъ дѣлается возможнымъ обученіе еврейскому языку. Образовательной частью колоній вѣдаетъ „Alliance Israélite"; это общество высылаетъ въ школы учителей изъ своихъ семинарій. Въ народныхъ школахъ еврейскихъ колоній преподаваніе ведется на испанскомъ языкѣ, такъ что молодое поколѣніе становится настоящими аргентинцами или, какъ здѣсь называютъ, hijos del pais (сыны отечества). Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ школахъ есть спеціальные педагоги, преподающіе древне-еврейскій языкъ и религію.

Къ 1 января 1904 года во всѣхъ колоніяхъ было 24 школы; въ нихъ учащихся: 776 мальчиковъ и 627 дѣвочекъ, а всего 1.403; какъ видно, число школьниковъ составляетъ $18^{1}/_{3}$% отъ общаго населенія.

Оборудованіе колоній жилыми домами, общественными зданіями и прочими постройками видно изъ слѣдующаго: 1) домовъ жилыхъ—1.532; 2) амбаровъ и сараевъ—701; 3) колодцевъ—1.175; 4) школьныхъ зданій—27; 5) молитвенныхъ домовъ—5.

По мѣстнымъ условіямъ наличность значительнаго количества скота является очень важной статьей во всемъ хозяйственномъ

обиходѣ; поэтому и въ еврейскихъ колоніяхъ, какъ сами колонисты, такъ и администрація старались объ увеличеніи числа животныхъ. Въ настоящее время (1 января 1904 г.) животноводство въ колоніяхъ представляется въ слѣдующемъ видѣ: рогатаго скота—53.000 головъ; лошадей—13.000; овецъ—3.500.

Изъ животныхъ, какъ видно, преобладаетъ рогатый скотъ; это и понятно: переселенцы сразу же увидѣли, что спросъ въ странѣ на рогатый скотъ для мясныхъ фабрикъ очень большой, а для разведенія онъ требуетъ меньше хлопотъ, чѣмъ другія животныя. Овцеводство только-что начинается; этому мѣшала до сихъ поръ дороговизна проволочныхъ изгородей. Дѣло въ томъ, что овецъ надо пасти, но пастухъ для небольшого стада немыслимъ; лучше всего, если пастбище огородить проволочной изгородью, тогда въ этомъ огороженномъ пространствѣ можно держать овецъ совершенно спокойно безъ всякаго пастуха. Но устройство проволочной изгороди даже самаго дешеваго типа въ пять проволокъ обходится въ 350 пезо за километръ, или 306 руб. верста; этотъ расходъ для большинства поселенцевъ пока еще недоступенъ.

Культурная площадь, т.-е. пространство, занятое подъ разными посѣвами, характеризуется слѣдующими данными: пшеница—21.000 гектаровъ; ленъ—17.000; кукуруза—14.000.

Такимъ образомъ, средній размѣръ запашки колеблется отъ 32 до 90 десятинъ на одного колониста, не считая люцерны, которая сѣется не каждый годъ. По отношенію этой послѣдней слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ провинціи Энтре-Ріосъ (колонія Клара и Люсіенвиль) люцерна растетъ не особенно хорошо, вслѣдствіе значительной глубины грунтовыхъ водъ, а въ провинціи Санта-Фе (кол. Мойзесвиль) и Буэносъ-Айресъ (Морисіо) условія для культуры люцерны весьма благопріятны; поэтому колонисты безъ большого труда заводятъ люцерновые луга; въ Мойзесвилѣ даже продаютъ прессованное люцерновое сѣно.

Приведя эти общія данныя, характеризующія настоящее положеніе колоній, обратимся къ нѣкоторымъ подробностямъ хозяйственнаго быта.

Главная масса колонистовъ прибыла изъ Россіи, и только въ послѣднее время стали пріѣзжать евреи изъ Румыніи и нѣкоторыхъ другихъ мѣстностей. Въ Россіи, въ Петербургѣ, мы сказали, дѣйствуетъ спеціальный комитетъ, который занимается отправкой переселенцевъ; помимо названнаго комитета, евреи принимались лишь въ видѣ исключенія.

Мнѣ пришлось встрѣтиться въ Мойзесвилѣ съ старымъ коло-

нистомъ Сапиръ изъ Каменецъ-Подольска. Онъ переселился въ 1890 году, по приглашенію нѣмецкихъ агентовъ изъ Бремена; тогда сразу пріѣхало 800 душъ. Но, по прибытіи въ Буэносъ-Айресъ, онъ не могъ найти никакой работы и жилъ въ правительственномъ домѣ для эмигрантовъ 24 дня. Случайно встрѣтился съ г. Паласіосъ (Palacios); этотъ послѣдній предложилъ Сапиру и другимъ прибывшимъ съ нимъ ѣхать къ нему въ имѣніе. Переселенцамъ было дано по 100 гектаровъ земли на каждаго, по 2 вола, 1 коровѣ, 1 лошади и матеріалы для устройства шалашей. Это все было дано въ долгъ, съ разсрочкой платежа на 10 лѣтъ. Но вскорѣ все имѣніе Паласіоса было куплено барономъ Гиршемъ, и здѣсь возникла колонія Мойзесвиль. Сапиръ и другіе прибывшіе съ нимъ переселенцы были перечислены въ колонисты вновь организованнаго общества. Теперь Сапиръ, такъ недавно еще бывшій бѣднякомъ въ Каменецъ-Подольскѣ, имѣетъ 110 гектаровъ земли, изъ которыхъ 10 усадебной въ поселкѣ и 100 гектаровъ полевой; у него 55 лошадей, 40 штукъ скота, въ томъ числѣ 15 дойныхъ коровъ; птица разная. Сапиръ платитъ въ администрацію ежегодно за всѣ долги 475 пезо (389 р. 50 к.); черезъ 17 лѣтъ вся земля будетъ его собственностью.

Каждому колонисту дается земля, строенія, инвентарь, однимъ словомъ, все нужное, чтобы начать хозяйничать: съ нимъ заключается контрактъ, и весь долгъ разсрочивается на 20 лѣтъ изъ 5%; въ общемъ, кромѣ самаго долга, уплачивается 85%, т.-е., если посчитать всѣ взносы, то за 100 рублей черезъ 20 лѣтъ будетъ всего внесено 185 рублей. Переселенческая семья, въ среднемъ, затрачиваетъ на проѣздъ изъ Россіи 1.000 пезо (820 р.); на прожитіе въ первые года (1, 2-й и даже 3-й)—1.500 пезо (1.230 р.); домъ стоитъ 500 пезо (410 р.); сѣмена—250 пезо (205 р.); половина колодца, предполагая, что одного колодца будетъ достаточно на 2 усадьбы, — 150 пезо (123 р.); орудія и животныя—1.000 пезо (820 р.), а всего—4.400 пезо, или 3.608 рублей на все обзаведеніе и прожитіе въ первые три года, кромѣ стоимости земли. Этотъ разсчетъ былъ сдѣланъ относительно колоніи Клары; земля тамъ расцѣнивается по 50, 43 и 36 пезо за гектаръ (45 р., 38 р. 70 к. и 32 р. 40 к. за десятину) [1]), смотря по разстоянію отъ желѣзной дороги и другимъ качествамъ.

[1]) Въ колоніяхъ провинціи Энтре-Ріосъ первоначальная стоимость земли была 28 пезо за гектаръ (25 р. 20 к. за десятину), а съ расходами по межеванію, разбивкѣ и проч.—32 пезо (28 р. 80 к. за десятину).

Сначала надѣляли каждаго колониста по 50-ти гектаровъ, но оказалось, что при современныхъ условіяхъ Аргентины этого количества недостаточно, чтобы стать на ноги. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ, напр., въ провинціи Энтре-Ріосъ, были года неблагопріятные,—то саранча, то ураганы истребляли большую часть посѣвовъ. За колонистами накопилась масса долговъ. Для облегченія положенія евреевъ баронъ Гиршъ приказалъ сбросить 1/4 часть долговъ. Чтобы яснѣе представить денежныя отношенія колониста къ администраціи, приведу содержаніе контракта одного стараго колониста. Колонистъ Горвицъ (Horvitz) въ Люсіенвилѣ получилъ въ свое распоряженіе:

50	гектаровъ пахотной	земли по	63 песо	или	3.206 р.
4½	„ огородной	„ „	63 „	„	274 „
	Итого стоимость земли . .		3.480 песо,	или	2.853 р. 60 к.

Пріѣздъ изъ Россіи, различныя пособія и устройства на мѣстѣ стоили 4.967 песо (4.073 р.); слѣдовательно, весь долгъ Горвица первоначально равнялся 8.448 песо (6.926 р. 60 к.). По упомянутому распоряженію барона Гирша, четвертая часть долговъ была подарена колонистамъ: поэтому Горвица долгъ уменьшился на 1.824 песо и составилъ только 6.624 песо (5.431 р. 68 к.). Прежде онъ долженъ былъ платить въ годъ 678 песо, а послѣ сказаннаго облегченія—только 531,51 песо бумажныхъ, или 168,64 золотыхъ. Кромѣ упомянутаго подарка барона Гирша, колонистамъ была оказана еще одна льгота. Прежде, въ виду сильнаго колебанія курса, долгъ колонистамъ разсчитывали въ золотыхъ песо, а такъ какъ колонисты фактически уплачивали бумажными деньгами, то приходилось платить разныя суммы. Чтобы облегчить платежи, было установлено, что колонистъ платитъ по тому способу, который ему окажется выгоднѣе. Такъ какъ въ Аргентинѣ въ обращеніи находятся лишь кредитные билеты, а золота вовсе нѣтъ, то вслѣдствіе разныхъ причинъ курсъ бумажнаго песо сильно колебался. Но года три назадъ началась денежная реформа, и прежде всего парламентъ установилъ цѣну бумажнаго песо въ 44% къ золотому [1], т.-е. золотое песо=227,27 бумажныхъ сентавовъ (вмѣсто 100).

Этотъ курсъ существуетъ уже болѣе двухъ лѣтъ и произвелъ значительное улучшеніе въ финансахъ страны. Возвращаясь къ долгу Горвица, мы видимъ, что онъ, въ силу заключеннаго контракта, долженъ былъ платить 531,51 песо бумажныхъ или 168,64 золотыхъ (тогда былъ такой курсъ). Вслѣдствіе же приведенной

[1]) По этому курсу аргентинское песо золотомъ =1.86 к., а бумажное=82 к.

льготы, онъ платитъ въ золотыхъ пезо, перечисленныхъ на бумажныя по фиксированному курсу, что составляетъ 383 пезо вмѣсто прежнихъ 531. Какъ видно, это очень серьезная разница въ пользу колониста.

Въ настоящее время со вновь прибывающими колонистами заключаются арендные контракты (contrato de arrendamiento) на три года: земля и все имущество переходятъ по оцѣнкѣ (en calidad de prestomo). Напр., одинъ колонистъ въ Люсіенвилѣ получилъ отъ администраціи 59 гектаровъ земли, домъ, колодецъ, амбаръ, 8 воловъ, 6 коровъ, 4 лошади, 1 плугъ обыкновенный, телѣгу, борону, ярмо и другіе предметы; это дается въ аренду на три года безъ права передачи, и за все это вносится въ годъ 383 пезо (314 р.). По истеченіи упомянутаго срока, можетъ быть заключенъ другой договоръ о выкупѣ всего имѣнія въ личную собственность колониста въ теченіе 20-ти лѣтъ.

Когда начали основываться колоніи, то администрація рѣшила селить вновь прибывшихъ деревнями по нѣскольку десятковъ дворовъ: но, затѣмъ, опытъ показалъ, что такой способъ поселенія имѣетъ массу неудобствъ. Послѣ цѣлаго ряда неудачныхъ опытовъ была принята система *разселенія группами по четыре двора вмѣстѣ*, давшая наилучшіе результаты. Эта система наибольшее распространеніе получила въ Мойзесвилѣ и состоитъ въ слѣдующемъ [1]). По степямъ проводятся прямыя параллельныя дороги шириною 30 метровъ (14 саж. 1 арш.) черезъ 6 километровъ (5,6 вер.) одна отъ другой; вдоль дороги отбиваются участки по 500 метровъ (238 саж.), проводятся линіи перепендикулярныя дорогамъ на всемъ протяженіи между этими послѣдними; кромѣ того, проводятся дороги въ 20 метровъ ширины между магистральными дорогами и имъ параллельныя.

Такимъ образомъ получаются участки площадью въ 150 гектаровъ ($137^1/_4$ дес.); узкой стороной въ 500 метровъ участокъ примыкаетъ къ магистральной дорогѣ, а вглубь имѣетъ 3.000 метровъ или 3 километра до дороги, находящейся между магистралями. Вдоль магистральной дороги строятся дома такъ, чтобы они находились на краю участковъ, примыкающихъ къ дорогѣ и другъ къ другу; получается группа въ 4 двора, по 2 рядомъ съ каждой стороны дороги; каждый дворъ какъ будто

---

[1]) По этой системѣ во время моего посѣщенія устраивалось 50 группъ для 200 переселенческихъ семей, ожидавшихся изъ Кишинева.

въ углу своего участка. Разстояніе между группами по дорогѣ= 1 километръ, а разстояніе поперекъ=6 километровъ. На каждые два сосѣднихъ двора устраивается одинъ общій колодецъ; часть участка, примыкающая къ дому и къ магистральной дорогѣ, ограждается проволочной изгородью на всемъ протяженіи, т.-е. на 500 метровъ; затѣмъ, такая же изгородь устраивается внутрь участка на 500 метровъ въ глубину. Слѣдовательно, получается огороженное пространство въ 25 гектаровъ (22,87 дес.), примыкающее къ дому колониста. Здѣсь предполагается разводить огородъ, плодовой садъ и сѣять люцерну — все это требуетъ охраны отъ потравы скотомъ. Остальная земля, примыкающая къ этому участку, не ограждается; общая площадь ея 125 гектаровъ назначается для посѣва разныхъ растеній и пастьбы для животныхъ. Ближайшая часть отводится подъ кукурузу, затѣмъ идутъ ленъ и пшеница; самая дальняя часть въ 50 гектаровъ (500 метровъ ширины и 1.000 метровъ длины) назначается исключительно для пастбища.

Какъ сказано уже, разстояніе между группами—въ 1 километръ, что не особенно затруднительно для сношеній. Школы строятся на тѣхъ же магистральныхъ дорогахъ, или, какъ здѣсь называютъ, „линіяхъ“, по разсчету на каждыя 50 семей 1 школа или на 12 группъ; при этомъ самый дальній путь, который приходится дѣлать дѣтямъ, достигаетъ 3-хъ километровъ.

Когда отъ петербургскаго комитета получается увѣдомленіе, что столько-то семей отправляются въ Аргентину, тотчасъ же мѣстная администрація приступаетъ къ устройству домовъ и проч. для ожидающихся колонистовъ. Домà строятся изъ кирпича, покрываются оцинкованнымъ волнистымъ желѣзомъ; домъ, размѣромъ въ 8×4 метра въ 3 окна по фасаду, имѣетъ 2 комнаты, стòитъ, въ среднемъ, 450 пезо (369 р.). На постройку, обыкновенно, употребляется 15.000 штукъ кирпича; кирпичъ обходится 10 пезо (8 р. 20 к.), а кладка на глинѣ 6½ пезо (5 р. 33 к.) за 1.000. Устройство изгороди въ 5 проволокъ (верхняя колючая) обходится въ 350 пезо за километръ (306 р. верста). Для огражденія ближайшаго къ дому участка нужно изгородь сдѣлать на протяженіи 2 километровъ: этотъ расходъ выразится въ 700 пезо, или 574 р. Но такъ какъ только крайній участокъ придется ограждать съ четырехъ сторонъ, а всѣ остальные, примыкающіе къ нему (вдоль дороги)—только съ трехъ сторонъ, то и расходъ выразится въ 525 пезо, или 430 р. Иногда употребляются изгороди изъ трехъ проволокъ, но онѣ менѣе надежны и слабѣе охраняютъ; такая изгородь стòитъ 250 пезо, или 218 р. 75 к. за версту.

Колонистъ, прибывъ на мѣсто, получаетъ готовый домъ со службами, огражденное пространство въ 25 гектаровъ и неогражденное въ 125 гектаровъ. Въ районѣ ограды онъ можетъ воздѣлывать овощи, сажать деревья и засѣвать постепенно люцерну; а въ неогороженномъ пространствѣ—заводить поля. Кромѣ земли и дома, онъ получаетъ 8 быковъ для работы, 12 коровъ, 4 лошади, повозку, 2 плуга — одинъ обыкновенный, а другой съ сидѣньемъ наверху, 1 борону и разные мелкіе инструменты; затѣмъ, получаетъ нужное ему количество сѣмянъ люцерны, пшеницы, льна, кукурузы и огородныхъ сѣмянъ. Все это колонисту дается изъ складовъ администраціи по заготовительной стоимости. Сверхъ того, на каждый вспаханный гектаръ—по 2 пезо деньгами (1 р. 64 к.) въ видѣ краткосрочнаго займа до урожая.

Общій долгъ колониста, въ среднемъ, составляетъ 7.000 пезо (5.740 р.), изъ которыхъ 4.000 приходится за землю, а 3.000 —за все остальное. Эта сумма разсрочивается на 20 лѣтъ; если въ теченіе этого времени колонистъ погаситъ свой долгъ, то земля, домъ, орудія и проч. становятся его собственностью.

Для оцѣнки земли въ Мойзесвилѣ вся территорія дѣлится на три категоріи: 1) удобная для земледѣлія, 2) удобная для пастьбы и 3) солончаковая; затѣмъ, по разстоянію отъ станціи желѣзной дороги, тоже на три категоріи: 1) не далѣе 15 километровъ, 2) не далѣе 25, 3) до 35 километровъ.

Въ Морисіо земля значительно дороже и расцѣнивается на три категоріи, а именно:

I.	За гектаръ	60 пезо	(54 руб.	за десятину).
II.	„ „	45 „	(40 „ 50 к.	„)
III.	„ „	25 „	(22 „ 50 к.	„)

Въ западной части провинціи Буэносъ-Айресъ, гдѣ расположена эта колонія, встрѣчается много „лагунъ“, т.-е. мелкихъ, высыхающихъ озеръ; такія озера въ общую площадь земель не входятъ и за нихъ ничего не считается.

Колонія Клара, какъ было уже упомянуто, находится въ центральной части провинціи Энтре-Ріосъ; она примыкаетъ къ желѣзной дорогѣ и въ районѣ колоніи имѣются двѣ станціи: Dominguéz и Clara; здѣсь 143.944 гектара земли, колонистовъ 461 и площадь, отведенная имъ, составляетъ 74.091, или $51\frac{1}{2}\%$. Фактически здѣсь живетъ 556 семей, такъ что изъ занятой земли приходится, въ среднемъ, на одного колониста 161 гектаровъ, а на фактическую семью—133 гектара. Для завѣдыванія дѣлами колоніи имѣется слѣдующая администрація: управляющій

получаетъ жалованья 5.000 пезо (4.100 руб.), помощникъ — 3.500 пезо (2.870 руб.), бухгалтеръ—2.000 пезо (1.640 р.) и 2 писаря по 600 пезо (492 руб.) каждый. Всѣ эти лица имѣютъ готовыя квартиры съ отопленіемъ и освѣщеніемъ.

Первые года для переселенцевъ въ Энтре-Ріосъ были вообще неблагопріятны, ибо случались непредвидѣнныя бѣдствія, уничтожавшія труды колонистовъ: то свирѣпствовали ураганы, то саранча налетала и все поѣдала, то дожди не давали возможности работать (въ іюнѣ и іюлѣ) и мѣшали уборкѣ (въ концѣ декабря). Только нынѣшній годъ (1904) былъ благопріятенъ, и колонисты получили довольно хорошіе результаты.

Серьезные враги здѣшняго хозяйства—муравьи; ихъ нѣсколько сортовъ, но самые опасные—черные, матовые и красночерные (наполовину красные, наполовину черные). Для борьбы съ этими насѣкомыми изобрѣтенъ даже спеціальный аппаратъ, называющійся Hormiguocida. Онъ состоитъ изъ жаровни въ видѣ желѣзнаго цилиндра, воздушнаго насоса и кишки; въ жаровню кладутся горячіе угли и особый порошокъ, состоящій изъ сѣры, мышьяка и проч.; затѣмъ жаровня герметически закрывается. Внутренность жаровни соединяется особой желѣзной трубой съ насосомъ, а съ противоположнаго конца изъ жаровни выходитъ другая трубка, оканчивающаяся кишкой съ наконечникомъ. Весь аппаратъ поставленъ на двухколесную телѣжку. Употребляютъ этотъ аппаратъ слѣдующимъ образомъ: разжигаютъ жаровни, всыпаютъ порошокъ и закрываютъ ее; затѣмъ вставляютъ наконечникъ кишки въ отверстіе муравейника и начинаютъ качать насосъ; ядовитый газъ, образующійся въ жаровнѣ, вдувается въ муравейникъ и убиваетъ насѣкомыхъ; какъ только будетъ замѣчено, что газъ гдѣ-нибудь выходитъ въ другое отверстіе, его тотчасъ же затыкаютъ приготовленной глиной; насосъ качаютъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ тяжело качать—это значитъ весь муравейникъ наполнился газомъ; тогда кишку вынимаютъ, задѣлываютъ тщательно глиной это отверстіе и переходятъ съ аппаратомъ къ другому муравейнику. Описанный аппаратъ съ телѣжкой стоитъ 50 пезо (41 руб.), но есть меньшихъ размѣровъ дешевле, зато эти не такъ производительны.

Урожаи пшеницы въ колоніи Клара бывали 800—900—1.000 килограммовъ съ гектара (53 1/2—67 пудовъ); но года все были неблагопріятные. Нынче было суше, урожай доходилъ до 1.500 килограммовъ (100 пуд.). Уборка обходится 2 пезо за гектаръ (1 руб. 80 коп. десятина), не считая работы и лошадей. За молотьбу платятъ 1—30 пезо за 100 килограммовъ льна и

1 пезо за 100 килограммовъ пшеницы ($17^1/_2$ и $13^1/_2$ коп. за пудъ) [1]).

Перевозка хлѣба до Буэносъ-Айреса обходится очень дорого, именно отъ ст. Dominguez до гавани Darseña (въ Буэносъ-Айресѣ) приходится платить $1^1/_2$ пезо за 100 килограммовъ, что̀ соотвѣтствуетъ $20^1/_2$ коп. за пудъ. Мѣшки для зерна вмѣстимостью 70 килограммовъ (4 п. 14 фунт.) сто̀ятъ на мѣстѣ по 21 сентаву штука ($17^1/_4$ к.).

Въ колоніи Клара при самой станціи Dominguez устраивается разъ въ мѣсяцъ базаръ, гдѣ всѣ колонисты могутъ продавать свои продукты. Корову молочную можно купить за 40 пезо (32 руб. 80 коп.), тёлки двухъ лѣтъ 22—23 пезо (18—19 руб.), но хорошія дороже; рабочая лошадь 30—35 пезо (24 руб. 50 коп.—28 руб. 70 коп.), пара рабочихъ воловъ 70—75 пезо (57 руб. 40 коп.—61 руб. 50 коп.).

Овцы въ колоніи разводятся очень хорошо, но колонистамъ еще трудно ихъ заводить; во-первыхъ, чтобы содержать овецъ, надо огораживать пастбище проволочными изгородями въ пять или даже семь проволокъ, что̀ обходится дорого; во-вторыхъ, надо устраивать крытый коралъ (сарай), ибо во время дождей овцы очень сильно мокнутъ, дѣлаются тяжелыми, отъ усталости ложатся и умираютъ,—поэтому необходимо дать имъ защиту въ дождливую погоду; въ-третьихъ, овецъ надо купать, чтобы защитить отъ клещей; это требуетъ спеціальныхъ приспособленій и отнимаетъ много времени, что̀ для вновь устраивающагося колониста немыслимо. Нѣкоторые старые, уже вполнѣ обжившіеся колонисты начали заводить овецъ.

Среди евреевъ, бывшихъ въ Россіи мелкими торговцами и ремесленниками, оказалось немало хорошихъ, энергичныхъ хозяевъ. Къ числу ихъ, напримѣръ, относится г. Фридландъ, хозяйство котораго мною было подробно осмотрѣно. У Фридланда 300 гектаровъ, изъ коихъ 100—подъ посѣвами, а 200—подъ пастбищемъ, которые онъ отдѣльно арендуетъ у администраціи [2]).

---

[1]) Молотьба сдается странствующимъ молотильщикамъ, которые разъѣзжаютъ по всей странѣ съ собственными паровыми молотилками и полнымъ количествомъ людей. Хозяину нужно лишь заготовить мѣшки для насыпки хлѣба.

[2]) Колонисты могутъ брать у администраціи свободныя земли въ краткосрочную аренду; за землю подъ посѣвы платятъ 1 пезо за гектаръ въ годъ (90 коп. за десятину), а подъ пастбища по 75 сентавовъ (68 коп. за десятину). Тогда какъ если землю брать у сосѣднихъ владѣльцевъ, то надо заплатить для одного посѣва не менѣе 5 пезо за гектаръ (4 р. 50 к. за десятину).

Скота въ хозяйствѣ въ концѣ декабря 1903 г. было 150 головъ, въ томъ числѣ дойныхъ коровъ 24; число этихъ послѣднихъ предположено довести до 50. Лошадей 50 всѣхъ возрастовъ. Въ 1903—1904 году было засѣяно льномъ 40 гектаровъ, пшеницей—8, кукурузой—51 и подъ рожью 1 гектаръ. Фридландъ—большой любитель чернаго хлѣба и одинъ изъ немногихъ, которые сѣютъ рожь и устроили русскія печи. Посѣвъ начинается въ первыхъ числахъ іюня; сначала сѣютъ ленъ, потомъ пшеницу, рожь и проч.; что касается ячменя, то его можно сѣять лишь въ послѣднихъ числахъ августа—раньше нельзя, ибо птица выклюетъ [1]). Кукуруза сѣется въ октябрѣ и ноябрѣ; самое лучшее сѣять въ октябрѣ, а раньше нельзя, такъ какъ можетъ пострадать отъ морозовъ. Сборъ кукурузы бываетъ въ апрѣлѣ, а пшеницы и другихъ хлѣбовъ—въ декабрѣ. Высѣваютъ на гектаръ: кукурузы 12 килограммовъ, льна 35 килограммовъ, пшеницы и другихъ хлѣбовъ — 50 килограммовъ (3 п. 14 ф. на десят.). Урожай пшеницы колеблется отъ 500 до 1.500 килограммовъ зерна ($33^1/_2$ до 100 пуд.) съ десятины, рожь даетъ даже до 2.000 килогр. (134 пуд.); урожай овса 700—800 килогр. (47—54 пуд.), кукурузы до 2.000 килогр. (134 пуд.), а въ среднемъ 1.000 килогр. (67 пуд. съ десят.).

Приведенные урожаи, какъ видно, не особенно высоки; это объясняется съ одной стороны различными неблагопріятными вліяніями (саранча, ураганы, дожди), но, съ другой стороны, это является результатомъ небрежной культуры. Въ Аргентинѣ повсюду стараются какъ можно больше посѣять, гонятся лишь за количествомъ земли, а качествомъ работы пренебрегаютъ. Общее стремленіе къ большимъ посѣвамъ захватило положительно всѣхъ хозяевъ. Хотя въ то же время надо замѣтить, что въ здѣшнихъ хозяйствахъ распространены самыя лучшія орудія, помощью которыхъ при нѣкоторомъ вниманіи можно превосходно обрабатывать почву. Въ хозяйствѣ Фридланда земля пашется американскими плугами „el Ruso", съ сидѣньемъ наверху; плугъ этотъ однолемешный, съ круглымъ рѣзцомъ; стóитъ онъ 120 пезо (98 руб. 40 коп.), въ этотъ плугъ впрягаются четыре лошади и обрабатываютъ 1 гектаръ въ день. Для посѣва кукурузы употребляется особое приспособленіе, которое можетъ прикрѣпляться къ плугу. Такъ что во время паханія въ борозду падаютъ на извѣстномъ разстояніи сѣмена кукурузы, и тутъ же

---

[1]) Птичка небольшая, съ желтымъ брюхомъ, по-испански называется Jilguero, а по-русски, кажется, коноплянка.

заваливаются пластомъ земли. Упомянутое приспособленіе стоитъ 16 пезо (13 руб.).

У Фридланда 24 молочныхъ коровы; ихъ доятъ одинъ разъ утромъ, а потомъ къ коровамъ подпускаютъ телятъ; телятъ отлучаютъ въ 3 часа дня, а дойку производятъ отъ 4 до 6 час. утра. Для доенія коровъ нанимается женщина, которой платятъ 40 сентавовъ (33 коп.) съ каждой коровы въ мѣсяцъ. Молоко наливается въ металлическія фляги и отправляется на сливкодѣльню (cremeria), которая устроена около желѣзнодорожной станціи. Доставка молока организована администраціей колоніи и за это берется по $^1/_5$ сентава съ литра (2 коп. съ ведра). Въ декабрѣ 1903 г. отправляли каждый день 50 литровъ молока, да для себя оставляли 7—8 литровъ; такимъ образомъ удой равнялся 58 литрамъ, или 4,7 ведра. За молоко, отправленное на сливкодѣльню, получаютъ по процентному содержанію жира, чтò въ дѣйствительности равняется 2,9—3 сентава за литръ ($29^1/_4$ до $30^1/_4$ коп. за ведро). Въ ноябрѣ 1903 г. было сдано къ отправкѣ 1.050 литровъ и получено за всѣми вычетами 25,6 пезо (21 рубль), чтò соотвѣтствуетъ 25 коп. за ведро. Цѣна, какъ видно, очень низкая.

Фридландъ въ своемъ хозяйствѣ держитъ двухъ годовыхъ рабочихъ; одинъ получаетъ 40 пезо (32 руб. 80 коп.), а другой—30 пезо (24 руб. 60 коп.) въ мѣсяцъ при готовыхъ харчахъ и помѣщеніи; но во время жатвы жалованье увеличивается до 60 пезо первому и до 50 второму. Во время жатвы нанимается до 10 постороннихъ рабочихъ; средняя цѣна—2 пезо (1 руб. 64 коп.) въ день при готовыхъ харчахъ, но мастеръ, который кладетъ скирды, получаетъ 5 пезо (4 руб. 10 коп.) въ день.

Сливкодѣльня (cremeria) устроена при станціи Dominguez по соглашенію администраціи колоніи Клара съ частнымъ предпринимателемъ. Молоко привозится отъ разныхъ колонистовъ въ металлическихъ флягахъ въ 30 и 50 литровъ вмѣстимости. Сначала оно взвѣшивается, потомъ сливается въ цистерну, откуда поступаетъ въ сепараторъ. Работаютъ два сепаратора системы „альфа Лаваль“. Сливки охлаждаются на обыкновенномъ аппаратѣ. Снятое молоко по трубѣ идетъ въ помѣщеніе для свиней, которыхъ одновременно бываетъ до 300 штукъ; ихъ откармливаютъ на люцернѣ и снятомъ молокѣ, прибавляя немного зерна. Въ сливкодѣльню доставляются различныя количества молока отъ 2.000 до 8.000 литровъ въ день, смотря по сезону. Платятъ за молоко отъ $2^1/_2$ до 3 пезо за литръ. Процентъ жира въ молокѣ лѣтомъ около 3,3%, а зимой доходитъ до $4^1/_2$—5.

Фрахтъ до Буэносъ-Айреса (сначала по желѣзной дорогѣ, а затѣмъ пароходомъ) стоитъ 2 пезо за флягу въ 50 литровъ сливокъ, что соотвѣтствуетъ 40 коп. за ведро. Сливки отправляютъ на большую маслодѣльню въ Буэносъ-Айресѣ—„Union Argentina", которая приготовляетъ масло для экспорта въ Европу.

По свидѣтельству доктора Ярхо, въ районѣ колоніи Клара животныя страдаютъ отъ клеща, называемаго по-мѣстному garrapata; онъ нападаетъ преимущественно на овецъ. Среди скота распространенъ особенно въ послѣднее время ящуръ, а также случается нерѣдко болѣзнь вродѣ тифа.

Изъ болѣзней, которымъ подвергаются люди, на основаніи долговременныхъ наблюденій доктора Ярхо, чаще всего встрѣчаются слѣдующія: 1) ленточная глиста (Taenia solium); 2) Echinockock—въ печени образуется пузырекъ, который увеличивается, образуя эхинококовую кисту; 3) болѣзнь вродѣ сибирской язвы начинается съ чернаго пузырька, который быстро образуетъ опухоль (пузырекъ надо тотчасъ же разрѣзать и положить особый препаратъ), 4) крошечная муха залетаетъ въ носъ и кладетъ тамъ яички; дѣлается опухоль, боль въ головѣ; нестерпимо чешется;—лечатъ іодоформомъ, червячки его не переносятъ и вываливаются, а иногда ихъ приходится вытаскивать щипцами; 5) накожныя болѣзни—экзема, prarigo, impetigo, furumculosis; 6) чахотка, дающая наибольшую смертность.

Въ колоніи Люсіенвиль пришлось ознакомиться съ мѣстнымъ третейскимъ судомъ, организованнымъ управляющимъ колоніей Л. Немировскимъ [1]). Дѣло въ томъ, что мѣстный судъ въ Аргентинѣ составляетъ самое больное мѣсто республики; въ судьи по большей части выбираются политическіе „друзья" (amigos), которые быстро превращаютъ свою должность въ орудіе личной наживы. Если къ судьѣ являются аргентинецъ и европеецъ (переселенецъ), то аргентинецъ всегда правъ; но въ случаѣ тяжбы между двумя аргентинцами, тотъ выигрываетъ дѣло, у котораго больше „друзей"; наконецъ, въ мѣстномъ судѣ большую роль играютъ взятки, поэтому онъ обходится не дешево. Кромѣ того, переселенцы испытываютъ большое затрудненіе въ языкѣ. Оффиціальный языкъ въ Аргентинѣ испанскій, но для изученія его

[1]) Г. Немировскій—очень дѣятельный, заботливый и участливый къ нуждамъ колонистовъ управляющій. Онъ окончилъ курсъ сельскохозяйственнаго училища въ Умани, затѣмъ учился въ Парижѣ и лѣтъ пять назадъ поступилъ на службу въ Аргентину.

надо время, а присяжныхъ переводчиковъ въ судахъ не имѣется. Такое неустройство судебной части чувствительно для переселенцевъ изъ Европы, ибо въ деревнѣ, на фермѣ никакъ нельзя обойтись безъ какихъ-либо недоразумѣній или ссоръ съ сосѣдями; между тѣмъ судьи въ самомъ благопріятномъ даже случаѣ имѣютъ привычку штрафовать обѣ стороны—тѣмъ дѣло и кончается [1]).

Отсутствіе справедливаго, безпристрастнаго суда особенно сильно чувствовалось въ еврейскихъ колоніяхъ, такъ какъ извѣстно, что у евреевъ страсть къ сутяжничеству и тяжбамъ болѣе развита, чѣмъ у другихъ народностей. Поэтому въ Люсіенвилѣ былъ организованъ „комитетъ посредниковъ". Члены этого комитета въ числѣ пяти человѣкъ выбираются колонистами; затѣмъ комитетъ изъ среды себя выбираетъ предсѣдателя. Секретаремъ комитета состоитъ управляющій колоніей. Всѣ колонисты со всякаго рода тяжбами могутъ обращаться къ комитету; съ тяжущихся берется подписка въ томъ, что они подчинятся рѣшенію комитета, и каждая сторона вноситъ по 50 сентавовъ (41 коп.) въ пользу мѣстнаго сельско-хозяйственнаго общества. Вначалѣ были случаи недовольства, и тяжущіеся обращались къ мѣстному суду, хотя выходило всегда хуже. Теперь всѣ колонисты съ мелкими дѣлами обращаются къ своему комитету посредниковъ.

Только-что упомянутое сельско-хозяйственное общество въ Люсіенвилѣ (Primera Sociedad Agricola Israelita) основано въ августѣ 1900 г. тѣмъ же Немировскимъ; главная цѣль общества — выдача ссудъ своимъ членамъ. Членскій пай—10 пезо (8 руб. 20 коп.), и кромѣ того каждый членъ уплачиваетъ 1 пезо (82 коп.) въ годъ въ пользу общества. Въ концѣ 1903 г. было въ этомъ обществѣ 60 членовъ, денегъ въ кассѣ—2.200 пезо (1.804 руб.), роздано въ ссуды 4.800 пезо (3.936 руб.) По ссудамъ насчитывается 8% годовыхъ, что въ Аргентинѣ считается очень низкимъ процентомъ.

Сельско-хозяйственный сезонъ въ Люсіенвилѣ начинается съ конца мая. Прежде всего высѣвается пшеница, такъ какъ замѣчено, что ранній посѣвъ этого растенія менѣе страдаетъ отъ саранчи. Кукуруза сѣется въ концѣ сентября, въ октябрѣ и даже до декабря. Морозы бываютъ опасны для пшеницы въ іюлѣ и

[1]) Во время моихъ путешествій по Аргентинѣ много разъ приходилось слышать жалобы на отсутствіе справедливаго суда; это создаетъ большую необезпеченность частной жизни; вновь прибывшимъ изъ Европы приходится постоянно откупаться, чтобы избѣжать непріятностей. Такое положеніе дѣлъ отражается на самой эмиграціи, которая слабо прогрессируетъ.

августѣ, а для кукурузы, наоборотъ, вредны заморозки, случающіеся въ апрѣлѣ и маѣ. Ленъ стараются сѣять по цѣлинѣ; прежде сѣяли послѣ кукурузы, но выходило хуже. Урожай 1902 г. былъ плохой, пшеницы получено было всего 500 килограммовъ съ гектара ($33^1/_2$ п. съ десятины), но въ 1903 г. былъ лучше—до 1.000—1.200 килогр. (67—80 п.); ленъ въ 1902 г. далъ 700 килогр. (47 пуд.). Молотьба въ 1903 г. обходилась 90 сентавовъ за пшеницу и 1,2 пезо за ленъ за 100 килограммовъ (12—16 коп. за пудъ).

Многіе колонисты въ Люсіенвилѣ начали заниматься птицеводствомъ. Куры плодятся успѣшно, находятъ себѣ повсюду достаточно корма, а яйца имѣютъ обезпеченный и неограниченный сбытъ по 15 сентавовъ за дюжину (10 коп. за десятокъ).

Въ колоніи Мойзесвиль пришлось познакомиться съ колонистомъ Браунштейномъ; онъ въ 1890 году выѣхалъ изъ Бессарабіи, гдѣ былъ переплетчикомъ; на родинѣ онъ крайне бѣдствовалъ. Здѣсь онъ имѣетъ 150 гектаровъ земли подъ посѣвами и 70 гектаровъ подъ пастбищемъ, а всего 220 гектаровъ (201 десят.). Семья его состоитъ изъ 8 человѣкъ дѣтей—всѣ участвуютъ въ работѣ, все дѣлаютъ сами, только во время жатвы нанимаютъ нѣсколькихъ работниковъ; живутъ въ хорошемъ каменномъ домѣ въ 4 комнаты; при домѣ колодецъ въ 8 метровъ глубины. Во время моего посѣщенія Браунштейнъ послалъ своихъ трехъ сыновей пригнать къ усадьбѣ табунъ лошадей. Мальчики 13—16 лѣтъ верхомъ ухарски обскакали табунъ и быстро подогнали его къ намъ. Въ табунѣ было отъ 130 до 140 лошадей разныхъ возрастовъ; изъ нихъ 30—40 хорошихъ рабочихъ. Рогатаго скота у Браунштейна 70 штукъ и полный запасъ инвентаря для полевыхъ работъ.

Важнѣйшее условіе благополучія переселенца въ Аргентинѣ заключается въ *его семьѣ*; успѣшно работаютъ лишь тѣ колонисты, у которыхъ большая семья, а малосемейнымъ—плохо. Только-что упомянутый Браунштейнъ представляетъ въ этомъ отношеніи типичный примѣръ: имѣя возможность пахать, бороновать, сѣять, косить люцерну, гонять скотъ и лошадей къ водопою—все это при помощи дѣтей,—Браунштейнъ быстро поднялся изъ нищеты и теперь является очень зажиточнымъ фермеромъ, тогда какъ другіе, съ малымъ количествомъ собственныхъ рукъ, не могутъ развивать свое хозяйство столь успѣшно. Напр., Бахрачъ изъ Бѣлостока прибылъ въ Аргентину съ женой и мальчикомъ-сыномъ; за что ни возьмется, ничего какъ-то у него не выходитъ; самъ онъ работникъ плохой, а другихъ въ семьѣ нѣтъ;

нанимать же здѣсь на всѣ работы немыслимо. Поэтому Бахрачъ все должаетъ въ администрацію, всѣмъ недоволенъ, пишетъ жалобныя статьи въ газетахъ и вообще представляетъ типъ неудачнаго колониста.

Колонистъ Эпштейнъ со станціи Барановичи, московско-брестской желѣзной дороги, живетъ въ Аргентинѣ только три года и устроился довольно хорошо; съ нимъ живутъ два брата. Въ концѣ 1903 года у него было 75 гектаровъ пшеницы. „Сначала было трудно,—говорилъ онъ,—но теперь привыкъ; работа нравится, такъ какъ видишь хорошіе результаты. Вся бѣда лишь въ томъ, что мало опыта. Напримѣръ, въ прошломъ году завелъ огородъ, но почти ничего не вышло; въ нынѣшнемъ году дѣло поправилось и овощей продалъ на 50 пезо (41 руб.). Жить въ Аргентинѣ хорошо, только обижаетъ саранча, да засуха".

Вообще, по мнѣнію многихъ хозяевъ, средній колонистъ зарабатываетъ въ годъ деньгами 750 пезо (615 руб.), т.-е. выручаетъ отъ хлѣба и другихъ продуктовъ; средній размѣръ платежей въ администрацію—350 пезо (287 руб.); слѣдовательно, ему остается 400 пезо (328 руб.) на всѣ расходы (собственное прожитіе, починка машинъ и всѣ надобности).

Въ колоніи Мойзесвиль большое значеніе получила люцерна; изъ общей культурной площади въ 16.609 гектаровъ подъ люцерновыми лугами занято 5.500 гектаровъ, или $^1/_3$ часть. Въ провинціи Санта-Фе повсюду очень благопріятныя условія для произрастанія люцерны, такъ какъ почва и подпочва легко проницаемы для корней этого растенія, а главное, въ подпочвѣ недалеко грунтовыя воды; при этихъ условіяхъ корневая система люцерны можетъ отлично питаться, а растеніе роскошно развиваться. Серьезное вліяніе на развитіе посѣвовъ люцерны оказалъ экспортъ живыхъ животныхъ въ Англію; для прокормленія животныхъ въ пути требовалась масса хорошаго сѣна. Но въ 1903 году вывозъ изъ Аргентины животныхъ былъ воспрещенъ вслѣдствіе ящура и другихъ болѣзней,—поэтому спросъ на люцерну прекратился, и она понизилась въ цѣнѣ. Люцерна въ Мойзесвилѣ даетъ отъ 4 до 5 укосовъ въ теченіе года; въ каждый укосъ собираютъ около $2^1/_2$ тоннъ сѣна съ гектара, а всего въ теченіе года 11—12 тоннъ (600—655 пудовъ съ десятины). Сборъ перваго и послѣдняго укоса по качеству хуже, поэтому эту траву оставляютъ для себя, а остальные 2—3 укоса продаютъ. При посѣвѣ сѣмянъ употребляютъ 30 килограммовъ на гектаръ (81 ф. на десятину), сѣмена выписываютъ изъ склада въ Буэносъ-Айресѣ и стоятъ 50—60 сентавовъ за килограммъ (6 р. 80—8—16 за пудъ). Люцерна, посѣянная для пастбища,

держится на одномъ мѣстѣ 5—6 лѣтъ, а если ее только косить, то она держится гораздо дольше, болѣе 10 лѣтъ. Уборка производится косилками и обходится 4 пезо съ гектара (3 р. 60 к. десятина) одна работа людей, не считая машины и лошадей. Люцерна продается на мѣстѣ въ скирдахъ; прежде платили по 6 пезо за тонну (нѣсколько больше 8 коп. за пудъ), но теперь цѣна только 5 пезо (7 коп. за пудъ). Покупатель уже своими средствами прессуетъ люцерну въ тюки и отправляетъ въ Буэносъ-Айресъ. Прессованье обходится 3 пезо за тонну (4 коп. съ пуда).

Для уборки хлѣбовъ въ Мойзесвилѣ получила широкое распространеніе жатвенная машина особаго устройства; она называется „Raudolph Espiradora Reformada“, дѣлается на фабрикѣ Graver Steell & Co, Harvey, Ill. U. S. A. и стоитъ 450 пезо (369 руб.). Въ нее впрягаются шесть лошадей. Машина устроена такъ, что рѣжущій аппаратъ идетъ впереди, а лошади двигаются сзади машины. Рѣжущій аппаратъ подрѣзаетъ хлѣбъ на извѣстной высотѣ недалеко отъ колоса. Такъ какъ здѣсь солома не имѣетъ значенія, то вся она оставляется на полѣ, а стараются собрать лишь колосья съ зернами. Срѣзанные колосья тотчасъ же подхватываются движущимся на валикахъ полотномъ, поднимаются кверху и сбрасываются въ ѣдущую рядомъ съ машиной телѣгу съ большими ящиками; въ этотъ ящикъ собираются колосья, и когда онъ наполнится, его отвозятъ къ тому мѣсту, гдѣ будутъ молотить. Въ теченіе рабочаго дня машина убираетъ, въ среднемъ, 12 гектаровъ пшеницы (11 десятинъ). Во время работы надо имѣть, по крайней мѣрѣ, двѣ телѣги съ ящиками для пріема колосьевъ; одна ѣдетъ съ машиной и въ нее насыпаются колосья, а другая въ это время отвозитъ полный ящикъ къ мѣсту молотьбы.

Какъ было уже упомянуто, молотьба въ Аргентинѣ производится почти исключительно странствующими молотильщиками. Предприниматель обзаводится сложной молотилкой съ локомобилемъ, нанимаетъ нужное количество рабочихъ, покупаетъ лошадей или быковъ для передвиженія машинъ, и начинаетъ объѣзжать извѣстный районъ, гдѣ онъ заключилъ уже контракты съ фермерами. У одного колониста въ Мойзесвилѣ мнѣ довелось видѣть работу такой молотилки. Молотили пшеницу; народу всего было 18 человѣкъ, въ теченіе 10-ти рабочихъ часовъ намолачивали 350—400 фанегъ по 100 килогр., т.-е. 2.138 — 2.442 пуда зерна, насыпаннаго и зашитаго въ мѣшки. Плата за всю эту работу равнялась 1 пезо за фанегу, т.-е. 13½ коп. за пудъ.

Колонія Морисіо находится въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ другія, такъ какъ она расположена въ провинціи Буэносъ-Айресъ, слѣдовательно ближе къ рынку, и не подвергалась такимъ бѣдствіямъ, какія переживали другія, напримѣръ нападенія саранчи, засухи и дождей. Поэтому населеніе здѣсь наиболѣе зажиточное и весь хозяйственный бытъ колонистовъ прочнѣе обоснованъ. При населеніи въ 164 колониста и 1.128 душъ насчитывалось въ началѣ 1904 года 18.267 гектаровъ подъ посѣвами, въ томъ числѣ 3.500 гектаровъ подъ люцерной; такъ что, въ среднемъ, на одного колониста здѣсь приходится 111,3 гектара посѣва, въ томъ числѣ 21,3 люцерны. Кромѣ того, въ огородахъ подъ овощами было 54 гектара, подъ картофелемъ 23 гектара и подъ плодовыми и лѣсными деревьями— 125 гектаровъ.

Въ Морисіо считается 5.611 головъ скота, въ томъ числѣ молочныхъ коровъ—2.555 и рабочихъ воловъ—1.170. Лошадей всѣхъ возрастовъ—3.500, въ томъ числѣ мериновъ—1.329, муловъ 53 и кобылъ — 1.488. Кромѣ того, здѣсь завелось овцеводство; здѣсь уже 3.000 штукъ овецъ. Колонисты, достигнувъ извѣстной хозяйственной устойчивости, стали заводить ограды изъ проволокъ; такимъ образомъ, получилась возможность содержать овецъ. Для овцеводства здѣсь болѣе благопріятныя условія, чѣмъ въ колоніяхъ Клара и Люсіенвиль, дождей меньше, и потому овцы меньше страдаютъ отъ мокроты.

Какъ было сказано уже, въ Морисіо значительную роль играетъ люцерна, но ее здѣсь культивируютъ не для сѣна, а на сѣмена. Она даетъ 2—3 фанеги (по 100 килогр.) съ гектара, т.-е. $13^1/_2$ — 20 пудовъ. Сѣмена продаются на станціи Casares по 45 сентавовъ за килогр., или 6 руб. за пудъ. Такимъ образомъ, можно выручить съ гектара 80 — 120 руб. Уборка люцерны на сѣмена обходится 7 пезо съ гектара (6 руб. 30 коп. съ десятины), а молотьба 10—15 пезо за фанегу, т.-е. 1 руб. 36 коп.—2 руб. 4 коп. за пудъ. Во время жатвы колонистамъ выдаются денежныя краткосрочныя ссуды по 6 пезо (4 руб. 92 коп.) на гектаръ; срокъ этихъ ссудъ не долѣе трехъ мѣсяцевъ, а условія—5% годовыхъ.

Изъ сооруженій общественнаго характера въ еврейскихъ колоніяхъ слѣдуетъ упомянуть о большихъ амбарахъ (galpon), выстроенныхъ при станціяхъ желѣзныхъ дорогъ для склада зерна. Такъ, напримѣръ, при станціи Casares, въ колоніи Морисіо, устроено громадное зданіе—80 метровъ длиною и 20 шириною— для склада хлѣба въ мѣшкахъ. Здѣсь можетъ помѣститься одно-

временно 100.000 мѣшковъ. Постройка такого амбара обошлась въ 30.000 пезо (24.600 руб.). Дѣло организовано слѣдующимъ образомъ: амбаромъ и вообще складочной операціей завѣдуетъ комитетъ изъ пяти членовъ, избранныхъ колонистами; администрація колоніи, выстроившая амбаръ, сдаетъ его комитету въ аренду изъ 5% стоимости постройки, т.-е. за 1.500 пезо (1.230 р.) въ годъ; комитетъ взимаетъ съ колонистовъ по 2 сентава (1,6 коп.) за мѣшокъ въ теченіе мѣсяца. Такимъ образомъ, колонистъ, обмолотивъ свой хлѣбъ, свозитъ его сюда для храненія, пока не найдетъ выгоднаго покупателя, причемъ самый расходъ по храненію зерна очень незначительный.

Перевозка зерна отъ мѣста молотьбы къ этому амбару совершается посредствомъ извозчиковъ-спеціалистовъ. Такихъ извозчиковъ можно найти во всѣхъ захолустьяхъ Аргентины. Перевозка хлѣба, какъ и другихъ грузовъ, напримѣръ шерсти и проч., производится на огромныхъ двухъ-колесныхъ телѣгахъ; на телѣгу кладутъ по 100—110 мѣшковъ зерна по 70 килограммовъ въ каждомъ, т.-е. 428—470 пудовъ; запрягаются 12 или болѣе лошадей при одномъ человѣкѣ. Телѣги дѣлаются на мѣстѣ спеціалистами-кузнецами, но всѣ матеріалы выписываются изъ Буэносъ-Айреса. Такая телѣга стоитъ около 800 пезо (656 руб.).

Всѣ факты, касающіеся еврейскихъ колоній въ Аргентинѣ, изложены нами на основаніи личнаго ихъ посѣщенія. Поѣздка по колоніямъ оставила самое благопріятное впечатлѣніе; встрѣчали меня вездѣ радушно, съ охотой бесѣдовали, даже останавливали по дорогѣ, разспрашивая, кто я, откуда и т. д. Узнавъ, что я возвращаюсь въ Россію, многіе посылали поклоны своимъ роднымъ, прибавляя, что, „можетъ быть, вы ихъ встрѣтите, они живутъ тамъ-то“... Характерною въ этомъ отношеніи можетъ считаться просьба одного молодого еврея, который просилъ записать адресъ его отца (на одной изъ станцій полѣсскихъ желѣзныхъ дорогъ): „Вы какъ будете на этой станціи, только спросите фамилію, вамъ сейчасъ его покажутъ. Кланяйтесь отъ насъ всѣмъ и передайте имъ—вотъ какъ мы здѣсь живемъ“.

Евреи вспоминаютъ о Россіи очень хорошо,—нигдѣ я не замѣтилъ ни злобы, ни ненависти,—наоборотъ, всѣ ихъ заявленія на этотъ счетъ можно выразить словами одного изъ колонистовъ: „Хорошая страна Россія, никакая Аргентина ничего не стоитъ въ сравненіи, но только намъ жить нельзя — заставляютъ жить въ тѣснотѣ, поэтому и грязь, и нищета, такъ какъ и заработ-

ковъ никакихъ найти нельзя, а народу все прибываетъ. Вотъ еслибы позволили, я бы поѣхалъ въ другое мѣсто, нашелъ бы подходящее занятіе,—и мнѣ, и семейству было бы лучше". Всѣ евреи привозятъ въ числѣ необходимыхъ вещей самовары, всѣ они любятъ чай. „Скучаемъ по Россіи, — говорили почтенные хозяева: — какъ хотите—все-таки родина, а родину всякій любитъ. Здѣсь хоть и свободно жить, и никто тебя не трогаетъ, но только все какъ-то чужое, ко всему надо привыкать". Характерно также заявленіе недавно прибывшаго колониста: „Служилъ я въ военной службѣ безпорочно пять лѣтъ, пришелъ домой, хотѣлъ заняться чѣмъ-нибудь, а урядникъ мнѣ говоритъ: „Тебѣ здѣсь жить нельзя.—Какъ! почему? А онъ отвѣчаетъ: „Такая полоса вышла". Думалъ, думалъ, что тутъ дѣлать, ну, и рѣшилъ ѣхать въ Аргентину".

Когда евреи прибываютъ въ Буэносъ-Айресъ, то всѣ поражаются ихъ страннымъ, изношеннымъ видомъ: длиннополые сюртуки, грязные, въ заплатахъ, странныя какія-то шапки, пейсы; на худыхъ лицахъ—уныніе и гнетъ. Но въ Аргентинѣ они скоро преображаются: одежда какъ у всѣхъ аргентинцевъ, пейсовъ болѣе не носятъ, лица открытыя, видъ смѣлый. Въ особенности молодое поколѣніе, успѣвшее уже пройти школу и говорящее по-испански, становится настоящими аргентинцами (hijos del país), усвоило ихъ образъ жизни, манеры, обычаи и интересы. Вновь прибывшіе переселенцы, въ особенности женщины, поражаются дороговизной въ Аргентинѣ; они, конечно, невольно все сравниваютъ съ мѣстами, гдѣ жили, но при этомъ забываютъ, что и заработки въ Аргентинѣ сравнительно громадные. Одна женщина говорила: „У насъ въ минской губерніи башмаки стóятъ два рубля, а нужно починить, такъ гривенникъ или пятиалтынный; а здѣсь башмаки—8 пезо (6 руб. 50 коп.), да и чинить негдѣ". Другіе тоже разсказывали много курьезныхъ сопоставленій. Однако, обжившись, сами же потомъ видятъ, что хотя башмаки и стóятъ 8 пезо, но люди могутъ добыть столько, что легко имъ купить три-четыре пары такихъ башмаковъ въ годъ. У трудолюбивыхъ колонистовъ скоро заводятся и деньги; при этомъ достойно удивленія то обстоятельство, что здѣсь всѣ какъ-то скоро усвоиваютъ небрежное отношеніе къ деньгамъ. Въ Аргентинѣ деньги въ обращеніи бумажныя (пезо); ихъ обыкновенно носятъ не въ кошелькахъ или бумажникахъ, а прямо комкаютъ и пихаютъ въ карманъ, не давая себѣ труда хорошенько сложить. Когда нужно за что-нибудь платить, аргентинецъ вынимаетъ изъ кармана бумажекъ, сколько попадетъ въ руку: здѣсь

и въ 1 песо, и въ 2, и въ 5, и въ 10 песо, и болѣе цѣнныя бумажки; отсчитавъ сколько нужно, остальныя тѣмъ же порядкомъ препровождаются въ карманъ. Мелкія деньги (никелевыя) совсѣмъ въ пренебреженіи. Разъѣзжая по колоніямъ, я у многихъ евреевъ замѣчалъ карманы, наполненные деньгами, и обращались они съ ними такъ же, какъ аргентинцы. И это у людей, которые такъ недавно еще дрожали надъ каждымъ гривенникомъ, доставшимся имъ съ великимъ трудомъ.

Но самое главное, что особенно поразило меня, это—картина хозяйственной жизни. Въ Россіи, несмотря на многочисленныя поѣздки, мнѣ не пришлось встрѣчать евреевъ-фермеровъ; здѣсь же, въ Аргентинѣ, я видѣлъ, какъ бывшіе переплетчики, мелкіе торгаши, портные и проч., пашутъ, сидя на великолѣпныхъ американскихъ плугахъ, жнутъ на первоклассныхъ машинахъ; вообще, работаютъ на землѣ, всецѣло поглощенные хозяйственными заботами. Въ лицахъ свѣтятся энергія и увѣренность, что труды ихъ не пропадутъ даромъ, а вернутся въ видѣ увеличенія благосостоянія. И возрастаніе матеріальнаго благосостоянія замѣчается въ бо̀льшей или мѐньшей степени во всѣхъ колоніяхъ.

Когда вспомнишь, сколько обширныхъ мѣстностей имѣется въ Россіи, какіе колоссальные районы представляютъ еще полный просторъ для сельскохозяйственныхъ начинаній,—невольно напрашивается примѣръ еврейскихъ колоній въ Аргентинѣ. Что̀ прежде казалось невозможнымъ, то осуществилось; что̀ считали утопіей, то становится фактомъ. Мнѣ неизвѣстны детали финансовой стороны дѣла; я не могъ ни въ Буэносъ-Айресѣ, ни въ Парижѣ, добыть точныхъ свѣдѣній о расходахъ по всѣмъ операціямъ колонизаціи, такъ что не могъ бы сказать, во что̀ обошлось и обходится теперь колонизація; но въ данномъ случаѣ важнѣе всего установить самый фактъ, что при извѣстной организаціи, при извѣстной затратѣ средствъ, можно скученное въ грязныхъ городишкахъ еврейское населеніе превратить въ сельскихъ хозяевъ. При этомъ, однако, не слѣдуетъ забывать, что такого превращенія нельзя достигнуть изданіями тѣхъ или иныхъ законовъ, а единственно путемъ дѣловой организаціи и участливымъ отношеніемъ къ населенію.

Н. А. Крюковъ.

Буэносъ-Айресъ.

ТЯЖЕЛЫЕ УРОКИ...

I.

Война преподаетъ тяжелые уроки народамъ и государствамъ; она заставляетъ ихъ дорого расплачиваться за долгіе годы подневольнаго застоя, за всѣ недочеты и изъяны безотвѣтственнаго управленія, за отсутствіе гласности и контроля въ общественныхъ и политическихъ дѣлахъ, за искусственное приниженіе пульса народной жизни и энергіи.

Въ нашей новѣйшей исторіи война не разъ играла роль не только карательную, но и исправительную. Послѣ крымской войны окончился періодъ гордаго самообольщенія, основаннаго на всеобщемъ вынужденномъ молчаніи; настала эпоха необходимыхъ, давно назрѣвшихъ реформъ, которымъ, однако, не суждено было осуществиться въ полной мѣрѣ и получить дальнѣйшее естественное развитіе для блага Россіи. Въ концѣ семидесятыхъ годовъ, подъ вліяніемъ русско-турецкой войны, вновь съ яркой очевидностью раскрылась несостоятельность той узкобюрократической системы, которая держала въ своихъ тискахъ русское общество и народъ; опять оживились надежды на спасительный поворотъ, требуемый насущными интересами культурнаго роста страны,— но „новыя вѣянія“ были вскорѣ заглушены и похоронены упорными защитниками административнаго самовластія. Нынѣшняя война съ Японіею поставила насъ лицомъ къ лицу съ тѣми же старыми, мучительными вопросами, которыхъ ни устранить, ни обойти невозможно; здравомыслящіе люди всѣхъ партій должны были вновь почувствовать ненормальность такого порядка вещей, при которомъ наше великое отечество дало себя опередить въ культурѣ и даже въ военно-

политической организаціи небольшой азіатской державѣ, вступившей, казалось, на европейскій путь чуть ли не со вчерашняго дня.

Всякая война прежде всего заставляетъ вспомнить, что государство имѣетъ и должно имѣть свою сознательную внѣшнюю политику, соотвѣтствующую жизненнымъ интересамъ населенія. Когда бѣдствія войны обрушиваются на страну въ той или другой формѣ, то самый скромный обыватель можетъ задаться вопросомъ: чѣмъ вызвана эта война и сдѣлано ли было все необходимое для ея предупрежденія? Направляется ли ходъ нашей внѣшней политики опредѣленными государственными цѣлями и разсчетами, или же рѣшающая роль въ этой области принадлежитъ разнымъ случайнымъ закулиснымъ вліяніямъ, личнымъ побужденіямъ, недосмотрамъ и ошибкамъ, недоступнымъ пониманію публики? Въ былое время такихъ вопросовъ у насъ и не возникало: каждый зналъ, что, напримѣръ, венгерская кампанія была предпринята по соображеніямъ, не имѣющимъ никакой связи съ сознательными политическими потребностями Россіи. Точно такъ же крымская война была всецѣло продуктомъ случайныхъ и произвольныхъ кабинетныхъ комбинацій, явно противорѣчившихъ интересамъ и условіямъ русской дѣйствительности. Турецкая кампанія 1877—78 годовъ, начатая отчасти подъ давленіемъ общественнаго или національнаго чувства, привела къ несомнѣнному, торжественно засвидѣтельствованному передъ цѣлымъ міромъ банкротству нашей внѣшней политики, обреченной на полную безпринципность, неустойчивость и некомпетентность при отсутствіи живого публичнаго контроля и яснаго сознанія національной отвѣтственности. Оффиціальные представители нашей дипломатіи очутились въ крайне тягостномъ и жалкомъ положеніи, когда имъ пришлось на берлинскомъ конгрессѣ соперничать съ настоящими политическими дѣятелями, выросшими въ свободной парламентской атмосферѣ западной Европы. Какъ органы замкнутаго придворно-бюрократическаго вѣдомства, не обязанные имѣть ни общихъ руководящихъ идей, ни сознательной политической программы, ни спеціальныхъ свѣдѣній или хотя бы замѣтныхъ умственныхъ дарованій, они не только не могли, но даже и не пытались отстаивать русскіе интересы, которыхъ не успѣли уяснить себѣ въ отечественныхъ канцеляріяхъ, и добровольно, безъ всякихъ стѣсненій, отказывались отъ законныхъ плодовъ разорительной войны, въ угоду иностраннымъ кабинетамъ. Свободные отъ заботъ о русскомъ общественномъ мнѣніи, они заранѣе отдавали Австріи тѣ славянскія земли, которыя впервые поднялись противъ турокъ въ надеждѣ на русскую помощь, и эта предварительная уступка, рѣшенная секретнымъ рейхштадтскимъ соглашеніемъ, дѣлала, въ сущности, всю войну безцѣльною и безсмысленною. Наши государственные люди, вовлеченные въ

войну противъ воли (по признанію князя Горчакова), не останавливались надъ вопросомъ, ради чего потребовались отъ Россіи огромныя кровавыя и матеріальныя жертвы за Дунаемъ и на Балканахъ,—ибо русское общество не имѣло права голоса въ политическихъ дѣлахъ и не могло привлекать къ отвѣту за безплодно потраченныя народныя силы и средства. Печальный опытъ доказалъ, что бюрократическая дипломатія, не отвѣтственная предъ общественнымъ мнѣніемъ, совершенно безсильна при столкновеніи съ иностранными культурными державами и не можетъ конкуррировать съ ихъ представителями на равныхъ правахъ. Когда противъ графа Андраши, лорда Биконсфильда или Сольсбери призванъ былъ дѣйствовать отъ имени Россіи сановникъ, завершившій свое политическое образованіе въ совершенно другой спеціальности, то не трудно было предвидѣть результаты такого противопоставленія; — но и при лучшемъ и болѣе цѣлесообразномъ выборѣ дипломатическихъ дѣятелей нельзя ожидать успѣха, пока не признано общенародное, національное значеніе внѣшней политики, считавшейся до сихъ поръ келейнымъ дѣломъ ограниченнаго круга привилегированныхъ лицъ.

Тотъ же коренной органическій недостатокъ нашей дипломатіи обнаружился и въ событіяхъ, приведшихъ къ русско-японской войнѣ. Послѣ того какъ Англія признала Японію настолько могущественною, что вступила съ нею въ формальный равноправный союзъ, наше дипломатическое вѣдомство съ обычнымъ упорствомъ канцелярской рутины продолжало относиться свысока къ предпріимчивой азіатской державѣ и едва удостоивало отвѣта ея настоятельныя представленія и требованія по возникшимъ спорнымъ вопросамъ. Весь міръ зналъ и видѣлъ, что Японія дѣятельно готовится къ войнѣ для защиты своихъ интересовъ, затронутыхъ нами въ Кореѣ и Манчжуріи; объ этомъ свободно говорила печать въ Англіи и Америкѣ, а мы ничего этого не замѣчали, убаюкивая себя самодовольною увѣренностью, что миролюбіе вполнѣ совмѣстимо съ распоряженіями въ сѣверной Кореѣ и съ военною оккупаціею Манчжуріи. Какъ извѣстно, непосредственнымъ поводомъ къ разрыву послужила характерная черта бюрократизма—систематическая, безконечная проволочка въ дѣловой перепискѣ,—въ чемъ японское правительство, а съ нимъ и народъ, усмотрѣли преднамѣренную для себя обиду. Когда, наконецъ, было оффиціально объявлено о перерывѣ дипломатическихъ сношеній и объ отозваніи посланниковъ, наши высшія и мѣстныя власти на Дальнемъ Востокѣ дали застигнуть себя врасплохъ, въ силу тѣхъ же основныхъ свойствъ безконтрольной, ничѣмъ не ограниченной бюрократіи. Еслибы правительственные дѣятели должны были иногда выслушивать критическія замѣчанія и отвѣчать на нихъ публично, то указанныя ошибки и гру-

быя упущенія были бы вообще невозможны, и самый составъ дѣйствующихъ лицъ былъ бы тогда нѣсколько иной;—во главѣ дипломатіи, какъ и другихъ вѣдомствъ, по необходимости стояли бы люди, способные разумно мотивировать свои мнѣнія и согласовать ихъ съ жизненными интересами Россіи; они вынуждены были бы постоянно заботиться о своевременномъ полученіи нужныхъ свѣдѣній и внимательно слѣдить за всѣми обстоятельствами и перемѣнами въ ходѣ дѣлъ, чтобы быть въ состояніи защищать и оправдывать свою политику передъ русскимъ обществомъ и народомъ. Бюрократическій механизмъ былъ бы тогда лишь исполнительнымъ орудіемъ, а не самостоятельною рѣшающею силою. Общественное мнѣніе, высказываясь свободно, оживляло бы дѣятельность дипломатіи, не позволяло бы ей предаваться усыпительнымъ иллюзіямъ, выясняло бы желательныя цѣли и возможные способы дѣйствія,—и внѣшняя политика перестала бы быть рядомъ противорѣчій и неожиданностей.

Замкнутый бюрократизмъ, стоящій внѣ и выше общественнаго контроля, есть источникъ органической слабости, всегдашней неподготовленности и запущенности во всѣхъ сферахъ государственной жизни, при видимой формальной аккуратности бумажнаго дѣлопроизводства; этотъ же канцелярскій порядокъ управленія приводитъ къ тому, что мы вообще не имѣемъ и не можемъ имѣть сознательной и послѣдовательной политики, ни внѣшней, ни внутренней. Мало того: политика пріобрѣтаетъ характеръ, совершенно не соотвѣтствующій дѣйствительнымъ намѣреніямъ ея высшихъ руководителей,—характеръ, дающій иностранцамъ основаніе говорить объ ея двуличности и лицемѣріи. Если дипломатическое вѣдомство даетъ опредѣленныя обѣщанія или беретъ на себя извѣстныя нравственныя обязательства, то оно никакъ не можетъ ручаться за ихъ исполненіе или соблюденіе, потому что послѣднее зависитъ уже отъ другихъ самостоятельныхъ вѣдомствъ, имѣющихъ возможность проводить на дѣлѣ свои особые взгляды, часто прямо противоположные тѣмъ, которые высказаны отъ имени Россіи министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Весь ходъ нашего поступательнаго движенія въ Средней Азіи состоитъ изъ такого рода несогласимыхъ противорѣчій между торжественными заявленіями дипломатіи и фактическими дѣйствіями военныхъ властей: дипломатія—впрочемъ, безъ особенной надобности, по побужденіямъ временнаго удобства—постоянно и категорически открещивалась отъ дальнѣйшихъ территоріальныхъ пріобрѣтеній, стараясь успокоить своимъ безусловнымъ миролюбіемъ главную нашу соперницу, Англію, съ которою неоднократно заключала по этому поводу даже формальныя соглашенія; между тѣмъ, военныя завоеванія пограничныхъ средне-азіатскихъ земель продолжались почти безъ перерыва, такъ какъ воен-

ное вѣдомство и его мѣстные органы не раздѣляли оптимистическихъ взглядовъ дипломатіи и не считали себя обязанными—а отчасти, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, и не могли—руководствоваться заявленіями и увѣреніями „посторонняго" министерства, дѣйствовавшаго, однако, отъ имени Россіи. Почему дипломатія давала иностраннымъ кабинетамъ такія обѣщанія, исполненіе которыхъ было внѣ ея власти? Объ этомъ никто не спрашивалъ представителей дипломатическаго вѣдомства, и имъ не приходилось отвѣчать на подобные вопросы, естественно возникавшіе въ русскомъ обществѣ при разныхъ непріятныхъ международныхъ пререканіяхъ съ Англіею. Въ результатѣ является крайне обидное для нашей національной репутаціи мнѣніе, открыто распространяемое англичанами и нашедшее себѣ мѣсто даже въ протоколахъ берлинскаго конгресса,—что русскимъ, будто бы, чуждо понятіе о честности, вслѣдствіе чего нельзя полагаться на добросовѣстное исполненіе политическихъ обязательствъ, принятыхъ на себя Россіею. Подобные же выводы дѣлались и по поводу неоднократныхъ оффиціальныхъ заявленій относительно военной оккупаціи Манчжуріи. Въ мартѣ 1902 года заключено было съ Китаемъ формальное соглашеніе, обнародованное затѣмъ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" съ соотвѣтственными дипломатическими комментаріями; въ этомъ документѣ сказано было, что правительство, „придерживаясь неоднократно сдѣланныхъ заявленій, приступаетъ къ постепенной эвакуаціи Манчжуріи", съ тѣмъ, чтобы завершить ее въ теченіе полутора года, „если тому не воспрепятствуютъ какія-либо неожиданныя дѣйствія другихъ державъ или самого Китая". Никакихъ „неожиданныхъ дѣйствій другихъ державъ или самого Китая", кажется, не послѣдовало, и потому срокъ окончательнаго очищенія занятой территоріи истекалъ въ октябрѣ 1903 года. Что помѣшало исполненію этого обязательства — мы не знаемъ; но есть основаніе предположить, что и въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ разладъ между разными вѣдомствами — дипломатическимъ, военнымъ и финансовымъ, — разладъ, совершенно несовмѣстимый съ понятіемъ о сознательномъ и цѣльномъ правительствѣ. Оттого Россія, торжественно заявляя о своемъ миролюбіи и отрекаясь отъ всякихъ завоевательныхъ цѣлей, вовлекается въ ненужныя и разорительныя завоевательныя предпріятія, бросающія тѣнь на международную добросовѣстность ея правительства.

Такая опасная политика — или, вѣрнѣе, отсутствіе политики — зависитъ всецѣло отъ безгласности и безконтрольности дѣйствій различныхъ, несогласованныхъ между собою, органовъ самовластной бюрократіи. Многое было бы совершенно немыслимо, если бы русское общество имѣло законное право голоса въ государственныхъ дѣлахъ; никто не рѣшился бы даже выступать публично съ такими

фантастическими планами, какъ постройка желѣзныхъ дорогъ въ непринадлежащей намъ Манчжуріи, затрата десятковъ милліоновъ на сооруженіе города Дальняго и устройство какихъ-то лѣсопромышленныхъ предпріятій у береговъ Ялу въ Кореѣ,—ибо подобные проекты могли зарождаться и разсчитывать на успѣхъ только въ закулисной сферѣ, далекой отъ реальныхъ потребностей страны и недоступной вліянію общественнаго мнѣнія. Сотни милліоновъ рублей трудовыхъ народныхъ денегъ съ неслыханною расточительностью затрачивались въ Манчжуріи въ то самое время, когда большинство коренного населенія Россіи доведено было до нищенства и подвергалось періодическимъ голодовкамъ, когда оффиціально обсуждался вопросъ объ оскудѣніи центра, и когда важнѣйшія насущныя нужды народа оставлялись безъ удовлетворенія по недостатку средствъ. Самое скромное собраніе выборныхъ земскихъ людей предотвратило бы возможность этихъ разорительныхъ восточно-азіатскихъ затѣй и отвергло бы ту двусмысленную, уклончивую и запутанную канцелярскую политику, которая какъ бы умышленно дразнила не только Японію, но и Англію и Соединенные Штаты, и должна была неизбѣжно привести къ нечаянному или внезапному взрыву. Запутанность этой политики была отчасти послѣдствіемъ крайне страннаго многовластія, искусственно устроеннаго по дѣламъ Дальняго Востока, съ великимъ ущербомъ для государственной казны: вопросъ о мирѣ и войнѣ зависѣлъ не только отъ такта и умѣнья министра иностранныхъ дѣлъ, но и отъ желаній намѣстника въ Портъ-Артурѣ или Мукденѣ, отъ секретныхъ постановленій особаго комитета Дальняго Востока и отъ таинственныхъ промышленно-политическихъ плановъ статсъ-секретаря Безобразова, снабженнаго спеціальными полномочіями относительно лѣсныхъ концессій въ Кореѣ. Медленность въ разсмотрѣніи японскихъ предложеній во время заключительныхъ дипломатическихъ переговоровъ объяснялась потомъ необходимостью сноситься съ намѣстникомъ, адмираломъ Алексѣевымъ, а роковая отсрочка обѣщаннаго послѣдняго отвѣта съ 20-го на 22-ое января оправдывалась невозможностью, будто бы, измѣнить обычные дни всеподданнѣйшихъ докладовъ министра иностранныхъ дѣлъ,—но противнику не было, конечно, никакого дѣла до этихъ непонятныхъ ему обстоятельствъ и затрудненій, и оффиціальная ссылка на нихъ принята была лишь за преднамѣренную обидную насмѣшку. Скрытые виновники войны старались свалить за нее отвѣтственность на непріятеля, рѣшившагося прибѣгнуть къ враждебнымъ дѣйствіямъ тотчасъ послѣ формальнаго перерыва дипломатическихъ сношеній; однако, всякій понимаетъ, что война была лишь неожиданнымъ результатомъ нашихъ собственныхъ неустройствъ, исключавшихъ единство и сознательную цѣлесообразность правитель-

ственной политики. Ничто не мѣшало намъ въ свое время вступить въ мирное соглашеніе съ предпріимчивою тихоокеанскою державою или даже заключить съ нею союзъ, въ виду обязательныхъ постоянныхъ сосѣдскихъ связей, и если вмѣсто взаимно-выгоднаго союза или прочнаго соглашенія мы имѣемъ бѣдственную войну, то въ этомъ виноваты исключительно ненормальныя особенности существующаго бюрократическаго режима.

II.

Наши систематическія военныя неудачи на морѣ и на сушѣ, въ теченіе цѣлаго года борьбы съ Японіею, наглядно показали, что и внѣшнее могущество не можетъ держаться на тѣхъ устояхъ, которые до послѣдняго времени признавались единственно возможными для государственнаго порядка Россійской имперіи.

Въ продолженіе многихъ десятковъ лѣтъ русское общество и русскій народъ насильственно пріучались къ тому, чтобы не интересоваться государственными и политическими дѣлами своего отечества, не думать о нихъ, не принимать ихъ близко къ сердцу, смотрѣть на эти дѣла, какъ на посторонніе или даже запретныя, и заниматься исключительно преслѣдованіемъ частныхъ матеріальныхъ выгодъ и интересовъ, предоставивъ всецѣло начальству заботиться о пользахъ и нуждахъ страны. Много разъ заявлялось и подтверждалось оффиціально, что вопросы государственные и политическіе касаются одного лишь правительства, что они не должны существовать ни для земскихъ людей, ни для обывателей вообще, и что для печати они доступны только въ той мѣрѣ и въ томъ освѣщеніи, какъ это будетъ найдено нужнымъ подлежащими вѣдомствами въ каждомъ данномъ случаѣ. Сравнительно большій просторъ допускался въ области иностранной политики и въ отношеніяхъ къ инородческимъ и иновѣрнымъ элементамъ внутри государства; печать могла свободно, изо дня въ день, громить Англію, нападать на правителей Франціи или Австро-Венгріи, требовать раздѣла Турціи или Китая, доказывать ничтожество Японіи, разоблачать мнимыя интриги финляндцевъ и поляковъ, говорить о зловредности евреевъ и о пользѣ производимыхъ надъ ними погромовъ, но обязана была хранить молчаніе о насущныхъ вопросахъ нашей собственной политической и національной жизни, о фактахъ хищеній и подкуповъ, о неправильномъ и произвольномъ расходованіи казенныхъ милліоновъ, о повсемѣстной практикѣ беззаконій и насилій, о безконтрольномъ владычествѣ надменныхъ бездарностей надъ лучшими умственными силами націи. Выработался особый, глубоко-фальшивый, односторонній патріотизмъ, высокомѣрный и раздражающій по отношенію къ чужимъ

народамъ и племенамъ, и холопски-льстивый, слѣпой и бездушный во внутреннихъ дѣлахъ своей родины. Истинное патріотическое чувство, выражающее живой интересъ къ положенію и нуждамъ страны и ея правительства, преслѣдовалось, какъ нѣчто незаконное, и мало-помалу становилось отличительнымъ признакомъ и удѣломъ такъ называемыхъ неблагонамѣренныхъ людей, представителей „вреднаго направленія“ въ литературѣ и журналистикѣ. Кто обнаруживалъ полное равнодушіе къ общимъ интересамъ государства и откровенно не признавалъ другихъ цѣлей, кромѣ выгоднаго устройства своей карьеры на казенный счетъ, тотъ имѣлъ шансы пріобрѣсть репутацію благонадежнаго патріота, достойнаго всякаго поощренія, и могъ при успѣхѣ попасть со временемъ въ число вліятельныхъ правительственныхъ дѣятелей; а всѣ тѣ, которые неспособны были подавить въ себѣ искреннюю преданность народу и любовь къ правдѣ, удалялись съ поприща государственной службы, подвергались гоненіямъ, иногда выселялись въ мѣста болѣе или менѣе отдаленныя и причислялись къ разряду „крамольниковъ“. Глашатаями оффиціальнаго патріотизма и истолкователями правительственныхъ взглядовъ и намѣреній выступали въ печати преимущественно завѣдомые обскуранты, люди съ сомнительною нравственностью, стремившіеся не только къ щедрымъ казеннымъ субсидіямъ, но и къ крупнымъ подношеніямъ отъ частныхъ предпринимателей и акціонерныхъ обществъ,—люди, не пользовавшіеся уваженіемъ даже среди своихъ единомышленниковъ. Эти аферисты печатнаго слова, боящіеся гласности по понятнымъ причинамъ, развивали свои злобныя идеи о безконечной репрессіи даже въ періоды оффиціальныхъ реформаторскихъ предначертаній, подрывая довѣріе къ послѣднимъ со стороны общественнаго мнѣнія. Когда правдивая честность находится въ загонѣ, а льстивая, корыстная ложь прикрывается авторитетомъ власти, то результаты понятны сами собою. Даровитыя личности и независимые характеры исчезаютъ со сцены; нѣтъ хода талантамъ, и повсюду господствуютъ пассивныя посредственности. Равнодушіе къ высшимъ общественнымъ интересамъ и преобладаніе личныхъ эгоистическихъ разсчетовъ проникаютъ во всѣ части государственнаго управленія; тотъ же мертвящій бюрократическій духъ водворяется и въ военной организаціи.

Что мы видимъ на войнѣ? Беззавѣтное самоотверженіе, стойкое мужество, необыкновенное долготерпѣніе и выносливость нашихъ солдатъ, геройство отдѣльныхъ исполнителей и отсутствіе всякой сознательной иниціативы и всякаго творчества, недостатокъ обдуманности и единства въ руководствѣ военными дѣйствіями. По общему отзыву, личные счеты, соображенія самолюбія и выгоды играютъ весьма за-

мѣтную роль въ назначеніяхъ на отвѣтственные посты и во взаимныхъ отношеніяхъ многихъ начальствующихъ лицъ; чрезмѣрная численность штабнаго персонала еще сильнѣе оттѣняетъ общее пониженіе качества. Прямыхъ злоупотребленій, особенно по интендантству, несравненно меньше, чѣмъ въ русско-турецкую войну; но равнодушіе къ дѣлу, небрежность, канцелярскій формализмъ, запутанность и противорѣчивость распоряженій остались тѣ же, что и прежде. Жалобы на отсутствіе дарованій повторяются всѣми; за цѣлый годъ войны не выдвинулось ни одного имени, возбуждающаго какія-либо надежды,—если не считать тѣхъ двухъ-трехъ именъ, Кондратенка, Фока, Смирнова, которыя прославились въ запертомъ Портъ-Артурѣ, благодаря особымъ условіямъ осады. Военные дѣятели, отличившіеся на Балканахъ и подъ Плевной, были еще близки къ плодотворной эпохѣ шестидесятыхъ годовъ, тогда какъ руководители и герои нынѣшней кампаніи выросли и воспитались въ разслабляющей атмосферѣ общественнаго застоя послѣдней четверти вѣка. На войнѣ, какъ и въ мирной жизни, наиболѣе драгоцѣнны именно тѣ свойства, которыя настойчиво искоренялись въ нашемъ обществѣ,—смѣлый починъ, свободная энергія, широкій умственный кругозоръ, самостоятельное, разумное отношеніе къ исполняемымъ задачамъ, взаимная солидарность въ преслѣдованіи поставленныхъ цѣлей, нравственный подъемъ, вдохновляемый не пустымъ газетнымъ шовинизмомъ и не помыслами о карьерѣ, а сознаніемъ отвѣтственности передъ націею и обществомъ. Угодливые Молчалины и безпардонные Скалозубы, легко достигающіе процвѣтанія въ гражданскихъ и военныхъ канцеляріяхъ, наложили свою печать на весь общественный строй, внутреннее безсиліе котораго ярко сказалось въ безуспѣшной борьбѣ съ такимъ, казалось бы, незначительнымъ противникомъ, какъ Японія.

Общественное мнѣніе, сдавленное системою предупредительной и карательной опеки, пробудилось отъ долгой спячки подъ вліяніемъ неожиданныхъ военныхъ ударовъ и съ замѣчательнымъ единодушіемъ указало на бюрократію, какъ на источникъ всѣхъ нашихъ бѣдствій. Нападки на бюрократію сдѣлались общимъ мѣстомъ въ разсужденіяхъ печати; вскорѣ они пріобрѣли даже какой-то подозрительный характеръ, перейдя на страницы вѣрныхъ органовъ господствующаго режима—„Гражданина“ и „Новаго Времени“. Эти органы старались свести дѣло къ забавной и безцѣльной полемикѣ противъ чиновничества, противъ „людей двадцатаго числа“, какъ будто врагами общества и народа были тѣ самые столоначальники, о которыхъ давно уже сказано, что они управляютъ Россіею. Въ дѣйствительности же, никакое государственное управленіе не можетъ обойтись безъ бюрократіи; чиновничество одинаково нужно при всякомъ правительствен-

номъ строѣ. Бюрократія имѣетъ не меньшее значеніе во Франціи при республикѣ, чѣмъ гдѣ бы то ни было; она существуетъ и въ Англіи, и въ Соединенныхъ-Штатахъ, причемъ также вызываетъ иногда раздраженіе своею склонностью къ рутинѣ и формалистикѣ. Общій характеръ управленія зависитъ не отъ свойствъ исполнительнаго механизма, а отъ тѣхъ началъ, которыми опредѣляется его дѣйствіе. Тотъ же механизмъ, который безплодно давитъ живыя силы общества, можетъ превратиться въ полезное орудіе общественнаго развитія при перемѣнѣ побужденій и цѣлей руководящихъ лицъ; а побужденія и цѣли измѣнятся лишь съ перемѣною общихъ условій народной и политической жизни, когда правительство сдѣлается нормальнымъ органомъ и первымъ слугою государства. Коренной недугъ, отъ котораго страдаетъ Россія, заключается очевидно не въ самомъ бюрократизмѣ, а въ безграничномъ самовластіи этого бюрократизма, въ отсутствіи законовъ и порядковъ, регулирующихъ его правильное примѣненіе. По какому-то пагубному недоразумѣнію, бюрократія стала сама для себя цѣлью; истинный смыслъ ея утрачивался въ исключительныхъ заботахъ объ ея охранѣ, и культъ самовластія доходилъ до отрицанія всякихъ правъ того народа, для пользы котораго установлена власть. Идея государства была вытѣснена идеею правительства; послѣдняя въ свою очередь съузилась до понятія администраціи, которая въ концѣ концовъ поглотила или подчинила себѣ остальныя власти—судебную и законодательную. Забывъ свое назначеніе служебнаго исполнительнаго органа, администрація расширила свои функціи и полномочія до того, что не осталось необходимаго простора для жизни и дѣятельности обывателей. Законы потеряли всякую цѣну; ихъ отмѣняли или обрекали на бездѣйствіе простыми циркулярами. Главная масса населенія отдана была въ распоряженіе захудалыхъ дворянъ, недоучившихся молодыхъ помѣщиковъ, отставныхъ офицеровъ и неудавшихся чиновниковъ, какъ представителей старинной „крѣпкой власти“ надъ крестьянствомъ, подъ новымъ названіемъ земскихъ начальниковъ; остальное общество, печать, наука, литература,—подчинены усмотрѣнію многочисленныхъ наблюдателей, для которыхъ кажутся совершенно излишними разныя науки, общественное мнѣніе, литература и журналистика. Исчезли всякіе предѣлы для предпріимчивости отдѣльныхъ распорядителей; можно было безпрепятственно брать съ темнаго, пришибленнаго, обнищалаго народа вдвое больше, чѣмъ требовалось для государственныхъ расходовъ, чтобы накоплять въ казнѣ свободныя сотни милліоновъ рублей и выбрасывать ихъ потомъ на Манчжурію, на сооруженіе китайскихъ желѣзныхъ дорогъ и новыхъ игрушечныхъ городовъ—для японцевъ. Русское общество долго оставалось какъ бы глухонѣмымъ; оно могло издавать лишь искусственные, фальшивые звуки, а когда

оно на время получило даръ голоса, оно разразилось робкимъ, мучительнымъ стономъ и усердною, униженною мольбою: оно пришло, наконецъ, къ ясному и твердому сознанію, что „такъ жить нельзя“. Это сознаніе, внушенное намъ тяжеловѣсными уроками Дальняго Востока, невольно овладѣваетъ и представителями власти, которые видятъ уже плоды утвердившейся всеподавляющей системы. Публицисты враждебнаго народу лагеря пытались еще увѣрить кого-то, что принципы произвола и безправія составляютъ, будто бы, неприкосновенныя исконныя начала нашей государственности,—хотя всѣмъ извѣстны забытыя слова нашихъ основныхъ законовъ о „твердыхъ основаніяхъ“, по которымъ управляется Россійская имперія; никто уже не придаетъ значенія запоздалымъ корыстнымъ усиліямъ оправдать порядокъ, несовмѣстимый съ правильнымъ развитіемъ страны.

Грѣхи и ошибки прошлаго даютъ себя слишкомъ сильно чувствовать въ настоящее время, чтобы можно было замалчивать ихъ по прежнему. Великая европейская держава съ 140-милліоннымъ населеніемъ не можетъ быть управляема одними полицейскими и канцелярскими средствами. Систематическое подавленіе всѣхъ живыхъ общественныхъ силъ, преслѣдованіе лучшихъ умовъ и независимыхъ характеровъ, многолѣтнее господство принудительнаго молчанія по самымъ важнымъ вопросамъ общественной и государственной жизни, искусственное поддержаніе невѣжества и безправія народныхъ массъ, поощреніе худшихъ человѣческихъ инстинктовъ въ атмосферѣ трусливаго лицемѣрія и холопства,—все это понижаетъ умственный, нравственный и культурный уровень даровитаго русскаго народа, создаетъ неискоренимую постоянную смуту въ обществѣ, обрекаетъ государство на безсиліе, дѣлаетъ невозможнымъ равноправное соперничество съ передовыми культурными націями и приводитъ къ грознымъ внѣшнимъ неудачамъ и пораженіямъ. Государственныя дѣла касаются всѣхъ и каждаго; все населеніе одинаково заинтересовано въ томъ, чтобы страна не разорялась фантастическою политикою и одностороннимъ безконтрольнымъ управленіемъ, чтобы народъ не угнетался беззаконіемъ и произволомъ мѣстныхъ властей, чтобы на отвѣтственныя должности въ государствѣ назначались лучшіе и способнѣйшіе люди, достойные общественнаго довѣрія, а не пустые салонные честолюбцы, льстивые канцелярскіе дѣльцы, ловкіе карьеристы и замаскированные казнокрады. Россія давно уже переживаетъ трудный и опасный кризисъ, казавшійся отчасти скрытымъ и малозамѣтнымъ при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, но принявшій острую, болѣзненную форму подъ напоромъ внѣшнихъ событій; необходимо, наконецъ, разъ навсегда выбраться изъ этого лабиринта, а спасительный выходъ съ достаточною отчетливостью указанъ нашимъ общественнымъ мнѣ-

ніемъ въ короткій періодъ возродившейся свободы слова — періодъ довѣрчивыхъ ожиданій и несбывшихся надеждъ. Неужели и мы также „ничего не забыли и ничему не научились"?!... Гизо сказалъ, что каждый народъ имѣетъ то правительство, какое онъ заслуживаетъ; но никто не скажетъ, что великій долготерпѣливый народъ, создавшій русское государство, заслужилъ тѣ удары, которые сыплются на него, и что онъ недостоинъ лучшей участи... Русское общество, выработавшее великую, признанную во всемъ мірѣ литературу, не можетъ спокойно подчиняться указаніямъ самоувѣренныхъ бюрократовъ, вдохновляемыхъ продажными голосами любителей казенныхъ объявленій и субсидій. Русское земство, выдвинувшее многихъ талантливыхъ и безкорыстныхъ общественныхъ дѣятелей, заслужило наконецъ, чтобы ему было отведено подобающее мѣсто въ ряду государственныхъ учрежденій, и пора уже признать, что мы далеко переросли ту стадію развитія, когда выслужившіеся чиновники могли съ нѣкоторымъ подобіемъ авторитета играть роль отечественныхъ Бисмарковъ и Гладстоновъ.

Исключительная трудность положенія заключается въ томъ, что господствующая бюрократія, прикрываясь „исконными началами", не расположена признать свою несостоятельность и отказаться отъ непосильной опеки надъ обществомъ и народомъ, не желаетъ выпустить изъ своихъ рукъ право свободнаго распредѣленія казенныхъ и общенародныхъ средствъ, и — при всей добросовѣстности отдѣльныхъ ея представителей—не можетъ сама ограничить свое самовластіе. Нуженъ былъ бы смѣлый и рѣшительный починъ самой верховной власти, чтобы положить конецъ пагубному смѣшенію бюрократическаго самовластія съ полномочіями верховной власти, выражающей волю всего государства и народа; — и только такой починъ способенъ избавить страну отъ дальнѣйшихъ внутреннихъ потрясеній и незаслуженныхъ внѣшнихъ испытаній. Передъ Россіею открылась бы тогда широкая дорога къ сознательной народной жизни и къ свободному пользованію тѣми политическими и культурными благами, которыя обезпечиваютъ другимъ народамъ, не исключая и японскаго, прочные успѣхи не только въ мирномъ трудѣ, но и въ цѣлесообразномъ устройствѣ и примѣненіи военнаго могущества.

Л. Слонимскій.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 марта 1905.

Высочайшій манифестъ 4-го февраля.—„Политика довѣрія" и „политика порядка".—Газетный призывъ къ репрессіямъ и казнямъ.—Мнимыя послѣдствія „уступокъ".—Мнимо счастливая эпоха.—Идея земскаго собора; ея несвоевременность или своевременность, неосуществимость или осуществимость.—Положенія комитета министровъ по вопросамъ о земскомъ и городскомъ самоуправленіи, о печати, о вѣротерпимости.—Коммиссія Н. В. Шидловскаго.—Записки по рабочему вопросу.

5-го февраля обнародованъ слѣдующій Высочайшій манифестъ:

Божіею Милостью Мы Николай Вторый, Императоръ и Самодержецъ всероссійскій, Царь польскій, Великій Князь финляндскій, и прочая, и прочая и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ нашимъ подданнымъ:

Провидѣнію угодно было поразить Насъ тяжелою скорбью. Любезнѣйшій Дядя Нашъ Великій Князь Сергій Александровичъ скончался въ Москвѣ въ 4-й день сего февраля, на 48 году отъ рожденія, погибнувъ отъ дерзновенной руки убійцъ, посягнувшихъ на дорогую для Насъ жизнь его. Оплакивая въ немъ дядю и друга, коего вся жизнь, всѣ труды и попеченія были безпрерывно посвящаемы на службу Намъ и Отечеству, Мы твердо увѣрены, что всѣ Наши вѣрные подданные примутъ живѣйшее участіе въ печали, постигшей Императорскій Домъ Нашъ, и соединятъ теплыя молитвы свои съ Нашими объ успокоеніи въ Царствѣ праведныхъ души усопшаго Великаго Князя.

Данъ въ Царскомъ Селѣ, въ 4-й день февраля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ пятое, царствованія же Нашего въ одиннадцатое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою начертано:

„*НИКОЛАЙ*".

Трагическая катастрофа 4-го февраля обратилась, въ рукахъ реакціонной печати, въ боевое орудіе противъ стремленій, все болѣе и болѣе распространяющихся среди русскаго общества. Какое дѣло поклонникамъ застоя до того, что въ этихъ стремленіяхъ не было и нѣтъ ничего революціоннаго, что они направлены не къ возбужденію, а къ предупрежденію насилія во всѣхъ его видахъ и формахъ! Традиція, отождествляющая критику—съ бунтомъ, свободу—съ анархіей, движеніе впередъ—съ посягательствомъ на основы общественнаго строя, уступку требованіямъ времени—съ непростительною слабостью, установилась прочно еще со временъ Каткова. Его выученики не отступаютъ отъ нея ни на шагъ, усердно сѣя рознь, разжигая злобу, готовя, насколько это отъ нихъ зависитъ, новую loi des suspects, новый „бѣлый терроръ". На первый планъ, какъ и всегда, выдвигается ими фальсификація исторіи. Русское общество — такова отправная точка аргументаціи, пущенной въ ходъ еще до 4-го февраля, — русское общество и прежде „не оправдывало довѣрія правительства, и впредь, повидимому, его не оправдаетъ. Политика довѣрія практиковалась на широкихъ началахъ въ царствованіе Александра Благословеннаго и закончилась печальными днями 14 декабря. Она была вновь призвана къ жизни въ царствованіе Александра II Освободителя и... закончилась печальнѣйшимъ въ исторіи Россіи днемъ 1-го марта. Эти два историческіе періода были прерваны политикой порядка царствованій Николая I и Александра III, въ теченіе коихъ внутренній миръ въ Россіи никѣмъ не былъ нарушенъ". На самомъ же дѣлѣ политика правительства въ послѣднія 10—15 лѣтъ царствованія Александра I-го — политика Аракчеева и кн. Голицына, Магницкаго и Рунича — не имѣла ничего общаго съ довѣріемъ. Не довѣріе господствовало и въ семидесятыхъ годахъ XIX-го вѣка. Слабый лучъ свѣта, озарившаго эпоху великихъ реформъ, блеснулъ въ 1880-мъ году—но блеснулъ не надолго, ничего не успѣвъ согрѣть и оживить. При Николаѣ I-мъ наружный порядокъ — неоднократно, впрочемъ, нарушавшійся холерными бунтами и крестьянскими волненіями—прикрывалъ собою глубокое неудовольствіе, наложившее свою печать на все дальнѣйшее теченіе русской жизни. То же самое можно сказать и о послѣдствіяхъ „порядка", установившагося при Александрѣ III-мъ. Нормальнымъ и плодотворнымъ порядокъ бываетъ лишь тогда, когда онъ служитъ средствомъ, а не цѣлью — средствомъ, благодаря которому безпрепятственно и мирно совершается развитіе народныхъ силъ. Ставшій самъ по себѣ цѣлью, возведенный въ *политику порядка*, онъ неминуемо влечетъ за собою массу ненужныхъ стѣсненій, противъ которыхъ рано или поздно, но столь же неминуемо реагируетъ общественное мнѣніе. Таковъ, несомнѣнно, смыслъ нашего ближайшаго

прошлаго: къ противоположному выводу можетъ привести только совершенное извращеніе исторической перспективы, только близорукое объясненіе событій ихъ случайной обстановкой, а не ихъ истинными причинами.

„Немедленное, безпощадное уничтоженіе крамолы" — вотъ, по мнѣнію реакціонной печати, единственная задача правительства въ настоящую, безпримѣрно трудную минуту. „Наши судьи"—восклицаютъ 6-го февраля „Московскія Вѣдомости",—„наши судьи давно уже не подписывали смертныхъ приговоровъ и стѣны нашихъ судовъ давно уже не слышали ихъ. У насъ нѣтъ палачей, которые бы исполняли велѣнія закона и законнаго судьи". Итакъ, побольше палачей, побольше казней—и все войдетъ въ обычную колею? Когда же, однако, было у насъ произнесено и исполнено больше смертныхъ приговоровъ, чѣмъ въ 1879-мъ и 1880-мъ гг., — и остановили ли они рядъ покушеній, закончившихся такъ печально 1-мъ марта 1881-го года? Давно ли состоялся смертный приговоръ надъ Балмашевымъ, убившимъ Д. С. Сипягина — и помѣшало ли исполненіе его (3-го мая 1902-го года) покушенію Лекерта на жизнь генерала Валя (5-го того же мая)? Лекертъ также былъ казненъ—но это не предупредило, нѣсколько недѣль спустя, покушенія на жизнь кн. Оболенскаго (харьковскаго губернатора). И въ виду такихъ, никѣмъ еще не забытыхъ фактовъ, въ виду опыта всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ, насъ приглашаютъ вѣрить въ спасительное дѣйствіе смертной казни?... Немногимъ, иногда, лучше смерти ссылка въ отдаленнѣйшія мѣстности якутскаго края—а развѣ участь сосланныхъ, столь многочисленныхъ въ послѣдніе годы, послужила для кого-нибудь „устрашающимъ примѣромъ"? Въ чье управленіе совершился, въ провинціи, длинный рядъ убійствъ и покушеній на убійство, перечисляемыхъ „Московскими Вѣдомостями"? За немногими исключеніями — въ управленіе В. К. Плеве, меньше чѣмъ кто-либо навлекавшаго на себя упрекъ въ снисходительности и слабости... Никогда еще не была такъ ясна тщета надеждъ, возлагаемыхъ на суровость или жестокость карь—и никогда еще эти надежды не высказывались такъ настойчиво и такъ безцеремонно.

Неопредѣленно и расплывчато самое понятіе о крамолѣ, къ „безпощадному уничтоженію" которой взываютъ наши газетные Фукье-Тенвилли. Къ ихъ сонму примкнулъ кн. Д. Цертелевъ, утверждая, что убійство 4-го февраля „завершаетъ собою рядъ преступленій, прошедшихъ почти безнаказанно подъ эгидой вожаковъ русскаго либерализма, въ которомъ революціонная партія давно уже видитъ свою *дойную коровку*". „Эгидой" для революціонеровъ служитъ и „та продажная пресса, которая выкликаетъ теперь на журнальномъ рынкѣ

необходимость свободы совѣсти, слова и печати, разумѣя подъ ними исключительно свободу торговли гнилымъ товаромъ, такъ какъ свобода того слова, которое нельзя продать, для нея совсѣмъ не нужна, а отъ совѣсти она давно сама себя освободила". Прежде, чѣмъ формулировать обвиненія, всею своею тяжестью, при недоказанности—а здѣсь нѣтъ на лицо и того, что̀ юристы называютъ „началомъ доказательства",—обрушивающіяся на обвинителя, не мѣшало бы указать хоть одно преступленіе, оставшееся безнаказаннымъ или почти безнаказаннымъ благодаря „вожакамъ либерализма" или либеральной прессѣ. Не мѣшало бы вспомнить также слова поэта: „не продается убѣжденье, но можно рукопись продать". „Продажными" могутъ быть о̀рганы печати, очень низко цѣнимые на „журнальномъ рынкѣ"—а наоборотъ, безусловно неподкупными могутъ быть газеты, расходящіяся въ очень большомъ количествѣ экземпляровъ... Выражая надежду на скорое пробужденіе „настоящаго земства", т.-е. „всѣхъ коренныхъ сословій земли", кн. Цертелевъ заканчиваетъ свою статью мольбою, чтобы это проснувшееся земство „сорвало маску двуликаго Януса съ безсословнаго космополитическаго общества, которое, въ качествѣ чиновниковъ и сановниковъ, исправно получаетъ жалованье, а въ качествѣ либеральной интеллигенціи субсидируетъ революціонные фонды". Нетрудно понять, къ чему можетъ привести такое „срываніе масокъ", особенно въ виду увѣреній, что „слово *студентъ* стало для народа синонимомъ слова *революціонеръ*"...

Упраздненіе, по суду или безъ суда, всѣхъ „несогласно мыслящихъ"—не единственный, можетъ быть даже не главный предметъ реакціонныхъ вожделѣній. Катастрофа 4-го февраля эксплоатируется ими какъ аргументъ противъ „политики уступокъ". Революціонное движеніе—увѣряетъ московскій ихъ о̀рганъ—„тотчасъ же усиливается, какъ только ему дѣлается малѣйшая уступка. Достаточно будетъ напомнить политику уступокъ, вызвавшую польское возстаніе 1863-го г.; политику уступокъ, приведшую къ катастрофѣ 1-го марта; политику уступокъ, завершившуюся кровавыми днями 9-го января и 4-го февраля; политику уступокъ, выразившуюся въ разрѣшеніи финляндскимъ крамольникамъ возвратиться на родину и вызвавшую съ ихъ стороны не благодарность, а лишь усиленную до фанатизма революціонную дѣятельность. И рядомъ съ этимъ сіяетъ неувядаемою славой политика Александра III-го, не дѣлавшая ни малѣйшихъ уступокъ революціонному движенію и этимъ совершенно его прекратившая и создавшая полное счастье русскаго народа". И здѣсь, опять-таки, насъ поражаетъ полное извращеніе фактовъ. Не въ „политикѣ уступокъ", а въ предшествовавшемъ ей гнетѣ и въ совокупности стародавнихъ традицій коренилось польское возстаніе 1863-го года; „уступки" — сдѣ-

мѣтныя, притомъ, не „революціонному движенію“, а желаніямъ умѣренной партіи — прекратились еще до мятежа [1]). Только благодаря счастливымъ случайностямъ не удались покушенія 19-го ноября 1879-го и 5-го февраля 1880-го года, совершившіяся въ то время, когда не было еще и рѣчи ни о какихъ „уступкахъ“, а наоборотъ, широко примѣнялись репрессивныя мѣры. Никакой причинной связи между „новыми вѣяніями“ и катастрофой 1-го марта уже по этому одному усмотрѣть нельзя. Нѣтъ ея, точно также, между „довѣріемъ“, которое провозгласилъ кн. Святополкъ-Мирскій, и послѣдними политическими убійствами, ничѣмъ не отличающимися отъ тѣхъ, которыми ознаменованъ періодъ „недовѣрія“, господствовавшаго при Д. С. Сипягинѣ и В. К. Плеве. Если въ убійствѣ прокурора финляндскаго сената повинна „политика уступокъ“, то чѣмъ же объяснить убійство генералъ-адъютанта Бобрикова, представителя политики прямо противоположной? Не очевидно ли, что всѣ разсужденія московской газеты вытекаютъ изъ намѣреннаго смѣшенія хронологической послѣдовательности событій съ зависимостью позднѣйшихъ отъ болѣе раннихъ (post hoc—ergo propter hoc)? Къ этому смѣшенію присоединяется прямое отступленіе отъ исторической правды. Газета спрашиваетъ себя: „были ли въ царствованіе Александра III-го политическія убійства въ Россіи“—и отвѣчаетъ: „*Нѣтъ, ихъ не было*“ (курсивъ въ подлинникѣ). На самомъ дѣлѣ, они были (достаточно назвать генерала Стрѣльникова и полковника Судейкина), какъ были и покушенія, во-время остановленныя или предупрежденныя (припомнимъ процессъ противъ участниковъ преступнаго замысла 1-го марта 1887-го года). Уменьшеніе ихъ числа объясняется не отсутствіемъ „уступокъ“, а совокупностью обстоятельствъ, изъ которыхъ многія восходятъ еще ко времени царствованія Александра II-го.

Противники „уступокъ“ много говорятъ о спокойствіи и счастіи Россіи въ восьмидесятыхъ годахъ и первой половинѣ слѣдующаго десятилѣтія, когда „всѣ, кромѣ попрятавшихся въ свои норы крамольниковъ, вдыхали полной грудью чистый весенній воздухъ національнаго возрожденія“, когда Россія, „при полномъ, пышномъ развитіи своихъ національныхъ силъ, заняла первое, всѣми безпрекословно признанное мѣсто“. Современнымъ „либераламъ“ ставится въ вину замалчиванье, игнорированіе этихъ, будто бы безспорныхъ, фактовъ. Въ томъ-то и дѣло, что они не только не безспорны, но совершенно невѣрны. Отличительной чертой эпохи, рекомендуемой какъ образецъ, даже спокойствіе можетъ быть признано только съ большими оговорками: припомнимъ еврейскіе погромы начала восьмидесятыхъ, холер-

[1]) А возстаніе 1830-го года? Ему также предшествовала „политика уступокъ“?

ные бунты начала девятидесятыхъ годовъ, фабричные и крестьянскіе безпорядки, административныя расправы въ губерніяхъ ковенской, орловской, нижегородской и др. Тишина, гдѣ она и не нарушалась, не была тишиною мира и благоволенія; подъ ея обманчивымъ покровомъ накоплялись элементы вражды и смуты. Счастья, во всякомъ случаѣ, не было ни въ средѣ народа, ни въ средѣ общества. Народъ постепенно бѣднѣлъ, часто голодалъ, впадалъ въ неоплатные долги, встрѣчалъ непреодолимыя препятствія на пути къ развитію и просвѣщенію; главная его масса, еще больше прежняго изолированная отъ привилегированнаго меньшинства, отдавалась во власть вновь созданной категоріи чиновничества, ничѣмъ, въ сущности, не отличающейся отъ остальныхъ. Общество терпѣло отъ стѣсненій, обострявшихся или возникавшихъ вновь во всѣхъ отрасляхъ общественной дѣятельности: въ земскомъ и городскомъ самоуправленіи, въ высшей, средней и низшей школѣ, въ печати, въ различныхъ формахъ союзнаго строя. Ростъ „національныхъ силъ" былъ только кажущійся; единственнымъ реальнымъ его результатомъ была перемѣна къ худшему въ положеніи окраинъ. Внѣшнимъ престижемъ Россія несомнѣнно обладала—но вѣдь еще болѣе великъ онъ былъ въ царствованіе Николая I-го, непосредственно передъ несчастною для насъ восточною войною... Что въ набросанной нами картинѣ нѣтъ преувеличеній [1]) — лучшимъ доказательствомъ тому служитъ Высочайшій указъ 12-го декабря 1904-го года, разрывающій нынѣ связь съ традиціями, за которыя такъ упорно цѣпляется реакціонная печать. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не отъ этихъ традицій унаслѣдованы неполноправность сельскихъ обывателей, неравенство сословій передъ судомъ, отсутствіе законности въ управленіи, угнетенность земскихъ и городскихъ учрежденій, крайнее развитіе „исключительныхъ законоположеній", новыя стѣсненія свободы совѣсти и свободы печати, ограниченія правъ инородцевъ—однимъ словомъ, все то, устраненіе чего поставлено теперь на ближайшую очередь? Благопріятны ли для „развитія народныхъ силъ" были тѣ условія, коренное измѣненіе которыхъ оффиціально признано необходимымъ?..

Возраженія противъ „политики уступокъ" преслѣдуютъ одну главную цѣль: предупредить созывъ земскаго собора, помѣшать исполненію рѣшенія, состоявшагося по этому предмету—если вѣрить сообщеніямъ, появившимся въ печати,—3-го минувшаго февраля. Не ка-

[1]) Болѣе подробную характеристику эпохи, закончившейся кончиною императора Александра III-го, см. въ декабрьскомъ внутреннемъ обозрѣніи „Вѣстника Европы" за 1894-ый годъ.

саясь, пока, вопроса о составѣ, правахъ и задачахъ земскаго собора, посмотримъ, откуда идетъ и чѣмъ мотивируется отрицаніе самой идеи этого учрежденія.

На первый планъ выдвигается, прежде всего, вопросъ о своевременности или несвоевременности такого крупнаго новшества. Съ особенною ясностью онъ поставленъ въ всеподданнѣйшемъ адресѣ, принятомъ большинствомъ московскаго дворянскаго собранія. „Нынѣ ли“ — читаемъ мы здѣсь,—„въ столь тяжелую пору, думать о какомъ-либо коренномъ преобразованіи государственнаго строя Россіи? Пусть минуетъ военная гроза, пусть уляжется смута: тогда, направляемая державною десницею, Россія найдетъ пути для надежнаго устроенія своей внутренней жизни“. Прямо противоположенъ взглядъ, высказанный какъ меньшинствомъ московскаго дворянства, такъ и нѣсколькими дворянскими собраніями: тяжелыя испытанія, постигшія Россію, признаются не препятствіемъ, а наоборотъ, сильнѣйшимъ побужденіемъ къ безотлагательному созыву земскаго собора. „Державные предки Ваши, Государь“—говоритъ петербургское дворянство,—„*въ часы невзгодъ, переживаемые отечествомъ*, прислушивались къ голосу выборныхъ русскихъ людей, и такой обычай не ослаблялъ, а укрѣплялъ самодержавную власть на Руси“. Нижегородское дворянство, не считая возможнымъ „безмолвствовать въ тяжкую минуту русской исторіи, когда *надъ отечествомъ собираются грозныя тучи*“, выражаетъ увѣренность, что „Русь, по первому призыву царя, возстанетъ на творческую работу для счастія отечества“. И дѣйствительно, возможно ли ждать, пока уляжется смута, если въ желанной реформѣ заключается лучшее средство прекратить смуту? Возможно ли ждать, пока окончится война, если счастливый ея исходъ зависитъ, между прочимъ, отъ возстановленія внутренняго мира? Какъ ни велики тягости войны, какъ ни жгучи причиняемыя ею страданія, она ведется такъ далеко отъ центра государства, что не можетъ мѣшать преобразовательной работѣ. Лучшимъ доказательствомъ этому служитъ Высочайшій указъ 12-го декабря 1904-го года, признавшій неотложность цѣлаго ряда реформъ. Если осуществленіе ихъ мыслимо несмотря на внѣшнюю войну и внутреннюю смуту, то почему же долженъ быть отложенъ на неопредѣленное время великій государственный актъ, безъ котораго онѣ не могутъ быть ни полными, ни прочными?

Ссылка на войну и смуту — это, говоря языкомъ юридическимъ, *отводъ*, имѣющій цѣлью отсрочку рѣшенія (exception dilatoire). За отводомъ слѣдуютъ „возраженія по существу“. Говорятъ, что земскіе соборы XVI-го и XVII-го в. не были постояннымъ, правильно организованнымъ учрежденіемъ и представляли собою какъ бы продолженіе церковныхъ соборовъ, служа, наравнѣ съ послѣдними, органами

„исповѣданія единства"; что если въ настоящее время немыслимъ церковный вселенскій соборъ, то точно также „не нашему вѣку думать о мирномъ, единомъ, согласномъ и національномъ соборномъ дѣяніи"; что возможность земскихъ соборовъ при Іоаннѣ Грозномъ и первыхъ Романовыхъ обусловливалась тогдашнею „единокультурностью" русскаго государства; что въ XX-мъ вѣкѣ соборъ исключительно русскій былъ бы оскорбителенъ для другихъ національностей, а на соборѣ, составленномъ изъ всѣхъ національностей Россіи, борьба пріобрѣла бы характеръ національный... Безспорно, именемъ земскаго собора означается теперь, бо̀льшею частью, нѣчто существенно иное, чѣмъ $2^{1}/_{2}-3$ вѣка тому назадъ; безспорно, рѣчь идетъ не о простомъ воспроизведеніи мало извѣстныхъ, неопредѣленныхъ, давно отжившихъ формъ—но именно потому ничего не доказываютъ аргументы, почерпнутые изъ эпохи Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михаиловича. Сходство между земскими соборами того времени и соборами церковными, въ чемъ бы оно ни заключалось, ничего не предрѣшаетъ относительно земскаго собора, желательнаго въ наше время. Трудно преодолимой преградой на путы къ созыву вселенскаго церковнаго собора служитъ отсутствіе такихъ теченій, которыя могли бы взять верхъ надъ вѣковою раздѣльностью церквей—и наоборотъ, на русской государственной почвѣ нѣтъ недостатка ни въ объединительныхъ стремленіяхъ, ни въ внѣшнихъ связяхъ, подготовляющихъ внутреннее сближеніе. „Единокультурность" облегчаетъ дѣятельность народнаго собранія—но разнокультурность дѣлаетъ его особенно желательнымъ и важнымъ. Само собою разумѣется, что въ настоящую минуту немыслимъ соборъ исключительно русскій, т.-е. составленный исключительно изъ уроженцевъ коренной Россіи; но нѣтъ причины думать, что рука объ руку съ ними не могли бы пойти поляки, нѣмцы и другіе культурные элементы, входящіе въ составъ государства. Примѣръ Австріи, на которую охотно ссылаются противники собора [1]), говоритъ не за неосуществимость правильнаго народнаго представительства въ разноплеменной странѣ, а за необходимость безотлагательнаго

---

[1]) Какой они при этомъ обнаруживаютъ запасъ историческихъ знаній - можно судить по передовой статьѣ въ № 39 „Московскихъ Вѣдомостей". Императоръ Францъ-Іосифъ оказывается воцарившимся „незадолго до февраля 1848-го года" (на самомъ дѣлѣ онъ вступилъ на престолъ десятью мѣсяцами позже, 2-го декабря того же года) и удалившимъ Меттерниха „по внушеніямъ усилившейся при дворѣ либеральной партіи" (на самомъ дѣлѣ Меттернихъ подалъ въ отставку 13 марта, при имп. Фердинандѣ, не вслѣдствіе придворной интриги, а подъ вліяніемъ возстанія, разразившагося на улицахъ Вѣны). Въ томъ же родѣ все продолженіе статьи; достаточно указать, что Меттерниха, этого злого генія Австріи и Европы, газета называетъ „государственнымъ человѣкомъ, заслуги котораго предъ габсбургской монархіей отмѣчены исторіей не меньше чѣмъ заслуги князя Бисмарка".

устраненія причинъ, вызывающихъ и поддерживающихъ національную рознь. Еслибы на какомъ-нибудь пунктѣ и возгорѣлась „національная борьба", мирному ея окончанію всего больше могъ бы способствовать именно земскій соборъ.

Особую группу возраженій противъ земскаго собора составляютъ указанія на невозможность ограничить дѣятельность его однимъ созывомъ и однимъ вопросомъ (напр. о продолженіи войны), на неизбѣжность періодическаго его повторенія и расширенія сферы его дѣйствій, иными словами—на неразрывно связанное съ нимъ измѣненіе русскаго государственнаго строя. Здѣсь наше разногласіе принимаетъ другой характеръ: мы признаемъ правильность фактическихъ выводовъ, но даемъ имъ другую оцѣнку. Да, земскій соборъ долженъ, подъ тѣмъ или другимъ именемъ [1]), созываться періодически и играть активную роль въ законодательствѣ, въ контролѣ надъ финансами и надъ управленіемъ; да, его дѣятельность должна открыть собою новую эпоху въ русской государственной жизни. Незачѣмъ скрывать отъ себя, что одинаково невозможны какъ поворотъ назадъ, такъ и стояніе на одномъ мѣстѣ. Чтобы доказать противное, ссылаются обыкновенно на опытъ первой половины восьмидесятыхъ годовъ. И тогда — говорятъ намъ—высоко поднялась, повидимому, волна общественнаго возбужденія; но стоило только прикоснуться къ ней твердой рукой, чтобы она опустилась и исчезла. Внутренніе враги Россіи—и теперь тѣ же самые; способъ дѣйствія ихъ тоже остался тѣмъ же самымъ, а слѣдовательно и средства для побѣды надъ ними должны быть тѣ же самыя, которыя оказались столь успѣшными двадцать-пять лѣтъ тому назадъ. Въ этой параллели нѣтъ ни одного слова правды. Въ жизни народа четверть вѣка—въ особенности такая четверть вѣка, какъ послѣдняя — не проходитъ безслѣдно. Съ новыми поколѣніями нарождаются новыя силы, новыя комбинаціи силъ; появляются новыя условія, новыя потребности, а слѣдовательно и новыя требованія. Въ 1881 г. рабочій классъ существовалъ у насъ только въ зародышѣ; теперь онъ выросъ численно и окрѣпъ духовно. Пополняясь изъ деревни, онъ сохраняетъ постоянное общеніе съ нею и поднимаетъ ея умственный уровень, возвышаемый, въ то же время, сравнительно быстрымъ распространеніемъ грамотности. Живѣе чувствуется народной массой, вслѣдствіе этого, и матеріальное оскудѣніе, такъ сильно обострившееся подъ вліяніемъ голодныхъ годовъ и другихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, и нравственное униженіе, обусловливаемое безправіемъ. Въ восьмидесятыхъ годахъ можно было, ставъ на извѣстную точку зрѣнія, возла-

[1]) Быть можетъ, всего правильнѣе было бы остановиться на терминѣ: „государственная дума", предложенномъ, почти сто лѣтъ тому назадъ, Сперанскимъ.

гать надежды на возстановленіе, въ деревняхъ, авторитета строгой и попечительной власти; теперь тщета такихъ надеждъ доказана пятнадцатилѣтнимъ опытомъ. Не остается больше никакихъ сомнѣній относительно безплодности мѣропріятій, направленныхъ къ торжеству сословнаго принципа и бюрократической централизаціи. Новыя вѣянія нашли отголосокъ даже во многихъ дворянскихъ собраніяхъ. Преобразованное земство, стѣсненное и ограниченное со всѣхъ сторонъ, не только осталось вѣрнымъ земскому духу, но, за рѣдкими исключеніями, проявляетъ его съ бо̀льшей чѣмъ когда-либо энергіей и прямотою. Никогда еще высшая школа, несмотря на длинный рядъ безпримѣрно суровыхъ репрессій, не переживала столь труднаго, столь ненормальнаго положенія. Прибавимъ къ этому годъ войны, ознаменованный только неудачами, припомнимъ ужасные январьскіе дни въ Петербургѣ и во многихъ мѣстностяхъ Россіи—и мы поймемъ, что немыслимо возвращеніе къ системѣ восьмидесятыхъ годовъ. Да и въ то время успѣхъ ея былъ, въ сущности, только кажущійся, мнимый. Не достигнута ни одна изъ цѣлей, которыя она преслѣдовала; выросли и окрѣпли всѣ тѣ общественные элементы, которые она считала опасными и вредными; не выдержала испытанія ни одна изъ точекъ опоры, на которыя она разсчитывала. Только на новомъ пути, во многомъ противоположномъ прежнему, возможно свѣтлое, мирное будущее Россіи... Отмѣтимъ еще одну крупную неправду въ аргументаціи газетныхъ реакціонеровъ. Повторяя, въ нѣсколько измѣненной формѣ, извѣстное восклицаніе Каткова, они требуютъ „возвращенія правительства къ активной дѣятельности“, прекратившейся, будто бы, со времени провозглашенія *довѣрія* къ обществу. Не активными, слѣдовательно, представляются такія мѣры, какъ цѣлый рядъ предостереженій и другихъ административныхъ каръ по отношенію къ печати (до временнаго пріостановленія включительно), какъ привлеченіе къ отвѣтственности предсѣдателей губернскихъ земскихъ собраній, городскихъ головъ и членовъ губернскихъ земскихъ управъ, какъ аресты „впредь до выясненія причинъ ареста“, какъ все то, наконецъ, что̀ совершилось 9-го января на улицахъ Петербурга? До чего же должна дойти рекомендуемая „Московскими Вѣдомостями“ „система строго-обдуманныхъ и послѣдовательно-выдержанныхъ репрессивныхъ мѣръ“?..

Къ принципіальнымъ возраженіямъ противъ созыва земскаго собора присоединяются соображенія практическаго характера, имѣющія цѣлью доказать его неосуществимость. Нѣкоторыя изъ нихъ поражаютъ своею мелочностью, доходящею до смѣшного. Утверждаютъ, напримѣръ, что „стоимость созыва земскаго собора—непосильная тяжесть для бюджета, даже въ мирное время“. Чему же можетъ рав-

няться эта стоимость? Возьмемъ такую крупную цифру, какая, безъ сомнѣнія, не понадобилась бы въ дѣйствительности: одинъ милліонъ рублей [1]). Развѣ это не микроскопическая величина въ нашемъ двухмилліардномъ бюджетѣ? Развѣ можно останавливаться передъ сравнительно ничтожнымъ расходомъ, когда рѣчь идетъ объ интересахъ первостепенной важности?.. Какъ великъ, далѣе, долженъ быть численный составъ собора? Это—вопросъ болѣе серьезный, тѣсно связанный съ способомъ образованія собора. Высказывается мнѣніе, что никакихъ особыхъ неудобствъ не представлялъ бы даже соборъ *очень* многочисленный, напр. въ 1.250—1.500 человѣкъ. Въ подтвержденіе этого мнѣнія дѣлается ссылка на съѣзды, научные и другіе, въ которыхъ бывало до двухъ или даже трехъ тысячъ участниковъ. Между съѣздами, гдѣ активная работа ведется, бо̀льшею частью, немногими лицами и заканчивается быстро, и земскимъ соборомъ, засѣданія котораго не могутъ не быть продолжительны и къ рѣшеніямъ котораго всѣ его участники должны относиться одинаково сознательно, существуетъ, однако, большая разница. Законодательное собраніе, гдѣ бы числилось бо́лѣе тысячи членовъ, мы припоминаемъ только одно: Assemblée Constituante 1789-го года — но вѣдь оно образовалось изъ генеральныхъ штатовъ, съ ихъ 1.200 участниками (по 300 отъ духовенства и дворянства и 600 отъ третьяго сословія), и могло исполнить свою задачу лишь потому, что значительная часть депутатовъ, эмигрировавъ или удалившись изъ Парижа, вовсе не посѣщала засѣданій. Въ „учредительномъ собраніи“ 1848-го года числилось 900 членовъ, но для законодательнаго собранія, избраннаго въ слѣдующемъ году, это число было уменьшено до 750. Между 500 и 750 цифра депутатовъ держится и теперь въ большей части западно-европейскихъ государствъ. У насъ, при нашей непривычкѣ къ политической жизни, слишкомъ многочисленный земскій соборъ почти неизбѣжно встрѣтился бы съ большими затрудненіями, оказался бы слишкомъ тяжеловѣснымъ, слишкомъ зависимымъ отъ случайностей. Число уѣздовъ (764, не считая Финляндіи)—едва ли не максимальная цифра, превзойти которую было бы нецѣлесообразно.

Не желая увеличивать число проектовъ и плановъ собора, нашедшихъ мѣсто въ нашей печати—очень полезныхъ, впрочемъ, какъ матеріалъ для выясненія основной мысли—мы коснемся только слегка нѣкото-

---

[1]) Вознагражденіе членамъ собора должно быть назначено непремѣнно, потому что иначе участіе въ немъ оказалось бы недоступнымъ или непосильнымъ для бѣднѣйшихъ классовъ населенія—но размѣръ его долженъ быть настолько умѣренный, чтобы оно ни для кого не могло служить приманкой. Милліонъ рублей потребовался бы при тысячѣ членовъ собора и вознагражденіи каждому изъ нихъ въ тысячу рублей. Обѣ эти цифры скорѣе слишкомъ велики, чѣмъ слишкомъ малы.

рыхъ вопросовъ, особенно важныхъ. Намъ казалось бы, что для избранія перваго земскаго собора, главной задачей котораго будетъ подготовленіе будущаго, всего удобнѣе было бы воспользоваться существующими организаціями, съ пополненіемъ самыхъ крупныхъ ихъ пробѣловъ. Создавать теперь же новую избирательную систему, не зная съ точностью, при какихъ условіяхъ она будетъ пущена въ ходъ, значило бы рисковать очень крупной неудачей. Народная масса, не организованная, лишенная самостоятельности, могла бы подпасть подъ дѣйствіе вліяній, мало считающихся съ ея реальными интересами. Другое дѣло—группы уже сплотившіяся, привыкшія дѣйствовать сообща, выработавшія извѣстную совокупность взглядовъ и традицій. Между этими группами первое мѣсто, конечно, занимаютъ земскія собранія, въ особенности губернскія; за ними слѣдуютъ городскія думы, по крайней мѣрѣ въ большихъ городахъ. Мы далеки, однако, отъ мысли, чтобы можно было ограничиться представительствомъ городскихъ думъ и земскихъ собраній. Когда, двадцать-три года тому назадъ, возникла и обсуждалась мысль о созывѣ, въ Петербургѣ, уполномоченныхъ отъ земства, мы выразили убѣжденіе, что „провозглашать губернскія земскія собранія, въ настоящемъ ихъ составѣ, полнымъ, истиннымъ представительствомъ губерніи, значитъ принимать форму за существо дѣла, не хотѣть видѣть очевиднаго. Уже уѣздныя земскія собранія, вслѣдствіе неправильной избирательной системы, далеко не представляютъ собою всего уѣзда; что же сказать о губернскомъ земскомъ собраніи, въ которое почти не находятъ доступа цѣлыя категоріи гласныхъ?.. Пускай будутъ призваны на совѣщаніе избранники губернскихъ земскихъ собраній, но не они одни; пускай будетъ измѣненъ, для выборовъ, составъ губернскихъ собраній; пускай будутъ образованы особыя избирательныя коллегіи, представляющія собою, въ правильной пропорціи, всѣ составные элементы земства—это все равно, лишь бы только предупреждена была возможность мнимо-земскаго большинства и мнимо-земскихъ рѣшеній“ [1]. При мнѣніи, высказанномъ нами тогда, мы остаемся и въ настоящее время. Составъ губернскихъ земскихъ собраній теперь еще болѣе односторонекъ, чѣмъ прежде. Благодаря общему ходу событій, послѣдствія такого положенія вещей не вездѣ чувствуются въ одинаковой мѣрѣ: во многихъ губернскихъ земствахъ господствуетъ широкое, ясное пониманіе требованій настоящей минуты—но въ другихъ они встрѣчаютъ болѣе или менѣе упорное противодѣйствіе. Невозможно, во всякомъ случаѣ, удовольствоваться обращеніемъ къ собраніямъ, составленнымъ почти исключительно изъ лицъ одного сословія. Уѣзд-

[1]) См. Внутр. Обозрѣніе въ № 3 „Вѣстника Европы“ за 1882 г., стр. 374—375.

ныя земскія собранія, при дѣйствіи положенія 1890-го года, еще меньше прежняго могутъ быть названы представительствомъ всего уѣзда. Необходимо, такъ или иначе, предоставить право голоса крестьянамъ, при условіяхъ, которыми ограждалась бы свобода и сознательность выборовъ; необходимо, при тѣхъ же условіяхъ, дать голосъ и рабочимъ, образующимъ теперь многочисленный и вліятельный классъ населенія. Промышленный и торговый классъ былъ бы достаточно представленъ избранниками городскихъ думъ. Составъ собора слѣдовало бы пополнить свободно избранными представителями духовенства, высшей школы и, быть можетъ, нѣкоторыхъ другихъ корпорацій. Въ губерніяхъ не-земскихъ слѣдовало бы установить временной избирательный порядокъ, сходный, въ главныхъ чертахъ, съ принятымъ для земскихъ губерній. Прочную, систематически обдуманную и тщательно выработанную избирательную систему могъ бы создать, затѣмъ, самъ земскій соборъ.

Сообщенныя нами, въ февральской общественной хроникѣ, свѣдѣнія о порядкѣ пересмотра узаконеній, относящихся къ земскимъ и городскимъ учрежденіямъ, оказываются вполнѣ согласными съ текстомъ распубликованнаго на дняхъ положенія комитета министровъ; дополнить ихъ слѣдуетъ только тѣмъ, что, кромѣ выборныхъ отъ большихъ городовъ, въ составъ городского совѣщанія войдутъ представители пяти городовъ съ упрощеннымъ общественнымъ управленіемъ, указанныхъ предсѣдателемъ совѣщанія по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Безспорно, такіе города, иной разъ едва отличающіеся отъ деревни, представляютъ немало особенностей, вполнѣ оправдывающихъ привлеченіе нѣкоторыхъ изъ нихъ къ участію въ преобразовательной работѣ. Въ ряду соображеній, приведенныхъ въ журналѣ комитета министровъ, особенное вниманіе обращаетъ на себя слѣдующее: „*неудобства отдаленнаго отъ жизни способа разработки общихъ мѣропріятій, нежелательныя во всѣхъ отрасляхъ государственнаго управленія*, особенно нежелательны въ дѣлахъ по преимуществу мѣстнаго значенія, гдѣ неправильная мѣра непосредственно и особенно живо даетъ себя чувствовать". Подчеркнутыя нами слова заключаютъ въ себѣ рѣшительный приговоръ надъ системой, еще недавно слывшей непогрѣшимою, да и теперь насчитывающей немало приверженцевъ. „Отдаленною отъ жизни" оффиціальная разработка важнѣйшихъ вопросовъ была у насъ постоянно; казалось, что другою она быть не должна и не можетъ. Жизнь немыслима безъ разногласій, безъ столкновенія мнѣній; создаваемая въ значительной степени „ограниченнымъ умомъ подданныхъ" (beschränkter Unter-

thanenverstand), она внушаетъ недовѣріе тѣмъ, кто скептически относится къ этому уму и считаетъ опытность, прозорливость, мудрость монополіей власти. Поправку къ формулѣ, приведенной выше, можно сдѣлать только одну: въ „дѣлахъ мѣстнаго значенія“ „отдаленность отъ жизни“ опасна ничуть не больше, чѣмъ при разработкѣ „общихъ мѣропріятій“; результаты послѣднихъ чувствуются, сплошь и рядомъ, столь же непосредственно и живо. Возьмемъ, для примѣра, ст. 61-ую положенія 12-го іюля 1889-го года, призвавшую къ жизни дискреціонную власть земскихъ начальниковъ, или правила 1894-го года, которыми запрещены молитвенныя собранія штундистовъ. Что можетъ быть непосредственнѣе и чувствительнѣе, чѣмъ воздѣйствіе подобныхъ узаконеній на народную жизнь?...

Совершенно правильно комитетъ министровъ отклонилъ мысль о разработкѣ законопроектовъ на мѣстахъ, въ земскихъ собраніяхъ и городскихъ думахъ. Масса несогласованныхъ между собою мнѣній получилась бы, этимъ путемъ, прямо подавляющая. Свести ихъ въ одно цѣлое и сдѣлать изъ нихъ общіе выводы можно было бы лишь механически, путемъ подсчета, безъ всякой увѣренности въ томъ, что представители различныхъ взглядовъ, поставленные лицомъ другъ къ другу, остались бы при своихъ первоначальныхъ заключеніяхъ. Невольно вспоминается при этомъ одинъ изъ аргументовъ, приводимыхъ противъ земскаго собора: „для освѣдомленія о мнѣніи народа соборъ является наименѣе цѣлесообразнымъ способомъ, при теперешнихъ средствахъ внѣшней культуры (почта, телеграфъ, телефонъ, грамотность); плебисцитарный опросъ на мѣстахъ лучше земскаго собора“. Если опросу нѣсколькихъ сотъ собраній, изъ которыхъ каждое привыкло къ коллективной дѣятельности, комитетъ министровъ предпочелъ совѣщаніе съѣхавшихся вмѣстѣ, въ сравнительно небольшомъ числѣ, земскихъ и городскихъ представителей, то что же сказать о милліонахъ немотивированныхъ отвѣтовъ, данныхъ почтою или телеграфомъ, безъ всякаго предварительнаго обсужденія, можетъ быть безъ яснаго пониманія произвольно поставленныхъ вопросовъ?... Отмѣтимъ, въ заключеніе, что законъ 1903-го года, создавшій въ западномъ краѣ такъ называемыя учрежденія по дѣламъ земскаго хозяйства, признанъ, въ положеніи комитета министровъ, невполнѣ удовлетворительнымъ и несогласнымъ съ предначертаніями Высочайшаго указа 12-го декабря. А давно ли законъ 1903-го года, еще при первомъ проектированіи его встрѣтившій единодушныя возраженія либеральной печати, провозглашался не только актомъ политической мудрости по отношенію къ окраинамъ, но и образцомъ для переустройства земскихъ учрежденій въ коренныхъ русскихъ губерніяхъ?

Въ положеніи комитета министровъ, касающемся пересмотра законовъ о печати, особенно интересно признаніе, что эти законы, создавъ немало стѣснительныхъ условій для проявленія мысли въ печатномъ словѣ, не предупредили появленія и распространенія вредныхъ ученій. Отправляясь отъ этого убѣжденія, столь давно уже установившагося въ нашей литературѣ, но до сихъ поръ остававшагося чуждымъ правящимъ сферамъ, комитетъ высказывается за коренной пересмотръ законодательства о печати, въ видахъ согласованія его съ потребностями жизни. Очень ярко и рельефно указаны комитетомъ и нѣкоторыя отдѣльныя неудобства, сопряженныя съ примѣненіемъ дѣйствующихъ правилъ. Мы узнаемъ, напримѣръ, что представленія о запрещеніи книгъ, направляемыя, на основаніи закона 1872-го года, въ комитетъ министровъ, разсматривались имъ иногда „скорѣе формально, по отсутствію въ его средѣ спеціалистовъ, которые могли бы съ полною точностью опредѣлить научное значеніе извѣстной книги". Изъ предположеній комитета о созданіи независимаго отъ вѣдомствъ учрежденія, самое устройство котораго „гарантировало бы правильную, послѣдовательную и безпристрастную оцѣнку всѣхъ происходящихъ въ области печатнаго слова явленій", слѣдуетъ заключить, что этимъ условіямъ настоящее управленіе по дѣламъ печати, по мнѣнію комитета, не удовлетворяетъ. „Напрасныя для печати и малополезныя для государственнаго порядка стѣсненія" комитетъ приписываетъ „дополнительнымъ постановленіямъ, изданнымъ безъ строгой системы". Примѣненіе закона о запрещеніи розничной продажи комитетъ нашелъ несоотвѣтствующимъ истинному его смыслу [1]). Можно пожалѣть о томъ, что комитетъ министровъ не сразу отмѣнилъ всѣ „временныя" правила о печати, признанныя имъ нецѣлесообразными и безъ надобности обременительными для печати; но отъ совѣщанія, образованнаго въ силу положенія комитета, зависитъ ускорить свою работу и приблизить, тѣмъ самымъ, прекращеніе дѣйствія заранѣе осужденныхъ правилъ. Нѣтъ основанія думать, что новый законъ о печати, выработка котораго предоставлена совѣщанію, выйдетъ въ свѣтъ не ранѣе какъ черезъ годъ; при доброй волѣ и достаточной затратѣ труда онъ можетъ быть готовъ гораздо раньше. Разсужденія комитета не имѣютъ обязательной силы для совѣщанія: оно учреждено „для пересмотра дѣйствующихъ о цензурѣ и печати постановленій и для составленія проекта новаго по сему предмету

---

[1]) На практикѣ ст. 178 уст. о ценз. и печ. понималась какъ абсолютное запрещеніе розничной продажи, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ она касалась только запрещенія продажи на улицахъ. Честь раскрытія настоящаго ея смысла принадлежитъ В. М. Гессену, который посвятилъ этому вопросу особую статью въ одномъ изъ первыхъ нумеровъ газеты „Сынъ Отечества".

устава", безъ ограниченія заранѣе указанными предѣлами или заранѣе установленной программой. Нельзя, конечно, не пожалѣть о томъ, что различныя группы періодическихъ изданій представлены въ совѣщаніи до крайности неравномѣрно (въ особенности со времени назначенія четырехъ новыхъ членовъ совѣщанія) или не представлены вовсе; но тѣмъ отвѣтственнѣе положеніе тѣхъ членовъ совѣщанія, для которыхъ отстаиваніе свободы печати было дѣломъ цѣлой жизни. Ихъ долгъ — продолжать это дѣло и въ совѣщаніи, пока они не встрѣчаютъ внѣшнихъ къ тому препятствій — продолжать его не смотря на то, что въ средѣ, во многомъ имъ сочувственной и близкой, восторжествовало иное, отрицательное отношеніе къ совѣщанію [1]).

Чрезвычайно прискорбно, что начало работъ совѣщанія совпало съ цѣлымъ рядомъ административныхъ каръ по отношенію къ печати. Газеты „Наша Жизнь" и „Наши Дни" пріостановлены на три мѣсяца; газетѣ „Русь" запрещена розничная продажа (та же мѣра еще раньше постигла „Русскія Вѣдомости"). Намъ кажется, что именно во время пересмотра законовъ о печати, направленнаго къ освобожденію ея отъ тяготѣвшаго надъ нею гнета, особенно желательно было бы предоставить ей широкій просторъ, благодаря которому она могла бы освѣтить одинаково ярко всѣ стороны дѣла и съ бо̀льшимъ спокойствіемъ ожидать лучшаго будущаго.

Изъ числа девяти вопросовъ, поставленныхъ на очередь Высочайшимъ указомъ 12-го декабря 1904 года, четыре (объ охраненіи силы закона, о переустройствѣ земскихъ и городскихъ учрежденій, о пересмотрѣ исключительныхъ законоположеній и законодательства о печати) составляютъ теперь предметъ занятій особыхъ совѣщаній или коммиссій, одинъ (объ объединеніи законовъ, относящихся къ крестьянамъ, съ общимъ законодательствомъ имперіи) разсматривается совѣщаніемъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, одинъ (о государственномъ страхованіи) переданъ въ особую коммиссію при министерствѣ финансовъ. Вопросъ о равенствѣ сословій передъ судомъ и объ обезпеченіи самостоятельности судебныхъ учрежденій отчасти совпадаетъ съ вопросомъ крестьянскимъ, отчасти поглощается пересмотромъ судебныхъ уставовъ, если послѣдній—на новыхъ, отчасти, основаніяхъ—будетъ продолжаться и послѣ ухода Н. В. Муравьева. О пересмотрѣ законовъ, ограничивающихъ права инородцевъ и уроженцевъ отдѣльныхъ мѣстностей имперіи, пока ничего не слышно.

---

[1]) См. ниже, записку четырнадцати редакцій и отвѣтъ на нее.

Наконецъ, вопросъ о вѣротерпимости обсуждается, въ настоящее время, комитетомъ министровъ. Судя по сообщеніямъ, появившимся въ печати, комитетъ единогласно пришелъ къ убѣжденію, что ограниченія и стѣснительныя мѣры, не отвѣчая требованіямъ справедливости, въ то же время не даютъ никакихъ положительныхъ результатовъ даже по отношенію къ той основной цѣли, ради которой онѣ принимаются. Въ основѣ всѣхъ ограничительныхъ мѣръ и преслѣдованій старообрядческихъ сектъ лежитъ желаніе объединить всѣхъ сектантовъ подъ единой сѣнью православной церкви. Между тѣмъ, всѣ подобныя мѣропріятія неизмѣнно приводятъ къ отрицательнымъ результатамъ; насиліе, выражающееся иногда въ весьма рѣзкой формѣ (напримѣръ въ тюремномъ заключеніи духовныхъ представителей сектантовъ), естественно вызываетъ справедливый протестъ, что ведетъ къ укрѣпленію приверженцевъ отдѣльныхъ сектъ въ ихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ и развиваетъ недовольство ихъ. Достиженіе основной цѣли—объединенія—возможно только при полной свободѣ дѣятельности отдѣльныхъ сектъ. Ни гражданскія воззрѣнія, ни догматы православной церкви не могутъ согласоваться какъ съ насильственными, такъ равно и съ репрессивными мѣропріятіями. Въ виду всего этого комитетъ находитъ необходимымъ предоставить полную свободу дѣятельности всѣхъ старообрядческихъ сектъ, за исключеніемъ тѣхъ, которыя подходятъ подъ категорію изувѣрныхъ. Если представится какая необходимость въ репрессивныхъ мѣрахъ по отношенію къ послѣднимъ, то духовенство и въ данномъ случаѣ должно оставаться въ сторонѣ; вмѣшательство его можетъ здѣсь имѣть мѣсто только въ увѣщательномъ смыслѣ. Далѣе признано необходимымъ оффиціальное признаніе представителей инославнаго [1]) духовенства и предоставленіе имъ права свободно отправлять свои требы, согласно съ ихъ обрядами и воззрѣніями. Однимъ изъ присутствующихъ было высказано мнѣніе, что послѣдовательность требуетъ признанія за священнослужителями старообрядцевъ званія священника. Митрополитъ с.-петербургскій Антоній, не оспаривая права такихъ лицъ на свободное отправленіе богослуженія, нашелъ неудобнымъ присвоеніе имъ имени, носимаго священнослужителями православной церкви, вслѣдствіе чего опредѣлено назвать ихъ *духовнослужителями*. Съ этимъ названіемъ примирятся, по всей вѣроятности, и старообрядцы: оно устранитъ возможность говорить, какъ это дѣлалось до сихъ поръ, о *лже*-епископахъ и *лже*-іереяхъ, и выдѣлитъ членовъ

[1]) Слово: *инославнаго*, примѣняемое обычно къ исповѣданіямъ католическому и лютеранскому, употреблено здѣсь, очевидно, по ошибкѣ; изъ предыдущаго и послѣдующаго видно, что рѣчь идетъ о духовенствѣ *старообрядческомъ*.

старообрядческаго духовенства изъ тѣхъ сословій, къ которымъ они принадлежатъ по рожденію. Немыслимыми станутъ, затѣмъ, такія явленія, какъ призывъ старообрядческаго архіерея или іерея на дѣйствительную военную службу, въ качествѣ крестьянина или мѣщанина [1])... Слѣдуетъ надѣяться, что комитетъ министровъ не ограничится справедливымъ разрѣшеніемъ вопроса о старообрядцахъ, а сдѣлаетъ все возможное и для сектантовъ, напримѣръ для штундистовъ, изъ которыхъ многіе, какъ слышно, помышляютъ въ настоящее время о выселеніи изъ Россіи.

29-го января, по докладу оберъ-прокурора св. синода, состоялось Высочайшее повелѣніе объ освобожденіи изъ Спасо-Евфиміева монастыря крестьянъ Ермолая Ѳедосѣева, Алексѣя Калѣчина, Ѳеодора Ганчева, Евфимія Попова, Кузьмы Мошкова и мѣщанина Ѳедора Ковалева, и изъ Соловецкаго монастыря—крестьянина Петра Леонтьева. Нужно надѣяться, что это знаменуетъ собою не только избавленіе нѣсколькихъ лицъ отъ тяжкой, незаслуженной муки, но и совершенное упраздненіе такого ненормальнаго учрежденія, какъ монастырскія тюрьмы.

29-го января учреждена, по Высочайшему повелѣнію, особая коммиссія, подъ предсѣдательствомъ члена Государственнаго Совѣта Н. В. Шидловскаго, для безотлагательнаго выясненія причинъ недовольства рабочихъ въ Петербургѣ и его пригородахъ и изысканія мѣръ къ устраненію ихъ въ будущемъ. Въ составъ этой коммиссіи должны войти не только представители заинтересованныхъ вѣдомствъ, но и представители промышленниковъ, по ихъ выбору, и рабочихъ, по избранію самихъ рабочихъ.

Еще раньше образованія коммиссіи Н. В. Шидловскаго въ печати появились двѣ записки, бросающія яркій свѣтъ на исторію и настоящее положеніе рабочаго вопроса. Одна изъ нихъ подписана 198 инженерами, къ которымъ впослѣдствіи присоединились еще многіе представители той же профессіи; другая исходитъ отъ группы крупнѣйшихъ фабрикантовъ и заводчиковъ Москвы и московскаго района. Особеннаго вниманія заслуживаетъ эта послѣдняя записка, выражающая мнѣніе такихъ людей, которыхъ никто не рѣшится отнести къ средѣ „безпочвенной интеллигенціи". Русская промышленность, по ихъ словамъ, „тяжело страдаетъ отъ недостатковъ современнаго государственнаго строя, въ которомъ народъ разобщенъ съ высокимъ

[1]) Какъ разрѣшены комитетомъ другіе вопросы, обсуждавшіеся имъ въ засѣданіи 8-го февраля—объ отправленіи старообрядческимъ духовенствомъ требъ въ частныхъ и публичныхъ мѣстахъ, о преподаваніи имъ закона Божія, о веденіи имъ метрическихъ записей,—этого изъ газетныхъ сообщеній не видно.

носителемъ истинной власти и лишенъ возможности открыто высказываться, обсуждать назрѣвшіе вопросы... Настоящія рабочія волненія хотя и построены на экономической почвѣ, но въ то же время являются крупнымъ политическимъ движеніемъ... Наивно объяснять рабочіе и крестьянскіе безпорядки воздѣйствіемъ революціонныхъ элементовъ. Нѣтъ, общее нестроеніе государственной жизни, отсутствіе политическихъ правъ—вотъ гдѣ слѣдуетъ искать главнѣйшей причины періодическихъ рабочихъ волненій". Указавъ на ненормальность рабочихъ союзовъ, образованныхъ при содѣйствіи жандармовъ, авторы записки выражаютъ убѣжденіе, что установленіе правильныхъ отношеній между рабочими и промышленниками и улучшеніе быта рабочихъ возможны лишь при соблюденіи элементарныхъ условій правового государства. Эти условія опредѣляются въ запискѣ вполнѣ согласно съ резолюціями ноябрьскаго земскаго съѣзда; особенно рѣзко подчеркивается, какъ и слѣдовало ожидать, необходимость предоставить рабочимъ полное право сходокъ, собраній, союзовъ и коллективнаго отказа отъ работы. Заканчивается записка слѣдующими прекрасными словами: „въ 1861 г. русскій народъ получилъ свободу тѣла. Свобода дана вопреки желаніямъ высшихъ слоевъ тогдашняго общества. Но мудрый Государь-Освободитель шагнулъ впереди своихъ подданныхъ; царственнымъ окомъ онъ предвидѣлъ, что, если не дать воли народу сверху, она будетъ имъ добыта снизу. Теперь наступила пора для освобожденія духа отъ опеки бюрократіи. Этой свободы добивается весь народъ, его низшіе и высшіе слои. Въ интересахъ страны, въ интересахъ престола пора вспомнить мудрыя слова мудраго царя и дать сверху свободу изстрадавшемуся въ неволѣ духу"... Болѣе блѣдной по формѣ, но довольно опредѣленной по содержанію является записка петербургскихъ заводчиковъ и фабрикантовъ, представленная 31-го января министру финансовъ. „Ни уступки рабочимъ по частнымъ вопросамъ",—таково заключеніе записки,—„ни пересмотръ фабричнаго законодательства не могутъ вселить полнаго успокоенія въ тревожное состояніе рабочихъ. Средствомъ, безспорно дѣйствительнымъ къ умиротворенію рабочаго движенія въ будущемъ или, по крайней мѣрѣ, къ устраненію той жгучести, которая теперь въ немъ наблюдается, являются болѣе глубокія реформы общегосударственнаго характера". Господствующая идея нашего времени проникла, очевидно, и туда, гдѣ еще недавно царилъ политическій индифферентизмъ.

ЗАПИСКА ЧЕТЫРНАДЦАТИ РЕДАКЦІЙ И ОТВѢТЪ НА НЕЕ ДВУХЪ ЧЛЕНОВЪ ОСОБАГО СОВѢЩАНІЯ О ПЕЧАТИ.

Предсѣдателю Особаго Совѣщанія для пересмотра законовъ о печати была представлена слѣдующая записка петербургскихъ литераторовъ:

„Восьмымъ пунктомъ указа 12 декабря 1904 года предрѣшено „устраненіе изъ дѣйствующихъ правилъ о печати излишнихъ стѣсненій, и о поставленіи печатнаго слова въ точно опредѣленные закономъ предѣлы“. Комитетъ министровъ, приступая къ исполненію этого указа, опредѣлилъ, что изъ дѣйствующихъ правилъ о печати должны быть устранены тѣ стѣсненія, которыя являются „съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ“ въ дѣйствительности ненужными. Что же касается „предѣловъ“, въ которые должна быть заключена печать, то для проектированія этихъ предѣловъ Комитетъ предположилъ учредить особое внѣвѣдомственное совѣщаніе изъ разныхъ свѣдущихъ лицъ. Предположенія Комитета Высочайше утверждены 21 января 1905 года, и въ настоящее время Особое Совѣщаніе уже образовано подъ предсѣдательствомъ члена Государственнаго Совѣта Кобеко.

„Естественно, что въ виду такихъ фактовъ представителямъ независимой печати весьма важно обсудить и выяснить еще разъ тѣ условія, въ которыхъ, по ихъ убѣжденію, должна и можетъ находиться печать въ Россіи.

„Указъ 12 декабря и основанное на немъ положеніе Комитета министровъ являются несомнѣнно крайнимъ предѣломъ тѣхъ уступокъ либеральнымъ стремленіямъ общества, которыя считаетъ возможнымъ предоставить нынѣшнее бюрократическое правительство, не поступаясь основными чертами существующаго государственнаго строя. Намъ представляется, что этотъ предѣлъ очерченъ вполнѣ сознательно и послѣдовательно. Комитетъ министровъ выразилъ это по отношенію къ печати весьма опредѣленно, указавъ, что могутъ быть устранены тѣ только стѣсненія, которыя являются излишними „съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ“, и указалъ, въ связи съ этимъ, на необходимость правительственнаго надзора за печатью, въ той или иной формѣ. Но соотвѣтствуютъ ли эти предѣлы основнымъ задачамъ свободной печати? Очевидно—нѣтъ.

„Основная творческая задача печати состоитъ въ свободной критикѣ существующихъ формъ общежитія и въ изысканіи новыхъ формъ, болѣе совершенныхъ. Печать не можетъ считаться съ интересами какого бы то ни было опредѣленнаго существующаго режима. Становясь въ зависимость отъ интересовъ режима, печать обрекаетъ себя на неминуемую гибель. Исполненіе указанной функціи печати возможно только въ правовомъ государствѣ; оно совершенно немыслимо при бюрократическомъ режимѣ, стремящемся естественно къ сохраненію своихъ прерогативъ, при помощи наиболѣе соотвѣтствующаго природѣ его средства—административнаго усмотрѣнія и воздѣйствія.

„Еще въ 1902-мъ году дѣятелями печати была выработана и опубликована съ подписями въ русскихъ заграничныхъ изданіяхъ резолюція, указывающая на тѣ внѣшнія формы, въ которыхъ только и можетъ проявиться свобода печати. Сущность этой резолюціи сводится къ слѣдующему:

„Необходима полная и безусловная отмѣна предварительной цензуры, какъ цензуры до напечатанія или разрѣшительной, такъ и цензуры до обнародованія или запретительной.

„Необходима полная отмѣна системы административныхъ взысканій, налагаемыхъ ὀрганами правительственной власти на періодическую печать.

„Правонарушенія, совершаемыя ὀрганами печати, должны подлежать вѣдѣнію гласнаго и независимаго суда.

„Необходимо широкое, безъ всякихъ ограниченій административной власти, предоставленіе закономъ печати свободы обсужденія вопросовъ общественной и государственной жизни.

„Порядокъ возникновенія всѣхъ безъ исключенія ὀргановъ, на какомъ бы языкѣ они ни издавались, долженъ быть явочнымъ, а не концессіоннымъ".

„Но не отъ совѣщательной коммиссіи, созданной бюрократическимъ строемъ, ему подчиняющейся и входящей въ его систему отдѣльнымъ колесомъ, можно ожидать созданія всѣхъ этихъ условій.

„Чрезвычайно яркою иллюстраціею этому служитъ отношеніе власти къ независимому слову даже въ самое послѣднее время. Мы имѣемъ въ виду всѣмъ извѣстную судьбу такихъ изданій, какъ „Сынъ Отечества", „Наши Дни" и „Наша Жизнь", аншлаги во многихъ журналахъ съ извѣщеніемъ о вліяніи на составъ книжекъ „независящихъ обстоятельствъ", не облегченіе, а скорѣе усиленіе цензурнаго гнета надъ провинціальными газетами, широкое пользованіе высшей администраціей знаменитою 140 ст. устава о ценз. и печати, изъявшей изъ обсужденія повременной печатью цѣлый рядъ самыхъ больныхъ, жгучихъ и неотложныхъ вопросовъ русской жизни, и т. д. Такое положеніе вещей нисколько не измѣнилось и послѣ обнародованія извлеченія изъ журнала Комитета министровъ объ основаніи коммиссіи подъ предсѣдательствомъ члена Государственнаго Совѣта Кобеко.

„Осуществленіе требованій, отчетливо заявленныхъ дѣятелями печати слишкомъ два года тому назадъ, представляется особенно необходимымъ въ настоящую минуту. Въ общественное сознаніе все глубже проникаетъ убѣжденіе въ неотложности замѣны существующаго бюрократическаго порядка управленія болѣе совершеннымъ государственнымъ строемъ, основаннымъ на участіи въ осуществленіи законодательной власти свободно избранныхъ представителей отъ всѣхъ слоевъ народа. Это есть тѣ условія, при которыхъ печать только и можетъ быть свободной: подчиняясь исключительно общесудебной отвѣтственности, въ своей независимой оцѣнкѣ общегосударственныхъ явленій, печать выполнитъ съ достоинствомъ свой высокій долгъ—быть честной и искренней выразительницей нуждъ народа, отражать и создавать общественное мнѣніе.

„Указанными выше соображеніями опредѣляется и отношеніе наше къ факту приглашенія въ совѣщаніе русскихъ литераторовъ по выбору правительства.

„Участіе представителей русской литературы въ работахъ Совѣщанія, при наличности тѣхъ предѣловъ, которые этой работѣ поставлены, и той программы, которую оно призвано осуществлять, можетъ быть примирено съ достоинствомъ русскаго писателя только при томъ условіи, если участіе это ограничится категорическимъ заявленіемъ о несовмѣстимости существующаго строя съ истинною свободою печатнаго слова, признаваемой абсолютно необходимою потребностью культурной жизни, и о полной безплодности всякихъ попытокъ обойти эту несовмѣстимость.

„Члены редакцій и сотрудники слѣдующихъ періодическихъ изданій:

„Русское Богатство“, „Міръ Божій“, „Образованіе“, „Право“, „Вѣстникъ Права“, „Вопросы Жизни“, „Наши Дни“, „Наша Жизнь“, „Восходъ“, „Правда“, „Русская Жизнь“, „Вѣстникъ Фабричнаго Законодательства“, „Экономич. Газета“, „Хозяинъ“ [1]).

Когда эта записка появилась на страницахъ „Права“ и „Русскихъ Вѣдомостей“, нижеподписавшіеся члены Совѣщанія, въ виду послѣдняго параграфа записки, обратились въ редакціи названныхъ газетъ съ письмомъ слѣдующаго содержанія:

„Убѣжденіе свое въ непрочности и недостаточности отдѣльныхъ реформъ, не сопровождаемыхъ кореннымъ измѣненіемъ государственнаго строя, мы выразили съ достаточною ясностью не только въ печати, но и подписавъ: одинъ изъ насъ—резолюціи ноябрьскаго земскаго съѣзда, другой—извѣстную записку профессоровъ и бывшихъ профессоровъ высшихъ учебныхъ заведеній.

Повторять еще разъ, при самомъ вступленіи нашемъ въ Совѣщаніе, сдѣланное такимъ образомъ заявленіе мы считали ненужнымъ. Ограничивать имъ нашу дѣятельность въ Совѣщаніи было бы нецѣлесообразно. Пересмотръ законовъ о печати такъ важенъ самъ по себѣ, что уклоненіе отъ участія въ немъ, пока мы, какъ члены Совѣщанія, пользуемся полною свободою слова и не видимъ передъ собою ни заранѣе установленныхъ предѣловъ, ни обязательной программы, было бы, въ нашихъ глазахъ, нарушеніемъ долга, лежащаго на насъ передъ русской литературой.

Что̀ можетъ и что̀ не можетъ быть „примирено“ съ достоинствомъ писателя“—объ этомъ каждый долженъ судить самостоятельно, по своему крайнему разумѣнію. Попытки стѣснить свободу мнѣній, откуда бы онѣ ни исходили, меньше всего соотвѣтствуютъ значенію переживаемаго нами момента“. Февраля 14-го дня 1905-го года.

К. Арсеньевъ. М. Стасюлевичъ.

---

[1]) Къ этимъ изданіямъ присоединились впослѣдствіи „Русскія Вѣдомости“, „Русская Мысль“ и еще нѣсколько московскихъ журналовъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 (14) марта 1905 г.

Вопросъ о мирѣ и военныя дѣйствія.—Положеніе дѣлъ на театрѣ войны.—Международная комиссія по поводу инцидента въ Сѣверномъ морѣ и ея заключительные выводы. — Странныя газетныя сообщенія. — Засѣданія британскаго парламента.— Торговые договоры и русско-германскій протекціонизмъ.

Робкія разсужденія о желательности мира на Дальнемъ Востокѣ вызываютъ въ нѣкоторой части печати крайне странные протесты. Говорятъ, что прежде всего намъ нужна побѣда, и что невозможно возбуждать вопросъ о мирѣ, пока мы не достигли военнаго торжества надъ непріятелемъ; кто несогласенъ съ этимъ, тотъ обнаруживаетъ, будто бы, „тупость" и отсутствіе патріотизма. Но почему же до сихъ поръ мы не одерживали никакихъ побѣдъ? Неужели только потому, что не сознавали ихъ необходимости? Еслибы успѣхъ на полѣ битвы зависѣлъ отъ желаній газетныхъ патріотовъ, то наши войска, конечно, давно вытѣснили бы японцевъ изъ Манчжуріи и не допустили бы паденія Портъ-Артура, и нашъ тихоокеанскій флотъ не былъ бы такъ легко уничтоженъ врагами. По всей вѣроятности, наши военные дѣятели никогда не сомнѣвались въ томъ, что для нихъ обязательно стремиться къ побѣдѣ, и однако они не могли достигнуть своей цѣли, хотя имѣли въ своихъ рукахъ и способы, и средства для ея достиженія. Какой же смыслъ имѣетъ теперь заявленіе „Новаго Времени", что намъ нужна побѣда?! Пусть „Новое Время" организуетъ и обезпечитъ побѣду, или пусть укажетъ, какъ ее организовать и обезпечить, — и тогда, быть можетъ, газета получитъ право настаивать на продолженіи войны. При данныхъ же обстоятельствахъ странно и нелѣпо доказывать пользу торжества надъ противникомъ, который съ своей стороны съ замѣчательнымъ упорствомъ уклоняется отъ пораженій. Наши полководцы, располагающіе четырехсотъ-тысячной арміей, не разъ уже пытались подчинить непріятеля нашей волѣ, и если это не удавалось, то, разумѣется, не по недостатку патріотизма. Какимъ же образомъ думаютъ газетные патріоты подготовить намъ побѣду, которая понынѣ не дается въ руки главнокомандующему всѣми сухопутными и морскими силами на Дальнемъ Востокѣ? На чемъ основана увѣренность, что дальнѣйшія кровавыя жертвы доставятъ намъ желанный успѣхъ? Развѣ потеря Портъ-Артура могла способствовать подъему духа нашей арміи и ея руководителей?

Недавнія события на театрѣ войны показываютъ, что единство и цѣлесообразность дѣйствій отсутствуютъ тамъ попрежнему, уступая мѣсто открытому внутреннему разладу, даже въ самые серьезные критическіе моменты. Жестокій бой начатъ былъ на нашемъ правомъ флангѣ 12 января, у рѣки Хунъ-хэ, и продолжался въ теченіе трехъ дней, при участіи всей второй манчжурской арміи, подъ начальствомъ командующаго ею генерала Гриппенберга; наши войска вытѣснили японцевъ изъ нѣсколькихъ важныхъ пунктовъ и готовились окружить сильно укрѣпленную деревню Сандепу, но, не получивъ поддержки отъ генерала Куропаткина, должны были оставить занятыя позиціи и отступили въ ночь на 16 января, вслѣдствіе формальнаго распоряженія главнокомандующаго. Около десяти тысячъ человѣкъ пострадало или погибло такимъ образомъ безъ всякаго результата. Генералъ Гриппенбергъ тотчасъ же отказался отъ должности командующаго второю арміею, сдалъ начальство другому лицу и отправился въ Петербургъ. Кровопролитное дѣло при Хайкотай и Сандепу остается пока загадочнымъ для русской публики; но, какова бы ни была его подкладка, оно бросаетъ печальный свѣтъ на существующіе бюрократическіе порядки въ общемъ управленіи военными силами въ Манчжуріи. Казалось бы, что единство направляющей и руководящей власти было уже достаточно обезпечено сосредоточеніемъ ея въ рукахъ генерала Куропаткина, которому безусловно подчинены всѣ три дѣйствующія арміи, и тѣмъ не менѣе мы видимъ, что одна изъ этихъ армій сражается самостоятельно цѣлыхъ три дня, предполагая опредѣленную цѣль, въ связи съ общимъ планомъ операцій, тогда какъ этой цѣли и связи не оказывается въ дѣйствительности. По свѣдѣніямъ, напечатаннымъ въ нашихъ газетахъ, генералъ Гриппенбергъ на второй и третій день настоятельно просилъ подкрѣпленій, предвидя крупный успѣхъ и возможность общей побѣды, но вмѣсто ожидаемой помощи получилъ приказъ объ отступленіи, послѣ напрасныхъ огромныхъ потерь. Командующій второю манчжурскою арміею не могъ, конечно, дѣйствовать безъ предварительнаго соглашенія съ главнокомандующимъ; быть можетъ, онъ вышелъ изъ предѣловъ условленнаго плана и выдвинулъ свои позиціи дальше, чѣмъ было ему указано, какъ это иногда неизбѣжно случается при серьезныхъ боевыхъ столкновеніяхъ; потомъ, въ зависимости отъ выяснившейся обстановки и положенія непріятельскихъ силъ, онъ могъ считать необходимымъ держаться въ разсчетѣ на поддержку и, вѣроятно, надѣялся на дальнѣйшее энергическое наступленіе, въ чемъ разошелся во взглядахъ съ главнокомандующимъ. Формальное право было несомнѣнно на сторонѣ послѣдняго: онъ могъ не согласиться съ генераломъ Гриппенбергомъ и заставить его отступить, чтобы избѣгнуть генеральнаго сраженія, ко-

торое могло ему представляться преждевременнымъ. Несогласіе между обоими генералами было, само по себѣ, вполнѣ возможно и естественно; но оно должно было разъясниться и привести къ извѣстному окончательному рѣшенію въ первый же день боя, или, по крайней мѣрѣ, на второй день. Ужасно то, что недоразумѣніе продолжалось цѣлыхъ три дня и крайне дорого обошлось нашимъ войскамъ, которыя вновь должны были убѣдиться въ безплодности приносимыхъ ими жертвъ.

Продолжительность возникшаго недоразумѣнія указываетъ на отсутствіе быстрыхъ сообщеній между командующими генералами или на чрезмѣрную отдаленность или неизвѣстность пребыванія главнокомандующаго въ данное время,—хотя при начавшемся крупномъ военномъ дѣлѣ главнокомандующій едва ли могъ оставаться вдали отъ мѣста битвы, и, вѣроятно, позаботился объ удобствѣ сношеній съ начальникомъ дѣйствовавшей арміи. Почему же характеръ и размѣры происходившаго боя были какъ будто неизвѣстны главнокомандующему съ перваго или второго дня? Почему генералу Гриппенбергу стали извѣстными точныя намѣренія главнокомандующаго только на третій день? Не проявляется ли въ этомъ тотъ же бюрократическій духъ, который, къ сожалѣнію, прочно водворился въ нашей военной организаціи и неослабно господствуетъ, повидимому, и на театрѣ войны? Изъ оффиціальныхъ японскихъ телеграммъ мы знаемъ, что дѣломъ 12—16 января или „сраженіемъ при Хайкотай“ съ перваго же дня руководилъ лично маршалъ Ойяма и не только не ждалъ просьбъ о подкрѣпленіи, но самъ направлялъ туда нужныя силы; почему же съ нашей стороны мы видимъ нѣчто прямо противоположное? Корреспондентъ газеты „Temps“, останавливаясь на этомъ грустномъ эпизодѣ, замѣчаетъ, что въ данномъ случаѣ было очень важно сохранить принципъ, въ силу котораго одному только главнокомандующему принадлежитъ право начинать генеральное сраженіе и руководить общимъ ходомъ военныхъ дѣйствій. Однако, на практикѣ этотъ принципъ не былъ и не могъ быть нарушенъ генераломъ Гриппенбергомъ, если вторая армія предприняла наступленіе съ вѣдома и согласія главнокомандующаго; ибо разъ начинается бой, то нельзя сказать заранѣе, какъ онъ разростется и не превратится ли въ общую битву, и слѣдовательно можно было заранѣе предвидѣть возможность такого превращенія, тѣмъ болѣе, что послѣднее зависѣло и отъ противника. Иниціатива активныхъ военныхъ операцій принадлежитъ вѣдь, главнымъ образомъ, руководителю японскихъ войскъ, маршалу Ойямѣ, который, разумѣется, въ выборѣ момента для боя будетъ руководствоваться соображеніями не о нашихъ, а о своихъ удобствахъ, и такъ какъ нашъ главнокомандующій долженъ иногда противъ воли сообразоваться съ рѣшеніями непріятеля, то гораздо лучше и цѣлесообразнѣе принимать рѣшеніе,

вытекающее изъ обстоятельствъ начатаго уже дѣла и изъ настойчивыхъ указаній участвующихъ въ немъ лицъ. Исполненіе просьбы генерала Гриппенберга о помощи не могло бы имѣть болѣе рискованныя или опасныя послѣдствія, чѣмъ принятіе генеральнаго сраженія по выбору и желанію Куроки, или Оку, или маршала Ойямы.

Говорили, что задачей генерала Гриппенберга была, будто бы, только крупная рекогносцировка; но это предположеніе устраняется тѣмъ безспорнымъ фактомъ, что противъ японцевъ двинута была цѣлая стотысячная армія, а такія силы не пускаются въ дѣло только для цѣлей рекогносцировки или демонстраціи. Наши войска взяли при этомъ рядъ укрѣпленныхъ позицій и удерживали ихъ цѣною большихъ потерь, и это тоже свидѣтельствуетъ о болѣе серьезномъ предпріятіи, чѣмъ простое выясненіе силъ и расположенія противника. Поставивъ командующему генералу извѣстную задачу, хотя бы и точно ограниченную опредѣленнымъ райономъ, нельзя помѣшать развитію и сосредоточенію общаго сраженія именно въ этой мѣстности, если непріятель направитъ туда свои главныя силы; отступить въ такомъ случаѣ—значило бы подвергать опасности всю армію или обречь на разгромъ значительную ея часть, что̀ и грозило войскамъ генерала Гриппенберга. Газетные стратеги сообщаютъ, между прочимъ, что генералъ Куропаткинъ имѣлъ основаніе опасаться наступленія на свой центръ, и потому не только не могъ поддержать командующаго первою арміею, но долженъ былъ еще разсчитывать на поддержку съ его стороны; однако, эта гипотеза не выдерживаетъ критики. Генералъ Гриппенбергъ нуждался въ помощи именно потому, что непріятель бросилъ противъ него огромныя силы и обезпечилъ себѣ такимъ образомъ численное превосходство; а такъ какъ общая численность японскихъ войскъ у рѣки Шахэ въ настоящее время уступаетъ численности русскихъ, то ни въ центрѣ, ни на лѣвомъ нашемъ флангѣ намъ не могъ угрожать численный перевѣсъ японцевъ, и генералъ Куропаткинъ не имѣлъ повода раздѣлять приписываемыя ему опасенія или нуждаться въ содѣйствіи арміи генерала Гриппенберга, которая сама находилась въ стѣсненномъ и отчасти опасномъ положеніи.

Какъ бы то ни было, дѣло при Хайкотай и Сандепу, предпринятое съ неясною цѣлью и окончившееся добровольною неудачею, не улучшило общихъ условій дѣятельности нашихъ войскъ и не подняло нашихъ шансовъ на побѣду въ предстоящихъ битвахъ. Въ будущей кровавой встрѣчѣ иниціаторомъ выступитъ уже не генералъ Гриппенбергъ, а по всей вѣроятности генералъ Куроки, котораго маршалъ Ойяма, конечно, не оставитъ на произволъ судьбы, ради соблюденія сомнительнаго бюрократическаго принципа,—вслѣдствіе чего результаты могутъ оказаться для насъ довольно неожиданными. Пока намъ оффиціальныя

телеграммы изо дня въ день докладываютъ объ отбитомъ наступленіи двухъ японскихъ батальоновъ или о взятіи двухъ японцевъ въ плѣнъ,— можетъ втихомолку подготовиться новое обходное движеніе, столь же энергическое, настойчивое и аккуратно разсчитанное, какъ и всѣ предыдущія японскія комбинаціи подобнаго рода, и мы, по обыкновенію, благополучно отойдемъ на сѣверъ, къ Телину, для избѣжанія дальнѣйшихъ непріятностей. Никакое численное превосходство не спасаетъ насъ отъ обязательныхъ отступленій при системѣ пассивнаго выжиданія, когда инициатива всецѣло остается въ рукахъ противника. Можно имѣть вдвое больше войскъ, чѣмъ у непріятеля, и тѣмъ не менѣе въ каждомъ данномъ мѣстѣ, въ рѣшительную минуту, видѣть противъ себѣ подавляющее численное превосходство, какъ это бывало уже не разъ во время настоящей кампаніи.

Вотъ почему мы и высказали мнѣніе, что желательно было бы возбудить вопросъ о мирѣ ранѣе ухода съ позицій при Шахэ, такъ какъ не побѣжденная еще четырехсотъ-тысячная армія давала бы намъ нѣкоторое право разсчитывать на умѣренныя требованія противника; между тѣмъ послѣ ожидаемаго генеральнаго сраженія условія могутъ совершенно измѣниться, и война можетъ затянуться на неопредѣленное время. Но эти толки о желательности мира, къ сожалѣнію, не имѣютъ еще никакого значенія, ибо наши желанія необязательны для Японіи, которая, съ своей стороны, можетъ вовсе не стремиться къ скорому окончанію войны; японцы могутъ имѣть въ виду воспользоваться обстоятельствами для захвата Владивостока и прочнаго занятія Сахалина. Такимъ образомъ, настроеніе противника совпадало бы съ протестами нашихъ патріотовъ противъ возможнаго мира и продолжило бы войну со всѣми ея ужасами, вопреки явному желанію огромнаго большинства русскаго народа.

Международная слѣдственная коммиссія, засѣдавшая въ Парижѣ для обсужденія такъ называемаго Гулльскаго инцидента въ Сѣверномъ морѣ, закончила свои занятія составленіемъ обстоятельнаго протокола, который и былъ прочитанъ въ послѣднемъ торжественномъ засѣданіи 25 (12) февраля. Въ этомъ протоколѣ подробно излагаются факты, выясненные показаніями свидѣтелей и экспертовъ, и дѣлаются весьма дипломатическіе выводы, имѣющіе цѣлью не столько резюмировать дѣйствительную сущность спора, сколько удовлетворить обѣ стороны ради интересовъ общаго мира.

Фактическія данныя, находившіяся въ распоряженіи коммиссіи, заключали въ себѣ достаточный матеріалъ для составленія общей картины происшествія, но какъ бы намѣренно оставляли нѣкоторые

темные пункты безъ надлежащаго и полнаго освѣщенія. Съ одной стороны, установлено, что сигналъ къ тревогѣ былъ поданъ съ „Камчатки“, отставшей отъ прочихъ судовъ эскадры, вслѣдствіе полученной аваріи, и что это сообщеніе о минной атакѣ побудило адмирала Рожественскаго принять извѣстныя мѣры; русскіе офицеры, гг. Кладо, Эллисъ и Вальрондъ, положительно удостовѣрили, что стрѣльба вызвана была появленіемъ двухъ миноносцевъ, которыхъ нельзя было смѣшать съ рыбачьими или иными пароходами; одинъ изъ этихъ миноносцевъ былъ потопленъ выстрѣлами, а другой успѣлъ удалиться. Съ другой стороны, доказано, что энергическая и послѣдовательная пальба была направлена противъ несомнѣнно рыбацкихъ пароходовъ „Crane“ и „Mino“, изъ которыхъ первый дѣйствительно потонулъ, а второму удалось спастись; сверхъ того, съ броненосца „Князь Суворовъ“ стрѣляли въ русскій же крейсеръ „Аврора“, шедшій впереди на разстояніи полутора или двухъ миль въ сторонѣ отъ предположеннаго пути, причемъ въ крейсеръ попало пять снарядовъ: издали крейсеръ могъ быть принятъ за миноносецъ. Подозрительный „темный силуэтъ миноносца“, замѣченный также русскими моряками близъ „Князя Суворова“, соотвѣтствовалъ мѣстонахожденію рыбацкаго же судна „Alpha“, плохо освѣщеннаго или не имѣвшаго установленныхъ огней. Всѣ выслушанные коммиссіею капитаны, служащіе и матросы гулльской рыбацкой флотиліи категорически отрицали присутствіе японскихъ или какихъ-либо иныхъ миноносцевъ въ окрестностяхъ Доггербанка въ ночь съ 8 на 9 октября. Въ то же время всѣ государства, территоріи которыхъ прилегаютъ къ Сѣверному и ближайшимъ къ нему морямъ, формально заявили, что ни одинъ изъ ихъ миноносцевъ или контръ-миноносцевъ не находился тогда въ указанной мѣстности; то же самое подтвердила Японія. Одинъ только посторонній свидѣтель, матросъ съ норвежскаго судна, видѣлъ миноносецъ или похожее на него судно въ Сѣверномъ морѣ, но это было за два дня до инцидента. Что касается того судна, которое на другой день оставалось на мѣстѣ и принято было рыбаками за русскій миноносецъ, то это былъ, вѣроятно, задержавшійся въ пути транспортъ „Камчатка“.

Разобравъ эти разнородныя и противорѣчивыя показанія, коммиссія пришла къ заключенію, что русскій адмиралъ дѣйствовалъ добросовѣстно, но что и британскія указанія вполнѣ основательны. Большинство членовъ коммиссіи констатировало, что „нѣтъ достаточныхъ основаній съ точностью опредѣлить, въ какую именно цѣль были направлены снаряды съ броненосца „Князь Суворовъ“; вмѣстѣ съ тѣмъ они единодушно признали, что суда рыболовной флотиліи не обнаруживали никакихъ враждебныхъ или подозрительныхъ дѣйствій

и намѣреній; большинство рѣшило также, что ни среди рыболовныхъ судовъ, ни вообще въ этомъ мѣстѣ не было ни одного миноносца. „Въ виду этого—какъ сказано въ докладѣ коммиссіи—открытіе огня адмираломъ Рожественскимъ не оправдывалось обстоятельствами". Коммиссія не располагала „достаточно серьезными данными, которыя позволили бы судить о причинахъ, послужившихъ къ продолженію стрѣльбы съ лѣваго борта „Князя Суворова"; продолжительность же стрѣльбы съ праваго борта, даже съ точки зрѣнія русской версіи, казалась большинству членовъ болѣе значительною, чѣмъ это вызывалось необходимостью". Во всякомъ случаѣ, — говорится далѣе,— „члены коммиссіи единодушно признаютъ, что адмиралъ Рожественскій сдѣлалъ лично все отъ него зависящее, чтобы отъ начала и до конца стрѣльбы предотвратить выстрѣлы по рыболовнымъ судамъ, относительно которыхъ существовали сомнѣнія. Коммиссія признала также, что послѣ тѣхъ обстоятельствъ, которыя предшествовали инциденту и вызвали его, адмиралъ Рожественскій не былъ достаточно освѣдомленъ о томъ опасномъ положеніи, въ которомъ остались рыболовныя суда, въ силу чего и рѣшилъ продолжать путь. Однако, большинство членовъ коммиссіи выразило сожалѣніе по поводу того, что адмиралъ Рожественскій не позаботился при проходѣ черезъ Па-де-Калэ увѣдомить власти сосѣднихъ морскихъ державъ, что имъ былъ открытъ огонь по группѣ рыболовныхъ судовъ, что національность этихъ судовъ неизвѣстна и что они нуждаются въ помощи. Въ заключеніе, члены коммиссіи заявляютъ, что формулированныя въ докладѣ мнѣнія ни въ какомъ случаѣ не бросаютъ тѣни ни на военныя качества, ни на гуманныя чувства какъ лично адмирала Рожественскаго, такъ и его эскадры". Очевидно, международная слѣдственная коммиссія, высказавъ все нужное по существу, постаралась загладить щекотливую сторону своихъ сужденій любезными фразами и комплиментами, чтобы и волки были сыты, и овцы цѣлы. Наше правительство избавилось отъ непріятной перспективы привлеченія своего адмирала къ отвѣтственности за неправильную стрѣльбу, а англичане довольны тѣмъ, что эта стрѣльба признана дѣйствительно неосновательною и чрезмѣрно продолжительною. Относительно матеріальныхъ убытковъ не было съ самаго начала никакого сомнѣнія или спора;—они будутъ уплачены Россіею въ той суммѣ, какая будетъ опредѣлена Гаагскимъ третейскимъ трибуналомъ по разсмотрѣніи всѣхъ предъявленныхъ пострадавшими претензій.

Дѣло должно бы считаться поконченнымъ благополучно; но патріоты извѣстнаго рода приняли свои мѣры къ тому, чтобы оно продолжало служить предметомъ неопредѣленныхъ толковъ и раздражающей международной полемики. Послѣ того какъ заключеніе ком-

миссіи по гулльскому инциденту было уже напечатано во всѣхъ газетахъ, одно изъ нашихъ телеграфныхъ агентствъ пустило въ публику крайне интересное и загадочное извѣстіе, въ видѣ запоздавшей почему-то депеши изъ Парижа, отъ 23 (10) февраля. „У русскихъ коммиссаровъ и агентовъ по гулльскому дѣлу,—гласитъ это сообщеніе,—имѣются форменныя доказательства, что японскіе миноносцы несомнѣнно были; удалось даже точно узнать, когда именно японцы купили ихъ въ Англіи и откуда они появились — изъ мѣстечка, находящагося въ десяти миляхъ отъ Гулля. Тѣмъ не менѣе, въ виду общаго желанія покончить съ дѣломъ мирно и поскорѣе, было рѣшено обойти молчаніемъ эти обстоятельства". Это сенсаціонное сообщеніе, помѣщенное на видномъ мѣстѣ въ „Новомъ Времени" отъ 15 февраля, имѣетъ всѣ признаки неудачной выдумки; такого же рода намеки и раньше появлялись въ той же газетѣ, въ телеграммахъ изъ Лондона. Русскіе представители въ международной слѣдственной коммиссіи имѣли, будто бы, „форменныя доказательства" правоты адмирала Рожественскаго, но скрыли ихъ отъ коммиссіи и ограничились лишь слабыми и недостаточными доводами, чѣмъ навлекли на нашихъ моряковъ косвенное осужденіе,—и это сокрытіе благопріятной для насъ истины сдѣлано, будто бы, для того, чтобы „покончить съ дѣломъ мирно и поскорѣе"! Но вѣдь наши делегаты прямо утверждали, что враждебные миноносцы находились въ Средиземномъ морѣ, но не могли только подкрѣпить свое заявленіе положительными доказательствами; и именно отсутствіе этихъ доказательствъ, при категоричности утвержденія, вносило раздражительный тонъ во взаимныя отношенія британскихъ и русскихъ делегатовъ, усложняло занятія коммиссіи допросомъ ненужныхъ свидѣтелей и экспертовъ и рѣшительно мѣшало ей „покончить съ дѣломъ мирно и поскорѣе". Если тѣмъ не менѣе получился желательный для насъ результатъ, то этимъ мы прежде всего обязаны стараніямъ и такту предсѣдательствовавшаго адмирала Фурнье, а также французскаго министра иностранныхъ дѣлъ, Делькассѐ. Представленіе точныхъ доказательствъ, если бы они у насъ были, могло только облегчить нашу задачу и улучшить наше положеніе въ коммиссіи; а хлопотать о томъ, чтобы не обидѣть какихъ-либо англичанъ обвиненіемъ ихъ въ нарушеніи нейтралитета, было бы съ нашей стороны болѣе чѣмъ странно. Если бы обнаружилось, что японскіе миноносцы выпущены были противъ насъ завѣдомо изъ какой-нибудь англійской гавани, то это разоблаченіе было бы, конечно, непріятно для Англіи, и британскому правительству пришлось бы подвергнуть виновныхъ должностныхъ лицъ законной отвѣтственности; но намъ это доставило бы только удовлетвореніе, и сами англичане вынуждены были бы формально при-

знать нашу правоту. Впрочемъ, быть можетъ, союзники „Новаго Времени“ боялись обидѣть Японію, которая оффиціально заявила лондонскому кабинету объ отсутствіи ея миноносцевъ въ Сѣверномъ морѣ и, слѣдовательно, была бы уличена во лжи нашими „форменными доказательствами“; но это предположеніе падаетъ само собою, въ виду извѣстной и испытанной храбрости нашихъ газетныхъ патріотовъ. Трудно понять, почему указанное нами нелѣпое извѣстіе нашло себѣ мѣсто въ телеграммахъ „Россійскаго телеграфнаго агентства“ и съ какою цѣлью распространяются подобныя тенденціозныя выдумки. Англичане могутъ вѣдь, пожалуй, потребовать или формальнаго опроверженія этой телеграммы, или представленія тѣхъ доказательствъ, о которыхъ въ ней идетъ рѣчь, — подобно тому, какъ они въ свое время заставили, быть можетъ, наше министерство иностранныхъ дѣлъ отречься отъ всякой солидарности съ распространителями глупой басни о восемнадцати англо-японскихъ милліонахъ, употребленныхъ на подкупъ „русскихъ либераловъ, революціонеровъ и рабочихъ“. Лондонскій кабинетъ, вѣроятно, и удовлетворился тогда этимъ оффиціальнымъ отреченіемъ;—но у насъ пущенная въ ходъ безсмысленная клевета продолжала послѣ этого поддерживаться въ разныхъ „благонамѣренныхъ“, т.-е. продажныхъ органахъ, и, по какому-то странному недоразумѣнію, попала даже въ оффиціальное синодское воззваніе къ вѣрующему православному народу. Слухъ о намѣренной утайкѣ важныхъ уликъ отъ международной коммиссіи по гулльскому дѣлу не можетъ, разумѣется, разсчитывать на такіе почетные способы распространенія; но онъ тоже имѣетъ шансы держаться и послѣ того, какъ будетъ формально опровергнутъ. Все загадочное и маловѣроятное нравится той публикѣ, къ которой обращаются наши неразборчивые въ средствахъ газетные патріоты...

Новая сессія британскаго парламента открыта 14 (1) февраля королемъ Эдуардомъ съ обычнымъ церемоніаломъ, при блестящей торжественной обстановкѣ, въ присутствіи королевы, принца и принцессы Уэльскихъ, представителей высшей аристократіи и дипломатическаго корпуса; ниже трона, на ближайшихъ къ нему скамьяхъ возсѣдали судьи высшаго суда въ своихъ яркихъ историческихъ костюмахъ, и эта близость къ трону наглядно напоминала всѣмъ о дѣйствительномъ господствѣ законности и правосудія въ Англіи. Когда король и королева заняли свое мѣсто, въ палату лордовъ были вызваны представители общинъ, и лордъ-канцлеръ вручилъ королю напечатанный текстъ тронной рѣчи для прочтенія. Король отчетливо прочиталъ свою рѣчь, собраніе внимательно выслушало ее и разошлось, послѣ

чего обѣ палаты приступили къ своимъ занятіямъ. Тронна заключающая въ себѣ обыкновенно краткій обзоръ политическаго женія и программу предстоящихъ законодательныхъ работъ, не чалась на этотъ разъ особеннымъ интересомъ или новизною жанія. Упомянувъ о войнѣ, которая, „къ несчастью, продол еще между Россіею и Японіею", тронная рѣчь указываетъ на ческое состояніе дѣлъ въ балканскихъ провинціяхъ Турціи, г сильнѣе чувствуется потребность въ радикальныхъ реформа прочнаго улучшенія администраціи. Въ области собственно б скихъ интересовъ обращаетъ на себя вниманіе заявленіе о пр щихъ мѣрахъ къ выработкѣ конституціи и народнаго предста ства въ Трансваалѣ, съ цѣлью скорѣйшаго устройства полнаго управленія въ этой завоеванной англійскимъ оружіемъ странѣ. сительно внутренняго законодательства не намѣчено никаких лыхъ или широкихъ задачъ, такъ какъ нынѣшніе правительственные дѣятели предвидятъ уже возможность своей скорой отставки; не затронутъ даже жгучій вопросъ о покровительственныхъ пошлинахъ и о таможенномъ союзѣ съ колоніями,—вопросъ, такъ твердо поставленный и неутомимо разъясняемый бывшимъ министромъ торговли Чемберлэномъ, истиннымъ главою и вдохновителемъ господствующей нынѣ уніонистско-имперской національной партіи въ Англіи. Въ пользу рабочаго класса въ широкомъ смыслѣ этого слова предполагается выработать мѣры для облегченія и удовлетворенія возрастающей массы безработныхъ, искателей труда, занятій вслѣдствіе кризисовъ и перемѣнъ въ разных мышленности; принятыя пока временныя мѣры им благотворительный характеръ, а сущность желате должна еще выясниться въ будущемъ.

Въ засѣданіяхъ обѣихъ палатъ парламента, того обсуждалось, по обыкновенію, содержаніе вновь п домъ-канцлеромъ и спикеромъ тронной рѣчи, и пред на нее со стороны палаты. Въ палатѣ лордовъ граф предводитель либеральной оппозиціи, высказалъ нѣко мѣчанія о политикѣ правительства, отозвался одоб тельности министра иностранныхъ дѣлъ маркиза Лан самъ, связаннымъ съ русско-японскою войною, и вы что Англія, вмѣстѣ съ другими державами, восполь удобнымъ случаемъ, чтобы положить конецъ страшн тію. Лордъ Лансдоунъ произнесъ весьма содержате рѣчь, въ которой коснулся и вопроса о мирномъ п представилъ нѣкоторыя любопытныя объясненія по п экспедиціи. Затѣмъ проектъ отвѣта на тронную рѣч

безъ возраженій. Въ палатѣ общинъ сэръ Кемпбелль-Баннерманъ изложилъ взгляды своей партіи на политическое положеніе страны и правительства, въ связи съ предстоящими задачами, намѣченными въ тронной рѣчи. Онъ полагаетъ, что первый министръ Бальфуръ не долженъ былъ бы занимать свой постъ послѣ выяснившагося разлада между его идеями о таможенной политикѣ и господствующими въ парламентѣ взглядами; во всякомъ случаѣ, онъ обязанъ былъ бы откровенно развить свои воззрѣнія по этому важному предмету и сказать прямо, солидаренъ ли онъ съ Чемберлэномъ или нѣтъ. По всѣмъ признакамъ, Бальфуръ вполнѣ раздѣляетъ мнѣнія своего бывшаго коллеги по кабинету, хотя не признается въ этомъ вполнѣ открыто; а при такой солидарности съ Чемберлэномъ первому министру надлежало бы послѣдовать его примѣру и отказаться отъ должности, предоставивъ странѣ разрѣшить спорный вопросъ въ ту или другую сторону. Подвергнувъ критикѣ дѣйствія и взгляды правительства по различнымъ предметамъ законодательства и политики, сэръ Кемпбелль-Баннерманъ рѣзко нападалъ на Бальфура и требовалъ отъ него отвѣта на поставленные ему щекотливые вопросы. Бальфуръ подробно объяснилъ вождю либеральной опозиціи, почему онъ считаетъ свое положеніе вполнѣ правильнымъ и законнымъ; министерство несомнѣнно опирается на большинство въ палатѣ общинъ, и пока это большинство не отказывается поддерживать его, до тѣхъ поръ и глава кабинета не имѣетъ повода выходить въ отставку. Если страна не успѣла еще высказаться о системахъ таможенной политики, то такъ же точно она не имѣла случая высказываться относительно другихъ важныхъ вопросовъ, которые стоятъ на очереди или могутъ возникнуть въ ближайшемъ будущемъ; и слѣдовательно, съ точки зрѣнія оппозиціоннаго оратора, никакое министерство не могло бы считаться законнымъ выразителемъ общественнаго и народнаго мнѣнія. Пренія объ отвѣтномъ адресѣ продолжались затѣмъ въ дальнѣйшихъ засѣданіяхъ палаты и не закончились еще 22-го февраля. Споры вертѣлись главнымъ образомъ около фискальной и таможенной политики, и чувствовалось, что роль центральной фигуры играетъ вовсе не глава кабинета, Бальфуръ, а независимый политическій дѣятель, стоящій въ сторонѣ отъ правительства, Чемберлэнъ. Бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ, Аскитъ, предложилъ къ адресу поправку, съ выраженіемъ желанія, чтобы страна получила возможность высказаться по таможенному вопросу въ скорѣйшемъ времени посредствомъ новыхъ парламентскихъ выборовъ. Противъ этой поправки энергически возражалъ Чемберлэнъ; онъ вообще находитъ страннымъ, что оппозиція, несогласная съ его личными взглядами, ссылается на нихъ въ подкрѣпленіе своего требованія объ отставкѣ министерства, членомъ ко-

тораго онъ, Чемберлэнъ, не состоитъ. Защищая Бальфура и его политику, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ вновь разъясняетъ смыслъ и цѣль своей колоніально-протекціонистской пропаганды. Въ защиту Бальфура и министерства говорилъ и лордъ Сесиль, младшій сынъ знаменитаго лорда Сольсбери; потомъ, послѣ рѣчей другихъ ораторовъ, вторично выступилъ сэръ Кемпбелль-Баннерманъ съ обвинительною рѣчью противъ кабинета и его премьера; Бальфуръ резюмировалъ нападки оппозиціи и старался доказать ихъ несостоятельность, въ чемъ вѣроятно и убѣдилъ большинство палаты. При голосованіи поправка Аскита была отвергнута 311 голосами противъ 248, такъ что перевѣсъ въ пользу правительства составилъ 63 голоса,—перевѣсъ вполнѣ достаточный для сохраненія власти за Бальфуромъ.

Еще болѣе крупный и важный вопросъ былъ поднятъ ирландскимъ депутатомъ Редмондомъ, въ засѣданіи 20 февраля; онъ потребовалъ радикальнаго преобразованія старой системы управленія въ Ирландіи и внесъ соотвѣтственную поправку къ отвѣтному адресу на тронную рѣчь. Существующій въ Ирландіи режимъ, по его словамъ, противорѣчитъ волѣ ирландскаго народа и не даетъ ему законнаго участія въ завѣдываніи своими собственными общественными дѣлами, не пользуется поэтому довѣріемъ въ какой бы то ни было части населенія и возбуждаетъ всеобщее неудовольствіе и раздраженіе. Въ странѣ все болѣе распространяется мысль, что вооруженное возстаніе было бы дѣломъ національнаго долга, еслибы оно имѣло шансы успѣха. Лучшіе дѣятели самой Англіи, даже принадлежащіе къ консервативной партіи, признаютъ необходимость коренной реформы политическаго строя Ирландіи; ассоціація, связанная съ именемъ лорда Дэнравена, ставитъ себѣ задачей подготовленіе неизбѣжнаго преобразованія, въ виду полнаго банкротства и крушенія прежняго порядка вещей, и къ тому же выводу приходятъ всѣ добросовѣстные люди, имѣвшіе случай ознакомиться на дѣлѣ съ положеніемъ и настроеніемъ Ирландіи. За реформы стоитъ и нынѣшній статсъ-секретарь по дѣламъ Ирландіи, Виндгамъ, а его помощникъ, сэръ Макъ-Доннель, навлекъ на себя гнѣвъ могущественной партіи уніонистовъ своимъ прямымъ участіемъ въ проектахъ лорда Дэнравена относительно ирландской автономіи. Представитель „благонамѣренныхъ“ уніонистовъ Ольстерской провинціи, депутатъ Муръ, горячо возсталъ противъ статсъ-секретаря по дѣламъ Ирландіи за несправедливое, будто бы, отношеніе къ интересамъ протестантскихъ мѣстностей Ирландіи и за скрытую солидарность съ реформаторскими планами ассоціаціи лорда Дэнравена; депутаты Диллонъ и Гилл краснорѣчиво указывали на возмутительный гнетъ англійскаго меньшинства надъ массою туземнаго населенія Ирландіи и подтверждали

настоятельную неизбѣжность реформъ. Глава либеральной оппозиціи въ палатѣ, сэръ Кемпбелль-Баннерманъ, безусловно согласился съ мнѣніями ирландскихъ представителей и высказался за принятіе поправки Редмонда. Послѣ возраженій Бальфура палата отклонила поправку большинствомъ 286 голосовъ противъ 236; однако пренія объ Ирландіи продолжались въ томъ же духѣ по поводу частныхъ вопросовъ о дѣйствіяхъ помощника статсъ-секретаря по ирландскимъ дѣламъ, сэра Макъ-Доннеля, и о степени отвѣтственности министра за эти дѣйствія. Министръ Вингамъ утверждалъ, что Макъ-Доннель оказывалъ содѣйствіе и давалъ совѣты реформаторской ирландской ассоціаціи безъ его вѣдома и согласія; оппозиція находила, что онъ не долженъ былъ оффиціально осуждать своего помощника, если онъ въ душѣ раздѣляетъ его взгляды. Большинство палаты, однако, одобрило поведеніе статсъ-секретаря по дѣламъ Ирландіи 265 голосами противъ 223. Изъ этихъ голосованій можно видѣть, что при нынѣшнемъ составѣ парламента трудно надѣяться на осуществленіе какихъ-нибудь серьезныхъ реформъ въ Ирландіи; но при будущихъ парламентскихъ выборахъ вопросъ объ ирландской автономіи несомнѣнно займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ программахъ либеральной партіи, и дальнѣйшая судьба этого стараго вопроса окажется въ зависимости отъ степени господства и распространенія тѣхъ или другихъ идей въ странѣ. Насколько можно судить по усиліямъ и заявленіямъ даже нынѣшняго уніонистскаго правительства, самая потребность коренныхъ преобразованій никѣмъ не отрицается; но столь сложная и трудная задача была бы непосильною для кабинета Бальфура и поддерживающаго его парламента. Новый составъ парламентскаго большинства выдвинетъ нужныхъ дѣятелей и дастъ имъ падлежащій авторитетъ и энергію для осуществленія того, что уже давно было почти достигнуто Гладстономъ.

Новые торговые договоры, заключенные германскимъ правительствомъ съ семью государствами—Австро-Венгріею, Россіею, Италіею, Бельгіею, Швейцаріею, Румыніею и Сербіею,—возбудили оживленную, но запоздалую и безплодную полемику въ нѣмецкой печати и въ германскомъ парламентѣ. Заранѣе было извѣстно, что правительство съ графомъ Бюловомъ во главѣ и значительное большинство имперскаго сейма рѣшили усилить охрану интересовъ нѣмецкаго сельскаго хозяйства посредствомъ повышенныхъ таможенныхъ пошлинъ на привозимые изъ-за границы земледѣльческіе продукты; это торжество аграріевъ не было дѣломъ случая или чьего-либо произвола, а явилось результатомъ сознательныхъ усилій обширныхъ заинтересованныхъ группъ, съумѣвшихъ связать экономическія стремленія земле-

владѣльческой аристократіи съ разсчетами зажиточнаго крестьянства. Опираясь на мнѣнія и желанія господствующихъ парламентскихъ партій, графъ Бюловъ и его единомышленники довели до конца задуманное ими созданіе системы аграрнаго протекціонизма; новые договоры, разсмотрѣнные спеціальными парламентскими коммиссіями, одобрены теперь и имперскимъ сеймомъ, 22 (9) февраля, послѣ продолжительныхъ и интересныхъ преній. Они вступаютъ въ силу черезъ годъ, съ 1 марта 1906 года, и должны сохранять свое дѣйствіе до начала 1918 года, такъ что покровительство германскому земледѣлію и землевладѣнію обезпечено надолго.

Огромная доля переплатъ и убытковъ за эту охрану нѣмецкаго сельскаго хозяйства падаетъ, къ несчастью, на Россію, которая вынуждена будетъ отнынѣ или ограничить вывозъ своихъ главныхъ продуктовъ въ Германію, или получать за нихъ значительно меньше, чѣмъ прежде. Нашъ отечественный протекціонизмъ, въ противоположность германскому, основывается не на интересахъ и желаніяхъ большинства населенія, а на соображеніяхъ самовластной бюрократіи, чувствующей непреодолимую склонность къ развитію крупной промышленности на государственный и народный счетъ. Чиновники, подписавшіе новый договоръ съ Германіею отъ имени Россіи, не были обязаны руководствоваться мнѣніями и потребностями русскаго народа; они могли дѣйствовать по своимъ особымъ взглядамъ и по указаніямъ немногихъ лицъ, нисколько не служащихъ выразителями идей русскаго общества и даже рѣзко расходящихся съ этими господствующими у насъ идеями. Общественное мнѣніе Россіи по такому первостепенному и жизненному для нея вопросу никѣмъ не было спрошено, и русское земледѣліе ставится въ новыя, крайне тяжелыя условія международной конкурренціи только потому, что вліятельная часть нашего чиновничества желаетъ способствовать искусственному росту и процвѣтанію капиталистовъ, фабрикантовъ и заводчиковъ въ ущербъ всей остальной массѣ населенія. Германія ограждаетъ себя отъ привоза русскихъ хлѣбныхъ и прочихъ продуктовъ, чѣмъ содѣйствуетъ возвышенію цѣнъ на свои отечественные продукты той же категоріи; а мы позаботились о возможно сильнѣйшемъ огражденіи своего отечества отъ привоза нужныхъ намъ металлическихъ издѣлій, орудій и машинъ, чтобы поднять цѣны ихъ для обогащенія немногихъ россійскихъ или иностранныхъ предпринимателей,—и взамѣнъ за эти разорительныя для страны поощренія немногихъ промышленниковъ мы дали согласіе на повышеніе пошлинъ, имѣющихъ цѣлью затруднить вывозъ продуктовъ всего нашего народнаго сельскаго хозяйства за границу. Германскіе аграріи торжествуютъ; представители нѣмецкой промышленности и рабочаго класса

жалуются на судьбу, жестоко нападаютъ на противниковъ, уличаютъ ихъ въ безжалостномъ хищничествѣ и подробно высчитываютъ убытки всего трудящагося населенія при дѣйствіи новаго аграрнаго протекціонизма. Но ни побѣдители, ни потерпѣвшіе не могутъ въ Германіи ссылаться на какую-либо постороннюю, случайную силу, которая навязала бы имъ тѣ или другія готовыя рѣшенія; общество и народъ сами устроили свои обстоятельства, и если аграріи одолѣли промышленниковъ, то только въ силу своей лучшей организаціи и численнаго перевѣса. У насъ же торжество капиталистовъ и угнетеніе земледѣлія зависятъ отъ совершенно невѣдомыхъ, загадочныхъ или, вѣрнѣе, закулисныхъ причинъ, не имѣющихъ ничего общаго съ сознательною борьбою интересовъ и мнѣній. Коренные вопросы нашей экономической политики рѣшались и рѣшаются безъ всякой общественной борьбы, безъ публичнаго обмѣна мыслей, безъ старательнаго взвѣшиванія какихъ-либо національныхъ или классовыхъ интересовъ, и принимаемыя рѣшенія какъ будто сваливаются на насъ съ неба. Нигдѣ въ Россіи, ни въ какомъ собраніи заинтересованныхъ лицъ не предлагались на предварительное обсужденіе существенныя стороны той экономической системы, которая воплощается въ новомъ торговомъ договорѣ съ Германіею; но въ германскомъ имперскомъ сеймѣ часто говорится и объ экономическихъ дѣлахъ Россіи, причемъ безпристрастные и свѣдущіе ораторы совершенно отказываются понимать принципы и цѣли нашей народно-хозяйственной политики. Въ этомъ духѣ разсуждаетъ, напримѣръ, одинъ изъ представителей партіи прогрессистовъ въ засѣданіи 22 февраля: „Русскій протекціонизмъ стоилъ Россіи огромныхъ жертвъ и въ концѣ концовъ привелъ къ тому, что крестьянство часто голодаетъ. По здравому смыслу, русское правительство должно было бы стремиться къ развитію и улучшенію сельскаго хозяйства страны, вмѣсто того, чтобы жертвовать земледѣльческими интересами ради промышленныхъ“. Эти слова депутата Готгейна заключаютъ въ себѣ, быть можетъ, нѣкоторую долю правды...

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 марта 1905.

I.

— Богдановичъ, Т. Очерки изъ прошлаго и настоящаго Японіи. Съ многочисленными иллюстраціями и приложеніемъ текста японской конституціи. Спб. 1905.

Книга г. Богдановича основана, повидимому, на хорошемъ непосредственномъ знакомствѣ съ Японіей и на тщательномъ изученіи литературы о ней. Искреннее сочувствіе къ судьбамъ „маленькаго народа“, сумѣвшаго удивить міръ своей оригинальной цивилизацiей въ моментъ чрезвычайнаго подъема національнаго духа, соединяется, въ спокойномъ и ясномъ изложеніи автора, со стремленіемъ къ фактической доказательности и вдумчивой оцѣнкѣ разнорѣчивыхъ показаній. Задаваясь цѣлью не столько, впрочемъ, подавить читателя обиліемъ собственно-фактическихъ свѣдѣній, сколько уяснить ихъ смыслъ и подвести итоги, г. Богдановичъ рисуетъ замѣчательную картину историческаго развитія и современнаго положенія Японіи, картину, весьма поучительную для русскаго читателя, призываемаго нынѣ къ осуществленію, на самомъ себѣ, въ той или иной формѣ, различныхъ принциповъ политическаго воспитанія. Въ этомъ отношеніи книга г. Богдановича является превосходной иллюстраціей къ тому безспорному, но подчасъ забываемому положенію, что „люди—всегда люди“, и что на всемъ земномъ шарѣ одинаковыя причины всегда производятъ одинаковыя слѣдствія.

Относительно Японіи это положеніе забывалось до послѣдняго времени, когда сталъ разсѣиваться туманъ предубѣжденія и ложныхъ взглядовъ, будто общественная жизнь этой страны, въ своей внутренней сущности, основана на иныхъ (опять-таки внутреннихъ, а не внѣшнихъ) началахъ, чѣмъ европейская, и въ частности наша русская жизнь. Слишкомъ обманчивыми показались сразу своеобразные внѣшніе

признаки. Въ печати не разъ ссылались на показанія автора „Фрегата Паллада“ для характеристики того контраста, который создается, съ одной стороны, сопоставленіемъ Японіи съ другими частями свѣта, а съ другой—сравненіемъ до-реформеннаго состоянія этой страны съ позднѣйшимъ процвѣтаніемъ, въ періодъ конституціоннаго режима. Послѣдняя перемѣна многимъ представлялась сказочно-быстрой, неожиданной, точно наступившей по внезапной милости капризнаго Неба. Упускалась изъ виду громадная многовѣковая работа историческаго прошлаго Японіи, со всѣми перипетіями политической борьбы, при освобожденіи отъ старыхъ отживающихъ формъ быта къ новымъ, выражающимъ назрѣвающія потребности народной жизни и общественнаго самосознанія. Г. Богдановичъ весьма кстати вспоминаетъ „записки“ В. М. Головина, который провелъ три года (1811 — 1814) въ плѣну у японцевъ и впослѣдствіи (книга вышла въ 1827 г.) писалъ о нихъ: „Если надъ симъ многочисленнымъ, умнымъ, тонкимъ, переимчивымъ, трудолюбивымъ и терпѣливымъ народомъ будетъ царствовать государь, подобный великому нашему Петру, то съ пособіями и сокровищами, которыя Японія имѣетъ въ нѣдрахъ своихъ, онъ приведетъ ее въ состояніе черезъ малое количество лѣтъ владычествовать надъ всѣмъ Восточнымъ океаномъ. И что̀ бы тогда было съ приморскими областями на востокѣ Азіи и на западѣ Америки, столь отдаленными отъ тѣхъ странъ, которыя должны ихъ защищать?“ А далѣе прибавляетъ, что Японія можетъ воспринять европейскую цивилизацію „даже и безъ особаго генія, каковымъ былъ нашъ Петръ,—но силою и теченіемъ обстоятельствъ“.

Невольно, при чтеніи этой книги, возникаютъ различные вопросы. Кто помнилъ и кто считался съ этими замѣчательными словами, высказанными восемьдесятъ лѣтъ назадъ, изъ дѣятелей, вовлекавшихъ Россію въ войну на Дальнемъ Востокѣ? Какіе просвѣщенные умы призывались взвѣсить „силу и теченіе обстоятельствъ“, долженствовавшихъ, по предсказанію умнаго офицера, обезпечить въ будущемъ владычество Японіи надъ всѣмъ Востокомъ? Увы, на эти вопросы никто, по обязанности, не отвѣтитъ читателю, и ему остается только присоединиться къ сожалѣнію г. Богдановича о томъ, какъ быстро забываются у насъ правильныя мысли: „Можетъ быть, если бы о нихъ своевременно помнили, удалось бы избѣжать многихъ непріятныхъ неожиданностей“...

Авторъ внимательно слѣдитъ за ходомъ японской исторіи, съ момента ея зарожденія въ легендарныхъ преданіяхъ народа, разсказываетъ, какъ складывался его родовой бытъ, затѣмъ создалась своеобразная система, выродившаяся въ настоящій феодализмъ. Въ XVII и XVIII вѣкѣ феодальный строй постепенно уступаетъ мѣсто

другому порядку вещей, при которомъ падаетъ власть отдѣльныхъ владѣльцевъ и одно центральное правительство подчиняетъ себѣ всю страну. Внутренній распорядокъ власти въ этомъ центральномъ правительствѣ довольно любопытенъ. Микадо считается единымъ неограниченнымъ монархомъ, абсолютизмъ власти котораго покоится на велѣніяхъ божественнаго авторитета. Но такъ какъ онъ недосягаемо высоко поставленъ надъ простыми смертными, чтобы заниматься ихъ дѣлами, то онъ и передаетъ фактическое управленіе страной своему уполномоченному—„шогуну", который явился, такимъ образомъ, олицетвореніемъ бюрократической централизаціи.

„Этотъ хитрый силлогизмъ былъ изобрѣтенъ,—говоритъ г. Богдановичъ,—конечно, шогунами, чтобы узурпировать всю власть микадо, оставаясь подъ охраною ихъ божественнаго происхожденія. Естественнымъ слѣдствіемъ этого разсужденія было то, что за микадо сохранился только декорумъ власти, вся же ея сущность перешла къ шогуну. Шогуны изъ рода Токугава прекрасно понимали всѣ выгоды своего положенія и старались всячески укрѣпить его, обставляя всякой пышностью и всякимъ почетомъ микадо, и въ то же время лишая его всякой возможности имѣть непосредственныя сношенія со страной. Микадо жилъ въ Кіото, окруженный блестящимъ дворомъ, чины котораго (куге) считались выше всѣхъ остальныхъ правительственныхъ чиновниковъ и дайміосовъ и даже выше самого шогуна, но въ то же время не имѣли никакой реальной власти ни надъ чѣмъ. Кіото былъ высокой и заповѣдной страной. Ни одинъ дайміосъ, не говоря уже о другихъ, не могъ показываться туда, подъ страхомъ большого наказанія. Особа микадо была слишкомъ высока, и своимъ приближеніемъ простой смертный могъ оскорбить ее. Въ дѣйствительности, причиной этого запрещенія служитъ, конечно, боязнь, чтобы дайміосы не вошли въ сношенія съ микадо и не начали интриговать противъ шогуна".

Шогуну помогалъ совѣтъ изъ пяти министровъ, и власть его поддерживалась, во-первыхъ, особымъ отдѣленіемъ изъ шести членовъ и, во-вторыхъ, централизованной бюрократіей. Это особое отдѣленіе, снабженное функціями нашего, въ общихъ чертахъ, отдѣльнаго корпуса жандармовъ, должно было слѣдить за выполненіемъ всѣхъ предписаній центральной власти, но главное—за поведеніемъ и образомъ мыслей „дайміосовъ", дворянъ, составлявшихъ наиболѣе интеллигентную часть населенія. По всей странѣ разсыпались агенты этого охраннаго отдѣленія, стараясь проникать всюду и обо всемъ доносить шогуну. „Эта система шпіонства,—говоритъ г. Богдановичъ,—чрезвычайно тщательно разработанная первыми шогунами, составляла одну изъ главныхъ опоръ ихъ власти. Посредствомъ своихъ шпіоновъ они могли узнавать о всякомъ зародышѣ неудовольствія и прекра-

щать его раньше, чѣмъ оно могло развиться. Этой остроумной системѣ они считали себя обязанными тѣмъ, что, со времени водворенія ихъ рода, всякія смуты въ странѣ исчезли и порядокъ ни разу серьезно не нарушался. Но, конечно, система эта могла поддерживать и дѣйствительно поддерживала порядокъ только до тѣхъ поръ, пока весь связанный съ ней государственный строй соотвѣтствовалъ реальнымъ потребностямъ страны, а какъ только въ странѣ развились новыя силы и новыя потребности, не вмѣщавшіяся въ данномъ государственномъ строѣ, такъ эта система самозащиты оказалась совершенно неспособной охранить его".

Авторитетъ этой въ существѣ абсолютной власти, принесшій въ свое время извѣстную долю пользы, когда ей суждено было устранить феодальную анархію, сыгравъ свою историческую роль, выродился въ принципъ косности и гнета для страны. Этотъ принципъ поддерживался силою вещей, пока центральное правительство въ лицѣ шогуна было сильно; но когда эта сила, опиравшаяся на финансовое положеніе страны, пошатнулась, и въ то же время, „какъ это всегда бываетъ", и сами носители измельчали и стали вырождаться,—тогда выступило наружу истинное отношеніе сознательной части общества къ нимъ, и долго заглушавшееся стремленіе къ независимости вырвалось наружу. Ничтожество послѣднихъ шогуновъ совпало съ крайнимъ развитіемъ бюрократіи. Когда-то и она сослужила свою службу. „Но бюрократія—вездѣ бюрократія, замѣчаетъ авторъ. Ея отрицательныя стороны скоро заслонили нѣкоторую долю пользы, принесенную ею вначалѣ. Не связанная никакими интересами съ мѣстнымъ населеніемъ, она стремилась только выжимать изъ него все, что возможно, не заботясь нисколько о поднятіи его благосостоянія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она все разрасталась, дѣлопроизводство ея все усложнялось, все дальше удаляясь отъ реальныхъ нуждъ населенія и все больше превращаясь въ мертвую канцелярщину съ безконечнымъ бумагомараньемъ вмѣсто насущнаго дѣла. Стоимость ея содержанія тоже, конечно, постепенно возрастала и ложилась тяжелымъ бременемъ все на то же населеніе".

Какъ и вездѣ, абсолютизмъ отливается въ однѣ и тѣ же изъ вѣка опредѣленныя формы. Когда революціонное броженіе разлилось въ обществѣ и всякое направленіе, несогласное съ правительственнымъ, объявлялось вреднымъ и опаснымъ, въ Японіи наступила эра цензурнаго гнета и политическихъ преслѣдованій, которыя прекратились только съ паденіемъ режима. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ нашъ авторъ: „Историческія сочиненія, цѣлыя философскія системы, несогласныя съ видами правительства, запрещаются или уничтожаются. Авторы ихъ высылаются въ отдаленныя провинціи, лишаются права печатать

что бы то ни было, заключаются въ тюрьмы. Еще въ концѣ XVIII вѣка шогунъ Іенари запретилъ распространеніе всѣхъ философскихъ теорій, противорѣчившихъ принятому въ Японіи конфуціанскому ученію, Чу-хи или Чузи. Конфуціанизмъ въ изложеніи Чу-хи освящалъ существующій строй; слѣдовательно, всякое колебаніе его авторитета, всякое сомнѣніе въ его неопровержимости должно быть признано опаснымъ. Между прочимъ, подверглась запрещенію идеалистическая философія Уангъ-янгъ-мина, стремившагося поднять значеніе личности". Такой же цензурѣ подвергались и историческія сочиненія, но, конечно, цензура, истребляя сочиненія, не могла помѣшать распространенію самихъ идей, особенно въ средѣ молодежи, которая волновалась текущими событіями и собиралась въ кружки, напоминавшіе автору наши кружки сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ.

Далѣе авторъ разсказываетъ, какими усиліями была достигнута побѣда надъ шогуномъ, этимъ „деспотомъ, отравившимъ страну ядомъ шпіонства", какъ власть сосредоточилась въ рукахъ молодого микадо, внявшаго голосу страны и обезпечившаго, путемъ цѣлаго ряда реформъ, необходимыя условія нормальной общественной и государственной жизни. Отвѣчая назрѣвшимъ потребностямъ страны, вводится конституція, дѣлающая съ тѣхъ поръ имя императора Мутсу-Хито навсегда историческимъ. Основныя начала японской конституціи представляются въ слѣдующемъ видѣ: японская конституція установила окончательно полную, личную и имущественную свободу всѣхъ японскихъ гражданъ и равенство всѣхъ передъ законами. Всякій японскій подданный пользуется личной неприкосновенностью. Никто не имѣетъ права войти въ его жилище противъ его воли или обыскать его иначе, какъ въ случаяхъ, строго опредѣленныхъ закономъ (§ 25); самъ онъ тоже не можетъ быть арестованъ, привлеченъ къ дознанію или заключенъ въ тюрьму иначе, какъ въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ закономъ (§ 23). Тайна частной переписки ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть нарушена (§ 26). Имущество японскаго гражданина неприкосновенно (§ 27). Всѣ японскіе граждане пользуются безусловной свободой вѣроисповѣданія (§ 27), слова, печати, собраній и союзовъ (§ 29). Только въ исключительныхъ случаяхъ, путемъ законодательныхъ актовъ, можетъ быть временно ограничена эта свобода. Передъ лицомъ закона всѣ японскіе граждане пользуются полнымъ равенствомъ. Всѣ прежнія сословныя и групповыя привилегіи считаются уничтоженными. Всѣ граждане могутъ избирать себѣ любое мѣстожительство и занятіе (§ 22), такимъ образомъ, всѣ гильдейскія монополіи признаются незаконными; всѣ имѣютъ доступъ ко всякимъ государственнымъ должностямъ (§ 19); всѣ подлежатъ дѣйствію одного суда, не допускающаго никакихъ изъятій; всѣ подчинены одинаковому

обложенію (§ 21); всѣ обязаны отбывать воинскую повинность (§ 20). Въ отношеніи къ верховной власти подданные имѣютъ только неограниченное право петицій какъ на имя микадо, такъ и къ парламенту.

Заканчивая свой обзоръ главнѣйшихъ сторонъ государственной жизни Японіи въ ихъ прошломъ и настоящемъ, обзоръ, замѣчательный по умѣнью автора сосредоточить вниманіе читателя на главномъ, характерномъ, не разсѣивая его на мелочахъ, г. Богдановичъ подводитъ итоги своему изложенію и прежде всего прочно устанавливаетъ то положеніе, что, вопреки не разъ высказывавшимся мнѣніямъ, Японія—не страна вчерашняго дня, съ недавней и неглубокой культурой,—что она, напротивъ, съ самаго начала исторической жизни правильно и закономѣрно развивалась, переживая тѣ же главныя стадіи экономическаго и политическаго роста, какъ и западно-европейскія страны. Столкновеніе съ Европой только помогло ей сдѣлать послѣдніе шаги въ естественно принятомъ направленіи экономическаго и политическаго раскрѣпощенія. Европа дала ей готовыя формы государственныхъ и экономическихъ отношеній. „Законы историческаго развитія—общи для всѣхъ странъ и народовъ,—говоритъ авторъ,—и народъ отставшій,—если онъ не хочетъ быть сметеннымъ съ исторической сцены, или подвергнуться случайностямъ кровавой внутренней борьбы,—долженъ послѣдовать примѣру своихъ старшихъ сосѣдей". Что касается такъ называемой „желтой опасности", то авторъ признаетъ ее лишь по отношенію къ европейскимъ капиталистамъ, которые рискуютъ потерять въ Японіи и на громадномъ пространствѣ вокругъ колоссальный рынокъ для сбыта своихъ товаровъ. Для цивилизаціи никакой „желтой опасности" не существуетъ. „Прогрессивные элементы европейскаго общества, не имѣющіе ничего общаго съ своекорыстными интересами всякаго рода дѣльцовъ,—всѣ представители производительнаго труда—физическаго и умственнаго—могутъ только привѣтствовать въ обновленной Японіи новый факторъ въ достиженіи общечеловѣческихъ идеаловъ".

Уже изъ этихъ отрывочныхъ и краткихъ извлеченій можно видѣть, какихъ животрепещущихъ для русскаго читателя вопросовъ касается прекрасная книга г. Богдановича, и какой серьезный интересъ можетъ возбудить она къ этой замѣчательной странѣ, которая, при всей общности формъ соціальнаго и экономическаго развитія, продолжаетъ оставаться въ то же время психологической расовой загадкой. „Если вы пробыли въ Японіи шесть недѣль,—говоритъ одинъ англичанинъ, прожившій здѣсь нѣсколько лѣтъ,—вы все понимаете. Черезъ шесть мѣсяцевъ вы начинаете сомнѣваться. Черезъ шесть лѣтъ вы ни въ чемъ не увѣрены"... Однако будемъ надѣяться, что

съ теченіемъ времени и эта загадка откроется силѣ научнаго анализа, и расовыя особенности исчезнутъ изъ политическихъ соображеній, занявъ особую главу въ антропологической наукѣ.

II.

— Русская печать и цензура въ прошломъ и настоящемъ. Статьи Вл. Розенберга и В. Якушкина. М. 1905.

Эта книга вызываетъ на серьезныя и грустныя размышленія. Читая ее, невольно завидуешь даже японцамъ, не говоря уже о странахъ западно-европейскихъ, что то, о чемъ разсказывается въ этой книгѣ, для нихъ составляетъ преданіе, которому не суждено воплотиться въ жизни. Факты, собранные, напр., въ статьѣ г. Якушкина—„Изъ исторіи русской цензуры", кажутся даже намъ, живущимъ еще въ прежнихъ условіяхъ печатнаго слова, невѣроятными, иные представляются анекдотами, спеціально придуманными для потѣхи россійскаго обывателя, а между тѣмъ эти анекдоты ужасомъ и болью леденили писательскій мозгъ и отражались на нервахъ читателей мукой затаенной писательской скорби, горечью отчаянія и ожесточенія. Развѣ не анекдоты всѣ эти, приводимыя г. Якушкинымъ, поправки и замѣчанія цензора Красовскаго къ стихотвореніямъ поэта Олина:

1. Улыбку устъ твоихъ *небесную* ловить.

„Слишкомъ сильно сказано,—замѣчаетъ цензоръ:—женщина не достойна того, чтобы улыбку ея называть *небесною*".

2. И молча *на тебѣ* свои покоить взоры.

„Тутъ есть какая-то двусмысленность".

3. И поняла, *чего* душа моя искала.

„Надо объяснить, чего именно, ибо здѣсь дѣло идетъ *о душѣ*".

4. Что въ мнѣньи мнѣ людей? Одинъ твой нѣжный взглядъ
Дороже для меня *вниманья всей вселенной.*

„Сильно сказано; къ тому-жъ во вселенной есть и цари, и законныя власти, вниманіемъ которыхъ дорожить должно".

5. О какъ-бы я желалъ пустынныхъ странъ въ тиши
Безвѣстный *близь тебя къ блаженству пріучаться.*

„Такихъ мыслей никогда разсѣвать не должно; это значитъ, что авторъ не хочетъ продолжать своей службы государю для того только, чтобы быть всегда съ своей любовницей; сверхъ сего къ блаженству можно только пріучаться близь Евангелія, а не близь женщины".

6. О какъ бы я желалъ *всю* жизнь тебѣ отдать.

„Что-жъ останется Богу?“

7. У *ногъ твоихъ* порой для пѣсней лиру строить.

„Слишкомъ грѣшно и унизительно для христіанина сидѣть у ногъ женщины“...

Не анекдотичны ли и дѣйствія цензора Мехелина, который вымарывалъ изъ древней исторіи имена всѣхъ великихъ людей, сражавшихся за свободу отечества или державшихся республиканскаго образа мыслей? Не становятся ли „крылатыми словами“ анекдотическаго характера и пресловутыя обвиненія во „вредномъ направленіи“ почти всѣхъ періодическихъ изданій, позволяющихъ себѣ „смѣть свое сужденіе имѣть“? А между тѣмъ учрежденія, на обязанности которыхъ лежитъ обогащеніе исторической памяти анекдотами вродѣ вышеприведенныхъ, дѣйствуютъ и понынѣ, и результаты ихъ дѣйствій являются источникомъ неисчислимыхъ бѣдствій для общественной жизни и судьбы прессы въ ея призваніи служить правдивымъ отраженіемъ общественнаго самосознанія. Судьбы нашей печати нашли краткую, но выразительную, сдѣланную языкомъ цифръ и фактовъ характеристику въ статьѣ г. Вл. Розенберга „Въ мірѣ случайностей“. Онъ приводитъ въ ней рядъ таблицъ различнаго рода каръ и взысканій за послѣднія сорокъ лѣтъ, причемъ картина административнаго произвола изображена такъ, что въ степени наглядности дальше идти, положительно, некуда; характерно, между прочимъ, что изъ 715 различныхъ взысканій, выпавшихъ на долю 641 періодическаго изданія, 710 наложены по распоряженіямъ центральныхъ властей. Болѣе всего русская журналистика обвинялась въ распространеніи „вредныхъ ученій соціализма и коммунизма“, клонящихся къ потрясенію или ниспроверженію существующаго порядка и къ водворенію анархіи“; въ этомъ обвинялся даже „Наблюдатель“, а когда-то и—„Новое Время“.

„Періодъ споровъ, обсужденія и разногласій,—говоритъ г. Розенбергъ (въ статьѣ: „Пресса, цензура и общество“),—по этому вопросу въ Россіи давно уже миновалъ. Всѣ доводы *за* и *противъ* печати, регулируемой цензурою, и печати, регулируемой закономъ, исчерпаны: никакихъ новыхъ человѣческая мысль изобрѣсти не можетъ. Кромѣ того, режимъ цензуры извѣданъ нами до конца, во всѣхъ формахъ, на протяженіи многихъ десятковъ лѣтъ. Продолжать ли опытъ, плоды котораго у всѣхъ на глазахъ? Если не пугаетъ апатія мысли, естественный продуктъ цензурной опеки надъ нею, если не претитъ застой, плѣсень и разложеніе въ общественномъ дѣлѣ, неизбѣжные спутники безгласности, если не надоѣло еще бродить въ

потемкахъ и тщетно искать выхода изъ тяжелаго кризиса, переживаемаго страною, то никакого пересмотра законовъ о печати не нужно. Въ такомъ случаѣ и дѣйствующій Уставъ, при всѣхъ его несообразностяхъ, можетъ быть сохраненъ въ полной неизмѣнности, ибо вѣдь при цензурномъ режимѣ въ сущности дѣло все зависитъ не отъ закона, а отъ произвола администраціи".

Кромѣ упомянутыхъ, въ книгѣ помѣщено еще нѣсколько статей г. Розенберга по вопросамъ: 1) Какой цензурный уставъ у насъ дѣйствуетъ; 2) Срочность предостереженій; 3) „Отдѣльный" цензоръ и нужды провинціальной печати; 4) Изъ практики примѣненія законовъ о печати. Въ концѣ приложены: 1) Списокъ періодическихъ изданій, подвергшихся административнымъ взысканіямъ въ 1865—1904 гг.; 2) Сводъ данныхъ о мотивахъ предостереженій, полученныхъ журналами и газетами въ 1865—1904 гг. Сущность всего написаннаго сводится къ мысли, уже высказанной выше: самые совершенные законы не улучшатъ положенія печатнаго слова, пока не будетъ фактически устранена возможность административнаго произвола.

III.

— Л. Сулержицкій. Въ Америку съ духоборами. Изд. „Посредника". М. 1905.

Книга г. Сулержицкаго читается съ большимъ интересомъ. Въ предисловіи авторъ указываетъ на побужденія, заставившія его взяться за перо. Въ русской печати появилось уже нѣсколько работъ о духоборахъ, изображающихъ внѣшній и внутренній бытъ этой замѣчательной группы русскихъ людей, которой не нашлось мѣста въ родной странѣ въ мрачную эпоху всевозможныхъ стѣсненій совѣсти и мысли, и она переселилась въ далекія американскія степи. Но не было свѣдѣній о томъ, какъ совершилось переселеніе духоборовъ въ Америку, и о томъ, какъ они чувствовали себя въ Канадѣ въ первое время, очутившись въ столь новыхъ и чуждыхъ для себя условіяхъ. Этотъ пробѣлъ и пополняетъ г. Сулержицкій, причемъ свѣдѣнія его тѣмъ цѣннѣе, что онъ принималъ довольно близкое участіе въ этомъ переселеніи и впечатлѣнія свои заносилъ въ дневникъ. Фактическая достовѣрность важна въ данномъ случаѣ въ томъ отношеніи, что въ свое время, когда совершалось самое переселеніе, въ общество проникали самые фантастическіе слухи, особенно по вопросу о степени участія Л. Н. Толстого въ рѣшеніи духоборовъ.

Авторъ разъясняетъ этотъ вопросъ. Л. Н. Толстой не былъ иниціаторомъ переселенческаго движенія. Починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ

мудрой заботливости кавказской администраціи, которая въ 1894 г. насильственно переселила значительную часть духоборовъ (около 4.300 ч.) изъ ея домовъ въ Карсской области въ знойныя лихорадочныя долины тифлисской губерніи, гдѣ среди чуждаго населенія, при отсутствіи заработка, при запрещеніи перехода съ мѣста на мѣсто, въ теченіе трехъ лѣтъ умерло почти тысяча человѣкъ. Подъ вліяніемъ этихъ причинъ, а также изнывая отъ полной неизвѣстности относительно своей дальнѣйшей участи, духоборы рѣшили выселиться изъ Россіи и тогда же обратились къ Толстому за совѣтомъ. Толстой дважды убѣждалъ духоборовъ отказаться отъ мысли объ оставленіи Россіи, приводя разные доводы и мнѣнія авторитетныхъ лицъ; только убѣдившись въ полной невозможности уговорить духоборовъ, Л. Н. пришелъ имъ на помощь крупнымъ денежнымъ пожертвованіемъ, причемъ одинъ изъ сыновей Толстого принялъ личное участіе въ переселенческой организаціи.

Разсказъ о переѣздѣ черезъ океанъ и впечатлѣніяхъ первыхъ мѣсяцевъ пребыванія въ Америкѣ чрезвычайно занимателенъ. Онъ рисуетъ во весь ростъ духоборовъ съ ихъ изумительной стойкостью духа, съ ихъ горячимъ стремленіемъ къ жизни, основанной на взаимномъ уваженіи и любви. Тягостны были сначала условія ихъ существованія въ Америкѣ, но энергія побѣдила всѣ преграды. Тамъ они нашли свою стихію—земледѣльческій трудъ, въ которомъ все ихъ призваніе, источникъ и смыслъ жизни. „Здѣсь только,—какъ говоритъ авторъ,—каждый духоборъ чувствуетъ себя хозяиномъ; онъ здѣсь въ своей сферѣ. Здѣсь онъ никому не подчиняется. Здѣсь онъ чувствуетъ, что, идя за плугомъ, онъ уже исполняетъ волю своего Бога, и что вмѣстѣ съ окружающей его природой онъ составляетъ одно гармоническое, неразрывное цѣлое, подчиненное только одному Хозяину, создавшему все это".

Рядъ снимковъ съ натуры оживляетъ книгу, которую отъ души можно рекомендовать вниманію читателей.

IV.

— А. А. Пановъ. Сахалинъ какъ колонія. Очерки колонизаціи и современнаго положенія Сахалина. М. 1905.

Сахалинъ привлекалъ къ себѣ вниманіе читателей, главнымъ образомъ, какъ мѣсто ссылки, и посвящавшіяся ему сочиненія знакомили по преимуществу съ бытомъ и нравами невольныхъ обитателей острова. Авторъ книги, прожившій на Сахалинѣ, по его сообщенію, четырнадцать мѣсяцевъ, ставитъ своей задачей разсмотрѣть условія, при ко-

торыхъ Сахалинъ могъ бы превратиться въ цвѣтущую колонію. По его мнѣнію, спеціальная роль, предназначенная Сахалину тюремнымъ вѣдомствомъ, не выдерживаетъ критики, такъ какъ этотъ островъ имѣетъ всѣ данныя для того, чтобы служить важнымъ промышленнымъ пунктомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ источникомъ значительнаго дохода. Отмѣчая прекрасное географическое положеніе Сахалина, авторъ говоритъ: „Еслибы по самой природѣ своей Сахалинъ не былъ ни на что болѣе пригоденъ, какъ только служить мѣстомъ ссылки, тогда, конечно, вопросъ о причинахъ неудачи его колонизаціи, какъ не выходящій изъ сферы интересовъ тюремнаго вѣдомства, имѣлъ бы весьма мало значенія для общества. Но Сахалинъ сдѣлался колоніей ссыльныхъ только случайно, только потому, что мы не сумѣли иначе распорядиться съ этимъ богатѣйшимъ островомъ. Трудно найти другой уголокъ, гдѣ бы на такомъ сравнительно небольшомъ пространствѣ (66 тысячъ квадр. верстъ) было сосредоточено такъ много самыхъ разнообразныхъ естественныхъ богатствъ. Каменный уголь, нефть, желѣзо—вотъ главнѣйшія изъ ископаемыхъ, которыя въ рукахъ болѣе предпріимчивыхъ людей, несомнѣнно, давно уже придали бы Сахалину значеніе одной изъ богатѣйшихъ промышленныхъ колоній. Его рыбныя богатства буквально неисчерпаемы и, по словамъ одного изъ новѣйшихъ изслѣдователей морской фауны Сахалина, могутъ сравниться только съ Ньюфаундлендскими. Его лѣса уже и въ настоящее время даютъ матеріалъ для значительнаго экспорта. Наконецъ, въ средней и южной частяхъ острова имѣются плодородныя почвы, удобныя для земледѣлія и скотоводства, которыя, при правильной постановкѣ сельскаго хозяйства, могли бы прокормить гораздо болѣе многочисленное населеніе, чѣмъ то, которое въ настоящее время пухнетъ отъ голода на Сахалинѣ".

Г. Пановъ считаетъ большой ошибкой предоставленіе тюремному вѣдомству права распоряжаться колонизаціей Сахалина и подчеркиваетъ, какъ результатъ двадцатилѣтняго опыта въ этомъ отношеніи, что задача колонизаціи и задачи карательныя не только не совмѣстимы, но и, положительно, исключаютъ другъ друга. Забвеніе въ сахалинскомъ поселенцѣ его человѣческой личности создало такое предубѣжденіе противъ Сахалина, что авторъ не предвидитъ возможности привлеченія туда свободныхъ переселенцевъ; авторъ стоитъ на сторонѣ принудительнаго поселенія лишь тѣхъ преступниковъ, которые нужны будутъ для колоніи, а не тѣхъ, которыхъ тюремное управленіе будетъ считать опаснымъ оставлять въ тюрьмахъ материка. Нельзя не признать такого взгляда искусственнымъ: естественныя богатства острова должны привлечь къ себѣ свободный и добровольный трудъ, который едва ли совмѣстимъ съ контролемъ любого изъ вѣдомствъ.

имѣющаго быть призваннымъ, по мысли автора, къ управленію ссыльно-поселенческой (по приговору суда) колоніей.

Промышленная цѣнность острова давно уже привлекла къ себѣ американское и японское вниманіе, и неизвѣстно, какія судьбы еще ждутъ эту злополучную окраину... Во всякомъ случаѣ, вдумчивый и тщательно разработанный очеркъ г. Панова вызываетъ на серьезныя размышленія; въ этомъ отношеніи онъ можетъ быть поставленъ рядомъ съ извѣстной книгой А. П. Чехова.

V.

— Чешихинъ, Всеволодъ. Гамерлингъ. Характеристика. Спб., 1904.

Книга г. Всеволода Чешихина знакомитъ читателя съ жизнью и дѣятельностью одного изъ замѣчательныхъ писателей, весьма мало извѣстнаго въ Россіи. Г. Чешихинъ приводитъ въ началѣ книги справку о статьяхъ и переводахъ на русскомъ языкѣ: изъ крупныхъ произведеній были переведены: „Агасферъ въ Римѣ" (Ѳ. Б. Миллеромъ, М. 1872), „Король въ Сіонѣ" (имъ же, М. 1880), „Аспазія" (Спб. 1884), „Гомункулъ" (Спб. 1892); нѣсколько лирическихъ стихотвореній было переведено А. Н. Плещеевымъ; стихотворныя цитаты, которыми г. Чешихинъ иллюстрируетъ свое изложеніе, переведены самимъ авторомъ. Мы не приводимъ всѣхъ указаній, рекомендуя заинтересованному читателю обратиться къ книгѣ г. Чешихина, гдѣ онъ найдетъ и необходимѣйшія справки объ иностранныхъ источникахъ.

Разсказывая біографію Гамерлинга, авторъ подробно останавливается на различныхъ моментахъ его развитія, на эволюціи его творчества, широкаго по захвату мысли и глубокаго по силѣ художественнаго впечатлѣнія. Въ своихъ лирическихъ произведеніяхъ Гамерлингъ далъ замѣчательные по формѣ и содержанію образцы, близкіе по духу Гейне и Ленау; въ особенности сильное вліяніе оказалъ на него Гейне. Съ другой же стороны мучительное раздвоеніе, характерное для людей XIX вѣка и давшее рядъ мотивовъ лирикѣ Гамерлинга, ставитъ его въ связь съ такими выразителями новаго лиризма, какъ Леопарди, Викторъ Гюго, Шелли. Но самостоятельное положеніе среди нихъ придаетъ Гамерлингу его своеобразный культъ красоты, дѣлающій его поэзію пантеистической. Характеризуя лирику Гамерлинга, г. Чешихинъ дѣлаетъ отступленіе и говоритъ о лирикѣ русской: „Эта выдержка могла бы послужить извѣстнымъ урокомъ нашей національной русской лирикѣ. Въ нашей лирикѣ мы прежде всего—пластики или психологіи. Въ отношеніи чисто-поэтическаго непосредственнаго

дѣйствія наша лирика во многомъ превосходитъ нѣмецкую (Пушкинъ, Лермонтовъ); въ отношеніи тонкости наблюденія, музыкальности и мистичности настроенія наша романтическая лирика (напримѣръ Фета) ни въ какомъ случаѣ не уступаетъ нѣмецкой. Зато у насъ нѣтъ и признаковъ новѣйшей философской лирики, тѣхъ получувствъ, полуидей, которыя составляютъ завоеваніе литературы отъ науки, сдѣланное лишь XIX вѣкомъ (исключенія, вродѣ Тютчева, слишкомъ рѣдки, чтобы ихъ можно было принимать въ разсчетъ): мы или дидактики, довольствующіеся проповѣдью практически-гуманныхъ идей (Некрасовъ, отчасти Надсонъ), или же поэты переходнаго періода, старающіеся достигнуть философскихъ высотъ интуитивнымъ путемъ (Майковъ, отчасти Фофановъ). Наши поэты склонны считать парадоксомъ истину, высказанную однимъ изъ героевъ Новалиса: „Вдохновеніе безъ разума безполезно и опасно; поэтъ мало натворитъ чудесъ, если самъ будетъ изумляться чудесамъ".

Замѣчателенъ Гамерлингъ и въ области эпической поэзіи, гдѣ онъ создаетъ грандіозные символы чисто-философскихъ проблемъ о судьбахъ народовъ и смыслѣ историческихъ эпохъ. Въ поэмѣ „Агасферъ въ Римѣ" поэтъ рѣшился воплотить духъ XIX вѣка, съ его поклоненіемъ индивидуализму и глубокимъ разочарованіемъ, съ культурой, полной внѣшняго блеска и внутренняго убожества. Воплощая въ Неронѣ Римъ временъ упадка, а въ Римѣ — недуги переживавшейся поэтомъ эпохи, Гамерлингъ—„символизировалъ, по выраженію г. Чешихина, человѣчество, и тѣмъ самымъ указалъ на скоропреходящій, мимолетный характеръ тѣхъ грубо-личныхъ антисоціальныхъ вѣяній времени, которыя онъ заклеймилъ въ лицѣ индивидуалиста Нерона". Эту поэму, какъ и другія („Царь Сіона", романъ „Аспазія"), г. Чешихинъ признаетъ произведеніями, создающими цѣлую литературную эпоху, и считаетъ Гамерлинга родоначальникомъ новаго эпоса—не только нѣмецкаго, но и общеевропейскаго. Въ этомъ отношеніи эпосъ Гамерлинга гораздо выше сатиры, хотя и въ этой области имъ даны выдающіеся образцы („Гомункулъ").

Въ главѣ о философіи Гамерлинга авторъ останавливается на характеристикѣ его философскаго трактата—„Атомистика воли", гдѣ сдѣлана попытка построить, на принципѣ „воли къ жизни", на законѣ цѣлесообразности, зданіе нравственности и искусства. „Міръ—художественное произведеніе". Прекрасно то, что̀ достигаетъ полнаго, гармоничнаго развитія; безобразно все недоразвившееся, больное, погибающее. Всякое живое существо стремится проявить свое тяготѣніе къ жизни, свою волю, въ потомствѣ,—точно такъ же художникъ стремится къ воспроизведенію жизни въ искусствѣ, чтобы сохранить и закрѣпить свое наслажденіе жизнью. Въ дальнѣйшемъ авторъ выясняетъ

соотношеніе философскихъ идей Гамерлинга съ ученіями Спинозы, Лейбница и Спенсера.

Книга г. Чешихина прочтется съ несомнѣннымъ интересомъ, хотя читатель отмѣтитъ не разъ нѣкоторое увлеченіе автора нѣмецкимъ поэтомъ при опредѣленіи значенія его произведеній, а также отсутствіе, коегдѣ, доказательности въ сопоставленіяхъ съ явленіями русской литературы (напр., романа „Аспазія" съ „Войной и Миромъ" Толстого по вопросу о „секретѣ" символизаціи народныхъ массъ). Не можемъ не замѣтить также, что книга страдаетъ однимъ досаднымъ внѣшнимъ недостаткомъ—она пестритъ опечатками.— Евг. Л.

VI.

— Проф. И. Х. Озеровъ. Экономическая Россія и ея финансовая политика на исходѣ XIX и въ началѣ XX вѣка. Москва. 1905 г.

Книга проф. И. Озерова, какъ и нѣкоторыя другія его изданія, сложилась преимущественно изъ статей, уже бывшихъ въ печати. Видную роль въ ея содержаніи играютъ обозрѣнія экономической жизни, которыя авторъ велъ въ журналѣ „Русская Мысль", и, вѣроятно благодаря такому ея происхожденію, изложеніе не отличается достаточной систематичностью, растянуто и не чуждо повтореній: Тѣмъ же обстоятельствомъ объясняется, вѣроятно, и тотъ фактъ, что изъ двухъ темъ, указанныхъ въ заголовкѣ книги,—„Экономическая Россія" и „Финансовая политика" — наиболѣе разработана вторая, какъ составляющая обычный предметъ періодически-экономическихъ обзоровъ печати. Спеціально первой темѣ посвящена первая глава, заключающая статистическую характеристику положенія сельскаго населенія Россіи. Въ этомъ очеркѣ авторъ слишкомъ довѣрчиво и не всегда внимательно относится къ цифрамъ оффиціальныхъ источниковъ, по отношенію къ которымъ экономистъ могъ бы проявить бóльшую самостоятельность. Такъ, онъ безъ всякой оговорки принимаетъ исчисленіе „Матеріаловъ о движеніи благосостоянія сельскаго населенія", согласно которому въ сельско-хозяйственной и промышленной дѣятельности находитъ себѣ приложеніе, будто бы, мѐньшая половина рабочей силы Россіи, и на основаніи этого высказываетъ заключеніе, что въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи „остается незанятыхъ работниковъ 52°/₀ (стр. 35). Справка съ извѣстнымъ „Сводомъ статистическихъ матеріаловъ", изданнымъ канцеляріей комитета министровъ, производившей аналогичные разсчеты, показала бы автору источникъ погрѣшности приведеннаго имъ исчисленія. На стр. 36, проф. Озеровъ

изъ тѣхъ же „Матеріаловъ" заимствуетъ данныя о возрастаніи процента забракованныхъ при поступленіи въ военную службу къ общему числу призываемыхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ приводитъ мнѣніе своего источника, что это возрастаніе не можетъ служить доказательствомъ ухудшенія здоровья населенія, такъ какъ контингентъ лицъ для пополненія арміи, а слѣдовательно, и число свидѣтельствуемыхъ ростетъ въ 2 ½ раза быстрѣе, нежели увеличивается населеніе. Если такъ, то автору совсѣмъ нечего было обременять изложеніе, и безъ того изобилующее цифрами, данными о процентѣ бракуемыхъ или исчислить этотъ процентъ по отношенію не къ призываемымъ, а къ принятымъ на службу, число которыхъ онъ могъ бы найти въ книжкѣ П. А. Голубева: „Вятское земство среди другихъ земствъ губерніи". На стр. 34, авторъ утверждаетъ, будто бы изъ полтавской губерніи въ теченіе послѣднихъ 16 лѣтъ выселилось 77 % естественнаго прироста населенія, изъ черниговской губерніи—89%, а изъ пензенской—даже 158%; между тѣмъ, въ источникѣ, изъ котораго извлечены эти свѣдѣнія, приведенныя цифры относятся къ исключительнымъ годамъ разсматриваемаго шестнадцатилѣтія, а за весь этотъ періодъ выселилось изъ полтавской губерніи 21%, изъ черниговской и полтавской—по 17% естественнаго прироста. Недостаточно разборчивое отношеніе проф. Озерова къ источникамъ проявляется также въ его отзывѣ о г. Лахтинѣ, какъ о „вполнѣ компетентномъ статистикѣ" (стр. 2), и въ томъ, что свои заключенія о значеніи общины онъ основываетъ на статьяхъ Никольскаго (стр. 249), компетентность котораго въ этомъ вопросѣ получила должную оцѣнку, между прочимъ, и въ нашемъ журналѣ.

Главной задачей разсматриваемаго изданія было „представить современную нашу экономическую политику, какъ выводъ, какъ рядъ логическихъ послѣдствій изъ условій нашей конкретной дѣйствительности" (стр. 1). Объ этой политикѣ много писали и много въ ней выяснили; но авторъ не воспользовался всѣмъ тѣмъ, что́ даетъ на этотъ счетъ литература, а вмѣсто того излагаетъ свою теорію, довольно стройную, но врядъ ли правильную. Основнымъ фактомъ, опредѣлившимъ нашу финансовую политику, является, по мнѣнію автора, внѣшняя политика государства. „Россія ставитъ себѣ рядъ опредѣленныхъ міровыхъ задачъ, расширеніе на ближнемъ и Дальнемъ Востокѣ, роль лидера среди другихъ европейскихъ государствъ и т. д.; для выполненія этихъ задачъ мы нуждаемся въ средствахъ" (стр. 1)—такъ объясняетъ авторъ стремленіе финансоваго вѣдомства къ возвышенію доходовъ государства. Объясненіе это имѣло бы рѣшающее значеніе въ случаѣ, еслибы авторомъ было доказано, что наша „міровая" политика властно диктовалась условіями нашего

экономическаго и политическаго развитія. Но г. Озеровъ устраняется отъ такого доказательства (стр. 1), и хотя на стр. 20 говоритъ, что, „не обезпечивъ себѣ внѣшняго спокойствія, мы не можемъ развивать внутреннихъ задачъ“, но не приводитъ никакихъ доказательствъ тому, что „щекотливыя наши отношенія съ Англіей, Америкой, Японіей“ вызывались требованіями національной самозащиты. Недавнее прошлое къ тому же доказываетъ, что и незавидное состояніе финансовъ не препятствовало политикѣ расширенія нашихъ границъ; что же касается крайне дорогихъ новѣйшихъ нашихъ авантюръ въ Китаѣ, то скорѣе ихъ слѣдуетъ считать слѣдствіемъ избытка денегъ въ государственномъ казначействѣ, чѣмъ объяснять накопленіе этого избытка предполагаемыми предпріятіями на Востокѣ. Объясненіе это мы назвали и излишнимъ, потому что у развивающагося государства, помимо военныхъ, есть масса другихъ потребностей, для удовлетворенія которыхъ нужны средства, и что обложеніе въ Россіи, по разсчету на душу, гораздо ниже обложенія въ другихъ цивилизованныхъ государствахъ.

Столь же поверхностно и даваемое авторомъ объясненіе видной роли въ нашихъ доходахъ послѣднихъ десяти лѣтъ косвеннаго обложенія, сумма котораго превышаетъ поступленіе прямыхъ налоговъ въ нѣсколько разъ, между тѣмъ какъ въ Англіи доходъ отъ прямого и косвеннаго обложенія почти одинаковъ. Причины этого различія, по мнѣнію автора, заключаются въ томъ, что сельское наше населеніе—главный источникъ прямого обложенія прежняго времени—бѣднѣетъ, а переложеніе податной тяготы на прочіе классы общества путемъ подоходнаго налога считается невозможнымъ, потому что у нашего населенія, не понимающаго всей важности обезпеченія „внѣшняго спокойствія“ государства,—для чего, согласно вышеизложенной гипотезѣ, правительство и нуждается въ крупныхъ средствахъ,—„не могло выработаться чувство долга о своихъ податныхъ обязанностяхъ“ (стр. 20). По этому объясненію выходитъ, что главную причину различія состава государственнаго бюджета Россіи и Англіи нужно искать въ факторѣ моральномъ; но экономисту естественно поискать и экономическихъ основаній даннаго явленія; а такъ какъ авторъ производитъ сравненіе національныхъ доходовъ различныхъ государствъ, то само собой напрашивался вопросъ: не объясняется ли различіе прямого обложенія въ Англіи и Россіи отчасти тѣмъ обстоятельствомъ, что національный доходъ Англіи составляетъ 38 ф. ст. на голову населенія, а Россіи—11 ф. ст., или въ $3^1/_2$ раза менѣе? Можетъ ли Россія, не вводя крайне высокаго процента обложенія, получать отъ подоходнаго налога такія суммы, какія имѣютъ отъ него богатыя государства? Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что подоходный

налогъ у насъ излишенъ; но указаннаго различія высоты національнаго дохода нельзя не принимать во вниманіе при сравнительной оцѣнкѣ бюджетовъ Россіи и другихъ европейскихъ государствъ.

Продолжая далѣе развивать свою идею и перенося логическій процессъ собственной мысли въ головы руководителей финансовъ, авторъ приходитъ къ объясненію того, почему съ такой энергіей строятся у насъ желѣзныя дороги. „Чтобы достаточно получить отъ косвеннаго обложенія,—говоритъ онъ,—нужно, чтобы населеніе обладало большой потребительной способностью... Чтобы развить потребительную способность населенія,—мы строимъ желѣзныя дороги: это дастъ возможность проникать продукту туда, куда онъ до постройки дороги не могъ проникать... и онъ становится доступнымъ для потребленія даже населенію съ малой покупной способностью“ (стр. 21). Но, наряду съ этой идеей о причинахъ новѣйшаго желѣзнодорожнаго строительства, авторъ развиваетъ и другую идею, проще объясняющую особенное вниманіе финансоваго вѣдомства къ расширенію нашей рельсовой сѣти. „Для выполненія большаго бюджета—говоритъ, напр., г. Озеровъ на стр. 21,—нужно создать другой (кромѣ падающаго сельскаго хозяйства) источникъ средствъ, а этимъ средствомъ почти вездѣ въ настоящее время служитъ промышленность“. „Развивающаяся же промышленность непремѣнно требуетъ хорошаго оборудованія страны желѣзнодорожной сѣтью: желѣзная дорога открываетъ рынокъ продуктамъ промышленности“ (стр. 151). Если развитіе промышленности и расширеніе сѣти желѣзныхъ дорогъ желательны финансовому вѣдомству уже потому, что ему, какъ и всѣмъ другимъ, извѣстно, что промышленная нація есть въ то же время и богатая, а богатство народа служитъ основою государственнаго бюджета, то соображенія автора о связи нашего желѣзнодорожнаго строительства съ планами финансоваго вѣдомства относительно косвенныхъ налоговъ становятся излишними: желѣзныя дороги строились у насъ ради развитія промышленности. Здѣсь, однако, возникаетъ вопросъ: почему развитіе промышленности не достигалось у насъ медленнымъ, но зато вѣрнымъ путемъ поднятія народнаго благосостоянія, а преслѣдовалось какъ самостоятельная задача? Г. Озеровъ, какъ мы видѣли, отвѣчаетъ на этотъ вопросъ, что намъ скорѣе нужно было добиться средствъ, потому что „Россія играетъ большую политическую роль и ведетъ расширительную политику“ (стр. 3, 151). Мы уже высказались по поводу этого соображенія, вызваннаго желаніемъ опереть во что бы то ни стало нашу финансовую политику на необходимыя общественныя основанія, „представить современную нашу экономическую политику, какъ рядъ логическихъ послѣдствій изъ условій нашей конкретной дѣйствительности“ (стр. 1). Преслѣдуя эту задачу, не нужно, однако,

забывать, что „конкретная дѣйствительность"—особенно при нашихъ политическихъ условіяхъ—образуется не только объективными фактами экономическаго и политическаго характера, но и субъективными настроеніями власть имущихъ, и трактовать о послѣднихъ пятнадцати годахъ нашей финансовой исторіи безъ вниманія къ воззрѣніямъ и практической школѣ лицъ, стоявшихъ во главѣ соотвѣтствующаго вѣдомства,—совершенно невозможно. Этими субъективными моментами въ значительной степени объясняются настойчивость и односторонность преслѣдованія въ министерство Вышнеградскаго и Витте задачи введенія у насъ золотой валюты; а это обстоятельство не могло не оказать существеннаго вліянія на нашу экономическую политику вообще. Г. Озеровъ не игнорировалъ этого момента, но вліяніе золотой валюты онъ видитъ лишь въ мѣрахъ поощренія экспорта и затрудненія ввоза къ намъ иностранныхъ товаровъ въ видахъ накопленія золота въ странѣ, и ничего не говоритъ о привлеченіи частныхъ иностранныхъ капиталовъ и помѣщеніи за границей золотыхъ займовъ, сдѣлавшихся необходимыми потому, что нашъ платежный балансъ ежегодно заключается не въ нашу пользу, и безъ займа золота за границей намъ пришлось бы отдавать туда собственный нашъ металлъ. Въ этой необходимости займовъ кроется и одна изъ причинъ нашего желѣзнодорожнаго строительства: чѣмъ держать занятыя суммы въ казначействѣ, лучше употребить ихъ на производительныя цѣли.

Изъ политики подготовленія, а затѣмъ укрѣпленія металлическаго обращенія прямо слѣдуетъ, какъ видитъ читатель, политика поощренія промышленности (для помѣщенія привлекаемыхъ изъ-за границы частныхъ капиталовъ) и желѣзнодорожнаго строительства. Но авторъ не подчеркнулъ этой связи, а необходимость займовъ „въ интересахъ золотой валюты" онъ признаетъ, повидимому, лишь для „настоящаго времени", когда нашъ разсчетный балансъ ухудшился вслѣдствіе заказовъ военнаго вѣдомства за границей и необходимости расходовать золото на военныя цѣли въ Манчжуріи (стр. 257—8). Этимъ авторъ какъ бы заявляетъ о непризнаніи имъ общеизвѣстнаго факта: невыгоднаго для насъ сложенія разсчетнаго баланса и во время предшествовавшее войнѣ.

VII.

— Карлъ Родбертусъ-Ягецовъ. Сочиненія, выпускъ I. Къ освѣщенію соціальнаго вопроса. Соціальныя письма къ фонъ-Кирхману. Письмо второе и третье. Перев. съ нѣмецкаго проф. М. Н. Соболевъ. Спб. 905.

Если что̀ можетъ служить для яркой характеристики печальнаго состоянія общественныхъ условій, при которыхъ обречено было развива́ться наше образованіе, такъ это—фактъ, что сочиненія знаменитаго нѣмецкаго экономиста и политическаго консерватора, написанныя въ 40—50-хъ годахъ, могли появиться въ русскомъ переводѣ лишь въ текущемъ году: всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ цензура предала уничтоженію извлеченіе изъ сочиненій Родбертуса въ изданіи Солдатенкова. Только съ объявленіемъ такъ называемой „весны" снятъ запретъ съ наиболѣе важныхъ сочиненій названнаго экономиста, а также Энгельса, Лаврова и другихъ славныхъ покойниковъ, двигавшихъ научную и политическую мысль человѣчества, и среднему русскому читателю предоставлена, наконецъ, возможность непосредственно ознакомиться съ идеями, которыя были ему извѣстны лишь по наслышкѣ. Правда, переводъ сочиненій отцовъ научнаго соціализма—Родбертуса и Энгельса—былъ бы болѣе умѣстенъ пять—десять лѣтъ тому назадъ, когда соотвѣтствующіе вопросы такъ живо интересовали русскую молодую интеллигенцію; но хотя волна марксизма нынѣ спала, и русское общество волнуютъ совсѣмъ другіе вопросы—нельзя сомнѣваться въ томъ, что, при малѣйшемъ упорядоченіи нашего политическаго быта, экономическіе вопросы, а слѣдовательно и интересъ къ экономической наукѣ, вновь завладѣютъ вниманіемъ русскаго общества, и оно обратится опять къ книгамъ, которыми слабо интересуется въ настоящую минуту. Названное въ заголовкѣ этой замѣтки сочиненіе Родбертуса, несмотря на то, что ему исполнилось уже пятьдесятъ лѣтъ, не утратило живого интереса и для настоящаго времени. Правда, нѣкоторыя основныя идеи этого писателя были высказаны другимъ нѣмецкимъ экономистомъ и сдѣлались извѣстными русскому читателю въ геніальной переработкѣ послѣдняго (К. Маркса); онѣ вошли также въ наиболѣе популярные русскіе учебники политической экономіи. Но тѣ, кто прокладываетъ новые пути, имѣютъ завидную привилегію не терять интереса и поучительности, даже когда ихъ открытія сдѣлались общимъ достояніемъ; а разсматриваемое нами сочиненіе Родбертуса въ хорошемъ переводѣ проф. Соболева, уже благодаря сравнительно небольшому объему и общедоступности изложенія, легко найдетъ себѣ мѣсто въ библіотекѣ образованнаго читателя.

Второе и третье письма къ Кирхману, составляющія 1-й выпускъ русскаго перевода сочиненій Родбертуса, заключаютъ изложеніе взглядовъ послѣдняго на распредѣленіе общественнаго дохода и на причины промышленныхъ кризисовъ. Сущность этихъ взглядовъ такова. Съ естественно-исторической точки зрѣнія хозяйственныя блага являются продуктомъ сочетанія человѣческаго труда и силъ природы; въ общественной же сферѣ „они выступаютъ не какъ продукты природы или какой-нибудь другой силы", а какъ результатъ труда и притомъ „только того труда, который выполнилъ матеріальныя дѣйствія, необходимыя для созданія блага". Каждый товаръ является поэтому на рынокъ представителемъ опредѣленной затраты труда, и хотя, въ дѣйствительности, при обмѣнѣ товаровъ не существуетъ полнаго ихъ уравненія въ указанномъ отношеніи, но для правильнаго построенія теоріи распредѣленія національнаго дохода слѣдуетъ принимать, что товаръ „реализируется по количеству заключающагося въ немъ труда". Рента, прибыль и заработная плата составляютъ поэтому не элементы цѣнности товара, а части національнаго дохода, поступающія въ руки различныхъ классовъ общества. Въ первобытномъ состояніи, при малой производительности труда, продуктъ послѣдняго былъ достаточенъ лишь для содержанія семьи трудящагося, т.-е. представлялъ одну заработную плату. Съ возвышеніемъ производительности труда получилась возможность содержать на этотъ продуктъ лицъ, не участвующихъ въ его производствѣ; а такъ какъ, вмѣстѣ съ началомъ цивилизаціи, средства производства отдѣляются отъ трудящагося и переходятъ въ собственность частныхъ лицъ; то къ нимъ же сталъ поступать и тотъ избытокъ продукта надъ издержками по содержанію трудящагося, который явился слѣдствіемъ возрастанія производительности труда. Такъ произошло раздѣленіе національнаго дохода на заработную плату и ренту (прибавочную собственность Маркса), которая при господствѣ натуральнаго хозяйства цѣликомъ поступала въ однѣ руки, а съ раздѣленіемъ земледѣльческаго и промышленнаго труда—распалась на поземельную ренту и прибыль на капиталъ. На одинаковую затрату труда предприниматель-земледѣлецъ и предприниматель-промышленникъ получаютъ одинаковый доходъ. Промышленникъ оцѣниваетъ высоту послѣдняго раздѣленіемъ его на весь затраченный капиталъ. Согласно этому проценту устанавливается высота предпринимательской прибыли въ сельскомъ хозяйствѣ. Но такъ какъ въ составѣ капитала, прилагаемаго въ этомъ послѣднемъ, нѣтъ затраты на сырой матеріалъ (мѣсто котораго въ производствѣ занимаетъ естественный факторъ—земля), образующій видную долю расхода въ обрабатывающей промышленности, то, за отнесеніемъ на этотъ капиталъ прибыли по нормѣ, опредѣлившейся

въ индустріи, останется часть дохода, удерживаемая собственникомъ земли. Поземельная рента не проистекаетъ, поэтому, какъ учитъ Рикардо, изъ различія въ производительности земли; этимъ обусловливается лишь различіе высоты ренты разныхъ участковъ, но не происхожденіе данной доли общественнаго дохода. Родбертусъ довольно подробно останавливается на разнаго рода доказательствахъ несостоятельности теоріи ренты Рикардо и изслѣдуетъ условія, вліяющія такъ или иначе на относительную высоту заработной платы, прибыли на капиталъ и поземельной ренты. Развиваемые въ письмахъ къ Кирхману взгляды были ранѣе высказаны Родбертусомъ въ другомъ сочиненіи, которое, нужно думать, войдетъ въ составъ слѣдующихъ выпусковъ разсматриваемаго изданія, предпринятаго г. Н. Глаголевымъ.—В. В.

VIII.

— **Проф. Мих. Грушевскій. Очеркъ исторіи украинскаго народа. С.-Петерб. 1904 г.**

Авторъ настоящаго очерка, извѣстный историкъ и общественный дѣятель,—по происхожденію украинецъ, родился и учился въ предѣлахъ Россіи. Въ кіевскомъ университетѣ онъ работалъ преимущественно подъ руководствомъ В. Б. Антоновича и десять лѣтъ тому назадъ, послѣ защиты магистерской диссертаціи, занялъ каѳедру исторіи Украины въ Галиціи, во львовскомъ университетѣ, гдѣ и до сихъ поръ читаетъ свой курсъ по-малорусски; онъ состоитъ также предсѣдателемъ „Наукового Товариства имени Шевченка", этой украинской ученой академіи, и является однимъ изъ самыхъ видныхъ представителей прогрессивнаго украинскаго движенія въ Галиціи. Въ русской и украинской исторической литературѣ М. С. Грушевскій извѣстенъ многими цѣнными учеными трудами, изъ которыхъ одни были напечатаны въ Россіи на общерусскомъ литературномъ языкѣ („Очеркъ исторіи Кіевской земли" и иные), а другіе—въ Галиціи на малорусскомъ языкѣ: изъ нихъ его „Жерела (источники) до исторіи Украины-Руси" въ нѣсколькихъ томахъ пользуются заслуженной извѣстностью. Большая же „Исторія Украины-Руси" представляетъ капитальнѣйшій трудъ (до средины 1904 г. вышло пять большихъ томовъ исторіи, оканчивающейся XVI в.) и имѣетъ не только мѣстное, но и общее научное значеніе,—безъ этихъ томовъ теперь не можетъ обойтись ни одинъ добросовѣстный ученый, касающійся судебъ русскаго народа за первые семь вѣковъ его исторіи.

Новая книга проф. Грушевскаго — популярный очеркъ украин-

ской исторіи съ самыхъ древнѣйшихъ временъ до конца прошлаго вѣка. Въ краткомъ и сжатомъ видѣ авторъ старается дать возможно точный образъ историческаго процесса, пережитого украинскимъ народомъ. Онъ предупреждаетъ, что при составленіи настоящаго очерка имѣлъ въ виду читателей съ извѣстною привычкою къ научному чтенію, ищущихъ не внѣшней занимательности разсказа, а научнаго изложенія. Сколько намъ извѣстны труды профессора, подобное изложеніе вполнѣ соотвѣтствуетъ силамъ и таланту автора: дать въ будущемъ болѣе легкую и общедоступную картину исторіи украинскаго народа, какъ это онъ обѣщаетъ, можетъ быть для него и трудно исполнимо. Мы должны быть благодарны ученому и за то, что онъ представилъ въ своей новой работѣ, изданной и предназначенной, очевидно, для русской, серьезно читающей публики. Книга М. С. Грушевскаго является переработкой его небольшого курса исторіи украинскаго народа, читаннаго весною 1903 г. по приглашенію русской школы общественныхъ наукъ въ Парижѣ. Это—*первая* цѣльная и общая, достаточно популярная исторія Украины, научно-обоснованная и использовавшая всѣ новые источники и новые труды въ области русской исторіи. Но не только въ одномъ томъ, что трудъ профессора представляется новинкой и удовлетворяетъ давно назрѣвшему среди читателей интересу къ малорусской исторіи (объ этомъ свидѣтельствуетъ огромный спросъ на нее въ первые же мѣсяцы по выходѣ въ свѣтъ), – состоитъ значеніе работы М. С. Грушевскаго: она цѣнна, несмотря на нѣкоторые недостатки, сама по себѣ, безъ всякихъ посторонниxъ цѣлей и соображеній.

Первый отдѣлъ книги, почти цѣлая треть ея, охватываетъ древнюю исторію до послѣднихъ десятилѣтій XIII-го вѣка. Территорія, на которой происходятъ событія, характеризующія исторію Украины, по опредѣленію М. Грушевскаго, обнимаетъ свыше 750 тыс. квадр. километровъ: это—на западѣ горная область по обѣимъ сторонамъ Карпатъ; далѣе, на юго-востокъ граница ея идетъ, огибая нижнее Подунавье, широкою полосою вокругъ сѣвернаго берега Чернаго и Азовскаго морей; сѣверною границею области служитъ приблизительно линія р. Припети; двумя выступами, раздѣленными бѣлорусскимъ клиномъ, этнографическая граница выдается за эту линію на сѣверъ—въ бассейнѣ Западнаго Буга и на лѣвомъ берегу Днѣпра между Сожемъ и Десною. На востокѣ она занимаетъ весь бассейнъ Донца, до средняго Дона, а на юго-востокѣ выступаетъ далеко въ бассейнъ Кубани до Кавказскаго хребта. Такова территорія разселенія съ древняго времени того племени, которое авторъ обозначаетъ наименованіемъ „Украины-Руси“. Нынѣ украинское населеніе на этой территоріи нужно считать до 32 милліоновъ. Судьбами этого населенія—

вѣрнѣе, предковъ его—и занятъ нашъ авторъ. Исходная точка воззрѣній его на южную вѣтвь восточно-славянской группы населенія и отношеній ея къ сѣверной вѣтви опредѣляются слѣдующими словами: въ русской исторіи съ особою отчетливостью обозначились двѣ народности—великорусская и украинская—эти два наиболѣе крупныя изъ славянскихъ племенъ. Историческая судьба иногда сводила ихъ разомъ, при чемъ въ первыхъ вѣкахъ ихъ исторической жизни роль зиждущаго, культурно и политически преобладающаго, первенствующаго въ восточной Европѣ элемента играла народность украинская, въ послѣднихъ—народность великорусская. Внѣ этихъ соприкосновеній и одновременно съ ними, историческая жизнь той и другой развивалась самостоятельно и разнообразно, все болѣе увеличивая сумму отличій всего склада ихъ жизни и отдѣляя ихъ національные типы все болѣе рѣзкою чертою. Предъ нами, несомнѣнно, двѣ народности, двѣ исторіи (стр. 10). Останавливаясь на исторіи одной изъ нихъ, М. С. Грушевскій внимательно слѣдитъ за вопросами украинской колонизаціи, разселеніемъ украинскихъ племенъ, тюркской миграціей, культурой и бытомъ южно-русскаго населенія въ VIII, IX и X вв., торговыми сношеніями и началомъ государственной организаціи, вопросами о кіевскомъ государствѣ въ процессѣ созиданія IX и X вв. и процессѣ разложенія XI и XII вв. Онъ опредѣляетъ, что „время Владиміра Св. было кульминаціонною точкою въ процессѣ образованія кіевскаго или русскаго государства, въ механическомъ, такъ сказать, процессѣ его эволюціи. Процессъ, который можно въ противоположность ему назвать химическимъ—процессъ проникновенія все глубже въ жизнь провинцій этого государства политическихъ, общественныхъ, правовыхъ, культурныхъ формъ и явленій, выработанныхъ жизнью этого государства, развивался еще интенсивнѣе въ теченіе послѣдующихъ столѣтій. Но самый организмъ государства, очевидно, разрушался, ослабѣвала его сила сцѣпленія, его жизненная энергія и экстенсивная способность. Это процессъ разложенія такой же медленный, какъ и процессъ созиданія; съ періодами ослабленія и даже остановками онъ потянулся почти на два столѣтія". Авторъ излагаетъ исторію этого процесса, обращаетъ вниманіе на исторію княжествъ—земель XI-го—XIII-го вв., на политическое и общественное устройство, право и культуру даннаго времени и, что̀ особенно важно, совсѣмъ отстраняетъ отъ себя изложеніе внѣшняго хода событій, княжескихъ междоусобій и борьбы, отдавая все преимущественное вниманіе вопросамъ соціально-экономическимъ и юридическимъ, оттѣняя внутренніе процессы, наслоенія и осложненія жизни въ украинскихъ земляхъ за этотъ періодъ исторіи. Многіе вопросы освѣщены авторомъ своеобразно и вносятъ пониманіе

темныхъ и спутанныхъ моментовъ исторической жизни, особенно XIII в. Такъ, интересна его сводка мнѣній о судьбѣ кіевскаго княжества во второй половинѣ XIII-го в. Это—вопросъ о распаденіи земель Украины на общины. Пользуясь всеобщей паникой, наведенной татарами въ 1240 г., населеніе, городскія общины начинаютъ тогда выламываться изъ рамъ княжеско-дружиннаго уклада: они предпочитаютъ зависѣть непосредственно отъ татаръ („орать пшеницу и просо татарамъ", какъ иронически говоритъ о нихъ враждебный этому движенію галицкій лѣтописецъ), чѣмъ нести тяготы княжеской администраціи, платить дани князю, принимать участіе въ этихъ утомительныхъ войнахъ князей между собою и терпѣть отъ нихъ. Ни угрозы, ни разоренія отъ князей, испуганныхъ этимъ грознымъ для нихъ движеніемъ, не могли повліять на нихъ—вернуть ихъ въ прежнія отношенія. Земли разлагались на отдѣльныя общины, управлявшіяся своими мелкими князьями или совѣтомъ старцевъ, возвращались къ старому состоянію общинной раздробленности, предшествовавшей образованію централизо̀ваннаго кіевскаго государства. Сколько-нибудь опредѣленныя указанія относительно этого интереснаго движенія мы имѣемъ только для кіевскихъ земель, пограничныхъ съ Волынью. Галицкій лѣтописецъ указываетъ этихъ „людей татарскихъ" или „людей, сѣдящихъ за татарами" на большомъ пространствѣ въ бассейнѣ р. Случи, Тетерева и верхняго теченія Южнаго Буга, но эти данныя, имъ указанныя мимоходомъ, конечно, не обнимаютъ всего района этого движенія. По всякимъ соображеніямъ, оно охватило также всю южную Кіевщину, вѣроятно, съ окрестностями самого Кіева, Переяславщину, быть можетъ,—южную Черниговщину (стр. 77). Въ изложеніи хода перваго періода русской исторіи авторъ касается вопроса объ отношеніи южной и сѣверной Руси. По его мнѣнію, „въ основаніи государственнаго и частнаго быта московскаго государства лежатъ формы, выработанныя кіевскимъ государствомъ... Кіевское государство, его права, бытъ и культура были созданіемъ украинской народности, а его право и культура у великорусской народности являются *рецепціею*, почти также какъ право и культура византійская или, напримѣръ, польская въ жизни украинскаго народа XVII—XVIII вв. Положеніе это высказано слишкомъ рѣшительно и смѣло, чтобы не сказать бо̀льшаго. Согласованіе его, во всякомъ случаѣ, съ результатами изслѣдованій многихъ серьезныхъ русскихъ историковъ представляется совершенно невозможнымъ (назовемъ хотя бы проф. В. Ключевскаго: „Курсъ русской исторіи", ч. I, и П. Милюкова: „Очерки по исторіи русской культуры"). Взаимоотношеніе сѣвера и юга Руси опредѣляется иначе, чѣмъ это представляется нашему автору. И для этого нѣтъ надобности ни прибѣгать къ „обычной

схемѣ" русской исторіи съ простымъ переходомъ отъ кіевской исторіи къ суздальской съ конца XII-го в., относя начало исторіи украинскаго народа къ XVI—XVII вв. (на что̀ справедливо сѣтуетъ авторъ по поводу нѣкоторыхъ „исторіографовъ"), ни сводить къ *рецепціи* связь между исторіей обѣихъ половинъ восточно-славянской, русской народности.

Въ слѣдующихъ главахъ своего труда—исторіи Украины въ XIV—XVI в.—М. С. Грушевскій останавливается на вопросахъ о томъ, какъ украинскія земли перешли подъ власть Литвы и Польши въ XIV и XV вв., какъ Польша включила ихъ въ свое сложное государство, въ какомъ положеніи оказались въ XV и XVI вв. привилегированное сословіе, крестьянство и городское населеніе Украины. Главы 13-я, 14-я, 15-я и 16-я посвящены религіозно-національному и культурному движенію XVI—XVII вв., – происхожденію и развитію козачества, козацкимъ войнамъ до 1648 и движенію Богдана Хмельницкаго, главы 17-я и 18-я—относятся къ событіямъ послѣ смерти Хмельницкаго и смутамъ 1660—1680 годовъ. Этотъ историческій очеркъ заканчивается изслѣдованіемъ важнѣйшихъ вопросовъ соціально-экономическаго процесса въ восточной Украинѣ XVII—XVIII вв., политическихъ условій жизни гетманщины и уничтоженія стараго строя, возстановленія и уничтоженія козачества въ правобережной Украинѣ, гайдамацкихъ движеній и судьбы крестьянства.

Центральнымъ вопросомъ являются, конечно, соціальныя отношенія на Украинѣ. Въ то время какъ подъ польскимъ владычествомъ формируется на Украинѣ шляхетское сословіе со своими привилегіями, совершается и совершенно обратная эволюція въ крестьянскомъ сословіи, за счетъ котораго и создаются преимущества привилегированныхъ классовъ. Въ XII и XIII вв. это крестьянство знало въ своемъ составѣ группы свободнаго и экономически независимаго крестьянства, то основное ядро, которое постепенно истощалось неблагопріятными экономическими условіями, затѣмъ группы свободныхъ, но экономически зависимыхъ, безземельныхъ, и, наконецъ, группы несвободныхъ людей, возрастающія на счетъ класса крестьянъ-собственниковъ. Дальнѣйшая судьба крестьянства въ XIV—XVI вв. сводится къ такимъ главнымъ моментамъ: несвободные исчезаютъ постепенно, переходя преимущественно въ категоріи крестьянъ-безземельныхъ, зависимыхъ; положеніе крестьянъ - собственниковъ понижается до уровня тѣхъ же безземельныхъ, экономически-зависимыхъ категорій; Ихъ личная свобода, гражданскія и имущественныя права подвергаются ряду ограниченій и на мѣсто прежнихъ даней развивается издѣльная, барщинная повинность. Одновременно съ фискальнымъ мотивомъ проводится строгая регламентація крестьянскаго землевла-

дѣнія и хозяйственныхъ отношеній, разрушающая прежнія формы крестьянскаго хозяйства, болѣе сложныя экономическія единицы, и низводящая ихъ къ минимальнымъ дворамъ-хозяйствамъ, а развитіе господскихъ запашекъ фольварочнаго хозяйства все болѣе уменьшаетъ величину крестьянскаго участка. Переходъ многочисленнаго класса несвободныхъ въ категорію крестьянъ безземельныхъ, сидѣвшихъ на господскихъ земляхъ, отравляетъ (какъ выражается авторъ) рабскими аттрибутами юридическаго и экономическаго положенія упомянутую категорію, а по мѣрѣ того, какъ исчезала граница между свободными и экономически независимыми крестьянами-собственниками и крестьянами безземельными, сидѣвшими на господскихъ земляхъ, аттрибуты несвободнаго и экономически зависимаго состоянія несвободныхъ и безземельныхъ переносятся и на эту свободную массу крестьянъ-собственниковъ. Параллельно съ этимъ процессомъ шло и ограниченіе личныхъ и имущественныхъ правъ крестьянъ, доканчивавшее ихъ обращеніе въ помѣщичій инвентарь. Здѣсь можно указать три главныхъ момента: 1) изъятіе крестьянъ изъ-подъ власти государственныхъ чиновъ и подчиненіе полной и безапелляціонной власти и юрисдикціи помѣщика; 2) ограниченіе личной свободы и права передвиженія; 3) ограниченіе или полное уничтоженіе права крестьянъ на землю (стр. 167—175). Закрѣпощаемое крестьянство южной Руси стало бѣжать въ почти незаселенное Приднѣпровье, граничащее съ татарской степью; съ XV в. процессъ развитія крѣпостничества шелъ параллельно съ этимъ бѣгствомъ и усилился въ XVI в. Въ Приднѣпровьѣ оно встрѣчалось съ рѣдкимъ, но подвижнымъ, кочевымъ населеніемъ, наслѣдовавшимъ территорію отъ „людей татарскихъ", этихъ пограничныхъ враговъ княжеско-дружиннаго строя, являвшихся полнымъ прототипомъ козачества. Послѣднее начало складываться около этого ядра съ XV в., но вполнѣ, какъ сословіе, слагается медленно только въ XVI в., когда и занятіе земель Поднѣпровья раздвинулось дальше въ степи, а на юго-востокѣ сложился передовой постъ козачества—Запорожская Сичь. Слѣдомъ за крестьянствомъ, превратившимся въ свободное козачество, двинулось и дворянство, попытавшееся населеніе новыхъ земель повернуть въ то же положеніе, въ какомъ оно было на мѣстахъ, откуда бѣжало,—такъ создалась почва для соціально-экономической борьбы козачества и шляхты, которая состояла изъ польскихъ и ополячившихся украинскихъ старинныхъ родовъ.

Въ борьбѣ этой сыграло громадную и важную роль городское населеніе южной Руси. Въ городахъ вліяніе полонизаціи сказалось во введеніи „магдебургскаго права", которое произвело коренной переворотъ въ жизни города. Прежніе города были въ самой тѣсной

связи съ землею, каковыхъ центрами они и являлись. Нѣмецкая система организаціи городской жизни разрывала эту связь, какъ и связь съ общимъ государственнымъ устройствомъ, и вводила городской иммунитетъ. Каждый городъ начиналъ существовать самъ по себѣ, какъ маленькое государство, даже безъ связи между самими же городами. Въ то же время внутри каждаго города падало значеніе и самаго иммунитета: обособленныя, лишенныя связи городскія общины, за исключеніемъ нѣскольких наиболѣе сильныхъ, попали въ полную зависимость отъ старостъ или помѣщиковъ; такимъ же пустымъ звукомъ осталось самоуправленіе и муниципальная свобода. Въ особенно тяжелыхъ условіяхъ оказался въ новой городской жизни туземный украинскій элементъ, благодаря всевозможнымъ ограниченіямъ, прежде всего, какъ не-католическое, т.-е., по средневѣковымъ понятіямъ, не дѣйствительно христіанское населеніе. Это привело къ борьбѣ украинскаго мѣщанства съ ограничивающими его дѣятельность принципами, поддерживаемыми католицизмомъ и полонизаціей. Города становятся съ этого времени центромъ сознательной и организованной національной борьбы. Въ тѣсныхъ стѣнахъ города, при постоянныхъ сношеніяхъ и совмѣстной жизни съ привилегированными притѣснителями, подвижной и сравнительно интеллигентный мѣщанскій элементъ особенно живо чувствуетъ національное неравенство, національный гнетъ, а привычка къ организаціи, самоуправленію, которую давали муниципальная жизнь и корпоративная цеховая организація, приводятъ къ первымъ пробамъ національной организаціи; итакъ, изъ мѣщанскихъ обществъ выходятъ первые кадры въ борьбѣ за права туземной украинской народности. На Поднѣпровьѣ подготовлялась соціальная основа народныхъ движеній XVII в., между тѣмъ какъ окраска національной борьбы, усвоенная ими, ведетъ свое начало прежде всего изъ отношеній городскихъ: городъ былъ первымъ очагомъ національной борьбы, слившейся затѣмъ съ массовымъ соціальнымъ движеніемъ крестьянства (стр. 180—183).

Такимъ образомъ, религіозно-національное движеніе сверху, начатое мѣщанствомъ, поддержанное (немногочисленнымъ, впрочемъ) православнымъ дворянствомъ, а также духовенствомъ, — логикой событій сошлось съ движеніемъ снизу, создавшимся бездомными бѣглецами, ушедшими изъ-подъ гнета панщины и шляхетскаго всевластія. Козачина сдѣлалась представителемъ и обиженныхъ соціально-экономическимъ процессомъ народныхъ массъ, и разбитыхъ на аренѣ политической, религіозной и національной борьбы духовенства и мѣщанства. Это сліяніе элементовъ соціальной и культурно-національной оппозиціи произошло на границѣ первой и второй четверти XVII в., и въ это время вошла въ новую стадію исторія украинскаго народа. Ея глав-

нымъ факторомъ стало козачество (стр. 193), ея важнѣйшими событіями были возстанія козачества и всего украинскаго народа.

Авторъ слѣдитъ въ слѣдующихъ главахъ за козацкими возстаніями, за тѣмъ, какъ постепенно выростала, опредѣлялась и расширялась программная, идейная сторона возстаній, начавшаяся со стихійныхъ вспышекъ конца XVI в., продолжавшихся въ формахъ требованій распространенія козацкихъ, преимущественно реестровыхъ, правъ на бóльшіе круги населенія, закончившихся соціальнымъ широкимъ движеніемъ съ автономистическими стремленіями при Богданѣ Хмельницкомъ. Но и у послѣдняго не хватало ни пониманія, ни силъ, ни умѣнья поддержать соціальный переворотъ и создать автономную Украину на демократически-народной основѣ. Онъ былъ талантливымъ военачальникомъ и дипломатомъ, но не администраторомъ съ широкимъ пониманіемъ задачъ времени и положенія страны, и не годился въ организаторы новаго государственнаго порядка. Да и элементы украинской государственности были не таковы, чтобы ихъ можно было уложить въ рамки стройной, обособленной организаціи; къ тому же внѣшнія сосѣдскія отношенія были исключительно враждебны къ какой бы то ни было возможности образованія изъ Украины самостоятельнаго государственнаго цѣлаго. 1654 г. отмѣчается обычно, какъ моментъ присоединенія Украины къ московскому государству. М. С. Грушевскій говоритъ, что мы не знаемъ, какъ представлялъ себѣ Богданъ Хмельницкій свои отношенія къ Москвѣ, но можно сильно сомнѣваться въ томъ, чтобы онъ думалъ о созданіи какой-либо прочной и тѣсной связи съ нею. Въ 1654 г. „ближайшею цѣлью его было втянуть московское правительство въ войну съ Польшею, и онъ для достиженія ея не считался съ обѣщаніями и не заглядывалъ впередъ. Но когда, наконецъ, московское правительство рѣшилось сдѣлать этотъ шагъ, Хмельницкому пришлось весьма скоро убѣдиться, что онъ сдѣлалъ очень двусмысленное пріобрѣтеніе для своихъ плановъ“. Съ одной стороны, „уже на самыхъ первыхъ порахъ столкнулись конституціонныя привычки украинскаго населенія съ самодержавными принципами Москвы“; съ другой стороны, война съ Польшей приняла нежелательный для Хмельницкаго оборотъ, а въ 1657 г. царь Алексѣй Михайловичъ уже въ союзѣ съ тою же Польшею началъ войну противъ Швеціи.

Къ этому времени Хмельницкій съорганизовалъ союзъ Украины, Швеціи и Трансильваніи и отказался подчиняться московскимъ предначертаніямъ. „Разрывъ былъ неизбѣженъ, и Хмельницкій сознательно шелъ навстрѣчу ему. Онъ несомнѣнно имѣлъ въ виду, опираясь на новыхъ союзниковъ, разорвать свою зависимость отъ Москвы и занять положеніе вполнѣ самостоятельнаго государя“. Смерть гетмана оборвала эти планы. Тѣ его преемники, которые дѣйствовали сознательно,

понимали, что подчиненіе Москвѣ и автономія Украины — несовмѣстимы; они приняли программу политики Хмельницкаго и по частямъ пытались выполнить ее въ разсчетѣ на сохраненіе какой бы то ни было самостоятельности Украины: Выговскій—въ союзѣ съ Польшей, Дорошенко — съ Турціей, Мазепа — со Швеціей. Ходъ внутреннихъ сношеній на Украинѣ въ послѣдней трети XVII-го в. и XVIII-го в. сводился къ тому, что цѣною автономіи Украины и демократическихъ принциповъ ея были пріобрѣтаемы козацкой старшиной шляхетскія привилегіи въ зачетъ закрѣпощенія крестьянской массы. Авторъ „Очерка" пишетъ, что за отказъ отъ автономіи московское правительство вознаграждало старшину въ ея классовыхъ, матеріальныхъ интересахъ. Оно шло навстрѣчу стремленіямъ старшины къ превращенію въ наслѣдственно привилегированное владѣльческое сословіе и самодѣятельно работало въ этомъ же направленіи. Тогда закладываются крѣпкія основы сословныхъ правъ козацкой старшины и помѣщичьяго владѣнія на Украинѣ, развивающихся затѣмъ параллельно съ постепеннымъ уничтоженіемъ автономіи и формъ выборнаго козацкаго управленія (стр. 281). Слѣдовательно, чрезвычайныя усилія, сдѣланныя украинскими народными массами въ XVII в., чтобы разбить національныя и соціальныя путы, сковывавшія народную жизнь, ни къ какимъ улучшеніямъ въ сферѣ соціальныхъ отношеній не привели. Національныя и культурно-религіозныя стремленія, связывавшіяся съ этимъ народнымъ движеніемъ, также не выиграли въ общей сложности ничего (стр. 329). Такъ, козацкая старшина, высшіе классы не захотѣли и не съумѣли опереться на народныя массы и продали свою родину за „маетности" и дворянскія „привилеи". Процессъ этотъ вполнѣ закончился въ началѣ второй половины XVIII в. Въ изложеніи исторіи Украины М. С. Грушевскій посвящаетъ этому процессу, какъ и предыдущимъ вопросамъ украинской исторіи съ конца XVI в., немногимъ болѣе трети своей книги. Если мы припомнимъ, что немногимъ менѣе трети книги отведено для южно-русской древней исторіи (до второй половины XIII в.), то, какъ намъ кажется, авторомъ не соблюдена планомѣрность въ работѣ. Имъ не принята во вниманіе качественная важность событій и историческихъ процессовъ, не сдѣлано учета значительности тѣхъ или иныхъ періодовъ и ряда событій въ исторіи Украины, не соблюдена, такъ сказать, съ этой точки зрѣнія, историческая перспектива. Центральное мѣсто въ его трудѣ должно было быть отведено періоду XVI—XVIII вв. и на второй планъ отодвинутъ болѣе древній періодъ южно-русской исторіи. Въ этомъ—первый основной недостатокъ книги М. С. Грушевскаго. Онъ объясняется, быть можетъ, тѣмъ, что авторъ въ пяти томахъ своей большой „Исторіи Украины-Руси" разработалъ болѣе ранній

періодъ южно-русской исторіи; на этотъ свой трудъ онъ исключительно и ссылается въ первыхъ тринадцати главахъ „Очерка". Надо надѣяться, что послѣ выхода изслѣдованій М. С. Грушевскаго по исторіи XVII и XVIII вв. авторъ легко исправитъ въ послѣдующихъ изданіяхъ книги этотъ недостатокъ, соблюдетъ планомѣрность въ изложеніи украинской исторіи и возстановитъ нарушенную перспективу.

Другой основной недостатокъ его труда едва ли такъ легко устранимъ и зависитъ отъ общихъ свойствъ работы проф. Грушевскаго. Этотъ недостатокъ выясняется въ тѣсной связи съ послѣдними тремя главами „Очерка": „Національный и культурный упадокъ въ украинскихъ земляхъ въ XVIII в. и начатки возрожденія въ Галиціи", „Украинское возрожденіе въ XIX в.", и „Современное состояніе украинства". Мрачную и безнадежную картину украинской жизни въ XVII и XVIII вв. рисуетъ авторъ. Денаціонализація Украины была полная. Западная часть ея, начиная со средины XVII в. ополячивается чрезвычайно скоро и сильно въ верхнихъ слояхъ своего населенія. Это было очень неблагопріятное обстоятельство, такъ какъ голосъ въ государствѣ имѣла только шляхта. Рѣдѣютъ и ряды мѣщанъ—ополячиваются зажиточные, вліятельные роды большихъ городовъ, отстаивавшихъ права своей національности. Остается безпомощная и безгласная—misera plebs. Представителемъ украинской народности является главнымъ образомъ крестьянская масса, инертная и темная, сохраняющая свою національность именно только силою этой темноты и косности, и почти такое же темное духовенство. Все, что хотя нѣсколько поднималось надъ этимъ уровнемъ, увлекалось потокомъ полонизаціи. Національное самосознаніе понизилось до неяснаго инстинкта или замѣнилось религіозною разницею—вмѣсто различія національностей фигурировало различіе религій—православной и католической, такъ что переходъ изъ православія въ католичество понимался какъ отреченіе отъ своей національности,—и былъ такимъ въ дѣйствительности, такъ какъ перешедшій въ католицизмъ дѣлался полякомъ самъ и его потомство. Культурное оживленіе, литературное и просвѣтительное, движеніе, проявившееся въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вв., прошло *безслѣдно*. Оно не успѣло выйти изъ тѣснаго круга чисто-религіозныхъ полемическихъ интересовъ, а какъ ни жизненны были въ тогдашнихъ обстоятельствахъ эти вопросы религіозной полемики, ихъ недостаточно было, чтобы эта литература стала мощнымъ двигателемъ національной культуры. Даже народнаго языка не ввело оно въ литературу, довольствуясь макароническимъ церковно-славянскимъ (подмѣшаннымъ народными—украинскими, бѣлорусскими и польскими элементами) или польскимъ—въ интересахъ болѣе успѣшной полемики. Уровень культуры украинской жизни сильно понижается. Книж-

ность ограничивается почти исключительно потребностями обряда, богослуженія: книги выходили главнымъ образомъ богослужебныя; о свѣтской литературѣ нечего и говорить. Школы уцѣлѣли въ концѣ концовъ только сельскія, гдѣ училъ дьячокъ; нѣсколько лучшія, монастырскія, такъ называемыя базиліанскія, были сами ополячены, какъ и сами базиліане. Вообще, все хотя немного образованное среди украинскаго общества,—даже не разорвавшее со своею національностью, говорило и писало по-польски: это былъ „культурный языкъ" самого украинскаго населенія. И никакого выхода изъ этого убійственнаго положенія не предвидѣлось. Немногимъ въ лучшемъ положеніи оказалась и лѣвобережная Украина, вышедшая изъ состава польскаго государства. Избѣгнувъ ополяченія, верхніе слои украинскаго населенія подверглись сильному обрусѣнію—тѣмъ легче еще, что и здѣсь не было тѣхъ внѣшнихъ отличій, какія по отношенію къ полякамъ давала религія, книжность; наоборотъ, эти моменты сближали украинское населеніе съ великороссійскимъ и затирали національную разницу, а между тѣмъ слабое состояніе національной украинской культуры облегчало вліяніе великорусской жизни, на сторонѣ которой была политическая сила, могущество правительства и государства, а великорусское общество вступало, подъ вліяніемъ реформъ Петра, въ стадію весьма интенсивнаго развитія (стр. 330—332). Такимъ образомъ, украинско-русскому народу угрожало окончательное превращеніе въ аморфную этнографическую массу, обреченную на денаціонализацію.

Однако,—въ концѣ XVIII в. начинаютъ уже появляться „симптомы возрожденія украинской жизни", приведшіе къ широкому украинскому движенію XIX вѣка. Но откуда же взялись эти элементы, на какой почвѣ могло создаться это украинское возрожденіе, наконецъ, возможно ли было само возрожденіе и даже—было ли что̀ и зачѣмъ „возрождать" въ украинской жизни? М. С. Грушевскій не даетъ на эти важнѣйшіе вопросы почти никакого отвѣта. Мы видѣли, что̀ представлялъ изжившійся политически экономическій строй Украины въ половинѣ XVIII в. Не въ немъ, конечно, и не въ судьбахъ этого процесса можно найти то, что̀ могло послужить къ какому бы то ни было возрожденію. А между тѣмъ, оно явилось, и первопочатки его относятся уже ко второй половинѣ XVIII в. Нашъ авторъ даетъ только весьма немногія указанія на тѣ условія, которыя способствовали украинскому возрожденію. Вотъ они въ толкованіи самого автора. Несмотря на обрусѣніе высшихъ классовъ Украины, говоритъ онъ, у нихъ оставался извѣстный областной патріотизмъ, скорбь по гетманщинѣ, романтическія воспоминанія о былой славѣ козачества. Легкость, съ которою теряли они свой національный обликъ, не исключала извѣстной національной гордости, а отчужденіе отъ народа не мѣшало имъ съ симпатіей

относиться къ особенностямъ, хотя бы и внѣшнимъ, украинскаго быта, къ украинской народной словесности и ея языку. Такія мѣстныя симпатіи у обрусѣвшей интеллигенціи восточной Украины сами по себѣ не имѣли, однако, особаго значенія, не болѣе чѣмъ подобныя же мѣстныя симпатіи у ополяченной и польской интеллигенціи западныхъ украинскихъ земель, выразившіяся въ извѣстной этнографической и антикварной литературѣ, въ пробахъ поэтической обработки мотивовъ украинской народной словесности. Онѣ получаютъ значеніе только съ обращеніемъ этихъ украинофиловъ къ народному языку. Такой поворотъ имѣлъ чрезвычайно важное значеніе. Этотъ языкъ, утраченный интеллигенціей и сохраненный народомъ, обернулъ, послѣ вѣкового отчужденія, украинскую интеллигенцію лицомъ къ народу, научилъ цѣнить и уважать его, сблизилъ съ нимъ. *Языкъ рѣшилъ судьбу украинскаго возрожденія*, возстановилъ разорванную связь интеллигенціи съ народомъ, открывъ дорогу къ народной душѣ, къ общенію съ нею. Отсюда — оригинальное содержаніе, характеризующее эту новую украинскую литературу уже съ первыхъ шаговъ ея—народныя темы творчества, реализмъ и демократизмъ. *Языку обязана Украина тѣмъ, что украинофильство* не окончилось собираніемъ произведеній народной словесности, составленіемъ грамматикъ и словарей, а *перешло въ настоящее національное возрожденіе* (стр. 345—346).

Никто не станетъ отрицать значенія языка въ этомъ вопросѣ, но только однимъ лишь „обращеніемъ" къ нему никакъ нельзя объяснить національнаго возрожденія во всемъ его объемѣ. Да и самое „обращеніе" къ народному языку нельзя объяснить тѣми „симпатіями" обрусѣвшей и ополячившейся украинской интеллигенціи, къ которымъ и самъ авторъ относится весьма недвусмысленно. Дѣло же въ томъ, что слабую сторону работы профессора Грушевскаго составляетъ именно то, что, останавливаясь внимательно на политико-соціальныхъ, экономическихъ и юридическихъ вопросахъ, онъ прошелъ мимо вопросовъ украинской культуры и цивилизаціи, а затѣмъ, ранѣе чѣмъ перейти къ украинскому возрожденію, едва двумя—тремя словами обмолвился объ общеевропейскихъ національно-народныхъ движеніяхъ XIX в. (и то болѣе по поводу Галиціи). Если бы онъ во всемъ своемъ трудѣ, особенно во второй половинѣ его, обратился къ вопросамъ культуры и цивилизаціи, то смогъ бы указать на почву для украинскаго національнаго возрожденія; если бы обратился къ движеніямъ европейской мысли XIX в., то указалъ бы и болѣе обоснованныя причины этого возрожденія. Но для этого ему нужно значительно переработать, по крайней мѣрѣ, вторую, т.-е. бо̀льшую, часть своей книги и многимъ дополнить тѣ главы, которыя служатъ переходомъ къ вопросамъ объ украинскомъ движеніи въ XIX столѣтіи и современ-

номъ состояніи украинства. Теперь же эти главы висятъ на воздухѣ; онѣ являются неожиданностью для читателей и ничѣмъ не связаны со всѣмъ предыдущимъ разсказомъ объ историческихъ судьбахъ украинскаго народа.

Таково оригинальное положеніе трехъ заключительныхъ главъ въ отношеніи ко всей работѣ М. С. Грушевскаго въ ея цѣлости. Тѣмъ не менѣе, сами по себѣ онѣ очень интересны, особенно для русскаго читателя и преимущественно въ тѣхъ частяхъ, которыя касаются галицкаго движенія въ XIX и въ самомъ началѣ XX вѣка.— И. Житецкій.

Въ теченіе февраля мѣсяца, въ Редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Айхенвальдъ, Ю. — Чеховъ. Основные мотивы его произведеній. Съ портретомъ. М. 905.

Амонъ, А.—Детерминизмъ и вмѣняемость. Перев. п. р. проф. А. Жижиленко. Спб. 905. Ц. 1 р.

Барацъ, С. М.—Курсъ двойной бухгалтеріи. Изд. 2-е, вновь переработанное и дополненное. Спб. 905. Ц. 2 р. 50 к.

Барсуковъ, Николай. — Жизнь и труды М. П. Погодина. Книга XIX-ая. Спб. 905. Ц. 2 р. 50 к.

Богдановичъ, Т. — Очерки изъ прошлаго и настоящаго Японіи. Спб. 905. Ц. 1 р. 25 к.

Быковъ, Н. В. — Чеховъ въ ряду русскихъ классиковъ. Екатериносл. 904.

Витте, С. Ю.—Записка по крестьянскому дѣлу. Спб. 904.

Гнѣвушевъ, Л. М.—Политико-экономическіе взгляды гр. Н. С. Мордвинова. Кіевъ, 904.

Голицынъ, кн. Ѳ. С.—Кустарное дѣло въ Россіи. Т. I, ч. 1: Историческій ходъ кустарнаго дѣла въ Россіи—Дѣятельность правительства, земствъ и частныхъ лицъ. Спб. 904.

Гофманъ, Викторъ. — Книга вступленій. Лирика. 1902 — 1904 гг. М. 905. Цѣна 1 руб.

Дружининъ, Н. П.—Волостной сходъ. Разсказъ о томъ, какъ устроены и дѣйствуютъ по закону волостныя крестьянскія учрежденія. М. 905. Ц. 25 к.

Дьяконовъ, Конст.—Разсказы. Екатерин. 904. Ц. 1 р.

Заринъ, А. Е.—Семья, сборникъ разсказовъ. Спб. 905. Ц. 1 р.

Зуттнеръ, Берта. — Долой оружіе! Романъ. Съ нѣм. Изд. 3. Спб. 905. Цѣна 5 коп.

Казанскій, К. — Софизмъ съ точки зрѣнія современной психопатологіи. Самаркандъ, 905.

Катковъ, М. Н.—О печати. М. 905. Ц. 30 к.

Кауфманъ, А. А.—Сводъ трудовъ мѣстныхъ комитетовъ по Кавказу, Области Войска Донского, Сибири, Степному Краю и Туркестану.

Кернъ, Э. Э.—Лѣсонасажденіе при с. Сѣжа, Тульской губ. и уѣзда. Спб. 904.

Клоссовскій, А.—Матеріалы къ вопросу о постановкѣ средняго образованія въ Россіи. Од. 904.

——— Каѳедра географіи и ея представители въ русскихъ университетахъ. Од. 905.

Корольковъ, К., свящ. — Царь-Миротворецъ, Императоръ Александръ III. Краткій очеркъ царствованія. Кіевъ, 904. Ц. 30 к.

Крыжановская, В. И. (Рочестеръ).—Свѣточи Чехіи. Спб. 905. Ц. 1 р. 80 к.

Лагерлёфъ, Сельма. — Въ Іерусалимѣ. Картины современнаго духовнаго движенія среди шведскаго крестьянства. Романъ. Съ швед. М. П. Благовѣщенской. Спб. 905. Ц. 1 р. 50 к.

Левинсонъ-Лессингъ, Ф. Ю.—О занятіяхъ женскаго населенія С.-Петербурга по переписямъ 1881, 1890 и 1900 гг. Спб. 905.

Лермонтовъ, М. Ю.—Полное собраніе сочиненій. Критически провѣренный текстъ, біографія, вступительныя статьи, примѣчанія, художественныя приложенія и проч., п. р. Арс. Ив. Введенскаго. Т. I: Стихотворенія и поэмы. Т. II: Проза. Спб. 905. Ц. за 4 т. 3 р.

Липпсъ, Т., проф. Мюнхенскаго унив.—Основные вопросы этики. Перев. съ нѣм. М. Лихарева, п. р. П. Струве и Н. Лосскаго. Спб. 904. Ц. 1 р.

Мигулинъ, П. П.—Война и наши финансы. Харьковъ, 905.

Мошинъ, А—ѣй.—Гашишъ и другіе новые разсказы. Спб. 905. Ц. 1 р.

Наборъ, Феликсъ.—Крестовый походъ дѣтей. Разсказъ изъ временъ XIII в. Перев. съ нѣм. М. А. Шишмаревой. Съ 6 рис. Доре. Спб. 905. Ц. 1 р.

Нагуевскій, Д.—Проф. Францъ Ксаверій Броннеръ, его Дневникъ и Переписка (1758 — 1850). Къ 100-лѣтней годовщинѣ Казанскаго Университета. Каз. 902.

Нольде, бар. Б. Э. — Постоянное нейтральное государство. Спб. 905. Ц. 3 р. 50 к.

Первовъ, П. Д.—Изъ исторіи Геродота. Персы—Египтяне—Скиѳія. Чтеніе для юношества и для самообразованія. М. 905. Ц. 60 к.

Плетневъ, Алексѣй. — Упитанные и отъѣвшіеся. (Преступность денегъ). Очерки. Спб. 905.

Пругавинъ, А. С. — Расколъ и сектантство въ русской народной жизни. Съ критическими замѣчаніями духовнаго цензора. М. 905. Ц. 30 к.

Прядкинъ, С. Н.—Изъ методики русской грамматики. Ворон. 905. Ц. 1 р.

Пушкинъ и его современники. Матеріалы и изслѣдованія. Вып. II. Изд. Акад. Наукъ. Спб. 905.

Рудольфъ, Н. Ѳ.—Ремесленные классы, профессіональныя отдѣленія при общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Спб. 904.

Светъ-Мирденъ, Ориссонъ.—Строители судьбы, или путь къ успѣху и могуществу. Книга, имѣющая цѣлью вдохновить молодежь къ выработкѣ характера, саморазвитія и благородной дѣятельности. Спб. 905. Ц. 1 р. 30 к.

Спенсеръ, Герб.—Автобіографія. Сокращ. изложеніе А. Коротнева. Спб. 904.

Сѣверцовъ-Полиловъ, Г.—Княжой отрокъ. Историческая повѣсть изъ преданій XIII вѣка. Съ рис. М. 905. Ц. 50 к.

Сѣрошевскій, В.—На краю лѣсовъ. Чукчи. 2-е изд. Спб. 905. Ц. 1 р.

——— Боксеръ. Разсказъ. Спб. 905. Ц. 4 к.—Кули. Спб. 905. Ц. 8 к.

——— Дальній Востокъ. Очеркъ. Спб. 905. Ц. 1 р. 25 к.

Танъ. — Очерки и разсказы. Т. V и VI. Русскіе въ Америкѣ. 2-е изд. Спб. 905. Ц. за 2 т.—2 р.

——— Землепроходъ. Очеркъ. Спб. 905. Ц. 8 к.

Таубе, бар. М. А.—Христіанство и международный миръ. М. 905. Ц. 25 к.

Тилло, А.—Еврейскій вопросъ. Сарат. 905. Ц. 50 к.

Федлеевскій, К. К.—Крестьянскія семьи Воронежскаго уѣзда. Спб. 905.

Ферстеръ, Ф. — Свобода воли и нравственная отвѣтственность. Съ нѣм. п. р. Ю. Айхенвальда. М. 905. Ц. 25 к.

Яблоновскій, Александръ.—Приключенія уличнаго адвоката. 1-ая тысяча. Од. 905. Ц. 20 к.

Янцовъ, Карлъ-Родбертусъ.—Сочиненія. Вып. 1: Къ освѣщенію соціальнаго вопроса. Съ нѣм. М. Н. Соболевъ. Спб. 905. Ц. 1 р. 25 к.

Шестовъ, Л. — Апоѳеозъ безпочвенности. Опытъ адогматическаго мышленія. Спб. 905. Ц. 1 р. 50 к.

Ѳоминъ, И. И.—Введеніе въ исторію философіи. Популярно-философскіе очерки. М. 905. Ц. 1 р. 50 к.

Popiel, Jean.—A M-r le Comte Léon Tolstoï une Lettre. Varsovie, 905.

— Альманахъ К—ва Грифъ. М. 905. Ц. 1 р. 30 к.

— Библіотека для семьи и школы: 1) Алтаевъ, Маленькимъ дѣтямъ разсказы о животныхъ, съ рис., ц. 30 к. 2) Рождественская, А., Тито, исторія луговой волчицы, ц. 25 к. 3) Маминъ-Сибирякъ, Сударь Пантелѣй—Свѣтъ Иванычъ, ц. 7 к. 4) Россіевъ, Н., Гнѣздо орловъ, ц. 25 к. 5) Маминъ-Сибирякъ, Былинка, ц. 40 к. 6) Лавровъ, В., Дѣти-артисты и др. разск., ц. 20 к. 7) Его же, Что̀ краситъ жизнь, ц. 30 к. 8) Эл. Ожешкова, Юльянка, ц. 15 к. М. 905.

— Выдавництво „Вікъ": № 14. Творы, Л. Глибова, ц. 75 к. № 41. Безъ праци, пазко, Ив. Франко. № 42. У наймы, Д. Марковичъ. № 43. Выборець, Н. Кобрыньска. № 44. Про херсоньски заробитки, Т. Рыльскій. № 47. Байки, Л. Глибова. У Кыовп. 904.

— Краткій обзоръ Степного Края, Тургайской области и Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерній въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. 1904 годъ. Вып. XVI. Спб. 905.

— Новый Сборникъ статей по славяновѣдѣнію, составленный и изданный учениками В. И. Ламанскаго, при участіи ихъ учениковъ, по случаю 50-лѣтія его учено-литературной дѣятельности. Съ портретомъ В. И. Л., библіографіею его трудовъ. Спб. 905. Ц. 3 р.

— Справочная Книжка для путешественниковъ. Наставленія, руководства и программы для наблюденія и собиранія свѣдѣній въ путешествіяхъ, по топографіи и т. д. Составлена Ю. Шокальскимъ, проф. К. Богдановымъ и др. Съ 8 карт. и 173 рис. въ текстѣ. Спб. 905. Ц. 4 р. 50 к.

— О состояніи народнаго здравія въ Россіи и о мѣрахъ къ поднятію его. Докладъ Совѣта Медиц. Общ. при Имп. Новорос. Университетѣ. Од. 905.

— Отчетъ Государственныхъ сберегательныхъ кассъ за 1903 г. Спб. 905.

— Отчетъ по лѣсному управленію за 1903 годъ. Спб. 904.

— Отчетъ Черниговской Губернской Земской Управы за 1903 годъ. Черниговъ, 904.

— Отчетъ Черниговской Губернской Земской Управы о капиталахъ Черниговскаго Губернскаго Земства. Черниговъ, 904.

— Очеркъ дѣятельности Тверского губернскаго земства по содѣйствію развитія экономическаго благосостоянія населенія за 1866—1903 г. М. 904.

— Первая помощь въ С.-Петербургѣ съ 1893 по 1903 г. Спб. 903.

——— за 1903 годъ. Спб. 904.

— Примѣрный Уставъ Общества взаимопомощи. М. 905. Ц. 5 к.

— Принципіальные вопросы по крестьянскому дѣлу, съ отвѣтами мѣстныхъ сельско-хоз. комитетовъ. Спб. 904.

— Сенатскій Архивъ. Т. XI. Спб. 904.

— Сифилисъ Симбирской губерніи за 1896—1900 гг. Симб. 904.

— Сборникъ Спб. Округа путей сообщенія. Статьи и матеріалы, относящіеся до сухопутныхъ и водяныхъ сообщеній, и труды служащихъ въ округѣ. Вып. VI, съ 21 черт. Въ особомъ приложеніи: „Чертежи". Спб. 904.

— Статистическій сборникъ Ярославской губерніи. Вып. 3: Скотоводство сельскаго населенія по переписи 1902 г. Яр. 905. Вып. 16: Градобитія въ 1893—1903. Яр. 904.

— Статистическое описаніе Ярославской губерніи: Т. II—Угличскій уѣздъ. Т. III—Моложскій уѣздъ, вып. I. Яр. 904.

— Стенографическій Отчетъ засѣданій Черниговскаго Губернскаго Земскаго Собранія въ 1903 г. Черн. 904.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

— *S. Lublinski.* Die Bilanz der Moderne. Стр. 368. Berl. 1904 (Verlag Siegfried Cronbach.).

Книга С. Люблинскаго, „Итоги современности", представляетъ собой умно и ярко составленный обзоръ новѣйшей нѣмецкой литературы, съ характеристиками главнѣйшихъ ея дѣятелей. Люблинскій извѣстенъ своими изслѣдованіями по исторіи нѣмецкой литературы, въ особенности четырехъ-томнымъ трудомъ—„Литература и общество въ XIX-мъ вѣкѣ". Новая его книга тоже изобилуетъ богатымъ фактическимъ матеріаломъ — множествомъ мѣткихъ характеристикъ, свѣдѣній о писателяхъ, мало извѣстныхъ большой публикѣ, въ особенности за предѣлами Германіи. Есть, однако, въ книгѣ Люблинскаго нѣчто непріятное—нѣсколько вульгарный, вызывающій тонъ автора, который выражаетъ свои литературныя симпатіи и антипатіи часто весьма безцеремонными кличками и насмѣшками. Эта развязность дурного тона неумѣстна въ книгѣ съ серьезными задачами. Но это недостатокъ внѣшній, обусловленный, какъ намъ кажется, берлинскими литературными нравами. Въ авторѣ „Итоговъ современности" чувствуется ораторъ литературнаго кафѐ, привыкшій злословить на литературныхъ собратьевъ, сгущая краски, чтобы сорвать аплодисменты у публики. Мѣткая кличка, острая эпиграмма, больше цѣнится въ такихъ случаяхъ, чѣмъ болѣе спокойные тоны серьезной критической оцѣнки,—но въ книгѣ такое краснорѣчіе производитъ скорѣе непріятное впечатлѣніе.

Но этотъ внѣшній недостатокъ не нарушаетъ интереса книги. Любопытна главнымъ образомъ основная задача книги: она, какъ самъ авторъ намѣчаетъ ее въ предисловіи, заключается въ изслѣдованіи соціально-психологическихъ элементовъ современной нѣмецкой литературы. Люблинскій указываетъ на тѣсную связь новѣйшей нѣмецкой литературы съ главной проблемой современности—соціальнымъ вопросомъ; во всѣхъ художественныхъ и философскихъ стремленіяхъ новѣйшей литературы онъ усматриваетъ, главнымъ образомъ, близость къ общественнымъ требованіямъ даннаго времени. Съ этой общей формулой „модернизма" едва ли можно вполнѣ согласиться,—

такъ какъ въ нее не включены тѣ задачи современности, которыя не связаны непосредственно съ общественными задачами. Но поскольку Люблинскому удается прослѣдить эту связь на выдающихся явленіяхъ новѣйшей литературы, книга его является очень поучительной и навѣрное возбудитъ интересъ—въ особенности у русскихъ читателей.

Центромъ современной литературы для Люблинскаго является соціальный вопросъ; началомъ новой литературной эпохи онъ считаетъ отставку Бисмарка, въ 1890 году, и паденіе вмѣстѣ съ нимъ исключительнаго закона противъ соціаль-демократовъ. Это было поворотнымъ пунктомъ въ политической и общественной жизни Германіи, а въ литературѣ создало такъ называемый „модернизмъ", начавшійся съ натурализма и принявшій потомъ очень разнообразныя формы, импрессіонизма, символизма, мистицизма. Всѣ эти проявленія духа времени, казалось бы, далеки отъ общественныхъ интересовъ и классовой борьбы; но авторъ „Итоговъ современности" находитъ тутъ связующія нити, и въ смѣнѣ литературныхъ теченій видитъ борьбу смѣняющихся общественныхъ настроеній. Возникновеніе натурализма въ нѣмецкой литературѣ Люблинскій объясняетъ развитіемъ соціальдемократическаго движенія. Литературная молодежь соединяла свои новаторскія стремленія въ литературѣ съ полнымъ сочувствіемъ политическому радикализму и черпала матеріалъ для художественнаго творчества въ дѣйствительности съ ея борьбой классовыхъ интересовъ. Въ прежнія эпохи возбужденной общественной жизни связь литературы съ политическими идеалами сказывалась въ развитіи романтизма съ его паѳосомъ разрушенія во имя общечеловѣческихъ правъ. Молодые нѣмецкіе писатели начала девятидесятыхъ годовъ принадлежали тоже къ поколѣнію, помнившему традиціи баррикадныхъ революцій. Но характеръ общественной жизни сталъ инымъ: политическія движенія замѣнились экономической борьбой, въ которой дѣло шло не объ уничтоженіи политическихъ враговъ, какъ во времена отстаиванія политическихъ правъ третьимъ сословіемъ. Пролетаріи хотѣли не уничтожать, а наслѣдовать капиталистамъ, и отношенія враждующихъ на экономической почвѣ классовъ были отношеніями враждующихъ братьевъ, а не стремящихся уничтожить другъ друга коренныхъ враговъ. Это создало внутренній разладъ въ литературной молодежи, связавшей свои задачи съ интересами рабочаго класса. Всѣ эти молодые писатели выступили съ традиціями прежняго политическаго радикализма—съ мистической вѣрой въ свободу, безъ заботы о средствахъ одержать побѣду—и очутились среди экономической борьбы, нуждавшейся для своего разрѣшенія въ точномъ знаніи и пониманіи соціальныхъ условій. Отъ литературы, примкнувшей къ общественной борьбѣ, требовался, такимъ образомъ, не только энтузіазмъ,

не только воодушевленіе идеей свободы и пламенное провозглашеніе ея, но и точное знаніе и изображеніе дѣйствительности. Удовлетвореніе этому требованію, стремленіе сочетать экстазъ съ точностью, Люблинскій считаетъ исходной точкой новѣйшей нѣмецкой литературы. Прежде чѣмъ окрѣпнуть, однако, въ слѣдованіи этой цѣли, молодая литература дѣлала много неудачныхъ экспериментовъ. Однимъ изъ таковыхъ Люблинскій считаетъ чрезмѣрное увлеченіе естественно-научными теоріями, съ помощью которыхъ создавались натуралистическіе символы, искажавшіе смыслъ дѣйствительности. Вмѣсто всесторонняго изученія жизни, представители зарождавшагося натурализма брали какую-нибудь одну черту дѣйствительности, одно изъ золъ, тяготѣющихъ надъ обществомъ, и превращали его въ гигантскій символъ всей общественной жизни. Наслѣдственныя болѣзни, алкоголизмъ и т. д. изображались какъ исчерпывающая характеристика дѣйствительности, и эта чрезмѣрная схематичность на почвѣ, будто бы, точнаго научнаго наблюденія вносила фальшиво-романтическій характеръ въ первыя попытки нѣмецкихъ натуралистовъ. Эта склонность къ романтическимъ символамъ, развившаяся главнымъ образомъ подъ вліяніемъ Зола, очень вѣрно подмѣчена Люблинскимъ въ произведеніяхъ первыхъ нѣмецкихъ натуралистовъ. Пользованіе научнымъ прогрессомъ, какъ средствомъ для литературныхъ цѣлей, Люблинскій наблюдаетъ и въ консервативномъ литературномъ лагерѣ, у сторонниковъ „расоваго мистицизма", который служилъ прикрытіемъ для защиты интересовъ имущихъ классовъ. Такимъ образомъ, борьбу между натурализмомъ и оппозиціей, проповѣдывавшей возвратъ къ старымъ національнымъ традиціямъ, Люблинскій сводитъ къ экономическимъ причинамъ. Онъ доказываетъ, что первоначальная неопредѣленность натуралистическаго движенія въ Германіи зависѣла и отъ внутренняго раскола въ душѣ самихъ представителей новой литературы. Они принадлежали къ буржуазному классу, соединяющему освободительные политическіе принципы съ эгоистическимъ чувствомъ собственности. Этотъ разладъ онъ видитъ и въ одномъ изъ самыхъ вліятельныхъ учителей молодого литературнаго поколѣнія—въ Шопенгауэрѣ, съ его сильно развитымъ чувствомъ состраданія къ удрученнымъ, съ его мятежнымъ духомъ съ одной стороны, а съ другой—съ его боязнью революціи, изъ примитивнаго чувства собственника.

Дальнѣйшее развитіе литературы зависѣло отъ того, какой будетъ найденъ исходъ изъ неестественнаго сочетанія романтизма съ мелкобуржуазнымъ натурализмомъ, экстаза съ филистерствомъ. Исходъ этотъ постепенно намѣчался опять-таки въ связи съ общественнымъ движеніемъ. Въ эпоху романтическихъ политическихъ движеній лозунгомъ нарождающейся буржуазіи была свобода; лозунгомъ же организован-

наго пролетаріата стало стремленіе къ власти, и это стремленіе было возведено въ принципъ вдохновителемъ „модернизма“ въ современной литературѣ—Ницше. Онъ отрѣзалъ нити, связующія современность съ романтизмомъ прежняго времени. Туманность романтическаго свободолюбія смѣнилась литературными формами, отвѣчающими культурнымъ задачамъ новаго общественнаго періода.

Первый фазисъ новѣйшей литературы—натурализмъ. Онъ имѣлъ свой періодъ „бури и натиска“, во время котораго дѣйствовали такіе неистовые борцы, какъ Михаилъ Георгъ Конради и Карлъ Блейбтрей, обрушившіеся на эпигонство въ литературѣ и выступившіе съ требованіемъ новизны. Сами они не создали ничего новаго своими произведеніями, но были предвозвѣстниками готовящагося переворота. Переворотъ этотъ наступилъ прежде всего въ лирикѣ. Карлъ Генкель, Германъ Конради—въ особенности послѣдній—интересны главнымъ образомъ своимъ субъективнымъ отношеніемъ къ проблемамъ дѣйствительности, стремленіемъ переживать на себѣ все, что составляетъ проклятіе современности. Способность къ переживаніямъ, придающая тревожный, остро-субъективный характеръ лирическому творчеству такихъ поэтовъ, какъ Конради, составляетъ отличительную черту этого періода. Главой нѣмецкаго натурализма Люблинскій считаетъ Арно Гольца, который создалъ новую технику, состоящую въ точной передачѣ и мельчайшихъ предметныхъ подробностей, и всѣхъ, даже почти неуловимыхъ душевныхъ движеній. Люблинскій очень высоко ставитъ именно стилистическія заслуги Гольца, также какъ его точность въ возсозданіи дѣйствительности. Точность эта особая—не объективно холодная, а нервная, исходящая изъ тонкой впечатлительности, соединенной съ привычкой къ научнымъ наблюденіямъ и изслѣдованіямъ. Такого рода воспроизведеніе дѣйствительности не противорѣчило революціонному темпераменту литературнаго поколѣнія, ополчившагося противъ всякихъ традицій; напротивъ того, этой манерой субъективное до крайности поколѣніе создало объективный стиль, не отрекаясь отъ себя. Первымъ проявленіемъ этого новаго отношенія къ дѣйствительности былъ натурализмъ, и создателемъ техники натуралистической школы Люблинскій, какъ сказано выше, считаетъ Арно Гольца, отводя ему такимъ образомъ очень видное мѣсто въ исторіи нѣмецкаго модернизма. Создавъ натуралистическій стиль въ своихъ повѣстяхъ и романахъ, Гольцъ, съ помощью своего ученика и товарища, Шлафа, перенесъ его въ драму. Но въ созиданіи натуралистической драмы Люблинскій приписываетъ гораздо большее значеніе сотруднику Гольца, Іоганесу Шлафу. Сравненіе ихъ драматическаго таланта въ книгѣ Люблинскаго привело къ очень ожесточенной полемикѣ между авторомъ „Итоговъ современности“ и Арно Гольцемъ; послѣдній уже разошелся теперь съ

своимъ бывшимъ сотрудникомъ, сталъ къ нему дурно относиться и тѣмъ сильнѣе обидѣлся на Люблинскаго за его признаніе превосходства Шлафа. Двѣ драмы написаны Арно Гольцемъ въ сотрудничествѣ съ Шлафомъ—„Papa Hamlet“ и „Familie Selicke“. Вторая изъ этихъ драмъ наиболѣе характерна для натуралистической манеры: въ ней нѣтъ героя, драматическое дѣйствіе замѣнено точнымъ возсозданіемъ будничной жизни семьи, судьба которой составляетъ содержаніе драмы. Но въ чередованіи картинъ жизни съ микроскопически вѣрно наблюденными подробностями объективность наблюденія становится выразительницей сильнаго субъективнаго темперамента, и впечатлѣніе получается истинно-художественное. Люблинскій считаетъ главнымъ авторомъ „Familie Selicke“ Шлафа, говоря, что Гольцъ внесъ только нѣкоторыя стилистическія поправки въ произведеніе своего сотрудника. Свое сужденіе Люблинскій основываетъ на томъ, что дальнѣйшія драмы Шлафа, написанныя имъ однимъ, въ особенности его „Meister Oelze“, обнаруживаютъ несомнѣнную драматическую силу, чего нельзя сказать про самостоятельныя драмы Гольца, слишкомъ субъективныя и лишенныя драматической пластичности. „Meister Oelze“ Шлафа Люблинскій считаетъ наряду съ „Ткачами“ Гауптмана лучшимъ образцомъ натуралистической драмы. Это—мрачная драма „сверхъчеловѣка“ буржуазной среды, у котораго ничѣмъ нельзя выманить признаніе совершеннаго имъ убійства, и въ изображеніи пассивнаго геройства Шлафъ достигъ здѣсь несомнѣнно большой силы. Другія драмы Шлафа уже гораздо слабѣе, такъ что „Meister Oelze“ можно считать послѣднимъ выдающимся произведеніемъ натуралистической школы въ исторіи новѣйшей нѣмецкой драмы. Наслѣдіемъ натурализма, содѣйствовавшимъ дальнѣйшему развитію модернизма, были повышенная впечатлительность и обостренность въ воспріятіи тончайшихъ оттѣнковъ какъ въ феноменальномъ мірѣ, такъ и въ душевныхъ переживаніяхъ. Пассивный герой натуралистической драмы постепенно превращался въ героя безволія, чуткаго до крайности къ смѣнѣ настроеній. Прообразомъ этого утонченнаго натурализма, составляющаго переходъ къ эстетизму, былъ „Нильсъ Лине“, герой романа датскаго писателя Якобсена, и въ Германіи создалась обширная литература этого типа. Въ ней основная проблема натурализма—вопросъ объ отношеніи трезво наблюдаемой дѣйствительности къ внутренней жизни и душевнымъ настроеніямъ человѣка смѣнился другою, дальнѣйшей проблемой о соотношеніи индивидуума и внѣшняго міра. У натуралистовъ среда поглощала личность, а въ слѣдующемъ литературномъ теченіи разрѣшался вопросъ о правахъ личности, о нежелательности превращенія отдѣльной личности въ атомъ цѣлаго. Эта эволюція литературныхъ задачъ означала собой переходъ отъ соціальной про-

блемы къ міровой. Натурализмъ смѣнился нео-романтизмомъ, вліяніе Зола уступило мѣсто вліянію Метерлинка.

Начало нео-романтизма Люблинскій относитъ къ концу девятидесятыхъ годовъ и характеризуетъ начало движенія тоже общественными тенденціями, сліяніемъ политическихъ и соціальныхъ интересовъ съ литературой и искусствомъ. Это сказалось отчасти въ томъ, что ученая литература проникласъ общественными теоріями, что историки и историки литературы выдвигали на первый планъ соціальныя и экономическія причины въ объясненіи явленій общественной и политической жизни, а отчасти и въ стремленіи общественныхъ дѣятелей преслѣдовать не только партійно-политическія, но и широко культурныя цѣли. Возникла мечта о „культурной политикѣ", хотя по существу задачи политики и задачи культуры, требующей удовлетворенія высшихъ духовныхъ цѣлей, непримиримы. Этой непримиримости не понимали, и въ борьбѣ этихъ двухъ началъ видѣли борьбу между личностью и обществомъ. На этой почвѣ возникъ индивидуализмъ, отстаиваніе правъ личности, составляющее наиболѣе характерную особенность модернизма. Во главѣ ученія о правахъ личности стоитъ философія Ницше, который болѣе чѣмъ кто-либо отстаивалъ права духовной культуры передъ эгоистически-утилитарными цѣлями цивилизаціи, управляемой принципами демократизма и позитивной науки. Превосходство созидателей духовной культуры Ницше защищалъ, впадая въ расовый романтизмъ, считая ихъ людьми лучшей крови, а людей, подчиняющихся нивеллирующимъ цѣлямъ цивилизаціи, рабами, потомками вырождающейся расы. Разница между Ницше и старыми романтиками заключалась въ томъ, что для нихъ раса былъ чѣмъ-то твердымъ, связаннымъ съ настоящимъ или прошлымъ. Для Ницше же раса высшихъ людей еще должна быть создана, „сверхъ-человѣкъ" еще долженъ явиться, когда ему будетъ принесенъ въ жертву теперешній низшій человѣкъ. Эта идея дѣлаетъ Ницше носителемъ тоски о высшей культурѣ, идеалистомъ цѣли, лежащей по ту сторону культурности и варварства. Онъ обреченъ на вѣчную отчужденность отъ дѣйствительности съ ея непосредственными практическими задачами. Его вліяніе на современниковъ имѣло, однако, непосредственное значеніе, что̀ породило новый лиризмъ, новую великую тоску по недосягаемомъ, также какъ новую нео-романтическую манеру, отшедшую отъ техники натурализма, но связанную съ нимъ стремленіемъ опредѣлить соотношеніе личности съ реальной дѣйствительностью. Люблинскій говоритъ лишь о немногихъ ницшеанцахъ въ новѣйшей нѣмецкой литературѣ. Оставляя въ сторонѣ наиболѣе извѣстныя имена, онъ знакомитъ съ нѣкоторыми писателями, не проникшими въ большую публику. Такъ, онъ говоритъ о романистѣ Шербартѣ, у кото-

раго жизнь представляется какъ бы гашишнымъ бредомъ, о баварскомъ драматургѣ Іосифѣ Рюдерерѣ, мощномъ борцѣ противъ всякаго филистерства, которое онъ бичуетъ угрюмой ироніей. Къ числу яркихъ ницшеанцевъ Люблинскій относитъ также драматурга Франка Ведекинда, въ которомъ онъ выше всего ставитъ его стихійность, его презрѣніе ко всѣмъ устоямъ общественности во имя мечты о недосягаемой духовной культурѣ съ новыми критеріями добра. Люблинскій говоритъ также о лирикѣ, выросшей на почвѣ ницшеанства, о мистикѣ Петерѣ Гилле, объ эротической поэзіи знаменитой поэтессы Мари Мадлены, которую онъ, однако, далеко не такъ высоко ставитъ, какъ восхищающаяся ею вся нѣмецкая критика. Напротивъ того, онъ ей предпочитаетъ Эльзу Ласкеръ-Шюлеръ. Всѣ эти модернисты, къ числу которыхъ Люблинскій причисляетъ также вѣнскаго писателя Петера Альтенберга, „энтузіаста грусти", по его формулѣ, составляютъ дальнѣйшее развитіе ницшеанства. Въ связи съ этимъ Люблинскій разсматриваетъ и многихъ другихъ новѣйшихъ писателей, отводя видное мѣсто Гергарту Гауптману и нѣкоторымъ другимъ. Въ общемъ, намѣчая основную цѣль новѣйшей нѣмецкой литературы, Люблинскій приходитъ къ выводу, что главная проблема современныхъ писателей—соотношеніе между личностью и объективной дѣйствительностью. Онъ считаетъ разрѣшеніе этой проблемы миссіей теперешняго литературнаго поколѣнія—въ связи съ разрѣшеніемъ того же вопроса въ общественной и политической жизни; для него цѣли и задачи литературы и жизни находятся въ неразрывной связи.

II.

Max Dreyer. Die Siebzehnjährigen. Schauspiel. Leipzig. 1904 (Deutsche Verlags-Anstalt).

Молодой нѣмецкій драматургъ, Максъ Дрейеръ, пользуется значительнымъ сценическимъ успѣхомъ. Его психологическія драмы соотвѣтствуютъ духу времени, т.-е. поднимаютъ вопросы, составляющіе главное содержаніе современнаго нѣмецкаго театра, проникнутаго вліяніемъ Ибсена. Глубокихъ разрѣшеній Дрейеръ не даетъ; его больше интересуетъ эмоціональная сторона душевныхъ переживаній, чѣмъ какіе-либо идейные выводы изъ нихъ. Идейные замыслы его пьесъ поэтому большею частью незначительны и сводятся къ довольно близорукому оптимизму, къ убѣжденію, что возможно гармоничное примиреніе всѣхъ психологическихъ столкновеній—послѣ пережитыхъ эмоцій. Разрабатывать самыя столкновенія, изображать чувства, вы-

званныя ими, Дрейеру удается,—неудовлетворительность же его сказывается въ разрѣшеніяхъ драматическихъ конфликтовъ. Онъ всегда находитъ какія-нибудь мнимо глубокія слова, которыми перекидывается мостъ черезъ бездну противорѣчій, остающихся въ его пьесахъ неразрѣшенными. Но для театра важны именно эмоціи, и потому пьесы Дрейера почти всегда интересны со сцены своимъ захватывающимъ драматизмомъ, своей психологической разработанностью. Онъ выступилъ въ 1896 г. психологической пьесой „Трое", въ которой съ нѣкоторой оригинальностью разработалъ столь надоѣвшій въ французской драмѣ вопросъ о ménage à trois. У Дрейера „другъ дома" разрушаетъ союзъ мужа и жены не тѣмъ, что вызываетъ справедливую ревность мужа, а тѣмъ, что, благодаря ему, жена узнаетъ истинный характеръ мужа. „Другъ дома" ей начинаетъ больше нравиться, чѣмъ разочаровавшій ее мужъ, но ея чувство не встрѣчаетъ отвѣта, и пьеса оканчивается тѣмъ, что, не найдя счастья съ третьимъ, она все-таки уходитъ отъ мужа, и онъ остается въ одиночествѣ. Ménage à trois распадается и остаются трое одинокихъ людей.

Дальнѣйшія пьесы Дрейера—отчасти натуралистическаго характера, какъ, напр., „Зимній сонъ". Это—мрачная драма молодой души, проснувшейся отъ долгаго „зимняго сна", т.-е. возставшей противъ косности и будничности окружающей среды. Но пробужденіе ея при появленіи человѣка, который зоветъ ее на просторъ,—трагическое. Краткій мигъ борьбы — и сила поработившей ее сѣрости жизни торжествуетъ. Ее побѣждаютъ грубо, но безнадежно, и ей остается одинъ только трагическій исходъ—самоубійство, къ которому она и прибѣгаетъ. Тутъ опять самое переживаніе дѣвушки, дочери лѣсничаго, ея скучающія отношенія къ грубодушному жениху, ея неясныя мечты о какой-то болѣе яркой дѣйствительности, ея пробужденіе при появленіи пришельца изъ города, ея краткая трагическая борьба съ отцомъ и женихомъ—все это составляетъ очень драматичную психологическую картину. На ряду съ чисто психологическими пьесами у Макса Дрейера есть сатирическія комедіи, причемъ юморъ Дрейера—болѣе занимательно добродушный, чѣмъ ядовитый. Такова его забавная комедія „Долина жизни", гдѣ право на свободу любви, на безхитростную радость жизни отстаивается остроумнымъ вышучиваніемъ лицемѣрной добродѣтели.

Лучшая изъ написанныхъ до сихъ поръ пьесъ Макса Дрейера—его послѣдняя, „Семнадцатилѣтніе" („Die Siebzehnjährigen"). Разбирая ее, приходится опять-таки больше говорить о сценическихъ ея достоинствахъ, о сгущенности драматической атмосферы въ теченіе всѣхъ четырехъ дѣйствій, о художественномъ противопоставленіи натуръ, созданныхъ для взаимнаго мучительства по своему темпера-

менту, о поэтичности въ изображеніи молодой страсти. По настроенію, по характеру эмоцій, составляющихъ содержаніе „Семнадцатилѣтнихъ“, эта драма дѣтской души напоминаетъ драмы Ведекинда,—но мрачный демоническій сарказмъ послѣдняго смѣняется у Дрейера примирительно элегическими тонами даже въ изображеніи конечной катастрофы. Сходство съ разрушительными драмами Ведекинда заключается въ томъ, что герой и героиня—семнадцатилѣтніе Эрика и Фридеръ—проникнуты бурной мятежностью противъ всего, что̀ обуздываетъ свободное чувство. Эрика напоминаетъ главную героиню Ведекинда, Лулу, воплощающую собой „духъ земли“: она губитъ отдающіяся ей безоружныя сердца и сама сгораетъ на огнѣ страсти. Такой должна была быть Лулу Ведекинда въ юности, прежде чѣмъ инстинктивная порочность не сдѣлалась у нея сознательнымъ орудіемъ въ борьбѣ за житейскія блага. И Фридеръ—типичный Ведекиндовскій юноша съ пламенной душой, сгорающей отъ несправедливостей судьбы.

Эрика Дрейера чиста душой,—вся бурная стихійность ея натуры направлена на ея любовь къ Вернеру, мужу ея кузины,—отцу ровесника Эрики, Фридера. Эрика знаетъ, что ея чувство—не дозволенное, и смиренно переноситъ суровость Вернера, который всячески отклоняетъ ея любовь; чтобы не поддаться соблазну ея молодой красоты и не выдать охватившей и его страстной любви къ Эрикѣ, онъ преувеличенно строгъ съ нею. Эрика же чувствуетъ такую внутреннюю силу въ своей любви, что готова разрушить все, что̀ стоитъ на пути ея чувства. Вернеръ сказалъ ей, что имъ не слѣдуетъ видаться, пока она не станетъ болѣе благоразумной. Но она не можетъ такъ долго ждать—увѣренная, что и Вернеру хочется ее видѣть. Она принимаетъ поэтому приглашеніе жены Вернера, своей кузины Анны-Маріи, пріѣхать къ нимъ въ деревню вмѣстѣ съ ихъ сыномъ, кадетомъ Фридеромъ, который ѣдетъ на каникулы домой. Анна-Марія рада пріѣзду Эрики, зная, что общество красивой молодой дѣвушки доставитъ удовольствіе ея мужу, нуждающемуся въ развлеченіи послѣ перенесенной имъ тяжкой болѣзни. Вернеръ—кавалеристъ, славившійся своей верховой ѣздой и принужденный теперь выйти въ отставку послѣ случившагося съ нимъ несчастья. Онъ упалъ, и врачи навсегда запретили ему садиться на лошадь. Его утѣшеніе составляютъ занятія живописью, но и писать онъ можетъ только съ опаской, послѣ приключившейся съ нимъ болѣзни глазъ. Неосторожность и въ особенности волненія могутъ имѣть роковыя послѣдствія для его зрѣнія. Анна-Марія зорко оберегаетъ Вернера, слѣдитъ за тѣмъ, чтобы онъ не слишкомъ много работалъ, и старается доставить ему развлеченія. Она поощряетъ его художественный вкусъ; примирившись съ тѣмъ, что ея красота уже прошла и что къ ней Вернеръ не можетъ уже питать пылкихъ

чувствъ, она заботится о томъ, чтобы онъ видѣлъ вокругъ себя красивыя, молодыя лица. Пріѣздъ Эрики долженъ быть для него сюрпризомъ, но, не выдержавъ характера, Анна-Марія заранѣе говоритъ ему, что вмѣстѣ съ ихъ сыномъ пріѣдетъ и Эрика. Вернеръ, къ ея удивленію, относится очень сдержанно къ этому извѣстію. Онъ только удивляется рѣшенію Эрики пріѣхать послѣ того, какъ она много разъ отклоняла приглашенія. Анна-Марія говоритъ, что и на этотъ разъ она не соглашалась, почему-то увѣренная, что пріѣздъ ея будетъ непріятенъ Вернеру. Анна-Марія не понимаетъ, почему Эрика вдругъ стала такъ бояться Вернера, и проситъ мужа быть съ дѣвочкой какъ можно болѣе радушнымъ, чтобы побѣдить ея непонятную дикость. Пріѣздъ Фридера и Эрики вноситъ въ домъ радостную атмосферу побѣднаго молодого чувства. Фридеръ радуется возвращенію домой, свиданію съ отцомъ, болѣзнь котораго ему доставила столько горя и тревоги. Фридеръ нѣжно привязанъ къ отцу, гордится имъ, считаетъ его лучшимъ изъ людей и счастливъ тѣмъ, что отецъ относится къ нему не съ отцовской строгостью, а съ товарищескимъ довѣріемъ. Фридеръ повѣряетъ ему всѣ свои тайны, и среди бурныхъ изліяній при первой встрѣчѣ говоритъ ему также съ безграничнымъ увлеченіемъ объ Эрикѣ, прося отца быть дружной съ нею. Въ словахъ мальчика чувствуется зарождающееся чувство несознанной еще любви, и Вернеръ сразу подмѣчаетъ это. Поэтому, когда является Эрика и, оставшись наединѣ съ нимъ, начинаетъ просить его быть менѣе строгимъ съ ней, упрекаетъ его въ постоянномъ желаніи отстранять ее отъ себя, запрещая ей малѣйшее проявленіе своихъ чувствъ,—Вернеръ еще настойчивѣе подчеркиваетъ свое напускное равнодушіе. Онъ готовъ помочь Эрикѣ въ ея тяжелыхъ жизненныхъ обстоятельствахъ, освободить ее отъ гнета дяди, у котораго она живетъ, способствовать ея поступленію въ консерваторію,—но остается съ нею крайне сдержаннымъ, предоставляя—къ ея неудовольствію—Фридеру пользоваться какъ можно больше ея обществомъ.

Но Вернеръ постепенно забываетъ свою осторожность и, къ удовольствію Анны-Маріи и Фридера, проводитъ все время съ Эрикой,—главнымъ образомъ въ занятіяхъ музыкой; и Эрика, и Вернеръ—хорошіе піанисты, и любятъ играть въ четыре руки. Фридеръ особенно счастливъ этой дружбой; любя больше всего на свѣтѣ отца и Эрику, онъ огорчался ихъ несогласіемъ; онъ счастливъ теперь, видя, что они сблизились, съ восторгомъ слушаетъ ихъ игру и съ полной наивностью выхваливаетъ отцу Эрику, а ей—отца. У Эрики, увлеченной своимъ молодымъ бурнымъ чувствомъ, проявляется властный, безпощадный характеръ въ отношеніяхъ къ Фридеру; она разжигаетъ въ немъ безсознательную любовь къ себѣ, не думая о томъ, какъ это

отразится на его чистой душѣ. Въ игривомъ разговорѣ съ нимъ Эрика цѣлуетъ Фридера, и мальчикъ принимаетъ ея шаловливую ласку за нѣчто серьезное, увѣренъ, что этимъ она призналась ему въ любви, и уже строитъ наивные воздушные замки ихъ будущаго семейнаго счастья. Изъ нѣжнаго чувства къ отцу Фридеръ хотѣлъ бы, чтобы именно онъ первый узналъ о радостномъ событіи; намекнувъ о своемъ желаніи Эрикѣ, онъ старается оставить ее наединѣ съ отцомъ, чтобы она могла сообщить ему ихъ тайну. Послѣ ухода Фридера, Эрика догадывается о его наивномъ заблужденіи. Въ домѣ нѣкоторое возбужденіе по поводу готовящагося праздника жатвы. Анна-Марія хочетъ взять сына съ собой на мызу, гдѣ кончаются полевыя работы; но предварительно она заставляетъ его сидѣть за книжкой и заниматься, отославъ Эрику въ садъ рвать ягоды и попросивъ мужа не мѣшать мальчику заниматься. Но, оставшись наединѣ, отецъ съ сыномъ товарищески бесѣдуютъ, причемъ Фридеръ таинственно разспрашиваетъ отца объ условіяхъ брака между родственниками. Вернеръ, конечно, догадывается о причинѣ его разспросовъ, и это еще болѣе настраиваетъ его на строгость къ Эрикѣ. Поддавшись уговорамъ Фридера, Вернеръ рѣшается нарушить запрещеніе Анны-Маріи и уйти вмѣстѣ съ мальчикомъ въ садъ къ Эрикѣ. Въ то время, какъ они оба собираются вылѣзть изъ окна, является Анна-Марія и накрываетъ ихъ на мѣстѣ преступленія. Фридеру она говоритъ, что возьметъ его съ собой на мызу, мужа же проситъ сейчасъ же поѣхать въ городъ къ глазному врачу, который назначилъ ему пріѣхать въ этотъ день. Только если Вернеръ вернется отъ него съ хорошими вѣстями, можно будетъ отпраздновать праздникъ жатвы со спокойнымъ сердцемъ. Фридеръ радъ уѣхать съ матерью, оставивъ наединѣ Эрику и отца, потому что надѣется, что дѣвушка сообщитъ отцу о томъ, что она любитъ его, Фридера. Мальчикъ съ таинственнымъ видомъ говоритъ передъ уходомъ, что и старика дѣда нѣтъ дома, что отецъ и Эрика остаются одни, совсѣмъ одни. Вернеръ не понимаетъ своего сына, и съ недоумѣніемъ смотритъ на Эрику. Она же догадывается и смущена. Оставшись наединѣ съ Вернеромъ, она забываетъ обо всемъ, кромѣ своего чувства, и въ отвѣтъ на всѣ сдержанныя и строгія рѣчи Вернера говоритъ ему, наконецъ, открыто о своей любви и увлекаетъ его своей молодой страстью. Вернеръ перестаетъ ей сопротивляться, отдается соблазну, хочетъ извѣдать снова радость жизни и назначаетъ Эрикѣ свиданіе вечеромъ, въ бесѣдкѣ у озера, при восходѣ луны. Ихъ разговоръ нечаянно подслушиваетъ Фридеръ, вернувшійся съ полдороги съ цвѣтами для Эрики. Онъ украшаетъ цвѣтами шиповника портретъ Эрики, написанный Вернеромъ, и радуется эффекту, который это произведетъ. Услышавъ голоса отца и Эрики въ сосѣ-

ней комнатѣ, онъ прячется за дверью, чтобы насладиться ихъ удивленіемъ при видѣ разукрашеннаго портрета, но слышитъ ихъ слова любви и назначеніе мѣста свиданія. Пораженный какъ громомъ, онъ ничего не можетъ выговорить, только зарывается лицомъ въ тернистые цвѣты и ранитъ себѣ лицо и руки.

Трагедія въ душѣ юноши, сразу проснувшагося отъ наивной радости жизни къ познанію ея зла, составляетъ содержаніе третьяго дѣйствія. Фридеръ не можетъ совмѣстить представленіе объ обманѣ и лжи съ образами двухъ существъ, наиболѣе дорогихъ ему. Онъ страдаетъ тѣмъ ужаснѣе, что ни съ кѣмъ не можетъ подѣлиться своимъ горемъ. Онъ съ ужасомъ смотритъ на легкомысленную, веселую Эрику, которая готовится къ вечернему празднику и говоритъ ему о музыкантахъ, не подозрѣвая о переживаемыхъ имъ мукахъ. Онъ не можетъ взглянуть въ глаза отцу, который вернулся изъ города съ благопріятными вѣстями отъ доктора. Происходитъ праздникъ жатвы, приходятъ жнецы и жницы съ вѣнкомъ изъ колосьевъ, танцуютъ, но Фридеръ не принимаетъ участія въ танцахъ и всѣхъ пугаетъ своимъ измученнымъ лицомъ. Онъ рѣшилъ не выдавать своей тайны, такъ какъ выдать отца ему кажется величайшимъ преступленіемъ. Онъ только нѣжнѣе съ матерью, такъ какъ страдаетъ за нее душой. Вызвавъ на разговоръ отца, онъ говоритъ ему, что долженъ уѣхать изъ дому. Отецъ настаиваетъ на объясненіи причины его внезапнаго рѣшенія, но мальчикъ стойко молчитъ. Вернеръ выходитъ изъ себя, требуетъ отвѣта, наконецъ даетъ сыну отсрочку до слѣдующаго утра, говоря, что тогда заставитъ Фридера объяснить свое поведеніе. Появляется Эрика, опьяненная и своей любовью, и праздничной атмосферой въ домѣ. Она принесла скрипку, которую стащила у скрипача изъ деревенскаго оркестра, и хочетъ демонстрировать свое искусство передъ Вернеромъ. Фридеръ незамѣтно уходитъ при ея появленіи. Между Вернеромъ и Эрикой происходитъ бурная любовная сцена, начинающаяся съ упрековъ Вернера Эрикѣ за то, что она вскружила голову бѣдному мальчику. Но Эрикѣ все безразлично. Она помнитъ только о своей любви и увлекаетъ Вернера, который тоже ради ея красоты и молодости готовъ ослушаться голоса совѣсти и разума. Они разстаются для того, чтобы встрѣтиться вечеромъ у озера, и уходятъ вмѣстѣ смотрѣть на праздникъ. Оставшись наединѣ со старикомъ дѣдомъ, Фридеръ проситъ у него нравственной помощи, проситъ научить, какъ разобраться въ жизни. Старикъ даетъ равнодушные отвѣты, а мальчикъ, чтобы излить свои душевныя муки, пользуется тѣмъ, что старикъ глуховатъ, и говоритъ ему тихимъ голосомъ о своемъ горѣ, о страшной обидѣ, которую онъ не можетъ пережить. Онъ говоритъ также, что нужно не допустить свиданія, что

онъ это сдѣлаетъ, что онъ будетъ безмолвнымъ стражемъ на порогѣ бесѣдки и помѣшаетъ имъ туда войти.

Въ послѣднемъ дѣйствіи это рѣшеніе Фридера уже выполнено. Онъ застрѣлился на порогѣ бесѣдки. Мать и дѣдушка, первые увидавшіе его мертвымъ, не понимаютъ причины его смерти,—хотя для матери ясно, что это не несчастный случай, а самоубійство. Она знала, что Фридеръ любилъ Эрику, но почему это заставило его покончить съ собой, что̀ произошло между ними—этого она не можетъ понять въ своемъ безутѣшномъ горѣ. Несчастіе стараются скрыть отъ Вернера, потому что внезапный испугъ можетъ погубить его зрѣніе. Анна-Марія сдерживаетъ свое горе, не велитъ прекращать праздникъ и поджидаетъ мужа, который поѣхалъ провожать бывшую на праздникѣ сосѣдку. До Вернера является Эрика, веселая, напѣвающая мелодію какого-то танца, и съ ужасомъ видитъ передъ собой застывшее въ скорби лицо Анны-Маріи. Та ей сообщаетъ о случившемся, и когда Эрика узнаетъ о мѣстѣ самоубійства Фридера, она все понимаетъ. Ея первая мысль—о томъ, чтобы пощадить Вернера; она требуетъ, поэтому, чтобы Фридера унесли изъ бесѣдки, такъ какъ туда можетъ придти Вернеръ. Въ отвѣтъ на разспросы Анны-Маріи, она открыто говоритъ объ условленномъ въ бесѣдкѣ свиданіи. Тогда для Анны-Маріи становится все яснымъ. Въ первую минуту гнѣва она готова не щадить мужа, который не пожалѣлъ ее и—главное—погубилъ своего сына. Но минутное затмѣніе, порожденное гнѣвомъ, проходитъ, и Анна-Марія вмѣстѣ съ Эрикой бережно встрѣчаетъ Вернера, чтобы не сразу поразить его страшной вѣстью. Но ихъ осторожность напрасна. Онъ догадывается о томъ, что̀ случилось, и хотя онъ постепенно узнавалъ страшную истину, она производитъ на него роковое впечатлѣніе. Опять передъ его глазами туманъ, какъ въ началѣ болѣзни. Но теперь ему и это не страшно—такъ велико горе, сломившее его. Онъ только молитъ Анну-Марію не оставлять его. Она остается и проситъ Эрику тоже не покидать ихъ, такъ какъ всѣхъ ихъ связало теперь глубокое страданіе, въ которомъ исчезаетъ вопросъ о чьей-либо виновности.

Такимъ печально примирительнымъ аккордомъ разрѣшается тяжелая драма дѣтской души, столкнувшейся слишкомъ рано съ неумолимымъ зломъ жизни. Страстная душа мальчика очерчена въ драмѣ съ необыкновенной силой и поэтичностью, также какъ необузданная страсть Эрики, созданной для того, чтобы быть въ жизни побѣдительницей и сѣять вокругъ себя жертвы.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 марта 1905.

Высочайшіе манифестъ, рескриптъ и указъ 18-го февраля.—Ожиданія и надежды.—Журналы комитета министровъ объ „исключительныхъ законоположеніяхъ" и о вѣротерпимости.—Пріостановка занятій въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. — Рабочій вопросъ въ настоящемъ и ближайшемъ прошломъ. — Н. А. Карышевъ и П. О. Бобровскій †.

Наше внутреннее обозрѣніе было уже отпечатано, когда, 18-го февраля, воспослѣдовало обнародованіе слѣдующихъ государственныхъ актовъ:

I.—Высочайшій манифестъ:

„Неисповѣдимому Промыслу Божію благоугодно было посѣтить отечество Наше тяжкими испытаніями.

Кровопролитная война на Дальнемъ Востокѣ за честь и достоинство Россіи и за господство на водахъ Тихаго океана, столь существенно необходимое для упроченія въ долготу вѣковъ мирнаго преуспѣянія не только Нашего, но и иныхъ христіанскихъ народовъ,— потребовала отъ народа русскаго значительнаго напряженія его силъ и поглотила многія дорогія, родныя сердцу Нашему жертвы.

Въ то время, когда доблестнѣйшіе сыны Россіи, съ беззавѣтною храбростью сражаясь, самоотверженно полагаютъ жизнь свою за вѣру, царя и отечество,—въ самомъ отечествѣ Нашемъ поднялася смута на радость врагамъ Нашимъ и къ великой сердечной Нашей скорби.

Ослѣпленные гордынею злоумышленные вожди мятежнаго движенія дерзновенно посягаютъ на освященные православною церковью и утвержденные законами основные устои государства россійскаго, полагая, разорвавъ естественную связь съ прошлымъ, разрушить существующій государственный строй и, вмѣсто онаго, учредить новое управленіе страною на началахъ, отечеству Нашему несвойственныхъ.

Злодѣйское покушеніе на жизнь Великаго Князя, горячо любившаго первопрестольную столицу и безвременно погибшаго лютою смертію среди священныхъ памятниковъ московскаго Кремля, глубоко оскорбляетъ народное чувство каждаго, кому дороги честь русскаго имени и добрая слава Нашей родины.

Со смиреніемъ принимая всѣ сіи, ниспосланныя Правосудіемъ Божіимъ испытанія, Мы почерпаемъ силы и утѣшеніе въ твердомъ уповании на милосердіе Господа, отъ вѣка державѣ россійской являемое, и въ извѣстной Намъ исконной преданности престолу вѣрнаго народа Нашего.

Молитвами святой православной церкви, подъ стягомъ самодержавной царской власти и въ неразрывномъ единеніи съ Нею, земля русская не разъ переживала великія войны и смуты, всегда выходя изъ бѣдъ и затрудненій съ новою силою несокрушимою.

Но внутреннія нестроенія послѣдняго времени и шатанія мысли, способствовавшія распространенію крамолы и безпорядковъ, обязываютъ Насъ напомнить правительственнымъ учрежденіямъ и властямъ всѣхъ вѣдомствъ и степеней долгъ службы и велѣнія присяги и призвать къ усугубленію бдительности по охранѣ закона, порядка и безопасности, въ строгомъ сознаніи нравственной и служебной отвѣтственности передъ престоломъ и отечествомъ.

Непрестанно помышляя о благѣ народномъ и твердо вѣруя, что Господь Богъ, испытавъ Наше терпѣніе, благословитъ оружіе Наше успѣхомъ, Мы призываемъ благомыслящихъ людей всѣхъ сословій и состояній, каждаго въ своемъ званіи и на своемъ мѣстѣ, соединиться въ дружномъ содѣйствіи Намъ словомъ и дѣломъ во святомъ и великомъ подвигѣ одолѣнія упорнаго врага внѣшняго, въ искорененіи въ землѣ Нашей крамолы и въ разумномъ противодѣйствіи смутѣ внутренней, памятуя, что лишь при спокойномъ и бодромъ состояніи духа всего населенія страны возможно достигнуть успѣшнаго осуществленія предначертаній Нашихъ, направленныхъ къ обновленію духовной жизни народа, упроченію его благосостоянія и усовершенствованію государственнаго порядка.

Да станутъ же крѣпко вокругъ престола Нашего всѣ русскіе люди, вѣрные завѣтамъ родной старины, радѣя честно и совѣстливо о всякомъ Государевомъ дѣлѣ въ единомысліи съ Нами.

И да подастъ Господь въ державѣ россійской: пастырямъ—святыню, правителямъ—судъ и правду, народу—миръ и тишину, законамъ—силу и вѣрѣ—преуспѣяніе, къ вящшему укрѣпленію истиннаго самодержавія на благо всѣмъ Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ.

Данъ въ Царскомъ Селѣ въ 18-й день февраля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ пятое, царствованія же Нашего одиннадцатое".

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„НИКОЛАЙ".

II.—Высочайшій рескриптъ на имя министра внутреннихъ дѣлъ:

„Александръ Григорьевичъ.

Вѣрныя исконному обычаю народа русскаго — нести къ престолу изъявленія чувствъ своихъ во дни радости и печалей, переживаемыхъ отечествомъ,—дворянскія и земскія собранія, купеческія, городскія и крестьянскія общества, со всѣхъ концовъ земли русской, принесли Мнѣ многочисленныя поздравленія, по случаю радостнаго событія рожденія Наслѣдника Цесаревича, съ выраженіемъ готовности пожертвовать своимъ достояніемъ дѣлу успѣшнаго завершенія войны и посвятить всѣ свои силы для содѣйствія Мнѣ въ усовершенствованіи государственнаго порядка.

Отъ Имени Ея Величества и Моего поручаю вамъ передать привѣтственно обратившимся ко Мнѣ собраніямъ и обществамъ сердечную

Нашу благодарность за выраженіе ихъ вѣрноподданническихъ чувствъ, которыя въ трудное переживаемое Нами время были Намъ тѣмъ болѣе отрадны, что высказанная въ тѣхъ обращеніяхъ готовность, по зову Моему, придти содѣйствовать успѣшному осуществленію возвѣщенныхъ Мною преобразованій, всецѣло отвѣчаетъ душевному Моему желанію: совмѣстною работою правительства и зрѣлыхъ силъ общественныхъ достигнуть осуществленія Моихъ предначертаній, ко благу народа направленныхъ.

Преемственно продолжая царственное дѣло вѣнценосныхъ предковъ Моихъ,—собираніе и устроеніе земли русской,—Я вознамѣрился отнынѣ, съ Божіею помощью, привлекать достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людей къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній.

Соображая особыя условія обширнаго отечества нашего, разноплеменность состава его населенія и слабое въ нѣкоторыхъ его частяхъ развитіе гражданственности, государи россійскіе въ мудрости своей всегда даровали необходимыя, въ зависимости отъ назрѣвшихъ потребностей, преобразованія лишь въ порядкѣ извѣстной послѣдовательности и съ осмотрительностью, обезпечивающею неразрывность крѣпкой исторической связи съ прошлымъ, какъ залога прочности и устойчивости сихъ преобразованій въ будущемъ.

И нынѣ, предпринимая сіе преобразованіе, увѣренный, что знаніе мѣстныхъ потребностей, жизненный опытъ и разумное откровенное слово лучшихъ выборныхъ людей обезпечатъ плодотворность законодательныхъ работъ на истинную пользу народа, Я, вмѣстѣ съ тѣмъ, предвижу всю сложность и трудность проведенія сего преобразованія въ жизни при непремѣнномъ сохраненіи незыблемости основныхъ законовъ имперіи.

А по сему, хорошо зная многолѣтнюю административную вашу опытность и цѣня спокойную увѣренность характера вашего, Я признаю за благо учредить подъ вашимъ предсѣдательствованіемъ Особое Совѣщаніе для обсужденія путей осуществленія сей Моей воли.

Да благословитъ Господь сіе благое начинаніе Мое и да поможетъ вамъ исполнить оное успѣшно на благо Богомъ ввѣреннаго Мнѣ народа.

Пребываю къ вамъ неизмѣнно благосклонный".

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

18 февраля 1905 г.,
гор. Царское Село.

„НИКОЛАЙ".

III. — Именной Высочайшій указъ, данный Правительствующему Сенату 1905 года, февраля 18-го:

„Въ неустанномъ попеченіи объ усовершенствованіи государственнаго благоустройства и улучшеніи народнаго благосостоянія имперіи россійской признали Мы за благо облегчить всѣмъ Нашимъ вѣрноподданнымъ, радѣющимъ объ общей пользѣ и нуждахъ государственныхъ, возможность непосредственно быть Нами услышанными.

Въ виду сего повелѣваемъ:

Возложить на состоящій подъ предсѣдательствомъ Нашимъ совѣтъ министровъ, сверхъ дѣлъ, ему нынѣ подвѣдомственныхъ, разрѣшеніе и обсужденіе поступающихъ на Имя Наше отъ частныхъ лицъ и учрежденій видовъ и предположеній по вопросамъ, касающимся усовершенствованія государственнаго благоустройства и улучшенія народнаго благосостоянія.

Правительствующій Сенатъ не оставитъ сдѣлать надлежащее по сему предмету распоряженіе".

Важнѣйшимъ изъ вышеприведенныхъ актовъ представляется, безспорно, Высочайшій рескриптъ на имя министра внутреннихъ дѣлъ. Характерна, прежде всего, установляемая имъ связь между намѣреніями Государя и обращенными къ Нему заявленіями земскихъ, дворянскихъ и другихъ собраній. Готовность послѣднихъ посвятить свои силы усовершенствованію государственнаго порядка оказывается согласной съ желаніемъ самого Монарха. Совмѣстная работа правительства и общественныхъ силъ признается лучшимъ средствомъ осуществить предначертанія, направленныя ко благу народа. Во что обращаются, затѣмъ, усилія доказать, что правительство, всевѣдущее и всемогущее, не нуждается въ содѣйствіи „ограниченнаго ума подданныхъ"?.. Не менѣе важна высокая оцѣнка, данная выборному началу—этому обычному объекту реакціонныхъ нападеній. *Избранными отъ населенія, довѣріемъ народа облеченными* должны быть тѣ люди, которые будутъ призваны къ участію „въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній"; отъ лучшихъ *выборныхъ* людей ожидается „разумное, откровенное слово". Не подлежитъ, наконецъ, никакому сомнѣнію, что имѣется въ виду не *однократный* призывъ „выборныхъ людей", а введеніе ихъ, какъ *постояннаго* учрежденія, въ систему государственнаго управленія: объ этомъ свидѣтельствуетъ слово: *привлекать*, употребленное въ рескриптѣ, да и весь вообще внутренній его смыслъ. Все зависитъ теперь отъ способа осуществленія великой реформы—величайшей, можетъ быть, со времени освобожденія крестьянъ. Мы раздѣляемъ мнѣніе „Руси" о пользѣ, которую могло бы принести участіе въ Особомъ Совѣщаніи представителей земства, хорошо знакомыхъ съ избирательными порядками и условіями. Желательно, конечно, чтобы эти представители были не назначенные, а выборные: только въ такомъ случаѣ ихъ можно будетъ считать истинными выразителями взглядовъ, наиболѣе распространенныхъ въ земскихъ сферахъ. Желательно также, чтобы къ нимъ были присоединены выборные представители большихъ городовъ, крестьянства и рабочаго класса. Чѣмъ скорѣе будетъ установленъ составъ проектируемаго собранія, чѣмъ скорѣе пачнется его

преобразовательная работа, тѣмъ меньше встрѣтится препятствій для окончательнаго успокоенія страны, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе необходимаго. Нельзя безъ ужаса читать сообщенія о недавней рѣзнѣ въ Баку, причины которой еще не изслѣдованы, но несомнѣнно коренятся весьма глубоко, соприкасаясь съ поддержаніемъ національной розни, еще недавно процвѣтавшимъ на Кавказѣ. До крайности печальны и извѣстія изъ Москвы, Пскова, Казани, въ особенности изъ Курска, гдѣ происходило форменное избіеніе молодежи и подростковъ. Глазамъ не вѣришь, когда читаешь корреспонденціи о побоищѣ, организованномъ и руководимомъ полицейскою властью [1].

Какъ теперь, до созыва Особаго Совѣщанія, такъ и потомъ, во время его занятій и въ періодъ приготовленій къ выборамъ, необходима возможно бо̀льшая свобода слова, возможно бо̀льшая увѣренность въ томъ, что выраженіе тѣхъ или иныхъ взглядовъ на очередныя задачи государственной жизни ни для кого не повлечетъ за собою послѣдствій, не предусмотрѣнныхъ общимъ закономъ. Существенно полезной, съ этой точки зрѣнія, была бы отмѣна административныхъ каръ, которымъ подверглись, въ послѣднее время, нѣкоторые о̀рганы печати. Сколько намъ извѣстно, министерство внутреннихъ дѣлъ готово отказаться отъ дискреціонной карательной власти надъ печатью; ничто не мѣшало бы осуществить этотъ отказъ теперь же, если не de jure, то de facto. Судебное преслѣдованіе за проступки печати возможно и теперь, при дѣйствіи нынѣшнихъ законовъ о печати: достаточно вооруженнымъ по отношенію къ печати правительство осталось бы, поэтому, во всякомъ случаѣ. Ничто не мѣшало бы, точно также, немедленно прекратить примѣненіе мѣръ, наименѣе совмѣстимыхъ съ неприкосновенностью лица и жилища. Вѣнцомъ успокоительной системы, по справедливому замѣчанію „Права“, была бы политическая амнистія.

Въ печати выражено мнѣніе, что среди государственныхъ актовъ 18-го февраля отнюдь не ме́ньшую важность, чѣмъ рескриптъ на имя министра внутреннихъ дѣлъ, имѣетъ указъ правительствующему сенату, возстановляющій старинное право подачи челобитныхъ (петицій). Такая оцѣнка указа кажется намъ преувеличенною. Не лишено значенія, конечно, признаніе не только за отдѣльными лицами, но и за учрежденіями (къ числу которыхъ принадлежатъ о̀рганы самоуправленія), права доводить до Высочайшаго свѣдѣнія предположенія свои по вопросамъ государственнаго и общественнаго характера. Этимъ широко раздвигается область земскихъ и городскихъ ходатайствъ; теряетъ силу — такова, по крайней мѣрѣ, наша надежда — не основанный на законѣ, но крѣпко державшійся

[1]) См. письмо изъ Курска въ № 47 „Русскихъ Вѣдомостей“.

на практикѣ взглядъ, подводившій *коллективныя* обращенія и просьбы подъ понятіе запрещеннаго дѣйствія *скопомъ*. Съ другой стороны, однако, можно ли ожидать отъ совѣта министровъ, изъ которыхъ каждый занятъ и поглощенъ своимъ спеціальнымъ дѣломъ, надлежащаго вниманія къ заявленіямъ, число которыхъ будетъ, по всей вѣроятности, весьма значительно, а внутренняя цѣнность—далеко не одинакова? Легко ли разобраться среди массы различныхъ, часто противоположныхъ мнѣній? Возможно ли доводить ихъ до Высочайшаго свѣдѣнія въ ихъ первоначальномъ видѣ, со всею ихъ мотивировкой—и много ли дастъ для правильнаго къ нимъ отношенія докладъ по необходимости неполный и короткій?... Возвращеніе къ эпохѣ „челобитныхъ" въ настоящее время немыслимо: слишкомъ разрослось государство, слишкомъ усложнилось законодательство и управленіе. Въ нашихъ глазахъ цѣнность Именного указа 18-го февраля обусловливается, главнымъ образомъ, появленіемъ его одновременно съ Высочайшимъ рескриптомъ на имя министра внутреннихъ дѣлъ. Благодаря указу, облегчено участіе общества въ исполненіи задачи, возложенной на Особое Совѣщаніе; благодаря рескрипту, можно предвидѣть время, когда право разсмотрѣнія петицій будетъ принадлежать „лучшимъ выборнымъ людямъ".

Во второй половинѣ февраля въ газетахъ появились извлеченія изъ журналовъ комитета министровъ о порядкѣ исполненія пун. 5-го и 6-го Высочайшаго указа 12 декабря 1904-го года, относящихся къ исключительнымъ законоположеніямъ и къ вѣротерпимости. Журналъ комитета по первому изъ этихъ двухъ вопросовъ заключаетъ въ себѣ немало интересныхъ фактическихъ данныхъ. По свидѣтельству товарища министра внутреннихъ дѣлъ, не разъ руководившаго дѣятельностью департамента полиціи, степень пользованія правами, предоставляемыми администраціи положеніемъ объ усиленной охранѣ, находилась въ непосредственной зависимости отъ личныхъ взглядовъ того или другого представителя власти; въ одной и той же губерніи съ перемѣною губернатора нерѣдко измѣнялось и отношеніе къ данному вопросу. Въ этомъ признаніи нѣтъ, конечно, ничего новаго. Уже a priori можно было предсказать, что примѣненіе чрезвычайныхъ полномочій, руководимое исключительно усмотрѣніемъ—т.-е. произволомъ,—будетъ до крайности разнообразно, какъ количественно, такъ и качественно. Въ фактахъ, подтверждавшихъ это предсказаніе, никогда не было недостатка; рѣдко, по весьма понятнымъ причинамъ, проникавшіе въ печать, они были извѣстны изъ устныхъ разсказовъ, ярко освѣщавшихъ ихъ печальное значеніе. Важно только то, что они

находять теперь оффиціальное подтвержденіе, устраняющее возможность сомнѣній и оправдательныхъ перетолкованій. То же самое слѣдуетъ сказать и о тѣхъ разъясненіяхъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ, которыми констатируется распространительное примѣненіе правилъ объ усиленной охранѣ, явно шедшее въ разрѣзъ съ ихъ назначеніемъ и смысломъ. Съ теченіемъ времени, по словамъ П. Н. Дурново, „представители административной власти на мѣстахъ стали примѣнять административную высылку не только къ лицамъ, политически неблагонадежнымъ, но и вообще къ такимъ обывателямъ, поведеніе которыхъ, по мнѣнію начальства, нарушало спокойное теченіе общественной жизни". Прибавимъ къ этому, что попытка положить конецъ подобному образу дѣйствій, сдѣланная въ 1895 г. Государственнымъ Совѣтомъ, осталась безплодной вслѣдствіе противодѣйствія министровъ юстиціи и внутреннихъ дѣлъ [1])... „Правила объ усиленной охранѣ"—читаемъ мы дальше—„допускаютъ предварительное задержаніе и производство обыска только въ случаяхъ, имѣющихъ связь съ преступными дѣяніями политическаго свойства; между тѣмъ, административныя и полицейскія власти на мѣстахъ, несмотря на циркулярно сообщенное имъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ предложеніе держаться въ этомъ отношеніи точнаго смысла закона, пользуются иногда означенными полномочіями при условіяхъ, мало соотвѣтствующихъ указаніямъ положенія объ усиленной охранѣ. Такой образъ дѣйствій администраціи, при которомъ ни одинъ изъ мѣстныхъ обывателей не можетъ быть увѣренъ въ томъ, что онъ обезпеченъ отъ производства у него обыска или заключенія его подъ арестъ безъ видимой подачи съ его стороны какого-либо къ тому повода,—не можетъ не поселять смуты въ умахъ, а обыски такого рода искусственно поддерживаютъ въ обществѣ глухое раздраженіе противъ распоряженій правительственныхъ властей, столь вредно отзывающееся на общемъ настроеніи". Къ этому можно было бы прибавить, что раздраженіе усиливается обычной обстановкой обысковъ и арестовъ, пріурочиваемыхъ, бо̀льшею частью, къ ночному времени и производящихъ удручающее, иногда прямо опасное по своимъ послѣдствіямъ дѣйствіе на семью обыскиваемаго и арестуемаго. Сплошь и рядомъ заключенному подъ стражу и его близкимъ подолгу остаются неизвѣстными поводы къ такой экстраординарной мѣрѣ; иногда, повидимому, они неизвѣстны и самой власти (это—такъ называемый арестъ впредь до выясненія причинъ ареста).

Существуетъ ли соотвѣтствіе между исторической частью журнала

---

[1]) См. „Внутр. Обозрѣнія" въ № 9 „Вѣстника Европы" за 1895-й и № 2 за 1896-й годъ.

комитета министровъ и его заключеніемъ? Въ этомъ позволительно усомниться. Комитетъ пришелъ къ убѣжденію, что „лишь при условіи облеченія органовъ государственной власти, въ силу общихъ, повсемѣстно дѣйствующихъ въ государствѣ, законовъ, достаточными и притомъ вполнѣ опредѣленными полномочіями для охраненія государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, органы эти могутъ во всякое время съ успѣхомъ выполнять лежащія на нихъ обязанности какъ по пресѣченію вредныхъ для политическаго благосостоянія страны преступныхъ дѣяній, такъ и по предупрежденію возникновенія таковыхъ. Наряду съ такими полномочіями представителямъ государственной власти, на случай возникновенія какихъ-либо чрезвычайныхъ событій, грозящихъ государственной безопасности, должны быть присвоены и чрезвычайныя права по принятію экстренныхъ къ возстановленію нарушеннаго порядка мѣръ, но дѣйствіе этихъ мѣръ надлежало бы каждый разъ ограничивать лишь райономъ обнаруженія и краткосрочнымъ временемъ продолженія исключительныхъ событій, для пресѣченія которыхъ такія мѣры принимаются". Исходя изъ этого убѣжденія, комитетъ призналъ необходимымъ „пересмотрѣть всю совокупность дѣйствующихъ законоположеній, въ силу которыхъ представителямъ государственной власти въ настоящее время присвоиваются полномочія по предмету обезпеченія странѣ спокойнаго теченія государственной и общественной жизни, и, подвергнувъ такія законоположенія безпристрастной оцѣнкѣ, устранить тѣ изъ нихъ, которыя могутъ быть признаны несоотвѣтствующими принятымъ комитетомъ началамъ; съ другой же стороны, сохранивъ, а въ случаѣ необходимости и усиливъ тѣ изъ нихъ, которыя дѣйствительно способствуютъ достиженію намѣченныхъ комитетомъ цѣлей, привести всѣ разработанные такимъ порядкомъ матеріалы въ стройную систему и на приведенныхъ основаніяхъ составить проектъ закона, подлежащаго включенію въ составъ нашего общаго законодательства. При этомъ сюда могли бы войти и мѣропріятія, примѣненіе которыхъ на краткое время и въ точно опредѣленномъ пространствѣ предусматривается на случай наступленія чрезвычайныхъ событій. Наконецъ, составителямъ такого законопроекта надлежитъ всемѣрно озаботиться устраненіемъ возможности примѣненія въ будущемъ имѣющихъ быть проектированными законоположеній въ порядкѣ, несогласномъ съ ихъ истиннымъ смысломъ". Итакъ, нѣкоторыя изъ „исключительныхъ законоположеній" предполагается не только сохранить, но, можетъ быть, даже усилить, введя ихъ, притомъ, въ составъ общаго законодательства, въ качествѣ постоянно дѣйствующихъ нормъ. Не думаемъ, чтобы общіе законы, ограждающіе у насъ порядокъ и безопасность, требовали какого-либо обостренія; съ гораздо большимъ основаніемъ можно

было бы прийти къ противоположному заключенію. Если въ 1881-мъ году, когда еще не улеглось революціонное броженіе и не поколебалась вѣра въ спасительное дѣйствіе репрессивныхъ мѣръ, усиленной охранѣ былъ данъ лишь временной характеръ, то цѣлесообразно ли, въ настоящее время, стремленіе къ увѣковѣченію нѣкоторыхъ изъ числа созданныхъ ею порядковъ и пріемовъ? Она вся составляетъ одно цѣлое, проникнутое однимъ и тѣмъ же духомъ; трудно или, лучше сказать, невозможно выдѣлить изъ нея что-либо совмѣстное съ правовымъ государственнымъ строемъ. Даже въ особыя правила, вступающія въ силу, на короткое время и въ строго ограниченномъ районѣ, въ случаѣ опасныхъ чрезвычайныхъ усложненій, изъ нынѣ существующаго положенія объ усиленной охранѣ слѣдовало бы перенести далеко не все. Крайняя, ничѣмъ неотвратимая необходимость—вотъ единственное мѣрило, которымъ должно обусловливаться какъ введеніе въ дѣйствіе, такъ и самое содержаніе „исключительныхъ законоположеній"... Что касается до заботы о „всемѣрномъ устраненіи" отступленій отъ вновь проектируемыхъ правилъ, то къ ней вполнѣ примѣнимо все сказанное нами, мѣсяцъ тому назадъ, объ охранѣ законности вообще. Пока нѣтъ прочныхъ гарантій закономѣрности, до тѣхъ поръ всегда возможны уклоненія и въ области установленія, и въ области толкованія и примѣненія законовъ.

Положеніе комитета министровъ, относящееся къ вѣротерпимости, не даетъ полнаго разрѣшенія этого вопроса: оно заключаетъ въ себѣ лишь нѣсколько мѣръ, справедливо признанныхъ особенно спѣшными. Комитетъ положилъ: I. Предоставить министру внутреннихъ дѣлъ: 1) безъ замедленія и во всякомъ случаѣ не позднѣе трехъ мѣсяцевъ распорядиться отмѣною всѣхъ, кромѣ указанныхъ въ слѣдующемъ пунктѣ, стѣсняющихъ свободу исповѣданія вѣры и неоснованныхъ прямо на законѣ административныхъ распоряженій, отъ какихъ бы начальствъ они ни исходили; 2) если изъ числа стѣсняющихъ свободу исповѣданія вѣры административныхъ распоряженій окажутся такія, примѣненіе коихъ и впредь, по соображеніямъ государственнаго порядка, онъ признаетъ необходимымъ, то на утвержденіе ихъ испросить черезъ Государственный Совѣтъ Высочайшее соизволеніе, и 3) принять дѣйствительныя мѣры надзора къ тому, чтобы никакими административными учрежденіями и лицами впредь не устанавливалось какихъ-либо стѣсненій въ области религіи, закономъ не указанныхъ. II. Поручить министру внутреннихъ дѣлъ: 1) не допускать впредь примѣненія къ дѣламъ религіознаго свойства положеній о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія и о полицейскомъ надзорѣ, учреждаемомъ по распоряженію административныхъ властей, и 2) немедленно прекратить дальнѣйшее дѣйствіе всѣхъ мѣръ, принятыхъ по дѣламъ

религіознаго свойства въ административномъ порядкѣ центральнымъ управленіемъ министерства или мѣстными главными и губернскими начальствами на основаніи упомянутыхъ выше (п. 1) положеній, или въ какомъ-либо иномъ порядкѣ,—и III. Поручить главнымъ начальникамъ вѣдомствъ и, въ частности, оберъ-прокурору святѣйшаго синода немедленно войти съ всеподданнѣйшими докладами къ Его Императорскому Величеству о помилованіи тѣхъ лицъ, которыя были подвергнуты безъ суда высылкѣ изъ мѣстъ постояннаго жительства или лишенію свободы за религіозныя заблужденія и вытекающіе изъ нихъ поступки.

Не вполнѣ отвѣчающимъ общему духу Высочайшаго указа 12-го декабря кажется намъ пун. 2-ой ст. I-ой. Для насъ неясно, какимъ образомъ, въ моментъ проектируемаго возстановленія законности, могутъ быть оставляемы въ силѣ, хотя бы на время, такія административныя распоряженія, которыя не основаны на законѣ—или, выражаясь опредѣленнѣе, противорѣчатъ закону. Законодательная дѣятельность по вѣроисповѣднымъ вопросамъ, предстоящая Государственному Совѣту, съ самаго начала будетъ затруднена одновременнымъ представленіемъ на его разсмотрѣніе какъ мѣропріятій, ограждающихъ свободу совѣсти, такъ и мѣропріятій, узаконяющихъ ея стѣсненіе. Высочайшій указъ 12-го декабря 1904-го года прямо требуетъ устраненія *нынѣ же всякаго прямо въ законѣ не установленнаго стѣсненія* религіознаго быта. И съ этой точки зрѣнія, слѣдовательно, не остается мѣста для оговорокъ въ родѣ той, которая сдѣлана въ пун. 2-мъ ст. I-ой положеній комитета министровъ. Къ пункту 3-му той же статьи примѣнимо замѣчаніе, сдѣланное нами выше по поводу положенія комитета министровъ объ „исключительныхъ законоположеніяхъ“: при нынѣшнихъ условіяхъ едва ли возможно принятіе вполнѣ *дѣйствительныхъ* мѣръ противъ установленія, въ области религіи, „не указанныхъ закономъ стѣсненій“.

Всѣ положенія комитета министровъ, состоявшіяся во исполненіе указа 12-го декабря, невольно заставляютъ задуматься надъ вопросомъ, какимъ образомъ мѣры, теперь столь строго порицаемыя комитетомъ, могли быть имъ въ теченіе многихъ лѣтъ допускаемы, одобряемы или даже непосредственно принимаемы? Черезъ комитетъ министровъ прошло положеніе объ усиленной охранѣ, прошли правила 1882-го года, значительно измѣнившія къ худшему положеніе печати, правила 1894-го года, отмѣнившія, по отношенію къ штундистамъ, дѣйствіе общаго закона, правила 1897-го года, поставившія переходъ періодическихъ изданій отъ одного лица къ другому въ зависимость отъ усмотрѣнія администраціи. Дѣла объ уничтоженіи „вредныхъ“ книгъ комитетъ министровъ, по его собственнымъ сло-

вамъ, рѣшалъ, въ большинствѣ случаевъ, „скорѣе формальными способами". „Весьма спѣшно", по заявленію бывшаго министра юстиціи, рѣшались совѣщаніемъ четырехъ министровъ, бо̀льшею частью, и вопросы о совершенномъ запрещеніи періодическихъ изданій, что̀, какъ замѣчаетъ теперь комитетъ, „не могло не отзываться на степени подготовленности и объединенности постановленій совѣщанія". Отъ отдѣльныхъ министровъ, входившихъ или входящихъ въ составъ комитета, исходили тѣ „не основанныя на законѣ распоряженія", отмѣною которыхъ теперь озабоченъ комитетъ. Не указываетъ ли все это на ненормальность порядка, при которомъ одно и то же учрежденіе, не измѣняясь или мало измѣняясь въ составѣ, является сегодня проводникомъ—однихъ, завтра—другихъ, прямо противоположныхъ взглядовъ? Не бросаетъ ли это яркій свѣтъ и на недостатки системы, столь сурово осуждаемой ея недавними сторонниками? Не ясно ли, что она не могла служить источникомъ спокойствія и счастья, какимъ выставляютъ ее до сихъ поръ ея запоздалые газетные панегиристы?...

Когда въ комитетѣ министровъ обсуждался вопросъ объ „исключительныхъ законоположеніяхъ", предсѣдатель комитета выразилъ мысль, что быстрое распространеніе сферы дѣйствія этихъ законоположеній объясняется не столько личными взглядами должностныхъ лицъ, сколько другими, болѣе общими и глубокими причинами. Недостаточно имѣлось въ виду, что важнѣе репрессіи — предупрежденіе тѣхъ явленій, противъ которыхъ она направлена. Не было, напримѣръ, своевременно понято значеніе рабочаго вопроса; не былъ уменьшенъ гнетъ, тяготѣющій надъ евреями; не былъ, наконецъ, найденъ путь къ успокоенію учащейся молодежи. Предполагалось, что ея волненія „можно пресѣчь предоставленіемъ назначеннымъ отъ правительства учебнымъ о̀рганамъ ближайшаго наблюденія за ходомъ академической жизни. Сохраненіе прежней тѣсной связи студентовъ съ профессорами было признано нежелательнымъ; профессоръ былъ поставленъ въ положеніе исключительно преподавателя научныхъ системъ, не имѣющаго вліянія на нравственное развитіе своихъ слушателей". Эти слова бросаютъ яркій ретроспективный свѣтъ на студенческіе безпорядки. Прекращеніе занятій въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, никогда еще не достигавшее столь широкихъ размѣровъ, какъ въ настоящую минуту, коренится, безспорно, въ недавнемъ прошломъ нашей школы. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только прочесть постановленіе совѣта с.-петербургскаго политехническаго института и заявленіе двадцати-трехъ профессоровъ с.-петербургскаго универси-

тета [1]). Совѣтъ института признаетъ пріостановку учебныхъ занятій общественнымъ бѣдствіемъ, но видитъ въ ней единственное средство предотвратить еще большее зло. Возобновленіе занятій грозило бы разладомъ между студентами, за которымъ могли бы послѣдовать—и не со стороны одного только институтскаго начальства—карательныя мѣры. Еслибы этимъ путемъ и удалось возстановить внѣшній порядокъ, научному преподаванію былъ бы нанесенъ, по мнѣнію совѣта, непоправимый ударъ: въ институтѣ создалась бы такая тяжелая атмосфера, при которой происходили бы не учебныя занятія, а лишь формальное отбываніе обязанностей и студентами, и преподавателями. Этимъ объясняется единогласное рѣшеніе совѣта не возобновлять, въ текущемъ полугодіи, учебныхъ занятій. Пріемъ новыхъ студентовъ на первый курсъ постановлено произвести по примѣру прежнихъ лѣтъ, временно измѣнивъ, съ этою цѣлью, учебные планы и способы ихъ выполненія. Въ совѣтѣ петербургскаго университета единогласія достигнуто не было, но въ заявленіи двадцати-трехъ профессоровъ излагаются соображенія, вполнѣ совпадающія со взглядомъ политехническаго института: и здѣсь констатируется неизбѣжность, при формальномъ возобновленіи занятій, массовыхъ репрессивныхъ мѣръ, т.-е. возвращенія къ системѣ, касающейся только симптомовъ, а не причины зла, и именно потому обостряющей его до послѣдней степени. Другой, прямо противоположный путь — единственный, ведущій къ желанной цѣли — указанъ съ особенною ясностью въ представленіи профессоровъ и преподавателей московскаго инженернаго училища на имя министра путей сообщенія [2]). Обстоятельства — читаемъ мы здѣсь,—„обстоятельства, волнующія студентовъ и вызывающія пріостановку занятій, лежатъ внѣ стѣнъ училища и находятся въ непосредственной связи со студенческими волненіями въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ Россіи. Общей причиной подобнаго рода волненій теперь, какъ и раньше, является отзывчивость молодого поколѣнія на нестроенія русской общественной и государственной жизни, упомянутыя и уже осужденныя въ Высочайшемъ указѣ отъ 12-го декабря 1904-го года. Пока вызванныя тѣми же нестроеніями справедливыя стремленія лучшей части русскаго общества, выраженныя въ цѣломъ рядѣ адресовъ и петицій, не будутъ удовлетворены въ той или другой формѣ, — до тѣхъ поръ нельзя ожидать, что въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ установится столь желанное нормальное теченіе академической жизни". Этихъ немногихъ цитатъ достаточно чтобы показать, до какой степени несправедливо обвиненіе профессоровъ, высказавшихся за временное прекращеніе занятій, въ лѣни, трусости, лицемѣріи, желаніи даромъ, не трудясь, получать

[1]) См. №№ 40 и 42 „Руси".

[2]) См. № 47 „Русскихъ Вѣдомостей".

казенныя деньги. Совершенно вѣрно указанъ, въ заявленіи профессоровъ московскаго инженернаго училища, и основной источникъ студенческихъ забастовокъ. Теперь, когда Высочайшій рескриптъ 18-го февраля предрѣшилъ вступленіе Россіи на новый путь, забастовки прекратятся, быть можетъ, сами собою.

Позволительно надѣяться, что поворотъ въ политической сферѣ, знаменуемый Высочайшимъ рескриптомъ 18-го февраля, не останется безъ вліянія и на положеніе рабочаго вопроса. Первая примирительная попытка коммиссіи Н. В. Шидловскаго не увѣнчалась успѣхомъ, но этимъ еще не предрѣшенъ окончательный исходъ дѣла. Сущность условій, поставленныхъ выборщиками-рабочими, сводилась къ слѣдующему: 1) чтобы избраннымъ рабочими депутатамъ была предоставлена полная свобода слова въ засѣданіяхъ коммиссіи и чтобы за всѣ сдѣланныя ими въ коммиссіи заявленія они не подвергались никакой отвѣтственности; 2) чтобы депутаты участвовали во всѣхъ общихъ засѣданіяхъ коммиссіи; 3) чтобы произведены были дополнительные выборы представителей мелкихъ мастерскихъ; 4) чтобы отчеты о засѣданіяхъ коммиссіи печатались въ газетахъ безъ всякой цензуры; 5) чтобы немедленно были открыты 11 фабрично-заводскихъ отдѣленій; 6) чтобы немедленно были освобождены всѣ рабочіе, арестованные съ 1-го января сего года; 7) чтобы была гарантирована неприкосновенность жилищъ рабочихъ, а равно и личная неприкосновенность всѣхъ рабочихъ, обсуждающихъ свои нужды. Предсѣдатель коммиссіи съ своей стороны объявилъ выборщикамъ: 1) что за всѣ сдѣланныя рабочими въ коммиссіи откровенныя заявленія, касающіяся ихъ положенія, какъ рабочихъ, они не могутъ подлежать отвѣтственности; 2) что въ засѣданіяхъ коммиссіи вмѣстѣ съ прочими ея членами будутъ участвовать также и всѣ представители рабочихъ, и 3) что для обсужденія въ коммиссіи нуждъ рабочихъ мелкихъ промышленныхъ заведеній имъ будутъ приняты надлежащія мѣры. Что же касается прочихъ ходатайствъ выборщиковъ, то они признаны выходящими за предѣлы задачи, возложенной на коммиссію Н. В. Шидловскаго. Получивъ этотъ отвѣтъ, выборщики, 18-го февраля, отказались приступить къ избранію депутатовъ. Предполагалось, что за такимъ отказомъ послѣдуетъ общая стачка, но это предположеніе не осуществилось: 19-го февраля на нѣкоторыхъ заводахъ работы шли обычнымъ ходомъ. Что̀ будетъ дальше—въ ту минуту, когда мы пишемъ эти строки, сказать трудно: судя по газетнымъ сообщеніямъ, въ средѣ самихъ выборщиковъ существуетъ разномысліе. Весьма возможно, также, что между пожеланіями, разсмотрѣніе которыхъ отклонила отъ себя, за неподвѣдомственностью,

коммиссія Н. В. Шидловскаго, найдутся такія, которыя будутъ удовлетворены компетентною властью. Во всякомъ случаѣ необходимо помнить, что настоящее положеніе вещей создано, главнымъ образомъ, причинами, независѣвшими отъ рабочихъ. Эти причины выясняются теперь все больше и больше. Вотъ, напримѣръ, что̀ разсказываетъ (въ „Русскомъ Дѣлѣ") г. Шараповъ о томъ, „какъ устроивали въ Москвѣ рабочій вопросъ". „Начальникъ охраннаго отдѣленія канцеляріи московскаго оберъ-полиціймейстера, г. Зубатовъ, сталъ не только организовать по фабрикамъ выборныхъ старостъ и всякаго рода союзы, но и продѣлывать репетиціи стачекъ и массовыхъ демонстрацій... Такъ, были искусственно вызваны безпорядки на фабрикахъ Гужона и Даниловской мануфактуры, и устроена огромная демонстрація рабочей толпы въ 50.000 человѣкъ, возложившей вѣнокъ на памятникъ императору Александру II. Разумѣется, въ средѣ фабрикантовъ, ничего не понимавшихъ „въ высшей политикѣ", всѣ эти затѣи вызывали величайшую тревогу. Зубатовскія репетиціи оказывались чрезвычайно подозрительными, какъ и самая личность этого дѣятеля. Тактика городской и губернской власти рѣзко раздѣлилась. Въ то время, какъ въ Москвѣ охранное отдѣленіе разсылало своихъ эмиссаровъ по фабрикамъ не только Москвы, но и губерніи, устраивать организаціи рабочихъ и репетировать стачки и забастовки, бывшій московскій губернаторъ, нынѣшній министръ внутреннихъ дѣлъ А. Г. Булыгинъ, за городской чертой приказывалъ ловить этихъ эмиссаровъ и препровождать ихъ на распоряженіе оберъ-полиціймейстера. Здѣсь ихъ тотчасъ же освобождали, и они шли на новыя экскурсіи, пока скандалъ не сталъ совершенно неприличнымъ и г. Зубатова не убрали изъ Москвы. Тогда и въ Москвѣ вся эта удивительная дѣятельность затихла, и все болѣе или менѣе пришло въ порядокъ. Почти то же повторилось вслѣдъ за тѣмъ въ Петербургѣ, гдѣ начинанія г. Зубатова одобрилъ и благословилъ столь опытный администраторъ, какъ покойный В. К. Плеве"... Что вмѣшательство полиціи въ отношенія между рабочими и работодателями и до сихъ поръ еще не отошло въ область преданій—объ этомъ свидѣтельствуетъ по истинѣ удивительный казусъ, на дняхъ происшедшій въ Тамбовѣ. Какъ видно изъ корреспонденціи „Русскихъ Вѣдомостей" (№ 40), въ засѣданіи тамбовскаго губернскаго земскаго собранія было прочитано слѣдующее заявленіе смотрителя земской типографіи: „7-го февраля въ типографію явился тамбовскій полиціймейстеръ и позвалъ рабочихъ типографіи для переговоровъ, не доводя объ этомъ до моего свѣдѣнія. По словамъ рабочихъ Павлинкина и Ремезова, г. полиціймейстеръ, указывая на фактъ забастовки рабочихъ въ типографіяхъ, предлагалъ рабочимъ земской типографіи присоединиться къ забастовавшимъ то-

варищамъ съ тою цѣлью, чтобы увеличить шансы удовлетворенія предлагаемыхъ требованій владѣльцами промышленныхъ заведеній". Увѣдомляя управу о томъ, что до тѣхъ поръ среди рабочихъ типографіи не было никакихъ волненій, смотритель типографіи высказывалъ опасеніе, что слова полиціймейстера могутъ вызвать возникновеніе смуты среди рабочихъ типографіи". На вопросъ одного изъ гласныхъ, состоялась ли забастовка въ земской типографіи, предсѣдатель управы отвѣтилъ отрицательно. Между тѣмъ, попытка прекратить работы въ губернской типографіи была, въ тотъ же день, предупреждена полицейскими мѣрами... Пожелаемъ, вмѣстѣ съ „Русскими Вѣдомостями", чтобы повтореніе событій въ родѣ тамбовскаго перестало быть возможнымъ и чтобы силы полиціи были направлены всецѣло на охрану наружнаго порядка.

5-го февраля скончался скоропостижно Н. А. Карышевъ, бывшій профессоръ юрьевскаго университета и московскаго сельско-хозяйственнаго института, сотрудникъ „Земства", „Русскихъ Вѣдомостей", „Юридическаго Вѣстника", „Русскаго Богатства", авторъ нѣсколькихъ крупныхъ изслѣдованій („Вѣчно-наслѣдственный наемъ земель", „Крестьянскія внѣ-надѣльныя „аренды", „Трудъ", „Экономическія бесѣды", „Земскія ходатайства"), выдающійся земскій дѣятель екатеринославской губерніи, преемникъ Д. Т. Гнѣдина въ организаціи гнѣдинскаго ремесленнаго училища, одной изъ первыхъ, по времени, школъ этого рода у насъ въ Россіи. Ему не было еще пятидесяти лѣтъ; живо и энергично отзывался онъ на всѣ запросы текущей жизни, бодро перенося тяжелый недугъ, подтачивавшій его физическія силы. Такимъ мы видѣли его три мѣсяца тому назадъ, на ноябрьскомъ земскомъ съѣздѣ; такимъ онъ останется въ памяти всѣхъ его знавшихъ. Его потеря особенно чувствительна въ настоящую минуту, когда такъ нужна убѣжденная, самоотверженная работа во всѣхъ областяхъ общественной дѣятельности.—Добрымъ словомъ слѣдуетъ помянуть и скончавшагося 3-го февраля генерала П. О. Бобровскаго. Какъ первый начальникъ военно-юридической академіи, онъ много способствовалъ насажденію въ ея средѣ того просвѣщеннаго духа, которымъ она отличается и въ настоящее время. Удачный выборъ профессоровъ (достаточно назвать К. Д. Кавелина) сразу поставилъ преподаваніе на высокій уровень и установилъ близкую связь между учащими и учащимися. Съ тѣмъ же сочувствіемъ, съ какимъ всегда говорилъ о „своихъ офицерахъ" Кавелинъ, отзываются о слушателяхъ академіи и нынѣшніе ея преподаватели. Этого достаточно, чтобы увѣковѣчить память одного изъ достойнѣйшихъ сотрудниковъ гр. Д. А. Милютина.

ИЗВѢЩЕНІЯ

Отъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ на основаніи § 9 Правилъ о преміяхъ имени М. И. Михельсона.

На настоящее конкурсное трехлѣтіе назначены слѣдующія задачи:

1. Тюркскіе элементы въ русскомъ языкѣ до татарскаго нашествія. Выясненіе, какія слова тюркскаго происхожденія, сохранившіяся въ русскомъ языкѣ, восходятъ къ общеславянской эпохѣ. — Опредѣленіе словъ, заимствованныхъ русскимъ языкомъ изъ тюркскихъ нарѣчій до татарскаго нашествія, на основаніи: 1) изслѣдованія современныхъ русскихъ нарѣчій (великорусскаго, бѣлорусскаго и малорусскаго), имѣющаго показать, какія изъ находящихся въ нихъ тюркскихъ словъ можно относить ко времени, предшествующему образованію этихъ вѣтвей русскаго языка; 2) систематическаго изслѣдованія русскихъ памятниковъ, отъ начала письменности до середины XIII в., со стороны встрѣчающихся въ нихъ заимствованій изъ тюркскихъ нарѣчій. Кромѣ словъ тюркскаго происхожденія, изслѣдованію подлежатъ и тѣ иноземныя слова, которыя вошли въ русскій языкъ черезъ посредство тюркскихъ нарѣчій. При опредѣленіи тѣхъ или другихъ заимствованій, должно имѣть въ виду точное, по возможности, пріуроченіе ихъ къ тѣмъ діалектическимъ разновидностямъ, которыя представляли тюркскіе говоры [1]). Впрочемъ, въ виду сравнительной скудости матеріала для древнѣйшихъ временъ русской письменности, а также трудности хронологическаго пріуроченія нѣкоторыхъ словъ, изслѣдователю разрѣшается переступить за предѣлъ эпохи татарскаго нашествія, ограничиваясь, однако, тѣмъ условіемъ, чтобы разбираемое слово представляло собою достояніе всего русскаго языка, а не одного или немногихъ говоровъ, въ которые оно могло войти впослѣдствіи, и чтобы оно вообще имѣло признаки, позволяющіе допустить возможность его принадлежности къ порѣ до-татарскаго періода.

2. Германскіе, латинскіе и романскіе элементы, вошедшіе въ русскій языкъ до XV вѣка. Опредѣленіе различныхъ эпохъ, къ которымъ можетъ быть пріурочено заимствованіе этихъ элементовъ. Выясненіе, какія слова германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія, сохранившіяся въ русскомъ языкѣ, восходятъ къ общеславянской эпохѣ: — какими путями шли заимствованія изъ этихъ языковъ въ русскій (Варяги, Рига, Польша и т. д.)? Опредѣленіе словъ германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія, вошедшихъ въ русскій языкъ до XV вѣка, на основаніи: 1) изслѣдованія современныхъ русскихъ нарѣчій (великорусскаго, бѣлорусскаго и малорусскаго), имѣющаго показать, какія изъ находящихся въ нихъ германскихъ, латинскихъ и романскихъ словъ могутъ восходить къ эпохѣ до XV в.; 2) систематической выборки изъ русскихъ памятниковъ до XIV вѣка включительно словъ германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія.

Примѣчаніе. Ученая работа, посвященная изслѣдованію однихъ только германскихъ или романскихъ заимствованій, можетъ быть также удостоена преміи.

3. *Польскіе элементы въ русскомъ литературномъ языкѣ.* Списокъ словъ, синтаксическихъ оборотовъ и фразъ, перешедшихъ изъ польскаго языка въ русскій литературный языкъ, съ указаніемъ московскихъ текстовъ XVII вѣка и произведеній русскихъ авторовъ XVIII и XIX вѣковъ, гдѣ эти польскіе элементы находятся. Выясненіе путей, которыми они проникли въ русскій языкъ.

4. *Уменьшительныя, увеличительныя и т. п. имена въ русскомъ языкѣ.* Списокъ суффиксовъ, посредствомъ которыхъ образуются уменьшительныя, увеличительныя, ласкательныя, презрительныя и т. п. имена существительныя (нарицательныя и собственныя) и прилагательныя въ литературномъ русскомъ языкѣ и въ говорахъ великорусскихъ, бѣлорусскихъ и малорусскихъ. Возстановленіе древнѣйшихъ (обще-славянскихъ) звуковыхъ формъ этихъ суффиксовъ. Родственные суффиксы однородныхъ именъ въ другихъ славянскихъ языкахъ и въ главныхъ изъ индо-европейскихъ языковъ.

5. *Слова русскаго языка со звукомъ „х"*. Фонетическія условія происхожденія звука „х" въ общеславянскомъ языкѣ, разсматриваемомъ въ его отношеніяхъ къ балтійскимъ и другимъ родственнымъ языкамъ. Общеславянскія заимствованныя слова со звукомъ „х" или съ его фонетическими измѣненіями. Списокъ случаевъ (основъ и суффиксовъ), въ которыхъ русскій языкъ имѣетъ общеславянское „х", въ сопоставленіи со свидѣтельствами другихъ славянскихъ языковъ и съ указаніемъ для каждаго случая на языки, изъ которыхъ опредѣляется происхожденіе „х" въ общеславянскомъ языкѣ. Другіе случаи звука „х" въ словахъ русскаго языка: „х" какъ измѣненіе другого звука въ русскомъ языкѣ; „х" въ словахъ, заимствованныхъ русскимъ языкомъ; неясныя по происхожденію русскія слова со звукомъ „х".

6. *Финское вліяніе на лексическую сторону русскаго языка.* Древній слой заимствованій, ведущихъ свое начало изъ древнѣйшей поры русско-финскихъ сношеній. Новѣйшія областныя заимствованія (главнымъ образомъ въ сѣверно-великорусскомъ), объясняющіяся позднѣйшимъ сосѣдствомъ съ финами. Желательно разграниченіе заимствованій изъ восточныхъ и западныхъ финскихъ языковъ.

7. *Иноземные матеріалы по терминологіи художествъ и ремеслъ въ Московской Руси по памятникамъ XV, XVI XVII столѣтій* предлагается собрать слова и термины, относящіеся къ художествамъ и ремесламъ и заключающіеся въ письменныхъ памятникахъ XV—XVII столѣтій, и сообщить реальное значеніе термина съ объясненіемъ его происхожденія.

8. *Скандинавскіе элементы въ русскомъ языкѣ.* Слова скандинавскаго происхожденія: а) въ литературномъ языкѣ; б) въ отдѣльныхъ говорахъ (насколько имѣется матеріалъ по этимъ говорамъ); в) въ древнѣйшихъ памятникахъ русскаго языка.

Слова скандинавскаго происхожденія: 1) составляющія исключительную принадлежность русскихъ Славянъ (или всѣхъ, или же только великоруссовъ, въ отличіе отъ малоруссовъ), 2) встрѣчаемыя тоже въ другихъ языкахъ славянскихъ, 3) встрѣчающіяся тоже въ языкахъ балтійскихъ: древне-прусскомъ, литовскомъ и латышскомъ.

Собственныя имена и мѣстныя названія, обязанныя своимъ возникновеніемъ скандинавскому вліянію.

Къ систематическому обозрѣнію матеріала должны быть приложены, со ссылками на §§ сочиненія, алфавитные списки (словари) всѣхъ разсмотрѣнныхъ словъ и выраженій: 1) русскихъ; 2) скандинавскихъ.

§§ 4, 5 и 7 Правилъ о преміяхъ имени М. И. Михельсона:

Преміи имени *М. И. Михельсона* устанавливаются трехъ разрядовъ, въ 1000 р., 500 р. и 300 р.

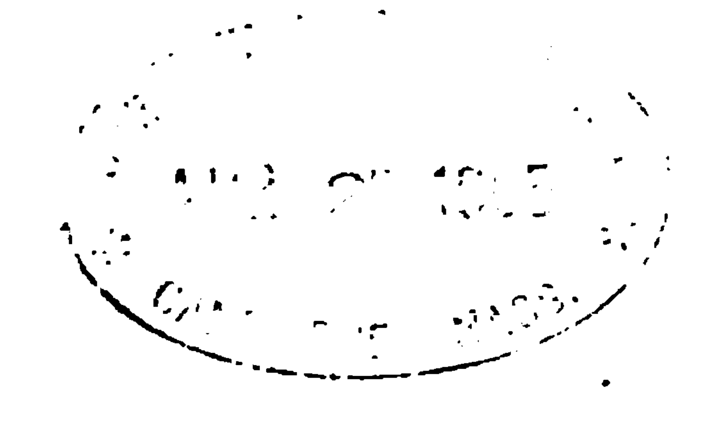
Преміи имени *М. И. Михельсона* присуждаются каждые три года: начиная съ 16 декабря 1900 года. Сочиненія на соисканіе этихъ премій должны быть представляемы не позднѣе 1 марта послѣдняго года конкурснаго трехлѣтія [1]).

На соисканіе премій имени *М. И. Михельсона* допускаются, какъ печатныя, такъ и рукописныя сочиненія на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и славянскихъ языкахъ, удовлетворяющія задачамъ, объявляемымъ при началѣ каждаго конкурснаго трехлѣтія особою коммиссіею, которая образуется при Отдѣленіи русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

ПОПРАВКА.

Въ февральской книгѣ, стр. 786, стр. 13 сн., напечатано: стекломъ—слѣдуетъ *стекомъ*.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.



МОЙ ДНЕВНИКЪ

НА

ВОЙНѢ 1877-78 ГОДОВЪ *).

Еще задолго до моего отъѣзда изъ Петербурга, осенью 1876 года, Главнокомандующій, Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій, объявилъ, что беретъ меня съ собою, имѣя въ виду поручить мнѣ веденіе журнала военныхъ дѣйствій. Но въ высшихъ сферахъ еще надѣялись тогда избѣжать войны, полагая, что одна мобилизація и сосредоточеніе четырехъ корпусовъ въ Бессарабіи заставятъ Порту подчиниться всѣмъ нашимъ требованіямъ. Поэтому военный министръ Д. А. Милютинъ воспротивился намѣренію Великаго Князя тотчасъ же взять меня съ собою, ибо находилъ гораздо болѣе полезнымъ, чтобы я продолжалъ чтеніе своего курса въ академіи генеральнаго штаба. Д. А. Милютинъ обѣщалъ выслать меня въ главную квартиру тотчасъ же, какъ только выяснится, что война неизбѣжна. Великій Князь согласился.

4-го апрѣля 1877 года, я получилъ телеграмму начальника полевого штаба съ приказаніемъ выѣхать въ армію. На сборы мнѣ былъ данъ семидневный срокъ. 12-го апрѣля, я выѣхалъ изъ Петербурга, а 16-го прибылъ въ Кишиневъ. О томъ, что война объявлена 12 апрѣля, я узналъ только въ пути.

---

* ...ловное извлеченіе изъ 116 писемъ къ покойной женѣ моей, пополненное ...стор... ...ми документами, сохранившимися у меня частью въ подлинникахъ, частью ...ко... Письма, благодаря милостивому отношенію ко мнѣ Великаго Князя ...авн... ...ующаго, отправлялись не по почтѣ, а черезъ фельдъегерей или курьеровъ, ...щихъ собственную корреспонденцію Великаго Князя. — *М. Г.*

Великій Князь и вся главная квартира встрѣтили меня чрезвычайно привѣтливо. Начальникъ полевого штаба, генералъ-адъютантъ Непокойчицкій, меня раньше не зналъ лично; онъ былъ много лѣтъ членомъ военнаго совѣта и предсѣдателемъ главнаго военно-кодификаціоннаго комитета, а я былъ старшимъ адъютантомъ штаба войскъ гвардіи и профессоромъ академіи, такъ что встрѣчаться намъ нигдѣ не приходилось. Сразу отнесся онъ ко мнѣ съ полнымъ довѣріемъ. Первыя слова его были: „Мы уже давно васъ ждемъ. Великій Князь назначилъ васъ состоять лично при немъ. Вы будете вести журналъ военныхъ дѣйствій, составлять срочныя донесенія Государю и завѣдывать дѣлами печати при арміи. Ознакомьтесь поскорѣе со всѣми дѣлами. Изложите немедленно ваши соображенія, какъ бы вы предполагали устроиться съ представителями печати при арміи, и дайте мнѣ поскорѣе записку объ этомъ. Вамъ придется работать усиленно, но мнѣ извѣстно, что вамъ это не въ диковину. Дай Богъ въ добрый часъ".

Въ тотъ же вечеръ я принялся за работу и, проработавъ почти всю ночь, оріентировался въ дѣлахъ настолько, что 17-го апрѣля приступилъ къ составленію систематическаго перечня уже состоявшихся за апрѣль распоряженій. 17-го же я составилъ и представилъ начальнику полевого штаба докладную записку о допущеніи корреспондентовъ въ главную квартиру.

Сущность моей докладной записки была слѣдующая:

Его Имп. Высочество, Главнокомандующій, въ принципѣ, согласенъ на допущеніе корреспондентовъ при арміи, такъ какъ всеобщую потребность публики, нашей и иностранной, въ постоянномъ полученіи свѣжихъ извѣстій съ театра войны,—нельзя не признать подлежащею удовлетворенію.

Потребность эта столь важна, что устранить корреспондентовъ фактически невозможно. Если они не будутъ допущены въ армію, то все-таки найдутъ способы слѣдить за нею издали и, не имѣя свѣдѣній достовѣрныхъ, станутъ сообщать ложные слухи и недоброжелательныя выдумки, смущая русское общественное мнѣніе и возмущая противъ насъ читателей иностранныхъ газетъ.

Поэтому казалось бы необходимымъ разрѣшить присутствіе какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ корреспондентовъ при главной квартирѣ, а также при штабахъ корпусовъ и отдѣльныхъ отрядовъ, на слѣдующихъ условіяхъ:

1) Русскихъ—по просьбамъ редакторовъ и издателей газетъ.

2) Иностранныхъ—по рекомендаціямъ нашихъ посольствъ и высокопоставленныхъ лицъ.

3) Предварительной цензуры вовсе не учреждать, а только обязать всѣхъ вообще корреспондентовъ: не сообщать никакихъ свѣдѣній о передвиженіяхъ, расположеніи и численности нашихъ войскъ и о *предстоящихъ* дѣйствіяхъ. Предупредить ихъ, что за неисполненіе этого обязательства они будутъ высылаемы изъ арміи.

4) Для наблюденія за точнымъ исполненіемъ обязательства предложить редакціямъ доставлять всѣ нумера газетъ, въ которыхъ будутъ напечатаны корреспонденціи съ театра войны, тому, кто будетъ назначенъ для завѣдыванія корреспондентами.

5) Предоставить корреспондентамъ возможность получать отъ этого же лица всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя начальникъ штаба арміи признаетъ полезнымъ или возможнымъ имъ сообщать. Для сего назначить опредѣленные дни и часы. Путемъ этихъ бесѣдъ можно будетъ даже косвенно вліять на корреспондентовъ, не задѣвая притомъ столь щекотливаго самолюбія ихъ.

Условія эти столь умѣренны, что, безъ сомнѣнія, достаточно предрасположатъ въ нашу пользу представителей печати. Если же нѣкоторые корреспонденты, все-таки, будутъ писать о насъ въ недружелюбномъ тонѣ (исполняя при этомъ принятыя на себя обязательства), то этимъ можно бы и пренебречь, ибо тѣмъ авторитетнѣе будутъ для общественнаго мнѣнія дружелюбныя объ насъ сообщенія. Требованіе дружественнаго тона отъ корреспонденцій, равно какъ и предварительная ихъ цензура, будутъ намъ же во вредъ: то и другое получитъ немедленную огласку и положитъ прочное основаніе недовѣрію публики къ тѣмъ корреспондентамъ, которые будутъ допущены. Въ этомъ случаѣ можно даже опасаться, что общественное мнѣніе будетъ болѣе всего вѣрить тѣмъ газетамъ, которыя займутся фабрикаціей ложныхъ и злостныхъ корреспонденцій о нашей арміи. Отъ такихъ газетъ, какъ, напр., „Neue Freie Presse“, „Pester Lloyd“, „Augsburger-Zeitung“,—этого весьма можно ожидать.

А такъ какъ общественное мнѣніе въ настоящее время — такая сила, съ которою нельзя не считаться, газетные же корреспонденты вліятельнѣйшихъ органовъ печати суть могущественные двигатели и даже создатели этого мнѣнія, то лучше постараться расположить корреспондентовъ въ свою пользу, не ставя имъ такихъ требованій, которымъ не согласятся подчиниться именно самые вліятельные и талантливые.

1877-ой годъ.

I.

18 апрѣля — 9 іюля.

18 апрѣля. — Военныя дѣйствія еще не начинались. Наши войска, двинутыя въ самый день объявленія войны, частью заняли нижній Дунай, частью идутъ походомъ, а турки ничего не предпринимаютъ: повидимому, еще сами не знаютъ, какъ быть. Даже ихъ броненосцы на нижнемъ Дунаѣ не стрѣляютъ по нашимъ войскамъ. Румыны колеблются: избѣгаютъ всякихъ столкновеній съ турками и сомнѣваются открыто примкнуть къ намъ.

У насъ приготовлены, для атаки турецкихъ броненосцевъ, подводныя мины. Надѣются на успѣхъ. Вообще, настроеніе у насъ самоувѣренное: всѣ убѣждены, что война кончится однимъ ударомъ и что къ сентябрю всѣ будемъ дома.

19 апрѣля.—Сегодня у Великаго Князя было совѣщаніе [1]) по вопросу о допущеніи корреспондентовъ въ армію. По приказанію Великаго Князя я прочелъ вслухъ свою докладную записку о томъ. Всѣ согласились съ моими соображеніями. Великій Князь и Непокойчицкій, какъ мнѣ заранѣе передавалъ вполнѣ соглашавшійся съ ними Левицкій (помощникъ начальника полевого штаба), предполагали ввести предварительную цензуру для всѣхъ корреспонденцій вообще и недопущеніе корреспондентовъ газетъ враждебныхъ. Но въ совѣщаніи они не только на этомъ не настаивали, но даже присоединились къ благопріятному для моего доклада мнѣнію остальныхъ участниковъ совѣщанія.

Государь со всею свитою обѣдалъ сегодня у Великаго Князя. По правую руку его сидѣлъ Великій Князь, по лѣвую—Наслѣдникъ; противъ Государя—Непокойчицкій и др. Великій князь Николай Николаевичъ Младшій и князь Сергій Максиміліановичъ сидѣли среди своихъ сверстниковъ по годамъ и по чинамъ. Ве-

[1]) Въ совѣщаніи присутствовали: военный министръ, за министра иностр. дѣлъ Гамбургеръ, шефъ жандармовъ Мезенцевъ, начальникъ полевого штаба ген.-ад. Непокойчицкій, ген.-ад. графъ Н. П. Игнатьевъ, завѣдующій гражданскими дѣлами при Главнокомандующемъ князь Черкасскій.

ликій князь Владиміръ Александровичъ за обѣдомъ не присутствовалъ, ибо поѣхалъ на встрѣчу своему 17-му пѣхотному архангелогородскому полку, идущему походомъ. Онъ и Наслѣдникъ Цесаревичъ уѣдутъ въ Петербургъ ненадолго, скоро вернутся въ армію, и съ ними великій князь Сергій Александровичъ.

Государь былъ чрезвычайно веселъ, въ особенности же развеселился подъ конецъ обѣда, когда Великій Князь попросилъ у него разрѣшенія скомандовать, чтобы курили. Хотя Великій Князь самъ и не куритъ, но подъ конецъ каждаго завтрака и обѣда громко командуетъ: „вынимай *па...*“, а всѣ присутствующіе въ одинъ голосъ заканчиваютъ: „*тронъ*“. Государь этого обычая не зналъ: онъ отъ души разсмѣялся, и впослѣдствіи, когда прибылъ на театръ войны, завелъ тотъ же порядокъ и за своимъ столомъ.

Къ одиннадцати часамъ вечера проводили Государя. Онъ сѣлъ со всею свитою въ поѣздъ, который рано утромъ отойдетъ въ Москву.

Первый разъ видѣли сегодня при Великомъ Князѣ одного изъ бывшихъ константинопольскихъ кавасовъ графа Игнатьева, Христо. Онъ понравился Великому Князю своею эффектною внѣшностью. Толстый, высокій, съ длиннѣйшими усами, въ живописномъ черногорскомъ костюмѣ, съ ханджаромъ за широчайшимъ поясомъ: дѣйствительно—картина. Но въ сущности онъ вовсе не черногорецъ, а болгаринъ. Хотя и хвастаетъ, что убилъ сто-тридцать турокъ, но конечно вретъ.

Со всѣхъ сторонъ приходятъ свѣдѣнія, что турки ожидаютъ переправы на нижнемъ Дунаѣ, и потому стягиваютъ войска въ Добруджу. Они жестоко ошибаются: въ принципѣ уже рѣшено, что главная переправа будетъ на среднемъ Дунаѣ, гдѣ-нибудь между Никополемъ и Рущукомъ. Ранѣе начала іюня она и состояться не можетъ: войска не успѣютъ сосредоточиться, хотя идутъ усиленными переходами и почти безъ дневокъ. Грязь ужасающая: войска вязнутъ въ ней сами и выбиваются изъ силъ, вытаскивая на своихъ плечахъ артиллерію и обозы.

20 апрѣля.—Очень трудно возстановить журналъ военныхъ дѣйствій во всей полнотѣ съ самаго начала, а еще труднѣе будетъ вести его аккуратно. Приходится бѣгать и разспрашивать всѣхъ: начальника штаба, помощника его, старшаго адъютанта, штабъ-офицера надъ вожатыми, даже адъютантовъ Великаго Князя, посылаемыхъ съ словесными его приказаніями въ разныя мѣста и возвращающихся со словесными же донесеніями.

Дѣло это совсѣмъ не систематизировано. И если теперь такъ трудно его вести,—что̀ же будетъ, когда начнутся серьезныя дѣйствія? Военный министръ два раза разспрашивалъ меня о журналѣ военныхъ дѣйствій: я вполнѣ откровенно объяснилъ ему затруднительность моего положенія. Онъ пожелалъ мнѣ вчера, передъ отъѣздомъ, успѣха, здоровья и скораго возвращенія.

Забылъ сказать, что уѣхавшіе вчера съ Государемъ военно-уполномоченные: германскій — Вердеръ и австрійскій — баронъ Бехтольсгеймъ просили меня принять участіе въ своихъ военныхъ агентахъ, имѣющихъ скоро прибыть въ квартиру. Оба — мои знакомые: прусскій маіоръ фонъ-Лигницъ и австрійскій подполковникъ баронъ Лёнейзенъ.

Съ Австріей уже заключена какая-то конвенція, которую всѣ посвященные считаютъ очень выгодною. Знаю только, что руководители нашихъ судебъ вполнѣ увѣрены, что въ наше единоборство съ Турціей никто не вмѣшается. А такъ какъ мы воюемъ только ради идеи и для себя никакихъ пріобрѣтеній не ищемъ, то всѣ увѣрены, что война окончится быстро.

Сегодня первый разъ началъ составлять суточныя телеграммы Государю и военному министру. Великій Князь приказалъ ежедневно, послѣ обѣда, т.-е. около семи съ половиной часовъ вечера, приходить къ нему: начальнику полевого штаба, управляющему дипломатическою канцеляріею, Нелидову, и мнѣ. Я прочелъ вслухъ заготовленную передъ обѣдомъ телеграмму, Великій Князь ее подписалъ, и затѣмъ указалъ, что̀ можно сообщить въ „Agence générale Russe“ и газетнымъ корреспондентамъ. Для внесенія копій съ телеграммъ секретныхъ (будущихъ) приказалъ завести особую книгу, которая будетъ храниться у него: я долженъ вносить туда копіи, не выходя изъ его помѣщенія.

Сегодня же онъ заговорилъ о корреспондентахъ. Къ нему являлись знаменитый Мак-Гаханъ и пресловутый Иванъ-де-Вестинъ („Figaro“) и просили разрѣшить корреспондентамъ ношеніе бѣлой нарукавной повязки съ краснымъ крестомъ. Но Великій Князь нашелъ это неудобнымъ и спросилъ меня, какой для нихъ придумать отличительный знакъ? Я предложилъ металлическую бляху съ государственнымъ гербомъ и надписью „корреспондентъ“, для ношенія на лѣвомъ рукавѣ, а для удостовѣренія личности каждаго—фотографическую карточку съ моимъ письменнымъ удостовѣреніемъ и казенною печатью на оборотѣ. Эта мысль одобрена. Точно также одобрено и мое предложеніе: назначить корреспондентамъ утренніе пріемные часы (9—11) съ тѣмъ, чтобы сообщать имъ тѣ свѣдѣнія, которыя Великій Князь найдетъ возможнымъ разрѣшить при вечернемъ докладѣ.

22 апрѣля.—Пока допущены только: Мак-Гаханъ, де-Вестивъ, Даннгауэръ („Militär-Wochenblatt“ и „Nationalzeitung“) и фонъ-Марсе („Über Land und Meer“). Послѣдніе двое—отставные офицеры. Сегодня представилъ къ подписи Великаго Князя телеграмму министру внутреннихъ дѣлъ о разрѣшеніи русскимъ корреспондентамъ слѣдовать за арміей и посылать корреспонденціи свои по почтѣ и по телеграфу прямо въ свои газеты.

Вчера и сегодня до глубокой ночи занимался составленіемъ журнала военныхъ дѣйствій, но все еще не успѣлъ догнать событія. Конечно, ничего еще и не произошло, но всѣ состоявшіяся распоряженія надо записать, прежде чѣмъ выяснится, что̀ изъ этого выйдетъ.

Рѣшено: 1-го мая перевести главную квартиру въ Плоэшти.

Великій Князь уѣхалъ съ начальникомъ штаба въ Галацъ и Браиловъ — осмотрѣть инженерныя и минныя работы; вернется 25-го вечеромъ.

24 апрѣля.—Возмущенъ до глубины души тѣмъ, что̀ вчера вечеромъ узналъ. Приказаніемъ по арміи, отъ 9 апрѣля, № 71, продовольствіе арміи за границею отдано въ руки компаніи изъ трехъ евреевъ: московскаго—Горвица, севастопольскаго—Грегера и одесскаго—Когана. Грегеръ—старый знакомый Непокойчицкаго, а остальные двое рекомендованы полевымъ интендантомъ Аренсомъ. Какъ могъ начальникъ штаба арміи поставить свою безупречную репутацію на такую нечистую карту? Говорятъ, онъ увѣренъ въ честности Грегера, ибо лично знаетъ его двадцать лѣтъ. Но именно потому, что это его знакомый, не слѣдовало рекомендовать его для многомилліонной поставки.

Что-то выйдетъ изъ этого!

Несостоятельность товарищества уже обнаружилась. Войска 11-го корпуса, по прибытіи въ Галацъ и Браиловъ, четыре дня ждали прибытія коммиссіонеровъ. Пришлось затронуть свой неприкосновенный запасъ. Когда коммиссіонеры явились, то поставили такое сѣно, которое лошади не стали ѣсть. Командиръ 12-го корпуса Ванновскій, не дождавшись коммиссіонеровъ, приказалъ войскамъ заготовлять продовольствіе собственнымъ попеченіемъ. Командиръ 8-го корпуса Радецкій распорядился, чтобы войска сами пріискали себѣ подрядчиковъ.

Евреи бросились жаловаться и нашли поддержку въ начальникѣ канцеляріи начальника полевого штаба. Это чиновникъ буквоѣдъ-формалистъ, *взятый* Непокойчицкимъ изъ кодификаціон-

наго комитета, впервые увидавшій вблизи войска въ Кишиневѣ. Говорятъ, что онъ гораздо ближе къ Грегеру, чѣмъ самъ Непокойчицкій; что онъ и есть истиный творецъ товарищества. Полевому интенданту, дѣйств. статскому совѣтнику Аренсу, эта идея навязана: онъ согласился съ нею потому, что у него самого никакого представленія объ условіяхъ продовольствія войскъ на войнѣ не было и нѣтъ. Онъ наивно воображаетъ, что, подчинившись рѣшенію свыше, сложилъ съ себя отвѣтственность за послѣдствія. Какъ бы не такъ! Все свалятъ потомъ на него же: порядокъ извѣстный.

По иниціативѣ начальника канцеляріи штаба былъ составленъ и нынѣ разсылается приказъ по арміи отъ 20 апрѣля, № 46, строго подтверждающій войскамъ получать продовольствіе отъ агентовъ товарищества. Конечно, послѣ такого приказа, корпусные командиры поостерегутся вступать въ открытую борьбу съ товариществомъ, развѣ что самъ главнокомандующій беретъ его подъ свою защиту.

Теперь одна надежда, что Великій Князь въ Галацѣ и Браиловѣ самъ увидитъ, что продовольственное дѣло обстоитъ плохо.

25 апрѣля.—Въ 7 часовъ вечера Великій Князь вернулся. Послѣ обѣда позвалъ меня въ свой кабинетъ: продиктовалъ телеграммы Государю и военному министру и передалъ для внесенія въ книгу всѣ полученныя имъ во время повѣрки депеши. Я просидѣлъ у него весь вечеръ. За чаемъ (были приглашены еще генералъ Галлъ и адъютанты Скалонъ, Андреевъ и Ласковскій) Великій Князь разсказывалъ о своихъ впечатлѣніяхъ. Я рѣшился спросить, въ какомъ положеніи продовольствіе войскъ. Онъ откровенно отвѣтилъ: „плохо!“ Тогда я прямо сказалъ, что отъ товарищества добра ждать нельзя, и лучше предоставить продовольствіе собственному попеченію войскъ. Великій Князь, нимало не разсердившись, отвѣтилъ что отчасти онъ это и сдѣлалъ, разрѣшивъ самимъ войскамъ покупать фуражъ. Затѣмъ разсказалъ, что 1-го мая переѣдетъ въ Бухарестъ съ небольшою частью своей главной квартиры и съ однимъ эскадрономъ конвоя, а съ 15—20 мая переведетъ всѣ полевыя управленія въ Плоэшти, и тогда переѣдетъ туда и самъ. Къ 25-му мая въ окрестностяхъ Бухареста сосредоточатся и войска, а тогда начнутся приготовленія къ переправѣ.

Слѣдовательно, трудно ожидать серьезныхъ дѣлъ раньше начала іюня. Развѣ что турки вздумаютъ переправиться на валахскій берегъ, на что до сихъ поръ не рѣшались. Мониторы ту-

рецкіе стрѣляли нѣсколько разъ по Браилову, Рени и Галацу, но все безуспѣшно. Только 24 апрѣля, между 4—7 часами вечера, въ первый разъ пролилась русская кровь: первый убитый и первые двое раненыхъ—рядовые 13-й конной батареи, павшіе при перестрѣлкѣ съ турецкимъ мониторомъ, бомбардировавшимъ Ферапонтьевскій монастырь (почти противъ Исакчи).

Съ Кавказа получено очень серьезное извѣстіе. Въ Терской области возстали чеченцы; въ схваткѣ съ ними нѣсколько человѣкъ убито и около 50 человѣкъ ранено. Бывшій адъютантъ великаго князя Михаила Николаевича, полковникъ Вульфертъ (командуетъ теперь здѣсь казачьею бригадою) говоритъ, что это—естественное слѣдствіе тѣхъ притѣсненій, которымъ чеченцы подвергались отъ нашихъ властей.

Знаменитаго корреспондента Мак-Гахана вчера начисто обокрали, пока онъ спалъ при открытомъ окнѣ. Вчера представлялся мнѣ тоже весьма извѣстный корреспондентъ „Daily-News“, Арчибальдъ Форбсъ.

Завтра Нагловскій и Байковъ ѣдутъ въ Бухарестъ выбирать квартирный районъ для нашей арміи: задача очень трудная, хлопотливая и отвѣтственная.

Вчера я цѣлый день составлялъ первое донесеніе Государю. Въ 1 часъ ночи читалъ его Непокойчицкому, который остался очень доволенъ, сдѣлавъ лишь ничтожныя поправки. Сегодня въ 5 часовъ читалъ уже переписанный отчетъ Великому Князю, который также остался очень доволенъ и благодарилъ. Послѣ обѣда долго сидѣлъ у него, составляя телеграммы, а затѣмъ докладывая о корреспондентахъ.

Ужасно трудно съ журналомъ военныхъ дѣйствій. Я довелъ его теперь до 25-го, но какъ пойдетъ дальше? Приходится самому разузнавать о случившемся и у Великаго Князя, у Непокойчицкаго, Левицкаго, Артамонова, и въ штабѣ. Правильной передачи матеріаловъ и приказаній для составленія журнала не могу добиться и теперь, а впослѣдствіи и подавно не добьюсь.

29 апрѣля.—Доживаемъ послѣдніе дни въ Кишиневѣ: послѣзавтра въ 6 часовъ утра ѣдемъ въ Бухарестъ. Туда съ Великимъ Княземъ поѣдутъ: великій князь Николай Николаевичъ Младшій, шесть адъютантовъ, я и докторъ Обермиллеръ; при начальникѣ штаба Непокойчицкомъ: помощникъ его свиты его величества генералъ-маіоръ Левицкій, старшіе адъютанты штаба полковники Левицкій (Николай) и Колбе; офицеры генеральнаго штаба: полковникъ Артамоновъ, подполковникъ Фрезе, капитанъ

Сухотинъ и причисленные маіоръ Квитницкій и штабсъ-ротмистръ Степановъ; помощникъ правителя канцеляріи Стефанъ и два переводчика; начальникъ артиллеріи арміи князь Масальскій, начальникъ инженеровъ Деппъ, полевой интендантъ Аренсъ: при каждомъ изъ нихъ по два офицера. Всего съ Великимъ Княземъ ѣдетъ 49 генераловъ, офицеровъ и чиновниковъ, и это лишь незначительная часть главной квартиры.

Поѣздка въ Бухарестъ совершенно необходима для вразумленія румынскаго правительства, которое все время ставитъ намъ разныя запятыя. Такъ, напримѣръ, оно просило начальника 8-й кавалер. дивизіи, князя Манвелова, не проходить черезъ Бухарестъ, а обойти вокругъ города, что князь Манвеловъ и исполнилъ. Еще раньше румыны просили, чтобы наши войска вообще не располагались въ самомъ Бухарестѣ. Затѣмъ, обѣщали занять нѣкоторые пункты по Дунаю своими войсками, до прихода нашихъ войскъ, и двухъ самыхъ важныхъ совсѣмъ не заняли. Трудно перечесть всѣ мелочныя затрудненія, которыя намъ устраиваютъ румыны. Дороговизна невозможная: со вступленіемъ нашихъ войскъ, имъ продаютъ булки по 30 коп. (!), а прокормленіе одной лошади вогнали въ 4 руб. въ день. Пора ихъ подтянуть, и мы надѣемся, что Великій Князь это сдѣлаетъ. Онъ намѣренъ въѣхать въ Бухарестъ торжественно, верхомъ со свитою, съ эскадрономъ конвоя, съ кавалерійскою бригадою и конною батареею. Бригадѣ этой уже послано приказаніе: дойдя до Бухареста, остановиться у вокзала и ожидать пріѣзда Великаго Князя. Наши лошади и вещи уже отправлены сегодня въ 6 часовъ утра.

Сегодня вечеромъ получена телеграмма о взрывѣ нашими выстрѣлами турецкаго броненосца у Браилова. Великій Князь вынесъ эту телеграмму и прочелъ вслухъ, а затѣмъ немедленно позвалъ меня и велѣлъ составить телеграммы: Государю, великимъ князьямъ Константину и Михаилу Николаевичамъ, военному министру и адмиралу Козакевичу въ Кронштадтъ.

Вчера утромъ пришлось сплавлять двухъ корреспондентовъ: одного нѣмца и англійскаго подполковника Гоуарда Винцента. Послѣдній пріѣхалъ съ массою рекомендательныхъ писемъ (въ томъ числѣ два отъ покойнаго графа Берга); но такъ какъ князь Черкасскій, который съ нимъ знакомъ, отрекомендовалъ его весьма вѣроятнымъ англійскимъ тайнымъ агентомъ, то я такъ и доложилъ Великому Князю, а онъ приказалъ Винценту отказать. Это мнѣ удалось сдѣлать настолько деликатно, что англичанинъ не только не обидѣлся, но благодарилъ за любезность и приглашалъ навѣстить его, если когда-либо попаду въ Лондонъ.

Въ настоящую минуту въ штабѣ идетъ горячая, суетливая работа по составленію расписанія движенія поѣздовъ для всѣхъ полевыхъ управленій. Нужно всего 14 поѣздовъ (не считая двухъ сегодняшнихъ и нашего послѣзавтрашняго), которые будутъ отправляться въ теченіе 9-ти дней, съ 6 до 15 мая. Перевезти главную квартиру—больше хлопотъ и возни, чѣмъ цѣлый корпусъ войскъ.

Изъ великихъ князей сюда ожидаются: Владиміръ Александровичъ, Евгеній и Сергій Максимиліановичи. Великій Князь говорилъ вчера, что очень просится также въ армію его сынъ, великій князь Петръ Николаевичъ, но еще не рѣшено, пріѣдетъ ли.

4 мая, Плоэшти.—30 апрѣля, въ субботу, въ 4 часа дня, было торжественное напутственное молебствіе въ кишиневскомъ соборѣ, при громаднѣйшемъ стеченіи народа. Служилъ архіерей Павелъ, въ сослуженіи почти всего городского духовенства. По окончаніи молебна, архіерей сказалъ Великому Князю прочувствованное напутственное слово.

Къ обѣду у Великаго Князя была масса приглашенныхъ: не только мѣстныя власти, но и почетнѣйшіе обыватели.

До 2-хъ часовъ ночи работалъ, а въ $4^1/_2$ часа утра 1-го мая всталъ, такъ какъ въ 6 уже отошелъ поѣздъ. День былъ очень жаркій. Въ Яссахъ мы пересѣли въ румынскій поѣздъ. На вокзалѣ была масса любопытныхъ, но никакой встрѣчи. Зато во всѣхъ остальныхъ попутныхъ городахъ—восторженныя оваціи. На всѣхъ большихъ станціяхъ Великаго Князя встрѣчали мѣстныя власти и депутаціи съ хлѣбомъ-солью, духовенство, войска, народъ, а кое-гдѣ и музыка, игравшая „Боже, Царя храни". Около 10-ти часовъ вечера на станціи Бакеу жители вышли съ смоляными факелами, а вокругъ станціи горѣли костры.

2-го мая около 5 часовъ утра, прибыли въ Браиловъ, а въ $8^1/_2$—въ Плоэшти. Оказалось, что нашъ головной эшелонъ прибылъ только наканунѣ вечеромъ. На станціи встрѣтилъ Великаго Князя князь Карлъ румынскій, двумя часами раньше насъ пріѣхавшій изъ Бухареста. Онъ поцѣловался съ обоими великими князьями. Великій Князь главнокомандующій представилъ князю Карлу Непокойчицкаго, князя Масальскаго, Деппа и Левицкаго, провелъ его по фронту почетнаго караула отъ болгарскихъ дружинъ. Затѣмъ Великій Князь съ княземъ Карломъ сѣлъ въ коляску, а за нимъ его конвой съ его значкомъ [1]). Весь городъ

[1]) Значокъ этотъ—бѣлый, съ вышитою надписью „Съ нами Богъ", увѣнчанный крестомъ. Корпуснымъ командирамъ присвоенъ красный значокъ, начальникамъ дивизія—синій, бригаднымъ командирамъ—малиновый.

вышелъ на встрѣчу; дамы бросали букеты въ коляску. Великій Князь пріѣхалъ прямо въ приготовленный для него домъ; князь Карлъ пробылъ у него часа два и затѣмъ уѣхалъ обратно въ Бухарестъ.

Плоэшти—небольшой, но очень хорошенькій, чистый городокъ. Дома все каменные, архитектура напоминаетъ маленькіе итальянскіе города; улицы всѣ мощеныя, зелени много, вода хорошая.

3-го мая, во вторникъ, въ $10^1/_2$ часовъ утра, Великій Князь съ сыномъ поѣхалъ въ Бухарестъ, отдавать визитъ князю Карлу, и взялъ съ собою: Непокойчицкаго, Левицкаго, пять адъютантовъ, меня, корреспондента „Правит. Вѣстника“, Всеволода Крестовскаго, и художника Макарова [1]). Къ 12-ти часамъ утра пріѣхали. На станціи встрѣтили: князь съ княгинею (красивая, но черезчуръ полная дама), цѣлый синклитъ духовенства съ пѣвчими, почетный караулъ отъ 2-го гусарскаго румынскаго полка съ музыкою (играли нашъ народный гимнъ) и необозримая масса народа. Сѣли въ приготовленныя для насъ коляски и поѣхали прямо во дворецъ, который оказался очень хорошенькимъ. Тамъ Великій Князь представилъ насъ князю и княгинѣ. Послѣдняя, обративъ вниманіе на мою нѣмецкую фамилію, поговорила со мною по-нѣмецки. По окончаніи представленія, оба Великихъ Князя, а также первый министръ Братіано, остались завтракать у князя и княгини наверху, а насъ всѣхъ, съ прочими румынскими министрами и придворными, пригласили къ завтраку внизъ. Завтракъ былъ довольно нелѣпый: сперва анисовая водка—съ кусочками бѣлаго хлѣба на закуску; затѣмъ: саговый супъ, колбаса, плохой сыръ трехъ сортовъ, редиска (все это были особыя блюда), нѣмецкій бифштексъ съ сладковатымъ картофелемъ, какая-то непонятная зелень подъ соусомъ, цыплята и компотъ, въ которомъ главную роль игралъ, по нѣмецкому обычаю, черносливъ. Вина—мѣстныя бѣлое и красное (оба маловажныя), плохой хересъ и несомнѣнно поддѣльное, теплое шампанское. Было провозглашено множество тостовъ какъ румынскими сановниками, такъ и съ нашей стороны: Непокойчицкимъ, Нелидовымъ и Левицкимъ. Рѣчи были всѣ коротенькія. Я сидѣлъ между румынскимъ военнымъ министромъ Чернатомъ и флигель-адъютантомъ князя, полковникомъ Гергелемъ, съ которыми все время и бесѣдовалъ по-французски.

---

[1]) Такимъ образомъ, предположеніе въѣхать въ Бухарестъ верхомъ и во главѣ войскъ—не осуществилось, вѣроятно по просьбѣ князя Карла. Разговора объ этомъ не было.

Послѣ обѣда довольно долго курили, пили кофе и воду съ вареньемъ и разговаривали съ румынами — въ ожиданіи конца бесѣды Великаго Князя съ княземъ и княгинею.

Румынская военная форма—смѣсь французской съ нѣмецкою: мундиры и кепи, а также отличія по чинамъ—на французскій ладъ; панталоны и оружіе—на нѣмецкій. Нѣкоторые, весьма немногіе офицеры имѣютъ наши и австрійскіе ордена (наши—не выше Анны 2-й степени; у самого князя александровская лента), но у большинства болтается на груди румынская медалька, учрежденная княземъ взамѣнъ орденовъ, которые онъ учреждать не вправѣ. Вслѣдствіе этого румыны очень падки на ордена, и, по разсказамъ Паренсова [1]), было нѣсколько случаевъ, когда офицеры прямо просили его устроить имъ протекцію.

Военное образованіе румынскихъ офицеровъ, повидимому, весьма невысокой пробы. Внѣшній лоскъ—вполнѣ европейскій: всѣ говорятъ весьма порядочно по-французски, а нѣкоторые и по-нѣмецки. Манеры искательныя, не исключая министровъ и генераловъ. Вполнѣ независимо и съ полнымъ достоинствомъ держатъ себя: первый министръ Братіано, состоящій при князѣ маіоръ калварашей (иррегулярной кавалеріи) Барканеско, начальникъ штаба арміи Сланичано и главный командиръ при нашей главной квартирѣ Плайно. Послѣдній—джентльменъ съ головы до ногъ. Кромѣ него при нашей главной квартирѣ назначены состоять: генералъ Зефкаръ и флигель-адъютантъ полковникъ Гергель. Первый извѣстенъ какъ выдающійся азартный игрокъ, второй—какъ спекулянтъ. Оберъ-гофмаршалъ княжескаго двора очень живо напоминаетъ собою такую же опереточную особу изъ „Буффа“.

Переговоривъ всѣ разговоры, мы уже начали тяготиться своимъ пребываніемъ во дворцѣ, когда Великій Князь самъ спустился къ намъ сверху и объявилъ, что сейчасъ ѣдетъ къ нашему генеральному консулу барону Стюарту. Дохтуровъ [2]), Левицкій и я, прежде чѣмъ прослѣдовать туда же, поѣхали прокатиться по городу. Бухарестъ—вполнѣ европейскій городъ, только дома все больше двухъ и одно-этажные. Проѣхавъ по всей главной улицѣ Страда-Могошой мы выѣхали за городъ въ Киселевскій паркъ, разведенный нашимъ графомъ Киселевымъ за время его трехлѣтняго управленія Дунайскими княжествами въ 1827—30 гг.

---

[1]) Полковникъ генеральнаго штаба, посланный въ Бухарестъ съ секретными порученіями мѣсяца за полтора до начала войны.

[2]) Полковникъ генеральнаго штаба, состоявшій при князѣ Карлѣ. Нынѣ—членъ Военнаго Совѣта.

Оттуда, провожаемые множествомъ любопытныхъ, отправились въ наше консульство.

Помѣщеніе весьма уютное. Комнаты, со множествомъ ковровъ и дивановъ, имѣютъ восточный отпечатокъ. Небольшой, но очень хорошенькій садъ, дающій, однако, очень мало тѣни. Полюбовался на стараго, обрюзглаго скопческаго старшину, пришедшаго къ Великому Князю во главѣ депутаціи отъ здѣшней колоніи русскихъ скопцовъ, съ хлѣбомъ-солью. Здѣсь ихъ очень много: они совершенно захватили въ свои руки весь извозчичій промыселъ. Держатъ прекрасныя колясочки и отличныхъ лошадей; одѣваются по-русски, свято хранятъ русскіе обычаи и языкъ и благоденствуютъ, несмотря на то, что платятъ городу огромный налогъ: по 120 франковъ въ мѣсяцъ съ парнаго экипажа. Дохтуровъ остритъ, что легкомысленныя румынскія дамы имѣютъ о русскихъ весьма дурное мнѣніе, и что нашимъ воинамъ предстоитъ поднять въ дамскихъ глазахъ русскую репутацію, столь сильно подорванную скопцами.

По словамъ Дохтурова, румынскія дамы (не исключая и несомнѣнно добропорядочныхъ) одѣваются и держатъ себя какъ французскія кокотки: таковъ модный тонъ въ Бухарестѣ. Дѣйствительно, это и намъ бросилось въ глаза во время катанья по городу.

Около четырехъ часовъ мы поѣхали на станцію желѣзной дороги. Тамъ часа полтора прождали Великаго Князя, который изъ консульства отправился опять во дворецъ, а оттуда кататься съ княземъ и княгинею, которые его проводили до станціи. Только въ семь часовъ вечера мы вернулись въ Плоэшти.

Вечеромъ, за чаемъ, Великій Князь сказалъ, что вѣроятно переѣдетъ въ Бухарестъ въ воскресенье 8-го мая, такъ какъ князь Карлъ самъ его объ этомъ просилъ.

Въ среду, 4-го мая, послѣ завтрака, Великій Князь со свитою поѣхалъ встрѣчать бригаду 12-й пѣхотной дивизіи (съ артиллеріею и сотнею уральскихъ казаковъ), которая должна была по маршруту проходить черезъ Плоэшти. Объѣхавъ войска и поздоровавшись съ ними, Великій Князь вернулся къ своему дому и тамъ пропустилъ мимо себя весь отрядъ, который прошелъ вольно, съ музыкою и пѣснями. Хотя я уже слышалъ объ отличномъ состояніи войскъ, но все-таки не ожидалъ увидать такихъ молодцовъ. Несмотря на то, что они уже прошли почти безъ дневокъ болѣе четыреста верстъ, дѣлая ежедневно не менѣе тридцати верстъ съ двухпудовою ношею на плечахъ—видъ у людей былъ бодрый и веселый. Усталыхъ и изнуренныхъ лицъ—очень

мало. Обозъ оказался въ отличномъ видѣ: рослыя лошади, въ отличныхъ тѣлахъ, бойко везли громоздкія, тяжело нагруженныя повозки. Лошади даже были подобраны подъ одну масть въ каждую повозку. Артиллерійскія лошади показались мнѣ хуже пѣхотныхъ обозныхъ.

Обувь и одежда солдатъ—въ полной исправности. Все хорошо, одна бѣда: офицеровъ въ строю мало, только по одному на роту. Полки совершенно обобраны откомандированіемъ офицеровъ на желѣзныя дороги, въ военно-временные госпитали, въ резервные и запасные баталіоны, въ болгарскія дружины и т. д. Портупей-юнкеровъ и вольноопредѣляющихся ужасно мало.

Сегодня явились два англичанина-художника, корреспонденты иллюстрированныхъ журналовъ; оба допущены. Явился также корреспондентъ „Петербургскихъ Вѣдомостей", Мозалевскій, и баварскій графъ Таттенбахъ-Рейнштейнъ, неизвѣстно почему попавшій въ корреспонденты пражской газеты „Politik". Получилъ также письмо отъ германскаго генералъ-адъютанта Вердера, съ просьбою допустить какого-то отставного офицера корреспондентомъ, но до сихъ поръ не могу разобрать ни его фамиліи, ни названія газеты,—такъ неразборчивъ почеркъ.

Вечеромъ, послѣ обѣда, Великій Князь обратился ко мнѣ: „Nun, mein lieber kleiner Hasenkampf, komm: wollen wir nicht mit Hasen, sondern mit Papier kämpfen",—и увелъ къ себѣ въ кабинетъ. Но прежде чѣмъ приступить къ обычному составленію телеграммъ, онъ сталъ читать мнѣ вслухъ только-что полученное письмо принца Фридриха-Карла прусскаго, заставляя меня разбирать неразборчивыя мѣста. Письмо это, очень милое и дружеское (на „ты"), начиналось словами „Mein lieber Nizzi" и оканчивалось заявленіемъ, что онъ нарочно пишетъ латинскими буквами, хотя ему это и непривычно, такъ какъ знаетъ, что „Nizzi" плохо разбираетъ готическій шрифтъ. По прочтеніи этого письма, Великій Князь приказалъ мнѣ составить отвѣтную телеграмму въ Берлинъ, съ благодарностью за память и дружбу, съ поклонами принцессѣ Аннѣ, съ поздравленіемъ ко дню рожденія принцессы Маріи-Анны и съ поцѣлуями всему семейству. Затѣмъ составлена была обычная дневная телеграмма Государю, и, по отправкѣ ея, Великій Князь пригласилъ меня остаться пить съ нимъ чай.

5 мая, четвергъ.—Съ утра до вечера работалъ. Вечеромъ составлялъ, по указаніямъ Левицкаго, инструкцію офицерамъ генеральнаго штаба, отправляемымъ на дняхъ на рекогносцировку

береговъ Дуная. Въ числѣ ихъ и великій князь Николай Николаевичъ Младшій.

Съ утра на слѣдующій день, явились съ визитомъ австрійцы, назначенные состоять при нашей главной квартирѣ: мой прошлогодній вѣнскій знакомый, бывшій флигель-адъютантъ императора, подполковникъ баронъ Лёнейзенъ, и капитанъ генеральнаго штаба съ неудобовыговариваемою фамиліею: фонъ Болла-де-Чафордъ-Іобагаза. Я имъ помогъ оріентироваться и черезъ два часа устроилъ имъ аудіенцію у Левицкаго, Непокойчицкаго и Великаго Князя, который принялъ ихъ очень ласково и разъ навсегда пригласилъ къ себѣ завтракать и обѣдать. Оба очень довольны и благодарны. Болла немного говоритъ по-русски.

Сегодня уже былъ посланъ офицеръ въ Бухарестъ для отвода квартиръ, какъ вдругъ получена телеграмма отъ Государя, что онъ самъ ѣдетъ сюда, съ Наслѣдникомъ и великимъ княземъ Сергіемъ Александровичемъ, а прибудетъ въ Плоэшти 25 или 26 мая. Вслѣдствіе этого переѣздъ въ Бухарестъ былъ немедленно отмѣненъ: мы остаемся въ Плоэшти. Какъ мы только всѣ здѣсь помѣстимся: переѣздъ въ Бухарестъ обусловливался, между прочимъ, крайнею трудностью размѣщенія здѣсь всѣхъ отдѣловъ полевого управленія, а теперь надо еще очистить мѣсто для императорской главной квартиры. Впрочемъ, приказано, чтобы было,—и будетъ. Въ домахъ не хватитъ мѣста—въ палаткахъ станемъ.

Ежедневно теперь проходятъ мимо насъ черезъ Плоэшти войска, которыя Великій Князь каждый разъ встрѣчаетъ, пропускаетъ мимо себя и благодаритъ. И есть за что̀: идутъ бодро, смотрятъ весело, больныхъ и отсталыхъ почти нѣтъ, хотя идутъ походомъ уже почти мѣсяцъ и ночуютъ на бивакахъ.

Вчера опять былъ князь Карлъ и вскорѣ послѣ завтрака уѣхалъ.

Корреспондентовъ набралось уже одиннадцать и сверхъ того пять художниковъ: одинъ французъ, одинъ нѣмецъ, два англичанина и одинъ русскій (В. В. Верещагинъ). Нѣмецъ присутствовалъ въ Браиловѣ при взрывѣ турецкаго броненосца и изобразилъ это на большой картинѣ карандашомъ и красками. Картину эту Великій Князь послалъ Государю вмѣстѣ съ флагомъ (кирпично-краснаго цвѣта съ бѣлымъ луннымъ серпомъ) и восьми-дюймовою бомбою англійскаго издѣлія, упавшею близъ Великаго Князя въ бытность его въ Браиловѣ и неразорвавшеюся.

Для Государя приготовляютъ здѣсь домъ наискось противъ моей квартиры (изъ которой, конечно, придется выселиться):

одноэтажный, желтый, самый большой въ Плоэшти, съ большимъ садомъ.

Завтра будетъ отслужено на бивакѣ войскъ, въ присутствіи Великаго Князя, торжественное молебствіе по случаю взятія Ардагана.

9 мая, понедѣльникъ.—Великій Князь самъ обходилъ дома, намѣченные для государевой свиты, и предназначалъ, кого гдѣ помѣстить. Зашелъ и въ мою квартиру, назначилъ ее для графа Адлерберга, а мнѣ велѣлъ ее къ 21-му очистить и пріискать другую. Я сегодня же нашелъ другую, въ другомъ концѣ города, въ домѣ доктора Паппа, очень хорошенькую. Затѣмъ весь день и часть ночи просидѣлъ за работой.

10 мая, вторникъ.—Великій Князь, взявъ съ собою только адъютантовъ Струкова, Скалона, Яфимовича, двухъ ординарцевъ и меня,—отправился въ $3^1/_2$ часа дня въ Бухарестъ, куда мы и прибыли въ пять часовъ.

Передъ отъѣздомъ, на Плоэштской станціи, случайно попался на глаза молоденькій саперный подпоручикъ Романовъ, наводившій въ Браиловѣ одно изъ тѣхъ двухъ орудій, которыя потопили турецкій броненосецъ. Великій Князь зналъ Романова въ лицо, какъ воспитанника инженернаго училища. Разыскавъ въ числѣ присутствовавшихъ офицера, имѣвшаго Анну 3-й степени съ мечами, Великій Князь взялъ у него этотъ крестъ и самъ возложилъ на Романова, поцѣловавъ его.

Въ Бухарестѣ Великій Князь былъ встрѣченъ на станціи княземъ и княгинею, и, съѣздивъ сперва къ нимъ на нѣсколько минутъ, отправился затѣмъ вмѣстѣ съ нами въ загородный дворецъ Катрочени. Дворецъ устроенъ изъ бывшаго монастыря (которые во всей Румыніи забраны всѣ въ казну уже лѣтъ пятнадцать тому назадъ), очень мило меблированъ и окруженъ хорошенькимъ садомъ. Передъ балкономъ — большой цвѣтникъ. Ароматъ дивный: цвѣтовъ—масса, а бѣлыя акаціи наполняютъ благоуханіемъ воздухъ вездѣ (и у насъ въ Плоэшти); каждому изъ насъ отведена во дворцѣ особая комната со всѣми удобствами. Приведя себя въ порядокъ, поѣхали обѣдать къ князю. По строгому здѣшнему этикету, Великій Князь обѣдалъ опять только съ княземъ и княгинею, а мы съ придворными—отдѣльно. Великій Князь уже раньше добродушно подтрунивалъ надъ румынскою страстью къ этикету, и сегодня тоже.

Послѣ обѣда побывали въ консульствѣ и оттуда опять вер-

нулись во дворецъ. Тамъ уже были приготовлены экипажи для торжественнаго катанья и для поѣздки въ парадный спектакль. Дѣло въ томъ, что вчера, въ день восшествія князя Карла на румынскій престолъ, онъ провозгласилъ Румынію независимою и сообщилъ объ этомъ всѣмъ европейскимъ державамъ. Празднованіе этого событія было отложено до сегодня, такъ какъ вчера Великій Князь пріѣхать не могъ. Великій Князь съ княземъ и княгинею сѣли въ парадный экипажъ (князь—на переднемъ сидѣньи), сопровождаемый конвоемъ Князя; за ними—коляска съ статсъ-дамою Маврогени и очень хорошенькою фрейлиною Ротетти; потомъ коляска, въ которую сѣли Струковъ, Яфимовичъ, Скалонъ и я (за нами—конвойный казакъ), и затѣмъ—экипажи съ нашими ординарцами и румынскими флигель-адъютантами. Поѣхали почти шагомъ по иллюминованнымъ улицамъ, сопровождаемые сплошною массою народа, кричавшаго „ура“ и выкликавшаго по-своему здоровье князя, княгини, Великаго Князя, русскаго войска и Россіи вообще. Попавшійся намъ навстрѣчу факельцугъ съ музыкой остановился, выстроился и неистово кричалъ „ура“, бросая шапки вверхъ. Почти вся публика кланялась не только Великому Князю, но и намъ.

Около часу продолжалось это катанье по улицамъ, закончившееся прибытіемъ въ театръ, небольшой, очень хорошенькій и чистенькій, съ прекраснымъ фойе и балкономъ на подобіе вѣнскаго опернаго. Князья заняли боковую ложу, а мы съ статсъ-дамою и фрейлиною — большую, среднюю. Театръ былъ биткомъ набитъ расфранченною публикою. Давали „Троватора“ по-итальянски и весьма недурно. Не дослушавъ оперы до конца, мы уѣхали въ наше консульство пить чай. Тамъ была составлена и отправлена дневная телеграмма Государю. Лишь около двухъ часовъ ночи вернулись во дворецъ Катрочени.

11 мая, среда. — Къ восьми часамъ утра пріѣхалъ князь Карлъ и просидѣлъ у Великаго Князя около часу. Завтракали мы съ Великимъ Княземъ безъ гостей. Затѣмъ онъ меня освободилъ до обѣда, чѣмъ я и воспользовался для прогулки по городу, который мнѣ очень понравился. За исключеніемъ главной улицы Могошой—вездѣ масса зелени, а городской садъ—очень большой и тѣнистый. Обѣдали мы въ нашемъ консульствѣ, а Великій Князь—у князя Карла. Генеральный консулъ Стюартъ—весьма привѣтливый и гостепріимный человѣкъ: всѣ его чиновники и всѣ русскіе, находившіеся до сихъ поръ въ Бухарестѣ по дѣламъ службы, обѣдаютъ у него ежедневно. Съ княземъ

Карломъ онъ въ легкихъ контрахъ и отзывается о немъ свысока. Положеніе его было не изъ пріятныхъ до самаго послѣдняго времени, т.-е. до тѣхъ поръ, пока Государь недавно не приказалъ объявить румынскому правительству, что въ содѣйствіи его войскъ не нуждается и желаетъ, чтобы они ограничились охраною своей собственной территоріи. Въ виду же домогательства румынскаго правительства о разныхъ уступкахъ и льготахъ съ нашей стороны, Государь приказалъ пріостановить выдачу обѣщанныхъ князю взаймы четырехъ милліоновъ рублей впредь до выясненія намѣреній румынскаго правительства. Это произвело большой эффектъ: министры, заявлявшіе все время разныя претензіи, разыгрывавшіе басню „Лягушка и Волъ“ въ лицахъ, позволявшіе себѣ даже будировать Великаго Князя,— стали разсыпаться въ любезностяхъ и сдѣлались предупредительны. Я выше писалъ, что 10-го мая была провозглашена независимость Румыніи: въ сообщеніи объ этомъ великимъ державамъ, однако, благоразумно оговорено, что Румынія проситъ ихъ о признаніи этого акта. Само собою разумѣется, что первое проявленіе независимости выразилось въ учрежденіи ордена „Румынской звѣзды“, о чемъ, однако, еще не обнародовано, хотя князь Карлъ и просилъ уже Великаго Князя принять первую степень этого новаго, пока еще секретнаго ордена.

Послѣ обѣда, А. И. Нелидовъ (директоръ дипломатической канцеляріи при главнокомандующемъ) и я принимали представителя „Agence Havas“, Поньона, просившаго аудіенціи. Поньонъ предлагалъ безплатную присылку телеграммъ агентства и свои услуги по всесвѣтному распространенію всего, что Великій Князь пожелаетъ сообщать, съ тѣмъ, чтобы главная квартира платила агентству за доставку телеграммъ до Парижа и жалованье агенту, который будетъ назначенъ при главной квартирѣ. Я взялъ на себя категорически заявить Поньону, что не думаю, чтобы Великій Князь согласился на такое предложеніе, такъ какъ, во-первыхъ, онъ не имѣетъ въ виду направлять общественное мнѣніе, а напротивъ, свободно допускаетъ представителей всевозможныхъ направленій, лишь бы они были рекомендованы надежными лицами, какъ люди порядочные; во-вторыхъ, онъ уже изъ принципа не согласится платить жалованье агенту и за доставку телеграммъ, дабы не подавать повода говорить, что онъ закупилъ агентство въ свою пользу. Нелидовъ меня вполнѣ поддержалъ, добавивъ, что можно лишь просить разрѣшенія Великаго Князя на казенную передачу депешъ до Бухареста, какъ до ближайшей агентуры Havas. Затѣмъ мы оба заявили, что, въ уваженіе

ко всемірной распространенности телеграммъ агентства Гавасъ, беремъ на себя испросить одну только для него привилегію: сообщеніе ему извѣстій немедленно по донесеніи Государю, т.-е. нѣсколькими часами ранѣе, чѣмъ всѣмъ другимъ. Но дальше этого—по пути уступокъ не пойдемъ. Что же касается до предложенія устроить телеграфную передачу главной квартирѣ особо важныхъ для нея свѣдѣній (service spécial), то мы просимъ заявить объ этомъ письменно и привезти обстоятельную записку въ Плоэшти, такъ какъ это вопросъ слишкомъ важный, и порѣшить его на словахъ нельзя.

Покончивъ на этомъ, мы уѣхали на станцію желѣзной дороги, а въ вагонѣ доложили Великому Князю, который вполнѣ одобрилъ нашъ образъ дѣйствій. Должно быть, бесѣда наша произвела на Поньона надлежащее впечатлѣніе, потому что, несмотря на оставленіе нами вопроса объ агентскихъ телеграммахъ открытымъ, онъ на другой же день прислалъ намъ ихъ въ четырехъ экземплярахъ: Великому Князю, Непокойчицкому, Нелидову и мнѣ.

Вернулись въ Плоэшти въ дивный, теплый лунный вечеръ, къ десяти часамъ.

12 мая, четвергъ.—Великій Князь опять ѣздилъ въ Бухарестъ, по приглашенію князя Карла, смотрѣть открытіе ярмарки. Я остался дома и цѣлый день былъ занятъ журналомъ военныхъ дѣйствій. На слѣдующій день я переѣхалъ на другую квартиру. Былъ въ полевомъ почтамтѣ, въ надеждѣ разыскать письма изъ дому, но вернулся ни съ чѣмъ. Тамъ цѣлые ящики неразобранной корреспонденціи, а около нихъ—нѣсколько чиновниковъ, подавленныхъ сознаніемъ своего безсилія.

Струсберговская желѣзная дорога даетъ себя чувствовать. За послѣдніе десять дней на ней размыто полотно въ двухъ мѣстахъ, смытъ одинъ и поврежденъ другой мостъ; третій мостъ провалился вмѣстѣ съ поѣздомъ (къ счастью — пустымъ); два поѣзда столкнулись, причемъ одинъ гусаръ убитъ и семеро ранено; наконецъ, одинъ поѣздъ сошелъ съ рельсовъ, причемъ убито четыре и ранено пять артиллеристовъ. Пока—румынская желѣзная дорога для насъ опаснѣе турокъ. Эти уже пятый день стрѣляютъ по нашимъ войскамъ, занимающимъ берега Дуная отъ устья и до впаденія р. Ольты, и пока нигдѣ не причинили намъ ни малѣйшаго вреда.

Наши полевыя управленія до сихъ поръ еще не собрались сюда. По маршруту, 18-го мая долженъ былъ прибыть послѣдній

эшелонъ, но теперь прибудетъ неизвѣстно когда, такъ какъ полевыя управленія должны пропустить императорскую главную квартиру, для которой требуется пятнадцать поѣздовъ. Вставка ихъ въ росписаніе, въ связи съ порчами пути отъ разливовъ, сбила всѣ разсчеты и уничтожила правильность движенія военныхъ поѣздовъ.

Рано утромъ, 14-го мая, Великій Князь получилъ изъ Браилова, отъ бригаднаго генерала Салова, телеграмму, что въ ночь съ 13-го на 14-ое лейтенанты Дубасовъ и Шестаковъ взорвали на воздухъ турецкій мониторъ. Тотчасъ по полученіи телеграммы, Великій Князь послалъ за мной, и когда я пришелъ, то онъ прежде всего сказалъ: „кричи ура!"—и только по исполненіи этого прочелъ депешу. Телеграмму Государю онъ уже написалъ и отправилъ самъ (мнѣ съ новой квартиры четверть часа ходьбы до его дворца), а мнѣ велѣлъ составлять телеграммы всѣмъ остальнымъ.

15 мая, воскресенье, Троицынъ день.—Получена телеграмма Государя изъ Царскаго-Села: „Ай да моряки! Наши молодцы! Лейтенантамъ Дубасову и Шестакову даю Георгія 4-й степени, вполнѣ ими заслуженнаго. Предыдущія награды твои утверждаю сегодня же. По представленію Миши назначилъ Георгія 3-й степени Лорисъ-Меликову и Девелю. Ты поймешь, какъ я счастливъ, что войска наши вездѣ выказываютъ себя молодцами.—Александръ". Вслѣдъ затѣмъ пришла другая, съ поздравленіемъ отъ Государя по случаю праздника лейбъ-гвардіи сапернаго баталіона и съ увѣдомленіемъ, что вчера вернувшійся изъ Швейцаріи великій князь Владиміръ Александровичъ завтра, 16-го, отправляется въ армію.

Вечеромъ послана Государю подробная телеграмма о подвигѣ Дубасова и Шестакова.

16 мая, понедѣльникъ, Духовъ день. — Полученъ отвѣтъ Государя изъ Царскаго-Села: „Благодарю за подробности о геройскомъ подвигѣ Дубасова и Шестакова; радуютъ меня донѣльзя; нахожу и прочихъ офицеровъ, въ томъ числѣ и румынскаго [1]), достойными наградъ по твоему усмотрѣнію, равно и нижнихъ чиновъ. Тѣ, которые были на „Цесаревичѣ" и „Ксеніи", заслуживаютъ всѣ знаковъ отличія военнаго ордена. Объяви

---

[1]) Маіоръ Муржеско, первый румынскій офицеръ, получившій русскій орденъ: ему былъ данъ Владиміръ 4-й степени съ мечами.

имъ всѣмъ мое спасибо и скажи, что я ими горжусь. Посылаю письмо сегодня ночью съ Владиміромъ.—Александръ".

Великій Князь сегодня же щедро наградилъ всѣхъ сколько-нибудь прикосновенныхъ къ дѣлу взрыва турецкаго монитора и немедленно донесъ Государю телеграммою.

Число корреспондентовъ дошло до двадцати-трехъ, въ томъ числѣ семь русскихъ: Максимовъ, Мозалевскій, Каразинъ, Немировичъ-Данченко, Федоровъ, Раппъ и Сокальскій. Каразинъ и Федоровъ вмѣстѣ съ тѣмъ и художники.

20 мая, пятница. — Вчера Великій Князь телеграфировалъ Государю, что сообщеніе по румынской желѣзной дорогѣ все еще не возстановлено. Сегодня полученъ отвѣтъ Государя, что онъ, все-таки, выѣзжаетъ 20-го, вечеромъ, доѣдетъ до Кишинева и тамъ будетъ ожидать возможности продолжать путь.

На слѣдующій день прибыли великій князь Владиміръ Александровичъ и князь Сергій Максимиліановичъ.

Послѣ обѣда Великій Князь совершенно неожиданно объявилъ, что завтра посылаетъ курьера навстрѣчу Государю, и чтобы къ двѣнадцати часамъ завтрашняго дня былъ готовъ отчетъ.

Непокойчицкій очень забезпокоился, успѣю ли я. Однако, я успѣлъ, только переписать пришлось самому — и ночью. Подъ утро легъ спать, и на слѣдующій день, 22-го мая, въ 11½ часовъ утра явился къ Великому Князю съ переписаннымъ отчетомъ. Великій Князь сказалъ, что прочтемъ послѣ завтрака и затѣмъ поѣдемъ въ Бухарестъ. Выслушавъ отчетъ, поблагодарилъ, подписалъ и велѣлъ живо собираться ѣхать. Въ началѣ второго часа поѣхали: Великій Князь (взялъ съ собою адъютантовъ Яфимовича и Скалона, меня и дежурнаго ординарца Вонлярлярскаго), великій князь Владиміръ Александровичъ со своими адъютантами, Сергій Максимиліановичъ и прибывшій сегодня утромъ Николай Максимиліановичъ.

Обѣдали у князя Карла, послѣ обѣда гуляли по городу, заходили въ сады, а къ одиннадцати часамъ вечера поѣхали ночевать въ Катрочени. Князья Николай и Сергій Максимиліановичи тоже остались тамъ ночевать, а великій князь Владиміръ Александровичъ вернулся въ Плоэшти.

23 мая, понедѣльникъ. — Утромъ вернулись въ Плоэшти. Князь Карлъ поѣхалъ съ нами—отдавать визитъ великому князю Владиміру Александровичу.

Получена телеграмма Государя съ дороги изъ Ковеля: пове-

лѣлъ встрѣчать его вездѣ въ сюртукахъ при шарфахъ и фуражкахъ; а во вторникъ, получена телеграмма Государя изъ Кишинева о благополучномъ прослѣдованіи черезъ этотъ городъ. Первый эшелонъ царской свиты пріѣхалъ сегодня. Сегодня вечеромъ всѣ великіе князья и оба герцога Лейхтенбергскіе, съ Непокойчицкимъ, только при двухъ адъютантахъ, ѣдутъ навстрѣчу Государю въ Браиловъ. Царскій пріѣздъ сюда ожидается завтра въ восемь часовъ вечера. Здѣшнее населеніе ожидаетъ Государя съ величайшимъ нетерпѣніемъ и очень гордится тѣмъ, что онъ будетъ жить въ Плоэшти. Хозяева дома, отведеннаго для Высочайшаго пребыванія, внѣ себя отъ радости. Вообще, масса румынскаго населенія очень привѣтливо и сердечно относится къ русскимъ: это говорятъ и всѣ начальники частей войскъ, и наши офицеры генеральнаго штаба, ѣздившіе на рекогносцировку береговъ Дуная. Наши войска ведутъ себя безукоризненно.

Послѣ обѣда [1]), во время составленія обычныхъ телеграммъ, Великій Князь неожиданно объявилъ мнѣ, чтобы я тоже ѣхалъ съ нимъ навстрѣчу Государю. Наскоро одѣвшись, я отправился на станцію къ $9^1/_2$ часамъ вечера. Навстрѣчу Государю отправились всѣ великіе князья (оба Николая Николаевича и Владиміръ Александровичъ), князья Николай и Сергій Максиміліановичи, Непокойчицкій, адъютанты Великаго Князя, полковникъ Струковъ и ротмистръ Скалонъ, адъютантъ великаго князя Владиміра поручикъ графъ Шуваловъ, докторъ Обермиллеръ и я. Великіе князья и князья расположились въ отдѣльномъ вагонѣ, а мы всѣ — по отдѣленіямъ другого вагона. Къ 2 часамъ ночи прибыли въ Браиловъ. Великіе князья Владиміръ и Николай Николаевичъ-Старшій и князь Сергій остались ночевать въ своемъ вагонѣ, который отвели на запасный путь; Струковъ, Скалонъ и Обермиллеръ остались ночевать на станціи, великій князь Николай-Младшій съ княземъ Николаемъ Максиміліановичемъ отправились на приготовленную для всѣхъ великихъ князей квартиру, а меня Непокойчицкій взялъ съ собою. Квартира для него отведена рядомъ съ великокняжескою; туда пошли чай пить. Великій князь Николай-Младшій уже легъ спать, такъ что мы сидѣли только втроемъ съ княземъ Николаемъ Максиміліановичемъ, который, смѣясь, разсказалъ, что нашъ здѣшній консулъ Меласъ принялъ его за адъютанта главнокомандующаго и заставилъ принимать участіе въ окончаніи при-

---

[1]) Сегодня за столомъ у Великаго Князя обѣдало 101 чел.! И это только избранные. Главная квартира непомѣрно растетъ!

готовленій къ пріему: „Il m'envoyait à droite et à gauche". Вскорѣ появился и самъ Меласъ, на костыляхъ, отрекомендовался, сѣлъ и повелъ разговоръ. Чувствовалось, что онъ пребываетъ въ своемъ заблужденіи. Во избѣжаніе какой-нибудь новой неловкости, я успѣлъ шепнуть ему, кто съ нами сидитъ. Бѣдный консулъ очень сконфузился.

25 мая, среда. — Утромъ поѣхалъ съ Непокойчицкимъ обратно на станцію, уже разукрашенную нашими и румынскими флагами, гирляндами, вѣнками и вензелями. Такъ какъ до прибытія Государя оставалось еще много времени, то мы всѣ поѣхали на ту батарею, которая своими выстрѣлами потопила броненосецъ „Лутфи-Джелиль". Батарея давно уже бездѣйствовала, потому что послѣ подвига Дубасова и Шестакова турецкіе броненосцы совсѣмъ больше не показываются. Было чудное, теплое, ароматное утро. Видъ съ батареи чудесный. Слѣва, на загибѣ берега, бѣлѣлся вдали Галацъ; прямо передъ нами, за широкимъ разливомъ Дуная, синѣли разнообразными оттѣнками утренняго освѣщенія горы турецкаго берега. Среди разлива, тамъ и сямъ, виднѣлись деревни: пока вода не спадетъ—сообщеніе съ ними и между ними возможно лишь на лодкахъ. На батареѣ была установлена большая зрительная труба, но мнѣ такъ и не удалось въ нее взглянуть, ибо все время передъ нею очередовались Августѣйшія особы. Пробывъ на батареѣ около получаса, мы вернулись на станцію, покрытые густымъ слоемъ браиловской пыли.

На станціи и вокругъ нея уже толпилось все населеніе въ праздничныхъ нарядахъ, выстроились всѣ власти, всѣ иностранные консулы и наши войска (14-го армейскаго и частью еще 11-го корпуса), а также всѣ офицеры, матросы и нижніе чины, уже получившіе награды за боевыя отличія.

Въ часъ дня медленно и величественно подошелъ императорскій поѣздъ. Раздалось восторженное „ура". Государь, выйдя изъ вагона, съ Наслѣдникомъ и великимъ княземъ Сергіемъ Александровичемъ, обнялъ и поцѣловалъ сперва всѣхъ великихъ князей, затѣмъ прямо подошелъ къ Дубасову и Шестакову и нѣсколько разъ ихъ поцѣловалъ, затѣмъ поцѣловалъ генералъ-маіора Салова и полковника Струкова, подалъ руку остальнымъ отличившимся офицерамъ и поблагодарилъ нижнихъ чиновъ. Привѣтливо раскланявшись съ публикою, принялъ благословеніе отъ ожидавшаго его румынскаго духовенства, приложился къ кресту и выслушалъ привѣтственную рѣчь. Затѣмъ принялъ

хлѣбъ-соль и многочисленные букеты, обошелъ по фронту собранныхъ войскъ, поблагодарилъ за службу и сѣлъ въ вагонъ.

Государь со свитою уже завтракалъ; поэтому завтракъ въ вагонѣ былъ приготовленъ лишь для насъ, пріѣхавшихъ ему на встрѣчу. Только-что мы усѣлись, какъ вошелъ Государь съ Цесаревичемъ и великимъ княземъ Сергіемъ Александровичемъ, милостиво просилъ продолжать и подсѣлъ къ Великому Князю. Бесѣду велъ преимущественно о домашнихъ дѣлахъ Императорской Фамиліи. Сообщилъ, что великая княгиня Марія Александровна, съ дозволенія королевы Викторіи, ѣдетъ въ Россію. Выразилъ еще разъ свою радость по поводу удачнаго начала военныхъ дѣйствій и свое удовольствіе встрѣченными имъ по пути восторженными привѣтствіями. Наконецъ, разсказалъ, что нѣкто Кузьминскій обратился къ нему въ Яссахъ съ просьбою принять его на службу, и когда Государь приказалъ его арестовать и отправить въ Кишиневъ, то Кузьминскій, тотчасъ по заарестованіи, вонзилъ себѣ въ грудь кинжалъ и черезъ двадцать минутъ умеръ [1]).

По окончаніи завтрака, Государь со всѣми великими князьями удалился въ свой вагонъ, а мы и нѣкоторыя изъ особъ государевой свиты остались бесѣдовать въ вагонѣ-столовой. Жара въ вагонѣ была 28°, а мы сидѣли въ сюртукахъ при шарфахъ и сабляхъ и варились въ собственномъ соку. Остановки были рѣдкія и короткія. Только въ Бузео остановились на полчаса. Струковъ, Скалонъ и я, выйдя подышать воздухомъ, пошли посмотрѣть на виднѣвшійся вблизи цыганскій таборъ.

Дойдя до широкаго и грязнаго рва и не желая перепачкаться, мы остановились, и Струковъ, вынувъ портмонэ, показалъ его цыганамъ издали. Тотчасъ же къ намъ бросилась опрометью цѣлая толпа и окружила со всѣхъ сторонъ. Зная цыганскую наглость и неотвязчивость, я совѣтовалъ моимъ спутникамъ не давать имъ денегъ, но они не послушались и стали бросать мелкими деньгами въ толпу. Полуголыя женщины и дѣти съ дикимъ воемъ такъ набросились на насъ, что пришлось отбиваться и отступать задомъ, чтобы насъ не разорвали. Струковъ даже

---

[1]) Разсказъ этотъ былъ дополненъ, по отбытіи Государя, слѣдующими подробностями. Кузьминскій служилъ прежде въ Туркестанѣ, гдѣ прославился отчаянною храбростью. Потомъ перешелъ въ волынскій уланскій полкъ, гдѣ за дерзость противъ полкового командира былъ отданъ подъ судъ, но бѣжалъ въ Сербію. Тамъ тоже прославился храбростью въ прошломъ году. По окончаніи сербской войны, послалъ прошеніе Государю о помилованіи и о принятіи его вновь на службу рядовымъ. Получивъ отказъ,—обратился къ Государю въ Яссахъ лично.

выхватилъ саблю и сталъ отмахиваться, чтобы удержать дикую толпу, которая неотступно преслѣдовала насъ до самой станціи.

Въ восемь часовъ вечера прибыли въ Плоэшти. Буквально, весь городъ столпился на станціи и по пути предстоявшаго слѣдованія, не говоря уже про массу оффиціальныхъ лицъ. Разумѣется, и князь Карлъ ожидалъ Государя.

Восторженность встрѣчи не поддается никакому описанію. Предусматривая, что извозчиковъ не хватитъ, я еще передъ отъѣздомъ велѣлъ привести мнѣ къ поѣзду мою лошадь, и вернулся домой верхомъ.

26—31 мая. — Сегодня въ первый разъ меня довела до изнеможенія ежедневная утренняя бесѣда съ корреспондентами. Ихъ перебывало болѣе двадцати человѣкъ разныхъ національностей, такъ что часа три подрядъ приходилось разговаривать на разныхъ языкахъ. Вотъ нѣкоторые изъ русскихъ корреспондентовъ:

Максимовъ („Биржевыя“ и „Русскія Вѣдомости“ и „S.-Petersb. Zeitung).

Каразинъ („Новое Время“, „Всемірная Иллюстрація“, „Нива“).

Немировичъ-Данченко („Нашъ Вѣкъ“, „Пчела“).

Федоровъ („Русскія Вѣдомости“, „Всемірная Иллюстрація“).

Мозалевскій („С.-Петербургскія Вѣдомости“).

Сокальскій („Новое Время“, „Голосъ“, „Одесскій Вѣстникъ“).

Буренинъ („Новое Время“).

Гирсъ („Сѣверный Вѣстникъ“).

Сегодня опредѣлилось, что, вмѣсто прежнихъ ежедневныхъ телеграммъ Государю, я долженъ буду составлять ежедневныя же записки обо всѣхъ свѣдѣніяхъ, въ теченіе дня полученныхъ, и представлять эти записки Великому Князю къ $9^{1}/_{4}$ часамъ вечера, съ тѣмъ, чтобы онъ могъ читать ихъ Государю за вечернимъ чаемъ. Сегодня же и была представлена первая такая записка.

Всѣ эти дни вижу Великаго Князя Главнокомандующаго только по вечерамъ, между $7^{1}/_{2}$—$9^{1}/_{2}$ часами вечера, когда читаю ему дневную записку. Онъ все у Государя: тамъ и завтракаетъ, и обѣдаетъ, и чай пьетъ. Сильно утомляется и очень озабоченъ, ибо приближается серьезное время переправы черезъ Дунай. Передовой эшелонъ нашей главной квартиры отправляется уже послѣ завтра, 2 іюня; при Великомъ Князѣ останутся только Непокойчицкій, Левицкій, адъютанты Струковъ,

Скалонъ и Андреевъ, докторъ Обермиллеръ и я. Всѣ наши вещи и лошади уѣдутъ впередъ, такъ что при мнѣ останутся только ручной чемоданчикъ и портфель. Такъ проживемъ здѣсь цѣлую недѣлю и выѣдемъ лишь 9-го или 10-го: сперва по желѣзной дорогѣ, а затѣмъ въ экипажахъ до бивачнаго мѣста, которое содержится въ глубокомъ секретѣ.

1 іюня, среда. — Великаго Князя замѣтно волнуетъ мысль о близкой переправѣ: очень безпокоится, какъ-то она удастся. Даже невозмутимому Непокойчицкому видимо не по себѣ, а на впечатлительнаго и нервнаго Левицкаго жаль смотрѣть: до такой степени онъ мучится ожиданіемъ, что-то будетъ? Стараюсь успокоивать, но съ весьма посредственнымъ успѣхомъ. Прибылъ нѣкто Донъ-Хозе-Люисъ-Пеллисеръ, корреспондентъ и художникъ испанской иллюстраціи, но безъ всякихъ рекомендацій. Внушаетъ такое довѣріе своимъ честнымъ, открытымъ лицомъ, что я просилъ Великаго Князя допустить его на мою отвѣтственность. Великій Князь изъявилъ согласіе.

Государь живетъ здѣсь все это время такъ тихо, что его присутствіе почти даже незамѣтно, по крайней мѣрѣ для меня: мнѣ не удалось видѣть его со дня прибытія. Великій Князь разсказывалъ, что Государь читалъ статью князя Мещерскаго [1]), за которую министръ внутреннихъ дѣлъ запретилъ, или собирается запретить „Гражданинъ". Государю статья очень понравилась, онъ отозвался о ней такъ: „Совершенно справедливо, но очень ядовито написано".

Прибыли сюда и допущены весьма интересные иностранные военные агенты, и между ними флигель-адъютантъ датскаго короля Маріусъ-де-Гедеманъ и англійскій подполковникъ Уэллеслей. Послѣдняго Великій Князь принялъ очень сурово, ибо онъ послѣднее время не стѣснялся высказываться въ Петербургѣ въ явно враждебномъ ко всему русскому тонѣ. Положеніе Уэллеслея будетъ не изъ пріятныхъ. Самый интересный военный агентъ — японскій полковникъ Ямазама, командиръ пѣхотнаго полка. Форма напоминаетъ французскую: темносиній однобортный мундиръ съ краснымъ воротникомъ и обшлагомъ; скромное золотое шитье; чинъ обозначается на рукавахъ, параллельными рядами

[1]) Содержаніе статьи—рѣзкое осужденіе переговоровъ, затѣянныхъ англичанами съ цѣлью заставить насъ заранѣе подписать обязательство: ограничиться, по окончаніи войны, требованіями бывшей константинопольской конференціи и даже не входить въ мирные переговоры съ Портою иначе, какъ совмѣстно съ остальными великими державами!

тонкихъ золотыхъ галунчиковъ. Онъ пробылъ два года въ Парижѣ, понимаетъ по-французски все, но говоритъ съ большимъ трудомъ. Держитъ себя серьезно, невозмутимо-спокойно, съ большимъ достоинствомъ. Сегодня за завтракомъ я сидѣлъ съ нимъ рядомъ и разговаривалъ: отвѣчаетъ тяжелымъ языкомъ, но понимаетъ по-французски все; нашу манеру ѣсть и вообще всѣ внѣшніе европейскіе пріемы усвоилъ себѣ вполнѣ. При немъ секретарь японскаго посольства изъ Петербурга, молодой человѣкъ, очень бойко говорящій по-русски и выдающій свою національность только типомъ лица.

3 іюня, пятница.—Пріѣхалъ князь Евгеній Максимиліановичъ и встрѣтился со мною совсѣмъ по-товарищески.

Англійскій военный агентъ Уэллеслей, обидѣвшись пріемомъ и внушеніемъ Великаго Князя, совсѣмъ уѣхалъ. И слава Богу.

Пріѣхавшій третьяго дня или вчера, хорошо не помню, директоръ Agence générale Russe, Поггенполь, основываясь на разрѣшеніи государственнаго канцлера, вздумалъ начать телеграфировать военныя и политическія извѣстія отъ себя. Но его телеграмму, несмотря на печать государственнаго канцлера, на станціи не приняли, а предложили явиться ко мнѣ, чтобъ я надписалъ: „разрѣшаю“. Я еще ничего и не зналъ объ этомъ, какъ вдругъ сегодня Великій Князь требуетъ меня къ себѣ въ неурочное время и, разсказавъ вышеизложенное, сообщаетъ, что онъ уже доложилъ объ этомъ Государю, который приказалъ подтвердить по своей главной квартирѣ, чтобъ никто не посылалъ телеграммъ военнаго содержанія безъ моей разрѣшительной надписи, а князю Горчакову выразилъ свое неудовольствіе.

Только-что я вернулся отъ Великаго Князя домой—является Поггенполь съ визитомъ и съ двумя рекомендательными карточками отъ статсъ-секретарей Гамбургера и барона Жомини.

Сегодня же Великій Князь прислалъ ко мнѣ французскаго инженера изъ породы прожектеровъ (фамилію забылъ), явившагося къ нему съ предложеніемъ произвести какую-то ему одному извѣстную фотографическую съемку праваго берега Дуная. Приведшій его дежурный адъютантъ передалъ, что Великій Князь поручаетъ мнѣ переговорить и условиться съ французомъ. Поговоривъ съ нимъ, я попросилъ его объявить свои условія. Они оказались столь нахальными, что я доложилъ Великому Князю: „по-моему, надо его прогнать“. Такъ и приказано исполнить.

6 іюня, понедѣльникъ. — Сегодня Великій Князь передалъ безъ всякихъ объясненій, т.-е., говоря канцелярскимъ языкомъ, „къ дѣлу"—любопытную французскую записку барона Жомини отъ вчерашняго числа. Вотъ ея содержаніе:

1) *Сербія.*—Князь Горчаковъ, въ бесѣдѣ съ княземъ Миланомъ и Ристичемъ, настаивалъ, чтобы Сербія оставалась спокойной и ограничилась обороною. О томъ, что наше соглашеніе съ Австро-Венгріею предусматриваетъ и допускаетъ возможность сербской наступательной коопераціи—князь Горчаковъ умолчалъ, не довѣряя сербской скромности. Онъ опасается, что Миланъ и Ристичъ, вернувшись домой, выдадутъ этотъ дипломатическій секретъ публикѣ и создадутъ большія затрудненія какъ намъ, такъ и Австро-Венгріи. Между тѣмъ, мы обязаны принимать въ соображеніе положеніе графа Андраши, которому нелегко лавировать между страстями разныхъ партій. Секретное соглашеніе наше неизвѣстно публикѣ. Трудно предусмотрѣть впечатлѣніе, которое произведетъ въ Австро-Венгріи наступленіе сербовъ, если оно произойдетъ вслѣдъ за визитомъ князя Милана въ Плоэшти и одновременно съ нашею переправою черезъ Дунай. Ничего не зная о выгодахъ, обѣщанныхъ Австро-Венгріи по нашему секретному соглашенію, публика будетъ возмущена бездѣйствіемъ своего правительства въ виду сербскихъ наступательныхъ дѣйствій.

Такимъ образомъ, въ настоящее время, активное содѣйствіе сербовъ намъ не нужно, даже неудобно. Но въ будущемъ оно можетъ пригодиться, даже сдѣлаться необходимымъ. Вотъ почему Милану окончательно сказано, чтобы демонстративно не выходилъ изъ оборонительнаго положенія до тѣхъ поръ, пока не получитъ отъ насъ особое сообщеніе. Если содѣйствіе сербовъ понадобится, мы предварительно поручимъ нашему послу въ Вѣнѣ войти въ соглашеніе съ графомъ Андраши и затѣмъ уже сообщимъ князю Милану, когда и какое содѣйствіе отъ него потребуется.

2) *Румынія.*—Съ нашей точки зрѣнія было бы вполнѣ удобно присоединить дельту Дуная къ будущей Болгаріи. Но противъ этого возстала бы вся Европа, такъ какъ—что̀ бы мы ни говорили и ни дѣлали—Болгарія въ глазахъ публики всегда будетъ считаться почти тою же Россіей. Чтобы избѣжать неудовольствія Австро-Венгріи и Германіи, которое непремѣнно будетъ разжигаться Англіей, казалось бы наиболѣе удобнымъ присоединить дельту Дуная къ Румыніи, а Добруджу къ Болгаріи. Если же къ дельтѣ Дуная прибавить еще Виддинъ съ его округомъ, то Румынія будетъ достаточно вознаграждена.

Сегодня, 8-го іюня утромъ, за мной прислалъ Великій Князь и приказалъ вечеромъ ѣхать въ свитѣ Государя въ Браиловъ. Но въ 2½ часа дня онъ совершенно неожиданно уѣхалъ неизвѣстно куда, въ сопровожденіи великаго князя Николая Николаевича Младшаго, Непокойчицкаго и Левицкаго. Не взялъ съ собою даже ни одного адъютанта.

Отъѣздъ Государя въ Браиловъ отложенъ до завтра: объ этомъ сообщилъ мнѣ генералъ-адъютантъ графъ Воронцовъ-Дашковъ.

Сегодня, 9-го іюня, прибылъ съ экстреннымъ пакетомъ на имя Великаго Князя, отъ командира 14-го корпуса Циммермана, капитанъ генеральнаго штаба Гершельманъ (Ѳедоръ). По его словамъ, требуется немедленное рѣшеніе, тѣмъ болѣе, что содержаніе пакета—въ связи съ предположенною поѣздкою Государя въ Браиловъ. А между тѣмъ, ни Великаго Князя, ни начальника штаба нѣтъ, и гдѣ находятся—неизвѣстно. Начальникъ канцеляріи штаба не взялъ на себя дать отвѣтъ, какъ быть, а послалъ своего помощника Стефана, вмѣстѣ съ Гершельманомъ, ко мнѣ. Я немедленно отправилъ Гершельмана къ графу Воронцову-Дашкову, чтобы вручить пакетъ ему для доклада Государю, такъ какъ кромѣ него никто не можетъ распечатать пакетъ, Великому Князю адресованный. Вышло отлично. Государь самъ принялъ и разспросилъ Гершельмана, лично объявилъ ему свое повелѣніе для передачи Циммерману, и Гершельманъ немедленно уѣхалъ. Затѣмъ зашелъ ко мнѣ графъ Воронцовъ-Дашковъ и передалъ, что Государь опять отложилъ свой отъѣздъ въ Браиловъ до завтра. Очевидно, что это—въ связи съ содержаніемъ привезеннаго Гершельманомъ пакета.

Въ три часа ночи, 10-го іюня, опять заѣзжалъ графъ Воронцовъ-Дашковъ, по поводу полученной имъ для передачи Великому Князю телеграммы; отъ кого и о чемъ—онъ не говорилъ. Рѣшили опять представить Государю, который одинъ только и можетъ знать, гдѣ находится Великій Князь.

Вечеромъ ѣздилъ съ адъютантами Великаго Князя, Скалономъ и Андреевымъ, на вокзалъ, провожать Государя, уѣхавшаго въ Браиловъ съ Великими Князьями и частью своей свиты.

Около пяти часовъ вечера, 11-го іюня, Государь со свитою вернулся. Переправа на нижнемъ Дунаѣ состоялась вчера вполнѣ успѣшно.

18 іюня, суббота.—На бивакѣ у Зимницы. Цѣлую недѣлю не было времени писать. Только-что окончилъ составленіе и собственноручную переписку реляціи о переправѣ, съ предва-

рительнымъ очеркомъ всѣхъ событій со дня объявленія войны. За этою работою сидѣлъ съ десяти часовъ вчерашняго до шести часовъ сегодняшняго утра. Въ $7^{1}/_{2}$ часовъ утра Великій Князь подписалъ реляцію и отправилъ ее въ Петербургъ [1]). Возвращаюсь къ пропущеннымъ днямъ.

12-го іюня, въ пять часовъ дня, Скалонъ, Андреевъ и я выѣхали изъ Плоэшти согласно назначенному намъ маршруту; въ два часа ночи поѣздъ прибылъ въ Слатину, а оттуда немедленно отправились на полудикихъ почтовыхъ лошадяхъ къ бивaку Великаго Князя у деревни Драча, куда и прибыли, послѣ десяти-часовой безостановочной ѣзды, въ двѣнадцать часовъ дня 13 іюня.

Туда же прибылъ и Государь со своею главною квартирою.

14-е и 15-е іюня провели на нарочито-найденномъ здѣсь „Царскомъ валикѣ", т.-е. на курганѣ Magura-della-Grapavi, откуда ясно были видны, въ разстояніи пяти-шести верстъ (на глазъ) Никополь и Систово. Съ этого кургана Государь и Великій Князь со своими свитами наблюдали: 14-го—бомбардированіе Никополя, а 15-го — переправу Драгомирова у Систова. Пріѣзжали на курганъ съ бивака (двадцать верстъ) каждый день спозаранку и верхомъ (Государь, великіе князья и высшіе чины, конечно, въ колясках); возвращались на бивакъ около четырехъ-пяти часовъ дня тѣмъ же порядкомъ.

15-го іюня, я, по приказанію Великаго Князя, почти все время просидѣлъ въ станціонной каретѣ полевого телеграфа, посылая запросы въ Зимницу и отправляя получаемыя отвѣтныя депеши Великому Князю, который немедленно читалъ ихъ Государю.

По возвращеніи 15-го вечеромъ на бивакъ у Драчи, кричали до хрипоты „ура" Великому Князю, по случаю пожалованія ему Георгія 2-й степени. Затѣмъ надо было спѣшно укладываться: въ два часа ночи выѣхали съ бивака въ Зимницу и прибыли туда въ седьмомъ часу утра. По пути навѣстили военно-временный госпиталь въ Пятрѣ и перевязочный пунктъ въ Зимницѣ: Великій Князь всѣхъ раненыхъ благодарилъ и обласкалъ. Бивакъ у Зимницы въ фруктовомъ саду (персиковыя, абрикосовыя и грушевыя деревья), но пыль кругомъ—ужасающая.

16-го іюня, въ четвергъ, въ $12^{1}/_{2}$ часовъ дня, Великій Князь, взявъ съ собою Непокойчицкаго, Левицкаго, адъютантовъ и меня, сѣлъ въ понтонъ, имѣя при себѣ свой значокъ. На рулѣ

[1]) Она была напечатана во всеобщее свѣдѣніе.

былъ гвардейскаго экипажа капитанъ-лейтенантъ Палтовъ, на веслахъ—уральскіе казаки. При громкомъ „ура“ нашихъ войскъ съ обоихъ береговъ мы переправились черезъ Дунай. На правомъ берегу ожидали великій князь Николай Николаевичъ Младшій и свиты его величества генералъ-маіоръ Драгомировъ съ большою свитою. Великій Князь обнималъ и цѣловалъ сына, находившагося подъ огнемъ съ трехъ часовъ утра до двѣнадцати часовъ дня, затѣмъ самого Драгомирова, котораго горячо благодарилъ. Тутъ же Драгомировъ разсказалъ Великому Князю своимъ своеобразнымъ языкомъ весь ходъ дѣла. Съ особою похвалою и признательностью онъ отозвался о М. Д. Скобелевѣ, который участвовалъ въ дѣлѣ лишь волонтеромъ. Изъ иностранцевъ на переправѣ были: прусскій маіоръ Лигницъ, австрійскіе—подполковникъ баронъ Лёнейзенъ и капитанъ Болла, и румынскіе—генералъ Зефкаръ и полковникъ Гергель. Всѣ въ восторгѣ отъ спокойной, блистательной храбрости и распорядительности Радецкаго и Драгомирова. Столь же единодушны похвалы Лигницу, который все время принималъ въ дѣлѣ самое дѣятельное участіе.

Во время доклада Драгомирова Великій Князь отправилъ сына въ Зимницу доложить Государю, что все готово. Государь со свитою немедленно прибылъ: обнялъ и расцѣловалъ Радецкаго и Драгомирова и лично вручилъ имъ георгіевскіе кресты 3-й степени. Скромный Радецкій сказалъ Государю:—„Ваше Величество, это не мнѣ слѣдуетъ, а Драгомирову“.—Государь милостиво успокоилъ, что и Драгомирову будетъ. Сѣвъ верхомъ, Государь объѣхалъ и благодарилъ войска: восторгъ былъ неописанный. Государь многимъ далъ награды лично, напр. великому князю Николаю Николаевичу Младшему и обоимъ бригаднымъ командирамъ 14-й пѣхотной дивизіи—Георгія 4-й степени.

Вечеромъ вернулись на зимницкій бивакъ.

20 іюня, понедѣльникъ.—Съ 16-го по сегодняшній день тянулась наводка понтоннаго моста, крайне затруднявшаяся теченіемъ и вѣтромъ. Въ одну бурную ночь вырвало 26 понтоновъ, которые всѣ погибли.

Нельзя сказать, чтобы у насъ процвѣталъ порядокъ. Телеграфу—непосильная работа: онъ такъ заваленъ Высочайшими и великокняжескими депешами, что даже служебныхъ телеграммъ не можетъ передавать своевременно, а про частныя—и говорить нечего. Смѣхотворно-малочисленный составъ полевыхъ почтовыхъ конторъ совершенно не въ состояніи справляться съ горами накопляющейся корреспонденціи. Приказанія посылаются безъ

соображенія съ временемъ, необходимымъ для ихъ полученія и исполненія.

Масса лицъ, состоящихъ безъ опредѣленныхъ занятій при обѣихъ главныхъ квартирахъ, только мѣшаетъ тѣмъ немногимъ, которые обременены дѣломъ выше головы. А между тѣмъ тѣхъ управленій, которыя нужны для правильнаго и безостановочнаго хода дѣлъ—нѣтъ на-лицо: даже ²/₃ полевого штаба еще гдѣ-то позади, а полевого казначейства, управленій интендантскаго, почтоваго и телеграфнаго до сихъ поръ вовсе нѣтъ. Коменданта, общаго для обѣихъ главныхъ квартиръ, тоже нѣтъ и очевидно не будетъ: вслѣдствіе этого некому установить и соблюдать порядокъ на бивакѣ, особенно необходимый при необозримой массѣ прислуги столь многочисленныхъ высокопоставленныхъ лицъ. Бивакъ главныхъ квартиръ поражаетъ отсутствіемъ самыхъ элементарныхъ требованій чистоты и порядка: зады нашего бивака—чисто цыганскій таборъ.

Въ нашей главной квартирѣ, за отсутствіемъ большей части органовъ полевого управленія, находящихся еще гдѣ-то позади, не организована даже правильная разсылка бумагъ и депешъ; вѣстовыхъ и разносныхъ книжекъ нѣтъ! Спѣшныя бумаги и депеши посылаются съ случайно подвертывающимися людьми, а потомъ, за суетою, забывается, что̀ съ кѣмъ послано. Но всего печальнѣе то, что высокопоставленныя лица уже свыклись съ этимъ хаотическимъ состояніемъ и считаютъ его неизбѣжнымъ. Это отнимаетъ надежду и на упорядоченіе въ будущемъ.

Офицеры генеральнаго штаба, состоящіе при главной квартирѣ, давно и ужасно озлоблены противъ Левицкаго, который дѣйствительно совершенно не съумѣлъ устроить ихъ положеніе. Кромѣ меня, лично Великимъ Княземъ поставленнаго въ привилегированное положеніе, всѣ остаются въ тѣни. Великій Князь ежедневно посылаетъ съ порученіями по части генеральнаго штаба своихъ адъютантовъ и даже юныхъ, совершенно неопытныхъ ординарцевъ, а офицеры генеральнаго штаба сидятъ безъ дѣла или заняты текущими маловажными дѣлами. Я говорилъ по этому поводу съ Левицкимъ неоднократно и настойчиво, но безъ особаго успѣха: достигъ лишь того, что онъ далъ Нагловскому и Фрезе серьезныя порученія.

Характерно то, что вслѣдствіе этого съ Левицкимъ не совѣтуются вовсе высшія лица, по такимъ вопросамъ, по которымъ всего естественнѣе обращаться именно къ нему, какъ къ ближайшему начальнику офицеровъ генеральнаго штаба при главной квартирѣ. Напримѣръ, сегодня князья Николай и Евге-

ній Максимиліановичи, назначенные бригадными командирами въ кавалерійскій передовой отрядъ, зашли не къ Левицкому, а ко мнѣ посовѣтоваться: кого изъ офицеровъ генеральнаго штаба просить назначить состоять при нихъ? Князю Николаю Максимиліановичу я посовѣтовалъ взять Сухотина, а Евгенію Максимиліановичу — Фрезе. Онъ хотѣлъ просить дать ему Сахарова, какъ уже имѣющаго прочную боевую репутацію, но Сахарова уже рѣшено оставить или при штабѣ передового отряда, или при кавказской казачьей бригадѣ, при которой онъ состоялъ все время и очень популяренъ тамъ.

Завтра уже выступаетъ передовой кавалерійскій отрядъ подъ начальствомъ нарочно вызваннаго для сего изъ Петербурга начальника 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи, генералъ-лейтенанта Гурко (онъ еще въ пути). Дня черезъ два—три, наша главная квартира перейдетъ на правый берегъ Дуная, а два корпуса (12-й и 13-й) составятъ особый заслонъ къ западу, въ сторонѣ пресловутаго четыреугольника крѣпостей (Рущукъ—Силистрія—Шумла—Варна), подъ начальствомъ Наслѣдника Цесаревича.

Жара и пыль—чудовищныя.

До сихъ поръ неизвѣстно въ точности число утонувшихъ, убитыхъ и раненыхъ при переправѣ. Тѣла убитыхъ турокъ до сихъ поръ не всѣ погребены, и запахъ на томъ берегу, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, убійственный, тѣмъ болѣе, что тѣ, которыя погребены, зарыты лишь слегка, и запахъ разложенія распространяется безпрепятственно. Лицо, на которое было возложено отысканіе, уборка и погребеніе тѣлъ, пренаивно распорядилось хоронить какъ слѣдуетъ только своихъ, а турокъ—какъ-нибудь. Болгары—того же мнѣнія: стóитъ еще трудиться рыть для нихъ глубокія могилы въ такую жару!

22 іюня, среда.—Вчера переправился по мосту и двинулся по назначенію передовой отрядъ: $10^1/_2$ баталіоновъ, $43^1/_2$ эскадрона и сотни, 38 орудій и импровизированный конно-піонерный взводъ: самъ Гурко еще не прибылъ; отрядомъ временно командуетъ генералъ-маіоръ Раухъ, при немъ полковникъ Нагловскій и капитанъ Сахаровъ. 4-ю стрѣлковою бригадою командуетъ генералъ-маіоръ Цвѣцинскій, болгарскимъ ополченіемъ—полковникъ Столѣтовъ, драгунскою бригадою (астраханскій и казанскій полки) — князь Евгеній Максимиліановичъ, сводною (кіевскій гусарскій и донской казачій № 30 полки)—князь Николай Максимиліановичъ, казачьею (донскіе №№ 21 и 26 полки)—

полковникъ Чернозубовъ, и кавказскою казачьею — полковникъ Тутолминъ. Послѣднему дано спеціальное назначеніе идти къ Плевнѣ, занять ее и образовать передовой заслонъ къ сторонѣ Никополя и Виддина; всѣмъ прочимъ частямъ отряда данъ маршрутъ на Тырновъ, а оттуда и дальше, насколько удастся проникнуть. 12-му и 13-му корпусамъ, подъ общимъ начальствомъ Наслѣдника Цесаревича, назначено идти на Рущукъ и служить заслономъ лѣваго фланга операціонной линіи, направленіе которой—на Тырновъ, и оттуда—за Балканы. Правый флангъ долженъ прикрывать 9-й корпусъ; идти вслѣдъ за Тутолминымъ на Плевну, занять ее и по возможности взять Никополь. Главныя силы, которыя двинутся на Тырновъ подъ личнымъ начальствомъ Великаго Князя, образуются изъ 8-го корпуса, части 11-го и изъ еще находящагося въ слѣдованіи по Румыніи 4-го корпуса. Если не будетъ задержекъ съ фланговъ (опасаются больше за лѣвый, такъ какъ, по нашимъ свѣдѣніямъ, главныя силы турокъ сосредоточены въ четыреугольникѣ крѣпостей) и удастся форсировать Балканы, то дальнѣйшій путь наступленія—на Адріанополь и даже на Константинополь.

Таковъ планъ Великаго Князя, одобренный Государемъ.

Начальникомъ штаба къ Наслѣднику Цесаревичу избранъ командиръ 12-го корпуса генералъ-лейтенантъ Ванновскій, а въ командованіе 12-мъ корпусомъ вступитъ великій князь Владиміръ Александровичъ.

Серьезнаго сопротивленія отъ турокъ не ожидаютъ; конечно, они будутъ драться, при встрѣчахъ съ нами, какъ львы, но сами встрѣчъ искать не будутъ. Такъ было, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ.

Политика безмолвствуетъ, выжидая событій.

Послѣ-завтра переходимъ и мы черезъ Дунай. Императорская главная квартира останется пока за Дунаемъ, неизвѣстно только, надолго ли. Государь самъ стремится впередъ и желаетъ быть поближе къ войскамъ. Сегодня онъ снялъ съ себя георгіевскій крестъ и возложилъ на полковника Струкова, за участіе въ устройствѣ минныхъ загражденій на Дунаѣ.

Ужасно жарко: отъ 30 до 35 градусовъ каждый день.

23 іюня, четвергъ.—Гурко пріѣхалъ; въ восторгѣ, что его вызвали. Говоритъ, что оставшіеся въ Петербургѣ военные чувствуютъ себя какими-то обойденными. Ѣдетъ догонять свой отрядъ. Укладываемся, ибо нашъ обозъ (350 повозокъ!) долженъ подтянуться къ переправѣ съ вечера. Ночевать будемъ на травѣ,

или вѣрнѣе—въ пыли, которая покрываетъ и пропитываетъ все насквозь. Зимницкая пыль совсѣмъ незаурядная: когда смотришь съ турецкаго берега, то Зимницы совсѣмъ не видать, а видно только огромное, густое облако пыли.

Изъ полученныхъ телеграммъ видно, что въ Англіи и Венгріи общественное мнѣніе очень недовольно успѣхомъ нашей переправы: недоброжелатели наши надѣялись, что это обойдется намъ труднѣе и дороже.

Вечеромъ явились болгары изъ Тырнова и привезли извѣстіе, что на дорогѣ встрѣтили нашу кавалерію, которая безостановочно двигается впередъ.

Отправка обоза главной квартиры отсрочена на сутки, а слѣдовательно—и наша переправа.

Въ шесть часовъ утра, 25-го іюня, въ субботу, уложились и до двѣнадцати часовъ дня пребывали въ неопредѣленно-выжидательномъ положеніи. Наконецъ, около часу дня началась переправа.

Сперва спускъ съ песчанаго, пыльнаго берега; затѣмъ—маленькій мостъ на козлахъ черезъ протокъ, отдѣляющій румынскій берегъ отъ плоскаго песчанаго острова Адды, на которомъ расположились лагеремъ (безотрадная стоянка!) саперы, понтонеры и моряки. Длинное, медленное путешествіе по острову. У спуска съ острова на понтонный мостъ—палатка командира сапернаго баталіона и деревянная будка съ прилаженной къ ней палаткою; это — помѣщеніе начальника переправы, сапернаго генерала Рихтера, получившаго также Георгія 3-й степени (помимо 4-й). Мостъ, около полуторы сажени ширины, покоится на деревянныхъ понтонахъ и возвышается надъ уровнемъ воды едва на полсажени. Перила—веревки, продернутыя сквозь тоненькія, низенькія стойки.

По этому зыбкому мосту нескончаемою, непрерывною вереницею, днемъ и ночью, тянутся войска и обозы. Мы перешли мостъ гуськомъ, спѣшились, держа лошадей въ поводу. Не доходя турецкаго берега, понтонный мостъ кончается на небольшомъ островѣ, который соединенъ съ берегомъ опять-таки мостомъ на козлахъ.

Величественъ видъ разлившагося Дуная, особенно съ середины моста. Зеленый румынскій берегъ какъ бы сливается съ горизонтомъ воды; нагорный турецкій берегъ гордо высится надъ широкою рѣкою. Подъемъ—очень крутой. Дорога—углубленная между горами; густая пыль стоитъ столбомъ въ этомъ коридорѣ. Духота и жара трудно-выносимыя.

Между двумя—тремя часами дня мы прибыли на бивакъ у деревеньки Царевице. Вмѣстѣ съ нашею главною квартирою переправились Наслѣдникъ Цесаревичъ и великій князь Владиміръ Александровичъ, отправлявшіеся къ мѣсту своего новаго назначенія.

На бивакѣ до десяти часовъ вечера ждали обоза (часть его пришла даже на другой день утромъ). Дѣлать нечего, жара страшная, ѣсть нечего. Достали двухъ барановъ, которыхъ М. Д. Скобелевъ собственноручно ободралъ, вымылъ, выпотрошилъ и одного (разрѣзавши на куски) положилъ вариться въ принесенный изъ ближайшаго полка котелъ, а другого сталъ жарить цѣликомъ на импровизированномъ вертелѣ. Другіе умѣлые люди изъ свиты нанизали просоленные и проперченные кусочки баранины на длинныя палки и, обжаривъ на огнѣ, приготовили шашлыкъ. Мало-по-малу всѣ приняли участіе—кто въ стряпнѣ, кто въ вспомогательныхъ дѣйствіяхъ. Наконецъ, стряпня поспѣла и была уничтожена: съ голоду было вкусно. Когда пришелъ обозъ, то поспѣшили разбить палатки и улечься спать: вечеромъ ѣсть было нечего, такъ какъ кухонный обозъ Великаго Князя подошелъ лишь утромъ.

26 іюня, воскресенье.—Бивакъ у Царевице прелестный, на большомъ, почти квадратномъ, скошенномъ лугу, обсаженномъ деревьями и почти окруженномъ высокими зелеными горами. На самомъ красивомъ и тѣнистомъ мѣстѣ—палатки обоихъ великихъ князей; правѣе—палатка Непокойчицкаго; лѣвѣе—Левицкій и я, въ одной палаткѣ.

Въ шесть съ половиной часовъ вечера Великій Князь получилъ донесеніе Гурко о лихомъ захватѣ Тырнова нашею конницею. Тотчасъ вышелъ изъ палатки и самъ закричалъ „ура“. Вся главная квартира тотчасъ отовсюду сбѣжалась; Великій Князь прочелъ донесеніе вслухъ, снова раздалось и повторилось по всему биваку восторженное „ура“. Затѣмъ Великій Князь приказалъ мнѣ составить донесеніе Государю и цѣлый рядъ телеграммъ объ этомъ событіи. Сѣли обѣдать на лугу въ самомъ радостномъ настроеніи: тотчасъ послѣ обѣда было отслужено благодарственное молебствіе при необыкновенно красивомъ солнечномъ закатѣ. Послѣ молебна—„Боже, царя храни“, музыка и пѣсни гвардейскихъ казаковъ, уже въ ночной темнотѣ, при свѣтѣ ярко горѣвшихъ безчисленныхъ звѣздъ. Я сидѣлъ на воздухѣ передъ складнымъ столикомъ и писалъ; тишина была такая, что пламя свѣчи даже не колебалось.

Ночью были получены Великимъ Княземъ, одна за другою, три телеграммы Государя, поданныя въ Зимницѣ между $10^1/_2$—$11^1/_2$ часами вечера. Первую привожу дословно:

„Ты можешь себѣ представить мою радость при полученіи донесенія о занятіи Тырнова одною нашею славною кавалеріею. Гурко заслуживаетъ Георгія 3-й степени, а Эжень (т.-е. князь Евгеній Максимиліановичъ)—производства въ генералы. Радуюсь, что гвардейцы наши [1]) имѣли случай отличиться. Немедленно сообщилъ товарищамъ [2]), и прокричали имъ „ура". Съ нетерпѣніемъ буду ожидать подробностей. Надѣюсь, что 12-й корпусъ съумѣетъ остановить наступленіе непріятеля. — Александръ".

Во второй телеграммѣ Государь напоминаетъ Великому Князю, чтобы не забылъ увѣдомить, куда переведетъ завтра свою главную квартиру и гдѣ будутъ находиться Наслѣдникъ Цесаревичъ и великій князь Владиміръ Александровичъ. Въ третьей—увѣдомляетъ о своемъ намѣреніи прибыть завтра утромъ налегкѣ въ Царевичъ, для личныхъ переговоровъ. Ночью писалъ, по указаніямъ Великаго Князя, секретное письмо Государю, безъ сохраненія копіи.

Послѣ свиданія Великаго Князя съ Государемъ, въ понедѣльникъ, 27 іюня, мы выступили съ бивака у Царевице. Проѣхавъ верхомъ восемнадцать верстъ душистою степью (пыльную дорогу оставили въ сторонѣ), остановились на ночлегъ у брошенной турецкой деревеньки Акчаиръ. Достать ничего нельзя. Обѣдали, какъ солдаты, изъ общаго котла, подъ дряннымъ соломеннымъ навѣсомъ.

Вечеромъ — великолѣпная гроза съ проливнымъ дождемъ, лившимъ съ половины шестого вечера всю ночь (до четырехъ часовъ утра), которую напролетъ провелъ безъ сна, торопясь окончить донесеніе Государю до нашего отъѣзда, назначеннаго завтра, въ шесть часовъ утра. Палатки и мы сами промокли насквозь.

28 іюня, вторникъ.—Переходъ отъ Акчаира до Иванчи былъ наслажденіемъ. Чудный, освѣженный ночною грозою, утренній воздухъ, сіяющее на безоблачномъ небѣ солнце, привольная холмистая степь, густо покрытая высокою, сочною, яркою, душистою травою, синѣющія вдали балканскія предгорья—вотъ картина сегодняшняго перехода. Все населеніе попутныхъ болгар-

---

[1]) Сводный гвардейскій полуэскадронъ собственнаго его величества конвоя.

[2]) То-есть—оставшейся при Государѣ сводной гвардейской ротѣ, принимавшей участіе въ бою на переправѣ.

скихъ деревень высыпало на встрѣчу: всѣ кланялись, крестились, кричали „ура", хлопали въ ладоши и бросали цвѣты подъ ноги лошадямъ.

По приходѣ на бивакъ, въ ожиданіи обоза, я немедленно легъ спать, чтобъ освѣжиться послѣ напряженнаго труда безсонной ночи.

Деревня Иванча живописно утопаетъ въ зелени по обоимъ берегамъ быстрой рѣчки. Наши палатки—на прибрежномъ лугу. Обѣдали подъ открытымъ небомъ: куриный супъ, жареныя куры, компотъ изъ консервовъ и кофе. Передъ самымъ обѣдомъ пріѣхалъ изъ Тырнова адъютантъ Великаго Князя, поручикъ Мухановъ, привезъ подробную реляцію Гурко и захваченное турецкое знамя (а можетъ быть и просто значокъ): зеленое, съ какими-то надписями, съ дрянными желтыми лентами, на простомъ, некрашенномъ древкѣ, увѣнчанномъ звѣздою и полумѣсяцемъ. Все это сегодня же будетъ послано Государю.

Здѣшнее населеніе встрѣтило насъ съ такимъ же восторгомъ, какъ и попутное. Деревня Иванча—совсѣмъ нетронутая. Жители одѣты неряшливо и грязно, но очевидно—зажиточны. Хлѣба, фуража, скота, разной птицы—вволю. Но на жителяхъ замѣтенъ отпечатокъ многовѣковаго рабства: малорослы, сухопары, очень робки. По строенію головъ и по типамъ лицъ ихъ невозможно отличить отъ турокъ, что̀ весьма легко объясняется давнишнею и значительною примѣсью турецкой крови: въ теченіе вѣковъ турки пользовались правомъ первой ночи надъ болгарскими женщинами, не считая частыхъ изнасилованій, всегда безнаказанныхъ.

Женщины и дѣти толпою обступали насъ на бивакѣ, причемъ дѣти нисколько не дичились. Одна дѣвочка лѣтъ восьми обратила на себя вниманіе Великаго Князя: онъ долго игралъ съ нею, даже бѣгалъ въ перегонки, наконецъ подарилъ ей полуимперіалъ. Послѣ этого мать (а можетъ быть и бабушка—такъ старообразна) нашла своевременнымъ увести ее домой; дѣвочка разревѣлась.

Передана присланная Государемъ шифрованная телеграмма нашего генеральнаго консула изъ Цетинья, Іонина, отъ 25 іюня: „Корпусъ Сулеймана и часть корпуса Али-Саиба, до 45 баталіоновъ, должны, по всей вѣроятности, выйти изъ Скутари въ Румелію или Болгарію. 16 крѣпостныхъ орудій изъ Подгорицы уже отправлены въ Константинополь. Турки теперь въ Скутари. Черногорскія войска стоятъ до разъясненія дѣла на прежнихъ мѣстахъ, но приготовляются къ наступленію, вѣроятно, къ Ста-

рой Сербіи, для чего нетерпѣливо ждутъ пушекъ, о присылкѣ которыхъ я уже телеграфировалъ въ Петербургъ. Наступленіе это отниметъ у турокъ возможность посылать башибузуковъ изъ окрестностей Призрена и Дибры на Дунай. Въ Скутари—до 4.000 раненыхъ".

Кромѣ этой телеграммы, есть еще другая, отъ какого-то Шатохина (вѣроятно нашъ консулъ) изъ Рагузы, отъ 27-го: „Турки намѣрены окончательно очистить Герцеговину. Всѣ оставшіяся въ ней войска пойдутъ къ Новому-Базару" [1]).

29 іюня, среда.—Встали въ $4^1/_2$ часовъ утра и сдѣлали двадцативерстный переходъ до дер. Поликраэшти (Поликратъ, т.-е. Поля-край), переправившись черезъ р. Руссицу вбродъ, по брюхо лошадямъ.

Получено донесеніе Гурко, что завтра рано утромъ выступаетъ изъ Тырнова къ Балканамъ и надѣется форсировать одинъ изъ проходовъ. Пока все отлично, но меня безпокоитъ, что турецкая армія вся цѣла, нигдѣ не видна, и намѣренія ея совершенно неизвѣстны. На переправахъ не было серьезнаго сопротивленія: защитниковъ было несоразмѣрно мало. Мы заняли большое пространство почти безпрепятственно, но зато и разбросались до чрезвычайности. Гдѣ же турки? Неужели же они такъ и не будутъ защищаться? Вѣдь это—жизненный вопросъ для нихъ.

Мысли эти навѣяны полученнымъ отъ Государя извѣщеніемъ, что наши дѣла въ Азіи приняли неблагопріятный оборотъ: повсюду отступаютъ, даже осада Карса снята. Подробности неизвѣстны.

30 іюня, четвергъ.—Рано утромъ выѣхали верхомъ изъ Поликраэшти и уже минутъ черезъ пятнадцать-двадцать втянулись въ восхитительное Тырновское ущелье, образуемое теченіемъ быстрой р. Янтры. Со всѣхъ окрестныхъ деревень сбѣгались навстрѣчу болгары съ крикомъ „ура" и хлопаньемъ въ ладоши, забрасывая Великаго Князя и насъ всѣхъ зеленью, цвѣтами, вѣнками, букетами, вышитыми салфетками и полотенцами. Миновавъ два монастыря, живописно пріютившихся по обѣ стороны

---

[1]) Обѣ эти телеграммы были оставлены безъ вниманія, равно какъ и позднѣйшая телеграмма нашего посланника Сабурова изъ Аѳинъ, отъ 30 іюня, сообщавшая, что одиннадцать транспортныхъ судовъ, подъ конвоемъ двухъ броненосцевъ, обогнули мысъ Матапанъ и идутъ въ Скутари забирать оттуда войска Сулеймана.

дороги, на скатахъ лѣсистыхъ горъ, мы увидали вдали надъ нами Тырновъ. Дорога къ нему, вьющаяся въ гору, была вся запружена войсками и обозами 8-го корпуса: чтобы не стѣснять ихъ движеніе, мы спустились по довольно крутой дорогѣ внизъ къ Янтрѣ, переправились черезъ нее вбродъ, взобрались по головоломной тропинкѣ вверхъ и начали подниматься къ городу съ праваго берега. Когда горная тропинка расширилась настолько, что превратилась въ дорогу, Великій Князь приказалъ остановиться, подтянуться и упорядочить шествіе.

Двинулись въ городъ такъ: впереди—взводъ гвардейскихъ казаковъ, за ними—хоръ музыки; самъ Великій Князь, имѣя за собою свой значокъ и всю свиту, и въ заключеніе—эскадронъ лейбъ-гвардіи казачьяго его величества полка, имѣя пѣсенниковъ впереди.

Въ этомъ порядкѣ мы перешли черезъ высоко поднятый надъ р. Янтрою мостъ и вступили въ древнюю болгарскую столицу.

Мѣстоположеніе замѣчательно живописно. Впереди—синѣютъ Балканскія вершины; сзади—чудное ущелье Янтры замыкается только-что пройденными предгорьями. Цѣлый лабиринтъ узкихъ улицъ вьется по скатамъ горъ. Дома дикокаменные, своеобразной южной постройки: верхніе этажи выступаютъ надъ нижними, а черепичныя крыши противолежащихъ домовъ почти сближаются, такъ что надъ головою—узенькая полоска неба. Въ нижнихъ этажахъ—только входныя двери, а всѣ окна глядятъ во дворы, которые или образуютъ террасы въ нѣсколько ступеней, или же прислоняются къ обрывистому берегу Янтры, шумящей глубоко внизу. Къ сторонѣ обрыва дворы ограждены низенькими каменными стѣнками. Въ верхнихъ этажахъ—или балконы, или окна съ желѣзными рѣшетками, но безъ стеколъ. Гдѣ лавки—тамъ нѣтъ дверей, а просто совершенно открытый нижній этажъ, задвигаемый на ночь наглухо.

Мостовая—крупный булыжникъ ступенями и ухабами, такъ что нашимъ непривычнымъ лошадямъ было очень тяжело. По чрезвычайной узкости улицъ, мы должны были ѣхать по городу гуськомъ, и шествіе наше тянулось часа два. Зато жители, въ полномъ составѣ высыпавшіе на улицы и на балконы, могли налюбоваться каждымъ русскимъ по одиночкѣ. Мнѣ нигдѣ еще не случалось видѣть такого воодушевленнаго и неудержимаго народнаго восторга. Надо было видѣть эти сіяющія счастьемъ лица, эту безпредѣльную благодарность въ блестящихъ глазахъ, эту очевидную и непоколебимую увѣренность, что съ нашимъ появленіемъ турецкое иго навсегда отошло въ область прошед-

шаго. Все населеніе поголовно, не исключая стариковъ и дѣтей, точно опьянѣло отъ восторга. На Великаго Князя смотрѣли какъ на сошедшее съ небесъ божество; на насъ — какъ на его архангеловъ.

Остановиться въ самомъ городѣ не было никакой возможности: мы бы никогда не нашли другъ друга въ этомъ лабиринтѣ узенькихъ, кривыхъ улицъ. Да и обозъ не могъ бы пройти: дойдя до города, онъ долженъ былъ его обогнуть. Поэтому рѣшено было стать лагеремъ за городомъ. Но по пути Великій Князь принялъ приглашеніе одного изъ мѣстныхъ жителей зайти къ нему въ домъ.

Устройство его очень оригинально. Съ улицы входишь на дворикъ, вымощенный плитами, и оттуда прямо въ верхній этажъ, самый высокій и просторный. Съ того же дворика спускается крутая лѣстница въ средній этажъ, болѣе низкій, а оттуда — лѣстница въ нижній этажъ, самый низенькій и тѣсный. Изъ нижняго этажа—выходъ въ садикъ, огороженный каменною стѣнкою отъ обрывистаго ущелья, въ которомъ течетъ Янтра: изъ садика—головоломно-крутыя ступеньки къ водѣ.

Внутри дома чрезвычайно опрятно: стѣны чисто выбѣлены, полы чисто вымыты. Мебели мало: столы [1]) и деревянныя скамейки, наглухо укрѣпленныя вдоль стѣнъ и покрытыя плохонькими коврами. Шкафы и шкафчики вдѣланы въ стѣны. На окнахъ занавѣсы изъ бумажной бѣлой матеріи. И на кухнѣ очень чисто. Подали мѣстное вино, бѣлое и красное, овечій сыръ и хлѣбъ двухъ сортовъ: смѣсь пшеничной муки съ кукурузною и пшеничной съ ячменною.

По части съѣстного въ Тырновѣ (да и во всѣхъ почти пройденныхъ нами селахъ)—замѣчательное изобиліе. Городъ по собственному желанію кормилъ и поилъ на свой счетъ весь отрядъ Гурко (10 бат., 22 эск. и 32 оруд.—около 10.000 чел.). Даже теперь, во время дальнѣйшаго слѣдованія въ горахъ, Гурко продолжаетъ жить средствами страны. Изъ этого видно, какъ ошибочны были наши свѣдѣнія о нищенскомъ положеніи Болгаріи. Экономическое благоденствіе болгаръ—недосягаемый идеалъ для нашихъ крестьянъ. Тяжесть турецкаго ига совсѣмъ не въ экономическомъ гнетѣ, а въ полной неограждениости имущества, жизни и чести. Сегодня болгаринъ благоденствуетъ, а завтра—ни съ того, ни съ сего—либо отнимутъ жену или дочь, либо самого ограбятъ, изувѣчатъ или убьютъ. Вотъ почему они

[1]) Столы были покрыты цвѣтными бумажными скатертями и салфетками.

въ такомъ восторгѣ отъ нашего прихода, тѣмъ болѣе, что Тырновъ имѣетъ въ глазахъ народа особое значеніе, какъ древняя болгарская столица, и къ тому же въ прежнія войны русскія войска здѣсь не бывали: отрядъ Гурко былъ первый.

Замѣчательна любовь болгаръ къ родинѣ. Здѣсь много мужчинъ и женщинъ, получившихъ среднее и даже высшее образованіе въ Россіи: въ разныхъ университетахъ, медицинской академіи, технологическомъ институтѣ, институтѣ путей сообщенія. Почти всѣ они вернулись на родину, на служеніе своему народу, несмотря на то, что рисковали жизнью: въ случаѣ какихъ-либо замѣшательствѣ, турки прежде всего хватаютъ и убиваютъ людей образованныхъ. Я спрашивалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ: какимъ чудомъ Тырновъ уцѣлѣлъ, никто не ограбленъ, не убитъ, никого даже не разорили и не пожгли? Болгары это объясняютъ такъ: до нашей переправы турки находили нужнымъ ихъ задобрить; а когда переправа совершилась, то на туровъ напалъ страхъ, и они немедленно и исключительно занялись приготовленіями къ бѣгству. И дѣйствительно, только-что они успѣли уложиться, какъ пришло извѣстіе, что русскіе идутъ. Тогда началась настоящая паника. А когда открыла огонь наша конная артиллерія и спѣшенные драгуны начали наступать—турецкій отрядъ бросилъ свой лагерь и обозъ и обратился въ безпорядочное бѣгство. Между тѣмъ, какъ легко весь нашъ отрядъ (и не то что одна кавалерія) могъ быть задержанъ въ Тырновскомъ ущельи самыми незначительными силами! Вотъ что̀ значитъ паника. Пройдя весь городъ, мы расположились на мѣстѣ стараго турецкаго лагеря, на скатѣ красивой горы, утопающей въ зелени. На прелестной лужайкѣ, въ тѣни деревьевъ—ставка главнокомандующаго; Непокойчицкій, Левицкій и я расположились въ оставленномъ турецкомъ домѣ по близости; въ другомъ такомъ же домѣ, почти рядомъ — великокняжеская столовая; вокругъ, въ живописномъ безпорядкѣ, палатки чиновъ главной квартиры. По скату горы, террасами—виноградники.

Домъ нашъ деревянный, чистый; полъ глинобитный; окна безъ стеколъ, такъ что мы все равно что на воздухѣ.

2 іюля, суббота.—Сегодня получена телеграмма Государя изъ Зимницы: завтра выступаетъ, ночуетъ въ Царевице и въ понедѣльникъ, 4-го, остановится въ Павло; съ нетерпѣніемъ ожидаетъ извѣстій отъ барона Криденера (командира 9-го армейск. корпуса). Мы—тоже.

На слѣдующій день, получено донесеніе Гурко изъ Хаин-

кіоя отъ двухъ часовъ вчерашняго дня: 1-го іюля, въ 5½ ч. вечера, голова передового отряда дошла до вершины перевала. Подъемъ отъ д. Паровцы былъ весьма тяжелъ, и артиллерія поднималась съ большимъ трудомъ, такъ что еще 2-го іюля въ пять часовъ утра хвостъ колонны не поднялся на перевалъ: позади еще оставались драгунская бригада, двѣ сотни казаковъ, два орудія и четыре ящика. Два конныхъ орудія оборвались и упали съ лошадьми въ кручу, но были вытащены. Еще 1-го іюля вечеромъ Гурко спустился съ перевала со всею пѣхотою, четырьмя казачьими сотнями и всею горною артиллеріею; остальная кавалерія была остановлена на перевалѣ. Ночевалъ съ пѣхотою въ ущельи, въ пятнадцати верстахъ отъ дер. Хаинкіой, а 2-го іюля, въ шесть часовъ утра, двинулся далѣе. Дорога очень тяжела, особенно послѣднія пять-шесть верстъ. Девятифунтовыя орудія едва ли пройдутъ по этому ущелью, а обозы—положительно не могутъ. Около десяти часовъ утра вышелъ изъ ущелья и нашелъ, что д. Хаинкіой занята всего 300 чел. анатолійскаго низама, которые были захвачены врасплохъ. Какъ только два горныхъ орудія съ пластунами открыли огонь—турки бросили свой лагерь и бѣжали. Четыре казачьи сотни посланы къ Казанлыку, чтобы отрѣзать имъ путь отступленія. За неимѣніемъ подъ рукою кавалеріи, находившейся еще въ горахъ, пришлось преслѣдовать только пѣхотою, для чего посланы два баталіона съ двумя горными орудіями. Потеря: убитъ одинъ казакъ, ранены одинъ пластунъ, одинъ стрѣлокъ и три казака. Обстановка еще не выяснилась, такъ что Гурко пока не можетъ донести, что̀ именно предприметъ.

Это первое донесеніе о переходѣ черезъ Балканы было сообщено телеграммою Государю.

На слѣдующій день получена отвѣтная телеграмма Государя изъ Царевице. „Ура! Поздравляю тебя и всѣхъ нашихъ молодцовъ съ переходомъ передового отряда черезъ Балканы и занятіемъ Хаинкіоя. Я увѣренъ, что извѣстіе это произведетъ огромное впечатлѣніе на турокъ и въ самомъ Константинополѣ. Здѣсь все утро (т.-е. 3-го іюля) была слышна пальба около Никополя. Съ нетерпѣніемъ жду извѣстій отъ Криденера и пріѣзда князя Имеретинскаго“ [1]).

5 іюля, вторникъ.—Получена телеграмма Государя изъ Павло

[1]) Свиты его величества генералъ-маіоръ князь Имеретинскій былъ командированъ Государемъ Императоромъ въ 9-й арм. корпусъ для присутствованія при штурмѣ Никополя.

отъ девяти часовъ вчерашняго вечера: „Сейчасъ прибылъ свиты моей генералъ Толстой съ словеснымъ донесеніемъ о славномъ взятіи Никополя и привезъ съ собою плѣннаго Гассанъ-Пашу. Потери значительны, но еще не приведены въ извѣстность. Шаховскому [1]) приказалъ продолжать завтра движеніе по данному маршруту. Завтра отслужимъ здѣсь молебенъ. Дай Богъ, чтобъ Гурко удалось занять Казанлыкъ. Твои предположенія одобряю“.

Вслѣдъ за этою телеграммою получена еще одна, отъ двухъ часовъ сегодня: „Благодарю за телеграмму и письменныя донесенія Гурко. Дай Богъ ему подобный же успѣхъ и впредь. Генералу Криденеру посылаю Георгія 3-й степени, вполнѣ имъ заслуженнаго, и приказаніе ускорить представленіе отличившихся. Саша [2]) начнетъ завтра. Предполагаю остаться покуда здѣсь и перейти потомъ въ Бѣлу. Сегодня отслужили молебенъ. Жара ужасная. Укомплектованіе въ гвардейскую пѣхоту [3]) прибыло“.

Вечеромъ, въ четвергъ, 7-го іюля, прибылъ въ Тырновъ великій князь Николай Николаевичъ Младшій съ извѣстіемъ о захватѣ Шипкинскаго прохода. Великій Князь главнокомандующій немедленно (въ $11^1/_2$ часовъ вечера) самъ составилъ и послалъ Государю въ Павло слѣдующую телеграмму:

„Ура! Поздравляю! Шипкинскій проходъ сегодня у насъ въ рукахъ: Николаша сію минуту прибылъ съ этимъ радостнымъ извѣстіемъ. Перевалъ занятъ въ эту минуту орловскимъ полкомъ и двумя орудіями. Въ 4 часа дня войска Гурко были въ виду орловскаго полка. Турки бѣжали на западъ, побросавъ свои 3 знамени и 8 орудій. Паника у нихъ огромная, бросали оружіе. Ихъ было 14 таборовъ. Гуркинъ лагерь виденъ съ Шипки. Къ нему Мирскій [4]) послалъ моего ординарца Цурикова. Сегодня боя не было: турки всюду безъ выстрѣла бѣжали. 5-го іюля орловскій полкъ дрался съ неимовѣрнымъ мужествомъ противъ этихъ 14-ти таборовъ. Въ полкахъ орловскомъ и 30-мъ казачьемъ около 100 убитыхъ и 100 раненыхъ; офицеровъ убито 2, ранено 4“.

8 іюля, пятница.—Получивъ ночью болѣе подробныя донесенія, Великій Князь сегодня утромъ опять собственноручно телеграфировалъ Государю въ Павло: „Имѣю счастіе поздра-

---

[1]) Командиръ 11-го армейскаго корпуса.

[2]) Наслѣдникъ-Цесаревичъ.

[3]) Т.-е. въ сводный гвардейскій конвой его величества.

[4]) Начальникъ 9-й пѣхотной дивизіи, генералъ-адъютантъ князь Святополкъ-Мирскій 2-й.

вить ваше величество съ переходомъ черезъ Балканы и занятіемъ трехъ переваловъ. Послѣ лихого занятія 25 іюня генераломъ Гурко съ одною кавалеріею древней болгарской столицы Тырново, я двинулся лично съ 8-мъ корпусомъ въ Балканы, занялъ 9-ю пѣхотною дивизіею Тырновъ и окрестности. 30-го же іюня двинулъ генерала Гурко съ передовымъ отрядомъ на Хаинкіойскій перевалъ. 1-го іюля войска перешагнули Балканы, послѣ неимовѣрныхъ трудовъ, безъ выстрѣла. Со 2-го по 6-е іюля включительно передовой отрядъ имѣлъ каждодневно блистательныя дѣла, двинулся вверхъ по долинѣ Тунджи, стремясь съ юга достигнуть и овладѣть главнымъ переходомъ у Шипки. Съ боя былъ взятъ 2-го іюля Хаинкіой и д. Конаро. 3-го іюля непріятель былъ разбитъ у д. Оризари и уничтоженъ телеграфъ въ Іени-Загрѣ. 4-го, было жаркое дѣло у д. Уфлани; 5-го, взяты съ боя г. Казанлыкъ и д. Шипка. Въ то же время посланный мною въ Габрово орловскій пѣхотный полкъ съ 30-мъ донскимъ полкомъ атаковали 5-го іюля сильно укрѣпленный Шипкинскій проходъ съ сѣвера. Явивъ подвиги геройства, мужества и неутомимости, заняли лѣвымъ флангомъ, подъ начальствомъ командира 30-го донского казачьяго полка полковника Орлова, перевалъ Янину. Центръ и правый флангъ, сбивъ непріятеля съ нѣсколькихъ позицій штыками и прикладами, не могъ однако занять самый перевалъ, ибо эта трудная укрѣпленная мѣстность была сильно занята 14 таборами. 7-го іюля, князь Мирскій, узнавъ, что Гурко занялъ 5-го вечеромъ д. Шипку, рано утромъ двинулся снова впередъ. Тогда непріятель не выдержалъ и побѣжалъ съ перевала безъ выстрѣла, въ паникѣ, къ западу по долинѣ, бросивъ свой лагерь, орудія и знамена. Итакъ, благодаря мужеству и неутомимости славнаго и молодецкаго войска вашего величества, трудный переходъ черезъ Балканы совершенъ: три прохода въ нашихъ рукахъ, заняты въ эту минуту 9-ю пѣхотною дивизіею, а передовой отрядъ Гурко уже недѣлю находится на той сторонѣ горъ".

Сегодня вечеромъ полученъ отвѣтъ Государя уже изъ Бѣлы: „Ура! поздравляю съ занятіемъ Шипки и Казанлыка. Былъ встрѣченъ этою радостною вѣстью въ Бѣлѣ. Передай мое спасибо всѣмъ начальникамъ, офицерамъ и нижнимъ чинамъ, равно и отряду Жеребкова" [1]).

9 іюля, суббота.—Неожиданно получена краткая телеграмма

---

[1]) Командиръ лейбъ-гвардіи казачьяго полка.

барона Криденера о неудачѣ вчерашней атаки Плевны отрядомъ Шильдеръ-Шульднера [1]); отбитъ турками съ большими потерями. Немедленно донесено Государю въ Бѣлу, и сегодня же полученъ его отвѣтъ: „Крайне сожалѣю о неудачахъ генерала Шильдера и о большихъ потеряхъ. Надѣюсь, съ прибытіемъ подкрѣпленій можно будетъ возобновить атаку Плевны. Саша [2]) доноситъ отъ 9-го, что непріятель отступилъ отъ Кадыкіоя подъ покровительство рущукскихъ фортовъ, гдѣ замѣтны 4 большіе лагеря, каждый на 8 — 10 таборовъ. Я высказалъ князю Гикѣ [3]) мое крайнее неудовольствіе за неисполненіе румынскими войсками твоихъ приказаній [4]). Какія извѣстія объ Эженѣ [5]) и Сандро?“ [6])

Получена телеграмма, въ воскресенье, 10 іюля, отъ военнаго министра, что просьба Великаго Князя о подкрѣпленіяхъ предупреждена Государемъ: уже повелѣно выслать изъ Россіи на присоединеніе къ дѣйствующей арміи: 2-ую и 3-ью пѣхотныя дивизіи, 3-ью стрѣлковую бригаду и 2-ую казачью дивизію.

Отъ Государя изъ Бѣлы получено двѣ телеграммы:

1) „Николаша [7]) прибылъ: далъ ему золотую саблю. Струкова [8]) произвелъ въ генералъ-маіоры въ свою свиту, но съ оставленіемъ покуда при тебѣ. Подробное донесеніе [9]) прочелъ съ истиннымъ удовольствіемъ. Передай всѣмъ нашимъ молодцамъ мое сердечное спасибо. Я ими горжусь. Ты увидишь, что я предупредилъ твое желаніе“ [10]).

2) „Получивъ всѣ твои вчерашнія телеграммы [11]) и выслушавъ словесныя приказанія, данныя князю Кантакузину [12]), нахожу болѣе чѣмъ когда-либо необходимымъ, чтобы мы были вмѣстѣ. Предоставляю твоему усмотрѣнію выборъ мѣста для нашей главной квартиры; желательно, чтобы оно было болѣе

---

[1]) Начальникъ 5-й пѣхотной дивизіи.

[2]) Наслѣдникъ-Цесаревичъ.

[3]) Румынскій уполномоченный.

[4]) Какихъ именно—не знаю. Иногда Великій Князь посылалъ Государю письма и телеграммы, не оставляя черновыхъ и никому не сообщая ихъ содержанія.

[5]) Князь Евгеній Максимиліановичъ Романовскій.

[6]) Принцъ Александръ Баттенбергскій, впослѣдствіи князь болгарскій. Оба находились въ передовомъ отрядѣ Гурко.

[7]) Великій князь Николай Николаевичъ Младшій.

[8]) Адъютантъ Великаго Князя Главнокомандующаго.

[9]) О дѣйствіяхъ передового отряда Гурко.

[10]) О присылкѣ подкрѣпленій изъ Россіи.

[11]) Телеграммы эти мнѣ были неизвѣстны.

[12]) Полковникъ генеральнаго штаба, состоящій при Великомъ Князѣ для порученій.

центральное, такъ какъ Тырновъ находится въ самой южной оконечности".

Чтò отвѣчалъ на это Великій Князь—мнѣ неизвѣстно: но изъ тона его разговоровъ видно, что перспектива совмѣстнаго пребыванія обѣихъ главныхъ квартиръ ему совсѣмъ не улыбается. Я предложилъ сегодня телеграфировать во всеобщее свѣдѣніе о постигшей насъ неудачѣ подъ Плевной, дабы не подавать повода къ разговорамъ, что неудачи скрываются. Великій Князь и Непокойчицкій согласились.

По дипломатическимъ свѣдѣніямъ, Англія уже давно ухаживаетъ за Австріей, стремясь заручиться ея союзомъ противъ насъ и вдвоемъ вмѣшаться въ войну. Но Австрія не поддается, и гр. Андраши отыгрывается отъ Англіи общими фразами, ни къ чему не обязывающими. Австрійцы вовсе не расположены впутываться въ войну, ибо имъ заранѣе дано два обѣщанія: 1) не привлекать безъ особой крайности къ военнымъ дѣйствіямъ Сербію и не проходить черезъ ея территорію; 2) предоставить Австріи, по окончаніи войны, присоединить Боснію и часть Герцеговины. О существованіи этого соглашенія публика не знаетъ, и потому австрійская, а въ особенности венгерская печать—неистово нападаетъ на Россію и взываетъ о вооруженномъ заступничествѣ за туровъ въ союзѣ съ Англіей, которой тоже ничего неизвѣстно о секретномъ договорѣ. Но вся эта газетная шумиха ничего не стоитъ и посвященныхъ въ тайну людей (коихъ очень немного) нимало не безпокоитъ. Зажигательными воинственными статьями австро-венгерскихъ газетъ мы не интересуемся, но за англійскими—внимательно слѣдимъ. Впрочемъ, одна Англія не опасна: никогда не сунется въ войну безъ союзниковъ, а ограничится лишь враждебными интригами и угрожающими морскими демонстраціями, которыми смѣло можно пренебрегать.

Полагаю, что послѣ перваго же крупнаго военнаго успѣха (побѣда въ открытомъ полѣ надъ значительными силами, или взятіе Рущука) турки сами запросятъ мира, и война кончится, если они согласятся на образованіе изъ сѣверной Болгаріи вассальнаго княжества и на административную автономію Болгаріи забалканской. По всему видно, что мы этимъ удовольствуемся, такъ какъ у насъ уже теперь замѣтно общее разочарованіе въ болгарахъ, отъ самыхъ высшихъ сферъ до простыхъ солдатъ. Во-первыхъ,—не оказалось пресловутаго разоренія, а напротивъ, такое благосостояніе, до котораго, повторяю, русскимъ крестьянамъ какъ до звѣзды небесной далеко. Во-вторыхъ, разсчетъ на активное соучастіе болгаръ совершенно не оправдался. Въ высшихъ

сферахъ были убѣждены, что добровольцы повалятъ массами отовсюду: только поспѣвай формировать новыя дружины. Между тѣмъ, даже на пополненіе шести существующихъ не поступило изъ болгаръ, до сихъ поръ, ни одного человѣка. Вмѣсто ожидаемой воинственности, мы нашли робость, весьма естественную въ народѣ, который 450 лѣтъ томится въ безправномъ рабствѣ. Хорошіе задатки (трудолюбіе, бережливость, трезвость) въ народѣ несомнѣнно есть и на свободѣ разовьются очень быстро: но мы вѣдь нетерпѣливы и всегда ждемъ, чтобы все сдѣлалось по щучьему велѣнью, сейчасъ же,—и по нашему хотѣнью.

Такъ какъ прежній освободительный пылъ такъ скоро охладѣлъ, то трудно ожидать, чтобы мы захотѣли доводить до полнаго разрушенія Турцію. Вѣрнѣе, что мы болѣе склонны предоставить ей разваливаться помаленьку самой, тѣмъ болѣе, что еще очевидно не пришло время рѣшать главный вопросъ: кому владѣть проливами? У насъ вѣдь флота на Черномъ морѣ нѣтъ.

До сихъ поръ еще не рѣшено, что̀ будемъ дѣлать съ Рущукомъ: осаждать, бомбардировать или просто блокировать, ибо совершенно неизвѣстно, что̀ предприметъ турецкая шумлинская армія, о численности которой у насъ также нѣтъ достовѣрныхъ свѣдѣній. По свѣдѣніямъ изъ Лондона, отъ нея двинуты значительныя подкрѣпленія за Балканы; но это—вопросъ: такъ ли это?

М. Газенкампфъ.

ПО СОВѢСТИ

РОМАНЪ

ИЗЪ ПОМѢЩИЧЬЕЙ ЖИЗНИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

XII *).

Отношенія Новодубскаго къ Настѣ продолжались попрежнему. Ему не могла не приходить часто мысль, что эти отношенія непрочны и что должно когда-нибудь придти время разрыва. Онъ ее любилъ, конечно, не съ тѣмъ пыломъ первой любви, которая вначалѣ его постоянно влекла въ молочную, и потому сдѣлался осторожнѣе. Одно время онъ даже думалъ, что тѣмъ дѣло и кончится и что связь прекратится сама собою; но, внимательно присмотрѣвшись къ Настѣ, онъ не могъ не убѣдиться, что она относилась къ нему иначе. Часто онъ видѣлъ у нея заплаканные глаза именно тогда, когда самъ чувствовалъ себя передъ ней виноватымъ въ нѣкоторомъ пренебреженіи. Послѣ пріѣзда матери и сестры, онъ большія усилія прилагалъ къ тому, чтобы ихъ отношенія остались для нихъ скрытыми, и Настѣ раза два говорилъ о необходимости тайны.

— Не лучше ли разойтись совсѣмъ, Григорій Аполлоновичъ?—спросила она его.—Я чувствую, что я вамъ не пара и что лучше все это бросить. Вамъ же спокойнѣе будетъ.

Григорій Аполлоновичъ понялъ по ея выраженію, что она говоритъ это чистосердечно и что его спокойствіе, дѣйствительно,

---

*) См. выше: мартъ, стр. 59.

для нея важнѣе всего, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ ея голосѣ онъ замѣтилъ столько печали, что испугался за нее.

— Настя, голубушка моя, не говори ты мнѣ о томъ, что я тебя брошу! Я тебя никогда не брошу. Развѣ ты не понимаешь, что это, наконецъ, оскорбительно для меня? Я для тебя же, для твоей же пользы совѣтую тебѣ быть осторожнѣе, а ты мнѣ приписываешь какія-то мысли, которыхъ у меня вовсе нѣтъ.

Когда Настя была грустна,—а это случалось часто,—Григорій Аполлоновичъ чувствовалъ къ ней большую жалость и твердо рѣшался ее не бросать никогда. Мысль о возможности рожденія ребенка не могла, конечно, не приходить ему часто на умъ, но онъ почему-то отбрасывалъ ее, какъ невозможную, и даже ухитрялся на ней не останавливаться.

Иногда онъ задавалъ себѣ вопросъ о своемъ чувствѣ къ Настѣ и добросовѣстно самъ себѣ отвѣчалъ, что любитъ ее. Перемѣну, въ немъ происшедшую, онъ объяснялъ естественной эволюціей любви, убѣжденный, что страсть недолговѣчна и должна пройти, и чувство привычки и жалости называлъ тихою любовью.

Наталья Владиміровна, хотя и говорила постоянно сыну и другимъ, что въ его дѣла не вмѣшивается и что онъ уже не маленькій, что долженъ своимъ умомъ жить,—тѣмъ не менѣе очень внимательно слѣдила чуть не за всякимъ его шагомъ. Управляющаго и другихъ служащихъ она какъ бы нечаянно спрашивала о немъ и тѣмъ выпытывала то, что̀ ей было нужно.

Въ особенности разныя сплетни ей передавала фельдшерица Аглаида Петровна, тоже, конечно, ради пользы Григорія Аполлоновича.

— Вы знаете, Наталья Владиміровна, какъ я предана вамъ и всему вашему семейству. Григорія Аполлоновича я прямо-таки за родного считаю. Онъ такой добрый, такой добрый... Мнѣ ужасно жалко бываетъ, когда люди злоупотребляютъ его добротой.

— А что̀? Вы что-нибудь знаете? Вы скажите...

— Нѣтъ, зачѣмъ! Еще дойдетъ до него... Я не хочу...

— Да нѣтъ же, дорогая Аглаида Петровна, если вы дѣйствительно любите моего несчастнаго Гри-Гри, вы должны мнѣ сказать все, что̀ вы знаете... Вѣдь у него кромѣ матери никого нѣтъ близкихъ. Я могу его какъ-нибудь предупредить.

— Вотъ вы ему и скажете...

— Да нѣтъ же. Во всякомъ случаѣ, я васъ не назову. Кажется, вамъ нечего бояться моей нескромности...

И Аглаида Петровна сообщала Новодубской, что садовникъ или староста обкрадываетъ Григорія Аполлоновича, который ввѣрился въ него. Всему, что̀ она слышала, Наталья Владиміровна вѣрила безусловно, намеками старалась предупредить сына и незамѣтно вселяла въ него недовѣріе къ старымъ, испытаннымъ служащимъ. Такой опалѣ подвергся, между прочимъ, Николай Өедоровичъ, самый старинный и вѣрный слуга Новодубскихъ. Когда при встрѣчѣ онъ кланялся старой барынѣ, какъ ее называли, она хотя и отвѣчала на его поклонъ, но не съ той улыбкой, которую она умѣла вызвать на своихъ губахъ, когда кланялась какому-нибудь любимцу своему или просто человѣку, къ которому относилась безразлично, или котораго вовсе не знала.

Естественно, что не могли остаться скрытыми отъ Новодубской отношенія Григорія Аполлоновича къ Настѣ. Первые намеки на эти отношенія были ей сдѣланы Полей, привезенной изъ Петербурга горничной. Когда Полѣ приходилось заходить въ молочную за молокомъ, за сливками или за варенцомъ, она возвращалась, какъ бы улыбаясь.

— Ты что̀ смѣешься, Поля?

— Да такъ, ваше высокопревосходительство, ничего.

— Да нѣтъ, ты скажи. Я вижу же, что ты смѣешься.

— Я такъ, барыня. Видѣла Настасью Петровну, и мнѣ смѣшно стало.

— Коровницу?

— Сестру маслодѣлки, Анисьи Петровны.

— Ну чтожъ?

— Да, вотъ, мнѣ смѣшно показалось. Она все сама старается показать, что работаетъ. Въ особенности когда я прихожу.

— Я ничего не понимаю. Ну и пускай себѣ работаетъ. Коровница,—что̀ въ этомъ смѣшного?

— Я слышала, Григорій Аполлоновичъ ей запрещаютъ работать.

Новодубская поняла, что Поля это говоритъ не спроста, и нашла нужнымъ ее остановить.

— Я прошу мнѣ сплетенъ не передавать и не дѣлать грязныхъ намековъ.

Поля ушла сконфуженная. А Новодубская направилась въ комнаты дочери.

— Твой бѣдный братъ все опускается и опускается.

— А что, мама?

— Да тутъ какая-то ужъ коровница есть. On dit que c'est sa maitresse. Ты ее знаешь?

— Анисью Петровну?

— Нѣтъ. Ея сестру,—Настькой, кажется, ее звать.

— Настю. Знаю. Она каждый разъ мнѣ и Анѣ молока даетъ, когда мы заходимъ въ молочную. Elle est gentille.

— Gentille, gentille. Я тебѣ говорю, qu'elle est la maitresse de Gri-Gri! А ты... gentille!

— А ты отъ кого это узнала?

— Отъ кого бы ни узнала. Мнѣ стали въ лицо смѣяться.

За вечернимъ чаемъ Григорій Аполлоновичъ замѣтилъ сейчасъ, что его мать имъ недовольна.

— Что съ тобой, мама? Ты какъ будто не въ духѣ?

— Ничего ровно нѣтъ со мной. Тебѣ это все кажется. Да мало ли что со мной можетъ быть. Ты, повидимому, на это обращаешь довольно мало вниманія.

Послѣ чая Новодубскій спросилъ сестру, почему мать съ нимъ холодна; но и графиня Линденъ не сочла удобнымъ про это говорить, и онъ остался при своемъ недоумѣніи.

Нѣсколько дней подъ-рядъ продолжалось холодное отношеніе Новодубской къ сыну. Разъ она какъ будто проговорилась и сказала ему, чтоваренецъ плохъ.

— Вѣроятно, твои коровницы плохо занимаются своимъ дѣломъ,—замѣтила она.

„Неужели мама догадывается?—подумалъ онъ.—Неужто кто ей сказалъ про Настю?.. Нѣтъ, быть не можетъ".

Но вечеромъ того же дня ему пришлось убѣдиться, что его секретъ раскрытъ. Когда солнце уже заходило, онъ увидалъ, что мать и сестра его пошли въ садъ прогуляться. Онъ захотѣлъ посмотрѣть, что сдѣлалъ за день садовникъ, прививавшій яблони, и рѣшилъ присоединиться къ ихъ компаніи. Только завернули они за уголъ аллеи, какъ имъ навстрѣчу показалась Настя. Она каждый день изъ молочной вечеромъ ходила въ контору записать дневной удой и что сдѣлано было за день по молочной. Чтобы не проходить мимо палисадника, гдѣ обыкновенно сидѣли Новодубскіе, и какъ можно рѣже попадаться имъ на глаза, она предпочитала ходить черезъ садъ.

Разойтись, чтобы не встрѣтиться, было невозможно; повернуть назадъ, во избѣжаніе встрѣчи, тоже не хотѣлось. Она смѣло пошла впередъ. Проходя мимо Новодубскихъ, она поклонилась. Григорій Аполлоновичъ, которому тоже эта встрѣча

была не по сердцу, притворно-холодно отвѣтилъ на ея поклонъ. Немного нагнула голову и графиня, какъ будто стараясь удержаться отъ набѣжавшей улыбки. Наталья же Владиміровна, очевидно, намѣренно отвернулась и не нашла ничего лучшаго, какъ указать дѣтямъ на прелесть вечера.

— Что за чудный закатъ солнечный! — сказала она, хотя закатъ былъ самый обыкновенный и хотя съ того мѣста, гдѣ они находились, его совсѣмъ не было видно.

— Да, хорошъ,—смущенно отвѣтилъ Новодубскій.

Графиня улыбнулась и не отвѣтила.

„Ну, да, конечно, мама все знаетъ, — подумалъ Григорій Аполлоновичъ.—Кто могъ ей про это разсказать? Неужели Аглаида Петровна“?

Ему это было въ высшей степени непріятно. Онъ понялъ, что и холодность его матери по отношенію къ нему, проявившаяся за послѣдніе дни, и необычное для нея грубое отношеніе къ Настѣ, происходили отъ того, что ей очень не по сердцу пришлась его связь съ Настей.

У Натальи Владиміровны встрѣча съ молодой дѣвушкой тоже вызвала досаду, тѣмъ болѣе, что она только утромъ говорила дочери, что не надо дѣлать вида, что онѣ знаютъ про это.

— О! еще много горя мы увидимъ отъ него. Но я крѣпко думала объ этомъ. Я ничѣмъ тутъ помочь не могу. Онъ, все равно, меня не послушаетъ. Нужно сдѣлать видъ, что мы ничего не знаемъ.

И Наталья Владиміровна вздохнула.

Теперь она не выдержала. Поклониться она собиралась, но ей помѣшало чувство брезгливости къ распутной, какъ она думала, дѣвкѣ. Она, быстро сообразивъ, нашла тотчасъ предлогъ, чтобы отвернуться. Но поняла сейчасъ же, что ея уловка не удалась, и немедленно перешла на другую тему, опять сдѣлавъ видъ, что только-что вспомнила нѣчто очень важное.

Графиня Линденъ тоже, конечно, замѣтила маневръ матери, но не раздѣляла ея чувства брезгливости по отношенію къ дѣвушкѣ. Ей даже какъ бы понравилось, что у ея брата романъ, и при томъ такой, что дурныхъ для него послѣдствій имѣть не можетъ. Дурными же послѣдствіями она считала женитьбу, которая могла бы повредить его и безъ того незавидному положенію въ обществѣ. Когда мать возмущалась безнравственностью сына, графиня не видѣла поводовъ негодовать.

— Cela ne tire pas à conséquence,—отвѣчала она матери.

— Удивляюсь, Нелли, какъ ты легко стала смотрѣть на вопросы нравственности!

— Неужели ты думала, мама, что Гри-Гри будетъ жить монахомъ?

— Я этого не думала и не думаю. Но тутъ же, на глазахъ... C'est tout simplement indécent. Ѣздилъ бы себѣ въ городъ и дѣлалъ бы что̀ хотѣлъ... да, наконецъ, вспомнилъ бы, что у него мать, сестра... Надо же приличіе соблюдать.

Яблонная школа была недалеко, и такъ какъ всѣ чувствовали себя неловко, Григорій Аполлоновичъ для виду задалъ нѣсколько вопросовъ садовнику и, не вникая въ суть отвѣтовъ, вернулся домой.

Поздно вечеромъ Григорій Аполлоновичъ зашелъ въ молочную. Анисья Петровна и Настя сидѣли за столомъ. Несмотря на полумракъ, бывшій въ комнатѣ отъ лампочки съ зеленымъ абажуромъ, онъ сразу замѣтилъ, что у Насти были заплаканные глаза. Сестры встали при его входѣ. Онъ хотѣлъ незамѣтно для Анисьи Петровны вызвать Настю въ садъ. Но та сама, придравшись къ пустому вопросу Новодубскаго о количествѣ готоваго сыра, сдѣлала видъ, что ей надо сходить на ледникъ, да еще пройти въ контору, взять у Павла Трофимовича какую-то справку, и оставила ихъ вдвоемъ. Григорій Аполлоновичъ сѣлъ и началъ барабанить по столу. Настя продолжала стоять, вертя въ рукахъ уголъ своего фартука. Прошло минуты двѣ.

— Ты что̀ же стоишь, Настя? Садись!—сказалъ Новодубскій.

Настя сѣла и продолжала молчать. Она фартукомъ обтерла глаза.

— Чего ты плачешь? Вѣдь ничего не случилось... такого...

— Григорій Аполлоновичъ... я думаю уѣхать. Генеральша узнала про меня... Вы видѣли?..

— Это что̀ еще ты вздумала?.. Зачѣмъ тебѣ уѣзжать?

— Вы думаете, я не замѣтила, какъ генеральша отвернулась, когда я ей попалась навстрѣчу. Она не хотѣла отвѣтить на мой поклонъ.

— Ты это такъ только себѣ воображаешь!..

— Говорите правду, Григорій Аполлоновичъ; вѣдь вы не могли не замѣтить, что она мнѣ не поклонилась и поторопилась отвернуться?

— Ну, положимъ, что и не поклонилась,—отвѣтилъ Новодубскій, не давая ей прямого отвѣта на ея вопросъ,—что̀ же въ этомъ?

— Такъ, вотъ, видите ли... Ясно, что она недовольна... Вамъ будутъ изъ-за меня постоянныя непріятности... Я не хочу... Лучше оставьте меня...

Настя начала пальцемъ расканывать дырочку въ суровой скатерти, лежавшей на столѣ. Слезы все чаще и чаще стали катиться изъ ея глазъ. Григорію Аполлоновичу стало жалко ея.

— Опять тебѣ повторяю: не говори мнѣ о томъ, чтобы намъ расходиться! Голубушка моя, неужели ты думаешь, что я тебя брошу?.. Какъ у тебя хватаетъ духу это говорить?

— Увидите, Григорій Аполлоновичъ... Не вы меня бросите— нужда броситъ.

— Ты глупости говоришь. Ничто въ мірѣ не заставитъ меня сдѣлать гадость. Да, наконецъ, я люблю тебя.

— Не такъ, какъ вначалѣ,—какъ бы про себя проговорила Настя.

— Еще больше, Настя. Прежде была страсть, а теперь— любовь.

— Почему же я все такъ же люблю васъ?

— Потому что ты—женщина. Женская любовь отличается отъ мужской.

— Женщина любитъ на вѣкъ, а мужчина—на время? Да?

— Страсть у мужчины скорѣй проходитъ, любовь дѣлается спокойнѣе, но привязанность еще сильнѣе бываетъ послѣ. Я къ тебѣ такъ привязанъ, какъ никогда, и потерять тебя было бы страшнымъ для меня несчастіемъ.

— Значитъ, страсть у васъ можетъ появиться къ другой, а меня жалѣете, какъ жалѣете Николая Өедоровича?

— Чтó за глупое сравненіе! Если ты не чувствуешь, что я люблю тебя, это только доказываетъ, что ты сама не знаешь, чего хочешь.

— Я-то знаю!..

И Настя опять расплакалась.

— Настя... родная моя... да не плачь же!.. Ты просто мучаешь меня... Знай, что я сумѣю тебя защитить отъ всякихъ нападокъ, и что я скорѣе самъ умру, чѣмъ тебя брошу... Да перестань же, Христа ради... Я тебѣ говорю... не о чемъ плакать.

— Вамъ изъ-за меня будутъ всякія непріятности...

— Ничего не будетъ... успокойся... Конечно, избѣгай встрѣчъ съ моей матерью и будь покойна. Я сумѣю тебя отстоять.

Долго еще онъ уговаривалъ Настю, и добился того, что она перестала плакать. Когда въ прихожей послышался дѣланный кашель Анисьи Петровны, они говорили уже о другомъ.

Слѣдующіе дни Наталья Владиміровна продолжала относиться къ Григорію Аполлоновичу холодно и, не говоря прямо

о его связи, весьма отдаленными намеками давала ему понять, чтò ее главнымъ образомъ безпокоитъ. О чемъ бы ни шелъ разговоръ, она умѣла находить отношеніе его къ Настѣ.

Графиня Линденъ разсказывала разъ за обѣдомъ, что получила письмо съ извѣстіемъ о предложеніи, сдѣланномъ ихъ дальнимъ родственникомъ одной изъ самыхъ богатыхъ и знатныхъ невѣстъ петербургскаго свѣта.

— Да, люди знаютъ,—замѣтила Новодубская,—гдѣ искать себѣ привязанностей. Не всѣ любятъ въ навозѣ копаться.

Это былъ очевидный намекъ на сына. Но возразить онъ ничего не могъ, такъ какъ ничье имя произнесено не было. За чаемъ подали землянику, причемъ сливки показались Натальѣ Владиміровнѣ недостаточно густыми. Она обратилась къ сыну:

— Ты, вѣрно, велишь подавать молоко, вмѣсто сливокъ? Или тебя самого не слушаютъ, мой бѣдный Гри-Гри?

Григорій Аполлоновичъ опять не могъ поднять брошенной ему перчатки, и долженъ былъ ограничиться замѣчаніемъ служившему человѣку, чтобы онъ велѣлъ брать на молочной болѣе густыя сливки.

Всякій разговоръ съ матерью принималъ этотъ непріятный для него оборотъ, и онъ сталъ избѣгать продолжительныхъ съ нею разговоровъ съ глазу-на-глазъ. Сестра его тоже чувствовала себя неловко, когда ей приходилось быть невольной свидѣтельницей раздражительности матери. Разъ даже Григорій Аполлоновичъ замѣтилъ, что она, при довольно рѣзкомъ замѣчаніи матери, умоляюще на нее посмотрѣла, какъ бы прося пощадить сына.

XIII.

Большой симпатіи къ сестрѣ Григорій Аполлоновичъ не питалъ. Между ними было всего четыре года разницы, но специфическая разница между воспитаніемъ дѣвочки и мальчика всегда препятствовала ихъ сближенію. Когда, мальчикомъ, онъ старался освободиться отъ зоркаго глаза своего гувернера, чтобы влѣзть на дерево или перелѣзть черезъ заборъ, Нелли была уже пріучена опускать глаза, когда ея взглядъ встрѣчался съ взглядомъ какого-нибудь мужчины, и считать всякое нѣсколько быстрое движеніе неприличнымъ. Онъ только-что брался за греческій языкъ, когда она уже начала выѣзжать въ свѣтъ и отъ мысли о туалетѣ переходила къ другимъ мыслямъ, менѣе невиннаго свойства. По выходѣ же ея замужъ, онъ съ ней не встрѣчался нѣсколько

лѣтъ, до ея разрыва съ мужемъ. Тутъ опять она произвела на брата невыгодное впечатлѣніе своею развязностью. Онъ чувствовалъ, что они идутъ разными дорогами, и не старался сблизиться. Когда же пошатнувшіяся дѣла заставили графиню вмѣстѣ съ матерью переѣхать въ Дубовку, она, повидимому, довольно охотно подчинилась своей участи. Желанье хоть на время отдохнуть послѣ свѣтскихъ удовольствій съ одной стороны и послѣ семейныхъ раздоровъ—съ другой, прекрасная весенняя природа и самый контрастъ между деревенскою тишиной и шумомъ ея прежней жизни—все это не только примирило ее съ новой, непривычной для нея обстановкой, но даже открыло ей въ этой новой для нея жизни особыя прелести.

Кромѣ того, Елена Аполлоновна была уживчиваго характера, и если ей пришлось разстаться съ мужемъ, то дѣйствительно потому, что, несмотря на свое происхожденіе, на свое воспитаніе и на свою наружность, онъ оказался невыносимымъ домашнимъ тираномъ. Благодаря этой уживчивости, она въ Дубовкѣ сумѣла установить съ матерью очень хорошія отношенія. Она почему-то считала свое пребываніе въ Дубовкѣ временнымъ и не вмѣшивалась въ домашнія распоряженія матери. Не могло для нихъ служить яблокомъ раздора и воспитаніе Ани. Порученная miss Maude, Аня очень рѣдко иначе какъ за столомъ видѣла свою мать, бабушку же почти совсѣмъ не видала. Участіе Елены Аполлоновны въ воспитаніи Анечки заключалось единственно въ надзорѣ за ея внѣшностью, манерами и умѣньемъ владѣть иностранными языками. Во всемъ этомъ Аня преуспѣвала, благодаря искусству miss Maude, а потому мать ея была спокойна относительно дочери.

Такъ же, какъ и Новодубская, графиня Линденъ не могла понять, какъ человѣкъ, рожденный въ ихъ семьѣ, можетъ искать себѣ удовлетворенія внѣ свѣтской жизни. Она поэтому брата считала оригиналомъ. У Новодубской дикость Григорія Аполлоновича вызывала чувство досады, потому что оскорбляла ея чувство материнской гордости. Старшимъ сыномъ она могла гордиться, и его карьера возбуждала зависть ея знакомыхъ; о Григоріѣ Аполлоновичѣ ей приходилось молчать, и когда ее о немъ спрашивали, она внутренно краснѣла. Графиня Линденъ сознавала дикость брата, относилась къ этой дикости равнодушнѣе, чѣмъ мать, такъ какъ не считала себя отвѣтственной за нее передъ свѣтомъ. Когда онъ, въ высокихъ личныхъ сапогахъ, возвращался съ работъ или сидѣлъ въ конторѣ, наблюдая за разсчетомъ крестьянъ, она, также какъ и мать, считала его не-

совсѣмъ нормальнымъ. Но мать болѣла и стыдилась за него, а сестра не прочь была надъ нимъ посмѣяться и въ глаза, и за глаза.

„Est-il drôle, ce pauvre Gri-Gri!“—думала она.

На Григорія Аполлоновича она произвела на свадьбѣ Дмитрія непріятное впечатлѣніе слишкомъ свободнымъ обращеніемъ съ мужчинами. Онъ ожидалъ отъ нея больше серьезности и сосредоточенности, въ особенности послѣ скандала съ мужемъ, надѣлавшаго немало шума въ свѣтѣ. Когда она переѣхала въ Дубовку, ихъ отношенія сдѣлались сразу довольно хорошими, можно сказать—дружелюбными. Часто они гуляли вмѣстѣ по саду и раза два ѣздили по полямъ въ шарабанѣ. Большія, ровныя поля показались графинѣ однообразными, а разсказы брата о различныхъ хлѣбахъ и объ обработкѣ земли—скучными. Мысль невольно уносила ее въ тотъ свѣтъ, который былъ ея стихіей и отъ шума котораго она только временно отдыхала.

Когда мать ей сообщила о связи брата съ Настей, она отнеслась къ этому съ тѣмъ же чувствомъ, какъ къ его личнымъ сапогамъ.

— Quel drôle de goût il a, ce pauvre garçon!

Наталья Владиміровна возмутилась его безнравственностью, которую видѣла, конечно, не въ самомъ фактѣ его увлеченія, а въ томъ, что онъ выбралъ себѣ предметъ увлеченія въ такой низкой сферѣ, которая, по ея мнѣнію, даже названія людей не носитъ. Кромѣ того, безнравственнымъ она находила прочность связи, и притомъ тутъ же, въ имѣніи, на глазахъ у всѣхъ служащихъ.

Графиня Линденъ не считала эту связь безнравственной, убѣжденная, что не могъ же ея братъ обойтись безъ связи, но удивлялась, какъ могла ему понравиться дѣвушка съ такими руками и такъ одѣтая, въ какую-то ситцевую кофточку и башмаки, похожіе на туфли.

— Нѣтъ!.. эта прическа, этотъ платокъ на головѣ, подвязанный подъ подбородкомъ и сползающій на затылокъ... и любовь! Pauvre Gri-Gri! Où l'amour va-t-il se nicher!..

При всемъ томъ, ей эта пастушеская, какъ она говорила, любовь казалась почти милой, и въ то время какъ ея мать, закинувъ голову назадъ и стиснувъ зубы, отворачивалась отъ Насти, ей хотѣлось поближе ее разсмотрѣть, поговорить съ ней. При этомъ она невольно ей улыбнулась. И послѣ этой встрѣчи, чѣмъ Наталья Владиміровна холоднѣе относилась къ сыну, тѣмъ графиня старалась съ нимъ быть любезнѣе и внести, по возможности, въ ея обращеніи къ нему задушевную нотку.

Григорій Аполлоновичъ замѣтилъ эту перемѣну въ сестрѣ и, приписавъ ее тому, что сестра не находитъ его связи съ Настей преступной, почувствовалъ, что въ ней онъ найдетъ себѣ союзника. Видя, что мать стала все больше и больше на него нападать, онъ рѣшился переговорить съ сестрой.

Графиня каждый день, послѣ утренняго кофе, ходила въ садъ и тамъ, въ тѣни, ложилась и читала. Съ собой она книгъ привезла не много и брала книги въ большой дубовской библіотекѣ. Эта библіотека собиралась въ теченіе трехъ поколѣній до Аполлона Николаевича, который, какъ мы видѣли, въ Дубовку не ѣздилъ. Книги, конечно, всѣ были старинныя. Елена Аполлоновна выбирала исключительно французскіе романы и мемуары, преимущественно изъ тѣхъ, на первыхъ страницахъ которыхъ была надпись, сдѣланная рукой ея бабушки: „Ce roman n'est pas pour les jeunes filles". Такъ она перечла старинный досрочный переводъ Боккаччіо, сказки Лафонтэна, „Похожденія Фоблаза" и многое другое въ этомъ родѣ. Когда попадалась книга скучная, она иногда надъ нею засыпала. Такое время, когда Григорій Аполлоновичъ зналъ, что онъ застанетъ сестру одну, онъ и выбралъ разъ, чтобы съ нею переговорить.

Когда онъ къ ней подошелъ, она быстро спрятала книгу, которую читала, но Новодубскій, занятый своими мыслями, этого и не замѣтилъ.

— Что̀ это ты, Гри-Гри, меня навѣстить вздумалъ?—спросила она.

Ему неловко было прямо приступить къ дѣлу, и онъ отвѣтилъ разсѣянно:

— Да шелъ мимо. Вижу, ты лежишь себѣ въ холодкѣ, ну, я и зашелъ. Ты что̀ читаешь?

— Такъ... взяла какую-то книжонку въ библіотекѣ. Не интересно...

— У тебя хорошо здѣсь. Я тебѣ не помѣшаю, коли посижу съ тобой?

— Нѣтъ... Чѣмъ же ты мнѣ помѣшаешь?.. Я очень рада...

Григорій Аполлоновичъ сѣлъ рядомъ съ сестрой и началъ какой-то разговоръ, не касающійся дѣла. Мало-по-малу онъ сталъ говорить объ ихъ житьѣ-бытьѣ въ деревнѣ и о томъ, что мать ихъ, повидимому, скучаетъ.

— Не знаю,—отвѣтила графиня.—мама, кажется, ничего. Конечно, à la longue, ей надоѣстъ. Она не можетъ помириться съ нѣкоторымъ недостаткомъ комфорта, къ которому она привыкла. Да затѣмъ, я по себѣ сужу, деревня хороша въ малень-

комъ количествѣ. А въ большомъ она, вѣроятно, станетъ— прости!—невыносима.

— Скажи, пожалуйста: ты замѣчаешь, какъ мама въ послѣднее время перемѣнилась? стала нервная... въ особенности со мной...

Графиня Нелли взглянула на брата. Ей хотѣлось узнать, такъ ли онъ ее спрашиваетъ, или вызываетъ на интимный разговоръ? Новодубскій въ одной рукѣ держалъ папиросу, а другою рвалъ высокіе стебли росшихъ тутъ злаковыхъ растеній. Онъ на сестру не смотрѣлъ, изъ чего она и заключила, что онъ затѣялъ разговоръ не спроста. Она отвѣтила, стараясь поймать его взглядъ:

— Замѣчаю. А что̀?

— Но ты знаешь, за что̀ она на меня сердится?

— Знаю. Да и ты, вѣроятно, догадываешься?

— Догадываться-то я догадываюсь, но не знаю, какъ быть...

— Поговори съ ней самъ.

— А ты что̀ думаешь?

— Чего же я могу думать? Думаю, что когда твой капризъ пройдетъ, и мама перестанетъ сердиться.

— Что̀ же, по-твоему? Я долженъ ее бросить? Это будетъ подлость съ моей стороны. Я на это не пойду.

— О-го! Не станешь же ты меня увѣрять, что это—серьезная любовь?

— Не только стану увѣрять, но она такова и есть, уже по тому, что̀ я сдѣлалъ. Это была чистая дѣвушка, и я ее теперь не брошу.

— Да кто же тебѣ говоритъ о томъ, чтобы ее бросить? Она, къ тому же, къ роскоши не пріучена. Много ли ей нужно, чтобы быть счастливой на всю жизнь? Дай ей возможность содержать пять коровъ, и она будетъ счастлива на всю жизнь...

— Ты про деньги говоришь?.. Она денегъ не возьметъ.

— Почему не возьметъ?

— Она меня не изъ-за денегъ полюбила. Я пробовалъ ей подарки дѣлать, болѣе или менѣе дорогіе. Она и этого не беретъ.

— Она, значитъ, правда, хорошая? Что-то не вѣрится.

— Вѣрится или не вѣрится, а это такъ. Съ фактомъ надо считаться.

— Гм!.. Итакъ... désintéressement complet... Ну, а что̀ бы она сказала, если бы ты нашелъ ей подходящаго жениха? Cela se fait à tout moment.

— Говорю же я тебѣ, что она меня любитъ. Я увѣренъ,

что если я ее брошу такъ или иначе, она Богъ знаетъ до чего дойдетъ. А о женихѣ я ей и намекнуть-то никогда не рѣшусь.

— Désintéressement, doublé de dévouement... положеніе ухудшается... Чтò же я тебѣ скажу?.. Только время можетъ помочь...

— Да я не о томъ. Бросить я ее не брошу. Это прежде всего. Я тебя хотѣлъ спросить о матери... Какъ мнѣ быть... чтобы она не сердилась?

— Право, не знаю, чтò мнѣ тебѣ посовѣтовать. Поговори съ ней. Это лучше всего. Хуже нѣтъ, какъ когда люди не объясняются... Объяснись съ ней. Тогда видно будетъ. Il faut trouver un moyen neutre, чтобы всѣ стороны были довольны... А ты все-таки подумай о женихѣ. Право, это—самое вѣрное средство.

— Я уже тебѣ сказалъ, что объ этомъ и думать нечего. Вѣдь ты ея не знаешь, а я знаю... Ты совѣтуешь мнѣ поговорить съ мамà... Какъ-то неловко самому начинать...

— Когда она будетъ дѣлать тебѣ непріязненные намеки, ты и спроси ее, чтò это значитъ. Мнѣ кажется, что она сама ищетъ случая съ тобой поговорить.

— Хорошо. Я только при тебѣ начну.

Новодубскій ожидалъ бòльшаго отпора со стороны сестры. Онъ былъ пріятно удивленъ, что она какъ будто понимаетъ его обязанность не бросать Настю. Еще болѣе его удивило, что она повѣрила въ чистоту Настиныхъ чувствъ. Предложеніе графини обезпечить Настю или найти ей жениха онъ считалъ естественнымъ тѣмъ болѣе, что ему самому эти мысли часто приходили на умъ. Окончательно отказаться ему отъ нихъ пришлось поневолѣ, когда, при намекѣ на это, неоднократно въ глазахъ Насти, сквозь слезы ея, читалъ удивленный вопросъ: „Неужели ты вправду хочешь отъ меня отдѣлаться, обезпечивъ меня деньгами?“ Эти испуганные, грустные, широко раскрывавшіеся глаза каждый разъ въ немъ вызывали угрызенія совѣсти. Онъ упрекалъ себя въ мысли, что такимъ путемъ можно отъ нея отдѣлаться. Мало-по-малу онъ бросилъ эту мысль, какъ невозможную. Не находя выхода, и повѣривъ въ безкорыстную Настину любовь, онъ постепенно переставалъ думать о разрывѣ съ ней, и рѣшился свой грѣхъ передъ нею искупить цѣною всѣхъ непріятностей, которыя могли возникнуть отъ ихъ связи.

XIV.

Случай переговорить съ матерью скоро представился. Въ телеграммахъ газеты онъ прочелъ извѣстіе, что его братъ, по случаю международнаго торжества, на которомъ ему пришлось играть видную роль, получилъ выдающуюся для его лѣтъ и положенія награду. Съ нумеромъ газеты въ рукахъ, онъ побѣжалъ къ матери, которую нашелъ сидящей на террасѣ, и сообщилъ ей это извѣстіе. Наталья Владиміровна пришла въ восторгъ и даже прослезилась. Она въ свою очередь побѣжала за дочерью и черезъ минуту вернулась съ нею на террасу.

— Слава Богу. Хоть это утѣшеніе мнѣ посылаетъ Господь!— сказала она, вытирая слезы на глазахъ.—Не все мнѣ находить горе у своихъ. Хоть однимъ сыномъ мнѣ можно будетъ гордиться.

Новодубскій посмотрѣлъ на сестру. Во встрѣтившемся ему взглядѣ ея онъ прочелъ предложеніе начать разговоръ. Минута была благопріятная. Хорошее извѣстіе должно было расположить его мать къ снисходительности. Онъ началъ:

— Мамà, ты такъ часто стала косвенно говорить мнѣ оскорбительныя вещи, что я бы хотѣлъ, наконецъ, чтобы ты ясно и опредѣленно мнѣ сказала, въ чемъ дѣло.

— А ты не знаешь?

— Нѣтъ.

— Ну, коли ты не понимаешь, приходится тебѣ объяснять. Неужели ты не видишь, что ты идешь всю жизнь по ложному пути? Сколько разъ твой отецъ покойный и я тебѣ совѣтовали служить, работать и создать себѣ то положеніе, къ которому ты призванъ съ самаго рожденія,—что̀? Ты насъ послушалъ?

— Этого разговора, мнѣ кажется, нечего опять поднимать. Вѣдь вы согласились, когда еще папà былъ живъ, чтобы мнѣ заниматься хозяйствомъ въ деревнѣ. Чего къ этому возвращаться?

— Поневолѣ пришлось согласиться, когда ты и слушать не хотѣлъ нашихъ совѣтовъ. Я тебѣ говорила, что ты въ деревнѣ опустишься! Que tu te rouilleras! Говорила?

— Говорила.

— Ну, такъ видишь ли? Вышло по-моему?

— Не знаю. Я не замѣчаю, чтобы я опустился.

— Не замѣчаешь? Тѣмъ хуже. Да посмотри на себя: развѣ ты такой былъ у меня, пока не закопался въ деревнѣ. Ты начинаешь забывать по-французски. Развѣ ты прежде такъ говорилъ? А по-англійски? Ты скоро совсѣмъ забудешь. Читаешь

ты все по-русски, говоришь съ одними мужиками—да поневолѣ одичаешь. А теперь эта новая твоя исторія... съ этой коровницей... на чтò это похоже?.. Фуа, гадость!

— Да почемъ ты знаешь?..

— Да вся Дубовка про это знаетъ и говоритъ. Ты думаешь, что будутъ молчать. И я со стыда горѣла, когда твои же служащіе (Наталья Владиміровна, говоря это, нѣсколько исказила истину) мнѣ про это съ улыбкой говорили... Развѣ я тебя къ этому готовила? Что это—правда или нѣтъ?

— Я, мама, не буду отпираться. Если ты про это узнала, то, конечно, не я виноватъ. Но скажи мнѣ пожалуйста: если ты такъ строго смотришь на это, то почему ты такъ снисходительно относилась къ Димѣ, который не такъ кутилъ, какъ я?.. Я это, конечно, не въ осужденіе его говорю... Почему ты отъ меня требуешь, чтобы я жилъ монахомъ, а отъ него этого не требовала, и денегъ ему давала, и не сердилась на него?

— Да ты про брата и говорить не смѣй! Ты ногтя его не стоишь! Понимаешь? ногтя! Твой братъ въ ужасъ бы пришелъ, еслибы узналъ про твои похожденія.

— Я все-таки не понимаю, почему Димѣ можно было не жить монахомъ, а мнѣ нельзя. Да ты, мамà, говори доводами, а не ругайся. Ты же, вмѣсто разговора, только ругаешься.

— Говорю я тебѣ, что мнѣ дѣла нѣтъ до того, чтобы ты или Дима жили монахами... Да не коровница!.. пойми же... не коровница!.. Не здѣсь, на глазахъ всѣхъ, отъ тебя зависящихъ и обязанныхъ угождать всякой твари... Я думаю и думала всегда, что твой братъ не монахъ, да мнѣ и дѣла до этого нѣтъ,—я не священникъ... Il y a une manière de faire ces choses-là.

— Я думалъ, что это дѣлается само собой, и не зналъ про манеру, про которую ты говоришь... Значитъ, ты на меня сердишься не во имя нарушенной нравственности и не за погубленную жизнь дѣвушки, а за что-то другое?.. Тогда—дѣло другое...

— Пожалуйста, не притворяйся! Я нахожу, что ты поступаешь не какъ Новодубскій, что ты погрязъ въ твоей деревнѣ и что такъ дольше продолжаться не можетъ... по крайней мѣрѣ, что я и, надѣюсь, твоя сестра—этого не увидимъ.

— Ну, хорошо. Чтò же я, по-твоему, долженъ сдѣлать теперь?

— Кажется, ясно, чтò ты долженъ сдѣлать. Бросить грязь, которою ты себя окружилъ, и жить по-человѣчески.

— А дѣвушка, которую я погубилъ?

— Брось эти громкія слова, пожалуйста; она, я думаю, достаточно себя вознаградила за свою погибель!

— Ты ошибаешься. У нея ничего нѣтъ. Не только деньгами, но и вещами, даже самыми незначительными, она ничего съ меня не беретъ.

— Бѣдный, бѣдный Гри-Гри! И ты этому вѣришь? Могла ли я когда-нибудь повѣрить, что ты такъ наивенъ?

— Я тебѣ фактъ говорю, а ты меня упрекаешь въ наивности...

— Эти женщины умѣютъ такъ опутать людей, qu'elles leur font voir midi à quatorze heures. Да, наконецъ, чтò ты ей сдѣлалъ? Для нея должно быть честью, что она привлекла вниманіе такого человѣка, какъ ты. Онѣ этимъ восхваляются; а тебя она увѣрила, что ты же ее погубилъ!

— Ты это серьезно думаешь? Ты думаешь, что честь только у Новодубскихъ?

— Не только думаю, но знаю... Не у однихъ Новодубскихъ, но и не у такихъ... Да, да... чего ты на меня смотришь?.. Знаю.

— Больше мнѣ говорить нечего. Мы различно смотримъ на людей. Я знаю только одно... что гадости не сдѣлаю и исполню свой долгъ... Губить ни ее, ни кого-либо другого... не намѣренъ.

— Дѣлай, какъ знаешь! Я потому съ тобой и избѣгала этого разговора, что ты вѣдь, все равно, моего совѣта не послушаешься.. Только знай одно, что я при этихъ условіяхъ жить здѣсь не могу... Имѣй это въ виду. Да врядъ ли и Нелли согласится на это смотрѣть молча...

— Чтò же ты намѣрена сдѣлать съ Нелли?

— Нелли, Богъ дастъ, сумѣетъ прожить... у нея есть средства... Да и обо мнѣ не безпокойся... у меня, слава Богу, есть еще сынъ... Чтò же дѣлать? было два... ну, останется одинъ... Я не пропаду...

И Наталья Владиміровна заплакала. Слезы эти произвели на Григорія Аполлоновича различное дѣйствіе. Съ одной стороны, ему жалко было матери. Какъ бы то ни было, она, очевидно, страдала. Съ другой стороны, онъ не могъ не понять, что слезы ея были вызваны не чувствомъ состраданія или сожалѣнія къ дѣйствительному горю близкихъ ей людей, а скорѣе дурнымъ, по его мнѣнію, чувствомъ—досады за уязвленное ея самолюбіе и—злобы на дѣвушку, которую она считала виновницей воображаемаго несчастія. Второе чувство въ немъ превозмогло, и онъ не только не постарался утѣшить свою мать, но сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ ея слезъ. Онъ опустилъ глаза на столъ, на которомъ выводилъ пальцемъ какія-то буквы.

Графиня Нелли, все время молчавшая, сочла нужнымъ прервать это тяжелое молчаніе.

— О чемъ ты плачешь, мамà? Dieu merci; il n'y a rien de perdu. Хуже бываетъ.

Наталья Владиміровна ничего не отвѣтила, но еще пуще расплакалась.

— Ничего, ничего... кромѣ горя... я отъ него не вижу...— сквозь слезы и всхлипыванія проговорила она.

Григорія Аполлоновича слезы эти вовсе не трогали. Ему стало досадно за нихъ. Онъ не выдержалъ и проговорилъ:

— Мамà, эти слезы твои ничего вѣдь не значатъ. Дѣйствительнаго горя я тебѣ никакого не доставилъ. Прости меня, но мнѣ кажется, что ты плачешь подъ вліяніемъ какого-то непонятнаго для меня озлобленія противъ меня. Да, наконецъ, я ничего не могу сдѣлать, чтобы тебя утѣшить.

— Нѣтъ, можешь! Неправда! — возвышая голосъ и вдругъ переставъ плакать, сказала Новодубская.—Ты можешь прогнать эту тварь! Можешь!

— Нѣтъ, не могу. Я на такую гадость неспособенъ. Ты честь видишь въ соблюденіи свѣтскихъ условныхъ приличій, а я—въ другомъ... въ томъ, чтобы не губить чужую жизнь и чужое счастье.

— Твоя честь заставляетъ ежечасно доставлять мученіе твоей матери!.. Хороша честь!

Наталья Владиміровна быстро отодвинула кресло, на которомъ сидѣла, обтерла еще разъ глаза, вынула изъ кармана крошечное зеркальце, посмотрѣлась въ него и поправила прическу, затѣмъ опять убрала въ карманъ платокъ и зеркальце и вошла въ домъ, довольно сильно захлопнувъ за собою дверь. Григорій Аполлоновичъ продолжалъ пальцами проводить узоры по столу и машинально носомъ что-то напѣвалъ. Графиня, облокотившись на столъ, смотрѣла куда-то вдаль и щипала себѣ бровь. Молчаніе продолжалось долго.

— Ну, чтò-же ты думаешь дѣлать? — наконецъ, спросила она брата.

— Право, не знаю, чтò и придумать,—отвѣтилъ онъ ей.— Ты сама видишь... положеніе безвыходное... Неужели ты думаешь, что мнѣ пріятно мучить мать?.. А съ другой стороны, не могу же я разбить сердце и жизнь дѣвушки, довѣрившейся мнѣ, и передъ которой я кругомъ виноватъ.

— Зачѣмъ ты влѣзъ въ такое глупое положеніе?!

— En voilà une question! Какъ будто я это нарочно все устроилъ. Въ этихъ случаяхъ о послѣдствіяхъ не думаешь. И

если бы я все это предвидѣлъ, — можетъ быть, у меня все-таки не хватило бы твердости противостоять искушенію.

— Однакоже, нужно изъ этого положенія выйти.

— Нужно-то очень нужно. Но какъ? Вотъ вопросъ.

— Какъ-нибудь! Нужно подумать! Il faut trouver un moyen neutre. Она тебя дѣйствительно любитъ?

— Дѣйствительно. Если я ее брошу, она на все способна.

— Гм!.. и безкорыстно?

— Я тебѣ уже говорилъ, что она ничего не беретъ... ничего... кромѣ бездѣлушекъ... на память...

— Засушенные цвѣты и старыя перчатки?

— Засушенные цвѣты и старыя перчатки.

Графиня Нелли разсмѣялась.

— Признайся, что въ твоемъ романѣ есть доля комизма. И что твои засушенные цвѣты, которые ты даешь на память mademoiselle Anastasie, немного смѣшны!

— Не знаю, какъ ты, а я комизма тутъ не вижу. Мнѣ все это страшно тяжело.

— Вѣрю, вѣрю, мой бѣдный Гри-Гри. А ты ее любишь?

— Мнѣ она страшно жалка, и ни за что въ мірѣ я ея такъ не брошу.

— Я говорю тебѣ, что надо найти выходъ. Чтобы и волки были сыты, и овцы цѣлы... Вѣдь мама возмущается чѣмъ? Во-первыхъ, твоимъ выборомъ. Ну, этого измѣнить нельзя. Во-вторыхъ, прочностью твоей связи. Это ты измѣнить не хочешь или не можешь. Въ-третьихъ, — и это, я думаю, главное, — тѣмъ, что это происходитъ здѣсь, на ея глазахъ. Это ты можешь и, по-моему, долженъ ей сдѣлать.

— Какъ?

— Отправь ее куда хочешь, въ любой городъ. Только не держи ея въ Дубовкѣ. Мало ли ты куда и когда ѣздишь. Отчета ты никому не даешь. Ѣзди къ своей Дульцинеѣ сколько душѣ угодно... и никто слова не скажетъ. Что ты на это скажешь?

— Такъ-то такъ. Согласится ли она идти такимъ образомъ на содержаніе? Вѣдь тутъ она работаетъ и получаетъ жалованье доильщицы. А тамъ ей надо нанять квартиру, болѣе или менѣе приличную... Ну, какъ она откажется?..

— Это пустяки... Она должна согласиться... Наконецъ, ты ее заставь это сдѣлать... C'est ton devoir envers ta mère.

— И ты думаешь, что мама успокоится?

— Конечно, успокоится. Разъ ей ничто не будетъ напоминать все это, она съ этой мыслью помирится...

Разговоръ ихъ былъ прерванъ подъѣхавшей къ крыльцу тройкой съ звенѣвшими колокольчиками и бубенчиками. Тройка сѣрыхъ въ яблокахъ и покрытыхъ пѣной лошадей остановилась передъ крыльцомъ. Изъ-за подстриженной акаціи палисадника виднѣлся бочкомъ сидѣвшій на козлахъ нестарый кучеръ въ оранжевой рубашкѣ и черной плисовой безрукавкѣ и въ шляпѣ съ павлиньими перьями.

— Кого-то тутъ принесло!—проворчалъ Новодубскій.

— Это, повидимому, изъ здѣшняго high-life'а, — замѣтила графиня.

Черезъ нѣсколько минутъ на террасу входили Николаевы съ Натальей Владиміровной, которая говорила имъ что-то, улыбаясь.

— А вотъ мой сынъ!.. Мы только-что съ нимъ про васъ говорили... Онъ самъ собирался къ вамъ.

Григорій Аполлоновичъ промолчалъ на эту невинную ложь своей матери и только всталъ и молча подалъ руку входившимъ. Встала и графиня. Авдотья Петровна сильно дышала. Хотя на воздухѣ посвѣжѣло, но видно было по смятымъ кружевамъ на воротникѣ ея свѣтло-лиловаго шолковаго платья и по особому блеску кожи, что въ дорогѣ она была въ поту.

Когда всѣ усѣлись и Поля, не дожидаясь приказанія, уже принесла на столъ скатерть для чая, Наталья Владиміровна обратилась къ сыну.

— Ты бы, Гри-Гри, сходилъ до чая съ Алексѣй-Демидовичемъ, показалъ бы ему свое хозяйство, а мы съ Нелли прошлись бы въ твои цвѣтники съ Евдокіей Петровной (хотя Николаеву всѣ звали Авдотьей Петровной, но Новодубская предпочла сказать: „Евдокія").

— Ну чтожъ,—съ удовольствіемъ сказалъ Николаевъ.—Я много слышалъ о вашемъ хозяйствѣ.

Григорій Аполлоновичъ водилъ своего гостя цѣлый часъ. На скотномъ дворѣ Николаевъ любовался рабочими лошадьми домашняго завода, который составлялъ любимую заботу Новодубскаго. Зашли и къ рысистымъ лошадямъ, которыхъ онъ считалъ убыточными и которыхъ собирался продать. Но что больше понравилось Николаеву — это то, что Новодубскій самъ входилъ въ малѣйшія подробности, зналъ всѣ машинныя части, дѣльно судилъ о недостаткахъ такого или иного плуга. Сошлись они и въ общихъ сужденіяхъ объ организаціи хозяйства. Когда они обошли всѣ постройки, не исключая довольно далеко отстоявшаго отъ дома овина, и зашли даже заглянуть на навозную

кучу, гдѣ скапливался за годъ навозъ изъ разныхъ стойлъ и денниковъ скотнаго и коннаго дворовъ, они вернулись домой, гдѣ ихъ ждалъ чай. Проходя мимо конторы, Николаевъ поднялъ вопросъ о выгодности для хозяйства имѣть вблизи многолюдныя села. Тогда можно держать меньше рабочихъ, а больше пользоваться сдѣльной работой крестьянъ и при томъ по дешевой цѣнѣ. Новодубскій возразилъ, что какъ бы велико ни было предложеніе рабочихъ рукъ и какъ бы дешево крестьяне ни соглашались работать, онъ считаетъ безнравственнымъ опускать цѣну до такого минимума, который явно вызванъ нуждой и не удовлетворяетъ самымъ насущнымъ потребностямъ мужика. Разговоръ нѣсколько обострился. Николаевъ ругалъ мужиковъ и жаловался на ихъ безсовѣстность. Новодубскій защищалъ мужиковъ и указывалъ на то, что помѣщики рады воспользоваться всякимъ случаемъ, чтобы ихъ эксплоатировать. За этимъ разговоромъ они подошли къ террасѣ, на которой дамы пили чай.

— Ну что̀, Алексѣй Демидовичъ, какъ нашли хозяйство Гри-Гри?—встрѣтила ихъ вопросомъ Новодубская.—Вы, небось, устали? Налить вамъ стаканъ чаю?

— Хозяйство поставлено хорошо. Труда въ него много положено. Это видно...

— Вамъ крѣпкаго или слабаго?..

— Такъ... средняго... благодарю васъ... Хозяйство-то хорошо, только съ чѣмъ я не могу согласиться—это введеніе въ хозяйственныя отношенія филантропическихъ идей.

— Какихъ филантропическихъ идей?

— Да вотъ тѣхъ, которыя проповѣдуетъ вашъ сынъ,—что мужикамъ надо давать чуть не больше, чѣмъ они сами просятъ.

— Ну, этого, положимъ, я не говорилъ,—замѣтилъ Григорій Аполлоновичъ.—Я говорилъ, что не надо ихъ эксплоатировать и прижимать, какъ многіе дѣлаютъ.

— А кто ихъ прижимаетъ?—спросила Наталья Владиміровна.

— Почти всѣ помѣщики. Такой ужъ строй заведенъ. Вотъ хоть Алексѣй Демидовичъ, говорящій, что полезно имѣть много рабочихъ рукъ въ краѣ, чтобы цѣны были дешевле... развѣ это не пользованіе безвыходностью ихъ положенія?

— Вы его не убѣдите, Алексѣй Демидовичъ. Онъ чего-чего для мужиковъ не дѣлаетъ—и хоть бы каплю благодарности отъ нихъ имѣлъ!..

— Хотите благодарности отъ этихъ скотовъ! — замѣтилъ предводитель.

— Вы считаете ихъ скотами, а я — людьми, да еще получше... насъ съ вами,—возразилъ Новодубскій.

— Гри-Гри, чтò ты говоришь?.. Ты съ ума сошелъ!..— строго и громко сказала Новодубская.

— То, чтò думаю. Я, кажется, могу возмутиться, что цѣлый классъ людей, работой которыхъ мы живемъ, называютъ скотами. Во-первыхъ, если они и дѣйствительно кое въ чемъ скотоподобны, то это опять благодаря намъ, которымъ это удобно и выгодно и которые нарочно держимъ его въ дикости. Во-вторыхъ, скотина не виновата, что она скотина, а человѣкъ, который скотину мучаетъ, по-моему, гораздо хуже скотины.

Новодубскій начиналъ горячиться. Мать его раза два строго на него посмотрѣла, но, убѣдившись, что онъ дѣлаетъ видъ, что не замѣчаетъ ея взгляда, поспѣшила перемѣнить разговоръ.

— Чтò, вамъ, вѣроятно, Евдокія Петровна, приходится заниматься леченіемъ крестьянъ? Ко мнѣ многіе ходятъ за лекарствомъ.

— Нѣтъ, я не лечу.

— А ко мнѣ такъ много ходятъ,—такъ много, что часто лекарствъ не хватаетъ.

Новодубская, дѣйствительно, лечила крестьянъ, т.-е. отпускала лекарства, когда ей докладывали, что пришелъ больной или принесли больного ребенка. Лекарствъ у нея было два: касторовое масло и хининъ. Больныхъ до барыни не допускали, а разсказывали они про свои болѣзни горничной, которая докладывала о ихъ болѣзни Новодубской. Кромѣ касторки и хинина, которые она выписывала изъ Москвы, она еще рекомендовала отъ глазныхъ болѣзней примачивать глаза крѣпкимъ чаемъ, а отъ ломоты мазать больное мѣсто настоемъ на маслѣ дождевыхъ червей. Эти послѣднія два средства заготовлялись у нея дома. Многіе крестьяне получили облегченіе отъ леченія дубовской барыни, какъ ее звали, даже такіе, которые подолгу лечились безо всякой пользы у настоящаго доктора. Въ особенности помогала она бабамъ, которыя весьма разнообразныя свои болѣзни называли болью живота и получали посему дозу касторки.

— У насъ въ трехъ верстахъ земская больница,— сказалъ предводитель, желая въ глазахъ Новодубской извинить свою жену, что она не лечитъ крестьянъ.

— Да... ну, тогда, конечно, хотя... знаете... эти домашнія средства...

— Помогаютъ, да... я знаю,—сказала Евдокія Петровна.—

Вотъ я, представьте, на себѣ испытала простыя средства. У меня былъ солитэръ (Авдотья Петровна сказала: „солитёръ“)...

При этомъ Николаевъ заёрзалъ на своемъ мѣстѣ.

— Такъ доктора не могли его выгнать, а выгналъ его простой мужикъ.

— А чѣмъ?—спросила Новодубская, которую наивный разговоръ Авдотьи Петровны забавлялъ.

— Представьте себѣ... лукомъ. Онъ велѣлъ три зари подъ-рядъ ѣсть по три свѣжихъ луковицы...

— И вы могли?..

— А чтожъ? Я очень люблю лукъ.

Мысль о лукѣ покоробила Новодубскую. Морозъ прошелъ по ея спинѣ.

— Нѣтъ, я бы не могла. Лукъ мнѣ ужасно противенъ.

Предводитель, почувствовавъ себя не совсѣмъ ловко, всталъ. За нимъ встала его жена, и такъ какъ ихъ никто не удерживалъ,—распростились и вошли въ домъ. Новодубская съ дѣтьми проводила ихъ до передней и, обмѣнявшись нѣсколькими фразами:—„Такъ не забывайте же насъ“...—„А вы къ намъ пожалуйте“...—...сѣли въ экипажъ.

— Да, постой! — остановилъ подбиравшаго вожжи кучера Николаевъ. — Григорій Аполлоновичъ, вы не забыли? 14-го у насъ выборы въ гласные. Вы пожалуете?

— Какъ же, какъ же!.. Непремѣнно...

Черезъ минуту экипажъ уже скрывался изъ глазъ въ облакѣ пыли, а Новодубскіе вернулись на террасу.

— Удивляюсь,—сказала графиня Нелли, зѣвая, — какъ вы съ ними разговариваете? Я не нашла слова съ ними сказать.

— Да, она немножко mauvais genre,—отвѣтила ей мать,—но онъ ничего. Но зато ты Богъ знаетъ до чего дошелъ... Вѣдь ты самъ не сознаешь, что̀ говоришь. Ты его чуть скотомъ не назвалъ.

— Я все время говорилъ: „мы съ вами“...

— Что̀ ты думаешь, никто не понимаетъ, что̀ у тебя на умѣ?.. Ты скоро будешь про „солитёры“ говорить, какъ эта Николаева...

— Вѣдь ты же сама къ ней относишься съ презрѣніемъ!

— Во-первыхъ, не въ глаза, а во-вторыхъ, я въ земство не иду и отъ Николаева не завишу... Да тебѣ ли ужъ смотрѣть на другихъ съ высоты величія?.. На себя бы посмотрѣлъ.

Григорій Аполлоновичъ не отвѣчалъ и пошелъ въ контору, гдѣ начинали собираться старосты на вечерній приказъ.

XV.

Къ вечеру 13-го іюля къ плохонькой гостинницѣ уѣзднаго города подъѣхала четверня вороныхъ лошадей, запряженныхъ въ коляску. Съ козелъ соскочилъ сидѣвшій рядомъ съ кучеромъ Никита и хотѣлъ помочь вылѣзти изъ коляски Григорію Аполлоновичу, но тотъ уже успѣлъ выйти и говорилъ у подъѣзда гостинницы съ швейцаромъ. Никита опять-таки стремительно бросился вытаскивать вещи изъ коляски. Номеръ, въ который швейцаръ отвелъ Новодубскаго, былъ довольно плохой, съ окнами во дворъ и съ облѣзлыми обоями.

— Что же, нѣтъ у васъ номера получше?—спросилъ онъ.

— Никакъ нѣтъ-съ! Господа съѣхались на баллотировку,—отвѣтилъ швейцаръ, жившій прежде въ губернскомъ городѣ, гдѣ баллотировкой называются дворянскія собранія.

— Ужъ съѣхались? А кто у васъ есть?

Швейцаръ назвалъ четыре-пять именъ, знакомыхъ Новодубскому больше по наслышкѣ.

— Больше никого? А Николаевъ? Градовъ? Ихъ нѣтъ?

— Господинъ Николаевъ изволятъ останавливаться у господина мирового судьи („мирового“ было сказано вмѣсто „городского“), а господинъ Градовъ еще не пріѣхали. Мы ихъ ждемъ-съ. Еще стоятъ архитекторъ какой-то, зубной врачъ и кое-какіе коммерсанты... такъ, шушера-съ.

Къ концу этого разговора Никита внесъ уже вещи съ помощью коридорнаго въ кумачной рубашкѣ. Новодубскій переодѣлся, умылся послѣ дороги и пошелъ поболтаться въ городской садъ — единственное мѣсто въ городѣ, куда по вечерамъ собирались горожане. Сюда же, въ нарочно построенный баракъ, переходилъ клубъ, въ которомъ мѣстные купцы играли до утра въ трынку. Новодубскій членомъ клуба не былъ и попросилъ знакомаго купца записать его. Онъ почиталъ какіе-то старые журналы, прошелся по саду, гдѣ издали раскланялся съ земскимъ начальникомъ, который при немъ обругалъ неприлично старуху, и съ которымъ съ тѣхъ поръ не видался, затѣмъ опять почиталъ газеты въ клубѣ и, узнавъ, что инспекторъ пользуется вакаціями и въ городъ не пріѣзжалъ, рано вернулся къ себѣ въ номеръ.

Въ номерѣ онъ раздѣлся и легъ, но клопы и комнатная духота не дали ему спать. Онъ очень интересовался, попадетъ

онъ въ гласные или нѣтъ. Не поступивъ на службу изъ ненависти къ канцелярской работѣ и нежеланія имѣть надъ собою начальство, и занявшись хозяйствомъ, онъ тяготился мыслью, что живетъ исключительно для себя.

„Положимъ, хозяйствомъ заниматься вещь хорошая,—думалъ онъ, обтирая лившій съ него градомъ потъ, — можно и пользу приносить окружающимъ крестьянамъ, но все-таки... этого мало... То ли дѣло въ земствѣ... людей мало и съ радостью воспользуются услугами человѣка, который готовъ работать... безкорыстно. На платныя должности я, конечно, не пойду, да и меня не выберутъ... Платная должность тоже вѣдь совсѣмъ стѣснитъ свободу и поставитъ меня въ зависимость отъ всякаго гласнаго... Но вѣдь можно работать въ земствѣ и безплатно... А работать я буду... и пользу принесешь крестьянамъ, и занятіе будетъ... Непремѣнно надо, чтобы выбрали въ гласные...

Мало-по-малу мысль его перешла къ Дубовкѣ, и онъ въ тысячный разъ сталъ искать выхода изъ того положенія, которое создалось связью его съ Настей и отношеніемъ къ этой связи его матери. Проще всего было, конечно, порвать съ Настей... всякій бы это сдѣлалъ на его мѣстѣ... но одна мысль о горѣ искренно его любившей Насти, когда она узнаетъ, что онъ ее бросаетъ, его пугала.

„Она на все способна... она способна утопить себя! Конечно! не только способна, но даже непремѣнно утопится! — думалъ онъ про себя, причемъ сонъ все дальше и дальше отъ него уходилъ.—Да, наконецъ, какъ я ей это скажу?.. я ни за что не рѣшусь... Развѣ уѣхать куда-нибудь на время и поручить Өедору Елисеевичу переговорить съ Анисьей Петровной? Впутывать въ это еще Өедора Елисеевича!.. нѣтъ!.. Написать письмо, а самому уѣхать?.. Да вѣдь это же подло!.. Сдѣлать гадость, да еще не имѣть мужества сдѣлать ее открыто... Тьфу! какъ кусаются, проклятые“!

И Григорій Аполлоновичъ зажегъ свѣчку и началъ искать кусавшихъ его клоповъ, что̀, впрочемъ, ему не удалось.

„Развѣ ихъ отыщешь, негодныхъ?—подумалъ онъ:—укуситъ и удеретъ, подлый“!

Григорій Аполлоновичъ задумался. Не то ли же самое собирался сдѣлать и онъ, Новодубскій? Бросить Настю, причинить ей ужасную боль и удрать, чтобы не видѣть ея слезъ, не слыхать ея упрековъ?..

„Нѣтъ, нѣтъ... подлецомъ я не буду... Я виноватъ передъ нею, и что̀ бы мнѣ ни пришлось перетерпѣть, я ея не брошу

ни въ какомъ случаѣ. А мать моя? Ей я развѣ не приношу горя? А это честно"?

И сколько онъ ни думалъ, онъ открытаго, хорошаго выхода изъ своего положенія не находилъ. Выборъ представлялся между горемъ Насти и горемъ матери. Мать... и какая-то дѣвчонка, отъ которой можно отдѣлаться какой-нибудь тысячей рублей.. И выйдетъ себѣ преспокойно замужъ за такого же, народитъ дѣтей... Весь этотъ романъ ей же на пользу будетъ...

„Да полно, такъ ли? А вѣдь она любитъ меня?.. А матери моей что̀ нужно"?

Вникая глубже въ чувства своей матери, Новодубскій приходилъ къ заключенію, что ею руководитъ не оскорбленное чувство нравственности: сколько разъ ему приходилось убѣждаться, что Наталья Владиміровна очень и очень снисходительно относится къ нарушенію законовъ о нравственности. Хотя бы Дима! Вѣдь она знала и знаетъ, что онъ ведетъ жизнь разгульную; знала и то, что ему приходилось не разъ разрушать семейное счастье другихъ, что изъ-за него не одна дѣвушка сошла съ честнаго пути, чтобы пойти по дорогѣ разврата... Не мѣшало же ей все это смотрѣть на его поведеніе сквозь пальцы, чуть не одобряя его дѣйствія...

А теперь? Откуда ея строгость въ отношеніи Насти?.. И Григорій Аполлоновичъ приходилъ къ заключенію, что дѣло не въ нарушеніи седьмой заповѣди, до которой дѣла нѣтъ Новодубской, а именно въ томъ, что она сознаетъ и убѣждена, что онъ не такъ относится къ Настѣ, какъ Дима относился къ своимъ любовницамъ. Все зло, по ея мнѣнію, заключается въ томъ, въ чемъ онъ видитъ добро — въ вѣрности къ загубленной дѣвушкѣ. Убѣдись она, повѣрь она, что онъ броситъ Настю при первомъ удобномъ случаѣ, она отнеслась бы снисходительно и къ его поступку, и къ самой дѣвушкѣ. Она не могла простить имъ обоимъ прочности ихъ связи, потому что такая связь, по ея мнѣнію, могла повредить ему въ глазахъ общества, не только того настоящаго, по мнѣнію Новодубской, отъ котораго онъ давно уже отсталъ, и отсталъ совершенно сознательно, но даже и отъ того маленькаго общества разныхъ Николаевыхъ и тому подобныхъ, съ которыми ему предстояло жить.

Чѣмъ больше думалъ Григорій Аполлоновичъ, тѣмъ больше онъ начиналъ клониться на сторону Насти.

— У Насти это вопросъ чувства глубокаго, а у мама̀ что̀ такое?.. Да, по правдѣ сказать, это одно преклоненіе передъ пред-

разсудками общества. А мнѣ, признаться, дѣла нѣтъ до этихъ предразсудковъ.

Чѣмъ больше онъ думалъ, тѣмъ больше сознавалъ свою вину и свои обязанности по отношенію къ Настѣ, тѣмъ больше убѣждался, что ему не слѣдуетъ ни подъ какимъ видомъ жертвовать ею ради общества, хотя представителемъ общества въ данномъ случаѣ являлась его мать.

Онъ утвердился въ прежнемъ рѣшеніи найти средній выходъ изъ этого положенія, чтобы и волки были сыты, и овцы цѣлы. Первыми невольно представлялась ему его мать.

„Но главное, чтобы овцы были цѣлы. Если сумѣю такъ устроить дѣло, чтобы Настя ни физически, ни нравственно не пострадала, тогда—такъ. Иначе, что̀ бы мама̀ ни говорила, а я свой долгъ по отношенію къ Настѣ исполню".

Принявъ такое рѣшеніе, онъ мало-по-малу сталъ забываться, картины въ его умѣ стали туманнѣе и разнообразнѣе, и онъ заснулъ. Ранняя заря уже довольно ярко разгоралась и сквозь широкія щели ставень проникала въ комнату.

Утромъ онъ былъ разбуженъ голосами у его двери.

— Онъ поздно легъ?—спрашивалъ голосъ, въ которомъ онъ сейчасъ узналъ голосъ Градова.

— Никакъ нѣтъ, рано-съ,—отвѣчалъ очевидно коридорный.

Градовъ вошелъ въ комнату.

— Ну, какъ вамъ не стыдно, Григорій Аполлоновичъ, уже одиннадцатый часъ, а въ одиннадцать выборы назначены. Вставайте, вставайте!

— Да вѣдь я заснулъ-то подъ-утро. Всю ночь клопы спать не давали.

— Да, я изъ-за нихъ предпочитаю пріѣзжать сюда утромъ, хотя вставать приходится въ четыре часа утра. Я вамъ не помѣшаю, если здѣсь посижу, пока вы одѣваетесь?

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего, я очень радъ.

Тѣмъ временемъ вызванный Никита помогалъ Григорію Аполлоновичу одѣваться.

— Какъ вы думаете, Николай Васильевичъ? меня выберутъ въ гласные?

— Думаю, выберутъ. За что̀ васъ забаллотировывать? Вы— человѣкъ новый. Нашего брата, говорятъ, забаллотировать хотятъ многіе.

— Кого?

— Насъ... земскихъ начальниковъ.

— Ну-у! кто же это хочетъ?

— Да вы, господа либералы.

— Или я не либералъ, или это дѣло не либераловъ. Я ничего не знаю.

— Погодите. Вы еще неизвѣстный имъ либералъ. Познакомитесь—и вы за-одно будете съ ними.

— Да кто составилъ эту коалицію?

— Коалиціи-то, собственно, нѣтъ. Такъ, слухъ есть, что будутъ намъ черняки класть.

— Да кто? кто? кто будетъ черняки-то класть?

— Да всѣ они будто! Князь Вархoвскій, Лугощинскій, Чебуровъ, Стононовъ, а за ними и мелочи много.

— Поживемъ—увидимъ,—отвѣтилъ ободренный Новодубскій.

За кофеемъ, который пили на балконѣ ресторанной залы, бывшей тутъ же черезъ двѣ комнаты отъ номера Новодубскаго, пріятели поговорили о предстоявшемъ блестящемъ урожаѣ; о бурахъ, изъ-за которыхъ они чуть не поссорились, когда Новодубскій сталъ доказывать Градову, страшному бурофилу, что дѣло Англіи въ южной Африкѣ есть дѣло культурное; о покупкѣ крестьянскимъ банкомъ дворянскихъ земель, съ которой перешли опять на общій дворянскій вопросъ.

Пробило одиннадцать часовъ. Градовъ поѣхалъ въ земскую управу, а Новодубскій заѣхалъ еще въ квартиру городского судьи, сдѣлать визитъ Николаеву. У предводителя онъ засталъ нѣсколькихъ помѣщиковъ, съ которыми познакомился. Онъ едва успѣлъ присѣсть, какъ кто-то замѣтилъ, что пора ѣхать. Всѣ встали и вмѣстѣ съ хозяиномъ отправились въ управу.

Земскій домъ представлялъ изъ себя двухъ-этажное зданіе, въ нижнемъ этажѣ котораго были собраны всевозможныя присутствія: тутъ была и земская управа, и воинское присутствіе, и дворянская опека. Дѣла училищнаго совѣта помѣщались въ какомъ-то чуланѣ подъ лѣстницей; тутъ же былъ и земскій книжный складъ. Во второмъ этажѣ была зала, гдѣ происходили засѣданія земскаго собранія. Тутъ же ежемѣсячно засѣдалъ уѣздный съѣздъ, а четыре раза въ году—окружной судъ. Осенью здѣсь производился наборъ. Когда же никакихъ собраній и съѣздовъ не было, зала служила камерою уѣзднаго члена окружного суда.

Кромѣ залы, были во второмъ этажѣ земскаго дома еще двѣ-три комнаты, служившія, смотря по тому, что̀ происходило въ залѣ, канцеляріей съѣзда или окружного суда, комнатой для присяжныхъ засѣдателей, для совѣщанія судей и проч.

Сама же зала была мала, низка, безъ вентиляціи, съ плохимъ освѣщеніемъ и вся прокопчена табачнымъ дымомъ. О залѣ

понятіе будетъ имѣть читатель, если скажемъ, что двадцать лѣтъ шла переписка окружного суда съ земствомъ о полной непригодности ея для засѣданій не только окружного суда, но и съѣзда. Двадцать разъ, по одному разу въ годъ, судъ писалъ въ земство, что зала по своей негигіеничности не годится, и что судъ, за неимѣніемъ подходящаго помѣщенія, прекратитъ свои выѣздныя сессіи въ этотъ уѣздъ. Двадцать разъ отписывалась управа и составлялись постановленія земскаго собранія о томъ, чтобы имѣть въ виду постройку новаго дома.

Помѣщикъ Стононовъ, разсказывавшій это Новодубскому и бывшій гласнымъ со введенія земскихъ учрежденій, прибавилъ, что вѣроятно скоро будетъ приступлено къ постройкѣ.

На одномъ дворѣ съ земскимъ домомъ была тоже двухъ-этажная земская больница, а позади—складъ сельскохозяйственныхъ орудій.

Когда Новодубскій вмѣстѣ съ Стононовымъ, показавшимъ ему всѣ земскія постройки, вернулся въ управу, въ ней было всего человѣкъ десять.

— Странная вещь,—говорилъ предсѣдателъ управы, старый мелкопомѣстный помѣщикъ, выбиравшійся нѣсколько трехлѣтій подъ-рядъ за свою крайнюю разсчетливость,—какъ мало народу, Вѣдь засѣданіе назначено въ одиннадцать, Алексѣй Демидовичъ?

— Точно вы не знаете! — отвѣчалъ Николаевъ: — раньше часа не соберутся. Всѣ покупки по хозяйству впередъ сдѣлаютъ, а ужъ потомъ въ собраніе пріѣдутъ.

— Вы бы назначили пораньше,—рискнулъ Новодубскій.

— Пробовалъ-съ, пробовали всѣ, не я одинъ. Хоть въ семь часовъ утра назначь засѣданіе. Все равно, въ часъ соберутся.

Предсѣдатель управы между тѣмъ демонстрировалъ необыкновенный колосъ пшеницы, выросшей у него изъ особо выписанныхъ сѣмянъ. Другой помѣщикъ, наоборотъ, говорилъ, что эта самая пшеница у него пропала. Такого же рода разногласіе вызвала и удивительная сибирская гречиха. У одного помѣщика она выдержала довольно сильный морозъ, побившій всѣ остальныя гречихи, у другого вымерзла отъ ничтожнаго мороза, пощадившаго простую гречиху.

О выборахъ не говорили ни слова. Новодубскій спросилъ Градова, что̀ это значитъ.

— Какъ что̀ это значитъ? Что̀ вы хотите, чтобы говорили?

— Ну, я думалъ, сговариваться будутъ, кого провалить, кого выбрать.

— Чего тутъ сговариваться! Каждый и такъ уже знаетъ, кому онъ куда положитъ.

— Такъ..., значитъ, партій нѣтъ? А я слыхалъ про земскую партійность.

— Партіи-то есть... только неоффиціальныя. Большую роль играетъ родство. Только вотъ я васъ предупреждаю. Видите этого господина? вонъ, въ углу сидитъ одинъ?

— Ну, вижу.

— Это новый помѣщикъ здѣсь заявился. Такъ ему всѣ рѣшили класть налѣво. Онъ, говорятъ, ростовщикъ.

— Вы это знаете навѣрное?

— Я-то его вовсе не знаю, но говорятъ, что это фактъ. Онъ гдѣ-то служилъ,—кажется, въ Орлѣ или Калугѣ,—и ростовщичествомъ нажилъ состояніе.

Въ это время предводитель громко крикнулъ, чтобы слышно было вездѣ:

— Пожалуйте наверхъ, господа, — сейчасъ откроется засѣданіе.

Приглашеніе это было вызвано появленіемъ нѣсколькихъ избирателей, присутствіе которыхъ Николаевъ считалъ для выборовъ полезнымъ и которые ѣздили на вокзалъ завтракать.

— Все равно, Алексѣй Демидовичъ, раньше часа не начнете. А мы къ тому времени успѣемъ позавтракать и пріѣхать.

— Смотрите, не засидитесь!—безпокоился Николаевъ.

Теперь эти господа вернулись. По громкому ихъ разговору видно было, что они за завтракомъ не только ѣли, но и пили.

XVI.

Николаевъ сѣлъ на предсѣдательское мѣсто и нѣсколько разъ позвонилъ, пока избиратели тоже заняли свои мѣста. Они расположились маленькими группами пріятелей. Новодубскій хорошо зналъ только одного Градова, и хотѣлъ сѣсть рядомъ съ нимъ, но замѣтилъ, что онъ устроился рядомъ съ тѣмъ земскимъ начальникомъ, который при Новодубскомъ неприличными словами ругалъ старуху. Къ этому земскому начальнику онъ питалъ почти-что отвращеніе, и потому отошелъ. Выручилъ его одинъ изъ самыхъ видныхъ постоянныхъ гласныхъ уѣзда, Чебуровъ. Высокій, коротко остриженный и гладко выбритый, худой и чрезвычайно изящный, онъ больше былъ похожъ на англійскаго лорда, чѣмъ на русскаго помѣщика. Еще молодымъ человѣкомъ онъ достигъ-было высокаго служебнаго положенія, но, какъ это часто бываетъ, не сумѣлъ угодить кому слѣдовало при перемѣнѣ

курса и былъ въ опалѣ, хотя и почетной. Прекрасно воспитанный, гуманный и стойкій въ своихъ убѣжденіяхъ, онъ, повидимому, не придавалъ никакого значенія своей опалѣ. Его теперешнее высокое положеніе, считавшееся для него опалой, оставляло ему лѣто свободнымъ. Онъ этимъ пользовался, чтобы проводить его въ деревнѣ, гдѣ больше заботился о томъ, чтобы поддержать крестьянъ, чѣмъ о своемъ собственномъ хозяйствѣ. Естественно, что крестьяне его боготворили. Въ земствѣ онъ всегда шелъ рука объ руку съ лучшими гласными. Когда онъ защищалъ какое-нибудь дѣло, онъ это дѣлалъ всегда такъ сдержанно, что никогда не обижалъ своихъ противниковъ. Открытыхъ и убѣжденныхъ враговъ у него не было. Кое-кто изъ его противниковъ подсмѣивался иногда за глаза надъ его мужикофильствомъ, которое такими людьми объяснялось барской потѣхой, но дальше этого не шли.

Чебуровъ зналъ Аполлона Николаевича и Наталью Владиміровну, и радъ былъ повидимому познакомиться и съ Григоріемъ Аполлоновичемъ. Къ нему и присоединился Новодубскій.

Сколько ни звонилъ Николаевъ, но шумъ не утихалъ, пока онъ звукъ колокольчика не замѣнилъ своимъ собственнымъ голосомъ, крикнувъ:

— Нельзя ли потише, господа? Ничего не слыхать.

Очень худенькій секретарь управы, въ очкахъ, подошелъ и пальцемъ указалъ Николаеву на какое-то мѣсто въ книгѣ. Николаевъ хотѣлъ-было начинать читать, но секретарь ему вполголоса напомнилъ, что надо объявить съѣздъ избирателей открытымъ.

— Объявляю съѣздъ открытымъ,—громко повторилъ Николаевъ и началъ читать относившіяся до съѣзда статьи закона. Онъ читалъ до тѣхъ поръ, пока секретарь, снова подошедши къ нему, не сказалъ ему, что довольно. Затѣмъ председателемъ же былъ прочитанъ списокъ избирателей, съ указаніемъ на цензъ, дающій имъ право участія въ выборахъ.

Тогда всталъ одинъ старикъ и заявилъ, что, по его соображеніямъ, одинъ избиратель, здѣсь присутствующій, неправильно внесенъ въ списки. Другой избиратель находилъ, наоборотъ, что названное лицо имѣетъ всѣ права избирателя. Вмѣшались еще нѣкоторые, и дѣло затянулось бы, еслибы не всталъ и не разъяснилъ дѣла князь Вархобскій.

Имя князя Вархобскаго гремѣло во всемъ земскомъ мірѣ губерніи. Какой бы вопросъ ни обсуждался, рѣшеніе его въ ту или другую сторону ставилось въ зависимость отъ мнѣнія Вархобскаго. Онъ умѣлъ всегда поставить вопросъ на должную

почву. Полный, довольно приземистый, съ взъерошенными черными волосами и густой бородой, съ излишними для его лѣтъ морщинами, онъ всегда сидѣлъ въ углу на мѣстѣ, которое ему оставлялось какъ бы по всеобщему уговору. Почти по каждому вопросу онъ высказывался.

— Позвольте мнѣ сказать по этому поводу!—громко обращался онъ къ предсѣдателю, вставая съ своего мѣста.

Говоря, онъ немного пришепетывалъ, но это пришепетыванье необыкновенно шло къ нему и придавало особую прелесть его рѣчамъ. Когда онъ начиналъ говорить, обыкновенно всѣ замолкали и слушали его. Въ земскихъ собраніяхъ слушали его не только гласные, но и публика. Всякій гулъ, обычный въ собраніяхъ, когда ничто и никто не захватывалъ вниманія присутствующихъ, умолкалъ, какъ только раздавался его голосъ. Обыкновенно онъ по каждому вопросу говорилъ послѣдній. Онъ разсматривалъ вопросъ прежде всего съ точки зрѣнія законности, потомъ въ связи съ исполнимостью предложенія на практикѣ и по отношенію къ пользѣ отъ него для населенія. Глубокій знатокъ земскаго дѣла, онъ умѣлъ привести аналогію изъ практики другой губерніи или напомнить о забытомъ циркулярѣ. Поэтому-то часто и нечего было ему возражать. Въ особенности съ жадностью слушали его крестьяне. Далеко не филантропъ въ частной жизни, какъ Чебуровъ, наоборотъ, хозяинъ разсчетливый, даже прижимистый — онъ въ общественной дѣятельности являлся большею частью представителемъ взглядовъ гласныхъ отъ крестьянъ, которые ему безусловно довѣряли и всегда голосовали съ нимъ. Когда вопросъ казался неяснымъ, всѣ головы обращались къ нему, и когда, по выраженію его лица и по быстрымъ взглядамъ его выразительныхъ черныхъ глазъ видно было, что у него мысль работаетъ, всѣ успокаивались. Знали, что князь дѣло разъяснитъ.

Если мы прибавимъ, что по фигурѣ, по манерамъ, по воспитанію, по образу жизни Варховскій былъ чисто земскій, черноземный человѣкъ, безъ того англо-французскаго лоска, которымъ обычно покрыты у насъ титулованныя лица, и что его чуть ли не двѣ губерніи звали просто княземъ, не называя фамиліи его, то картина будетъ почти полная.

Новодубскій, много слыхавшій про Вархевскаго и только-что съ нимъ познакомившійся передъ засѣданіемъ, съ любопытствомъ повернулся къ нему, когда онъ сталъ говорить. Пока говорили другіе, вопросъ о сомнительныхъ правахъ одного изъ избирателей такъ и оставался неразъясненнымъ. Но всталъ князь—и Ново-

дубскому, и всѣмъ остальнымъ стало ясно какъ дважды-два четыре, что лицо, о которомъ шла рѣчь, права участвовать въ выборахъ не имѣетъ. При открытой баллотировкѣ вопроса, противъ него высказался даже одинъ гласный, до рѣчи князя утверждавшій, что права его очевидны. Господинъ, о которомъ шла рѣчь, сильно покраснѣлъ и вышелъ изъ залы засѣданій, бросивъ взглядъ на Варховскаго.

— Зачѣмъ вы меня погубили, князь?—говорилъ его взглядъ.

Князь, улыбаясь и выразительно поднявъ брови, какъ бы извиняясь передъ собраніемъ, сказалъ съ особено сильнымъ пришепетываніемъ:

— Чтò же дѣлать? Жалко, конечно,... но вѣдь законъ ясенъ.

Послѣ этого инцидента, началась баллотировка. Внесли шесть ящиковъ—больше ихъ въ управѣ не было—и поставили ихъ на столъ, прицѣпивъ къ каждому ящику по бумажкѣ съ именемъ баллотируемаго. Одинъ изъ избирателей, обладавшій громкимъ голосомъ и любившій при случаѣ имъ похвалиться, сталъ выкрикивать имена присутствующихъ, а другіе, стоявшіе при ящикахъ и державшіе въ рукахъ коробки съ отсчитанными по числу прибывшихъ шарами, давали ихъ подходившимъ по одному избирателямъ. Когда всѣ шары были положены, подходилъ предводитель, считалъ шары и записывалъ число избирательныхъ и неизбирательныхъ въ особый баллотировочный списокъ. Тѣмъ временемъ записки на ящикахъ мѣнялись для новой серіи шести лицъ. Процедура эта повторялась разъ шесть и отняла много времени.

Когда Григорій Аполлоновичъ въ первый разъ въ жизни почувствовалъ въ рукѣ шарикъ, онъ проникся важностью момента и твердо рѣшился отнестись къ исполненію этого гражданскаго долга съ должною серьезностью. Нѣкоторые изъ помѣщиковъ шутили, смѣясь, предрекали другъ другу, что провалятся.

Новодубскаго это смущало.

„Какъ могутъ они такъ легкомысленно относиться къ выборамъ?"—думалъ онъ про себя.

Сидѣвшій рядомъ съ нимъ Чебуровъ точно отгадалъ его мысль.

— Такія баллотировки только у насъ могутъ быть. Я за границей видалъ баллотировки. Тамъ каждый, когда несетъ свой бюллетень, точно священнодѣйствуетъ. Онъ можетъ злиться, торжествовать, но идти, какъ у насъ, не зная напередъ, куда положишь свой шаръ,—этого онъ не можетъ! А у насъ сплошь да

рядомъ вывозитъ слѣпой случай. Чего говорить! Не привыкли мы къ гражданственности; и даже когда законъ намъ кладетъ шарикъ въ руки, мы думаемъ, что это—игрушка!

Въ первомъ ряду ящиковъ баллотировались Варховскій и Градовъ. Остальные были неизвѣстные. Варховскому Новодубскій положилъ направо съ убѣжденіемъ. Неизвѣстнымъ тоже положилъ направо. Только передъ Градовымъ онъ на минуту усомнился.

— Положимъ, онъ мнѣ пріятель. Хорошо ли будетъ, если я ему положу направо только по личнымъ отношеніямъ? А вѣдь помимо этого ему надо налѣво положить. Убѣжденія у него не изъ симпатичныхъ...

И онъ собрался положить налѣво. Но, уже протянувъ руку къ ящику, передумалъ.

— Вѣдь мы въ земскіе гласные баллотируемъ, а земство—хозяйственный органъ. Причемъ же тутъ убѣжденія?

И положилъ направо.

Изъ шести баллотировавшихся одинъ оказался забаллотированъ. У него еще прежде была какая-то исторія денежная, набросившая на него тѣнь. Остальные пять оказались избранными, причемъ Градовъ получилъ всего семнадцать направо и пятнадцать налѣво.

— Говорилъ я вамъ, что нашего брата рѣшились забаллотировать?—замѣтилъ онъ Новодубскому.

— Ужъ и ты, голубчикъ, не положилъ ли мнѣ налѣво?—спрашивали его глаза.

Но Григорій Аполлоновичъ встрѣтилъ его взглядъ такъ спокойно, что всякія его сомнѣнія разсѣялись.

„Нѣтъ,—подумалъ Градовъ,—этотъ еще не искусился во всѣхъ избирательныхъ тонкостяхъ и обманахъ“.

Во второмъ ряду ящиковъ былъ билетикъ того земскаго начальника, который при Новодубскомъ оскорбилъ старуху.

„Я-жъ тебѣ покажу, какъ оскорблять и безъ того уже обиженныхъ судьбой!“—подумалъ Григорій Аполлоновичъ и собрался положить шарикъ налѣво.

„Однако, вѣдь мы баллотируемъ въ гласные. И онъ, быть можетъ, прекрасный хозяинъ, хотя и грубый человѣкъ“,—пронеслось въ его умѣ, когда ужъ онъ протягивалъ руку.

„Нѣтъ, быть не можетъ. Такой негодяй нигдѣ хорошимъ не будетъ“,—успѣлъ онъ снова перемѣнить свое мнѣніе.

И положилъ налѣво. Ящики были плохіе, и по звуку можно было судить, куда положенъ шарикъ, направо или налѣво. Какъ

разъ за ящикомъ ненавистнаго Новодубскому земскаго начальника стоялъ его пріятель, тоже земскій начальникъ. Когда Новодубскій уже положилъ свой шаръ налѣво, глаза ихъ встрѣтились. Новодубскому показалось, что тотъ на него смотритъ недружелюбно.

„Смотри какъ хочешь! — подумалъ онъ. — Я свой долгъ исполнилъ. А такому негодяю никогда направо не положу".

„Негодяй", какъ мысленно звалъ Новодубскій грубаго земскаго начальника, былъ забаллотированъ. Въ залѣ пошли разговоры. Говорили, что такая партійность—вещь новая, и что стали забаллотировывать людей, бывшихъ по нѣскольку трехлѣтій гласными. Вокругъ забаллотированнаго въ одномъ углу залы собрались нѣсколько человѣкъ и обсуждали положеніе. Слышалось слово „камарилья". Новодубскому показалось, что, между прочимъ, произнесено было и его имя.

Наконецъ дошелъ чередъ и до Новодубскаго. Рядомъ съ нимъ стоялъ ящикъ Николаева. Какъ предводитель, онъ могъ бы пользоваться правами гласнаго и въ уѣздномъ, и въ губернскомъ собраніяхъ, не будучи гласнымъ. Но онъ предпочиталъ баллотироваться и въ гласные, какъ неувѣренный, что и на слѣдующее трехлѣтіе будетъ предводителемъ, или желая убѣдиться въ степени своей популярности среди земцевъ.

Сильно забилось сердце Новодубскаго, когда было провозглашено, что онъ баллотируется. „А ну какъ провалятъ?" — стрѣлой пронеслось въ его головѣ. И ему показалось, что если дѣйствительно его провалятъ, то ему будетъ ужасно, ужасно стыдно, и что въ особенности стыдно будетъ ему передъ матерью, которая непремѣнно скажетъ, что и въ гласные-то онъ не годится. Въ вискахъ его стучало, и онъ нетвердою поступью подошелъ къ столу, какъ только услыхалъ свое имя. У него мелькнула мысль, что если ему провалиться, то пускай и другимъ будетъ хуже. Самъ, по крайней мѣрѣ, онъ рѣшался класть всѣмъ налѣво. Но когда взялъ шарикъ и увидалъ незнакомое имя, быстро сообразилъ, что это будетъ съ его стороны подло класть налѣво незнакомому человѣку только потому, что боится самъ провала,—положилъ направо.

Но, подходя къ ящику Николаева, онъ его вдругъ возненавидѣлъ. „Вѣдь онъ—коноводъ тѣхъ, которые меня будутъ забаллотировывать, — подумалъ онъ". — Да къ тому же я его знаю, слишкомъ хорошо знаю и его, и его воззрѣнія".—И онъ рѣшилъ, что никакой подлости не сдѣлаетъ, если хоть ему положитъ налѣво, а наоборотъ, что исполнитъ свой долгъ избирателя. И по-

ложилъ налѣво, стараясь думать о томъ, гдѣ у него правая и лѣвая, чтобы нечаянно не ошибиться и не положить Николаеву направо.

Онъ подошелъ къ своему ящику. Сердце билось еще сильнѣе и въ глазахъ туманилось. Онъ зналъ, что никто самъ себѣ шаровъ не кладетъ. Тѣмъ не менѣе, протянулъ руку къ шарамъ и у своего ящика, и получилъ шаръ изъ рукъ державшаго тарелку. Въ своемъ смущеніи онъ безсознательно и положилъ бы этотъ шаръ, самъ не зная, на какую сторону, если бы одинъ изъ толпившихся у ящиковъ избирателей не остановилъ его.

— Чтò вы, чтò вы! Вы ужъ и себѣ класть собираетесь? Это, кажется, не полагается!

Новодубскій опомнился, извинился въ своей неловкости и даже поблагодарилъ незнакомаго избирателя за совѣтъ, хотя не могъ не замѣтить ироніи въ его голосѣ. Сильно взволнованный, онъ вернулся къ своему мѣсту и сталъ ждать результата баллотировки.

Время казалось ему ужасно долгимъ, пока считали шары остальныхъ, такъ какъ его ящикъ былъ послѣдній. Свои шары Николаевъ считать не сталъ, а передалъ предсѣдательство кандидату предводителя. У Николаева, также какъ и у Градова, оказалось семнадцать направо и пятнадцать налѣво. Всѣ такъ и ахнули. Никогда предводитель дворянства такъ плохо не проходилъ.

Новодубскому это было пріятно, потому что, если бы и ему суждено было провалиться, это было бы не такъ стыдно. Наконецъ, начали считать и его шары.

— Разъ, два, три, — раздавался голосъ Николаева, и одновременно стали стучать шары о пустую тарелку.

У Новодубскаго же стучало въ вискахъ. На шестнадцати Николаевъ остановился.

— Неужели и одного еще нѣтъ? — пронеслось въ головѣ Григорія Аполлоновича, пока Николаевъ рукой разыскивалъ, не забилось ли гдѣ въ углу ящика шарика.

— Семнадцать... и восемнадцать!—раздалось еще.

Къ Новодубскому подошли съ поздравленіями Чебуровъ и Градовъ. А тѣмъ временемъ шелъ счетъ черныхъ и раздавался опять голосъ Николаева:—Одинъ, два, три...—но никто его не слушалъ.

— Да,—говорилъ Чебуровъ, — сегодня день жаркій, и вы оказались въ числѣ побѣдителей.

— Я досадую, что положилъ ему направо, — шутя сказалъ Градовъ.

Новодубскій, счастливый, что попалъ въ гласные, пожималъ руки подходившимъ къ нему знакомымъ. Онъ еще кое съ кѣмъ перезнакомился, и уже не стѣснялся шутить надъ нѣкоторыми провалившимися избирателями. А подъ-конецъ избиратели стали еще строже относиться къ выборамъ. По окончаніи баллотировки оказалось, что девять человѣкъ старыхъ гласныхъ были забаллотированы. Изъ земскихъ начальниковъ былъ выбранъ одинъ Градовъ. Всѣ получившіе большинство шаровъ были зачислены въ гласные, и то двухъ гласныхъ до опредѣленнаго числа не хватило.

Къ вечеру, кромѣ нѣсколькихъ человѣкъ, уѣхавшихъ въ свои имѣнія на лошадяхъ, всѣ собрались обѣдать на вокзалѣ желѣзной дороги—единственномъ мѣстѣ въ городѣ, гдѣ можно было получить сносный столъ. Новодубскій передъ этимъ заѣхалъ кое-куда по хозяйственнымъ надобностямъ, посмотрѣлъ жеребца у барышника, заказалъ запасныя части для машинъ на чугунно-литейномъ заводѣ. Все это взяло немало времени, и когда онъ пріѣхалъ на вокзалъ, всѣ были уже въ сборѣ и, закусивши, ѣли супъ. Новодубскій сталъ глазами выбирать себѣ мѣсто. На одномъ концѣ сидѣли князь Варховскій, Чебуровъ и еще нѣсколько старыхъ гласныхъ.

— Подсаживайтесь, Григорій Аполлоновичъ,—сказалъ ему Чебуровъ, отодвигаясь отъ сосѣда, чтобы дать ему мѣстечко.

— Не безпокойтесь, пожалуйста,—отвѣтилъ Новодубскій,—здѣсь и такъ тѣсно. Я найду себѣ мѣсто.

На другомъ концѣ стола было нѣсколько свободныхъ приборовъ. Къ одному изъ нихъ онъ подсѣлъ и очутился среди компаніи молодыхъ людей, громко разговаривавшихъ. Двое были уже порядочно разгорячены выпитой водкой и теперь распивали бутылку эля. Онъ узналъ нѣсколькихъ помѣщиковъ, недолго передъ тѣмъ забаллотированныхъ. Въ лицо-то онъ ихъ зналъ, а знакомъ былъ только съ земскимъ начальникомъ, ругавшимъ старуху, и съ которымъ онъ не хотѣлъ поддерживать никакихъ отношеній. Градовъ и тотъ, оказалось, сидѣлъ внѣ предѣловъ возможнаго разговора. На минуту притихшій при появленіи Новодубскаго, разговоръ снова сдѣлался громкимъ. Григорію Аполлоновичу чувствовалось неловко среди незнакомой компаніи.

„Ужъ лучше бы я сѣлъ за отдѣльный столикъ",—подумалъ онъ.

Чтобы немного уменьшить эту неловкость, онъ рѣшилъ познакомиться съ своими сосѣдями. Одинъ былъ старичокъ, родившійся и собиравшійся умирать въ своемъ уѣздѣ, пріятель разныхъ юнцовъ, съ которыми былъ на „ты". Другой сосѣдъ—слѣва—былъ сынъ одного изъ прежнихъ предводителей, мамень-

кинъ сынокъ, перебывавшій во всевозможныхъ учебныхъ заведеніяхъ, кромѣ конечно высшихъ, и счастливый, что вышелъ въ офицеры, а потомъ и въ отставку, прошедши кавалерійское училище. Офицеромъ онъ былъ шесть мѣсяцевъ, но при всякомъ удобномъ случаѣ старался напомнить своему собесѣднику, что и онъ былъ не только офицеромъ, но и кавалерійскимъ.

Разговоръ перескакивалъ съ предмета на предметъ; говорили о томъ или иномъ помѣщикѣ, объ охотѣ, о женщинахъ, о сегодняшней „камарильѣ". Новодубскій еле-еле успѣвалъ вставить слово, чтобы не имѣть глупаго вида, сидя все время молча.

— Гдѣ-то теперь сынокъ отца Михаила?—спросилъ, ни къ кому не обращаясь, старичокъ-сосѣдъ Новодубскаго.

— Какого отца Михаила и что̀ случилось съ его сыномъ?—спросилъ Григорій Аполлоновичъ.

— Отца Михаила вы не знаете? Тутъ священникъ есть въ Преображенской церкви, хорошій такой. Такъ у него сынокъ—двадцати лѣтъ нѣтъ еще—онъ бросилъ ученье и теперь въ какую-то исторію оказался замѣшаннымъ.

— Въ какую исторію?

— Въ такую, за которую по головкѣ не погладятъ. Его—цапъ-царапъ, въ вагонъ и... въ Питеръ.

— Ихъ, вѣроятно, цѣлая шайка,—замѣтилъ кто-то.

— А то одинъ, что-ль, онъ вздумалъ такую вещь? Выпороть бы ихъ всѣхъ на площади! Славное бы дѣло было!—возразилъ старичокъ.

— А что, ихъ всѣхъ переловили?

— Кое-кого взяли, но не всѣхъ. Я съ прокуроромъ говорилъ. Они не выдаютъ товарищей. Иногда признаются, что насъ, молъ, было трое.—Ну, хорошо! Вы! А тѣ двое кто были?—Такъ ни за что не выдадутъ.

— Не понимаю,—вставилъ бывшій кавалерійскій офицеръ,—почему въ такихъ случаяхъ не обратиться къ старому средству. Конечно, пытать вообще не слѣдуетъ, потому что можно пытать и человѣка ничего не знающаго, по ошибкѣ. Но когда фактъ знанія обвиняемымъ чего-либо, что̀ онъ скрываетъ, твердо установленъ, когда онъ самъ признается, что, молъ, знаю, да не скажу,—воля ваша, пытка не лишняя въ такихъ случаяхъ. У меня книжка съ рисунками. Славно бы такого господинчика поразспросить получше—въ особенности въ такихъ дѣлахъ—живо бы поразсказалъ... Ха, ха, ха!..

— Ну, ужъ ты далеко зашелъ!—отвѣчалъ старичокъ.—Пытка уже слишкомъ устарѣлый пріемъ. Вотъ, выпороть... это такъ.

Новодубскій, сдерживавшійся при разговорѣ о поркѣ, тутъ не выдержалъ. Онъ весь покраснѣлъ и громко сказалъ:

— Я сюда, господа, очевидно сѣлъ по ошибкѣ. Противъ пытки я говорить не хочу, но не хочу и слушать ея восхваленія. Это вредитъ моему пищеваренію и, признаться, вызываетъ тошноту... Человѣкъ, перенеси мой приборъ вонъ на тотъ столикъ!..

Сказавъ это, Новодубскій громко отодвинулъ стулъ и пересѣлъ на диванчикъ, передъ которымъ стоялъ отдѣльный маленькій столъ. Онъ слышалъ, какъ вслѣдъ за нимъ поднялся шумъ и смѣхъ. Голоса громко выкрикивали:—„Каковъ? А?"—„Но вѣдь это дерзость!"—„Оставь его!"—„И такого выбрали въ гласные!"

Происшедшую размолвку слышали и на другомъ концѣ стола. Стононовъ всталъ съ своего мѣста и подошелъ къ Новодубскому.

— Ну, что у васъ тамъ произошло?—спросилъ онъ.

Новодубскій разсказалъ.

— Теперь, пожалуй, еще разсердится этотъ господинъ, вызоветъ меня на дуэль.

— На дуэль?.. Ха, ха, ха!.. Ну, не знаете же вы здѣшнихъ порядковъ. Тутъ и по физіономіи другъ друга съѣздятъ, и то ничего. А вы захотѣли дуэль. Завтра, коли хотите, на „ты" можете съ ними пить со всѣми.

— Ну, пить-то я съ ними, положимъ, не буду.

— Это дѣло ваше, но насчетъ вызова будьте покойны. Здѣсь это не полагается. Да и сказалъ-то вѣдь онъ это не серьезно, а такъ себѣ. Отчасти хотѣлъ васъ подразнить, отчасти болѣе ярко оттѣнить передъ всѣми свой образъ мыслей. Но теперь онъ, во всякомъ случаѣ, сознаетъ, что хватилъ черезъ край... Ну, а вамъ позвольте старику дать совѣтъ: не кипятитесь такъ. Ну, что вы сдѣлали? Вы прямо порвали со всѣми этими господами. Положимъ, вы въ нихъ не нуждаетесь, но дѣлу это вредитъ. Будетъ вамъ стоить въ собраніи слово сказать—они всѣ будутъ противъ васъ. Затѣмъ, вы не должны забывать, что черезъ три года будутъ новые выборы, и вы на нихъ можете провалиться. Вотъ, смотрите на князя. Вотъ у кого надо учиться. Никто его не упрекнетъ въ недостаточной стойкости убѣжденій, а между тѣмъ враговъ у него нѣтъ. Гусей не дразнитъ. А теперь идемте на нашъ конецъ! Что вы тутъ одинъ сидите?

Новодубскій чувствовалъ себя нѣсколько виноватымъ, что заварилъ эту кашу. Пока Стононовъ читалъ ему нотацію, ему было неловко, но онъ не могъ не понимать, что дѣлалось это отъ души и для его же пользы. Онъ немедленно принялъ при-

глашеніе идти къ столу. Тамъ онъ очутился между Стононовымъ и Чебуровымъ. Было тѣсно.

— Лучше бы вы сразу пришли къ намъ, какъ я васъ звалъ,— сказалъ, улыбаясь, Чебуровъ.—Не было бы этой исторіи.

— Да, мы объ этомъ ужъ говорили,—замѣтилъ Стононовъ.

— Теперь мы торжествуемъ на выборахъ, — продолжалъ Чебуровъ, потому что мы какъ-то успѣли сговориться. А черезъ три года — вы увидите — ихъ возьметъ. Вѣдь ихъ больше. И какъ они организуются, съ ними ничего не подѣлаешь...

XVII.

На другой день, сидя въ коляскѣ послѣ двухъ безсонныхъ ночей, Новодубскій думалъ о своемъ вступленіи на новое поприще. Онъ такъ давно мечталъ быть гласнымъ, что не могъ не чувствовать удовлетворенія при мысли, что его желаніе исполнилось. Съ другой стороны, и удовлетвореніе было неполное.

„Какъ все это дѣлается просто! — думалъ онъ.—Призваны люди дѣлать такое великое дѣло, какъ земское, а выборы производятъ точно шутя! Все тутъ есть,—и личныя отношенія, и интриги, и исканіе матеріальной выгоды... одного нѣтъ: радѣнья о землѣ или о тѣхъ людяхъ, которые ее обрабатываютъ и которые своими мозолистыми руками добываютъ всѣ тѣ дорогія вещи, которыми мы пользуемся и которыя считаемъ себя вправѣ имѣть... Ну, хорошо! Наша взяла, какъ говорятъ; но вѣдь Чебуровъ сказалъ, что черезъ три года ожидаетъ другого результата выборовъ. Что̀ тогда будетъ? И неужели все дѣло земское зависитъ отъ простой случайности?.. Не работники мы... вотъ что̀... а скорѣе норовимъ, чтобы на насъ другіе работали"...

— Скажи-ка, Капраловъ,—вдругъ спросилъ онъ кучера,— ты бы хотѣлъ быть богатымъ?

— А то нѐчто?.. Всякому, небось, хотца богатымъ быть.

— Такъ... Ну, а что̀: сталъ бы ты работать, или нѣтъ, кабы ты былъ богатъ, ну, къ примѣру, какъ я?

— Значитъ, кабы ваше имѣнье, да мнѣ бы?..

— Ну, да, я къ примѣру говорю.

— Знамо дѣло, къ примѣру... Такъ, для блезиру, можетъ, что̀ и сработалъ бы, а лошадей чистить въ жизнь бы не сталъ. Какъ не работать? Наше дѣло мужицкое—привычное. Намъ безъ работы нельзя.

— Я не про такую работу говорю. Вотъ, ты самъ крестья-

нинъ. Такъ если бы ты вдругъ разбогатѣлъ, сталъ бы ты, или нѣтъ, работать для крестьянъ, чтобы и они богаче были?

— Чего жъ тогда на нихъ работать? Тогда они бы на меня работали, а не я на нихъ...

— Я не про такую работу говорю. Я вотъ что̀ спрашиваю: разбогатѣй ты, сталъ бы ты, или нѣтъ, заботиться о крестьянахъ, строить для нихъ больницы, школы?

— Чего жъ я сталъ бы строить? На то правительство есть!

— Ты про земство слыхалъ?

— Слыхалъ! Какъ не слыхать?

— Ну, такъ, вотъ, въ земствѣ ты могъ бы быть гласнымъ, заботиться о своихъ же ближнихъ, хлопотать за нихъ.

— Нéчто меня тамъ стали бы слушать? Тамъ и господъ довольно. Нашего брата, будь онъ разбогатый, нéчто послухаютъ?

— А господа работать должны на крестьянъ... хоть въ земствѣ?

— Ежели какой хочетъ медали да кресты получать, тотъ пущай работаетъ. Молодежь это больше потѣшается. А вотъ старикъ Зернухинъ—на что кредитный и богатый господинъ, полковникъ,—при мнѣ, надась, говорилъ: „Я бы имъ такого земства кой-куда всыпалъ! А то школы имъ еще!"... Разные есть господа!

Новодубскій понялъ, что никакой поддержки съ этой стороны не получитъ. Онъ замолчалъ и сталъ одинъ обдумывать свое положеніе. Къ мысли о земствѣ стала, по мѣрѣ приближенія къ Дубовкѣ, чаще и чаще присоединяться мысль о Настѣ. То и другое привязывало его къ мѣсту. Не будь Насти, онъ бы еще, можетъ быть, промѣнялъ земство на другое дѣло; его привлекали всегда,—больше, конечно, въ теоріи,—путешествія. Не будь земства, онъ какъ-нибудь устроился бы съ Настей—какъ, онъ самъ не зналъ и въ этотъ вопросъ не углублялся—и тоже поѣхалъ бы, можетъ быть, путешествовать. Но теперь объ отъѣздѣ нечего было и думать. И Настя, и земство привязывали его къ деревнѣ.

Мало-по-малу земство отошло въ его умѣ на второй планъ, и онъ всецѣло предался мыслямъ о Настѣ. Каждый разъ, какъ онъ начиналъ думать о ней, его давила безвыходность положенія. Съ другой стороны, необходимость найти изъ этого положенія выходъ не позволяла ему выкинуть этотъ томящій вопросъ изъ головы.

Больше всего въ его головѣ вертѣлось одно—обезпечить. Вѣдь такъ принято. И люди не осудятъ.

„Положимъ, — чуть не вслухъ сказалъ онъ, — худшее. Я

ее обезпечилъ. Прекрасно! Ну, а затѣмъ она, положимъ, отравилась".—Новодубскій при этой мысли содрогнулся.—„Да вѣдь всѣ, начиная отъ моей матери и кончая послѣдней бабой, всѣ ее же назовутъ дурой. Вѣдь всѣ такъ дѣлаютъ, и считается это даже очень благороднымъ... Такъ!.. А совѣсть?.. Вѣдь я знаю, что ей обезпеченія не нужно, что не изъ-за денегъ она со мной живетъ! И, еслибы что̀ случилось",—холодъ опять пробѣжалъ по его спинѣ,—„развѣ я когда-нибудь могъ бы себя убѣдить, что это не мой грѣхъ и что не я виноватъ въ ея смерти?.. Конечно нѣтъ! Поэтому, говорить, думать объ обезпеченіи, это все равно, что говорить и думать о возможности ея убіенія... Тьфу! Какой я, однакоже, негодяй! Сколько времени думаю о такихъ вещахъ, когда надо даже самую мысль о подобной гадости выкинуть изъ головы... Ну, а мама̀?.. Положительно, неразрѣшимый вопросъ!.."

Съ этими мыслями Новодубскій подъѣхалъ къ дому.

Мать его, которую онъ первую увидалъ, не выказала никакой радости при извѣстіи о его избраніи въ гласные, а сестра, прибѣжавшая къ нимъ, когда узнала о его пріѣздѣ, поздравила и нѣсколько разъ поцѣловала.

„Нелли, положительно, дѣлается лучше въ деревнѣ!—подумалъ онъ. — Не даромъ я говорю: чѣмъ дальше отъ центра, тѣмъ лучше... лучше во всѣхъ отношеніяхъ"...

Онъ справился объ Анѣ.

— Да что̀? ничего, Аня здорова. Бѣгаетъ-себѣ. Ты разскажи подробно про твои земскія дѣла. Что̀ Николаевъ? Я бы рада была, кабы его не выбрали!

Пришлось Григорію Аполлоновичу подробно разсказать весь ходъ дѣла. Даже мелочи, казалось, интересовали его сестру. Мать же его демонстративно раза два выходила, когда онъ слишкомъ горячо начиналъ бранить ретроградовъ.

Послѣ чая онъ всталъ, и, извинившись тѣмъ, что его ждутъ дѣла̀, ушелъ. Онъ торопился къ Настѣ. Онъ былъ увѣренъ въ томъ, что она даже не даетъ себѣ приблизительнаго отчета о томъ, что̀ такое земство, но зналъ, что его радость будетъ всегда ея радостью. Зналъ, что она его уже давно ждетъ и считаетъ минуты до его прихода.

Анисьи Петровны дома не было—она ушла куда-то въ гости. Настя была одна. Зеленый абажуръ былъ снятъ. Въ комнатѣ было свѣтло и весело.

— Ну, что̀, все хорошо прошло, Григорій Аполлоновичъ?—живо спросила его Настя, пока онъ невольно обтиралъ о по-

ловикъ ноги, чтобы не замарать бѣлоснѣжные, хотя некрашеные полы.

— Ничего, голубушка, все хорошо, очень даже хорошо.— Новодубскій поцѣловалъ ее въ голову.

— Я такъ и знала. Я во снѣ видѣла, что вы довольны.

Новодубскій сѣлъ на стулъ. Она—рядомъ, на кончикъ сундука, и сконфуженно вертѣла въ рукахъ фартукъ. Новодубскій этой привычки у нея не любилъ и слегка ударилъ ее по пальцамъ.

— Что же мнѣ дѣлать, вѣдь вы и рукъ моихъ не любите! Надо же ихъ мнѣ прикрывать фартукомъ.

— А ты не работай въ грязи.

— А за меня кто будетъ работать?

— Да ты грязнаго-то дѣла не дѣлай. Половъ не мой, посуды не чисти. — Онъ посмотрѣлъ ея руки. — Фу! видишь? заусенцы, руки красныя...

— Что же мнѣ дѣлать? — Настя уже была въ слезахъ. — Вѣдь вы же знаете, что мнѣ надо работать. Иначе на меня не такъ смотрѣть будутъ...

— Ну, ну, не плачь. Дѣлай какъ знаешь. — Новодубскій опять хотѣлъ поцѣловать ее въ голову, а она подставила губы.

— Вы лучше разскажите мнѣ про ваши дѣла. Какъ на васъ тамъ смотрятъ... Вѣдь умнѣе васъ тамъ никого нѣтъ...

— А ты почемъ знаешь? — улыбаясь, спросилъ онъ, тѣмъ болѣе довольный комплиментомъ, что зналъ, что это не лесть, а искреннее убѣжденіе.—Тамъ много умныхъ было...

— Все не такіе, какъ вы,—увѣренно отвѣчала она, мотнувъ головой и улыбаясь...

Анисья Петровна долго въ этотъ вечеръ пробыла въ гостяхъ.

На самый Петровъ день,—нигдѣ такъ праздники не замѣтны, какъ въ деревнѣ,—у Новодубскихъ обѣдали Градовъ и офицеръ, пріѣхавшій къ нимъ въ гости изъ Петербурга на два дня, воспользовавшись словеснымъ разрѣшеніемъ полкового командира.

Градовъ былъ въ первый разъ въ Дубовкѣ со времени пріѣзда Натальи Владиміровны и графини. Въ непріятной сценѣ, произошедшей на земскомъ обѣдѣ, онъ въ душѣ былъ на сторонѣ Новодубскаго, потому что пытки не могли не быть глубоко противными его мягкосердечной натурѣ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ теоретически былъ противъ него, не только какъ противъ представителя новыхъ идей, но и какъ противъ человѣка, слишкомъ горячо ихъ отстаивавшаго.

„Настоящій демагогъ,—думалъ онъ.—Его въ какое бы то

ни было собраніе пускать опасно. Онъ чортъ знаетъ, что наговоритъ. Ну, да дѣло сдѣлано. Чего еще про это говорить"?

Но у Градова была та особенность, что его политическія несогласія съ кѣмъ-либо вполнѣ уживались съ наилучшими съ этимъ же человѣкомъ отношеніями. И наоборотъ, онъ почему-то, самъ этого не сознавая, или, еще лучше, не желая себѣ дать въ этомъ отчетъ, никакъ не могъ душевно сойтись съ своими единомышленниками. Разговора съ ними онъ не находилъ. Мало того: его часто коробило отъ ихъ рѣчей. Совершенно обратное онъ чувствовалъ къ Градову. Не одобряя его направленія и упирая на это въ разговорахъ съ нимъ при малѣйшемъ представлявшемся случаѣ—а случаевъ было много на каждомъ шагу—онъ, тѣмъ не менѣе, чувствовалъ къ нему лично симпатію. Нравилась ему въ душѣ и горячность его, направленная не на личные интересы, а на общественное дѣло.

Градовъ—человѣкъ развитой и порядочныхъ воззрѣній, какъ его охарактеризовала Новодубская, очень понравился ей и ея дочери, хотя экзамена по французскому языку и не сдалъ. Дѣло въ томъ, что Наталья Владиміровна, когда дѣлала новое знакомство, очень искусно, не конфузя людей, наводила разговоръ такъ, что ему приходилось дать понять, говоритъ онъ по-французски или нѣтъ. Если да, то она не менѣе искусно продолжала экзаменъ и по отношенію къ англійскому языку. Говорящихъ на обоихъ языкахъ она въ своемъ умѣ, а можетъ быть и сердцѣ, причисляла къ одной категоріи, говорящихъ только по-французски—къ другой, и, наконецъ, вовсе не говорящихъ ни на томъ, ни на другомъ—къ третьей. Съ тѣхъ поръ, какъ у нея прекратились еженедѣльные обѣды „Николашекъ", она этотъ терминъ распространила на всѣхъ не принадлежащихъ къ „свѣту", то-есть, на неговорившихъ по-французски.

Уже по одеждѣ Градова она причислила его къ „Николашкамъ"; но, поговоривъ съ нимъ, отвела ему въ своемъ сердцѣ мѣсто не на принадлежащей ему полкѣ. Она, мысленно, не по заслугамъ его возвысила и стала разговаривать почти какъ съ равнымъ. Въ особенности же понравился онъ графинѣ, которая благодарна была ему за хорошее отношеніе къ брату.

Самъ же Григорій Аполлоновичъ былъ искренно радъ его пріѣзду и собирался затѣять съ нимъ послѣ обѣда безконечный политическій разговоръ.

Другой гость былъ Николай Львовичъ Хомутовъ, тотъ самый офицеръ, котораго Новодубскій видѣлъ на свадьбѣ брата ухаживавшимъ за сестрой. Его самодовольныя позы, встрѣчавшія со

тутъ я произведу на свѣтъ ребенка, нищаго, безъ имени... C'est à devenir fou... А? что скажешь?

Нелли молчала.

— Ну, что жъ ты? Что жъ ты молчишь?

— Да что, братъ, сказать-то нечего! Положеніе мудреное. Да врядъ ли и есть какой выходъ. Надо жить, какъ живется, а вѣдь придумать что-либо тутъ мудрено. Ты будешь, вѣроятно, жить въ городѣ. Тамъ все это легче дѣлается.

Въ это время вошла Наталья Владиміровна. Она казалась возбужденной и несла въ рукахъ стаканъ съ молокомъ.

— Что это? Можешь ты мнѣ объяснить? — громко сказала она.—Что это значитъ, и долго ли еще я буду получать оскорбленія въ твоемъ домѣ? Это, наконецъ, невыносимо!.. Это безобразіе, котораго я никакъ не могла ожидать... Ахъ, ты! — Наталья Владиміровна потрясла головой: — tu deviens tout-à-fait canaille, mon ami...

— Да, мама, скажи ради Бога, въ чемъ дѣло? Вѣдь нельзя же браниться, когда я даже не подозрѣваю, въ чемъ дѣло...

— Въ чемъ дѣло?.. Въ твоей коровницѣ!.. Вотъ въ чемъ дѣло!.. C'est humiliant à la fin... Оказывается,—я здѣсь хуже любой коровницы... Я сегодня же уѣду!.. Я не могу больше такъ...

Наталья Владиміровна начала плакать, все больше и больше всхлипывая. Нелли бросилась за стаканомъ воды. Гри-Гри стоялъ передъ матерью въ недоумѣніи. Онъ убѣжденъ былъ, что Настя тутъ ни при чемъ. Онъ зналъ, до какой степени она старалась избѣжать всякаго повода къ нареканіямъ.

— Мама, мама, ну, перестань, голубушка, вѣдь на тебя смотрѣть больно! Тутъ какое-нибудь недоразумѣніе.

— Недоразумѣніе!.. Безстыдникъ!.. Коровница оскорбляетъ его мать, а у него не хватаетъ смѣлости прогнать ее... Тряпка!.. C'est dégoutant!

— Да успокойся, мама, ради Бога! Я разберу...

— Онъ разберетъ... Слышите?.. онъ разберетъ... Онъ матери не вѣритъ!.. Господи! До чего я дожила!

Новодубскій, воспользовавшись тѣмъ, что Нелли принесла стаканъ воды и какія-то капли, вышелъ. Несмотря ни на холодъ, ни на дождь, онъ безъ шапки и безъ галошъ бросился въ молочную.

Настю онъ нашелъ у Анисьи Петровны. Обѣ были съ заплаканными глазами.

— Говорите скорѣе, ради Бога, что произошло у нея съ моею матерью!

Новодубскій вовсе сдѣлался доволенъ и весь обѣдъ безъ умолку разговаривалъ.

Къ концу обѣда, когда уже сняли со стола пирожное и подали кофе, вдругъ въ комнатѣ сдѣлалось темно.

— Гроза собирается, — замѣтилъ Новодубскій и, извинившись, всталъ изъ-за стола и подошелъ къ окну.

— Ни за что я бы не поселилась навсегда въ деревнѣ, какъ мой бѣдный Гри-Гри!—сказала Новодубская.—Тутъ просто съ ума сойдешь, пока дождешься урожая. То дождя нѣтъ, то дождя много. Просто ужасъ! Смотрите, что̀ дѣлается! Такую картину только въ деревнѣ увидишь.

Тѣмъ временемъ на дворѣ дѣлалось что-то невообразимое. Прямо въ окна столовой дула сильнѣйшая буря. Дула она не порывами, а постояннымъ напоромъ. Сѣро-желтое, какъ сукно солдатской шинели, облако черноземной пыли неслось по двору, заслоняя отъ взоровъ постройки и неся съ собой сорванныя съ ветелъ вѣтки, пучки соломы съ гумна, кое-какія бумажки, валявшіяся по двору, и вообще все, что̀ оно могло поднять по дорогѣ. Все это съ трескомъ ударялось въ окна.

Буря все усиливалась; застучалъ на крышѣ оторванный лист железа, засвистѣло въ незакрытой печной трубѣ, ставни стучал больше и больше, а одна таки-оторвалась съ крючка и бил немилосердно по рамѣ. Такъ и казалось, что все окно разле тится. Никита, успѣвшій, съ помощью Поли, закрыть всѣ окн въ домѣ,—объ этомъ, при наступленіи грозы, заботилась больш всего Наталья Владиміровна, — побѣжалъ наружу привязыват ставню, стараясь не дышать, чтобы не нахвататься пыли, и н смотрѣть, чтобы не засорить глаза.

Всѣ были уже у оконъ и ждали начала грозы.

— Хорошо, что не ночью,—замѣтила Новодубская,—а т ночью страшно.

Когда облако пыли на секунду нѣсколько прояснялось, види были люди, которые съ разныхъ мѣстъ работы бѣжали укрытьс въ домахъ на время грозы. Бѣжали они, одной рукой держас за свои картузы, другой придерживая фалды поддёвокъ и зипу новъ и часто останавливаясь, чтобы передохнуть. Такъ и каза лось, что они, вотъ-вотъ, улетятъ съ вѣтромъ.

— Нехорошо, Григорій Аполлоновичъ,—сказалъ вошедш въ комнаты и ставшій у двери управляющій, Ѳедоръ Елисеевич Онъ при Натальѣ Владиміровнѣ не садился.

— Что̀ нехорошо?

— Шумитъ оченно. Граду не было бы.

— Боже сохрани!—замѣтила Новодубская и перекрестила одну точку на груди.

Сердце у Новодубскаго забилось.

„Неужели все пропало?—подумалъ онъ:—и невиданный ожидавшійся урожай, и высокія къ тому же цѣны!“

Онъ отеръ лобъ, желая какъ будто стереть навязчивую мысль...

Крупныя капли дождя стали ударять въ окна.

— Можетъ, Богъ дастъ, обойдется,—сказалъ управляющій;—иногда и крупный дождикъ шумитъ.

Не успѣлъ онъ это произнести, какъ въ окно, какъ-разъ гдѣ стоялъ Новодубскій съ сестрой, сильно ударило, точно брошеннымъ камнемъ. За этимъ ударомъ послышался второй—что-то отскочило отъ стекла,—затѣмъ третій ударъ и такъ далѣе, все сильнѣе, все чаще. Толстое стекло держалось. Всѣ притаили дыханіе. Вѣтеръ утихъ. Блеснула молнія. Ударилъ громъ. Градъ все учащался.

— Послушайте, Григорій Аполлоновичъ,—сказалъ ему Градовъ,—вы не вѣрите въ примѣты, а все-таки сдѣлайте, что̀ я вамъ скажу. При васъ ключи?

— Ну, при мнѣ,— съ нетерпѣніемъ отвѣтилъ Новодубскій.

— Откройте наружную дверь, хоть съ той стороны, и бросьте наружу ключи подальше. Сдѣлайте это. Это—извѣстная примѣта.

Новодубскій махнулъ рукой. Однако, прошелъ въ переднюю, сдѣлалъ, какъ ему сказали, и, молча, вернулся къ своему окну.

Но и примѣта не помогла. Градъ усиливался. Ужъ не слышны были отдѣльные удары объ окна. Они сливались въ одинъ непрерывный гулъ. Надо было уже возвышать голосъ, чтобы быть слышнымъ сосѣду. Градинки все отскакивали отъ звенѣвшаго стекла.

Въ залу вбѣжало нѣсколько человѣкъ рабочихъ, не успѣвшихъ добѣжать до людской. Съ нихъ текло. Сравнивались различія соціальнаго положенія, и не думали о паркетѣ, когда среди грома и града какъ будто слышался голосъ Бога-Карателя. Всѣ крестились. Новодубскій, молча, старался сдержать рукой сердце, хотѣвшее какъ будто выпрыгнуть изъ груди...

Вдругъ сдѣлалось еще темнѣе, шумъ усилился. Все наружу затянуло точно бѣлой пеленой, полосами спускавшейся съ неба. Одно стекло разбилось, и снопъ града влетѣлъ въ комнату, внося съ собой ледяной воздухъ. Гулъ грома и шумъ града смѣшались въ одно. Попробовали, было, отставлять кое-что отъ окна, но когда разлетѣлось второе, третье стекло, всѣ опрометью броси-

лись бѣжать въ заднюю половину дома, крѣпко-на-крѣпко заперевъ всѣ двери.

Шумъ града о паркетъ и о желѣзную крышу заглушалъ всякій звукъ. Словъ уже не было слышно...

Новодубскій тихо подошелъ къ окну и приложилъ свой воспаленный лобъ къ стеклу. Спазмы подступали къ горлу. Онъ даже не столько думалъ о томъ, что разоренъ, какъ былъ подавленъ величіемъ и ужасомъ картины... Онъ, все-таки, чувствовалъ, что надо сдерживаться. Ему пріятно было, что сестра его подошла и ласково положила ему руку на плечо. Рука эта какъ будто согрѣла его...

Наталья Владиміровна прежде озаботилась, чтобы зажжена была передъ образомъ у нея лампадка и свѣча отъ двѣнадцати Евангелій; затѣмъ бросилась въ кресло и громко разрыдалась, часто повторяя одно и то же:—Pauvre Gri-Gri! dear boy!..

Графиня тихо плакала на плечѣ у брата. Гости чувствовали себя лишними. Имъ было неловко, какъ бываетъ всегда, когда присутствуешь при чужомъ несчастіи и не можешь помочь.

Служащіе продолжали креститься. Кухарка въ людской ревѣла благимъ матомъ.

— Кто же теперь насъ кормить будетъ?.. Ахъ, батюшка ты нашъ! Прогнѣвался Господь Богъ на насъ, грѣшныхъ!..

„Пропало, все пропало,—повторялъ про себя Григорій Аполлоновичъ. — И самъ бросай хозяйство и аренду брата... Бѣжать, бѣжать придется... А бѣдные крестьяне!.. Я-то думалъ ихъ какъ-нибудь на ноги поставить... Теперь ничего у нихъ не будетъ... ни хлѣба, ни корма... А мнѣ и помочь не изъ чего"!..

Волна крови прилила у него къ головѣ. Голова вдругъ разболѣлась... въ вискахъ застучало, точно градъ ударялъ по нимъ.

„А Настя?..—пронеслось у него въ умѣ. — Не засталъ ли ее, бѣдную, градъ гдѣ-нибудь на улицѣ?.. Небось, обо мнѣ думаетъ"...

А Настя тѣмъ временемъ стояла на колѣняхъ и молилась. Она знала, что денежное положеніе Григорія Аполлоновича плохо, знала всѣ его надежды на хорошій урожай и на хорошія цѣны. О чемъ она молилась, она сама бы не сказала. Она не просила у Бога ничего—о чемъ было ей просить теперь?—она не славословила Его, не благодарила Его, а молилась просто, какъ молятся простые люди, мысленно возносясь къ Богу и не будучи въ состояніи сами себѣ отдать отчета, съ чѣмъ они обращаются къ Нему.

Полчаса спустя, чудное іюльское солнце блестѣло и посылало

снопы своего свѣта на землю, покрытую бѣлымъ слоемъ града. Деревья и кусты зеленѣли и казались еще свѣжѣе обыкновеннаго, хотя часть листьевъ валялась на землѣ, обитая градомъ. Было холодно, несмотря на жгучее солнце.

Такое же противорѣчіе чувствуется у гроба покрытой саваномъ молодой дѣвушки. Саванъ и черная коса? Слезы и молодость? Красота и неподвижность? Разсудокъ говоритъ, что не должна была она умереть, а тутъ—гробъ. Такъ было и теперь съ природой.

И какъ близкіе покойницы, стоя у гроба, часто возвращаются мысленно назадъ, припоминаютъ былое время, когда и она была здорова, рѣзвилась, смѣялась, такъ и Новодубскій, стоя у окна и видя густой слой града, мысленно возвращался къ утру того же дня и воображалъ себѣ волнистыя моря наклонившейся и уже налившейся ржи. Онъ даже поймалъ себя учитывавшимъ—правда, съ закрытыми глазами—результатъ урожая. И число копенъ, и умолотъ, и цѣны—все онъ представлялъ себѣ необыкновенно высокими. Выходило, что онъ заплатитъ всѣ частные долги и очиститъ Дубовку отъ второй закладной... Но онъ открылъ глаза—и горькая дѣйствительность во всей своей наготѣ представилась ему: градъ все еще лежалъ; кое-гдѣ только образовались, точно весной, проталинки и бѣжали ручьи. Становилось все холоднѣе. Прислуга приводила въ порядокъ парадныя комнаты. Столяръ уже вставлялъ выбитыя стекла. Ѳедоръ Елисеевичъ разослалъ старостъ въ разные концы имѣнія посмотрѣть, не уцѣлѣлъ ли гдѣ хлѣбъ. Наталья Владиміровна прикладывала къ головѣ холодныя полотенца (ихъ мочили въ градѣ) и нюхала особыя, заграничныя, противонервныя капли. Графиня успокаивала сильно испугавшуюся дочь. Гости велѣли запрягать. Градъ все таялъ и таялъ...

Только вечеромъ, сидя у Насти, Новодубскій далъ волю душившимъ его слезамъ. Старосты давно вернулись съ поля и единогласно доложили, что погибло все. Полоса града была необыкновенной ширины. Нечего было и думать объ уборкѣ. Настя сидѣла передъ нимъ и тоже плакала. Она чувствовала, что надо его утѣшить, но утѣшить было нечѣмъ. Она бы всю жизнь свою отдала, чтобы не было того, что̀ было, и чтобы онъ не сидѣлъ передъ нею въ слезахъ. Слезы его она видѣла впервые.

— Да вы не плачьте, не плачьте, Григорій Аполлоновичъ, Богъ милостивъ. Какъ-нибудь устроится. Вѣдь деньги—вещь наживная.

А сама плачетъ...

— Да ты сама-то чего плачешь? Неужели ты думаешь, я плачу о деньгахъ? Я плачу о разбитыхъ мечтахъ. Приходится

все бросать, и имѣнье, и крестьянъ, которыхъ я хотѣлъ на ноги поставить, и земство... А главное не это. Я ума не приложу, какъ быть съ матерью, съ сестрой, съ тобой...

— Вы мной только не стѣсняйтесь, Григорій Аполлоновичъ!—и Настя всхлипнула.—Я какъ-нибудь устроюсь .. я вамъ въ обузу не буду.

— Опять ты пустяки говоришь... Теперь меньше, чѣмъ когда бы то ни было, я съ тобой разстанусь... Я вотъ про мама̀ говорю... Да, задача не легкая!.. Ну, у сестры есть кое-что, у мама̀ пенсія,—еще считается громадной,—да мало всего этого, мало. А гдѣ я найду много?.. Вотъ вопросъ.

— Да вѣдь не вы же разорились, Григорій Аполлоновичъ, всѣ это знаютъ.

— Не я-то, не я... А выйдетъ, какъ будто я всѣхъ разорилъ...—Новодубскій махнулъ рукой...

На другой день Григорію Аполлоновичу доложили, что къ флигелю, гдѣ онъ жилъ, собрались дубовскіе крестьяне. Онъ вышелъ. У дверей стояла большая группа крестьянъ разныхъ возрастовъ, въ зипунахъ, поддёвкахъ, шубахъ. Несмотря на жаркую погоду, большинство было въ полушубкахъ, при чемъ и полушубки были весьма разнообразны: были цѣлые, рваные, иные съ большимъ числомъ разноцвѣтныхъ заплатъ, бѣлые, красные, а большинство сѣро-грязнаго цвѣта отъ многолѣтняго употребленія. Сзади стояло нѣсколько бабъ и ребятишекъ. Когда Новодубскій вышелъ, всѣ сняли картузы и шапки. Молодежь надѣла ихъ опять на голову, старики остались съ непокрытыми головами.

— Что же вы не накроетесь, старички? Ишь солнце какъ палитъ!—сказалъ Новодубскій.

— Нѣкоторые накрылись, а другіе нѣтъ.

— Ну, что же вы безъ шапокъ-то все? Пожалуйста, накройтесь. Я не люблю, когда безъ шапокъ стоятъ.

— Да ничего, сударь. Наше дѣло привычное.

Однако, накрылись. Всѣ немного помолчали.

— Что̀ же, старички? Вы насчетъ вчерашняго несчастья поговорить пришли?

— А насчетъ чего еще-то намъ говорить? — отвѣтилъ невысокій старичокъ съ сильно гноящимися глазами.

— Да ужъ такое несчастье, что и ума не приложишь, что̀ дѣлать,—сказалъ другой.

— У васъ тоже всего погибло?

— Все, Григорій Аполлоновичъ, до щеблы... все.

— Что̀ теперь и дѣлать будемъ?

— Ни хлѣбца, ни кашицы... ничего!..

— Солому-то и ту выбило. Корму скотинѣ не будетъ. Хоть пропадай...

Баба сзади всхлипнула.

— Господи,—сказала другая, съ ребенкомъ на рукахъ,—коноплей-то—и то нѣтъ. Холстишка-то ни одного не припасешь! Хоть раздёвкой ходи!..

— А главное, старики, вотъ что̀ скажите, — опять заговорилъ крестьянинъ съ больными глазами,—сѣменовъ нѣтъ. Вотъ о чемъ поговорите съ ихъ милостью...

Новодубскій, облокотясь къ столбу крыльца, слушалъ внимательно.

— И вотъ что̀ скажите еще: что у меня-то немного осталось. Чѣмъ вамъ помогу—не знаю. Не пришлось бы имѣнье продавать.

— Ну, что̀ вы, Григорій Аполлоновичъ?—сказалъ староста, видно, бывшій солдатъ, съ остриженной бородой и знàкомъ своего достоинства на груди.—Не дай Богъ! Это хуже града будетъ...

— Съ нами что̀ же тогда будетъ?—сказалъ другой.

— Ну, объ этомъ рано говорить,—перебилъ ихъ Новодубскій.—А что многимъ помочь вамъ не могу—это знайте.

— Вотъ сѣменовъ бы...

— Сѣмянъ я вамъ дамъ. У меня осталось прошлогодней ржи нѣсколько. Она хороша. Я ее у кого-нибудь изъ сосѣдей обмѣняю на новую. Сѣмянъ и съ меня, и съ васъ хватитъ. Ну, а насчетъ хлѣба надо пособія просить что-ль, хлопотать...

— Вы ужъ намъ подъ работу!—Мы заработаемъ.

— Молчи ты!—перебилъ говорившаго старикъ.—Говорятъ тебѣ, у нихъ самихъ нѣтъ. Ты, небось, видѣлъ градъ-то какъ полосовалъ? Вѣдь и ихъ поле чисто. Слышите, старики? Сѣменами они насъ ублаготворятъ. Это таперича главное,—ну, а тамъ что̀ остальное—видно будетъ... И о пособіи похлопочите ужъ...

Мужики, благодаря, стали уходить. У Новодубскаго слезы навернулись на глазахъ.

„Такъ ли бы имъ слѣдовало помочь?—подумалъ онъ.—Удивительные люди! Чѣмъ-нибудь ихъ порадуй, хоть на завтрашній день—и они уже благодарятъ... Да, малымъ привыкли быть довольны“...

XVIII.

Дулъ осенній холодный вѣтеръ и несъ изъ сада на дорогу массу желтыхъ, высохшихъ листьевъ. Изморозь рябила стекла

оконъ, и вся картина представлялась смотрѣвшему въ окно точно черезъ сѣтку.

Въ дубовской гостиной уже топился каминъ, передъ которымъ Нелли качалась въ плетеной качалкѣ.

— Ну, что же ты, наконецъ, рѣшилъ?—спросила она ходившаго взадъ и впередъ брата.

— Какъ что? Тутъ и вопроса быть не можетъ. Черезъ два мѣсяца платежъ процентовъ. Ни на какую отсрочку больше разсчитывать нельзя. А платить нечѣмъ. Теперь остается или продать имѣніе сейчасъ, или ждать аукціона. Теперь кое-что можно выручить. Тогда я могу остаться совсѣмъ нищимъ.

— А части мамы и Димы?

— То же самое. Я арендовать ихъ больше не могу. Можетъ быть, жена Димы дастъ ему денегъ на то, чтобы сохранить его землю. Но врядъ ли они захотятъ. Хозяйства отдѣльнаго у него нѣтъ. Землей онъ не дорожитъ. Да и цѣну, по правдѣ, даетъ этотъ Сидѣльниковъ хорошую. Это—кулакъ новой формаціи. Онъ скупаетъ имѣнія не столько чтобы получать высокій процентъ, сколько изъ желанія имѣть побольше земли, въ особенности дворянской. Это особая страсть—показать отжившему дворянству, что купецъ съ деньгами сильнѣе ихъ. Не то своего рода честолюбіе быть мѣстнымъ маркизомъ Карабасъ. Ну, да Богъ съ ними, а продавать надо... Тьфу, какая погода! И такъ на сердцѣ кошки скребутъ, а тутъ еще погода эта...

Новодубскій забарабанилъ пальцами по стеклу.

— Жаль мнѣ здѣсь всего... каждаго кусточка, каждаго курятника... Кусокъ мяса бы отдалъ... руку бы далъ отпилить... Э! да что тутъ говорить!

Они долго молчали. Онъ все барабанилъ по окну. Нелли качалась.

— Гри-Гри!—сказала она.

Онъ не слыхалъ вопроса и все барабанилъ.

— Гри-Гри!—повторила сестра.

— Что, Нелли?

— Послушай-ка меня. Мнѣ вотъ что въ голову пришло. Хозяинъ ты хорошій. Я въ тебя вѣрю. Деньги у меня есть; и я, было, рѣшила ихъ не касаться. Но теперь я думаю: чѣмъ мнѣ получать небольшой процентъ изъ банка, лучше я буду получать его съ тебя. Возьми у меня денегъ сколько нужно—подъ расписку, конечно, — и поправляй свои дѣла... А, что скажешь? Хорошо я придумала?

Новодубскій, пока сестра говорила, барабанить пересталъ. Она уже кончила, а онъ все смотрѣлъ вдаль.

— Ну, что же, Гри-Гри? Что же ты не отвѣчаешь? Сдѣлаешь такъ? Хорошо?

— Спасибо, родная. Спасибо за предложеніе, но принять его не могу. Подумай, что можетъ выйти изъ этого. Вообрази, что на будущій годъ неурожай — вѣдь это возможно, и очень даже. Вообрази, что и на предбудущій годъ это случится. Что тогда? Опять придется землю продавать. А тогда можетъ и не быть такого покупателя, какъ Сидѣльниковъ. Цѣны на землю могутъ опуститься,—я какъ ни думаю, но объяснить себѣ вполнѣ такого подъема цѣнъ ихъ теперь не могу,—что тогда? Я останусь безъ гроша, какъ и теперь; а къ тому же ты съ Аней будете тоже нищими. Ты не можешь этого сдѣлать по отношенію къ своей дочери, а я былъ бы величайшимъ негодяемъ, еслибы поставилъ на карту и твое состояніе! Подумай и скажи: правъ я?

— Ты все видишь въ черномъ. Послѣ неурожая, говорятъ, бываетъ всегда хорошій урожай. Авось, Богъ дастъ...

— Ну, это не знаю, кто говоритъ... Въ особенности послѣ града... Да ты сама-то что говоришь? Авось! Неужели на авось я буду рисковать всей будущностью твоей и Ани? Ну, подумай сама... А за предложеніе все-таки глубокое тебѣ спасибо.

Онъ подошелъ къ сестрѣ и крѣпко ее поцѣловалъ.

Она отерла слезу.

— Ну, что, признайся, что я правъ? И что бы ты потомъ сказала, еслибы изъ-за меня Аня осталась безъ образованія, или ты должна бы идти просить... ну, хоть у Ninette?.. Ну, да что говорить о пустякахъ!.. Только знай, что умирать буду, а твоего предложенія не забуду... Знаешь что? Я отъ тебя этого не ожидалъ...

— Спасибо!

Нелли сквозь слезы улыбнулась.

— Не обижайся, Нелли. Вѣдь, по правдѣ тебѣ сказать, до замужества я тебя совсѣмъ не зналъ, а потомъ, когда увидалъ тебя,—помнишь, на свадьбѣ Димы?—не могу сказать, чтобы впечатлѣніе было очень въ твою пользу. А теперь ты совсѣмъ другая какъ будто. Я думалъ, ты съ ума здѣсь сойдешь съ тоски, съ одними четвероногими, какъ говоритъ мама, а ты какъ будто и не замѣчаешь своего одиночества... Вѣдь ты, небось, скучаешь по свѣту?

— Иногда и скучаю.—Нелли улыбнулась.—А тебѣ что?

— Да такъ. Ты меня стала интересовать, а иногда я мечтаю...

— Что? Что мечтаешь?.. Ну, говори же!

— Да такъ, ничего!.. Вѣдь мечтать можно?

— Ну, мечтай, мечтай! Можетъ, что̀ и вымечтаешь!

Новодубскій опять поцѣловалъ руку у сестры.

— Pour revenir à nos moutons... Что̀ ты думаешь дальше дѣлать, Гри-Гри?

— Работать. Неужели я дѣла не найду? Кое-что мнѣ останется. Можетъ быть, я кое-какъ сколочу себѣ цензъ. Я вѣдь и о земствѣ мечтаю, и тоже надѣюсь вымечтать, какъ ты говоришь. А ты?

— Ну, мнѣ довольно того, что̀ у меня есть. Я хочу воспитать Аню, сдѣлать изъ нея человѣка. Я съ этою цѣлью сама теперь многому учусь, чего не хватало у меня... Не улыбайся, пожалуйста... Три комнаты: одна—для Ани съ гувернанткой, другая—мнѣ спальня, а третья, въ которой кое-когда буду принимать друзей.

— Врядъ ли въ такую квартиру особенно будутъ стремиться твои друзья.

— Ты о какихъ друзьяхъ думаешь? О прежнихъ? Ну, если не захотятъ—Богъ съ ними. Найду и такихъ, которые будутъ не изъ-за комнатъ приходить... Да обо мнѣ что̀ долго говорить? Мама что̀ будетъ дѣлать? Она съ каждымъ днемъ становится все болѣе раздражительна. То хочетъ жить у Димы, то одна на пенсію, то на югѣ у насъ, то за границей, то въ Петербургѣ... Je n'y comprends rien...

— Et moi encore moins! Со мной она совсѣмъ не говоритъ послѣднее время иначе, какъ колкостями или съ сожалѣніемъ, котораго я не выношу... Чего, казалось бы, теперь? Дубовка на дняхъ будетъ продана. Соблазна, котораго maman такъ боится, не будетъ. Впрочемъ, — Новодубскій понизилъ голосъ, — я тебѣ скажу, Нелли, первой—да и одной—des affaires se compliquent. Мнѣ предстоитъ быть отцомъ.

— Ай, ай, ай, ай... Да, это еще болѣе запутываетъ дѣло. Бѣдный Гри-Гри!

— Да, вотъ видишь ты! Я, положительно, ума не приложу. Какъ быть? Что̀ изъ этого всего выйдетъ?

Григорій Аполлоновичъ, быстро ходившій по комнатѣ, остановился у качалки Нелли.

— Не качайся, Нелли. Это меня волнуетъ. Знаешь что̀? Я себя считалъ человѣкомъ сильнымъ. А теперь, вѣришь ли?.. Вѣдь не Богъ вѣсть что̀ произошло, а я про̀сто боюсь съ ума сойти. Съ одной стороны, продажа Дубовки, съ другой—отношенія къ матери, а теперь и къ Настѣ, да не къ одной Настѣ—и къ ея... къ моему... ребенку. Теперь моя связь вовсе закрѣплена... А

тутъ я произведу на свѣтъ ребенка, нищаго, безъ имени... C'est à devenir fou... А? чтò скажешь?

Нелли молчала.

— Ну, чтò жъ ты? Чтò жъ ты молчишь?

— Да чтò, братъ, сказать-то нечего! Положеніе мудреное. Да врядъ ли и есть какой выходъ. Надо жить, какъ живется, а вѣдь придумать что-либо тутъ мудрено. Ты будешь, вѣроятно, жить въ городѣ. Тамъ все это легче дѣлается.

Въ это время вошла Наталья Владиміровна. Она казалась возбужденной и несла въ рукахъ стаканъ съ молокомъ.

— Чтò это? Можешь ты мнѣ объяснить? — громко сказала она.—Чтò это значитъ, и долго ли еще я буду получать оскорбленія въ твоемъ домѣ? Это, наконецъ, невыносимо!.. Это безобразіе, котораго я никакъ не могла ожидать... Ахъ, ты! — Наталья Владиміровна потрясла головой: — tu deviens tout-à-fait canaille, mon ami...

— Да, мама, скажи ради Бога, въ чемъ дѣло? Вѣдь нельзя же браниться, когда я даже не подозрѣваю, въ чемъ дѣло...

— Въ чемъ дѣло?.. Въ твоей коровницѣ!.. Вотъ въ чемъ дѣло!.. C'est humiliant à la fin... Оказывается,—я здѣсь хуже любой коровницы... Я сегодня же уѣду!.. Я не могу больше такъ...

Наталья Владиміровна начала плакать, все больше и больше всхлипывая. Нелли бросилась за стаканомъ воды. Гри-Гри стоялъ передъ матерью въ недоумѣніи. Онъ убѣжденъ былъ, что Настя тутъ ни при чемъ. Онъ зналъ, до какой степени она старалась избѣжать всякаго повода къ нареканіямъ.

— Мама, мама, ну, перестань, голубушка, вѣдь на тебя смотрѣть больно! Тутъ какое-нибудь недоразумѣніе.

— Недоразумѣніе!.. Безстыдникъ!.. Коровница оскорбляетъ его мать, а у него не хватаетъ смѣлости прогнать ее... Тряпка!.. C'est dégoutant!

— Да успокойся, мама, ради Бога! Я разберу...

— Онъ разберетъ... Слышите?.. онъ разберетъ... Онъ матери не вѣритъ!.. Господи! До чего я дожила!

Новодубскій, воспользовавшись тѣмъ, что Нелли принесла стаканъ воды и какія-то капли, вышелъ. Несмотря ни на холодъ, ни на дождь, онъ безъ шапки и безъ галошъ бросился въ молочную.

Настю онъ нашелъ у Анисьи Петровны. Обѣ были съ заплаканными глазами.

— Говорите скорѣе, ради Бога, чтò произошло у нея съ моею матерью!

Онъ указалъ на Настю. Настя расплакалась и стала кусать платокъ, забывъ по обыкновенію закрывать свои руки—красныя и съ заусенцами.

— Съ нею? Съ нею ничего не было. Она никого и не видала!—отвѣтила Анисья Петровна. —И я барыни не видала, и онѣ меня не видали. Горничная ихъ приходила за сливками. Я ей дала. Она начала говорить, что сливки жидки. Я отвѣтила, что сливки второй день отстаиваются, что сливки густыя. Тогда она раскричалась на меня, что скоро нашего духу тутъ не будетъ... Мнѣ прямо показалось, что она сумасшедшая. Такъ, ни съ того, ни съ сего, раскричалась.

— А вы что̀?

— Я ее попросила уйти и сказала, что выговоры давать мнѣ могутъ господа, а не она, и что уволена я буду тоже не иначе, какъ господами. Она ушла, но все кричала.

— И больше ничего?..

— И больше ничего.

— Вы на нее кричали, или говорили тихо?

— Какъ теперь говорю; гдѣ ужъ намъ кричать!

— А ты, Настя, и горничной не видала?

Она мотнула головой, что нѣтъ. Гри-Гри побѣжалъ домой.

„Господи, что̀ дѣлать? Ума не приложу!"—думалъ онъ, но выхода не находилъ. Больно ему было видѣть гнѣвъ и скорбь матери, хотя сознавалъ, что скорбь ея была вызвана не дѣйствительно полученнымъ оскорбленіемъ,—даже и предположить оскорбленіе было немыслимо,—а недовольствомъ, что жизнь его сложилась вовсе не такъ, какъ мать того желала, и что послѣднимъ тормазомъ для его возврата на путь, который она считала хорошимъ, являлась Настя. Съ другой стороны, порвать съ Настей и разбить жизнь дѣвушки, отдавшейся ему единственно по любви, онъ считалъ преступленіемъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ меньше онъ останавливался на этой мысли. Теперь же, когда онъ узналъ, что ей предстоитъ быть матерью, онъ и совсѣмъ сталъ считать себя съ нею неразрывно связаннымъ. Ихъ связь укрѣплялась и освящалась новымъ существомъ, которому суждено было придти въ міръ.

Дома Новодубскій нашелъ свою мать успокоившеюся.

— Ты навѣрное бѣгалъ въ молочную, къ своей коровницѣ, провѣрять слова матери? Ну, да Богъ съ тобой! Сдѣлать изъ тебя человѣка—не въ моей власти. Мнѣ надо нести крестъ, который мнѣ послалъ Господь. Живи съ своей коровницей, а я завтра же уѣзжаю. Все равно, ты такой хорошій хозяинъ, что

родовое имѣніе должно быть продано. Я буду жить сама по себѣ. Разсчитывать на тебя не буду. Слава Богу, у меня пенсія своя, да и Дима свою мать не броситъ, какъ ты!..

Гри-Гри понялъ, что говорить тутъ нечего. Онъ молчалъ. Нелли разными пустыми вопросами и замѣчаніями старалась отвлечь свою мать отъ мучившаго ихъ всѣхъ предмета разговора.

На другой день Новодубская съ Нелли и Аней уѣзжала изъ Дубовки. Тамъ нечего было имъ дѣлать. Скоро долженъ былъ уѣхать и Гри-Гри. Продать имѣніе было рѣшено Сидѣльникову. Тотъ торопилъ, потому что хотѣлъ поскорѣе показать, что передъ Сидѣльниковскою мощью рушатся самыя, повидимому, незыблемыя дворянскія твердыни.

„Рушится наше гнѣздо“,—думалъ Григорій Аполлоновичъ, видя, какъ выносили вещи матери.

Съ отъѣздомъ ея, страданія его несомнѣнно если не прекращались, то теряли свою остроту. Искренно сожалѣлъ Григорій Аполлоновичъ только объ отъѣздѣ Нелли. Нѣсколько времени, проведеннаго ею въ одиночествѣ въ здоровой деревенской атмосферѣ, среди книгъ, благотворно на нее подѣйствовало. Съ братомъ она говорила откровенно и часто поражала его трезвостью своихъ взглядовъ. Прощаясь съ нею, онъ ее спросилъ:

— Ну что̀, Нелли, подумала ты о томъ, что̀ я тебѣ сказалъ вчера?

— Подумала, братъ. Но ничего сказать тебѣ не могу, кромѣ одного: жалѣй ее; она должна очень страдать и за себя, и за ребенка.

Ни слова не говоря, Новодубскій крѣпко поцѣловалъ сестру.

Долго смотрѣлъ Новодубскій вслѣдъ отъѣзжавшимъ, и, лишь совсѣмъ потерявъ экипажъ изъ виду, вернулся къ себѣ. Двѣ мудреныхъ задачи ему представлялись: первая—устроить свои отношенія къ Настѣ и будущему ребенку; вторая—ликвидировать дѣла по имѣнію и найти новый родъ дѣятельности.

А. Новиковъ.

АЛЕКСАНДРЪ I и НАПОЛЕОНЪ I

Послѣдніе годы ихъ дружбы и союза.

Окончаніе.

VII *).

Эрфуртская союзная конвенція составляетъ эпоху въ союзныхъ отношеніяхъ Александра I и Наполеона I, ибо послѣ эрфуртскаго свиданія взаимныя отношенія союзниковъ постепенно охлаждаются и приближаютъ полный разрывъ. Непродолжителенъ былъ союзъ, подписанный въ Тильзитѣ и закрѣпленный въ Эрфуртѣ при самой торжественной обстановкѣ. Наполеонъ покинулъ Эрфуртъ съ чувствомъ явнаго неудовольствія и неудовлетворенности: онъ видѣлъ въ результатахъ эрфуртскаго свиданія для себя — „полупораженіе". Однако, онъ признавалъ необходимымъ продолжать поддерживать всѣми средствами союзъ съ Россіей въ такое время, когда испанскій народъ поднялъ знамя возстанія противъ него, когда Австрія открыто вооружалась для новой съ нимъ борьбы и когда Англія не обнаруживала ни малѣйшаго желанія положить оружіе и заключить миръ.

Въ Эрфуртѣ оба императора согласились обратиться къ англійскому королю съ предложеніемъ вступить съ ними въ переговоры о мирѣ. Это было сдѣлано общимъ письмомъ обоихъ императоровъ къ королю 12-го октября 1808 года. Вмѣстѣ съ тѣмъ англійскому правительству было заявлено о готовности союзниковъ послать своихъ уполномоченныхъ для переговоровъ о мирѣ въ тотъ городъ, который оно выберетъ.

См. выше: мартъ, стр. 110.

Съ цѣлью ускорить удовлетворительное окончаніе мирныхъ переговоровъ съ Англіей, императоръ Александръ I повелѣлъ своему министру иностранныхъ дѣлъ, гр. Н. П. Румянцову, отправиться въ Парижъ и ждать отвѣта отъ англійскаго правительства. Въ Парижѣ гр. Румянцовъ нашелъ самый блестящій пріемъ со стороны французскаго правительства. Наполеонъ отдалъ приказаніе, во время его поѣздки въ Испанію, занимать русскаго министра всѣми средствами, которыми обладала блестящая столица французской имперіи. Зная страсть гр. Румянцова къ книгамъ, рѣдкостямъ и картинамъ, Наполеонъ отдалъ приказаніе по всѣмъ публичнымъ музеямъ, картиннымъ галереямъ и библіотекамъ подносить ему немедленно всякую вещь, которая бы ему понравилась.

Когда Наполеонъ вернулся въ Парижъ, онъ продолжалъ выказывать русскому министру иностранныхъ дѣлъ совершенно исключительное вниманіе и осыпалъ его любезностями. Между французскимъ императоромъ и русскимъ вице-канцлеромъ происходили частыя совѣщанія, которыя продолжались часами. Однако результатъ этихъ совѣщаній и любезностей былъ не особенно важный съ точки зрѣнія цѣлей Наполеоновской политики. Разногласія между союзниками стали обнаруживаться все чаще и все серьезнѣе.

Императоръ Александръ I былъ вполнѣ доволенъ поведеніемъ своего министра въ Парижѣ и въ собственноручномъ письмѣ отъ 7 ноября 1808 года подтверждаетъ ему свое полное согласіе на всѣ шаги, могущіе обезпечить благопріятный исходъ переговоровъ съ Англіей о заключеніи мира. Гр. Румянцовъ предложилъ Наполеону, вмѣстѣ съ Талейраномъ, отправиться въ Лондонъ для начатія тамъ мирныхъ переговоровъ. Онъ это сдѣлалъ, ибо изъ разговоровъ съ нимъ вынесъ впечатлѣніе, что у императора „чрезвычайное желаніе заключить миръ“, для котораго онъ готовъ сдѣлать „всевозможныя уступки“. (Донесеніе гр. Румянцова отъ 18-го (30-го) октября 1808 г.)

Однако, на англійскій отвѣтъ на предложеніе вступить въ переговоры о мирѣ, Наполеонъ продиктовалъ своему министру иностранныхъ дѣлъ, Шампаньи, такой отвѣтъ, который гр. Румянцовъ и самъ Шампаньи должны были признать почти оскорбительнымъ для Англіи. Объ отъѣздѣ гр. Румянцова въ Лондонъ не могло быть рѣчи. Что касается князя Талейрана, съ которымъ гр. Румянцовъ поддерживалъ весьма близкія сношенія, то онъ въ это же время вызвалъ неудержимый гнѣвъ Наполеона и долженъ былъ со стыдомъ удалиться отъ двора.

Въ присутствіи нѣсколькихъ лицъ, въ числѣ которыхъ былъ самъ Талейранъ, Наполеонъ, обратясь къ Камбасересу, сказалъ: „Я не знаю, извѣстно ли вамъ, что не кто иной, какъ здѣсь присутствующій князь Беневентскій, посовѣтовалъ мнѣ казнить герцога Ангіенскаго!“ При другомъ случаѣ Наполеонъ сказалъ: „Это князь Беневентскій заставилъ меня заключить позорный пресбургскій миръ“. (Донесеніе гр. Румянцова отъ 28-го января 1808 г., 9-го февраля 1809 г.)

Между тѣмъ гр. Румянцовъ не только предложилъ Наполеону мысль послать Талейрана съ нимъ въ Лондонъ, но, по Высочайшему повелѣнію, предложилъ также послать его вмѣстѣ съ нимъ, въ качествѣ чрезвычайнаго уполномоченнаго Наполеона, въ Вѣну, для уговора Австріи не нарушать мира и прекратить свои вооруженія, открыто направленныя противъ Франціи.

Такое же взаимное разногласіе обнаружилось въ отношеніяхъ къ Пруссіи, которую Наполеонъ не переставалъ ненавидѣть и притѣснять. Это отлично зналъ императоръ Александръ I, но въ угоду Наполеону онъ не могъ отказаться отъ своихъ дружескихъ чувствъ и отношеній къ прусскому королевскому дому. Зная изъ опыта подозрительность своего союзника, Александръ I его предупредилъ черезъ гр. Румянцова, что прусская королевская чета, въ концѣ 1808 года, прибудетъ въ С.-Петербургъ, по его приглашенію, и что эта поѣздка не имѣетъ никакой политической цѣли. (Письмо Александра I къ гр. Румянцову отъ 18-го декабря 1808 г.)

Между тѣмъ эта поѣздка все-таки вызвала серьезныя опасенія въ Парижѣ, которыя гр. Румянцовъ старался разсѣять всѣми силами. Говорили въ Парижѣ, что цѣль этой поѣздки устроить коалицію противъ Франціи. (Депеша гр. Румянцова отъ 5-го (17-го) января 1809 г.)

Если были неосновательны опасенія Наполеона относительно политической цѣли поѣздки прусскаго короля въ С.-Петербургъ, то, съ другой стороны, императоръ Александръ I получилъ въ то же самое время новыя доказательства непримиримой ненависти Наполеона къ Пруссіи. Онъ заставилъ ее подписать въ Берлинѣ конвенцію, которая значительнымъ образомъ усилила бремя возложенныхъ на нее денежныхъ и другихъ обязательствъ. Александръ I призналъ въ этой конвенціи нарушеніе данныхъ ему Наполеономъ торжественныхъ обѣщаній.

„Я вправѣ разсчитывать“, писалъ Александръ I своему вице-канцлеру въ Парижъ 19-го декабря 1809 года, „что все то, что Наполеонъ мнѣ обѣщалъ въ Эрфуртѣ, будетъ добросовѣстно

исполнено. Я вернулся въ свою страну въ полномъ убѣжденіи, что отнынѣ ничто не потревожитъ спокойствія этого государя (прусскаго). Императоръ можетъ вспомнить о томъ довѣріи, съ которымъ я относился къ нему. Я разсчитываю на полную взаимность".

„Что же можетъ считаться святымъ", спрашиваетъ императоръ, „если данныя государями другъ другу обѣщанія не святы"?

Во исполненіе такого Высочайшаго повелѣнія, гр. Румянцовъ обратился къ французскому министру иностранныхъ дѣлъ съ требованіемъ объясненій. Шампаньи былъ очень недоволенъ поставленными ему вопросами, и сталъ доказывать, что постановленія берлинской конвенціи не были силою „исторгнуты" отъ прусскаго короля. Кромѣ того, онъ не согласился, что въ этомъ актѣ содержится что-либо противное даннымъ въ Эрфуртѣ обѣщаніямъ. Гр. Румянцовъ не уступилъ и продолжалъ настаивать на томъ, что данныя въ Эрфуртѣ Александру I обѣщанія въ пользу прусскаго короля явнымъ образомъ нарушены императоромъ французовъ. (Донесеніе гр. Румянцова отъ 27-го января, 8-го февраля, 1809 года.)

Понятно, что такой образъ дѣйствій Наполеона въ отношеніи прусскаго короля долженъ былъ быть особенно непріятенъ Александу I въ то время, когда самъ онъ радушнымъ образомъ принималъ у себя королевскую прусскую чету. Король прусскій имѣлъ нѣкоторое основаніе заподозрить Александра I въ двуличіи, ибо онъ не могъ знать, какія обязательства были установлены въ Эрфуртѣ между обоими императорами. Это инстинктивно чувствовалъ императоръ Александръ I, и вотъ почему ему были крайне непріятны новыя тяжелыя обязательства, „исторгнутыя" Наполеономъ отъ несчастнаго прусскаго короля [1]).

Однако, настоящимъ камнемъ преткновенія для сохраненія союза между Россіей и Франціей въ полной силѣ явился австрійскій вопросъ. Наполеонъ зналъ, что война съ Австріей неизбѣжна, и въ виду этого обстоятельства онъ уговорилъ въ Эрфуртѣ императора Александра I подписать извѣстныя обязательства. Всѣ другіе политическіе вопросы находились для Наполеона, въ началѣ 1809 года, на второмъ планѣ. Онъ былъ увѣренъ, что скоро справится съ испанскимъ возстаніемъ. Онъ зналъ, что нерѣшительность русскаго правительства и медленность движеній русской арміи въ Дунайскихъ княжествахъ сдѣлаютъ невѣроятнымъ окончательное завоеваніе Россіей этихъ богатѣйшихъ или другихъ турецкихъ провинцій.

---

[1]) Сравн. мое „Собраніе трактатовъ", т. VII, стр. 5 и слѣд.

Относительно Швеціи Наполеонъ кореннымъ образомъ измѣнилъ вѣковыя цѣли французской политики: онъ готовъ былъ, безъ малѣйшаго чувства сожалѣнія, допустить полное завоеваніе Швеціи Россіей. Въ началѣ 1808 года Коленкуръ подалъ императору Александру I записку, въ которой доказывалось, какимъ образомъ Россія должна уничтожить этого своего „географическаго врага", какъ императоръ французовъ называлъ Швецію по отношенію къ Россіи. Коленкуръ предложилъ завоевать Стокгольмъ, и тогда русскій флотъ будетъ господствовать на Балтійскомъ морѣ, а русскія войсва займутъ всю Швецію.

„Россія", писалъ французскій посолъ въ своей запискѣ отъ 8-го (20-го) апрѣля 1808 года, „существеннымъ образомъ заинтересована въ достиженіи этой цѣли. Ея политическій интересъ этого желаетъ, ея торговля этого требуетъ и ея слава ей это предписываетъ". Поэтому русское правительство съ арміею въ 18.000 человѣкъ должно перейти Ботническій заливъ, держать въ запасѣ другую армію въ 30.000 человѣкъ, и—Швеція будетъ завоевана. Нужно только господствовать надъ Балтійскимъ моремъ, и тогда тамъ мѣста не будетъ ни для англичанъ, ни для шведовъ. Тогда безопасность С.-Петербурга будетъ обезпечена на вѣки вѣковъ.

Таково содержаніе интересной записки французскаго посла, которую онъ лично вручилъ государю императору. Въ виду такого настроенія Наполеона относительно Швеціи, Александръ I имѣлъ неограниченную свободу дѣйствій въ отношеніи этой страны, и шведскій вопросъ не могъ сдѣлаться яблокомъ раздора между обоими союзниками.

Совершенно другое нужно сказать о взаимныхъ ихъ интересахъ въ отношеніи Австріи. Относительно этой державы Наполеонъ имѣлъ такіе планы, которые совершенно не сходились со взглядами Александра I и съ интересами Россіи, какъ сосѣдней съ Австріей державы. Между тѣмъ, Наполеонъ потребовалъ отъ Александра I не только равнодушнаго отношенія къ результатамъ предстоящей между Франціей и Австріей войны, но онъ имѣлъ право разсчитывать на дѣятельную союзную помощь со стороны Россіи. Въ союзной конвенціи, подписанной въ Эрфуртѣ, Александръ I принужденъ былъ обѣщать такую помощь. Однако, онъ отлично понималъ, насколько велика опасность этой войны для Россіи, ибо онъ ни въ какомъ случаѣ не могъ добровольно согласиться на уничтоженіе австрійской имперіи. Такая катастрофа была тѣмъ болѣе страшна для Россіи, что на развалинахъ Австріи могла бы создаться независимая великая Польша.

Имѣя въ виду эти обстоятельства, понятны будутъ неустанныя старанія Александра I предупредить возникновеніе войны между Франціей и Австріей. Онъ направилъ, прежде всего, всѣ свои усилія къ тому, чтобъ остановить вѣнскій кабинетъ на томъ опасномъ пути, на который онъ сталъ. Онъ предупредилъ черезъ своего посла, князя Куракина, австрійскаго императора Франца I, что если Австрія нападетъ на Францію, то Россія принуждена будетъ исполнить свои союзныя обязательства и стать на сторону Наполеона [1]).

Съ другой стороны, Александръ I употреблялъ все свое вліяніе въ Парижѣ, чтобъ успокоить Наполеона относительно воинственныхъ плановъ Австріи и остановить полный съ нею разрывъ. Миссія гр. Румянцова въ Парижѣ имѣла ближайшею цѣлью воздѣйствовать на тюльерійскій кабинетъ именно въ этомъ смыслѣ.

Въ написанной собственноручно инструкціи графу Румянцову отъ 18-го декабря 1808 года императоръ Александръ I выражаетъ увѣренность, что Австрія не нападетъ на Францію, ибо всѣ принятыя ею военныя мѣры имѣютъ исключительно оборонительный характеръ. Цѣль—предупредить нарушеніе мира со стороны Австріи—казалась Александру I достигнутою.

„Вы помните“, писалъ государь своему вице-канцлеру, „что въ нашихъ бесѣдахъ въ Эрфуртѣ я всегда былъ того мнѣнія, что наиболѣе желательною была бы для Европы такая система, которая препятствовала бы тому, чтобъ ни одна изъ трехъ оставшихся великихъ державъ (Россія, Франція и Австрія) не могла нарушить общаго мира на континентѣ. Такая система возможна только подъ условіемъ существованія равновѣсія между силами этихъ государствъ“. Россія не боится Австріи и желаетъ ея сохраненія. Франція также не должна бояться Австріи и должна желать ея сохраненія.

Графъ Румянцовъ совершенно раздѣлялъ воззрѣнія своего государя на австрійскій вопросъ. Онъ также находилъ абсолютно необходимымъ предупредить возникновеніе австро-французской войны и предложилъ, на обратномъ пути въ Россію, заѣхать въ Вѣну, чтобъ остановить австрійское правительство отъ вызова императору французовъ.

„Чѣмъ болѣе я изучаю все, что здѣсь происходитъ“, писалъ онъ Александру I изъ Парижа 26-го октября (7-го ноября) 1808 года, „чѣмъ болѣе я углубляюсь въ будущее, тѣмъ

---

[1]) См. томъ III, стр. 27 и слѣд. „Собр. трактатовъ“.

болѣе я убѣждаюсь, государь, что ваше императорское величество не можете достаточно надзирать за вѣнскимъ дворомъ, если вы желаете... погасить уже начатую войну и предупредить, чтобъ не началась другая, которой послѣдствія могутъ оказаться пагубными для интересовъ вашей имперіи“.

Однако гр. Румянцовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, признаетъ совершенно естественными опасенія Австріи относительно ея собственной безопасности. Она имѣетъ полное право относиться съ крайнимъ недовѣріемъ къ результатамъ эрфуртскаго свиданія, къ которому она не была допущена. Поэтому Австрія должна всего бояться отъ Наполеона и его союзника.

Когда Наполеонъ вернулся, въ январѣ 1809 г., изъ Испаніи и гр. Румянцовъ имѣлъ съ нимъ бесѣды, продолжавшіяся часами, онъ все болѣе убѣждался въ рѣшимости повелителя Франціи сокрушить Австрію и низвести ее на степень незначительной державы. Наполеонъ откровенно сказалъ гр. Румянцову, что сожалѣетъ о томъ, что не предложилъ въ Эрфуртѣ Александру I заставить Австрію разоружиться. Онъ высказывалъ увѣренность, что скоро будетъ въ Вѣнѣ, въ качествѣ неумолимаго повелителя.

„Австрія“, сказалъ разъ Наполеонъ гр. Румянцову, „желаетъ получить пощечину. Я ей дамъ ее по обѣимъ щекамъ, и вы увидите, что она меня даже поблагодаритъ и спроситъ меня, какую щеку подставить“.

Въ другой разъ Наполеонъ сказалъ русскому министру иностранныхъ дѣлъ: „Я отдую Австрію палкой“. На это министръ хладнокровно замѣтилъ: „Лишь бы вы не надѣлали слишкомъ много синяковъ, ибо наши интересы тогда заставятъ насъ ихъ сосчитать. Мы не можемъ желать ея погибели“.

Эти откровенныя объясненія почти ежедневно имѣли мѣсто, и гр. Румянцовъ отказывался давать о нихъ отчетъ въ своихъ донесеніяхъ. Онъ долженъ былъ бы исписывать цѣлыя тетради, еслибъ пожелалъ точнымъ образомъ передать все сказанное. Онъ обязался устно разсказать все своему государю. (Донесеніе отъ 30-го января (11-го февраля) 1809 года.)

Однако, въ продолженіе этихъ откровенныхъ объясненій Наполеонъ весьма часто увлекался и давалъ полную свободу своимъ чувствамъ злобы и негодованія. Сознавая, что предстоящая война съ Австріей ему чрезвычайно неудобна въ виду народнаго возстанія въ Испаніи, онъ не задумался предложить русскому министру иностранныхъ дѣлъ мысль о раздѣлѣ всѣхъ австрійскихъ земель между Россіей и Франціей.

Подобнаго рода предложенія, обнаруживая всю необъятность плановъ Наполеона, заставили графа Румянцова выказывать крайнюю осмотрительность въ его сношеніяхъ съ императоромъ французовъ. Онъ не входилъ ни въ какія объясненія насчетъ будущей судьбы австрійской имперіи и не подавалъ Наполеону ни малѣйшей надежды, что Россія желаетъ разгрома Австріи.

Такая осторожность гр. Румянцова вывела, наконецъ, Наполеона изъ терпѣнія, и онъ разъ съ азартомъ воскликнулъ: „Нашъ союзъ наконецъ сдѣлается позорнымъ. Вы ничего не хотите и вы мнѣ не довѣряете!“ (Донесеніе гр. Румянцова отъ 30-го января (11 февраля) 1808 г.)

Гр. Румянцовъ все-таки не измѣнилъ своего хладнокровнаго отношенія къ Наполеоновскимъ грандіознымъ планамъ и заставилъ императора французовъ стать на почву реальныхъ фактовъ. Тогда Наполеонъ сталъ объяснять, что отъ Россіи онъ потребуетъ только союзной арміи въ 40.000 человѣкъ, которая должна находиться въ полномъ его распоряженіи. Что же касается до будущей судьбы Австріи, то онъ полагалъ бы цѣлесообразнымъ выкроить изъ нея мелкія королевства и раздать ихъ австрійскимъ эрцгерцогамъ.

Императоръ Александръ I вполнѣ одобрялъ осторожность своего министра иностранныхъ дѣлъ и не переставалъ лелѣять надежду, что ему удастся предупредить войну между Австріей и Франціей. Онъ сообщилъ гр. Румянцову о своемъ объясненіи съ вновь назначеннымъ въ Петербургѣ австрійскимъ посломъ, княземъ Шварценбергомъ, которому онъ сказалъ, что всегда готовъ положить предѣлы ненасытному властолюбію Франціи, если она намѣрена осуществить свои завоевательные замыслы. Въ случаѣ ничѣмъ не вызваннаго со стороны Австріи нападенія Франціи, Россія готова будетъ придти ей на помощь. Императоръ Александръ поставилъ высшею цѣлью своей политики— сохраненіе политическаго равновѣсія между великими державами.

Такими объясненіями съ австрійскимъ посломъ императоръ надѣялся, что ему удалось въ началѣ 1809 года предупредить разрывъ между Австріей и Франціей. (Письмо Александра I къ гр. Румянцову отъ 2-го февраля 1809 года.)

Во всякомъ случаѣ, императоръ Александръ I и его вице-канцлеръ были совершенно согласны въ томъ, что Россія не можетъ допустить „уничтоженія Австріи“.

Въ февралѣ 1809 года гр. Румянцовъ уѣхалъ изъ Парижа обратно въ Россію. Этотъ отъѣздъ сильно огорчилъ Наполеона, который надѣялся посредствомъ особеннаго соглашенія съ рус-

скимъ вице-канцлеромъ закрѣпить за собою союзную помощь Россіи. Отъѣздъ гр. Румянцова былъ названъ „бѣгствомъ", котораго Наполеонъ никогда не могъ ему простить [1]). Намъ кажется, что гр. Румянцову нечего было дѣлать въ Парижѣ послѣ прибытія туда вновь назначеннаго русскаго посла, князя А. Б. Куракина. Въ виду грандіозныхъ плановъ Наполеона насчетъ Австріи графу Румянцову оставалось только сдѣлать выборъ между двумя альтернативами: *или* исполнить желаніе Наполеона относительно закрѣпленія новымъ обязательствомъ судьбы Россіи съ тщеславными планами Франціи, *или же* сохранить свободу дѣйствій Россіи въ случаѣ разрыва между Австріей и Франціей. *Перваго*—гр. Румянцовъ сдѣлать не могъ безъ нарушенія своего полномочія и инструкцій; *второе* — онъ сдѣлалъ, и отъѣздъ его изъ Парижа былъ самымъ естественнымъ выходомъ изъ крайне опаснаго положенія, въ которое его поставилъ императоръ французовъ.

Наконецъ, гр. Румянцовъ отлично зналъ, что новаго русскаго посла Наполеонъ не заставитъ подписать какихъ-либо обязательствъ, направленныхъ противъ Австріи. По своему характеру князь Куракинъ не въ состояніи былъ принять никакихъ скороспѣлыхъ рѣшеній: все, что̀ онъ дѣлалъ, онъ дѣлалъ медленно и не спѣша. Онъ съ восторгомъ сообщилъ своему государю, что ему удалось путь изъ Вѣны въ Парижъ сократить на нѣсколько дней: вмѣсто 18 дней, онъ сдѣлалъ его въ 13 дней, и самъ удивлялся своей скорости.

По своимъ политическимъ чувствамъ князь Куракинъ былъ единомышленникомъ своего предшественника — графа Толстого. Онъ относился съ не мѐньшимъ недовѣріемъ, чѣмъ Толстой, къ властолюбивой политикѣ императора французовъ. Въ первомъ же своемъ донесеніи изъ Вѣны, отъ 10-го (22-го) января 1809 года, князь Куракинъ горько жалуется на то, что его перевели изъ Вѣны въ Парижъ! Въ Вѣнѣ онъ пользовался довѣріемъ своего государя и его дѣятельность отвѣчала всѣмъ его внутреннимъ убѣжденіямъ. Между тѣмъ какъ въ Парижѣ онъ принужденъ ограничиваться исключительно наблюденіемъ, ибо дѣлать ему нечего. „Ни одинъ изъ министровъ императора Наполеона", продолжаетъ онъ въ своемъ январьскомъ донесеніи, „ни Шампаньи, ни князь Беневентскій, еще не говорили со мною о дѣлахъ; они показываютъ видъ, что старательно этого избѣгаютъ".

---

[1]) См. *Vandal*, Napoléon et Alexandre I, t. II, p. 57.

Этого мало: не только французскіе министры избѣгаютъ говорить о дѣлахъ съ княземъ Куракинымъ, но даже его собственное начальство не желаетъ говорить съ нимъ о дѣлахъ! Князь горько жалуется, что ему не даютъ никакихъ инструкцій и ничего не пишутъ изъ С.-Петербурга.

Такія горькія жалобы князя Куракина въ первомъ же донесеніи отлично характеризуютъ его самого и также отношеніе къ нему начальства. Пока гр. Румянцовъ находился въ Парижѣ, послу не было особенной надобности получать инструкціи изъ Петербурга: графъ отлично зналъ всѣ виды и планы своего государя и могъ направлять посла во всѣхъ случаяхъ. Очевидно, князь Куракинъ не особенно доволенъ былъ пребываніемъ въ Парижѣ вице-канцлера, который совершенно затмевалъ мало интереснаго посла. Вѣроятно, князь не скрывалъ своего неудовольствія, и въ этомъ обстоятельствѣ также кроется причина отъѣзда гр. Румянцова изъ Парижа.

Впрочемъ, когда вице-канцлеръ уже давно былъ въ Петербургѣ и князь Куракинъ былъ поставленъ ходомъ событій въ весьма трудное положеніе, правительство оставляло его иногда въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ безъ всякихъ извѣстій и наставленій. Съ этой точки зрѣнія чрезвычайно любопытно то, что писалъ князь Куракинъ графу Румянцову въ Петербургъ 11-го (23-го) іюля 1809 года:

„Вотъ уже съ 11-го апрѣля я не получаю отъ вашего сіятельства никакихъ извѣстій и остаюсь безъ отвѣтовъ на различные вопросы, съ которыми я неоднократно къ вамъ обращался. Я не могу себѣ представить, чтобы такое продолжительное молчаніе съ вашей стороны имѣло какую-нибудь другую причину, кромѣ какого-нибудь несчастія, благодаря которому ваши письма потерялись (sic). Я разсчитываю на вашу дружбу, не допускающую мысли, чтобы вы нарочно оставили меня въ такомъ продолжительномъ забвеніи, которое въ силу всевозможныхъ соображеній для меня чрезвычайно тяжело при исполненіи моихъ здѣшнихъ обязанностей".

Нельзя не сказать, что чрезвычайно странно было положеніе русскаго посла, князя Куракина, въ Парижѣ: французскіе министры его избѣгаютъ систематически и съ нимъ не разговариваютъ, а русское правительство забываетъ объ его существованіи въ продолженіе цѣлыхъ мѣсяцевъ! Спрашивается: для чего его оставляли на занимаемомъ имъ посту?

Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что въ началѣ парижскаго пребыванія князя Куракина Наполеонъ относился

къ нему чрезвычайно милостиво: вмѣстѣ съ графомъ Румянцовымъ, или отдѣльно, онъ приглашался на самыя интимныя придворныя торжества, на которыя не приглашались другіе члены дипломатическаго корпуса. Такъ, на одномъ изъ придворныхъ баловъ передъ самымъ отъѣздомъ гр. Румянцова, Наполеонъ взялъ въ сторону вице-канцлера и посла, и въ продолженіе двухъ часовъ съ ними бесѣдовалъ о политическомъ положеніи Европы. Онъ сильнѣйшимъ образомъ опять нападалъ на Австрію, сказавъ, что „за всѣ ея дерзости" онъ ей дастъ „хорошую пощечину". „Я готовъ пари держать", прибавилъ онъ, „что въ 40 дней я буду въ Вѣнѣ. Нѣтъ въ этомъ государствѣ ни одного человѣка, все въ немъ сгнило". Исключеніе составлялъ только одинъ человѣкъ — эрцгерцогъ Карлъ. (Донесеніе кн. Куракина отъ 18-го (30-го) января 1809 г.)

Эти постоянныя угрозы противъ Австріи страшно печалили князя Куракина, который вывезъ изъ Вѣны сердечную привязанность къ высшему обществу австрійской столицы и глубокое убѣжденіе въ неотложной необходимости въ Европѣ австрійской монархіи для поддержанія политическаго равновѣсія. Онъ умолялъ своего государя заступиться за Австрію и не дать Наполеону возможности совершить задуманный имъ разгромъ этой державы. Наконецъ и самъ князь Куракинъ энергическимъ образомъ защищалъ предъ Наполеономъ миролюбіе австрійскаго императора и его народовъ.

Между тѣмъ, въ полученной княземъ Куракинымъ февральской инструкціи ему вмѣнялось въ обязанность никогда не забывать, что самый близкій союзникъ русскаго царя—императоръ французовъ, что этотъ союзъ всегда долженъ быть поддерживаемъ посломъ всѣми силами, что даже кажущееся ослабленіе этого союза недопустимо, и что, наконецъ, посолъ долженъ остерегаться дружиться съ австрійскимъ посланникомъ въ Парижѣ. Все это исполнить было очень тяжело для князя Куракина, въ особенности послѣдній совѣтъ относительно австрійскаго посланника. Этотъ постъ занималъ графъ Меттернихъ, съ которымъ князь Куракинъ не только былъ друженъ, но въ преданность котораго Россіи онъ слѣпо вѣрилъ. (Депеши къ кн. Куракину отъ 2-го (14-го) февраля и 18-го (30-го) мая 1809 года.)

VIII.

Между тѣмъ, моментъ кровавой развязки между Франціей и Австріей приближался все болѣе и болѣе. Вмѣстѣ съ тѣмъ при-

ближался моментъ рокового переворота въ союзныхъ отношеніяхъ между Россіей и Франціей.

Послѣ отъѣзда гр. Румянцова изъ Парижа, Наполеонъ написалъ императору Александру I, что онъ былъ радъ поближе познакомиться съ русскимъ государственнымъ человѣкомъ, который въ состояніи приводить въ исполненіе ихъ возвышенные планы, составленные „для счастья міра“ (Письмо Наполеона отъ 14-го февраля 1809 года). Императоръ Александръ отвѣтилъ въ такомъ же любезномъ духѣ, сказавъ, что ему особенно пріятно быть увѣреннымъ въ полномъ знакомствѣ гр. Румянцова съ великими планами императора французовъ. Вотъ почему онъ выразилъ надежду, что наступилъ моментъ для энергическихъ общихъ дѣйствій противъ—Англіи. Что же касается возможности войны Австріи противъ Франціи, то Александръ I обѣщалъ употребить всѣ средства, чтобъ остановить вѣнскій кабинетъ на скользкомъ пути, на который онъ сталъ. (Письмо Александра I къ Наполеону отъ 19-го марта 1809 года.)

Но эти старанія Александра I оказались весьма скоро совершенно тщетными. Въ концѣ марта Наполеонъ извѣстилъ своего союзника, что Австрія готова къ войнѣ и что французская гвардія отправляется въ Германію. Вмѣстѣ съ тѣмъ Наполеонъ сообщилъ, что Австрія „взяла въ свои руки всю Турцію“ и такимъ образомъ парализуетъ исполненіе желаній Россіи относительно присоединенія Дунайскихъ княжествъ. Въ заключеніе онъ говоритъ: „Я разсчитывалъ и продолжаю разсчитывать на союзъ съ вашимъ величествомъ. Но нужно дѣйствовать, и я вамъ довѣряю“. (Письмо Наполеона I отъ 24-го марта 1809 г.)

Когда война уже была начата австрійцами въ началѣ апрѣля, Александръ I все еще питалъ надежду, что ему удастся остановить ходъ событій и убѣдить вѣнскій кабинетъ въ безразсудствѣ его воинственнаго задора. Когда же эта надежда должна была рушиться подъ давленіемъ совершившихся фактовъ, онъ писалъ своему союзнику, что „онъ можетъ на него положиться“, и что онъ готовится къ военнымъ дѣйствіямъ противъ Австріи. Правда, прибавилъ государь, его средства невелики, ибо онъ долженъ вести еще двѣ войны. „*Но все, что возможно, будетъ сдѣлано*“—таковы были неутѣшительныя слова императора Александра I наканунѣ великой войны Франціи съ Австріею.

Эти слова должны были произвести ошеломляющее дѣйствіе на Наполеона, который весьма серьезнымъ образомъ разсчитывалъ на немедленное присоединеніе русской арміи въ 50.000 человѣкъ къ французскимъ войскамъ, сражающимся противъ

Австріи. Онъ былъ увѣренъ, что русскія войска немедленно вступятъ въ Австрію и отвлекутъ значительную часть австрійскихъ вооруженныхъ силъ, направленныхъ противъ французскихъ армій.

Ничего подобнаго не случилось. Правда, русская армія, подъ начальствомъ князя Голицына, вступила въ австрійскую Галицію, но она вела себя настолько миролюбиво въ занятой области, что Австріи нечего было опасаться этого врага. Это была скорѣе военная прогулка русской арміи, нежели военный походъ. Австрійскія и русскія войска тщательнымъ образомъ старались не встрѣчаться, и, благодаря неожиданнымъ блестящимъ побѣдамъ Наполеона, имъ удалось разрѣшить эту легкую задачу.

Такая политика Александра I въ отношеніи Наполеона вызвала обвиненія его въ вѣроломствѣ и въ близорукости относительно пониманія собственныхъ интересовъ Россіи [1]). Гнѣвъ Наполеона по поводу образа дѣйствій Александра I былъ безпредѣленъ. Когда Коленкуръ ему исправно сообщалъ о всѣхъ комплиментахъ, которые Александръ I въ разговорахъ съ нимъ расточалъ насчетъ французскаго народа и военнаго генія Наполеона, послѣдній съ негодованіемъ воскликнулъ: „Комплименты и фразы—не арміи; положеніе вещей требовало армій".

Этого мало. Когда Наполеону доложили о военныхъ дѣйствіяхъ въ Галиціи, гдѣ князь Голицынъ отказался идти на помощь Понятовскому, тѣснимому австрійскими войсками, Наполеонъ съ яростью воскликнулъ: „Это поведеніе предательское"! [2])

Съ своей стороны, императоръ Александръ I продолжалъ, въ своихъ письмахъ къ Наполеону и въ бесѣдахъ съ французскимъ посломъ, осуждать образъ дѣйствій Австріи и восторгаться блестящими побѣдами французскихъ войскъ. Послѣ погрома австрійцевъ, въ іюнѣ 1809 года, полковникъ Горголи отвезъ въ лагерь Наполеона письмо, въ которомъ доказывалось, что австрійцы получили „страшный и заслуженный урокъ". Наполеонъ не нуждался въ увеличеніи своей военной славы, но „вашимъ врагамъ" угодно было еще прибавить новые лавры.

Однако, Наполеонъ не измѣнилъ своей оцѣнки исполненія Александромъ I союзныхъ обязательствъ. Напротивъ, чѣмъ дольше продолжалась война и чѣмъ болѣе блестящія побѣды одерживалъ онъ одинъ надъ австрійцами, тѣмъ больше накоплялись въ

---

[1]) Сравн. *Vandal*, Napoléon et Alexandre I, t. II, p. 82 et suiv.

[2]) Сравн. *Vandal*, loc. cit. t. II, p. 94 et. suiv.

его душѣ чувства горечи и негодованія противъ императора Александра I, его союзника и друга. Война 1809 года сдѣлала глубокую брешь въ союзѣ между Россіей и Франціей. Съ этого времени сѣмена взаимнаго недовѣрія и систематической подозрительности пускаютъ глубокіе корни и вырастаютъ въ войну 1812 года.

Симптомовъ такого развитія взаимныхъ отношеній между обоими союзными государствами очень много съ лѣта 1809 года. Одно изъ самыхъ знаменательныхъ—письмо Шампаньи къ Коленкуру отъ 2-го іюня 1809 года, продиктованное Наполеономъ своему министру иностранныхъ дѣлъ [1]):

„Г-нъ посолъ, императоръ не желаетъ, чтобъ я скрылъ отъ васъ, что послѣднія событія заставили его много утратить довѣрія, которое ему внушалъ союзъ съ Россіей: они служатъ ему доказательствами вѣроломства этого кабинета. Никогда еще не видано было, чтобъ удерживали посла той державы, которой объявлена война... Прошло шесть недѣль, а русская армія шагу не сдѣлала, и австрійская армія занимаетъ великое герцогство, какъ одну изъ своихъ провинцій".

„Сердцу императора нанесена рана", продолжаетъ Шампаньи, „и вотъ причина, почему онъ не пишетъ императору Александру. Онъ не въ состояніи показать ему довѣріе, котораго больше не питаетъ. Онъ ничего не говоритъ и не жалуется; онъ скрываетъ внутри себя свое неудовольствіе, но онъ больше не цѣнитъ союзъ съ Россіей... Сорокъ тысячъ человѣкъ, которыхъ Россія могла бы ввести въ великое герцогство, могли бы сослужить дѣйствительную службу и могли бы, по меньшей мѣрѣ, поддержать нѣкоторую иллюзію призрака союза".

„Императоръ предпочелъ, чтобъ я вамъ написалъ вышесказанное вмѣсто инструкціи въ десять страницъ, но онъ желаетъ, чтобы вы считали уничтоженными ваши прежнія инструкціи. Сохраните приличное поведеніе, показывайте видъ, что довольны, но не принимайте никакого обязательства и никоимъ образомъ не вмѣшивайтесь въ дѣла Россіи съ Швеціей и Турціей... Пускай русскій дворъ всегда будетъ доволенъ вами, какъ и вы покажете видъ, что довольны имъ. Именно потому, что императоръ больше не вѣритъ въ союзъ съ Россіей, онъ въ особенности желаетъ, чтобъ эта вѣра, которой у него нѣтъ, была раздѣляема всею Европою".

Въ концѣ письма Коленкуру предписывается немедленно

---

[1]) Сравн. *Vandal*, Napoléon et Alexandre I, t. II, p. 95 et suiv.

уничтожить это письмо, чтобъ не осталось отъ него никакого слѣда.

Это чрезвычайно откровенное письмо французскаго министра иностранныхъ дѣлъ подтвердило полную перемѣну чувствъ Наполеона къ Александру I. Отнынѣ союзъ между ними существуетъ только на бумагѣ, но не на дѣлѣ. Совершилась ли такая перемѣна исключительно подъ вліяніемъ неудовольствія на пассивный характеръ русской союзной помощи, или же вслѣдствіе убѣжденія Наполеона, что наступилъ моментъ для кровавой расправы также съ Россіей,—это вопросъ, который трудно рѣшить на основаніи архивныхъ матеріаловъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Наполеонъ имѣлъ вѣскія причины быть недовольнымъ образомъ дѣйствія императора Александра I, который соглашался съ своимъ посломъ въ Парижѣ, что Австрія есть „естественная плотина" Россіи противъ господствующей надъ центральною Европою Франціи. Послѣ уничтоженія этой плотины, Россія оставалась единственною въ Европѣ державою, съ которою Наполеонъ еще долженъ былъ считаться.

Послѣ блестящихъ побѣдъ надъ Австріею и заключенія вѣнскаго мирнаго трактата, Наполеонъ долженъ былъ придти къ тому же заключенію: только союзная Россія могла еще ему противодѣйствовать на пути къ установленію его владычества надъ всею Европою. Сознаніе этой несомнѣнной истины должно было укрѣпить въ Наполеонѣ рѣшеніе подготовить почву для расторженія франко-русскаго союза. Странный образъ дѣйствій русской арміи въ Галиціи далъ Наполеону внѣшній поводъ къ измѣненію своей политики въ отношеніи Россіи.

Страстность натуры Наполеона и сознаніе, что онъ повелитель надъ всѣми западно-европейскими народами, привели къ тому, что симптомы охлажденія между обоими союзниками стали обнаруживаться весьма скоро. Въ письмѣ отъ 2-го іюня Коленкуру предписано было нисколько не измѣнять своихъ сношеній съ императоромъ Александромъ и его министрами, но стараться всѣми силами скрывать перемѣну чувствъ Наполеона къ своему союзнику. Между тѣмъ, самъ Наполеонъ сталъ иначе относиться къ русскому послу, послѣ своего возвращенія въ Парижъ. Князь Куракинъ сталъ замѣчать, что Наполеонъ не такъ часто приглашалъ его ко двору, избѣгалъ говорить съ нимъ интимнымъ образомъ и никакихъ особенныхъ любезностей ему не оказывалъ. Русскому же дипломатическому курьеру Наполеонъ совершенно откровенно высказалъ полное неудовольствіе по поводу военныхъ дѣйствій русской союзной арміи. (Донесенія кн. Ку-

ракина отъ 21-го октября (2-го ноября) и 3-го (15-го) ноября 1809 года.)

Правда, въ своихъ письмахъ съ театра войны, императоръ французовъ продолжалъ увѣрять Александра I въ неизмѣнности его чувствъ дружбы и союза. Въ іюлѣ находились въ его главной квартирѣ три флигель-адъютанта русскаго царя: гр. Чернышевъ, кн. Гагаринъ и Горголи. Ихъ присутствіе должно было доказывать близость отношеній обоихъ союзниковъ. Въ это самое время Наполеонъ писалъ своему союзнику, что онъ возобновляетъ свою благодарность „за доказательства дружбы", данныя ему при настоящихъ обстоятельствахъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, проситъ „никогда не сомнѣваться въ искренности и неизмѣнности" его дружескихъ чувствъ. (Письмо отъ 18-го іюля 1809 г. изъ Шенбрунна.)

Черезъ нѣсколько дней, въ письмѣ отъ 27-го іюля, Наполеонъ обнаруживаетъ скрытое неудовольствіе поведеніемъ союзника. Въ виду возможности непринятія Австріею предписанныхъ имъ условій мира и возобновленія военныхъ дѣйствій, Наполеонъ выражаетъ серьезное желаніе, чтобы русская армія дѣйствовала „активнымъ и болѣе непосредственнымъ образомъ" (sic!). „По сей часъ", прибавляетъ Наполеонъ, „я не знаю, ни гдѣ она находится, ни ея силу, ни точныя намѣренія вашего величества относительно ея".

Въ этихъ словахъ Наполеона весьма ясно выражаются чувства неудовольствія его противъ Александра I, которыя пока не измѣняли еще ихъ взаимныхъ отношеній. Но когда Австрія должна была подписать предписанныя ей условія мира и Наполеонъ сталъ чувствовать послѣдствія одержанныхъ имъ блестящихъ побѣдъ, отношенія его къ Александру I стали неизбѣжнымъ образомъ измѣняться. Такое воздѣйствіе на него событій обнаружилось уже при заключеніи мира съ Австріей.

Если Россія была союзницею Франціи во время войны противъ Австріи, то имѣла право участвовать въ мирныхъ переговорахъ и въ заключеніи мирнаго трактата. Между тѣмъ, мирный трактатъ былъ подписанъ уполномоченными только Австріи и Франціи. Этого мало: Наполеонъ заставляетъ Австрію уступить Россіи часть Галиціи, т.-е. маленькую область съ народонаселеніемъ въ 400.000 человѣкъ. Это мизерное вознагражденіе за оказанную Россіей помощь, стоившую ей все-таки значительныхъ жертвъ, было включено, въ видѣ особенной статьи, въ мирный трактатъ между Франціей и Австріей. Не только князь Куракинъ, какъ видно изъ его донесенія отъ 21-го октября

(2-го ноября) 1809 года, но и самъ Александръ I не могъ не признать въ такомъ вознагражденіи, данномъ въ такой формѣ, незаслуженное оскорбленіе. Князь Куракинъ былъ правъ, сказавъ, что до того времени Наполеонъ поступалъ такимъ образомъ только съ членами Рейнскаго Союза, находящимися подъ его протекторатомъ.

Брошенный Наполеономъ Александру I-му такимъ образомъ вызовъ былъ особенно чувствителенъ потому, что герцогство Варшавское получило несравненно большее территоріальное приращеніе, чѣмъ Россія. Поставивъ же въ своемъ мирномъ трактатѣ съ Австріей Россію въ еще худшее положеніе, чѣмъ Варшавское герцогство, Наполеонъ нанесъ смертельный ударъ союзу, заключенному при небывало-торжественной обстановкѣ въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ.

Между тѣмъ, императоръ французовъ дѣлалъ видъ, какъ будто онъ постановленіями вѣнскаго мирнаго трактата вполнѣ удовлетворилъ всѣ желанія своего союзника и друга! Въ письмѣ отъ 10-го октября изъ Шенбрунна онъ пишетъ Александру I, что, „согласно его желаніямъ, бо́льшая часть Галиціи остается въ прежнемъ положеніи", и что онъ соблюдалъ его интересы настолько, насколько онъ самъ бы ихъ соблюдалъ. Затѣмъ онъ продолжаетъ:

„Процвѣтаніе и благосостояніе Варшавскаго герцогства требуютъ, чтобъ оно пользовалось милостью вашего величества, и подданные вашего величества должны знать, что ни въ какомъ случаѣ, ни при какихъ случайностяхъ, они не могутъ разсчитывать на какое-либо съ моей стороны покровительство".

Утвержденіе Наполеона, что при заключеніи мирнаго трактата съ Австріей онъ имѣлъ въ виду законныя желанія Россіи относительно Польши, представляется совершенно правильнымъ. Но совершенно неосновательно его утвержденіе, что онъ исполнилъ въ этомъ отношеніи всѣ желанія Россіи. Онъ отлично зналъ, насколько польскій вопросъ живо затрагивалъ жизненные интересы Россіи и вызывалъ серьезныя опасенія въ императорѣ Александрѣ. Мысль о возстановленіи Польши исходила изъ Парижа и находила во французскомъ правительствѣ самый сочувственный откликъ. Наполеонъ серьезно занимался этимъ вопросомъ, не взирая на рискъ вызвать разрушеніе союза съ Александромъ I.

IX.

Въ началѣ марта, т.-е. до начала войны съ Австріей, Наполеонъ приказалъ составить записку о возстановленіи Польши. Князь Куракинъ добылъ себѣ копію съ этой записки и препроводилъ ее въ С.-Петербургъ. Въ этомъ любопытномъ актѣ доказывалась возможность возстановленія старой Польши и въ прежнихъ ея границахъ, между Двиною и Днѣпромъ. (Донесеніе кн. Куракина отъ 27 марта 1809 года.)

Опасенія Александра I были вполнѣ законны и постоянно находили пищу въ образѣ дѣйствія самого Наполеона въ Польшѣ и въ агитаціяхъ самихъ поляковъ, которымъ императоръ французовъ явнымъ образомъ потворствовалъ. Александръ I обратилъ серьезное вниманіе Коленкура на эти обстоятельства уже въ іюнѣ 1809 года. Затѣмъ, въ августѣ онъ обратился къ Наполеону съ собственноручнымъ письмомъ, въ которомъ въ торжественной формѣ напоминалъ объ обѣщаніяхъ, данныхъ императоромъ французовъ въ Тильзитѣ и въ Эрфуртѣ.

„Мои интересы“, писалъ Александръ I, „покоятся въ рукахъ вашего величества. Я желаю основывать полное мое довѣріе на вашей дружбѣ ко мнѣ. Она можетъ дать мнѣ вѣрное ручательство, что вы вспомните то, что̀ я часто повторялъ въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ относительно интересовъ Россіи касательно прежней Польши и о чемъ я поручилъ вашему послу объясниться отъ моего имени“.

Но Александръ I не удовольствовался напоминаніемъ о торжественныхъ обѣщаніяхъ, данныхъ во время личныхъ свиданій обоихъ императоровъ. Онъ еще напоминаетъ о томъ трудномъ положеніи, въ которое его поставила война Франціи противъ Австріи. У него были еще не окончены четыре войны, изъ которыхъ двѣ были послѣдствіями союза съ Франціей. Однако, будучи твердо увѣренъ въ силѣ дружбы и союза съ Наполеономъ, Александръ I счелъ долгомъ, по мѣрѣ силъ своихъ, исполнить свои союзныя обязательства.

Когда же былъ заключенъ фридрихсгамскій мирный трактатъ съ Швеціей, и Россія пріобрѣла Финляндію, императоръ Александръ I, въ сентябрѣ 1809 года, писалъ Наполеону, что „теперь союзъ съ Франціей пріобрѣтетъ въ глазахъ моего народа всю свою цѣну“.

Только-что приведенныя взаимныя объясненія въ дружбѣ и

намѣренія поддерживать и впредь святость союза не въ состояніи были затушевать чувства неудовольствія и недовѣрія, оставшіяся послѣ австрійской войны. Наполеонъ не могъ забыть пассивность русской союзной помощи, а Александръ I былъ въ душѣ возмущенъ постановленіями вѣнскаго мирнаго трактата относительно Польши. Съ этого времени польскій вопросъ становится пугаломъ для Александра I и политическимъ орудіемъ для Наполеона. Для обоихъ же монарховъ польскій вопросъ былъ предметомъ досады и яблокомъ раздора.

Мы увидимъ, что всѣ старанія лишить этотъ жгучій вопросъ его остраго характера остаются тщетными, и всѣ политическія комбинаціи разрѣшить его удовлетворительнымъ образомъ для обѣихъ сторонъ разбиваются о непреодолимую силу обстоятельствъ. Только послѣ отечественной войны 1812 года и окончательнаго разгрома имперіи Наполеона I польскій вопросъ получилъ свое окончательное рѣшеніе.

Однако, если оба императора уже въ 1809 году смутно предвидѣли такое роковое значеніе вопроса о возстановленіи Польши, то все-таки они оба добросовѣстнымъ образомъ старались отдалить моментъ наступленія кризиса. Ни Наполеонъ, ни Александръ I, не желали обострять взаимныя отношенія, но старались поддерживать связующій ихъ союзъ и находить выходъ изъ угрожающихъ его существованію затрудненій. Въ частности Наполеонъ старался всѣми средствами успокоить своего союзника насчетъ созданнаго и возвеличеннаго имъ въ вѣнскомъ мирномъ трактатѣ Варшавскаго герцогства. Онъ не уставалъ доказывать Александру I, что всѣ его мѣропріятія на пользу Польши далеки отъ мысли о возстановленіи прежней Польши.

По повелѣнію Наполеона, Шампаньи написалъ 20-го октября письмо графу Румянцову, въ которомъ самымъ энергическимъ образомъ протестуетъ противъ приписываемаго императору французовъ намѣренія возстановить Польшу.

„Императоръ“, писалъ Шампаньи, „не только не желаетъ зарожденія идеи о возстановленіи Польши, столь далекой отъ его мыслей, но онъ готовъ содѣйствовать императору Александру во всемъ, чѣмъ можетъ быть вырвана самая память о ней изъ сердецъ ея прежнихъ обывателей. Его величество одобряетъ, чтобы слова *Польша* и *поляки* исчезли не только изъ всѣхъ политическихъ актовъ, но даже изъ исторіи... Онъ заставитъ короля саксонскаго сдѣлать все, дабы эта цѣль была достигнута, и все, что̀ можетъ быть сдѣлано для покорности жителей Литвы,

будетъ одобрено императоромъ и исполнено саксонскимъ королемъ. Неудобства, выяснившіяся послѣ тильзитскаго трактата, не повторятся, и все нужное будетъ сдѣлано для ихъ предотвращенія. Поэтому вполнѣ естественно думать, что если событія и увеличили могущество саксонскаго короля, то все-таки они въ сердцахъ старыхъ поляковъ не только не поддержатъ химерической надежды, но докажутъ, насколько мало осуществима та надежда, которую они могли еще сохранить"...

Къ сожалѣнію, положительные факты опровергали такой розовый взглядъ Наполеона на поставленный имъ самимъ вопросъ о возстановленіи прежней Польши. Еслибъ онъ былъ искрененъ въ своихъ словахъ и письмахъ, то долженъ бы былъ признать, что его дѣйствія не были согласны съ его словами. Вотъ почему императоръ Александръ I не могъ не относиться съ крайнимъ недовѣріемъ къ его обѣщаніямъ. Такое недовѣріе неоднократно обнаруживалось и должно было вызвать неудовольствіе Наполеона и постепенно измѣнить взаимныя отношенія обоихъ императоровъ.

Князю Куракину Наполеонъ сказалъ въ ноябрѣ 1809 года, что русское правительство должно принять всѣ мѣры для искорененія всякихъ слѣдовъ польскихъ химеръ. „Что касается меня", продолжалъ онъ, „я никогда никакихъ видовъ въ отношеніи Польши не имѣлъ и не буду имѣть. Я только желаю вашего спокойствія. То, что̀ я сдѣлалъ для Варшавскаго герцогства, я считалъ нужнымъ сдѣлать, съ цѣлью дать ему жить и укрѣпиться"...

Князь Куракинъ былъ въ восторгѣ отъ этихъ откровенностей Наполеона и совершенно не замѣчалъ явнаго несоотвѣтствія словъ съ фактами.

Въ іюлѣ 1809 года гр. Румянцовъ обратился къ герцогу Виченцскому съ нотою отъ 15-го (27-го) числа, которою польскій вопросъ былъ поставленъ ребромъ. Въ моментъ заключенія тильзитскаго союзнаго трактата, писалъ гр. Румянцовъ, Россія была въ войнѣ съ Турціей и Персіей. Для исполненія своихъ союзныхъ обязанностей она начала еще двѣ войны: съ Англіей и Швеціей. Этого мало: Россія еще приступила къ разорительнѣйшей континентальной системѣ. Наконецъ, какъ союзникъ Наполеона, императоръ Александръ I началъ еще пятую войну съ Австріей. И вотъ, во время этой послѣдней войны совершенно наглядно обнаружилось стремленіе поляковъ къ воскрешенію своего королевства при содѣйствіи Франціи. Созданное Наполеономъ Варшавское герцогство разсматривается поляками, какъ ячейка будущаго возстановленнаго польскаго королевства.

Имѣя въ виду всѣ эти факты, императоръ Александръ I, продолжаетъ государственный канцлеръ въ своей нотѣ, приказалъ ему вступить въ обмѣнъ мыслей объ этихъ польскихъ интригахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выразилъ увѣренность императора Александра I, что посолъ получитъ требуемое разрѣшеніе, ибо уже въ началѣ кампаніи противъ Австріи Наполеонъ выразилъ свою готовность въ этомъ отношеніи.

Отвѣтъ Наполеона на это формальное предложеніе долго не получался въ Петербургѣ: прошло больше трехъ мѣсяцевъ. Тогда, въ концѣ октября, государственный канцлеръ обращается съ новою нотою къ французскому послу и настоятельнымъ образомъ требуетъ выясненія польскаго вопроса посредствомъ заключенія особой конвенціи.

Къ постоянному возвращенію къ этому вопросу гр. Румянцовъ былъ принужденъ достовѣрными свѣдѣніями, имъ получаемыми, относительно твердаго рѣшенія Наполеона воскресить Польшу. Между прочимъ, отъ герцогини Курляндской, бывшей въ близкихъ отношеніяхъ къ Талейрану, онъ узналъ, что Наполеонъ рѣшилъ соединить вмѣстѣ „всѣ части Польши".

„Это значитъ", писалъ онъ государю изъ Фридрихсгама 23-го августа 1809 года, „нужно, чтобы ваше величество согласились отдѣлить отъ вашей имперіи то, что̀ къ ней было присоединено больше 30-ти лѣтъ тому назадъ".

Императоръ Александръ совершенно раздѣлялъ опасенія своего министра иностранныхъ дѣлъ. Въ іюлѣ 1809 года, до подписанія шенбруннскаго мирнаго трактата, онъ писалъ ему, что „польскіе происки и медленность князя Голицына, кажется, произвели нѣкоторое дѣйствіе. Но личная дружба ко мнѣ (Наполеона), кажется, сохранилась, если судить по всѣмъ увѣреніямъ, переданнымъ мнѣ Гагаринымъ". (Письмо отъ 31-го іюля 1809 года.)

Правда, Александръ I недолго продолжалъ вѣрить этимъ объясненіямъ въ дружбѣ и любви Наполеона. Доказательства властолюбивыхъ замысловъ императора французовъ стали увеличиваться въ геометрической пропорціи. Самъ Наполеонъ давалъ иногда свободу своимъ чувствамъ неудовольствія и злобы въ такихъ выраженіяхъ, которыя должны были устранить малѣйшія сомнѣнія относительно его грандіозныхъ плановъ. Такъ, въ разговорѣ съ княземъ Гагаринымъ, онъ не удержался замѣтить, что онъ „переговаривается съ Австріей, потому что она еще имѣетъ въ полѣ армію". „Еслибъ она ея лишилась", продолжалъ Наполеонъ, „я больше не вступилъ бы съ ней ни въ

какіе переговоры". Отсюда Александръ вывелъ заключеніе, что „мы должны быть довольны, єсли не слишкомъ помогали лишить Австрію ея арміи". (Письмо Александра I къ гр. Румянцову отъ 4-го августа 1809 г.)

Вотъ почему Александръ I не только одобрялъ мысль о заключеніи особой конвенціи съ Наполеономъ относительно Польши, но настаивалъ на скорѣйшемъ ея осуществленіи. Вотъ почему гр. Румянцовъ, по Высочайшему повелѣнію, писалъ, 21-го октября 1809 г., Коленкуру, что онъ обязанъ возобновить свое предложеніе о заключеніи конвенціи относительно Польши. При этомъ онъ прибавилъ, что государь желаетъ, чтобы Коленкуръ скорѣе получилъ полномочіе на заключеніе конвенціи, „которая разъ навсегда и всецѣло обезпечила бы за Россіею безопасность владѣнія провинціями, которыя были пріобрѣтены предшественниками его императорскаго величества послѣ паденія польскаго королевства".

Чѣмъ больше проходило времени безъ разрѣшенія этого жгучаго вопроса, тѣмъ больше накапливалось новыхъ фактовъ, подтверждавшихъ сокровенные планы Наполеона. Въ самомъ концѣ октября (28-го числа), гр. Румянцовъ писалъ французскому послу, что письмо герцога Кадорскаго отъ 8-го (20-го) октября его чрезвычайно обрадовало, ибо въ немъ герцогъ далъ положительныя обѣщанія отъ имени Наполеона, что возстановленіе Польши ни въ какомъ случаѣ не будетъ допущено. Даже слова: „Польша" и „поляки" будутъ отнынѣ, по словамъ французскаго министра иностранныхъ дѣлъ, похерены и вычеркнуты навсегда изъ политическаго словаря. Между тѣмъ, вотъ что̀ случилось: письмо герцога Кадорскаго было отъ 8-го (20-го) октября, а 14-го (26-го) октября въ Вѣнѣ Наполеонъ утвердилъ конвенцію съ Саксоніей; въ ея статьѣ X-ой сказано, что войска саксонскаго короля будутъ называться „польскими войсками" и что „польскою арміею" будетъ командовать особо назначенное лицо. Этого мало: въ газетахъ открыто говорили, что Понятовскій будетъ польскимъ королемъ, и что онъ женится на саксонской принцессѣ. Всѣ эти факты заставляли русское правительство желать скорѣйшаго заключенія конвенціи съ Франціей относительно Польши.

Такія настоятельныя требованія русскаго правительства относительно скорѣйшаго заключенія конвенціи о Польшѣ вызывали крайнее неудовольствіе Наполеона. Онъ не любилъ до поры до времени раскрывать свои карты. Еще меньше любилъ онъ дѣйствовать подъ постороннимъ давленіемъ какого-либо лица, хотя

бы „друга и союзника". Въ концѣ 1809 года онъ имѣлъ много причинъ не раскрывать своихъ картъ передъ императоромъ Александромъ I, въ союзной помощи котораго онъ сильно разочаровался во время войны противъ Австріи.

Однако, когда Наполеонъ рѣшился, послѣ развода съ Жозефиной, просить руки великой княжны Анны Павловны, онъ принужденъ былъ скрывать свое неудовольствіе и идти навстрѣчу своему союзнику Александру I. Онъ зналъ изъ донесеній своего представителя при русскомъ дворѣ, что русскій императоръ былъ пораженъ при чтеніи статей шенбруннскаго мирнаго трактата. Ему было извѣстно, что Александръ I былъ совершенно озадаченъ статьею шенбруннскаго трактата, которою Россія пріобрѣтаетъ часть Галиціи, не участвовавъ въ подписаніи этого акта. Выходило, какъ будто Франція дѣлаетъ Россіи подарокъ изъ милости.

Всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ взятыя, побудили Наполеона разрѣшить Коленкуру вступить съ графомъ Румянцовымъ въ переговоры о заключеніи конвенціи относительно Польши и уполномочить его подписать ее именемъ Франціи. Но, не давая своему послу никакихъ опредѣленныхъ инструкцій, Наполеонъ оставилъ за собою полную возможность отвергнуть подписанную имъ конвенцію и, смотря по обстоятельствамъ, возвратить себѣ въ польскомъ вопросѣ неограниченную свободу дѣйствій.

Едва ли можно думать, что Наполеонъ съ самаго начала относился враждебно къ русскому предложенію о польской конвенціи, такъ какъ его возмущала идея, что подписаніемъ подобнаго акта, признающаго раздѣлъ Польши, Франція приняла бы участіе въ „политическомъ преступленіи", совершенномъ въ 1772 году [1]). Исторія царствованія Наполеона представляетъ безчисленное множество доказательствъ, что ему чужды были такія сантиментальныя чувства въ преслѣдованіи своихъ властолюбивыхъ плановъ. Для него былъ аксіомою извѣстный принципъ: цѣль оправдываетъ средства. Никогда онъ не останавливался въ своихъ замыслахъ соображеніями о невозможности совершенія „политическаго преступленія", въ родѣ раздѣла Польши, если это было согласно съ его безпредѣльнымъ властолюбіемъ и тщеславіемъ. Это безспорное положеніе не нуждается въ подробныхъ доказательствахъ.

Если принять въ соображеніе вышеизложенные факты, то

---

[1]) *Vandal*, Napoléon et Alexandre I, t. II, p. 222 et suiv.

окончательный исходъ переговоровъ о польской конвенціи не могъ подлежать сомнѣнію.

Наполеонъ былъ очень недоволенъ октябрьскими письмами гр. Румянцова къ Коленкуру, заключавшими настоятельное требованіе поскорѣе подписать предложенную конвенцію. Эти письма его „опечалили". Объявивъ предъ лицомъ всей Европы свои намѣренія относительно Варшавскаго герцогства, онъ „не понимаетъ, чего еще отъ него желаютъ". „Я не могу", продолжалъ онъ, „разрушать химеры и сражаться съ облаками. Я предоставляю вашему величеству судить, кто изъ насъ больше остался вѣренъ союзу и дружбѣ — вы или я. Если начать другъ другу не довѣрять, то это значитъ забыть Тильзитъ и Эрфуртъ. Можно ли разсчитывать, что ваше величество изволите одобрить такія откровенности?"

Это характерное письмо императора французовъ неопровержимымъ образомъ подтверждаетъ существенную перемѣну, происшедшую въ его чувствахъ къ Александру I и къ союзу съ Россіей. Поставленный Наполеономъ въ его письмѣ вопросъ о вѣрности союзу доказываетъ, что самый союзъ шатокъ и проблематиченъ. Съ точки зрѣнія Александра I этотъ союзъ получилъ бы новую жизненную силу и устойчивость, если бы подписаніемъ конвенціи о Польшѣ было уничтожено малѣйшее сомнѣніе въ рѣшимости Наполеона не воскрешать Польши. Съ точки зрѣнія императора французовъ подобная конвенція вырвала бы изъ его рукъ орудіе, которымъ въ случаѣ надобности онъ могъ нанести Россіи весьма чувствительный ударъ. Спрашивалось: разумно ли было связывать себѣ руки и отказываться отъ такого орудія? Само собою разумѣется—нѣтъ!

Вотъ почему Наполеонъ былъ непріятно пораженъ, когда Коленкуръ сообщилъ ему, что 23-го декабря 1809 года (4-го января 1810 г.) онъ подписалъ съ графомъ Румянцовымъ конвенцію относительно Польши. Государственный канцлеръ былъ чрезвычайно доволенъ достигнутымъ результатомъ. Въ письмѣ къ Шампаньи отъ 28-го декабря онъ доказываетъ, что эта „полезная конвенція" будетъ имѣть послѣдствіемъ „закрѣпленіе навсегда союза между обѣими имперіями". Въ продолженіе 50-ти дней долженъ былъ совершиться обмѣнъ ратификацій. Но конвенція не была ратификована Наполеономъ, и это его рѣшеніе нанесло роковой ударъ франко-русскому союзу, основанному въ Тильзитѣ и подтвержденному въ Эрфуртѣ.

Съ цѣлью выяснить отвѣтственность обѣихъ договаривающихся сторонъ въ этомъ дѣлѣ, нужно, прежде всего, констати-

ровать, что гр. Румянцовъ не имѣлъ ни малѣйшаго основанія сомнѣваться въ полномочіи Коленкура подписать проектированную конвенцію. Въ началѣ декабря 1809 г., послѣдній пришелъ къ государственному канцлеру и объявилъ: „Я получилъ приказаніе удовлетворить васъ во всемъ". Гр. Румянцовъ долженъ былъ изъ бесѣды съ французскимъ посломъ вывести заключеніе, что въ Парижѣ взвѣсили какъ слѣдуетъ „пользу союза" и признали ее. Желая предупредить малѣйшее недоразумѣніе, гр. Румянцовъ самъ набросалъ на бумагу содержаніе своей бесѣды съ Коленкуромъ и раньше, чѣмъ отправить этотъ отчетъ государю, показалъ его послу, съ просьбою исправить его, если въ немъ имѣются неточности. Посолъ вполнѣ одобрилъ этотъ отчетъ, въ которомъ было, между прочимъ, сказано, что посолъ выразилъ полную готовность заключить конвенцію относительно Польши. Отъ имени Наполеона онъ далъ „*положительное*" обѣщаніе, что императоръ французовъ не желаетъ возстановленія Польши, и что посолъ уполномоченъ подписать самыя „*положительныя*" обязательства въ этомъ смыслѣ. Коленкуръ сдѣлалъ только одну поправку въ отчетѣ гр. Румянцова: онъ просилъ подчеркнуть слова „положительное" и „положительныя". (Донесеніе гр. Румянцова на Высочайшее имя отъ 3-го декабря 1809 года.)

Принимая во вниманіе вышеизложенное, трудно было гр. Румянцову сомнѣваться относительно полномочія французскаго посла подписать проектированную конвенцію.

Мало того: въ своей тронной рѣчи при открытіи законодательнаго корпуса Наполеонъ сказалъ, что его „союзникъ и другъ, императоръ всероссійскій, присоединилъ къ своей обширной имперіи Финляндію, Молдавію, Валахію и область въ Галиціи. Я ни въ чемъ не ревную эту имперію и желаю ей всего хорошаго. Мои чувства къ ея августѣйшему монарху согласны съ моею политикою". Государственный канцлеръ удивлялся тому, что Наполеонъ объявляетъ русскими пріобрѣтеніями Дунайскія княжества, хотя онъ отлично знаетъ, что они еще принадлежатъ Турціи. Однако, въ то же время канцлеръ не могъ не видѣть въ словахъ императора французовъ твердаго намѣренія сохранять неприкосновенность союза съ Россіей. Польская конвенція должна была служить лучшему закрѣпленію этого союза.

Донесенія князя Куракина должны были уничтожить въ сознаніи императора Александра I и его министра иностранныхъ дѣлъ малѣйшіе слѣды сомнѣнія въ желаніи Наполеона заключить желаемую петербургскимъ кабинетомъ конвенцію и, съ другой стороны, установить увѣренность въ полномочіи герцога Ви-

ченцскаго. Когда князь Куракинъ сталъ настаивать передъ Шампаньи на скорѣйшемъ отвѣтѣ на русскія предложенія относительно польской конвенціи, послѣдній увѣрялъ русскаго посла, въ концѣ ноября 1809 года, что Коленкуръ получитъ инструкцію, предписывающую ему дать Россіи полное удовлетвореніе. Въ польской конвенціи должно быть сказано, объявилъ Шампаньи русскому послу, что 1) Франція не желаетъ возстановленія Польши, что 2) она даетъ свою гарантію въ отношеніи раздѣла Польши, и 3) слова „Польша" и „поляки" отнынѣ будутъ вычеркнуты изъ всѣхъ государственныхъ и дипломатическихъ актовъ. (Донесеніе кн. Куракина отъ 26-го ноября 1809 года.)

Насколько французскій министръ иностранныхъ дѣлъ былъ правъ, давая русскому послу такія положительныя обѣщанія, князь Куракинъ могъ весьма скоро убѣдиться изъ устъ самого императора французовъ.

„У васъ", сказалъ ему Наполеонъ, „все еще существуютъ тѣ же тревоги относительно Польши. Я не понимаю, почему это дѣло еще не улажено и почему герцогъ Виченцскій былъ въ этомъ вопросѣ настолько неуступчивъ, не взирая на данныя ему отъ меня инструкціи". Вслѣдъ затѣмъ, продолжая бесѣду, Наполеонъ вдругъ спросилъ: „Однако, почему эта конвенція, которой вы такъ живо добиваетесь, не заключается здѣсь,—какъ я это думалъ? Я ожидалъ, что вы получите на это полномочіе, ибо здѣсь на лицо всѣ удобства для ея заключенія, благодаря тому, что я и король саксонскій находимся здѣсь". (Донесеніе кн. Куракина 19-го (31-го) декабря 1809 года.)

Князь Куракинъ могъ отвѣтить на послѣднее замѣчаніе Наполеона только одно: такова воля его государя, чтобъ этотъ актъ былъ заключенъ въ С.-Петербургѣ.

Такой отвѣтъ не могъ удовлетворить императора французовъ; онъ, вообще, не особенно былъ доволенъ поведеніемъ новаго русскаго посла, который слишкомъ энергически защищалъ достоинство своего отечества и замѣтно подозрительно относился къ политикѣ его французскаго союзника и друга. Наполеонъ не скрывалъ своего неудовольствія на князя Куракина даже отъ русскихъ дипломатическихъ курьеровъ, которыхъ онъ принималъ и удостаивалъ продолжительными разговорами.

Въ самомъ концѣ 1809 года Наполеонъ удостоилъ прощальной аудіенціей Горголи и воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ выразить свое неудовольствіе противъ Россіи въ двухъ главныхъ пунктахъ. Во-первыхъ, онъ былъ недоволенъ, что въ С.-Петербургѣ вѣрятъ всѣмъ англійскимъ интригамъ, приписы-

вающимъ ему намѣреніе возстановить Польшу. Между тѣмъ, у него такого намѣренія нѣтъ и не было.

Второй пунктъ Наполеоновскихъ обвиненій касался дѣла графа Кассини, который, будучи пьемонтцемъ по происхожденію, вступилъ въ русскую государственную службу и занималъ постъ русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ Римѣ. Наполеонъ приказалъ его арестовать и хотѣлъ судить на томъ основаніи, что гр. Кассини, будучи итальянцемъ, долженъ былъ считаться французскимъ подданнымъ: онъ обвинялъ его въ заговорѣ противъ правительства. Князь Куракинъ доказывалъ, что гр. Кассини долженъ считаться русскимъ подданнымъ, ибо былъ принятъ на русскую государственную службу. Еслибъ русское правительство, по словамъ посла, допустило наказаніе гр. Кассини на основаніи распоряженій французскихъ властей, то оно признало бы право вмѣшательства Наполеона во внутреннія дѣла Россіи.

Наполеонъ категорически объявилъ Горголи, что онъ ни въ какомъ случаѣ не признаетъ правильности точки зрѣнія кн. Куракина, который пристаетъ къ нему съ требованіемъ объ освобожденіи гр. Кассини. Онъ не намѣренъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла россійской имперіи, но и не допуститъ вмѣшательства Россіи во внутреннія дѣла Франціи. Равнымъ образомъ, онъ никогда не допуститъ, чтобы французы, поступившіе на службу иностранныхъ государствъ, переставали считаться французами. „Еслибы", продолжалъ Наполеонъ въ бесѣдѣ съ Горголи, „герцогъ Ришельё и Ланжеронъ пришли сегодня во Францію, то меня ничто не остановило бы завтра же ихъ повѣсить".

„Наконецъ, князь Куракинъ", продолжалъ онъ, „меня утомляетъ и мнѣ надоѣдаетъ своими постоянными жалобами по дѣлу Кассини. Мои принципы въ этомъ отношеніи неизмѣнно установлены, и ничто меня не заставитъ отъ нихъ отказаться" (Донесеніе кн. Куракина отъ 21-го декабря 1809 г., 2-го января 1810 года.)

Всѣ эти мелкія столкновенія явнымъ образомъ указывали на происшедшую перемѣну въ пониманіи со стороны Наполеона пользы для него союза съ Россіей. Окончательный и роковой ударъ этому союзу былъ нанесенъ отказомъ императрицы Маріи Θеодоровны выдать свою дочь, великую княжну Анну Павловну, за императора французовъ. Наполеонъ, будучи въ 1809 году въ зенитѣ славы и всемогущества, не могъ не чувствовать этого удара, нанесеннаго его самолюбію. Онъ былъ убѣжденъ, что просьбою руки русской великой княжны онъ оказываетъ великую

честь русскому императорскому дому, между тѣмъ какъ императоръ Александръ I смотрѣлъ на него какъ на искателя приключеній, за которымъ онъ не желалъ видѣть замужемъ свою любимую сестру. Съ другой же стороны, онъ хотѣлъ во что бы то ни стало получить поскорѣе ратификацію польской конвенціи, и потому долго медлилъ сообщить обидный для Наполеона отказъ.

„Александръ“, пишетъ Сорель въ своемъ классическомъ трудѣ („L'Europe et la révolution française“, t. VII, p. 430), „старается волочить свой отказъ въ бракѣ; а Наполеонъ будетъ тянуть свой отказъ въ ратификаціи“. Въ концѣ концовъ самолюбіе Наполеона абсолютно требовало предупредить полученіе формальнаго отказа изъ С.-Петербурга и противопоставить этой непріятности фактъ заключенія брачнаго договора съ другою принцессою. Нужно было представить французскому народу и Европѣ выборъ Наполеономъ австрійской эрцгерцогини Маріи-Луизы не какъ результатъ неудачи перваго секретнѣйшаго предложенія, но какъ единственное серьезное предложеніе, которое было вообще сдѣлано. Вотъ почему предложеніе, сдѣланное въ С.-Петербургѣ, сохранялось въ величайшей тайнѣ и было извѣстно весьма немногимъ лицамъ. И вотъ почему Наполеонъ, не дождавшись прибытія въ Парижъ курьера Коленкура съ отказомъ, 6-го февраля 1810 года, заявилъ австрійскому послу князю Шварценбергу о своемъ рѣшеніи просить руки Маріи-Луизы. Австрійскій посолъ имѣлъ полномочіе на подписаніе брачнаго договора, который и былъ совершенъ на другой же день, 7-го февраля.

Наполеонъ смотрѣлъ на свой бракъ исключительно какъ на политическое дѣло и устроилъ его, по словамъ Сореля, „какъ военную операцію, какъ осаду какой-нибудь столицы, какъ новый Аустерлицъ“. Покончивъ „военную операцію“ съ бракомъ, Наполеонъ тотчасъ же перешелъ къ дѣлу о польской конвенціи и продиктовалъ своему министру иностранныхъ дѣлъ слѣдующую инструкцію: „Представьте мнѣ проектъ конвенціи взамѣнъ конвенціи герцога Виченцскаго. Скажите ему, что я не могу одобрить этой конвенціи, ибо въ ней не соблюдено достоинство и имѣются вещи, на которыя онъ не былъ уполномоченъ. Я не могу сказать, что *королевство польское никогда не будетъ возстановлено*, ибо это значило бы сказать, что если когда-нибудь литовцы или какія-либо событія возстановятъ его, то я принужденъ былъ бы отправить войска, чтобы этому сопротивляться. Это противно моей чести“.

„Моя цѣль", продолжаетъ Наполеонъ, „заключается въ томъ, чтобы успокоить Россію; для достиженія ея достаточно составить статью въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Императоръ Наполеонъ обязывается никогда не оказывать никакой помощи или содѣйствія какой-либо державѣ или какому бы то ни было внутреннему движенію, направленному къ возстановленію королевства польскаго" [1]).

Этого мало: всѣ другія статьи подписанной Коленкуромъ конвенціи должны были быть измѣнены въ смыслѣ первой продиктованной Наполеономъ статьи. Вмѣсто обѣщаннаго Коленкуромъ вмѣшательства Наполеона для препятствованія возстановленію Польши, нужно было поставить воздержаніе отъ вмѣшательства. Во второй статьѣ конвенціи было сказано, что обѣ договаривающіяся стороны не допустятъ даже употребленія словъ: „Польша" и „поляки". Наполеонъ возмущенъ такимъ постановленіемъ, хотя прежде онъ самъ его диктовалъ. Теперь, въ февралѣ 1810 года, послѣ неудачнаго проекта „русскаго брака", онъ нашелъ такое обязательство „смѣшнымъ и безразсуднымъ". Однако, въ октябрѣ 1809 года, онъ обѣщалъ, перомъ своего министра иностранныхъ дѣлъ, что слова „Польша" и „поляки" будутъ имъ вычеркнуты изъ политическаго словаря. Въ февралѣ 1810 года онъ только согласился не употреблять въ публичныхъ актахъ названія „Польша" и „поляки" для обозначенія земель, „бывшихъ въ составѣ старой Польши"—что̀, само собою разумѣется, не исключало возможности употребленія такихъ названій въ отношеніи новой Польши, создаваемой подъ скипетромъ саксонскаго короля.

Въ смыслѣ этихъ предписаній Наполеона Шампаньи писалъ графу Румянцову 10-го февраля и далъ инструкціи Коленкуру отъ 12-го февраля. Въ письмѣ къ государственному канцлеру Шампаньи выражаетъ искреннее сожалѣніе Наполеона о томъ, что онъ не въ состояніи былъ немедленно дать свою ратификацію на конвенцію относительно Польши. Онъ одобряетъ „сущность" этого акта, но долженъ требовать измѣненія нѣкоторыхъ выраженій, противныхъ его чувству достоинства. Въ конвенціи недостаточно было обращено вниманія на „деликатность его кабинета". Всѣ эти маленькія недоразумѣнія Коленкуръ уладитъ откровеннымъ обмѣномъ мыслей съ графомъ Румянцовымъ.

Донесенія князя Куракина изъ Парижа совершенно подтвердили крупную перемѣну, происшедшую въ политическихъ пла-

---

[1]) *Vandal*, loc. cit., t. II, p. 283.—*Sorel*, loc. cit, t. VII (1904), p. 432.

нахъ императора французовъ. Наполеонъ избѣгалъ встрѣчаться съ русскимъ посломъ и видимо избѣгалъ вступать съ нимъ въ разговоры. Въ началѣ февраля князь Куракинъ былъ боленъ подагрой и лежалъ въ постели, когда къ нему пріѣхалъ вечеромъ герцогъ Кадорскій. Это было 9-го февраля (нов. ст.). По настоятельному требованію герцога, кн. Куракинъ принялъ его въ постели.

Герцогъ Кадорскій сообщилъ ему, по Высочайшему повелѣнію, что Наполеонъ рѣшился жениться на австрійской эрцгерцогинѣ Маріи-Луизѣ, надѣясь имѣть отъ нея дѣтей; что онъ очень сожалѣетъ, что судьба не хотѣла, чтобы онъ сдѣлался зятемъ Александра I, ибо великая княжна Анна Павловна еще слишкомъ молода, а Екатерина Павловна уже отдала свое сердце другому.

Кн. Куракинъ воспользовался этимъ неожиданнымъ посѣщеніемъ, чтобы спросить, какъ обстоитъ дѣло съ ратификаціей конвенціи о Польшѣ. Кадоръ отвѣтилъ, что Наполеонъ еще не принялъ окончательнаго рѣшенія (sic!) и что конвенція все еще у него. Однако, конфиденціальнымъ образомъ онъ признался послу, что Наполеонъ недоволенъ редакціей этого акта и въ особенности „положительною формою, въ которой тамъ выражено, что старое польское королевство никогда не будетъ возстановлено". Онъ не желаетъ такого возстановленія и навѣрное никогда не будетъ содѣйствовать такому дѣлу. Однако, онъ не можетъ принять на себя обязательства препятствовать совершенію такого событія въ силу какихъ-либо обстоятельствъ. (Донесеніе кн. Куракина отъ 28-го января (9-го февр.) 1810 года.)

Въ письмѣ къ графу Румянцову, отъ того же числа, посолъ вѣрно замѣчаетъ, что если конвенція и будетъ ратификована, то все-таки прежнія чувства Наполеона къ Россіи измѣнились и прежнее „доброе расположеніе" не можетъ уже существовать.

Не трудно себѣ представить чувство глубокаго разочарованія, съ которымъ императоръ Александръ I и его министръ иностранныхъ дѣлъ приняли донесенія кн. Куракина и словесныя объясненія Коленкура. Въ январѣ 1810 года Александръ I еще лелѣялъ надежду, что Наполеонъ утвердитъ польскую конвенцію и, вмѣстѣ съ тѣмъ, уничтожитъ всѣ опасенія насчетъ его вредныхъ для Россіи замысловъ относительно Польши. Онъ увѣрялъ своего союзника, что его воодушевляетъ только одно желаніе: „закрѣпить нашъ союзъ".

Но когда въ С.-Петербургѣ былъ полученъ отказъ Наполеона отъ конвенціи, подписанной Коленкуромъ въ силу данныхъ ему широкихъ полномочій, неудовольствіе императорскаго правитель-

ства обнаружилось въ сильной степени, какъ въ объясненіяхъ съ Коленкуромъ, такъ и въ инструкціяхъ кн. Куракину.

Въ самомъ началѣ марта 1810 г., государственный канцлеръ въ подробной депешѣ излагаетъ князю Куракину недружелюбный характеръ дѣйствій французскаго кабинета. Полномочія Коленкура не оставляли никакого сомнѣнія въ правѣ его подписать составленную общими силами конвенцію. Императоръ Александръ былъ увѣренъ, что тильзитскій миръ и союзъ останутся и на будущее время краеугольнымъ камнемъ спокойствія и равновѣсія Европы.

Между тѣмъ, въ то самое время, когда императоръ Александръ I столь „благороднымъ и великодушнымъ образомъ" исполнялъ принятыя на себя обязательства, вытекающія изъ союза, онъ сталъ получать все чаще и чаще доказательства возрожденія въ полякахъ того духа безпокойства и смутъ, которымъ всегда отличался этотъ народъ. Четыре ноты были отправлены къ французскому правительству, въ которыхъ заключалась просьба обратить вниманіе на это опасное движеніе и помочь остановить его. Но всѣ эти ноты оставались безъ отвѣта!

Между тѣмъ Россія продолжала, во время войны 1809 года, вѣрно исполнять свои союзныя обязательства въ отношеніи Франціи и противъ Австріи. Наградой за такую безпримѣрную вѣрность союзу явилась военная конвенція, подписанная въ Вѣнѣ и направленная противъ Россіи. Этотъ актъ не могъ не оскорбить императора.

Тогда Наполеонъ рѣшился уполномочить своего посла дать Россіи полное удовлетвореніе подписаніемъ проектированной конвенціи. Прошли 50 дней, назначенныхъ для ратификаціи этого акта, и только черезъ двѣ недѣли послѣ истеченія этого срока, гр. Румянцовъ узнаетъ объ отказѣ Наполеона дать свою подпись. Спрашивается: какими же мотивами оправдывается такой неожиданный и неслыханный отказъ?

„Говорятъ", продолжаетъ государственный канцлеръ въ своей депешѣ отъ 4-го (16-го) марта 1810 года, „что конвенцію не утверждаютъ потому, что она слишкомъ положительна и не представляетъ никакой взаимности. Слишкомъ положительна? Однако, возможно ли это, когда идетъ рѣчь о судьбѣ многихъ милліоновъ лицъ?—Она не представляетъ никакой взаимности? Однако, развѣ она не принесла Франціи всѣ тѣ выгоды, которыя эта страна уже пріобрѣла, благодаря нашему съ нею союзу, и еще пріобрѣтетъ въ будущемъ?"

Вся цѣль подписанной конвенціи заключается въ формаль-

номъ подтвержденіи обязательства не возстановлять, ни въ какомъ случаѣ, польскаго королевства. Если это обязательство не будетъ выражено въ конвенціи самымъ категорическимъ образомъ, то она потеряетъ всякое практическое значеніе.

На основаніи этихъ соображеній гр. Румянцовъ составилъ контръ-проектъ конвенціи и представилъ свои критическія „замѣчанія" на новый французскій проектъ, представленный Коленкуромъ. Напримѣръ, въ 5-й статьѣ проекта было установлено для Россіи и Варшавскаго герцогства обязательство не расширять въ будущемъ своихъ владѣній. Въ русскомъ проектѣ говорится только о герцогствѣ Варшавскомъ и не допускается равенство его съ Россіей, ибо герцогство, какъ провинція саксонскаго короля, не можетъ ни вести войны, ни дѣлать какихъ-*либо* территоріальныхъ пріобрѣтеній.

Что касается Россіи, то, по словамъ государственнаго канцлера, „она никогда не начнетъ войнъ, она не нуждается въ приращеніи, но если ее вызываютъ, то можетъ ли она подписать обязательство, которое впередъ уничтожило бы всѣ ея побѣды и оставило всѣ ея войны безъ вознагражденія"? Въ виду этого соображенія, въ русскомъ контръ-проектѣ было сказано, что Варшавское герцогство обязывается не расширять „своей территоріи на счетъ областей, входившихъ въ составъ прежняго польскаго королевства". Россія же обязывается не дѣлать никакихъ пріобрѣтеній на счетъ этихъ же областей, исключая случая, когда она будетъ аттакована однимъ изъ сосѣдей.

Нельзя не замѣтить нѣкоторой нелогичности въ аргументаціи гр. Румянцова. Если Варшавское герцогство, какъ „провинція саксонскаго короля", не можетъ обязываться не дѣлать никакихъ территоріальныхъ приращеній, то оно, равнымъ образомъ, не можетъ принять обязательства не расширять своей территоріи на счетъ польскихъ областей, входившихъ въ составъ прежняго польскаго королевства.

Князю Куракину было поручено, по полученіи русскаго контръ-проекта и инструкцій отъ 4-го марта 1810 года, немедленно представить ихъ герцогу Кадорскому и просить о скорѣйшемъ отвѣтѣ. Посолъ исполнилъ это приказаніе, но долго не получалъ никакого отвѣта. Когда же отвѣтъ былъ данъ, то оказалось, что оба союзника совсѣмъ разошлись въ пониманіи пользы отношеній, заключенныхъ въ Тильзитѣ. Конвенція о Польшѣ никогда не была ратификована Наполеономъ и осталась только положительнымъ доказательствомъ взаимнаго отчужденія и непримиримой подозрительности Россіи и Франціи.

X.

Въ виду такого исключительнаго значенія польской конвенціи отъ декабря 1809 года, необходимо остановиться на дальнѣйшемъ ходѣ дипломатическихъ переговоровъ о разныхъ контръ-проектахъ по тому же вопросу, появлявшихся въ свѣтъ то въ С.-Петербургѣ, то въ Парижѣ.

Хотя Наполеонъ, послѣ бракосочетанія, всецѣло отдавался радостямъ медоваго мѣсяца, но все-таки онъ не переставалъ заниматься государственными дѣлами. Въ частности его очень занималъ вопросъ о польской конвенціи. Онъ высказалъ весьма ѣдкія критическія замѣчанія на русскій контръ-проектъ и отказался понять мотивы, заставлявшіе русское правительство продолжать настаивать на своемъ требованіи, чтобы Франція обязалась не содѣйствовать возстановленію Польши. Онъ готовъ былъ дать такое обязательство за себя, но на отрѣзъ отказался обязаться также за другія державы и препятствовать имъ силою оружія это сдѣлать. При этомъ Наполеонъ навѣрное не упускалъ изъ виду возможности посредственнаго его содѣйствія возстановленію польскаго королевства. Всегда нашлась бы какая-либо держава, готовая дѣйствовать въ указанномъ имъ направленіи. Наконецъ, само Варшавское герцогство, созданное имъ, имѣло полную возможность служить въ его рукахъ цѣлесообразнымъ орудіемъ для нанесенія Россіи чувствительнаго удара посредствомъ воскрешенія Польши.

Эту опасность предвидѣлъ императоръ Александръ I и ближайшіе его совѣтники, убѣждавшіе его въ неотложной необходимости настаивать на принятіи русской редакціи конвенціи. Между тѣмъ, Наполеонъ признавалъ эту редакцію слишкомъ „догматическою“, „необычайною и противною человѣческому разуму“, которой онъ принять не можетъ, не желая себя „обезчестить“.

Однако, съ другой стороны, Наполеонъ не могъ желать въ 1810 году разрыва съ Россіей послѣ только-что оконченной кровопролитной войны съ Австріей. Онъ долженъ былъ желать сохраненія мира. Сохраненіе союзныхъ отношеній къ императору Александру I требовалось пока всѣмъ политическимъ положеніемъ Европы. Вотъ почему Наполеонъ поставилъ себѣ задачею: волочить переговоры о польской конвенціи насколько возможно и не вызывать немедленнаго разрыва. Онъ готовъ былъ давать Россіи, при случаѣ и отъ времени до времени, предосте-

реженія относительно опасныхъ для Россіи послѣдствій Наполеоновскаго гнѣва. Но онъ твердо рѣшился оставить въ своихъ рукахъ опредѣленіе момента для окончательнаго разсчета съ Россіей.

Князь Куракинъ, несмотря на свою серьезную болѣзнь, приковывавшую его въ продолженіе многихъ недѣль къ постели, постоянно надоѣдалъ Шампаньи просьбами ускорить отвѣтъ на послѣднія русскія предложенія. Но онъ обыкновенно получалъ въ отвѣтъ, что Наполеонъ всецѣло посвятилъ себя ухаживанію за молодою супругою, такъ что совсѣмъ не имѣетъ времени заниматься государственными дѣлами. Въ то же время посолъ убѣдился, что французское правительство не только не содѣйствуетъ заключенію на парижской биржѣ русскаго займа, въ которомъ нуждалась Россія, но, напротивъ, противодѣйствуетъ исполненію этого ея желанія. Словомъ, кн. Куракинъ уже въ мартѣ 1810 года писалъ своему правительству: „Обстоятельства совершенно измѣнились".

Наконецъ, въ концѣ апрѣля, князь Куракинъ оправился отъ своей жестокой болѣзни настолько, что могъ навѣстить Шампаньи. Онъ нарочно не началъ разговора о конвенціи, и предоставилъ Шампаньи самому перейти на этотъ предметъ—что̀ тотъ и сдѣлалъ, сказавъ, что Наполеонъ затрудняется утвердить конвенцію, ибо не можетъ поручиться за невозстановленіе Польши. По словамъ Шампаньи, Коленкуръ кругомъ виноватъ въ этомъ прискорбномъ дѣлѣ, ибо превысилъ свое полномочіе и не понялъ данныхъ ему инструкцій.

„Только отъ самого Божества зависитъ", сказалъ патетически французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, „не возстановлять польскаго королевства, и... императоръ Наполеонъ находитъ, что не въ его власти подписать подобное обязательство, и что онъ не можетъ обязаться не участвовать, ни посредственно, ни непосредственно, во всемъ томъ, что̀ можетъ содѣйствовать такому событію" (sic!).

Русскій посолъ съ жаромъ сталъ оспаривать аргументацію Шампаньи, доказывая, что въ силу своего союза съ Франціей Россія имѣетъ право требовать завѣренія со стороны союзницы, что она не допуститъ возстановленія Польши, которая всегда была заклятымъ врагомъ безопасности Россіи. Никакіе доводы не дѣйствовали на французскаго министра иностранныхъ дѣлъ: онъ только повторялъ, что выразилъ свое личное мнѣніе; Наполеонъ же своего рѣшенія еще не постановилъ.

Однако, князь Куракинъ не могъ не вывести изъ этого раз-

говора съ Шампаньи заключенія, что дѣйствительно „все измѣнилось“. Князь высказалъ свое удивленіе, что французское правительство отказывается дать гарантію на заемъ, который русское правительство желало заключить въ Парижѣ. Безъ гарантіи Наполеона этотъ заемъ не имѣлъ никакихъ шансовъ на успѣхъ.

Герцогъ Кадорскій хладнокровно выслушалъ посла, и затѣмъ отвѣтилъ слѣдующею любопытною рѣчью: „Императоръ никогда не беретъ взаймы у своихъ собственныхъ подданныхъ, а такую гарантію онъ считаетъ равносильной займу, заключаемому въ своей собственной имперіи. Это такая мѣра, которую онъ, не взирая на свои близкія отношенія къ Россіи, долженъ будетъ, въ силу конституціи, предоставить законодательному корпусу, и онъ думаетъ, что было бы совершенно неумѣстно вызывать въ немъ пренія, столь непосредственно касающіяся иностранной державы“.

Князь Куракинъ не нашелся сказать на это, что законодательный корпусъ—очень покорное дитя Наполеона, отъ котораго въ 1810 году вполнѣ зависѣло бы провести какую угодно законодательную мѣру. Онъ, напротивъ, сталъ доказывать, что Россія имѣетъ право на поддержку Франціи, ибо союзъ съ нею наноситъ русской казнѣ и торговлѣ неисчислимыя жертвы, что парижскій банкиръ Лафитъ прямо объявилъ, что безъ правительственной гарантіи со стороны Наполеона русскаго займа помѣстить нельзя будетъ и т. п. Эти доводы нисколько не убѣдили ни Наполеона, ни его министра иностранныхъ дѣлъ. Весьма вѣроятно, что оба предвидѣли возможность разрыва съ Россіей и не могли желать увеличенія ея денежныхъ средствъ, дѣйствительно находившихся въ большомъ разстройствѣ. Въ концѣ концовъ Наполеонъ только согласился заказать въ Россіи на 30 милліоновъ франковъ всякаго рода матеріаловъ, нужныхъ для французскаго флота.

Не менѣе неудаченъ былъ исходъ переговоровъ съ французскимъ правительствомъ по дѣлу о захватѣ французскими корсарами русскихъ коммерческихъ судовъ въ Балтійскомъ морѣ. Русскіе суда и товары постоянно конфисковались на основаніи рѣшеній французскихъ призовыхъ судовъ.

Князь Куракинъ воспользовался всѣми своими свѣдѣніями изъ области международнаго права, чтобъ убѣдить французскаго министра иностранныхъ дѣлъ въ нарушеніи французскими корсарами и призовыми судами общепризнанныхъ международныхъ законовъ. Онъ краснорѣчиво доказывалъ, что сама Франція всегда поддерживала начало: нейтральный флагъ покрываетъ непрія-

тельскій грузъ; что Наполеонъ долженъ былъ бы противъ Англіи поддерживать начала вооруженнаго нейтралитета; что „Балтійское море—закрытое море (Mare clausum)“ и что онъ долженъ былъ бы предписать своимъ корсарамъ соблюдать „тѣ же самыя правила, которыя такъ мудро установилъ датскій король“.

Герцогъ Кадорскій нисколько не убѣдился краснорѣчивыми аргументами русскаго посла.

„Основное положеніе вооруженнаго нейтралитета“, возразилъ онъ князю Куракину, „что флагъ покрываетъ грузъ, больше не соблюдается Франціей и не можетъ быть ею соблюдаемо съ того момента, когда она принуждена была послѣдовать примѣру Англіи въ принятіи произвольныхъ мѣръ противъ мореплаванія нейтральныхъ, и эти мѣры должны остаться въ силѣ до тѣхъ поръ, пока Англія не отмѣнитъ своихъ мѣропріятій“.

Выслушавъ такой категорическій отказъ изъ устъ французскаго министра иностранныхъ дѣлъ, кн. Куракинъ съ грустью заключаетъ свое длинное донесеніе отъ 18-го (30-го) апрѣля 1810 года: „Ни по этому дѣлу, ни относительно двухъ другихъ, я не въ состояніи былъ добиться ничего рѣшительнаго и удовлетворительнаго“.

Не взирая на такое неутѣшительное заключеніе, кн. Куракинъ все-таки остался убѣжденнымъ, что русское правительство должно продолжать свои усилія получить утвержденіе Наполеономъ конвенціи относительно Польши. Онъ признавалъ это необходимымъ для русскаго достоинства, ибо многіе знали объ этомъ дѣлѣ и окончательная неудача была бы униженіемъ Россіи. „Мы уже слишкомъ далеко пошли по части этой конвенціи“, писалъ онъ своему правительству, „и во вниманіе къ нашему достоинству и нашимъ интересамъ, намъ нужно стараться, чтобъ она была принята, утверждена и всецѣло исполнена императоромъ Наполеономъ. Этого мы должны добиться изъ уваженія къ намъ самимъ; мы должны это сдѣлать для истребленія революціоннаго духа старыхъ поляковъ; мы обязаны это сдѣлать, чтобъ доказать Европѣ, что Франція насъ боится и соглашается на все признаваемое нами необходимымъ для нашего спокойствія“.

Въ виду этихъ соображеній, посолъ предлагаетъ идти на всевозможныя уступки въ словахъ, лишь бы суть конвенціи была сохранена и одобрена Наполеономъ.

Императоръ Александръ I, съ своей стороны, былъ согласенъ на всевозможныя уступки относительно словъ, но не могъ отказаться отъ самой цѣли конвенціи, заключавшейся въ обезпеченіи безопасности Россіи отъ Польши. Онъ предписалъ своему

послу въ Парижѣ настаивать самымъ энергическимъ образомъ на скорѣйшемъ утвержденіи конвенціи. Куракинъ долженъ былъ постоянно помнить, что государь желаетъ во что бы то ни стало „сохранять самый тѣсный союзъ съ императоромъ Наполеономъ, своимъ другомъ".

Что же касается утвержденія герцога Кадорскаго, что Коленкуръ превысилъ свое полномочіе, подписывая конвенцію о Польшѣ, то государственный канцлеръ приказалъ кн. Куракину напомнить герцогу письмо его къ нему, графу Румянцову, отъ 20-го октября 1809 года, въ которомъ было сказано, что императоръ Наполеонъ не только не думаетъ о возстановленіи Польши, но что онъ даже рѣшился вырвать изъ сердца ея обывателей самую память о ней, вычеркнуть изъ исторіи слова „Польша" и „поляки". Ничего другого не желаетъ и само русское правительство", заключилъ гр. Румянцовъ свою инструкцію отъ 11-го мая 1810 года.

Однако, опять прошелъ почти мѣсяцъ, и кн. Куракинъ ничего не сообщаетъ о конвенціи. Въ концѣ мая гр. Румянцовъ пишетъ, что государь чрезвычайно изумленъ молчаніемъ посла и французскаго правительства по дѣлу польской конвенціи. Слухи о возстановленіи польскаго престола крѣпнутъ съ каждымъ днемъ и находятъ твердое основаніе въ неутвержденіи Наполеономъ конвенціи.

„Будемте же честны", пишетъ гр. Румянцовъ 30-го мая 1810 года: „кто намъ предложилъ эту конвенцію съ цѣлью обезпечить нашу безопасность? Развѣ я одинъ ее подписалъ?"

Князь Куракинъ былъ въ полномъ отчаяніи. Онъ былъ увѣренъ, что Наполеонъ никогда не подпишетъ конвенціи въ прежней редакціи. Этого мало: онъ даже находилъ, что можно было бы отказаться отъ первой статьи и удовольствоваться согласіемъ императора французовъ обязаться не помогать возстановленію Польши. Если онъ приметъ такое обязательство, то слѣдовало бы покончить этотъ опасный споръ. Однако, въ виду дѣлаемыхъ ему государственнымъ канцлеромъ упрековъ, онъ долженъ былъ продолжать настаивать на утвержденіи конвенціи въ первоначальной редакціи. Его усилія оказались совершенно тщетными.

Герцогъ Кадорскій озадачилъ русскаго посла, когда сталъ ему доказывать, что Франціи нѣтъ никакого разсчета подписывать конвенцію, ибо она не заключаетъ въ себѣ никакой взаимности. „Еслибъ, напримѣръ", спросилъ французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, „вы согласились съ своей стороны поручиться намъ за владѣніе Пьемонтомъ?!"

Куракинъ, конечно, не въ состояніи былъ серьезно отнестись къ такому неожиданному требованію герцога Кадорскаго. Но нельзя не удивляться тому, что и послѣ этой выходки онъ продолжалъ жаловаться герцогу на свое безвыходное положеніе: изъ Петербурга сыплются на него постоянные упреки, что онъ ничего не дѣлаетъ и не можетъ добиться утвержденія конвенціи о Польшѣ. Между тѣмъ въ Парижѣ его проводятъ добрыми словами и неожиданными новыми предложеніями.

Герцогъ Кадорскій, по добротѣ души, нашелъ утѣшеніе для русскаго посла, сказавъ ему, что упреки его правительства имѣютъ единственную цѣль — „дать больше жара вашимъ представленіямъ"... „Я не могу себѣ представить", прибавилъ герцогъ, „чтобы вами не были совершенно довольны!"

Весьма любопытно, что князь Куракинъ не замѣчалъ ироническаго къ нему отношенія французскаго министра. Онъ принялъ безъ возраженій его утѣшенія относительно чувства неудовольствія, которое вызываетъ въ императорѣ Александрѣ и государственномъ канцлерѣ неуспѣшность его хлопотъ насчетъ злосчастной конвенціи.

Но еще любопытнѣе неустанныя настоянія посла достигнуть поставленной цѣли, несмотря на собственное его убѣжденіе въ безполезности его стараній. Казалось бы, что сознаніе собственнаго достоинства должно было остановить его отъ назойливыхъ приставаній къ французскому министру иностранныхъ дѣлъ. На дѣлѣ же посолъ не давалъ покоя герцогу Кадорскому: черезъ десять дней послѣ послѣдняго разговора онъ опять обратился къ нему съ вопросомъ—когда же, наконецъ, будетъ утверждена Наполеономъ конвенція? Герцогъ „еле-еле отвѣтилъ", что Наполеонъ ничего ему не сказалъ; что онъ ужасно занятъ дѣлами и что онъ не можетъ ему надоѣдать. Тогда Куракинъ, плохо скрывая свое внутреннее волненіе, „веселымъ тономъ" перешелъ къ другимъ вопросамъ. Онъ заговорилъ, между прочимъ, о шведскихъ дѣлахъ и, очевидно, желая развеселить французскаго министра иностранныхъ дѣлъ, обратилъ его вниманіе на постоянныя нарушенія по отношенію къ нему прежняго придворнаго этикета. Теперь во всѣхъ случаяхъ первенство отдается австрійскому послу, князю Шварценбергу, тогда какъ прежде это право признавалось всегда за нимъ.

Герцогу Кадорскому совсѣмъ не понравилась эта жалоба русскаго посла и нисколько его не развеселила, хотя и была сказана „веселымъ тономъ". Онъ только сослался на бракъ Наполеона съ Маріей-Луизой, оправдывавшій привилегированное

положеніе австрійскаго посла. (Донесеніе отъ 4-го (16-го) іюня 1810 г.)

Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что кн. Куракинъ самъ понималъ унизительность подобныхъ домогательствъ отъ имени Россіи. Онъ неоднократно писалъ государственному канцлеру, что непремѣнно слѣдуетъ бросить эти „приставанія", ибо Наполеонъ проникнутъ злою волею къ Россіи и конвенціей о Польшѣ только желалъ „провести" своего союзника — русскаго царя.

„Развѣ мы", писалъ Куракинъ 5-го (17-го) іюня 1810 года гр. Румянцову, „не единственная великая континентальная держава, которая еще осталась неприкосновенна въ своей территоріи и во всемъ своемъ могуществѣ? Только развитіемъ этого могущества и внушеніемъ страха предъ нимъ мы заставимъ искать нашей дружбы и достигнемъ этой цѣли лучше, чѣмъ всѣми любезностями.

„Будемте его (Наполеона) друзьями, но не будемъ въ дуракахъ. Во всемъ пойдемъ съ нимъ въ ногу и не покажемъ больше, чѣмъ онъ, предупредительности въ нашихъ взаимныхъ отношеніяхъ".

Наконецъ, князь прибавляетъ, что во всей своей долгой карьерѣ онъ никогда не испытывалъ столько униженія, какъ въ послѣднее время, ведя переговоры о польской конвенціи.

Въ виду такого признанія унизительности его домогательствъ остается только удивляться сдѣланнымъ имъ шагамъ. Полученныя имъ изъ Петербурга инструкціи не могли заставить его унижаться лично и унижать свое отечество.

XI.

Въ совершенной безплодности переговоровъ о конвенціи окончательно долженъ былъ убѣдиться князь Александръ Борисовичъ Куракинъ послѣ прибытія въ Парижъ его родного брата, князя Алексѣя Борисовича, на котораго императоръ Александръ I возложилъ порученіе поздравить Наполеона съ бракосочетаніемъ.

Наполеонъ удостоилъ чрезвычайнаго русскаго посла очень милостивымъ пріемомъ. Онъ увѣрялъ его въ своей рѣшимости сохранять союзъ съ Россіей. „Франція", сказалъ онъ князю Алексѣю Борисовичу, „никогда не должна быть врагомъ Россіи. Это — неопровержимая истина. Мѣстоположеніе Россіи устраняетъ возможность какого-либо съ нею разрыва. Моимъ есте-

ственнымъ врагомъ являются только море и Англія. Еслибъ даже политическія обстоятельства, паче чаянія, и вызвали когда-нибудь разрывъ между Россіей и Франціей, то все-таки я буду любить императора Александра, и мои личныя къ нему чувства никогда не измѣнятся".

Князь Алексѣй Куракинъ со вниманіемъ выслушалъ эти объясненія въ любви и ни словомъ не коснулся конвенціи, хотя говорилъ вообще о Польшѣ, объ опасности, которой угрожаетъ Россіи воскресеніе этой страны и т. п. Наполеонъ назвалъ всѣ слухи о возстановленіи Польши „болтовнею" и доказывалъ, что если онъ заставитъ Австрію уступить Россіи область въ Галиціи, то это—лучшее доказательство въ пользу невозможности возстановленія Польши. (Донесеніе кн. Алексѣя Борисовича Куракина отъ 30-го мая [11-го іюня].)

Черезъ нѣсколько дней послѣ этой первой бесѣды съ Наполеономъ, князь Алексѣй Борисовичъ получилъ приглашеніе участвовать въ императорской охотѣ. Тутъ самъ Наполеонъ заговорилъ о конвенціи относительно Польши и немедленно поставилъ вопросъ ребромъ. „Эти переговоры", сказалъ Наполеонъ, „спотыкаются о первую статью, на которой настаиваетъ ваше правительство и которая приводитъ къ охлажденію между обоими дворами. Но какъ же я могу подписать обязательство, что Польша никогда не будетъ возстановлена? Почему отъ меня требуютъ обязательства, которое только одно Божество могло бы подписать? Такое обязательство касается событія, которое хотя и весьма невѣроятно, но все-таки предупредить его — выше силъ человѣческихъ. Во время моего свиданія съ императоромъ Александромъ въ Эрфуртѣ, новая война на континентѣ нисколько не казалась правдоподобною, и, не взирая на это, я долженъ былъ вести очень серьезную войну".

Въ заключеніе Наполеонъ объявилъ свое рѣшеніе въ слѣдующихъ словахъ: „Еслибъ я подписалъ подобное обязательство, то я былъ бы принужденъ придти къ вамъ на помощь, но я не желаю проливать французскую кровь ни за, ни противъ поляковъ". (Донесеніе отъ 9-го (12-го) іюня 1810 года.)

На этой точкѣ зрѣнія Наполеонъ остался непоколебимымъ. Князь Алексѣй Борисовичъ пробылъ болѣе двухъ мѣсяцевъ въ Парижѣ и неоднократно встрѣчался съ Наполеономъ, но послѣній или избѣгалъ говорить съ чрезвычайнымъ русскимъ посломъ о польской конвенціи, или же повторялъ прежде высказанное мнѣніе.

„Я могъ бы, напримѣръ", сказалъ ему какъ-то Наполеонъ, „обязаться ни непосредственно, ни посредственно не содѣйство-

вать ни въ чемъ возстановленію Польши, или еслибъ вы предпочли, то мы могли бы дать другъ другу взаимную гарантію настоящихъ границъ обѣихъ имперій, переименовавъ всѣ владѣнія, входящія въ ихъ составъ. Вотъ на что̀ я могъ бы согласиться. Я никогда не имѣлъ мысли возстановлять Польшу".

Наполеонъ не только выразилъ свою готовность немедленно вступить въ переговоры о подписаніи новой конвенціи на предложенныхъ имъ новыхъ основаніяхъ, но еще спросилъ князя Алексѣя Борисовича, имѣетъ ли его братъ, посолъ, полномочіе подписать подобный актъ. Онъ желалъ во всякомъ случаѣ вести переговоры въ Парижѣ подъ своимъ непосредственнымъ и личнымъ руководствомъ.

Когда князь Алексѣй Борисовичъ принужденъ былъ отвѣтить, что братъ его такого полномочія не имѣетъ, Наполеонъ прекратилъ дальнѣйшій разговоръ о своемъ предложеніи. На знаменитомъ пожарѣ у князя Шверценберга чуть не погибъ князь Александръ Борисовичъ: при давкѣ его повалили, одежда загорѣлась на немъ, и съ трудомъ его вытащили изъ огня. Волосы его были опалены и на всемъ тѣлѣ были обжоги. Посолъ былъ боленъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ 1-го іюля, когда случилась эта катастрофа.

Братъ его остался еще полтора мѣсяца въ Парижѣ и выѣхалъ, когда миновала опасность для жизни князя Александра Борисовича. 19-го (7-го) августа онъ имѣлъ прощальную аудіенцію у Наполеона. На аудіенціи послѣдній, послѣ долгаго молчанія, опять самъ заговорилъ о польской конвенціи. Опять онъ категорически сказалъ князю: „Я не желаю возстановленія Польши". Его интересуютъ только дѣла англійскія, испанскія и итальянскія, но не польскія.

Князь Куракинъ почтительно выслушалъ это заявленіе и ничего не успѣлъ сказать императору французовъ, который очевидно приготовился къ этой бесѣдѣ съ чрезвычайнымъ русскимъ посломъ и непремѣнно хотѣлъ высказать все, что̀ накопилось на душѣ его. Наполеонъ говорилъ горячо, отрывисто и скоро, не давая послу возможности вставить хоть одно слово.

„Заниматься интригами", сказалъ Наполеонъ, „достойно только короля прусскаго и маленькихъ германскихъ государей, которые не умѣютъ и не могутъ дѣйствовать инымъ образомъ. Каждый разъ, когда вы меня заподозриваете въ интригахъ, вы меня кровнымъ образомъ оскорбляете. Этимъ вы доказываете, что, не взирая на мои старанія сохранить нашъ союзъ, вы ищете случая, чтобы рассориться со мною. Но это будетъ совершенно

противно моему желанію, если когда-нибудь буду принужденъ двинуть мои войска противъ васъ, вести на сѣверъ 400.000 человѣкъ, проливать кровь совершенно безцѣльно и не предвидя ни малѣйшей пользы, которая могла бы руководить мною".

„Всякая война", продолжалъ Наполеонъ, „начатая Россіей противъ Франціи, или же которую я принужденъ былъ бы вести противъ Россіи, была бы противна моимъ намѣреніямъ, ибо она не можетъ имѣть никакого другого результата, кромѣ потери 200.000 французовъ. Я повторяю, что не желаю и не могу желать никакого разрыва между Франціей и Россіей".

Эти пророческія слова Наполеона не могли не произвести на князя Куракина глубокаго впечатлѣнія. Онъ не былъ врагомъ ни Франціи, ни Наполеона, но онъ предчувствовалъ неизбѣжность катастрофы, исходъ которой никто не въ состояніи былъ предвидѣть. Онъ увѣрялъ Наполеона въ искренности чувствъ дружбы и союза своего Государя, который продолжаетъ считать согласіе Россіи съ Франціей краеугольнымъ камнемъ европейскаго мира.

Наполеонъ также продолжалъ выражать свои личныя чувства расположенія къ императору Александру и старался доказать, что онъ содѣйствовалъ осуществленію самыхъ завѣтныхъ желаній русскихъ государей. Вѣдь благодаря ему Дунайскія княжества, Молдавія и Валахія, присоединены къ владѣніямъ россійской имперіи. Онъ вполнѣ одобряетъ, чтобы лѣвый берегъ Дуная составлялъ границу Россіи.

„Дунай, съ одной стороны", сказалъ Наполеонъ съ нѣкоторымъ паѳосомъ, „и Финляндія съ другой, развѣ со временъ царствованія Петра Великаго не въ этомъ заключаются грезы вашихъ предковъ, которыя такимъ образомъ получили плоть и кровь"?

Нарисовавъ такую блестящую картину новыхъ пріобрѣтеній Россіи, Наполеонъ далъ очевидно слишкомъ большую свободу своей пылкой фантазіи. Онъ отлично зналъ, что Дунайскія княжества еще не завоеваны Россіей и не уступлены ей Турціей. Онъ еще лучше зналъ свое собственное твердое намѣреніе всѣми силами препятствовать осуществленію этой „грезы" предковъ русскихъ государей. Наконецъ, онъ съ рѣдкимъ цинизмомъ объявилъ тому же князю Куракину, что завоеванію Дунайскихъ княжествъ Россіей онъ сочувствуетъ въ особенности потому, что благодаря этому Австрія сдѣлается непримиримымъ врагомъ Россіи! „Это приращеніе", сказалъ Наполеонъ, „обратитъ Австрію въ постояннаго вашего врага, ибо, могу васъ увѣрить, она васъ боится столько же, сколько боится меня".

Если вспомнить, что въ то самое время, когда Наполеонъ высказывалъ эти откровенности, онъ находился въ весьма близкихъ отношеніяхъ съ вѣнскимъ кабинетомъ, то понятно будетъ, насколько австрійская политика являлась для него послушнымъ и весьма цѣлесообразнымъ орудіемъ для поддержанія Турціи противъ Россіи. Такимъ образомъ, въ дѣлѣ присоединенія Дунайскихъ княжествъ Россія должна была бороться не только съ Турціей, но также съ Австріей и Франціей.

Такова была сущность послѣдняго разговора князя Алексѣя Борисовича Куракина съ Наполеономъ. Князь уѣхалъ изъ Парижа съ полнымъ убѣжденіемъ, что Наполеонъ никогда не подпишетъ конвенціи относительно Польши и уже не дорожитъ союзомъ съ Россіей. Понятно, какое дѣйствіе должны были произвести всѣ эти откровенныя рѣчи Наполеона на императора Александра I. Мысль о заключеніи польской конвенціи должна была пасть сама собою. Но если императоръ Александръ принужденъ былъ отказаться отъ этой конвенціи, то онъ, однако, нисколько не убѣдился въ отсутствіи у Наполеона мысли возстановить Польшу, какъ „естественный оплотъ" противъ Россіи. Что таково было внутреннее убѣжденіе Наполеона—не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію [1]).

Положительныя доказательства перемѣны взгляда Наполеона на союзъ съ Россіей увеличивались чуть не съ каждымъ днемъ, и потому Александръ I уже съ 1810 года серьезно сталъ принимать мѣры на случай разрыва съ Франціей. Никакія словесныя или письменныя увѣренія императора французовъ въ его вѣрности соглашеніямъ, подписаннымъ въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ, не въ состояніи были остановить Александра I въ его приготовленіяхъ на случай войны.

Когда Наполеонъ писалъ ему 16-го мая 1810 года изъ Лакена: „никогда ваше величество не будете имѣть повода жаловаться на Францію",—Александръ I не только поблагодарилъ, но еще и отвѣтилъ: „съ моей стороны ничего не было упущено, чтобы при всякомъ случаѣ доказать мою вѣрность самому тѣсному между нами союзу" (Письмо императора Александра I отъ ноября 1810 г.). Если въ августѣ 1810 г. Наполеонъ опять увѣрялъ своего друга, что „продолженіе и постоянство союза" составляютъ предметъ его ежедневныхъ желаній, то Александръ I ему отвѣчалъ, что этотъ союзъ между обѣими имперіями составляетъ оплотъ спокойствія всей Европы.

---

[1]) *Sorel*, L'Europe et la révolution française, t. VII, p. 457.

Оба монарха очевидно больше другъ другу не довѣряли, и союзъ, заключенный въ Тильзитѣ, лишился твердой почвы и потерялъ свою жизнеспособность. Въ частности въ императорѣ Александрѣ I не только укоренялось недовѣріе къ Наполеону и его политикѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, развивалось глубокое убѣжденіе, что союзъ съ Франціей крайне разорителенъ для Россіи. Навязанная ей континентальная система и война съ Англіей привели къ полному разстройству торговлю и финансы Россіи. Русское правительство принуждено было искать случая заключить за границею заемъ для покрытія своихъ государственныхъ расходовъ. Ни въ Лондонѣ, ни въ Амстердамѣ оно не могло помѣстить своего займа. Осталась одна парижская биржа, но и тутъ заемъ не состоялся, благодаря отказу Наполеона дать свою поддержку.

Между тѣмъ, императоръ французовъ не уставалъ жаловаться Александру I, что онъ недостаточно строго и добросовѣстно поддерживаетъ континентальную систему!

Въ октябрѣ 1810 г., Наполеонъ написалъ царю длинное письмо, наполненное открытыми и двусмысленными обвиненіями. Наполеонъ писалъ, что Англія совсѣмъ разоряется и проваливается: въ Лондонѣ господствуютъ банкротства и полный застой въ торговлѣ. Во Франкфуртѣ и въ Швейцаріи французскія власти конфисковали громадные запасы англійскихъ и колоніальныхъ товаровъ. Шестьсотъ англійскихъ торговыхъ судовъ должны были покинуть прусскія и мекленбургскія воды на Балтійскомъ морѣ. Они отправились въ русскіе порты. „Если ваше величество ихъ примете“, писалъ Наполеонъ, „то война еще продолжится; если же вы ихъ задержите и конфискуете ихъ грузы, то... ударъ, нанесенный Англіи, будетъ ужасный... Отъ вашего величества зависитъ имѣть миръ или войну“!

Императоръ Александръ I увѣрялъ Наполеона, что онъ добросовѣстнымъ и разорительнымъ для своего народа образомъ поддерживаетъ континентальную систему. Всего только 30 иностранныхъ судовъ зашли въ русскіе балтійскіе порты. Что же касается 600 англійскихъ торговыхъ судовъ, о которыхъ писалъ Наполеонъ, то они не заходили въ русскіе порта и вѣроятно вернулись въ Англію.

Между тѣмъ, безпредѣльная ненависть Наполеона къ Англіи заставила его предпринять самыя безразсудныя мѣры противъ англійской торговли, которыя жестокимъ образомъ отзывались на благосостояніи самого французскаго народа. Онъ издалъ новый тарифъ, совершенно прекратившій привозъ во Францію

колоніальныхъ товаровъ не только на англійскихъ судахъ, но и подъ флагами нейтральныхъ народовъ. Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ доказывалъ русскому послу, что этотъ запретительнѣйшій тарифъ оказался чрезвычайно благодѣтельнымъ для Франціи: казна богатѣетъ и народъ процвѣтаетъ. Французы, вмѣсто кофе и сахара, стали по утрамъ употреблять вино, пиво и разные супы, — что̀, по словамъ Шампаньи, — чрезвычайно здорово и полезно (sic!). (Донесеніе кн. Куракина отъ 22-го декабря 1810 г. [3-го января 1811 г.].)

Однако Наполеонъ не удовольствовался такимъ образомъ облагодѣтельствовать свой собственный народъ: онъ желалъ, чтобы всѣ другіе европейскіе народы, не исключая русскаго, послѣдовали примѣру французовъ и стали пить по утрамъ вино, пиво и потреблять разные супы. Онъ обратился къ императору Александру I съ требованіемъ ввести въ Россіи французскій тарифъ.

Императоръ Александръ I категорически отвергъ это требованіе. Во исполненіе своихъ союзныхъ обязанностей, онъ согласился принести огромныя жертвы, но таможенные тарифы и вообще распоряженія по торговлѣ и промышленности не касаются союза, ибо относятся къ области внутренняго государственнаго управленія.

„Что касается принятія торговыхъ законовъ иностраннаго тарифа", писалъ государственный канцлеръ князю Александру Куракину 24-го ноября 1810 года, „безъ опредѣленія примѣнимости ихъ къ источникамъ и движенію богатствъ собственнаго народа, то государь никогда на это не рѣшится. Это значило бы слишкомъ мало обращать вниманія на благосостояніе своихъ подданныхъ, и онъ самъ ослабилъ бы такимъ образомъ дѣйствій ту любовь къ нему подданныхъ, которою онъ дорожитъ и на которую считаетъ за собою права̀. Великое государство обязано охранять великіе интересы въ предѣлахъ своей территоріи и въ отношеніяхъ самой возвышенной дружбы оно обязано сохранять свою независимость. Союзъ заключается въ гармоніи основныхъ началъ. Онъ останется неприкосновеннымъ—его величество это обѣщаетъ, и вы можете, князь, дать въ этомъ увѣреніе".

Эти самыя мысли гр. Румянцовъ еще болѣе подробно развиваетъ въ своей депешѣ отъ 27-го ноября 1810 года, при которой была приложена копія съ донесенія Коленкура Наполеону, которую государственному канцлеру удалось получить какимъ-то путемъ.

Послѣ обѣда у государя 6-го ноября, французскій посолъ удостоился продолжительной бесѣды о новѣйшемъ фазисѣ взаим-

ныхъ отношеній Россіи и Франціи. Континентальная система была „злобою дня" и естественнымъ образомъ сдѣлалась главнымъ предметомъ бесѣды. Коленкуръ высказалъ мнѣніе своего правительства, „чтобы всякій грузъ колоніальныхъ товаровъ былъ конфискованъ, все равно подъ какимъ флагомъ онъ ни привезенъ, если принадлежитъ англичанамъ или привезенъ отъ нихъ".

На это невѣроятное требованіе французскаго посла императоръ Александръ I отвѣтилъ, что онъ до сихъ поръ добросовѣстно исполняетъ обязательства, вытекающія изъ союза съ Наполеономъ и изъ континентальной системы, но „онъ не можетъ принимать каждый день новыя мѣры; что онъ дѣлаетъ сегодня то, что дѣлалъ раньше, и что онъ осязательнымъ образомъ вредитъ Англіи, ибо конфискуетъ все, что есть англійское".

„Въ отношеніи англичанъ", продолжалъ императоръ, „поступаютъ безпощадно, но я не могу закрыть своихъ портовъ для американцевъ, потому что я не обязался это дѣлать и потому что я не намѣренъ ссориться съ людьми, которые мнѣ ничего не сдѣлали и являются наиболѣе естественными врагами англичанъ.

„Я нахожусь въ войнѣ съ Англіей", закончилъ государь, „и останусь въ войнѣ. Я желалъ бы, чтобъ мнѣ показали какія-либо мои сношенія съ этою державою... Только паденіе курса мнѣ слишкомъ даетъ чувствовать приносимыя мною общему дѣлу жертвы, лишенія и неудобства, которымъ я подвергъ свой народъ. Но развѣ я жаловался? Мой народъ ихъ выносилъ и будетъ выносить, и ничто меня не заставитъ измѣнить все это".

Само собою разумѣется, что Коленкуръ защищалъ политику своего государя, доказывая все безкорыстіе ея и неотложную необходимость сломить навсегда могущество Англіи. Континентальная система была опаснѣйшимъ для Англіи орудіемъ, придуманнымъ геніальнымъ умомъ Наполеона. Но для осуществленія ея требовалось, чтобы вся Европа и всѣ не-англійскія владѣнія составляли одно великое государство, въ предѣлахъ котораго царствовала бы единая верховная власть и господствовали единые общіе интересы. Наконецъ, требовалось, чтобъ не было различныхъ климатовъ, разнородныхъ произведеній природы и разнообразныхъ потребностей и вкусовъ и противоположныхъ интересовъ. Въ отношеніи Наполеоновской континентальной системы вышеозначенныя условія не существовали, и потому окончательная ея неудача была неизбѣжна.

Что же касается принятыхъ Наполеономъ внутреннихъ административныхъ и законодательныхъ мѣръ, въ родѣ вышеупомя-

нутаго французскаго таможеннаго тарифа 1810 года, то всѣ иностранныя правительства имѣли полное основаніе сомнѣваться въ ихъ безкорыстіи. Императоръ Александръ не затруднился высказать французскому послу свои личныя сомнѣнія въ слѣдующихъ словахъ:

„Будемъ говорить откровенно: въ чемъ заключается для Франціи цѣль этихъ принятыхъ у васъ мѣръ? Это—имѣть только вамъ однимъ всѣ выгоды отъ торговли колоніальными товарами, имѣть въ отношеніи ихъ монополію. Я не противлюсь этому, и мнѣ нѣтъ дѣла до того, что̀ происходитъ у другихъ. Пусть такъ же дѣйствуютъ и по отношенію ко мнѣ!“

Откровенныя объясненія Александра I относительно континентальной системы и французскаго тарифа нисколько не повліяли на политику Наполеона въ смыслѣ смягченія тона его вызывающихъ требованій къ Россіи. Напротивъ, онъ продолжалъ готовиться къ войнѣ съ нею: въ Гамбургѣ была устроена главная квартира его арміи, и изъ южной Европы отправлялись на сѣверъ полки и артиллерійскіе обозы. На шведскій престолъ возводится французскій маршалъ Бернадотъ безъ всякаго предварительнаго уговора съ Александромъ I, который былъ чрезвычайно заинтересованъ въ разрѣшеніи вопроса о шведскомъ престолонаслѣдіи. Вслѣдствіе присоединенія къ Россіи Финляндіи значительно обострились отношенія между Россіей и Швеціей.

Этого мало: въ декабрѣ 1810 года Наполеонъ сдѣлалъ распоряженіе о присоединеніи къ французскимъ владѣніямъ ганзейскихъ городовъ и герцогства Ольденбургскаго, ибо „великая политика императора этого требуетъ“,—сказалъ Шампаньи князю Куракину. Когда русскій посолъ доказывалъ Наполеону и его министру иностранныхъ дѣлъ, что континентальная система привела Россію къ полному разоренію и застою всякой промышленности и торговли, что петербургскіе банкирскіе дома перестали выдавать какіе-либо векселя или чеки на заграничные банкирскіе дома, что нѣтъ возможности переводить изъ Россіи за границу деньги, — на всѣ эти печальные факты получался только одинъ отвѣтъ: для гибели Англіи континентальная система необходима!

Когда ни князь Куракинъ, ни члены русскаго посольства не могли получить изъ Россіи ни своего казеннаго содержанія, ни своихъ частныхъ денегъ, и потому находились въ безвыходномъ положеніи, Наполеонъ, все-таки, не повѣрилъ въ разорительность для Россіи континентальной системы. Но онъ сжалился

надъ несчастными членами русскаго императорскаго посольства и послалъ къ послу графа Эстефъ, короннаго казначея, съ предложеніемъ дать имъ всѣмъ въ ссуду такую сумму, какую они пожелаютъ. Однако, князь Куракинъ не принялъ этого любезнаго предложенія, въ надеждѣ, что его правительство съумѣетъ перевести въ Парижъ требуемыя для посольства деньги (Донесеніе князя Куракина отъ 23-го декабря 1810 г. [4-го января 1811 года].)

Въ концѣ 1810 года находился въ Парижѣ флигель-адъютантъ государя, графъ Чернышевъ, котораго Наполеонъ зналъ давно и всегда любилъ отличать. На этотъ разъ графъ Чернышевъ долженъ былъ убѣдиться, что прошла пора ухаживанія за русскими. Наполеонъ даже не пригласилъ его въ свою свиту на парадъ и только изъ ложи позволилъ ему любоваться блестящимъ военнымъ зрѣлищемъ. На прощальной его аудіенціи Наполеонъ далъ волю накопившимся въ его душѣ чувствамъ неудовольствія и злобы противъ Россіи и совершенно откровенно высказался по всѣмъ главнымъ обвинительнымъ пунктамъ.

Онъ выразилъ сожалѣніе по поводу отказа императора Александра выдать за него свою сестру. Рѣшившись жениться, онъ прежде всего подумалъ о русской великой княжнѣ, но, получивъ отказъ, онъ немедленно обратился къ Австріи, и князь Шварценбергъ все отлично устроилъ.

„Впрочемъ“, немедленно прибавилъ Наполеонъ, „не подумайте, что я имѣю причину быть недовольнымъ тѣмъ, что̀ случилось. Жена, которую я имѣю, мнѣ нравится,—вы ее видѣли. Но такъ какъ у государей политика замѣшана во всемъ, то признаюсь, что союзъ съ вами мнѣ гораздо больше нравился“.

Однако, эта неудача съ женитьбою не могла обратить Наполеона во врага Россіи и заставить его желать съ нею войны. Онъ увѣрялъ графа Чернышева, что не питаетъ ни малѣйшаго желанія „зарываться въ льдины Польши или пытаться войти въ равнины Украйны. Это было бы достойно тщеславія Александра Великаго“.

Но Наполеонъ не отрицалъ возможности войны между Россіей и Франціей. Онъ зналъ, что императоръ Александръ готовится къ ней, и онъ самъ принималъ подготовительныя мѣры. По его мнѣнію, для войны между Россіей и Франціей имѣются только двѣ причины: во-первыхъ, въ случаѣ заключенія Россіей отдѣльнаго мира съ Англіей и, во-вторыхъ, въ случаѣ перехода Россіи черезъ Дунай.

„Если“, сказалъ Наполеонъ Чернышеву, „идетъ рѣчь только

о тальвегѣ Дуная, я на все согласенъ съ удовольствіемъ. Но если перейдете тальвегъ, я вамъ объявлю войну. Существованіе Турціи слишкомъ важно для политическаго равновѣсія Европы, чтобъ я могъ равнодушно смотрѣть на еще бо̀льшее ея расчлененіе".

Такое предостереженіе со стороны Наполеона насчетъ роковой опасности перехода русскихъ войскъ черезъ Дунай было весьма знаменательно, потому что этотъ переходъ былъ уже совершившимся фактомъ. Онъ самъ спросилъ графа Чернышева: зачѣмъ русскія войска перешли черезъ Дунай? Развѣ они собираются дойти до Константинополя? Онъ самъ предостерегалъ графа Чернышева, что еслибъ даже онъ и согласился смотрѣть сквозь пальцы на такое наступленіе русскихъ войскъ на Константинополь, то никогда Австрія этого не допуститъ, ибо она совершенно не довѣряетъ политикѣ Россіи на Балканскомъ полуостровѣ.

Впрочемъ, прибавилъ немедленно Наполеонъ, „это ваше дѣло, а не мое. Мои воды тамъ не текутъ, и это—вопросъ австрійскій, а не французскій".

Нельзя сказать, чтобъ эти рѣчи Наполеона отличались большою логичностью: то онъ говоритъ, что для Франціи переходъ русской арміи черезъ Дунай есть casus belli, то онъ доказываетъ, что для него такой переходъ безразличенъ, но что Австрія начнетъ войну. Увѣренія графа Чернышева, что переходъ нѣкоторой части русской арміи черезъ Дунай былъ вызванъ военною необходимостью, не произвели никакого впечатлѣнія на Наполеона, который, впрочемъ, отлично зналъ, что о взятіи Константинополя никто не думалъ въ Россіи. Но Наполеону очевидно нравились такіе внезапные скачки, salto mortale, въ „откровенныхъ" бесѣдахъ.

Этою слабостью его объясняется, между прочимъ, поставленный Чернышеву, ни съ того, ни съ сего, вопросъ: „А ваши генералы много грабятъ въ Турціи"?

Графъ Чернышевъ былъ очень удивленъ такимъ вопросомъ и серьезно сталъ доказывать, что въ русской арміи грабежъ неизвѣстенъ, и что, во всякомъ случаѣ, генералы и офицеры такимъ дѣломъ не занимаются. На это Наполеонъ, смѣясь, отвѣтилъ, что Чернышевъ напрасно съ нимъ не откровененъ, ибо ему отлично извѣстно, что русскіе солдаты не такіе „грабители" какъ его. Однако, „онъ не берется отвѣчать за русскихъ начальниковъ передовыхъ отрядовъ и за русскихъ казачьихъ полковниковъ".

Вся эта трехчасовая бесѣда совершенно убѣдила графа Чер-

нышева въ справедливости только одного положенія, неоднократно высказаннаго Наполеономъ, а именно, что между Россіей и Франціей существуетъ несомнѣнное охлажденіе, приведшее къ измѣненію ихъ дружескихъ отношеній. Наполеонъ указывалъ на конвенцію относительно Польши, какъ на единственную причину такой перемѣны, увѣряя графа Чернышева, что его честь не позволила ему ее подписать. Онъ не могъ объявить себя врагомъ народа, который постоянно ему высказывалъ столько преданности и довѣрія.

Но императоръ французовъ умышленно скрылъ множество другихъ причинъ, содѣйствовавшихъ роковому приближенію полнаго разрыва между обоими императорами-союзниками. Польская конвенція служила только градусникомъ для опредѣленія настоящей температуры франко-русскаго союза.

Съ начала 1811 года разрывъ между Россіей и Франціей приближается исполинскими шагами. Одно событіе слѣдуетъ за другимъ и подтверждаетъ неизбѣжность войны между обѣими союзными державами. Безпристрастный судъ исторіи еще не рѣшилъ безапелляціонно вопросъ: кто болѣе виноватъ въ войнѣ 1812 года? Намъ кажется, что обѣ стороны виноваты, но не въ одинаковой степени. Нѣтъ сомнѣнія, что ненасытное властолюбіе Наполеона послужило главнымъ и непосредственнымъ рычагомъ для измѣненія созданнаго въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ политическаго положенія Европы. Еслибъ Наполеонъ зналъ какую-либо границу своимъ властолюбивымъ помысламъ и еслибъ блестящій исходъ австрійской войны, въ связи съ бракосочетаніемъ его съ Маріей-Луизою изъ стариннаго дома Габсбурговъ, не вскружили окончательно ему голову, то онъ продолжалъ бы относиться съ бо̀льшимъ уваженіемъ къ законнымъ правамъ и интересамъ своего союзника—императора Александра I.

Съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію, что императоръ Александръ все болѣе и болѣе поддавался господствующему при его дворѣ антифранцузскому теченію, центромъ котораго была въ то время августѣйшая императрица-мать. Письмо ея чувствительно задѣло его самолюбіе и заставило его быть чрезвычайно сдержаннымъ на свиданіи въ Эрфуртѣ. Чѣмъ Наполеонъ дѣлался экспансивнѣе и откровеннѣе, тѣмъ Александръ I становился подозрительнѣе и осторожнѣе. Отказъ выдать за Наполеона русскую великую княжну переполнилъ чашу, ибо явился кровною обидою для властителя надъ всѣми западно-европейскими народами.

Но еслибъ императоръ Александръ I не продолжалъ настаивать на подписаніи Наполеономъ I именно его редакціи первой

статьи конвенціи о Польшѣ и еслибъ онъ изъ-за интересовъ Ольденбургскаго герцогства не пожертвовалъ пользою великой Россійской имперіи, война 1812 года во всякомъ случаѣ была бы отсрочена на неопредѣленное время. Въ продолженіе этого времени Россія могла бы привести въ исполненіе эрфуртскій трактатъ и присоединеніемъ Дунайскихъ княжествъ стать твердою ногою на Дунаѣ. Война 1812 года навсегда удалила исполненіе этого великаго плана, осуществленіе котораго навѣрное совершенно измѣнило бы политическую будущность русскаго народа.

Обстоятельства, однако, сложились совершенно иначе, и Россія никогда впослѣдствіи не въ состояніи была вернуть то, что она потеряла въ началѣ прошлаго столѣтія. Плотины, созданныя на ближнемъ Востокѣ въ Европѣ, направили, силою вещей, русло русской государственной жизни въ дебри, въ пустыни и богатыя области—Дальняго Востока...

XII.

Для новаго направленія своей политики въ отношеніи Россіи Наполеону нужны были новые люди. Въ февралѣ 1811 года Наполеонъ писалъ Александру I, что на мѣсто Коленкура онъ назначаетъ своимъ представителемъ при россійскомъ дворѣ генерала графа Лористона. Этою перемѣною Наполеонъ желалъ констатировать свое неодобреніе Коленкуру за „легкомысліе" въ подписаніи польской конвенціи. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ также смѣнилъ своего министра иностранныхъ дѣлъ: на мѣсто малоспособнаго Шампаньи, герцога Кадорскаго, былъ назначенъ герцогъ Бассано, на котораго Наполеонъ могъ болѣе положиться, чѣмъ на его предшественника.

Императоръ Александръ I никакихъ перемѣнъ не сдѣлалъ: графъ Румянцовъ остался его государственнымъ канцлеромъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ, а князь Куракинъ продолжалъ представлять Россію при тюльерійскомъ дворѣ, несмотря на свои постоянные физическіе недуги и умственную немощь. Наполеонъ открыто выказывалъ Куракину свое пренебреженіе и недоумѣвалъ, какія причины заставляютъ Александра I сохранить князя на такомъ высоко-отвѣтственномъ посту.

Лучшею иллюстраціей образа дѣйствія князя Куракина служитъ его поведеніе въ роковомъ дѣлѣ присоединенія герцогства Ольденбургскаго къ французскимъ владѣніямъ. Императоръ Александръ I, отчасти подъ вліяніемъ родственныхъ чувствъ къ Ольденбургскому дому, справедливо возмутился такимъ распоряже-

ніемъ императора французовъ, которымъ прямо нарушалась статья XII-я тильзитскаго трактата. Въ силу этой статьи за герцогомъ Ольденбургскимъ было обезпечено „полное и спокойное владѣніе областями", ему принадлежащими.

„Герцогство Ольденбургское", писалъ графъ Румянцовъ, 11-го марта 1811 года, князю Куракину, „было обращено Россіею въ независимое герцогство; эта колыбель и эта отчизна нашихъ государей, которая въ продолженіе болѣе 900 лѣтъ безпрерывно сохранялась въ одномъ домѣ, отнята отъ ея законнаго владѣльца и присоединена къ Франціи по тому единственному мотиву, что такъ угодно французской имперіи".

Князь Куракинъ, въ силу полученныхъ инструкцій, обратился къ герцогу Кадорскому съ протестомъ противъ захвата Ольденбургскаго герцогства, доказывая ему, что императоръ Александръ I возмущенъ не только изъ родственныхъ чувствъ, но также изъ сознанія той опасности, которую представляютъ такія своевольныя нарушенія международныхъ трактатовъ.

Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ нисколько не отрицалъ, что распоряженіе Наполеона противорѣчитъ тильзитскому трактату, но онъ сталъ возражать, что Наполеонъ исполнилъ вышеприведенную статью возвращеніемъ завоеваннаго имъ Ольденбургскаго герцогства законному государю. Съ тѣхъ же поръ обстоятельства измѣнились, и Наполеонъ принужденъ былъ присоединить къ своимъ владѣніямъ герцогство, ибо оно сдѣлалось складочнымъ мѣстомъ для англійскихъ контрабандныхъ товаровъ.

Впрочемъ, прибавилъ Кадоръ, Наполеонъ согласенъ вполнѣ вознаградить герцога за потерю его владѣній. Ему предлагается взамѣнъ Эрфуртъ съ окрестною областью и еще капиталъ въ нѣсколько милліоновъ франковъ. Въ такомъ случаѣ герцогъ Ольденбургскій ничего не потеряетъ и будетъ имѣть тотъ же доходъ, какой онъ имѣлъ отъ своего герцогства. Но, заключилъ категорическимъ образомъ французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, рѣшеніе его государя безповоротно и ни въ какомъ случаѣ не будетъ измѣнено.

Въ виду столь категорическаго заявленія, которое неоднократно повторялось, императоръ Александръ I рѣшилъ предписать князю Куракину вручить лично герцогу Кадорскому формальный протестъ Россіи противъ захвата Ольденбургскаго герцогства. Князь Куракинъ исполнилъ это Высочайшее повелѣніе не особенно удачно. Когда герцогъ Кадорскій былъ у посла, чтобы объявить о назначеніи въ С.-Петербургъ новаго французскаго посла, князь его предупредилъ, что черезъ нѣсколько ча-

совъ онъ получитъ отъ него декларацію, заключающую въ себѣ протестъ противъ захвата Ольденбургскаго герцогства. Кадоръ выразилъ большое удивленіе, и когда онъ получилъ пакетъ отъ русскаго посла, то, зная, что въ немъ заключается, онъ его вернулъ, не вскрывая! Тогда князь Куракинъ, при письмѣ, вторично послалъ декларацію и—опять получилъ обратно свой пакетъ. Тогда посолъ, въ третій разъ, самъ отправился къ Кадору и хотѣлъ ему вручить протестъ, но тотъ снова отказался, и князь Куракинъ догадался положить свой пакетъ на столъ и уйти! Но французскій министръ иностранныхъ дѣлъ былъ хитрѣе и упрямѣе: онъ пришелъ къ русскому послу, положилъ интересный русскій пакетъ къ нему на столъ и быстро исчезъ! Такимъ образомъ, русскому императорскому послу не удалось исполнить полученное Высочайшее повелѣніе, и князь Куракинъ, въ отвѣтъ на сдѣланный ему по этому поводу выговоръ, могъ только спросить государственнаго канцлера: да какъ же ему было исполнить Высочайшее повелѣніе, если герцогъ Кадорскій отказывался принять его ноту? Онъ считалъ ниже своего достоинства продолжать до безконечности хожденіе съ пакетомъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что поведеніе герцога Кадорскаго было совершенно недостойно серьезнаго государственнаго человѣка. Но, съ другой стороны, несомнѣнна также вина князя Куракина: еслибы онъ не предупредилъ французскаго министра иностранныхъ дѣлъ о своемъ намѣреніи „черезъ нѣсколько часовъ“ прислать ему ноту съ протестомъ, то тотъ, не зная содержанія пакета, принялъ бы его и вскрылъ, и фактъ представленія протеста въ руки герцога Кадорскаго былъ бы констатированъ. (Донесеніе кн. Куракина отъ 31-го марта (12-го апр.) 1811 г.)

Эта оплошность князя Куракина имѣла два роковыхъ послѣдствія: 1) исторія странствованія пакета съ нотою протеста не могла не раздражить еще болѣе обѣ стороны; и 2) положительный отказъ французскаго правительства принять протестъ заставилъ императора Александра I сообщить свою ноту циркулярно всѣмъ главнѣйшимъ европейскимъ державамъ. Когда Наполеонъ узналъ о русскомъ циркулярѣ, онъ былъ крайне возмущенъ, находя, что этотъ русскій „манифестъ“ есть лично ему нанесенное оскорбленіе. Онъ не могъ забыть этого факта и уже теперь усматривалъ въ немъ чуть не объявленіе войны...

Ѳ. Ѳ. Мартенсъ.

ГР. А. А. ТОЛСТАЯ

Личныя впечатлѣнія и воспоминанія.

Годъ тому назадъ, 31 марта, скончалась графиня Александра Андреевна Толстая, и по поводу ея смерти мы тогда же посвятили ея памяти наши первыя о ней воспоминанія [1]). Между прочимъ, мы остановились тогда на отношеніяхъ покойной къ ея племяннику, гр. Льву Николаевичу Толстому, и только упомянули о томъ, „какъ были иногда важны и серьезны для него услуги покойной Александры Андреевны“. Дѣло шло именно о тѣхъ „услугахъ“, какія были оказаны ею Льву Николаевичу въ 1886 году, во время нахожденія на посту министра внутреннихъ дѣлъ графа Д. Н. Толстого. Приводя нынѣ этотъ чрезвычайно интересный эпизодъ изъ жизни гр. Александры Андреевны, мы будемъ основываться, главнымъ образомъ, на текстѣ ея „Записокъ“, подлинникъ которыхъ хранится въ академіи наукъ,— дополнивъ изъ ея устнаго разсказа лишь то, что̀ было сдѣлано ею въ бесѣдѣ съ нами, и о чемъ она, по присущей ей скромности, умолчала въ своихъ „Запискахъ“.

...„Когда солнце“—писала она—„печетъ и блещетъ слишкомъ ярко,—тучи недалеко. Это оправдалось какъ разъ на Львѣ Николаевичѣ: въ его жизни настало *смутное время*; — съ одной стороны, поклоненіе и куреніе ладаномъ шло своимъ чередомъ, съ другой же—явились вражда и зависть. По-моему, нѣтъ ничего гаже и печальнѣе, какъ журнальная война. Въ Москвѣ вдругъ зашевелилось цѣлое полчище этихъ подпольныхъ крысъ,

[1]) „Вѣстникъ Европы“, іюнь, 1904 г., стр. 441—465.

которыя силились, во что бы то ни стало, очернить Льва Николаевича не только въ настоящемъ, но и въ прошедшемъ, выбрасывая на свѣтъ изъ своей крысиной норы давно забытые литературные его грѣхи, ими же когда-то обглоданные,—т.-е., то, что всякій авторъ и поэтъ позволяетъ себѣ тайкомъ, въ своей молодости, en guise d'airs de bravoure. Затѣмъ, самое худшее разразилось изъ чистой неосторожности Льва Николаевича, который, пренебрегая мнѣніемъ общимъ и, главное, цензурнымъ, допустилъ одного англійскаго журналиста унести съ собою—конечно, не для печати—статью антиправительственную; этотъ же сынъ de la perfide Albion немедленно напечаталъ ее въ своей газетѣ, съ заявленіемъ, что Левъ Николаевичъ далъ ему на то разрѣшеніе. Можно себѣ представить, съ какой демонской радостью московскія крысы ухватились за эту статью, цитируя ее въ своихъ „вѣдомостяхъ" съ своими, конечно, комментаріями и придавая мыслямъ автора совершенно другой и, разумѣется, еще болѣе худшій смыслъ... Не берусь описывать, какой переполохъ послѣдовалъ по всей Европѣ изъ-за этой статьи, — и сколько было придумано московскими журналистами наказаній бѣдному Льву Николаевичу: ему предсказывали Сибирь, крѣпость, изгнанье изъ Россіи, чуть ли даже не висѣлицу... Иностранныя газеты, по обыкновенію, переполнились подробностями этого инцидента, —и въ продолженіе двухъ-трехъ мѣсяцевъ я безпрестанно получала отовсюду, не исключая Америки, письма съ просьбою увѣдомить ихъ, къ чему именно приговоренъ извѣстный писатель, мой родственникъ?.. Въ это время, до меня стали доходить петербургскіе слухи, что министръ внутреннихъ дѣлъ, гр. Дмитрій Андреевичъ Толстой, по наущенію московскихъ публицистовъ, проектируетъ для Льва Николаевича заточеніе въ Суздальскій монастырь, безъ права писать; то-есть, ему стали бы отпускать бумагу въ ограниченномъ размѣрѣ, — при томъ непремѣнномъ условіи, что новое количество онъ будетъ получать лишь по возвращеніи (исписаннымъ) того, что было отпущено ему ранѣе. Я рѣшила ѣхать прямо къ Дмитрію Андреевичу сама—и все узнать.

„Я застала его дома — и въ большомъ, повидимому, недоумѣніи. Такимъ, по крайней мѣрѣ, недоумѣвающимъ онъ мнѣ представился.

„— Право, не знаю, на что рѣшиться, сказалъ онъ мнѣ:— Прочтите, вотъ, всѣ эти доносы на Льва Толстого... Первые, полученные мною, я положилъ подъ сукно; но—не могу же всю эту исторію скрывать отъ государя!..

„— Разумѣется, нѣтъ,—отвѣчала я;—но вы должны знать, что государь очень любитъ Льва, et probablement que cela adoucira ses impressions...

„Надо вамъ знать, что этому эпизоду предшествовало, совершенно случайно, одно маленькое обстоятельство, значительно помогшее счастливому исходу дѣла, которое могло окончиться для Льва Николаевича очень печально.

„Всего за нѣсколько дней до моего разговора съ гр. Д. А. Толстымъ, меня посѣтилъ государь Александръ Александровичъ. Онъ помнилъ и зналъ меня очень давно и — могу съ нескрываемою гордостью сказать—всегда былъ ко мнѣ особенно милостивъ и внимателенъ [1]. Во время этого своего посѣщенія, онъ былъ въ чрезвычайно хорошемъ расположеніи духа и говорилъ со мною съ большимъ оживленіемъ. Между прочимъ, онъ меня спросилъ:

„— Скажите, кого вы находите самыми замѣчательными и популярными людьми въ Россіи? Зная вашу искренность,—добавилъ онъ,—я увѣренъ, что вы скажете мнѣ правду. Меня, конечно, и не думайте называть.

„Я отвѣчала, улыбаясь:—И не назову.

„— Кого же именно вы назовете?—это меня очень интересуетъ.

„— Во-первыхъ, Льва Толстого,—проговорила я.

„— Этого я ожидалъ,—замѣтилъ государь:—А далѣе?

„— Я назову вамъ еще одного человѣка,—отвѣчала я, немного подумавши.

„— Но кого же, кого?—сталъ онъ торопить меня.

„— Отца Іоанна Кронштадтскаго.

„Государь разсмѣялся—и отвѣтилъ:—Мнѣ это не вспомнилось. Но я съ вами согласенъ.

„Вскорѣ онъ отъ меня ушелъ. Я говорю „ушелъ“ потому, что отъ меня имѣется прямой ходъ въ Зимній дворецъ — по той стеклянной, висящей на воздухѣ галереѣ, которая соединяетъ дворецъ съ эрмитажемъ.

„И вотъ, когда я узнала и увидѣла, какой опасности можетъ подвергнуться Л. Н. отъ доклада Дмитрія Андреевича государю, и что этотъ докладъ будетъ сдѣланъ на-дняхъ, я рѣшила упо-

[1] Графиня Александра Андреевна, родившаяся въ 1817 году и находившаяся при дворѣ съ 1846 года въ качествѣ фрейлины, а затѣмъ камеръ-фрейлины, знала государя Александра Александровича еще въ его дѣтствѣ; послѣ, состоя наставницей-воспитательницей его сестры, великой княжны Маріи Александровны, имѣла возможность знать покойнаго государя очень близко.

требить все свое вліяніе, чтобы его спасти. Я написала государю, что мнѣ очень нужно его видѣть, и просила назначить мнѣ для этого время. Представьте мою радость, когда я вдругъ получила отвѣтъ, что въ тотъ же день государь зайдетъ ко мнѣ самъ.

„Я была сильно взволнована, ожидая его посѣщенія, и мысленно просила Бога помочь мнѣ. Наконецъ, государь вошелъ. Я замѣтила, что лицо его утомлено и онъ былъ чѣмъ-то разстроенъ. Но это не измѣнило моего намѣренія и лишь придало мнѣ бо̀льшую рѣшимость. На вопросъ государя, что̀ я имѣю сказать ему, я отвѣчала прямо:

„— На-дняхъ, вамъ будетъ сдѣланъ докладъ—о заточеніи въ монастырь самаго геніальнаго человѣка въ Россіи.

„Лицо государя мгновенно измѣнилось: оно стало строгимъ и глубоко опечаленнымъ.

„— Толстого?—коротко спросилъ онъ.

„— Вы угадали, государь,—отвѣчала я.

„— Значитъ, онъ злоумышляетъ на мою жизнь? — спросилъ государь.

„Я изумилась, но внутренно была обрадована: я подумала, что только *одно это* (преступленіе) могло бы склонить государя къ утвержденію доклада Дмитрія Андреевича.

„Я разсказала государю подробно все, что̀ узнала отъ Дм. Андр. о винѣ Льва,—и видѣла, къ величайшей моей радости, что его лицо принимало все болѣе и болѣе свое обычное, кроткое и чрезвычайно ласковое выраженіе. Вскорѣ же, государь всталъ, чтобы уйти. Я позволила себѣ, при прощаніи, сказать лишь одно,—что *не на графа Дмитрія Андреевича*, конечно, обрушится всеобщее — въ Россіи и за границей — негодованіе, въ случаѣ утвержденія его доклада...

„Черезъ два дня, я узнала, что государь превзошелъ всѣ мои ожиданія, и его доброта и мудрость разрѣшили вопросъ совершенно инымъ образомъ. Прослушавъ донесеніе Дмитрія Андреевича о случившемся и о сильномъ, будто бы, возбужденіи публики, государь, отклоняя отъ себя докладъ, отвѣчалъ, буквально, слѣдующее:

„— Прошу васъ Толстого не трогать. Я нисколько не намѣренъ сдѣлать изъ него мученика и обратить на себя всеобщее негодованіе. Если онъ виноватъ, тѣмъ хуже для него".

„Я узнала тогда же, что Дмитрій Андреевичъ вернулся изъ Гатчины, изображая изъ себя, по его словамъ, „вполнѣ счастливаго человѣка",—такъ какъ, въ случаѣ утвержденія его доклада,

и на него, конечно, пало бы немало нареканій. Онъ это хорошо понималъ и довольно искусно входилъ въ роль „счастливаго"...

„Съ какою радостью я писала, въ отвѣтъ на бывшіе запросы, во всѣ концы Европы и за океанъ, что Левъ Толстой живетъ преспокойно у себя въ Ясной Полянѣ и что великодушный нашъ царь не обидѣлъ его даже упрекомъ!"...

Вотъ къ этой-то „услугѣ", оказанной покойною графиней Александрой Андреевной Толстой Льву Николаевичу, и относится фраза въ одномъ изъ его писемъ къ ней въ 1886 году: „Если у васъ есть грѣхи, дорогой другъ Alexandrine, то они, вѣроятно, вамъ простятся — за то добро, которое вы мнѣ сдѣлали"...

На этомъ и приходится покончить разсказъ о сношеніяхъ покойной гр. Александры Андреевны съ Львомъ Николаевичемъ Толстымъ, — хотя имя его упоминается, не разъ, и въ послѣдующихъ разсказахъ графини о ея знакомствѣ и встрѣчахъ съ Гончаровымъ, Тургеневымъ, Достоевскимъ и др., — на чемъ мы теперь и остановимся.

Знакомство графини А. А. съ Иваномъ Александровичемъ Гончаровымъ началось въ 1865 году, когда она жила въ Маріинскомъ дворцѣ [1]), вмѣстѣ съ старшей своею сестрой Елизаветой Андреевной, воспитательницей младшей дочери великой княгини Евгеніи Максимиліановны. Гончаровъ былъ представленъ Ал. А—нѣ графомъ А. К. Толстымъ, по литературнымъ дѣламъ котораго въ Петербургѣ Ив. Ал. бралъ иногда на себя хлопоты.

Первыя посѣщенія графини Гончаровымъ, бывшимъ въ то время, т.-е. шесть лѣтъ спустя по появленіи „Обломова", въ зенитѣ своей славы, произвели на писателя нѣсколько странное впечатлѣніе: онъ откровенно выражался, что „боится" ея, и, подъ предлогомъ болѣзни, сталъ отнѣкиваться отъ посѣщенія ея салона. Очевидно, Гончаровъ встрѣтился съ ея крупнымъ умомъ совершенно неожиданно, т.-е., не предполагая найти въ „придворной фрейлинѣ" ничего подобнаго. Ниже мы встрѣтимъ подтвержденіе этого самимъ Гончаровымъ, и даже два раза:

[1]) Графиня А. А. Толстая была вначалѣ (въ 1846 г.) назначена фрейлиной къ великой княжнѣ Маріи Николаевнѣ и, затѣмъ, оставалась при ней и послѣ, по выходѣ ея въ замужство за герцога Лейхтенбергскаго. Въ 1866 году, по полученіи назначенія при великой княжнѣ Маріи Александровнѣ, она переѣхала въ Зимній дворецъ.

вскорѣ послѣ первыхъ встрѣчъ съ нею и, затѣмъ, послѣ, въ одномъ изъ писемъ, пятнадцать лѣтъ спустя. Это импонирующее впечатлѣніе, произведенное графинею на автора „Обломова", было ей, вскорѣ же, передано „друзьями" писателя,—и А. А. поспѣшила слегка „затушевать" это пугающее впечатлѣніе—въ письмѣ, о шутливомъ и ласковомъ содержаніи котораго можно лишь угадывать изъ отвѣта самого Ивана Александровича ей, 27 февраля 1865 года, Спб. [1]):

„*Друзья* на этотъ разъ измѣнили своей роли—вредить—и оказали мнѣ дружескую услугу,—т.-е., вѣрно истолковали мое моральное настроеніе послѣ первыхъ встрѣчъ съ вами, графиня, и тѣмъ избавили меня самого отъ этого труда.

„Если въ каждомъ изъ тѣхъ эпитетовъ, которые вы такъ любезно придали мнѣ, есть маленькая доля правды, то согласитесь, что только такому коллективному лицу, какъ „наблюдатель, испытатель, мореплаватель и аналитикъ", и простительно спрятаться и лечь на покой, даже не будучи Обломовымъ—т.-е. лицу, много видѣвшему, испытавшему, претерпѣвшему и отъ многаго, вѣрнѣе, отъ всего, уставшему. Къ этому надо прибавить почтенныя лѣта и не менѣе почтенную болѣзнь подагру, да еще удивительную способность дѣлать скучнымъ ту комнату или тотъ кругъ, куда появится такая „почтенная" личность.

„Боязнь неизбѣжнаго разочарованія въ пріятныхъ явленіяхъ—есть тоже плодъ „наблюдательности", „анализа" и, отчасти, „мореплаваній". Въ этомъ смыслѣ я и *боюсь* васъ, и оттого не вступаю въ гостепріимно отворенныя мнѣ двери. Впрочемъ, я изрѣдка хожу въ толпу, гдѣ никого не знаю и гдѣ мнѣ ни до кого дѣла нѣтъ: тамъ мнѣ бояться нечего. Идти же на званый пиръ—нуженъ елей, чтобы зажечь свѣчу, а у меня всѣ огни давно потухли;—что же мнѣ, юродивой дѣвѣ, остается дѣлать, какъ не спать въ темнотѣ?

„Графъ Ал. Толстой недавно писалъ ко мнѣ. Онъ *грозитъ* мнѣ поставить меня лѣтомъ, въ своей Пустынькѣ, лицомъ къ лицу, съ вами и еще съ графиней, своей женой. Опасность, ожидаемую отъ васъ, я измѣрилъ лично, а отъ его жены—по

---

[1]) Всѣ письма покойнаго Гончарова были переданы мнѣ гр. Александрой Андреевной при слѣдующей надписи—на конвертѣ, въ который они были вложены: „Оставляю вамъ письма Ив. Александровича Гончарова. Можетъ быть, они покажутся интересными—какъ писанныя знаменитымъ авторомъ". Изъ этихъ писемъ я позволю себѣ сдѣлать только небольшія выписки, могущія характеризовать отношенія Гончарова къ графинѣ и, въ то же время, являющіяся цѣнными матеріаломъ для будущаго біографа этого писателя.

слухамъ отъ А. М. Жемчужникова;—слѣдовательно, мнѣ надо принять свои мѣры, т.-е. заснуть покрѣпче, чтобы не явиться „на очную ставку".

„Я графу буду отвѣчать не ранѣе, какъ черезъ недѣлю, когда могу опредѣлительно увѣдомить его, увѣнчаются ли успѣхомъ мои хлопоты по его дѣламъ, или нѣтъ.

„Что же касается до моей карточки, то упрекъ вашъ въ недоставленіи ея до сихъ поръ—справедливъ, и я покорно несу всю тяжесть его и спѣшу загладить свою вину. Сегодня же направлю прогулку свою къ Маріинскому дворцу, протяну, зажмурясь отъ всякихъ искушеній и опасностей, руку съ этимъ отвѣтомъ и съ прилагаемой карточкой въ двери, отдамъ швейцару—и быстро удалюсь отъ сіяющаго и сіятельнаго порога.

„Затѣмъ, преклоняю передъ вами, графиня, насколько позволяютъ сонъ, лѣнь и подагра, колѣно за память обо мнѣ и остаюсь всегда и всюду вашимъ невидимымъ, но самымъ прочнымъ поклонникомъ".

Съ этого времени и устанавливается знакомство графини съ Гончаровымъ, продолжавшееся около двадцати лѣтъ. Въ томъ же 1865 году, графиня, дѣйствительно, встрѣтилась съ нимъ въ имѣніи гр. А. Толстого, — и съ того же времени устанавливается и постоянная между ними переписка. Лѣто слѣдующаго, 1866 года графиня А. А. проводила за границей, съ семьей великой княгини Маріи Николаевны. Тамъ же, въ Эмсѣ, проживала нѣкоторое время и императрица Марія Александровна съ юными великими князьями Сергѣемъ и Павломъ Александровичами, и великая княжна Марія Александровна, къ которой вскорѣ графиня и была назначена воспитательницей взамѣнъ А. Ѳ. Тютчевой. Изъ обширной переписки этого времени между графиней и Гончаровымъ видно, что графиня А. А. постаралась не только ознакомить членовъ царской семьи съ сочиненіями талантливаго писателя, но и представить его потомъ великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ и великимъ князьямъ лично. Вотъ отрывокъ изъ отвѣта Ив. Ал. изъ Киссингена, отъ 6 (18) іюня, въ которомъ не видно уже прежней робости и „боязни" Ивана Александровича:

„...Только вчера вечеромъ получилъ я, графиня, вашъ краткій отвѣтъ; а я надѣялся получить его еще въ Берлинѣ, и тогда устремился бы въ Эмсъ—поклониться вамъ,—и съ помощью вашей и г. Арсеньева представился бы великимъ князьямъ Сергѣю и Павлу Александровичамъ—поблагодарить за вниманіе и представить свой „Фрегатъ", взятый для этой цѣли съ собою.

„Съ сокрушеніемъ вижу, что письмо мое значительно опоздало, хотя я заблаговременно вручилъ его Екатеринѣ Николаевнѣ [1]); а вашъ отвѣтъ пришелъ еще позднѣе. Въ Петерсталѣ, по росписанію, вы также будете мимоѣздомъ. Вы летаете, а не путешествуете: вамъ безмятежно, весело и счастливо перелетать съ мѣста на мѣсто! И дай Богъ, чтобы такъ было всегда—въ вашемъ блестящемъ и веселомъ кругу!

„А *мой* обломовскій путь—есть трудъ и тягость: я барахтаюсь какъ среди волнъ, обремененный многочисленнымъ семействомъ, то-есть, двумя чемоданами и дорожными мѣшками; къ числу послѣднихъ отношу отчасти и себя. Вотъ отчего такъ и трудно поспѣвать за вами!.. Словомъ, я въ маленькомъ отчаяніи отъ вашей неуловимости, графиня, и чувствую то же, что̀ должна чувствовать черепаха, глядя на полетъ орла. Могу только шевелить перомъ, какъ она—лапами, и желать, чтобы орлы прилетали опять къ своимъ гнѣздамъ, гдѣ я и надѣюсь дождаться васъ, „au coin du feu", какъ вы мнѣ позволили. Тогда и минуетъ мое отчаяніе. А до тѣхъ поръ позвольте поклониться вамъ съ самымъ хорошимъ почтеніемъ и самою лучшею преданностью".

Слѣдующее свое посланіе Иванъ Александровичъ пишетъ къ графинѣ мѣсяцъ спустя, отъ 21 іюля, изъ Югенгейма,—и здѣсь онъ сообщаетъ тоже о своихъ маленькихъ неудачахъ—„уловить какъ-нибудь" Александру Андреевну и повидаться съ нею. Записка писана второпяхъ, у воротъ „Post-Hôtel"'я:

„...Вотъ куда пріѣхалъ-было я поклониться вамъ, графиня, но, къ крайнему прискорбію,—весьма неудачно. Меня высадили у воротъ отеля, съ моей котомкой, и объявили, послѣ нѣкоторыхъ справокъ и разспросовъ, что—„Alles ist voll! Alles besetzt"... Именно случилось то, чего я боялся въ Петерсталѣ! и я черезъ полчаса удаляюсь обратно во Франкфуртъ—le coeur gros, конечно, что никакъ не могъ исполнить своего желанія видѣть васъ.

„Я думалъ, что это проще сдѣлать, нежели какъ оказывается; но я вижу, что мнѣ приходится отчаяться во всякой „простотѣ", и я—серьезно, съ нѣкоторымъ отчаяніемъ!—отлагаю удовольствіе видѣть васъ—до Петербурга, гдѣ, кажется, минутами, хотя и рѣдкими, можно дождаться маленькой простоты. Будьте велико-

[1]) Ек. Н. Шостакъ, урожденная Исленьева, бывшая болѣе тридцати лѣтъ директрисой въ Елизаветинскомъ институтѣ и въ Николаевскомъ сиротскомъ въ Петербургѣ. Путешествовала въ 1857 году, одновременно съ графиней А. А. и Л. Н. Толстымъ, за границей. Скончалась въ минувшемъ году, переживъ своего давняго друга, графиню Толстую, лишь на нѣсколько мѣсяцевъ.

душны и снисходительны ко мнѣ,—въ чемъ я крайне нуждаюсь, будучи огорченъ до-нельзя.

„Сію минуту торопятъ садиться въ омнибусъ, и я спѣшу поклониться вамъ съ чувствомъ крайняго огорченія и неизмѣнной преданности".

Спустя годъ, въ 1867 году, дружескія, искреннія отношенія И. А. Гончарова и графини Александры Андреевны устанавливаются, наконецъ, болѣе прочно: графиня вводитъ Гончарова въ салонъ той Екатерины Николаевны Шостакъ, о которой упоминалось выше, и они встрѣчаются и здѣсь, и у графини—въ занимаемыхъ ею аппартаментахъ въ Зимнемъ дворцѣ. Къ тому же времени относится и представленіе Гончарова, при содѣйствіи графини, великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ. Вотъ нѣсколько отрывковъ изъ одной записки того времени, гдѣ уже сквозитъ шутливый тонъ, который, *подражая графинѣ*, вводитъ постепенно въ свои письма и Гончаровъ.

...„Въ письмѣ вашемъ, графиня Александра Андреевна, вы приказываете „не принуждать васъ входить со мною въ приличную рамку, иначе—грозите *сдѣлаться несносною*".

„Слушаю-съ. Будьте со мною (если можете) неприличны безъ рамокъ, даже безъ границъ, но останьтесь такою, какою были со мною всегда, и подарите когда-нибудь опять такимъ милымъ и добрымъ письмомъ, какъ сегодня! Я вижу изъ него, что великая княгиня не соскучилась въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, мнѣ подаренныхъ,—и я надолго счастливъ этими минутами и ея впечатлѣніями отъ нихъ.

„Научите когда-нибудь заслужить постоянное благоволеніе. Самъ я не знаю и не умѣю. Вотъ и теперь: предложилъ вамъ книгу—и опоздалъ. Стало быть, я не безъ основанія боюсь быть ненужнымъ и нескромнымъ.

„Позвольте примириться съ вами за ваши нападенія на меня—и представить вамъ на будущее время carte blanche нападать à discrétion. Я даже каюсь, что упрекалъ васъ—отчасти потому, что я кое-что любилъ въ этихъ нападеніяхъ, отчасти потому, что, зная теперь, какая тактика таилась подъ ними, я буду воздерживаться отъ вызываемыхъ ею „прелестныхъ вещей", или буду говорить ихъ какъ ученикъ стихи, выученные къ именинамъ родителей.

„Извините, что пишу вамъ опять. Это я дѣлаю потому, что мнѣ хочется поскорѣе поблагодарить васъ за очаровательныя слова вашей записки, а я не знаю навѣрное, судя по вашимъ словамъ, увижу ли васъ завтра у Екатерины Николавны. Пишу

еще и потому, что вы обладаете свойствомъ задирать меня. Простите за это вульгарное слово; тѣмъ болѣе простите, что вы сами — противъ рамокъ приличій, т.-е. противъ тѣсноты. Nehmen Sie nicht übel... также и это, приписываемое вамъ мною свойство задирать меня: имъ обладаютъ немногіе, между прочимъ, болѣе другихъ обладаетъ гр. А. К. Толстой.

„Но я, кажется, письмомъ своимъ давно вышелъ изъ всякихъ рамокъ и границъ вашего терпѣнія. Спѣшу кончить, тѣмъ болѣе, что, къ счастію (для васъ), надо мною гремитъ... громъ? подумаете вы... Нѣтъ! трещитъ потолокъ, дрожатъ стѣны, мимо оконъ летятъ кирпичи, щепки, мусоръ, взадъ и впередъ снуютъ каменьщики, плотники,—словомъ, строительная горячка охватила и мой мирный уголокъ—и прости мой покой! Бѣжалъ бы,—да куда? у меня ни отца, ни матери!..

„Простите, графиня, можетъ быть, лично — до завтра, а письменно — не знаю до которыхъ поръ: когда сами повелите; самъ же я, имѣя въ виду ваше veto, не посмѣю вступать съ вами въ пренія".

Многія другія посланія Гончарова къ графинѣ Толстой имѣютъ тотъ же личный, по преимуществу, полемическій или же шуточный характеръ — и, какъ таковыя, во исполненіе желанія покойнаго писателя, не подлежатъ оглашенію. Болѣе общій, литературный, или же чисто біографическій характеръ имѣютъ сношенія Гончарова съ графиней въ эпохи семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ. Напримѣръ, въ маѣ 1871 года, И. А. горячо благодаритъ графиню за доброе приглашеніе „сыскать ее наступающимъ лѣтомъ подъ ёлкой Шварцвальца"... И Гончаровъ спѣшитъ отвѣтомъ:... „И я поѣду; поѣду,—лишь только увѣрюсь, что вы приглашаете меня *просто*, т.-е. въ самомъ дѣлѣ, а не для мистификаціи; потому что, иногда, вы приглашаете или позволяете быть у васъ *не просто*: напримѣръ, при встрѣчѣ на подъѣздѣ въ Моховой вы разрѣшили мнѣ явиться къ вамъ, но прибавили, что васъ „завтра не будетъ дома", а „послѣ-завтра переѣзжаете въ Царское"... И я думаю: что, если и въ Шварцвальдѣ будетъ такая же „простота"?.. Оттуда и маленькое сомнѣніе. Но все-таки я изъ своего германскаго уединенія, если позволите, напомню о себѣ и спрошу—гдѣ вы?..."

Затѣмъ, для характеристики дальнѣйшихъ отношеній автора „Обломова" къ графинѣ А. А. и происходившихъ, иногда, между ними „преній" и „битвъ", позволю себѣ сдѣлать выписку изъ весьма пространнаго и очень интереснаго его посланія къ ней, отъ 14-го апрѣля 1874 года:

..."За обѣдомъ у Екатерины Николаевны вы, графиня Александра Андреевна, назвали меня дуракомъ (bête); мнѣ слѣдовало бы залиться слезами, или упасть въ обморокъ, но я не сдѣлалъ ни того, ни другого,—потому что въ вашихъ словахъ есть и много правды, въ чемъ я и самъ сознался, сказавъ за картами, что я „всю жизнь играю въ дураки"...

„Потомъ, за этимъ же обѣдомъ, вы мнѣ сказали кое-что очень пріятное — о томъ, какъ была принята и прочтена моя статья въ „Складчинѣ", — такъ что много было поводовъ простить вамъ—и я простилъ.

„А теперь, прошу только позволенія сдѣлать нѣкоторую оговорку къ тому, что̀ вызвало у васъ такое капитальное обвиненіе меня въ глупости. Безъ этого, пожалуй, злой языкъ (такой, напримѣръ, какъ у Ѳ. М. Т. [1])), могъ бы обвинить меня въ чемъ-нибудь еще хуже,—и потому оговорка или объясненіе необходимо, какъ circonstance atténuante.

„Я только сказалъ, что „хожу во дворцы всегда съ какимъ-то страхомъ и пишу всѣмъ, кто тамъ живетъ, съ какимъ-то смущеніемъ и боязнью". Въ самомъ ли дѣлѣ это „глупо", или, если это „глупо", то виноватъ ли я въ такой глупости? Надо бы было—къ словамъ: „вхожу со страхомъ", прибавить: „и съ трепетомъ"... Тогда бы было даже хорошо.

„Дурного тутъ, право, ничего нѣтъ; можетъ быть, много смѣшного—и только. Но вѣдь насъ такъ воспитывали и учили; а мое воспитаніе относится къ той эпохѣ, когда... сѣкли,—не только мужиковъ, но и маленькихъ господъ.

„Но — это не оговорка, а исторія. А вотъ оговорка: боязнь моя ходить во дворцы относится не къ тѣмъ или другимъ личностямъ, а къ *толпѣ*—ко всей широкой обстановкѣ, къ строгой, условной и неизбѣжной, конечно, представительности и обычаямъ мѣста, къ парадности и обрядности.

„Моя боязнь, стало-быть, есть просто непривычка. Кто родился и прожилъ до старости въ скромной и тѣсной долѣ, въ темномъ углу, тотъ всегда будетъ неловокъ, смѣшонъ и, иногда, „глупъ", лишь только очутится въ толпѣ, на виду, да еще въ парадномъ и блестящемъ обществѣ. И слабые глаза, привыкшіе къ сумеркамъ, начнутъ усиленно мигать и плакать, если къ нимъ вдругъ подвинуть лампу.

„Вотъ отчего я не старался проникать не только во дворцы, но и вообще въ большіе дома, гдѣ есть *толпа*, гдѣ много ла-

---

[1]) Ѳ. М. Толстой.

кеевъ, гдѣ швейцары и парадные пріемы etc... Я робѣлъ до упадка нервъ. Скромность, простота и незначительность собственной своей особы и написанной мнѣ на роду доли — вотъ *внѣшнія* причины моего удаленія отъ такъ называемаго *свѣта*. Такъ, напримѣръ, желаніе видѣть васъ приводитъ иногда меня къ вамъ въ воскресенье; но — цѣль моя вовсе не достигалась: я видѣлъ всего менѣе васъ самихъ, а встрѣчалъ кучу (буквально— кучу) людей, которымъ я вовсе не нуженъ и которые мнѣ не интересны, потому что я ихъ не знаю. И я въ многолюдствѣ, какъ Чацкій, „всегда растерянъ, самъ не свой".

„Вы очень мѣтко, графиня, замѣтили однажды, что въ этой моей дикости, должно быть, кроется самолюбіе. Можетъ быть, да; но что̀ же съ этимъ дѣлать? побѣдить его? но зачѣмъ? — чтобы бывать тамъ и сямъ? опять-таки зачѣмъ? Во мнѣ другимъ нужды не много, а мнѣ самому (теперь, въ старости) нужно тоже немногое. А между тѣмъ, казаться смѣшнымъ, неловкимъ— не хочется. Ваша правда, тутъ есть и самолюбіе.

„— Ну, такъ вы—Обломовъ,—отвѣчаютъ на это обыкновенно.

„Eh bien, après?

„Правда, Обломовъ; только не такой, какъ всѣ другіе Обломовы. Не одна лѣнь, не одна дикость — отъ непривычки — и тому подобныя *внѣшнія* грубыя причины держали меня всегда поодаль отъ свѣта и его приманокъ, для моей натуры незаманчивыхъ;—а артистическое строеніе духа, а поэзія и т. д., и т. д.,— все то, что̀ чуждается всякой офиціальности, *жёна* (gêne), что̀ требуетъ разныхъ маленькихъ свободъ и т. д. — словомъ, *внутреннія* причины.

„А сколько *тѣснотъ* пришлось переживать! Хотѣлось мнѣ всегда и призванъ я былъ *писать*; а между тѣмъ, долженъ былъ *служить*. Мнѣ, нервозному, впечатлительно-раздражительному организму, нуженъ былъ воздухъ ясный и сухой, солнце и нѣкоторое спокойствіе,—а я живу сорокъ лѣтъ подъ свинцовымъ небомъ, въ туманахъ, и не наберу мѣсяца въ году, чтобы заняться, чѣмъ хотѣлось и чѣмъ бы слѣдовало,—и всегда дѣлалъ то, чего не умѣлъ или не хотѣлъ дѣлать.

„Въ четвергъ я сказалъ также, что ничего не напишу больше. Это очень вѣроятно, — какъ бы ни обливалось у меня сердце кровью отъ этого. „Лѣта̀ охлаждаютъ всякія надежды и желанія"—сказалъ я печатно (въ „Складчинѣ"), говоря о морскихъ путешествіяхъ. То же самое могу сказать и о перѣ: ни въ море идти, ни писать—у меня надежды нѣтъ . . . . .

. . . .

..."Но вотъ, однако, написалъ вамъ это письмо, графиня,— нужды нѣтъ, что "боюсь писать живущимъ во дворцахъ", какъ я опять сказалъ (глупо?) въ четвергъ.

"Не сердитесь на меня за это письмо. Вы добры ко мнѣ, и я, дорожа вашимъ добрымъ мнѣніемъ, хотѣлъ передъ вами, по возможности, выгородиться изъ моей "глупости" и представить вамъ здѣсь не только "оговорку", но и краткую *исповѣдь*, такъ какъ я нынѣшній годъ не исповѣдывался . . . . . .

. . . .

"Вы говорите, что теперь у васъ уже не бываетъ *толпы*; слѣдовательно, я могу проникнуть къ вамъ въ одно воскресное утро, или же встрѣтить васъ au coin du feu, въ числѣ трехъ, четырехъ, пяти, шести и т. д. знакомыхъ мнѣ лицъ у Екатерины Николавны" . . . .

. . . .

Съ 1876 года переписка И. А. Гончарова съ графиней становится рѣже, отрывочнѣе и много серьезнѣе: въ ней нѣтъ уже того "задиранія", на которое жаловался И. А. ранѣе, нѣтъ и свѣтской игривости: начинаются уже, такъ сказать, дѣловыя письма; въ одномъ изъ нихъ, писанномъ на четырехъ страницахъ почтоваго листа большого формата, помѣченномъ 11 іюня 1878 года изъ Петербурга, въ концѣ имѣется слѣдующая приписка, изъ-за которой потомъ возникла очень жаркая полемика у Гончарова съ графиней: "P. S. Ко всей адской тяготѣ лѣта въ городѣ, у меня явилось новое горе: умеръ мой человѣкъ,—и на моихъ рукахъ вдругъ оказалась цѣлая чужая семья—болѣзненная вдова и трое ребятишекъ! Буквально тону въ волнахъ жизни"...

Изъ-за этого и произошелъ новый турниръ у Ив. Ал. съ графиней. Она склоняла его, одинокаго человѣка, къ "самоотверженію", а онъ, сильно усталый, больной и уже дряхлѣющій, искалъ и желалъ лишь тишины и покоя,—какъ бы олицетворяя и воплощая въ себѣ самомъ слабости и недостатки характера и силы воли героя своего знаменитаго романа.

Свои "оправданія" передъ графинею по этому дѣлу Иванъ Александровичъ излагаетъ въ довольно пространномъ письмѣ, въ которомъ, между прочимъ, имѣется одно мѣсто, представляющее собою какъ бы résumé долголѣтнихъ отношеній этихъ двухъ замѣчательныхъ личностей, взаимно уважающихъ другъ друга и постоянно пикирующихся. Гончаровъ пишетъ:

"Вы всегда побѣждали меня въ изустныхъ битвахъ, графиня, гдѣ вся сила на вашей сторонѣ, и я только перомъ, этимъ есте-

ственнымъ оружіемъ, успѣвалъ укрывать голову отъ вашихъ ударовъ. Надѣюсь имъ же защититься и теперь — отъ новаго, направленнаго вами на меня удара,—нужды нѣтъ, что вы вооружаетесь даже „силюю многою“ Евангелія. Я отнюдь не хочу этимъ сказать, что у меня такое сильное и хорошее перо, что противъ него и спорить трудно—нѣтъ! Я стою лишь за то, что съ перомъ въ рукахъ я твердъ на почвѣ логики, ибо пишу только тогда, когда правъ, а когда я бываю неправъ — я молчу. При этомъ, сидя за перомъ, я покоряю себѣ нервы, а споря на словахъ, — напримѣръ, съ вами, — я покоряюсь нервамъ и теряю самообладаніе“.

Послѣднія письма И. А. Гончарова къ графинѣ А. А. относятся къ восьмидесятымъ годамъ, писаны видимо слабѣющимъ, дрожащимъ почеркомъ, очень недлинны и, по своему содержанію, не представляютъ собою литературнаго или общественнаго интереса. Въ своихъ личныхъ отзывахъ о знаменитомъ романистѣ покойная графиня отдавала должное его крупному, яркому беллетристическому таланту и вспоминала о немъ всегда очень тепло.

Тамъ, гдѣ намъ приходится передавать *устные* разсказы гр. А. А. Толстой о томъ или другомъ событіи или о личности, въ свое время нами записанные, мы ограничиваемся этимъ матеріаломъ въ той мѣрѣ, какую находимъ возможною для интереса статьи. Если же дѣло коснется „Записокъ“ покойной графини, подлинникъ коихъ, какъ мы уже сказали, находится въ академіи наукъ, то мы позаботимся о томъ, чтобы, такъ сказать, не обезцѣнивать эти „Записки“,—то-есть, всецѣло не пользоваться ими *до* ихъ появленія на свѣтъ. Поэтому, въ нижеслѣдующихъ строкахъ о знакомствѣ и сношеніяхъ гр. Толстой съ И. С. Тургеневымъ, ограничимся лишь немногимъ изъ текста этихъ „Записокъ“—по той ихъ копіи, которая была передана намъ самой покойной.

И. С. Тургеневъ всегда навѣщалъ графиню во время своихъ короткихъ пріѣздовъ въ Петербургъ изъ-за границы. Особенной дружбы между ними не могло быть—въ силу діаметрально противоположныхъ взглядовъ ихъ на многіе предметы и явленія—въ особенности въ вопросахъ религіозныхъ.

О ссорѣ, происшедшей у Тургенева съ Л. Н. Толстымъ, графиня узнала нѣкоторыя подробности отъ самого Льва Николаевича, въ 1866 году, лѣтомъ, во время его пріѣзда къ графинѣ въ село Ильинское, гдѣ она въ то время проживала съ своею воспитанницею, великою княжною Маріею Александровною, и

малолѣтними великими князьями Сергѣемъ и Павломъ Александровичами.

„Когда я, – разсказывала графиня,—стала разспрашивать Льва Николаевича объ этой ихъ ссорѣ, о которой я слышала раньше, то онъ сказалъ мнѣ, что ссора эта была очень серьезная, едва не окончившаяся дуэлью. Причиною ихъ ссоры была довольно непріятная исторія. . . . .

. . . .

„Левъ Николаевичъ мнѣ отвѣчалъ:

„— Моя роль въ этой исторіи была не дурная. Въ концѣ, я, все-таки первый, написалъ Тургеневу самое дружеское, примирительное письмо; но онъ отвѣтилъ мнѣ такъ грубо, что невольно пришлось прекратить съ нимъ всякія сношенія.

„Впослѣдствіи они хотя и примирились, но дружбы между ними быть уже не могло. Къ тому же, они расходились почти во всемъ.

„Я не предполагаю въ Тургеневѣ зависти къ таланту Льва Николаевича, хотя, на просьбу французскихъ писателей—указать, чтò именно изъ сочиненій Толстого—болѣе интересное—слѣдовало бы перевести на французскій языкъ, онъ назвалъ разсказъ „Два гусара“, одинъ изъ очень неважныхъ разсказовъ Льва Николаевича.

„Но если и была въ Тургеневѣ авторская зависть, то онъ все загладилъ своими предсмертными строками къ Льву Николаевичу. Я не могла читать безъ умиленія этой записки, писанной карандашомъ, которую показалъ мнѣ потомъ Левъ Николаевичъ. Я ее переписала; вотъ ея текстъ:

„Буживаль. 27 іюня 1883 года.

„Милый и дорогой Левъ Николаевичъ!

„Долго вамъ не писалъ, ибо былъ и есмь, говоря прямо, на смертномъ одрѣ. Выздоровѣть я не могу,—и думать объ этомъ нечего! Пишу же вамъ, собственно, чтобы сказать, кàкъ я былъ радъ быть вашимъ современникомъ,—и чтобы выразить вамъ мою послѣднюю искреннюю просьбу. Другъ мой! вернитесь къ *литературной* дѣятельности. Вѣдь этотъ даръ вашъ — оттуда, откуда все другое. Ахъ, какъ я былъ бы счастливъ, еслибы могъ подумать, что просьба моя на васъ подѣйствуетъ! Я же—человѣкъ конченный: доктора даже не знаютъ, какъ назвать мой недугъ, nevralgie stomacale goutteuse... Ни ходить, ни ѣсть, ни спать... Да чтò! Скучно даже повторять все это!.. Другъ мой! великій писатель русской земли! внемлите моей просьбѣ!

„Дайте мнѣ знать, если вы получите эту бумажку, и по-

зводьте еще разъ крѣпко-крѣпко обнять васъ, вашу жену, всѣхъ вашихъ...

„Не могу больше... Усталъ...—Тургеневъ“.

„Не знаю, кáкъ для другихъ,—пишетъ графиня А. А.,—но для меня въ каждомъ словѣ этой трогательной записки видно проявленіе новаго и утѣшительнаго состоянія души Тургенева.

„Въ послѣдній разъ,—говоритъ графиня,—Тургеневъ былъ у меня за годъ до своей смерти, провелъ цѣлое утро, мы переговорили обо многомъ, и, между прочимъ, было, конечно, говорено и о Толстомъ. Въ то время уже начинали являться его, soi-disant, богословскія сочиненія. Тургеневъ относился къ нимъ съ полнымъ негодованіемъ, и не могъ утѣшиться, что Левъ Николаевичъ оставилъ литературу, „pour écrire de pareilles billevesées“,—по его собственному выраженію...

„Нужно, однако, прибавить, что Тургеневъ, по складу своего ума и души, не могъ понять глубину души Льва Николаевича, который могъ ошибаться, но все-таки искалъ правды, страдалъ и мучился изъ-за правды; между тѣмъ какъ Тургеневъ совершенно успокоился на своихъ отрицательныхъ взглядахъ и почти-что щеголялъ ими.

...„Въ Тургеневѣ была обаятельная артистическая прелесть. Можно было заслушаться его, когда онъ говорилъ; но въ словахъ, какъ и въ твореніяхъ его, чуялось мнѣ всегда что-то поверхностное, неглубокое,—и наше послѣднее свиданіе оставило во мнѣ унылое впечатлѣніе. Говорили мы по-французски. Красивыя фразы о музыкѣ и поэзіи лились потокомъ изъ его устъ... Жалѣю, что я, по уходѣ Тургенева, не записала нашу бесѣду тотчасъ же. Помню, что я, наконецъ, его перебила.

„— C'est extraordinaire,—сказала я:—voilà bien des années, que nous ne nous sommes vus (прежде мы часто видались), et je vous retrouve au même point—avec ce fond de sable mouvant, qui m'a toujours frappée dans vos oeuvres, quelques charmantes qu'elles soient. J'espérais que le temps vous aurait mis sur un terrain plus solide“.

„Онъ расхохотался моей откровенности.

„— Et cependant j'ai fait de grands progrès,—возразилъ онъ.—Figurez-vous, je suis arrivé à aimer même la nature, de préférence sur les toiles des artistes.

„Это слово, сказанное авторомъ „Записокъ Охотника“, гдѣ все дышетъ любовью къ природѣ, почти-что взорвало меня.

„— Croyez-vous par hasard faire un éloge de vous-même par cet aveu?—спросила я, и прибавила:—Et puisque nous som-

mes sur le chapitre des choses étonnantes, expliquez-moi, pourquoi il n'y a jamais d'enfants dans vos écrits?

„На этотъ разъ и онъ встрепенулся.

„— Votre observation me frappe d'autant plus que vous êtes à peu près la première, qui me la faites, mais elle est parfaitement juste—je n'aime pas les enfants.

„Я только пожала плечами... Harmonie dans la négation des meilleurs éléments,—подумала я про себя.

„Затѣмъ, мы перешли на предметы болѣе серьезные. Дарья Ѳедоровна Тютчева [1]), которая была третьимъ лицомъ нашей бесѣды, задирала Тургенева разными вопросами совершенно отвлеченнаго свойства. Дѣло дошло и до безсмертія души. Тургеневъ объявилъ категорически, что безсмертію онъ не вѣритъ.

„— Vous venez de dire, que vous avez eu beaucoup d'amis,—сказала Тютчева,—que faites vous de ceux, qui ne sont plus?

„— Ils vivent dans mon souvenir, et cela me suffit,—былъ его отвѣтъ.

„Заговорили и объ Евангеліи. Тургеневъ отнесся къ нему съ какимъ-то непріятнымъ — для насъ—пренебреженіемъ, какъ къ книгѣ, ему мало извѣстной.

„— Vous n'allez pas m'assurer pourtant, que vous n'ayez jamais lu l'Evangile?—спросила я.

„— Oh, non! il m'est arrivé de le lire,—je dirai même que St. Mathieu et St. Luc sont assez intéressants; quant à St. Jean, cela ne vaut pas la peine d'en parler.

„— Hélas!—отвѣчала я съ грустью. — Vous ne serez donc jamais que le plus aimable des payens.

„На этомъ мы разстались,—чтобы никогда болѣе не свидѣться".

Съ покойнымъ писателемъ Ѳ. М. Достоевскимъ знакомство графини А. А. было очень непродолжительно: оно началось всего за три недѣли до его смерти. Личность Достоевскаго произвела на графиню необычайное впечатлѣніе. Она разсказывала мнѣ:

— Я, конечно, еще не видя его, находилась уже подъ обаяніемъ его огромнаго, выходящаго изъ ряду вонъ, таланта, такъ какъ прочитывала, буквально, все, что̀ онъ писалъ. Весь его

[1]) Дарья Ѳедоровна Тютчева, сестра Анны Ѳедоровны, вышедшей за Аксакова; она была дочерью извѣстнаго поэта Ѳ. И. Тютчева. Жила, одновременно съ гр. А. А. Толстой, въ Зимнемъ же дворцѣ и тоже въ званіи камеръ-фрейлины. Скончалась въ 1901 году.

„Дневникъ Писателя“, тщательно собранный и переплетенный, испещренъ моими замѣтками, сдѣланными на поляхъ. Но, тѣмъ не менѣе, впечатлѣніе, которое онъ произвелъ на меня своею личностью и бесѣдою (онъ пробылъ у меня цѣлый вечеръ), было необыкновенное. Мало того, что онъ казался мнѣ человѣкомъ евангельскимъ, не отъ міра сего, но самая рѣчь его, порывистая и огнеустая, производила потрясающее впечатлѣніе. Могла ли подумать я тогда, что за его плечами стоялъ уже тихій ангелъ смерти!..

Въ своихъ „Запискахъ“ графиня А. А. объ этомъ знакомствѣ сообщаетъ, между прочимъ, слѣдующее:

...„Онъ (Достоевскій) стоялъ для меня, какъ моралистъ, на необыкновенной вышинѣ, несравненно выше другихъ писателей, не исключая и Льва Толстого, — разумѣется, не въ отношеніи стиля, слога. Въ первый разъ, я встрѣтилась съ нимъ на вечерѣ у гр. Комаровской, и разговоръ нашъ былъ, въ то время, очень короткій и отрывистый. Зная мои родственныя отношенія къ Льву Николаевичу, онъ сказалъ мнѣ, что никогда съ нимъ не видался, но что, какъ писатель и человѣкъ, Толстой страшно его интересуетъ.

„— Можете ли вы, графиня, истолковать мнѣ его *новое* направленіе? Я вижу въ этомъ что-то особенное и мнѣ еще непонятное.

„Я призналась ему, что и для меня это еще загадочно, и предложила ему прочесть послѣднія письма (ко мнѣ) Льва Николаевича,—съ тѣмъ, однакожъ, чтобы онъ пришелъ за ними самъ. Онъ назначилъ мнѣ день свиданія,—и къ этому дню я переписала для него эти письма, чтобы облегчить ему чтеніе неразборчиваго почерка Льва Николаевича. При появленіи Достоевскаго, я извинилась передъ нимъ, что никого болѣе не пригласила—изъ эгоизма, желая провести съ нимъ вечеръ съ-глазу-на-глазъ. Этотъ очаровательный и единственный вечеръ навсегда запечатлѣлся въ моей памяти! Я слушала Достоевскаго съ благоговѣніемъ: онъ говорилъ, какъ истинный христіанинъ, о судьбахъ Россіи и всего міра; глаза его горѣли; я чувствовала въ немъ отголосокъ пророка... Когда, наконецъ, мы заговорили о Львѣ Николаевичѣ, онъ просилъ меня прочитать обѣщанныя письма.

„Вижу еще и теперь передъ собой Достоевскаго, какъ онъ, слушая, хватался за голову и отчаяннымъ голосомъ повторялъ: „Не то, не то!...“ Онъ не сочувствовалъ ни единой мысли Льва Николаевича. Затѣмъ, онъ попросилъ у меня разрѣшенія взять

съ собою все, что лежало на столѣ—и переписанныя мною копіи, и многіе оригиналы писемъ Льва. Изъ нѣкоторыхъ его словъ и фразъ я заключила, что въ немъ родилось желаніе оспаривать ложныя мнѣнія Льва Николаевича".

Всѣ эти письма, къ крайнему прискорбію для будущаго историка русской литературы, пропали безслѣдно. *Черезъ пять дней* послѣ этого вечера, Достоевскаго не стало... Кто разбиралъ его кабинетъ и бумаги послѣ смерти и какъ могли „пропасть" такіе драгоцѣнные матеріалы—неизвѣстно. Графиня, по свойственной ей особой деликатности, не стала тогда доискиваться писемъ. Она только занесла въ свои „Записки" слѣдующія строки: „Я нисколько не жалѣю потерянныхъ писемъ, но не могу утѣшиться, что намѣреніе Достоевскаго осталось невыполненнымъ"...

Но семнадцать лѣтъ спустя, когда мнѣ довелось принять участіе въ разборѣ ея переписки, она, передавая мнѣ пачки писемъ Л. Н. Толстого, говорила, вздыхая: „Какъ жаль, что здѣсь недостаетъ его писемъ ко мнѣ за послѣднее время!..." Далѣе, по поводу смерти Достоевскаго, графиня мнѣ передавала, что эта смерть поразила ее...

„... Я отправилась къ нему на квартиру—поклониться его праху. Онъ лежалъ въ крошечной комнаткѣ; малолѣтніе сынъ и дочь стояли около него; вся обстановка—совершенно бѣдная. Но посѣтителей было множество, и всѣ казались убитые горемъ; особенно много было молодежи. Я уже собиралась уходить, когда подошла ко мнѣ дама, весьма скромно одѣтая, и спросила меня—я ли графиня Толстая? На мой утвердительный отвѣтъ она сказала:

„— Я позволила себѣ подойти къ вамъ, полагая, что вамъ пріятно будетъ услышать, какое хорошее впечатлѣніе вынесъ Ѳедоръ Михайловичъ съ вечера, проведеннаго у васъ: *это было его послѣднее удовольствіе*".

„Дама эта была его жена, А. Г. Достоевская.

„Я потомъ часто спрашивала себя: удалось ли бы Достоевскому повліять на Л. Толстого?—Думаю, едва ли"..........

Въ разсказахъ и воспоминаніяхъ гр. А. А. Толстой, изложенныхъ въ эпизодической, отрывочной формѣ, на французскомъ языкѣ,—о жизни русскаго двора и нѣкоторыхъ событіяхъ, происходившихъ на ея глазахъ за время съ 1846 по 1900 годъ,—читатели узнаютъ впослѣдствіи, когда этимъ разсказамъ суждено будетъ появиться въ печати, чрезвычайно много интереснаго.

Между прочимъ, тамъ имѣются полныя глубокаго интереса страницы о гр. А. К. Толстомъ—этомъ даровитѣйшемъ поэтѣ и драматургѣ, оставившемъ послѣ себя, къ сожалѣнію, такъ немного написаннаго. Въ воспоминаніяхъ графини приводятся, въ русскомъ текстѣ, стихотворенія-сатиры Толстого, относящіяся къ нѣкоторымъ сановнымъ лицамъ царствованія Александра II—преимущественно нѣмецкаго происхожденія. Тамъ же подробно разсказываются и обстоятельства, вслѣдствіе коихъ произошло „отчужденіе" отъ двора графа А. Толстого, состоявшаго въ должности егермейстера,—послѣ чего онъ сталъ пріѣзжать въ Петербургъ все рѣже и рѣже. Здѣсь мы позволимъ себѣ привести лишь очень короткій разсказъ гр. Александры Андреевны, относящійся именно къ неудовольствію, которое навлекъ на себя А. Толстой со стороны императора Александра II. Разсказъ этотъ былъ недавно приведенъ нами въ одной изъ большихъ петербургскихъ газетъ,—въ виду толковъ, возникшихъ въ печати, о подложномъ письмѣ въ дѣлѣ Чернышевскаго.

„Графъ Алексѣй Константиновичъ Толстой былъ товарищемъ дѣтства и отрочества государя Александра Николаевича. Хотя онъ бо̀льшую часть времени посвящалъ литературѣ, живя въ своемъ имѣніи Красный-Рогъ, тѣмъ не менѣе продолжалъ пользоваться особенною пріязнью государя и, когда пріѣзжалъ въ Петербургъ, останавливался въ Зимнемъ дворцѣ; если же пріѣзжалъ по зимамъ, а въ это время случалась царская охота, то принималъ въ ней участіе. И вотъ что̀ случилось во время государевой охоты, въ зиму 1864—65 гг., въ новгородской губерніи. Въ оступѣ былъ обойденъ медвѣдь; егермейстеръ, распорядитель охоты, разставилъ полукругомъ всѣхъ охотниковъ, и Толстому, какъ близкому человѣку къ государю и рѣдкому петербургскому гостю, довелось стоять съ нимъ рядомъ. Въ ожиданіи, пока всѣ займутъ свои мѣста, а собаки и загонщики поднимутъ звѣря, государь подозвалъ Толстого и сталъ съ нимъ разговаривать—въ полголоса, какъ и слѣдуетъ быть на охотѣ, и безъ постороннихъ свидѣтелей. И вотъ тутъ-то литераторъ А. К. Толстой, близко освѣдомленный о деталяхъ процесса несчастнаго Чернышевскаго, рѣшился замолвить государю слово за осужденнаго, котораго онъ отчасти зналъ лично.

„На вопросъ государя, что̀ дѣлается въ литературѣ, и не написалъ ли онъ, Толстой, что-либо новое, А. К. отвѣтилъ, что „русская литература надѣла трауръ—по поводу несправедливаго осужденія Чернышевскаго"...

„Но государь не далъ Толстому даже и окончить его фразы:

„Прошу тебя, Толстой, *никогда* не напоминать мнѣ о Чернышевскомъ",—проговорилъ онъ недовольнымъ и непривычно строгимъ голосомъ,—и, затѣмъ, отвернувшись въ сторону, далъ понять, что бесѣда ихъ кончена".

Въ своихъ воспоминаніяхъ о графинѣ А. А. Толстой мы желали нарисовать, въ возможной для насъ мѣрѣ, ея свѣтлый, обаятельный образъ, оставившій въ русской жизни и литературѣ такіе прекрасные и неизгладимые слѣды. Вся ея чистая, благородная жизнь была исполнена великихъ трудовъ и добрыхъ дѣлъ. Трудолюбіе ея было, по истинѣ, изумительно. Мы видѣли, что она, напримѣръ, посвятила около двухъ недѣль на переписку писемъ Л. Н. Толстого къ ней,—чтобы только избавить покойнаго Достоевскаго отъ труда разбирать неудобочитаемый почеркъ автора этихъ писемъ. Еще болѣе поразительный примѣръ ея трудолюбія представила она весною 1901 года, на моихъ глазахъ. Въ это время я былъ занятъ печатаніемъ своей книги: „Зимній походъ въ Хиву графа Перовскаго въ 1839 году", и графиня А. А., предложивъ мнѣ для книги находящіяся у нея письма Перовскаго на французскомъ языкѣ, писанныя имъ съ похода, взяла на себя при этомъ трудъ перевести эти письма на русскій языкъ,—а ихъ было болѣе сорокà! Слѣдуетъ вспомнить, что графинѣ было въ это время уже 84 года.

Въ одномъ изъ своихъ старыхъ писемъ къ графинѣ А. А., приведенномъ въ нашей прошлогодней статьѣ, посвященной памяти покойной, гр. Л. Н. Толстой, между прочимъ, писалъ ей: „Вашъ крестъ—дворъ, мой—работа мысли"... Этотъ „крестъ", дававшій, впрочемъ, ей широкую возможность творить добро, Александра Андреевна несла 58 лѣтъ, т.-е. съ 1846 года, когда была назначена фрейлиной ко двору. Здѣсь будетъ вполнѣ кстати упомянуть, кàкъ провела графиня, въ 1896 году, день своего пятидесятилѣтняго служебнаго юбилея. О днѣ этомъ всѣ, повидимому, забыли, и А. А. очень боялась, чтобы объ этомъ днѣ какъ-нибудь не вспомнили.

— Измучаютъ меня посѣтители и поздравленія, станутъ подносить подарки... А на чтò мнѣ они, когда ихъ и такъ у меня набралось слишкомъ много!—говорила она интимно своей ближайшей родственницѣ, А. Н. Каменской.

И день этотъ насталъ и проходилъ какъ обыкновенный, будничный. Графиня радовалась и была спокойна. За обѣдомъ, А. Н. поздравила ее,—и онѣ торжествовали, что имъ удалось

скрыть отъ всѣхъ этотъ „безпокойный день"... Однако, къ концу обѣда, неожиданно явился посланецъ изъ Кобурга, отъ великой княгини Маріи Александровны—съ орденомъ, которымъ великая княгиня пожелала почтить въ этотъ день свою воспитательницу. А въ Петербургѣ такъ никто и не зналъ объ этомъ днѣ.

Всѣ общественныя явленія въ русской жизни, событія, новыя книги и пьесы—все интересовало и занимало графиню А. А. Напримѣръ, каждая выходящая книга сочиненія Н. П. Барсукова: „Жизнь и труды Погодина" прочитывалась ею тотчасъ же. Если какая-нибудь книга, за границей, обращала на себя вниманіе критики,—графиня тотчасъ же ее выписывала и читала. „Книги—это мои лучшіе друзья",—говорила она. Библіотека ея заключала въ себѣ замѣчательное собраніе сочиненій на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ и итальянскомъ языкахъ, и она очень охотно разрѣшала пользоваться ея книгами,—любезно прибавляя: „Можете держать эти книги *въ плѣну* сколько угодно". Но она не въ силахъ была постигнуть нѣкоторыя позднѣйшія явленія русской жизни:

— Что̀ такое хулиганы?—спросила она меня однажды.

Я пытался объяснить ей это, какъ умѣлъ; но она никакъ не хотѣла примириться съ самымъ ихъ существованіемъ въ Петербургѣ.

— Я еще понимаю,—говорила она, улыбаясь,—появленіе босяческихъ произведеній въ нашей литературѣ и на сценѣ: это—дурное явленіе времени,—не болѣе; оно пройдетъ, какъ только къ большинству публики вернутся порядочность и совѣстливость, всегда мѣшающія читать и видѣть непристойное. Но чтобы въ столицѣ, гдѣ имѣется полтора милліона мирныхъ жителей,—и вдругъ, въ такомъ городѣ, появляются на улицахъ банды какихъ-то хулигановъ,—этого я никакъ понять не могу!...

Всегда она была чѣмъ-нибудь занята, никогда не сидѣла, какъ говорится, сложа руки: несмотря даже на болѣзнь глазъ, она акуратно поддерживала обширную переписку, отвѣчая, буквально, на каждое получаемое письмо. Половина писемъ была отъ бѣдныхъ людей—о пособіяхъ; она имъ отвѣчала, назначая время придти къ ней; она всегда избѣгала почему-то *посылать* пособія, не принадлежа къ числу тѣхъ великосвѣтскихъ дамъ, о которыхъ говорятъ: „извѣстная благотворительница"; но тѣмъ не менѣе, ее знала многая петербургская бѣднота—изъ такъ-называемыхъ „нуждающихся", и преимущественно женщинъ. Въ дверяхъ ея обширной гостиной-столовой, гдѣ она въ излюбленномъ ею уголкѣ проводила, обыкновенно, бо̀льшую часть своего дня,

появлялся служившій ей придворный лакей Іоганнсонъ и называлъ фамилію посѣтительницы; графиня говорила обычное „проси“, уходила въ спальню и тотчасъ же возвращалась оттуда на встрѣчу прибывшей. Только иногда, по шелесту новенькихъ ассигнацій въ ея рукѣ, можно было догадываться—зачѣмъ она уходила и такъ быстро возвращалась. Она уводила просительницу въ свой кабинетъ, находившійся рядомъ, сажала ее, о чемъ-то вполголоса разспрашивала, иногда—было слышно—цѣловала, и та вскорѣ уходила съ сіяющимъ лицомъ, видимо довольная и радостная. Чаще всего къ ней обращались вдовы и дѣвушки духовнаго званія или не получающія *никакихъ* пенсій, или же получающія ихъ въ очень микроскопическихъ размѣрахъ. Между ними встрѣчались, иногда, и старыя знакомыя графини—вдовы, дочери и внучки священниковъ и псаломщиковъ, служившихъ при посольскихъ церквахъ за границей. Графиня говорила, иногда, среди близкихъ лицъ, ее окружающихъ, когда заходила рѣчь на эту тему:—„Помогать надо умѣючи“. И это свое „правило“ она деликатно примѣняла къ дѣлу.

Первыя дѣла благотворительности покойной графини относятся, какъ мнѣ довелось узнать уже послѣ ея смерти, къ очень давнему времени. Еще въ концѣ шестидесятыхъ годовъ она основала и устроила, на свои личныя средства, пріютъ для дѣтей въ Лѣсномъ; затѣмъ, приняла основанный великою княгинею Маріей Николаевною пріютъ для падшихъ женщинъ. Это послѣднее дѣло, однако, велось непродолжительно: графиня заболѣла и должна была, по совѣту врачей, отправиться за границу, на воды; уѣзжая, она поручила веденіе дѣла посторонним лицамъ, не обладающимъ, какъ оказалось, ни любовью къ этому доброму дѣлу, ни умѣньемъ вести его, — и дѣло разстроилось. Болѣе плодотворнымъ оказалось ея другое доброе дѣло — отдача крестьянамъ во владимірской губерніи, ея бывшимъ крѣпостнымъ, въ собственность, всей земли, остававшейся во владѣніи графини за надѣломъ. Денегъ у нихъ на покупку не было, и А. А. согласилась получать съ нихъ, вмѣсто выкупа, лишь стоимость аренды, двѣ тысячи рублей въ годъ—ту сумму, за которую, ранѣе, сдавалась земля,—и эти взносы должны были служить, въ то же время, и погашеніемъ долга. Крестьяне, однако, никогда не вносили графинѣ и половины этихъ двухъ тысячъ: ежегодно, являлись къ ней въ Петербургъ „ходоки“, вносили ей 800—900 рублей, а остальные просили „пожертвовать“—или на устройство школы, или на больницу, или прямо просили сложить взносъ по случаю пожара, или неурожая,—и

графиня не въ силахъ была отказывать имъ. Почти всѣ свои образа покойная А. А. завѣщала также въ церковь села, куда принадлежали эти крестьяне, бывшаго родового имѣнія ея отца, графа Толстого. Такимъ образомъ, ея недвижимое имущество и не перешло въ родъ бывшаго министра, графа Д. А. Толстого, ея прямого наслѣдника. Интересно при этомъ еще слѣдующее обстоятельство. Такъ какъ три-четверти всѣхъ вообще денегъ, получаемыхъ графинею, уходило у нея на дѣла благотворенія, которыми, главнымъ образомъ, она и занималась, то, отдавая крестьянамъ свою землю и не желая, въ то же время, уменьшать свой благотворительный фондъ, А. А. назначила имъ последній взносъ въ 1906 году и не дожила до него всего двухъ лѣтъ.

Послѣ ея смерти, не только дальніе ея родственники (близкихъ она уже не имѣла къ концу своей жизни), но и близкіе знакомые и крестницы [1]) получили отъ нея что-либо „на память". Какъ милостиво и добродушно относилась графиня А. А. къ своей прислугѣ, прекрасною иллюстрацiей можетъ служить слѣдующій характерный фактъ. Однажды, по возвращеніи своемъ изъ-за границы, она замѣтила, что многія цѣнныя вещицы съ ея этажерокъ и столовъ въ гостиной и кабинетѣ исчезли. Стали разспрашивать остававшуюся во дворцѣ, въ ея квартирѣ, прислугу,— и оказалось, что всѣ эти вещи похитилъ и размоталъ оставшійся тамъ лакей. Болѣе всего огорчила графиню пропажа альбомовъ съ фотографическими карточками ея родныхъ, знакомыхъ и многихъ высокопоставленныхъ лицъ съ ихъ подписями (Наполеона III, Бисмарка и др.). Призвавъ виновнаго, она стала просить его, съ глазу-на-глазъ, открыть ей—гдѣ находятся эти альбомы? Узнавъ, что они заложены, графиня послала ихъ выкупить, а отъ двор-

[1]) Графиня А. А. не любила, вообще, крестить: „Великія нравственныя обязанности приходится нести, если умретъ мать", — говорила она. Но разъ въ своей жизни она не только напросилась въ крестныя матери, но и сама распоряжалась всѣмъ ритуаломъ крестинъ. Это случилось около двадцати лѣтъ тому назадъ. Ей сообщили, что нѣкій отецъ новорожденнаго ребенка не желаетъ, чтобы онъ былъ окрещенъ. Письмо было подано ей въ 4 часа дня; а въ 7 часовъ вечера, въ тотъ же день, съ курьерскимъ поѣздомъ, графиня А. А. мчалась уже по Николаевской желѣзной дорогѣ. На другой день, на одной изъ желѣзнодорожныхъ станцій далеко за Москвою, она вышла изъ поѣзда и взяла почтовыхъ лошадей въ усадьбу — „туда и обратно". По пріѣздѣ, она живо распорядилась послать за священникомъ и крестнымъ отцомъ. Затѣмъ, когда на вопросъ—какое имя дать при крещеніи,—родители отвѣтили молчаніемъ, графиня приказала назвать новорожденную *своимъ* именемъ—Александрой. По совершеніи обряда, немного отдохнувъ и любезно со всѣми простившись, покойная А. А., какъ ни въ чемъ не бывало, сѣла въ почтовую кибитку и уѣхала обратно, на желѣзнодорожную станцію.

цовой полиціи настоятельно потребовала, чтобы виновный былъ освобожденъ отъ судебнаго преслѣдованія, — что̀ и было исполнено.

— Я вѣдь простая! — говорила графиня о себѣ. Слово „добрая“ она находила для себя преувеличеннымъ.

За время своей послѣдней, смертельной болѣзни, графиня пользовалась очень теплымъ и участливымъ вниманіемъ со стороны членовъ императорской фамиліи, находившихся въ Петербургѣ. Принцесса Евгенія Максимиліановна Ольденбургская, относившаяся къ покойной всегда съ особенною пріязнью, предлагала прислать къ ней лучшихъ врачей столицы; но графиня не согласилась на это. Своему врачу она говорила,—полушутя, полусерьезно:

— Вы ошибаетесь, думая меня спасти; а я, вотъ, *навѣрное* знаю, что скоро умру... Поэтому вы меня оставьте въ покоѣ: я хочу умереть безъ вашихъ порошковъ.

— А кто̀ былъ правъ?—спросила графиня этого врача, иронически взглянувъ на него, когда онъ явился къ ней 30-го марта, за нѣсколько часовъ до ея кончины...

Это былъ, дѣйствительно, послѣдній визитъ врача.

Весьма много лицъ изъ высшей аристократіи и высокопоставленныхъ особъ, посѣтили ее за время болѣзни. Незадолго до ея смерти, ее посѣтилъ и К. П. Побѣдоносцевъ. Графиня долго бесѣдовала съ нимъ, уже не будучи въ силахъ встать съ кровати. К. П. вышелъ изъ ея спальни съ лицомъ разстроеннымъ и огорченнымъ и, обращаясь къ близкимъ ей лицамъ, находившимся въ сосѣдней комнатѣ, тихо проговорилъ:

— Les anciens s'en vont!..

30-го марта, чувствуя приближеніе смерти, графиня причастилась святыхъ тайнъ. Въ тотъ же день, передъ вечеромъ, она пожелала со всѣми проститься, — и для всѣхъ, при этомъ послѣднемъ разставаніи, у нея находилась и ласка, и теплое, ободряющее слово, и всѣхъ она просила „не сердиться“ на нее (послѣ ея смерти). Когда прощаніе было закончено, она потребовала, „*чтобы жизнь въ домѣ шла своимъ чередомъ*“, — чтобы въ столовую былъ поданъ въ свое время самоваръ и всѣ бы сѣли, какъ всегда, за чайный столъ. Для того же, чтобы видѣть всѣхъ, кто въ это время былъ у нея, она приказала отворить настежъ обѣ половины дверей, ведущихъ изъ спальни въ столовую, а кровать свою попросила выдвинуть изъ-за ширмъ и поставить въ самыхъ дверяхъ—такъ, чтобы лицо ея было обращено ко всѣмъ сидящимъ за столомъ: она хотѣла всѣхъ видѣть. Въ это

время пріѣхала очень любимая ею крестница Е. А. Мосальская-Сурина, ничего не знавшая о наступающемъ концѣ; она ѣхала куда-то въ гости и, по дорогѣ, заѣхала навѣстить больную; одѣта Е. А. была въ свѣтлые цвѣта̀. Узнавъ, что часы графини уже сочтены, она пожелала проститься съ нею; но ей отвѣтили, что это можетъ теперь сильно обезпокоить графиню, такъ какъ печальный обрядъ прощанія съ близкими людьми былъ уже законченъ. Но графиня, лежавшая довольно далеко отъ чайнаго стола, подозвала, во время этихъ самыхъ переговоровъ, одну находившуюся тутъ же свою племянницу и спросила:

— Кто же это тамъ еще сидитъ за столомъ, въ бѣлой кофточкѣ?

Ей отвѣтили, — и она поспѣшила сказать: — Ахъ, какъ я рада, что она пріѣхала! Пожалуйста, позовите ее ко мнѣ, — я хочу съ нею, тоже, проститься.

Всѣ были удивлены, — какимъ образомъ умирающая, будучи за послѣдніе дни почти слѣпою, могла увидѣть издалека̀ „бѣлую кофточку" своей крестницы... Графиня простилась съ Е. А. особенно сердечно.

Настала ночь — и наступили послѣдніе часы... Никто изъ находившихся при ней близкихъ лицъ не ложился и не раздѣвался. Но, чтобы остаться на ночь при умирающей, т.-е., чтобы ночевать въ стѣнахъ Зимняго дворца, потребовалось испросить разрѣшеніе дворцоваго коменданта, которое, конечно, было тотчасъ же дано. При графинѣ Александрѣ Андреевнѣ оставались въ это время: ея родственницы А. Н. Каменская и А. Г. Зеньковичъ; затѣмъ, графиня В. Б. Перовская, графиня А. Е. Комаровская, княжна М. М. Дондукова-Корсакова и другія. Графиня Александра Андреевна сильно мучилась, и ея страданія усугублялись еще тѣмъ, что она была въ полномъ сознаніи и памяти.

— Боже! вѣдь можно съ ума сойти отъ мукъ! — не разъ повторяла она во время страшныхъ приступовъ болей въ груди, затруднявшихъ ея дыханіе. Въ четыре часа ночи физическія боли совершенно стихли, и она впала въ забытье: закрыла глаза и стала дышать ровно и спокойно. Черезъ два часа тихо, безъ всякихъ мукъ, скончалась — „словно заснула", по выраженію одного беззавѣтно преданнаго ей лица — изъ присутствовавшихъ.

Въ придворной Конюшенной церкви, 2-го апрѣля, происходило отпѣваніе графини Александры Андреевны. И на этотъ разъ, какъ и за время болѣзни, не оправдалась ея шутливая фраза, которую она часто говорила о себѣ: — „Кому я, старая

мышь, нужна?!..“ Церковь была переполнена молящимися—за упокой ея чистой и доброй души. Кромѣ многихъ особъ императорской фамиліи, здѣсь были также многіе чины двора и лица высшей аристократіи. Но еще болѣе было здѣсь совсѣмъ иной публики—бѣдно, но чисто одѣтой, въ черные же цвѣта. Эти люди знали и чувствовали ближе всѣхъ—кого они хоронили, кого теряли и кого горько оплакивали...

При похоронахъ, не въ волѣ близкихъ къ графинѣ лицъ было исполнить нѣкоторыя ея желанія — чтобы положить ее въ простой дубовый гробъ, чтобы не было вѣнковъ, и, вообще, совершить похороны самыя простыя, безъ помпы и пышности.

Зачѣмъ ей были вѣнки и прочая роскошь?!

Прахъ графини А. А. Толстой покоится въ Троице-Сергіевской пустыни. Памятникъ на ея могилѣ Государь и Императрица приказали поставить отъ себя, на свой счетъ. Впрочемъ, графиня и сама оставила по себѣ памятникъ въ видѣ своихъ въ высшей степени интересныхъ „Записокъ“ на русскомъ языкѣ и эпизодическихъ воспоминаній—на французскомъ [1]).

Желательно только, чтобы это „наслѣдіе“ увидѣло поскорѣе свѣтъ Божій. Намъ всегда приходилось, да и теперь еще приходится — знакомиться съ нашею же исторіей по ея подлинникамъ спустя лѣтъ пятьдесятъ, а иногда и больше. Такъ, напримѣръ, записки графини Головиной о жизни русскаго двора въ первой четверти минувшаго столѣтія появились въ печати въ Россіи (да и то въ переводѣ съ *французскаго* текста) лишь девяносто лѣтъ спустя, по минованіи тѣхъ событій, которыя были тамъ описаны. Между тѣмъ, эти же самыя записки были извѣстны за границей давнымъ-давно. Такое тщательное сохраненіе тайнъ, извѣстныхъ очень многимъ, порождаетъ обыкновенно легенды, изукрашенныя вымыслами,—и эти легенды являются лишь естественнымъ результатомъ сокрытія подъ спудомъ того, что̀ хорошо извѣстно иностранной публикѣ, но не нашей.

---

[1]) Кстати можемъ упомянуть, что послѣ графини А. А. Толстой остались еще: повѣсть „Поля“—исторія одной погубленной дѣвушки, которой виновникъ ея гибели передаетъ все свое состояніе, а самъ уходитъ въ монастырь,—чтобы не мѣшать ея счастью; она встрѣтила любящаго ее человѣка, примирившагося съ ея прошлымъ. Повѣсть эта будетъ напечатана въ нашемъ журналѣ. Затѣмъ, какъ мы слышали отъ автора настоящей статьи,—въ бумагахъ покойной Александры Андреевны найдены двѣ записки о воспитаніи, весьма серьезнаго и интереснаго содержанія; онѣ находятся, въ настоящее время, въ распоряженіи ближайшей родственницы графини — А. Н. Каменской. *Ред.*

Все сказанное нами о графинѣ А. А. Толстой далеко, конечно, не полно: мы не такъ близко знали покойную, чтобы изобразить ее, какъ говорится, во весь ростъ. Это только немногія черты изъ жизни этой замѣчательной русской женщины минувшаго вѣка, такъ высоко стоявшей и съумѣвшей сохранить на этой высотѣ всѣ лучшія духовныя стороны человѣка: выдающійся умъ, разностороннее образованіе и солидную эрудицію,— все это у нея соединялось съ неизмѣнною привѣтливостью, безконечною добротою сердца и чуткой отзывчивостью на всѣ скорби родины. Надо было видѣть ее въ послѣдніе два мѣсяца ея жизни—февраль и мартъ 1904 года,—какъ она тогда страдала и какъ огорчалась нашими начавшимися военными неудачами и растерянностью!...

Болѣе ясное и полное представленіе о покойной могутъ дать, конечно, однѣ лишь вышеупомянутыя ея „Записки". И только тогда ея личность опредѣлится à grands traits. Сказанное же у насъ, собственно, можетъ служить къ тѣмъ ея „Запискамъ" только нѣкоторымъ введеніемъ, или, скорѣе, *предисловіемъ* къ нимъ, когда наступитъ время появленія ихъ въ печати. За годъ до своей кончины, какъ мы упоминали выше, графиня передала эти записки въ академію наукъ, для изданія ихъ,—съ тѣмъ, чтобы прибыль, вырученная потомъ отъ ихъ продажи, поступила на дѣла благотворенія, согласно ея волѣ и указаніямъ.

На этомъ мы и закончимъ нашъ очеркъ изъ жизни графини Александры Андреевны Толстой,—и да послужитъ этотъ очеркъ нѣкоторымъ возобновленіемъ, въ день первой годовщины ея смерти, памяти о ней.

Ив. Захарьинъ (Якунинъ).

23-го февраля, 1905 г.

ЖЕНЩИНА СЪ ВѢЕРОМЪ

РОМАНЪ.

— *Robert Hitchens.* The Woman with the fan. London, 1904.

VII [1]).

Лордъ Гольмъ рѣдко ходилъ на вечера, и никогда не бывалъ на художественныхъ выставкахъ, считая такое времяпрепровожденіе „адской скукой". Искусство мало интересовало его, и онъ предпочиталъ ему физическія упражненія: состязанія боксеровъ, представленія акробатовъ, силачей, поднимающихъ тяжести, и т. д. Онъ жалѣлъ, что въ Англіи запрещены пѣтушиные бои и медвѣжьи травли, и дважды совершилъ путешествіе изъ Лондона въ Южную Америку, чтобы присутствовать на подобнаго рода состязаніяхъ.

Рѣдко появляясь въ свѣтскихъ гостиныхъ, лордъ Гольмъ ни разу не встрѣчалъ миссъ Шлей, и до него не дошли слухи объ ея сходствѣ съ его женой. Ему говорили о ней въ клубѣ, какъ о „чертовски красивой дѣвушкѣ", но это не заинтересовало его: „чертовски красивыхъ дѣвушекъ", и въ его жизни, и въ жизни его товарищей, было и такъ изрядное количество. Лэди Гольмъ ни разу не упоминала ему объ американкѣ. Она умѣла умалчивать о томъ, о чемъ не слѣдовало говорить, и дѣлала это иногда совершенно безотчетно, изъ чувства самосохраненія.

Лордъ Гольмъ никогда не показывался на средахъ своей

---

[1]) См. выше: мартъ, стр. 190.

жены, да и вообще ея пріемы по средамъ были чѣмъ-то весьма неопредѣленнымъ. Она говорила знакомымъ, что ее можно застать дома въ среду днемъ, и сама думала, что бываетъ дома по средамъ, но это было заблужденіемъ съ ея стороны — особенно въ разгаръ сезона. Тогда у нея были тысячи обязательствъ, и она часто сама путала дни недѣли. Такъ она совершенно забыла про среду, слѣдовавшую за ея приглашеніемъ миссъ Шлей. Американка подъѣхала къ дому на Кадоганъ-Скверѣ, и ей сказали, что лэди Гольмъ не принимаетъ; она оставила карточку и уѣхала съ непроницаемо-холоднымъ выраженіемъ блѣднаго лица.

Въ этотъ день лордъ Гольмъ случайно пришелъ домой раньше, чѣмъ его жена, и сталъ небрежно разсматривать карточки, оставленныя за день. Его поразило имя Пимпернель, и, прочтя еще разъ со смѣхомъ карточку, онъ вспомнилъ клубные разговоры о красотѣ миссъ Шлей. Когда въ гостиную вышла лэди Гольмъ, онъ подошелъ къ ней съ карточкой миссъ Шлей въ рукахъ.

— Ты мнѣ не говорила, что знакома съ ней,—сказалъ онъ.

Лэди Гольмъ взглянула на карточку, а потомъ на мужа.

— А развѣ ты знаешь миссъ Шлей?—спросила она.

— Нѣтъ, но мнѣ говорили, что она чертовски интересна. Только ужъ очень смѣшное у нея имя... Пимпернель!

Онъ сѣлъ въ кресло и дважды со смѣхомъ повторилъ имя американки, сгибая и вытягивая ноги; это движеніе слегка раздражало лэди Гольмъ. Она опять взглянула на карточку.

— Неужели сегодня среда?—спросила она.

— Конечно... А по твоему какой день?

— Понедѣльникъ, вторникъ — сама не знаю, но только не среда.

— Гдѣ ты познакомилась съ нею?

— Съ миссъ Шлей? На лёнчѣ у Амаліи Вольфштейнъ, въ „Карльтонъ-отелѣ“.

— Она красива?

— Да,—отвѣтила лэди Гольмъ безъ малѣйшаго колебанія.

— Блондинка или брюнетка?

— Очень свѣтлая блондинка,—болѣе свѣтлая, чѣмъ я.

— И такъ красива, какъ ты?

— Ты самъ сможешь объ этомъ судить. Я устрою раутъ— днемъ или вечеромъ, это я еще не рѣшила—и приглашу ее.

Лэди Гольмъ сказала это съ нѣкоторымъ колебаніемъ, точно ей не хотѣлось вводить къ себѣ въ домъ миссъ Шлей. Лордъ Гольмъ не замѣтилъ ея колебанія и только сказалъ:

— Отлично. Интересно мнѣ взглянуть на... Пимпернель.

Имя миссъ Шлей, очевидно, произвело на него сильное впечатлѣніе; онъ еще нѣсколько разъ произнесъ его съ громкимъ смѣхомъ, прежде чѣмъ вышелъ изъ комнаты.

Лэди Гольмъ, дѣйствительно, рѣшила какъ можно скорѣе устроить вечеръ, на которомъ должна была присутствовать и миссъ Шлей. Прошло, однако, нѣсколько времени, прежде чѣмъ ей удалось назначить день пріема. Она, конечно, завезла карточку въ „Карльтонъ-отель", и на этомъ пока успокоилась. Но миссъ Шлей была не такъ легкомысленна, какъ женщина, на которую она походила. Она стала снова практиковаться въ искусствѣ, которое прославило ее въ Филадельфіи въ началѣ ея артистической карьеры. Тамъ она на каждомъ представленіи изображала какихъ-нибудь извѣстныхъ во всей Америкѣ лицъ, и старалась также каждый разъ походить и внѣшностью на тѣхъ, кого представляла. Теперь она сосредоточила этотъ талантъ на подражаніи лэди Гольмъ, но употребляла болѣе тонкіе пріемы, чѣмъ для сцены. Цѣль ея достигалась вполнѣ. Она слегка измѣнила прическу, меньше взбивала волосы по бокамъ и зачесывала ихъ нѣсколько выше впереди. Это увеличило ея внѣшнее сходство съ лэди Гольмъ. Затѣмъ, она случайно узнала адресъ портнихи, у которой лэди Гольмъ заказывала большинство своихъ туалетовъ, и сдѣлала ей заказъ, выполненный съ изумительной быстротой. Но все это было только фундаментомъ для созданнаго ею плана изысканной мести. Планъ этотъ заключался въ поразительно искусной и тонкой имитаціи характерныхъ особенностей лэди Гольмъ. Чуждая аффектаціи, лэди Гольмъ, однако, какъ всѣ свѣтскія женщины, привыкшія обращать на себя вниманіе, имѣла свою особую манеру говорить, двигаться, смотрѣть, смѣяться. Съ годами эти особенности становились болѣе опредѣленными и уже болѣе сознательными, чѣмъ въ ранней молодости, когда онѣ складывались непосредственно. Устремленный вдаль взоръ появлялся нѣсколько чаще и длился нѣсколько дольше, чѣмъ въ дни ея дѣвичества. Она чаще улыбалась съ невиннымъ лукавствомъ, чѣмъ въ первой юности. Эта легкая дѣланность манеръ не всѣмъ бросалась въ глаза, но она несомнѣнно существовала, и это облегчало задачу для миссъ Шлей. Она зорко слѣдила за лэди Гольмъ, хотя большею частью сидѣла опустивъ глаза. Въ обществѣ начинали втихомолку улыбаться, глядя на ея первые удачные опыты. Только немногіе, въ томъ числѣ м-ссъ Вольфштейнъ, точно знали, въ чемъ заключалась цѣль миссъ Шлей; другихъ же просто заба-

вляло пикатное зрѣлище. Двое людей только были истинно возмущены — Робинъ Пирсъ и Рупертъ Кэри. Робинъ, съ чисто женственнымъ чутьемъ понимавшій все, что происходило, внутренно кипятился, но не высказывалъ этого; Рупертъ Кэри, который становился особенно проницательнымъ, когда затронуто было его сердце, открыто выражалъ свою антипатію къ миссъ Шлей; онъ при всякомъ случаѣ предсказывалъ ей полный неуспѣхъ, какъ актрисы.

— Она уже имѣетъ успѣхъ, какъ женщина,—отвѣтилъ ему кто-то.

— Не у публики, а только у свѣтскихъ дураковъ,—возразилъ Кэри.

— Но свѣтскіе дураки пріобрѣтаютъ съ каждымъ днемъ все больше и больше вліянія на публику.

Кэри ничего отвѣтилъ. Онъ былъ въ этотъ день особенно раздраженъ. Уйдя изъ клуба, гдѣ происходилъ разговоръ, и думая о томъ, какъ бы хоть на короткое время развлечься и успокоить нервы, онъ вспомнилъ о приглашеніи сэра Дональда Ульфорда, и рѣшилъ зайти къ нему. Вѣроятно, его не будетъ дома, но Кэри рѣшилъ, все-таки, навѣдаться.

Къ искреннему удовольствію Кэри, слуга сказалъ, что сэръ Дональдъ дома. Можно будетъ, слѣдовательно, провести часъ не скучая. Кэри прошелъ вслѣдъ за лакеемъ черезъ темный вестибюль въ восточномъ вкусѣ и вошелъ въ кабинетъ. Сэръ Дональдъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ и медленно писалъ что-то на большомъ листѣ бумаги. Онъ поднялся съ нѣсколько разсѣяннымъ видомъ и протянулъ руку Кэри.

— Здравствуйте. Я радъ, что вы исполнили обѣщаніе и пришли.

— Вы, кажется, писали стихи?—сказалъ Кэри.

Сэръ Дональдъ утвердительно кивнулъ головой.

— Въ такомъ случаѣ, я не буду мѣшать.

— Нѣтъ, нѣтъ, не уходите. Моя работа не спѣшная. Я пишу теперь только для себя, а не для печати. Кому нужны мои лирическія изліянія? Садитесь, пожалуйста.

Кэри сѣлъ въ кресло и оглянулъ комнату. Она была уставлена книгами въ шкапахъ и на полкахъ и восточнымъ фарфоромъ. На полу лежалъ мягкій персидскій коверъ въ нѣжныхъ, блѣдныхъ тонахъ.

— Здѣсь хорошо размышлять и грустить, — сказалъ Кэри, закуривая сигару, которую ему предложилъ сэръ Дональдъ.— Вы здѣсь какъ бы нарочно уничтожаете всякое напоминаніе о Лондонѣ,—продолжалъ онъ.

— Да, но, все-таки, я продолжаю жить въ Лондонѣ.

— И ненавидите его? Я васъ отлично понимаю. Лондонъ губителенъ для души, — но уѣхать изъ него нѣтъ силъ. Я это чувствую по себѣ.

— Здѣсь много интересныхъ людей, — много интересныхъ лицъ.

— И вы рѣшились прожить до конца дней въ лондонскомъ туманѣ?

— Нѣтъ. Какъ разъ сегодня я пріобрѣлъ Campo Santo съ аллеями кипарисовъ и хочу перенести туда тотъ остатокъ поэзіи, который еще живъ у меня въ душѣ.

Онъ сказалъ это съ какой-то затаенной страстностью. Кэри пристально взглянулъ на него.

— Campo Santo—пріютъ для мертвыхъ?

— Почему не для умирающихъ? Имъ тоже нужна святая земля.

— А гдѣ это ваша святая земля?

Сэръ Дональдъ всталъ, подошелъ къ конторкѣ у стѣны, вынулъ оттуда большую фотографію, навернутую на деревянный валикъ, и передалъ ее Кэри.

— Вотъ она,—сказалъ онъ.

Кэри разложилъ фотографію у себя на колѣняхъ.

— Простите, сэръ Дональдъ,—сказалъ онъ.—Могу я у васъ попросить стаканъ виски съ содовой водой?

— Конечно. Простите, что я самъ не предложилъ.

Онъ поспѣшно позвонилъ и отдалъ приказаніе слугѣ. Тѣмъ временемъ Кэри разсматривалъ фотографію.

— Это, очевидно, Италія?—сказалъ онъ.

— Да, и очень банальная часть Италіи.

— Лаго-Маджіоре?

— Нѣтъ, Комо. Я сегодня заключилъ контрактъ.

Фотографія изображала большой, длинный домъ, или вѣрнѣе два дома, раздѣленныхъ дворикомъ изъ стройныхъ колоннъ. На переднемъ планѣ была вода. Сквозь арки дворика тоже виднѣлась вода,—водопадъ въ темной расщелинѣ утесовъ, гдѣ росли кипарисы. Вправо отъ дома, какъ бы поднимаясь изъ озера, стояла высокая стѣна, поросшая вьющимися растеніями и стелющимися розами. Надъ стѣной тоже виднѣлись кипарисы, а у подножья стѣны, подлѣ самаго дома, спускалась къ озеру лѣстница съ полуразрушенными ступенями. Надпись внизу фотографіи гласила: Casa Felice.

— Casa Felice, гм! — сказалъ Кэри, разглядывая фотогра-

фію. — Что-жъ, можно быть несчастнымъ подъ лучами солнца и веселымъ среди кипарисовъ. — Этотъ домъ вамъ принадлежитъ?

— Да, съ сегодняшняго дня.

— Онъ, конечно, старый?

— Да. Въ немъ жила много лѣтъ тому назадъ влюбленная чета, уединившаяся тамъ отъ свѣта, гдѣ оба играли блестящую роль, и гдѣ онъ оставилъ жену, а она — мужа.

— Для того, чтобы ссориться и терзаться въ своемъ поэтическомъ убѣжищѣ. Сколько мѣсяцевъ они тамъ прожили?

— Восемь лѣтъ. И говорятъ, что хозяйка виллы не выходила никогда за ограду сада; только въ лунныя ночи она погружалась въ серебристую воду озера и подолгу плавала вмѣстѣ со своимъ возлюбленнымъ.

Кэри замолчалъ. Онъ не отводилъ глазъ отъ фотографіи, которая какъ бы гипнотизировала его. Когда явился слуга и принесъ виски и содовую воду, онъ встрепенулся.

— Вотъ мѣсто, гдѣ непріятно жить одному, — сказалъ онъ и, выпивъ стаканъ виски, сталъ глядѣть на фотографію. — Что-то есть въ этомъ домѣ завораживающее, даже на фотографическомъ снимкѣ, — прибавилъ онъ.

— Въ немъ чувствуется обаяніе старинной любовной идилліи. Любопытно, что послѣ смерти любящей парочки никто не жилъ въ Casa Felice. Вилла принадлежала старой, очень богатой итальянкѣ, но она тамъ не жила. Она недавно умерла, и наслѣдники ея продали домъ мнѣ.

— Хотѣлось бы мнѣ увидать этотъ домъ воочію... Но не слѣдуетъ тамъ жить одному, — повторилъ Кэри. — Тамъ нужна женщина.

— А какого рода женщина?

Сэръ Дональдъ снова сѣлъ на кресло противъ Кэри и смотрѣлъ, сквозь дымъ сигары, своими усталыми глазами въ пространство.

— Свѣтлая женщина съ яснымъ, нѣжнымъ лицомъ, нѣжная женщина, съ глазами, притягивающими всѣхъ, съ голосомъ, завораживающимъ всѣхъ, кто слышитъ ее.

— А развѣ существуютъ еще такія Цирцеи въ мірѣ, забывшемъ Одиссея?

— А вы такихъ не знаете? — спросилъ Кэри, свернувъ фотографію и положивъ ее на столъ.

— Я знаю только одну, которая отвѣчаетъ вашему идеалу.

— То-есть, именно ту, которую я имѣю въ виду.

— Лэди Гольмъ?

— Конечно.

— А вы не думаете, что ей было бы скучно въ Casa Felice?

— Навѣрное. Если, однако,—вѣдь всегда есть какое-нибудь „если"...—Онъ не докончилъ фразы и неожиданно прибавилъ:— Пригласите меня когда-нибудь въ Casa Felice.

— Я приглашаю васъ. Я поѣду, когда кончится лондонскій сезонъ—въ августѣ. Хотите тогда пріѣхать?

— А развѣ вилла уже готова для житья?

— Къ тому времени весь ремонтъ будетъ законченъ. Работать начнутъ сейчасъ же. Я купилъ домъ съ полной обстановкой.

— Той, которая служила любящей четѣ?

— Да; я прибавилъ къ тому, что было, также кое-что изъ моихъ собственныхъ вещей, собранныхъ во время странствованій.

— Я пріѣду въ августѣ, если хотите. Но я предоставляю вамъ право въ теченіе сезона еще взять назадъ ваше приглашеніе. Я вѣдь неудобный гость. Ничего не дѣлаю, и слишкомъ много знаю... Casa Felice! Вы не предполагаете измѣнить названіе?

— А по-вашему слѣдуетъ измѣнить?

— Право, не знаю. Такое названіе — вызовъ богамъ, но я бы все-таки сохранилъ его.

Кэри снова налилъ себѣ стаканъ виски и содовой воды и вдругъ сталъ ругать миссъ Шлей за имитацію лэди Гольмъ.

— Я не вижу никакого сходства между ними, — сказалъ сэръ Дональдъ. — Миссъ Шлей, по-моему, не интересна и вульгарна, а лэди Гольмъ, напротивъ того, очень изыскана.

— Вы правы, конечно. Пимпернель Шлей была бы, напримѣръ, совершенно неумѣстна въ вашей итальянской виллѣ. А все-таки между ними есть сходство, и американка всячески его подчеркиваетъ. Богъ ее знаетъ, зачѣмъ она это дѣлаетъ,— раздраженно прибавилъ онъ и поднялся, чтобы дольше не мѣшать поэтическому вдохновенію сэра Дональда.

Въ лондонскомъ свѣтѣ уже почти всѣ обратили вниманіе на сходство лэди Гольмъ и миссъ Шлей и странно улыбались по этому поводу, когда, наконецъ, лэди Гольмъ рѣшилась пригласить американку на вечеръ. Подражательный талантъ миссъ Шлей сталъ проявляться слишкомъ открыто, и лэди Гольмъ чувствовала необходимость поскорѣе удовлетворить тщеславію актрисы и позвать ее къ себѣ. Она предпочла, однако, назначить съ этой цѣлью большой раутъ вмѣсто предполагавшагося сначала интимнаго собранія. Это ей казалось болѣе безопаснымъ.

Она разослала пригласительныя письма на одинъ изъ тѣхъ пріемовъ, которые начинаются около одиннадцати вечера, страшно

переполнены въ половинѣ двѣнадцатаго, уже пустѣютъ въ двѣнадцать и кончаются до часу ночи. Лордъ Гольмъ ненавидѣлъ подобные рауты и часто, наперекоръ свѣтскимъ приличіямъ, не появлялся на такого рода собраніяхъ у своей жены, подъ разными благовидными, по его мнѣнію, предлогами. Въ большинствѣ случаевъ оказывалось, что онъ „долженъ уѣхать за-городъ смотрѣть новую лошадь". Когда лэди Гольмъ посылала въ числѣ другихъ приглашеніе и миссъ Пимпернель Шлей, она подумала о томъ, уклонится ли ея мужъ и на этотъ разъ отъ присутствія на раутѣ.

— Ты будешь дома двѣнадцатаго? — спросила она его за нѣсколько дней до раута.

— А что̀ такое будетъ двѣнадцатаго?

— Раутъ до бала у Аркелей. Я выбрала именно этотъ вечеръ для того, чтобы всѣ пораньше уходили. А тебѣ не придется именно въ этотъ день ѣхать за̀-городъ смотрѣть лошадь?

Она сказала это смѣясь, точно давая понять, что согласна избавить его отъ скучной обязанности. Лордъ Гольмъ задумчиво покрутилъ усъ и принялъ очень грустный видъ.

— Какъ, опять?—воскликнулъ онъ.—Очень ужъ часто ты устраиваешь эту скуку! Будетъ музыка?

— Нѣтъ, ничего не будетъ. Въ этотъ день множество обѣдовъ, затѣмъ благотворительный концертъ съ участіемъ Кальве, а затѣмъ еще балъ у Аркелей. Такъ что къ намъ только забѣгутъ на минуту, скажутъ какую-нибудь глупость и снова убѣгутъ.

— Кто же будетъ?

— Всѣ, кто завозили карточки за послѣднее время.

Лордъ Гольмъ поглядѣлъ на кончики своихъ лакированныхъ ботинокъ съ очень опечаленнымъ видомъ.

— Хуже всего, что я не могу не явиться подъ предлогомъ покупки лошади за̀-городомъ. У меня въ этотъ вечеръ обѣдъ въ національномъ клубѣ—прощальный обѣдъ сэру Роулэй. Конечно, я могъ бы сказать потомъ, что рѣчи были очень длинныя, и я не могъ уйти. Онъ взглянулъ на нее, какъ бы обращаясь къ ней за содѣйствіемъ.

— Нѣтъ, ты ужъ лучше пріѣзжай!—отвѣтила она не слишкомъ, впрочемъ, настойчиво.

На этомъ разговоръ кончился. Лэди Гольмъ знала своего мужа, и была увѣрена, что обѣденныя рѣчи, дѣйствительно, затянутся и что лордъ Гольмъ вернется домой не раньше полуночи.

Вечеромъ двѣнадцатаго числа, лордъ Гольмъ еще не вернулся

домой къ началу пріема у его жены, и она должна была извиняться за него передъ каждымъ изъ гостей, дамъ и мужчинъ, поднимавшихся непрерывнымъ, все болѣе и болѣе широкимъ потокомъ по лѣстницѣ дома на Кадоганъ-скверѣ.

Пріѣхали уже лэди Кардингтонъ, лэди Манби, Салли Персиваль; темноволосая голова Робина Пирса тоже уже показалась среди медленно поднимавшихся по лѣстницѣ гостей. Лэди Гольмъ была особенно красива въ этотъ вечеръ. Ей очень шло великолѣпное черное платье, и на ней были роскошные семейные бриллiанты: по окончанiи пріема ей предстояло ѣхать на балъ къ герцогу Аркелю. Стоя наверху лѣстницы, улыбаясь, пожимая руки гостямъ и глядя на приближавшагося къ ней Робина Пирса, она чувствовала себя очень сильной и внутренно удивлялась своему прежнему безпокойству. Странно было хотя бы сколько-нибудь волноваться изъ-за выходокъ какой-то американской актрисы, не имѣвшей никакого положенія въ обществѣ. Что ей за дѣло до Пимпернель Шлей? Когда Робинъ подходилъ къ ней, она уже почти—но не совсѣмъ твердо, однако,—желала, чтобы рѣчи на клубномъ обѣдѣ не затянулись слишкомъ долго и чтобы ея мужъ очутился теперь подлѣ нея и помогалъ ей привѣтствовать гостей.

— Какая толпа!—сказалъ Робинъ.

— Да. Нельзя и поговорить. Но вѣдь вы ѣдете на балъ къ Аркелямъ,—такъ будьте моимъ кавалеромъ за ужиномъ.

— Вы разрѣшаете? Благодарю. Я ѣду съ Рупертомъ Кэри.

— Вотъ какъ!

Въ эту минуту глаза лэди Гольмъ устремились впередъ съ напряженнымъ вниманіемъ. Она замѣтила внизу лѣстницы м-ссъ Вольфштейнъ, сверкавшую множествомъ бриллiантовъ, и Пимпернель Шлей. Послѣдняя была случайно тоже въ черномъ платьѣ.

— До свиданья, до свиданья!—небрежно сказала лэди Гольмъ Робину Пирсу, который прошелъ въ пріемныя комнаты съ нѣсколько озабоченнымъ видомъ.

Всѣ гости очень медленно поднимались по лѣстницѣ, такъ какъ приходилось идти въ густой толпѣ; но лэди Гольмъ казалось, что миссъ Шлей подвигается еще медленнѣе, чѣмъ всѣ другіе, и что въ этомъ есть какая-то дерзкая преднамѣренность. У нея была совершенно такая же прическа, какъ у лэди Гольмъ, только безъ бриллiантовъ. На ней не было никакихъ драгоцѣнностей.

Это отсутствіе бриллiантовъ и черный цвѣтъ платья оттѣняли

довольство. Мистеръ Брэй это замѣтилъ. Онъ вообще все замѣчалъ, хотя и считалъ себя самымъ близорукимъ человѣкомъ въ Лондонѣ.

— Какъ странно, что вашъ мужъ сегодня на своемъ хозяйскомъ посту!—замѣтилъ онъ.—Вѣдь въ такихъ случаяхъ онъ обыкновенно уѣзжаетъ за-городъ.

— У него сегодня былъ обѣдъ въ клубѣ. И я его очень просила вернуться къ пріему.—Ахъ, здравствуйте, здравствуйте!—Конечно... — Мистеръ Ралэй, похлопочите, чтобы не слишкомъ часто играли „Ромео и Юлію" въ этотъ сезонъ. Конечно, Мельба великолѣпна, но все-таки...

Мистеръ Брэй снова вставилъ монокль, чтобы яснѣе вглядѣться въ лицо лорда Гольма, который пробрался, наконецъ, черезъ толпу гостей и подошелъ къ женѣ.

— Ви, почему же ты мнѣ этого не сказала?—громко спросилъ лордъ Гольмъ, обращаясь къ женѣ.

Мистеръ Брэй опустилъ монокль, принялъ разсѣянный видъ и сталъ очень внимательно прислушиваться. Онъ любилъ наблюдать свѣтскія комедіи, тѣшившія его нѣсколько злобное любопытство.

— Чего не сказала, Фрицъ?

— Что миссъ Шлей сегодня у насъ. Теперь всѣ о ней говорятъ. Я сидѣлъ рядомъ съ Лэкокомъ за обѣдомъ, и онъ безъ ума отъ нея. Онъ мнѣ сказалъ, что она сегодня приглашена къ намъ, а я этого не зналъ. Я очутился въ смѣшномъ положеніи. Гдѣ она?

— Гдѣ-нибудь въ комнатахъ.

— Какая она съ виду?

— Право, не могу тебѣ сказать. Она въ черномъ. Пойди и найди ее.

Лордъ Гольмъ направился въ гостиную, взявъ съ собой мистера Брэя для того, чтобы тотъ помогъ ему разыскать миссъ Шлей. Когда они вмѣстѣ отошли отъ лэди Гольмъ, мистеръ Брэй сказалъ:

— Говорятъ, что она похожа на лэди Гольмъ.

— Да неужели? Лэкокъ окончательно потерялъ голову изъ-за нея, а вѣдь онъ—того... Гдѣ-жъ она?

— Мы ее сейчасъ найдемъ. Такъ, значитъ, сегодня вы не были вынуждены ѣздить за-городъ смотрѣть лошадь?

Лордъ Гольмъ громко расхохотался.

— А вотъ и весталка, оправляющая огонь въ свѣтильникѣ,—сказалъ, нѣсколько спустя, мистеръ Брэй.

— О комъ это вы говорите?

— О миссъ Пимпернель Шлей, которая поддерживаетъ пламя преклоненія своей красотѣ.

— Гдѣ?

— Вотъ тамъ.

— Вижу, вижу. Какая бѣлизна кожи! И на разстояніи она поразительно похожа на Ви. Именно такое выраженіе лица у Ви, когда она поетъ. Не правда ли?

Онъ направился къ ней. Мистеръ Брэй послѣдовалъ за нимъ, бормоча:

— Великанъ, освѣженный виномъ. Сегодня не было нужды ѣхать зà-городъ.

VIII.

— Автомобиль поданъ, миледи.

— Доложите милорду.

Лакей вышелъ, и горничная лэди Гольмъ заботливо накинула длинное манто на плечи своей госпожи. Лэди Гольмъ молча глядѣла въ пространство. Она стояла въ опустѣвшей теперь желтой гостиной, все еще ярко освѣщенной и наполненной запахомъ уже слегка увядающихъ цвѣтовъ. Послѣдній гость уже уѣхалъ, и моторъ дожидался лэди и лорда Гольмовъ, чтобы повезти ихъ на балъ.

Когда горничная приблизила руку къ волосамъ лэди Гольмъ, чтобы поправить брилліантовый уборъ на ея головѣ, лэди Гольмъ какъ бы очнулась отъ забытья. Она рѣшительными шагами подошла къ зеркалу, поглядѣла въ него и потомъ вдругъ сдѣлала быстрое движеніе, точно собираясь сорвать брилліанты съ головы. Замѣтивъ въ зеркалѣ изумленный видъ горничной, стоявшей за нею, она опустила руку.

— Вы можете идти къ себѣ,—сказала она горничной.

Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ лордъ Гольмъ, напѣвая какую-то шансонетку. Лэди Гольмъ рѣзко оборвала его:

— Зачѣмъ ты поешь такую гадость? Ты знаешь, что мнѣ это непріятно.

— Почему? Шансонетка—прелестная. Я слышалъ, какъ ее напѣвалъ въ клубѣ лордъ...

— Ну, да. Все вульгарное нравится тебѣ и твоимъ друзьямъ! Ѣдемъ!

Она вышла изъ гостиной болѣе быстрымъ шагомъ, чѣмъ обыкновенно, и держась очень прямо. Лордъ Гольмъ послѣдовалъ

за ней, беззвучно шевеля губами и повторяя слова своей любимой шансонетки; глаза его были лукаво прищурены. Когда они сѣли въ электрическій автомобиль и онъ быстро и мягко помчалъ ихъ по улицамъ, онъ обратился къ женѣ.

— Скажи, Ви, ты давно знакома съ миссъ Шлей?

— Не знаю въ точности. Нѣсколько недѣль.

— Почему же ты мнѣ ничего объ этомъ не говорила?

— Я тебѣ сказала, что встрѣтила ее на лёнчѣ у м-ссъ Вольфштейнъ.

— Да, но ты не говорила, что она такъ похожа на тебя. Она такая, какой бы ты выглядѣла — если бы была хористкой и знала многое, о чемъ ты не имѣешь представленія.

— Вотъ какъ. А можетъ быть она и была хористкой?

— Навѣрное,—отвѣтилъ лордъ Гольмъ со смѣхомъ.—Я готовъ пари въ этомъ держать, какъ бы она ни отрицала. И вѣдь подумай—ее пригласили на балъ къ Аркелямъ! Американки удивительно умѣютъ устраиваться въ жизни. Мнѣ только сегодня Лэкокъ сказалъ, что...

— Пожалуйста, не передавай мнѣ разсказовъ мистера Лэкока! Они меня не забавляютъ.

— Можетъ быть, они дѣйствительно не для тебя, Ви. Но все-таки они очень забавны.

Онъ опять засмѣялся и черезъ минуту снова сталъ напѣвать мелодію своей шансонетки. Лэди Гольмъ почувствовала глубокое раздраженіе. До чего ея мужъ былъ невнимателенъ ко всѣмъ ея желаніямъ! Было что-то животное въ его наивномъ эгоизмѣ. Но эту животную силу она и полюбила въ немъ. Она и теперь продолжала его любить. Въ глубинѣ ея натуры было и тяготѣніе къ животности. Но иногда она ненавидѣла въ Фрицѣ его стихійную, животную силу. Такъ оно было въ настоящую минуту. Ей хотѣлось бы взять въ руки кнутъ, какъ это дѣлаютъ укротители звѣрей въ циркѣ, когда кто-нибудь изъ звѣрей оскаляетъ зубы или отказывается исполнять требуемые отъ него кунстштюки.

Лордъ Гольмъ продолжалъ мирно насвистывать свою пѣсню до тѣхъ поръ, пока автомобиль не остановился среди длиннаго ряда экипажей, подъѣзжавшихъ въ этотъ вечеръ къ дому Аркелей.

Гости уже направлялись къ ужину, когда пріѣхали Гольмы. Герцогъ, несмотря на свою болѣзнь, храбро участвовалъ въ пріемѣ своихъ безчисленныхъ гостей. Онъ уже не могъ ходить безъ посторонней помощи по лѣстницѣ, и сидѣлъ въ большомъ креслѣ, у самаго входа въ бальный залъ; подлѣ него была всегда

та или другая изъ его хорошенькихъ дочерей, и онъ весело разговаривалъ съ гостями, поглядывая на танцующія пары въ залѣ. Герцогиня, очень величественная и вмѣстѣ съ тѣмъ живая и привѣтливая женщина, принимала гостей съ выдержаннымъ свѣтскимъ тактомъ и радушіемъ.

Перекинувшись нѣсколькими словами съ герцогомъ, лэди Гольмъ медленно направилась въ танцовальную залу вмѣстѣ со своимъ мужемъ. Она не собиралась танцовать, и подъ предлогомъ усталости отказывалась отъ всѣхъ приглашеній. Лордъ Гольмъ оглядывалъ залу своими большими карими глазами.

— А ты собираешься танцовать, Фрицъ? — спросила лэди Гольмъ, кивая головой Робину Пирсу, который стоялъ по близости, рядомъ съ Рупертомъ Кэри. Послѣдній не сразу замѣтилъ ее, но когда Робинъ кивнулъ ей въ отвѣтъ, онъ быстро обернулся.

— Да, я обѣщалъ миссъ Шлей протанцовать съ ней вальсъ,— отвѣтилъ женѣ лордъ Гольмъ.—Гдѣ это она?

Лэди Гольмъ поклонилась Руперту Кэри съ нѣкоторой преднамѣренностью. Ея мужъ это замѣтилъ и сразу принялъ воинственный видъ. Но онъ не успѣлъ ничего сказать, потому что въ эту минуту къ лэди Гольмъ подошли нѣсколько знакомыхъ. Пока она говорила съ ними, Пимпернель Шлей пронеслась мимо лорда Гольма, вальсируя съ мистеромъ Лэкокомъ, типичнымъ лондонскимъ дэнди съ чрезмѣрно тонкимъ, узкимъ лицомъ и дерзкимъ, тупымъ взглядомъ. Лордъ Гольмъ забылъ о своемъ раздраженіи противъ жены и исчезъ въ толпѣ, слѣдуя за танцующей парой.

— Проведите меня ужинать, Робинъ. Я такъ устала!

— Идемте. Нужно пройти вотъ здѣсь. Я ужъ думалъ, что вы совсѣмъ не пріѣдете.

— Гости оставались такъ поздно—сама не знаю, почему. Вѣдь была такая тоска! Какой странный видъ у мистера Кэри! Когда я поклонилась ему, онъ не отвѣтилъ, а только изумленно взглянулъ на меня.

Спустившись внизъ, въ картинную галерею, гдѣ накрытъ былъ ужинъ на маленькихъ столикахъ, Робинъ и лэди Гольмъ сѣли въ углу за столикомъ для двоихъ. Надъ ними, на стѣнѣ, висѣли картины Мурильо и Веласкеца. Лэди Гольмъ сидѣла подъ картиной Мурильо, изображавшей трехъ испанскихъ уличныхъ мальчишекъ, игравшихъ въ пыли съ нѣсколькими монетами.

— Какой странный мистеръ Кэри!—повторила опять лэди Гольмъ.—Но вѣдь то, что о немъ говорятъ, надѣюсь, неправда?

— А что же о немъ говорятъ?

— Что онъ злоупотребляетъ... вотъ этимъ.—Она коснулась пальцемъ стакана, въ который лакей наливалъ шампанское.— Какъ бы это было печально!

— Такъ будемъ надѣяться, что это неправда, — сказалъ Пирсъ.

— Вѣдь вы его хорошо знаете. Скажите же—это правда?

— Вамъ это было бы непріятно? — спросилъ онъ, серьезно глядя на нее.

— Очень. Мнѣ нравится мистеръ Кэри,—отвѣтила она съ необычной искренностью въ голосѣ.

— Что̀ же вамъ въ немъ нравится?

— Право, не могу вамъ сказать. Онъ говоритъ иногда нелѣпости, конечно, слишкомъ ругаетъ всѣхъ и все. А иногда онъ наивенъ до смѣшного, хотя такъ хорошо знаетъ жизнь и людей... Онъ не похожъ на васъ—не дипломатъ. Но мнѣ кажется, что, при благопріятныхъ условіяхъ, изъ него могло бы выйти что-то большое.

Робину показалось, что въ ней вдругъ заговорила скрытая правда ея души. Но почему это она интересовалась Рупертомъ Кэри?

— Вы ожидаете отъ него чего-нибудь большого? — спросилъ онъ.

— Да, въ его лицѣ есть что-то обѣщающее. Я это замѣтила сегодня, когда онъ мнѣ еле-еле поклонился. А вотъ и сынъ сэра Дональда. И какая страшная женщина идетъ за нимъ!

Лео Ульфордъ появился въ галереѣ подъ-руку съ высокой молодой дѣвушкой очень аристократическаго вида, съ очень рѣзкими чертами лица. За нимъ шелъ мистеръ Брэй, а подъ-руку съ послѣднимъ—чрезмѣрно молодящаяся старая женщина, преувеличенно элегантная, преувеличенно живая и преувеличенно розовая въ лицѣ. Она двигалась съ излишней суетливой живостью, въ которой было что-то птичье, и все время рѣзко поворачивала голову то въ ту, то въ другую сторону; на ея длинной, тонкой шеѣ красовалось широкое брилліантовое ожерелье. У пояса висѣлъ маленькій слуховой рожокъ, весь осыпанный брилліантами.

— Это—м-ссъ Лео Ульфордъ,—пояснилъ Робинъ.

— Да ей должно быть лѣтъ шестьдесятъ.

— Около того.

Обѣ пары сѣли за сосѣдній столикъ. Лео Ульфордъ не сразу замѣтилъ лэди Гольмъ, но, увидавъ ее, быстро поднялся и подошелъ пожать ей руку.

— Я былъ въ отсутствіи все время,—объяснилъ онъ.—Вернулся только сегодня.

— Я уже жаловалась вашему отцу на васъ.

Медленная улыбка озарила его толстое лицо.

— Я увижу васъ еще послѣ ужина?—спросилъ онъ.

— Если найдете меня среди толпы.

— Я всегда нахожу то, чтò хочу,—отвѣтилъ онъ, продолжая улыбаться.

Когда онъ отошелъ, Робинъ Пирсъ сталъ раздраженно нападать на дерзкій тонъ молодыхъ людей въ свѣтскомъ обществѣ.

— Мистеръ Ульфордъ вамъ кажется дерзкимъ? Я нахожу въ немъ большое сходство съ Фрицемъ.

По тону ея голоса, Робинъ Пирсъ не могъ понять, одобряетъ ли она манеры Ульфорда, или нѣтъ. Онъ, поэтому, ничего не возразилъ и перемѣнилъ тему разговора.

— Знаете,—сказалъ онъ,—сэръ Дональдъ купилъ виллу въ Италіи, на озерѣ Комо. Онъ самъ, въ разговорѣ съ Кэри, называетъ ее своимъ кладбищемъ—„Campo Santo“. На самомъ дѣлѣ, ее называютъ „Casa Felice“. Я хорошо знаю эту виллу.

— „Casa Felice“! Какая прелесть! Но развѣ это названіе подходитъ къ жилищу стараго, усталаго человѣка? Оно звучитъ иронически.

— По вашему, старый человѣкъ нигдѣ не можетъ быть счастливъ?

— Я не могу себѣ представить счастья въ старости. Вотъ, посмотрите, — прибавила она, понизивъ голосъ, — взгляните на м-ссъ Ульфордъ, и вы меня поймете.

— Опять ваша теорія о важности оболочки! Но не безпокойтесь—вы будете привлекательны и въ старости.

— Нѣтъ, Робинъ, я не состарюсь. Я хочу умереть прежде, чѣмъ придетъ старость—лѣтъ въ сорокъ-пять, не позже. Я бы не могла жить съ морщинами на лицѣ. Взгляните на м-ссъ Ульфордъ! Можетъ быть, и у меня былъ бы слуховой рожокъ, украшенный опалами.

— Дѣло не въ морщинахъ. Вы сами это поймете со временемъ. Вы увидите, что ваше очарованіе исходитъ изнутри и переживетъ разрушеніе оболочки.

— Разрушеніе... какое страшное слово! Почему всѣ, кого это постигаетъ, не убиваютъ себя? Я бы лишила себя жизни. Скажите, сэръ Дональдъ поселится въ своей виллѣ?

— Конечно; онъ поѣдетъ туда въ августѣ. Онъ пригласилъ къ себѣ Руперта Кэри.

— И навѣрное пригласитъ также васъ? Дипломатовъ вѣдь всюду любятъ и...

Она не докончила фразы. Она увидала на другомъ концѣ галереи миссъ Шлей, вошедшую вмѣстѣ съ ея мужемъ. Они сѣли за столикъ у дверей. Робинъ Пирсъ посмотрѣлъ по направленію ея взгляда, и понялъ, почему она умолкла.

— Вы будете перваго числа на дебютѣ миссъ Шлей?—спросилъ онъ.

— Развѣ первый ея спектакль перваго числа? Я не знала. Мы не сможемъ быть въ театрѣ, потому что обѣдаемъ въ этотъ вечеръ у Брелэевъ.

Она продолжала смотрѣть на другой конецъ галереи. Среди множества головъ мужчинъ и женщинъ она ясно различала миссъ Шлей. Мужа она не видѣла—онъ былъ скрытъ другими. А ей бы хотѣлось именно видѣть его, потому что холодное, сдержанное лицо американки ничего не выдавало.

— Вамъ нравится миссъ Шлей?

Робинъ Пирсъ спросилъ это съ шутливымъ лукавствомъ въ голосѣ. Онъ былъ въ такихъ дружескихъ отношеніяхъ съ лэди Гольмъ, что могъ себѣ это позволить ради своихъ затаенныхъ цѣлей. Она рѣзко взглянула на него, слегка наклонилась надъ столомъ и широко раскрыла глаза.

— Почему это вы сегодня, наперекоръ приличіямъ, вдругъ стали предлагать мнѣ вопросы?

— Все по той же простой причинѣ—отъ пожирающаго меня любопытства.

Она взглянула на него съ нѣкоторымъ колебаніемъ. Потомъ, вдругъ, выраженіе ея лица измѣнилось, стало очаровательно искреннимъ и довѣрчивымъ.

— Скажите,—спросила она,—это правда, что миссъ Шлей имитируетъ меня?

— Правда. По моему, это величайшая дерзость съ ея стороны,—проговорилъ онъ вполголоса.

— Какъ же она, послѣ этого, можетъ мнѣ нравиться?

Она спросила это трогательно-огорченнымъ тономъ. Рупертъ наклонился къ ней.

— Такъ вы накажите ее за это,—сказалъ онъ.

— Какъ это сдѣлать?

— Обнаружьте то, что̀ она не можетъ перенять у васъ.

— Что̀ же именно?

— То, что̀ вы скрываете, и о чемъ я догадываюсь. Она воспроизводитъ оболочку, но то, что̀ внутри, ей недоступно.

— Прикажете мороженаго, милэди?

Лэди Гольмъ вздрогнула. Только когда съ ней заговорилъ лакей, она замѣтила, до чего разговоръ съ Робиномъ поглотилъ ея вниманіе. Она положила себѣ на тарелку немного мороженаго.

— Продолжайте, мистеръ Пирсъ,—сказала она, когда лакей ушелъ.

— Вѣдь вы уже поняли, что̀ я хотѣлъ сказать?

Она, улыбаясь, отрицательно покачала головой. Было что-то необыкновенно женственное и мягкое въ ея лицѣ.

— Миссъ Шлей, случайно, нѣсколько похожа на васъ фигурой и цвѣтомъ волосъ. У нея, къ тому же, есть несомнѣнный мимическій талантъ. Она прославилась имъ въ Америкѣ, а теперь пользуется имъ, имитируя васъ.

— Зачѣмъ это ей?

— Вѣдь вы не были особенно милы съ нею, и она, очевидно, не чувствуетъ къ вамъ симпатіи. Ни вы, ни она не знаете, собственно, почему вы враждебно относитесь другъ къ другу. Тутъ какія-то тайныя женскія причины. Во всякомъ случаѣ считайте, что она вашъ врагъ, и дѣйствуйте соотвѣтственно съ этимъ. Это гораздо безопаснѣе.

Лэди Гольмъ опять взглянула на другой конецъ галереи; свѣтлая головка миссъ Шлей наклонилась къ кому-то, кого не было видно.

— Какъ же обезопаситься отъ ея мимическаго таланта?— спросила она, обращаясь къ Робину.

— Она можетъ изобразить только ваши внѣшнія манеры— одну девяносто-девятую вашего обаянія. Ваша скрытая сущность, сказывающаяся только въ вашемъ пѣніи, ей недоступна.

— Никому нѣтъ никакого дѣла до этой скрытой сущности, даже если она существуетъ.

Она это сказала съ затаенной горечью.

— Дайте ей возможность проявиться для всѣхъ, какъ она проявляется для немногихъ,—сказалъ онъ, стараясь заглянуть въ глаза лэди Гольмъ. Но она отвела свой взглядъ и поднялась съ мѣста.

— Вернемтесь въ бальную залу. Мнѣ хочется поглядѣть на танцующихъ.

Проходя мимо сосѣдняго столика, лэди Гольмъ кивнула головой Лео Ульфорду. Онъ поклонился въ отвѣтъ и сдѣлалъ знакъ, что сейчасъ же послѣдуетъ за нею. Лэди Гольмъ хотѣла, пройдя до другого конца галереи, остановиться и сказать нѣсколько

любезныхъ и шутливыхъ словъ миссъ Шлей и мужу. Но, приблизившись къ ихъ столику, она увидѣла, что лордъ Гольмъ разговариваетъ съ необыкновенной живостью, и миссъ Шлей слушаетъ его съ глубокимъ вниманіемъ. Ей не захотѣлось мѣшать имъ, и она спокойно прошла мимо, думая, что они ее не замѣтили. Дѣйствительно, мужъ не видѣлъ ея; но американка слабо улыбнулась, когда лэди Гольмъ и Робинъ вышли изъ галереи, и сказала своему оживленному собесѣднику:

— Я должна считать себя счастливой, если у меня дѣйствительно есть сходство съ лэди Гольмъ.

Минутъ черезъ пять послѣ того, какъ лэди Гольмъ вошла въ танцовальную залу, туда явился Лео Ульфордъ съ широкой улыбкой на лицѣ.

— Вотъ и я,—сказалъ онъ, видимо увѣренный, что его появленіе должно всѣхъ необыкновенно обрадовать. Робинъ нахмурился и подошелъ на шагъ ближе къ лэди Гольмъ.

— Благодарю васъ, мистеръ Пирсъ,—сказала она, взяла подъ руку Лео Ульфорда и ушла съ нимъ, кивнувъ головой Робину. Робинъ поглядѣлъ имъ удивленно вслѣдъ. Онъ вздрогнулъ, услышавъ голосъ Кэри:

— Зачѣмъ вы отпустили ее танцовать съ этимъ негодяемъ?

— А, Кэри, это вы!

— Пойдемъ поужинать. Мнѣ хочется потолковать съ вами. Это все—онъ сдѣлалъ широкій жестъ рукой, указывая на танцующихъ,—пляска смерти Гольбейна. Пойдемъ ужинать.

Робинъ пристально взглянулъ на своего пріятеля и сказалъ:

— Вамъ здѣсь скучно, навѣрное. Выйдемъ на воздухъ и пройдемся по Паркъ-Лэну. Хотите?

Кэри согласился, и они вмѣстѣ вышли.

Лэди Гольмъ была всегда любезна съ мужчинами, а на этотъ разъ особенно старалась очаровать Лео Ульфорда. Онъ былъ менѣе всего привлекателенъ, но она почему-то интересовалась имъ. Они долго сидѣли въ уединенномъ углу маленькой гостиной, далеко отъ музыки, и, разговаривая съ нимъ, лэди Гольмъ убѣдилась, что онъ еще болѣе похожъ на ея мужа, чѣмъ ей показалось съ перваго взгляда.

Лордъ Гольмъ и Лео Ульфордъ были люди одинаковаго типа—оба сильные и здоровые, чувственные, грубоватые, смѣлые и упрямые. Оба жили для тѣла, а не для души, и стремились только къ одному—чтобы преуспѣть въ жизни и весело пожить. Это имъ обоимъ удавалось и укрѣпляло ихъ вѣру въ свою силу. Люди съ утонченной духовной жизнью всегда сомнѣваются въ себѣ,

но самоувѣренность физически сильныхъ, не интеллигентныхъ людей безгранична и чужда всякихъ сомнѣній. Лэди Гольмъ хорошо знала это самодовольство. Она достаточно наблюдала его отраженіе въ большихъ карихъ глазахъ мужа. Теперь она замѣтила то же выраженіе въ дерзкихъ глазахъ Лео Ульфорда,—и это ей отчасти нравилось, какъ проявленіе мужественности. Къ тому же лэди Гольмъ было весело съ Лео Ульфордомъ уже потому, что она умѣла обращаться съ людьми этого типа и искусно подчинять ихъ себѣ, то поощряя ихъ, то во-время останавливая ихъ предпріимчивость. Въ этотъ вечеръ лэди Гольмъ было особенно пріятно проявлять свою власть надъ Лео Ульфордомъ. Ей хотѣлось самой испытать свои силы, чтобы потомъ пользоваться ими для подчиненія себѣ другихъ. Лео Ульфордъ былъ бы весьма непріятно пораженъ, узнавъ, что на немъ лэди Гольмъ только практикуется для того, чтобы тѣми же средствами потомъ покорять себѣ своего мужа.

Лео Ульфордъ этого не зналъ, и потому сіялъ отъ самодовольства въ отвѣтъ на ея явное кокетство съ нимъ. Фрицъ тоже не зналъ ея внутреннихъ побужденій, и потому навѣрное былъ бы взбѣшенъ, если бы видѣлъ ея заигрываніе съ Ульфордомъ. Но она знала себя и свои цѣли,—и потому смѣялась надъ мужской глупостью. Чтобы перемѣнить разговоръ, принимавшій слишкомъ личный оттѣнокъ—со стороны Лео Ульфорда,—она заговорила о предметѣ, очень интересовавшемъ ее въ этотъ вечеръ.

— Удалось вамъ поговорить съ миссъ Шлей тогда у м-ссъ Вольфштейнъ послѣ моего ухода?—спросила она.—Я нарочно ушла, чтобы предоставить вамъ свободу. Правда, это было очень мило съ моей стороны?

— Я бы предпочелъ говорить съ вами,—возразилъ Лео Ульфордъ.

— Но все-таки у васъ былъ разговоръ съ ней? Она сегодня была у меня на раутѣ; какъ она очаровательна! Вы знаете, что она покорила весь Лондонъ?

— Ну, да, такого рода женщины умѣютъ создавать себѣ успѣхъ.

— Я васъ не понимаю,—отвѣтила лэди Гольмъ очень невиннымъ тономъ.—Что вы хотите сказать про миссъ Шлей? Она вполнѣ заслуживаетъ уваженія. Вы знаете, что ея мать пріѣзжаетъ завтра?

Лео Ульфордъ какъ-то по-дѣтски всплеснулъ руками и громко расхохотался.

— Только этого ей еще недоставало для полнаго успѣха,—

воскликнулъ онъ.—Маменька! Эти американцы — поразительный народъ.

— Вы такъ говорите, точно м-ссъ Шлей—какая-то бутафорская принадлежность.

— Да, я въ этомъ увѣренъ. Когда вы ее увидите, вы сами не будете въ этомъ сомнѣваться. Вѣдь въ Америкѣ это своего рода профессія—матери актрисъ. Вотъ увидите: это окажется высохшая почтенная особа, въ чепчикѣ и золотыхъ очкахъ; на все, что̀ ей будутъ говорить, она будетъ только отвѣчать: „О, да, о, да, конечно!“ Вамъ не говорили, что она пріѣзжаетъ изъ Сусанвиля?

— Кажется, что она, дѣйствительно, пріѣзжаетъ оттуда.

Лео Ульфордъ разсмѣялся съ торжествующимъ видомъ.

— Ну, да, это—гнѣздо, откуда присылаютъ маменекъ,— воскликнулъ онъ, когда, наконецъ, могъ оправиться отъ смѣха и выговорить слово.—Женщины—поразительный народъ.

— Я васъ, кажется, не совсѣмъ понимаю,—сказала лэди Гольмъ спокойнымъ тономъ ученицы.—Можетъ быть, и лучше не понимать. Во всякомъ случаѣ, я совершенно увѣрена, что мать миссъ Шлей окажется вполнѣ достойной своей дочери.

— Можете прозаложить на это послѣдній золотой. Она навѣрное будетъ вполнѣ подходящая мать. Я скажу женѣ, чтобы она завезла ей карточку.

— Я надѣюсь, что вы представите меня м-ссъ Ульфордъ. Мнѣ хотѣлось бы познакомиться съ ней.

— Вашъ голосъ не пригоденъ для разговора въ слуховой рожокъ,—сказалъ Лео Ульфордъ, нахмурившись.

— Мнѣ хотѣлось бы знать и ее послѣ того, какъ я знаю васъ и вашего отца.

При упоминаніи отъ отцѣ, выраженіе лица Ульфорда сдѣлалось еще болѣе хмурымъ.

— Мой отецъ совершенно нелѣпый человѣкъ,—сказалъ онъ.—Ничего онъ не любитъ. Охотникъ онъ самый заурядный. Онъ умѣетъ сидѣть на лошади,—ему много приходилось ѣздить верхомъ въ Южной Америкѣ,—но удовольствія это ему не доставляетъ. Какая-нибудь картина ему, положительно, интереснѣе самой чистокровной лошади.

Въ эту минуту въ комнату вошелъ сэръ Дональдъ, заложивъ руки за спину и осматривая стѣны. У герцога была великолѣпная коллекція картинъ. Лео предпочелъ бы, чтобы отецъ прошелъ мимо нихъ, не останавливаясь, но лэди Гольмъ окликнула его.

— Сэръ Дональдъ, сэръ Дональдъ!—позвала она его.

Сэръ Дональдъ обернулся при второмъ зовѣ и подошелъ къ нимъ съ нѣсколько смущеннымъ видомъ.

— Здравствуй, отецъ!—сказалъ Лео.

Сэръ Дональдъ кивнулъ сыну съ напускной привѣтливостью.

— Здравствуй,—сказалъ онъ глухимъ голосомъ.

— Вашъ сынъ посвящаетъ меня въ тайны американской жизни,—сказала лэди Гольмъ.—Проведите меня въ бальную залу, сэръ Дональдъ.

Лео Ульфордъ снова повеселѣлъ. Взглядъ, которымъ перекинулась съ нимъ лэди Гольмъ, какъ бы указывалъ на какое-то состоявшееся между ними тайное соглашеніе, въ которомъ никто другой—и всего менѣе отецъ Лео—не участвовалъ.

— Отецъ разскажетъ вамъ все про картины,—сказалъ онъ, и въ тонѣ его голоса чувствовалась нескрываемая увѣренность въ томъ, что ей будетъ нестерпимо скучно со старикомъ. Онъ пристально взглянулъ на нее, коротко разсмѣялся и вышелъ изъ комнаты. Послѣ его ухода у сэра Дональда былъ нѣсколько смущенный видъ. Онъ смотрѣлъ на лэди Гольмъ такъ, точно извинялся передъ ней за свою старость. У нея не было къ нему теплаго дружескаго чувства, но съ тактичностью свѣтской женщины она поняла, что ему тяжело, и старалась ободрить его, медленно направляясь съ нимъ черезъ анфиладу комнатъ по направленію далекихъ звуковъ музыки.

— Я слыхала, что вы пріобрѣли за границей прелестную виллу съ очаровательнымъ названіемъ?

Блѣдное лицо сэра Дональда слегка покраснѣло.

— А, мистеръ Кэри...

Онъ не докончилъ фразы, вдругъ вспомнивъ, что̀ ему сказалъ Робинъ Пирсъ.

— Нѣтъ, я узнала это отъ мистера Пирса. Онъ знаетъ вашу виллу, и говоритъ, что она очаровательна. Мнѣ очень нравится названіе.

— „Casa Felice“. Вы, значитъ, не совѣтуете мнѣ перемѣнить его? Можетъ быть, неосторожно заранѣе назвать свой домъ счастливымъ—вѣдь счастье зависитъ отъ воли боговъ.

— Я вѣрю въ вызовъ богамъ.

Въ ея голосѣ звучала смѣлая нота. Разговоръ съ Лео Ульфордомъ вернулъ ей вѣру въ свою красоту и молодость.

— Будьте смѣлы, сэръ Дональдъ,—прибавила она.—Оправдайте названіе вашей виллы, данное ей не вами, и наполните вашъ домъ счастьемъ.

Она сказала это свѣтлымъ и радостнымъ голосомъ, напоминавшимъ ея пѣніе. Сэръ Дональдъ заразился ея настроеніемъ.

— Пріѣзжайте ко мнѣ—тогда названіе „Casa Felice" будетъ вѣрнымъ,—сказалъ онъ съ неожиданной живостью.—Скажите, вы можете пріѣхать въ августѣ?

— Но вѣдь, кажется,—отвѣтила она съ колебаніемъ въ голосѣ,—къ вамъ пріѣдетъ мистеръ Кэри?

Въ эту минуту они вошли въ большую гостиную, изъ которой широкая открытая дверь, задрапированная бѣлымъ бархатомъ, вела въ бальную залу. Они могли видѣть танцующія пары, медленно передвигавшіяся въ фигурахъ лансье́. Въ ближайшей парѣ отъ дверей танцовали лордъ Гольмъ и миссъ Шлей. При первомъ взглядѣ въ залу, лэди Гольмъ ихъ увидала. Ее охватила мятежная жажда мести.

— Если мистеръ Кэри пріѣдетъ, то и я пріѣду,—сказала она.

Сэръ Дональдъ съ изумленіемъ взглянулъ на нее, но отвѣтилъ съ радостнымъ возбужденіемъ:

— Я беру васъ на словѣ, лэди Гольмъ, и считаю это дѣло рѣшеннымъ.

— Я не откажусь отъ своего обѣщанія,—отвѣтила она, и въ голосѣ ея прозвучала рѣзкая нота.

Они вошли въ бальную залу, когда лансье́ кончился и пары начали расходиться въ разныя стороны, образуя огромную толпу. Большинство направлялось къ дверямъ въ большую гостиную, гдѣ сидѣлъ герцогъ въ своемъ креслѣ и старался казаться веселымъ, несмотря на боль въ членахъ. Лэди Гольмъ и сэръ Дональдъ, увлекаемые потокомъ толпы, тоже пошли по тому же направленію. Лэди Гольмъ замѣтила, что за нею на недалекомъ разстояніи идетъ ея мужъ съ миссъ Шлей. До нея доходили сквозь говоръ толпы отдѣльные протяжные звуки голоса американки и будили ней непреодолимый гнѣвъ и жажду мести. Уже приближаясь къ креслу герцога, она замѣтила Руперта Кэри, который направлялся въ бальную залу, идя противъ теченія толпы. Лицо у него было возбужденное, на лбу выступили капли пота, и взглядъ былъ сильно затуманенный. Всего этого лэди Гольмъ не замѣтила. Ее занимала только одна мысль: она увидѣла Руперта Кэри вблизи себя и знала, кто идетъ за нею. Ей захотѣлось бросить вызовъ мужу, и она сдѣлала это безъ малѣйшаго колебанія. Дойдя до Руперта Кэри, она остановилась и протянула ему руку.

— Мистеръ Кэри,—сказала она,—мнѣ весь вечеръ хотѣ-

лось поговорить съ вами. Почему вы не пригласили меня танцовать?

Она сказала это очень отчетливо. Кэри остановился и сталъ глядѣть на нее. Тутъ только она замѣтила его возбужденность и странное выраженіе глазъ. Она сразу поняла, въ чемъ дѣло, и пожалѣла о своемъ поступкѣ. Но было уже слишкомъ поздно отступать. Кэри на минуту посмотрѣлъ на нее остановившимся взглядомъ, какъ бы не отдавая себѣ отчета о томъ, гдѣ онъ и что съ нимъ происходитъ. Потомъ онъ быстро бросился къ ней и неувѣреннымъ движеніемъ сталъ искать ея руку, которую она отдернула прочь.

— Гдѣ ваша рука, гдѣ она?—бормоталъ онъ хриплымъ голосомъ, стараясь схватить ее за руку.

— Сэръ Дональдъ!—шепнула лэди Гольмъ взволнованнымъ голосомъ въ то время, какъ вокругъ уже стали съ любопытствомъ глядѣть на происшедшую сцену. Она взяла руку сэра Дональда, и онъ сдѣлалъ попытку поскорѣе увести ее. Но было уже невозможно спастись отъ Кэри. Онъ, наконецъ, завладѣлъ ея рукой и сталъ неистово цѣловать ее, бормоча громкія, но непонятныя слова. Герцогъ, который со своего кресла видѣлъ эту сцену, сдѣлалъ попытку подняться, и лицо его вспыхнуло отъ гнѣва. Его дочь поспѣшила снова усадить его. Лэди Гольмъ удалось отдернуть руку, и Кэри вдругъ разрыдался. Сэръ Дональдъ быстро провелъ лэди Гольмъ дальше; Кэри попытался пойти вслѣдъ за ней, но двое человѣкъ удержали его силой.

Когда, наконецъ, лэди Гольмъ очутилась на другомъ концѣ большой комнаты, она обернулась и увидѣла мужа, который приближался къ ней съ взбѣшеннымъ выраженіемъ лица.

— Поѣдемъ домой!—сказала она ему тихо, затѣмъ отпустила руку сэра Дональда и спокойно попрощалась съ нимъ.

Лордъ Гольмъ не сказалъ ни слова. Съ тѣмъ же спокойнымъ видомъ лэди Гольмъ попрощалась съ герцогиней. Чувствуя на себѣ взгляды множества людей, она не обнаружила ни малѣйшаго замѣшательства, ни въ движеніяхъ, ни въ голосѣ. Она совершенно спокойно направилась съ мужемъ къ выходу, надѣла поданную ей лакеемъ шубу, медленно прошла между двумя рядами лакеевъ по лѣстницѣ и сѣла въ автомобиль рядомъ съ мужемъ. Онъ нѣсколько времени не произносилъ ни слова, и она слышала только его тяжелое дыханіе. Онъ дышалъ тяжело, точно уставъ отъ быстраго бѣга, и безпокойно метался со стороны въ сторону. Онъ опустилъ окно со своей стороны и обер-

нулся къ женѣ, которая откинулась въ уголъ и плотнѣе закуталась въ свой черный плащъ.

— Въ присутствіи герцога!—громко сказалъ онъ.—Въ присутствіи герцога!

Въ его голосѣ слышенъ былъ безудержный гнѣвъ.

— Вѣдь я этого негодяя выгналъ изъ дому, — продолжалъ онъ.—Выгналъ я его, скажи?

— Да, кажется, ты просилъ мистера Кэри не бывать у насъ больше,—сказала лэди Гольмъ, не возвышая голоса.

— Я его просилъ! Это недурно! Я ему сказалъ, что если онъ еще когда-нибудь явится, я велю его спустить съ лѣстницы.

— Онъ и не приходилъ больше.

— Зачѣмъ же ты съ нимъ заговорила?

Лэди Гольмъ хорошо знала, что у ея мужа самые условные взгляды на честь и приличіе, и что самый фактъ ея участія въ нѣсколько скандальной сценѣ долженъ былъ вывести его изъ себя. Но кромѣ того въ немъ говорило еще болѣе глубокое чувство—въ немъ пробудилась ревность.

— Вѣдь не онъ заговорилъ съ тобой, а ты съ нимъ.

Лэди Гольмъ не отрицала этого.

— Я слышалъ каждое твое слово,—сказалъ лордъ Гольмъ, снова тяжело дыша.—Я... я...

Лэди Гольмъ чувствовала, что ему хотѣлось бы ударить ее, и что будь онъ такой, какъ онъ есть—рабочимъ, или крестьяниномъ, человѣкомъ съ меньшей внѣшней культурностью,—онъ бы это сдѣлалъ. Его удерживала его благовоспитанность. Но она знала также, что еслибы онъ ударилъ ее, весь его гнѣвъ улегся бы. А оттого, что онъ сдерживалъ себя, ревность его возрастала. Искра разгорѣлась яркимъ пламенемъ.

— Ты безстыдная женщина! — сказалъ онъ.

Когда автомобиль ихъ безшумно подъѣхалъ къ дому, лордъ Гольмъ выскочилъ первый и, не дожидаясь жены, открылъ дверь и вошелъ въ переднюю. Лэди Гольмъ послѣдовала за нимъ. Онъ стоялъ, держа руку на ручкѣ двери, точно намѣреваясь не впустить, жену; но затѣмъ онъ широко раскрылъ дверь, сбросилъ шляпу и поднялся наверхъ. Лэди Гольмъ медленно пошла по лѣстницѣ вслѣдъ за нимъ, и услышала, что мужъ ея прошелъ въ гостиную. Чтò это значило? Ждетъ ли онъ ее тамъ, или, напротивъ того, не хочетъ съ ней встрѣчаться? Поднявшись на лѣстницу, она остановилась въ нерѣшительности. Отчасти ей хотѣлось смѣло послѣдовать за нимъ, вышутить его гнѣвъ— объявить ему, что она желаетъ дѣлать все, чтò ей угодно, жить

какъ ей хочется и не справляться ни съ чьими желаніями, кромѣ своихъ собственныхъ. Но она этого все-таки не сдѣлала, и прошла къ себѣ въ спальню, гдѣ ее ждала горничная. Снявъ вечерній туалетъ и накинувъ пеньюаръ, лэди Гольмъ отправила горничную спать, а сама остановилась въ нерѣшительности среди большой спальни. Съ одной стороны, къ спальнѣ прилегала уборная лорда Гольма, съ другой — будуаръ лэди Гольмъ. Тотчасъ же послѣ ухода горничной, лэди Гольмъ услышала, какъ отворилась дверь въ ея будуаръ и раздались тамъ тяжелые шаги ея мужа. Онъ ходилъ по будуару, останавливался, потомъ опять принимался ходить. „Что онъ тамъ дѣлаетъ?“ Она стала прислушиваться. Вдругъ дверь изъ будуара въ спальню отворилась, и на порогѣ появился лордъ Гольмъ.

— Гдѣ адресная книга? — спросилъ онъ. — Мнѣ нуженъ адресъ этого негодяя.

— Зачѣмъ? Что ты собираешься писать ему?

— Писать? — повторилъ лордъ Гольмъ презрительнымъ тономъ. — Писать я не намѣренъ. Я пойду отколотить его. Гдѣ книга?

— Вѣдь не теперь же ты къ нему собираешься?

— Я пришелъ сюда не для того, чтобы отвѣчать на всякіе вопросы. Я пришелъ за адресной книгой.

— Она въ ящикѣ съ правой стороны въ письменномъ столѣ.

Лордъ Гольмъ вернулся въ будуаръ, подошелъ къ письменному столу, нашелъ адресную книгу и выписалъ оттуда адресъ на клочкѣ бумаги. Положивъ бумажку въ карманъ, онъ вышелъ, не сказавъ ни слова женѣ и даже не глядя на нее. Черезъ минуту она услышала, какъ входная дверь шумно захлопнулась. Часы внизу пробили четыре. Она опустилась въ кресло и стала думать о случившемся. Она не привыкла къ сценамъ. Когда лордъ Гольмъ запретилъ Руперту Кэри бывать у нихъ въ домѣ, это, конечно, сопровождалось сценой, но очень короткой, и лэди Гольмъ при ней не присутствовала. Тогда ей былъ пріятенъ гнѣвъ мужа. Къ тому же тогда, съ ея стороны не было никакой вины. Она была мила съ Кэри, какъ со всѣми другими мужчинами, а онъ потерялъ голову. Онъ не понялъ ея отношеній къ мужу, и былъ увѣренъ, что такая женщина, какъ она, должна быть несчастна въ бракѣ съ лордомъ Гольмомъ. Страстное желаніе утѣшить вполнѣ довольную своей судьбой женщину завело его слишкомъ далеко и заградило ему входъ въ домъ лэди Гольмъ. Такъ какъ она не протестовала противъ его изгнанія и, повидимому, не страдала отъ его отсутствія, то, очевидно,

онъ не могъ являться къ ней въ домъ наперекоръ лорду Гольму. Такъ прекратилось знакомство съ Кэри, и жизнь потекла попрежнему, точно катясь по резиновымъ шинамъ.

А теперь она публично возобновила знакомство съ Кэри, и это повело къ столь печальнымъ послѣдствіямъ. Она теперь сама удивлялась своей необузданности. Она, какъ ребенокъ, поддалась первому порыву, не думая о послѣдствіяхъ, дѣйствуя подъ вліяніемъ минутнаго настроенія. Она оказалась рабой своего минутнаго каприза—или, быть можетъ, рабой другой женщины,—которую она презирала.

Конечно, виной всего была миссъ Шлей. Лэди Гольмъ заговорила съ Рупертомъ Кэри только потому, что непосредственно за нею шелъ ея мужъ съ американкой. На вызывающее поведеніе американки,—повидимому увѣнчавшееся торжествомъ,—лэди Гольмъ захотѣлось отвѣтить такимъ же вызовомъ. Все въ ней возмутилось противъ тираніи мужа. Ей казалось, что запрещеніе знакомства съ Рупертомъ Кэри было такимъ же проявленіемъ тираніи, какъ — еще въ большей степени — любезность лорда Гольма съ миссъ Шлей. Она сознавала теперь свою неправоту: лордъ Гольмъ не могъ знать, что она—противъ его знакомства съ миссъ Шлей. И почему собственно? Но въ ней говорилъ женскій инстинктъ, и съ этимъ ничего нельзя было подѣлать. И въ результатѣ лордъ Гольмъ отправился среди ночи учинить расправу надъ Кэри.

Она стала думать о Кэри. Какъ онъ былъ отвратителенъ— именно, не страшенъ, а отвратителенъ, своимъ бормотаньемъ и слезами! Она вспомнила, что еще въ этотъ же вечеръ говорила о Кэри съ Робиномъ Пирсомъ, увѣряла, что по его глазамъ можно ожидать отъ него чего-то очень большого. Какой ироніей судьбы была отвратительная сцена, послѣдовавшая за ея словами! А между тѣмъ, въ глубинѣ души, ей казалось даже послѣ этой сцены, что она не ошиблась въ своихъ словахъ о Кэри. Она подумала о его глазахъ. Они были несомнѣнно очень некрасивы, но въ нихъ было что-то внушавшее вѣру. И это впечатлѣніе не изгладилось даже произошедшей на балу сценой, въ которой Кэри выказалъ такую слабость, такое отсутствіе самообладанія. Она бы не повторила теперь никому, даже Робину Пирсу, высказаннаго ею мнѣнія о томъ, что Кэри способенъ на большое въ жизни. Но она продолжала искренно вѣрить въ это, — и такого рода убѣжденіе, не имѣющее никакихъ положительныхъ основаній, бываетъ обыкновенно неистребимо.

Было уже около шести часовъ утра, когда раздались шаги

на лѣстницѣ. Лэди Гольмъ все еще сидѣла неподвижно въ креслѣ. Услышавъ шаги, она встрепенулась и стала прислушиваться. Шаги миновали ея спальню. Она услышала, какъ открылась дверь въ уборную.

— Фрицъ! —позвала она.—Фрицъ!

Отвѣта не послѣдовало. Она встала и быстро вошла въ уборную. Мужъ ея стоялъ передъ зеркаломъ, снимая воротникъ. Она взглянула ему въ лицо, стараясь прочесть на немъ что-нибудь.

— Ну что?—спросила она.

— Иди спать!—рѣзко возразилъ онъ.

— Что произошло?

— Это мое дѣло. Иди спать, говорятъ тебѣ...

Видя, что она колеблется, онъ вдругъ взялъ ее за плечи и рѣзкимъ движеніемъ вывелъ ее изъ комнаты, закрылъ дверь и заперъ ее изнутри.

Лэди Гольмъ едва могла очнуться отъ неожиданности. Но сильнѣе всего въ ней говорило любопытство; ей хотѣлось узнать, что случилось въ теченіе двухъ часовъ отсутствія ея мужа. Она была такъ возмущена, что о снѣ не могло быть и рѣчи. Она легла въ постель и стала прислушиваться къ звукамъ въ сосѣдней комнатѣ. Они доходили до нея очень слабо и потомъ замолкли. Очевидно, Фрицъ улегся спать на диванъ, стоявшій въ уборной. Ему было вѣроятно очень неудобно на немъ, — а онъ любилъ удобства,—и черезъ нѣсколько минутъ раздался трескъ мебели и сердитое ругательство. Это разрѣшило напряженное состояніе лэди Гольмъ. Ей стало смѣшно до слезъ при мысли о томъ, какъ неудобно проведетъ ночь Фрицъ по своей же винѣ. Это показалось ей достаточнымъ наказаніемъ для него, и она почувствовала, что сразу, безъ всякаго усилія, простила ему.

Она хорошо знала его и поняла, что въ его грубой выходкѣ было много чисто мальчишескаго, что онъ самъ не понималъ въ точности всего, что сказалъ ей, ослѣпленный бѣшенствомъ. Тѣ же слова, произнесенныя другимъ человѣкомъ, можетъ быть, вызвали бы въ ней неизгладимое враждебное чувство. А Фрица она простила, какъ только услышала его ругательство, вызванное неудобствомъ импровизованной постели. „Сколько времени онъ будетъ упорствовать въ своемъ гнѣвѣ?“—подумала она.

Уже около семи часовъ утра, она снова услышала стукъ, сопровождаемый ругательствомъ, а потомъ осторожные шаги. Сквозь полуопущенныя вѣки она увидѣла, что Фрицъ вошелъ въ комнату, тихо ступая по ковру, и легъ спать на свою кро-

вать. Черезъ минуту онъ крѣпко заснулъ. Но лэди Гольмъ продолжала лежать не засыпая. Теперь, когда ея вниманіе не было сосредоточено на поведеніи мужа, ей снова захотѣлось узнать о томъ, что̀ произошло между ея мужемъ и Рупертомъ Кэри. Она рѣшила непремѣнно вывѣдать это отъ мужа утромъ, и заснула.

IX.

Лордъ Гольмъ проснулся очень поздно и въ совершенно другомъ настроеніи, чѣмъ наканунѣ. Лэди Гольмъ уже встала и, сидя у маленькаго столика передъ диваномъ, приготовляла чай. Она ласково пригласила мужа присоединиться къ ней. Видя по его лицу, что онъ самъ еще не знаетъ, продолжать ли ему вчерашнее, она приняла рѣшительныя мѣры, чтобы окончательно обезоружить его.

— Не бойся,—сказала она,—я рѣшила простить тебя. Вѣдь, въ концѣ концовъ, ты большой ребенокъ. Идемъ пить чай.

Она стала разливать чай очень граціозно и аппетитно. Солнечные лучи ярко озаряли уютную комнату. Черный пудель лэди Гольмъ сталъ на заднія лапки, чтобы привѣтствовать своего господина; побѣжденный этой семейной картиной, лордъ Гольмъ черезъ нѣсколько минутъ подошелъ, въ утреннемъ костюмѣ, къ дивану, на которомъ сидѣла жена. Выраженіе лица его было еще нерѣшительное, но чувствовалась возможность мирнаго исхода.

— Ты себя вела вчера чортъ знаетъ какъ! — полу-сердито сказалъ онъ.

Она погладила своей нѣжной бѣлой рукой его смуглую щеку.

— Мы оба вели себя чортъ знаетъ какъ, — отвѣтила она, и потому простимъ другъ другу, по-христіански. Вотъ тебѣ чай,. пей.

Она налила ему сливокъ въ чай и намазала масломъ поджаренный ломтикъ хлѣба. Онъ откинулся на диванѣ. Сонливость его окончательно прошла, и онъ ясно вспомнилъ обо всемъ случившемся наканунѣ.

— Зачѣмъ ты съ нимъ говорила?—спросилъ онъ.

— Пей чай. Я сама не знаю, почему. У него былъ так жалкій видъ, и мнѣ хотѣлось ободрить его.

— Жалкій! Онъ былъ пьянъ. Теперь онъ погубилъ себя в глазахъ общества — и чуть-чуть тебя не погубилъ вмѣстѣ с собой.

Лицо лорда Гольма нахмурилось при одномъ воспоминаніи. Жена его это замѣтила.

— Все зависитъ отъ тебя, Фрицъ, — сказала она съ нѣжностью въ голосѣ.—Если у насъ теперь все будетъ по старому, если увидятъ, что мы хороши другъ съ другомъ, — даже болѣе хороши, чѣмъ обыкновенно, то никому ничего и въ голову не придетъ. „Бѣдный Кэри!—скажутъ:—какъ жаль, что шампанское герцога такое хорошее!“ Больше ничего и не скажутъ. Но если замѣтятъ, что мы не совсѣмъ дружны, если ты будешь вести себя какъ ужаленный медвѣдь, тогда будетъ совсѣмъ другое. Скажутъ: „Какая непріятная сцена произошла въ домѣ герцога! Навѣрное, жена кругомъ виновата. Эти желтоволосыя женщины всегда создаютъ трагедіи вокругъ себя“.

— Желтоволосыя женщины! Можно ли такъ говорить о себѣ!—воскликнулъ лордъ Гольмъ, глядя на жену уже съ болѣе уступчивымъ видомъ.

— Миссъ Шлей слышала, что̀ ты ему сказала, — прибавилъ онъ.

— Кто самъ не говоритъ, всегда все слышитъ. Это вполнѣ понятно.

— Что̀ значитъ „не говоритъ“? Она очень разговорчива.

„Какъ внимательно она его слушала!“ — подумала лэди Гольмъ.—Если бы это слышала половина бывшихъ на балу,— прибавила она вслухъ,—то это, все-таки, не имѣло бы никакого значенія, если мы съ тобой не придадимъ этому значенія. Конечно, если только ты потомъ не учинилъ какого-нибудь скандала.

— Да, да,—сказалъ лордъ Гольмъ и сосредоточилъ все свое вниманіе на вкусной тартинкѣ. Лэди Гольмъ поняла, что мужъ ея рѣшилъ ничего не разсказывать. Скрывая свою досаду, она не настаивала и сразу перешла на другую тему.

— Лучше всего забыть и простить другъ другу, — сказала она.—Въ концѣ концовъ, мы мужъ и жена, и, очевидно, должны какъ-нибудь уживаться.—Она произнесла это какъ бы съ оттѣнкомъ сожалѣнія, что̀ и произвело надлежащее впечатлѣніе.

— Ты жалѣешь о томъ, что мы женаты? - спросилъ онъ, нахмурившись.

Она стала спокойно раздумывать.

— Жалѣю ли я? Я уже сама себя спрашивала. Такъ трудно быть въ чемъ-нибудь увѣренной Я должна сравнивать тебя съ другими мужчинами.

— Въ такомъ случаѣ и я могу вздумать сравнивать?

— Ты совершенно правъ. Но вѣдь ты уже навѣрное не

разъ сравнивалъ, и всегда потомъ рѣшалъ, что та, другая женщина—не годится тебѣ въ жены.

— Чортъ знаетъ, до чего ты самонадѣянна!—сказалъ онъ.

— Ты самъ меня сдѣлалъ такой, женившись на мнѣ и продолжая любить меня.

Они кончили пить чай. Въ комнатѣ было тихо и уютно; солнце ярко свѣтило. Лордъ Гольмъ взглянулъ на жену и подумалъ о томъ, какъ она всѣмъ нравится. Онъ зналъ, что многіе отдали бы все на свѣтѣ, чтобы увидать ее такой, какой она теперь сидѣла передъ нимъ. Онъ понялъ, что поступилъ бы непоправимо глупо, если бы поддался первой вспышкѣ гнѣва и дѣйствительно закрылъ бы передъ нею дверь своего дома.

— Я требую, чтобы ты никогда больше не разговаривала съ этимъ негодяемъ,—сказалъ онъ,—слышишь?

Удалось ли лорду Гольму такъ подѣйствовать на жену, что она рѣшила не разговаривать больше съ Кэри, или нѣтъ, но дѣло въ томъ, что она не имѣла случая, даже еслибы хотѣла, видѣться съ нимъ. Онъ уѣхалъ къ матери въ Шотландію. До отъѣзда онъ видѣлся только съ Робиномъ Пирсомъ, къ которому явился на слѣдующій же день, послѣ бала у герцога Аркеля. Робинъ былъ дома, и Кэри вошелъ къ нему своей обычной рѣшительной поступью. Онъ былъ очень блѣденъ, и по лицу его видно было, что онъ очень разстроенъ. Робинъ принялъ его холодно и не попросилъ его сѣсть. Онъ самъ стоялъ у дверей при входѣ Руперта и не пошелъ въ глубину комнаты.

— Я уѣзжаю сегодня,—сказалъ Кэри.

— Вотъ какъ!

— Да. Можно мнѣ сѣсть?

Робинъ ничего не отвѣтилъ. Кэри сѣлъ въ кресло.

— Ѣду къ матери. Какъ ни странно, а она всегда мнѣ рада. Это еще счастье для такихъ сыновей, какъ я.—Онъ сказалъ это съ нѣкоторой горечью, но съ оттѣнкомъ нѣжности. Робинъ закрылъ дверь, но не сѣлъ.

— Вы долго думаете пробыть у нея?

— Не знаю. Въ которомъ часу вы вчера ушли съ бала у Аркеля?

— Только послѣ ухода лэди Гольмъ.

— Ахъ, вотъ какъ!

Кэри сидѣлъ нѣсколько минутъ, не двигаясь и кусая свои рыжіе усы.

— Вы не были въ гостиной послѣ послѣдняго лансье?

— Нѣтъ.

— Не были!—Онъ сказалъ это съ нѣкоторымъ облегченіемъ; потомъ, слегка колеблясь, прибавилъ саркастическимъ тономъ:

— Но, конечно, вы знаете обо всемъ и, можетъ быть, въ преувеличенномъ освѣщеніи. Искусство сплетни еще не отжило свой вѣкъ. Можетъ быть, вы также видѣли, какъ меня выпроводили?

— Нѣтъ, не видѣлъ.

— Но, конечно, и объ этомъ знаете? Послушайте, нельзя ли велѣть принести мнѣ...

Но онъ не докончилъ фразы и, вскочивъ съ мѣста, сталъ ходить по комнатѣ.

— Боже мой!—воскликнулъ онъ:—что̀ со мной сталось!

Быстро бѣгая по комнатѣ, онъ остановился у статуэтки „Danseuse de Tunisie".

— Что̀ здѣсь главное—сама женщина или ея вѣеръ?—сказалъ онъ.— Я самъ не знаю. Безъ вѣера она кажется абсолютно-чистой, божественно-невинной. А съ вѣеромъ — въ ней есть нѣчто больше, чѣмъ красота, — нѣчто особенно привлекательное для насъ, сыновей сатаны... Впрочемъ, что̀ объ этомъ говорить! Матери не держатъ вѣера въ рукахъ, а я ѣду къ матери.

— Вы хотите сказать, что лэди Гольмъ...

Голосъ Робина звучалъ сурово.

— Зачѣмъ она мнѣ сказала, что хочетъ танцовать со мной?

— Развѣ она это сказала? Откуда вы знаете?

— Я не былъ настолько пьянъ, чтобы не слышать голоса, раздававшагося изъ эдема. Пирсъ, вы ее знаете. Она къ вамъ хорошо относится. Скажите ей, чтобы она, если можетъ, простила—и скажите, чтобы она не держала больше вѣера въ рукахъ, когда по близости такіе глупцы, какъ я...

Сказавъ это, Рупертъ быстро вышелъ изъ комнаты, оставивъ Робина одного.

Робинъ взглянулъ снова на статуэтку и вспомнилъ слова сэра Дональда, при первомъ взглядѣ на нее: „съ вѣеромъ въ рукахъ она порочна".

— Бѣдный Кэри!—пробормоталъ онъ. Его возмущеніе противъ Кэри, очень сильное сначала, теперь почти исчезло.

— Что̀, если бы я передалъ ему слова лэди Гольмъ о немъ во время ужина? Теперь, по всей вѣроятности, она измѣнила свое мнѣніе, хотя—какъ знать?—женщины всегда полны неожиданностей.—Онъ взялъ шляпу и перчатки и вышелъ изъ дому, чтобы пойти къ лэди Гольмъ и передать ей порученіе Кэри. Ревности онъ къ нему не чувствовалъ. Но лэди Гольмъ не было

дома. Уходя съ Кадоганъ-Сквера, Робинъ самъ не зналъ, жалѣетъ ли онъ, что не видѣлъ ее, или радъ этому?

Послѣ примиренія за утреннимъ чаемъ, лордъ Гольмъ опять, казалось, сталъ прежнимъ милымъ Фрицемъ, и лэди Гольмъ вполнѣ успокоилась, несмотря на то, что въ обществѣ продолжали сплетничать о ней. Она знала, что поступила неосторожно, но, главнымъ образомъ, была сердита на Кэри за то, что онъ оказался не на высотѣ положенія. Она хотѣла воспользоваться имъ, какъ орудіемъ для своихъ цѣлей, а онъ оказался жалкимъ, слабымъ тростникомъ... Изъ всего этого эпизода она вынесла презрѣніе къ мужчинамъ,— не задумываясь о томъ, что и она поступала неблаговидно, желая превратить живого человѣка въ слѣпое орудіе для своихъ эгоистическихъ цѣлей.

Она выѣзжала попрежнему часто въ сопровожденіи лорда Гольма. Она замѣчала, что на нее смотрятъ съ любопытствомъ, но все обошлось именно такъ, какъ она предсказывала. Все зависѣло отъ поведенія Фрица, а онъ велъ себя какъ слѣдуетъ. Даже герцогиня Аркель не осудила лэди Гольмъ за непріятную сцену въ ея домѣ. Она взвалила всю вину, какъ и слѣдовало ожидать, на плечи мужчины. Рупертъ Кэри, зато, былъ окончательно скомпрометтированъ. Всѣ были настроены противъ него. Одна только Амалія Вольфштейнъ, которая какъ ни старалась, а никакъ не могла добиться приглашенія къ Аркелямъ, старалась объяснить поведеніе Кэри качествомъ шампанскаго.

Лэди Гольмъ, однако, не была совсѣмъ спокойна. Ей показалось подозрительнымъ то, что Фрицъ такъ легко примирился съ ней. Ужъ не оставилъ ли онъ за собой права, въ виду ея вызывающаго поступка, пользоваться большей свободой, чѣмъ до сихъ поръ?

Черезъ нѣсколько дней послѣ знаменательнаго утренняго чая, лордъ Гольмъ сказалъ женѣ:

— Послушай, Ви, у насъ нѣтъ никакихъ обязательствъ на первое число?

Прошла довольно долгая пауза, прежде чѣмъ она отвѣтила:

— Есть. Мы приняли приглашеніе на обѣдъ къ Брэли.

У лорда Гольма вытянулось лицо.

— Къ Брэли? Какая скука!—воскликнулъ онъ.—Зачѣмъ ты приняла приглашеніе?

— Да вѣдь ты самъ рѣшилъ принять. Почему тебѣ такъ хочется быть свободнымъ перваго числа?

— Это—день дебюта миссъ Шлей, и всѣ собираются быть въ театрѣ.

— Вотъ какъ! Всѣ собираются тамъ быть? Очень жаль, что намъ не удастся. Придется поѣхать на второе представленіе. Второго числа мы свободны.

Но это рѣшеніе не удовлетворило лорда Гольма.

— Это вовсе не то же самое,—сказалъ онъ.—Очень важно присутствіе друзей именно на первомъ представленіи. Отъ этого зависитъ дальнѣйшій успѣхъ.

— И она полагаетъ, что именно аплодисменты твоихъ большихъ, сильныхъ рукъ наиболѣе нужны для ея успѣха? Но чтó жъ дѣлать, — не можемъ же мы не поѣхать на обѣдъ къ Брэли.

— Да вѣдь это самый скучный домъ въ Лондонѣ!—раздраженно сказалъ лордъ Гольмъ.—Отвратительный столъ—настоящая отрава — и еще худшее вино. Знаешь, въ послѣдній разъ, когда тамъ обѣдалъ Лэкокъ, ему дали...

— Бѣдный мистеръ Лэкокъ! Но чтò дѣлать! Я вѣдь, знаешь ли, тоже не хотѣла бы быть отравленной. Мнѣ жизнь дорога.

Спокойно-насмѣшливый тонъ лэди Гольмъ еще болѣе усилилъ досаду ея мужа.

— И чтò будетъ съ ложей? — спросилъ онъ.—Невозможно, чтобы большая ложа стояла пустой на первомъ представленіи. Это произведетъ непріятное впечатлѣніе на публику. Вѣдь я взялъ ложу и пригласилъ также Лэкока.

Вторичное повтореніе этого имени вывело, наконецъ, изъ терпѣнія лэди Гольмъ.

— Если въ ложѣ будетъ мистеръ Лэкокъ, то она уже не будетъ пустой, — сказала она. — Онъ будетъ достаточно бѣсноваться, чтобы заразить своими неистовыми аплодисментами всю публику. И вѣдь это все, чтò нужно миссъ Шлей?

— Вовсе нѣтъ,—сказалъ лордъ Гольмъ, вскакивая съ кресла. —Ей хотѣлось бы, чтобы ты была въ ложѣ.

— Я? зачѣмъ?

— Ты ей страшно нравишься, и она считаетъ тебя самой элегантной женщиной въ Лондонѣ.

— Я очень польщена,—отвѣтила лэди Гольмъ ледянымъ тономъ, — но даже самая элегантная женщина Лондона не можетъ пренебречь обѣдомъ у Брэли. Возьми ложу на второе представленіе.

Лордъ Гольмъ ничего не отвѣтилъ и вышелъ изъ комнаты видимо разстроенный. На слѣдующее утро онъ часовъ около двѣнадцати зашелъ въ будуаръ лэди Гольмъ съ сіяющимъ лицомъ.

— Я все устроилъ! — воскликнулъ онъ.— Положительно, я геніальный дипломатъ. Меня бы слѣдовало назначить посланникомъ.

Онъ грузно опустился въ кресло съ довольнымъ, какъ у школьника, лицомъ.

— Въ чемъ дѣло? — спросила лэди Гольмъ, сидѣвшая у письменнаго стола.

— Я отправился къ лэди Брэли, объяснилъ ей все, и она освободила насъ отъ сегодняшняго обѣда. Въ концѣ концовъ, она—подруга моей матери, знала меня еще ребенкомъ, и я вправѣ требовать отъ нея любезности. Она сначала казалась недовольной, но потомъ согласилась. Ты только напиши ей нѣсколько словъ и поблагодари ее.

— Да ты съ ума сошелъ!

— Ничуть.—Онъ вынулъ изъ бокового кармана письмо и передалъ его женѣ.

— Вотъ, прочти,—сказалъ онъ.

Лэди Гольмъ распечатала конвертъ и прочла: „Дорогая Віола, Гольмъ передалъ мнѣ, что вы по ошибкѣ приняли мое приглашеніе на первое число, забывъ, что уже раньше обѣщали непремѣнно присутствовать на какомъ-то первомъ представленіи. Мнѣ жаль, что я этого не знала раньше, но я, конечно, рада освободить васъ отъ обязательства относительно меня, и уже пригласила другихъ на ваше мѣсто.—Искренно ваша Марта Брэли".

Лэди Гольмъ прочла письмо, сложила его, положила на письменный столъ и повторила:

— Ты съ ума сошелъ, Фрицъ. Ты навсегда поссорилъ меня съ Мартой Брэли.

— Глупости!

— Напрасно ты такъ думаешь. И все это ради... ради...— Она остановилась, считая, что благоразумнѣе не продолжать. Но лицо ея вѣроятно ясно выражало то, чтò она умалчивала, такъ какъ даже такой ненаблюдательный человѣкъ, какъ ея мужъ, понялъ ее, и вдругъ сказалъ совершенно измѣнившимся тономъ:

— Вѣдь я простилъ тебѣ эпизодъ съ Кэри.

— Вотъ оно чтò! Око за око. Спасибо, Фрицъ!

— Не забудь написать нѣсколько словъ лэди Брэли,—сказалъ онъ преувеличенно громко, поднимаясь со стула.

— Хорошо, хорошо... Тебѣ, положительно, слѣдовало бы быть посланникомъ гдѣ-нибудь у дикарей.

Онъ ничего не сказалъ и вышелъ изъ комнаты, насвисты-

вая шансонетку. Послѣ его ухода, лэди Гольмъ сѣла къ столу и написала два короткихъ письма. Одно было адресовано лэди Брэли. Она писала, что виной недоразумѣнія была невозможная безтолковость Фрица, и что она сама въ отчаяніи отъ того, что̀ вышло, — послѣднее было дѣйствительно вѣрно. Въ другомъ письмѣ она пригласила сэра Дональда Ульфорда быть у нихъ въ ложѣ перваго числа, и просила его позвать также мистера и м-ссъ Лео Ульфордъ. Она прибавила, что если сэръ Дональдъ полагаетъ, что они примутъ приглашеніе, она сейчасъ же завезетъ свою карточку м-ссъ Ульфордъ, съ которой давно уже хочетъ познакомиться.

X.

Ульфорды приняли приглашеніе на первое число. Лэди Гольмъ завезла карточку м-ссъ Лео, и сказала мужу, что ложа уже полна. Ему это было безразлично. Важно было только, чтобы лэди Гольмъ была въ ложѣ, въ угоду миссъ Шлей, и чтобы съ ними былъ мистеръ Лэкокъ, для содѣйствія успѣху актрисы. Достигнувъ этого, лордъ Гольмъ снова пришелъ въ самое веселое настроеніе духа, которое, быть можетъ, радовало бы его жену, если бы она не догадывалась о причинѣ его веселости. Но она внѣшнимъ образомъ не высказывала своего неудовольствія, а напротивъ того, тоже старалась быть въ радужномъ настроеніи въ промежуткѣ между инцидентомъ съ Мартой Брэли и спектаклемъ. Лордъ Гольмъ не подозрѣвалъ однако, что въ эти дни она внутренно рѣшала вопросъ, идти ли ей въ театръ, или нѣтъ?

Ей, конечно, очень легко было уклониться подъ предлогомъ болѣзни. У нея могъ быть жестокій припадокъ мигрени — отъ этого никто не застрахованъ. Вопросъ былъ въ томъ, стоило ли, въ виду всѣхъ данныхъ обстоятельствъ, заболѣть въ вечеръ спектакля; подъ „данными обстоятельствами“ она подразумѣвала Лео Ульфорда, который казался ей теперь драгоцѣннымъ союзникомъ для противовѣса дружбѣ мужа съ миссъ Шлей. И кромѣ того, она надѣялась извлечь много забавнаго изъ м-ссъ Лео; она рѣшила посадить Фрица рядомъ съ глухой птицеобразной старухой, и заранѣе улыбалась, представляя себѣ его досаду. Словомъ, она была почти увѣрена, что у нея не будетъ мигрени перваго числа.

Но было нѣчто, очень ее безпокоившее. Это было высказан-

ное американкой желаніе, чтобы она присутствовала на первомъ представленіи. Очевидно, она добивалась этого не потому, что считала ее самой элегантной женщиной, какъ сказалъ лордъ Гольмъ. Къ тому же, лэди Гольмъ не была самой элегантной женщиной въ Лондонѣ и не считала себя таковой. Она вспомнила предостереженіе Робина Пирса на балу у Аркелей: „Считайте, что вы съ ней враги по какимъ-то скрытымъ женскимъ причинамъ, или совсѣмъ безъ причины—и будьте осторожнѣе". Быть ли ей въ виду этого въ театрѣ, исполняя просьбу американки?

Она все-таки поѣхала на спектакль. Повліялъ ли на ея рѣшеніе тотъ фактъ, что перваго числа утромъ прибыло изъ Парижа необыкновенное бѣлое кружевное платье, сидѣвшее на ней такъ, что этого нельзя выразить словами, — объ этомъ она никому ничего не сообщала.

„Британскій театръ", въ которомъ выступила миссъ Шлей, былъ построенъ въ новомъ стилѣ, т.-е. почти безъ ложъ, въ виду того, что публика предпочитаетъ кресла и стулья. Были только двѣ большія ложи бель-этажа, по обѣ стороны сцены. Одну ложу взялъ лордъ Гольмъ, другую—м-ссъ Вольфштейнъ.

Успѣхъ миссъ Шлей въ лондонскомъ обществѣ собралъ въ театръ очень блестящую публику. Кромѣ обычныхъ посѣтителей театральныхъ премьеръ, кромѣ представителей прессы, театръ былъ полонъ свѣтской публикой—и все это были хорошіе друзья лэди Гольмъ, какъ, напримѣръ, лэди Кардингтонъ, лэди Манби, Салли Персиваль со своимъ красивымъ полу-идіотичнымъ мужемъ, Робинъ Пирсъ, мистеръ Брэй и множество другихъ. Было также много фешенебельныхъ американцевъ, хотя всѣ они видѣли эту пьесу въ Нью-Іоркѣ, и въ оригиналѣ—въ Парижѣ.

Лордъ и лэди Гольмъ пріѣхали сравнительно рано. Лэди Гольмъ ненавидѣла пріѣзжать куда бы то ни было рано, но мужъ ея безпокоился и суетился, боясь опоздать къ началу, такъ какъ онъ хотѣлъ устроить дружественный пріемъ миссъ Шлей. Лэди Гольмъ уступила его настойчивости, и они вошли въ ложу минутъ за семь до поднятія занавѣса. Партеръ былъ еще, конечно, пустъ, и по мѣрѣ того, какъ онъ наполнялся, она увидѣла лица друзей, обращенныхъ на нее съ изумленіемъ. При другихъ обстоятельствахъ это бы забавляло ее, но теперь это ее раздражало. Мистеръ Лэкокъ явился тотчасъ же послѣ нихъ и сталъ оживленно разговаривать съ Фрицемъ. Затѣмъ пришелъ сэръ Дональдъ. У него былъ еще болѣе изможденный видъ, чѣмъ обыкновенно. Онъ сѣлъ подлѣ лэди Гольмъ, за ея спиной.

Онъ былъ видимо разстроенъ, но по выраженію его блѣдныхъ голубыхъ глазъ, когда онъ впервые взглянулъ на нее, она поняла, что у нея въ этотъ вечеръ видъ побѣдительницы. Взглядъ его скользнулъ отъ ея лица на плечи и платье. На ней не было бриліантовъ,—и это понравилось изысканному вкусу сэра Дональда. Лэди Гольмъ видѣла, что она нравится ему, и онъ тоже показался ей необыкновенно привлекательнымъ въ этотъ вечеръ.

Лео Ульфордъ съ женой пріѣхали какъ-разъ въ тотъ моментъ, когда поднимался занавѣсъ; имъ пришлось раскланиваться съ знакомыми и садиться какъ можно тише. Лэди Гольмъ очень искусно разсадила всѣхъ. Ближе всѣхъ къ сценѣ сидѣлъ мистеръ Лэкокъ, потомъ—Лео Ульфордъ, по правую сторону отъ лэди Гольмъ. Съ лѣвой стороны сидѣлъ сэръ Дональдъ. М-ссъ Лео сидѣла на почетномъ мѣстѣ, рядомъ съ лордомъ Гольмомъ. Она была вся въ розовомъ, съ розовой же эгреткой въ волосахъ, прикрѣпленной бриліантовымъ аграфомъ. На тонкой, выдающей ея старость, шеѣ было широкое бриліантовое ожерелье, какъ на балу у Аркелей. Усѣвшись въ свое кресло, въ углу, она стала поглядывать на лэди Гольмъ своимъ птичьимъ, растеряннымъ взглядомъ. Лордъ Гольмъ посмотрѣлъ на ея слуховой рожокъ, и, взглянувъ на него, лэди Гольмъ не пожалѣла, что пріѣхала въ театръ. Въ ложѣ vis-à-vis сидѣла м-ссъ Вольфштейнъ въ кричащемъ туалетѣ, вся залитая бриліантами; кромѣ нея и ея мужа, въ ложѣ были ихъ родственники: дама, тоже одѣтая очень крикливо и чрезмѣрно богато, и двое мужчинъ; это были все очень богатые люди, члены синдиката, поддерживающаго миссъ Шлей. Лэди Гольмъ увидѣла, какъ сэръ Дональдъ взглянулъ на разряженныхъ дамъ въ ложѣ vis-à-vis, и потомъ—на нее. Положительно, вечеръ былъ очень удачный.

Лео Ульфордъ былъ, повидимому, стѣсненъ присутствіемъ отца и жены въ ложѣ. Онъ посматривалъ сбоку на отца, потомъ—на лэди Гольмъ, барабанилъ рукой по колѣну и вообще казался неувѣреннымъ въ себѣ.

— Не могу я говорить въ присутствіи отца,—сказалъ онъ на ухо лэди Гольмъ во время первой сцены.

— Молчите, теперь не время разговаривать,—отвѣтила она ему тоже шопотомъ, и съ видимымъ интересомъ стала смотрѣть на сцену. М-ссъ Лео приложила рожокъ къ уху, а лордъ Гольмъ, не отводя глазъ, смотрѣлъ на сцену и уже приготовилъ руки для оглушительныхъ привѣтствій миссъ Шлей, когда она выйдетъ на сцену. Лэкокъ, сидѣвшій въ другомъ углу ложи, тоже

былъ весь поглощенъ спектаклемъ. Лэди Гольмъ поглядѣла на него и съ улыбкой сказала сэру Дональду:

— Кажется, сегодня мы убѣдимся, что кляка еще не уничтожена въ Англіи.

Онъ поднялъ брови съ печальнымъ видомъ.

— Я не возлагаю особенныхъ надеждъ на ея игру,—проговорилъ онъ. Лэди Гольмъ приложила вѣеръ къ губамъ.

Она увидѣла, какъ Лео Ульфордъ сердито взглянулъ на своего отца. М-ссъ Вольфштейнъ кивнула головой изъ своей ложи, и лэди Гольмъ замѣтила, что улыбка ея была болѣе ядовитой, чѣмъ обыкновенно, а ея большіе черные глаза глядѣли съ видимымъ торжествомъ. У м-ссъ Вольфштейнъ было очень выразительное лицо, а въ этотъ вечеръ она совершенно не сдерживалась, и громко выражала злорадное ожиданіе чего-то, чего лэди Гольмъ не могла угадать. Она только не сомнѣвалась, что готовится какая-то непріятность именно ей. Чтò бы это могло быть? Было ли это въ связи съ желаніемъ миссъ Шлей, чтобы лэди Гольмъ была въ театрѣ? Ей захотѣлось, чтобы американка поскорѣе уже появилась на сценѣ, и чтобы кончилось непріятное ожиданіе. Но она уже знала, что героиня пьесы появится только передъ самымъ концомъ акта.

Первое дѣйствіе шло очень вяло, такъ какъ изъ пьесы изъята была для англійской сцены всякая рискованность, и осталась только скучная, банальная интрига. Публика позѣвывала, а въ томъ числѣ и лордъ Гольмъ, который немилосердно скучалъ и едва могъ скрыть зѣвоту. Онъ пробовалъ перекидываться съ Лэкокомъ, но, вмѣсто его взгляда, встрѣтилъ упорный взглядъ Лео Ульфорда и отвернулся. Съ отчаянія онъ повернулся къ м-ссъ Лео, и прежде всего увидѣлъ ея слуховой рожокъ. Онъ взглянулъ на него съ нѣкоторымъ ужасомъ, но уже было-рѣшился спросить въ него: „Не знаете ли, когда она появится?“—какъ вдругъ раздались слабые аплодисменты, и на сценѣ появилась миссъ Шлей. Онъ не успѣлъ устроить ей блестящую встрѣчу, какъ хотѣлъ. Онъ уже поднялъ руки, чтобы все-таки начать бурю аплодисментовъ, хотя и нѣсколько запоздалую, но его остановилъ насмѣшливый взглядъ жены. Она глядѣла на него покровительственно, какъ на шалуна-мальчишку, и, не выдержавъ этого взгляда, онъ моментально опустилъ руки на колѣни.

Онъ устремилъ взглядъ на сцену. Миссъ Шлей была поразительно похожа на Віолу. Было совершенно ясно, что она намѣренно имитировала лэди Гольмъ, играя роль французской кокотки. Вступительная сцена Шлей была очень короткая, но въ

ней она уже смогла обрисовать женщину несомнѣнно порочную, преслѣдующую низменныя цѣли безъ всякаго зазрѣнія совѣсти. Самое поразительное въ игрѣ миссъ Шлей было ея сходство съ лэди Гольмъ, обращенное ею въ средство опорочить жертву ея мимическаго таланта. Весь внѣшній обликъ лэди Гольмъ былъ возсозданъ съ полной точностью и превращенъ въ маску сознательной нравственной испорченности. Еслибы, вмѣсто свѣтской женщины, актриса изображала какое-нибудь всѣмъ извѣстное лицо, вся публика сразу поняла бы, кого она имитируетъ. А теперь это было ясно только для многочисленныхъ знакомыхъ лэди Гольмъ, и всѣ они, во время короткой сцены, обернулись въ ея сторону. Множество глазъ устремилось на большую ложу, въ которой она сидѣла, спокойно опершись одной рукой на барьеръ и глядя на миссъ Шлей спокойно, совершенно равнодушно. Даже сэръ Дональдъ, невольно взглянувшій на нее, когда злая каррикатура актрисы сдѣлалась особенно очевидной, не могъ рѣшить, замѣтила ли она то, что̀ забавляло или сердило всѣхъ ея знакомыхъ.

Она, конечно, сразу все поняла, и ей стало яснымъ, почему миссъ Шлей такъ хотѣла, чтобъ она была въ театрѣ. Глядя на наглую игру актрисы, лэди Гольмъ какъ бы видѣла самое себя послѣ долгой dégringolade, которая довела ее не до уличной грязи, но до разгульной жизни въ модныхъ ресторанахъ, модныхъ кафе-шантанахъ, до разгула, выходящаго за границы всего дозволеннаго въ обществѣ. Вотъ какой она представлялась въ толкованіи миссъ Шлей. Непріятнѣе всего было то, что эта искусная месть американской актрисы послѣдовала непосредственно за сценой у Аркелей. Не будь той сцены, выходка миссъ Шлей не разстроила бы лэди Гольмъ. Но какъ разъ теперь, когда общество было слегка расположено усомниться въ ней, ловкая каррикатура, изображавшая ее порочной женщиной, могла несомнѣнно произвести впечатлѣніе. Она видѣла, какъ дѣйствовала игра миссъ Шлей на различныхъ ея знакомыхъ, видѣла открытое злорадство м-ссъ Вольфштейнъ, смѣхъ на лицѣ лэди Манби, видѣла едва сдерживаемое возмущеніе Робина Пирса и изумленіе, граничащее съ ужасомъ, на лицѣ лэди Кардингтонъ.

Когда занавѣсъ опустился, на лицахъ публики замѣтно было большое изумленіе. Актерскій талантъ миссъ Шлей былъ спорный, но было несомнѣнно, что когда она на сценѣ, публикѣ не можетъ быть скучно. Она сразу изгнала скуку, овладѣвшую зрителями до нея, закрыла зѣвающіе рты, прекратила кашель, который служитъ всегда признакомъ невниманія.

Лэди Гольмъ откинулась на своемъ креслѣ.

— Какъ она вамъ понравилась? — спросила она сэра Дональда.—По моему, она пикантна. Ее нельзя сравнить, конечно, съ Гранье, но...

— Я считаю ея игру наглостью!—отвѣтилъ онъ съ необычнымъ возбужденіемъ.— Она отвратительна! — Онъ всталъ, сказавъ еще разъ: — Она играетъ вульгарно, гнусно! — и быстро вышелъ изъ ложи.

— Эге!

Лэди Гольмъ, удивленная рѣзкимъ поведеніемъ сэра Дональда, взглянула вопросительно на Лео.

— Эге!—повторилъ онъ.—Чтò это съ отцомъ?

— Ему, кажется, не нравится пьеса.

Лицо Лео Ульфорда сдѣлалось необыкновенно серьезнымъ, какъ будто онъ размышлялъ о чрезвычайно важномъ вопросѣ. Онъ устремилъ голубые глаза на лэди Гольмъ и сказалъ, понизивъ голосъ:

— Бѣдный отецъ. Въ его-то годы!—Въ голосѣ его звучало мальчишеское презрѣніе.

— Я не понимаю, чтò вы хотите сказать.

— Вы отлично понимаете. Влюбляться въ его возрастѣ— какъ это безнадежно! — Онъ взглянулъ на нее съ улыбкой и прибавилъ:—Я радъ, что я молодъ.

— Я тоже рада за васъ,—отвѣтила она.—Но относительно сэра Дональда вы ошибаетесь.

Она продолжала глядѣть на него. Онъ покачалъ головой.

— Нѣтъ, не ошибаюсь. Я догадался объ этомъ, когда въ первый разъ увидѣлъ васъ въ „Карльтонъ-отелѣ". Въ теченіе всего лёнча онъ не отводилъ отъ васъ глазъ.

— Но какое это имѣетъ отношеніе къ игрѣ миссъ Шлей?

— А то, что она нѣсколько похожа на васъ — только на васъ, опустившуюся очень низко, — такъ, какъ вы никогда не можете опуститься.

Онъ подвинулъ свой стулъ поближе къ ней и прибавилъ:

— Или, быть можетъ, я ошибаюсь?

Мистеръ Лэкокъ, пришедшій въ восторгъ отъ игры миссъ Шлей, поднялся, чтобы поговорить съ Фрицемъ, но тотъ былъ совершенно во власти м-ссъ Лео. Каждый разъ, когда онъ открывалъ ротъ, она приближала къ нему свой рожокъ, засыпая его при этомъ вопросами, переспрашивая каждое слово и хлопая своими накрашенными вѣками.

Раздался стукъ въ дверь, и въ ложу вошла набѣленная и

нарумяненная м-ссъ Вольфштейнъ. Лордъ Гольмъ вскочилъ съ нескрываемымъ облегченіемъ.

— Ну, какъ вамъ понравилась Пимпернель? Мистеръ Лэковъ, добрый вечеръ. Я слышала ваши дружественные апплодисменты.

— Поразительно! — зычнымъ голосомъ произнесъ лордъ Гольмъ, и Лэкокъ вторилъ его словамъ, тоже выражая свои восторги. М-ссъ Вольфштейнъ бросилась порывистымъ движеніемъ къ лэди Гольмъ и стала крѣпко жать ей руки.

— Дорогая, какъ мило, что вы пришли—и въ какомъ дивномъ платьѣ! Въ такихъ кружевныхъ одеждахъ навѣрное ходятъ ангелы. Вамъ понравилась Пимпернель?

Ея слишкомъ блестящіе глаза—все въ м-ссъ Вольфштейнъ, даже ея глаза, казалось чѣмъ-то чрезмѣрнымъ—жадно глядѣли на лэди Гольмъ, и въ крупныхъ чертахъ лица видно было безграничное любопытство.

— Да,—сказала лэди Гольмъ,—она мнѣ очень нравится.

— Она всѣхъ изумила.

— Изумила—чѣмъ?

— Какъ вамъ сказать?—фактъ тотъ, что изумила. Этимъ можно заработать огромныя деньги, увѣряю васъ.

Мужъ м-ссъ Вольфштейнъ, сопровождавшій ее, стоялъ въ глубинѣ ложи съ видомъ вора, таящагося въ темнотѣ, но при упоминаніи о деньгахъ онъ нѣсколько выдвинулся впередъ.

— Я, къ сожалѣнію, не могу судить объ этомъ,—спокойно сказала лэди Гольмъ.—Вашъ мужъ—болѣе компетентный судья въ данномъ случаѣ.

— Такія представленія могутъ дать много денегъ,—сказалъ Генри Вольфштейнъ тихимъ голосомъ.—Театръ можетъ заработать добрыхъ шесть тысячъ фунтовъ въ мѣсяцъ. Это выходитъ—десять процентовъ на миссъ Шлей, двадцать-пять процентовъ синдикату...—онъ погрузился въ высчитываніе процентовъ.

— Курица, несущая золотыя яйца, — сказала лэди Гольмъ беззаботнымъ тономъ и снова поворачиваясь къ Лео Ульфорду.— Но не убивайте миссъ Шлей!

М-ссъ Вольфштейнъ взглянула на Лэкова и шепнула ему на ухо:

— Если ужъ говорить объ убійствѣ, то, кажется, роль палача играетъ сегодня Пимпернель.

Они вмѣстѣ вышли изъ ложи, а за ними послѣдовалъ Генри, все еще погруженный въ разсчеты. Лордъ Гольмъ рѣшительно отстранилъ слуховой рожокъ и тоже приготовился уйти, громко

крикнувъ въ рожокъ, что у него болятъ зубы и ему велѣно какъ можно больше курить. Но въ эту минуту занавѣсъ поднялся и началось второе дѣйствіе. Миссъ Шлей приняла приглашеніе на ужинъ послѣ театра, и потому старалась не затягивать спектакля. Лордъ Гольмъ снова сѣлъ на свое мѣсто, повидимому весьма недовольный. М-ссъ Ульфордъ пробовала опять мучить вопросами лорда Гольма, но ее сердито окликнулъ мужъ, дотронувшись до ея плеча, и она растерянно замолкла съ появившимся вдругъ старушечьимъ выраженіемъ на птичьемъ лицѣ. Она взглянула на мужа и на лэди Гольмъ, потомъ опустила слуховой рожокъ и дрожащими руками поправила бриліанты на своей открытой шеѣ.

Лэкокъ тоже тотчасъ же вернулся въ ложу, но сэръ Дональдъ не возвращался.

— Онъ не вернется,—прошепталъ Лео лэди Гольмъ.—Главнымъ образомъ потому, что я здѣсь. — Онъ взглянулъ на нее побѣдоносно. — Вы завтра получите отъ него письмо. Бѣдный старикъ!—Онъ произнесъ это презрительно.

Лордъ Гольмъ вдругъ обратилъ вниманіе на перешептываніе жевы и Лео, и лицо его приняло недовольное выраженіе. У него задвигалась нижняя челюсть. Но въ это время на сцену вышла миссъ Шлей, и все его вниманіе сосредоточилось на ней.

Въ теченіе всего дальнѣйшаго представленія миссъ Шлей не отклонялась отъ своей имитаціи, но и не подчеркивала ее сильнѣе. Она ярче всего намѣтила свою цѣль въ первомъ дѣйствіи, а въ двухъ остальныхъ только придерживалась установленныхъ ею линій. Лэди Гольмъ невозмутимо досмотрѣла представленіе до конца, но раньше чѣмъ занавѣсъ опустился, она ясно знала, что не будетъ тушить пламя, загорѣвшееся въ ней. Поведеніе Фрица должно было рѣшить, будетъ ли она тушить пламя, или напротивъ того, разжигать его,—и онъ велъ себя такъ, что она рѣшилась на второе. Возможно, что и Лео Ульфордъ повліялъ на ея рѣшеніе. Возможно также, что лица друзей въ театрѣ сыграли свою роль въ безмолвной драмѣ, которая развивалась параллельно драмѣ, происходившей на сценѣ. Лэди Гольмъ не задавала себѣ, однако, этихъ вопросовъ. Когда Лэкокъ сталъ неистово выполнять роль кляки, она поднялась съ кресла и кивнула м-ссъ Вольфштейнъ въ знакъ своего одобренія миссъ Шлей и сочувствія ея успѣху. При этомъ она слегка коснулась одной рукой другой, чтобы показать м-ссъ Вольфштейнъ и ея друзьямъ, что и она апплодируетъ актрисѣ. Затѣмъ она надѣла мантó съ помощью Лео Ульфорда, и сказала нѣсколько

любезныхъ словъ въ слуховой рожокъ м-ссъ Лео, продѣлывая все это среди аплодисментовъ, которыми оглашалъ театръ ея мужъ. Когда, наконецъ, онъ пересталъ аплодировать, она сказала Лео:

— Мы ѣдемъ къ Эльвинамъ. Вы тамъ будете?

— Да,—отвѣтилъ онъ, наклоняясь къ ней.

— Тогда мы сможемъ обо всемъ спокойно поговорить. Фрицъ!..

— Что ты сказала объ Эльвинахъ?—спросилъ лордъ Гольмъ.

— Я сказала мистеру Ульфорду, что мы отправляемся туда.

— Не я, во всякомъ случаѣ. Я въ первый разъ слышу объ этомъ.

Лэди Гольмъ хотѣла-было отвѣтить, что она приняла приглашеніе Эльвиновъ только по его же настоянію, но обращенный на нее взглядъ Лео Ульфорда остановилъ ее.

— Хорошо,—сказала она.—Ты можешь отправиться въ клубъ, если хочешь, но я должна поѣхать къ нимъ. М-ссъ Ульфордъ, не правда ли, миссъ Шлей очаровательна?—Она вышла изъ ложи подъ-руку съ м-ссъ Ульфордъ и говоря ей что-то любезное въ слуховой рожокъ.

— Вы тоже ѣдете къ Эльвинамъ?—спросилъ не особенно любезнымъ тономъ лордъ Гольмъ Лео Ульфорда, когда оба они, надѣвъ пальто, послѣдовали за дамами.

— Это зависитъ отъ моей жены. Если она слишкомъ устала...

Лордъ Гольмъ зажегъ спичку и закурилъ папиросу, пренебрегая правилами театра. Ему захотѣлось тоже отправиться къ Эльвинамъ. Но ему предстоялъ ужинъ, и, вспомнивъ объ этомъ, онъ забылъ про жену и Ульфорда.

XI.

М-ссъ Вольфштейнъ была права. Спектакли миссъ Шлей давали огромный доходъ театру. Ея пикантная игра чрезвычайно нравилась добродѣтельной англійской публикѣ; слава ея росла, и вскорѣ она сдѣлалась одной изъ самыхъ популярныхъ въ Лондонѣ актрисъ, что, конечно, все болѣе и болѣе увеличивало интересъ къ ней и внѣ сцены. У нея образовалось огромное количество поклонниковъ. Ея слава, въ соединеніи съ ея личнымъ обаяніемъ, кружила голову и лорду Гольму, и онъ даже не хотѣлъ и не умѣлъ скрывать отъ свѣта свою влюбленность. Онъ обнаруживалъ ее съ полной наивностью, даже нѣсколько смѣшной, совершенно мальчишеской. Постороннихъ это очень

забавляло, но лэди Гольмъ не могла смотрѣть съ улыбкой на его мальчишество. Ея живой темпераментъ заявилъ о себѣ. Прежде ей не приходилось проявлять своей бурной души. Жизнь ея протекала мирно и счастливо. Всѣ бури проносились безслѣдно, потому что всегда солнце было близко, и ея самолюбіе никогда не страдало. Даже то, что̀ она называла тиранiей лорда Гольма, свидѣтельствовало объ его глубокой любви къ ней. Онъ любилъ свою жену, восхищался ея красотой и гордился общимъ поклоненiемъ ей. Она это знала, и это удовлетворяло ея самолюбіе.

Но вдругъ жизнь обернулась къ ней темной стороной. Судьба заставляла ее страдать и отъ оскорбленнаго тщеславія, и даже отъ попранной любви. Этотъ ударъ былъ неожиданнымъ и тяжелымъ. Она чувствовала, что теряется, что ее какъ бы окружаетъ какой-то туманъ, изъ котораго до нея доносятся никогда не слыханные до того насмѣшливые голоса, угрожаютъ какіе-то страшные призраки. Потомъ все стало проясняться, но то, что̀ ей ясно представилось, было еще страшнѣе. Она увидѣла, что мужъ ея измѣнилъ ей и перенесъ свое поклоненіе, можетъ быть даже свои чувства, на женщину, столь дерзко оскорбившую ее. Онъ сдѣлалъ это совершенно открыто, и это было для нея какъ бы ударомъ бича, пробудившимъ въ ней все, что̀ было бурнаго въ ея крови. Въ каждой женщинѣ скрыта другая женщина, болѣе бурная и нѣжная, болѣе добрая и злая, болѣе сильная и пламенная, чѣмъ та, которая появляется въ обычномъ теченіи жизни,—женщина, которая плачетъ кровью, когда другія плачутъ слезами, которая готова занести надъ другимъ человѣкомъ пламенный мечъ тогда, когда другая женщина играетъ только камышевой тросточкой. Эта женщина проснулась въ лэди Гольмъ, готовая къ битвѣ. Смѣющійся, легкомысленный свѣтъ не понималъ ее. Не понималъ ее и ея мужъ, но сама она, наконецъ, поняла себя. Она вспомнила теперь о томъ, какъ вѣрилъ въ нее Робинъ Пирсъ, и вспомнила о своей легкомысленной отповѣди на его слова. Онъ твердо хранилъ вѣру въ какое-то далекое существо, которое онъ находилъ въ ней. Но она—другая, чѣмъ онъ думаетъ. Онъ воображалъ, что за ея прекрасной оболочкой таится сирена съ нѣжнымъ сердцемъ, съ поэтическимъ воображеніемъ, съ благоуханными грёзами, съ отраженіемъ неземного въ глазахъ. Бѣдный Робинъ! Лэди Гольмъ не могла удержаться отъ жалости къ нему, сравнивая себя, такую, какова она въ дѣйствительности, съ его мечтой. Она чувствовала, что въ ней говоритъ теперь только оскорбленное самолюбіе. Она

вспомнила, какъ она спрашивала Фрица, будетъ ли онъ любить ее, когда она утратитъ свою красоту. Тогда ей не приходило въ голову, что власть ея надъ нимъ могла бы ослабѣть, пока она сохраняетъ красоту. Она не думала и теперь, что власть эта окончательно разрушена, но рѣшила энергично бороться съ оскорбившей ее дерзкой женщиной. Но она будетъ бороться не слишкомъ явно, чтобы другіе не видѣли, что̀ въ ней происходитъ. Послѣ сцены у Аркелей она знала, что ей нужно сильно держать себя въ рукахъ, чтобы не повредить себѣ самой. Достаточно было внѣшнихъ обстоятельствъ, противъ которыхъ приходилось бороться,—нужно поэтому, чтобы внутреннія силы не становились еще большей преградой въ борьбѣ. Нужно управлять собой—тогда успѣхъ возможенъ.

Рѣшивъ это, она, однако, вовсе не тушила въ себѣ пламени, которое загорѣлось въ ней на первомъ спектаклѣ миссъ Шлей. Напротивъ того, она раздула это пламя. Она сдѣлала это на балу у Эльвиновъ. Она ясно сознавала, что дѣйствуетъ изъ жажды мщенія, и сознательно отдалась этому чувству. Она точно говорила себѣ: я знаю, что такъ поступать нехорошо, но я нарочно поступлю нехорошо—только сдѣлаю это умѣло. У Эльвиновъ она узнала, почему ея мужъ не поѣхалъ съ ней. Она долго оставалась на вечерѣ въ угоду Лео Ульфорду. Въ два часа ночи пріѣхалъ Лэкокъ, и разсказалъ Лео Ульфорду о блестящемъ фестивалѣ, устроенномъ лордомъ Гольмомъ въ честь миссъ Шлей. Съ этого фестиваля Лэкокъ и пріѣхалъ. Лео передалъ его разсказъ лэди Гольмъ, которая сдѣлала видъ, что знала о предстоящемъ ужинѣ. Но про себя она тутъ же рѣшила отомстить, и дала волю своему вызывающему настроенію, совершенно не заботясь о томъ, что у бѣдной м-ссъ Лео Ульфордъ все чаще и чаще моргали красныя вѣки.

Лео Ульфордъ съ первой же встрѣчи ей понравился своимъ сходствомъ съ лордомъ Гольмомъ. Какъ бы смѣялись въ свѣтѣ надъ такимъ буржуазнымъ чувствомъ привязанности къ мужу! Она подумала, что, можетъ быть, Фрицу миссъ Шлей нравится тоже своимъ сходствомъ съ нею. Можетъ быть, американка привлекаетъ его тѣмъ, что даетъ ему образъ его жены,—только до нѣкоторой степени втоптанной въ грязь, утратившей свою неприступную чистоту. Можетъ быть, и слѣдуетъ быть такой, чтобы нравиться, и почему бы ей не пойти этимъ путемъ? Но она сейчасъ же поняла, что помимо того, что это было невозможно, это было бы и безполезно. То, что̀ можетъ нравиться Фрицу въ какой-нибудь миссъ Шлей, было бы нестерпимо для него въ его

женѣ. Съ чисто женской быстротой разсужденія въ подобныхъ случаяхъ, она задумалась о противоположномъ совѣтѣ, данномъ ей Робиномъ Пирсомъ. Можетъ быть, онъ былъ правъ, совѣтуя ей обнаружить свою истинную высокую сущность. Можетъ быть, дѣйствительно, миссъ Шлей не могла бы соперничать съ нею, еслибы она въ жизни была такой, какой она казалась, когда пѣла. Но она знала, что это невозможно, что если въ ней и есть ангелъ, передъ которымъ преклоняется Робинъ, то столь же силенъ въ ней инстинктъ тигрицы. И ей казалось, что тигрица легче одерживаетъ побѣду, чѣмъ ангелъ, до котораго никому, и въ особенности ея мужу, въ сущности нѣтъ дѣла.

Она не знала, какъ далеко зашло чувство лорда Гольма къ актрисѣ, и даже не задумывалась объ этомъ. Ея ревность страдала и отъ того вниманія, которое онъ оказывалъ миссъ Шлей. Внѣшнія отношенія лэди Гольмъ съ мужемъ были хорошія. Она не дѣлала ему никакихъ упрековъ, и онъ, который только этого и боялся, былъ въ отличномъ настроеніи духа. Она настолько сдерживала себя, что ни намекомъ не показала, что знаетъ объ ужинѣ, устроенномъ имъ американкѣ. Объ этомъ было напечатано даже въ газетахъ, но изъ молчанія жены лордъ Гольмъ заключилъ, что она не прочла объ этомъ, и продолжалъ быть веселымъ и беззаботнымъ. А въ свѣтѣ, тѣмъ временемъ, смотрѣли съ улыбкой на явное торжество безстыдства, и ждали, что̀ изъ этого выйдетъ. Истинно огорченныхъ происходившимъ было очень немного,—и однимъ изъ немногихъ былъ сэръ Дональдъ. Робинъ Пирсъ тоже былъ огорченъ, но не такъ безкорыстно, какъ сэръ Дональдъ. Онъ бы ничего не имѣлъ противъ того, чтобы Гольмы разошлись, хотя, конечно, изъ дружбы къ лэди Гольмъ, онъ страдалъ за нее. Онъ бы даже, быть можетъ, еще болѣе сочувствовалъ ей, еслибы она изъ жажды мести не завела дружбу съ Лео Ульфордомъ, къ отчаянію м-ссъ Лео и къ изумленію сэра Дональда.

Робину скоро приходилось уѣзжать изъ Лондона. Сезонъ былъ въ самомъ разгарѣ. Каждый день былъ заполненъ приглашеніями, и трудно было найти свободный часъ для интимной дружеской бесѣды. Но Робинъ рѣшилъ непремѣнно поговорить съ лэди Гольмъ до отъѣзда въ Италію, и попросилъ ее назначить ему часъ. Она нѣсколько разъ назначала, а потомъ отказывала, чувствуя особое злорадное удовольствіе въ томъ, чтобы нарушать слово кому-нибудь. Но Робинъ упрямо настоялъ на своемъ и добился того, что лэди Гольмъ пріѣхала къ нему въ назначенный ею часъ. Она никогда прежде у него не бывала,

считая это неосторожнымъ. Но теперь ей было пріятно дѣлать все, чтò не слѣдовало.

Робинъ встрѣтилъ ее взволнованный и провелъ въ синюю комнату, гдѣ сэръ Дональдъ познакомился впервые съ Кэри. „Danseuse de Tunisie“ попрежнему стояла на своемъ пьедесталѣ, держа въ рукахъ мраморный вѣеръ. Комната была украшена цвѣтами, и подлѣ дивана стоялъ столъ, накрытый къ чаю. Лэди Гольмъ сѣла на диванъ и облокотилась на спинку. Она была въ черномъ платьѣ и маленькой черной шляпѣ, украшенной синимъ крыломъ. Лицо у нея было веселое, но Робинъ понялъ, что веселость ея напускная.

— Мнѣ бы не слѣдовало приходить сюда. Фрицъ очень ревнивъ.

Ея естественный тонъ изумилъ Робина.

— Да вѣдь вы лучше играете, чѣмъ миссъ Шлей,—сказалъ онъ съ намѣренной неделикатностью.

— Я люблю ея игру.

— Послушайте, я уѣзжаю и долго не буду васъ видѣть. Поэтому, пожалуйста, не разыгрывайте передо мной сегодня комедію, а будьте сами собой. Если вамъ тяжело, то выносите страданія, а не отказывайтесь отъ нихъ.

— Я не страдаю. Нѣтъ ничего въ жизни достойнаго страданій и слезъ,—рѣзко сказала она.

— Нѣтъ, есть. Но только то, чтò вы оплакиваете, не стоитъ слезъ.

Лицо ея измѣнилось, веселость исчезла.

— Я ничего не оплакиваю,—сказала она, и прибавила вызывающимъ тономъ:—я ничего не утратила.

Онъ ничего не отвѣтилъ и, подойдя къ столику для чаю, зажегъ спиртовую лампочку.

— Черезъ нѣсколько минутъ будетъ чай,—сказалъ онъ.

— А, это хорошо. Вы ничего не слыхали о мистерѣ Кэри?—спросила она.

Робинъ пристально взглянулъ на нее.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ.—По всей вѣроятности, онъ еще у матери.

— Какая трогательная сыновняя привязанность! Что же, онъ тамъ предается раскаянію?

— Хотѣлъ бы я знать, въ состояніи ли вы раскаиваться?

— Въ чемъ бы мнѣ слѣдовало раскаиваться?

— Въ томъ, что вы могли бы быть женой человѣка, который

понимаетъ вашу истинную сущность, а вышли замужъ кто никогда ее не узнаетъ.

Она выслушала его безъ гнѣва, противъ его ожидан пристально взглянула на него, сняла перчатки и сидѣла сложивъ руки.

— Вы хотите сказать, что мнѣ слѣдовало ста женой?

— Я немногаго стою, но я бы никогда не измѣни ангелу, скрытому въ васъ.

Она наклонилась къ нему и вдругъ заговорила серье ребенокъ со старшимъ, которому онъ довѣряетъ:

— Скажите, ангелъ могъ бы добиться чего-нибуд ствительной жизни?

— Зависитъ отъ того, чего именно,—отвѣтилъ он

Сбросивъ всякую сдержанность, она дала воли чувству.

— Если бы ангелъ сталъ бороться съ американко вы не знаете сами, что именно американка побѣдила бы? — съ горечью сказала она. — Вѣдь вы, Робинъ, не глупый человѣкъ. И я тоже. И знаете, къ чему я пришла?—къ тому, что если во мнѣ есть ангелъ, то, можетъ быть, лучше убить его въ себѣ. Ангелы скучны для нѣкоторыхъ людей.

Робинъ вскочилъ и, не сдерживаясь, крикнулъ:

— Я знаю, что для васъ нужнѣе всего. Вы хотите выпытать у меня, какъ...

Выраженіе ея лица остановило его.

— Вода уже закипѣла,—сказалъ онъ, и молча занялся приготовленіемъ чая.

Леди Гольмъ встала съ дивана и подошла к статуэтку, она остановилась передъ нею.

— Какое странное впечатлѣніе производитъ сказала она.

— Вамъ нравится статуя? — спросилъ Р къ ней.

— Да, но, по-моему, она была бы красивѣе

— Почему?

Она слегка склонила голову на сторону и по

— Женщина здѣсь воплощаетъ вѣчность, а мимолетнаго дня, — сказала она. — Вѣеръ дѣла мелкой. Въ такомъ видѣ она пикантна, а мог она не докончила фразы.

— Бросьте и вы вашъ вѣеръ!—сказалъ онъ

нованнымъ голосомъ:—будьте женщиной, истинной, вѣчной женщиной! Теперь какъ разъ подходящій моментъ. Вы страдаете—я вѣдь это вижу, какъ бы вы ни отрицали. Вы его любите, а онъ причиняетъ вамъ боль только тѣмъ, что вполнѣ вѣренъ себѣ. Ему какъ разъ нравится вѣеръ.

— Вотъ видите, а вы говорите, чтобы я бросила вѣеръ!

Она сказала это съ внезапнымъ порывомъ страстности, и они обмѣнялись долгимъ молчаливымъ взглядомъ.

— Неужели вы его такъ любите?—горестно спросилъ онъ.

— Да!—рѣзко отвѣтила она, чувствуя удовольствіе въ томъ, чтобы говорить ему правду.

— Такъ что же дѣлать?—спросилъ онъ, помолчавъ.—Давайте обсудимъ.

Онъ взялъ ее за руку и усадилъ обратно на диванъ. Потомъ налилъ ей чашку чаю и сѣлъ рядомъ въ креслѣ.

— Позвольте мнѣ говорить совершенно искренно,—сказалъ онъ.—Я васъ давно знаю, и до сихъ поръ люблю васъ. Вы думали, что все дѣло въ вашей красотѣ, и что пока вы красивы, вы застрахованы отъ горя. А между тѣмъ, вы еще красивы, и...

— И ему нѣтъ дѣла до моей красоты,—сказала она.—И вы еще вѣрите, что въ людяхъ есть хорошія, нѣжныя чувства? Вы не знаете людей, Робинъ.

— Есть разные люди,—отвѣтилъ онъ.—Вѣдь и вы не такая, какой считаетъ васъ Кэри.

— Кэри?!—воскликнула она съ любопытствомъ.—Что онъ сказалъ про меня? Говорите прямо, безъ дипломатической лжи.

Ему вдругъ захотѣлось сказать ей открыто всю правду и посмотрѣть, какъ она отнесется къ ней.

— Онъ сказалъ, что вы эгоистка, что вамъ никого не нужно, что вамъ нравятся только грубые мужчины, не понимающіе истинной красоты.

— Вотъ какъ! А онъ это сказалъ—въ такомъ же состояніи, въ какомъ былъ на балу у Аркелей? Онъ это говорилъ серьезно или въ шутку?

— Это трудно сказать. Но, во всякомъ случаѣ, онъ не былъ въ такомъ состояніи, какъ на балу. Такъ скажите, кто изъ насъ вѣрнѣе понялъ васъ—Робинъ или я?

— Ни тотъ, ни другой. Я сама себя не знаю. Я не знаю, какъ теперь поступлю. Я вижу, что вы не можете дать мнѣ совѣта. Такъ я вамъ дамъ совѣтъ.

[illegible]а взглянула на него съ серьезной добротой, которой онъ [illegible]да до того времени не видѣлъ на ея лицѣ.

— Какой совѣтъ?

— Перестаньте любить бѣлаго ангела. Мо
не существуетъ. А если существуетъ, то та
можетъ помочь мнѣ ни въ чемъ.

Она вдругъ положила руки на спинку див
голову на руки, тихо заплакала. Робинъ истин
инстинктивно протянулъ къ ней руки, но тотча
ихъ и, отвернувшись, всталъ и подошелъ къ о
о своемъ мужѣ. Это было нелѣпо и ужасно.
понималъ, что эти слезы проливаетъ та скры
которую онъ такъ долго вѣрилъ. Эти слезы до
умѣетъ любить.

С

ЭТЮДЫ
О
БАЙРОНИЗМѢ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Польская литература *).

Новыя силы, введенныя въ обще-европейское движеніе байронизма, послѣ смерти поэта, славянскимъ національнымъ элементомъ (въ частности—польскою и русскою поэзіею), выказали себя, — какъ это было и на Западѣ, — несравненно болѣе способными усвоить сущность направленія, завѣты Байрона, и опереться на нихъ въ самостоятельномъ своемъ развитіи, чѣмъ первые провозвѣстники и пророки, со всѣмъ ихъ энтузіазмомъ и поклоненіемъ, съ чарующимъ гипнозомъ великой и феноменальной личности, переживавшей на ихъ глазахъ свою трагическую судьбу. Послѣ участія въ европейскомъ движеніи „просвѣтительнаго вѣка“, которое такъ мало потребовало и въ Россіи, и въ Польшѣ, содѣйствія поэзіи, — и послѣ слабаго отблеска нѣмецкой романтики на творчествѣ обѣихъ странъ,—славянскій байронизмъ явился первымъ свободнымъ актомъ національной поэзіи по отношенію къ міровой художественной литературѣ новаго времени, первымъ типическимъ вкладомъ славянъ въ нее. И въ горячности и искренности соревнованія, ищущаго но-

*) См. выше: янв., стр. 261.

выхъ путей и новыхъ словъ, чувствуется, помимо рѣдкой даровитости самихъ дѣятелей, сознаніе знаменательности момента, призвавшаго къ работѣ свѣжія, непочатыя силы и давшаго имъ возможность высказаться. Особыя причины, выставленныя національной исторіею,—вліяніе гнета и репрессіи послѣ крушенія либерализма александровскихъ временъ, походъ противъ высвобожденія личности, которую предстояло снова втиснуть въ послушную массу, невзгоды польскаго патріотизма и неудача возстанія 1830—31 годовъ, надломившая жизнь цѣлаго поколѣнія, обильнаго дарованіями,—эти причины, встрѣчаясь съ причинами личнаго свойства, съ сложною душевною исторіею натуръ, мучимыхъ недовольствомъ, разладомъ, и мятежно вырывавшихся на волю, придали, въ особенности въ Польшѣ, такую основу движенію, которую въ остальной Европѣ можно было встрѣтить лишь въ Испаніи временъ Эспронседы, или въ Германіи съ ея байроническими отголосками кануна 1848 года.

Широко разлившіяся, какъ мы видѣли, въ литературѣ и обществѣ обоихъ народовъ, послѣ первыхъ восторговъ, открывшихъ обѣтованный край поэзіи,—стремленіе и сочувствіе къ Байрону и такой художественный починъ байронизма, какъ появленіе „Маріи“ Мальчевскаго и группы раннихъ пушкинскихъ поэмъ, стали прологомъ къ блестящему центральному періоду, когда въ первыхъ рядахъ выступили люди, одаренные выдающимися свойствами для вѣрнаго пониманія и развитія байроновскихъ традицій, — къ періоду Мицкевича, Словацкаго, Лермонтова.

I.

Рѣзкое столкновеніе съ дѣйствительностью,—внезапный разгромъ молодого поколѣнія, аресты, слѣдствіе, приговоръ, ссылка товарищей во всѣ концы Россіи, — было у Мицкевича въ еще большей степени, чѣмъ у Пушкина, благодарной почвой для усвоенія его поэзіею страстно протестующаго духа, который все сильнѣе влекъ его къ Байрону по мѣрѣ того, какъ онъ узнавалъ его творенія и, найдя уже въ нихъ поразившій его отзвукъ на горе своей разбитой любви, открывалъ теперь цѣлые міры новыхъ вдохновеній и идей. Отъ первыхъ, дилеттантическихъ изученій, начавшихся въ студенческіе годы въ Вильнѣ, онъ быстро переходилъ къ безграничному поклоненію, которое вскорѣ, среди дружественнаго русскаго кружка, вызвало изумленіе и призывы къ независимости. Свѣтлыя впечатлѣнія, не-

ожиданно скрасившія ранній періодъ ссылки, встрѣчи и увлеченія въ Одессѣ, роскошныя картины моря и крымскихъ горъ, временно отвлекли его поэзію на гармоническія тэмы и образы,—но не затихла боль, не улегся гнѣвъ, не залечились раны. „Конрадъ Валленродъ" съ его мрачными тонами и трагическимъ подъемомъ національной мести сталъ затѣмъ переходною ступенью, и наконецъ на волѣ, въ началѣ эмиграціонныхъ годовъ, вырвалось на просторъ все, что накипѣло на душѣ, обобщилось и слилось съ вѣковѣчной борьбой за права личности и народа, и въ третьей части „Дзядовъ" воплотилось съ великою драматической силой.

Новый вдохновенный участникъ въ движеніи не обладалъ натурой, всецѣло располагавшей къ поэзіи и политической дѣятельности байроническаго оттѣнка. То было психологически завлекательное сочетаніе великихъ противоположностей. Пушкинъ, подъ впечатлѣніемъ недавнихъ встрѣчъ и краткой, но близкой дружбы съ нимъ могъ съ подлинника нарисовать образъ человѣка „мирнаго, благосклоннаго", „съ высоты взиравшаго на жизнь", мечтавшаго о „временахъ грядущихъ, когда народы, распри позабывъ, въ великую семью соединятся" [1]). Кровный байронистъ не дошелъ бы никогда до плавнаго эпическаго простора „Пана Тадеуша". Но съ этими свойствами соединялись въ молодые годы страстные порывы, горячее заступничество за правду и вольность, сильнѣйшіе аффекты воинствующаго и самоотверженнаго богоборства, которое, не изъ подражанія, а по глубинѣ и искренности могло уподобиться байроновскому титанизму. Промежутокъ времени въ жизни поэта отъ начала ссылки до поселенія въ Парижѣ далъ, въ силу сложныхъ причинъ, перевѣсъ душевнымъ движеніямъ послѣдней группы,—и если въ исторіи иноземныхъ вліяній на его творчество ранніе годы отданы Шиллеру, Руссо, Жанъ-Полю, а позднѣйшіе—Гёте, то средняя между ними полоса преисполнена возбужденій, полученныхъ отъ автора „Манфреда", и свободнаго состязанія съ нимъ. Это, въ строгомъ и точномъ смыслѣ слова, байроническій періодъ въ жизни Мицкевича, и, въ предѣлахъ его, къ поэту болѣе, чѣмъ ко многимъ его сверстникамъ въ школѣ Байрона, подходитъ имя байрониста.

„Крымскіе сонеты"—прекрасное вступленіе. Поворотъ судьбы привелъ поэта въ соприкосновеніе съ той экзотически-привлекательной обстановкой, которая, благодаря оріентальнымъ поэмамъ

[1]) Стихотвореніе „Мицкевичъ"; написано въ августѣ 1834 г. Въ варіантѣ, нынѣ напечатанномъ въ изданіи П. А. Ефремова, томъ VIII, 383—4, есть даже утвержденіе, что Мицкевичъ „чуждался вольнодумства".

Байрона, стала тогда источникомъ большихъ художественныхъ эффектовъ для новой европейской поэзіи. Крымъ середины двадцатыхъ годовъ, отдѣленный лишь нѣсколькими десятилѣтіями отъ развязки исторіи ханства, былъ тѣмъ суррогатомъ Востока, который могъ замѣнить Албанію Али-Паши, Константинополь „Донъ-Жуана", Абидосъ и красивыя пиратскія гнѣзда „Корсара" и „Гяура". Тотъ оріентализмъ, который школою Гюго былъ привитъ французской поэзіи, „Кавказскимъ Плѣнникомъ" и „Фонтаномъ" русской, вошелъ впервые въ польское творчество, и его краски заиграли въ немъ, живописно переливаясь. Вмѣстѣ съ тѣмъ сонеты, побуждаемые примѣромъ байроновскихъ поэтическихъ пейзажей, дали просторъ небывалой прежде у автора, въ такой тонкости рисунка, поэзіи природы. Контрасты „степного океана" и голубыхъ горъ, тишины на морѣ и грозной вьюги съ вздымающимися валами, яркихъ солнечныхъ ландшафтовъ съ романтикой южной ночи, и въ особенности величавая красота царственныхъ вершинъ — эмблема вѣчности — выступали въ этихъ картинахъ съ натуры съ блескомъ и силой, достойными истиннаго послѣдователя Байрона,—не ученика, а собрата. Это было отраженіе той изумительной landscape-poetry, которая такъ украшаетъ „восточныя поэмы", искупая недочеты въ ихъ фабулахъ и характеристикѣ, и наполняя одухотворенными слѣпками съ природы третью, швейцарскую пѣснь „Чайльдъ-Гарольда" и „Манфреда". Мѣстами встрѣчаются отголоски и оттиски; образъ, излюбленный учителемъ, невольно припоминается. Такъ, любимая Байрономъ метафора, называющая альпійскія высоты дворцами или храмами вселенной, очевидно отозвалась въ изображеніи Чатырдага „минаретомъ свѣта, владыкой горъ" (O minarecie swiata! o gór padyszachu!), возсѣдающимъ подъ балдахиномъ небесъ въ своемъ царскомъ убранствѣ. Но сродный образъ самостоятельно и широко развитъ, и въ послѣднемъ куплетѣ, гдѣ Чатырдагъ, являясь звеномъ между землею и небомъ, и „видя у ногъ своихъ страны, народы и громы, слышитъ только рѣчь Бога къ мірозданію", онъ достигаетъ высшей силы.

Но жизнь природы, со смѣной оттѣнковъ, сумрачныхъ и свѣтлыхъ, съ навѣваемыми ею думами и настроеніями, влечетъ къ себѣ поэта не одной красой, а таинственною связью между нею и его душевнымъ міромъ, отражающею все пережитое и перечувствованное, за себя и за многихъ, за народъ свой, за человѣчество. Крымскіе сонеты, являясь на первый взглядъ вѣнкомъ поэтическихъ пейзажей, стали важнымъ, искренно-автобіографическимъ показателемъ извѣстнаго періода жизни поэта.

Параллелизмъ описаній внѣшняго міра и душевныхъ состояній выдержанъ свободно, безъ притязаній на моральные выводы, безъ малѣйшаго дидактизма; на отблескѣ природы, какъ бы свѣтла или величественна она ни была, остался необыкновенно характеристическій налетъ грусти, сожалѣнія, задумчивости. Это — пріемъ Байрона во всѣхъ лирическихъ изліяніяхъ, внушенныхъ созерцаніемъ природы, и, болѣе всего, въ третьей пѣснѣ „Гарольда". Въ циклѣ девятнадцати поэтическихъ акварелей съ натуры Крыма, вмѣстившемъ въ себя такія задушевныя импровизаціи, какъ сравненіе дышащихъ прошлымъ развалинъ Бахчисарая и фонтана слезъ съ руинами былой любви, или параллель темныхъ и зловѣщихъ глубинъ блестящаго моря съ „гидрой воспоминаній", кроющейся въ нѣдрахъ мысли, или безотчетно всплывающіе въ сознаніи отзвуки далекой родины и прежняго счастья, когда среди безпредѣльнаго простора и тишины аккерманскихъ степей чудится призывный голосъ изъ Литвы, когда отъ нѣжной красы южнаго края дума переноситъ поэта въ заповѣдные лѣса родной страны, оживляетъ незабвенный образъ любимой женщины, — въ этомъ циклѣ байроническое и пережитое встрѣтились и свободно сошлись [1]).

Настроенія и мотивы, приведшіе къ созданію „Крымскихъ сонетовъ", не покидаютъ лирики Мицкевича въ теченіе ближайшихъ четырехъ лѣтъ, — въ особенности проявляясь въ группѣ стихотвореній, которыя принято называть „любовными сонетами". Иногда слышатся въ нихъ, словно далекое эхо, звуки, перенятые не у Байрона и не въ современной лирикѣ, а у Петрарки, родоначальника и вождя міровой любовной поэзіи, — но переходъ отъ одного образца къ другому былъ легокъ и возможенъ; въ навѣянной несчастною любовью меланхоліи Петрарки изслѣдователи не разъ находили раннее предвѣстіе скорби, охватившей поэзію девятнадцатаго вѣка, и изъ новыхъ представителей ея сближали итальянскаго поэта въ особенности съ Байрономъ [2]). Но перевѣсъ вліянія и вдохновляющаго примѣра въ лирикѣ Мицкевича оставался все-же за байроновскимъ творчествомъ, и въ этихъ предѣлахъ могли зарождаться такія проникнутыя безъисходной печалью признанія, какъ стихотвореніе „Rezygnacya",

[1]) Вліяніе байроновской поэзіи природы, съ отраженіемъ душевныхъ состояній, замѣтно въ лирикѣ Мицкевича и подъ конецъ періода. Таково, напр., стихотвореніе „Na Alpach w Splügen", гдѣ швейцарскія горныя картины сливаются съ автобіографическими воспоминаніями и вызовомъ дорогого женскаго образа.

[2]) Сравн. статью проф. Артура Фаринелли „La Malinconia del Petrarca", Rivista d'Italia, 1903.

съ заключительнымъ сравненіемъ омертвѣвшаго сердца поэта съ опустѣлымъ и пострадавшимъ отъ бурь храмомъ, куда божество не нисходитъ болѣе, куда люди не дерзаютъ вступать. Игра тѣней и свѣта порою смѣняетъ, правда, эти тоны нѣжными и блаженными, но эти настроенія мимолетны, раздумье и грусть одерживаютъ верхъ.

На югѣ Россіи зародился у Мицкевича и замыселъ перваго большого произведенія, отмѣченнаго байронизмомъ, „Конрада Валленрода". Съумѣвъ покинуть Одессу, хоть ненадолго, ища уединенія на хуторѣ у друзей, затѣмъ въ предмѣстьѣ Аккермана, онъ не только обдумалъ планъ, но и написалъ первыя строфы поэмы [1]) (вступленіе къ ней сложилось значительно позднѣе, въ Москвѣ). Образы, картины, ходъ фабулы, невольно получившіе отпечатокъ сильныхъ впечатлѣній отъ поэмъ Байрона (особенно „Лары" и „Паризины"), роились уже въ головѣ поэта-изгнанника, когда, подобно Пушкину, онъ долженъ былъ промѣнять южную ссылку на русскій сѣверъ, — но не съ тѣмъ, чтобы запереться, какъ его будущій другъ, въ деревенской глуши, а чтобы вступить вскорѣ въ избранный кругъ московской интеллигенціи, преклонившейся передъ его изумительной даровитостью и искренно побратавшейся съ нимъ. Кружокъ Веневитинова, „Московскаго Вѣстника" и „Телеграфа", салонъ кн. Зинаиды Волконской, Пушкинъ и Баратынскій, частые гости Москвы въ тѣ годы, сплотились въ своихъ симпатіяхъ къ нему. Но въ этомъ литературно-общественномъ слоѣ еще господствовалъ культъ Байрона,—и такимъ образомъ въ лицѣ Мицкевича русскій байронизмъ встрѣтился съ польскимъ оттѣнкомъ того же движенія. Въ обмѣнѣ мыслей, литературныхъ и политическихъ взглядовъ между разноплеменными собесѣдниками байроновское направленіе не могло не играть важной роли. Его нельзя было игнорировать и въ томъ высоко интересномъ предпріятіи, которое задумалъ тогда Мицкевичъ, въ полномъ соглашеніи съ русскими друзьями, —въ ежемѣсячномъ литературно-историческомъ журналѣ „Ирида" (Irys, dziennik literaturze i historyi poswięcony),—поставивъ ему цѣлью „сближеніе литературы россійской и польской, до сихъ поръ не сдружившихся между собой". „Редакція предполагаемаго въ Москвѣ журнала (писалъ Мицкевичъ въ представленномъ властямъ проектѣ изданія), *при обѣщанномъ пособіи россійскихъ литераторовъ* и при удобствѣ пріобрѣтать

---

[1]) Ст. Маріана Дубецкаго „Pierwsze miesiące pobytu Mickiewicza zagranicą", въ сборн. Księga pamiątkowa na uczczenie setn. roczn. Mickiew.", II, 1898.

книги и журналы, желала бы извѣщать объ отличныхъ сочиненіяхъ, печатаемыхъ на россійскомъ языкѣ, и такимъ образомъ обратить на нихъ вниманіе польскихъ читателей, когда между тѣмъ она бы могла справедливо надѣяться, что появленіе польскаго журнала поощрило бы россіянъ къ узнаванію польской литературы".

Если проникнутый національной равноправностью замыселъ этотъ не могъ осуществиться [1], при всемъ сочувствіи цѣлаго ряда лицъ и учрежденій въ оффиціальномъ мірѣ, благодаря вмѣшавшейся въ дѣло нетерпимости Блудова, который возстановилъ, съ слѣдственными виленскими данными въ рукахъ, „неблагонадежность" Мицкевича, и если совмѣстная польско-русская писательская работа, въ которой обойти байронизмъ, горячо исповѣдуемый самимъ редакторомъ, было бы немыслимо, не состоялась,—не было недостатка въ обсужденіи важныхъ вопросовъ современной поэзіи и эстетики между польскимъ поэтомъ и его русскими сверстниками. Слѣды этого обмѣна мыслей замѣтны и въ такомъ цѣнномъ біографическомъ документѣ, какъ некрологъ Пушкина въ „Le Globe" 1837 года, написанный „однимъ изъ друзей поэта" (Мицкевичемъ), и въ встрѣчныхъ оцѣнкахъ, въ родѣ стиховъ Баратынскаго „Не подражай: своеобразенъ геній", обращенныхъ къ Мицкевичу уже послѣ разлуки съ нимъ. Если Мицкевичъ, съ тонкой наблюдательностью отмѣчая связи Пушкина съ поэзіею Байрона, не находилъ возможнымъ признать его чистокровнымъ байронистомъ, а предпочелъ назвать его „byronisant" (въ польскомъ оригиналѣ — „nie był on fanatycznym Byronistą, był raczej, że tak powiemy, byronującym"), то обращенный къ польскому поэту вызовъ Баратынскаго „возстать" изъ колѣнопреклоненной, „униженной" позы и „вспомнить, что онъ самъ богъ", показываетъ, до какой степени въ ту пору къ Мицкевичу подходило то наименованіе, въ которомъ онъ отказывалъ Пушкину.

Въ такомъ настроеніи писался въ Москвѣ „Валленродъ", пересмотрѣнный и изданный въ Петербургѣ въ 1828 году [2]; то же настроеніе сохранялось во все время пребыванія поэта среди петербургскихъ передовыхъ круговъ, гдѣ къ русскимъ дружескимъ отношеніямъ присоединились цѣнныя связи въ польской интеллигенціи. Байроническій оттѣнокъ былъ неизбѣженъ

[1]) Всѣ документы, относящіеся къ проекту изданія „Ириды", напечатаны проф. Вержбовскимъ въ кн. „Къ біографіи Мицкевича въ 1821—1829 годахъ". Спб. 1898.

[2]) Въ этомъ же году появились и первые русскіе переводы изъ поэмы—въ „Московскомъ Вѣстникѣ" (одинъ въ прозѣ, другой, Пушкина, въ стихахъ).

во всемъ, что ни слагалъ тогда Мицкевичъ. Такъ сказался онъ и въ необыкновенно колоритной картинѣ изъ природы и быта невѣдомой поэту, но отгаданной имъ изъ памятниковъ восточной поэзіи и путевыхъ описаній, вольной бедуинской жизни,— въ касидѣ „Farys“ [1]). Ближайшимъ поводомъ къ ея созданію было сближеніе съ вѣчнымъ странствователемъ по Востоку, графомъ Вацлавомъ Ржевускимъ, принявшимъ обличье и костюмъ араба, прозваннымъ среди наѣздниковъ пустыни Таджъ-Уль-Фэхромъ (увѣнчаннымъ славой) и полнымъ своеобразной романтики. Образъ лихого наѣздника-бедуина могъ бы быть обработанъ въ духѣ оріентальныхъ реставрацій гётевскаго „West-östlicher Diwan“, но имъ завладѣлъ сильно возбужденный темпераментъ байрониста-мечтателя, и этотъ образъ выросъ и переродился въ отважномъ, вызывающемъ духѣ сильныхъ и безстрашныхъ байроновскихъ любимцевъ изъ періода восточныхъ поэмъ. На чудномъ конѣ своемъ (обрисованномъ со всею поэзіею старо-бедуинскаго любованія такимъ сподвижникомъ витязя пустыни) несется Фарисъ по безграничной степи, избѣгая мирныхъ и нѣжащихъ оазисовъ, ища опасностей; его не страшитъ зловѣщее карканье хищныхъ птицъ, издѣвающихся надъ его отвагой; облако, помчавшееся за нимъ, тщетно предвѣщаетъ ему гибель; не испугалъ его и представшій передъ нимъ страшный призракъ засыпаннаго песками каравана, съ скелетами мертвыхъ людей наверху верблюжьихъ труповъ, — онъ вступаетъ въ борьбу съ самимъ Ураганомъ и, выйдя побѣдителемъ, свободно, смѣло вперяетъ очи въ глубину звѣздной выси, и „душою утопаетъ въ небесномъ просторѣ“. На восточномъ фонѣ и, казалось, внѣ культурной жизни съ ея борьбою, сложился идеализованный образъ энергическаго подвижника, снова приводящій къ излюбленному поэтическому типу.

Но окончаніе большой поэмы должно было, конечно, отвлечь вниманіе современниковъ отъ частныхъ попытокъ поэта, предпринятыхъ подъ знаменемъ байронизма. Ко времени выхода „Валленрода“ Мицкевичъ сильно подвинулъ изученіе Байрона и уже выполнилъ рядъ переводовъ изъ его произведеній [2]). На замыслѣ и его разработкѣ, на характеристикѣ героя, на основной идеѣ, должны были сказаться слѣды этого изученія.

Едва поднимается завѣса надъ мрачной фабулой поэмы,

---

[1]) Она носитъ на себѣ слѣды еще одного близкаго отношенія къ русскому стихотворству,—посвященіе слѣпцу-поэту Ивану Козлову, также ревностному байронисту.

[2]) Онъ перевелъ „Гяура“ (напечат. въ Парижѣ въ 1835 году), „Прощаніе Чайльдъ-Гарольда“, „Сонъ“, „Тьму“, переложилъ „Euthanasia“).

обставленной старинными башнями и валами Маріенбурга, подземельями, тюрьмами, склепами, и среди сурово воинственныхъ тевтонскихъ рыцарей выдвигается въ глубокой задумчивости Конрадъ, — въ его чертахъ поражаетъ сходство съ Корсаромъ. То же тяжкое бремя прошлаго, былыхъ страданій, неутолимой неудовлетворенности, разбитаго счастья, та же idée fixe мщенія, которое во что бы то ни стало должно быть выполнено. Сходство увеличивается, когда замыселъ Конрада удался,—онъ выбранъ гохмейстеромъ, и когда вокругъ младшаго, но властно импонирующаго остальнымъ товарищамъ, собирается рыцарская толпа, какъ пираты вокругъ атамана, и онъ долженъ вести ихъ на подвиги,—когда его дѣйствія, внушаемыя непонятными для другихъ своевольными желаніями, вызываютъ затѣмъ смуту и ропотъ. Въ болѣзненно рѣзкихъ проявленіяхъ крайней нервности послѣ удачи злорадно придуманнаго похода,—гибели нѣмцевъ и подъема литовскихъ народныхъ силъ,—особенно въ неожиданной у прежняго аскета склонности искать возбужденія въ винѣ, и дикихъ, безсознательныхъ вспышкахъ, которымъ онъ тогда подпадаетъ, чувствуются иные отголоски: это—душевный распадъ Лары, это тревога его смятенной души. Но за сходствомъ Конрада съ героями двухъ восточныхъ поэмъ Байрона выступаетъ различіе. Вызвано оно многими причинами: и исторической обстановкой, соблюденіе которой сдерживало свободу поэта, и внесенной имъ въ фабулу, дорогой ему, національно-патріотической идеей, и романтикой чувства, которая изъ личной его жизни и склада его характера невольно вошла и въ строй вымысла, и въ историческіе факты, и наложила всюду свой колоритъ. Правда, фактическая достовѣрность повѣствованія далеко не тверда; польскія изслѣдованія давно это доказали, и самъ поэтъ не отрицалъ вольности, съ которой онъ пересоздалъ сохраненный лѣтописью характеръ подлиннаго Валленрода, необузданно воинственнаго, оскорблявшаго безчеловѣчными поступками монашескую мораль, придалъ особую цѣну показаніямъ, признававшимъ за нимъ также душевную силу и широту замысловъ, и предоставилъ себѣ пополнить пробѣлы правдоподобными отгадками. Но *общія* очертанія эпохи, среды, главнаго лица, не могли не быть удержаны,— и герой поэмы, въ противоположность своимъ сверстникамъ у Байрона, во всякомъ случаѣ прикрѣпленъ былъ къ опредѣленной порѣ (XIV-му вѣку), народности и общественному строю.

Всемогуще выраженное національное чувство, которымъ поэтъ надѣлилъ легендарный характеръ, явилось также важнымъ элементомъ несходства съ байроновскими пріемами. Одинъ изъ но-

вѣйшихъ критиковъ [1]), останавливаясь на этомъ разногласіи, мѣтко противополагаетъ центральныя личности „восточныхъ поэмъ“, ведущія борьбу со свѣтомъ и съ людьми изъ-за побужденій могуче развитого эгоизма, Валленроду, который всего себя посвящаетъ народной идеѣ и всѣмъ жертвуетъ ради нея. Страстность этого патріотизма, однако, пригрезилась автору въ такой безграничной напряженности, что не только не остановилась передъ проницательно разсчитаннымъ планомъ измѣны врагамъ своего народа, но едва не придала самому ренегатству мрачный героизмъ. Это былъ уже верхъ вольности надъ историческимъ фактомъ,—и „подлинный Валленродъ перевернулся бы въ гробу, еслибъ могъ знать, *что* ему приписало потомство“... [2]) Мотивъ ренегатства, конечно, былъ также встрѣченъ Мицкевичемъ у Байрона; это одинъ изъ (отпавшихъ потомъ) аксессуаровъ его восточныхъ разсказовъ; но отступники и перебѣжчики въ родѣ Гяура или Альпа (въ „Осадѣ Коринѳа“) мстили, бывало, своей странѣ, своему народу, за несправедливость и гоненія, Валленродъ же съ виду отрекается отъ литовскаго племени для того, чтобы послужить ему и жестоко отомстить его врагамъ. Доведя своего героя до опасной грани между крайнимъ самоотверженіемъ и торжествомъ вѣроломства, которое возмутило бы нравственное чувство, онъ не только избавилъ его отъ такого исхода, но показалъ его сомнѣнія, терзанія, проклятія себѣ и своей долѣ, далъ ему испытать муки отверженнаго, одинокаго существованія, не озарилъ ореоломъ печальнаго его разставанія съ жизнью,—и вызвалъ невольное, человѣчное сочувствіе къ гибели натуры выдающейся, но разбитой судьбою.

Сначала задуманъ былъ, но не написанъ прологъ къ поэмѣ,—разсказъ о раннихъ годахъ жизни Конрада, въ которыхъ впервые сложился его мстительный замыселъ. Отсутствіе этого вступленія внесло уже неясность въ очертанія характера и завязку дѣйствія. Сліяніе двухъ біографическихъ основъ, исторіи Валленрода и преданія о нѣмецкомъ рыцарѣ Вальтерѣ Стадіонѣ съ его романтической любовью къ королевской дочери, показавшееся Мицкевичу правдоподобнымъ и желаннымъ,—еще болѣе повредило цѣльности героическаго образа. За Конрадомъ-Альфомъ вошла въ поэму, съ сильнымъ вліяніемъ на дѣйствіе [3]), тоскующая и

[1]) Ignacy Matuszewski, „Swoi i obcy“. Warszawa, 1903 (этюдъ „Lord Byron i wpływ jego na literaturę polską“).

[2]) A. Brückner, „Geschichte der polnisch. Litteratur“. Leipz., 1901, 335.

[3]) О парализующемъ его значеніи любовнаго элемента въ поэмѣ сравн. въ книг Хмелёвскаго „Adam Mickiewicz“, I, 410 et pass.

безконечно любящая Альдона совсѣмъ не въ реальномъ образѣ покинувшей свѣтъ, послѣ разлуки съ милымъ, отшельницы, затворницы, которая сообщается, однако, съ внѣшнимъ міромъ и обмѣнивается съ своимъ Альфомъ трогательными воспоминаніями и признаніями. Если на обрисовкѣ Конрада оставилъ замѣтный слѣдъ душевный складъ самого поэта и надѣлилъ Валленрода раздумьемъ, анализомъ, то съ мотивомъ несчастной любви вторглось въ вымыселъ все лично испытанное, пережитое. Тамъ, гдѣ эта сторона сюжета выдвигалась на первый планъ, естественность и возможность событій уже не казалась существенною Мицкевичу, и онъ отдавался тогда превосходнымъ лирическимъ изліяніямъ.

Сохраненное біографами преданіе о неудовлетворенности самого автора, о томъ трудѣ, тѣхъ усиліяхъ, которыя онъ испытывалъ порою при обработкѣ поэмы, такъ свободно, казалось, задуманной,—становится понятнымъ при оцѣнкѣ разнообразныхъ данныхъ, вошедшихъ въ его творческую работу, въ которой преданность родному національному дѣлу, въ его современныхъ условіяхъ, прорывавшаяся сквозь аллегорію древнихъ нѣмецко-литовскихъ отношеній, все еще сильная зависимость отъ байроновскаго героическаго типа, личныя склонности, смягчавшія рѣзкія его черты,—лирическій элементъ, апоѳеозъ любви,—наконецъ, по мѣткому предположенію В. Д. Спасовича [1]), глубокія впечатлѣнія искренней привязанности русскихъ друзей, мѣшавшія вполнѣ развиться мотиву нетерпимости и мщенія,—встрѣчались и скрещивались. Но если не создалось цѣльнаго лица по образу и подобію байроническому, а самостоятельная переработка типа пострадала отъ сложныхъ вліяній, то несомнѣнно, что въ школѣ Байрона авторъ „Валленрода“ сдѣлалъ значительные успѣхи, далеко оставившіе за собой произведенія въ родѣ „Гражины“ или раннихъ главъ „Дзядовъ“ съ ихъ безутѣшной, искренней сентиментальностью и народной фантастикой. Окрѣпли и стали пластичнѣе характеры (наряду съ Валленродомъ и превосходя его жизненностью, спутникъ его Гальбанъ, монахъ, рыцарь, пѣвецъ-импровизаторъ, и народникъ-фанатикъ); владычество сильной идеи пронизало все дѣйствіе; самородный лиризмъ еще шире развился; его расцвѣтили высоко художественныя вставныя пѣсни (обычай, также узаконенный байроновскимъ примѣромъ), въ особенности баллада „Альпухара“ съ ея иносказательнымъ мавританскимъ сюжетомъ,

---

[1]) „Конрадъ Валленродъ“ (Сочиненія, томъ VIII).

произносимая Конрадомъ среди изумленнаго рыцарскаго собранія, а поэтическія картины природы и средневѣковой обстановки стали красивой рамой сюжета. Нѣтъ, правда, и теперь недостатка въ мелкихъ отзвукахъ байроновскихъ пріемовъ, въ словахъ, оборотахъ, ситуаціяхъ. Такъ, подобно шильонскому узнику, Альдона полюбила свою тюрьму (ja lubię moje kamienna zaciszę), такъ послѣ гибели Альфа внезапно слышится чей-то раздирающій душу, протяжный крикъ, и въ немъ въ послѣдній разъ сказалась порванная жизнь,—то гибнетъ Альдона, не въ силахъ пережить друга, какъ погибла Паризина, изъ чьей тюрьмы, едва раздался стукъ о плаху топора, сразившаго Уго, послышался такой же „ужасный, дикій крикъ нездѣшнихъ мукъ“ [1]). Но важнѣе этихъ соприкосновеній и созвучій, конечно, общее вліяніе чарующаго образца.

Оно сказалось въ ту пору у Мицкевича и внѣ поэмы о Валленродѣ, внѣ разработки героическаго типа; оно расширялось и ввело въ его поэзію сатиру и обличеніе. Пріемы путевыхъ очерковъ „Чайльдъ-Гарольда“, какъ на это указалъ уже проф. Брюкнеръ, своеобразно примѣнены въ сѣверной, бытовой картинѣ поѣздки въ кибиткѣ по снѣжной русской пустынѣ среди бѣднаго, порабощеннаго народа (стих. „Droga do Rossyi“). Политическая сатира „Донъ-Жуана“ и иныхъ боевыхъ манифестацій Байрона отражается въ такихъ обличительныхъ очеркахъ, какъ „Предмѣстья столицы“, „Петербургъ“ или „Парадъ войскъ“ (стихотворенія, впослѣдствіи введенныя въ третью часть „Дзядовъ“), яркая картина торжествующей, фанатической военщины стараго закала, рѣзкая, суровая и заканчивающаяся сердечной болью и сожалѣніемъ о жалкой судьбѣ русскаго „хлопа“, который „знаетъ только героизмъ—неволи“; воодушевленіе поэта-гражданина доходитъ до высшей возбужденности въ стихотвореніи „Pomnik Piotra Welkiego“, закрѣпившемъ навсегда въ памяти потомства бесѣду у подножія Мѣднаго Всадника двухъ великихъ поэтовъ, Пушкина и Мицкевича, о будущности своихъ народовъ [2]). Байроновское вліяніе, такъ сильно содѣйствовавшее идейному подъему и художественной зрѣлости, неразлучно было съ поэтомъ и послѣ того, какъ онъ покинулъ Россію навсегда и передъ нимъ проходили впечатлѣнія иной природы, иного быта, иного искусства. Оно живо было и въ Италіи, гдѣ, по

[1]) Сходство обѣихъ сценъ указано было еще Словацкимъ въ предисловіи къ его трагедіямъ: „Mindowe“ и „Marya Stuart“.

[2]) Ср. Спасовича „Пушкинъ и Мицкевичъ у памятника Петра Великаго“ Сочин., т. II.

собственному его признанію, на него могучее впечатлѣніе произвело чтеніе эсхиловской трагедіи о Прометеѣ,—и онъ до того сошелся съ Байрономъ въ увлеченіи героемъ безсмертнаго преданія, который для англійскаго поэта былъ во всю жизнь главнымъ вдохновляющимъ примѣромъ,—что задумывалъ драму на этотъ сюжетъ. Всего сильнѣе сказалось вліяніе Байрона, когда, потрясенный вѣстями о началѣ польскаго возстанія, Мицкевичъ покинулъ Италію, чтобы приблизиться къ отечеству,—не вѣря въ успѣхъ движенія, ожидалъ трагическаго исхода, но все-же глубоко былъ потрясенъ имъ. Почувствовавъ необычайный приливъ вдохновенія, онъ въ Дрезденѣ взялся за перо, чтобы подъ старымъ знаменемъ „Дзядовъ", но въ слабой связи съ прежними главами, дать волю мыслямъ, чувствамъ, воспоминаніямъ, которыя зароились въ немъ подъ вліяніемъ событій, и отъ тревогъ и борьбы современности подняться въ ту общечеловѣческую, вѣчную область, гдѣ искони ставятся непорѣшенные вопросы справедливости, свободы, личнаго и общаго блага. Всѣ поэтическіе дары свои вложилъ онъ въ новый замыселъ,—лиризмъ чувства, смѣлость сатиры, мощныя заявленія гнѣва и вызова, быть можетъ, невѣдомые дотолѣ въ такой силѣ ему самому. Онъ отбросилъ всѣ стѣсненія формы и правилъ, сопоставилъ величественное съ презрѣннымъ и отталкивающимъ, пережитое съ вымышленнымъ, міръ духовъ, демоновъ, съ жизнью людскою, въ драматическомъ діалогѣ переходилъ отъ задушевныхъ изліяній лицъ выдающихся, подвижниковъ, страдальцевъ, къ суетной свѣтской болтовнѣ, и гремѣлъ мятежными рѣчами богоборцевъ противъ судьбы и силъ, правящихъ міромъ. На этомъ пути онъ долженъ былъ встрѣтиться съ Байрономъ,—не авторомъ восточныхъ поэмъ, не глашатаемъ разочарованности, но поэтомъ протеста, двигателемъ мысли,—нѣтъ, это не точно,—онъ, разъ въ жизни, стоялъ всецѣло на байроновской почвѣ, и съ своей недоконченной главой, этимъ самостоятельнымъ отрывкомъ нестройнаго цѣлаго, вошелъ въ первые ряды европейскаго байронизма.

Отъ недавнихъ событій мысль его перенеслась къ собственной молодости, къ порѣ виленскихъ студенческихъ броженій, къ первымъ столкновеніямъ съ существующимъ порядкомъ, къ участи поколѣнія, развѣяннаго, снесеннаго произволомъ. Ожили и воплотились товарищи юности съ ихъ идеализмомъ, ихъ притѣснители, пристрастные слѣдователи и соглядатаи, ожилъ весь режимъ, съ его направителемъ, изъ либеральныхъ друзей молодости Александра I превратившимся въ суроваго сатрапа Польши, Новосильцовымъ. Вмѣсто привѣтствій и сочувствій, которыя слы-

шались тогда на встрѣчу польскому движенію со стороны многихъ европейскихъ поэтовъ, этотъ пересказъ эпизода изъ недавней старины былъ вкладомъ Мицкевича въ литературу дня, полнымъ не восторженной вѣры въ успѣхъ, но глубокаго сочувствія и сострадавія, трагически освѣщавшаго судьбу людей и идеи. Не осталось и слѣда растерзанной чувствительности, движимой личнымъ горемъ и несчастною любовью, у привычнаго героя поэмы, Густава, этого призрака, вставшаго изъ гроба самоубійцы; его преображенныя черты трудно узнать въ политическомъ узникѣ, поэтѣ Конрадѣ,—и самъ онъ свидѣтельствуетъ о своемъ возрожденіи, когда въ прологѣ, пробуждаясь послѣ забытья, во время котораго между ангелами и „духами ночи", склонившимися надъ нимъ, горѣлъ споръ объ его участи, онъ пишетъ углемъ на стѣнѣ каземата дату своей смерти въ прежнемъ воплощеніи и—начала жизни для новыхъ цѣлей: D. O. M. Gustavus obiit MDCCCXXIII, calendis novembris,—съ другой стороны — *Hic natus est Conradus* MDCCCXXIII, calendis novembris).

Но начало просвѣтленной жизни Конрада уже связано съ неволей; несмотря на благовѣстіе ангеловъ, вѣщавшихъ ему въ сновидѣніи, что онъ будетъ свободенъ, избавленіе не настаетъ, и судьба его и дорогихъ ему людей сводится къ длинному ряду испытаній. Вольнодумецъ, дѣятель народный и въ то же время поэтъ съ пылкой фантазіей и нервной возбужденностью, доводящей его до экстаза, видѣній, длинныхъ монологовъ въ бреду, онъ живетъ двойною жизнью, и отъ печалей и бѣдъ повседневныхъ, реальныхъ, уносится въ безбрежное море мыслей и запросовъ общихъ, вѣчныхъ, роковыхъ. Товарищамъ по заключенію онъ кажется крайне болѣзненнымъ, не владѣющимъ своими душевными силами. Сочувствуя ему, они не могутъ слѣдовать за безстрашнымъ полетомъ мысли человѣка, сознающаго въ себѣ призваніе народнаго избавителя, двигателя массъ, который требуетъ у судьбы простора и высшей власти для своего подвига, рвется изъ оковъ, налагаемыхъ на человѣческую природу ограниченностью силъ, и бросаетъ вызовъ безучастному божеству. Выдѣляющаяся изъ группы политическихъ дѣятелей не менѣе Конрада личность самоотверженнаго ксендза-народника Петра призвана олицетворить другую сторону того же основного типа; его вѣра въ конечное торжество свѣта и избавленіе дышетъ восторженнымъ, поэтическимъ мистицизмомъ; глубокая религіозность влечетъ его къ труду и подвижничеству на общую пользу. Онъ душевно заботится о Конрадѣ, онъ геній-хранитель заклю-

ченныхъ, смѣлый защитникъ ихъ передъ „сенаторомъ“. Но если Петру выпала на долю роль Провидѣнія, въ натурѣ Конрада сосредоточено все независимое, сверхъ-человѣчески отважное истинно-байроновскаго героя. Нигдѣ это свойство не выступаетъ такъ могущественно, какъ въ сценѣ второй, названной „Импровизаціей“. Это обширный монологъ, проведенный въ тонахъ все возрастающаго возбужденія и прерывающійся обморокомъ Конрада. Отъ холодной, неспособной понять мысль и душу поэта, толпы онъ взываетъ къ Божеству и природѣ; его пѣснь достойна ихъ и свободно возносится къ небесамъ; то пѣснь великая, творческая, безсмертная:—

Taka pieśń jest siła, dzielność,
Taka pieśń jest nieśmiertelność!

Ни одинъ изъ поэтовъ, дорожащихъ славой и блескомъ, расточаемыми толпой, не сравнится съ нимъ, одинокимъ арестантомъ, когда въ часъ ночной онъ слагаетъ свои пѣсни, „окруженный, какъ отецъ семьей, мыслями, звѣздами, чувствами, бурями“. Передъ лицомъ самого Божества выступаетъ духъ его съ своими дарами. „Онъ—человѣкъ, и тѣло его тамъ, на землѣ; тамъ онъ любилъ, и въ родномъ краю оставилъ свое сердце“. Но любовь его направлена не къ одному существу; онъ любитъ весь народъ, въ его прошломъ и будущемъ, хочетъ двинуть его впередъ, осчастливить, удивить имъ весь свѣтъ („ja kocham cały naród! Objałem w ramiona wszystkie przeszłe i przyszłe jego pokolenia... chcę go dźwignąć, uszczęśliwić, chcę nim cały świat zadziwić“), и требуетъ себѣ власти для своего великаго дѣла, хочетъ выполнить его „не оружіемъ, не наукой, не чудомъ, не пѣснями“. „Дай мнѣ власть надъ душами людей!“ (daj mi rząd dusz), взываетъ онъ къ Божеству, чувствуя себя равнымъ ему,— „вѣдь его творческая мощь и призваніе поэта исходятъ изъ того же источника“. Но глубокое молчаніе встрѣчаетъ его вызовъ, и изъ устъ его слышится ропотъ на несправедливость и суровость, на безжалостную участь — „обладать кратчайшей жизнью и могущественнѣйшими стремленіями“. Снова повторяетъ онъ свой зовъ, и слова его горятъ уже боевымъ пыломъ. Его противникъ бился нѣкогда съ сатаной,—новая битва будетъ страшнѣе,—„тотъ опирался на разумъ, я вызову къ себѣ сердца“; „я побратался сердцемъ со всѣмъ народомъ“, „я и отчизна—одно, имя мнѣ—Милліонъ, ибо моя любовь и страданіе—за милліоны, за всю бѣдную родину“. И эти грозныя рѣчи остаются безъ отвѣта, и внѣ себя, съ сверхъ-человѣческой отвагой онъ готовъ

мятежнымъ словомъ потрясти весь міръ, возбуждая къ неповиновенію,—но падаетъ безъ чувствъ.

Это—вызовъ Прометея Зевсу, это—титанизмъ байроновскаго Люцифера съ его отраженіемъ,—ропотомъ и отпаденіемъ Каина. Нигдѣ болѣе, во всей драматизованной поэмѣ, Конрадъ не поднимется до такой высоты; ему не суждено ни освобожденіе, ни грезившееся ему могущество. Возрастающее вліяніе Петра направитъ его по иному пути, озаренному религіею; въ послѣдней сценѣ, гдѣ онъ еще выступаетъ, его ведутъ на допросъ подъ конвоемъ; по пути его особенно потрясаетъ встрѣча съ Петромъ, въ лицѣ котораго ему вдругъ почудились давно знакомыя и дорогія черты, но конвойный прерываетъ ихъ разговоръ, и Конрадъ скрывается навсегда изъ глазъ, — до того, что явленіе, заканчивающее поэму, снова переносится въ обстановку народнаго повѣрья, связаннаго съ „дзядами", и кладбище, часовня, глухая ночная пора, призраки, изглаживаютъ слѣды великаго подъема мысли; завѣса опустилась надъ недосказанной трагедіей. Существовалъ планъ продолженія „третьей части", гдѣ Конрадъ явился бы ссыльнымъ въ Сибири, очутившись лицомъ къ лицу съ прежними изгнанниками, временъ Костюшки; это послѣсловіе также не открыло бы для Конрада широкихъ, величественныхъ горизонтовъ „Импровизаціи", но имѣло иное назначеніе, — довершить начавшееся его перерожденіе. Подъемъ личности доведенъ былъ поэтомъ до крайняго напряженія; развившійся подъ сильнымъ байроновскимъ вліяніемъ [1]) героическій типъ воплотился въ образѣ, полномъ страсти и воли; до конца, сполна, продумано было извѣстное направленіе. Затѣмъ пододвинулся переломъ. Еще въ Римѣ, задумывая своего „Прометея", Мицкевичъ хотѣлъ, говорятъ, разрѣшить муки титана освобождающимъ вмѣшательствомъ Христа. Богоборца Конрада ожидало просвѣтленіе мистическое, братолюбивое, страдальческое. Это былъ тотъ путь, который привелъ и самого поэта къ „мессіанизму" [2]).

Высоко вознеслась „Импровизація" надъ всѣмъ произведеніемъ, какъ одиноко стоитъ она и во всей поэзіи Мицкевича. Ее окружаетъ въ поэмѣ масса разнообразныхъ деталей. Съ одной

---

[1]) M. Kawczyński, „Adama Mickiewicza Dziadów cześć trzecia w stosunku do romantyzmu francuskiego", считаетъ возможнымъ дать перевѣсъ вліянію французскихъ поэтовъ, преимущественно Альфреда Де-Виньи,—но и при этомъ объясненіи получилось бы косвенно воздѣйствіе Байрона, служившаго образцомъ, напр., для „Моисея" Де-Виньи.

[2]) Спеціальный этюдъ о мессіанизмѣ — въ книгѣ Урсина, „Очерки изъ психологіи славянскаго племени". Спб. 1887.

стороны — это фантастика, далеко не всегда удающаяся поэту; онъ часто прибѣгаетъ къ мотиву сновидѣній, съ вмѣшательствомъ добрыхъ и злыхъ духовъ, спорящихъ о душѣ смертнаго (въ этомъ онъ встрѣчается съ невѣдомымъ ему байронистомъ, младшимъ по времени, не написавшимъ еще тогда своего „Diablo mundo", Эспронседой), рѣшается даже на самоличное появленіе передъ Петромъ дьявола, безстыдно остроумнаго, бойко говорящаго на всѣхъ языкахъ, щеголяя своимъ тождествомъ съ Вольтеромъ, Лукреціемъ, съ цѣлымъ легіономъ умниковъ. Съ другой — это рѣзко комическія сцены, изображающія дворикъ Новосильцова съ его русскими клевретами и польскими прихлебателями и угодниками, сцены пріемовъ, баловъ и аудіенцій, порою переходящія отъ легкомыслія, развращенности и ничтожества къ лютому произволу и жестокости диктатора (къ которому также во время сна слетаются демоны). Какъ въ сверхъестественномъ, такъ и въ комизмѣ дарованіе поэта не свободно отъ преувеличеній и неровностей. Фантастическія и бытовыя, салонныя и закулисныя сцены грозятъ иногда заглушить то, чтò призвано было выразить сущность поэтическаго и гражданственнаго исповѣданія автора, — но сдѣлать этого онѣ не могутъ, и обаяніе „Импровизаціи" сохранитъ для потомства впечатлѣніе могущества поэта и связи его съ Байрономъ, вызвавшимъ въ немъ на волю лучшія стороны его самостоятельности.

Сторонникомъ Байрона Мицкевичъ остался и послѣ третьей части „Дзядовъ", сколько бы созданіе „Пана Тадеуша" ни указывало на перевѣсъ иныхъ сторонъ творчества, на смѣну страстнаго лиризма широкой эпической объективностью. Рѣчи новыхъ Манфредовъ и Каиновъ не прозвучатъ болѣе въ его поэзіи, періодъ байронизма законченъ; внутренняя работа, связанная съ первыми же эмигрантскими годами, прежде всего выразится въ волшебно яркомъ воспроизведеніи родины, ея природы и быта, простыхъ нравовъ и простыхъ людей, лишь съ замедленными отголосками европейскихъ событій,—и образцомъ избранъ уже „Германъ и Доротея". Но какъ Пушкинъ и послѣ остраго байроническаго кризиса не измѣнилъ прежнему властителю думъ, такъ и Мицкевичъ былъ не только въ состояніи доканчивать въ ту пору, когда писался „Тадеушъ", свой переводъ „Гяура" (1833) и издать его въ Парижѣ два года спустя, но и предпослать ему предисловіе, проникнутое глубокой и безпристрастной симпатіей. Это —защита и оправданіе непонятаго и неоцѣненнаго великаго человѣка, защита его твореній, его героевъ, всего міровоззрѣнія, оборона его живительнаго скептицизма, возвеличеніе борьбы со

старымъ началомъ, „въ которой онъ напоминалъ собой титана-Прометея, чей образъ онъ такъ любилъ вызывать“...

Наряду съ вождемъ увлеченіе Байрономъ переживалось окружавшимъ литературнымъ поколѣніемъ, почти безъ различія старшинства, возраста, оттѣнка. Послѣ Мальчевскаго и Мицкевича становились въ ряды ревнителей направленія и люди одной эпохи съ авторомъ „Валленрода“, и младшіе, совсѣмъ юные волонтеры. Ихъ перечень открывается сателлитомъ Мицкевича, Одынцемъ, необыкновенно трудолюбивымъ переводчикомъ Байрона. Юліанъ Корсакъ, близко подошедшій въ поэмѣ „Bejram“ къ „Абидосской Невѣстѣ“, отдался въ ней запоздалой игрѣ въ оріентализмъ байроновской юности, — въ своемъ „Камоэнсѣ въ больницѣ“ ввелъ въ обстановку предсмертной исповѣди, узаконенную примѣромъ „Гяура“, изліянія души непонятаго поэта, удрученнаго ничтожествомъ людей, искавшаго геройскихъ поступковъ на войнѣ, пѣснями своими будившаго національное чувство и умирающаго на соломѣ, — а въ „Панѣ Твардовскомъ“, обработавъ польскую версію фаустовской легенды, попытался слить черты гётевскаго Фауста и Манфреда [1]). Рано умершій, даровитый, но, быть можетъ, слишкомъ высоко цѣнившійся Мицкевичемъ, Гарчинскій отважился пройти по слѣдамъ третьей части „Дзядовъ“, не съ тѣмъ, чтобъ байроническую личность героя привести къ раздумью и просвѣтленію, а чтобъ усилить политическую ея роль. Таково значеніе его поэмы „Dzieje Wacława“, изъ которой извѣстна лишь первая часть „Молодость Вацлава“ [2]). Надѣленный стремленіями и запросами, высоко поднимающими его надъ уровнемъ людской массы, и соединившій въ себѣ черты Манфреда, гётевскаго Фауста и Конрада (изъ „Дзядовъ“), Вацлавъ, одинокій, хмурый, блѣдный, съ таинственной думой на челѣ, разорвалъ связь съ религіей и ея жрецами, воспитавшими его въ ея духѣ, разочаровался и въ наукѣ, которая не въ силахъ указать ему цѣли и выхода; въ корчмѣ, гдѣ онъ смѣшался съ народной толпой, старая вольнолюбивая пѣсня вдругъ потрясаетъ его, вызывая къ служенію народу и свободѣ. Мысль быстро зрѣетъ и приводитъ къ необходимости немедленно дѣйствовать; сцена переносится то въ залы варшавскаго дворца во время придворнаго маскарада и выхода Николая I, то въ тайную сходку заговорщиковъ. Вацлавъ очевидно возьметъ на себя актъ от-

---

[1]) О Корсакѣ—сравн. характеристику, сдѣланную Здзѣховскимъ, „Byron i jego wiek“, II, 542—548.

[2]) Pisma Stefana Garczyńskiego. Wyd. drugie przez Stanisł. Skorzewskiego. Poznań. 1860.

мщенія,—„только бы его страна, его народъ стали свободными" („tylko niech kraj mój wolnym—wolni będą ludzie!"). Его пытается отвлечь отъ дѣла „неизвѣстный", демонъ-искуситель, принимающій разнообразные виды (въ томъ числѣ и монашескій, съ крестомъ на груди,—для него это безразлично,—„вѣдь всѣ такіе знаки потеряли теперь значеніе", говоритъ онъ про себя), и показывающій ему, не хуже Мефистофеля, рядъ картинъ изъ подлинной жизни людей, ради которыхъ онъ готовъ жертвовать собой. Съ болью въ сердцѣ отрывается онъ отъ своей единственной, но преступной привязанности, любви къ сестрѣ (снова байроновскій мотивъ), и прощается съ ней ночью въ опустѣломъ замкѣ, полномъ привидѣній. Тоска и раздумье граничатъ у него съ маніей величія, мысль во что бы то ни стало возносится надъ міромъ, готовая мѣряться силой съ божествомъ,—въ этомъ сложномъ настроеніи исчезаетъ онъ. Снова передъ нами только торсъ поэмы, не досказанной уже потому, что быстротечная чахотка прервала дни поэта. Замыслы и вдохновенія незаурядныя мелькаютъ въ его произведеніи; многое еще очень молодо, не уравновѣшено, отягчено риторикой, но не могло не остановить на себѣ вниманія. Привлекла же вскорѣ Словацкаго надежда пересказать и развить судьбу Вацлава...

Гарчинскій, по-байроновски соединившій свободолюбіе въ словѣ и на дѣлѣ и принявшій дѣятельное участіе въ войнѣ 1831 г. (памятникомъ его осталось много стихотвореній,—особенно „Sonety wojenne"), встрѣчается на этой почвѣ съ своимъ сверстникомъ по байронизму, Севериномъ Гощинскимъ; правда, послѣдній превзошелъ его интенсивностью агитаторской боевой роли. Во всей „школѣ Байрона" съ нимъ можетъ сравниться по тревожной и самоотверженной жизни одинъ лишь Эспронседа. Не демократъ или республиканецъ, а „революціонеръ и Маратъ поэзіи" (какъ его называетъ проф. Брюкнеръ [1])), Гощинскій такъ же, какъ его испанскій собратъ, конспирировалъ еще въ стѣнахъ школы (въ Умани), волновалъ умы стихотвореніями о гибели отечества. Ему передалось байроновское повѣтріе эллинофильства, и, за недостаткомъ дѣла на родинѣ, онъ порывался освободить Грецію; когда же пробилъ часъ для его народа, онъ съ еще большей отвагой, чѣмъ Гарчинскій, участвовалъ въ борьбѣ, руководя опасными предпріятіями въ родѣ штурма варшавскаго Бельведера, и кончилъ эмиграціей въ Парижѣ.

Въ дневникѣ своемъ, выдержки изъ котораго явились въ пе-

---

[1]) Gesch. der poln. Literatur, 349.

чати лишь въ концѣ девяностыхъ годовъ [1]), Гощинскій придаетъ большое значеніе для своего развитія чтенію великихъ писателей Запада,—на одномъ изъ первыхъ мѣстъ Байрона,—съ которыми познакомился онъ въ прекрасно подобранной библіотекѣ Крехоцкихъ въ селѣ Лещиновкѣ, подъ Уманью, гдѣ скрывался онъ одно время, томимый нуждою. Байронъ, Вальтеръ-Скоттъ и Шекспиръ подѣйствовали на него больше, чѣмъ кто-либо до той поры,—а приведшая его въ упоеніе „Марія" Мальчевскаго, первенецъ польскаго байронизма, косвенно также послужила къ укрѣпленію въ немъ байроническихъ симпатій. Но съ Мальчевскимъ у него была общая почва и внѣ вліянія Байрона. Оба—выходцы изъ Украйны, горячо, романтически любившіе родину, они были въ польской поэзіи XIX-го вѣка ранними представителями той оригинальной, обособившейся польско-украинской группы, которая выставила не мало замѣтныхъ дѣятелей (Богдана Залѣсскаго, Падуру, Грабовскаго), и любовно пестуя малорусскую народность, героическую старину, тѣшась красотами украинскаго фолькъ-лора [2]), степного пейзажа, служила въ польскомъ нарядѣ цѣлямъ своего племени. Въ лицѣ Гощинскаго и Мальчевскаго вліяніе Байрона коснулось впервые малорусской литературы [3]).

Прямымъ слѣдствіемъ изученія Байрона былъ у Гощинскаго замыселъ поэмы „Zamek Kaniowski", которая и написана была въ затишьѣ Лещиновки, сохранивъ (по словамъ дневника) многія черты изъ жизни и обстановки поэта,—отголосокъ одного изъ его любовныхъ увлеченій, фантастическія ночныя сцены въ усадьбѣ и т. д. Силѣ увлеченія не вполнѣ соотвѣтствовалъ уровень поэтическаго дарованія. Проф. Брюкнеръ находитъ даже, что „музы не стояли у колыбели Гощинскаго", что „суровы, необдѣланы,

---

[1]) „Między kolegami z Humania (Listy i documenty do życia Goszczyńskiego)", въ I т. сборника „Księga pamiątkowa na uczczenie setnej roczn. urodz. Mickiewicza", 1899.

[2]) Обиліе такихъ матеріаловъ, напр., у Залѣсскаго вызывало научныя изслѣдованія, напр. статьи Ол. Колесы, „Украïньскі народні пісні в поезиях Богд. Залѣского", Записки товариства Шевченка, 1892, I.

[3]) Въ сороковыхъ годахъ въ ней можно отмѣтить переводы Костомарова („Іереміи Галки"), преимущественно изъ „Еврейскихъ мелодій"; въ шестидесятыхъ—переводы М. Старицкаго („Мазепа", отрывки изъ „Ч.-Гарольда"); въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ—Ивана Франка („Каинъ", 1879, отрывки изъ „Донъ-Жуана", самостоятельная обработка байроновскаго мотива „Смерть Каина", Львовъ, 1889); въ девяностыхъ—П. Кулиша („Донъ-Жуанъ", въ „Правдѣ" 1890—91, и рядъ стихотвореній), Павла Граба („Шильонскій узникъ", „Еврейскія мелодіи"), Агаѳ. Крымскаго и др.

угловаты были и самъ онъ, и его стихи", что въ нихъ „онъ тоже проповѣдовалъ убійство и переворотъ, но зато въ сильнѣйшихъ выраженіяхъ высказывалъ глубокую симпатію къ порабощенному и отупѣвшему народу, свѣтомъ просвѣщенія разсѣивалъ туманъ предразсудковъ, и откровенностью своей рѣчи, любовью къ изображенію природы, искупалъ недостатокъ отдѣлки и тонкости своихъ созданій"... Потомству, къ которому имя Гощинскаго перешло лишь въ связи съ „Зáмкомъ Каневскимъ", единственнымъ большимъ произведеніемъ, которое ему удалось напечатать [1]), тогда какъ его импровизаціи разносились по свѣту, точно летучіе листья,—потомству этотъ поэтъ-революціонеръ дѣйствительно представляется существомъ неуравновѣшеннымъ, съ склонностью къ мрачному и потрясающему, чувствующимъ себя въ своей стихіи среди сценъ борьбы, нападенія, расправы, отмщенія, и, несмотря на историческій нарядъ повѣсти, сводящимъ современные счеты. На сценѣ—восемнадцатый вѣкъ, время возстанія Гонты; съ одной стороны—охваченное сильнымъ броженіемъ козачество, съ другой—барство, владычество надъ народомъ польскихъ воеводъ. Подобно Гарчинскому, демократъ, украинецъ-народникъ, на дѣлѣ убѣдившійся, въ 1830 г., въ безуспѣшности движенія, когда народъ остается ему чуждымъ, Гощинскій сдѣлалъ своего героя, козака Небабу, выразителемъ народнаго недовольства и вражды. Въ то же время онъ надѣлилъ его тяжкимъ сердечнымъ горемъ. Управитель зáмка насильно беретъ за себя замужъ горячо любимую Небабой Орлику, пожертвовавшую собой, чтобы спасти брата. Небаба, не зная причины ея поступка, вмѣстѣ съ жаждой мщенія притѣснителямъ полонъ отчаянія отъ измѣны любимой женщины. Въ станѣ гайдамаковъ, къ которымъ онъ примкнулъ, дѣля власть съ атаманомъ Швачкой, пьянымъ и грубымъ, готовится нападеніе на зáмокъ; самовольный Швачка, жадный къ добычѣ, умчалъ свою дружину раньше срока на штурмъ, и зáмокъ уже запылалъ прежде появленія Небабы. А ночью Орлика убила стараго мужа и, спасаясь отъ нападающихъ, не понявшихъ въ ней своей союзницы, оперлась окровавленными руками объ стѣну, въ такой позѣ была застигнута и оставила навсегда страшный слѣдъ своего прикосновенія... На личности Небабы—несомнѣнный налетъ байронизма, въ его ранней формѣ; на челѣ козака—слѣды грызущихъ думъ, сознаніе проступковъ, исказившихъ его жизнь, которыхъ ничѣмъ не изгладишь, не смоешь. Единственный свѣтлый лучъ—

[1]) Перепечат.—„Dzieła Sewerynа Goszczyńskiego". Lipsk, 1870, tom drugy.

начальное время любви; ночная сцена свиданія дышетъ нѣжностью. Остальное полно мрака и ожесточенія; поэма заканчивается страшной казнью Небабы и его товарищей, захваченныхъ польскимъ отрядомъ, поспѣшившимъ на избавленіе замка. Гайдамакъ посаженъ на колъ... Умѣстившись въ предѣлахъ трехъ ночей, начинаясь казнью и казнью же обрываясь, дѣйствіе поэмы получило зловѣщее ночное освѣщеніе, которому соотвѣтствуетъ вмѣшательство злыхъ духовъ, невѣдомые голоса, издѣвающіеся и возбуждающіе. Аппаратъ сверхъестественнаго, добытый если не изъ запасныхъ складовъ нѣмецкаго романтизма, то изъ воспаленной фантазіи автора, соединился съ соціальной и междуплеменной темой; въ центрѣ этого смѣшаннаго состава сталъ байроническій неудачникъ, храбрый, несчастный, съ душевнымъ подъемомъ и разбитою жизнью. Форма далеко не безупречна, описаній больше, чѣмъ дѣйствій, но временами сказывается невоздѣланный, не успѣвшій развиться, но не заурядный талантъ.

Охватывая въ своемъ распространеніи всѣ лучшія силы польской поэзіи, байронизмъ привлекалъ въ сферу своего вліянія даже тѣхъ ея дѣятелей, которые по складу убѣжденій и особенностямъ дарованія пролагали себѣ, казалось, иные пути и не могли примкнуть къ движенію. Такъ, родовыя, аристократическія преданія, не уступившія духу вѣка, критическое, осуждающее отношеніе къ радикализму, демагогіи, тайной агитаціи, которымъ отдалъ такъ много силъ Байронъ, пессимистическая оцѣнка современности и полныя глубокаго мистицизма грёзы о гармоніи и примиреніи на почвѣ вѣры не помѣшали Красинскому признать высокое, хотя и опасное значеніе Байрона. Для него это—„безспорно великій поэтъ, это—блестящій метеоръ, молнія, разрѣзавшая тьму"; подражаніе ему немыслимо, нежелательно и обезличиваетъ послѣдователей [1]). Но и смолоду Красинскій не могъ удержаться отъ такого подражанія (въ неудачной и еще полной юношеской неопытности повѣсти „Agaj-Han"), а выйдя вскорѣ на самостоятельный путь въ „Небожественной Комедіи" (кажущейся, по выраженію Здзѣховскаго [2]), вспышкой ясновидѣнія среди малаго еще тогда житейскаго опыта у поэта) и въ „Иридіонѣ" [3]), направляясь въ противоположную байронизму сторону, онъ не покидаетъ его изъ виду, даже заимствуетъ пригодныя черты. „Небожественная Комедія" предназначена была,

[1]) Listy Krasińskiego, 51.

[2]) Byron i jego wiek. II, 1897, 465.

[3]) Русскіе переводы обоихъ произведеній: „Небожественная Комедія", перев. А. Курсинскаго, М. 1902; „Иридіонъ", перев. Уманскаго, Спб. 1904.

по словамъ автора, для возстановленія двухъ забываемыхъ человѣчествомъ силъ, религіи и старины, но въ эволюціи обоихъ главныхъ характеровъ, графа Генриха и агитатора-демократа Панкратія, существенной чертой является перерожденіе и просвѣтленіе двухъ олицетворенныхъ въ нихъ отраслей типа, въ широкомъ смыслѣ заслуживающаго имени байроническаго,—міровой скорби и дѣятельной борьбы съ старымъ порядкомъ. Мысля, въ духѣ старозавѣтной морали, контрастами, но не отказывая въ признаніи душевной силы ни одному изъ этихъ воплощеній, поэтъ ищетъ для нихъ примиренія въ религіи, смягчаетъ рѣзкости, стремится сглаживать рознь, извлекаетъ изъ развитія демократіи серьезный урокъ застывшему въ староверствѣ барству и, бичуя съ неуступающимъ Байрону негодованіемъ господствующую ложь и пошлость, возводитъ свое зданіе будущаго, въ которое байроновскіе герои могутъ вступить, обновившись и отказавшись отъ эгоизма и безвѣрія. Въ „Иридіонѣ" Красинскій снова и еще опредѣленнѣе вернулся къ своеобразной обработкѣ характеровъ, завѣщанныхъ новой поэзіи Байрономъ. Въ обстановкѣ Рима временъ Геліогабала рядомъ съ неофитомъ-христіаниномъ Иридіономъ стоитъ его бывшій воспитатель, нумидіецъ Массинисса, въ которомъ (снова игра контрастовъ) съ ненавистью къ Риму и христіанству соединяется заклятая вражда ко всему идеальному и духъ непримиримаго отрицанія. Какъ искуситель, послѣдовательно разбивающій всѣ надежды и грёзы Иридіона, маня его за собой въ иныя сферы, гдѣ царятъ зло и борьба, и гдѣ раскрывается безконечная низость людская, Массинисса переростаетъ человѣческій образъ и становится существомъ демоническимъ. Самъ поэтъ готовъ былъ сличить его съ Мефистофелемъ, но суровость и величавость его побудили изслѣдователей и объяснителей произведенія (Здзѣховскаго, гр. Тарновскаго и, въ 1904 году, автора новѣйшаго труда о Красинскомъ [1]) сопоставить его съ байроновскимъ Люциферомъ. Роль обоихъ различна; въ то время какъ Байронъ сдѣлалъ своего демона возбудителемъ энергіи, зовущимъ къ свободному проявленію личности передъ Божествомъ, къ защитѣ правъ мысли и самоопредѣленія, и избралъ Люцифера глашатаемъ своихъ убѣжденій, для Красинскаго, отожествившаго себя съ Иридіономъ, существо, подобное Массиниссѣ, могло казаться лишь геніемъ зла, неспособнымъ заронить въ людскія души ни одной искры

[1]) Drogosław'a. Сравн. статью о ней Тарновскаго въ „Tygodn. illustr." 1904, № 26, и книгу того же автора, „Zygmunt Krasiński", 1892.

свѣта. Но когда явилась необходимость придать этому образу реальныя черты, воображеніемъ завладѣло нѣкогда обаятельное воплощеніе сильной демонической личности, ея черты ожили, она возродилась,—хотя ради морализующей цѣли.

Не станемъ останавливаться на мнѣніи тѣхъ польскихъ критиковъ, которые заявляли, что Красинскій развилъ далѣе содержаніе байронизма и глубже Байрона проникъ въ сущность затронутыхъ, но не рѣшенныхъ англійскимъ поэтомъ общечеловѣческихъ вопросовъ. Для истинной поэзіи борьбы, этого революціоннаго призыва къ крушенію стараго порядка во всѣхъ его проявленіяхъ, нѣтъ примиренія раньше побѣды. Байронизмъ и гармонія, миръ, всепрощающій подвигъ, мистическое возрожденіе—несовмѣстимы. Красинскій могъ открывать новые міры, передъ нимъ, быть можетъ, сіяли уже блестящія радуги небесной любви, но это была иная совсѣмъ область, куда не проникали и не могли вступать ни байроновскій титанизмъ, ни байроновская сатира. Все-же останется несомнѣнно интереснымъ фактъ общенія и такого поэта, какъ Красинскій, съ мятежнымъ пѣвцомъ Манфреда и Каина.

II.

Среди новаго, *второго* поколѣнія польскихъ байронистовъ, которое выступило значительно позже Мицкевича, окруженнаго своимъ стихотворческимъ штабомъ, словно предводитель сильнаго отряда,—среди того поколѣнія, чья молодость совпала съ событіями 1830—31 годовъ, чьи испытанія внесли въ поэзію новые темы и мотивы, революціонный экстазъ, разочарованіе, выстраданную на дѣлѣ версію „лишняго человѣка“, иронію надъ жизнью и людьми, выдвигается во всеоружіи оригинальнаго таланта и своеобразнаго развитія личности Словацкій.

Высоко даровитый, мало оцѣненный при жизни, зачисленный въ ряды эксцентрическихъ, съ трудомъ понимаемыхъ массой новаторовъ, зато въ послѣднее время признанный даже пророкомъ „новаго искусства“ [1]), Словацкій уже по натурѣ подходилъ болѣе кого-либо изъ польскихъ сверстниковъ къ требованіямъ и ожиданіямъ, которыя „школа Байрона“ предъявляла своимъ дѣятелямъ. Если для Мицкевича байронизмъ былъ переходнымъ періодомъ, хотя и вызвавшимъ великія поэтическія красоты,

---

[1]) Вопросъ этотъ разработанъ въ книгѣ И. Матушевскаго, „Słowacki i nowa sztuka“, Warszawa, 1902.

Словацкій, казалось, нашелъ въ байроновской поэзіи отраженіе мыслей и чувствъ, съ ранней молодости волновавшихъ его, и въ личныхъ свойствахъ Байрона—великое сходство съ своею психической исторіею. Внѣшними поводами къ проявленію его байронофильства были вліяніе сильно заинтересовавшей его образованной и начитанной дѣвушки, Людвики Снядецкой, занятіе англійскимъ языкомъ, послѣ окончанія университета, въ Кременцѣ, затѣмъ обаяніе „Маріи" Мальчевскаго и возбуждавшій къ состязанію примѣръ автора „Валленрода"; но всего сильнѣе дѣйствовало сродство душевнаго склада, характера, настроеній, опыта. Словацкому не пришлось вычитать и затѣмъ усвоить мотивъ одиночества, замкнутости въ себѣ, оторванности отъ толпы. Какъ Лермонтову, онъ былъ ему свойственъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ, до того, что, порою, видя, какъ эта „samotność" обрекаетъ на неудачу всѣ попытки дружбы, товарищества, сердечной привязанности, и разобщаетъ его съ средой, гдѣ онъ призванъ дѣйствовать, онъ испытывалъ удрученіе. Эгоистическая, властная основа, смягченная съ годами въ байроновскомъ характерѣ думой, горемъ, борьбой, альтруизмомъ, самопожертвованіемъ, была также достояніемъ Словацкаго, которому, однако, не суждено было испытать въ такой полнотѣ это перерожденіе. Въ чуткости къ поэзіи природы они опять сходились; знаніе женской души и художественное изображеніе женскихъ характеровъ (слабо развившееся у Мицкевича) снова сближало ихъ; въ умѣньи владѣть, на-ряду съ возвышеннымъ, патетическимъ, и тонкой ироніей они были собратьями. Пути ихъ не совпали вполнѣ; несмотря на нѣсколько эффектныхъ исключеній, поэзія и жизнь Словацкаго свободны отъ политическаго радикализма, безъ котораго образъ Байрона представляется теперь немыслимымъ; философская смѣлость и богоборство, до котораго могъ дойти даже Мицкевичъ, не были доступны Словацкому. Все-же рѣдко осуществлялось такое совпаденіе задатковъ и склонностей, какъ въ отношеніяхъ къ Байрону этого блестящаго ученика [1]).

Соперничество съ Мицкевичемъ, не прерывавшееся во всю писательскую жизнь Словацкаго, побудило его и къ первымъ байроническимъ опытамъ. Успѣхъ „Валленрода", въ которомъ онъ тонко разглядѣлъ недочеты подражанія, побудилъ его дать образцы своихъ пріемовъ въ томъ же родѣ. Четыре небольшихъ

---

[1]) Самостоятельный опытъ характеристики Словацкаго въ связи съ его поэзіей сдѣлалъ Józef Tretiak, „Juliusz Słowacki. Historya ducha poety i jej odbicie w poezyi", Краковъ, 1903. Въ этомъ отношеніи цѣнна также работа Ант. Малецкаго „J. Słowacki, jego życie i dzieła w stósunku, do wspol. epóki". Lwów, 1901.

стихотворныхъ разсказа, написанныхъ въ промежутокъ 1829—31 годовъ, исполняютъ такое назначеніе. Это—поэма „Hugo“, съ фономъ изъ быта маріенбургскихъ рыцарей, взятымъ у „Валленрода“, но съ печальной исторіей женскаго самоотверженія, заимствованной изъ „Лары“ и еще шире развитой: послѣдовавшая за рыцаремъ въ мужскомъ нарядѣ Бланка, чтобы спасти его, гибнетъ подъ мечомъ палача, и Гуго не въ силахъ пережить ее; это „восточная повѣсть“ *Mnich* съ предсмертной, въ духѣ „Гяура“, исповѣдью монаха въ синайскомъ монастырѣ, полной кровавыхъ дѣлъ, убійства брата, отца, и прерываемой явленіемъ тѣни дѣвушки, которую когда-то любилъ несчастный; это—другой циклъ такихъ же воспоминаній, вложенный въ уста бедуина („Arab“), выдержанный въ тонѣ демоническаго злорадства и презрѣнія къ людямъ монологъ, въ которомъ проходятъ сцены мести, упоенія чужими муками, и надъ уничтоженіемъ другихъ жизней возносится гордое сознаніе своего одиночества; наконецъ, это эпизодъ изъ морскихъ походовъ запорожцевъ на турокъ, „Żmija“, вставившій бурную натуру съ сверхъ-человѣческими страстями въ раму стараго козачества, сосредоточивъ интересъ сюжета на борьбѣ гетмана съ пашой въ родѣ байроновскаго Джіаффира. Вездѣ безсмѣнный образъ неукротимой личности, не подчиняющейся морали и обычаямъ, несчастной, отягченной великими злодѣяніями, но надѣленной величавостью, — слабые, юношескіе опыты, напоминающіе юношескія драмы Лермонтова, но превосходящіе ихъ красотой формы. Мрачное настроеніе и запоздалая игра въ загадочную и трагическую психологію производятъ странное впечатлѣніе, если сопоставить ихъ съ разыгрывавшейся тогда на политической аренѣ народною трагедіею, — съ ростомъ и взрывомъ возстанія. Безучастность къ нему была для Словацкаго немыслима. Но въ то время, какъ большинство его собратій по байронизму не только примкнуло къ движенію, но нашло въ немъ источникъ для вдохновенія, Словацкій пережилъ лишь непродолжительный, но искренній аффектъ не патріотизма только, но революціонерства. Стоя близко отъ событій и ихъ направителей, онъ поплылъ по теченію и почувствовалъ такой приливъ возбуждающаго лиризма, что послѣ поэмъ, столь чуждыхъ современности, написалъ четыре политическихъ гимна такой силы, что общественное мнѣніе, увлекшись, провозгласило его бардомъ революціи. Но удержаться на этомъ уровнѣ, гдѣ онъ еще ближе сошелся бы съ Байрономъ-конспираторомъ, было выше его силъ. По выраженію Третьяка, его политическая слава, вспыхнула, какъ ракета, и такъ же скоро погасла. Онъ покинулъ Варшаву,

навсегда оставилъ отечество и украсилъ свое отступленіе лишь тѣмъ, что взялъ на себя доставить отъ народнаго правительства важныя депеши въ Лондонъ.

Съ переѣзда на Западъ, съ посѣщенія отечества Байрона и затѣмъ Франціи, начинается новый періодъ жизни Словацкаго; это важная дата и въ его байронизмѣ. Сначала желанный гость среди польскихъ круговъ Парижа, чрезвычайно пополненныхъ эмиграціею послѣ возстанія [1]), онъ встрѣтилъ среди соотечественниковъ такое же гиперболическое прославленіе въ качествѣ „второго Байрона", которое такъ повредило многимъ его сверстникамъ-байронистамъ въ другихъ литературахъ. Ближайшимъ послѣдствіемъ былъ его возвратъ къ покинутому-было жанру восточныхъ поэмъ; въ Парижѣ написана повѣсть „Ламбро, греческій повстанецъ". Среди красивыхъ, но условныхъ, невиданныхъ поэтомъ картинъ Архипелага развивается, какъ отраженіе незадолго передъ тѣмъ смолкшихъ греческихъ боевъ за независимость, разсказъ о корсарѣ, нѣкогда покинувшемъ подъ вліяніемъ мученичества патріота Риги свое разбойничье ремесло, чтобы послужить освобожденію народа. Въ его чертахъ всегда загадочное выраженіе,—„словно какой-то демонъ смѣшиваетъ въ нихъ горячность съ улыбкой, смѣхъ съ умѣньемъ сносить тяжелую судьбу", „сердце его окаменѣло", „онъ напоминаетъ падшаго ангела",—и коллективный образъ Гяура, Конрада и Лары снова отпечатывается на реальномъ, казалось, характерѣ Ламбро. Но съ Ларой его сближаетъ и вводный эпизодъ съ пажемъ, уже использованный самимъ Словацкимъ въ „Hugo", но теперь широко разработанный. Любящая женщина, принявъ нарядъ пажа и не узнанная корсаромъ, раздѣляетъ съ нимъ всѣ опасности, готовитъ ему каждую ночь снотворное питье, становится однажды свидѣтельницей сильныхъ, горячечныхъ галлюцинацій, среди которыхъ Ламбро преслѣдуютъ видѣнія, и падаетъ подъ ножомъ безсознательнаго убійцы. Въ противоположность развязкѣ байроновской поэмы, сдѣлавшей пажа послѣднимъ печальнымъ свидѣтелемъ гибели Лары, Словацкій доводитъ Ламбро, измученнаго раскаяніемъ и разгадавшаго тайну женскаго самоотверженія, до самоубійства.

Сходя со сцены въ поэзіи Словацкаго, характеръ, всего полнѣе обрисованный въ Ламбро, уступилъ мѣсто инымъ образамъ и мотивамъ, внушеннымъ байронической маніею поэта.

[1]) Въ перепискѣ его (Listy Słowackiego, 1883, I, 93-4) сбереженъ разсказъ о чествованіи его въ Парижѣ большимъ обществомъ французовъ и поляковъ, 1832 г., въ годовщину возстанія.

Вѣсти съ родины, болѣзненно напомнившія ему исторію его первой любви (къ Людвикѣ Снядецкой), разстроенной судьбою и людьми, побудили къ печальнымъ признаніямъ; аналогія съ глубокой, никогда не изгладившейся привязанностью Байрона къ Мэри Чавортъ, поразила воображеніе,—и небольшая, задушевная и безотрадная поэма „Godzina myśli“, построенная по плану байроновскаго „The Dream“, пересказала въ рядѣ картинъ, облеченныхъ въ форму грезъ, видѣній, исторію разбитаго счастья. Несвободны отъ байроническихъ отголосковъ и двѣ драмы, написанныя въ ту пору Словацкимъ. Если въ „Ламбро“ его не затруднила мысль надѣлить душевнымъ разладомъ девятнадцатаго вѣка греческаго корсара-повстанца конца восемнадцатаго столѣтія, то въ „Миндовѣ“ и „Маріи Стюартъ“ онъ перенесъ въ Литву, борющуюся съ крестоносцами, и въ Шотландію временъ Маріи демонизмъ и трагическій разгулъ страстей, достойный самыхъ мрачныхъ байроновскихъ фабулъ. Миндовэ и Ботвелль, не смягченные ни любовью, ни народолюбіемъ, доносятъ до конца своей бурной судьбы властный и неукротимый нравъ. Но въ то время, какъ Словацкій могъ еще останавливаться на пережитомъ уже моментѣ байроновскаго направленія, оно выставило въ первыхъ рядахъ польской словесности, въ которыхъ, болѣзненно славолюбивый, онъ, казалось, призванъ былъ блистать, глубокій и сильный образецъ иного пониманія завѣтовъ Байрона,—третью часть „Дзядовъ“. Измученный соперничествомъ съ Мицкевичемъ, оскорбленный отзывами старшаго собрата о его поэзіи, „стройномъ, чудесномъ храмѣ, въ которомъ нѣтъ Бога“, замѣчая въ отношеніяхъ къ нему эмиграціи шаткость и нерасположеніе, смѣнявшія прежніе восторги и вызванныя сознаніемъ слабости его политическихъ убѣжденій, Словацкій покинулъ Парижъ для Швейцаріи. Альпійская природа и атмосфера вѣковой, спокойной свободы подѣйствовала на него послѣ варшавскихъ событій и парижскихъ столкновеній такъ же живительно, какъ на Байрона послѣ его разрыва съ отечествомъ. Какъ у Байрона высшимъ предѣломъ вдохновляющихъ впечатлѣній странствія по Швейцаріи былъ достопамятный походъ въ бернскій Оберландъ, въ царство снѣговыхъ исполиновъ съ ихъ величіемъ и вѣчными красотами, такъ у Словацкаго, едва стала раскрываться передъ нимъ чудная панорама, отъ Сенъ-Бернара и долины Роны къ Юнгфрау и романтическимъ скаламъ Люцернскаго озера, сказочно прибыло душевныхъ силъ и ожило вдохновеніе. Обаяніе было тѣмъ сильнѣе, что съ странствіемъ совпалъ эпизодъ любви,—чего Байронъ при одинаковыхъ обстоятельствахъ не испыталъ. Шире прежняго

развилась поэзія природы, смѣлѣе раскинулась фантазія. Стихотворная живопись немного можетъ выставить равнаго поэмѣ Словацкаго „W Szwajcarji". Картины водопада на Аарѣ съ радужными переливами свѣта, ледника—истока Роны, часовни Вильгельма Телля, омываемой озерными волнами, царственнаго лика Юнгфрау, могучаго заоблачнаго простора, по которому проносятся одни лишь орлы,—стали фономъ для полныхъ нѣжности воспоминаній о счастливыхъ минутахъ, признаніяхъ, смѣлыхъ мечтахъ о будущемъ, описаній воздушной красоты любимаго существа, какъ будто сливавшейся съ красотой природы, — и завершились грустной развязкой, пробужденіемъ послѣ грезъ, которымъ не суждено сбыться.

Но если поэма „Въ Швейцаріи" явилась какъ pendant къ третьей, швейцарской пѣснѣ „Чайльдъ-Гарольда", то байроновскій мотивъ вліянія „горныхъ вершинъ", могучей природы, на человѣка, сталъ рѣшающимъ въ судьбѣ героя другого произведенія, задуманнаго подъ впечатлѣніями путешествія, драмы „Kordyan". Мечтатель, преданный личной жизни и ея интересамъ, онъ на вершинѣ Монблана испытываетъ такое просвѣтленіе, такой духовный ростъ и притокъ героическихъ силъ, что передъ нимъ открывается истинное его призваніе, высшая цѣль жизни—самоотверженный подвигъ для освобожденія народа. Выполненіе этого подвига сближаетъ драму съ поэмой Гарчинскаго; не въ движеніи массъ, но въ образованіи заговора, съ политическимъ убійствомъ, какъ результатомъ его, Кордіанъ, какъ и Вацлавъ, видитъ насущную потребность для народнаго блага, и свое намѣреніе пріурочиваетъ ко времени коронаціонныхъ торжествъ въ Варшавѣ. Но знаменательная сцена среди вѣчныхъ снѣговъ вызвала лишь сильный аффектъ; не изъ такихъ людей вырабатываются двигатели, вожди, исполнители важныхъ рѣшеній; мечтательность и рефлексія парализуютъ волю Кордіана передъ приступомъ къ его опасному дѣлу; встрѣчное теченіе въ передовыхъ рядахъ, указывающее на основаніи опыта и традицій иные пути народной работы, отнимаетъ у него почву. Захваченный, арестованный, онъ, во время заключенія еще рѣшительнѣе осуждаетъ свою неудачу; его казнь производитъ трагическое впечатлѣніе. Безпристрастно, порою почти безпощадно выставляетъ поэтъ контрастъ великихъ помысловъ съ ихъ выполненіемъ; онъ не могъ желать выставить Кордіана, это честное, искреннее *сердце*, положительнымъ, героическимъ существомъ. Мысль была шире и глубже. Задумана была трилогія, въ которой постепенно, изъ сопоставленія различныхъ оттѣнковъ активности и изобра-

женія разнородныхъ характеровъ обнаружились бы истинныя сочувствія поэта и его политическій урокъ. Отстранившись отъ участія въ движеніи 1830—31 г., Словацкій захотѣлъ въ поэтической формѣ высказать свое credo; то былъ бы его отвѣтъ Мицкевичу, новое состязаніе съ авторомъ „Дзядовъ", чей Конрадъ нашелъ бы, быть можетъ, если не въ Кордіанѣ, то въ дѣйствующихъ лицахъ двухъ остальныхъ драмъ, уже намѣченныхъ (по мнѣнію Малецкаго, матеріалъ для третьей части трилогіи вошелъ потомъ въ „Ангеллія") опаснаго соперника. Отвлеченный новыми творческими планами и случайностями личной жизни, Словацкій не дописалъ своей трилогіи, но уже назначеніе ея—сосредоточить въ формѣ драмы рѣшеніе одного изъ коренныхъ вопросовъ освободительной политики, и частичное выполненіе этой задачи, говорятъ о большомъ идейномъ успѣхѣ въ ходѣ развитія байронизма Словацкаго.

Поворотъ къ старымъ, пережитымъ его формамъ былъ отнынѣ немыслимъ; съ этой только точки зрѣнія можно согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ біографовъ и объяснителей, которые относятъ къ 1837—38 г. разставаніе Словацкаго съ байроническими симпатіями. Дѣйствительно, его навсегда покинулъ неотступно преслѣдовавшій его образъ демоническаго существа, съ волканомъ страстей и грузомъ преступленій, въ нарядѣ рыцаря, бедуина, пирата. Дѣйствительно, иные образы влекутъ его теперь къ себѣ. Начинается періодъ, когда создается гуманно-фантастическая греза изъ жизни польскихъ ссыльныхъ въ Сибири, съ выразительнымъ заглавіемъ „На поселеніи", впослѣдствіи замѣненнымъ другимъ, столь же мистически сіяющимъ, какъ и герой, ссудившій поэмѣ ея окончательное имя „Ангеллій", олицетвореніе просвѣтленной страданіемъ народной души,—когда подъ впечатлѣніемъ одного эпизода изъ путешествія поэта на Востокъ написанъ печальный стихотворный разсказъ „Отецъ зачумленныхъ", многимъ напомнившій своимъ содержаніемъ античное преданіе о Лаокоонѣ. Но и съ признаками новаго направленія, которому предстояло широко развиться, совпадало общеніе съ байроновской поэзіей, только въ другихъ ея формахъ. Не говоря уже о томъ, что, написанная раньше, поэма „Въ Швейцаріи" была напечатана именно въ это время, и поэзія природы въ связи съ жизнью чувства предстала въ ней съ бо̀льшей силой, чѣмъ нѣкогда въ „Крымскихъ сонетахъ", — къ этому времени относятся два отраженія сильнаго вліянія, которое оказалъ на Словацкаго „Донъ-Жуанъ". Это девять начальныхъ пѣсенъ стихотворнаго описанія путешествія на Востокъ и „Беньёвскій".

Путешествіе къ святымъ мѣстамъ, предпринятое поэтомъ въ 1836 г. изъ Неаполя въ обществѣ двухъ польскихъ друзей, несмотря на то, что закончилось довольно продолжительнымъ пребываніемъ въ Сиріи и Палестинѣ и сопровождалось молитвеннымъ настроеніемъ въ Іерусалимѣ или Виѳлеемѣ, жизнью въ монастыряхъ, и т. д., не было настоящимъ паломничествомъ вѣрующаго, не подготовлялось, какъ у Гоголя, долгимъ воспитаніемъ души къ предстоящему подвигу, но по основѣ своей можетъ быть отнесено къ той же группѣ подражаній Байрону, какъ извѣстный оріентальный tour Ламартина. Первая часть пути Словацкаго, черезъ Іоническіе острова въ Грецію, была возобновленіемъ байроновскаго маршрута гарольдовскихъ временъ; потомъ слѣдовали Египетъ, Каиръ, пирамиды; святыя мѣста Палестины задержали мысль на набожныхъ предметахъ,—но затѣмъ предприняты были плѣнившее поэта путешествіе на снѣговыя горы Ливана, и сорокадневная стоянка въ затерянномъ на большой высотѣ армянскомъ монастырѣ, необыкновенно освѣжившая силы и поэтически продуктивная. При этихъ условіяхъ не удивительно, что стихотворная запись о странствіи, „Podróż na Wschód“ [1]), зародившаяся такъ же, какъ у Байрона „Паломничество Чайльдъ-Гарольда“, изъ летучихъ листковъ и воспоминаній, не только не имѣетъ благочестиваго характера, но получила непринужденный и остроумный тонъ байроновской causerie. Правда, въ девяти пѣсняхъ авторъ не подвинулся далѣе Греціи, но врядъ ли смогъ бы спрятать потомъ свою насмѣшливость и оживленіе подъ покрываломъ паломника, придать лицу назидательное выраженіе; лучше было прервать разсказъ... [2]) Но какъ оживленъ онъ и наблюдателенъ, какъ, по-байроновски, обиленъ отступленіями, которыя часто, какъ въ „Донъ-Жуанѣ“, берутъ верхъ надъ интересомъ описаній!

Пестрыя картины Неаполя, съ его лаззаронами, толпой на Корсо, суетней гавани, гробницей Виргилія, смѣняются морскими пейзажами, снятыми съ парохода. Потомъ настаетъ очередь, какъ у Байрона, для поѣздки верхомъ въ глубь Греціи; странникъ проводитъ ночь въ горномъ гнѣздѣ Востицы, дѣлаетъ привалъ въ монастырѣ Megaspileon; народный бытъ, при-

[1]) Странствіе на Востокъ,—титулъ болѣе точный, чѣмъ придуманный однимъ изъ близкихъ поэту лицъ, Podróż do ziemi swiętei“, который неудачно выдвигаетъ клерикальный оттѣнокъ.

[2]) Въ статьѣ Biegeleisen'a „Wrażenia z podróży Słowackiego na Wschód“, Bibl. Warszawska, 1891, сообщенъ планъ обширной фантастической поэмы, также возникшій подъ вліяніемъ путешествія, но покинутый.

рода горъ все тѣснѣе смыкаются вокругъ него, старина и современность овладѣваютъ имъ. Встаютъ, какъ у Гарольда, воспоминанія о славныхъ бояхъ древней Греціи за независимость, о Мараѳонѣ, Ѳермопилахъ; съ ними связывается свѣжая память о новѣйшей борьбѣ, проходятъ образы греческихъ героевъ, Канариса, Ботцариса. Отъ нихъ переходъ—къ Байрону, о которомъ особенно живо напомнило посѣщеніе Миссолонги. Нѣсколько разъ обращается Словацкій къ памяти Байрона,—и тогда, когда „его поэзія (именно „Гарольдъ") переноситъ его въ міръ идеаловъ", и тамъ, гдѣ, отвѣчая на нападки критики и молвы, онъ съ юморомъ признаетъ себя дѣйствительно „больнымъ, удрученнымъ семью различными недугами, *сатанизмомъ*, *байронизмомъ*, культомъ массъ, республиканизмомъ, вѣрою въ прогрессъ"... Но улыбка слетаетъ съ его лица; набѣжала мысль о своей судьбѣ, объ участи оторваннаго отъ родины изгнанника; полныя грусти строфы говорятъ объ одинокой смерти въ чужомъ краю, не оставляя ни малѣйшей надежды снова увидать отечество. Въ такомъ же тонѣ раздумья выдержано обращеніе къ героинѣ первой любви поэта; какъ въ стих. „Godzina myśli", проходитъ рядъ сценъ изъ давнопрошедшаго, и въ связи съ ними печальная развязка,—любимая женщина пожертвовала собою для другого... Но едва облако разсѣется, снова слышится смѣхъ и остроумный судъ; найдутся тутъ выходки противъ Мицкевича и его приверженцевъ, характеристика современной критики, бойкая каррикатура на манерный и претенціозный свѣтскій байронизмъ князя Pückler-Muskau, котораго (какъ мы уже знаемъ) такъ презрительно сокрушилъ потомъ Гервегъ (проводникъ, сопровождавшій нѣмецкаго князька, сталъ гидомъ Словацкаго и водилъ его по тѣмъ же мѣстамъ), или живая жанровая сценка вавилонскаго столпотворенія на деревенскомъ ночлегѣ. Но греческія впечатлѣнія снова зовутъ къ себѣ далеко ушедшаго отъ нихъ, въ грусть или въ смѣхъ, путника. Онъ отдается имъ, входитъ въ гробницу древняго героя,—и съ благоговѣйнымъ чувствомъ смѣшивается такое острое сознаніе своего безволія, непригодности къ великимъ дѣяніямъ, своей принадлежности къ „печальному краю илотовъ", что эпизодъ „Grób Agamemnona", лучшій во всей поэмѣ, является поразительнымъ по силѣ меланхоліи и суда надъ собою изліяніемъ поэта.

„О, Меланхолія, нимфа, откуда ты родомъ? Не эпидемическая ли ты болѣзнь? Отчего все вокругъ охвачено тобою? Сколько самъ я, за тобою слѣдомъ, перенесъ всякихъ блужданій, и сталъ теперь... не полякомъ, а кровнымъ байронистомъ!"—такъ вс-

клицаетъ Словацкій въ одномъ изъ личныхъ отступленій поэмы „Беньёвскій“, объясняя далѣе, что „въ томъ виною и его молодость, и тѣ могилы, которыя такъ множатся въ Польшѣ, и неотступное чувство одиночества въ жизни“. „Беньёвскій“ призванъ былъ выполнить двѣ задачи,—дать волю наболѣвшей грусти, выразивъ ее въ разнообразныхъ и многочисленныхъ „дигрессіяхъ“, и, для контраста и облегченія, разрѣшать приступы тоски остроуміемъ, шуткой, реальнымъ тономъ разсказа. Интересъ сюжета и послѣдовательность обрисовки героя стоятъ на второмъ планѣ. Пора выбрана опредѣленная, историческая (время Станислава-Августа и Барской конфедераціи), Беньёвскій также лицо подлинное, извѣстное по своимъ мемуарамъ, хотя въ поэмѣ свободно измѣненное [1]). Но краски времени и мѣста не ярки, для связи событій иногда вводятся детали сомнительнаго правдоподобія; начинающееся порою оживленіе дѣйствія (наприм., грозное появленіе конфедератовъ въ знатной усадьбѣ) оставляется неразвитымъ и недорисованнымъ, а рядъ живыхъ картинъ польскаго быта XVIII вѣка смѣняется (благодаря внѣшнему, случайному поводу) восточными бытовыми картинами татарскаго Крыма и двора хана Керимъ-Гирея, къ которому Беньёвскій ѣдетъ посломъ отъ конфедераціи. Автора какъ будто начинаетъ тяготить бремя разсказа; онъ, какъ Байронъ въ „Донъ-Жуанѣ“ или Мюссе въ „Namouna“, теряетъ его нить, часто отстраняетъ героя, говоритъ прямо отъ себя, и въ иной пѣснѣ подвигаетъ впередъ дѣйствіе на два, на три шага. Этотъ пріемъ привелъ къ тому, что въ четырнадцати пѣсняхъ (девять явились лишь въ посмертномъ изданіи) [2]) планъ всего произведенія даже не могъ быть сполна намѣченъ, и поэма, какъ многое у Словацкаго, осталась недоконченной.

Молодой, разорившійся шляхтичъ средней руки, нѣжно влюбленный въ дочь богатаго сосѣда и воркующій съ нею на свиданіи, бездомный авантюристъ, который выѣзжаетъ на поиски фортуны, случайно попадаетъ въ русло политическаго движенія, и, затравленный судьбою, превращается въ „полу-Лира, полу-

---

[1]) Подлинный Беньёвскій былъ родомъ словакъ, и только ненасытная жажда приключеній привела его въ Польшу, гдѣ онъ дѣйствительно примкнулъ къ конфедераціи и былъ въ сношеніяхъ съ крымскимъ ханомъ. Прославившись потомъ въ особенности бѣгствомъ изъ плѣна въ Камчаткѣ, онъ написалъ по-французски мемуары, изданные въ англійскомъ переводѣ Никольсона въ Лондонѣ, 1790.

[2]) Дальнѣйшіе фрагменты поэмы найдены были лишь въ наше время. О нихъ сравн. статью Третьяка „Nieznane fragmenta, waryanty Beniowskiego“, Gazeta Lwowska, 1902.

Донъ-Кихота",—плохой спутникъ и двойникъ поэта, и поручить ему, какъ Донъ-Жуану, вмѣстѣ съ активной ролью, идейную проповѣдь и остроумный судъ было бы трудно. Какой у него опытъ, какое развитіе и вкусъ, чтобъ онъ могъ, проходя среди людского водоворота, освѣщать и оцѣнивать его смѣлыми и острыми сужденіями! Но онъ и его скитанія по свѣту нужны, какъ предлогъ, какъ ось, вокругъ которой будетъ двигаться механизмъ поэмы. Если въ немъ нѣтъ величавыхъ, рыцарскихъ чертъ, тѣмъ лучше; объ руку съ простодушнымъ, непосредственнымъ, увлекающимся героемъ, на которомъ словно сами нанизываются приключенія, удобнѣе и свободнѣе маневрировать поэту.

Въ одномъ изъ интимныхъ писемъ къ Красинскому [1]) Словацкій сравнилъ свою писательскую судьбу съ участью Китса, загубленнаго холодной жестокостью критики. Хроническое преслѣдованіе присяжными литературными судьями въ Варшавѣ, Краковѣ, Парижѣ, унижавшими тѣ созданія, которыя потомству кажутся выдающимися, непріязнь Мицкевича и его партіи, служившая отвѣтомъ на ревнивое соперничество Словацкаго, счеты въ средѣ эмиграціи, невозможность поладить съ польскимъ демократизмомъ, твердо установивъ свою программу,—все это, накопляясь съ годами, дѣйствительно создало тяжелыя условія жизни. Неудивительно, если въ отступленіяхъ „Беньёвскаго" большая доля отведена полемикѣ и самооборонѣ. Въ байроновской поэзіи эта сторона, выдвинувшаяся еще въ „Англійскихъ бардахъ", не исчезаетъ до послѣднихъ главъ „Донъ-Жуана", проявляясь въ внезапныхъ вылазкахъ и набѣгахъ. Но, въ широкомъ полетѣ мысли свободно переходя отъ общей или личной злобы дня въ сферу міровыхъ вопросовъ, Байронъ съ годами отвелъ полемикѣ pro domo sua второстепенное значеніе, и „Донъ-Жуанъ" сталъ общечеловѣческой сатирой. Такой широты полета, такого разнообразія затронутыхъ вопросовъ, не найдемъ у Словацкаго, каковы бы ни были достоинства его подражанія великому образцу. Но борьба съ литературными и общественными противниками такъ связана у автора „Беньёвскаго" съ отстаиваньемъ его независимости, съ защитой непонятаго душевнаго его міра, что воинствующія полемическія отступленія переходятъ въ печальныя размышленія и признанія, отличающіяся большой лирическою силой.

Желчность, которой такъ желалъ для поэзіи своего друга Красинскій, встрѣчается здѣсь съ тою „нимфой Меланхоліей".

[1]) Listy, II, 2.

ради которой поэтъ готовъ былъ признать себя байронистомъ. Встаютъ воспоминанія о былой любви, оживаетъ образъ любимой когда-то женщины, полный ласки и прощальнаго привѣта (конецъ 4-й пѣсни), проносится призракъ молодости съ ея мечтами, первыми искушеніями славы и популярности. Надвигаются тяжелыя испытанія борьбы; печальной ироніей отзывается Словацкій на тираническое требованіе „принциповъ“ отъ поэта. Политическую придирчивость къ мнѣніямъ, страстность раздоровъ въ средѣ патріотовъ онъ громитъ, напоминая жалкимъ людямъ возгласъ Костюшки о паденіи Польши, болѣзненно отзывающійся на сердцѣ. „Одинъ только Богъ знаетъ,—говоритъ онъ,—какъ тяжело было привыкать къ жизни, выпавшей мнѣ на долю, разбивая мечты, гася порывы, спускаясь изъ царства грезъ, чтобы вращаться среди гадовъ и не проклинать,—чувствовать, что на лютнѣ прибавились новыя струны,—струны терпѣнія“... Но, свободно состязаясь съ Байрономъ въ переходахъ отъ грусти къ вызову и угрозѣ могучимъ поэтическимъ мщеньемъ (всего разительнѣе—въ 4-й пѣснѣ „Гарольда“ [1])), и не думая о подражаніи, Словацкій выростаетъ въ великую силу будущаго. „Пусть доигрываютъ комедію,—восклицаетъ онъ.—Быть можетъ, мнѣ придется исполнить другую, и тогда я поражу всѣхъ васъ“. „Изъ устъ его вырвутся тогда молніеносныя рѣчи“ (сравн. у Байрона—„and that one word were Lightning, I would speak“, III гл. „Гарольда“). Онъ не склонитъ головы, не пойдетъ торной дорогой,—„самъ проложитъ онъ путь свой, *и народъ пойдетъ за нимъ*“. Соперничество съ Мицкевичемъ онъ превратитъ въ поэтическое двоецарствіе; съ необыкновенной силой самосознанія проведенъ прощальный привѣтъ „вѣщему“ собрату, оканчивающійся словами: „такъ прощаются другъ съ другомъ не враги, но съ двухъ противоположныхъ солнцъ своихъ—*боги*“. Но вѣра въ свое торжество, въ удачу мщенія, уступаетъ мѣсто обращенію къ суду далекаго и болѣе справедливаго потомства. Байрона, заканчивавшаго повѣсть о Гарольдѣ, поддерживала мысль, что „въ немъ есть что-то, способное преодолѣть гоненія и время, и жить, когда поэта уже не станетъ, что отзвукъ умолкнувшей лиры смягчитъ людей и разбудитъ въ окаменѣвшихъ сердцахъ позднее раскаяніе любви“. Въ послѣднихъ словахъ, которыми прерывается рукопись „Беньёвскаго“, поэтъ завѣщаетъ пѣснь свою грядущимъ вѣкамъ; ее довершатъ и ра-

[1]) Автобіографическое значеніе этой пѣсни, видимо вліявшей на Словацкаго разсмотрѣно подробнѣе въ моей біографіи Байрона, М. 1902, 181—197.

зовьютъ тогда, быть можетъ, лучше, чѣмъ могъ это сдѣлать онъ, приближаясь къ концу своей печальной судьбы.

Это говорилъ (1841 г.) человѣкъ, подошедшій уже къ распутію. Невдалекѣ было его сближеніе съ основателемъ мистическаго мессіанизма, Товянскимъ, сильно подѣйствовавшее на Словацкаго, открывъ просторъ для развитія тѣхъ задатковъ, которые высказывались въ его душевномъ мірѣ и раньше (напр. въ „Ангелліѣ"). Стала стихать желчность, замерла грусть, засіялъ чудный миражъ. За одной утратой, понесенной польской поэзіею въ лицѣ Мицкевича, ушедшаго въ то же царство блаженной химеры, послѣдовала другая, не меньшая. Соперники въ поэтической власти были уравнены судьбой.

Польскій байронизмъ, лишившись двухъ вождей своихъ, долго держался потомъ въ національной поэзіи, какъ пережитокъ, но ни одинъ изъ эпигоновъ не въ силахъ былъ вернуть ему утраченное значеніе,—хотя и эти рядовые байроническаго аріергарда, наравнѣ съ ихъ европейскими товарищами, должны со временемъ найти себѣ мѣсто въ историко-литературномъ эпилогѣ дѣяній „великой арміи" байроновскихъ послѣдователей. Но та плеяда польскихъ поэтовъ, которая съ начала двадцатыхъ годовъ устремилась на состязаніе съ передовыми дѣятелями поэзіи остальной Европы, съумѣла выработать и обозначить свой вкладъ въ общее движеніе. Ближе и полнѣе многихъ сверстниковъ подошла она къ сущности творчества и общественно-политической программѣ Байрона, не задержалась на театрально-эффектномъ демонизмѣ, разочарованіи или пресыщеніи, но, принявъ на себя защиту правъ своего народа и являясь выразительницей его современной духовной жизни, она вмѣстѣ съ тѣмъ поднялась туда, гдѣ искони шла титаническая борьба, гдѣ выстраданы великія и общія задачи человѣчества; лирическая сила, паѳосъ, гнѣвъ, смѣхъ, были въ ея власти; съ красотой формы она нерѣдко соединяла глубину мысли, съ широкимъ космополитизмомъ—любовь къ своему, родному, народному; психологическое значеніе ея поэзіи высоко и несомнѣнно. Байроновское вліяніе ввело великія дарованія Мицкевича и Словацкаго, какъ самобытныхъ поэтовъ, „въ сеймъ первоклассныхъ правителей европейскихъ умовъ" (какъ говорилъ когда-то И. Кирѣевскій о Пушкинѣ). Такъ сказалась въ одномъ изъ главнѣйшихъ умственныхъ теченій XIX вѣка „l'âme slave".

Алексѣй Веселовскій.

ДВА ЭРОТА

ЭСКИЗЪ.

— *Wilhelm Weigand.* Der zwiefache Eros. Michael Schönherrs Liebesfrühling und andere Novellen. München.

I.

Въ одинъ прекрасный свѣтлый майскій вечеръ состоялся въѣздъ двадцатичетырехлѣтняго скульптора Роберта Кюрца изъ Франкенталя въ великій городъ искусствъ—Мюнхенъ. Онъ просилъ художника Іозéфа Ваккернагеля, съ которымъ познакомился на родинѣ при реставраціи запрестольнаго образа, встрѣтить его на вокзалѣ или, по крайней мѣрѣ, подождать его въ „Европейской гостинницѣ", но вмѣсто знаменитаго живописца нашелъ лишь его грязную визитную карточку. Художникъ выражалъ крайнее сожалѣніе по поводу невозможности встрѣтить его на станціи: извѣстный сѣверо-германскій торговецъ картинами пригласилъ его въ пивную „риѳмачей", гдѣ обыкновенно собирается по четвергамъ весь ихъ „полуостровъ", и если новоприбывшему вздумается къ нимъ присоединиться, онъ будетъ этому очень радъ.

Несмотря на свирѣпый голодъ, новый мюнхенскій гражданинъ едва дозволилъ себѣ перекусить съ дороги; онъ весь горѣлъ блаженнымъ нетерпѣніемъ ощутить, наконецъ, подъ ногами почву города, куда онъ давно стремился, и встрѣтить хотя бы одного человѣка, съ которымъ онъ могъ подѣлиться своимъ счастьемъ. Подробно разспросивъ кельнера, гдѣ находится пивная „риѳмачей" на Блютенштрассе, и натянувъ свои лучшія перчатки, онъ пустился въ путь.

Слабыя сумерки безлунной весенней ночи простерлись надъ

затихшимъ городомъ; лишь по временамъ изъ какой-нибудь пивной доносился блаженный гулъ, какъ будто бы тамъ происходило аѳинское народное собраніе; кухонныя феи въ бѣлыхъ передникахъ перебѣгали черезъ дорогу, держа въ рукахъ сѣрыя кружки или стаканы съ пѣнящимся пивомъ. Взволнованный ожиданіемъ, Робертъ Кнорцъ миновалъ греческій кварталъ и обширныя зданія, стоявшія по пустыннымъ, широкимъ площадямъ въ тѣни густолиственныхъ деревьевъ. Переспросивъ разъ пять, туда ли онъ попалъ, — онъ достигъ, наконецъ, Блютенштрассе и остановился передъ входомъ въ пивную риѳмачей, чтобы прочесть надпись на двери: „Добро пожаловать къ намъ каждый гражданинъ—будь онъ купецъ, крестьянинъ, дворянинъ“.

Толстая кельнерша, мчавшаяся по коридору съ пятью кружками пива въ каждой рукѣ, указала ему, въ отвѣтъ на его вопросъ о художникѣ Ваккернагелѣ, находившуюся позади комнату, гдѣ уже собралось шумное общество.

Съ нѣкоторою робостью вступилъ новичокъ въ узкую комнату, стѣны которой были увѣшаны грубыми каррикатурами. Его появленіе прошло, впрочемъ, почти незамѣченнымъ, и даже самъ знаменитый Іозéфъ Ваккернагель, сидѣвшій на верхнемъ концѣ стола за бутылкою вина, ограничился тѣмъ, что протянулъ ему руку и слегка подвинулся, чтобы очистить ему мѣсто возлѣ себя.

Едва Робертъ занялъ мѣсто, какъ бѣлокурая кельнерша уже поставила передъ нимъ кружку пива; онъ чокнулся со своимъ знакомымъ и затѣмъ оглядѣлъ счастливыми глазами находившееся передъ нимъ избранное общество, которое, какъ вначалѣ, такъ и теперь, не обращало на него ни малѣйшаго вниманія. Судя по наружности застѣнчиваго новичка, онъ едва ли могъ оказаться меценатомъ, а будетъ ли однимъ живописцемъ болѣе или менѣе, до этого старому городу искусствъ Мюнхену — право, не было никакого дѣла!

Съ правой стороны сидѣлъ, за стаканомъ лимонада, стройный господинъ съ ассирійской бородою, ниспадавшею ему на грудь; онъ отрекомендовался съ изысканною вѣжливостью, назвавъ себя барономъ Балло. Большинство сидѣвшихъ за темными столами, громко разговаривавшихъ и смѣявшихся посѣтителей — была молодежь; лишь изрѣдка попадалась какая-нибудь сѣдѣющая голова или плохо причесанная голова дамы-художницы. Почти всѣ были бѣдно или небрежно одѣты, и лишь на нѣкоторыхъ блѣдныхъ, безбородыхъ юнцахъ, въ торжественномъ молчаніи прихлебывавшихъ изъ кружекъ, виднѣлись черные сюртуки и широкіе черные галстухи, заколотые громадными камеями. Густыя

тучи ѣдкаго табачнаго дыма окутывали „полуостровъ“, какъ древле облака—вершину Олимпа.

— Не познакомите ли вы меня съ нѣкоторыми изъ этихъ господъ? — спросилъ Робертъ у своего сосѣда, откупорившаго новую бутылку.

— Ну, вы еще успѣете съ ними познакомиться,—усмѣхнулся Ваккернагель, но, тѣмъ не менѣе, принялся шопотомъ знакомить его съ „главарями“, очерчивая ихъ нѣсколькими мастерскими штрихами.—Вотъ это — великій лирикъ Карлъ Бусслеръ, маленькій человѣкъ со свѣтло-бѣлокурой, острой бородкой и мигающими свиными глазками. Онъ фигурируетъ на Парнасѣ или въ царствѣ фей въ роли пажа въ небесно-голубомъ одѣяніи, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности онъ живетъ со своею возлюбленною, толстою портнихою, на чердакѣ, и кормится ядовитыми рецензіями, въ которыхъ разноситъ въ пухъ и прахъ всѣхъ не-островитянъ. Тамъ сидитъ сверхъ-поэтъ Корбиніанъ Штрункъ, написавшій десять лѣтъ тому назадъ новеллу, произведшую сенсацію въ кругу сверхъ-человѣковъ и доставившую ему неомраченную славу. Здѣсь молчитъ великій философъ Якобъ Лемель, называющій Канта—осломъ, Шопенгауэра—оскотинившимся мизантропомъ, Ницше—пустомелею. Самъ онъ мечтаетъ о своемъ безсмертномъ твореніи „Фантазія—создательница міра“, твореніи ненаписанномъ, такъ какъ, по его мнѣнію, грубое изложеніе мысли на бумагѣ—отнимаетъ у блистательнѣйшихъ мыслей ихъ ароматъ, подобно тому какъ прикосновеніе мужицкой руки—нѣжность сочнаго плода. Тамъ остритъ великій реалистъ Исидоръ Фейльхенфельдъ, который требуетъ отъ художника лишь вѣрнаго глаза; когда же рѣчь заходитъ о своевольныхъ геніяхъ вродѣ Микель Анджело, Дюрера или Клигера, онъ восклицаетъ на неподдѣльномъ берлинскомъ діалектѣ:—Да вѣдь эти молодчики ровно ничего не „видѣли“!—Тутъ же пьетъ пиво меланхолическій нео-идеалистъ Штробель, картинъ котораго никто никогда не видалъ, хотя онъ притворяется въ данную минуту очень озабоченнымъ своею новою работою. Натуралисты утверждали, однако, что онъ существуетъ изготовленіемъ „клубничныхъ“ картинокъ, украшающихъ спальни старыхъ холостяковъ, гдѣ за зелеными шелковыми занавѣсками онѣ ведутъ „случайное“, окрашенное въ розовые тона, существованіе. Здѣсь чутко прислушивается къ разговорамъ живописецъ Геберль, художественный рецензентъ, слывущій среди журналистовъ за выдающагося художника, а среди художниковъ (которыхъ онъ похвалилъ)—за даровитаго журналиста. Все это были замѣчательные люди, славные ребята, достойные

граждане „полуострова“, стремившіеся больше на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ, къ лазурному морю красоты, по которому носятся пурпуровые паруса пловцовъ, ищущихъ ту волну, что была колыбелью „пѣнорожденной“.

Нѣкоторые изъ тонкихъ намековъ пропадали для Роберта, но тѣмъ внимательнѣе прислушивался онъ къ словамъ сосѣда и старался слѣдить за ходомъ разговора, напоминавшаго перекрестный огонь. „До чего я, однако, провинціалъ!“ — думалось Роберту, рѣшившему про себя сдѣлаться постояннымъ посѣтителемъ „полуострова“, гдѣ столь многому можно было научиться. Лишь изрѣдка упоминалось съ благоговѣніемъ какое-нибудь новое имя, возбуждая легкое чувство зависти въ сердцѣ новичка; а такъ какъ за сильными словами онъ предполагалъ настоящую силу, то ему все болѣе и болѣе нравился царившій въ обществѣ тонъ. Подъ конецъ передъ его глазами выплылъ своеобразный, полный блеска и великолѣпія міръ, и онъ ощутилъ радостное волненіе и растроганность при мысли, что и самъ онъ отнынѣ принадлежитъ къ числу этихъ избранныхъ людей.

Было уже далеко за полночь, когда разошлись послѣдніе изъ пировавшихъ. Едва Кнорцъ съ Ваккернагелемъ вышли на улицу, какъ изъ темноты выбѣжала къ нимъ навстрѣчу дѣвушка въ бѣломъ передникѣ, которая повторяла, всхлипывая:

— Іозефъ! Іозефъ!

— Извините пожалуйста!..—произнесъ небрежно Ваккернагель.

Онъ поспѣшно отошелъ съ дѣвушкою къ ближайшему подъѣзду и принялся уговаривать плачущую, между тѣмъ какъ Робертъ пошелъ далѣе. Черезъ довольно продолжительное время его догналъ товарищъ; очевидно взволнованный и тяжело дышащій, онъ проговорилъ:

— Вотъ наказаніе эти женщины!—Стòитъ только посмотрѣть на любую изъ нихъ, какъ она вообразитъ, что вы жить безъ нея не можете! И какіе-то ослы еще бредятъ такъ называемымъ счастьемъ любви! По-моему, въ любви счастливъ тотъ, кому женщины не бываютъ вѣрны.

Робертъ разсмѣялся; нѣкоторое время они шли молча, затѣмъ Ваккернагель спросилъ, думаетъ ли онъ устроиться здѣсь?

— Да; отецъ, умирая, далъ мнѣ, наконецъ, на это разрѣшеніе.

— Вы, кажется, окончили курсъ въ художественно-ремесленной школѣ въ Карлсруэ?

— Да, я потерялъ тамъ три года. Старикъ мой настаивалъ,

чтобы я окончилъ курсъ гимназіи, а затѣмъ этой школы, для того, чтобы я могъ быть впослѣдствіи преподавателемъ. Онъ все боялся, что я умру съ голода. Въ сущности, я обязанъ этимъ свинствомъ моему учителю рисованія, идіоту...

— Безъ сомнѣнія! А почему бы вамъ не поѣхать въ Парижъ?—внезапно воскликнулъ Ваккернагель, останавливаясь подъ фонаремъ.—Еслибы вы еще были живописцемъ! Но—скульпторъ! Видали ли когда-нибудь на нашихъ улицахъ человѣка, гуляющаго въ костюмѣ Адама?

Робертъ, улыбаясь, отвѣтилъ отрицательно.

— Ну, вотъ! — торжествовалъ Ваккернагель. — Какимъ же образомъ вы можете пріучить нѣмецкій глазъ къ созерцанію благовоспитанныхъ, обнаженныхъ дамочекъ, которыхъ подъ различными названіями ежегодно высѣкаютъ изъ мрамора? Въ сущности слѣдовало бы высѣчь ихъ отцовъ. Сознайтесь, нѣтъ ли уже у васъ на совѣсти какой-нибудь юной вакханки, или фавна съ дудкою или, наконецъ, Евы съ небезъизвѣстнымъ яблокомъ? Вы—человѣкъ со средствами, надѣюсь?

— Не совсѣмъ,—отвѣтилъ озабоченно Робертъ.

— Что?! — воскликнулъ Ваккернагель, откинувшись всѣмъ корпусомъ назадъ и широко раскрывъ глаза.—Въ такомъ случаѣ вамъ лучше всего сейчасъ же повѣситься. Веревка, все-таки, дешевле красокъ и холста или бронзы и мрамора. Есть ли у васъ талантъ или нѣтъ — это совершенно безразлично. Правда, здѣсь кое-что дѣлаютъ, но большинству живется не лучше, чѣмъ собакамъ. Иногда, позднѣе, когда уже и зубовъ у человѣка не останется, судьба подведетъ его къ свиному корыту и скажетъ: „Ѣшь досыта, оборванецъ!“ А нѣкоторые сами граціозно ведутъ себя за носъ къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ зимуютъ раки.

Робертъ, молча, слушалъ его съ довольною улыбкой.

Ваккернагель, принявъ это за сочувствіе, яростно продолжалъ:

— Искусство! Чертовски обаятельный обманъ! Фабрикантъ колбасъ полезнѣе для человѣчества, чѣмъ всѣ мы вмѣстѣ взятые. Мой покупщикъ картинъ, конечно, не явился и сегодня. Вообще, мнѣ совершенно непонятно, почему люди такъ боятся тратить деньги? Вы думаете, я преувеличиваю? Въ такомъ случаѣ, я попрошу васъ сейчасъ же одолжить мнѣ золотой. Вы получите его завтра.

Онъ протянулъ руку. Робертъ, кисло усмѣхаясь, досталъ изъ кошелька монету, которую робко вручилъ своему спутнику; но тотъ, не глядя, опустилъ ее въ карманъ панталонъ и выбранилъ еще разъ безсовѣстныхъ любителей искусствъ, доящихъ Дефре-

геровскихъ коровъ. На площади у вокзала онъ простился со своимъ новымъ другомъ, который задумчиво поглядѣлъ вслѣдъ уходившему.

Въ маленькой комнатѣ отеля прежнее ощущеніе восторга снова охватило Роберта съ такою силою, что онъ безъ сна лежалъ въ полумракѣ, между тѣмъ какъ передъ нимъ чередою проходили удивительныя видѣнія. Образъ отца, ведшаго жалкую жизнь учителя въ маленькомъ городѣ, отца, отъ котораго онъ за послѣдніе годы сильно отдалился,—внушалъ ему почти сожалѣніе. Человѣкъ, посвятившій свои лучшіе годы изученію античной жизни, былъ въ своемъ домашнемъ быту полной противоположностью эллину. Лишь изрѣдка, въ рѣшительныя минуты, суровый филологъ прибѣгалъ къ изреченіямъ изъ классиковъ, и сыну его припомнилось одно изъ нихъ: „Я держусь мнѣнія божественнаго Платона, раздѣлявшаго людей на двѣ категоріи: одна подвластна земному, другая — небесному Эроту. Первые пьютъ, ѣдятъ, производятъ дѣтей; вторые — соль земли, насаждающіе на ней красоту; это — великіе художники и великіе ученые“.

Быть можетъ, этому слову древняго философа обязанъ былъ Робертъ разрѣшеніемъ сдѣлаться скульпторомъ для того, чтобы возсоздавать въ новомъ вѣкѣ тѣ божественные образы, которые были знакомы его отцу лишь съ научной точки зрѣнія. Передъ Робертомъ являлась съ отвѣтною улыбкою на устахъ высокая фигура рано умершей его матери. Онъ видѣлъ ее сидящею за шитьемъ у окна, среди цвѣтовъ; онъ проходилъ съ нею въ ясный солнечный день по полямъ колыхавшихся колосьевъ, обвѣянный душистымъ вѣтеркомъ, и срывалъ во ржи полевые цвѣты, такъ что подъ конецъ его матери приходилось нести цѣлый снопъ. Теперь все это осталось позади—вѣчнымъ сномъ, окутаннымъ мягкою тѣнью, а впереди передъ нимъ сіяла, подобно заманчивой тайнѣ, свѣтлая и все-же доступная новая жизнь. При звукахъ фанфаръ, онъ побѣдоносно появлялся на пиру искусства среди блеска славы, исходившаго изъ устъ красавицъ и вѣщавшаго міру о томъ, какъ награждаются художники золотомъ, лаврами и величайшимъ почетомъ. Онъ шествовалъ среди палаты, вдоль стѣнъ которой красовались бѣлыя мраморныя и свѣтло-бронзовыя изваянія, созданныя его рукою и мягко сіявшія въ тѣни лавровыхъ деревьевъ. Кругомъ стоялъ говоръ и шопотъ, изъ устъ въ уста передавались слова:—Какъ его зовутъ? Неужели? Кнорцъ? Изъ Франкенталя?

Онъ заснулъ уже подъ утро, съ улыбкою на устахъ.

II.

Сейчасъ же послѣ завтрака новый мюнхенецъ отправился осмотрѣть указанную ему наканунѣ Ваккернагелемъ мастерскую. На ходу онъ съ наслажденіемъ вдыхалъ свѣжій, живительный воздухъ ранняго утра и любовался прозрачностью воздуха и глубокой лазурью неба, какого ему не случалось видѣть у себя на родинѣ.

Когда Робертъ остановился передъ указаннымъ ему домомъ, онъ увидѣлъ у подъѣзда бѣдныя погребальныя дроги, на которыя двое мужчинъ ставили простой, узкій, украшенный единственнымъ вѣнкомъ изъ бѣлыхъ розъ, гробъ. У гроба стоялъ молодой человѣкъ; крупныя слезы скатывались у него по бородѣ, и онъ нетвердыми шагами двинулся вслѣдъ за колесницею. Мастерская помѣщалась въ нижнемъ этажѣ наравнѣ съ землею и выходила въ садикъ, гдѣ пѣли дрозды и билъ миніатюрный фонтанъ. Владѣлецъ дома—господинъ съ лоснящимися щеками и толстымъ животомъ, удерживаемымъ въ границахъ толстѣйшею часовою цѣпочкою, расхваливалъ нанимателю, въ которомъ угадалъ новичка, въ самыхъ медоточивыхъ выраженіяхъ свое помѣщеніе. Когда Робертъ задумался надъ цѣною—восемнадцать марокъ за мѣсяцъ,—рѣчь хозяина замѣтно окислилась, и онъ поспѣшилъ заявить, что и г-нъ Гербольдъ, занимающій сосѣднюю мастерскую и потерявшій третьяго-дня свою жену, платитъ то же самое.

Роберту было знакомо это имя, возбуждавшее много споровъ, и ему показалось страннымъ, что судьба даетъ ему въ сосѣди такого сильно осуждаемаго „новыми“ художниками реалиста. Нѣсколько ступеней вели изъ мастерской въ узкую комнату съ однимъ окномъ, могущую въ случаѣ надобности служить спальней. Робертъ сейчасъ же перевезъ свой багажъ изъ отеля, пріобрѣлъ необходимую мебель: столъ, стулья, кровать, диванъ (столовое и постельное бѣлье осталось ему послѣ матери); стѣны же онъ украсилъ нѣсколькими эскизами, подаренными ему друзьями, и литографіями—воспроизведеніемъ бронзъ Родена. Такимъ образомъ, квартира его приняла жилой видъ.

Черезъ нѣсколько дней явился полюбоваться этимъ великолѣпіемъ Іозефъ Ваккернагель. Онъ потрогалъ нѣкоторые предметы обстановки своими толстыми пальцами, многозначительно посвисталъ себѣ подъ носъ и, наконецъ, замѣтилъ небрежно:

— Да, здѣсь есть что̀ описать судебному приставу!

На вопросъ Роберта, не знаетъ ли онъ какого-нибудь красиваго юноши, могущаго служить моделью, онъ свелъ его на Баррерштрассе къ молодому черноглазому, кудрявому венеціанцу, торговавшему апельсинами, и тотъ согласился позировать за плату восемнадцати пфенниговъ въ часъ. По пути Робертъ изложилъ пріятелю свои художественные планы.

Онъ хочетъ изваять Діониса въ тотъ мигъ, когда первобытная темная сила природы въ божественномъ образѣ раскрываетъ, такъ сказать, свои безсмертныя очи, и ея связь съ высшею жизнью обнаруживается посредствомъ полубезсознательнаго движенія. Ваккернагель не выразилъ ни однимъ слогомъ того, что онъ думаетъ объ этомъ изумительномъ богѣ, и Робертъ все болѣе углублялся въ подробности своего божественнаго замысла, ощущая, однако, нѣкоторое чувство неловкости.

— Создавать боговъ—пустяки,—усмѣхнулся, наконецъ, живописецъ, думавшій тѣмъ временемъ о томъ, гдѣ и какъ онъ сегодня пообѣдаетъ,—а вотъ создать живого человѣка,—это куда затруднительнѣе будетъ...

Въ эту минуту мимо нихъ проѣхало ландо, въ которомъ сидѣли двѣ молодыя, элегантныя дамы. Ваккернагель, сорвавъ съ головы старый фётръ, отвѣсилъ глубокій поклонъ проѣзжавшимъ, многозначительно подмигнувъ Роберту.

— Фрау Лидія Оберхуммеръ и ея компаньонка, фрейлейнъ Фогель,—проговорилъ онъ небрежно.—Вамъ еще предстоитъ знакомство съ этою покровительницею искусствъ. Она любитъ искусство и боговъ, когда они ничего ей не стоятъ. Вообще, это просто замѣчательно, до чего мюнхенцы любятъ искусство! Кто въ этомъ сомнѣвается, тому стоитъ лишь раскрыть газеты... Только за эту любовь не нужно платить денегъ. Именно тутъ обнаруживается необычная деликатность и чувствительность этихъ свѣтлыхъ колбасныхъ душъ: любовь, во что бы то ни стало, должна быть безплатною. Какъ только рѣчь зашла о деньгахъ—конецъ любви!

— Вы преувеличиваете,—сказалъ, улыбаясь, Робертъ, почуявшій тутъ нѣчто личное.

— Преувеличиваю?—Ваккернагель даже остановился.—Я? Ну, хорошо, превосходно! Хотите имѣть доказательство правды моихъ словъ? Я снова принужденъ попросить у васъ золотой. Не забудьте, что теперь я долженъ вамъ цѣлыхъ два.

Въ кошелькѣ Роберта оказалась лишь монета въ двадцать марокъ, но Ваккернагель объявилъ, что это ничего не значитъ: на нѣсколько пустяшныхъ дней онъ можетъ взять въ долгъ и

двойную сумму. Вскорѣ онъ остановился пораженный; ему внезапно вспомнилось, что у него есть неотложное дѣло въ отдаленной части города, и, къ сожалѣнію, онъ долженъ проститься съ коллегою.

Не допустивъ Роберта проводить его, онъ распрощался съ нимъ съ достоинствомъ знатнаго барина, сдѣлавшаго доброе дѣло.

На слѣдующій день Робертъ принялся уже за моделировку, что̀ вызвало у него чувство легкаго опьяненія.

Долго сдерживаемая потребность творчества прорвалась бурнымъ потокомъ; весь май промелькнулъ для него чуднымъ сномъ, полнымъ, однако, глубокой дѣйствительности. Божественный о̀бразъ въ грубыхъ первоначальныхъ контурахъ, еще ожидавшихъ тонкой отдѣлки, долженствующей одухотворить произведеніе, уже стоялъ на возвышеніи, возбуждая съ каждымъ днемъ возрастающее участіе со стороны Ваккернагеля, котораго прямо нельзя было увести изъ прохладной мастерской.

— Онъ долженъ быть одухотвореннымъ до кончика ногтей!— восклицалъ живописецъ въ наиболѣе пылкія мгновенья:—жить долженъ этотъ молодчикъ—въ цѣломъ и въ частностяхъ! Тѣло должно трепетать... И почему бы намъ не достигнуть того, чего достигли маленькій Роденъ и этотъ хитрецъ Мѣнье? И пусть тогда здѣшніе академическіе ослы хлопаютъ ушами!

Робертъ, не выходившій изъ состоянія торжественнаго спокойствія, былъ скромнѣе, но онъ тоже не хотѣлъ давать спуску рутинерамъ; они работали вдвоемъ надъ отдѣльными красотами новаго бога, покуда онъ не возставалъ передъ ихъ умственнымъ взоромъ въ небывалой красотѣ. По четвергамъ въ пивной риѳмачей Ваккернагель громко провозглашалъ, что онъ не намѣренъ удовлетвориться Діонисомъ; современемъ Мюнхенъ украсится цѣлою „Аллеею Побѣды" изъ мраморныхъ и бронзовыхъ божествъ. Въ пламенныхъ выраженіяхъ рисовалъ онъ послѣдствія такого колоссальнаго объединенія боговъ: прекрасныя стройныя уроженки Мюнхена должны непосредственно воспринять красоту этихъ о̀бразовъ, что̀ возъимѣетъ вліяніе на будущую расу, и въ домахъ пивоваровъ появится поколѣніе новыхъ, блистающихъ красотою, эллиновъ.

Въ виду того, что за каждый трудъ полагается плата, Ваккернагель, будучи сотрудникомъ Роберта, пользовался время отъ времени его кошелькомъ; онъ ни разу не допустилъ скульптора къ себѣ въ мастерскую, и на вопросъ Роберта: почему онъ самъ не пишетъ теперь?—отвѣчалъ, что минута еще не наступила. Онъ находится „въ ожиданіи". Произведеніе создается въ умѣ, передать же его на холстѣ—сущіе пустяки.

То, что̀ Робертъ узнавалъ случайно въ кабачкѣ риѳмачей о своемъ другѣ—преисполняло его благоговѣніемъ. Ваккернагель считался надеждою молодой мюнхенской школы; говорилось о какой-то его картинѣ, купленной когда-то Ротшильдомъ и перепроданной за баснословную цѣну англійскому баронету. Баронъ Балло прозвалъ его „божественнымъ фавномъ“. Въ настоящее время, состоя на готовыхъ кормахъ и облеченный по милости бога Діониса въ хорошій сюртукъ,—великій живописецъ имѣлъ очень представительный видъ и обнаруживалъ при случаѣ большія гастрономическія свѣдѣнія.

Но въ началѣ іюня Робертъ почувствовалъ, что его свѣтлому настроенію наступилъ конецъ. Угрюмый и подавленный, шагалъ онъ по мастерской, которую оживлялъ своимъ смѣхомъ и болтовнею молодой венеціанецъ. Божественный фавнъ оказался и тутъ на высотѣ положенія. Нельзя принуждать себя... Необходимо выждать „минуту“. А покуда что̀—красавица фрау Лидія Оберхуммеръ уже освѣдомлялась о новомъ художникѣ. Они оба приглашены къ ней на сегодняшній вечеръ.

Они отправились въ Швабингъ черезъ англійскій садъ; молодая листва казалась прозрачною въ сіяніи золотыхъ лучей, и Робертъ упивался прелестью ранняго лѣта. День былъ изумительно ясный, и рѣдкія бѣлыя облачка̀ въ лазури неба напоминали волшебные острова. Теплый воздухъ былъ насыщенъ благоуханіемъ, въ высотѣ носились ласточки, и веселый гулъ жизни производилъ впечатлѣніе далекаго жужжанія.

Фрау Лидія занимала небольшой, окруженный подобіемъ парка, домъ, расположенный по близости рѣки. Красивый молодой слуга провелъ обоихъ художниковъ въ комнату нижняго этажа съ широкою, выходившею въ садъ, балконною дверью.

На боковой стѣнѣ виднѣлся французскій гобеленъ, на которомъ изображалось пастушеское празднество; далѣе помѣщалась цѣлая коллекція масокъ, статуэтокъ готическаго періода, японской бронзы, рѣзныхъ вещицъ изъ слоновой кости, лакированныхъ коробочекъ, индійскихъ кинжаловъ и тканей, восточныхъ ковровъ, древнегерманскихъ платковъ, старинныхъ книгъ и новѣйшихъ картинъ. Все это перемѣшивалось съ диванами, креслами, пуфами... На мольбертѣ стоялъ портретъ хозяйки дома—пастэль; другой, писанный масляными красками—висѣлъ надъ старинымъ каминомъ, и тутъ же красовалась статуэтка: миніатюрная Смерть изъ слоновой кости съ серебряною косою въ рукахъ.

Тѣмъ временемъ собрались гости, почти исключительно изъ

„островитянъ“, сюртуки которыхъ, казалось, принадлежали къ эпохѣ тридцатыхъ годовъ. Разговоры объ искусствѣ были прерваны появленіемъ хозяйки дома. Она была въ красномъ платьѣ, рельефно подчеркивавшемъ красоту ея плечъ и безупречныя линіи бюста. Густые черные волосы открывали немного низкій лобъ и ложились красивыми волнами на ея маленькой головкѣ, гордо посаженной на бѣлую, короткую шею. Носъ и подбородокъ ея были красивы, губы—тонкія, ярко-красныя, глаза черные съ поволокою. Она привѣтствовала мужчинъ полуулыбкою, которая по временамъ рисковала перейти въ смѣхъ,—такъ забавны были восхищенные взгляды нѣкоторыхъ изъ нихъ.

— Какъ хорошо, что вы пришли!—обратилась она къ Роберту, протягивая ему свою полную, въ ямочкахъ руку:—я такъ много слышала о васъ.

Робертъ задалъ себѣ вопросъ: отъ кого могла эта красавица, благоухавшая тонкими духами, слышать о немъ?—и не находилъ отвѣта, охваченный блаженнымъ смущеніемъ. Въ эту минуту со стороны балконной двери, у которой стояли Ваккернагель и нѣсколько пожилыхъ мужчинъ, послышался громкій смѣхъ, и фрау Лидія, улыбаясь, направилась къ веселой компаніи. Робертъ замѣтилъ еще, что молодая дама, просто одѣтая и вошедшая вслѣдъ за хозяйкой дома, окинула смѣющуюся группу взоромъ, выражавшимъ не то сожалѣніе, не то презрѣніе.

— Могу я узнать, чему вы такъ смѣетесь?—спросила Лидія съ дѣтскою улыбкой на губахъ.

— Разумѣется,—отвѣтилъ Ваккернагель:—я говорилъ, что мы живемъ въ не-эстетическое время...

— Которое не дозволяетъ дамамъ слушать нѣкоторые разсказы? Впрочемъ, — продолжала она рѣзкимъ, удивившимъ Роберта тономъ,—вы правы, мы живемъ въ плебейское время... А теперь—разсказывайте.

Ея улыбка обнажила ослѣпительной бѣлизны зубы, озаривъ сіяніемъ все ея лицо.

— Въ мірѣ нѣтъ больше побасенокъ и нѣтъ дѣтей, которымъ ихъ можно разсказывать, — мрачно проговорилъ Ваккернагель.

— Нѣтъ красоты, — отозвался только-что вошедшій баронъ Балло.

— Ну, ужъ это вы оставьте!—возразилъ Ваккернагель.

— Что̀ именно вы считаете красотою? — протянула фрау Лидія.

— Мои собственныя картины.

— Еще не написанныя!—хихикнулъ Карлъ Бусслеръ.

— Хочешь выудить у меня тысячъ сто марокъ?—огрызнулся Ваккернагель.—Нѣтъ? Въ такомъ случаѣ оставь такія кровавыя шутки. Пишу я или не пишу—все равно, міръ обойдется и безъ моихъ картинъ, и такъ-называемая природа подождетъ до тѣхъ поръ, пока я приду и скажу ей: „Уважаемая госпожа прабабушка! Будь такъ добра, обнажи передо мною твои прелести, я—художникъ, который все видитъ въ фіолетовомъ цвѣтѣ"...

Слушатели засмѣялись, но одинъ изъ нихъ, человѣкъ маленькаго роста, почувствовалъ себя затронутымъ, а баронъ, продолжая гладить свою бороду, проговорилъ небрежно, что ему наскучило слышать отъ ословъ о красотѣ природы, въ которой нѣтъ ничего прекраснаго. Робертъ рѣшилъ про себя, что барону такая рѣчь простительна: у всякаго барона—своя фантазія,—но тотъ продолжалъ развивать свою идею:

— Природа, наоборотъ, есть синонимъ всякой пошлости и безобразія. „Мы" даемъ ей свою красоту, „мы" очеловѣчили ее, „мы" создали изъ нея дивную богиню подъ покрываломъ. Само искусство есть не что иное, какъ очеловѣченіе природы. Тошно слышать объ этой старой развратницѣ. Отъ нея прямо воняетъ...

— Ну, баронъ, вы, кажется, на этотъ разъ черезъ край хватили!—замѣтилъ Ваккернагель, а фрау Лидія, не дождавшись никакой пикантной исторійки, медленно отошла къ другой группѣ мужчинъ. Ваккернагель, выйдя съ Робертомъ въ благоухающій садъ, успѣлъ отвѣтить на его вопросы, относившіеся къ молодой женщинѣ. Фрау Лидія происходила изъ стариннаго дворянскаго рода, сильно обѣднѣвшаго и пришедшаго въ упадокъ, вслѣдствіе дорого стоящихъ пороковъ, которымъ предавались сыновья этой фамиліи. Двадцати-семи лѣтъ Лидія вышла замужъ за богатаго мюнхенскаго рантьé, умершаго черезъ два года послѣ свадьбы и оставившаго вдовѣ, вмѣстѣ съ золотою свободою, капиталъ, относительно размѣровъ котораго мнѣнія претендентовъ расходились. При этомъ Ваккернагель посовѣтовалъ другу не увлекаться медоточивыми свѣтскими дамами, столько же понимающими въ искусствѣ, сколько одноглазая селедка—въ лягушечьей перспективѣ. И вообще на всѣхъ женщинъ слѣдуетъ смотрѣть какъ на натурщицъ, не болѣе.

Во время роскошнаго ужина Робертъ сидѣлъ какъ во снѣ, очарованный улыбкою прелестныхъ устъ, за изящно убраннымъ столомъ. На бѣлоснѣжной скатерти, между серебромъ и хрусталемъ, виднѣлась гирлянда изъ красныхъ розъ. Напротивъ Ро-

берта возсѣдала красавица въ пурпурномъ одѣяніи, время отъ времени дарившая его взоромъ своихъ бархатныхъ глазъ, между тѣмъ какъ по ея лицу скользила тѣнь грусти.

Иногда Робертъ поглядывалъ въ сторону фрейлейнъ Фогель, компаньонки, оживленно разговаривавшей съ знаменитымъ профессоромъ академіи, но ея черные глаза, отягченные густѣйшими рѣсницами, ни разу не удостоили его взглядомъ.

Опасаясь, что пріятель испортитъ его блаженное настроеніе, онъ одинъ вернулся домой черезъ англійскій паркъ, въ голубомъ сумракѣ звѣздной лѣтней ночи, и все вокругъ казалось ему осіяннымъ свѣтлою женскою улыбкой.

III.

Эта блаженная тревога не покидала его цѣлую недѣлю и гнала его отъ работы въ садъ. Своего сосѣда, Гербольда, слывшаго среди островитянъ за бездарнаго сапожника, онъ никогда не встрѣчалъ, и радовался своему уединенію. Черезъ недѣлю онъ нашелъ, однако, возможнымъ повторить свое посѣщеніе „долины розъ“ въ Швабингѣ. Слуга провелъ его въ прохладную, выходившую въ садъ комнату, и въ дверяхъ ему попалась на встрѣчу Іоганна Фогель.

На ней былъ кухонный передникъ, нисколько не портившій ея стройной, но округленной фигуры; она привѣтствовала гостя легкимъ кивкомъ и, объяснивъ, что кузина ея занята съ портнихою, предложила ему сѣсть и обождать.

Робертъ, молча, поклонился, досадуя на себя за свою ненаходчивость. Іоганна, сѣвъ на стулъ у окна, взяла работу, лежавшую на столикѣ съ инкрустаціями. Мѣрное тиканье часовъ въ стилѣ рококо дѣлало еще замѣтнѣе воцарившееся между ними молчаніе.

— Сегодня чудная погода!—проговорилъ Робертъ неувѣреннымъ тономъ.

Мимолетный лучъ скользнулъ по лицу дѣвушки; на ея загорѣлыхъ, полныхъ щекахъ проступили и скрылись двѣ ямочки.

— Начинаете вы свыкаться съ здѣшнею жизнью?—проговорила она, не поднимая головы отъ работы.

— Да, Мюнхенъ—чудный городъ!

— Вы уже что-нибудь выставили?

— Нѣтъ, я даже еще не записанъ ни въ одну группу.

— Вамъ придется это сдѣлать. Въ сущности, мнѣ всегда бываетъ жаль скульпторовъ.

— Почему?

— Потому что у нихъ нѣтъ публики.

— О, Боже мой! Публика!..—проговорилъ онъ съ презрѣніемъ.

Іоганна подняла голову и окинула его мимолетнымъ взглядомъ сбоку. И затѣмъ снова настала жаркая лѣтняя тишина, и лишь доносившіяся изъ тѣнистаго сада свѣтлыя ноты малиновки вплетали въ эту тишину свои золотыя нити. Образъ этой спокойной, тихой дѣвушки, голосъ которой звучалъ мягко, какъ музыка, обвѣвалъ его странной безмятежностью. Глаза его покоились на нѣжныхъ очертаніяхъ ея лба и ушей, розовѣвшихъ подъ волнистыми, густыми волосами.

— У васъ хорошая голова,—проговорилъ онъ вдругъ.

Іоганна подняла голову, и краска залила все ея лицо; потомъ она разразилась веселымъ смѣхомъ, сразу рѣзко оборвавшимся при входѣ фрау Лидіи, брови которой вопросительно поднялись. На ней было свободное, золотистое платье, въ ея медлительныхъ движеніяхъ сказывалось божественное утомленіе; она предстала Роберту еще обольстительнѣе, чѣмъ образъ ея, являвшійся ему въ его мечтахъ.

— Садовникъ хочетъ о чемъ-то поговорить съ тобою!—рѣзко обратилась она къ Іоганнѣ, которая немедленно вышла изъ комнаты. Тогда Лидія опустилась въ кресло напротивъ Роберта и освѣдомилась усталымъ голосомъ о томъ, какъ онъ себя чувствуетъ?

— Хорошо вамъ, мюнхенцамъ!—проговорила она съ легкимъ вздохомъ, и ея темныя рѣсницы опустились, полузакрывая ея бархатные глаза:—вы можете сдѣлать изъ вашей жизни, что пожелаете: художественное произведеніе или „мазню“... Мы, женщины, этого не можемъ. Мы всѣ—жертвы... Всѣ!

И она въ безотчетномъ порывѣ заломила свои дивныя руки въ широкихъ рукавахъ, обнажившіяся при этомъ движеніи до локтя.

Робертъ не находилъ отвѣта, но красавица продолжала:

— Сперва мы—жертвы родителей, затѣмъ—нашихъ собственныхъ стремленій и порывовъ.

— Но мнѣ казалось бы,—началъ Робертъ, кое-что читавшій о женской эмансипаціи,—я полагалъ, что современная женщина...

Онъ покраснѣлъ, и фрау Лидія не дала ему договорить; она разсмѣялась какъ ребенокъ.

— О, Боже! Боже! Не будемъ говорить о современной женщинѣ. Что знаютъ о ней мужчины? Они спросили бы у насъ, но именно этого и не желаютъ „цари мірозданія“. Вообще, муж-

чины не знаютъ насъ такими, каковы мы въ дѣйствительности. Они любятъ не насъ, а созданный ихъ фантазіей образъ... ихъ „идеалъ“, какъ они называютъ его... И, въ сущности, тутъ ничего удивительнаго нѣтъ: мужчина такъ примитивенъ! Онъ не имѣетъ понятія о томъ, что за всѣ эти вѣка душа наша совершенно видоизмѣнилась. Мы развились душевно, между тѣмъ какъ мужчина—самое бóльшее—развился умственно. Душа его,—если только она у него есть,—такая же, какою она была въ Маѳусаиловы времена, то-есть, это—душа хищника. Между тѣмъ, у насъ, женщинъ, такъ много души, что инымъ она, порою, становится въ тягость... Вотъ крестъ, возложенный на насъ судьбою: жить въ старомъ мірѣ съ новою душою, и никогда не знать: кто бы могъ раздѣлить съ нами тяжесть этой ноши...

Она вздохнула и еще глубже откинулась въ своемъ креслѣ. Робертъ былъ странно счастливъ, внимая жалобамъ знатной красавицы на судьбу.

— Все это мы видимъ слишкомъ поздно, когда жизнь уже смирила насъ. Въ дѣвушкахъ мы бываемъ слишкомъ наивны съ нашими порывами. Мы хотѣли бы только давать и давать безъ конца, расточать сокровища души, страшась самой мысли о томъ, что тотъ, кого мы осыпаемъ ими, может оказаться недостойнымъ такого дара судьбы. Ахъ, всѣ вы насъ не знаете...

Глаза Роберта были прикованы къ ея маленькой, выставившейся изъ-подъ платья ножкѣ, и глаза ихъ встрѣтились. Она вздохнула.

— Мнѣ всегда становится грустно, когда я думаю о прошломъ. Разскажите мнѣ что-нибудь веселое. Скольких женщинъ сдѣлали вы несчастными?

Вспыхнувшій Робертъ поспѣшилъ завѣрить, что у него нѣтъ на совѣсти ни одной жертвы.

— Разсказывайте! У этихъ натурщицъ такіе, я думаю, нравы...

Робертъ, не знавшій за собою никакого грѣха по этой части, принялся разсказывать съ серьезностью школьнаго учителя о своемъ Діонисѣ, но фрау Лидія, мало интересовавшаяся мужскими невѣдомыми божествами, прервала его:

— Въ концѣ концовъ этимъ женщинамъ живется лучше, чѣмъ намъ. Онѣ, по крайней мѣрѣ, знаютъ жизнь.

Тѣмъ временемъ въ комнату проскользнулъ, на подобіе благородной тѣни, баронъ Балло. Онъ благоговѣйно поцѣловалъ руку Лидіи и проговорилъ монотонно:

— Здѣсь рѣчь идетъ о жизни?

— Да. А развѣ и вы что-нибудь противъ нея имѣете?

Баронъ взялъ съ камина статуэтку Смерти съ косою и принялся вертѣть ее между своихъ женственно-бѣлыхъ, длинныхъ пальцевъ, производя легкое щелканье, похожее на хлопанье стрекозиныхъ крыльевъ.

— Нѣтъ, я люблю жизнь!

— Несчастною любовью?—пошутила Лидія.

— Въ мірѣ нѣтъ несчастной любви. Каждая любовь, даже несчастная—есть счастье, потому что немногіе *могутъ* любить. У людей нѣтъ шестого чувства: новой любви, которая отдаетъ всю себя и все беретъ, которая вся—духъ и вся—плоть. Всѣ чувства одухотворены, и каждая душа чувственна. Мы еще живемъ рядомъ съ нашею душою, зрѣющей въ тѣни великаго молчанія. Жизнь—молчаніе. Что̀ можно выразить словами, то̀ уже не имѣетъ цѣны; мы говоримъ, говоримъ и не можемъ достигнуть пурпурнаго края судьбы, въ тѣни котораго мы должны были бы молчать для того, чтобы переживать Невыразимое. Мы говоримъ, а лучше бы мы наблюдали за кипѣніемъ не находящихъ себѣ выраженія мыслей въ чашѣ нашей души, откуда онѣ или переливаются черезъ край, въ видѣ порывовъ, или поднимаются въ безмолвіи къ небу, какъ ароматъ лилій. Молча должны мы присутствовать при величайшихъ нашихъ переживаніяхъ: будь это—любовь, стихотвореніе или простой свѣточъ...

Глаза Лидіи заискрились при этомъ гимнѣ во славу жизни, и Робертъ также ощущалъ тайное блаженство. Появленіе стараго графа Шпёка фонъ-Контценъ заставило эстета замолчать; графъ, имѣвшій претензію считаться самымъ безобразнымъ человѣкомъ въ Мюнхенѣ, обладалъ злымъ, никого не щадившимъ языкомъ.

— Вижу, что помѣшалъ,—прогнусилъ онъ, цѣлуя руку Лидіи, принявшей сразу самый недоступный видъ.

— Ничуть, графъ; баронъ Балло излагалъ свои воззрѣнія на жизнь.

— Сожалѣю, что опоздалъ. Что̀ же вы, баронъ, за жизнь или противъ жизни?

— Вы—насмѣшникъ,—прервала Лидія, желавшая избавить барона отъ отвѣта.—Что̀ новаго на свѣтѣ?

Разговоръ перешелъ въ „высшія сферы"; онъ вертѣлся вокругъ принцевъ, графовъ, знатныхъ дамъ и прочихъ „избранныхъ", и слушавшій его Робертъ возмущался остротами и любезностями этой титулованной обезьяны; онъ не понималъ, какъ можетъ интересоваться Лидія этимъ свѣтомъ и этими людьми. Внезапно онъ всталъ, чтобы проститься, но нѣжное по-

жатіе прелестной ручки такъ опьянило его, что онъ, словно во снѣ, вышелъ въ переднюю, гдѣ ему встрѣтилась Іоганна съ вазою, полною красныхъ розъ, въ рукахъ. Она едва отвѣтила на его поклонъ, и въ ея глазахъ ему почудилось презрѣніе.

Къ особенностямъ Ваккернагеля принадлежало то обстоятельство, что его никогда нельзя было застать дома; шутники изъ пивной риѳмачей утверждали даже, что жилищемъ ему служатъ „воздушные зàмки“. И сегодня Робертъ не засталъ его дома, но ему посчастливилось встрѣтить его въ обществѣ юноши, на кудлатой головѣ котораго ухарски сидѣлъ цилиндръ. Ваккернагель сейчасъ же присоединился къ пріятелю и сообщилъ, что уже „поддѣлъ“ одного покупателя, но не сказалъ, въ какой день онъ собирается вытащить его на берегъ.

Сердце Роберта такъ переполнилось, что онъ долженъ былъ говорить о Лидіи. Сначала онъ въ докторальномъ тонѣ заговорилъ о женщинахъ вообще, на что Ваккернагель отвѣчалъ въ малоснисходительномъ духѣ; но когда онъ замѣтилъ, что Робертъ постоянно возвращается къ блистательной фрау Лидіи, по его цвѣтущему лицу скользнулъ лучъ пониманія, онъ принялся воспѣвать Лидію на всѣ лады, и чѣмъ болѣе онъ говорилъ о ней, тѣмъ торжественнѣе становилось его лицо.

Робертъ положительно не могъ разстаться съ нимъ; они зашли въ ресторанъ, гдѣ выпили за бутылкою рейнвейна на брудершафтъ, причемъ живописецъ не уставалъ развивать все ту же тему. На возвратномъ пути онъ воспользовался любовнымъ настроеніемъ друга для заключенія займа—на этотъ разъ уже значительнаго.

На другой день Робертъ былъ положительно не въ состояніи приняться за работу, мысли его блуждали, подобно пантерамъ, вокругъ дома въ Швабингѣ, и память рисовала передъ нимъ всѣ подробности ихъ свиданія. Вспоминалось ему и милое лицо Іоганны, но это не нарушало, а скорѣе увеличивало общую сумму свѣтлыхъ впечатлѣній, вынесенныхъ имъ изъ изящной виллы, гдѣ царила Лидія, окруженная блескомъ и ароматомъ большого свѣта.

Лишь черезъ двѣ недѣли осмѣлился онъ снова показаться въ Швабингѣ; но, вмѣсто любимой имъ сіяющей красавицы, онъ встрѣтилъ свѣтскую даму въ дурномъ расположеніи духа. У фрау Лидіи было горе: она рѣшила отдѣлать свою древнегерманскую столовую — въ новѣйшемъ стилѣ, и была очень недовольна сдѣланными извѣстнымъ художникомъ набросками.

— Можно мнѣ взглянуть на нихъ?—спросилъ съ внезапною рѣшимостью Робертъ.

— А развѣ вы что-нибудь въ этомъ понимаете?—спросила она недовѣрчиво.

Онъ взялъ листъ бумаги и принялся набрасывать эскизъ буфета. Она стояла отъ него такъ близко, что ея дыханіе почти касалось его лица, верхняя губка ея слегка оттопырилась съ выраженіемъ дѣтскаго изумленія.

— Но это великолѣпно! — проговорила она наконецъ съ сіяющими глазами.

Роберта охватило горячей волною воспоминаніе о ненавистныхъ ему годахъ ученія, онъ вспыхнулъ и принялся, спѣша и запинаясь, излагать свои планы относительно убранства комнаты, а подъ конецъ предложилъ сдѣлать эскизы и лично наблюсти за ихъ выполненіемъ.

Съ этого дня онъ сдѣлался постояннымъ гостемъ на виллѣ, но счастіе быть принятымъ здѣсь на короткой ногѣ онъ дѣлилъ со многими молодыми людьми, приходившими сюда съ такими же чувствами. Фрау Лидія, не имѣвшая ни одной пріятельницы, хорошо это знала; она наслаждалась этою атмосферою поклоненія, какъ театральною пьесой. Ясно выраженныя въ словахъ и взглядахъ желанія — не оскорбляли ее; наоборотъ, она чувствовала въ нихъ прелесть жизни. Въ Робертѣ она угадывала болѣе глубокое чувство, чѣмъ у другихъ, которые, послѣ многихъ будничныхъ похожденій, надѣялись добиться неземного блаженства. Она обращалась съ нимъ довѣрчиво, какъ съ молодымъ другомъ; его смущеніе при ея разспросахъ о его любовныхъ исторіяхъ она считала за деликатность избранной натуры, и это сладко волновало ее по временамъ.

Робертъ слѣдилъ мрачно-ревнивымъ взоромъ за взглядами и поступками своей повелительницы; онъ прямо не могъ понять, что̀ находитъ она въ этихъ оболтусахъ и почему дозволяетъ старичкамъ, вродѣ графа Шпёка, разсказывать ей рискованныя исторійки. Онъ чувствовалъ себя словно забрызганнымъ грязью и уходилъ въ „уголъ“ къ Іоганнѣ Фогель, къ которой всѣ посѣтители относились съ глубокимъ уваженіемъ. Она всегда внимательно слушала его, но такъ какъ онъ уходилъ къ ней лишь для того, чтобы другая замѣтила его отсутствіе, то онъ не видѣлъ, что Іоганна относится къ нему, какъ и къ остальнымъ, съ плохо скрываемымъ пренебреженіемъ.

И Ваккернагель, „божественный фавнъ“, сдѣлался постояннымъ гостемъ на виллѣ. Онъ зналъ безконечное число разсказовъ изъ области художественнаго вымысла, и съ нимъ фрау Лидія всего охотнѣе и дольше разговаривала; Робертъ могъ бы

даже приревновать его, если бы взгляды его друга на женщинъ вообще не были ему слишкомъ хорошо извѣстны. Іозефъ Ваккернагель очень развернулся въ обществѣ Діониса; онъ сталъ походить на свѣтскаго человѣка, котораго можно было безнаказанно отзывать въ уголокъ, гдѣ, въ тѣни пальмъ, ему предоставлялось занимать прекрасную слушательницу разсказами о центаврахъ и другихъ миѳологическихъ существахъ, живописуемыхъ Бёклиномъ и другими. Лидія не скрывала отъ себя, что ей доставляетъ наслажденіе мысленно переживать самыя отчаянныя приключенія въ то время, какъ ея нѣжная ножка твердо стоитъ на границѣ приличій. Порою ее сладкимъ ужасомъ охватывала мысль о томъ, что въ сознаніи своей красоты она властна осуществить самыя смѣлыя чувственныя мечтанія и пережить все то, въ чемъ она должна отказывать себѣ и что̀ таится въ сумракѣ ея души, но отъ чего она сумѣла обезопасить себя благоразуміемъ.

Бывали у нея и такіе дни, когда она впадала въ апатію и тоску; между ея красивыми бровями появлялась мрачная складка, въ ея сужденіяхъ о людяхъ и свѣтѣ—проглядывали горечь и рѣзкость, заставлявшія Роберта призадумываться: она чувствуетъ себя старою, измученною, все ей противно.

Именно эти часы, когда въ ней пробуждалась настоящая человѣческая душа, наполняли Роберта тайною отрадой. Онъ съ глубокимъ сочувствіемъ выслушивалъ ее и старался поддерживать въ ней это настроеніе, которое, однако, скорѣе проходило у нея, чѣмъ у него. Тѣмъ временемъ страсть его настолько усилилась, что онъ жилъ какъ бы въ состояніи гипноза; видаясь со своими знакомыми изъ пивной „риѳмачей", онъ постоянно наводилъ разговоръ на Лидію, и изъ самаго слабаго отголоска своихъ словъ черпалъ наслажденіе сознавать, что она существуетъ и счастливитъ его своими таинственно-мерцающими взглядами. Одно огорчало его: наслаждаясь ея близостью, онъ видѣлъ, что она нисколько не интересуется его искусствомъ и разговоры о немъ не доставляютъ ей никакого удовольствія.

Въ концѣ іюля произошло событіе, различно повліявшее на Роберта и Лидію: обольстительный баронъ Балло вдругъ исчезъ изъ дома въ Швабингѣ, и нѣсколько другихъ мужчинъ послѣдовало его примѣру. Лидія разгнѣвалась на это отпаденіе своихъ „вѣрныхъ", немилосердно вышутивъ его причины, къ большому удовольствію Роберта; но все-же она сочла это прямымъ оскорбленіемъ, нанесеннымъ ея красотѣ. Неужели ея любви уже не сто̀итъ домогаться? Развѣ она такъ состарѣлась, что не можетъ

удержать при себѣ полъ-дюжины мужчинъ? Положимъ, зеркало отвѣтило ей торжествующей улыбкой, но непріятное чувство не изглаживалось.

Въ душный грозовой іюльскій вечеръ Робертъ нашелъ ее на террасѣ „домика розъ" въ обществѣ стройной молодой дамы; обѣ женщины держали другъ друга за руки и нѣжно смотрѣли другъ другу въ глаза. Въ залѣ Іоганна обтирала шолковою тряпкой драгоцѣнныя вещицы. Робертъ, вздрогнувшій при звукахъ веселаго смѣха и поцѣлуевъ прощавшихся дамъ, машинально коснулся рукою до китайской вазочки, которую только-что взяла Іоганна. Она вздрогнула при этомъ прикосновеніи и выронила вазочку, разбившуюся въ дребезги.

— Идіотка!—сердито закричала на свою компаньонку Лидія, входившая въ эту минуту въ комнату.

— Это я виноватъ, — сказалъ тихо Робертъ, между тѣмъ какъ дѣвушка, ставъ на колѣни, собрала осколки и, не говоря ни слова, вышла.

— Нѣтъ, она виновата,—произнесла рѣзко фрау Лидія, — мнѣ уже надоѣло все это!

Она опустилась въ кресло и тяжело вздохнула.

— Вы во-время пришли. Сейчасъ мнѣ надоѣдала такъ-называемая подруга дѣтства разсказами о своемъ супружескомъ счастьи. Боже мой, не все ли мнѣ равно: счастлива или несчастлива какая-нибудь тамъ идіотка! Выйдемте въ садъ.

Она встала и быстро вышла на воздухъ.

Большой садъ лежалъ передъ ними въ лѣтнемъ уборѣ; на куртинахъ, имѣвшихъ форму полумѣсяца, на высокихъ стебляхъ цвѣли красныя розы, пылавшія въ алыхъ отблескахъ заката, уже смѣнявшагося сумерками. Въ молчаніи ходили они взадъ и впередъ по усыпаннымъ мелкимъ пескомъ дорожкамъ сада, и когда порою шлейфъ Лидіи задѣвалъ розовый кустъ, цѣлый дождь пурпуровыхъ лепестковъ падалъ имъ вслѣдъ, усыпая песокъ аллеи. Въ ушахъ Лидіи еще звучали обольстительной мелодіей слова ея пріятельницы, говорившей о счастьи любви, и она задавала себѣ вопросъ: не лучше ли быть просто женщиной?

Вдругъ по плечамъ ея пробѣжала дрожь, и она проговорила рѣзкимъ голосомъ:

— Пойдемте въ комнаты.

Но у самой двери они остановились въ сгущающихся сумеркахъ, напоенныхъ благоуханіемъ розъ. Глаза ихъ были опущены. Въ ней поднималось съ необычайною силою какое-то волненіе,

противъ котораго она не могла бороться, и самая невозможность борьбы казалась ей сладостною. Роберта опьяняла близость любимой женщины, но чувство благоговѣнія сковывало его незримыми цѣпями; онъ задавалъ себѣ вопросъ: осмѣлится ли онъ напечатлѣть на ея рукѣ робкій поцѣлуй? Онъ стоялъ передъ нею безъ словъ, безъ движенія, и когда, наконецъ, онъ рѣшился сдѣлать къ ней шагъ, чтобы взять ея руку, подъ ногами его захрустѣлъ черепокъ разбитой вазы: въ ту же минуту ему вспомнился, подобный молніи, лучъ, сверкнувшій на него изъ глазъ Іоганны, и онъ снова замеръ на мѣстѣ въ невыразимомъ смущеніи.

Послышался рѣзкій звонокъ у входной двери, сразу нарушившій чуткое ожиданіе.

— Мнѣ надо идти!—вырвалось у него почти противъ воли, и въ непонятномъ, овладѣвшемъ имъ раздвоеніи души, онъ ощутилъ одновременно и странное облегченіе, и жгучую досаду.

Въ голосѣ Лидіи звучала ледяная холодность, и рука ея вздрагивала, когда она, не удостоивъ его болѣе ни однимъ взглядомъ, пошла проводить его до двери, въ которую съ сіяющимъ лицомъ входилъ „божественный фавнъ“.

Во время быстрой ходьбы по темнымъ улицамъ, Робертъ прежде всего думалъ о томъ, нельзя ли ему, подъ какимъ-нибудь предлогомъ, вернуться на виллу; но гордость и робкая деликатность удержали его отъ этого шага, и, придя къ себѣ въ мастерскую, куда лишь издали долеталъ вечерній городской шумъ, онъ бросился на диванъ, чтобы помечтать въ сумеркахъ. Но тщетно старался онъ вызвать любимый образъ,—душу его наполняла тоска и желаніе вернуть утраченный мигъ; наконецъ, она внезапно явилась ему такою, какою онъ только-что видѣлъ ее: съ чудными вопрошающими глазами, со свѣжимъ ртомъ, съ роскошною фигурой. Теперь онъ почувствовалъ себя храбрѣе: онъ мысленно цѣловалъ ея алыя губы, упивался благоуханіемъ ея волосъ и трепетомъ груди, между тѣмъ какъ въ саду словно трепетала тишина, нависшая надъ землею въ тѣни высокихъ деревьевъ, и въ этомъ безмолвіи чудились, подобные дуновеньямъ, таинственные звуки, робкій шелестъ невидимыхъ крыльевъ, то рождавшійся, то снова замиравшій.

Онъ радовался, что, въ качествѣ домашняго художника, онъ можетъ рано явиться къ ней, и на слѣдующій день въ девяти часамъ онъ былъ уже близъ дома въ Швабингѣ. Теперь онъ уже не станетъ робѣть, онъ выскажетъ ей все, что опьяняло его своимъ очарованіемъ въ теченіе многихъ недѣль.

Подходя къ виллѣ, онъ замѣтилъ своего друга Ваккернагеля, съ громаднымъ букетомъ въ рукѣ, видимо направлявшаго свою ладью къ той же пристани. Узнавъ другъ друга, они холодно поздоровались и молча вмѣстѣ вошли въ садъ, причемъ каждый задавалъ себѣ вопросъ: что̀ нужно здѣсь другому въ столь ранній часъ? Но старикъ садовникъ, подрѣзывавшій дернъ у дорожекъ, сообщилъ имъ, къ безграничному изумленію обоихъ, что барыня уѣхала съ первымъ поѣздомъ въ Нордерней.

— Такъ и быть должно!—проговорилъ Ваккернагель, когда они снова очутились за оградою сада. — Со мною всегда такъ бываетъ... Чуть улыбнулось счастье—сейчасъ же все къ чорту!

Острый холодокъ пронизалъ Роберта, и послѣ краткой паузы онъ произнесъ равнодушно-беззвучнымъ голосомъ:

— А развѣ между вами что-нибудь было?

Тутъ въ Ваккернагелѣ проснулся „мужчина", и онъ принялся изображать пережитое имъ вчера блаженство тою кистью, которую онъ употреблялъ всегда для своихъ пикантныхъ разсказовъ. Роберту казалось, что всѣ члены его налиты свинцомъ; онъ машинально шагалъ рядомъ съ побѣдителемъ, который, принявъ его молчаніе за сомнѣніе, вдругъ вынулъ изъ кармана узкій блѣдно-зеленый конвертъ, не выпуская его, однако, изъ руки.

— Умѣешь читать по писанному, мой любезный? Она... словомъ, она надѣется на мои рыцарскія чувства... Я воспользовался ея слабостью... Конечно! Женщины всегда называютъ это слабостью...

Но Робертъ не могъ долѣе сдерживаться.

— Это мерзость!—сорвалось съ его губъ.

Остановившійся въ изумленіи Ваккернагель, смотрѣлъ въ его искаженное гнѣвомъ и ненавистью лицо, которое словно озарилось молніей. Что̀ могло все это означать? Съ подавленнымъ рыданіемъ Робертъ отвернулся и, кинувшись прочь, вскорѣ скрылся за угломъ; а Ваккернагель все еще стоялъ на томъ же самомъ мѣстѣ. Наконецъ онъ пожалъ своими широкими плечами и многозначительно свистнулъ.

IV.

Когда, черезъ день, Робертъ, принявъ рѣшеніе покончить съ женщинами и жить отнынѣ для одного искусства, снялъ покровы со своей заброшенной статуи изъ глины,—съ нимъ произошло нѣчто непонятное. Высохшая и мѣстами расколовшаяся глиняная модель ничуть не походила на созданный его фантазіей и надѣленный

въ мечтахъ всякими красотами ббразъ, съ которымъ онъ такъ долго носился. Кое-какія отдѣльныя части и теперь нравились ему, но въ цѣломъ все было неудовлетворительно и какъ разъ не одухотворено тою внутреннею жизнью, о которой онъ твердилъ своимъ друзьямъ.

Совсѣмъ ошеломленный, ходилъ онъ вокругъ сѣраго „бога“, пробуя исправлять то и другое, чтобы воскресить исчезнувшее очарованіе, но скоро эта стряпня пробудила въ немъ непреодолимое отвращеніе, и онъ порѣшилъ искать утѣшенія у „риѳмачей“.

Тѣмъ временемъ въ пивной произошла революція: новѣйшія, только-что народившіяся теченія поглотили „полуостровъ“, и на мѣстѣ его возникъ „Хаосъ“, изъ котораго должны были вскорѣ явиться на свѣтъ новыя звѣзды. Скульпторъ былъ привѣтствуемъ новыми переоцѣнщиками всякихъ цѣнностей, какъ ветеранъ этого кружка, и, будучи въ приподнятомъ настроеніи, онъ пригласилъ нѣсколькихъ „истовъ“, имѣвшихъ, какъ ему показалось, понятіе о скульптурѣ—къ себѣ въ мастерскую, чтобы представить имъ своего „бога“.

Когда на слѣдующій день они явились къ нему, Робертъ могъ убѣдиться, что присутствіе „бога“ принуждаетъ къ молчанію даже самыхъ „новыхъ людей“: мужчины и дамы безмолвно стояли вокругъ сѣраго Діониса, не рискуя высказать свое мнѣніе. Лишь сомнительный живописецъ Геберль заявилъ себя знатокомъ скульптуры: обзоръ мастерской внушилъ ему мысль, что у Роберта должны быть средства, а слѣдовательно современемъ у него можно будетъ перехватить.

Робертъ ощутилъ невыразимое облегченіе, когда господа изъ „Хаоса“, наконецъ, удалились, выругавъ на прощаніе его сосѣда-скульптора Гербольда. Онъ рѣшилъ не показывать къ нимъ носу и приняться пока за небольшую работу: бюстъ мальчика. Теперь онъ зналъ, что ему нечего болѣе ждать отъ этой компаніи и отъ свѣта вообще,—но таковъ удѣлъ избранныхъ.

Что касается „божественнаго фавна“ — онъ исчезъ и не показывался, словно мюнхенская почва поглотила его.

Робертъ провелъ лѣто въ удрученномъ и возбужденномъ состояніи, но въ концѣ августа надъ нимъ разразился новый ударъ: лопнуло коммерческое дѣло, въ акціяхъ котораго заключалось его небольшое состояніе, и ихъ пришлось сбыть за безцѣнокъ. Робертъ ревностно принялся за работу: лѣпку бюстовъ для торговца художественными произведеніями, но подъемъ его вскорѣ смѣнился апатіей, и онъ все глубже ощущалъ мрачное разоча-

рованіе и озлобленіе. Чѣмъ неувѣреннѣй становилась его рука, тѣмъ вѣрнѣе—его взгляды на искусство и на его собственное творчество. Одного онъ не понималъ: быстроты, съ которою таялъ его капиталъ, помѣщавшійся въ лакированной шкатулочкѣ; онъ не могъ примириться и съ безработностью своихъ сотоварищей изъ „Хаоса", выводившей его изъ себя. У него мелькала мысль перебраться въ небольшую комнату, но мастерская была однимъ изъ прерогативъ его профессіи, и въ то же время онъ смутно возлагалъ надежды на „чудо", которое въ одинъ прекрасный день должно совершиться.

Дѣйствительно, какъ-то вечеромъ, когда онъ мылъ руки, въ дверь постучали, и въ комнату вкатился кругленькій мюнхенскій человѣчекъ.

Робертъ спросилъ довольно рѣзко: что̀ ему угодно? Но человѣкъ, оглядывавшій прищуренными глазами мастерскую, ловко избѣжалъ отвѣта.

— Позвольте мнѣ сперва оглядѣться, г. профессоръ. Хорошо у васъ тутъ, очень хорошо. Видать, что господа художники умѣютъ зарабатывать деньги,—не то, что нашъ братъ... Да, при такомъ важномъ знакомствѣ—оно иначе и нельзя. Ея сіятельство графиня Шпёкъ—дама съ большимъ вкусомъ.

— Я не знаю никакой графини Шпёкъ...

— Случается и такъ, что бываешь знако̀мъ съ людьми, но не знаешь ихъ имени. Положимъ, графство-то здѣсь—недавнее. Но вы знавали г-жу коммерціи совѣтницу Оберхуммеръ? Ну, вотъ теперь мы и столковались.

— Чѣмъ могу вамъ служить?—спросилъ Робертъ, у котораго эта новость вызвала ощущеніе торжествующаго презрѣнія.

— Я торговецъ мебелью,—заявилъ человѣчекъ.

— Въ такомъ случаѣ вы попали сюда по ошибкѣ.

— А можетъ быть и нѣтъ, г. профессоръ. Приходится сказать правду. Въ сущности, я пришелъ не отъ графини,—она находится со своимъ красавцемъ графомъ за границею,—а мы должны покуда поставить виллу на графскую ногу. Я получилъ вашъ адресъ отъ фрейлейнъ Фогель. Вотъ кто высокаго о васъ мнѣнія! Она такъ и говоритъ: „Это — большой художникъ"! Но и мои собственные глаза тоже кое-что видятъ. Столовая, устроенная по вашимъ рисункамъ на виллѣ Шпёкъ, не выходитъ у меня изъ головы; онъ побывалъ въ Англіи и полагаетъ, что все древнегерманское—сдано въ архивъ; теперь въ модѣ лиліи и изломанныя дѣвы, ничѣмъ не прикрытыя, кромѣ ихъ собственной дѣвственности.

— Сожалѣю, что не могу вамъ быть полезнымъ,—холодно проговорилъ Робертъ.

— Жаль! Жаль! Но вы еще обдумаете, не правда ли? Я позволю себѣ оставить вамъ свою карточку. Какъ знать? Можетъ быть, мой адресъ и пригодится вамъ.

И человѣчекъ положилъ свою карточку на ближайшій столикъ, предварительно сдунувъ съ него пыль.

— Какъ поживаетъ фрейлейнъ Фогель? — спросилъ сдавленнымъ голосомъ Робертъ, когда торговецъ мебелью былъ уже у двери.

— Я, видите ли, мало знакомъ съ фрейлейнъ Фогель, мы встрѣчались съ нею у моей старшей дочери, дѣвочкѣ которой она даетъ уроки музыки. Я какъ-то случайно сказалъ, что хочу пригласить художника, и она указала на васъ, упомянувъ при этомъ, что вы устраивали столовую только въ видѣ любезности. Такъ вы, дѣйствительно, отсылаете меня ни съ чѣмъ? Въ такомъ случаѣ—вашъ слуга, г. профессоръ.

Робертъ не отвѣчалъ, и посѣтитель удалился съ короткимъ поклономъ.

Тѣмъ временемъ художнику съ живостью представилась Іоганна; онъ словно видѣлъ ямочки на ея щекахъ, и молніеносный взоръ чудныхъ глазъ, казалось, еще грозилъ ему — даже издалека. Горе, испытанное имъ за послѣднее время, сдѣлало его отзывчивымъ къ чужому горю; она представлялась ему живущею гдѣ-то на задворкахъ,—и охватившая его жалость не дозволила развиться чувству радости, испытанному имъ при полученіи извѣстія о ней.

Съ удвоеннымъ жаромъ принялся онъ за изготовленіе бюстовъ для продажи; пересчитавъ свой капиталъ, онъ убѣдился, что, при самомъ скромномъ образѣ жизни, можетъ дотянуть лишь до весны. За недѣлю до Рождества онъ снесъ въ магазинъ свои бюсты, хотя принявшій ихъ на коммиссію хозяинъ мало обнадеживалъ его, и въ теченіе нѣсколькихъ дней могъ наслаждаться ихъ созерцаніемъ—на ряду съ другими произведеніями искусства—въ богато убранной витринѣ, привлекавшей взоры прохожихъ. Но проходили недѣля за недѣлею, покупатели не являлись, и когда въ одинъ прекрасный день „островитянинъ“, которому онъ отказалъ въ ссудѣ, основательно „отдѣлалъ“ его въ газетѣ, художникъ окончательно потерялъ надежду пристроить свои бюсты.

Теперь онъ обѣдалъ въ трактирахъ, посѣщаемыхъ бѣднѣйшими живописцами, всегда имѣющими при себѣ какой-нибудь

эскизъ или картинку безъ рамы. Единственнымъ его утѣшеніемъ среди возраставшей нужды было—чувство состраданія къ самому себѣ, и часто онъ съ горечью рисовалъ себѣ, какъ однажды утромъ его найдутъ умершимъ съ голоду въ постели—еще новая жертва тупоумнаго, не признающаго боговъ, людского стада! Въ тѣ дни, когда ему приходилось ложиться впроголодь, его преслѣдовали мучительные видѣнія и образы. Онъ видѣлъ себя сидящимъ въ „Хаосѣ" среди островитянъ и обонялъ ароматъ кухни, казавшійся ему ѳиміамомъ славы; онъ слышалъ хохотъ „сверхъ-человѣковъ", и когда онъ просыпался поутру, въ горлѣ у него чувствовалась сухость, сердце усиленно билось, и въ ушахъ стоялъ звонъ, похожій на шумъ вѣтра въ телеграфныхъ проволокахъ.

Въ дождливый апрѣльскій вечеръ, среди сырости, отъ которой въ мастерской стоялъ туманъ, его охватило такое отвращеніе къ себѣ самому, къ своей работѣ и ко всему на свѣтѣ, что онъ сталъ поспѣшно одѣваться, торопясь выйти на дождь и вѣтеръ. Проходя по двору, онъ увидѣлъ, къ изумленію своему, что дверь въ мастерскую сосѣда была открыта; въ сумракѣ комнаты, порога которой онъ никогда не переступалъ, хотя и раскланивался съ Гербольдомъ, что-то бѣлѣло... Такъ какъ въ мастерской ничто не шевелилось, онъ, послѣ нѣкотораго колебанія, рѣшился войти и, мигъ спустя, стоялъ передъ мраморною группою, уже близившеюся къ окончанію. Она изображала умершую женщину, покоившуюся на низкомъ ложѣ; рядомъ съ нею сидѣлъ въ рабочей блузѣ человѣкъ, глядѣвшій на усопшую съ выраженіемъ глубокой скорби; ея исхудалую руку онъ держалъ въ своей, какъ бы навѣки прощаясь съ нею.

Тонкое страдальческое личико молодой женщины, на которое смерть наложила печать неземного спокойствія, соединившіяся въ прощальномъ пожатіи руки—все было выполнено съ такимъ мастерствомъ, что зритель переходилъ отъ изумленія къ восхищенію, приковавшему его къ мѣсту... Подвинувъ табуретъ, онъ опустился на него и весь погрузился въ созерцаніе произведенія, которое въ сгущавшихся сумеркахъ дождливаго дня все болѣе и болѣе одухотворялось таинственно-безсмертною жизнью.

Тутъ чувствовалась невыразимая творческая скорбь, оберегающая свою тайну, духъ, воплотившійся въ мраморѣ, и мозгъ Роберта, уже извѣдавшаго „скорбь міра сего", внезапно словно прожгло сознаніе, что самъ онъ никогда не будетъ въ состояніи создать образъ такой глубокой, возвышенной красоты. Его жизнь и творчество показались ему, въ виду этого мастерского произведенія, такою противною ложью, что онъ ощутилъ отвращеніе

къ самому себѣ: у него не было таланта, а слѣдовательно — и права жить. Не все ли равно, если онъ кончитъ жизнь свою сапожникомъ?!

Сумерки сгущались, угашая свѣтъ жизни на этомъ памятникѣ человѣческой скорби; теперь виденъ былъ лишь блѣдный отблескъ мрамора, но углубленный въ свои думы Робертъ все еще сидѣлъ неподвижно впотьмахъ, и даже не сознавалъ, что горячія слезы струятся у него по щекамъ и скатываются на руки. Лишь съ наступленіемъ полной темноты онъ внезапно поднялся съ мѣста и вышелъ на дождь, монотонно барабанившій по стекламъ и затянувшій все вокругъ своею сѣрой пеленою.

V.

На слѣдующее утро Робертъ прежде всего заявилъ домохозяину, что онъ съѣзжаетъ, а затѣмъ отправился, въ самомъ подавленномъ настроеніи, къ мебельному торговцу и фабриканту Шандерлю, гдѣ, вмѣсто знакомаго ему толстяка, онъ нашелъ изящнаго молодого человѣка, снисходительно привѣтствовавшаго его словами:

— Я давно уже побывалъ бы у васъ, но мой старикъ подалъ мнѣ мало надежды! — (Онъ умолчалъ о томъ, что отецъ добавилъ:—Самъ придетъ!)—Притомъ,—продолжалъ онъ,—я согласенъ имѣть съ вами дѣло лишь подъ условіемъ долгосрочнаго контракта; наше время богато молодыми талантами,—конечно, нужно имѣть идеи... Если вы пожалуете завтра утромъ, я позволю себѣ предложить на ваше усмотрѣніе контрактъ.

Робертъ поклялся, что не удостоитъ этого высокомѣрнаго псевдо-джентльмена ни однимъ взглядомъ, тѣмъ не менѣе онъ явился на слѣдующій день въ указанное время въ контору и подписалъ контрактъ, въ которомъ съ необыкновенною точностью было обозначено: сколько онъ получитъ отъ фирмы за свои наброски, а также и за ежедневный трудъ.

— Ну, вотъ я и мебельщикъ! — сказалъ онъ себѣ, шагая по мокрымъ улицамъ.

Паденіе было такъ глубоко, что оно вызывало въ немъ злорадное торжество; желая узнать, что думаютъ его тонко настроенные собратья изъ „Хаоса“ объ этомъ неслыханномъ униженіи, онъ въ тотъ же вечеръ направился въ знакомый трактирчикъ, но, за исключеніемъ нѣсколькихъ „столповъ“, сидѣвшихъ за пивомъ, онъ встрѣтилъ тамъ уже новыхъ, незнакомыхъ ему героевъ.

За эту зиму въ „Хаосъ“ вторгся новый элементъ, и среди этихъ „новѣйшихъ“ оказывались уже „старѣйшіе“, говорившіе объ отсталости прежняго направленія, ветераны котораго еще отваживались провозглашать свой боевой кличъ, но сами чувствовали, что они—не на высотѣ.

Робертъ сидѣлъ одинокимъ среди новѣйшихъ полубоговъ, и по временамъ злобно усмѣхался про себя. Онъ попытался освѣдомиться о „божественномъ фавнѣ“, но тотъ — словно сквозь землю провалился; о немъ ходила легенда: будто бы онъ увлекъ богатую американку и торгуетъ свиньями въ Чикаго. Когда же Робертъ собрался уходить, къ нему подошла кельнерша и со слезами начала разспрашивать его объ исчезнувшемъ; оказалось, что у нея отъ него есть сынъ, и она надѣется, что онъ современемъ женится на ней. Пораженный художникъ искренно пожалѣлъ, что ничего не можетъ сообщить ей о живописцѣ и даже не знаетъ: живъ онъ или нѣтъ?

„Идеи“ господина Шандерля состояли въ томъ, чтобы выжать изъ своихъ художниковъ все, что̀ они могли и чего даже не могли дать. По счастью для Роберта, онъ безъ труда набрасывалъ рисунки тонконогой мебели, предназначавшейся, очевидно, для паукообразнаго, тщедушнаго поколѣнія; рисовалъ горшки и вазы, украшенные смѣющимися сиренами, рыбами, совами, воронами; онъ же наблюдалъ за обжиганіемъ ихъ въ мастерской. Когда, съ влажнымъ отъ жары лицомъ, онъ сидѣлъ передъ пылающею печью, изъ которой выходили произведенія его руки, блиставшія причудливымъ сочетаніемъ красокъ, эта жизнь ремесленника казалась ему чѣмъ-то сказочнымъ, не могшимъ долго длиться. Иногда онъ спрашивалъ себя: что̀ бы сказала о его дѣятельности Іоганна, единственная, о комъ онъ вспоминалъ,—но и она исчезла. Въ домѣ зятя Шандерля, гдѣ она прежде давала уроки, никто не зналъ, что̀ съ нею сталось.

Богъ Діонисъ помѣщался, вслѣдствіе особенной милости г. Шандерля, въ углу мастерской и служилъ предметомъ ѣдкихъ шуточекъ со стороны являвшихся туда неудачныхъ художниковъ, выражавшихъ свое презрѣніе „академическимъ“ богамъ. Робертъ держался вдали отъ этихъ остряковъ, онъ выходилъ изъ себя при каждой похвалѣ, и наконецъ его оставили въ покоѣ.

Въ свободные дни онъ предпринималъ длинныя прогулки, останавливаясь по временамъ передъ птичкою или цвѣткомъ, стараясь уловить и запечатлѣть въ своей памяти ихъ окраску и очертанія, дававшія ему матеріалъ для его работы. Но эти наблюденія надъ жизнью не могли разсѣять давившей его душу тоски.

Какъ-то разъ, въ майскій вечеръ, онъ забрелъ въ отдаленную часть предмѣстья Швабингъ, гдѣ преобладаютъ домики съ зелеными ставнями, старыя черепичныя кровли и сады. Покуда онъ забавлялся, разглядывая пестро-размалеванный, въ декадентскомъ вкусѣ, фасадъ одного изъ домовъ, изъ сосѣдняго сада раздались веселые дѣтскіе голоса, и, двинувшись далѣе, онъ увидѣлъ дѣтей, составившихъ кругъ, въ серединѣ котораго находилась молодая дѣвушка.

Къ изумленію своему, онъ узналъ въ ней Іоганну Фогель, которая, какъ только она узнала его, вышла изъ круга и протянула Роберту руку черезъ ветхій заборъ. На ея слегка порозовѣвшемъ лицѣ лежало прежнее серьезное выраженіе, когда она сказала, улыбаясь, что по воскресеньямъ всегда приглашаетъ къ себѣ въ гости сосѣднихъ ребятишекъ. А какъ онъ поживаетъ?

Робертъ отвѣчалъ, что онъ бываетъ занятъ по цѣлымъ днямъ.

— Вы не можете сомнѣваться въ вашемъ дарованіи,—проговорила она послѣ нѣкотораго молчанія.

— Мое дарованіе? Боже! — отвѣтилъ онъ, краснѣя, но въ душу его проникла волна теплаго, никогда еще не испытаннаго чувства. Онъ продолжалъ:

— Я часто упрекалъ себя за то, что вы по моей винѣ лишились мѣста.

Но Іоганна не дала ему договорить:

— Я сама не осталась бы тамъ долѣе. Но вы не спрашиваете меня о моей кузинѣ?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ рѣзко, между тѣмъ какъ ея губы улыбались и въ глазахъ появился веселый блескъ. Не глядя на него, она сказала:

— Она уже разводится,—но, конечно, съ сохраненіемъ титула.

Такъ какъ онъ и на это ничего не отвѣтилъ, разговоръ перешелъ на посторонніе предметы; они говорили о погодѣ, о ростѣ предмѣстья, о чемъ пришлось,— покуда между ними не воцарилось смущенное молчаніе.

Робертъ ушелъ съ сознаніемъ, что и съ этимъ воспоминаніемъ—покончено навсегда. На слѣдующее воскресенье, однако, чистѣйшая случайность завела его въ Швабингъ, и снова тамъ Іоганна Фогель оказалась въ саду, и опять они бесѣдовали черезъ заборъ. Онъ самъ удивился, слыша зачастую въ ея словахъ отголосокъ своихъ собственныхъ мыслей; порою онъ восхищался ея тонкими сужденіями объ искусствѣ, высказываемыми очень спокойно, безъ малѣйшей претензіи. То, что онъ угадывалъ о ея жизни, — преисполняло его уваженіемъ къ дѣвушкѣ, мужественно ведшей борьбу за существованіе въ качествѣ учи-

тельницы, и по временамъ ея веселая улыбка позволяла догадываться, какой запасъ веселости таится въ ея душѣ и сколько оживленія могла бы она внести съ собою, если бы счастье ей улыбнулось. Но, возвращаясь къ себѣ въ мастерскую, онъ видѣлъ въ мечтахъ лишь ея спокойные, чистые глаза, сіявшіе ему лучезарною звѣздой; онъ чувствовалъ, что ей можно вполнѣ довѣриться, и самое воспоминаніе объ ея открытомъ лицѣ—вливало въ его душу почти чуждое всякихъ желаній умиротвореніе.

Какъ-то лѣтнимъ вечеромъ онъ спросилъ Іоганну, не знаетъ ли она въ окрестностяхъ какого-нибудь недорогого домика? Онъ достаточно теперь заработываетъ, а жизнь въ городѣ уже успѣла до пресыщенія надоѣсть ему.

— Есть домикъ неподалеку отъ парка,—отвѣтила она,—тамъ жилъ живописецъ. Я сейчасъ васъ провожу туда.

Они медленно пошли рядомъ по улицамъ, полнымъ воскресною тишиною. Домикъ былъ расположенъ среди фруктоваго сада. Робертъ тщательно осмотрѣлъ всѣ углы его, отворялъ окна, между тѣмъ какъ Іоганна стояла на крылечкѣ, наблюдая за игрою свѣтотѣни въ вѣтвяхъ деревьевъ. Птицы уже смолкли, только запоздавшій мотылекъ еще кружился на травкѣ въ золотистомъ мерцаніи гаснущаго дня.

Когда Робертъ, которому все очень понравилось, вернулся назадъ, онъ нашелъ Іоганну на томъ же мѣстѣ. Въ глазахъ ея сверкали слезы.

— Чтò съ вами?—спросилъ онъ, но она, не глядя на него, тихо покачала головою. Его сразу охватило ощущеніе счастья, полное глубокой, нѣжной жалости. Онъ подошелъ къ ней и крѣпко сжалъ въ своей рукѣ ея правую, опущенную руку. Ароматъ ея густыхъ, волнистыхъ волосъ, на которыхъ изящно и легко сидѣла лѣтняя шляпка, повѣялъ на него очарованіемъ ея близости.

— Взгляни на меня,—проговорилъ онъ тихо,—взгляни на меня!

Она обернулась къ нему; глаза ея сіяли глубокимъ, влажнымъ блескомъ; онъ нагнулся и поцѣловалъ ея полуоткрытыя губы; она молча возвратила ему поцѣлуй, и руки ихъ плотнѣе сомкнулись.

— Почему ты всегда такъ сердито на меня смотрѣла?—спросилъ Робертъ, вспоминая ихъ прежнія свиданія.

— Потому!—отвѣтила она съ тихою улыбкой и покраснѣла.

Черезъ два мѣсяца они переѣхали въ домикъ—уже въ качествѣ новобрачныхъ, а еще черезъ годъ, въ изящной рѣзной, украшенной головками ангеловъ колыбели, покоился первый отпрыскъ рода. Жилось имъ очень хорошо, такъ какъ Роберту

посчастливилось открыть новый составъ глазури, придававшій удивительный блескъ краскамъ и вызвавшій у одного изъ островитянъ замѣчаніе, что такое открытіе стоитъ всего Бёклина. Для занятія скульптурой у него оставалось, конечно, мало времени, и растрескавшійся Діонисъ попрежнему стоялъ неоконченнымъ въ углу прохладной мастерской. По временамъ Роберта охватывала тоска по утраченнымъ богамъ, и тогда онъ задумчиво сидѣлъ въ саду, со взоромъ, устремленнымъ въ чащу деревьевъ. Въ такія минуты по губамъ Іоганны скользила легкая улыбка, но она, подойдя къ нему, нѣжно проводила рукою по его курчавой головѣ и шептала ему на ухо:

— Если не въ этомъ, то хотя въ будущемъ году ты долженъ непремѣнно выставить твоего Діониса.

И за эту вѣру въ него, въ его силы, онъ благодарилъ ее молчаливымъ взглядомъ.

Когда ихъ мальчуганъ сталъ ходить, Іоганна пожелала снять съ него портретъ; а такъ какъ неподалеку недавно открылась новая фотографія, они въ одно изъ воскресеній направились туда въ сопровожденіи служанки, несшей на рукахъ сына и наслѣдника. Имъ пришлось вскарабкаться въ четвертый этажъ; за дверью, ведшей въ „ательé“, слышались мужской смѣхъ и звонкій дѣтскій голосокъ. Когда Робертъ, которому этотъ смѣхъ показался знакомымъ, не безъ колебанія отворилъ дверь, глазамъ его представилась приковавшая его къ мѣсту картина: Іозефъ Ваккернагель, „божественный фавнъ“, въ одной рубашкѣ и кожаныхъ штанахъ, скакалъ на четверенькахъ по полу вокругъ пустой комнаты, а на спинѣ у него возсѣдалъ трехлѣтній мальчуганъ, заливавшійся хохотомъ и погонявшій кнутикомъ своего коня.

Ваккернагель спустилъ сначала на землю своего всадника, затѣмъ поднялся, надѣлъ старую бархатную куртку и непринужденно подошелъ къ посѣтителямъ.

— Очень радъ тебя видѣть, старый дружище. Я и самъ разыскалъ бы тебя на этихъ дняхъ. Поздравляю васъ, сударыня. Человѣку слѣдуетъ жениться, я—тоже на пути къ брачной пристани. Позвольте васъ познакомить: моя невѣста Мари Вейнгуберъ, старая знакомая вашего супруга.

Тутъ онъ указалъ на кельнершу Мари, которая только-что съ улыбкою мадонны смотрѣла на сцену верховой ѣзды, но при входѣ посѣтителей стыдливо отошла въ уголъ. Мари застѣнчиво подала руку Роберту и тотчасъ же скрылась со своимъ отпрыскомъ за ситцевой занавѣской, раздѣлявшей комнату на двѣ половины.

— Да, многое таки пришлось пережить! —говорилъ Ваккернагель, устанавливая свой аппаратъ.—Такова жизнь; кстати, я долженъ тебѣ кое-что, и на-дняхъ намѣренъ расквитаться,—такихъ вещей я *никогда* не забываю. Тебѣ хорошо живется? Впрочемъ, и спрашивать нечего. Ты — на пути сдѣлаться Ротшильдомъ, какъ я слышалъ? Ну, мы нѣсколько скромнѣе, но все еще наладится. Ты, конечно, не думаешь, что я всю жизнь останусь фотографомъ?

Во время сеанса бывшіе пріятели разговорились объ „островитянахъ", причемъ оказалось, что изъ своего „прекраснаго далёка" Ваккернагель судилъ довольно вѣрно обо всей этой компаніи. Въ общемъ мало славнаго можно было порассказать какъ о „риѳмачахъ", такъ и о „Хаосѣ". Одинъ изъ поэтовъ пристроился при редакціи и писалъ своимъ „лебединымъ" перомъ отчеты о купеческихъ свадьбахъ; одинъ совсѣмъ погрязъ въ „Хаосѣ" и жилъ займами — вещь, вызывавшая глубочайшее негодованіе со стороны достойнаго Ваккернагеля. Нѣкоторые изъ сверхъ-живописцевъ все еще находились въ погонѣ за „манерою", еще не заѣзженной до смерти другими. Баронъ Балло увезъ цирковую наѣздницу (или она—его). Еще не появился тотъ Мессія въ искусствѣ, передъ которымъ филистеры и новаторы преклонили бы главу.

Іоганна удивлялась сіяющему взору мужа, вставлявшему по временамъ свое словечко, но отъ нея не укрылось, что разговоръ бывшихъ пріятелей становился все менѣе оживленнымъ, и, наконецъ, они довольно холодно простились другъ съ другомъ.

Зато лицо Іоганны все свѣтилось радостью, когда она шла рядомъ съ мужемъ позади служанки, несшей ребенка. Время отъ времени она искоса поглядывала на омрачившееся лицо Роберта, и ей становилось все веселѣе. Когда они подошли къ своему дому, она уже не могла сдерживать своей веселости, ножки ея готовы были танцовать по песку аллеи.

— Да что̀ такое съ тобою?—спросилъ онъ, слегка покачавъ головою, почти пораженный смѣющеюся красотою ея лица.

— Ничего,—сказала она, улыбаясь, — я только всегда радуюсь, если кто-нибудь въ этомъ мірѣ нападетъ на свой настоящій путь.

И такъ какъ онъ смотрѣлъ на нее глазами, которымъ впервые многое раскрылось, она, улыбаясь, подставила ему лицо, и онъ поцѣловалъ ее съ чувствомъ еще ни разу не испытаннаго имъ счастья.

Съ нѣм. О. Ч.

ИЗЪ
МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ
1843—1860 гг.

XI *).

Il existe entre l'honnêteté et l'intelligence un lien d'origine auguste et d'essence immortelle.

Louis Blanc.

Несмотря на то, что эту весну (1858-го года) я была поглощена своей привязанностью къ К.,—я оставалась чувствительна и къ другимъ крупнымъ событіямъ моей жизни,—а такимъ событіемъ былъ пріѣздъ Шевченка, нашего долго жданнаго Тараса Григорьевича. Отецъ поѣхалъ встрѣчать его на станцію желѣзной дороги, а мы остались дома и съ замираніемъ сердца поджидали, смотрѣли въ окошко и, какъ всегда бываетъ, просмотрѣли, такъ что возгласъ кого-то: „пріѣхали!" засталъ насъ врасплохъ; мы не успѣли выбѣжать на встрѣчу,—Т. Гр. уже вошелъ въ залу. Средняго роста, скорѣе полный, чѣмъ худой, съ окладистой бородою, съ добрыми, полными слезъ глазами, онъ простеръ къ намъ свои объятія. Всѣ мы были подъ вліяніемъ такой полной, такой свѣтлой, такой трогательной радости! Всѣ обни-

---

*) См. выше: мартъ, стр. 138.

мались, плакали, смѣялись, а онъ могъ только повторять: „Серденьки мои! други мои!“—и крѣпко прижималъ насъ къ своему сердцу...

Черезъ нѣсколько дней у насъ былъ обѣдъ въ честь Шевченка, на которомъ присутствовали, кромѣ нашихъ общихъ друзей, еще многіе его земляки-малороссы, между прочими и Марковичъ (Марко Вовчекъ); говорилось много искреннихъ и трогательныхъ рѣчей; говорилъ и отецъ мой; Шевченко былъ такъ растроганъ, что не могъ кончить своей рѣчи отъ слезъ; но это чествованіе не могло изгладить впечатлѣнія той первой встрѣчи, порывистой, радостной, любовной, которая связала насъ крѣпкою, неразрывною дружбой.

Я говорила о Шевченкѣ въ другомъ мѣстѣ („Вѣстникъ Европы“, августъ 1883 г., стр. 837), и потому не буду повторяться; скажу только, что онъ былъ какъ дитя добродушенъ, ласковъ, довѣрчивъ; всякая малость радовала его; всякій могъ обманывать и эксплоатировать его. Несмотря на все зло, на всѣ несправедливости, которыя онъ испыталъ въ своей многострадальной жизни, вѣра его въ людей и добро не поколебалась; ни капли желчи не накопилось въ его груди. Онъ много разъ говорилъ намъ: „Я теперь счастливъ, что всѣмъ и все простилъ! За все, что выстрадалъ, я теперь вознагражденъ“. Еслибъ и не было другихъ причинъ, то его незлобивое сердце, почти безпомощная довѣрчивость, заставили бы всякаго полюбить его.

Какъ вспомню я поэзію, которая пронизывала его всего, даже всѣ его недостатки, его грустную кончину,—я чувствую такую нѣжность, такое безконечное состраданіе, что не писать, а плакать мнѣ хочется...

Великій поэтъ, давшій ребенку имя друга, когда мы съ нимъ ходили по Васильевскому Острову въ поискахъ за красотой и находили ее въ сломанной вѣткѣ, въ отблескѣ зари,—кто изъ насъ былъ моложе душой?

Придемъ мы, бывало, домой, забьемся на желтый диванъ, въ полутемной залѣ, и польются его восторженныя рѣчи! Со слезами въ голосѣ повѣрялъ онъ мнѣ свою тоску по родинѣ, рисовалъ широкій Днѣпръ съ его вѣковыми вербами, съ легкой душегубкой, скользящей по его старымъ волнамъ; рисовалъ лучи заката, золотящіе утонувшій въ зелени Кіевъ, вечерній полумракъ, легкой дымкой заволакивающій очертанія далей; рисовалъ дивныя, несравненныя украинскія ночи: серебро надъ сонной рѣкой, тишина, замиранье... и, вдругъ, трели соловья... еще и еще... и несется дивный концертъ по широкому раздолью...

„Вотъ бы гдѣ пожить намъ съ вами, серденько!..“ Пришлось мнѣ потомъ пожить тамъ и видѣть любимую имъ Украйну, да не было со мной его, дорогого нашего Тараса Григорьевича!

Съ именемъ Шевченка, кромѣ достойнаго его друга Щепкина, съ которымъ мы проводили памятные вечера, возстаетъ въ моей памяти образъ африканскаго трагика Айра Ольдриджа, внесшаго свою долю поэзіи и теплоты въ нашъ дружескій кружокъ. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ зимой 1858-го года. Мы взяли нѣсколько ложъ рядомъ, отправились всей компаніей смотрѣть его въ „Отелло“ и пришли въ такой неописанный восторгъ, что послѣ спектакля всѣ поѣхали въ гостинницу, гдѣ онъ остановился, и дождались его тамъ. Боже мой, что̀ тамъ было! Старовъ цѣловалъ ему руки, „его благородныя черныя руки“! Я, вся дрожащая отъ волненія и конфуза, не успѣвала переводить все, что̀ говорили и восклицали окружающіе; за разъ звучали русскія, французскія, англійскія и нѣмецкія слова. Выходило что-то крайне нелѣпое, но хорошее, и всѣ были растроганы.

Въ наше разсудительное время странно даже писать обо всѣхъ этихъ тогдашнихъ приподнятыхъ чувствахъ и восторгахъ, —но сколько въ нихъ было жизни и теплоты! Сколько сильныхъ впечатлѣній, сколько сладкихъ воспоминаній они оставили!

Ольдриджъ сталъ почти ежедневно бывать у насъ, онъ насъ полюбилъ, и мы не могли не полюбить его. Это былъ искренній, добрый, безпечный, довѣрчивый и любящій ребенокъ, по характеру очень похожій на Шевченка, съ которымъ онъ близко сошелся. Бывало, войдетъ Ольдриджъ своей быстрой, энергической походкой и тотчасъ же спроситъ: „And the artist?“ Такъ называлъ онъ Шевченка, ибо всякая попытка произнести это имя оканчивалась тѣмъ, что онъ, покатываясь со смѣха надъ своими тщетными усиліями, повторялъ: „Oh, thoses russian names!“ [1]) Мы посылали за Тарасомъ Григорьевичемъ,—и „the artist“ являлся. Кромѣ сходства характеровъ, у этихъ двухъ людей было много общаго, что̀ возбуждало въ нихъ глубокое сочувствіе другъ къ другу: одинъ въ молодости былъ крѣпостнымъ, другой принадлежалъ къ презираемой расѣ; и тотъ, и другой, испытали въ жизни много горькаго и обиднаго, оба горячо любили свой обездоленный народъ. Помню, какъ оба они были растроганы одинъ вечеръ, когда я разсказала Ольдриджу исторію Шевченка, а послѣднему переводила съ его словъ жизнь тра-

¹) „О, эти русскія имена!“

гика. Отецъ Ольдриджа былъ сынъ какого-то африканскаго царька, захваченный и привезенный работорговцами въ Америку маленькимъ ребенкомъ, но онъ не попалъ въ рабство, а былъ воспитанъ, не помню—кѣмъ и какимъ образомъ, и сдѣлался пасторомъ или проповѣдникомъ между неграми. Айра Ольдриджъ еще ребенкомъ имѣлъ страсть къ театру. Въ то время, при входѣ въ театръ, висѣла надпись: „Собакамъ и неграмъ входъ воспрещается". Чтобы попадать въ театръ, Ольдриджъ нанялся лакеемъ къ одному актеру. Можно себѣ представить, сколько страданій онъ пережилъ и сколько энергіи долженъ былъ проявить, пока добился, наконецъ, извѣстности, да и то не на своей родинѣ. Даже и въ Англіи предразсудки противъ людей темной расы такъ были сильны, что актеръ Кинъ (сынъ или внукъ знаменитаго, не помню), узнавъ, что Ольдриджъ ангажированъ въ тотъ же театръ, гдѣ онъ,—съ негодованіемъ отказался играть на одной сценѣ съ „презрѣннымъ негромъ". Какъ вознагражденіе за всѣ эти обиды, женитьба Ольдриджа была крайне романическая: въ него влюбилась англійская лэди, влюбилась во время игры и, несмотря на сопротивленіе родителей, вышла за него. Во время пріѣзда его въ Петербургъ, Ольдриджъ былъ уже вдовцомъ, но у него въ Лондонѣ оставался очень любимый имъ сынъ.

Для болѣе длинныхъ рѣчей между Шевченкомъ и Ольдриджемъ требовалось посредство моихъ переводовъ, но въ обыкновенномъ разговорѣ они удивительно хорошо понимали другъ друга: оба были художники, стало быть—наблюдательны, у обоихъ были выразительныя лица, а Ольдриджъ жестами и мимикой просто представлялъ все, что онъ хотѣлъ сказать.

Особенно памятны мнѣ сеансы въ мастерской Шевченка, когда онъ рисовалъ портретъ трагика [1]). Безъ насъ съ сестрой имъ нельзя было обойтись, во-первыхъ, потому, что, какъ ни была выразительна ихъ мимика, все-таки могло понадобиться объяснительное словечко, а во-вторыхъ, и главнымъ образомъ, потому, что отъ насъ трудно было избавиться, еслибъ они того и хотѣли. Мы съ сестрой усаживались съ ногами на турецкій диванъ, Ольдриджъ—на стулъ противъ Шевченка, и сеансъ начинался. Нѣсколько минутъ слышенъ былъ только скрипъ карандаша о бумагу,—но развѣ могъ Ольдриджъ усидѣть на мѣстѣ! Онъ начиналъ шевелиться, мы кричали ему, чтобы онъ сидѣлъ смирно, онъ дѣлалъ гримасы, мы не могли удержаться отъ

---

[1]) Находится въ Третьяковской галереѣ въ Москвѣ.

смѣха. Шевченко сердито прекращалъ работу, Ольдриджъ дѣлалъ испуганное лицо и снова сидѣлъ нѣкоторое время неподвижно. „Можно пѣть?“—спрашивалъ онъ вдругъ.—„А ну его! пусть себѣ поетъ!“ Начиналась трогательная, заунывная негритянская мелодія, постепенно переходила въ болѣе живой тэмпъ и кончалась отчаяннымъ джигомъ, отплясываемымъ Ольдриджемъ посреди мастерской. Вслѣдъ за этимъ онъ представлялъ намъ цѣлыя комическія бытовыя сцены (онъ былъ превосходный комикъ); Тарасъ Григорьевичъ увлекался его веселостью и пѣлъ ему малорусскія пѣсни; завязывались разговоры о типическихъ чертахъ разныхъ народностей, о сходствѣ народныхъ преданій и т. д. Несмотря на то, что это веселое и интересное времяпрепровожденіе, къ нашему съ сестрой удовольствію, очень затягивало сеансы, портретъ былъ-таки оконченъ и вышелъ живымъ и похожимъ.

Неуспѣшны были уроки декламаціи, которые Ольдриджъ вызвался мнѣ давать: намъ все мѣшали; раза три, не больше, удалось серьезно заняться. Онъ читалъ хорошо, обдуманно, съ огнемъ, но все-таки далеко не такъ, какъ игралъ.

Ольдриджъ говорилъ, что его лучшая роль—Макбетъ; въ Петербургѣ ему не позволили играть ее, но въ провинціи онъ ставилъ „Макбета“ и, говорятъ, былъ великолѣпенъ. Изъ трехъ ролей, въ которыхъ мы его видѣли, роль Шейлока нравилась мнѣ менѣе другихъ, хотя и въ ней онъ умѣлъ увлекать зрителя. Въ Лирѣ онъ былъ безусловно хорошъ. Въ сценѣ сумасшествія онъ былъ трогателенъ до слезъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ величественъ, такъ „every inch a king“, что вы чувствовали къ нему именно сожалѣніе, а не жалость. Вѐрхомъ всего была послѣдняя сцена, когда онъ съ широко раскрытыми глазами, съ искаженнымъ лицомъ, вбѣгаетъ на сцену, неся на рукахъ мертвую Корделію. Кажется, онъ собирается ее бросить объ полъ и разнести все кругомъ, но взоръ его падаетъ на ея лицо, и лицо старика смягчается, онъ садится на землю, прижимаетъ къ груди дочь, гладитъ, ласкаетъ ее, весь обращается въ любовь и горе.

Лучшая изъ видѣнныхъ нами ролей Ольдриджа была безспорно роль Отелло. Эта роль была точно создана для него, или онъ созданъ для нея. Не думаю, чтобы когда-нибудь нашелся другой актеръ, который бы такъ интенсивно передалъ образъ этого варвара, этого дитяти природы: впечатлительнаго, довѣрчиваго, честнаго, нѣжнаго и свирѣпаго. Ни тѣни чувственности (какъ у Росси) не было въ его игрѣ: когда онъ вы-

ходилъ изъ совѣта, обнявши Дездемону, или встрѣчался съ нею въ Кипрѣ, онъ прикасался къ ней какъ къ святынѣ, любовь сквозила въ каждомъ его движеніи; нѣга, ласка, счастье были въ глазахъ его, въ голосѣ; что-то такое искреннее, спокойное, довѣрчивое проникало все существо его. И вотъ, въ честную душу этого вѣрящаго и любящаго человѣка злой демонъ началъ по каплѣ вливать ядъ сомнѣнія! Сначала дико и смѣшно, непонятно казалось все это мавру, но мало-по-малу сѣти все болѣе и болѣе опутывали его простую душу: „я черенъ, склоняюсь въ долину лѣтъ..." Не животная ревность только подняла бурю въ страстной душѣ его, нѣтъ—и сознаніе несправедливости, незаслуженной обиды, сожалѣніе о потерянномъ счастьи, разочарованіе въ любимомъ существѣ, тягость страшнаго чувства недовѣрія къ людямъ,—„кому же вѣрить, если и она..."—и жалость къ *ней* прокрадывается въ его душу: „виновата ли она? я черенъ..." Но искуситель боится природной доброты Отелло, боится, что онъ *проститъ*, не даетъ ему думать, все сгущаетъ и сгущаетъ краски клеветы, возбуждаетъ худшіе инстинкты, растравляетъ раны и будитъ, наконецъ, звѣря. Да, теперь это звѣрь, но звѣрь загнанный, измученный, истерзанный травлей: когда онъ бьетъ Дездемону, — жалко *его*. Всѣ струны его существа натянуты до невозможности, такъ продолжаться долѣе не можетъ,—и вотъ наступаетъ кризисъ. Благородство натуры мавра сказывается и здѣсь: не какъ звѣрь входитъ онъ въ спальню Дездемоны, а какъ судья, какъ каратель зла; онъ нашелъ исходъ своимъ мукамъ въ принятомъ рѣшеніи, теперь онъ спокоенъ: она *должна* умереть, но онъ не хочетъ убить ея душу, онъ не хочетъ кровью запятнать ея тѣла, онъ прощается со своей любовью поцѣлуемъ, поцѣлуемъ нѣжнымъ, цѣломудреннымъ и страшнымъ, какъ поцѣлуй, которымъ прощаются съ покойникомъ. Звѣрь снова пробуждается въ немъ только при упоминаніи имени Кассіо,—тогда, въ порывѣ ярости, онъ душитъ, колетъ и, будто убивъ самого себя, съ дикимъ крикомъ падаетъ со ступенекъ... Кажется, послѣ такой сцены все остальное должно быть уже слабо, но у Ольдриджа запасъ художественныхъ силъ еще не истощенъ, онъ еще заставитъ зрителя пострадать съ нимъ, когда ужасная истина откроется передъ его очами, и сценой самоубійства, съ ея спокойной и страшной простотой, онъ произведетъ самое сильное впечатлѣніе.

На первыхъ же порахъ нашего знакомства я спросила Ольдриджа, какъ онъ можетъ такъ страшно падать со ступеней? Что̀ онъ дѣлаетъ, чтобы не ушибиться? Онъ разсмѣялся своимъ

добродушнымъ смѣхомъ: „Чтò дѣлаю? Да я весь въ синякахъ и шишкахъ! Развѣ я въ эту минуту что-нибудь помню? Развѣ я вижу, куда я падаю? Ужъ какъ только Богъ меня спасаетъ!"

Впослѣдствіи одна очень образованная актриса, которая играла съ Ольдриджемъ въ Одессѣ, подтвердила мнѣ, что въ „Макбетѣ" онъ былъ, если возможно, еще выше, чѣмъ въ „Отелло". Она, между прочимъ, разсказывала, что Ольдриджъ былъ необыкновенно милъ и ласковъ съ актерами во время репетицій, до послѣднихъ мелочей постановки онъ все устраивалъ и разъяснялъ самъ; боясь, чтобы незнаніе англійскаго языка, на которомъ онъ игралъ, не спутало русскихъ артистовъ, онъ указывалъ имъ какой-нибудь жестъ, который онъ сдѣлаетъ, когда имъ подходить или начинать, „но намъ этого не нужно было,— говорила Марья Андреевна Ч.,—мы такъ его уважали, такъ высоко ставили, такъ старались, что мы все знали и все у насъ шло гладко. Разъ случилось, что Ольдриджъ забылъ книгу для суфлера, не было уже времени посылать за нею, мы уговорили его не безпокоиться и сыграли безъ суфлера!"

Хотя я и не видѣла Каратыгина, этого представителя классической декламаціи, тѣмъ не менѣе реальность игры Ольдриджа сдѣлала на меня сильное впечатлѣніе; послѣ перваго представленія я писала въ своемъ дневникѣ: „Когда онъ выходитъ на сцену, его простота даже поражаетъ *непріятно*". Постепенно научилась я цѣнить эту простоту и такъ увлеклась игрой Ольдриджа, что сравнивала его съ тѣмъ, чтò я видѣла наиболѣе грандіознаго въ природѣ,—съ Иматрой.

Къ воспоминаніямъ моимъ объ Ольдриджѣ, какъ о великомъ артистѣ, постоянно примѣшиваются разные мелкіе случаи, рисующіе его милымъ и простымъ человѣкомъ, съ которымъ мы такъ весело проводили время, что невольно хочется передать что-нибудь и изъ этихъ пустяковъ. Разъ мы пошли съ нимъ въ Эрмитажъ; такъ какъ у него было мало времени, а музей былъ открытъ по извѣстнымъ днямъ, то это посѣщеніе довольно трудно было устроить. Пріѣзжаемъ мы—и вдругъ насъ не хотятъ впустить, потому что Ольдриджъ не во фракѣ! Подвижная физіономія артиста грустно вытягивается: ему такъ хотѣлось полюбоваться картинами вмѣстѣ съ нами! Внезапно лицо его принимаетъ опять веселое выраженіе и онъ, хитрò подмигивая, подзываетъ насъ съ сестрой въ сторону: „Подколите мнѣ сюртукъ булавками". Сказано—сдѣлано! Ольдриджъ въ импровизированномъ фракѣ гордо проходитъ въ галерею.

Въ своемъ восторгѣ, послѣ спектакля, моя младшая сестра

сказала Ольдриджу, что желала бы быть Дездемоной, чтобы онъ ее задушилъ, и что она сейчасъ бы вышла за него замужъ, несмотря на то, что онъ черный. Ольдриджъ хохоталъ до слезъ, и съ тѣхъ поръ всегда называлъ ее „my little Weibchen", выговаривая по-англійски „w". Онъ часто пѣлъ нѣмецкія пѣсенки, и съ этимъ англійскимъ выговоромъ у него выходило это очень оригинально. Такъ проходило у насъ время въ серьезномъ наслажденіи искусствомъ и незатѣйливыхъ, но дорогихъ своею искренностью шуткахъ, и проходило такъ скоро, что мы и не замѣтили, какъ подоспѣлъ срокъ разставанья.

Въ январѣ 1859-го года Ольдриджъ уѣхалъ.

Послѣ того я видѣлась съ африканскимъ трагикомъ въ 1862-мъ году, въ Лондонѣ, гдѣ мы посѣтили его въ его домѣ, познакомились съ его маленькимъ сыномъ, который хотя и имѣлъ довольно крупныя черты лица отца, но былъ совершенно бѣлый, съ русыми волосами. Въ 1864-мъ году, когда Айра Ольдриджъ пріѣзжалъ на короткое время въ Петербургъ (но не выступалъ на сценѣ), онъ бывалъ у меня почти каждый день. Моему старшему сыну было тогда около года, и, вынося его въ первый разъ къ Ольдриджу, я ужасно боялась, что ребенокъ испугается его вида, и что мой черный другъ, который такъ страстно любилъ дѣтей, невольно огорчится. Вѣроятно и онъ думалъ что-нибудь подобное,—но ребенокъ разсѣялъ наши опасенія,—онъ тотчасъ же потянулся къ Ольдриджу и пошелъ къ нему на руки. Лицо Ольдриджа просіяло, онъ началъ плясать съ малюткой по комнатѣ и весь день не спускалъ его съ рукъ, даже за обѣдомъ.

Въ 1858-мъ году вліяніе Ольдриджа на нашихъ актеровъ было громадное: Мартыновъ, Максимовъ, Сосницкій, Каратыгинъ, Григорьевъ, Бурдинъ, Леонидовъ, всѣ были въ восторгѣ отъ него, устраивали ему оваціи, на которыя онъ сердечно отвѣчалъ, сознавались, что хотятъ учиться у него; дѣйствительно, у многихъ изъ нихъ игра стала проще, живѣе, обдуманнѣе. Одинъ В. В. Самойловъ относился презрительно и свысока къ Ольдриджу, „изъ зависти" — говорили тогда всѣ; однако, несмотря на то, что онъ громко ругалъ африканца, онъ, можетъ быть, больше другихъ позаимствовалъ у него, и въ „Лирѣ" во многихъ мѣстахъ подражалъ ему. Въ нашемъ кружкѣ часто отрицали у Самойлова творческій талантъ и допускали въ немъ только громадную подражательную способность,—но надо замѣтить, что мы были въ то время ужъ черезчуръ строгими; если сравнить Самойлова съ тѣми актерами, которыми часто восхищается наша

публика теперь, то онъ явится колоссомъ. Отъ личности Самойлова отталкивало его страшное самомнѣніе, черта завистливости, которая дѣйствительно иногда проглядывала въ немъ, заставляя его въ очень рѣзкихъ выраженіяхъ острить надъ всѣми и хулить всѣхъ. „Войдя въ комнату, — писала я о немъ, — носъ кверху, такъ и говоритъ онъ своимъ гордымъ, презрительнымъ лицомъ:—Смотрите и поклоняйтесь великому генію!“ Эта черта въ немъ еще болѣе поражала при сравненіи его съ Ольдриджемъ, который былъ очень скроменъ и искренно хвалилъ другихъ артистовъ (и того же Самойлова), отыскивая въ ихъ игрѣ не недостатки ихъ, а достоинства. Нельзя, однако, отнять у Василія Васильевича, что онъ былъ уменъ, болѣе образованъ, чѣмъ прочіе наши актеры, и, въ своихъ хорошихъ моментахъ, очень веселый и остроумный собесѣдникъ.

Максимова мы тоже тогда считали актеромъ второстепеннымъ, но теперь, когда я вспоминаю его игру, я вижу, что мы были несправедливы къ нему. Правда, онъ былъ немного вялъ, голосъ у него былъ непріятный, *Максимовъ* слишкомъ сквозилъ въ его роляхъ, въ Чацкомъ онъ былъ ходуленъ, но въ Хлестаковѣ—превосходенъ; что же касается до Гамлета, то, послѣ того, какъ я видѣла въ этой роли многихъ знаменитостей, и у насъ, и за-границей, я должна сказать, что образъ наиболѣе цѣльный, наиболѣе соотвѣтствующій моему представленію о Шекспировскомъ Гамлетѣ, все-таки, образъ, созданный Максимовымъ. Это, именно, былъ человѣкъ, заѣденный рефлексіей, который сознаетъ себя призваннымъ къ дѣлу и боится этого дѣла, который поставленъ обстоятельствами въ положеніе совершенно несоотвѣтствующее его характеру и наклонностямъ. У Максимова рельефно выходитъ конфликтъ между силой негодованія этого человѣка и его слабостью, между потребностью отомстить и боязнью ошибиться и быть несправедливымъ. У большинства актеровъ въ сценѣ театра является радость, у Максимова же—горе; ясно видно, какъ желалъ онъ ошибиться, какъ весь ужасъ для него—именно въ томъ, что онъ теперь роковымъ образомъ *долженъ* произвести расправу, долженъ въ то же время отречься отъ всякаго личнаго счастья. Сцена съ Офеліей, проводимая другими особенно эффектно (напр. у Фехнера) и такъ всѣми различно понимаемая, у Максимова была проста и трогательна; въ словахъ: „иди въ монастырь!“—звучали тоска и любовь...

На Мартынова Ольдриджъ имѣлъ наиболѣе благое вліяніе: нашъ величайшій комикъ почувствовалъ тогда свое настоящее призваніе и, неожиданно, засверкалъ въ драмѣ звѣздой первой ве-

личины. Вотъ у кого былъ истинно творческій геній, вотъ кто могъ глубоко потрясать души людей! Какъ мы жалѣли потомъ, что Ольдриджъ не видѣлъ его въ драматическихъ роляхъ!

Въ то время въ Петербургѣ былъ расцвѣтъ сценическаго искусства, но я не пишу его исторію, и изъ всѣхъ громкихъ именъ, наполнявшихъ французскій театръ, итальянскую оперу, доставлявшихъ намъ столько высокаго наслажденія, я упомяну, только о Бозіо. Были послѣ нея чародѣйки-соловьи, какъ Патти, но такой силы таланта, такого драматизма въ голосѣ послѣ нея я ни у кого не слышала; она была не только восхитительная пѣвица, но и драматическая актриса: послѣднюю сцену въ „Травіатѣ" она вела такъ, что, несмотря на пѣніе, казалось, присутствуешь при настоящей смерти. Намъ передавали, что Бозіо часто говорила, что она умретъ на сценѣ во время представленія „Травіаты". Въ дѣйствительности случилось почти-что такъ: она, уже больная, пѣла „Травіату" и умерла черезъ нѣсколько дней. Хоронили ее торжественно; несмѣтныя толпы шли за ея останками и стояли шпалерами по улицамъ; въ католической церкви соединеннымъ хоромъ обѣихъ оперъ былъ исполненъ „Реквіемъ" Моцарта.

По поводу смерти Бозіо, я нахожу въ своемъ дневникѣ въ первый разъ высказываемые и еще смутно шевелившіеся въ душѣ вопросы. Мы съ мамà и сестрой пошли поклониться умершей пѣвицѣ, и вотъ чтò я, возвратившись, писала:

1-го апрѣля 1859-го года. ...„Эта женщина, которую я такъ недавно видѣла въ полномъ цвѣтѣ здоровья, въ душѣ которой еще такъ недавно бушевали силы и желанья, которая еще такъ недавно услаждала меня дивными звуками, теперь лежитъ безчувственнымъ кускомъ дерева и можетъ издать только одинъ звукъ, когда опустятъ ея гробъ въ холодную землю, или когда, черезъ нѣсколько лѣтъ, можетъ быть, копая могилу, выбросятъ изъ нея старыя кости. Боже мой! Чтò же это за жизнь, когда человѣкъ со всѣми своими желаніями, страстями, надеждами, стремленіями превратится лишь въ кушанье червямъ!.. По истинѣ, какъ говоритъ Каину Люциферъ: „Know, mortal, nature's nothingess [1])". Одно утѣшеніе, что душа безсмертна. Но она будетъ существовать въ неизвѣстномъ намъ мірѣ (гдѣ уже, навѣрно, не будетъ тѣхъ желаній и стремленій, которыя и составляютъ жизнь), а для земли она навсегда умретъ".

---

[1]) Изъ поэмы Байрона „Каинъ": „Познай ничтожество природы смертнаго!".

XII.

Human nature is kind and generous, but it is narrow and blind.

Ruskin.

Whatever their force of genius may be, there is no easy method of becoming a good painter.

Reynolds.

Мои воспоминанія о Шевченкѣ и Ольдриджѣ увлекли меня, а между тѣмъ въ 1858-мъ году совершилось одно событіе, которое до сихъ поръ возбуждаетъ во мнѣ очень тяжелыя чувства и думы: весною Ивановъ привезъ въ Петербургъ свою картину.

Отъ отца и матери я много слышала горячихъ похвалъ этой картинѣ, которую они видѣли въ 1847-мъ году въ Римѣ. Вообще, всѣми ожидалось что-то небывалое, что̀ должно было разомъ преобразить искусство. Одни разсказы о томъ, что картина писалась двадцать лѣтъ, доводили эти ожиданія до чего-то фантастическаго, но, надо признаться, крайне неопредѣленнаго. И вотъ, наступила торжественная минута, когда эта долго ожидаемая картина предстала предстала передъ нами [1]). Тяжелая это оказалась минута!..

Помню я ясно лицо Иванова, больное, озабоченное, взволнованное, съ пытливыми глазами, обращенными къ отцу моему, и сконфуженную мину отца, избѣгавшаго этого взора...

Они отошли и долго говорили вдвоемъ; я этого разговора не слышала, но вскорѣ послѣ того Ивановъ ушелъ, и бывшая тутъ избранная публика осталась одна передъ картиной. Тогда поднялись всеобщіе возгласы осужденія и разочарованія; отецъ или отмалчивался, или обращалъ вниманіе зрителей на красоту или выразительность отдѣльныхъ фигуръ, а дома съ тоской говорилъ, что Ивановъ испортилъ свою картину, что она была гораздо лучше, когда онъ видѣлъ ее въ Римѣ, что онъ бо̀льшаго ожидалъ отъ нея.

Можетъ быть, картина Иванова и была прежде еще лучше, а можетъ быть она казалась лучше, потому что была неокончена, — неоконченная вещь всегда даетъ большое поле воображенію; вѣрнѣе всего, что, постоянно переписывая ее, Ивановъ уничтожилъ бывшую прежде свѣжесть и гармоничность красокъ, и это такъ непріятно поразило отца въ первую минуту.

---

[1]) Мы отправились смотрѣть ее во дворецъ въ первый же день, когда ее тамъ установили.

На меня, какъ и на прочихъ, картина сдѣлала непріятное впечатлѣніе какого-то ковра, но потомъ, при воспоминаніи о ней дома, когда общій непріятный колоритъ исчезъ изъ глазъ, а фигура Іоанна, дрожащій мальчикъ, лицо раба, спина старика, и проч., все сильнѣе и сильнѣе выступали въ моемъ воображеніи, вся картина какъ-то постепенно внѣдрялась въ меня и разбирала меня. Когда ее постоянно при мнѣ бранили знакомые, я сначала соглашалась съ ихъ замѣчаніями, а потомъ, съ какой-то злостью противъ нихъ, твердила: „А все-таки она хороша!“

Съ кѣмъ я ни говорила изъ художниковъ впослѣдствіи, на всѣхъ картина произвела почти одинаковое впечатлѣніе: всѣмъ сразу не понравилась, а потомъ привела въ восторгъ. Одинъ художникъ разсказывалъ мнѣ, что также, разочаровавшись въ картинѣ, онъ въ ту же ночь видѣлъ ее во снѣ. Утромъ, встрѣтившись съ товарищемъ, они въ одинъ голосъ закричали: „Какіе мы дураки!“—и бросились вновь къ картинѣ. „Она много разъ снилась мнѣ“,—прибавлялъ онъ.

Неблагопріятно было только первое впечатлѣніе, но какъ оно было ужасно для Иванова и какъ несправедливо!

Почему мы не поняли и не оцѣнили сразу „Явленіе Христа народу“? Чего же мы не нашли въ немъ? Что̀ такое мы ожидали, чего художникъ не выполнилъ? Развѣ это была не самая лучшая картина, не только въ Россіи, но, можетъ быть, и во всемъ современномъ искусствѣ? Развѣ можно ближе и лучше выразить свою мысль, чѣмъ это сдѣлалъ Ивановъ? Что̀ въ исполненіи не соотвѣтствуетъ этой мысли?

Во всей картинѣ царитъ одинъ моментъ, одно движеніе, и нѣтъ ни одной мелочи, которая бы не способствовала, не выясняла его. Рабство, страданье и невѣдѣніе вѣковъ выражены въ отдѣльныхъ фигурахъ и лицахъ толпы, и на нихъ же отражается все грядущее, со всѣмъ его новымъ, непонятнымъ, но безумно радостнымъ. На лицѣ этого старика, что не имѣетъ силъ подняться, написано счастливое: „дождался“! Лицо забитаго раба ясно говоритъ: „и на нашей улицѣ будетъ праздникъ“! А этотъ дрожащій недалекій человѣкъ,—какая неосмысленная, но великая радость наполняетъ его! Радуются старики, а юноши, не испытавшіе еще столько страданья и не такъ еще нуждающіеся въ утѣшеніи, смотрятъ серьезно и болѣе пытливо, какъ будто силясь понять новое для нихъ явленіе.

Есть въ толпѣ и отрицающіе, и злые, но и они только усиливаютъ впечатлѣніе, какъ бы подчеркиваютъ важность совер-

шающагося событія. Всѣ эти выраженія и движенія фигуръ стройно, безъ всякаго отвлеченія, ведутъ вашъ глазъ и мысль къ тому, кто одинъ въ толпѣ вполнѣ понимаетъ и объясняетъ событіе,—къ фигурѣ Іоанна, къ той мощной, титанической фигурѣ, при взглядѣ на которую у васъ захватываетъ дыханіе. Вотъ онъ, страстный, грозный каратель, „гласъ, вопіющій въ пустынѣ", въ пустынѣ природы, въ пустынѣ дикихъ сердецъ людскихъ! И теперь онъ весь трепещетъ, и теперь страстнымъ воплемъ вырываются изъ его суровой, настрадавшейся души слова „доброй вѣсти".

Этотъ пророкъ, „глаголомъ жегшій сердца", заставлявшій народъ дрожать и каяться, говоритъ ему: „Вотъ идетъ Тотъ, Кому я недостоинъ развязать ремни обуви Его..." Сильнымъ движеніемъ, весь подавшись впередъ, каждымъ фибромъ своей души, каждымъ мускуломъ своего тѣла, указываетъ онъ на Грядущаго... Нашъ глазъ и мысль съ тревогой слѣдуютъ за движеніемъ. Кто же тотъ, кто сильнѣй этого? Кто будетъ крестить не „водой, а огнемъ и духомъ"? Это—агнецъ, пришедшій взять на себя грѣхи міра". Негодованіе, караніе зла смѣняются любовью. Но не слабая это любовь, не мягкость одна: тотъ, кто такъ любитъ, кто беретъ на себя грѣхи міра, долженъ быть еще болѣе мощный и сильный, чѣмъ его предтеча. Но развѣ можно создать еще болѣе могучій образъ? Да, можно; взгляните на Христа!

Онъ еще впереди, Онъ еще далекъ, Онъ еще только является, но вглядитесь въ это чудное, никогда еще такъ не изображенное лицо! На немъ выражается сила бо̀льшая, чѣмъ сила вдохновенья, негодованія, страданія или радости,—сила воли, убѣжденія. Какое достоинство, спокойствіе и простота въ его позѣ! Онъ точно несетъ что-то торжественное и драгоцѣнное, а вмѣстѣ съ тѣмъ идетъ, какъ простой человѣкъ, свободно и спокойно. Страшная рѣшимость въ его энергичныхъ сжатыхъ губахъ: измożденное и твердое лицо несетъ отпечатокъ побѣжденныхъ искушеній; его глаза, — благіе и строгіе вмѣстѣ, въ нихъ что-то всеобъемлющее, сверхземное, проницательное и подернутое думой. Онъ *знаетъ*, зачѣмъ Онъ идетъ, и всякій, кто только взглянетъ на Него, пойметъ, что Онъ *совершитъ* то великое и страшное, на что̀ идетъ. Онъ—истинное сосредоточіе картины, самое сильное въ ней, то, къ чему все въ ней, не исключая и Іоанна, васъ готовило.

Еслибы привести человѣка, никогда ничего не слыхавшаго объ Евангеліи и Христѣ, то онъ точно такъ же понялъ бы кар-

тину: никакого названія ей не нужно, она сама ясно излагаетъ свой сюжетъ.

Кромѣ этого общечеловѣческаго, доступнаго пониманію всякаго, въ Христѣ Иванова есть и еще что-то чисто-русское, близкое именно русской душѣ, и внѣшній обликъ Христа—гораздо болѣе православный, чѣмъ католическій или какой-нибудь иной.

Помимо всего выше сказаннаго, картина имѣетъ достоинство, въ которомъ, можетъ быть, заключается ея величайшее значеніе для Россіи: въ этой картинѣ Ивановъ рѣзко и смѣло перешелъ границы традиціоннаго классицизма, перешагнулъ, не обращая на него вниманія, черезъ романтизмъ и прямо ступилъ на реальную почву. Послѣ картины Иванова стало уже *невозможно* писать въ духѣ Бруни или даже Брюллова. Отъ Иванова идутъ Рѣпины и Васнецовы.

Какъ этотъ застѣнчивый, малообразованный, одинокій и окруженный классицизмомъ человѣкъ дошелъ до своего столь широкаго взгляда на искусство?

Еще бывши ученикомъ академіи, Ивановъ горько сознавалъ всѣ недостатки преподаванія въ ней, и тогда уже умъ его возставалъ противъ царившей въ ней рутины, съ которой большинство учениковъ мирилось. Въ полномъ сознаніи своего невѣжества, но съ горячимъ желаніемъ учиться, поѣхалъ онъ за границу. Къ его несчастью, онъ и тамъ никого не встрѣтилъ, кто бы могъ поддержать или направить его; напротивъ, все складывалось, чтобы удержать его на почвѣ рутины.

Инстинктивно рвется онъ къ реализму, но все окружающее препятствуетъ ему. Скромный и застѣнчивый, не довѣряя себѣ, Ивановъ сначала подчиняется совѣтамъ противоположнымъ, живущимъ въ немъ, еще не вполнѣ ясно сознаннымъ, стремленіямъ,—подчиняется, но не совсѣмъ: были вещи въ его эскизахъ и первой картинѣ, которыхъ онъ не измѣнялъ даже по совѣтамъ тѣхъ людей, кого онъ наиболѣе уважалъ, какъ—отца своего, и кому наиболѣе поклонялся, какъ—Овербеку и Торвальдсену; онъ не поддался даже прелести quatrocentist'овъ, изучалъ ихъ, но не подражалъ имъ. Казалось, будто его наивная и склонная къ мистицизму натура легко поддавалась постороннему вліянію, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, что-то внутри его упиралось и отклоняло это вліяніе.

Такъ было и съ Гоголемъ: Ивановъ преклонялся передъ нимъ, считалъ его совершенствомъ, называлъ учителемъ, но и тутъ съумѣлъ сохранить свою внутреннюю самостоятельность и удержаться на реальной почвѣ; напротивъ, въ то время какъ

Гоголь окончательно потонулъ въ мистицизмѣ, умственный взоръ Иванова открывался все шире, и цѣлый духовный міръ, отдѣльный отъ всего окружающаго, въ высшей степени своеобразный, создавался въ тиши замкнутой жизни художника. Создавался онъ и росъ постепенно, какъ постепенно создавались и росли творенія Иванова. Трудно найти другого современнаго художника, который бы такъ боролся съ окружающимъ и такъ много черпалъ изъ своего собственнаго духа, какъ Ивановъ.

Много ложныхъ мнѣній существовало объ Ивановѣ еще при его жизни; напримѣръ: сочиненіе всевозможныхъ проектовъ и манія преслѣдованія часто давали поводъ считать Иванова полусумасшедшимъ, а то, что онъ запирался отъ людей и временами не пускалъ никого въ свою мастерскую,—называть гордостью и проявленіемъ болѣзненнаго самолюбія.

Проекты Ал. Андр. вовсе не безсмысленны,—они были неосуществимы по формѣ, особенно въ то время, но всѣ они проникнуты идеей наибольшаго развитія и образованія между художниками. Хорошо было бы, еслибъ и теперь осуществился составленный имъ планъ народнаго музея.

Манія преслѣдованія, выразившаяся въ страхѣ быть отравленнымъ, конечно, явленіе ненормальное, но можетъ быть легко объяснена слишкомъ замкнутой, одинокой римской жизнью Иванова и постояннымъ болѣзненнымъ состояніемъ его желудка; эта манія вполнѣ уничтожилась, когда онъ, наконецъ, рѣшился путешествовать и возобновить болѣе широкое общеніе съ людьми. Такія странности бываютъ, иногда, плодомъ одинокаго развитія: когда человѣкъ сидитъ одинъ и до всего доходитъ самъ (а сколько разъ бѣдный Ивановъ открывалъ Америку!), то мышленіе его можетъ въ иныхъ случаяхъ отклониться отъ нормальнаго мышленія образованнаго человѣка, развитіе котораго, обыкновенно, идетъ болѣе ровно. Доказательствомъ ясности и здравости ума Иванова служитъ уже одно то, что въ годà, когда люди начинаютъ отставать, онъ все шелъ впередъ, и умственный горизонтъ его все расширялся.

Обвиненіе Иванова въ гордости и „адскомъ самолюбіи", всегда горячо оспариваемое моими родителями, теперь, при чтеніи его писемъ и біографіи, падаетъ само собою. Онъ былъ скроменъ, неувѣренъ въ своихъ силахъ, часто недоволенъ собой, онъ былъ непоколебимо увѣренъ въ одномъ: въ истинности тѣхъ убѣжденій, которыя, помимо всего, жили въ его душѣ. Когда Ал. Андр. послалъ въ Петербургъ свою картину „Христосъ въ вертоградѣ", которою онъ самъ былъ недоволенъ, онъ совер-

шенно не ожидалъ ея успѣха, былъ пораженъ имъ и, какъ дитя, обрадованъ, но подкладкой его радости была надежда, что успѣхъ этотъ дастъ ему возможность работать надъ его „Явленіемъ Христа".

Какъ ни былъ Ивановъ далекъ отъ политической и соціальной жизни, какъ ни былъ онъ иногда мрачно и болѣзненно настроенъ, всегда жила въ немъ любовь къ людямъ. Глубоко трогательны его заботы объ отцѣ и братѣ; его упреки отцу за долгое отсутствіе извѣстій дышатъ совершенно дѣтскою и горячею любовью; самъ вѣчно мучимый нуждой, онъ никогда не перестаетъ хлопотать о нуждахъ товарищей-художниковъ, называя ихъ „своими родными братьями", и въ будущемъ строитъ широкіе планы, чтобы помочь имъ: свобода, независимость артистовъ у него всегда на первомъ планѣ. Великая любовь къ Россіи и ея художественной славѣ не мѣшаетъ Иванову быть справедливымъ къ европейскимъ талантамъ и желать блага всякому искусству; по его мнѣнію, Россія призвана внести новый свѣтъ въ Европу. Когда, послѣ своего долголѣтняго добровольнаго одиночества, онъ вышелъ на свѣтъ Божій и сталъ являться въ обществѣ,—какъ по-дѣтски удивляется нашъ художникъ самымъ простымъ вещамъ, какъ наивно выражаетъ свои восторги! Какъ самая малость утѣшаетъ его, и какъ рѣдки были для него эти утѣшенія!

Много говорятъ о переворотѣ, который произошелъ въ убѣжденіяхъ Иванова въ 1848-мъ году, и жалѣютъ, что слишкомъ мало сохранилось данныхъ, чтобы судить о немъ. Мнѣ же кажется, что этотъ переворотъ не имѣетъ въ жизни нашего художника той важности, которую ему придаютъ; это былъ только фазисъ въ его все по той же дорогѣ шедшемъ развитіи. Что, въ самомъ дѣлѣ, случилось съ Ивановымъ въ 1848-мъ году? Съ нимъ случилось довольно поздно то, что бываетъ со многими людьми въ болѣе молодые годы: онъ прочелъ нѣсколько книжекъ, между прочимъ Штрауса, и, по собственнымъ его словамъ, онъ „потерялъ вѣру". Между тѣмъ, въ 1858-мъ году онъ такъ выражался: „Я мучусь о томъ, что не могу формулировать искусствомъ, не могу воплотить мое новое воззрѣніе, а до стараго касаться я считаю преступнымъ. Писать безъ вѣры религіозныя картины—это безнравственно, это грѣшно!"—„...Что же я буду въ своихъ глазахъ, взойдя безъ вѣры въ храмъ и работая тамъ съ сомнѣніемъ въ душѣ!"—Конечно, такъ говорившій не потерялъ вѣры, а только преобразилъ ее, идя все тѣмъ же путемъ самоусовершенствованія.

Надо сознаться, что тернистый былъ его путь, что исключительно трудная и безрадостная жизнь выпала ему на долю. Посреди всѣхъ его испытаній мнѣ кажется самымъ трагическимъ—неосуществленіе его поѣздки въ Святую Землю. Грустно подумать, какъ это путешествіе легко теперь, и какъ недоступно оно казалось для Иванова, которому было такъ нужно! Еслибъ онъ могъ всѣ тѣ этюды пейзажей, купающихся людей, еврейскихъ типовъ, изученію которыхъ онъ посвятилъ столько времени и силъ, писать въ Палестинѣ,—во сколько разъ выиграла бы во внѣшней правдѣ его картина и во сколько разъ онъ былъ бы болѣе удовлетворенъ самъ. Какъ страстно, до послѣдняго издыханія, стремился онъ туда!.. Но „Рафаель не ѣздилъ въ Палестину",—говорилъ отецъ Иванова; и „Общество поощренія художествъ" нашло, что это—совершенно лишняя фантазія! Невольно приходитъ на мысль сравненіе съ Микель-Анджело и его гробницей Юлія: оба бились, оба производили великое, и обоимъ не дали достигнуть их главнаго желанія.

Трагична также въ жизни Ал. Андр. вѣчная, не дающая успокоиться, борьба съ нуждой. Только художникъ можетъ понять весь ужасъ положенія, когда человѣкъ долженъ надолго бросать излюбленный трудъ, бросать, можетъ быть, въ моментъ вдохновенія, наибольшаго поднятія силъ, бросать потому, что *не было денегъ на натурщика!..*

И этому человѣку ставятъ въ вину, что онъ двадцать лѣтъ писалъ одну картину! „Я бы могъ очень скоро работать,—говоритъ Ивановъ,—еслибъ имѣлъ единственною цѣлью деньги". Еслибъ онъ написалъ во всю свою жизнь одну только картину „Явленіе Христа", то и этого было бы достаточно:—не много жизней, которыя въ результатѣ даютъ такой плодъ; но въ эти двадцать лѣтъ наименьшее время отдавалъ авторъ своему излюбленному произведенію. Сколько разъ онъ на цѣлые годы долженъ былъ прекращать работу изъ-за недостатка средствъ, изъ-за болѣзней, сколько написалъ за это время этюдовъ, которыхъ однихъ достаточно, чтобы прославить его имя; сколько сдѣлалъ рисунковъ, полныхъ смѣлаго замысла, новыхъ и чудныхъ мыслей, живого исполненія, свидѣтельствующихъ о геніи Иванова, можетъ быть, еще громче, чѣмъ его картина!

Подъ словомъ „геній" мы обыкновенно понимаемъ способность человѣка творить легко, быстро, какъ бы подъ внезапнымъ наитіемъ; но и геніи бываютъ различные, и эта разница зависитъ отъ темперамента и отъ окружающихъ обстоятельствъ. Если Микель-Анджело написалъ свой плафонъ въ четыре года,

то развѣ Леонардо не такъ же долго, какъ Ивановъ, искалъ типъ своего Христа? И что же, какъ не геній, даетъ человѣку возможность мыслью опередить свой вѣкъ и съ энергіей прокладывать новый путь?

Во время послѣдняго путешествія и короткаго пребыванія въ Россіи, всѣ сокровища духовныя, которыя накопились въ душѣ Иванова въ продолженіе его одинокой работы надъ самимъ собой, какъ будто всплыли наружу, и въ немъ началась новая созидательная работа. „Картина моя,—говорилъ Ал. Андр. въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни,—не есть послѣдняя станція... Я за нее стоялъ крѣпко въ свое время и выдержалъ всѣ бури... Нужно теперь учинить другую станцію нашего искусства—его могущество приспособить къ требованіямъ времени и настоящаго положенія Россіи“. — „Живопись нашего времени должна проникнуться идеями новой цивилизаціи, быть истолковательницей ихъ. Соединить Рафаелевскую технику съ идеями новой цивилизаціи—вотъ задача искусства въ наше время“. — „Раньше той поры, когда опредѣлится во мнѣ идея современнаго искусства, я не начну производить новыя картины; до той поры я долженъ работать не надъ изображеніемъ своихъ идей на полотнѣ, а надъ собственнымъ своимъ образованіемъ“.—„Если мнѣ даже не удастся пробить или намѣтить высокій и новый путь,—стремленіе къ нему все-таки показало бы, что онъ существуетъ впереди!“

Ивановъ не только намѣтилъ новый путь,—онъ распахнулъ передъ русскимъ искусствомъ ворота къ свободѣ; онъ, какъ Предтеча на его картинѣ, широкимъ взмахомъ своей творческой руки указалъ на нѣчто еще далекое, но ему видимое и твердо грядущее.

И такого художника, и такую картину мы не поняли, хотя, казалось бы, и мысли этого человѣка, и картина его какъ нельзя болѣе соотвѣтствовали тѣмъ стремленіямъ, которыя таились въ насъ самихъ. Почему же мы не поняли ихъ значеніе? Почему „разочаровались“.

Сказать ли, поборовъ краску стыда, которая выступаетъ при этомъ воспоминаніи?—Потому что мы не нашли въ ликѣ Спасителя „божественности“, т.-е. слащавой мягкости, къ которой мы привыкли. Потому что „колоритъ картины былъ непріятенъ“. Потому что, какъ выразился одинъ критикъ, она „не была обворожительна для глазъ“! Потому что мы не смѣли еще сбросить съ себя кору покрывавшей насъ рутины. Овацію слѣдовало устроить Иванову, такую овацію, какой не видала еще Россія, а

мы, недоразвитые, критиковали и, съ мелочной боязнью сойти съ протореннаго пути, старались подавить восторгъ, помимо нашей воли накипавшій въ душѣ!

Какъ страшно виноватыми почувствовали мы себя послѣ внезапной смерти Иванова! Никто не поминалъ о томъ, что онъ умеръ отъ холеры,—мы говорили, что его убилъ холодный пріемъ, недостатокъ участія и оцѣнки, что онъ умеръ отъ огорченія. И мы были правы въ этомъ; не унесла бы его такъ скоро холера, еслибы онъ не былъ истощенъ физически [1]) и истерзанъ нравственно, еслибы сочувствіемъ братьевъ-людей были подняты въ немъ энергія и жизнерадостная сила.

XIII.

...Украшенные проворно
Толстого кистью чудотворной.

Пушкинъ.

К. продолжалъ изрѣдка бывать у насъ, но ничего близкаго или дружескаго не было между нами, мнѣ было тяжело съ нимъ. Зачѣмъ онъ приходилъ? Чтобы бередить свои раны, или, просто, видѣть меня?..

Если смотрѣть трезво, моя мать была права, что разстроила мой начинавшійся романъ съ К.; онъ не имѣлъ средствъ, не былъ созданъ, чтобы пріобрѣсти ихъ, я же была очень избалована и ровно ничего не понимала въ практической жизни.

Можетъ быть, и способъ, который мама выбрала для этого, былъ единственно возможный, чтобы, при моемъ впечатлительномъ и привязчивомъ характерѣ, прервать эту любовь, но надо сказать, что это былъ способъ очень жестокій, не только для К., но и для меня. Эта исторія не прошла безслѣдно въ моей нравственной жизни: я стала хуже; я стала болѣе предаваться внѣшней жизни, стала раздражительнѣе, съ моей любовью исчезла моя свѣтлая, дѣтская радость жизни, и я перестала считать себя самой счастливой въ мірѣ. Какая-то горечь проникла мнѣ въ душу; несмотря на всѣ удовольствія, въ сердцѣ чувствовалась пустота, которую безсознательно хотѣлось наполнить.

Какъ я упоминала, мои отношенія съ матерью въ дѣтствѣ были холоднѣе, чѣмъ съ прочими членами семьи; теперь это постепенно измѣнилось: мама приближала меня къ себѣ, подолгу

---

[1]) Его безплодныя поѣздки, заботы, отнимавшія аппетитъ, и др.

бесѣдовала со мной, и наши пути какъ бы слились,—мама уже не имѣла отдѣльной отъ меня жизни, мы были всегда вмѣстѣ. Въ ней было столько жизненности и живости, что намъ бывало безъ нея скучно. Мнѣ казалось, что я прежде не понимала ее, я радовалась перемѣнѣ нашихъ отношеній, и моя любовь къ ней принимала размѣры какого-то боготворенія. Однако и это сильное чувство не поглощало меня всю. Появились у меня и ухаживатели, но они не интересовали меня, — во мнѣ жило недовольство и собой, и другими, начиналось какое-то броженіе... А тутъ подоспѣло для меня новое горе—разставаніе съ академіей. Отецъ былъ произведенъ изъ вице-президента академіи художествъ въ товарищи президента. Это была почетная отставка, но все-таки отставка. Отцу было тяжело перенести это, тяжело оставить любимую дѣятельность, оставить академію, съ которой неразрывно связана была его жизнь, даже квартиру, гдѣ онъ прожилъ, окруженный любимыми предметами, почти полъ-столѣтія. Хотя онъ молчалъ и даже шутилъ, называя великую княгиню Марію Николаевну „своей подругой", но друзья наши хорошо понимали состояніе его души и рѣшили показать ему свое участіе въ трудную для него минуту, устройствомъ празднованія юбилея его пятидесятилѣтней дѣятельности въ академіи.

Это не было оффиціальное празднованіе,—это было именно собраніе друзей, поэтовъ, ученыхъ, художниковъ, гдѣ каждое изъявленіе восторга, каждое слово было искренно. Самую длинную рѣчь, обзоръ всей жизни отца, прочиталъ молодой литераторъ А. Г. Ѳихменевъ. Приведу мѣста изъ нея, которыя вызвали наиболѣе шумные апплодисменты: „Графъ любилъ искусство не для почестей, не для препровожденія времени, не для денегъ; онъ любилъ искусство для него самого". „Прочитывая и вникая въ смыслъ классиковъ, онъ старался создать въ своемъ воображеніи отчетливую, полную и вѣрную картину древняго быта, онъ переносился въ тотъ міръ, который въ силахъ былъ произвести типы чистой идеальной красоты, не какъ плодъ личной фантазіи художника, а какъ результатъ народныхъ вѣрованій. Законченность и историческая истина этихъ высокихъ идеаловъ прельщали пытливую душу графа"... „Отецъ медальернаго искусства въ Россіи, жаркій поклонникъ чистой красоты, графъ не могъ слѣдовать рутинному направленію эклектиковъ и псевдо-классиковъ, не могъ терпѣть отсутствія самостоятельной мысли въ искусствѣ, и съ терпимостью высокаго таланта не могъ не оказывать непосредственнаго вліянія на міръ нашихъ художниковъ... Онъ пріобрѣлъ

это вліяніе, сдѣлался неизмѣннымъ живымъ фокусомъ развитія русской школы, которая началась на его глазахъ, имъ поддержана, при немъ достигла настоящаго своего положенія, когда имена Брюлловыхъ, Ивановыхъ и другихъ сдѣлались дорогими для народа, для всего общества. Много борьбы, неудачъ, недосказанныхъ фразъ, интригъ и одностороннихъ уклоненій записано въ лѣтопись развитія русскаго искусства; долго было подвержено сомнѣнію существованіе русской школы. Пятьдесятъ лѣтъ графъ являлся постояннымъ, энергичнымъ, всегда сильнымъ защитникомъ правъ отечественнаго искусства. Пятьдесятъ лѣтъ покровительствовалъ онъ художникамъ, безъ меценатства, не побарски, а какъ товарищъ и старшій братъ". „Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ онъ совершалъ трудный подвигъ внутренней борьбы во имя искусства, подвигъ искупленія общественныхъ предразсудковъ, подвигъ мысли. Теперь онъ видитъ великій плодъ своего подвига, созрѣвшій неуловимо для историка: плодъ этотъ въ успѣхахъ нашего русскаго искусства, въ немъ награда и вѣнецъ истиннаго художника:

Такъ геній радостно трепещетъ,
Свое величье познаетъ,
Когда предъ нимъ гремитъ и блещетъ
Иного генія полетъ"...

„Неизмѣнный поклонникъ древне-эллинской красоты, онъ не понималъ ее односторонне, онъ поощрялъ всякое живое воспроизведеніе природы и удачное изображеніе обиходной жизни (genre), и *натуру* въ пейзажѣ; онъ понималъ и объяснялъ молодому художнику, какъ удовлетворять эстетическимъ требованіямъ вѣрнымъ и точнымъ изображеніемъ дѣйствительности"... „Взглянувъ на трудолюбіе графа, который не утомляется ни лѣтами, ни обстоятельствами жизни, на это вѣчное присутствіе мысли въ головѣ, украшенной сѣдинами, — становится стыдно праздности. Молчаливая картина, представляющаяся взору молодого человѣка, когда графъ сидитъ день до поздней ночи за кропотливой работой, за книгой, за тетрадью,—убѣждаетъ краснорѣчивѣе всякихъ ораторскихъ диспутовъ. А взгляните на эту оживленность въ чертахъ лица его, когда онъ заговоритъ объ изящномъ, на эти глаза, полные художественной мысли, когда они остановятся на произведеніи искусства, посмотрите на его жизнь, съ самоотверженіемъ отданную искусству,—и вы скажете, что вамъ мало уважать его, вамъ нуженъ онъ самъ, вамъ нужно его присутствіе непосредственно".

Упомянувъ, что молодежь идетъ къ нему безъ страха передъ его авторитетомъ и уходитъ съ сильнѣе бьющимися сердцемъ и поднятою бодростью, Тихменевъ закончилъ словами извѣстнаго стихотворенія:

Все духъ въ немъ питало: труды мудрецовъ,
Искусствъ вдохновенныхъ созданья,
Преданья, завѣты минувшихъ вѣковъ,
Цвѣтущихъ временъ упованья.
Мечтою по волѣ проникнуть онъ могъ
И въ нищую хату, и въ царскій чертогъ.
Съ природой одною онъ жизнью дышалъ,
Ручья разумѣлъ лепетанье,
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
И чувствовалъ травъ прозябанье,
Была ему звѣздная книга ясна,
И съ нимъ говорила морская волна.

Профессоръ Благовѣщенскій сказалъ прекрасную рѣчь объ отцѣ, не какъ о художникѣ, а какъ о человѣкѣ. Эта рѣчь не была приготовлена, и потому была живѣе и горячѣе предыдущей; къ сожалѣнію она не была написана, и я ее не такъ хорошо помню. Старикъ Одоевскій говорилъ о рисункахъ „Душеньки", помянулъ извѣстное четверостишіе:

Нашъ Богдановичъ милую поэму написалъ,
Но Пушкина стихи ее убили:
Къ ней графъ Толстой рисунки начерталъ,
И „Душеньку" рисунки воскресили!

—и кончилъ за „энергію въ трудахъ графа". Всѣ воодушевлялись болѣе и болѣе.

Сѣверцевъ прочелъ свое стихотвореніе:

„Тому полсотни лѣтъ—въ надутый барства вѣкъ
Потѣхою двора изящное считалось,
Лишь меценатомъ быть могъ знатный человѣкъ,
Искусствомъ—графство унижалось.

Тогда искусству вы служили,
Трудились крѣпко, какъ плебей,
И спѣсь враждебную сломили
Античной прелестью своей!

И вотъ теперь пора иная,
Искусство въ славѣ, барства нѣтъ:
Предтечѣ мы, семья младая,
Приносимъ искренній привѣтъ!"

На моего бѣднаго скромнаго растроганнаго отца насильно надѣли лавровый вѣнокъ,—и не смѣшонъ, а прекрасенъ былъ этотъ вѣнокъ на вьющихся бѣлоснѣжныхъ кудряхъ.

Этотъ день былъ для меня послѣдней вспышкой моего беззавѣтнаго лучезарнаго дѣтскаго счастья; это былъ одинъ изъ самыхъ торжественныхъ дней моей жизни. Мое чувство любви къ отцу было удовлетворено превыше мѣры восторгами, порывами, горячими рѣчами и искренними слезами другихъ людей. Это любовное чествованіе являлось мнѣ оцѣнкою, апоѳеозомъ дорогого мнѣ человѣка и художника, и самъ онъ казался мнѣ окруженнымъ ореоломъ... Сердце мое рвалось отъ счастья, восторга и гордости...

Но чудный мигъ прошелъ, а изъ академіи все-таки приходилось выбираться! Я не хотѣла вѣрить, что я могу жить внѣ академіи, „гдѣ-нибудь въ улицѣ, гдѣ изъ оконъ не будетъ видно неба, рѣки и заката". „Это несправедливо, что меня вытѣсняютъ изъ моей родины!" [1]) Я цѣловала стѣны, рисовала печь, находившуюся противъ моей постели, глядя на пестрые изразцы которой, я сочиняла столько сказокъ и романовъ, отрывала на память куски обоевъ, однимъ словомъ—безумствовала.

Такъ какъ мамà рѣшила ѣхать черезъ годъ за границу, то тётѣ Надѣ теперь же была нанята отдѣльная квартира, куда она и перебралась со своей вѣрной Аннушкой. Бѣдной старушкѣ, прожившей у брата всю жизнь, привыкшей къ семьѣ, къ дѣтямъ, должно быть, было не легко. Трудно было и бѣдной тетѣ Катѣ, которой пришлось разбираться въ вещахъ, пятьдесятъ лѣтъ не тронутыхъ съ мѣста. Непріятности перевозки на новую квартиру, нанятую въ 3-й линіи въ домѣ Вольфа, мы съ мамà, какъ всегда, всецѣло свалили на ея плечи, а сами спаслись въ Финляндію.

У насъ было много гостей въ это лѣто, между прочими Н. Д. Старовъ, который заражалъ всѣхъ своимъ шумнымъ энтузіазмомъ, и А. И. Мещерскій. А. И. былъ въ высшей степени мягкій, добрый человѣкъ, и я его очень любила, но ни съ кѣмъ на свѣтѣ я такъ не ссорилась, какъ съ нимъ: мы спорили цѣлыми днями, спорили чуть не до слезъ; только во время уроковъ рисованія, которые онъ давалъ мнѣ, я превращалась въ смиренную ученицу и вполнѣ признавала его авторитетъ.

---

[1]) Слова изъ моего тогдашняго дневника.

XIV.

...I will go over now,
Like one who paints with knitted brow
The flowers and all the things one by one
From the snail on the wall to the setting sun.

William Morris.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ неожиданно пріѣхалъ въ нашу Марковку Николай Алексѣевичъ Сѣверцевъ. Онъ былъ близко знакомъ съ нами еще до своей поѣздки въ Среднюю Азію и своего плѣна у кокандцевъ. Онъ любилъ бесѣдовать съ моей матерью, а насъ, дѣтей, иногда занималъ разсказами старыхъ легендъ и сценъ изъ жизни звѣрей; послѣдніе показываютъ его наблюдательность и характерное отношеніе къ животнымъ; не могу не привести хоть одного изъ нихъ. „Рисуя съ натуры въ звѣринцѣ, — разсказывалъ Н. А.,—я особенно подружился съ одной тигрицей; она постоянно играла со мной: возьметъ въ ротъ мою руку и перебираетъ зубами между пальцами,—это ихъ любимая забава. Ну, а когда зрителей много, тутъ она начинаетъ сама представленіе давать: ляжетъ на спину, схватитъ мою руку и, какъ котенокъ, пинаетъ ее четырьмя лапами; вскочитъ, зарычитъ, бросится на меня, схватитъ руку, кусаетъ, пуститъ и опять, будто съ ожесточеніемъ, схватитъ, и все не больно“.—„Какъ же вамъ не было страшно?“ — „Я по глазамъ вижу, съ кѣмъ изъ нихъ и когда можно играть. Пока они кусаютъ, это ничего; а вотъ какъ когти покажутъ, это ужъ нехорошо. Вотъ было съ однимъ молодымъ тигромъ: ему дали мясо, я сталъ отнимать, онъ тянетъ къ себѣ, а я не пускаю; это ему надоѣло, онъ положилъ лапу на мою руку, выпустилъ когти, укололъ меня и опять спряталъ,—дескать, „мое терпѣнье къ концу приходитъ, берегись, брось!“ Ну, я и воспользовался совѣтомъ“.

Когда Н. А. возвратился въ Петербургъ, исторія его плѣна была на устахъ у всѣхъ, онъ сталъ героемъ дня, всѣ желали воспользоваться его знакомствомъ; онъ бывалъ запросто у великой княгини Елены Павловны и въ очень многихъ домахъ, но не измѣнялъ намъ, напротивъ, бо́льшую часть свободнаго времени проводилъ у насъ. Иногда мы ходили къ нему въ академію наукъ смотрѣть его коллекціи и рисунки птицъ, поразительно хорошо исполненные имъ акварелью.

Незнакомыхъ съ нимъ близко людей Сѣверцевъ поражалъ

странностью своихъ манеръ и наружностью, которую многіе называли страшной. Н. А. дѣйствительно не былъ красивъ, а раны, полученныя при взятіи его въ плѣнъ, еще болѣе обезобразили его лицо глубокими рубцами. Голову держалъ онъ всегда внизъ и смотрѣлъ черезъ очки; ходилъ, приподнявъ плечи и какъ-то бочкомъ; говорилъ громко, отрѣзывая слова и вставляя въ рѣчь азіатскія словечки, вродѣ „джокъ", „джаманъ" или, присущія ему одному выраженія: „отнюдь", „линія такая", „похоже какъ уксусъ на колесо..." Во время рѣчи, онъ искривлялъ пальцы рукъ точно въ какой-то судорогѣ и держалъ ихъ въ такомъ положеніи, пока не кончитъ говорить. Войдетъ, бывало, въ гостиную и, издали завидѣвъ книжку журнала, ни съ кѣмъ не здороваясь, съ возгласомъ: „А! у васъ уже есть!"—садится читать, какъ будто онъ одинъ въ комнатѣ [1]). Особенно смущалась публика способомъ бесѣды Сѣверцева. Дѣло въ томъ, что Н. А. часто въ разговорѣ долго обдумывалъ заинтересовавшіе его взгляды собесѣдниковъ и, по поводу ихъ, прослѣживалъ свою собственную мысль: замолчитъ, задумается, щиплетъ свою бороду и вдругъ, послѣ долгаго времени, вытянетъ руку со скрюченными пальцами и выпалитъ своимъ зычнымъ голосомъ: „Джокъ!" или: „а это вѣдь вѣрно!"—когда разговоръ уже успѣлъ перейти на десять новыхъ тэмъ. Происходило это у него не отъ медлительности мышленія, а потому что чужое слово тутъ же зарождало въ немъ цѣлые потоки возраженій, выводовъ, которые онъ долженъ былъ развить и сгруппировать самъ въ себѣ, прежде чѣмъ сообщить слушателямъ. Вообще, онъ какъ бы въѣдался въ какую-нибудь мысль и иногда продолжалъ развивать ее еще и на другой, и на третій день.

Мнѣ Сѣверцевъ никогда не казался „безобразнымъ" или „страшнымъ",—напротивъ, я любила его выразительное лицо, освѣщенное проницательными и умными темными глазами, а его такъ называемое „оригинальничанье", его обособленность отъ другихъ людей, привлекало меня къ нему.

Мнѣ приходилось впослѣдствіи слышать, что эти „чудачества" Сѣверцева были дѣланы, были позой. Я не думаю. Можетъ быть, въ молодости онъ когда-нибудь и хотѣлъ замаскировать свою природную застѣнчивость и неловкость нѣкоторымъ оригинальничаніемъ, — это иногда бываетъ, — но въ то время, когда я знала его, онъ рѣшительно не позировалъ, оригиналь-

[1]) Читалъ Сѣверцевъ все, даже дѣтскія книжки; онъ говорилъ, что во всякой книгѣ можно найти себѣ что-нибудь полезное.

ность вошла въ его плоть и кровь, она не измѣнялась ни въ какіе моменты его жизни, даже и тогда, когда причиняла ему неудобства или страданія; а что это случалось не разъ,—мнѣ доподлинно извѣстно.

Своей разсѣянностью Сѣверцевъ давалъ поводъ къ безчисленнымъ анекдотамъ, распространителемъ которыхъ являлся главнымъ образомъ Щербина. „На дняхъ,—разсказывалъ онъ,—у нашего общаго знакомаго вдругъ въ три часа ночи звонъ. Онъ вскакиваетъ съ постели, бѣжитъ въ переднюю, думаетъ—пожаръ,—а это Сѣверцевъ! „А я,—говоритъ,—къ вамъ посидѣть пришелъ“.—„Нѣтъ ужъ, Николай Алексѣевичъ, не угодно ли полежать“! А вы слышали, какъ онъ въ Москвѣ въ чужое окно влѣзъ? Нѣтъ? Помилуйте, истинное происшествіе. Когда онъ жилъ въ Москвѣ, онъ имѣлъ обыкновеніе поздно возвращаться домой и, чтобы никого не безпокоить, влѣзалъ въ свою комнату въ окно, черезъ низенькую крышу на дворъ. Вотъ онъ поѣхалъ въ Азію, былъ въ плѣну, успѣлъ тамъ нѣсколько разъ жениться, растерять своихъ женъ и вернулся, наконецъ, въ Москву. И вотъ разъ, поздно ночью, отправляется по старой памяти на свою прежнюю квартиру, лѣзетъ по знакомому пути черезъ крышу въ открытое окно и преспокойно собирается лечь въ постель, какъ вдругъ съ нея раздается: „караулъ!“—Вѣдь чуть не до смерти испугалъ новаго жильца!.. А то, зашелъ въ церковь къ иконостасу сигару закурить, ей Богу! Видитъ огонь...“ Неистощимъ былъ Щербина въ подобныхъ разсказахъ, а Сѣверцевъ смѣялся отъ души и самъ еще прибавлялъ. Впрочемъ, онъ не оставался въ долгу и сочинялъ на „Эллина изъ Таганрога“ много эпиграммъ. Часто они по вечерамъ сражались эпиграммами другъ съ другомъ. Сѣверцевъ очень свободно владѣлъ стихотворной формой.

Нѣкоторыя черты не совсѣмъ нравились мнѣ въ Сѣверцевѣ, но онѣ стушевывались передъ крупными его достоинствами. Въ немъ было много благородства, чуткости, истинной доброты; его душа всегда понимала чужую душу, въ тяжелую минуту онъ всегда умѣлъ найти то слово, которое одно и могло принести утѣшеніе. Онъ умѣлъ дѣлить не только чужое горе, но и чужое счастье, а это—очень рѣдкое явленіе: пожалѣть ближняго въ горѣ могутъ многіе, но безкорыстно и искренно дѣлить чужую радость умѣютъ только очень хорошіе люди. И ребенкомъ, и взрослой, я никогда не боялась высказывать Н. А. всѣ свои мысли и чувства,—я знала, что онъ все пойметъ и не осудитъ напрасно.

Н. А. ничего не надо было растолковывать,—онъ понималъ съ полуслова и даже разъяснялъ вамъ самимъ вашу мысль, придавая ей такую рельефную форму, какую вы бы сами не съумѣли ей придать. Когда онъ собирался со своими размышленіями, онъ говорилъ увлекательно. Наполнявшія его голову мысли развивались по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, все богаче и богаче, вбирали въ себя все новые элементы, раскидывались массой подробностей, неожиданностей, путали разнообразіемъ, подавляли эрудиціей и, наконецъ, сливались въ выводы общіе и ясные. Образованіе, память, знаніе языковъ были послушными слугами большому и острому уму Сѣверцева, уму равно способному какъ на кропотливую работу, такъ и на широкое обобщеніе. Память у Н. А. была феноменальная: онъ могъ сказать не только гдѣ, но часто на какой страницѣ Богъ знаетъ какъ давно прочитанной книги онъ видѣлъ такое-то изреченіе или такую-то фразу.

Въ эту весну 1859-го года Сѣверцевъ собирался ѣхать въ путешествіе, и мы думали, что онъ находится уже гдѣ-нибудь въ Азіи, когда онъ вдругъ явился къ намъ въ Финляндію. Мы обрадовались, но удивились. „Линія такая вышла", — отвѣчалъ онъ и, взглянувъ на меня, прибавилъ: „вотъ я и пріѣхалъ къ птичкѣ, которая лучше всѣхъ птицъ и Средней Азіи, и музея академіи наукъ". Вечеромъ онъ читалъ намъ описаніе своего плѣна, дополняя статью живыми разсказами.

Сѣверцевъ былъ посланъ академіей наукъ для зоологическихъ изслѣдованій на берега Сыръ-Дарьи. Пораженіе коканцевъ, въ 1853-мъ г., такъ напугало ихъ, что, присоединившись къ отряду, посланному для рубки лѣса, Сѣверцевъ могъ надѣяться спокойно поохотиться. Сначала это удавалось; онъ, однако, гдѣ-то схватилъ лихорадку, и 26 апрѣля (1858-го года) особенно плохо себя чувствовалъ, но, подумавъ, что онъ пріѣхалъ работать, а не лежать, преоборолъ свой недугъ и въ сопутствіи своего препаратора, трехъ казаковъ и двухъ вожаковъ киргизъ отправился на охоту. Только-что онъ собирался убить интересовавшую его дикую козу, какъ вожаки сообщили, что замѣтили вооруженныхъ коканцевъ. Это было совершенно неожиданно. Сѣверцевъ предлагалъ засѣсть въ кусты и отстрѣливаться, но потерявшіе голову казаки находили лучшимъ бѣжать; Сѣверцевъ зналъ, что они не покинутъ его, но боясь взять на себя, однако, отвѣтственность за ихъ жизнь, скрѣпя сердце согласился. Казаки, давши залпъ въ сторону выскочившей изъ засады кучи коканцевъ, ускакали, а Сѣверцевъ, задержанный своимъ ране-

нымъ препараторомъ, котораго онъ спряталъ въ кустахъ, былъ застигнутъ врагами. Его сняли съ лошади на воткнутыхъ въ грудь пикахъ; одинъ изъ коканцевъ нанесъ ему ударъ шашкой по переносицѣ, вторымъ ударомъ раскололъ скуловую кость и, поваливъ, началъ рубить голову: въ нѣсколькихъ мѣстахъ разрубилъ шею и даже раскололъ черепъ, но тутъ товарищи удержали его, подняли раненаго, причемъ онъ успѣлъ схватить свою шляпу, посадили на лошадь, привязали къ стременамъ и помчали.

Взявшая въ плѣнъ Сѣверцева шайка имѣла своимъ предводителемъ молодого храбреца, красавца и щеголя джигита Дащана. Несмотря на свою изящную наружность, онъ былъ силачъ и легко разгибалъ подковы. У своихъ онъ слылъ „батыремъ“ [1]), а у русскихъ—„разбойникомъ“. Такіе предводители со своими отрядами поступали на службу къ враждующимъ между собою родамъ и проводили жизнь въ набѣгахъ и сраженіяхъ; Дащанъ былъ настоящимъ кондотьеромъ. Два раза онъ былъ пойманъ русскими, осужденъ на каторгу и два раза бѣжалъ съ дороги. Обманувъ ложнымъ слѣдомъ высланную изъ русскаго отряда погоню, онъ присоединился къ шайкѣ, схватившей Сѣверцева, и отвезъ его къ укрѣпленному мѣстечку Яны-Курганъ. Дащанъ говорилъ по-русски, ласково обращался съ плѣнникомъ, но, вмѣстѣ съ яны-курганскимъ комендантомъ, старался выспросить у него все имъ нужное. Сѣверцевъ все время соображалъ, что̀ отвѣчать, и помнилъ свои прежнія показанія. Коканцы обѣщали доставить письмо Сѣверцева въ фортъ Перовскій и освободить его за извѣстный выкупъ. Вмѣсто того, они препроводили, всего израненнаго, съ распухшими ногами отъ привязи къ стременамъ, естествоиспытателя, на какой-то полуразломанной русской телѣгѣ, въ Туркестанъ. Все это взяло нѣсколько дней времени, а раны страдальца не были даже ни разу промыты. Въ тюрьмѣ въ Туркестанѣ Сѣверцевъ испыталъ тяжкія физическія и нравственныя муки. Письмо его, какъ онъ понялъ, не было доставлено; для русскихъ онъ былъ безъ вѣсти пропавшій, о свободѣ нечего было и думать! Коканцы предлагали ему принять магометанство, что̀ значило лишиться уже всякаго покровительства русскихъ и навсегда остаться въ Туркестанѣ; за отказъ грозили посадить на колъ. Казнь эта пугала страдальца, такъ какъ онъ зналъ, что подверженные такой казни долго, иногда нѣсколько дней, мучаются, и онъ старался оттягиватъ

[1]) Богатырь, витязь.

подъ разными предлогами положительный отвѣтъ, надѣясь, что умретъ раньше казни отъ ранъ, которыя онъ не позволялъ лечить. „Мое положеніе,—пишетъ Сѣверцевъ,—казалось мнѣ такимъ безвыходнымъ, что я обрадовался, когда многія раны, какъ будто присохшія, открылись и стали портиться: на вискѣ, на затылкѣ, на ногахъ струпья сошли и явилось злокачественное нагноеніе и разложеніе тканей, особенно съ дурнымъ запахомъ на вискѣ. Тамъ открылась костоѣда въ расколотой скуловой кости; это мнѣ показалось гангреной, и я съ радостью сталъ ожидать смерти отъ ранъ, вслѣдствіе мнимой гангрены, и не хотѣлъ леченіемъ терять хоть этотъ способъ освобожденія". Далѣе онъ пишетъ: „Одно мнѣ было утѣшеніе—молиться, что̀ я и дѣлалъ; тутъ я на опытѣ узналъ благотворное значеніе религіи (чѣмъ мнѣ плѣнъ былъ полезенъ); она поддержала мою надавшую бодрость; безъ нея, пожалуй, вслѣдствіе инстинктивной привязанности къ жизни, хоть бы скверной, я, сдѣлавшись притворнымъ мусульманиномъ, съ напрасной надеждой убѣжать изъ плѣна, чему примѣры въ Азіи рѣдки, и теперь бы велъ въ Коканѣ такую несносную жизнь, что и подумать о ней противно, или бы сошелъ съ ума"... Послѣ усердной молитвы, я вдругъ призналъ неминуемымъ свое освобожденіе, и не смертью, а возвращеніемъ въ фортъ Перовскій... Въ тотъ же день я получилъ извѣстіе, что изъ Яны-Кургана, какъ я и предполагалъ, гонца не послали, чтобы извѣстить обо мнѣ, что туркестанскій датка [1]) о выкупѣ и слышать не хочетъ, что на освобожденіе надѣяться нѣчего,—не вѣрилъ я извѣстію и оставался при своемъ, ни на чемъ не основанномъ убѣжденіи, что буду свободенъ, и скоро. А въ это время генералъ Данзасъ уже приступалъ къ своимъ рѣшительнымъ и успѣшнымъ мѣрамъ, прекратившимъ мой плѣнъ! Какъ тутъ не подумать то, что̀ мнѣ тогда же, не зная о дѣйствіяхъ Данзаса, представилось: что этотъ крутой поворотъ мысли, эта безпричинная, противорѣчащая всѣмъ извѣстнымъ мнѣ даннымъ, сумасбродная въ ту минуту, увѣренность въ близкой свободѣ—это былъ отвѣтъ свыше на мою молитву! И сто лѣтъ проживу, а не забуду того свѣтлаго, глубокаго, отраднаго чувства, которое въ ту минуту замѣнило мучившую меня тоску. И въ слѣдующіе дни, хоть увѣренность въ близкой свободѣ порой и колебалась, но прежней безнадежности уже не было". Въ тотъ же день Сѣверцевъ позволилъ лечить свои раны; это леченіе, чисто коканское, было, однако, успѣшно. „Успокоив-

[1]) Вродѣ губернатора или намѣстника.

шись, какъ уже сказано, насчетъ своего освобожденія,—продолжаетъ Сѣверцевъ въ своей статьѣ,—я сталъ припоминать и обдумывать свои научныя наблюденія, но чаще припоминать прошлую жизнь. И тутъ плѣнъ былъ мнѣ очень полезенъ. Вырванный изъ обычной обстановки, я смотрѣлъ на себя, какъ на посторонняго, съ полнымъ безпристрастіемъ. Исчезли самообольщенія, явственнѣе говорила совѣсть; многое, казавшееся мнѣ прежде невиннымъ, теперь осуждалось въ воспоминаніи, осуждалось такъ, что и раны, и плѣнъ казались мнѣ должнымъ возмездіемъ за проступки, не подлежащіе суду юридическому, не осуждаемые общественнымъ мнѣніемъ, но осуждаемые безпристрастною совѣстью".

Послѣ твердаго отказа отъ магометанства, Сѣверцева не посадили на колъ, а оставили въ покоѣ. Дни тянулись однообразно; чтобы не терять имъ счетъ, онъ отмѣчалъ ихъ ногтемъ на стѣнѣ. Наконецъ его „credo quia absurdum" оправдалось: къ даткѣ пришло письмо, требовавшее освобожденія Сѣверцева. Оказалось, что яны-курганскій комендантъ, подъ вліяніемъ угрожающихъ словъ Сѣверцева, послалъ въ фортъ Перовскій не письмо послѣдняго, а свое собственное, гдѣ старался выгородить себя изъ участія въ его плѣнѣ. Данзасъ задержалъ посланнаго, въ два-три дня снарядилъ трехсотенный отрядъ съ пушками и двинулъ къ коканской границѣ, и тогда только отпустилъ гонца съ письмомъ къ туркестанскому даткѣ, вмѣстѣ съ извѣстіемъ о видѣнной коканцемъ и преувеличенной съ испугу поддержкѣ этого письма. Датка отправилъ Данзасу отвѣтъ съ разными условіями, но генералъ не принялъ ни посланныхъ, ни письма, а передалъ черезъ Осмоловскаго, что онъ писалъ о безусловномъ, немедленномъ освобожденіи плѣнника; а если это не будетъ тотчасъ исполнено, то Сѣверцева русскіе сами добудутъ изъ Туркестана. Походъ на Туркестанъ былъ бы со стороны Данзаса превышеніемъ власти, и его движеніе было только демонстраціей, но такъ вѣрно разсчитанной, что испуганные коканцы, задаривая Сѣверцева разноцвѣтными халатами, сами торопили его къ отъѣзду. Ужасно тяжело было больному долгое и неудобное путешествіе, но радость возвращенія въ фортъ Перовскій заставила его чувствовать себя чуть ли не здоровымъ. Плѣнъ его продолжался 31 день.

Съ ужасомъ слушали мы подробное описаніе того, что знали изъ отрывочныхъ разсказовъ. „Какъ вы не истекли кровью?"—спрашивали мы.—„Раны пылью забило,—отвѣчалъ Сѣверцевъ,—а ухо у меня на кусочкѣ висѣло; я успѣлъ его приподнять, да

подъ шапку засунуть; оно у меня и приросло, только по срединѣ окошко осталось".

То, что̀ Сѣверцевъ писалъ и разсказывалъ о возникшихъ въ плѣну религіозныхъ убѣжденіяхъ и молитвѣ, сильно подѣйствовало на меня. „Такой умный и ученый человѣкъ не можетъ же ошибаться",—наивно думала я, и мнѣ становилось легко на душѣ.

Наша дача лежала на берегу Финскаго залива около Выборга. Масса разбросанныхъ островковъ, имѣніе барона Николаи, съ живописной усыпальницей на отвѣсной гранитной скалѣ, городъ Выборгъ съ его мостомъ и стариннымъ за̀мкомъ въ развалинахъ, весь этотъ чудесный видъ разстилался передъ нашимъ балкономъ. Съ другой стороны дома былъ чудный, дикій лѣсъ со скалами, соснами, мхами, лѣсными озерами,—такіе разнообразные лѣса бываютъ только въ Финляндіи! Птицъ, бѣлокъ было тамъ видимо-невидимо; глухари, рябчики такъ и вылетали изъ-подъ ногъ! Въ этотъ-то, глубоко уходившій въ глубь страны, лѣсъ, мы съ сестрой стремились и увлекали съ собой Н. А. При его помощи мы спускались со скалъ по крутизнамъ, перепрыгивали щели, переходили по кочкамъ болота и возвращались разрумяненныя, въ высшей степени довольныя своими подобіями опасныхъ путешествій и своимъ руководителемъ. Я пріобрѣла дурную привычку дразнить окружавшую меня молодежь, не кокетничать, конечно,—объ этомъ я не имѣла понятія,—а, просто, заставлять исполнять свои маленькіе капризы.

„О! Екатерина великомучительница!"—восклицалъ тогда Н. А., улыбаясь и качая головой.

Я нахожу, что наши друзья слишкомъ баловали меня,—это развивало во мнѣ самомнѣніе; впослѣдствіи жизнь уничтожила его во мнѣ, но не безъ ломки, и я перешла въ другую крайность, въ полное недовѣріе къ своимъ силамъ,—что̀, пожалуй, еще вреднѣе.

Трудно мнѣ и теперь, послѣ столькихъ лѣтъ, отнестись объективно къ тому, какая я была въ ранней молодости, и рѣшить, почему меня любили: лицомъ я была некрасива,—похожа на отца, но en laid,—развита неравномѣрно, характера неустановившагося, въ рѣчахъ рѣзка̀, но мои взгляды и мысли были искренни, наивны, восторженны, и, можетъ быть, эта нетронутая жизнью чистота и молодой задоръ могли нравиться...

Въ концѣ лѣта Мещерскій рѣшилъ, что мнѣ можно начать писать масляными красками. Это наполнило меня радостью и трепетомъ ожиданія; а когда папа̀, находившійся въ Петербургѣ, прислалъ мнѣ элегантный ящикъ съ красками, я обезу-

мѣла отъ восторга: я была счастлива, что этотъ подарокъ получила именно отъ него, моего великаго художника! „Завтра мы начнемъ“,—сказалъ Арсеній Ивановичъ. Онъ приготовилъ заранѣе холстъ и этюдъ, съ котораго я должна была копировать. Весь день я ни о чемъ другомъ не думала. Куда ушли гости, капризы, шалости!.. Одно то, что̀ должно было начаться завтра, было для меня важно и серьезно. На другое утро мнѣ сдѣлалось радостно и страшно... Задолго до назначеннаго часа, я забралась въ импровизированную мастерскую (кабинетъ отца) и, полна своей прежней беззавѣтной вѣры, стала на колѣни и горячо молила Бога благословить мой первый шагъ.

Когда я взяла кисти въ руки, сердце мое сильно билось, на душѣ было торжественно... Я точно въ туманѣ, издали слышала слова учителя, но помню ихъ до сихъ поръ. Я работала напряженно и, когда ушелъ Мещерскій, продолжала одна, пока не кончила этюда [1]).

Въ тотъ же вечеръ или на другой день, не помню, былъ одинъ изъ дивныхъ закатовъ, часто бывающихъ на Финскомъ заливѣ, и я, въ восторгѣ, вся заплаканная, упала на землю и молила Бога, чтобы Онъ далъ мнѣ въ жизни *одно* счастье: когда-нибудь, *разъ* только написать такой закатъ...

Ек. Юнге.

---

[1]) Этотъ маленькій этюдъ сохраняется у меня до сихъ поръ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 апрѣля 1905.

Главный вопросъ дня. — Составъ и задача совѣщанія, образованнаго на основаніи Высочайшаго рескрипта 18-го февраля.—Различные взгляды на способъ организаціи перваго представительнаго собранія: проекты барона П. Л. Корфа, г. Н. З. и В. Д. Кузьмина-Караваева. — Переходный порядокъ или сразу всеобщая, равная и прямая подача голосовъ? — Будущая судьба фабричной инспекціи. — Законопроекты по рабочему вопросу.

На первомъ планѣ среди всего того, что озабочиваетъ и въ значительной мѣрѣ удручаетъ русское общество, стоитъ, уже болѣе мѣсяца, вопросъ о порядкѣ исполненія Высочайшаго рескрипта 18-го февраля. Горизонтъ съ каждымъ днемъ становится все темнѣе и темнѣе. Вторая половина февраля принесла съ собою не только разгромъ нашей арміи при Мукденѣ, но и аграрное движеніе, разгорѣвшееся одновременно и въ центрѣ, и на сѣверо-западной окраинѣ государства. Не выходитъ почти ни одного газетнаго листа безъ сообщеній объ убійствѣ или покушеніи на убійство должностныхъ лицъ. Возникаютъ и быстро распространяются тревожные слухи, слишкомъ часто находящіе подтвержденіе въ отдѣльныхъ фактахъ. Прекращеніе, до осени, занятій въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ рѣшено безповоротно. Выходъ изъ невыносимаго положенія представляется только одинъ: рѣшительное вступленіе на новую дорогу. Въ ту минуту, когда мы пишемъ эти строки, оно все еще не состоялось. Первымъ шагомъ въ желанномъ направленіи былъ бы призывъ въ составъ совѣщанія *выборныхъ* представителей земства и городовъ. Объ этомъ ходатайствуетъ московское губернское земское собраніе, объ этомъ ходатайствуютъ обѣ столичныя городскія думы. 11-го марта министромъ внутреннихъ дѣлъ принята была депутація московской городской думы. Вручая министру постановленіе думы, депутація выразила пожеланіе, чтобы работы совѣщанія велись гласно. Министръ заявилъ, что онъ не считаетъ возможнымъ обойтись безъ представителей такихъ учрежденій,

какъ городскія и земскія общественныя управленія: представители ихъ будутъ приглашены въ совѣщаніе, но какимъ образомъ и въ какомъ числѣ—это еще не рѣшено. Въ настоящее время, по словамъ министра, происходятъ—и продлятся еще не менѣе двухъ мѣсяцевъ—подготовительныя работы, участіе въ которыхъ принимаютъ не только высшія должностныя лица, но и ученые. Принципіально министръ на сторонѣ гласности, но пока затрудняется опредѣлить тотъ путь, по которому свѣдѣнія о ходѣ занятій совѣщанія будутъ проникать въ общество допущеніемъ *ли* представителей печати, или же въ видѣ извлеченій изъ журналовъ засѣданій, какъ это дѣлается въ настоящее время комитетомъ министровъ; открыть же совѣщаніе для публики невозможно, такъ какъ животрепещущій вопросъ, подлежащій обсужденію совѣщанія, привлечетъ такую массу публики, для которой не хватитъ мѣста. Въ самомъ непродолжительномъ времени въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" будетъ напечатанъ подробный планъ работъ... Пріемъ депутаціи отъ московскаго губернскаго земскаго собранія, прибывшей въ Петербургъ одновременно съ депутаціей московской городской думы, не состоялся по случайнымъ причинамъ; она ограничилась сообщеніемъ министру доклада коммиссіи, выбранной земскимъ собраніемъ, и постановленія собранія. „Совѣщанію"—сказано въ докладѣ коммиссіи—„предстоитъ чрезвычайно важная задача, при разрѣшеніи которой правительствомъ участіе общественныхъ силъ представляется безусловно необходимымъ. Представители общества, привлеченные въ составъ совѣщанія, должны обладать знаніями и опытностью, гарантирующими компетентность ихъ въ вопросѣ, подлежащемъ обсужденію совѣщанія, и въ то же время они должны пользоваться авторитетомъ и довѣріемъ со стороны общества. Важно также, чтобы въ совѣщаніе были приглашены лица, принадлежащія къ различнымъ общественнымъ группамъ, и чтобы въ совѣщаніи приняли участіе представители различныхъ направленій политической мысли общества. Привлеченіе въ составъ совѣщанія общественныхъ силъ, удовлетворяющихъ указаннымъ условіямъ, возможно лишь при участіи въ выборѣ ихъ существующихъ всесословныхъ общественныхъ учрежденій".

Что̀ можетъ быть, повидимому, безспорнѣе и неопровержимѣе только-что приведенныхъ соображеній московской земской коммиссіи? Они встрѣтили, однако, возраженія какъ въ средѣ губернскаго земскаго собранія, такъ и въ печати. Четырнадцать гласныхъ, находя, что земскія собранія и городскія думы не представляютъ населенія Россіи во всей его полнотѣ и что земскіе и городскіе гласные не получили отъ своихъ довѣрителей полномочія на участіе въ дѣлѣ государственной важности, высказались противъ привлеченія въ совѣща-

ніе выборныхъ представителей земства. Совѣщаніе, по ихъ мнѣнію, должно состоять главнымъ образомъ изъ лицъ, приглашенныхъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, къ какому бы общественному положенію, состоянію и образу мыслей они ни принадлежали, лишь бы они равномѣрно и правильно представляли собою всѣ сословія Россіи... А эти лица развѣ будутъ имѣть отъ кого-нибудь полномочія? Развѣ можно быть увѣреннымъ въ томъ, что они будутъ представлять собою *всѣ* мнѣнія, распространенныя въ населеніи? Развѣ прежде бывшіе примѣры административныхъ „приглашеній" позволяютъ возлагать большія надежды на этотъ способъ образованія совѣщанія? — Въ печати противъ рѣшенія большинства московскихъ земцевъ выступило, между прочимъ, „Новое Время" (№ 10425, статья: „Земская рутина"), смѣшавъ при этомъ совѣщаніе, учреждаемое въ силу Высочайшаго рескрипта 18-го февраля, съ совѣщаніемъ, которому, на основаніи указа 12-го декабря, будетъ ввѣренъ пересмотръ положеній земскаго и городового. Въ „Руси" (№ 66) появился отчетъ о бесѣдѣ одного изъ ея сотрудниковъ съ членомъ государственнаго совѣта С. Ѳ. Платоновымъ, который находитъ приглашеніе въ совѣщаніе выборныхъ представителей непослѣдовательнымъ и ненужнымъ: непослѣдовательнымъ, потому что созданіе законосовѣщательной инстанціи—конечная цѣль совѣщанія, а не первый фазисъ его работы; ненужнымъ, потому что если составленное совѣщаніемъ о созывѣ представительнаго собранія окажется неудачнымъ, то оно можетъ быть исправлено самимъ собраніемъ. Соображенія эти весьма мало убѣдительны. Способъ созыва будущаго собранія—вопросъ настолько важный, что къ разрѣшенію его непремѣнно должны быть привлечены наличныя общественныя силы. Вѣдь если составъ собранія, вслѣдствіе недостатковъ избирательнаго порядка, окажется неудовлетворительнымъ, то гдѣ же ручательство въ томъ, что оно съумѣетъ и захочетъ исправить этотъ порядокъ, создать болѣе совершенную избирательную систему? Особое совѣщаніе, по словамъ С. Ѳ. Платонова—учрежденіе чисто бюрократическое; бюрократическій отпечатокъ оно сохранитъ и при участіи любого числа представителей. Мы думаемъ, наоборотъ, что именно благодаря выборнымъ представителямъ бюрократическій характеръ совѣщанія можетъ, въ той или другой степени, стушеваться или измѣниться.

Призывъ выборныхъ представителей въ совѣщаніе, образуемое на основаніи Высочайшаго рескрипта 18-го февраля, встрѣчаетъ возраженія и съ другой, прямо противоположной точки зрѣнія. По мнѣнію „Права" (№ 10), ходатайство существующихъ общественныхъ организацій о допущеніи ихъ, въ лицѣ ихъ представителей, въ совѣщаніе А. Г. Булыгина „грѣшитъ стремленіемъ предоставить однѣмъ

группамъ населенія говорить и рѣшать отъ имени и за счетъ другихъ группъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ смѣшеніе бюрократическихъ элементовъ съ общественными не можетъ не перенести на общество хотя бы часть отвѣтственности за тѣ результаты, какіе окажутся отъ работъ совѣщанія. Пока совѣщаніе дѣйствуетъ самостоятельно, на свой собственный рискъ и страхъ, до тѣхъ поръ отношенія между бюрократіей и обществомъ не измѣняются и не измѣнятся, если бюрократія не поднимется до уровня современныхъ потребностей. Если же, чего неизбѣжно слѣдуетъ ожидать, совмѣстная работа дастъ компромиссъ, то всѣ возникающія отсюда недоразумѣнія и расколъ должны будутъ быть отнесены на счетъ общества. Никто, конечно, не сомнѣвается, что ходъ работъ совѣщанія А. Г. Булыгина будетъ находиться въ зависимости отъ массы окружающихъ условій и, въ частности, отъ характера настроенія и степени опредѣленности мнѣнія общества. Но для этого вовсе нѣтъ необходимости входить въ совѣщаніе, уничтожать средостѣніе. Общество можетъ производить свою работу и отдѣльно, и чѣмъ больше оно объединится въ своихъ положительныхъ идеалахъ, тѣмъ грандіознѣе будутъ проявленія его работъ и тѣмъ реальнѣе долженъ быть результатъ". Мы думаемъ, что рѣшать что бы то ни было „за счетъ" группъ, не представленныхъ въ совѣщаніи, выборные представители другихъ группъ, болѣе счастливыхъ, не стали бы ни въ какомъ случаѣ, въ силу сознанія отвѣтственности, на нихъ лежащей. Нашему земству всегда было чуждо одностороннее отстаиванье чьихъ-либо спеціальныхъ интересовъ. Чѣмъ важнѣе была задача, предстоявшая земству, тѣмъ выше оно поднималось надъ сословными предразсудками, надъ узкими, односторонними тенденціями. Не измѣнитъ оно этому завѣту своего прошлаго и въ настоящую минуту, самую торжественную изъ всѣхъ, какія оно переживало. Если оно будетъ говорить отъ имени тѣхъ, кто не принадлежитъ къ его составу, то только въ защиту ихъ правъ, попранныхъ или забытыхъ. Уступки или компромиссы, еслибы на нихъ и пошли выборные представители, будутъ, по всей вѣроятности, знаменовать собою нѣчто лучшее, чѣмъ прямолинейное бюрократическое рѣшеніе. Правильное распредѣленіе отвѣтственности—дѣло будущаго. За ошибки земскихъ и городскихъ представителей общество, разсматриваемое какъ одно цѣлое, не будетъ отвѣчать уже потому, что не отъ него идутъ полномочія ошибающихся. Между тѣмъ, по степени вліянія работа, происходящая въ неорганизованныхъ общественныхъ группахъ, едва ли можетъ сравниться съ тою, которую представители общественныхъ учрежденій будутъ вести въ средѣ самого совѣщанія. Для послѣднихъ не будетъ существовать тѣхъ препятствій, которыми, къ несчастью, до сихъ поръ стѣснены всѣ формы выраженія общественной мысли.

Устраненія этихъ препятствій мы желаемъ одинаково съ „Правомъ“; но пока они не устранены, чрезвычайно важно открытіе хотя бы одного пути, который былъ бы отъ нихъ свободенъ.

Въ той же статьѣ „Права“ проводится мысль, что единственной задачей совѣщанія должна считаться организація выборовъ въ представительное собраніе. Исходя изъ той же мысли, мы полагаемъ, что эта организація должна имѣть временной характеръ; установить постоянную избирательную систему—дѣло самого будущаго собранія. О главныхъ чертахъ избирательнаго порядка существуютъ самыя различныя мнѣнія, находящія отголосокъ и въ печати. Предполагаются цѣлые проекты, разработанные болѣе или менѣе подробно. Одинъ изъ нихъ, принадлежащій барону П. Л. Корфу (бывшему, въ семидесятыхъ годахъ, предсѣдателемъ с.-петербургской губернской земской управы и с.-петербургскимъ городскимъ головою, теперь гласному с.-петербургскаго губ. земскаго собранія и с.-петербургской городской думы), напечатанъ въ № 52 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“. *Государственная Дума*, по этому проекту, должна состоять изъ гласныхъ отъ населенія и изъ представителей министерства и главныхъ управленій. Гласные отъ населенія избираются губернскими дворянскими собраніями, губернскими земскими собраніями, финляндскимъ сеймомъ, думами нѣкоторыхъ большихъ городовъ, главнѣйшими биржевыми комитетами, академіей наукъ и русскимъ техническимъ обществомъ. Губерніи и области, гдѣ земскія учрежденія еще не введены, получаютъ право на избраніе гласныхъ Государственной Думы по мѣрѣ распространенія на нихъ положенія о земскихъ учрежденіяхъ. Кромѣ выборныхъ гласныхъ, членами Государственной Думы состоятъ предсѣдатель комитета министровъ и всѣ министры и главноуправляющіе; они могутъ замѣщать себя въ Думѣ своими товарищами. На первый разъ число выборныхъ гласныхъ опредѣляется бар. Корфомъ въ 273: 76 отъ дворянства (по 2 на каждое дворянское собраніе), 142 отъ земства (отъ 2 до 10 на губернію), 5 отъ Финляндіи, 26 отъ 19 большихъ городовъ (по 1—3 отъ города), 17 отъ семи биржевыхъ комитетовъ (по 2—3 отъ комитета), 4 отъ академіи наукъ и 3 отъ техническаго общества. Гласныхъ второй очереди должно быть 100: 52 отъ 16 не-земскихъ, въ настоящее время, губерній Европейской Россіи (отъ 1 до 6 на губернію), 19 отъ Царства Польскаго, 19 отъ Кавказа и 10 отъ Сибири. Лица не-христіанскаго исповѣданія не могутъ быть избираемы въ гласные Государственной Думы.

Недостатки этого проекта бросаются въ глаза. Въ Думѣ, образованной на предлагаемыхъ имъ основаніяхъ, могло бы вовсе не оказаться ни крестьянъ, ни лицъ, могущихъ считаться ихъ представителями. Этого не отрицаетъ и авторъ проекта, признающій неудо-

влетворительность нынѣшняго порядка избранія гласныхъ отъ сельскихъ обществъ и ожидающій улучшенія его отъ Государственной Думы: но пока этотъ порядокъ не измѣненъ, можно ли мириться съ невыгоднымъ вліяніемъ, которое онъ неизбѣжно долженъ имѣть на составъ Думы? Думѣ, по словамъ самого бар. Корфа, будетъ предстоять пересмотръ законоположеній о крестьянахъ: можно ли допустить производство такой работы безъ участія въ ней представителей отъ крестьянъ? Находя число гласныхъ-крестьянъ въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ (3094 изъ 9639, т.-е. менѣе одной трети) „не особенно малымъ", бар. Корфъ полагаетъ, что „въ такой же пропорціи слѣдуетъ считать двухстепенное представительство крестьянъ и въ числѣ 1546 губернскихъ гласныхъ". *Меньше одной трети* и въ уѣздныхъ собраніяхъ—не такая пропорція, которая соотвѣтствовала бы многочисленности и значенію крестьянской массы; но для губернскихъ собраній даже и этой пропорціи установить нельзя, потому что въ составѣ большинства уѣзднаго собранія, избирающаго губернскихъ гласныхъ, можетъ и вовсе не быть крестьянъ... Рядомъ съ отсутствіемъ или крайнею недостаточностью крестьянскаго представительства Государственная Дума, составленная по плану барона Корфа, отличалась бы избыткомъ дворянскихъ элементовъ. Въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ, а слѣдовательно и въ губернскихъ, рѣшительно преобладаетъ дворянство; есть ли, затѣмъ, основаніе прибавлять къ избранникамъ земства еще значительное число выборныхъ отъ дворянскихъ собраній? Изъ 273 гласныхъ дворянами—и притомъ дворянами-землевладѣльцами — могли бы оказаться 218, т.-е. около 80%; къ тому же сословію принадлежали бы, вѣроятно, многіе изъ избранниковъ городскихъ думъ, академіи наукъ и техническаго общества. Получилась бы, такимъ образомъ, дума не столько государственная, сколько сословно-дворянская. Довѣріе къ новому учрежденію, столь важное для успѣшной его работы, было бы подорвано съ самаго начала. Безъ представительства остался бы, далѣе, весь рабочій классъ, устраненный дѣйствующими законами отъ участія въ городскомъ самоуправленіи и только случайно, крайне рѣдко получающій доступъ въ уѣздное земство. Наоборотъ, несоразмѣрно большое количество голосовъ досталось бы на долю торгово-промышленнаго класса, господствующаго и въ городскихъ думахъ (за исключеніемъ развѣ столичныхъ), и въ биржевыхъ комитетахъ. Почти безъ представительства остались бы такъ называемыя свободныя профессіи, игравшія и играющія столь важную роль въ нашей общественной жизни: вѣдь нельзя же считать достаточными, въ этомъ отношеніи, семь голосовъ, предоставляемыхъ академіи наукъ и техническому обществу. Почему рядомъ съ академіей наукъ не поставлены университеты и другія высшія

школы, рядомъ съ техническимъ обществомъ—другія, не менѣе авторитетныя (вольное экономическое, главныя изъ числа сельско-хозяйственныхъ, медицинскихъ, юридическихъ, историческихъ, литературныхъ, физико-математическихъ и т. д.),—понять трудно. Неудачной, наконецъ, кажется намъ и мысль о включеніи въ Государственную Думу, теперь же и безъ всякой оговорки, представителей финляндскаго сейма. Рано или поздно связь между Россіей и Финляндіей должна, конечно, получить выраженіе въ какомъ-нибудь общемъ выборномъ учрежденіи; но нельзя дѣлать представителей финляндскаго сейма участниками работы, бо̀льшая часть которой вовсе не будетъ касаться Финляндіи... Замѣтимъ, въ заключеніе, что составитель проекта придаетъ ему не временное, а постоянное значеніе: полномочія Думы, избранной въ намѣченномъ имъ порядкѣ, должны, по его мнѣнію, сохранять силу въ теченіе *пяти* лѣтъ.

Существенно отличны отъ проекта бар. Корфа предположенія В. Д. Кузьмина-Караваева („Русь", № 59) и г. Н. З. („Русскія Вѣдомости", № 61) — отличны, прежде всего, уже тѣмъ, что имѣютъ въ виду лишь временный порядокъ, установляемый для первыхъ выборовъ, а не постоянную избирательную систему. По картинному выраженію г. Н. З., рѣчь идетъ только о лѣсахъ, при помощи которыхъ должно быть возведено прочное зданіе. Оба автора стремятся использовать существующія учрежденія, не замѣняя ихъ, пока, другими, а только дополняя. Г-нъ Н. З. предлагаетъ образовать въ каждомъ уѣздѣ избирательный комитетъ, въ составъ котораго должны войти, кромѣ земскихъ и городскихъ гласныхъ, уполномоченные отъ земскихъ избирательныхъ собраній и съѣздовъ, уполномоченные отъ волостныхъ сходовъ (безъ административнаго утвержденія), дворянскіе депутаты, купеческіе и мѣщанскіе старосты, выборные отъ рабочихъ, выборные отъ квартиронанимателей, выборные отъ постоянно проживающихъ въ предѣлахъ губерніи лицъ съ образовательнымъ цензомъ (не ниже средняго), уполномоченные отъ всѣхъ ученыхъ, профессіональныхъ и благотворительныхъ обществъ. Избирательной единицей признается губернія, такъ какъ избраніе представителей по уѣздамъ дало бы слишкомъ многочисленное собраніе [1]. Общая цифра представителей распредѣляется между губерніями соразмѣрно съ ихъ населенностью. Самые выборы г. Н. З. предполагаетъ организовать такъ: составляется и публикуется общій списокъ кандидатовъ, заявленныхъ по губерніи. Каждый избиратель баллотируетъ въ комитетѣ своего уѣзда; затѣмъ подводится итогъ избирательныхъ шаровъ (а еще удобнѣе — записокъ), полученныхъ каждымъ канди-

[1]) За губернскіе избирательные комитеты высказывается въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" (№ 65) и г. Четвериковъ, проектъ котораго разработанъ менѣе подробно, чѣмъ проектъ г. Н. З.

датомъ во всѣхъ комитетахъ губерніи, и выбранными признаются лица, получившія больше половины общаго числа голосовъ, поданныхъ во всѣхъ комитетахъ губерніи. Если первая баллотировка не приведетъ къ замѣщенію всѣхъ вакансій, назначается перебаллотировка, на которую поступаютъ лишь кандидаты, получившіе относительное большинство голосовъ, въ двойномъ числѣ противъ подлежащихъ дополнительному выбору представителей. Непосредственно въ собраніе посылаютъ представителей наиболѣе крупныя ученыя общества, академіи наукъ и художествъ, высшія учебныя заведенія и присяжные повѣренные каждаго судебнаго округа.—Что касается до В. Д. Кузьмина-Караваева, то онъ предлагаетъ предоставить производство выборовъ уѣзднымъ земскимъ собраніямъ и нѣкоторымъ городскимъ думамъ (въ крупныхъ интеллектуальныхъ и промышленныхъ центрахъ), пополнивъ земскія собранія уполномоченными отъ лицъ постоянно проживающихъ въ уѣздѣ и замѣнивъ нынѣшнихъ гласныхъ отъ крестьянъ другими, избранными прямо и свободно на волостныхъ сходахъ,—а къ думамъ присоединивъ уполномоченныхъ отъ квартиронанимателей (безъ ограниченія размѣровъ квартирной платы). Помимо земскихъ собраній и думъ, право избирать представителей должно быть дано только рабочимъ (въ большихъ городахъ и въ не-городскихъ фабрично-заводскихъ центрахъ). Ограниченія пассивнаго избирательнаго права должны быть только территоріальныя, а не сословныя или групповыя (крестьянами, напримѣръ, можетъ быть избранъ и не-крестьянинъ, рабочими—не-рабочій). Избраніе представителей отъ обществъ и корпорацій, отъ господствующей церкви и иновѣрныхъ религіозныхъ общинъ В. Д. Кузьминъ-Караваевъ признаетъ ненужнымъ, какъ вслѣдствіе трудности установить въ этомъ отношеніи опредѣленную, разумную границу, такъ и за отсутствіемъ основаній для пріуроченія избирательнаго права къ чему-либо иному, кромѣ принадлежности къ земскому или городскому общенію. Какъ г. Н. З., такъ и В. Д. Кузьминъ-Караваевъ признаютъ необходимымъ привлечь въ составъ представительства выборныхъ не только отъ земскихъ, но и отъ всѣхъ не-земскихъ губерній. Г-нъ Н. З. предлагаетъ примѣнить къ послѣднимъ тотъ же порядокъ, какъ и къ первымъ; В. Д. Кузьминъ-Караваевъ стоитъ за національную группировку населенія окраинъ. Положеніе окраинъ, по его словамъ, „настолько исключительно, что строго-объективнаго отношенія къ общегосударственнымъ вопросамъ со стороны присланныхъ ими представителей ожидать невозможно. Каждый вопросъ они будутъ оцѣнивать подъ угломъ зрѣнія національныхъ, или религіозныхъ, или мѣстныхъ интересовъ, для каждой народности, каждаго вѣроисповѣданія и каждой мѣстности отличныхъ". Отсюда ясно, что никакихъ ограниченій избирательнаго права, обусловливаемыхъ религіей или національностью, В. Д. Кузь-

минъ-Караваевъ не допускаетъ; прямо высказывается противъ нихъ и г. Н. З.

Въ обоихъ проектахъ, нами изложенныхъ, мы находимъ много правильнаго и симпатичнаго. За особое представительство рабочихъ мы высказались въ нашемъ предъидущемъ обозрѣніи; та его форма, которую намѣчаетъ В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, больше соотвѣтствуетъ значенію этого класса, чѣмъ предлагаемое г. Н. З. включеніе уполномоченныхъ отъ рабочихъ въ мѣстный избирательный комитетъ. На сторону г. Н. З. мы склоняемся по вопросу о привлеченіи къ участію въ представительствѣ тѣхъ обществъ и корпорацій, которыя могутъ увеличить его умственную и нравственную силу. При дѣйствіи окончательно установленной избирательной системы такое участіе можетъ оказаться излишнимъ; но въ переходное время оно обезпечиваетъ, до извѣстной степени, успѣшность перваго опыта. Однажды допущенное, представительство корпорацій должно быть распространено, по нашему мнѣнію, и на духовенство, какъ православное, такъ и инославное (послѣднее—въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ къ данному исповѣданію принадлежитъ значительная часть населенія; напр. протестантское духовенство—въ остзейскихъ губерніяхъ, католическое—въ Царствѣ Польскомъ и въ Западномъ краѣ). Ни въ земскихъ собраніяхъ, ни въ городскихъ думахъ православное духовенство не имѣетъ теперь выборныхъ уполномоченныхъ; между тѣмъ, у него есть особые интересы, особыя точки зрѣнія, а слѣдовательно есть и право на ихъ защиту. Нельзя же считать достаточной ихъ охраной присутствіе въ земствѣ и въ городскихъ думахъ депутатовъ, *назначенныхъ* епархіальнымъ начальствомъ. Общій подъемъ духа отразился и на духовенствѣ; при полной свободѣ и независимости выборовъ, оно найдетъ въ своей средѣ людей, готовыхъ и способныхъ сослужить службу общегосударственному и общенародному дѣлу. Само собою разумѣется, что число представителей отъ духовенства не должно превышать процентнаго отношенія его къ общей цифрѣ населенія (около 1°/о).

По вопросу объ организаціи представительства въ не-земскихъ губерніяхъ мы также расходимся съ В. Д. Кузьминымъ-Караваевымъ. Группировка по національностямъ слишкомъ легко могла бы привести къ обостренію розни, смягченіе которой—одна изъ задачъ обновленной русской жизни. Представители національности невольно замыкались бы въ болѣе или менѣе тѣсный кружокъ, неизбѣжно выдвигали бы на первый планъ свои спеціальныя цѣли, упуская изъ виду зависимость ихъ отъ цѣлей болѣе общихъ. „Для поляка, еврея, армянина“ —говоритъ В. Д. Кузьминъ-Караваевъ,— „доминирующее значеніе имѣетъ не государственный строй, а вопросы языка, національныхъ правоограниченій и религіозныхъ стѣсненій“.

Но развѣ всѣ эти вопросы не состоятъ въ тѣснѣйшей связи съ государственнымъ строемъ? Тѣ не-русскіе элементы русскаго государства, которымъ въ настоящую минуту эта связь не совсѣмъ ясна, поймутъ ее очень скоро, очутясь въ одномъ собраніи съ коренными русскими. Однажды допустивъ группировку по національностямъ, трудно было бы, притомъ, перейти къ нормальному порядку—къ подачѣ голосовъ по территоріальнымъ округамъ. Перемѣна въ составѣ представительства, почти неизбѣжная при измѣненіи избирательной системы, была бы почувствована одними—какъ обида, другими—какъ торжество, всѣми—какъ напоминаніе о томъ, что̀ ихъ разъединяетъ. Какъ установить, наконецъ, демаркаціонныя линіи между національностями, въ особенности тамъ, гдѣ онѣ близко соприкасаются между собою? Всегда ли легко отличить поляка отъ литовца или бѣлорусса, нѣмца—отъ онѣмеченнаго эста или латыша? Самое составленіе избирательныхъ списковъ, отдѣльныхъ для каждой національности, не повлечетъ ли за собою множество недоразумѣній и раздражающихъ споровъ? Гораздо правильнѣе, какъ намъ кажется, примѣнить къ не-земскимъ губерніямъ, на первый разъ, избирательный порядокъ возможно близкій къ тому, который будетъ принятъ для губерній земскихъ, замѣнивъ земскія собранія сформированными по ихъ образцу избирательными комитетами. Часть необходимыхъ для того фактическихъ данныхъ имѣется на лицо въ различныхъ учрежденіяхъ, особенно въ тѣхъ губерніяхъ, на которыя, въ концѣ 90-хъ годовъ, предполагалось распространить дѣйствіе положенія о земскихъ учрежденіяхъ. Представительство меньшинства, особенно необходимое именно при разноплеменномъ составѣ населенія, могло бы быть введено при установленіи окончательной системы выборовъ. Важность и сложность этого вопроса устраняетъ возможность временнаго рѣшенія, неизбѣжно неполнаго и торопливаго.

Въ проектѣ В. Д. Кузьмина-Караваева только слегка затронутъ вопросъ о способѣ избранія. „Слѣдуетъ ли"—говоритъ авторъ—„проводить выбранныхъ отъ уѣздовъ черезъ губернскія земскія собранія—подробность, имѣющая доводы и за, и противъ. Въ одномъ случаѣ это безусловно необходимо: если представительство отъ каждаго уѣзда будетъ признано численно чрезмѣрно громоздкимъ. Сосѣдніе уѣзды, внѣ губернскаго общенія, другъ другу совершенно чужды". Еслибы каждому уѣзду предоставлено было выбирать хотя бы одного только представителя, то всѣхъ выборныхъ, вмѣстѣ съ избранниками крупнѣйшихъ городовъ и рабочаго класса, оказалось бы гораздо болѣе 800, т.-е. слишкомъ много для представительнаго собранія, въ особенности когда оно только-что призывается къ жизни. Мы думаемъ, поэтому, что земскимъ собраніямъ и городскимъ думамъ, какъ и избирательнымъ комитетамъ не-земскихъ губерній,

слѣдовало бы предоставить лишь избраніе выборщиковъ, которые, съѣхавшись въ губернскомъ городѣ, выбрали бы столько представителей, сколько приходится на губернію соразмѣрно населенности ея. Можно было бы поставить дѣло и нѣсколько иначе: не дополняя составъ уѣздныхъ земскихъ собраній и городскихъ думъ, прямо присоединить выборщиковъ отъ крестьянъ (по одному отъ каждаго волостного схода), отъ сельскаго „третьяго элемента" и отъ квартиронанимателей къ составу губернскаго земскаго собранія. Избираемыми, во всякомъ случаѣ, могли бы быть не только выборщики (и губернскіе гласные), но и всѣ обладающіе пассивнымъ избирательнымъ правомъ, независимо отъ мѣста постояннаго ихъ жительства. Къ выбраннымъ такимъ образомъ лицамъ присоединились бы уполномоченные отъ группъ, обществъ и корпорацій.

Примыкая, въ общемъ и главномъ, къ предположеніямъ гг. Н. З. и Кузьмина-Караваева, мы занимаемъ, вмѣстѣ съ ними, среднюю позицію между крайними мнѣніями. Въ цѣлыхъ проектахъ, разработанныхъ болѣе или менѣе детально, эти мнѣнія до сихъ поръ еще не выражались, но содержаніе ихъ достаточно извѣстно изъ газетныхъ статей и сообщеній. Всего ближе къ сторонникамъ абсолютнаго застоя или рѣшительнаго регресса, продолжающимъ отрицать самый принципъ народнаго представительства, стоятъ приверженцы сословности, признающіе ее необходимой основой обновленнаго общественнаго строя [1]). Одни прямо высказываются за избраніе представителей по сословіямъ, отъ дворянъ, крестьянъ, духовенства, купечества и горожанъ, при чемъ въ составъ горожанъ могли бы войти какъ представители различныхъ классовъ, не принадлежащихъ къ опредѣленному сословію, такъ и представители инородцевъ; между сословіями „могло бы быть установлено извѣстное процентное отношеніе, такъ чтобы одно сословіе числомъ представителей не превосходило бы другія". Къ этому взгляду до извѣстной степени примыкаетъ другой, по которому „выборы должны быть пріурочены къ существующимъ организаціямъ—дворянской, земской, городской, крестьянской и духовной; всѣ занимающіеся производительнымъ трудомъ, умственнымъ или инымъ, должны быть непремѣнно представлены, и притомъ въ такихъ комбинаціяхъ, при которыхъ каждой группѣ было бы отведено должное значеніе". Къ чисто сословнымъ организаціямъ присоединены здѣсь, слѣдовательно, и такія, въ которыхъ принципъ сословности проведенъ только отчасти (земство) или не проведенъ вовсе (города). Остается неяснымъ, какъ совмѣстить разнородныя начала—каково, напримѣръ, должно быть отношеніе земской организаціи съ одной

1) См. въ № 10413 „Новаго Времени" бесѣды съ С. Ѳ. Платоновымъ и кн. М. И. Хилковымъ.

стороны къ дворянской, съ другой—къ крестьянской... Коренной недостатокъ предположеній, исходящихъ, хотя бы отчасти, изъ начала сословности, заключается въ безпочвенности этого начала среди настоящихъ условій русской жизни. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоить только припомнить, во что̀ обратилось такъ называемое крестьянское самоуправленіе, какъ сильно чувствуется потребность въ мелкой всесословной территоріальной единицѣ, какая неудача постигла и постигаетъ всѣ попытки укрѣпить и оживить помѣстное дворянство, насколько широка и плодотворна дѣятельность земства сравнительно съ дѣятельностью дворянскихъ собраній. Сословная организація выборовъ влечетъ за собою избраніе представителей непремѣнно изъ среды даннаго сословія, т.-е. ограничиваетъ свободу дѣйствій избирателей; она подчеркиваетъ и поддерживаетъ то, что̀ въ настоящую минуту слѣдовало бы забыть или отодвинуть на задній планъ—мелкіе, узкіе, часто мнимые интересы сословія, противорѣчащіе, сплошь и рядомъ, общимъ интересамъ государства и народа.

Провозглашаемому справа принципу сословности противопоставляется слѣва принципъ всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосовъ, не какъ идеалъ, къ которому слѣдуетъ стремиться въ ближайшемъ или болѣе отдаленномъ будущемъ, а какъ требованіе настоящей минуты. Все чаще и чаще это требованіе формулируется въ постановленіяхъ, заявленіяхъ разныхъ корпорацій и собраній. Раскрывъ, напримѣръ, послѣдній (10-й) нумеръ „Права“, мы находимъ его въ резолюціяхъ предварительнаго съѣзда столичныхъ и провинціальныхъ журналистовъ, с.-петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ, с.-петербургскаго общества гражданскихъ инженеровъ, общества вспоможенія окончившимъ высшіе женскіе курсы, московскаго общества улучшенія быта учащихъ. Къ нему же сводятся возраженія, вызванныя докладомъ В. Д. Кузьмина-Караваева въ с.-петербургскомъ юридическомъ обществѣ [1]); только противъ *прямой* подачи голосовъ высказались, изъ числа говорившихъ, Ф. И. Родичевъ и И. И. Петрункевичъ, признавшіе необходимость двухстепенныхъ выборовъ (первый—вообще, второй—только въ деревняхъ). Намъ кажется, что неопровергнутыми остались главные доводы В. Д. Кузьмина-Караваева. Успѣшность выборовъ при прямой, равной и всеобщей подачѣ голосовъ,—читаемъ мы въ его статьѣ,—„неизбѣжно предполагаетъ многое предшествующее: политическую агитацію, образованіе партій и долгую предвыборную борьбу. И въ странахъ, живущихъ обще-политическою жизнью, на агитацію и борьбу уходятъ мѣсяцы. Въ странѣ, гдѣ такая жизнь только зарождается и партій нѣтъ, на это нужно времени много. Голоса разо-

---

[1]) Изъ этого доклада составилась статья въ № 59 „Руси“, упомянутая нами выше.

бьются, и громадное большинство фактически не осуществитъ своего права. Предвыборная агитація и борьба—въ собраніяхъ и печати—предполагается не подпольная, а открытая, явная, свободная и отъ противодѣйствія со стороны властей, и отъ направленія ея властью". Такой свободы трудно ожидать въ настоящее время, когда поколебленъ, но еще не устраненъ бюрократическій режимъ. Не подготовлены, къ тому же, и избиратели. „Общей политической жизнью уѣзды не живутъ, всѣмъ извѣстныхъ именъ въ уѣздахъ нѣтъ; тридцать-сорокъ тысячъ голосовъ неизбѣжно разобьются на единицы, десятки и, самое большее, сотни". Отсюда необходимость обратиться къ существующимъ общеніямъ—земскимъ собраніямъ и городскимъ думамъ,—и съ ними связать, *на первый разъ*, выборы общенароднаго представительства. Повторяемъ сказанное нами въ предъидущемъ обозрѣніи: земскія собранія и городскія думы—группы уже сплотившіяся, привыкшія дѣйствовать сообща, выработавшія извѣстную совокупность взглядовъ и традицій. Среди уѣздныхъ гласныхъ, изъ которыхъ многіе засѣдали или засѣдаютъ въ губернскихъ собраніяхъ, всегда найдутся такіе, которые захотятъ и съумѣютъ организовать выборную борьбу. Сотрудниками ихъ явятся другіе гласные, представители „третьяго элемента", мѣстные люди разныхъ положеній и профессій, до сихъ поръ стоявшіе внѣ земской жизни. Около готоваго центра легче и скорѣе сформируются группы, связанныя общностью цѣлей и стремленій. Въ сравнительно короткое время будутъ достигнуты результаты, къ которымъ только съ большимъ трудомъ, и то не вездѣ, могла бы привести всеобщая и прямая подача голосовъ [1]), сразу предоставленная самой себѣ, отторгнутая отъ сложившихся и болѣе или менѣе окрѣпшихъ органовъ мѣстнаго самоуправленія. Еще болѣе крупную роль можетъ съиграть губернское земское собраніе, если оно станетъ центромъ, около котораго будутъ группироваться выборщики... Меньше неудобствъ, чѣмъ всеобщая и *прямая* подача голосовъ, представляла бы, конечно, всеобщая, но *двухстепенная* подача голосовъ: легче остановиться на выборщикѣ—„своемъ человѣкѣ", лично извѣстномъ если не всѣмъ, то многимъ избирателямъ,—чѣмъ на кандидатѣ, одномъ для уѣзда или нѣсколькихъ уѣздовъ, громадному большинству избирателей знакомомъ только по наслышкѣ, т.-е. по молвѣ, неопредѣленной и не всегда достовѣрной. Мы видимъ, однако, что въ формулѣ, наиболѣе распространенной, нѣтъ мѣста для двухстепенности выборовъ: подача голосовъ требуется не только всеобщая, но и *прямая*. Проектируется, такимъ образомъ, ничѣмъ не смягченный „скачокъ въ темноту" (leap in the dark). А между тѣмъ нѣтъ

[1]) Противъ *тайной* подачи голосовъ мы, конечно, не возражаемъ: болѣе чѣмъ гдѣ-либо она необходима въ Россіи, какой бы ни былъ установленъ избирательный порядокъ.

недостатка въ историческихъ данныхъ, предостерегающихъ противъ такого скачка, внезапнаго и ничѣмъ не подготовленнаго. Въ 1848-мъ году французскій народъ имѣлъ за собою болѣе полувѣка сравнительно свободной политической жизни; масса населенія хотя и не пользовалась избирательнымъ правомъ, но присмотрѣлась къ его функціонированію и привлекалась, прямо или косвенно, къ вызываемой имъ борьбѣ. И что же, оправдалъ ли введенный тогда suffrage universel возлагавшіяся на него надежды? Учредительное собраніе создало обстановку, благопріятную для реакціи; законодательное собраніе (1849—51) рѣшительно двинулось назадъ; декабрьскій переворотъ 1851-го года былъ узаконенъ всеобщей подачей голосовъ, цѣлыхъ восемнадцать лѣтъ поддерживавшей наполеоновскій режимъ; въ національномъ собраніи 1871-го года долго преобладали ретроградные элементы. Гдѣ же ручательство въ томъ, что у насъ не произойдетъ ничего подобнаго?.. Всѣ искренніе друзья прогрессивнаго движенія согласны въ томъ, что для успѣха выборовъ, возвѣщенныхъ Высочайшимъ рескриптомъ 18-го февраля, необходима свобода печати и собраній, необходима неприкосновенность личности и жилища, необходима политическая амнистія; но вѣдь нужно же считаться съ дѣйствительностью, нужно помнить, что сбывается не все желаемое и желательностью—нужно, слѣдовательно, задать себѣ вопросъ, при какомъ способѣ голосованія меньше принесутъ вреда стѣсненія разнаго рода? Отвѣтъ на этотъ вопросъ едва ли можетъ послужить аргументомъ въ пользу всеобщей и прямой подачи голосовъ.

Печатаемыя въ послѣднее время извлеченія изъ журналовъ комитета министровъ представляютъ одну замѣчательную особенность: они всѣ или почти всѣ заключаютъ въ себѣ рѣшительное осужденіе еще недавно господствовавшей правительственной системы, главными проводниками которой служили самъ комитетъ и отдѣльные его члены. Сознаніемъ сдѣланныхъ ошибокъ проникнуты, какъ мы уже видѣли, положенія комитета по вопросамъ о печати, о преслѣдованіяхъ за вѣру, объ усиленной охранѣ; тѣмъ же сознаніемъ запечатлѣно и только-что распубликованное положеніе о взаимныхъ отношеніяхъ между промышленниками и рабочими. „Фабричное законодательство"—читаемъ мы здѣсь—„подвигалось впередъ весьма медленно и выразилось въ проведеніи весьма немногихъ нормъ, упорядочившихъ лишь нѣкоторыя изъ отношеній промышленниковъ и рабочихъ... Министерство финансовъ по мѣрѣ силъ стремилось къ восполненію замѣчаемыхъ пробѣловъ, но встрѣчало на своемъ пути затрудненія, и дѣло уклонялось иногда въ нежелательномъ направленіи". Главною причиной уклоненій служилъ существовавшій тогда взглядъ, „будто условія фабричной жизни у насъ и на Западѣ совершенно между собою раз-

личнѣ". Теперь этотъ взглядъ признается не требующимъ возраженій, т.-е. окончательно потерявшимъ всякую силу. Въ Германіи значеніе рабочаго вопроса было своевременно оцѣнено, благодаря чему сдѣлалось возможнымъ мирное теченіе такихъ значительныхъ забастовокъ, какъ разыгравшаяся недавно въ бассейнѣ рѣки Руръ. У насъ рабочее движеніе, оставшись внѣ рамокъ положительнаго закона, „уклонилось со свойственнаго ему пути экономическаго характера и подпало подъ вліяніе политической агитаціи и полицейскаго воздѣйствія". Дѣятельность фабричной инспекціи парализовалась, притомъ, постоянными предположеніями о передачѣ ея, какъ и вообще завѣдыванія внутреннею жизнью промышленныхъ заведеній, изъ министерства финансовъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ.—Таково оффиціальное изображеніе недавняго прошлаго, совпадающее, въ главныхъ чертахъ, съ повторявшимися много разъ указаніями независимой печати. Ошибочность политики, отрицавшей очевидное и старавшейся совмѣстить несовмѣстимо,—полицейскую регламентацію съ корпоративною жизнью—удостовѣрена собственнымъ признаніемъ, къ которому, въ данномъ случаѣ, вполнѣ примѣнимъ старинный процессуальный терминъ: „лучшее доказательство всего свѣта". Остается только недоумѣвать, почему такъ долго не открывались глаза, такъ долго игнорировалось многое изъ провозглашаемаго теперь стоящимъ внѣ всякаго спора...

Изъ принятыхъ комитетомъ началъ не всегда дѣлаются выводы, повидимому неизбѣжно изъ нихъ вытекающіе. Подчиненіе фабричной инспекціи министерству внутреннихъ дѣлъ—подчиненіе, къ которому упорно стремился В. К. Плеве,—комитетъ признаетъ нежелательнымъ, находя, что министерство внутреннихъ дѣлъ, преслѣдуя главнымъ образомъ цѣль охраны порядка, „направило бы къ этой цѣли, прежде всего, и дѣятельность фабричной инспекціи"; наоборотъ, въ вѣдомствѣ министерства финансовъ, на которое „возложено закономъ попеченіе о промышленности и, слѣдовательно, о справедливомъ согласованіи интересовъ капитала и труда", фабричная инспекція скорѣе можетъ сохранить „присущій ей характеръ примирительнаго института". Это совершенно справедливо; но нѣсколько дальше комитетъ министровъ высказывается, согласно съ мнѣніемъ министра внутреннихъ дѣлъ, за сохраненіе въ силѣ Высочайшаго повелѣнія 30-го мая 1903-го года, подчинившаго фабричную инспекцію общему руководству губернаторовъ, такъ какъ оно обезпечиваетъ за послѣдними „сотрудничество инспекціи въ предѣлахъ ввѣреннаго имъ попеченія о мѣстной промышленной жизни". Говоря, въ свое время [1]), о правилахъ 1903-го года, мы

[1]) См. „Внутр. Обозрѣніе" въ № 7 „Вѣстника Европы" за 1903 г.

выразили убѣжденіе, что они почти равносильны передачѣ фабричной инспекціи въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ. Разъ что дѣятельность фабричной инспекціи поставлена подъ *руководство* губернатора, разъ что его единоличною властью можетъ быть отмѣнено всякое распоряженіе инспекціи, разъ что его согласіе фактически необходимо какъ для назначенія, такъ и для награжденія инспекторовъ,—министерство финансовъ сохраняетъ за собою въ этой сферѣ функціи скорѣе номинальныя, чѣмъ реальныя, и чины фабричной инспекціи становятся такими же агентами мѣстной администраціи, какъ и исправники, земскіе начальники, губернаторскіе чиновники особыхъ порученій. Не таково было первоначальное назначеніе фабричной инспекціи. Она была создана не для *управленія* рабочими, а для посредничества между ними и работодателями, для исполненія законовъ, регулирующихъ фабрично-заводскій трудъ въ видахъ охраны жизни, здоровья и благосостоянія трудящихся. Ея задачей было не поддержаніе порядка само по себѣ, а своевременное устраненіе поводовъ къ его нарушенію. Обращенная въ орудіе общей губернской администраціи, она можетъ обратиться изъ фабричной инспекціи въ фабричную полицію, усиливъ, тѣмъ самымъ, средства водворенія наружной тишины, но ослабивъ основы и гарантіи внутренняго спокойствія.

Исходя изъ этихъ соображеній, мы продолжаемъ думать, что правила 1903-го года, которыя теперь предполагается ввести въ текстъ закона о фабричной инспекціи, идутъ прямо въ разрѣзъ какъ съ ея назначеніемъ, такъ и съ аргументаціей комитета. *Попеченіе* о промышленной жизни не можетъ быть возложено одновременно на два министерства: если оно принадлежитъ министерству финансовъ, нѣтъ надобности призывать къ нему министерство внутреннихъ дѣлъ, для котораго фабрики и заводы, какъ и всѣ другіе центры общественной дѣятельности—не что иное, какъ объектъ надзора. Двоевластіе, неизбѣжно должно привести либо къ конфликту между властями, либо къ рѣшительному преобладанію той изъ нихъ, которая облечена болѣе широкими, болѣе боевыми полномочіями. Вопросъ вѣдомственный имѣетъ, въ настоящемъ случаѣ, значеніе вопроса политическаго: рѣчь идетъ не о томъ, куда удобнѣе отнести фабричную инспекцію, а о томъ, гдѣ ей легче остаться вѣрной своему истинному назначенію. Правильное разрѣшеніе этого вопроса тѣмъ болѣе необходимо, что реформы въ области фабричнаго законодательства, требуемыя обстоятельствами и намѣчаемыя, отчасти, комитетомъ министровъ, неминуемо должны привести къ значительному расширенію сферы дѣйствій фабричной инспекціи. Министру финансовъ предоставлено приступить къ безотлагательной разработкѣ вопросовъ: 1) объ организаціяхъ для обсужденія и раз-

рѣшенія несогласій, возникающихъ въ промышленныхъ заведеніяхъ на почвѣ договора найма, а также для улучшенія быта фабрично-заводскихъ рабочихъ, 2) о возможности дальнѣйшаго сокращенія рабочаго времени, 3) объ измѣненіи дѣйствующихъ постановленій о стачкахъ и забастовкахъ, 4) объ обезпеченіи рабочимъ больничной помощи и 5) объ объемѣ правъ и обязанностей фабричной инспекціи. Для составленія законопроектовъ по всѣмъ этимъ вопросамъ образована, подъ предсѣдательствомъ министра финансовъ, особая коммиссія. Успѣшность ея дѣйствій будетъ зависѣть отъ того, въ какой мѣрѣ удастся привлечь къ участію въ ея занятіяхъ съ одной стороны — рабочихъ, съ другой — знатоковъ рабочаго вопроса. Обращеніе какъ къ тѣмъ, такъ и къ другимъ поставлено въ зависимость отъ усмотрѣнія предсѣдателя коммиссіи. Судьба коммиссіи Н. В. Шидловскаго удостовѣряетъ, что пользованіе подобнымъ правомъ не такъ просто, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда... Слѣдуетъ надѣяться, впрочемъ, что ко времени окончанія трудовъ, возложенныхъ на коммиссію В. Н. Коковцева, будетъ уже организовано собраніе выборныхъ людей, предрѣшенное Высочайшимъ рескриптомъ 18-го февраля—и организовано такъ, какъ того требуютъ важность и высота его задачи.

Возвращаясь къ вопросу о правахъ и обязанностяхъ фабричной инспекціи, мы считаемъ долгомъ обратить вниманіе читателей на небольшую, но очень содержательную статью, посвященную этому вопросу „Русскими Вѣдомостями“ (№ 49). Характерно уже заглавіе статьи: „Фабричная инспекція или инспекція труда?“ По справедливому замѣчанію автора, внѣ круга дѣйствій фабричной инспекціи стоятъ въ настоящее время цѣлыя категоріи лицъ, ничѣмъ, въ сущности, не отличающихся отъ рабочихъ, подвѣдомственныхъ инспекціи. Таковы, напримѣръ, горнорабочіе, рабочіе казенныхъ фабрикъ и заводовъ, рабочіе желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, пароходные и судовые рабочіе. „Намъ нужна,—продолжаетъ авторъ,—*инспекція труда* въ широкомъ смыслѣ этого слова, такая инспекція, надзоръ которой съ возможной полнотой охватывалъ бы различныя стороны быта рабочихъ всѣхъ отраслей промышленности и на которую никакое вѣдомство не могло бы налагать никакихъ другихъ задачъ, кромѣ надзора за трудомъ, всесторонняго изученія быта рабочихъ классовъ и защиты ихъ интересовъ. Для достиженія такого положенія инспекція труда должна быть поставлена не какъ органъ, входящій подчиненной частью въ тотъ или иной отдѣлъ того или иного министерства, направленіе работы котораго всецѣло должно согласоваться съ теченіемъ, господствующимъ въ данную минуту въ томъ или иномъ вѣдомствѣ: она должна явиться самостоятельнымъ учре-

жденіемъ со своими особыми, самостоятельными задачами государственнаго значенія". Подчинить инспекцію труда слѣдовало бы, по мнѣнію автора, непосредственно и исключительно министру финансовъ. Въ такой инспекціи нашлось бы мѣсто и для фабричныхъ *инспектрисъ*, заботящихся спеціально о женщинахъ и дѣтяхъ, учрежденіе которыхъ, согласно западно-европейскимъ образцамъ, проектируется, какъ слышно, въ правительственныхъ сферахъ.

Изъ числа законопроектовъ, разработка которыхъ предоставлена комитетомъ министровъ министерству финансовъ, нѣкоторые, повидимому, уже составлены и могутъ быть разсмотрѣны въ ближайшемъ будущемъ. Одинъ изъ нихъ, судя по газетнымъ сообщеніямъ, направленъ къ измѣненію дѣйствующихъ уголовныхъ законовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и новаго уголовнаго уложенія. Министерство финансовъ предлагаетъ отмѣнить 51^4 уст. о наказ. налаг. миров. суд., по которой фабричный или заводскій рабочій, самовольно отказавшійся отъ работы до истеченія срока найма (а при наймѣ на срокъ неопредѣленный—безъ предупрежденія хозяина за двѣ недѣли), подлежитъ аресту на срокъ не свыше одного мѣсяца. Эта статья повторена почти буквально какъ въ проектѣ уголовнаго уложенія, составленномъ редакціонною коммиссіею (ст. 279), такъ и въ самомъ текстѣ уложенія 1903-го года (ст. 369). Въ проектъ коммиссіи она была внесена безъ всякихъ оправдательныхъ мотивовъ, какъ дѣйствующій законъ, не вызывающій никакихъ сомнѣній. Между тѣмъ, въ періодической печати несправедливость уголовной кары за нарушеніе гражданской сдѣлки—кары, грозящей, притомъ, только одному изъ участниковъ договора и только въ случаѣ принадлежности его къ извѣстной категоріи рабочихъ,—была указана уже давно [1]). Аномалія, впервые введенная въ наше законодательство въ 1886-мъ году, бросалась въ глаза, но не была замѣчаема тѣми, отъ которыхъ зависѣло констатировать ее оффиціально. Теперь она безповоротно осуждена министерствомъ финансовъ, способствовавшимъ, въ свое время, ея установленію. Составители законопроекта признаютъ, что ст. 51^4 устава (а слѣдовательно, прибавимъ мы отъ себя, и ст. 369 новаго уголовнаго уложенія) противорѣчитъ основнымъ началамъ гражданскаго права, неправильно возводитъ прекращеніе работы на степень нарушенія общественнаго порядка, оставляетъ безнаказаннымъ прекращеніе работы по винѣ предпринимателя и, наконецъ, оказывается фактически непримѣнимой къ массовому отказу отъ работы. Привѣтствуя, въ силу правилъ

---

[1]) См., напримѣръ, „Внутр. Обозр." въ №№ 9 и 10 „Вѣстн. Европы" за 1886 г.

„лучше поздно, чѣмъ никогда", перемѣну, происшедшую въ воззрѣніяхъ министерства финансовъ, мы видимъ въ ней характерный „признакъ времени" и выражаемъ надежду на скорую отмѣну уголовныхъ каръ, назначаемыхъ и дѣйствующимъ закономъ (уст. о нак. ст. 51^2 и 51^3), и новымъ уложеніемъ (ст. 376 пун. 2) за гражданскія нарушенія сельскихъ рабочихъ.

Еще важнѣе предположенія министерства финансовъ по вопросу о стачкахъ рабочихъ. И по дѣйствующему закону (улож. о наказ. ст. 1358, 1358^1), и по новому уголовному уложенію (ст. 367) стачка—т.-е. прекращеніе работъ по взаимному соглашенію рабочихъ, съ цѣлью принудить предпринимателя, до истеченія срока найма, къ возвышенію заработной платы или къ измѣненію другихъ условій найма—составляетъ, сама по себѣ, уголовное преступленіе. Въ этомъ отношеніи наше законодательство рѣзко отличается отъ законодательства всѣхъ другихъ культурныхъ странъ. Теперь подлежащими уголовному наказанію предполагается признать лишь насилія, угрозы или опороченіе, направленныя къ устройству или продолженію стачки, а самый отказъ отъ работъ считать наказуемымъ только тогда, когда онъ повлекъ за собою прекращеніе дѣйствія заведеній по водоснабженію, канализаціи и освѣщенію. Не совсѣмъ понятно для насъ значеніе *опороченія*, приравниваемаго къ насиліямъ и угрозамъ. Одно изъ двухъ: если подъ именемъ *опороченія* разумѣется оскорбленіе или опозореніе рабочихъ, не желающихъ отказываться отъ работы, то такой проступокъ можетъ быть преслѣдуемъ на общемъ основаніи, по жалобѣ оскорбленнаго или опозореннаго, и предусматривать его особымъ закономъ нѣтъ надобности; если же подъ понятіе опороченія имѣется въ виду подвести укоры, упреки, насмѣшки, не заключающіе въ себѣ признаковъ наказуемой обиды, то нѣтъ причины раздвигать такъ далеко сферу уголовной кары.

Разборъ законопроектовъ о нормировкѣ рабочаго времени и объ обезпеченіи промышленныхъ заведеній врачебною помощью мы отлагаемъ до появленія въ печати болѣе подробныхъ свѣдѣній о ихъ содержаніи. Ограничимся, пока, сообщеніемъ, что рабочее время для рабочихъ, занятыхъ только днемъ, предполагается сократить съ $11^1/_2$ до 10, а для рабочихъ, занятыхъ хотя бы отчасти ночью—съ 10 до 8 часовъ.

ПЕРВЫЙ ШАГЪ РАБОЧАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ВЪ БОЛГАРІИ.

Письмо въ Редакцію.

...Депутаты народнаго собранія недавно рукоплескали у насъ министру,—и оппозиція, и большинство были съ нимъ солидарны; вотъ происшествіе, почти небывалое въ Софіи. Ожесточенная партійная борьба дѣлитъ здѣшній парламентъ на два враждебные лагеря; и тѣмъ не менѣе 17-го декабря все собраніе единодушно апплодировало министру торговли и земледѣлія, доктору Геннадіеву; его слова объединили и правительственное большинство, и оппозицію.—Чѣмъ же было вызвано такое исключительное событіе? Быть можетъ, ораторъ задѣлъ чувствительную національную струну или, оставаясь въ предѣлахъ своей компетенціи, указалъ широкіе горизонты для болгарскаго земледѣлія и торговли? Ничуть не бывало: министръ просто-на̀-просто заявилъ о необходимости стать на путь рабочаго законодательства, начавъ съ огражденія женщинъ и дѣтей отъ эксплоатаціи; вотъ чему обрадовались депутаты, вотъ что̀ объединило вѣчно враждующія партіи. Но,—скажутъ намъ,—вѣроятно въ стѣнахъ собранія много рабочихъ, и возвѣщенный законопроектъ шелъ навстрѣчу ихъ нуждамъ. Нѣтъ, на послѣднихъ общихъ выборахъ 19 октября 1903 г. ни одинъ представитель рабочаго класса, ни одинъ соціалистъ не былъ избранъ. Вотъ, именно, потому что законопроектъ встрѣтилъ такой восторженный пріемъ со стороны людей, классовые интересы которыхъ не имѣютъ съ нимъ ничего общаго,—слѣдуетъ остановиться на взаимныхъ отношеніяхъ у насъ мѣстныхъ партій и общественныхъ слоевъ. Кромѣ того, мы желаемъ познакомить читателя и съ самымъ закономъ, представляющимъ значительный интересъ для всякаго иностранца, а можетъ быть, въ особенности для русскаго.

Министръ г. Геннадіевъ справедливо замѣтилъ, въ разговорѣ съ нами, что мудрость законодателя заключается не въ томъ, чтобы врачевать, дождавшись острыхъ проявленій болѣзни; гораздо лучше предотвратить самую болѣзнь своевременными и справедливыми мѣрами. Рабочій вопросъ, по словамъ министра, еще не имѣетъ въ Болгаріи угрожающаго характера; здѣшняя индустрія находится въ зачаточномъ состояніи, трудящійся классъ немногочисленъ; однако ничто не мѣшаетъ теперь же провести законы, способные предотвратить въ ближайшемъ будущемъ рѣзкое столкновеніе труда и капитала.

Здѣсь дѣла идутъ быстро: 17 декабря парламентъ и общество

впервые услышали о намѣреніи оградить женскій и дѣтскій трудъ, а въ январѣ проектъ уже сдѣлался закономъ. Достойно вниманія, что при законодательныхъ дебатахъ либеральное начинаніе министра не только не было урѣзано, а напротивъ, покровительство женскому и дѣтскому труду еще расширено противъ первоначальнаго плана. Такъ поступили депутаты болгарскаго народнаго собранія, принадлежащіе почти исключительно къ буржуазіи. Съ своей стороны, вожди соціалистической партіи признаютъ, что законъ, о которомъ идетъ рѣчь, представляетъ съ точки зрѣнія интересовъ рабочаго класса крупныя преимущества по сравненію съ нормами, созданными рабочимъ законодательствомъ даже иныхъ передовыхъ странъ.

До 1894 г. соціалисты вовсе не появлялись въ болгарскомъ народномъ собраніи, индустрія въ странѣ почти отсутствовала, профессіональныхъ рабочихъ (пролетаріевъ) было очень мало. Въ то время я засталъ чрезвычайно характерную поговорку: „той нѣма кыща, нѣма нищо". Предполагалось, что каждый человѣкъ долженъ имѣть домъ, а кто собственнымъ домомъ не владѣлъ—приравнивался къ числу совсѣмъ неимущихъ. Извѣстно, какую интенсивную политическую жизнь вела возрожденная Болгарія первыя десять лѣтъ своего существованія: весной 1879 г. нотабли вырабатывали конституцію страны, а осенью князь Александръ Батенбергскій уже распустилъ первое народное собраніе, просуществовавшее только недѣлю. Слѣдующіе выборы немедленно привели къ власти демократа Каравелова, но черезъ полтора года онъ арестованъ, конституція ниспровергнута и въ теченіе двухъ лѣтъ, т.-е. съ весны 1881 г. по осень 1883 г., въ странѣ распоряжаются русскіе генералы. Затѣмъ всѣ партіи народа и князь соединяются противъ этихъ генераловъ, возстановляютъ конституцію, лихорадочно подготовляютъ присоединеніе Восточной Румеліи, что̀ и удается—наперекоръ всей Европѣ—6 сентября 1885 г.; чередуются война съ Сербіей, похищеніе князя, годичное междуцарствіе, избраніе принца Фердинанда, наконецъ Стамбуловскій режимъ.

Всѣ эти событія, быстро смѣнявшія другъ друга, приковывали къ себѣ общественное вниманіе, и соціализмомъ, какъ отвлеченной идеей, интересовались немногіе. Практически онъ не напоминалъ о себѣ, потому что, какъ сказано выше, пролетаріатъ въ странѣ почти вовсе отсутствовалъ.

Впрочемъ, группа энергичныхъ людей въ тѣ времена работала въ литературѣ на пользу этой доктрины, создавая кадры для рабочей партіи ранѣе, чѣмъ возникъ рабочій классъ. Стамбуловъ довольно добродушно относился къ подобнымъ начинаніямъ; въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ онъ самъ принадлежалъ въ Одессѣ къ кружку Ковальскаго, впослѣдствіи казненнаго, и дѣятельность болгарскихъ

соціалистовъ напоминала диктатору свѣтлую пору его молодости. Онъ почти не препятствовалъ работѣ людей, интересовавшихся больше экономическими вопросами, чѣмъ политическими. Ко времени паденія Стамбулова, въ 1894 г., соціалистическая партія въ Болгаріи сформировалась, но это былъ штабъ безъ арміи. На улицахъ Софіи продавцы газетъ оглушительно выкрикивали вѣстникъ „Соціалистъ".

Провинція избрала двухъ представителей рабочей партіи въ народное собраніе. Отецъ болгарскаго соціализма, г. Благоевъ, поставилъ свою кандидатуру въ столицѣ, но получилъ лишь нѣсколько сотъ избирательныхъ голосовъ. Честный, глубоко правдивый, онъ тогда же открыто признавалъ наличность непримиримаго противорѣчія, заключавшагося въ существованіи пролетаріатской партіи безъ пролетаріата. Нѣсколько сотъ голосовъ, оданныхъ за него чиновниками, дѣйствительно являлись данью личнаго уваженія; тутъ не было и тѣни того, что̀ принято называть классовымъ сознаніемъ, не было намека на классовую борьбу.

Черезъ девять лѣтъ я вновь пріѣхалъ въ Софію и сразу замѣтилъ, что многое измѣнилось: я засталъ г. Благоева передъ обширной аудиторіей; сотни рабочихъ, притаивъ дыханіе, жадно слушали его рѣчь. Ораторъ съ восторгомъ говорилъ о численномъ ростѣ пролетаріата въ Болгаріи, подсчитывалъ количество обезземеленныхъ людей, живущихъ исключительно трудами рукъ, и, любовно коллекціонируя разныя категоріи рабочихъ, приходилъ къ „отрадному" выводу, что классъ неимущихъ быстро увеличивается, и число пролетаріевъ уже колеблется отъ 100 до 200 тысячъ.

Въ пылу скорѣе фракціонной, чѣмъ партійной борьбы, многіе извлекли изъ разностороннихъ воззрѣній Маркса довольно шаблонную доктрину, съ точки зрѣнія которой въ данномъ историческомъ фазисѣ ростъ нищеты и пролетаріата служитъ единственнымъ залогомъ желаннаго прогресса. Какъ извѣстно, Марксъ считалъ возможными исключенія и былъ въ этомъ смыслѣ ме́ньшимъ фанатикомъ своей доктрины, чѣмъ многіе изъ его послѣдователей. Земледѣльческая страна, какъ Болгарія, имѣя болѣе трехъ съ половиной милліоновъ населенія, среди котораго рабочій классъ едва составляетъ одну двадцатую, должна пройти черезъ долгую и мучительную эволюцію, если столь популярная нынѣ схема необходимой пролетаризаціи массъ непреложна, неизбѣжна, неотвратима.

Выслушавъ рѣчь г. Благоева, я подошелъ къ нему и шутя сказалъ: „Какъ трудно переучиваться намъ, старикамъ: по наивности мы когда-то думали, что чѣмъ меньше бѣдноты въ странѣ, тѣмъ лучше". Ораторъ, чуждый мелочной обидчивости, тутъ же подѣлился со мной фактическими свѣдѣніями, касающимися общественной жизни страны

за послѣдніе годы, и при дальнѣйшихъ встрѣчахъ съ нимъ въ томъ же 1903 г. я имѣлъ возможность уяснить себѣ многія подробности, которыя отмѣчу здѣсь лишь вкратцѣ. Начиная съ выборовъ 1894 г., о которыхъ уже упомянуто, болгарскіе соціалисты, сперва въ количествѣ двухъ, а затѣмъ въ нѣсколько большемъ числѣ, постоянно входили въ составъ народнаго собранія, располагая въ первой половинѣ 1903 г. семью депутатскими полномочіями. Разумѣется, при общемъ числѣ народныхъ представителей въ 180 человѣкъ, они не могли оказывать какого-нибудь вліянія на ходъ законодательныхъ работъ. Между тѣмъ отвѣтственное положеніе народныхъ избранниковъ отнимало у вожаковъ много времени для довольно безплоднаго участія въ парламентскихъ засѣданіяхъ.

До извѣстной степени подъ вліяніемъ этого обстоятельства у нѣкоторыхъ членовъ партіи явилась мысль, не заботясь о впечатлѣніи, какое ихъ программа производитъ на избирателей, строго придерживаться ортодоксальнаго марксизма. Сами вожди говорили мнѣ объ испытанномъ ими чувствѣ неловкости, когда земледѣльческое населеніе нѣкоторыхъ округовъ отдало имъ свои голоса. Принципіальное противорѣчіе между интересами собственниковъ и столь желанной пролетаризаціей массъ давало себя чувствовать. Въ партіи появился расколъ, когда часть ея членовъ рѣшила отвергнуть всѣ компромиссы съ родственными политическими теченіями и держаться марксистской догмы—quand même; эта фракція получила отъ остальныхъ соціалистовъ ироническое названіе „тѣсныхъ“, что̀ въ переводѣ значитъ „узкихъ“. Съ своей стороны, она окрестила противниковъ именемъ „широкихъ“ соціалистовъ или „оппортунистовъ“.

На происходившихъ при мнѣ выборахъ 1903 г. сказались ближайшія послѣдствія раскола. Такъ какъ къ 19-му октября, т.-е. ко времени народнаго голосованія, обѣ фракціи уже стояли другъ противъ друга каждая со своими клубами, со своими газетами, манифестами и яростной полемикой, болѣе или менѣе покоившейся на серьезныхъ научныхъ основаніяхъ, то, разумѣется, широкія массы населенія не могли разобраться въ сути спорныхъ вопросовъ. Осталось только впечатлѣніе взаимной перебранки, и при томъ весьма рѣзкой: какъ извѣстно, братская борьба ведется особенно ожесточенно. Въ результатѣ ни одинъ соціалистъ не былъ избранъ.

Я вѣрю искренности вожаковъ, когда они доказываютъ, что это вышло къ лучшему: не отвлекаемые въ сторону парламентской борьбы, парламентскихъ занятій, они проявили поразительную организаціонную и просвѣтительную дѣятельность. Каждая изъ двухъ фракцій, стараясь опередить другую, организуетъ рабочихъ въ синдикаты, вербуетъ членовъ партіи, безпрерывно устраиваетъ лекціи, митинги, со-

бранія. Воспитательные результаты уже теперь бросаются въ глаза; разумный педагогическій пріемъ заставляетъ вождей держаться въ тѣни; массы привыкаютъ къ иниціативѣ; простые работники являются умѣлыми предсѣдателями и ораторами на собраніяхъ. Стачки проходятъ въ томъ удивительномъ порядкѣ, который столько же обусловливается политической свободой, гарантированной конституціей, сколько и воспитательнымъ уровнемъ самихъ рабочихъ. При помощи цѣлой системы учрежденій, созданныхъ безъ всякаго участія государства, а именно—мѣстныхъ синдикатовъ, синдикальныхъ комитетовъ, комитетовъ партіи, объединяющихся для рѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ, а въ остальномъ дѣйствующихъ самостоятельно, стачка въ отдаленнѣйшемъ углу страны находится въ тѣсной связи съ центромъ, получая оттуда моральную и матеріальную поддержку, иногда—цѣнное указаніе, и всегда—печатную защиту въ центральномъ органѣ партіи.

Обѣ фракціи соціалистовъ имѣютъ по одной булочной и, какъ показалъ опытъ, независимо отъ дохода, булочныя эти, по временамъ, являются источниками пріятныхъ сюрпризовъ. Напримѣръ, въ прошломъ году возникла стачка въ Сливнѣ. Хозяева только посмѣивались въ отвѣтъ на оживленныя сношенія между забастовщиками и соціалистическими учрежденіями. Соціализмъ, какъ идея, не облеченная въ плоть и кровь, казался имъ совершенно неопаснымъ; но, вотъ, получилась телеграмма, извѣщавшая, что соціалистическая булочная въ Филиппополѣ отправила стачечникамъ вагонъ хлѣба. Когда въ подобныхъ случаяхъ является денежная помощь, она не имѣетъ того импозантнаго характера: деньги, лежащія въ кошелькѣ или расходуемыя на ближайшія нужды, не создаютъ картины, не могутъ явиться объектомъ наблюденія съ обширной арены; но тутъ было совсѣмъ другое: мѣстный комитетъ устроилъ торжественную встрѣчу, выгруженный изъ вагона соціалистическій хлѣбъ направился къ городу на цѣлой вереницѣ повозокъ; ихъ окружилъ ликующій народъ, послышались замѣчанія о томъ, что партія утоляетъ не только духовный голодъ своихъ членовъ... Въ результатѣ хозяева необыкновенно быстро пошли на уступки. Само собой разумѣется, большой процентъ стачекъ кончается къ выгодѣ хозяевъ. Но организаторы даже при неуспѣхѣ подобныхъ предпріятій видятъ въ нихъ своего рода школу, дисциплинирующую рабочую массу и прививающую ей духъ солидарности. Стачки за послѣдніе годы считаются сотнями; близко наблюдая внѣшнюю общественную жизнь, я могу сказать съ полнымъ убѣжденіемъ, что онѣ не вызываютъ ни малѣйшей политической тревоги; врядъ ли ошибусь, замѣтивъ, что во многихъ случаяхъ правительство даже не знаетъ о возникновеніи и прекращеніи

стачекъ. Наличность всѣхъ формъ политической свободы приводитъ къ тому, что правительственныя заботы съ одной стороны, а стачечная борьба—съ другой, текутъ двумя самостоятельными руслами, не задѣвая другъ друга. Свобода слова, свобода печати, свобода сходокъ, ассоціацій, свобода собраній, все это существуетъ, функціонируя съ необычайной интенсивностью, а рядомъ стоитъ административный аппаратъ, весьма прочный и дѣятельный, но не имѣющій ни малѣйшаго отношенія ни къ политическимъ собраніямъ, ни къ стачкамъ, ни къ газетамъ.

Въ Германіи и Австріи полицейскій чиновникъ, при оружіи, является въ политическое собраніе и прекращаетъ его въ любой моментъ, если рѣчи, какъ ему кажется, принимаютъ незаконный характеръ. Во Франціи республиканскій коммиссаръ не въ правѣ распускать собраніе, и только можетъ оффиціально присутствовать на немъ нѣмымъ статистомъ, что̀ практикуется довольно часто; но въ Болгаріи полиція не даетъ себѣ труда даже знать о томъ, гдѣ и кто намѣренъ собираться для обмѣна мнѣній, постановленія резолюцій, чтенія лекцій; а если, въ исключительныхъ случаяхъ, она и считаетъ нужнымъ знать что-нибудь подобное, то не даетъ этого замѣтить.

На-дняхъ въ Софіи происходила стачка наборщиковъ и другихъ типографскихъ служащихъ. Правительство, занятое своимъ дѣломъ, не обращало на нее ни малѣйшаго вниманія; но, вотъ, работа грозила остановиться и въ типографіи оффиціозной газеты „Новъ Вѣкъ". Побѣжали къ г. Петкову. По отношенію къ данному случаю онъ являлся уже не только министромъ внутреннихъ дѣлъ, но и собственникомъ, хозяиномъ предпріятія. Узнавъ, въ чемъ дѣло, этотъ умный и проницательный человѣкъ, быстро оріентирующійся при всякихъ обстоятельствахъ, воскликнулъ: „Но о чемъ же тутъ безпокоиться? Болгарія не погибнетъ, если наша газета не будетъ выходить недѣли двѣ".

До сихъ поръ, говоря о правительственномъ невмѣшательствѣ, я имѣлъ только въ виду отсутствіе давленія къ выгодѣ одной изъ сторонъ при борьбѣ труда и капитала, т.-е. отсутствіе какихъ-либо административныхъ стѣсненій, мѣшающихъ свободѣ этой борьбы, пока она ведется легальными средствами. Однако, главная цѣль настоящей статьи заключается именно въ томъ, чтобы разсказать, при какихъ обстоятельствахъ болгарское правительство и парламентъ поставили на очередь вопросъ о рабочемъ законодательствѣ, еще наканунѣ не существовавшемъ въ княжествѣ, и каковы ихъ первые шаги въ данномъ направленіи. Эра невмѣшательства прошла, но это, конечно, не значитъ, что политическая свобода потерпѣла какой-нибудь ущербъ; нѣтъ,

подъ ея охраной продолжается дѣятельность рабочей партіи, объ интенсивности которой можно судить хотя бы по нѣсколькимъ цифровымъ даннымъ, помѣщаемымъ ниже. За послѣдній годъ только одна изъ двухъ соціалистическихъ группъ устроила въ разныхъ мѣстахъ княжества: публичныхъ собраній—215, организаціонныхъ—421, комитетскихъ частныхъ—477, вечеринокъ—96, представленій—32, лекцій—326 и публичныхъ бесѣдъ—264. У меня подъ рукой нѣтъ соотвѣтствующихъ свѣдѣній, касающихся другой группы, т.-е. „широкихъ" соціалистовъ, но читатель врядъ ли ошибется, если удвоитъ вышеприведенныя цифры, чтобы получить приблизительное понятіе о просвѣтительной и организаціонной дѣятельности рабочей партіи въ Болгаріи за послѣдній годъ.

Не трудно себѣ представить, какіе итоги оказались бы въ случаѣ необходимости просить каждый разъ разрѣшеніе у начальства для публичныхъ собраній и лекцій. Постановленія у васъ попечителей одесскаго и кіевскаго учебныхъ округовъ, недавно опубликованныя г. Короленко, производятъ на меня впечатлѣніе не столько самымъ фактомъ запрета публичныхъ лекцій, уже разрѣшенныхъ прежде и даже читанныхъ въ другихъ мѣстахъ, сколько тѣмъ обстоятельствомъ, что подобный отказъ, выраженный въ двухъ коротенькихъ словахъ: „не разрѣшаю", является обыкновенно результатомъ многихъ мѣсяцевъ хлопотъ и ожиданій. Сношенія между губернаторомъ и попечителемъ, иногда участіе градоначальника или полиціймейстера, возможныя справки о личности лектора, разсмотрѣніе текста предположенныхъ лекцій,—все это Ѳермопилы, сквозь которыя медленно движется возбужденное ходатайство, чтобы черезъ нѣсколько мѣсяцевъ дойти до роковыхъ словъ: „не разрѣшаю". О такихъ мытарствахъ нельзя здѣсь разсказывать болгарину; онъ слишкомъ выросъ, такъ сказать, перешелъ въ слѣдующій политическій классъ. Онъ не повѣритъ самому почтенному собесѣднику, и именно только потому, что не въ состояніи конкретно представить себѣ возможность чего-нибудь подобнаго въ Болгаріи.

Осенью 1903 г., когда были назначены выборы, министръ-президентъ изложилъ въ разговорѣ со мной тѣ соображенія, благодаря которымъ правительство могло быть увѣрено въ побѣдѣ. Онъ, между прочимъ, сказалъ, что довольно значительный процентъ избирателей—принципіально противъ частой смѣны правящихъ лицъ, и поэтому вотируетъ за всякую партію, находящуюся въ данный моментъ у власти. Увѣренность министра, впрочемъ, раздѣляли не всѣ политическіе дѣятели его лагеря, и когда противъ нихъ сплотились демократы, народняки и цанковисты, я сказалъ одному видному стороннику нынѣшняго министерства: „Отчего вамъ на время выборовъ не заклю-

чить компромиссъ съ соціалистами? Это—партія небольшая, но очень дѣятельная; если вы обяжетесь внести въ правительственную программу рабочее законодательство, то, можетъ быть, въ оппозиціонномъ хорѣ будетъ однимъ голосомъ меньше". Вмѣсто отвѣта, собесѣдникъ порывисто приблизился и горячо пожалъ мнѣ руку. Принявъ это за одобреніе моей мысли, я отправился къ г. Благоеву и спросилъ, что думаетъ онъ о возможности подобнаго компромисса; но лидеръ крайняго крыла соціалистической партіи, несмотря на всю присущую ему деликатность и мягкость, высказался рѣшительно противъ моей идеи. Тщетно напоминалъ я ему о прецендентахъ, ссылаясь на такіе же компромиссы между нѣмецкими соціалъ-демократами и свободомыслящими въ старые годы, причемъ соглашеніе на время выборовъ не мѣшало, по ихъ окончаніи, свободѣ дѣйствій каждой стороны. Г. Благоевъ возражалъ, что компромиссъ съ буржуазными партіями невозможенъ; онъ давалъ понять, что, въ частности, стамбуловисты, находящіеся у власти, немножко симпатичнѣе, чѣмъ представители другихъ правившихъ группъ, такъ какъ дѣйствуютъ самостоятельно, безъ реакціонной указки изъ-за-границы; „но,—сказалъ онъ,—они безсильны оказать намъ серьезную услугу. Что касается до рабочаго законодательства, то правительство или не возьметъ на себя никакихъ обязательствъ, или обманетъ; можемъ ли мы ожидать законодательнаго покровительства труду въ этой странѣ, пока правящія партіи лѣзутъ изъ кожи, создавая привилегіи и льготы для промышленности, всѣми мѣрами насаждаемой у насъ"... Черезъ полтора года пріятно вспомнить этотъ эпизодъ. Что можно испытывать, кромѣ удовольствія, когда событія идутъ лучше, чѣмъ мы ожидали?

Въ началѣ статьи было уже сказано, что буржуазные депутаты встрѣтили рукоплесканіями предложеніе министра о покровительствѣ женскому и дѣтскому труду; мало того, проектъ, болѣе радикальный, чѣмъ французскій законъ Мильерана 1900 г., еще измѣненъ народнымъ собраніемъ къ выгодѣ трудящихся. Когда, послѣ этого, я спросилъ мнѣніе бывшаго депутата, а нынѣ одного изъ редакторовъ соціалистической газеты, г. Киркова, о новомъ законѣ, онъ отвѣтилъ, что нѣтъ гарантій точнаго примѣненія всѣхъ параграфовъ на практикѣ, но тутъ же призналъ, что, по существу, законъ этотъ опережаетъ соотвѣтствующія постановленія кодексовъ нѣкоторыхъ передовыхъ странъ.

17 декабря прошлаго года оппозиціонный депутатъ, Т. Влайковъ, при разсмотрѣніи бюджета министерства земледѣлія и торговли, заговорилъ о необходимости оказывать покровительство кооперативнымъ

обществамъ, а также о своевременности защиты женскаго и дѣтскаго труда посредствомъ спеціальнаго закона.

Министръ Геннадіевъ немедленно отвѣчалъ съ парламентской трибуны и изложилъ свою точку зрѣнія на кооперативныя и другія производительныя общества, а затѣмъ, горячо откликнувшись на идею Влайкова о защитѣ труда, заявилъ, что, при личномъ осмотрѣ многихъ фабрикъ, онъ, министръ, былъ потрясенъ тѣми размѣрами, какіе приняла эксплоатація рабочихъ предпринимателями; что же касается до положенія женщинъ и дѣтей, то, если законодательство не придетъ къ нимъ на помощь, въ ближайшемъ поколѣніи появятся уже признаки вырожденія.

Не побуждаемый никакими партійными соображеніями, молодой министръ говорилъ увлекательно и съ волненіемъ въ голосѣ, довольно неожиданно сообщивъ собранію, что законопроектъ о защитѣ женскаго и дѣтскаго труда имъ уже выработанъ и завтра же будетъ розданъ депутатамъ.

Черезъ мѣсяцъ проектъ сталъ закономъ. Дѣло закончилось бы еще быстрѣе, если бы не рождественскія вакаціи.

Теперь разсмотримъ мотивы и самые параграфы новаго закона; мы встрѣтимъ тамъ немало заслуживающаго вниманія.

Министръ говоритъ въ объяснительной запискѣ, что условія, въ которыхъ находится промышленный трудъ, существенно отличаются отъ тѣхъ, какія имѣли мѣсто въ „добрыя старыя времена“, т.-е. до освобожденія Болгаріи. Экономическая эволюція, совершенно преобразовавшая культурныя державы, не могла не оказать своего вліянія и въ княжествѣ, создавая какъ усовершенствованныя формы производства, такъ равно и новыя условія пользованія трудомъ. Множество отраслей промышленности, обходившихся исключительно ручнымъ трудомъ, уступили мѣсто фабричному производству, при которомъ машина играетъ первенствующую роль, а работникъ теряетъ свою индивидуальность, обезличивается.

Затрудненія, которыми сопровождается сбытъ фабрикатовъ, произведенныхъ даже наиболѣе дешевымъ способомъ, создаютъ новыя условія для использованія человѣческаго труда, а это въ концѣ концовъ приводитъ къ ухудшенію быта рабочаго. Прежній мастеровой имѣлъ готовый рынокъ; иногда онъ запродавалъ свой товаръ даже ранѣе, чѣмъ послѣдній былъ изготовленъ; но условія производства и сбыта существенно измѣнились; машина прежде всего обезцѣнила человѣческій трудъ; товаръ долженъ во что бы то ни стало завоевать мѣсто на міровомъ рынкѣ; тенденція новыхъ формъ производства— дешевизна; но такъ какъ хозяинъ предпріятія долженъ во всякомъ случаѣ получить нѣкоторый барышъ, то отсюда неизбѣжно вытекаютъ

сокращеніе заработной платы, увеличеніе рабочаго дня и необходимость бо̀льшей интенсивности труда.

Исторія экономическаго и соціальнаго развитія наиболѣе передовыхъ странъ, говоритъ министръ, констатируетъ непомѣрное удлинненіе рабочаго дня на фабрикахъ и жесточайшую эксплоатацію женскаго и дѣтскаго труда, такъ что идея оградить его отъ злоупотребленій явилась какъ естественное логическое послѣдствіе. Не останавливаясь на продолжительности рабочаго дня вообще, предлагаемый проектъ ограничивается положеніемъ женщинъ и дѣтей, которыя все чаще и чаще являются какъ бы придаткомъ къ машинѣ. Потребности женщины и въ особенности ребенка обыкновенно скромнѣе потребностей взрослаго мужчины, и ихъ трудъ оплачивается дешевле, вслѣдствіе чего работники этой категоріи находятъ все большій доступъ на фабрики и заводы. Отсюда двоякій результатъ: увеличеніе числа безработныхъ среди взрослыхъ мужчинъ и пониженіе заработной платы для всѣхъ вообще тружениковъ.

Далѣе министръ говоритъ, что если современныя условія производства фатально приводятъ къ эксплоатаціи женщинъ и дѣтей, то опасность вырожденія народа и другія соображенія вызываютъ необходимость государственнаго вмѣшательства въ отношенія труда и капитала. Онъ дѣлаетъ маленькую экскурсію въ область исторіи, останавливаясь на Робертѣ Пилѣ и Робертѣ Оуэнѣ, требованія которыхъ относительно защиты женщинъ и дѣтей исходили изъ чисто филантропическихъ основаній, и особенно тщательно подчеркиваетъ выгоды, предстоящія государству, если ему удастся смягчить рѣзкую классовую борьбу въ будущемъ и спасти отъ моральнаго и матеріальнаго упадка людей, не по своей винѣ оказавшихся въ положеніи соціальной наковальни. Авторъ предвидитъ, что Болгаріи придется со временемъ стать на путь разносторонняго и сложнаго рабочаго законодательства, но пока ей необходимо начать съ того, съ чего начинали въ этомъ отношеніи другія страны, т.-е. съ защиты двухъ наиболѣе безпомощныхъ категорій тружениковъ.

Не привожу остальныхъ мотивовъ, заключающихся въ довольно обширномъ вступленіи, спѣша перейти къ самому закону.

Первыя двѣ статьи не представляютъ чего-нибудь существеннаго, касаясь лишь формальной стороны отношеній между инспекціей и предпринимателями.

Что же касается до статьи 3-ей, то она изложена такъ: „Дѣти обоихъ половъ, не достигшія двѣнадцатилѣтняго возраста, не допускаются къ работѣ въ фабричныхъ заведеніяхъ, мастерскихъ, шахтахъ и каріерахъ.—Въ качествѣ исключенія работа можетъ быть дозволена дѣтямъ 10—12 лѣтъ, но лишь въ заведеніяхъ, перечисленныхъ въ

спеціальномъ указѣ, какой будетъ изданъ по соглашенію министерства земледѣлія и торговли съ медицинскимъ совѣтомъ.

„Въ подземныхъ работахъ, шахтахъ и каріерахъ воспрещена работа мальчиковъ до 15 лѣтъ и женщинъ до 21 года“.

При обсужденіи приведенной статьи въ народномъ собраніи были приняты двѣ поправки, существенно расширяющія законъ къ выгодѣ рабочихъ, а именно: дѣти отъ 10 до 12 лѣтъ допускаются къ какимъ бы то ни было работамъ лишь въ томъ случаѣ, если имѣютъ свидѣтельство объ окончаніи курса школы. Что же касается до женщинъ, то подземныя работы имъ вовсе воспрещены, независимо отъ возраста.

Настоящій законъ не распространяется на дѣтей, помогающихъ въ предпріятіяхъ своихъ родителей, если рядомъ не работаютъ чужія дѣти и женщины въ количествѣ не менѣе 5-ти.

Ст. 4. Въ промышленныхъ заведеніяхъ опасныхъ для жизни и здоровья не допускается трудъ дѣтей обоего пола до 18 лѣтъ.

Списокъ такихъ заведеній будетъ включенъ въ княжескій указъ, основанный на мнѣніи верховнаго медицинскаго совѣта и министерства земледѣлія и торговли.

Ст. 5-ая касается продолжительности рабочаго дня. Для женщинъ установленъ максимумъ въ 10 ч., для подростковъ 12—15 лѣтъ—8 ч., а для дѣтей 10—12 лѣтъ въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда работа дозволена, продолжительность ея не превышаетъ 6 часовъ.

Ст. 6. Работа дѣтей, а также женщинъ всѣхъ возрастовъ, не должна продолжаться безъ передышки болѣе 5 часовъ. Перерывъ долженъ составлять не менѣе 1 часа при общей продолжительности работы въ 8 ч. и не менѣе 2 ч. при 10-ти часовомъ рабочемъ днѣ.

Ст. 7. Ночная работа запрещается мальчикамъ, не достигшимъ 15 лѣтъ, а женщинамъ—всѣхъ возрастовъ.

Въ видѣ исключенія разрѣшается женщинамъ, которыхъ законъ застаетъ на ночной работѣ, продолжать ее въ теченіе пяти лѣтъ. Что же касается мальчиковъ отъ 13 до 15 лѣтъ, то въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напримѣръ при внезапномъ бѣдствіи, имъ разрѣшается ночная работа съ согласія комитетовъ труда и фабричныхъ инспекторовъ, но съ такимъ разсчетомъ, чтобы мальчикъ работалъ не позже 11 часовъ вечера и располагалъ необходимымъ временемъ для сна.

Въ силу ст. 8, роженицы ранѣе четырехъ недѣль со дня родовъ не должны приступать къ работамъ; срокъ этотъ сокращается до трехъ недѣль, если врачъ удостовѣритъ, что состояніе здоровья работницы тому не препятствуетъ. Во все означенное время она считается въ отпуску и своего мѣста не теряетъ.

Наиболѣе серьезную льготу создаетъ ст. 9, обязывающая пред-

принимателей давать мальчикамъ до 15 лѣтъ, а также дѣвочкамъ и женщинамъ всѣхъ возрастовъ одинъ день въ недѣлю для отдыха; поденную плату, однако, упомянутыя лица получаютъ и за этотъ день.

Ст. 10 содержитъ указаніе на цѣлый рядъ мѣръ, ограждающихъ здоровье несовершеннолѣтнихъ работниковъ и работницъ. Въ ней рѣчь идетъ объ оспопрививаніи, медицинскихъ освидѣтельствованіяхъ и пр.

Ст. 11 говоритъ о формѣ рабочихъ книжекъ и о свѣдѣніяхъ, какія туда вписываются.

Ст. 12. Собственники, управляющіе, подрядчики, пользующіеся женскимъ и дѣтскимъ трудомъ въ своихъ заведеніяхъ, обязаны принимать всѣ мѣры для охраны здоровья, безопасности и нравственности служащихъ, какъ въ помѣщеніяхъ, гдѣ происходитъ работа, такъ и въ мѣстахъ, предназначенныхъ для сна и принятія пищи. Во всякомъ случаѣ, для отдыха и ѣды женщины и дѣти должны имѣть отдѣльное помѣщеніе, или пользоваться правомъ покидать на это время заведеніе.

Ст. 13 и 14 обязываютъ предпринимателей во избѣжаніе членовредительства ограждать машины сѣтками и устраивать приспособленія, при помощи которыхъ обыкновенный рабочій могъ бы моментально остановить эти машины въ случаѣ несчастья.—Кромѣ того, запрещается вредное для здоровья скучиваніе рабочихъ въ тѣсныхъ помѣщеніяхъ, предписываются правила вентиляціи, устраненія вредныхъ газовъ и т. п.

Согласно ст. 15, правила внутренняго распорядка на работахъ должны быть согласованы съ настоящимъ закономъ, одобрены общинными властями и вывѣшиваемы на видномъ мѣстѣ.

По ст. 16, наблюденіе за исполненіемъ закона возложено на инспекторовъ труда, которые имѣютъ право днемъ и ночью входить во всѣ фабричныя и заводскія помѣщенія.

Еще болѣе солидный органъ надзора созданъ въ лицѣ комитетовъ труда (ст. 17), состоящихъ изъ городского головы (кмета), общиннаго или околійскаго (уѣзднаго) врача, околійскаго училищнаго инспектора, городского или правительственнаго инженера и представителя рабочаго союза въ данной общинѣ. Лица эти пользуются суточнымъ и путевымъ вознагражденіемъ, когда въ цѣляхъ ревизіи объѣзжаютъ свой районъ, но постояннаго жалованья не получаютъ.

Ст. 18 обязываетъ инспекторовъ и комитеты труда представлять ежегодные рапорты въ министерство земледѣлія и торговли. Эти рапорты и мнѣнія инспектирующихъ лицъ печатаются отдѣльнымъ сборникомъ въ видѣ приложенія къ „Правительственному Вѣстнику“.

Ст. 19 — 23 включительно касаются взысканій за нарушеніе закона о женскомъ и дѣтскомъ трудѣ. Взысканія эти таковы, что составляютъ серьезную угрозу для нарушителей: установлено двѣ категоріи штрафовъ, отъ 15 до 50 франковъ и отъ 50 до 500. Первый изъ упомянутыхъ штрафовъ за неисполненіе требованій ст. 3—10 исчисляется не по числу нарушеній, а по числу лицъ, являющихся объектомъ даннаго нарушенія съ тѣмъ, чтобы совокупность всего взысканія не превышала 500 фр. Вторая категорія штрафовъ отъ 50 до 500 фр. налагается за отступленіе отъ ст. 2, 11, 12, 13, 14, 15. При рецидивѣ штрафъ удвоивается, но не долженъ превышать 1.000 фр. Приговоръ, по усмотрѣнію суда, можетъ быть напечатанъ въ газетахъ на счетъ виновнаго, выставленъ внутри заведенія или на наружныхъ стѣнахъ. Хозяева предпріятія отвѣчаютъ за дѣйствія своихъ управляющихъ и директоровъ. Если обвиняемый уплачиваетъ максимальный штрафъ добровольно, то судебное преслѣдованіе прекращается.

Въ силу ст. 24 всѣ суммы отъ упомянутыхъ штрафовъ вносятся въ народный банкъ и служатъ основаніемъ для страхового фонда на случай несчастія, смерти, старости и инвалидности рабочихъ. Такое страхованіе впослѣдствіи будетъ введено установленнымъ порядкомъ.

Наконецъ, ст. 25 возвѣщаетъ, что законъ о женскомъ и дѣтскомъ трудѣ входитъ въ силу черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ его обнародованія.

Пусть читатель не сѣтуетъ за эту экскурсію въ область болгарскаго законодательства. Постановленія, о которыхъ идетъ рѣчь, составляютъ новинку, только-что прошедшую черезъ конституціонный механизмъ маленькаго славянскаго княжества. Крупныя достоинства приведеннаго закона не оспариваются и врагами нынѣшняго правительства; достоинства эти тѣмъ болѣе заслуживаютъ вниманія, что иниціатива закона и его разработка не могли отразить на себѣ вліянія заинтересованныхъ въ немъ общественныхъ и политическихъ слоевъ. Кромѣ того, неимовѣрныя усилія болгарскаго правительства, направленныя къ развитію индустріи, покровительственныя пошлины, льготы для предпринимателей, уменьшенные спеціально для ихъ надобностей желѣзнодорожные тарифы, все это какъ бы противорѣчитъ строгимъ требованіямъ, какія теперь предъявлены къ нимъ въ видахъ улучшенія быта трудящихся женщинъ и подростковъ.

Послѣ вотума народнаго собранія министръ земледѣлія и торговли г. Генадіевъ имѣлъ видъ счастливаго человѣка, которому удалось хорошее дѣло. Поощренный сочувственнымъ отношеніемъ къ своему проекту со стороны буржуазныхъ депутатовъ, онъ подумываетъ

о широкой регламентаціи труда и уже мечтаетъ о девятичасовомъ рабочемъ днѣ для мужчинъ при дальнѣйшемъ сокращеніи этого дня по отношенію къ женщинамъ и дѣтямъ. Онъ признаетъ, что необходимость считаться съ установившимся положеніемъ вещей давала себя чувствовать на каждомъ шагу. Напримѣръ, право работать ночью еще пять лѣтъ сохранено за женщинами, которыхъ нынѣшній законъ застаетъ за этой работой не только потому, что внезапная перемѣна могла бы пошатнуть нѣкоторыя предпріятія, но, главнымъ образомъ, по той причинѣ, что надо дать время самимъ работницамъ приспособиться къ требованіямъ новаго закона. Плохой услугой для нихъ было бы неожиданное запрещеніе работать по ночамъ, пока имъ не гарантированъ другой заработокъ.

Выше говорилось, что послѣ бесѣды съ министромъ я посѣтилъ его политическаго антипода, бывшаго соціалистическаго депутата, г. Киркова. Конечно, онъ не смотрѣлъ такъ радужно на ближайшее будущее и, признавая несомнѣнно прогрессивный характеръ новаго закона по существу, полагалъ, что нужны большія гарантіи для проведенія въ жизнь постановленій каждаго параграфа. Этотъ вдумчивый человѣкъ съ грустью сказалъ мнѣ: „Пусть буржуазія не думаетъ, что она слишкомъ поторопилась облегчить страданія рабочаго класса; въ Габровѣ, напримѣръ, уже началось вырожденіе, какъ это доказано большимъ процентомъ забракованныхъ новобранцевъ. Тамъ текстильная промышленность привлекла къ станкамъ сотни рабочихъ и поставила ихъ въ самыя тягостныя условія“.

Кто изъ этихъ двухъ, занимающихъ столь различныя позиціи, людей правъ? Несомнѣнно,—министръ, находящійся въ данныхъ условіяхъ, не могъ сдѣлать бóльшаго въ странѣ, гдѣ законодательство еще вчера вовсе игнорировало рабочій вопросъ. Его проектъ съ тѣми поправками, какія собраніе внесло въ ст. 3, надо признать весьма рѣшительнымъ шагомъ на пути рабочаго законодательства, не забывая къ тому же, что это лишь первый шагъ. Г. Кирковъ и его друзья, глядя на рабочій классъ окомъ любящей матери, возбуждаютъ вопросъ о томъ, каково будетъ примѣненіе новаго закона; но такой скептицизмъ возможенъ по отношенію къ каждому законодательному акту. Бдительность инспекторовъ и комитетовъ труда будетъ идти рядомъ съ ревнивымъ стремленіемъ рабочихъ и ихъ вождей настаивать на осуществленіи льготъ, созданныхъ закономъ. Если съ одной стороны чувствительный штрафъ явится для предпринимателя серьезной угрозой, то съ другой—право суда въ случаѣ рецидива напечатать приговоръ или вывѣсить его на стѣнахъ самаго заведенія окажется уже карой, которой хозяинъ предпріятія долженъ бояться какъ огня. Въ странѣ, гдѣ свобода стачекъ, союзовъ и печати безусловно обезпечена, обви-

нительный приговоръ суда, мотивированный извѣстнымъ образомъ, будучи наклеенъ властями на стѣнахъ самой фабрики, можетъ создать для виновнаго положеніе совершенно невозможное и даже вызвать въ нѣкоторыхъ случаяхъ ликвидацію самаго предпріятія.

Мы уже знаемъ, какія лица входятъ въ комитеты труда. Составъ этого учрежденія доказываетъ, что законодатель стремится къ дѣйствительному проведенію въ жизнь новаго закона. Но, несомнѣнно, свободная печать въ лицѣ газетъ, спеціально охраняющихъ интересы трудящихся, какъ „Работнически Вѣстникъ" и „Работническа Борба", немедленно отмѣтитъ каждое нарушеніе хозяевами ихъ обязанностей, а отсюда уже одинъ шагъ до судебнаго преслѣдованія.

Настоящее положеніе можно опредѣлить такъ: до сихъ поръ представители рабочаго класса Болгаріи умѣли широко пользоваться политической свободой, чтобы организоваться для защиты своихъ интересовъ. Невмѣшательство государственной власти разсматривалось какъ плюсъ, потому что оно обезпечивало возможность самозащиты. Теперь на законномъ основаніи рабочіе могутъ требовать участія юстиціи въ охранѣ нѣкоторыхъ правъ, донынѣ не существовавшихъ. Свобода борьбы на почвѣ классовыхъ интересовъ осталась, а невмѣшательство правительства смѣнилось вмѣшательствомъ его въ пользу рабочихъ.

Н. Кулявко-Корецкій.

Софія.—Февр. 1905 г.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 апрѣля 1905 г.

Мукденская катастрофа и ея значеніе.—Дѣятельность генерала Куропаткина и его штаба.—Вопросъ о продолженіи войны. — Особенности газетнаго патріотизма.— Сообщенія относительно предпріятій на р. Ялу.—Недоумѣнія и вопросы.—Наши финансы и заграничные кредиторы.—Предложеніе издателю „Times".

Жестокій двѣнадцатидневный бой подъ Мукденомъ, начатый и оконченный по иниціативѣ и подъ руководствомъ японскаго главнокомандующаго, завершился пораженіемъ, какого еще никогда не испытывала русская армія: около 45 тысячъ человѣкъ попало въ плѣнъ, убитыхъ и раненыхъ насчитывается болѣе семидесяти тысячъ; непріятелю достались огромные запасы оружія, боевыхъ запасовъ и провіанта, сотни вагоновъ съ аммуниціею, тысяча транспортныхъ вагоновъ, желѣзнодорожнаго матеріала на 45 миль съ 300 вагонами, принадлежностей для сооруженія полевой желѣзной дороги на 33 мили съ 450 вагонами, машины для оборудованія пяти каменноугольныхъ копей, и т. д. Колоссальный разгромъ явился неизбѣжнымъ логическимъ послѣдствіемъ той пассивной, мелочно-канцелярской системы командованія, которой до конца упорно придерживались въ русской главной квартирѣ. Въ телеграммахъ генерала Куропаткина за роковые дни съ 13 по 24 февраля сообщались обычныя подробности о дѣйствіяхъ небольшихъ „охотничьихъ" отрядовъ, о наступленіи японцевъ „силою около двухъ баталіоновъ съ конницей", о многочисленныхъ отбитыхъ атакахъ у селенія Убенепузы на лѣвомъ флангѣ, а мимоходомъ, какъ-то вскользь говорилось о движеніи противника съ юго-запада, долиною Ляо-хэ, съ успокоительною оговоркою, что „мѣры для отраженія обхода въ этомъ направленіи приняты"; въ депешѣ отъ 21 февраля упоминается о томъ, что накануне „въ районѣ Путиловской сопки взято было не два, а три пулемета", а „при частныхъ переходахъ въ наступленіе сегодня взято свыше 50 плѣнныхъ японцевъ"; въ телеграммѣ отъ 22-го числа опять идетъ рѣчь о селеніи Убенепуза и объ успѣшной контръ-атакѣ нашего отряда, „причемъ захваченъ третій пулеметъ"; повсюду происходили какъ будто отдѣльныя, иногда „яростныя" японскія атаки, которыя „всѣ отбиты", и главное значеніе придавалось явно демонстративнымъ дѣйствіямъ японцевъ противъ нашего лѣваго фланга, куда передвинута была поэтому и часть силъ съ крайней правой стороны нашего расположенія, т.-е. именно

съ той стороны, которой предстояло выдержать напоръ обходной арміи генерала Ноги. Послѣ отраженія всѣхъ атакъ въ центрѣ и на обоихъ флангахъ, совершенно неожиданно оказалось, что битва уже проиграна. „На правомъ берегу рѣки Хун-хэ,—говорится въ депешѣ отъ 23 февраля,—обнаружено наступленіе противника къ Мукдену съ сѣверо-запада и частью съ сѣвера. Центръ и лѣвый флангъ нашихъ армій отходятъ, безъ боевыхъ столкновеній, на укрѣпленныя позиціи на лѣвомъ берегу Хун-хэ". Затѣмъ опять продолжаются въ томъ же равнодушномъ тонѣ успокоительныя извѣстія о томъ, что „нѣсколько послѣдовавшихъ атакъ противника на наши сѣверныя позиціи у Мукдена были отбиты съ большими для противника потерями" и что на западномъ фронтѣ наши войска „взяли значительное число плѣнныхъ"; даже на слѣдующій день, 24 февраля, когда японцы прорвали нашъ центръ и охватили нашу армію почти со всѣхъ сторонъ, направляясь къ Мукдену,—генералъ Куропаткинъ находилъ возможнымъ сообщить, что „мы захватили два пулемета и значительное число плѣнныхъ".

Трудно было судить объ истинномъ положеніи арміи, когда главнокомандующій спокойно и кратко увѣдомлялъ объ обходныхъ непріятельскихъ передвиженіяхъ, противъ которыхъ „мѣры приняты" заблаговременно, и тутъ же аккуратно докладывалъ о двухъ или трехъ пулеметахъ и о нѣсколькихъ десяткахъ плѣнныхъ. Наконецъ, о характерѣ и размѣрахъ постигшаго насъ бѣдствія можно было узнать лишь изъ телеграммы отъ 25 февраля: „Отступленіе арміи совершилось съ большими затрудненіями и опасностью; въ особенности тяжелымъ было положеніе корпусовъ, наиболѣе отдаленныхъ отъ мандаринской дороги. Отряды правофланговой арміи японцевъ проникли глубоко въ гористую мѣстность въ сторонѣ селенія Таванъ и вмѣстѣ съ частями, наступавшими съ запада, приняли угрожающее положеніе по отношенію къ части нашихъ войскъ... Съ одиннадцати часовъ утра до пяти часовъ дня противникъ обстрѣливалъ наши пути отступленія какъ съ востока, такъ и съ запада"... Нѣсколько дней спустя сообщалось, что „обозы *частью* приведены въ порядокъ", и что „обозы перваго разряда *большею частью* находятся уже при войскахъ". Японцы заняли Мукденъ и настойчиво преслѣдовали разрозненныя части отступавшей арміи, не давая имъ остановиться; пришлось покинуть и Телинъ съ устроенными въ немъ укрѣпленіями и заготовленными запасами, которые по возможности истреблялись огнемъ по всей линіи нашего отступленія. Генералъ Куропаткинъ продолжалъ еще сообщать, что въ сущности все обстоитъ благополучно, что осмотрѣнные имъ свѣжіе полки „представились прекрасно", и что по пути на сѣверъ отъ Телина онъ самъ „видѣлъ много частей войскъ и обозовъ, слѣдовавшихъ въ полномъ порядкѣ"; но 2-го марта онъ былъ уволенъ

отъ званія главнокомандующаго, и на его мѣсто назначенъ генералъ Линевичъ, командовавшій первою арміею. Вскорѣ, однако, генералъ Куропаткинъ вновь получилъ мѣсто на театрѣ войны, причемъ какъ бы помѣнялся съ генераломъ Линевичемъ и изъ начальника сдѣлался его подчиненнымъ, въ качествѣ командующаго первою манчжурскою арміею.

Нѣкоторыя изъ нашихъ газетъ, съ „Новымъ Временемъ" во главѣ, обнаруживали почему-то гораздо больше интереса къ вопросу о личной карьерѣ генерала Куропаткина, чѣмъ къ судьбѣ всей четырехсотъ-тысячной арміи, разстроенной новымъ неслыханнымъ пораженіемъ. Главнокомандующій, который въ теченіе цѣлыхъ десяти мѣсяцевъ систематически подвергалъ свою армію кровопролитнѣйшимъ неудачамъ,—который ничего не могъ ни предвидѣть, ни предупредить, довольствуясь пассивнымъ выжиданіемъ непріятельскихъ распоряженій и дѣйствій,—долженъ все-таки считаться отвѣтственнымъ за общій ходъ кампаніи, и нѣтъ ни малѣйшаго основанія думать, что тѣ же неудачи имѣли бы мѣсто и при болѣе цѣлесообразномъ руководствѣ военными операціями. Въ отчетахъ о битвѣ подъ Мукденомъ обращаетъ на себя вниманіе одно весьма характерное обстоятельство: нѣтъ и рѣчи о трехъ отдѣльныхъ арміяхъ, дѣйствующихъ болѣе или менѣе самостоятельно по общимъ указаніямъ главнокомандующаго; напротивъ, мы видимъ, что всѣ подробности военныхъ дѣйствій на пространствѣ многихъ десятковъ верстъ контролируются главнокомандующимъ и доводятся до его свѣдѣнія для соотвѣтственныхъ распоряженій; генералъ Куропаткинъ вникаетъ во всѣ мелочи, слѣдитъ за донесеніями ротныхъ и полковыхъ командировъ, наблюдаетъ за дѣйствіями охотничьихъ командъ, интересуется вопросомъ, захвачено ли два или три пулемета и сколько взято плѣнныхъ въ какой-нибудь ничтожной стычкѣ,—и это въ то самое время, когда рѣшается участь всей колоссальной арміи, ввѣренной его общему руководству! Такъ же точно, какъ подъ Лаояномъ, онъ и здѣсь до послѣдняго момента не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ грозномъ значеніи происходившаго боя, а видѣлъ лишь рядъ отдѣльныхъ, случайныхъ и разрозненныхъ столкновеній, въ которыхъ достаточно было отражать всѣ атаки, чтобы имѣть основаніе разсчитывать на успѣхъ. Однако, отражая всѣ атаки съ геройскимъ самоотверженіемъ одновременно въ различныхъ пунктахъ, наши несчастныя войска очутились почти въ безвыходномъ положеніи, когда японская артиллерія стала обстрѣливать ихъ и съ юга, и съ запада, и съ сѣвера, и съ юго-востока; ясный для всѣхъ посторонних планъ обхвата нашихъ позицій остался какъ бы незамѣченнымъ въ штабѣ главнокомандующаго, и извѣстіе отъ 17 февраля о „принятіи мѣръ" противъ этого обхода было лишь обычною канцелярскою отпискою.

Быть можетъ, генералъ Куропаткинъ былъ отличнымъ организаторомъ военно-канцелярскаго дѣлопроизводства и привыкъ аккуратно провѣрять каждую подробность въ бумагахъ и донесеніяхъ своихъ подчиненныхъ, но на театрѣ войны онъ послѣ первыхъ же печальныхъ опытовъ долженъ былъ убѣдиться, что управлять военными дѣйствіями канцелярскимъ способомъ совершенно невозможно. Прежнія ссылки на численное превосходство противника потеряли уже смыслъ со времени сраженія при Лаоянѣ; теперь оффиціально установлено, что съ момента открытія военныхъ дѣйствій по 27-ое февраля включительно доставлено въ Харбинъ: офицерскихъ чиновъ—13.087, нижнихъ чиновъ—761.467, лошадей—146.408, орудій—1.521, различныхъ военныхъ грузовъ—19.524.977 пудовъ. Эти точныя цифры, сообщенныя „Русскимъ Инвалидомъ", служатъ краснорѣчивымъ отвѣтомъ на разсужденія и выводы газетъ о недостаточности силъ, находившихся въ распоряженіи генерала Куропаткина. Силы были колоссальныя по численности и по качеству; извѣстный полковникъ Гедке и теперь еще утверждаетъ, что „человѣческій матеріалъ русскихъ войскъ лучше и устойчивѣе, чѣмъ матеріалъ японской арміи". Численный перевѣсъ былъ на нашей сторонѣ и подъ Лаояномъ, и въ битвѣ при Шахэ; обѣ стороны почти сравнялись подъ Мукденомъ, послѣ прибытія арміи Ноги изъ окрестностей Портъ-Артура, и если въ этой ужасающей бойнѣ мы опять оказались побѣжденными, то это зависѣло исключительно отъ полной неумѣлости распорядителей и отъ непоправимаго органическаго недостатка всей системы командованія.

Знатоки военнаго дѣла въ сочувствующихъ намъ иностранныхъ газетахъ выражаютъ искреннее недоумѣніе по поводу явныхъ недочетовъ и пробѣловъ въ дѣйствіяхъ нашей главной квартиры: развѣдки предпринимались какъ бы случайно, въ отдѣльныхъ пунктахъ, безъ всякаго общаго плана, и многочисленная наша кавалерія не оказывала и десятой доли тѣхъ услугъ, которыхъ можно было отъ нея ожидать по части рекогносцировокъ; она отсутствовала также въ нужныхъ мѣстахъ въ самые трудные моменты отступленія, когда на ней должна была лежать задача охраны войскъ и обозовъ отъ преслѣдованія. Наши войска, зарытыя въ свои окопы, какъ въ могилы, обречены были на долгое, неподвижное стояніе около какихъ-то сопокъ, изъ-за которыхъ проливались потоки крови, какъ будто никогда не придется разстаться съ этими сопками и траншеями, и въ самомъ дѣлѣ, огромныя массы солдатъ и офицеровъ нашли свою смерть въ этихъ заранѣе отведенныхъ имъ могилахъ, безъ малѣйшей пользы для отечества, отъ имени котораго совершалось жертвоприношеніе. „Это не отдѣльная потерянная битва, — восклицаетъ сочувствующій намъ полковникъ Гедке,—а полное крушеніе. Въ этомъ страшномъ пораженіи обруши

лось нѣчто большее, чѣмъ войско,—цѣлая система получила здѣсь смертельный ударъ. И здѣсь, какъ нѣкогда подъ Іеной и позднѣе при Седанѣ, всемірная исторія произнесла свой неподкупный, безошибочный приговоръ". Называя генерала Куропаткина „фатальнымъ для своей родины полководцемъ, принесшимъ ей только несчастье", полковникъ Гедке признаетъ за нимъ и значительныя заслуги, и большія личныя достоинства; онъ полагаетъ, что японская побѣда—одна изъ величайшихъ въ исторіи человѣчества—одержана не надъ отдѣльными личностями, а надъ устарѣлою, неповоротливою, несостоятельною системою военнаго и государственнаго управленія.

Если таковъ приговоръ исторіи, произнесенный битвою подъ Мукденомъ, то, казалось бы, онъ долженъ былъ прежде всего получить это значеніе въ глазахъ русскаго общества и народа, безъ различія партій и направленій. Приговоры исторіи тѣмъ и отличаются отъ всякихъ другихъ, что они провозглашаются грозными общепонятными фактами, военными или политическими, смыслъ которыхъ ясенъ для всѣхъ. Но, повидимому, у насъ далеко еще не установилось такого общаго пониманія причинъ происшедшихъ событій; ни паденіе Портъ-Артура, ни катастрофа подъ Мукденомъ, ни тяжелыя внутреннія невзгоды не образумили нашихъ газетныхъ патріотовъ, продолжающихъ обвинять въ испытанныхъ неудачахъ кого-угодно, но только не дѣйствительныхъ виновниковъ, олицетворяющихъ собою пагубный безотвѣтственный бюрократическій режимъ. Эти газетные патріоты упорно стоятъ за войну во что бы то ни стало; они доказываютъ, что немыслимо согласиться на „позорный миръ",—какъ будто менѣе позорна война, уничтожившая нашъ флотъ и приведшая къ разгрому нашей полумилліонной сухопутной арміи. Послѣ кровавыхъ ужасовъ Мукдена повторяются въ печати тѣ же равнодушные толки, какъ и послѣ Лаояна, и послѣ паденія Портъ-Артура; сильнѣе чѣмъ когда либо поддерживаются безсмысленныя нападки на „интеллигенцію", на либераловъ и разныхъ „внутреннихъ враговъ", недовольныхъ грустнымъ положеніемъ дѣлъ въ государствѣ. Оффиціозные газетные патріоты вовсе не были взволнованы или смущены совершившимися на Дальнемъ Востокѣ событіями; напротивъ, они продолжаютъ увѣрять, что все идетъ отлично на театрѣ войны, что въ сущности японцы своими побѣдами только губятъ и разоряютъ самихъ себя, что Японія находится наканунѣ банкротства и жаждетъ скорѣйшаго мира, а намъ не трудно воевать до полнаго торжества надъ коварнымъ и дерзкимъ врагомъ.

Такимъ образомъ, „приговоръ исторіи" далеко еще не вразумителенъ для вліятельной части нашего общественнаго мнѣнія,—быть можетъ потому, что самыя событія происходятъ слишкомъ далеко отъ русскихъ предѣловъ и не угрожаютъ намъ непосредственною опасностью. По-

теря Портъ-Артура, Мукдена и даже всей Манчжуріи не затрогиваетъ нашихъ ближайшихъ интересовъ, а гибель сотенъ тысячъ человѣкъ и растрата лишнихъ сотенъ милліоновъ рублей не могутъ нарушить душевное равновѣсіе публицистовъ, свободныхъ отъ какой бы то ни было сентиментальности. Этимъ же объясняется тотъ странный фактъ, что кровопролитнѣйшія пораженія при Лаоянѣ, Шахе и Мукденѣ обсуждались у насъ преимущественно съ точки зрѣнія мелкихъ споровъ о личности генерала Куропаткина. Въ печати страстно выступали защитники и хвалители главнокомандующаго, указывавшіе на безусловное къ нему довѣріе и любовь арміи; но, разумѣется, популярность между солдатами не ослабляла убѣдительной силы опытовъ, повторявшихся съ безнадежнымъ однообразіемъ съ апрѣля прошлаго года. Слишкомъ дорого обошлись намъ эти опыты, чтобы можно было настаивать на ихъ продолженіи, и если отсутствіе данныхъ для успѣшнаго командованія на войнѣ выразилось достаточно ярко въ главнокомандующемъ, то оно сохраняетъ свое полное значеніе и съ замѣною этого званія болѣе скромною должностью начальника одной изъ манчжурскихъ армій. Но руководящая роль переходитъ въ другія руки, и привычка заниматься деталями, путемъ сложной канцелярской переписки съ подчиненными, не будетъ уже вліять на участь грандіозныхъ сраженій, какъ это было до сихъ поръ.

Что дѣлалъ и чѣмъ занимался многочисленный штабный персоналъ при генералѣ Куропаткинѣ, — неизвѣстно; но дѣятельность эта не проявлялась ни въ одномъ разумномъ и хорошо обдуманномъ планѣ, ни въ одной смѣлой и правильно разсчитанной комбинаціи, даже ни въ какихъ заурядныхъ практическихъ мѣрахъ для собиранія своевременныхъ свѣдѣній о непріятелѣ. Война велась какъ-то сама собою, безъ цѣли и смысла, въ полной зависимости отъ рѣшеній и дѣйствій противника, безъ опредѣленной надежды на побѣду, но съ твердымъ намѣреніемъ сражаться до тѣхъ поръ, пока не настанетъ моментъ для отступленія; оттого послѣднее смутно предполагалось заранѣе при всякой начинавшейся битвѣ, и разница касалась лишь количества атакъ, которыя можно было отбить при защитѣ занятыхъ неподвижныхъ позицій. Сознательно дѣйствовали только японцы, а мы послушно слѣдовали за тѣми ихъ движеніями, которыя имъ угодно было дѣлать для насъ явными; мы передвигали войска въ пункты, на которые они демонстративно нападали, и всѣ наши дѣйствія до того сообразовались съ намѣреніями противника, что можно было считать маршала Ояма общимъ распорядителемъ обѣихъ армій. Согласно японскому плану, цѣлое войско генерала Ноги спокойно обходило нашъ правый флангъ, направляясь къ западной сторонѣ Мукдена, и съ этой стороны противъ ста тысячъ японцевъ, подъ начальствомъ

Ноги и Оку, выставлено было всего около шестидесяти тысячъ человѣкъ, составлявшихъ нашу вторую манчжурскую армію послѣ того какъ одинъ ея корпусъ былъ перемѣщенъ на лѣвый флангъ въ виду настойчивыхъ демонстрацій генерала Куроки. „Потерянная битва при Сандепу—замѣчаетъ полковникъ Гедке—отомстила за себя Куропаткину; тѣ самыя войска, которыя здѣсь напрасно истекали кровью, подверглись первымъ ударамъ арміи Оку и легко поддались имъ. Потому упомянутая битва, гдѣ единственный русскій генералъ, выказавшій смѣлость и рѣшительность, былъ позорно оставленъ безъ поддержки, составляетъ настоящій поворотный пунктъ этой войны". Очевидно, еслибъ наступленіе, начатое генераломъ Гриппенбергомъ, было поддержано главнокомандующимъ, оно должно было привести къ лучшему для насъ результату, чѣмъ послѣдняя мукденская битва,—ибо тогда иниціатива исходила не отъ маршала Ояма и явилась слишкомъ преждевременно съ точки зрѣнія японскихъ интересовъ. Тогда не было еще обходнаго движенія генерала Ноги, и общій численный перевѣсъ давалъ намъ несомнѣнные шансы успѣха. Но генералъ Куропаткинъ предпочелъ терпѣливо дожидаться проявленія японской иниціативы послѣ прибытія всѣхъ войскъ Ноги и вновь организованной пятой арміи Кавамуры, — и въ этомъ загадочномъ рѣшеніи главнокомандующаго заключается одна изъ ближайшихъ причинъ катастрофы. Самъ генералъ Куропаткинъ, повидимому, склоненъ объяснять эту развязку разными стихійными условіями и обстоятельствами, а также непозволительною подвижностью и хитростью непріятеля, противъ чего оказалось безсильнымъ самое усердное дѣлопроизводство штабныхъ канцелярій. Какъ бы то ни было, бывшій главнокомандующій не чувствуетъ себя отвѣтственнымъ за несчастливое веденіе манчжурской кампаніи, и потому онъ могъ съ спокойною совѣстью взять на себя опять командованіе арміею, хотя и съ меньшимъ кругомъ обязанностей и отвѣтственности. Этимъ все-таки отчасти исполнялось желаніе восторженныхъ поклонниковъ генерала Куропаткина изъ „Новаго Времени" и другихъ подобныхъ газетъ, готовыхъ даже ставить ему въ заслугу пассивное геройство русскихъ войскъ, безплодно отданныхъ японцамъ на закланіе.

Патріотизмъ „Новаго Времени" и „Московскихъ Вѣдомостей" легко мирится съ какими угодно военными пораженіями и даже находитъ въ нихъ возбуждающій стимулъ для побѣдоносной внутренней травли; военныя неудачи на Дальнемъ Востокѣ не мѣшаютъ этимъ газетамъ принимать грозный тонъ относительно Запада и выставлять чисто-русскимъ идеаломъ насильственное пониженіе образованной части нашего общества до умственнаго уровня всероссійской „черной сотни".

Тревожное время войны значительно облегчаетъ осуществленіе этихъ гнусныхъ мечтаній о массовыхъ расправахъ съ невѣдомыми внутренними врагами, которыхъ предоставляется любому хулигану отличить по внѣшнему виду,—тѣмъ болѣе, что эти мечтанія открыто высказываются и поощряются въ газетахъ, пользующихся репутаціею правительственныхъ, оффиціальныхъ или оффиціозныхъ органовъ. Грандіозные ужасы военныхъ событій оживили хищные и звѣрскіе инстинкты не только въ темныхъ массахъ городского и сельскаго пролетаріата, но въ средѣ полуобразованныхъ интеллигентовъ, вдохновителей „Московскихъ Вѣдомостей" и родственныхъ имъ газетъ. Для этой категоріи публицистовъ даже позорная война лучше и выгоднѣе возможнаго мира, и непремѣнное продолженіе военныхъ дѣйствій остается лозунгомъ патріотовъ, повторяющихъ старыя фразы о господствѣ на Тихомъ океанѣ и о невозможности, будто бы, прочнаго мира съ Японіею. Сторонники войны доказываютъ, что она навязана намъ японцами, которые старательно готовились къ ней въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, и что мы оказались неподготовленными только вслѣдствіе излишней довѣрчивости и чрезмѣрнаго миролюбія. Намъ уже не разъ приходилось останавливаться на этой благодушной теоріи, не совсѣмъ совпадающей съ фактами; теперь мы можемъ привести въ подкрѣпленіе нашего взгляда нѣкоторыя интересныя замѣчанія, высказанныя въ свое время безусловно компетентнымъ оффиціальнымъ лицомъ, авторитетъ котораго одинаково признается и „Новымъ Временемъ", и „Московскими Вѣдомостями". Въ газетѣ „Разсвѣтъ", новомъ органѣ князя Ухтомскаго, напечатаны (въ № 8) слѣдующія выдержки изъ записки генерала Куропаткина, составленной два года тому назадъ:

„Вслѣдствіе нашихъ дѣйствій въ бассейнѣ Ялу и образа дѣйствій въ Манчжуріи, въ Японіи развилось серьезное противъ насъ возбужденіе, которое при неосторожномъ шагѣ съ нашей стороны можетъ разразиться войною съ нами. Такъ какъ справедливо принимаемыя нами мѣры къ упроченію нашего преобладающаго положенія въ Манчжуріи задѣваютъ интересы европейскихъ державъ и Америки, то можетъ случиться, что Японія въ случаѣ войны съ нами не останется одинокою. Наконецъ, въ военномъ министерствѣ не могутъ не считаться съ возможностью для Россіи, послѣ того, что она будетъ втянута въ войну съ Японіей, быть вынужденною начать войну на афганскомъ театрѣ, а затѣмъ быть атакованною какъ на Западѣ, такъ и на югѣ..." „Когда мы въ началѣ сего года приступили къ активной дѣятельности въ сѣверной Кореѣ, то таковая вызвала столь большую тревогу и возбужденіе умовъ въ Японіи, что опасность для насъ войны съ Японіей, главнымъ образомъ изъ-за дѣйствія нашихъ на р. Ялу, не миновала еще и до сихъ поръ... Дѣятельность ст.-секр. Безобра-

зова въ концѣ прошлаго и въ началѣ сего года вела именно къ разрыву съ Японіей... Изъ другихъ дѣятелей лѣсного предпріятія болѣе другихъ причинили заботы ген.-адъют. Алексѣеву д. с. с. Балашевъ, настроенный такъ же воинственно, какъ и ст.-секр. Безобразовъ... Въ бытность мою въ Японіи, я хорошо ознакомился, съ какою нервной тревогой относятся тамъ къ нашей дѣятельности въ Кореѣ, какъ преувеличиваютъ наши намѣренія и готовятся съ оружіемъ въ рукахъ выступить на защиту своихъ интересовъ въ Кореѣ... Настоящая наша активная дѣятельность въ Кореѣ, въ связи съ требованіемъ концессіи на постройку желѣзной дороги отъ Ялу къ Сеулу и устройствомъ въ Мозампо, приводятъ японцевъ къ убѣжденію, что Россія приступитъ къ слѣдующей части своей программы на Дальнемъ Востокѣ къ поглощенію вслѣдъ за Манчжуріей и Кореи... Настроеніе въ Японіи настолько возбуждено, что я полагаю, еслибы ген.-адъют. Алексѣевъ далъ ходъ всѣмъ предположеніямъ ст.-секр. Безобразова, мы были бы теперь, вѣроятно, въ войнѣ съ Японіей... По мнѣнію ген.-адъют. Алексѣева и по дружному мнѣнію нашихъ посланниковъ въ Пекинѣ, Сеулѣ и Токіо, лѣсное предпріятіе на Ялу можетъ вызвать войну съ Японіей; къ этому мнѣнію вполнѣ присоединяюсь и я"...

Изъ этого документа можно видѣть, что, по единодушному мнѣнію двухъ вѣдомствъ—военнаго и дипломатическаго, война подготовлялась нашими собственными фантастическими предпріятіями и замыслами, въ которыхъ руководящую роль игралъ почему-то г. Безобразовъ. Какимъ образомъ и по какой причинѣ наша политика на Дальнемъ Востокѣ зависѣла не отъ министерства иностранныхъ дѣлъ, а отъ посторонняго лица, не принадлежащаго ни къ числу дипломатовъ, ни къ разряду знатоковъ международной и въ частности восточно-азіатской политики,—объяснить это довольно трудно; можно только считать несомнѣннымъ, что противъ плановъ г. Безобразова энергически возражали въ свое время такія важныя два министерства, какъ военное и иностранныхъ дѣлъ, и что отчасти съ ними за-одно — по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ—былъ и намѣстникъ, генералъ Алексѣевъ. Тѣмъ не менѣе, доводы двухъ министерствъ должны были отступить предъ личными взглядами и стремленіями г. Безобразова и его таинственныхъ компаніоновъ, такъ что внѣшняя политика Россійской имперіи должна была пойти именно по тому руслу, куда хотѣлось направить ее маленькой группѣ частныхъ предпринимателей; а въ результатѣ возникла самая страшная и безсмысленная изъ войнъ. Мы не знаемъ, на чемъ основывалась удивительная сила г. Безобразова и почему этой силѣ подчинились потомъ и оба возражавшія вѣдомства; но уже весною 1903 года наша дипломатія и военное министерство усвоили взгляды г. Безобразова и усердно примѣняли ихъ на дѣлѣ,

даже съ нѣкоторымъ отступленіемъ отъ общепринятыхъ международныхъ обычаевъ.

Какъ видно изъ любопытной статьи г. Ф. М—та, напечатанной въ „Сынѣ Отечества“ отъ 10 марта (№ 16), русскій агентъ въ Кореѣ, г. Павловъ, хлопоталъ въ 1901 году о продленіи срока на пользованіе концессіею владивостокскаго купца Брюннера относительно рубки лѣса по рѣкамъ Ялу и Тумену, а также на озерѣ Улліонѣ; говорили, что это ходатайство было отклонено, но потомъ обнаружилось, что между уполномоченнымъ корейскаго правительства и представителемъ русской компаніи состоялся договоръ, подписанный 7 іюня 1903 года, объ отдачѣ этой компаніи въ аренду округа Іонампу, границы котораго должны быть опредѣлены русскимъ посланникомъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ Кореи. Еще раньше подписанія этого контракта, а именно 14-го мая того же года, мѣстный губернаторъ донесъ корейскому правительству о прибытіи русскихъ войскъ въ Антунгъ (Шахедза) съ цѣлью переправиться черезъ рѣку Ялу. „Нѣсколько дней спустя, отрядъ изъ сорока человѣкъ перешелъ черезъ рѣку, остановившись на небольшомъ островкѣ посреди рѣки, чтобы снять мундиры и вступить въ Іонампо въ партикулярномъ платьѣ. Изъ Іонампо они двинулись въ Іончіонъ возлѣ Ычжу, гдѣ, сопровождаемые сотней китайцевъ и восемьюдесятью корейцами, они устроили лѣсопромышленный поселокъ, купили семнадцать домовъ съ $3^1/_2$ десятинами земли на имя двухъ пришедшихъ съ ними корейскихъ чиновниковъ. Появленіе этой колоніи сейчасъ же возбудило протестъ корейскаго правительства, пригрозившаго г. Павлову разрывомъ сношеній, если поселеніе не будетъ тотчасъ же убрано. Г. Павловъ, однако, защищалъ существованіе лѣсопромышленнаго поселка, ссылаясь на условія лѣсной концессіи 1896 года. Въ первыхъ числахъ слѣдующаго мѣсяца власти Іончіона донесли, что другая партія русскихъ прибыла въ Іонампо. Въ іюлѣ къ нимъ присоединились еще шестьдесятъ мужчинъ, большей частью вооруженныхъ винтовками и саблями, и эти тоже купили тотчасъ же дома и землю“. Поселенцы „построили насыпь на берегу рѣки Ялу, на протяженіи 30 верстъ, для узкоколейной желѣзной дороги. Для подкрѣпленія этого занятія русскими земель на рѣкѣ Ялу отрядъ въ семьдесятъ человѣкъ войска перешелъ р. Цзонъ-санъ; другой отрядъ, въ восемьдесятъ человѣкъ, появился въ Піоктонѣ. Затѣмъ русскіе стали приводить въ общую связь всѣ эти раскидатныя лѣсопромышленныя поселенія, и для этой цѣли соорудили телеграфную линію между Ычжу и Іонампо. Эту линію корейцы тотчасъ же разрушили; вслѣдъ затѣмъ русскіе начали прокладывать подводный кабель отъ Іонампо, огибая берегъ и направляясь вверхъ по рѣкѣ Ялу до Антунга, вмѣсто сухопутной линіи отъ Іонампо въ

Манчжурію. Такъ какъ эти проекты о проложеніи кабеля были очень важны и вмѣстѣ съ поселеніемъ въ Іонампо сильно нуждались въ охранѣ, то предполагалось стянуть въ этотъ пунктъ отрядъ въ 300 человѣкъ". Между тѣмъ японскій посланникъ въ Кореѣ, Гаяши, получивъ текстъ упомянутаго „контракта между корейскимъ правительствомъ и русской лѣсопромышленной компаніей, 25 августа обратился по поводу этого акта съ ультиматумомъ къ корейскому правительству. Въ тотъ же день русскій посланникъ г. Павловъ отправился въ министерство иностранныхъ дѣлъ и потребовалъ отдачи въ аренду Іонампо; корейскій министръ иностранныхъ дѣлъ заявилъ, что это невозможно. 27-го августа русскій посланникъ повторилъ свой визитъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ; пришелъ онъ въ полдень и пробылъ до семи часовъ вечера, но министръ, сославшись на болѣзнь, не вышелъ. Тогда русскій посланникъ заявилъ, что больше не хочетъ имѣть никакихъ сношеній съ министромъ иностранныхъ дѣлъ, а обратится прямо къ самому императору. Въ своей депешѣ г. Гаяши заявилъ, что если корейское правительство подпишетъ подобное условіе съ русскимъ правительствомъ, то Японія сочтетъ такое дѣйствіе за прямое нарушеніе трактата между нею и Кореей, признаетъ въ такомъ случаѣ сношенія между обоими государствами прерванными и сочтетъ себя свободной дѣйствовать на свой страхъ для отстаиванія своихъ собственныхъ интересовъ. Энергичный протестъ японскаго посланника подѣйствовалъ на корейское правительство, которое сейчасъ же отдало распоряженіе губернатору Іонампо не допускать русскихъ къ дальнѣйшимъ захватамъ. Всѣ усилія мѣстныхъ властей, однако, ни къ чему не привели... Въ Сеулѣ стали получаться жалобы на произволъ русскихъ, а затѣмъ пришло извѣстіе, что снова проведена была телеграфная линія между Іонампо и лѣсной концессіей на р. Ялу. Въ связи съ этимъ извѣстіемъ о возобновившейся дѣятельности русскихъ было и другое, гораздо болѣе тревожнаго свойства. Русскіе воздвигли на пригоркѣ надъ гаванью Ту-ріу высокую сторожевую башню и подготовляли установку трехъ батарей полевой артиллеріи. Въ то же время, въ видѣ контръ-демонстраціи движенію цѣлой роты русскихъ солдатъ подъ командой двухъ офицеровъ, перешедшихъ 23-го октября ночью черезъ р. Тумѣнь на корейскую территорію, японское военное судно бросило якорь въ рукавѣ р. Ялу, въ ближайшемъ сосѣдствѣ отъ Іонампо". Эта первая морская демонстрація Японіи противъ русскихъ, какъ замѣчаетъ авторъ статьи, произошла „за два мѣсяца до „предательскаго" нападенія „коварнаго и вѣроломнаго" врага на наши сонныя суда".

Въ приведенныхъ выше извлеченіяхъ изъ записки генерала Куропаткина сказано прямо: „по мнѣнію генералъ-адъютанта Алексѣева

и по дружному мнѣнію нашихъ посланниковъ въ Пекинѣ, Сеулѣ и Токіо, лѣсное предпріятіе на Ялу можетъ вызвать войну съ Японіей; къ этому мнѣнію вполнѣ присоединяюсь и я". Если таково было мнѣніе посланниковъ, то оно раздѣлялось вѣроятно и министерствомъ иностранныхъ дѣлъ; однако, одинъ изъ этихъ посланниковъ, г. Павловъ, является самымъ настойчивымъ сторонникомъ и адвокатомъ предпріятія, способнаго,—по его же мнѣнію, цитируемому Куропаткинымъ,—вызвать войну съ Японіею. Другими словами, органы вѣдомства, охраняющаго внѣшніе интересы Россіи и обязаннаго предупреждать всякія международныя осложненія для обезпеченія мира, сознательно дѣйствуютъ противъ этихъ важнѣйшихъ интересовъ государства и рискуютъ возбужденіемъ войны съ Японіею и ея союзниками, чтобы угодить г-ну Безобразову. Такъ же точно военный министръ Куропаткинъ и намѣстникъ генералъ Алексѣевъ, сознавая—по свидѣтельству перваго изъ нихъ—явную опасность затѣянной игры съ Японіею по поводу Кореи, допускали передвиженіе небольшихъ военныхъ отрядовъ изъ занятой нами Манчжуріи въ предѣлы сосѣдней корейской территоріи, причемъ употреблялся крайне неловкій пріемъ переодѣванія русскихъ солдатъ въ костюмы простыхъ рабочихъ;—а послѣ разныхъ сооруженій телеграфныхъ и иныхъ приступлено было даже къ постановкѣ полевыхъ орудій въ одномъ изъ занятыхъ русскими пунктовъ, и несмотря на энергическіе протесты Японіи русскіе военные отряды съ офицерами открыто переходили черезъ границу Кореи, что̀, конечно, дѣлалось съ вѣдома и разрѣшенія подлежащихъ военныхъ властей. Что̀ же могло побудить генерала Куропаткина и намѣстника Алексѣева допускать въ этомъ случаѣ такія распоряженія, которыя, по ихъ же мнѣнію, были не только незаконны, но и несовмѣстимы съ оффиціальнымъ миролюбіемъ Россіи, и способны были втянуть ее въ нежелательную войну съ Японіею? Приходится заключить, что закулисное вліяніе г. Безобразова было сильнѣе всѣхъ доводовъ, какіе можно было привести въ защиту жизненныхъ интересовъ Россіи, и самые эти интересы какъ-то исчезали или теряли значеніе въ глазахъ двухъ центральныхъ вѣдомствъ и мѣстной высшей власти, когда выдвинулись на сцену другого рода соображенія, которыми поддерживался авторитетъ г. Безобразова. Нельзя винить только послѣдняго за произвольные и опасные акты, въ которыхъ завѣдомо участвовали министерства, имѣющія своею прямой задачей охран[у] важнѣйшихъ интересовъ государства. Самая возможность того, чт[о] эти первостепенные государственные интересы случайно подчиняютс[я] любому закулисному вліянію, вопреки внутреннему убѣжденію мини[-] стровъ,—указываетъ на какую-то крайне опасную ненормальность в[ъ] обычномъ ходѣ и строѣ внѣшней политики государства. Даже увер[-]

нѣйшіе охранители и реакціонеры не станутъ отрицать опасность такого хода и направленія политическихъ дѣлъ, а между тѣмъ они злобно обрушиваются на людей, предлагающихъ устранить подобныя аномаліи при помощи правильно организованнаго общественнаго участія и контроля. Тѣ, которые недовольны политическими предпріятіями гг. Безобразовыхъ и желали бы предупредить возможность повторенія ихъ въ будущемъ, для пользы и блага государства,—называются на языкѣ „Московскихъ Вѣдомостей“ преступными „крамольниками“, а тѣ, кто упорно стоитъ за дальнѣйшіе таинственные опыты въ томъ же родѣ, хотя бы съ великою опасностью для Россійской имперіи,—объявляются истинно русскими патріотами, вѣрными защитниками исконныхъ началъ государственнаго благополучія. Все русское общество и весь русскій народъ вынуждены теперь нести на себѣ послѣдствія этого „исконнаго“ благополучія, выразившагося въ безпрепятственномъ процвѣтаніи проектовъ загадочныхъ для русской публики совѣтчиковъ-предпринимателей...

Въ то время какъ наши храбрые газетные патріоты ратуютъ за продолженіе войны, которая приноситъ имъ однѣ выгоды и требуетъ жертвъ только отъ другихъ,—все рѣзче и сильнѣе выступаетъ на первый планъ вопросъ о финансовыхъ источникахъ для покрытія возрастающихъ военныхъ расходовъ. Требуются колоссальныя суммы, которыя можно добывать только путемъ займовъ; но при нашей громадной задолженности мы обязаны считаться съ интересами иностранныхъ кредиторовъ, особенно французскихъ, обладающихъ нашими государственными процентными бумагами на нѣсколько милліардовъ франковъ. Новые займы, выпускаемые для цѣлей войны при крайне неблагопріятныхъ для насъ обстоятельствахъ, могутъ привлекать публику только исключительными выгодами, причемъ масса прежнихъ бумагъ, напр. государственной ренты, неизбѣжно потеряетъ часть своей цѣнности и даже начнетъ возвращаться къ намъ изъ-за границы,—ибо нѣтъ разсчета держать 4%-ную или 3½%-ную бумагу, когда предлагаются новыя кредитныя бумаги, дающія 5% или 6% или даже 7%. Притомъ крупные и наиболѣе многочисленные заграничные кредиторы, отъ имени которыхъ прежде всего имѣетъ право говорить Франція, непосредственно заинтересованы въ томъ, чтобы мы не слишкомъ разстраивали свои государственные финансы и свое народное хозяйство новыми обременительными долгами и безплодными, непроизводительными тратами. Стремясь во что бы то ни стало добывать деньги на войну, мы можемъ невольно подорвать нашу едва установившуюся систему металлическаго обращенія, и нашъ

крупный золотой фондъ, хранящійся пока въ государственномъ банкѣ, подвергается опасности уменьшиться или даже растаять подъ вліяніемъ тяжелаго финансоваго кризиса. Вполнѣ естественно, что въ разныхъ иностранныхъ государствахъ печать, парламенты и правительства внимательно слѣдятъ за современнымъ положеніемъ и ходомъ дѣлъ въ нашемъ отечествѣ, ожидая коренныхъ преобразованій нашего строя не только ради внутренняго національнаго оживленія и подъема, но и въ видахъ необходимаго поддержанія внѣшняго кредита. Въ этомъ смыслѣ высказывался и лондонскій „Times“, который, впрочемъ, очень мало интересуется судьбою русской націи и состояніемъ русскихъ финансовъ. Въ одной изъ своихъ статей газета развивала ту мысль, что слишкомъ частое появленіе Россіи на иностраныхъ рынкахъ съ цѣлью денежнаго займа свидѣтельствуетъ объ ея плохомъ финансовомъ положеніи, и что ежегодные платежи ея по займамъ не соотвѣтствуютъ состоянію ея международнаго торговаго баланса. „Ея заграничныя обязательства значительно выше, чѣмъ можетъ вынести народъ, и она практически не можетъ ничего показать своимъ кредиторамъ. Ея золотой фондъ напоминаетъ колоссальный желѣзный шкапъ Эмберовъ, милліоны котораго необдуманно доставляются легкомысленными кліентами для позднѣйшаго ихъ разочарованія“.

По поводу послѣднихъ словъ оффиціальный представитель нашего финансоваго вѣдомства обратился къ издателю „Times“ съ письмомъ, въ которомъ предлагаетъ ему пріѣхать въ Петербургъ для личной провѣрки золотой наличности металлическаго фонда въ государственномъ банкѣ. Редакція „Times“ въ своемъ ироническомъ отвѣтѣ заявляетъ о невозможности принять на себя предлагаемую провѣрку, которая „едва ли входитъ въ кругъ компетенціи газеты“. При этомъ нельзя не пожалѣть, что укоренившіяся у насъ бюрократическія идеи позволяютъ обращаться даже къ иностранной публикѣ, приглашая ее повѣрять наши финансы, и забывая о существованіи своего, русскаго общества, когда дѣло идетъ объ общественномъ контролѣ по отношенію къ финансовымъ дѣламъ государства.

Въ практическомъ смыслѣ, обидная для Россіи ревизія ея финансовъ представителями иностранныхъ, или даже нашихъ газетъ никакъ не могла бы замѣнить, въ глазахъ Запада, тотъ постоянный парламентскій контроль, который существуетъ во всѣхъ благоустроенныхъ государствахъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 апрѣля 1905.

I.

— Н. П. Загоскинъ. Исторія Императорскаго Казанскаго Университета за первыя сто лѣтъ его существованія. 1804—1904. I—III. Казань. 1902—1904.

— За сто лѣтъ. Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Импер. Казанскаго Университета (1804—1904). Въ двухъ частяхъ. Подъ редакціею заслуженнаго ординарнаго профессора Н. П. Загоскина. Казань. 1904.

„Исторія казанскаго университета" — трудъ не только большого изученія и замѣчательной ревности къ просвѣщенію, но и высокаго академическаго, въ самомъ благородномъ смыслѣ этого слова, воодушевленія, почерпающаго свою лучшую силу въ искренней любви къ родному университету. Исходя изъ того взгляда, что университетъ, какъ живой организмъ, требуетъ и живого и участливаго къ себѣ отношенія, проф. Загоскинъ, при всемъ стремленіи къ научному безпристрастію, остается не безучастно-объективнымъ историкомъ-протоколистомъ, но вдумчивымъ изслѣдователемъ, переживающимъ всѣ перипетіи радостей и печалей своей alma mater. Отъ этого изложеніе его, вмѣсто мертваго перечня событій, переходитъ въ живой и въ высшей степени занимательный разсказъ о судьбахъ русскаго просвѣщенія вообще въ ихъ непосредственномъ отраженіи на исторіи казанскаго университета. Общія причины печальнаго положенія нашей академической науки все время стоятъ передъ глазами читателя, и въ этомъ наглядномъ уясненіи того, чѣмъ, на примѣрѣ казанскаго университета, были при всѣхъ стѣснительныхъ условіяхъ своего развитія университеты вообще и чѣмъ они могли бы быть безъ этихъ условій, заключается важнѣйшая заслуга почтеннаго автора.

Требованіе академической свободы, ставшее въ настоящее время всеобщимъ, обнаружило полнѣйшую невозможность вести университетское преподаваніе на прежнихъ основаніяхъ. Основанія эти возникли на почвѣ коренного недоразумѣнія между государствомъ и наукой. Учредители первыхъ университетовъ ставили послѣднимъ не научныя, но чисто прикладныя цѣли. Какъ это прекрасно выясняетъ проф. Загоскинъ, государство съ самаго начала (какъ и позже, впрочемъ, и въ наши дни) видѣло въ разныхъ наукахъ лишь матеріалъ, нужный ему для разныхъ родовъ государственной службы, и на профессоровъ смотрѣло не какъ на свободныхъ представителей свободной науки, но какъ на чиновниковъ: „чиновникъ по философіи", „чиновникъ по словесности", „чиновникъ по естественнымъ наукамъ"— такъ обыкновенно и назывались профессора въ доброе старое время,— они, впрочемъ, и были таковыми, принимая на себя обязательства читать курсы въ строго опредѣленномъ направленіи и по строго опредѣленнымъ программамъ и руководствамъ. Неудивительно, что свободная научная и общественная мысль, которую нельзя было вытравить никакими репрессіями и уловками бюрократическаго управленія, силилась вывести науку изъ ея унизительнаго служебнаго положенія на путь естественнаго и независимаго развитія, и на этой почвѣ неминуемо должна была разгорѣться борьба, приведшая въ наши дни къ полной дезорганизаціи академической жизни. „Теперь,—говоритъ г. Загоскинъ,—понятною становится еще одна характерная черта въ начальной жизни русскаго университета: это—эпоха борьбы и нерѣдко тяжелой борьбы за самое свое существованіе, которую приходится имъ выдерживать среди неблагопріятныхъ условій современной общественности, не говоря уже о неблагопріятныхъ, порою, для свободной академической жизни общихъ теченіяхъ нашей внутренней жизни. На долю отечественныхъ университетовъ выпадала трудная задача шагъ за шагомъ отвоевывать себѣ почетное и подобающее имъ мѣсто среди другихъ элементовъ русскаго общественнаго и государственнаго строя; неустанно бороться съ тупымъ равнодушіемъ или даже непріязненнымъ къ себѣ отношеніемъ и всячески популяризировать свое назначеніе, наглядно выясняя обществу практическіе результаты, каковыхъ вправѣ оно ожидать отъ университетской науки и отъ ея представителей. Не будучи продуктами свободнаго общественнаго самосознанія и духовнаго развитія, не имѣя за собой, подобно университетамъ западно-европейскимъ, многовѣковыхъ традицій, которыя сдѣлали бы ихъ неотъемлемыми и ненарушимыми элементами общаго строя культурной жизни народа, русскіе университеты были лишены значенія „очаговъ науки", дѣятельность которыхъ произвольно затушена быть не можетъ такъ же точно, какъ не можетъ быть загашенъ и вѣчный

свѣтъ истины и человѣческаго знанія. Напротивъ, въ исторіи русскихъ университетовъ наблюдались моменты, въ которые совершались святотатственныя попытки не только загасить свѣточъ русской университетской науки, но въ которые на волоскѣ висѣлъ самый вопросъ о цѣлесообразности ея дальнѣйшаго существованія. Свѣжи еще памятью эпохи Рунича и Магницкаго, изъ которыхъ послѣдняя ознаменовалась чудовищнымъ и едва не получившимъ осуществленія предположеніемъ о „публичномъ разрушеніи" только-что вступившаго въ жизнь казанскаго университета; извѣстно, что даже въ сороковыхъ годахъ минувшаго столѣтія могъ еще возбуждаться вопросъ о совершенномъ закрытіи всѣхъ русскихъ университетовъ; къ явленіямъ того же порядка должны быть отнесены и другія неоднократныя перипетіи и колебанія, которымъ подвергались русскіе университеты за весьма еще непродолжительный періодъ своего существованія"...

Несмотря на различныя неблагопріятныя условія, создавшіяся преимущественно на почвѣ административныхъ воздѣйствій и колебаній университетскаго устава, казанскій университетъ сыгралъ, тѣмъ не менѣе, видную роль въ исторіи своего края. Особое положеніе создали ему географическія и естественно-историческія особенности страны, въ которой онъ явился высшимъ просвѣтительнымъ центромъ, и это положеніе опредѣлило, съ одной стороны, благопріятныя данныя для развитія естествовѣдѣнія, а съ другой—выдвинуло на ближайшій планъ культурно-историческіе интересы въ области изученія угро-финскихъ и тюрко-татарскихъ племенъ. Благодаря этимъ условіямъ, на долю казанскаго университета выпала въ гораздо большей степени, сравнительно съ другими университетами, „историческая миссія первостепеннаго стимула культуры", и, такимъ образомъ, исторія казанскаго университета тѣсно сливается съ исторіей культуры и общественности города Казани и тяготѣющаго къ нему края. Такое пониманіе своей задачи открывало автору широкій просторъ ставить по поводу конкретныхъ фактовъ общіе вопросы и дѣлать заключенія, болѣе или менѣе принципіальнаго характера.

Исторію казанскаго университета г. Загоскинъ дѣлитъ на четыре періода, сообразно университетскимъ уставамъ. Конечно, уставы не были въ состояніи сообщить университетской жизни слишкомъ строго опредѣленныхъ рамокъ: она подвергалась различнымъ колебаніямъ,—но каждый изъ уставовъ, при наличности общихъ условій, задерживавшихъ просвѣщеніе, налагалъ на нее свой особый отпечатокъ. „Воздѣйствіе политическихъ и общественныхъ настроеній и движеній,—говоритъ авторъ,—условія постановки средней школы, даже вліяніе отдѣльныхъ лицъ, поставленныхъ во главѣ дѣла народнаго просвѣщенія,—все это находило себѣ большее или меньшее отраженіе

на уровнѣ и университетской науки, и академической жизни. Любопытнымъ и въ высокой степени поучительнымъ представляется прослѣдить, какъ именно отражались всѣ эти вліянія на судьбахъ русской университетской жизни, обусловливая собою то прогрессивное движеніе, то застой и даже регрессъ этой жизни; какъ сказывались они на колебаніяхъ въ области постановки русскаго университетскаго дѣла, находившихъ себѣ выраженіе то въ полномъ довѣріи къ университетамъ, съ предоставленіемъ имъ широкой автономіи, то отказывавшихъ имъ въ довѣріи, съ усиленіемъ бюрократическаго начала университетскаго строя; какъ вліяли они, наконецъ, и на общій ходъ развитія университетской науки, и на образовательно-воспитательное значеніе университетовъ".

Первый періодъ опредѣляется дѣйствіемъ университетскихъ уставовъ 1804 года. Въ основѣ этихъ уставовъ лежитъ широкая автономія, съ выборнымъ началомъ въ замѣщеніи всѣхъ должностей и университетскимъ судомъ. Однако, казанскому университету почти не удалось воспользоваться этими началами автономіи, началами, которыя, по справедливому выраженію автора, широко ставили и государственное, и научное, и общественное значеніе университетовъ. Сначала казанскій университетъ существовалъ въ тѣсномъ соединеніи съ мѣстной гимназіей подъ единоличнымъ и самовластнымъ руководительствомъ директора, а затѣмъ, съ конца второго десятилѣтія имѣлъ несчастіе подпасть подъ верховное управленіе печальной памяти попечителя Магницкаго. Оно открылось его знаменитой ревизіей, результатомъ которой явился полный разгромъ университета. „Неутомимый ревизоръ, отрицательное отношеніе котораго къ казанскому университету простерлось до предложенія о „публичномъ его разрушеніи", слѣдомъ затѣмъ (1819 г.) назначается попечителемъ казанскаго учебнаго округа и открываетъ семилѣтнюю (1819—1826 гг.) пору жизни этого университета, носящую въ лѣтописяхъ русскаго просвѣщенія зловѣщее наименованіе „эпохи попечительства Магницкаго". Массовыя увольненія неугодныхъ Магницкому профессоровъ, признанныхъ имъ неблагонамѣренными, съ замѣною ихъ попечительскими креатурами; фарисейская „благонамѣренность, часто скрывавшая подъ своей личиною невѣжество и нравственные недостатки, какъ критерій для оцѣнки профессоровъ; развитіе лицемѣрнаго ханжества среди учащихъ и учащихся; запрещеніе однѣхъ наукъ и ограниченія въ преподаваніи другихъ рамками узкихъ и тенденціозно-составленныхъ программъ; наконецъ, систематическое игнорированіе высочайше дарованныхъ выборныхъ правъ—въ такомъ видѣ представляются намъ черты жизни казанскаго университета въ эпоху попечительства Магницкаго". Положеніе было настолько тяжелымъ, что

даже восшествіе на престолъ Николая I было принято какъ освобожденіе отъ гнетущаго кошмара, и фактически оно было таковымъ для казанскаго университета.

Періодъ дѣйствія устава 1835 г. явился живымъ свидѣтельствомъ того, какъ мало принимались во вниманіе печальные опыты прежнихъ лѣтъ. Сохраняя выборное право на общихъ основаніяхъ, уставъ дополнялъ его двумя новыми способами замѣщенія каѳедръ—конкурсомъ и назначеніемъ по усмотрѣнію министра; инспекція при этомъ выдѣляется изъ общаго коллегіальнаго строя и подчиняется непосредственно попечителю. Попечительская власть вообще усиливается этимъ уставомъ, и все теченіе университетской жизни ставится въ зависимость отъ личности попечителя, что̀ и обнаруживается сразу на порядкѣ замѣщенія вакантныхъ каѳедръ. По счастью для казанскаго университета, этотъ періодъ былъ ознаменованъ расцвѣтомъ оріенталистики, что̀ соотвѣтствовало вкусамъ и интересамъ Мусина-Пушкина... Но въ другихъ университетахъ дѣла обстояли зачастую иначе: „Къ этому времени, по словамъ современника той эпохи, проф. Д. Н. Каченовскаго, относятся всѣ невѣроятные разсказы и смѣшные анекдоты о почтенныхъ педагогахъ, которые сидѣли на каѳедрахъ, благодаря попечительской милости, протекціи или связямъ"...

Но этотъ уставъ просуществовалъ недолго. Со второй половины сороковыхъ годовъ начинаютъ сглаживаться автономныя черты подъ вліяніемъ общаго реакціоннаго духа той эпохи, и въ зависимости отъ этого принимаются соотвѣтствующія мѣры: отмѣна права избранія ректора и ограниченіе права избранія декановъ, уменьшеніе количества студентовъ до 300, запрещеніе преподаванія нѣкоторыхъ, признанныхъ зловредными наукъ, строгая регламентація программъ и самаго направленія лекцій, пріостановка заграничныхъ командировокъ, произвольное замѣщеніе каѳедръ и т. д. „Результаты такого направленія въ политикѣ нашей высшей школы,—говоритъ проф. Загоскинъ,—не замедлили отразиться и на общемъ строѣ университетовъ, и на ихъ запустѣніи съ точки зрѣнія какъ полноты преподавательскаго персонала, такъ и съ точки зрѣнія количества учащихся, въ 1849 — 50 годахъ сразу упавшаго на 25%. Къ концу періода дѣйствія устава 1835 года пріурочиваются и первыя серьезныя студенческія волненія, представившія собою и глубоко прискорбное явленіе, совершенно неизвѣстное,—по крайней мѣрѣ въ такой общей и острой формѣ,—предшествующему теченію русской академической жизни"...

Это тяжелое положеніе прекратилъ (на время) уставъ 1863 г. Въ его основу были положены основы устава 1804 г.; инспекція по назначенію была замѣнена выборною проректурою. Это было, конечно,

крупное событіе, но авторъ отмѣчаетъ при этомъ, что новый режимъ, имѣвшій благодѣтельныя (хотя и временныя) послѣдствія, ничего не сдѣлалъ по отношенію къ устройству быта студенчества, объявивъ студентовъ совершенно отдѣльными посѣтителями университета,—на этой почвѣ и возникла прискорбная разобщенность между студентами и профессорами. Этотъ уставъ въ общемъ сохранялъ свою силу втеченіе 21 года, хотя въ послѣднія 10 лѣтъ своего дѣйствія уставъ этотъ, подъ вліяніемъ „критически-отрицательнаго“ отношенія части русской прессы и правящихъ сферъ, сталъ подвергаться всяческимъ ограниченіямъ и стѣсненіямъ, въ формѣ министерскихъ циркуляровъ и распоряженій, завершившихся отмѣной дѣйствія устава 1863 года и введеніемъ устава 1884 г. Относительно послѣдняго авторъ говоритъ: „Какъ коренныя положенія устава 23-го августа 1884 года, такъ и практическіе результаты примѣненія ихъ въ дѣйствительной жизни слишкомъ хорошо знакомы современному обществу и едвали требуютъ комментарій. Достаточно вспомнить, что постановка и направленіе русскаго университетскаго дѣла, созданныя этимъ уставомъ и нынѣ съ высоты престола признанныя несоотвѣтствующими цѣлямъ и подлежащими „безотлагательному и коренному“ пересмотру, — самымъ рѣшительнымъ образомъ уклонились съ 1884 года отъ тѣхъ основныхъ началъ, съ которыми зародилось на Руси высшее университетское образованіе, подъ эгидою которыхъ развивалось и крѣпло оно въ нашемъ отечествѣ, съ нѣкоторыми, правда, уклоненіями и колебаніями, но, во всякомъ случаѣ, съ уклоненіями и колебаніями лишь временнаго и всегда частичнаго характера“.

Въ связи съ этимъ общимъ взглядомъ на судьбы русскихъ университетовъ излагаетъ г. Загоскинъ исторію казанскаго университета. Въ вышедшихъ трехъ томахъ она доведена лишь до 1827 года, заканчиваясь обширной и въ высшей степени яркой характеристикой позорнаго попечительства Магницкаго. Факты, приводимые въ ней, таковы, что имъ едвали согласится повѣрить образованный гражданинъ любого изъ культурныхъ государствъ Запада и Востока,—но русскій читатель, донынѣ испытывающій на себѣ прямое или косвенное вліяніе подобныхъ Магницкому гасителей духа и мысли, приметъ фактическій разсказъ г. Загоскина какъ правдивое и нелицепріятное слово исторіи, воздающей каждому по дѣламъ его. Съ тяжелымъ чувствомъ прочтетъ онъ приложенное къ 3-му тому донесеніе Магницкаго о своей ревизіи, гдѣ послѣдній приходилъ къ выводу о необходимости „уничтожить“ казанскій университетъ, спасшійся отъ этого только благодаря заступничеству министра (Уварова). Не имѣя возможности останавливаться на эпохѣ Магницкаго, въ изложеніи его историка, приведемъ заключеніе изъ „инструкціи“ знаменитаго ревизора

теля просвѣщенія лишь нѣсколько извлеченій о томъ, въ какомъ духѣ должна была излагаться университетская наука. Такъ, въ области преподаванія политическихъ наукъ Магницкій предъявлялъ слѣдующія требованія: „Благоразумное преподаваніе политическаго права покажетъ, что правленіе монархическое — есть древнѣйшее и установлено самимъ Богомъ; что священная власть монарховъ въ законномъ наслѣдіи и въ тѣхъ предѣлахъ, кои возрасту и духу каждаго народа свойственны — нисходятъ отъ Бога, и законодательство, въ семъ порядкѣ установляемое—есть выраженіе воли Вышняго. Почему одинъ изъ древнихъ христіанскихъ мудрецовъ почтеніе и покорность, государямъ принадлежащія, называетъ—*религіею второго величества*.

„Нравственность сей науки должна быть чиста, почему *преподаватель обязанъ съ отвращеніемъ указать на правила Махіавеля и Гобса*. Онъ долженъ изъяснить, что цѣль гражданства не есть пожертвовать счастьемъ всѣхъ одному или *возвысить токмо одинъ классъ на счетъ всѣхъ прочихъ*, но что, согласно съ мыслями Платона и Аристотеля, предметъ онаго есть *сдѣлать людей, въ обществѣ живущихъ, сколь можно счастливѣе*, доставя каждому личную безопасность, спокойное обладаніе имуществомъ, здравіе, *свободу мысли* (!), прямоту сердца и справедливость; что для полученія сихъ благъ необходимы взаимныя жертвы. Потомъ, восходя выше Платона и Аристотеля, преподаватель покажетъ источникъ сихъ началъ въ Моисеѣ, Давидѣ, Соломонѣ, въ пророкахъ и апостолахъ или, лучше, въ самомъ верховномъ Законодателѣ—и сею священною печатью запечатлѣетъ истину своихъ уроковъ".

Въ этомъ же родѣ составлены были наставленія и по другимъ наукамъ.

Труду проф. Загоскина, въ значительной своей части, обязанъ и двухъ-томный „Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей императорскаго казанскаго университета" за сто лѣтъ. Изъ помѣщенныхъ въ немъ 591-й біографіи, 125 изъ нихъ — основаны на автобіографическихъ данныхъ, 84—доставлены различными добровольными сотрудниками, 382—составлены единоличнымъ трудомъ. Біографіи, краткія, фактическія, сопровождаются перечнемъ ученыхъ и литературныхъ трудовъ; въ концѣ второй части даны свѣдѣнія справочнаго характера и указатель.

II.

— Д. Нагуевскій, проф. имп. казан. ун. Профессоръ Францъ Ксаверій Броннеръ, его Дневникъ и переписка. (1758—1850 г.г.). Съ портретомъ Броннера, снимкомъ его рукописи, таблицами и указателемъ. Изслѣдованіе по архивнымъ документамъ. Казань. 1902.

Въ минувшемъ году исполнилось, какъ извѣстно, столѣтіе казанскаго университета, къ которому пріуроченъ выходъ обширнаго труда г. Нагуевскаго, напечатаннаго, повидимому, нѣсколько ранѣе. Броннеръ былъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей этого университета, гдѣ онъ былъ профессоромъ, исполнялъ обязанности директора педагогическаго института при университетѣ и инспекторомъ казенныхъ студентовъ. Сынъ бѣднаго работника, Броннеръ родился въ 1758 г. въ одномъ изъ небольшихъ городковъ юго-западной Баваріи; онъ пріобрѣлъ обширныя познанія въ области математики, физики и въ „натуральной „философіи"; былъ одно время монахомъ, затѣмъ сдѣлался членомъ масонскаго ордена, позже перешелъ къ ордену иллюминатовъ и, наконецъ, твердо основался въ Казани. Человѣкъ глубокій, разносторонне-ученый, Броннеръ игралъ видную роль въ качествѣ профессора, оставивъ послѣ себя много ученыхъ трудовъ, но основное значеніе его дѣятельности, благодаря которому имя его навсегда останется главнымъ въ исторіи казанскаго университета, основывается не столько на его профессурѣ, сколько на его трудахъ, направленныхъ на воспитаніе юношества. Онъ былъ чрезвычайно типичнымъ для своего времени наставникомъ-руководителемъ университетской молодежи, посвящавшимъ всѣ свои силы служенію высшимъ цѣлямъ образованія и воспитанія.

Г. Нагуевскій въ своемъ обстоятельномъ очеркѣ всесторонне освѣщаетъ личность Броннера и условія, среди которыхъ ему приходилось дѣйствовать. Условія эти были во многихъ отношеніяхъ тягостны, такъ какъ университетская жизнь уже въ первые годы своего существованія испытала на себѣ всѣ плоды зависимаго положенія отъ попечителя округа. „Какъ членъ университетской коллегіи,—говоритъ г. Нагуевскій,—Броннеръ былъ убѣжденнымъ и стойкимъ сторонникомъ академической автономіи, дарованной казанскому университету уставомъ 1804 года, и вмѣстѣ съ лучшими представителями тогдашняго университета рѣшительно отстаивалъ самостоятельность коллегіи, открыто высказываясь, и въ совѣтѣ, и въ своихъ сношеніяхъ съ петербургскимъ начальствомъ, противъ единовластія и насилій Як-

кина. Въ бурныхъ засѣданіяхъ тогдашнихъ совѣтовъ, среди партійнаго раздора и пререканій, вызванныхъ неутвержденіемъ выборовъ ректора и декановъ въ 1810 году, а впослѣдствіи происками Яковкина и его приверженцевъ—Броннеръ стремился внести духъ умиротворенія, защищая предъ попечителями заподозрѣнныхъ Яковкинымъ профессоровъ и настоятельно указывая на необходимость примѣненія въ полномъ объемѣ устава Александра I, какъ надежной гарантіи мирнаго и плодотворнаго развитія университетской жизни. Въ автономіи университета Броннеръ видѣлъ единственное средство сдѣлать академическую жизнь нормальной и спокойной.

Дневникъ Броннера заключаетъ въ себѣ по преимуществу свѣдѣнія о внѣшнемъ поведеніи студентовъ, и съ этой стороны онъ чрезвычайно интересенъ въ бытовомъ отношеніи. Въ качествѣ инспектора, Броннеръ проявилъ необыкновенную заботу о поведеніи и научныхъ успѣхахъ студентовъ. Послѣдніе отличались грубостью нравовъ, своевольствомъ, дурными привычками, но настойчивость, съ какою онъ дѣйствовалъ, то укоряя провинившихся, то подвергая разнаго рода взысканіямъ наиболѣе упорныхъ, брала верхъ, и воспитателю удавалось достигать этими патріархальными пріемами удовлетворительныхъ результатовъ. „Много усилій,—говоритъ г. Нагуевскій, —стоило Броннеру пріучить студентовъ къ исправному посѣщенію лекцій. Въ средѣ академической молодежи того времени „уклоненіе отъ лекцій“, какъ говорили тогда, было явленіемъ весьма обыкновеннымъ, вслѣдствіе слабой вообще подготовки студентовъ къ слушанію университетскихъ курсовъ, а также потому, что огромное большинство студентовъ не понимало профессоровъ, читавшихъ преимущественно на латинскомъ языкѣ. Такъ какъ лекціи въ то время начинались съ восьми часовъ утра, то Броннеръ, какъ мы видѣли, настоялъ на томъ, чтобы всѣ студенты были за завтракомъ не позже семи съ четвертью часовъ утра. Но это не обезпечивало правильнаго посѣщенія аудиторій, такъ какъ студенты, какъ видно изъ донесеній помощниковъ Броннера, нерѣдко пропускали лекціи самовольно или подъ ничтожными предлогами, и въ дневникѣ не разъ встрѣчаемъ лаконическую замѣтку, что такой-то студентъ вовсе не является на лекціи.

При всемъ томъ Броннеръ не былъ узкимъ педантомъ и держался того взгляда, что не слѣдуетъ чрезмѣрно стѣснять проявленія юношеской веселости. Такъ, по словамъ біографа, — „онъ снисходительно относится къ пляскѣ студентовъ въ камерѣ подъ звуки гитары, не обращаетъ особеннаго вниманія на устройство въ комнатѣ фейерверка и на куреніе табаку, довольствуясь конфискаціей курительныхъ приборовъ—но къ пристрастію молодыхъ людей къ спиртнымъ напиткамъ,

къ ихъ оскорбляющимъ нравственность и приличіе привычкамъ и поступкамъ, онъ справедливо относится съ строгостью". Нельзя не замѣтить однако, что за внѣшними проявленіями отъ Броннера ускользала другая сторона ихъ внутренняго быта — развивавшіяся среди нихъ общественныя и „вольныя" умственныя теченія. Въ этомъ отношеніи студентамъ была предоставлена свобода совѣсти, на которую Броннеръ и не думалъ посягать: повидимому, онъ или не интересовался, или же считалъ вмѣшательство въ эту область несовмѣстимымъ съ своимъ академическимъ достоинствомъ.

Вторую часть книги занимаетъ переписка Броннера съ попечителемъ Румовскимъ, дающая немало любопытныхъ чертъ для исторіи казанскаго университета.

III.

— Въ защиту слова. Сборникъ. Статьи. Стихотворенія и замѣтки. Спб. 1905 г.

„Лучше быть безъ парламента, чѣмъ безъ свободы печати; лучше отказаться отъ отвѣтственности министровъ, отъ Habeas Corpus Act, отъ права разрѣшенія налоговъ, чѣмъ отъ свободы печати—потому что эта свобода, все равно, вернетъ всѣ остальныя". Эти слова Шеридана П. Н. Милюковъ поставилъ эпиграфомъ къ своей статьѣ „Субъективныя и соціологическія обоснованія свободы печати". Авторъ начинаетъ ее сравненіемъ: что̀ отвѣтятъ на вопросъ о свободѣ печати средній англичанинъ и русскій государственный человѣкъ. Англичанинъ станетъ втупикъ: онъ давно уже объ этомъ сюжетѣ не думаетъ. На дальнѣйшіе же вопросы онъ отвѣтитъ, что разсуждать о свободѣ печати — то же самое, что толковать о важности здоровья, объ употребленіи вилки и ножа за столомъ, о незамѣнимости желѣзныхъ дорогъ для цивилизаціи или о пользѣ стекла: и что лучше всего предоставить эти темы гимназистамъ среднихъ классовъ. „Но если вы спросите о томъ же предметѣ русскаго государственнаго человѣка,—я не знаю, что̀ онъ подумаетъ,—скажетъ же онъ безъ сомнѣнія,—если, разумѣется, онъ настоящій государственный человѣкъ,—что свобода печати недопустима при существующемъ порядкѣ вещей, что ножомъ можно обрѣзаться и что излишество здоровья ведетъ къ распущенности. Вы могли бы возразить, конечно, въ качествѣ простого смертнаго, что abusus non tollit usum, злоупотребленіе не исключаетъ употребленія. Но это показало бы только, что вы игнорируете основную аксіому этой государственной мудрости, ту, на которой основана вся сила только-что приведенныхъ аргументовъ. Это—извѣстная аксіома о „bornirter Unterthanenverstand"-

о безнадежно-ограниченномъ умѣ подданныхъ, что, дѣйствительно, за каждымъ субъектомъ, употребляющимъ ножъ, необходимо долженъ стоять другой субъектъ, чтобы наблюдать, какъ бы первый не причинилъ себѣ поврежденія".

То, что ясно обыкновенному среднему англичанину, не ясно русскому государственному человѣку: очевидно, по вопросу о свободѣ печати логика теряетъ свою абсолютную обязательность и становится относительной и двойственной. Г. Милюковъ не только не старается примирить это противорѣчіе, но совершенно игнорируетъ логику русскаго государственнаго человѣка, обращаясь къ здравому и честному смыслу средняго русскаго читателя, неменѣе англичанина заинтересованнаго въ свободѣ печати. Выдвигая верховное значеніе научно-соціологическаго объясненія „человѣческихъ правъ" на томъ основаніи, что центральной идеей современной соціологіи служитъ идея психологическаго взаимодѣйствія, необходимымъ условіемъ котораго, въ его усовершенствованныхъ формахъ, является свобода печати,—авторъ доказываетъ, что политика преслѣдованія свободнаго слова безсильна справиться съ поставленной себѣ задачей. Она можетъ достичь *разстройства* правильнаго функціонированія явленій раціональнаго взаимодѣйствія, но отнюдь не *уничтоженія* этихъ явленій, если дѣло идетъ о сколько-нибудь развитомъ общественномъ организмѣ. „Во-первыхъ, тѣмъ, что можно прямо запретить,—говоритъ г. Милюковъ—далеко не исчерпываются явленія раціональнаго взаимодѣйствія; во-вторыхъ, и въ области доступной непосредственному запрещенію жизненная потребность дѣлаетъ свое дѣло, и нарушенная функція возстановляется обходнымъ путемъ, собственными усиліями подвергаемаго эксперименту организма".

То, что испытываютъ писатели, которые, взамѣнъ свободной, радостной созидательной работы по призванію, чувствуютъ на себѣ обязанность писать статьи о пользѣ стекла, или, что то же, по словамъ англичанина, о необходимости независимости печати,—объ этомъ можетъ разсказать только русскій писатель. Быть русскимъ писателемъ—это, какъ объясняетъ г. Пѣшехоновъ въ статьѣ „Защита слова", значитъ, что каждая написанная строчка, прежде чѣмъ появится въ свѣтъ, можетъ быть уничтожена или исковеркана. Но участь читателя гораздо хуже. Авторъ только-что названной статьи проводитъ такую параллель: „Я знаю факты, о которыхъ онъ не узнаетъ; я владѣю мыслью, которая до него дойдетъ лишь въ обрывкахъ; я вижу идеалы, которые его никогда, быть можетъ, не освѣтятъ и не согрѣютъ... Писателю цензура зажимаетъ ротъ, къ читателю же она забирается въ самую душу. Чиновникамъ нѣтъ дѣла до мукъ, въ которыхъ родилась мысль; имъ нѣтъ дѣла до счастья, какое несетъ людямъ рожденное ею слово".

Свобода печати нужна для всѣхъ — для писателей, читателей, „пухнущихъ отъ цынги мужиковъ“ и „медленно, но неуклонно вымирающихъ чукчей“. Это прекрасно понялъ торговецъ Зарубинъ, о которомъ разсказываетъ В. Г. Короленко. Будучи приглашенъ нижегородскимъ губернаторомъ Барановымъ въ совѣщаніе, онъ на вопросъ, *„какъ сохранить крестьянскій скотъ?“* —написалъ на бланкѣ: *„Необходима свобода печати“*.

— Вы, вѣроятно, ошиблись рубрикой? — спросилъ генералъ Барановъ.

— Нѣтъ, ваше превосходительство, я не ошибся.

При встрѣчѣ съ нимъ г. Короленко предложилъ ему вопросъ о „скотѣ и свободѣ печати“.

— А вы думаете,—это неправда?—спросилъ онъ.

— Правда, пожалуй, но... нѣсколько неожиданная...

— А вотъ я вамъ скажу: въ прошломъ году крестьяне уже голодали, но голодъ не признавался. И полиція усиленно продавала скотъ за недоимки. Я написалъ объ этомъ, со словъ знакомыхъ мужиковъ, письмо въ газету... Говорятъ—нельзя. „Цензура не пропускаетъ“. А теперь вотъ спрашиваютъ: какъ сохранить скотъ, который сами распродали за безцѣнокъ... Ну, вотъ... посмотрѣлъ я этотъ бланкъ и думаю: вотъ гдѣ самое мѣсто сказать о свободѣ печати. Ну, что̀?

„Я, конечно, — говоритъ г. Короленко, — не возражалъ. Старый мудрецъ высказалъ непререкаемую истину: вопросъ о свободѣ слова назрѣлъ, переполнилъ собою всю русскую дѣйствительность и бьетъ изо всѣхъ щелей,—иной разъ очень далекихъ отъ существа самаго вопроса. Онъ связался тѣснѣйшимъ образомъ со всѣми другими вопросами русской жизни... Рѣшеніе его ясно. Его можно „отодвинуть и замутить суровыми фактами жизни“, какъ двѣ другія „обольстительныя мечты“, указанныя „Гражданиномъ“,—но вытравить ихъ изъ сознанія нельзя. Настоящее русскаго слова тѣмъ тягостнѣе, чѣмъ оно менѣе разумно. Но будущее его, конечно, „лучезарно“.“

Какими чертами быта сказывается цензурный гнетъ въ современной жизни, объ этомъ разсказываютъ многіе авторы разсматриваемаго сборника: Наживинъ, В. І. Дмитріева, В. А. Розенбергъ, Е. Н. Чириковъ, А. И. Иванчинъ-Писаревъ, И. П. Бѣлоконскій, М. Н. Слѣпцова. Въ этихъ разсказахъ заключены всѣ переходы отъ безпощаднаго отчаянія до самаго невѣроятнаго комизма. Грядущія поколѣнія не повѣрятъ, что то, о чемъ пишутъ эти авторы, было на самомъ дѣлѣ, а между тѣмъ они говорятъ только о фактахъ, они называютъ имена еще живыхъ людей, отмѣчаютъ хронологическія даты, и ихъ никто не обвиняетъ въ клеветѣ,—слѣдовательно, то, что̀ они говорятъ—правда, Таковъ, напр., разсказъ г. Чирикова: „О томъ, какъ

газета сама себя высѣкла". Газета „Астраханскій Вѣстникъ" имѣла несчастіе обратить на себя специфическое вниманіе „Гражданина", который и началъ вопіять свое „caveant consules!", обвиняя газету въ распространеніи крамолы. Губернаторъ, кн. Вяземскій, побывавъ въ Петербургѣ, вызвалъ издателя для бесѣды „по душѣ" и предложилъ ему альтернативу: или закрыть себя добровольно на два мѣсяца, или будетъ послана телеграмма въ Петербургъ, и тогда...

Дѣлать было нечего: газета была „само-закрыта", причемъ, не довольствуясь этимъ, губернаторъ „посовѣтовалъ" перемѣнить составъ редакціи. Издатель не могъ не принять и этого *совѣта*. Нѣкоторые изъ сотрудниковъ были связаны контрактами и сочли нужнымъ обратиться въ судъ, въ дореформенную тогда еще (1889 г.) „соединенную палату уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ". Приговоръ ея достоинъ поистинѣ Капнистовой „Ябеды". „Послѣ рѣчей повѣренныхъ,—разсказываетъ г. Чириковъ,—обвиняемый, вмѣсто своего „слова", представилъ суду „записочку отъ губернатора", въ которой тотъ писалъ, что газета закрыта на два мѣсяца и сотрудники удалены по его, губернатора, совѣту:

„— Въ искахъ отказать!

„Ровно два мѣсяца „Астраханскій Вѣстникъ" не выходилъ. А затѣмъ вышелъ съ особой физіономіей и, какъ ни въ чемъ не бывало, заговорилъ на совершенно другомъ языкѣ".

Понятно, что такіе факты не зависѣли только отъ усмотрѣнія тѣхъ или другихъ администраторовъ, но вытекали изъ общаго ненормальнаго положенія, въ которое поставлена печать по отношенію къ администраціи, съ ея арсеналомъ средствъ воздѣйствія слишкомъ грубыхъ для такого чувствительнаго предмета, какъ печатное слово. Это ненормальное положеніе изображается въ цѣломъ рядѣ статей сборника, подписанныхъ именами: К. К. Арсеньева („Безцензурность и подцензурность"), Н. А. Рубакина, Діонео, В. А. Мякотина, П. В. Мокіевскаго („О свободѣ критики"), В. А. Розенберга („Ошибка сената—по поводу закрытія „Новаго Слова"), Ѳ. Д. Батюшкова, В. Я. Богучарскаго и др. А. Г. Горнфельдъ посвятилъ статью вопросу о „Защитѣ слова" въ русской лирикѣ; С. Ѳ. Русова протестуетъ противъ цензурнаго насилія надъ текстомъ Шевченка, насилія, парализующаго великое просвѣтительное вліяніе народнаго поэта. „Если вся Россія страдаетъ,—говоритъ г-жа Русова,—отъ тяготѣющаго надъ ея умственными горизонтами стѣсненія, то порабощенныя централизмомъ національности находятся въ еще худшемъ положеніи. Такъ, Малороссія, лишившаяся своей національной школы уже въ XVIII вѣкѣ, при Петрѣ I, получаетъ теперь, вмѣсто просвѣщенія, какой-то жалкій суррогатъ въ видѣ книги на мало понятномъ ея населенію рус-

скомъ языкѣ и чужой школы. Даже молиться на своемъ родномъ языкѣ не позволяется, и Евангеліе Христово, эта великая книга любви и нравственной правды, книга, переведенная на всѣ языки земного шара, недоступна семнадцати милліонамъ малороссовъ, живущимъ въ предѣлахъ Россійскаго государства, такъ какъ не только Евангеліе, но и какія-либо религіозно-нравственныя книги (житія святыхъ, священная исторія и т. п.) на злополучномъ малорусскомъ языкѣ строго воспрещаются россійскою цензурою".

Весьма кстати составители сборника напомнили читателямъ замѣчательныя строки покойнаго Михайловскаго по поводу слуховъ объ учрежденіи въ 1880 г. коммиссіи для пересмотра законовъ о печати съ участіемъ представителей литературы. Михайловскій „размечтался", подъ вліяніемъ этихъ слуховъ, прежде всего на ту тему, что представители эти будутъ приглашаться не случайно, но въ качествѣ выборной депутаціи, и въ составъ ея войдутъ и представители провинціальной печати. Фантазія писателя разыгрывается, и ему начинаетъ казаться, что, съ установленіемъ коренного правила о независимости печати отъ администраціи, падутъ не одни только административныя взысканія, но и всякаго рода внушенія со стороны администраціи, въ томъ числѣ и право послѣдней на запрещеніе касаться „вопросовъ государственной важности", въ которые она по своему произволу вводитъ какое угодно содержаніе. Это писалось въ 1880 г., а между тѣмъ развѣ положеніе литературы улучшилось? И сколько темныхъ дѣлишекъ не выплыло на свѣтъ Божій только оттого, что они объявлялись заинтересованными лицами чѣмъ-то священно-неприкосновеннымъ, обладающимъ всѣми признаками государственной тайны! Подобныя запрещенія, и нынѣ, ограждая большею частью незаконные частные интересы, наносятъ глубокій вредъ общественному дѣлу. „Если же дѣло идетъ о вопросахъ, дѣйствительно, государственной важности, то тѣмъ паче. Разъ литература не раба, закованная въ ручныя и ножныя кандалы, и функція которой состоитъ въ позорномъ фиглярствѣ для увеселенія публики; разъ она признана свободною выразительницею и руководительницею общественнаго мнѣнія—„вопросы государственной важности" несомнѣнно входятъ въ предѣлы ея компетенціи. Это ясно, какъ Божій день, и коммиссія, безъ сомнѣнія, придетъ къ такому логическому выводу сама собой"...

Затѣмъ, литераторы—такъ представляется Михайловскому—пре исполнятся живѣйшей признательности къ коммиссіи, которая в принципѣ признаетъ печать независимой, и представятъ съ своей сто роны нѣкоторыя соображенія и скажутъ: „Съ живѣйшею благодар ностью принимая даруемую намъ свободу и клятвенно обязуясь вос пользоваться ею на благо родины по нашему крайнему разумѣнію, мы

боимся, однако, что принятыя до сихъ поръ коммиссіей мѣры еще не гарантируютъ намъ этой возможности служить родинѣ честно, всѣми своими силами. Мы боимся, что освобожденіе будетъ только оффиціальное и номинальное. Представимъ себѣ, что гласный и независимый судъ оправдалъ привлеченнаго администраціей къ отвѣтственности автора книги, издателя, редактора или сотрудника періодическаго изданія. Администрація, значитъ, ошиблась: въ книгѣ или статьѣ нѣтъ ничего преступнаго, и потому она свободно вращается въ читающей публикѣ, принося ей, можетъ быть, существенную пользу, будя въ ней добрыя чувства, свѣтлыя мысли, сообщая полезныя свѣдѣнія. Гдѣ же въ это время находится авторъ статьи или книги? Гдѣ! По всей вѣроятности, онъ спокойно сидитъ въ своемъ рабочемъ кабинетѣ и, нравственно поддержанный только-что пережитымъ торжествомъ истины и справедливости, готовитъ матеріалы для новаго труда. Онъ знаетъ, что этотъ новый трудъ будетъ лучше предъидущаго, потому что скрасится свѣтомъ сознанія, что il y a des juges не только à Berlin. Онъ уже отсталъ отъ „рабьихъ" привычекъ мысли и эмансипировался отъ „эѳіопскаго" языка. Онъ съ радостнымъ трепетомъ слѣдитъ за развитіемъ въ немъ истинно свободнаго и потому истинно служащаго родинѣ писателя. Онъ знаетъ, что или администрація, наученная опытомъ, отнесется къ его новому труду внимательнѣе и не найдетъ въ немъ преступленія, котораго тамъ нѣтъ, или же судъ вновь воздастъ должное истинѣ и справедливости... Онъ не знаетъ одного... Вѣрнѣе сказать, онъ хорошо знаетъ, но въ чаду успѣха забылъ, что можетъ во всякую данную минуту очутиться въ мѣстахъ, чрезвычайно удаленныхъ отъ его рабочаго кабинета. Вы сами знаете, что въ такомъ путешествіи нѣтъ ничего невозможнаго. При нынѣшнихъ вѣяніяхъ въ сферахъ, власть имущихъ, позволительно надѣяться, что администрація не будетъ злоупотреблять этимъ правомъ или, точнѣе сказать, этою возможностью. Но, обсуждая законы о печати, мы должны имѣть въ виду не то или другое настроеніе и не тотъ или другой личный составъ администраціи, а принципъ. И понятно, что покуда, даже при полнѣйшей неприкосновенности литературнаго произведенія, самъ производитель его не будетъ гарантированъ отъ печальныхъ случайностей, о настоящей свободѣ печатнаго слова не можетъ быть рѣчи".

Мы привели эту выдержку, чтобы показать, какъ мало измѣнились съ тѣхъ поръ условія нашей печати, въ которыхъ „мечтанія" Михайловскаго остаются и нашими мечтаніями. Правда, коммиссія, о которой заходила рѣчь еще четверть вѣка назадъ, теперь, худо ли, хорошо ли, образована, но какъ далеко еще до гарантіи, что труды ея не потонутъ въ морѣ бюрократическаго произвола...

IV.

— Сборникъ товарищества „Знаніе“ за 1904 годъ. Книга третья. Спб. 1905.

Въ этой книгѣ „Знанія“ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе странная, больная и безумно-сильная повѣсть г. Леонида Андреева „Красный смѣхъ“. Вся она проникнута кошмаромъ обезумѣвшей мысли, вся пропитана запахомъ крови и смерти, и нельзя читать ее въ эти, переживаемые нами, ужасные дни безъ глубокаго внутренняго волненія и почти физической боли. Читателю хочется крикнуть: „Да перестаньте! не мучьте! уйдите съ вашими безумными призраками!.. Я знаю, что война есть безуміе и безсмысленное зло, вызываемое врагами своего народа, лицемѣрами, тиранами и лжецами, я зналъ это раньше васъ, и всѣ, кому бы я закричалъ объ этомъ, знали и знаютъ это, но я безсиленъ и всѣ мы безсильны порознь,—и предаваясь отчаянію, впадая въ безуміе, давая надъ собой власть больнымъ грёзамъ. мы только ослабляемъ другъ друга и туманимъ сознаніе, которому болѣе всего нужна крѣпость ясной мысли, острота взгляда, желѣзная воля“!.. Но òбразы „Краснаго смѣха“ преслѣдуютъ неотступно, мучительно, жгуче, обостряя жгучесть свою при каждомъ новомъ извѣстіи съ театра братоубійственной войны, и только сильнѣе бередятъ воображеніе и вызываютъ въ памяти кровавыя сцены. „...Обвивались какъ змѣи. Онъ видѣлъ, какъ проволока, обрубленная съ одного конца, рѣзнула воздухъ и обвила трехъ солдатъ. Колючки рвали мундиры, вонзались въ тѣло, и солдаты съ крикомъ, бѣшено кружились и двое волокли за собою третьяго, который былъ уже мертвъ. Потомъ остался въ живыхъ одинъ, и онъ отпихивалъ отъ себя двухъ мертвецовъ, а тѣ волоклись, кружились, переваливались одинъ черезъ другого и черезъ него,—и вдругъ сразу всѣ стали неподвижны.

„Онъ говорилъ, что у одной этой загородки погибло не менѣе двухъ тысячъ человѣкъ. Пока они рубили проволоку и путались въ ея змѣиныхъ извивахъ, ихъ осыпали непрерывнымъ дождемъ пуль и картечи. Онъ увѣряетъ, что было очень страшно, и что эта аттака кончилась бы паническимъ бѣгствомъ, еслибы знали, въ какомъ направленіи бѣжать. Но десять или двѣнадцать непрерывныхъ рядовъ проволоки и борьба съ нею, цѣлый лабиринтъ волчьихъ ямъ съ набитыми на днѣ кольями,— такъ закружили головы, что положительно нельзя было опредѣлить направленія“.

Возможно ли говорить о литературныхъ достоинствахъ и недостаткахъ, о художественномъ впечатлѣніи того, что разсказывается въ

этой повѣсти, когда каждая строка ея стономъ и болью отзывается въ душѣ читателей, теряющихъ въ этой безсмысленной бойнѣ на поляхъ далекой и ненужной Манджуріи своихъ сыновей, братьевъ, друзей? Для этого нужны нечеловѣческіе нервы, и неудивительно, почему такъ трудно разобраться въ различныхъ ощущеніяхъ, усиливающихъ впечатлѣніе творческаго замысла жизненностью ужаснаго конкретнаго факта. Объ этомъ много можно было бы сказать въ другое, мирное время и разсмотрѣть разсказъ г. Андреева какъ превосходный психіатрическій этюдъ о двойномъ заразительномъ безуміи,—теперь же онъ пріобрѣтаетъ значеніе слѣпого, безумнаго и по-истинѣ страшнаго протеста. Сцена, гдѣ измученные и полубезумные люди собираютъ въ полѣ, въ холодную темную ночь, раненыхъ послѣ битвы, разительна по силѣ и вызываетъ невольное содроганіе...

Въ той же книжкѣ помѣщены два этюда—гг. Куприна и Бунина, посвященные памяти Чехова. Оба они написаны тепло, просто, рисуютъ мягкими, симпатичными чертами обликъ покойнаго писателя и ту обстановку, въ которой онъ провелъ свои послѣдніе годы. Здѣсь же помѣщена пьеса М. Горькаго „Дачники".

V.

— Сенатскій архивъ. XI. Спб. 1904.

Эта книга „Сенатскаго архива" заключаетъ въ себѣ немало любопытныхъ историческихъ матеріаловъ какъ среди протоколовъ правительствующаго сената, такъ и въ числѣ указовъ императрицы Екатерины. Но едва ли не самымъ любопытнымъ является полный текстъ знаменитаго манифеста Екатерины отъ 6 іюля 1762 г., приводившійся въ болѣе или менѣе краткихъ извлеченіяхъ. Манифестъ этотъ въ высшей степени любопытенъ столько же тѣми обстоятельствами, при которыхъ онъ былъ созданъ, сколько и характеромъ изложенія, отражающимъ замѣчательную личность своего автора. Манифестъ относится къ первымъ днямъ воцаренія Екатерины, когда положеніе ея было еще непрочно, и ей предстояла трудная задача—съ одной стороны оправдать себя во мнѣніи общественномъ, а съ другой—внести порядокъ и направить на вѣрный путь расшатавшійся государственный механизмъ.

Вопросу объ оправданіи себя посвящена первая часть манифеста. За шаблоннымъ реторическимъ вступленіемъ слѣдуетъ обстоятельный и отчетливый разсказъ о томъ, чѣмъ былъ Петръ III-й, какъ человѣкъ и государь, причемъ державная сочинительница не щадила красокъ

для доказательства той мысли, что „самовластіе, необузданное добрыми и человѣколюбивыми качествами въ государѣ, владѣющемъ самодержавно, есть такое зло, которое многимъ пагубнымъ слѣдствіямъ непосредственною бываетъ причиною“. „Хотя бывши онъ (Петръ III-й) великимъ княземъ и наслѣдникомъ россійскаго престола,—говорится въ манифестѣ,—многія оказывалъ ко всепресвѣтлѣйшей теткѣ и монархинѣ своей озлобленія и ко многимъ ея печалямъ и оскорбленіямъ (что всему нашему двору извѣстно было) подавалъ причины, однакожъ скрывалъ онъ то по наружности своей, обузданъ еще будучи при ней нѣкоторымъ страхомъ и почиталъ любовь ея къ нему по крови крайнимъ себѣ утѣсненіемъ и порабощеніемъ. Со всѣмъ тѣмъ и тогда опыты къ ней оказывалъ явные всѣмъ нашимъ вѣрноподданнымъ дерзновенной своей неблагодарности, то презрѣніемъ къ ея особѣ, то ненавистью къ своему отечеству, а наконецъ и вовсе предпочиталъ угожденіе страстямъ своимъ доброму и приличному порядку столь великой короны наслѣдника. Словомъ сказать, не видно уже и тогда въ немъ было малыхъ знаковъ посредственнаго любочестія“.

Петръ III-й явился нарушителемъ „законовъ естественныхъ и гражданскихъ“; конечно, разстройство государственныхъ дѣлъ едва ли было справедливо относить всецѣло къ нему, но характеристика современнаго положенія въ высшей степени замѣчательна. „Между тѣмъ, — читаемъ въ манифестѣ, — когда все отечество къ мятежу неминуемому уже противу его наклонялось, онъ паче и паче старался умножать оскорбленіе, развращеніемъ всего того, что великій въ свѣтѣ монархъ и отецъ своего отечества блаженныя и вѣчно незабвенныя памяти государь императоръ Петръ Великій, нашъ вселюбезнѣйшій дѣдъ, въ Россіи установилъ, и къ чему онъ достигъ неусыпнымъ трудомъ тридцатилѣтняго своего царствованія: а именно— законы въ государствѣ всѣ пренебрегъ, судебныя мѣста и дѣла презрѣлъ и вовсе объ нихъ слышать не хотѣлъ, доходы государственные расточать началъ не полезными, но вредными государству издержками, изъ войны кровопролитной начиналъ другую безвременную и государству россійскому крайне безполезную, возненавидѣлъ полки гвардіи, освященнымъ его предкамъ вѣрно всегда служившіе, превращать ихъ началъ въ обряды, неудобь носимые, которые не токмо храбрости военной не умножали, но паче растравляли сердца болѣзненныя всѣхъ вѣрноподданныхъ его войскъ и усердно за вѣру и отечество служащихъ и кровь свою проливающихъ. Армію всю раздробилъ такими новыми законами, что будто не единаго государя войско то было, но чтобъ каждый въ полѣ удобнѣе своего поборника губилъ, давъ полкамъ иностранные, а иногда и развращенные виды, а не тѣ, которые въ ней единообразіемъ составляютъ единодушіе. Неутомимые и без-

разсудные его труды въ таковыхъ вредныхъ государству учрежденіяхъ столь чувствительно на послѣдокъ стали отвращать вѣрность россійскую отъ подданства къ нему, что ни единаго въ народѣ уже не оставалося, кто бы въ голосъ съ отвагою и безъ трепета не злословилъ его и кто ни готовъ былъ на его пролитіе крови. Но заповѣдь Божія, которая въ сердцахъ нашихъ вѣрноподданныхъ обитаетъ, къ почитанію власти предержащей до сего предпріятія еще не допускала, а вмѣсто того всѣ уповали, что Божія рука сама коснется и низвергнетъ утѣсненіе и отягощеніе народное его собственнымъ паденіемъ".

Далѣе разсказывается исторія бѣгства Петра III-го въ Ораніенбаумъ и отреченія, мотивированнаго тѣмъ, что государь узналъ на дѣлѣ тягость и бремя, силамъ его несогласные,—„штобъ мнѣ,—говорится въ его письмѣ,—не токмо самодержавно, но и какимъ бы то ни было образомъ правительства владѣть Россійскимъ Государствомъ, почему и восчувствовалъ я внутренняго онаго перемѣну, наклоняющуюся къ паденію его цѣлости и къ пріобрѣтенію себѣ вѣчнаго черезъ то безславія"... Это противоположеніе самодержавія инымъ образамъ правленія очень любопытно: оно показываетъ, что въ воздухѣ уже носились идеи ограничить самодержавіе, обнаруживавшее свою несостоятельность, особенно при государѣ, подобномъ Петру III-му. Можно думать съ большой степенью вѣроятія, что Екатеринѣ внушали необходимость произвести рядъ серьезнѣйшихъ реформъ, которыя устранили бы самовластіе съ неизбѣжнымъ при немъ произволомъ и насиліемъ, и что сама Екатерина, вынужденно или добровольно, соглашалась въ принципѣ на коренныя реформы. На это есть указанія и въ манифестѣ: „А какъ наше искреннее и нелицемѣрное желаніе есть прямымъ дѣломъ доказать, сколь мы хотимъ быть достойны любви нашего народа, для котораго признаваемъ себя быть возведенными на престолъ, то такимъ же образомъ здѣсь наиторжественнѣйше обѣщаемъ нашимъ императорскимъ словомъ узаконить такія государственныя установленія, по которымъ бы правительство любезнаго нашего отечества въ своей силѣ и принадлежащихъ границахъ теченіе свое имѣло, такъ чтобъ и въ потомкахъ каждое государственное мѣсто имѣло свои предѣлы и законы ко соблюденію добраго во всемъ порядка, и тѣмъ уповаемъ предохранить цѣлость имперіи и нашей самодержавной власти, бывшимъ нещастіемъ нѣсколько испроверженную, и прямыхъ вѣрноусердствующихъ своему отечеству вывести изъ унынія и оскорбленія". Панину было даже поручено выработать проектъ такого рода „государственныхъ постановленій", но онъ не справился съ этой важной задачей, и если и намѣтилъ мѣры для упорядоченія сената при помощи раздѣленія послѣдняго на три департамента, то его проектъ „государственнаго совѣта", учрежденія

безжизненнаго, напоминавшаго собою верховный тайный совѣтъ, показывалъ, что Панинъ не сумѣлъ или не успѣлъ воспользоваться моментомъ, такъ какъ Екатерина быстро освоилась съ положеніемъ самодержавной императрицы и обнаружила рѣшительное несочувствіе къ измѣненію формъ. Послѣ разныхъ проволочекъ и исправленій, манифестъ о проектированныхъ реформахъ былъ подписанъ императрицей, но въ тотъ же день и разорванъ ею, и императорскій совѣтъ такъ и не былъ учрежденъ. Конечной цѣлью послѣдняго было, несомнѣнно, ограниченіе самодержавной власти,—въ этомъ отношеніи Панинъ былъ убѣжденнымъ сторонникомъ конституціоннаго образа правленія. Но единомышленниковъ у него было мало и самъ онъ, притомъ же, дѣйствовалъ нерѣшительно и непринципіально; въ результатѣ его попытка окончилась неудачей, и обѣщаніе Екатерины гарантировать дѣйствія законности при помощи соотвѣтственныхъ новыхъ учрежденій—осталось неисполненнымъ.

Немало любопытнаго заключается и въ другихъ матеріалахъ, особенно въ бытовомъ отношеніи, для характеристики нашей администраціи и суда. Книга снабжена указателемъ.

VI.

— Александра Ефименко. Южная Русь. Очерки, изслѣдованія и замѣтки. Изд. Общ. имени Т. Г. Шевченка. Т. I. Спб. 1905.

Общество имени Шевченка предприняло полезное дѣло собрать и издать разсѣянныя въ различныхъ журналахъ статьи извѣстной изслѣдовательницы нашей А. Я. Ефименко. При скудости нашихъ библіотекъ, особенно провинціальныхъ, разыскивать старые №№ изданій не только спеціальныхъ, но и общихъ—задача крайне затруднительная; съ этой точки зрѣнія недорогое изданіе писателей, имѣющихъ широкую просвѣтительную аудиторію, пріобрѣтаетъ особое значеніе, а въ данномъ случаѣ оно можетъ разсчитывать и на успѣхъ чисто матеріальный, такъ какъ цѣлью его является вспомоществованіе учащимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ изъ уроженцевъ Южной Россіи. Г-жѣ Ефименко присуща въ широкой мѣрѣ способность излагать ясно и вдумчиво, будить историческій интересъ и трезвую общественную мысль; при этихъ свойствахъ даже статьи, посвященныя спеціальнымъ вопросамъ, могутъ привлечь вниманіе обширнаго круга читателей. Въ настоящемъ, первомъ томѣ, помѣщены статьи: „Очерки исторіи правобережной Украйны", „Малорусское дворянство и его судьба" (было помѣщено въ „Вѣстн. Европы" 1891, № 9), „Южно-русскія братства", „Копные суды въ лѣвобережной Украйнѣ", „Народный судъ въ Запад-

ной Руси", „Архаическія формы землевладѣнія у германцевъ и славянъ", „Литовско-русскіе данники и ихъ дани".

Нарисовавъ яркую картину народнаго суда въ Западной Руси, изслѣдовательница приходитъ къ такимъ общимъ выводамъ, которые, между прочимъ, характеризуютъ общественныя воззрѣнія самой изслѣдовательницы, выросшія въ связи съ глубокимъ изученіемъ въ ея органическихъ правовыхъ условіяхъ: „Не часто современному русскому изслѣдователю выпадаетъ случай имѣть дѣло съ матеріаломъ, такъ полно и ярко освѣщающимъ уголокъ изъ прошлой бытовой жизни народной массы, какъ освѣщаетъ его нашъ матеріалъ. Тамъ, гдѣ естественно было предполагать косное существованіе, все ушедшее на борьбу за удовлетвореніе грубыхъ матеріальныхъ потребностей, предъ нами развертывается картина сознательной и дѣятельной человѣческой жизни. Въ народномъ судѣ, который такъ полно демонстрируется вышеизложенными фактами, мы видимъ постоянную дѣятельность живого правового чувства. Какая разница съ позднѣйшею эпохой, когда правосудіе сдѣлалось функціей государства и такъ часто являлось, по отношенію къ народнымъ массамъ, лишь ловушкой, прихлопывающей неудачнаго или неловкаго, утративъ въ значительной степени то, что̀ должно составлять необходимое свойство всякаго правосудія, морализующее вліяніе на душу!

„Правовыя идеи, составлявшія содержаніе копнаго права, невысоки съ точки зрѣнія современной науки, выросшей на римскомъ правѣ. Не будемъ трогать вопроса о томъ, насколько правильна эта точка зрѣнія, такъ какъ пришлось бы опять перетряхать старый споръ о типахъ и степеняхъ. Спросимъ только: можно ли назвать переходомъ къ высшему строю правовыхъ понятій механическое навязываніе отрывковъ и лоскутковъ иной системы воззрѣній, вырванныхъ изъ своей собственной органической связи? Конечно, нѣтъ. А, между тѣмъ, государство, забирая въ свое исключительное вѣдѣніе отправленіе правосудія, всегда, вмѣстѣ съ тѣмъ, навязывало массамъ, вмѣсто тѣхъ живыхъ идей, которыми онѣ руководились, именно отрывки и лоскутки, набранные имъ изъ разныхъ внѣшнихъ и чуждыхъ источниковъ". Читатель отмѣтитъ извѣстную степень идеализаціи въ отношеніи ко всему, на чемъ лежитъ печать многовѣковаго, органическаго народнаго творчества въ сферѣ правовыхъ понятій, но это же свойство дѣлаетъ изложеніе автора особенно привлекательнымъ и способнымъ остановить на себѣ пристальное вниманіе.

Къ книгѣ приложенъ портретъ автора.

VII.

— Статьи по славяновѣдѣнію. Выпускъ I. Изд. II-го Отд. Имп. Академіи Наукъ. Спб. 1904.

Годъ тому назадъ долженъ былъ состояться съѣздъ славистовъ по иниціативѣ академіи наукъ. Въ числѣ другихъ культурныхъ начинаній, остановленныхъ русско-японской войной, и этотъ съѣздъ дѣятелей науки былъ признанъ несвоевременнымъ, хотя потребность въ немъ стала ощущаться уже съ давнихъ поръ. Имѣя въ виду однако, что рано или поздно этотъ съѣздъ состоится, второе отдѣленіе академіи рѣшило издать, подъ редакціей В. И. Ламанскаго, настоящій сборникъ по славяновѣдѣнію, пригласивъ къ участію въ немъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ. Терминъ „славяновѣдѣніе" обнимаетъ здѣсь языкъ, этнографію, археологію бытовую и художественную, исторію литературы и образованности и исторію славянскихъ земель.

Первый выпускъ заключаетъ въ себѣ девятнадцать статей, посвященныхъ самымъ разнообразнымъ вопросамъ. Наряду съ изслѣдованіями спеціальнаго характера здѣсь находимъ и статьи, представляющія значительный общій интересъ. Такова, напр., статья г. Петрова о Лобысевичѣ, одномъ изъ предшественниковъ Ив. Котляревскаго въ украинской литературѣ XVIII в.; таковы же статьи г. Грушевскаго, на малорусскомъ языкѣ; въ одной изъ нихъ почтенный ученый разсматриваетъ вопросъ о построеніи господствующей схемы „русской" исторіи въ ея соотношеніяхъ съ судьбами западнаго славянства. Авторъ оспариваетъ правильность отнесенія „кіевскаго періода" всецѣло къ государственной и культурной исторіи великорусскаго народа, благодаря чему исторія украинско - русской народности остается безъ начала. Поддерживается то старинное представленіе, по которому исторія Украйны, „малорусскаго народа", начинается XIV—XV вѣкомъ, а что̀ было до того, то—исторія „обще-русская". Обще-русская исторія,—говоритъ авторъ,—въ свою очередь подмѣнивается на каждомъ шагу понятіемъ государственно-культурной исторіи великорусскаго народа, и въ результатѣ украинско-русская народность выходитъ на историческую арену въ XIV—XVI вв., какъ нѣчто новое, не имѣвшее за собой исторической жизни.

Справедливо указываетъ авторъ и на судьбы бѣлорусской народности. При господствующемъ построеніи нашей исторіи, эта народность совершенно теряется въ изложеніи событій періода кіевскаго, владиміро-московскаго, а съ другой стороны — исторіи княжества литовскаго. Однако, хотя бѣлорусская народность нигдѣ не выступаетъ

въ исторіи на первый планъ какъ элементъ творческій, роль ея немаловажна какъ въ процессѣ образованія великорусской народности, такъ, между прочимъ, и въ исторіи великаго княжества литовскаго, гдѣ, среди славянскихъ элементовъ этого государства, ей прежде всего пришлось сыграть культурную роль, по отношенію къ стоявшимъ на болѣе низкой ступени развитія литовскимъ племенамъ.

Изъ другихъ статей г. Грушевскаго одна посвящена спорнымъ вопросамъ старорусской этнографіи (о разселеніи западно-славянскихъ племенъ), другая задается цѣлью поставить вопросъ о томъ, какова роль археологіи въ дѣлѣ изученія этническаго типа. Авторъ возстаетъ противъ археологовъ, которые приступаютъ къ изученію археологическихъ фактовъ съ извѣстными апріорными взглядами, невольно отражающимися на ихъ выводахъ. Дѣло археологіи—дать исторію культуры извѣстной территоріи, представить рядъ фактовъ международныхъ вліяній; она должна изслѣдовать культурные типы и явленія въ нихъ самихъ, независимо отъ тѣхъ или иныхъ историко-этнографическихъ комбинацій.

Затѣмъ мы находимъ въ сборникѣ статьи А. А. Шахматова („Толковая Палея и Русская лѣтопись“), гг. Hirschberg'а („Dla czego Polacy popierali drugiego Dymitra Samozwańca?“), Калужняцкаго, Куковскаго, Халанскаго, Эрделяновича, Томича и др. Къ статьѣ г. Эрделяновича приложены прекрасные рисунки—типы жилищъ и чертежи, относящіеся къ характеристикѣ сербскихъ поселеній.—Евг. Л.

VIII.

— Война и наши финансы. П. П. Мигулина. Харьковъ 1905.

На страницахъ нашего журнала не разъ встрѣчалось имя харьковскаго профессора, П. П. Мигулина, извѣстнаго своими учеными изслѣдованіями о русскомъ государственномъ кредитѣ. Въ книгѣ, названной въ заголовкѣ настоящей замѣтки, г. Мигулинъ выступаетъ въ другой роли—публициста, трактующаго о задачахъ колоніальной политики Россіи. Въ предшествующихъ своихъ трудахъ пр. Мигулинъ опирался на твердо установленныя положенія науки, имъ спеціально изученной и касающейся сравнительно простой области соціальныхъ явленій—финансовъ. Въ новой своей книгѣ онъ имѣетъ дѣло съ явленіями, зависящими отъ гораздо бо́льшаго числа соціальныхъ факторовъ, и трактуетъ о предметахъ, подлежащихъ вѣдѣнію многихъ дисциплинъ. Для научнаго отношенія къ этимъ явленіямъ требуются весьма разностороннія познанія, большая самостоятельность и осто-

рожность мысли. Но по ихъ общедоступности для всеобщаго сознанія и по осязательности проявленій колоніальной политики—въ видѣ требованія отъ гражданъ государства денегъ и людей для завоеванія и охраны присоединяемыхъ областей—вопросы этой политики, несмотря на ихъ сложность, сдѣлались предметомъ общаго обсужденія въ періодической печати. Въ газетѣ же выступилъ съ своими статьями о колоніальной политикѣ Россіи и о русско-японской войнѣ и проф. Мигулинъ. Мы считаемъ весьма полезнымъ, чтобы люди науки почаще бесѣдовали съ среднимъ читателемъ о вопросахъ государственной политики, трактуемыхъ у насъ, нужно сознаться, довольно поверхностно. Но публицистъ-ученый сыграетъ ожидаемую отъ него роль, если внесетъ въ обсужденіе вопроса естественную для его званія основательность и безпристрастіе, но не въ томъ случаѣ, когда онъ выступитъ предубѣжденнымъ адептомъ одного теченія и безъ научной мотивировки станетъ бросать рѣзкія, одностороннія положенія, особенно если онъ призываетъ общество къ дѣйствіямъ, грозящимъ потоками крови и милліардными расходами. Газетныя статьи г. Мигулина, составившія содержаніе рецензируемаго нами изданія, приближаются, къ сожалѣнію, къ произведеніямъ послѣдняго рода.

О степени солидности основаній, служившихъ для практическихъ заключеній г. Мигулина, можно судить уже потому, что въ то время, когда на морѣ и на сушѣ мы проигрывали въ борьбѣ съ японцами сраженіе за сраженіемъ и въ воздухѣ носился уже разгромъ нашей арміи подъ Мукденомъ,—авторъ призывалъ общество къ выполненію самыхъ широкихъ размаховъ русскаго имперіализма. „Мы твердо надѣемся,—пишетъ онъ,—что, несмотря на первыя неудачи нашей арміи и флота, въ концѣ концовъ мы нанесемъ Японіи полное пораженіе на сушѣ, а при благопріятныхъ условіяхъ и на морѣ, и заставимъ ее положить оружіе“ (стр. 43—4). „Но ни въ какомъ случаѣ нельзя ограничиться только одержаніемъ побѣды надъ Японіей ради самой побѣды... Цѣль настоящей ужасающей борьбы (вѣдь борьба—расовая, стихійная) должна быть другая... Мы должны въ настоящей войнѣ приблизиться къ осуществленію нашихъ историческихъ задачъ, укрѣпиться окончательно на побережьѣ Тихаго океана, расширить и обезпечить свою южную азіатскую границу какъ отъ Китая, такъ и отъ Англіи, и затѣмъ прямо и твердо поставить вопросъ о побережьяхъ океана Индійскаго“ (стр. 49—50). Но этого мало! „Мы должны напречь всѣ наши силы не только для борьбы съ Японіей, но, въ случаѣ надобности, съ Англіей и Америкой, быть можетъ, и съ Китаемъ“ (стр. 53). „Необходимо положить предѣлъ скрытой англійской помощи Японіи... Мало того! Англія позволяетъ себѣ угрожать намъ, она захватываетъ Тибетъ, протягиваетъ руки къ Персіи-

скому заливу, вооружаетъ Афганистанъ. Какихъ еще надо доказательствъ враждебнаго къ намъ отношенія Англіи? Мобилизація туркестанскаго, кавказскаго и одесскаго военнаго округовъ—было бы наилучшимъ отвѣтомъ на англійскія угрозы... Англія начнетъ войну далеко не подготовленной. Мы успѣемъ отвѣтить ей диверсіей на Индію, отправкой своихъ войскъ въ Белуджистанъ и Персію, гдѣ населеніе, истощенное голодомъ и холерой, встрѣтитъ насъ съ распростертыми объятіями" (стр. 55—56). „Вмѣшательство Америки вполнѣ возможно вслѣдствіе особаго настроенія молодого народа, жаждущаго военныхъ столкновеній, завоеваній... Мы думаемъ, что американское вмѣшательство все-таки выгоднѣе для насъ теперь, когда Америка совершенно еще не готова къ войнѣ" (стр. 61).

Книга г. Мигулина закончена въ началѣ этого года. Черезъ два мѣсяца послѣ того наши дѣла на Дальнемъ Востокѣ приняли такой оборотъ, что если перемѣнить въ приведенныхъ выдержкахъ собственныя имена—они прекрасно выразили бы тѣ притязанія, которыя Японія можетъ осуществить на счетъ Россіи. Дѣйствительность перевернула всѣ соображенія и предсказанія автора, и это не было результатомъ непредвидѣнныхъ случайностей. Авторъ просто игнорировалъ, при построеніи своей программы, многія конкретныя условія и далъ слишкомъ большой просторъ своему субъективизму. Самъ авторъ проговаривается объ этомъ въ предисловіи къ своему труду. „Выступить у насъ въ защиту необходимости осуществленія Россіей своихъ историческихъ задачъ, необходимости для нея, какъ и всякаго государства, имѣть внѣшнюю политику, указать, что намъ необходима побѣда, а не пораженіе, что мы защищаемся отъ Японіи, а не нападаемъ на нее—почти актъ гражданскаго мужества" (стр. IX). „Намъ необходима побѣда, а не пораженіе",—повторяетъ онъ далѣе (стр. 53). Мы понимаемъ провозглашеніе такого принципа со стороны Японіи, положившей его въ основаніе государственной дѣятельности въ мирное время и сознательно готовившейся къ его осуществленію при полной солидарности между правительствомъ и народомъ. Но чего можно ожидать отъ воззванія къ побѣдѣ, когда война начата неожиданно и изжившійся государственный строй парализовалъ интеллектуальныя, экономическія и военныя силы націи!

Необходимость расширеній русской территоріи г. Мигулинъ основываетъ на томъ, что всѣ великія державы стремятся къ умноженію своихъ колоній, что русскимъ крестьянамъ нужны новыя земли для занятія земледѣліемъ, такъ какъ переходъ къ интенсивному хозяйству—въ виду низкихъ цѣнъ хлѣба на международномъ рынкѣ, диктуемыхъ странами съ экстенсивнымъ земледѣліемъ—невозможенъ; что Россіи нужно увеличить экспортъ сырья и сократить импортъ послѣд-

няго, чтобы избѣжать банкротства вслѣдствіе невыгоднаго для насъ разсчетнаго баланса. Даже допуская полную основательность всѣхъ этихъ положеній, нужно все-таки спросить: приготовлено ли русское государство къ тому, чтобы выполнить намѣченную авторомъ политику? Г. Мигулинъ отвѣчаетъ, что нѣтъ. „Мы совершенно еще не знаемъ колоніальной политики, хотя и имѣемъ громадныя колоніи", говоритъ авторъ на стр. 67 своего труда. „Наша бѣда въ томъ, что мы далеко не такъ готовы къ колоніальной политикѣ, какъ другіе европейскіе народы,—что мы, помимо земли, еще болѣе нуждаемся въ упорядоченіи нашихъ внутреннихъ дѣлъ, въ обезпеченіи извѣстнаго правопорядка, въ подъемѣ народнаго образованія",—повторяетъ онъ на стр. 192. Г. Мигулинъ ссылается на смѣлую колоніальную политику западно-европейскихъ государствъ. Дѣйствительно, въ теченіе какихъ-нибудь пятнадцати лѣтъ Англія захватила или распространила свое вліяніе на 2.600 тыс. кв. миль, т.-е. на территорію въ 20 разъ превосходящую ея собственные размѣры; Германія пріобрѣла 1.200 тыс. кв. миль, Франція—930 тыс. кв. миль. Но не слѣдуетъ забывать, что эти захваты достигнуты при очень маломъ пролитіи крови захватчиковъ и что германское правительство не имѣетъ даже права заставлять свои войска сражаться въ колоніяхъ. Стремясь къ распространенію колоній, западно-европейскія государства заботятся о достиженіи этой цѣли безъ необходимости кровавой борьбы съ сильными соперниками и воюютъ лишь съ дикими или полудикими племенами. Русское же правительство повело дѣло такимъ образомъ, что не могло не встрѣтиться съ сильными противниками, безумно до преступности пренебрегало этой возможностью, дѣлало, какъ признаетъ и г. Мигулинъ, ошибку за ошибкой и совершенно не приготовилось къ столкновенію съ Японіей. Заключеніе г. Мигулина о томъ, что намъ необходимо теперь же радикально порѣшить наши колоніальные вопросы, для чего нужно добиться полной побѣды надъ Японіей, построено, такимъ образомъ, съ игнорированіемъ культурно-политическаго фактора данной задачи. А такъ какъ этотъ факторъ находится въ полномъ противорѣчіи съ „историческими" задачами Россіи, выполненіе которыхъ, по сознанію самого автора, тѣсно связано съ общимъ состояніемъ гражданственности страны, то дѣйствительная жизнь направилась вопреки соображеніямъ автора, и если еще можетъ быть рѣчь объ „организаціи побѣды" надъ японцами, то подъ условіемъ, чтобы къ рѣшенію этого и другихъ вопросовъ нашего государственнаго быта призванъ былъ весь народъ, т.-е., чтобы тѣ внутреннія реформы, вопросъ о которыхъ „авторъ ставитъ чрезвычайно радикально и всесторонне", не отлагались „до доведенія борьбы за побережья Тихаго океана и за наши естественныя границы—до

конца" (стр. VII), а были провозглашены теперь же, пока японцы не вступили въ предѣлы Россійской имперіи и не начали отбирать наши восточныя окраины.

Итакъ, въ первой части своей книги, посвященной войнѣ, г. Мигулинъ выступаетъ передъ читателемъ въ качествѣ дилеттанта, руководствующагося въ своихъ заключеніяхъ не столько объективными условіями, опредѣляющими ходъ историческихъ событій, сколько субъективными своими взглядами и настроеніемъ, не гармонирующими къ тому же съ глубокими теченіями жизни, обусловливающими успѣхъ и пораженіе во всемірной борьбѣ. Во второй половинѣ книги пр. Мигулина, посвященной финансовому вопросу во время войны, авторъ входитъ въ область своей спеціальности, и если не избѣгаетъ иногда рискованныхъ предложеній (вродѣ запрещенія заграничныхъ поѣздокъ состоятельнымъ классамъ населенія), то въ общемъ высказываетъ мнѣнія, заслуживающія полнаго вниманія.

Авторъ выражаетъ, прежде всего, сожалѣніе, что министерство финансовъ въ началѣ войны не пригласило, по примѣру покойнаго гр. Рейтерна, къ совѣщанію извѣстныхъ нашихъ финансистовъ и экономистовъ, которые намѣтили бы рядъ финансово-экономическихъ мѣропріятій во время войны, а ограничилось тѣми свѣдѣніями, которыя собираются чиновниками и совѣтами представителей частныхъ банковъ, заботящихся, конечно, главнымъ образомъ о личныхъ своихъ интересахъ. Авторъ возражаетъ, затѣмъ, противъ предпринятаго правительствомъ ограниченія производительныхъ затратъ во время войны, находя, что внѣшніе займы легче было бы заключать для производительныхъ, а не военныхъ цѣлей, и что организація на иностранные капиталы работы по шоссированію дорогъ, исправленію водныхъ путей сообщенія, приведенію въ культурное состояніе земель, пригодныхъ для заселенія, по сооруженію желѣзныхъ дорогъ и т. п. оказала бы поддержку стѣсненному, благодаря войнѣ, положенію народа и освободила бы капиталы для внутреннихъ займовъ. Эти мѣры содѣйствовали бы въ то же время увеличенію или, по крайней мѣрѣ, сохраненію прежнихъ размѣровъ поступленія государственныхъ доходовъ, которое теперь, подъ вліяніемъ войны, сократилось. Что касается средства увеличенія государственныхъ рессурсовъ, заключающагося въ возвышеніи налоговъ, то пр. Мигулинъ очень скептически относится къ тому, чтобы введеніе подоходнаго налога сыграло сколько-нибудь существенную роль въ этомъ дѣлѣ. Онъ ссылается при этомъ на цифры поступленія этого налога въ другихъ, болѣе богатыхъ государствахъ, указываетъ на тяжелое положеніе русскаго земледѣлія, на низкое состояніе у насъ доходовъ отъ свободныхъ профессій и т. п. Мы въ свое время тоже высказывали сомнѣніе въ томъ, чтобы—при слабомъ,

сравнительно, развитіи въ Россіи индустріи и крупнаго производства—доходы предпринимателей могли служить основой нашей финансовой системы. Тѣмъ не менѣе, мы не можемъ согласиться съ г. Мигулинымъ въ томъ, что введеніе подоходнаго налога дастъ государственному казначейству какихъ-нибудь 10—20 милл. больше того, что̀ оно получаетъ въ настоящее время. Мы считаемъ совершенно правильнымъ, чтобы подоходный налогъ построенъ былъ у насъ на принципѣ двойной прогрессивности: по величинѣ дохода и по высотѣ прибыли. Благодаря таможеннымъ пошлинамъ и другимъ покровительственнымъ мѣрамъ, государство обезпечило нѣкоторымъ отраслямъ промышленности необыкновенно высокія прибыли. Было бы поэтому актомъ простой справедливости обратить часть этого исключительно высокаго дохода въ пользу государства. Болѣе доступными для повышенія г. Мигулинъ считаетъ весьма низкіе у насъ налоги на переходъ имуществъ. Затѣмъ, онъ указываетъ на возможность увеличенія поступленій сахарнаго дохода при пониженіи акциза и регулированіи цѣны сахара соотвѣтственно дѣйствительной стоимости его производства, что̀ повело бы къ расширенію потребленія этого питательнаго вещества. Пр. Мигулинъ предлагаетъ, затѣмъ, слабо обложить денатурированный спиртъ, облегчая вмѣстѣ съ тѣмъ его распространеніе въ качествѣ освѣтительнаго матеріала, повысить обложеніе высшихъ сортовъ табаку и поднять желѣзнодорожные тарифы на нѣкоторые грузы. Отъ всѣхъ этихъ нововведеній, однако, онъ ожидаетъ приращенія государственныхъ доходовъ всего лишь на 65 милл. руб. Хотя предположенія пр. Мигулина нельзя считать исчерпывающими вопросъ о средствахъ возвышенія нашихъ государственныхъ доходовъ, тѣмъ не менѣе его разсчеты могутъ служить показателемъ того, какъ скудны наши финансовые рессурсы сравнительно съ тѣми задачами, какія предстоитъ выполнить Россіи, въ виду ея неблагоустроеннаго и малокультурнаго состоянія, не говоря уже о покрытіи расходовъ, вызванныхъ неудачной войною. Устройство русскихъ финансовъ—можемъ мы, поэтому, сказать—есть одна изъ труднѣйшихъ проблемъ, которую придется разрѣшать новому государственному строю.—В. В.

Въ мартѣ мѣсяцѣ поступили въ Редакцію слѣдующія новыя книги и брошюры:

Акинфіевъ, П. Я.—Горный инженеръ А. И. Незлобинскій и его дѣятельность на кавказскихъ минеральныхъ водахъ. Екатериносл. 905. Ц. 20 к.

——— Минералогія въ лицахъ. Сказочное изложеніе. 2-е изд. Ц. 15 к.

Алексѣевъ, В., состав. — Избранныя латинскія цитаты и аѳоризмы. Спб. 905. Ц. 80 к.

Анненковъ, К.—Система русскаго гражданскаго права. Т. V: Права семейныя и опека. Спб. 905. Ц. 3 р.

Арбатская, Е. П.—Дача и дачники. М. 905. Ц. 20 к.

Аркадьевъ, Е. И. — Всеобщее обязательное обученіе въ Россіи и за границей. М. 905.

Арутиновъ, А. А.—Удины. Матеріалы для антропологіи Кавказа. М. 905. Изд. Общества любителей Естеств., Антропол. и Этнограф., при Московскомъ университетѣ, т. CVI.

Ауэрбахъ, Ф., проф. — Царица міра и ея тѣнь. Общедоступное изложеніе основанія ученія энергіи и энтропіи.—Перев. съ нѣм. Од. 905. Ц. 50 к.

Башкирцева, Марія. — Неизданный дневникъ. Переписка съ Гюи де-Мопассаномъ. Съ франц. п. р. М. Гельрота. Од. 904.

Бородкинъ, М. М.—Памяти финляндскаго генералъ-губернатора Н. И. Бобрикова. Харьк. 905.

Булгаковъ, С. Н., проф.—Чеховъ, какъ мыслитель. Кіевъ, 905. Ц. 20 к.

Буличъ, Н. Н.—Очерки по исторіи русской литературы и просвѣщенія, съ конца XIX вѣка. Т. II. Спб. 905. Ц. 2 р.

Буренинъ, В. — Театръ. Т. II: Калигула — Діана Форнари—Неронъ. Спб. 905. Ц. 1 р.

Бѣлявскій, Е. В. — Педагогическія воспоминанія. 1861 — 1902 г. М. 905. Цѣна 1 руб.

Бѣляевъ, Юр.—Мельпомена.

Вольтке, Григ.—Право торговли и промышленности въ Россіи, въ историческомъ его развитіи. 2-е изд. Спб. 905. Ц. 30 к.

——— Политическая антропологія. Изслѣдованіе о вліяніи эволюціонной теоріи на ученіе о политическомъ развитіи народовъ. Съ нѣм. Г. Оршанскій. Спб. 905. Ц. 1 р. 50 к.

——— Основныя черты желательной организаціи уѣзднаго управленія, въ связи съ устройствомъ мелкой земской единицы. Спб. 905. Ц. 30 к.

Гаршинъ, Всев. — Разсказы. Съ біографіею Г. и 3-мя портретами. Спб. 905. Ц. 2 р.

Гольденвейзеръ, А. С.—Гербертъ Спенсеръ. Идея свободы и права въ его философской системѣ. Спб. 904.

Грабина, Л. Т.—Пѣсни Беранже. Кіевъ, 905. Ц. 25 к.

Градовскій, А., проф. — О свободѣ русской печати. Посмертное изданіе. Спб. 905. Ц. 1 р. 50 к.

Демченко, Я.—По поводу нашей смуты и Высочайшаго указа 12 декабря 1904 г. Кіевъ, 905. Ц. 60 к.

Долгихъ, І.—Мнимый единорогъ, риму и реамъ Востока, уръ и туръ Европы, bos primigenius палеонтологіи. Рига, 905. Ц. 2 р.

Домбровскій, Б. И.—Календарь садовода на 1905 г. Рост.-на-Д. Ц. 40 к.

Елистратовъ, А., и *Завадскій*. — О вліяніи вопросовъ безъ внушенія на достовѣрность свидѣтельскаго показанія. Каз. 905.

Еллинекъ, Г.—Декларація правъ человѣка и гражданина. М. 905. Ц. 40 к.

Ермоловъ, А.—Народная сельско-хозяйственная мудрость въ пословицахъ, поговоркахъ и примѣчаніяхъ. Всенародная агрономія. Спб. 905. Ц. 3 р. III. Животный міръ въ воззрѣніяхъ народа. Спб. 905. Ц. 2 р. 50 к.

Ефимова, Е.—Крѣпостные и вольные города въ старой Франціи. М. 905. Цѣна 25 коп.

Загоскинъ, Н. П., проф.—За сто лѣтъ. Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Имп. Казанскаго Университета. 1804—1904 гг. Въ 2-хъ частяхъ. Каз. 904.

——— Исторія Имп. Казанскаго Университета. 1804—1827. Въ 3-хъ томахъ. Каз. 902—904.

Ильинъ, А.—Іезуиты и ихъ вліяніе на исторію человѣчества. М. 905. Ц. 30 коп.

Кайгородовъ, Дм.—Тринадцатый стѣнной календарь Петербургской Весны. Спб. 905.

Калитинъ, К. А.—Третій Римъ. День въ Москвѣ. Спб. 905. Ц. 1 р.

Карѣевъ, Н.—Выборъ факультета. Руководство для учениковъ старшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній. 3-ье изд. Спб. 905. Ц. 50 к.

——— Общій взглядъ на исторію Западной Европы въ первыя двѣ трети XIX-го вѣка. Спб. 905. Ц. 50 к.

Кольбъ.—Какъ я былъ рабочимъ въ Америкѣ. Съ нѣм. В. Кожевниковъ и С. Керстнеръ. Спб. 905.

Краулей, Эрн.—Мистическая роза. Изслѣдованіе о первобытномъ бракѣ. Съ англ. М. Чепинская. Спб. 905. Ц. 3 р.

Лабинъ, Александръ.—До жизни. Разсказы. М. 905. Ц. 35 к.

Максутовъ, кн. В. П.—Исторія древняго Востока. Культурно-политическая и военная, съ отдаленнѣйшихъ временъ до эпохи македонскаго завоеванія. Египетъ и Финикія. Т. I, кн. 1—4. Спб. 905. Ц. 6 р.

Мейеръ, В., проф.—Конецъ міра. Съ нѣм. перев. В. Познера. Спб. 905.

Меликъ-Саркисонъ, С.—Культура риса въ Ферганской области и вліяніе ея на заболѣваніе маляріей. Ташк. 904.

Молчановъ, М. И.—Владиміръ Мономахъ и его время. М. 905. Ц. 15 к.

Немировскій, А. О. — О предстоящемъ преобразованіи городского самоуправленія. Докладъ Саратовскаго Городского Головы. Саратовъ, 905.

Николаевъ, С.—Современная бурса. Изъ воспоминаній объ учительскомъ институтѣ. М. 905. Ц. 30 к.

Никольскій, П. В.—Письма о русскомъ богословіи. Вып. 1. Спб. 904.

Ниппа, А. — Руководство къ учету доходности сельско-хозяйственныхъ предпріятій. Курскъ, 905. Ц. 1 р.

Новиковъ, Александръ.—Записка городского головы. Спб. 905. Ц. 1 р. 50 к.

Ольховскій, В.—Назарены въ Венгріи и Сербіи. Къ исторіи сектантства. М. 905. Ц. 30 к.

Петровъ, М. Н., проф.—Лекціи по всемірной исторіи. Т. IV: Исторія новыхъ вѣковъ отъ вестфальскаго мира до конвента, въ обработкѣ проф. В. Бузескула. Изд. 2-е. Спб. 905. Ц. 1 р. 75 к.

Платоновъ, С., проф.—Къ исторіи московскихъ земскихъ соборовъ. Спб. 905. Оттиски статьи, помѣщенной въ „Журналѣ для всѣхъ“.

Рожковъ, Н.—Обзоръ русской исторіи съ соціалистической точки зрѣнія.

Ч. II: Удѣльная Русь (XII, XIII, XIV и первая половина XVI вѣка). Вып. 1-ый. Спб. 905. Ц. 1 р.

Романовскій, В. Е.—Замѣтки о преподаваніи исторіи. Тифл. 905. Ц. 50 к.

Сабининъ, А. X.—Проституція. Сифилисъ и венерическія болѣзни. Половое воздержаніе. Профилактика проституціи. Спб. 905. Ц. 1 р.

Саноцкій, Т. Ф. — Кирпичное производство на р. Невѣ и ея притокахъ. Съ рис. Спб. 904. Ц. 1 р. 25 к.

Сергѣевскій, В. Д.—Русское уголовное право. Пособіе къ лекціямъ. Часть общая. Изд. 6-е. Спб. 905. Ц. 2 р. 50 к.

Спенсеръ, Гербертъ. — Размышленія. Глава изъ автобіографіи. Съ англ. Г. Г. Оршанскій. М. 905. Ц. 40 к.

Стасовъ, В. В.—Н. Н. Ге, его жизнь, произведенія и переписка. М. 904. Цѣна 2 рубля.

Таубе, бар. А. М.—Христіанство и международный миръ. М. 905. Ц. 25 к.

Умановъ-Каплуновскій, В. В.—Фарисеи. Романъ въ 2 ч. Спб. 905. Цѣна 1 р. 50 к.

Фридлендеръ, Д., и *Вильбергъ*, И.—Учебникъ русской стенографіи по упрощенной системѣ „Штольце-Шрей" для школы и самообученія. Рига. 905. Цѣна 1 руб.

Хейермансъ, Герм. — Седьмая заповѣдь. Бытовая комедія въ 4 д. (авторъ „Гибели Надежды"). Съ нѣм. п. р. М. Гельрота. Од. 904.

Чернышевъ, В.—Упрощеніе русскаго правописанія. I. Современное состояніе русскаго правописанія. II. Историческій очеркъ вопроса объ его упрощеніи. Спб. 905. Ц. 40 к.

Шапиръ, Ольга.—Не повѣрили. Повѣсть. Спб. 905. Ц. 1 р.

Шумковъ. Г., д-ръ.—Разсказы и наблюденія изъ настоящей русско-японской войны. Кіевъ, 905. Ц. 50 к.

Яковлевъ, Н. Н.—Горообразованія, вулканы, землетрясенія. Съ 4 рис. Спб. 905. Ц. 8 к.

Яговъ, В.—Корея. Спб. 904.

— La Pologne et la crise russe. I. Lettre d'un Polonais à un Ministre russe. Par. 905. II. Observations politiques à propos de la Lettre d'un Polonais à un Ministre russe. Par. 905.

— Russian Life and Society, prepared by brevet captain. Nathan Appleton. Boston. 904.

— Russlands Handels- Zoll- und Industriepolitik vom Peter dem Grossen bis auf die Gagenwart, von Valentin Wittschewsky. Berl. 95.

— Библіотека для самообразованія, XXVI: А. В. Дайси, Основы государственнаго права въ Англіи. Введеніе въ изученіе англійской конституціи. Перев. съ англ. О. Полторацкой, п. р. проф. П. Г. Виноградова. М. 905. Цѣна 2 р. въ перепл.

— Въ защиту слова. Сборникъ. I. Спб. 905. Ц. 2 р.

— Главнѣйшія предварительныя данныя переписи г. Москвы 31 января 1902 г. Вып. V: Грамотность населенія г. Москвы. М. 905.

— Дѣтскій театръ, издаваемый п. р. Н. Новича. № 1: Ярославъ Квопилъ, сказка про принцессу Одуванчикъ. Пьеса въ 5 д. Перев. съ чешскаго Н. Новичъ. Спб. 905. Ц. 30 к.

— Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая Библіотека Ф. Павлен-

кова: Князь Меттернихъ, его жизнь и политическая дѣятельность. Біографическій очеркъ Х. Инсарова. Съ портретомъ М. Спб. 905. Ц. 25 к.

— Журналы Тверского губернскаго земскаго собранія о городской сессіи 1903 г. Тв. 904.

— Записка Московскаго Отдѣленія Имп. Русскаго Техническаго Общества. 1905 г. Вып. 1. М. 905.

— Записка о системѣ городского управленія въ губерніяхъ Царства Польскаго. Спб. 905. Ц. 50 к.

— Избранныя русскія сказки. Съ рис. Кн. I: Для маленькихъ дѣтей. Кн. II: Для младшаго возраста. Кн. III: Для средняго возраста. М. 904. Ц. за 3 кн.—60 коп.

— Извѣстія Спб. Политехническаго Института. 1904. Т. II, вып. 3—4. Съ 4 таблицами. Спб. 904.

— Изданія Восточнаго Института во Владивостокѣ: 1) Извѣстія Восточнаго Института, п. р. проф. Спальвина, т. XII, 904. 2) Вопросы Китая въ алфавитномъ порядкѣ. Справочная книга о Китаѣ и китайцахъ. Вып. I: Аборигены — Ломбарды. 905. 3) Современная лѣтопись Дальняго Востока. 901. 4) П. Шмидтъ, Начальныя чтенія по китайскому языку. 902. 5) Китайская Хрестоматія для первоначальнаго образованія. 902. 6) Г. Подставина, Хрестоматія литературнаго корейскаго языка. Владивост. 905. Ц. 30 к.

— Изданія Товарищества „Знаніе“, п. р. Г. Фальборка и В. Чарнолускаго: 1) Настольная книга по народному образованію. Законы, распоряженія, правила, инструкціи и т. д. Т. III: Низшія учебныя заведенія всѣхъ вѣдомствъ и разрядовъ. Спб. 905. Ц. 4 р. 2) Внѣ-школьное образованіе. Спб. 905. Ц. 2 р. 3) Программы начальныхъ училищъ. Спб. 905. Ц. 30 к. 4) Инструкція директорамъ и инспекторамъ народныхъ училищъ. Спб. 903. Ц. 40 к. 5) Публичныя лекціи и народныя чтенія. Спб. 905. Ц. 25 к. 6) Библіотеки, общественныя и народныя, и книжная торговля. Спб. 905.

— Историческое Обозрѣніе. Сборникъ Историч. Общ. при Имп. Спб. Университетѣ, издав. п. р. Н. И. Карѣева. 1905 г. Т. XIV. Спб. 905.

— Краткій обзоръ дѣятельности Рижской городской Управы въ 1904 г. Рига, 905.

— Литературный Сборникъ „Народные Досуги“. Изд. Московскаго Товарищескаго Кружка изъ народа. М. 905. Ц. 60 к.

— На сибирскія темы. Сборникъ п. р. М. Н. Соболева. Спб. 905. Цѣна 1 р. 75 к.

— Научно-популярная библіотека для народа. № 39: Чудеса общежитія. Жизнь первобытнаго человѣка и современныхъ дикарей. В. Лункевича. Съ 114 рис. Вып. 1. Спб. 905. Ц. 35 к.

— Начальныя Училища Тверской губерніи въ 1903—4 году. Тв. 904.

— Нижегородскій Сборникъ. Спб. 905. Ц. 1 р.

— Обзоръ сельскаго хозяйства въ Полтавской губерніи за 1903 г. Годъ XVIII. Полт. 904.

— Общедоступные разсказы изъ русской исторіи. Для школъ и само-образованія. Спб. 905. Ц. 30 к.

— Памяти проф. Ив. Ник. Смирнова. П. р. проф. Н. С. Архангельскаго. Каз. 904.

— Пятнадцатый съѣздъ представителей и членовъ земскихъ учрежденій Тверской губерніи по врачебно-санитарной части. Протоколы и труды [illegible] 25 августа 1903 г. Тв. 904.

— Русскія повѣсти XVII—XVIII в.в., п. р. и съ предисловіемъ В. В. Сиповскаго. I. Спб. 905. Ц. 2 р. 50 к.

— Сборникъ донесеній мѣстныхъ, по сельско-хозяйственной части, органовъ Мин. Земледѣлія и Государ. Имуществъ. Вып. 1. Спб. 904.

— Сельско-хозяйственныя статистическія свѣдѣнія по матеріаламъ, полученнымъ отъ хозяевъ. Вып. XII: Состояніе травосѣянія въ Россіи. Спб. 905.

— Словинскіе поэты. Изд. п. р. Н. Новича. Спб. 905. Ц. 45 к.

— Современное воспитаніе и новые пути. По Эльсландеру составилъ М. Клочковскій. М. 905. Ц. 40 к.

— Старина и Новизна. Историч. Сборникъ Истор. Общества ревнителей историч. просвѣщенія въ память имп. Александра III. Спб. 905. Ц. 2 р.

— Статистическій Ежегодникъ Московской губерніи на 1904 годъ. М. 905.

— Статистическій Ежегодникъ Полтавскаго губернскаго земства. Годъ III. Полт. 904.

— Статистическій Сборникъ Новгородскаго Губернскаго Земства за 1903 годъ. Новг. 904.

— Стенографическій отчетъ засѣданій очередного Тверского губернскаго земскаго собранія сессіи 1902 г. Тв. 903.

— Тысяча 903 и 904 годы въ сельско-хозяйственномъ отношеніи и нѣкоторыя данныя объ экономическомъ положеніи крестьянскаго хозяйства въ Тверской губерніи. Тв. 905.

— Успѣхи физики. Сборникъ статей о важнѣйшихъ открытіяхъ послѣднихъ лѣтъ въ общедоступномъ изложеніи. Съ 41 рис. Од. 905. Ц. 75 к.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Richard Beer-Hofmann. Der Graf von Charolais. Trauerspiel. Berlin, 1905. S. Fischer, Verlag.

Къ вѣнской группѣ современной нѣмецкой литературы принадлежитъ—наряду съ Шницлеромъ, Гофмансталемъ, Баромъ—еще одинъ интересный молодой писатель, Рихардъ Бееръ-Гофманъ. Онъ выступилъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ повѣстью „Смерть Георга", а теперь вышла въ свѣтъ его драма, „Графъ Каролайсъ", которая шла съ большимъ успѣхомъ въ Берлинѣ минувшей осенью. Въ своемъ первомъ произведеніи Бееръ-Гофманъ прежде всего—эстетъ, внимательный къ красотѣ и во внѣшнемъ предметномъ мірѣ, и въ движеніяхъ человѣческой души. Въ „Смерти Георга" есть страницы, которыя по художественности описаній, по красотѣ языка, несомнѣнно принадлежатъ къ лучшему, что̀ создавалось въ новѣйшей нѣмецкой литературѣ. Но эта первая повѣсть представляла еще много смутнаго и по преобладанію формы надъ внутреннимъ содержаніемъ принадлежитъ къ разряду манерныхъ, декадентскихъ произведеній.

Гораздо больше жизненной правды и внутренней серьезности въ замыслѣ и выполненіи драмы Бееръ-Гофмана „Графъ Каролайсъ". Сюжетъ взятъ готовымъ изъ старинной англійской драмы. Это за недавнее время второй примѣръ переработки и новаго освѣщенія старыхъ сюжетовъ. Гофмансталь написалъ новую „Электру". Бееръ-Гофманъ облекаетъ свой замыселъ въ сюжетъ англійской драмы XVII-го вѣка, „Роковое наслѣдіе" (Fatal Dowry) Филиппа Масинжера и Натаніэля Фильда. Основная мысль драмы Бееръ-Гофмана вполнѣ воплотима и въ обстановкѣ современной жизни; вопросы, которые онъ поднимаетъ, волнуютъ дѣйствительность нашихъ дней—но Бееръ-Гофманъ перенесъ дѣйствіе въ обстановку XVII вѣка изъ художественныхъ цѣлей, и потому, что въ старину чувства и дѣйствія людей были болѣе рѣзкими и опредѣленными, чѣмъ при современномъ преобладаніи интеллектуальности въ жизни людей. Легендарность сюжета освобождаетъ поэта отъ внѣшняго реализма, но тѣмъ глубже онъ проникаетъ въ психологическую правду событій и людей. Вся драма состоитъ изъ обвиненій и защитъ, изъ которыхъ выясняется, что

нѣтъ въ жизни правыхъ и виновныхъ, и что истина—въ чемъ-то иномъ, стоящемъ внѣ человѣческаго суда. Графъ Каролайсъ является сначала подсудимымъ, и благородство его поведенія дѣлаетъ его героемъ въ этой роли. Потомъ онъ становится обвинителемъ, и опять-таки и онъ, и тѣ, которыхъ онъ обвиняетъ, одинаково внѣ вопроса о правотѣ и виновности. Горячность, съ которой поэтъ показываетъ, какъ сложная правда человѣческихъ чувствъ и судьбы не укладывается въ рамки ни законовъ, ни нравственной отвѣтственности, придаетъ чрезвычайное благородство всей драмѣ.

„Графъ Каролайсъ" состоитъ изъ двухъ разныхъ по содержанію половинъ. Одна изъ нихъ представляетъ драму возмущеннаго сыновняго чувства и обнимаетъ собой первое и третье дѣйствіе; вторая—драма оскорбленнаго супружескаго чувства. Ей посвящены второе. четвертое и пятое дѣйствія. Въ первой драмѣ герой—жертва правосудія и законовъ, во второй онъ—мститель за свои попранныя права, и въ обоихъ случаяхъ голоса правыхъ и неправыхъ уничтожаются какой-то иной, высшей истиной. Умеръ старый графъ Каролайсъ. Онъ погибъ на войнѣ какъ герой—убитъ послѣдней пулей передъ заключеніемъ мира, и смерть его—результатъ чрезмѣрной отваги, не допускающей осторожности. Скорбь сына, потерявшаго отца, осложняется особенно трагическимъ обстоятельствомъ: онъ не можетъ похоронить отца съ надлежащими почестями, потому что трупъ его взятъ въ залогъ кредиторами и помѣщенъ въ долговую тюрьму. Горе и возмущеніе сына безграничны: онъ знаетъ, что отецъ его дѣлалъ долги только для того, чтобы кормить и одѣвать своихъ солдатъ, что онъ отдалъ жизнь на то, чтобы водворить миръ въ отечествѣ. И теперь, когда его трупъ въ рукахъ заимодавцевъ, страна не выкупаетъ своего защитника, не приходитъ на помощь сыну. Назначено засѣданіе суда, на которомъ долженъ быть рѣшенъ споръ о трупѣ умершаго графа между наслѣдникомъ и кредиторами убитаго. Въ ожиданіи суда графъ и остановился въ харчевнѣ, куда должны явиться кредиторы. Графъ надѣется умилостивить ихъ до суда. Все вокругъ него ярко свидѣтельствуетъ о несправедливости, царящей въ жизни. Харчевня, гдѣ онъ очутился—притонъ, куда приходятъ подъ масками знатные господа и дамы, пряча свои тайныя любовныя похожденія; тамъ ютится продажная любовь и происходятъ постыдныя оргіи. А чтобы гости были вполнѣ спокойны и не боялись быть открытыми, хозяинъ посылаетъ имъ ужинъ черезъ своего слѣпого старика-отца. Хозяинъ притона—бывшій артистъ, пѣвецъ, который былъ окруженъ поклоненіемъ и жилъ въ царственной роскоши, пока не потерялъ отъ простуды свой голосъ. Судьба хозяина и его гнусное ремесло кажутся графу Каролайсу подходящимъ фономъ для трагической несправедливости, жертвами

которой стали его отецъ и онъ самъ. Въ разговорѣ съ другомъ, капитаномъ Ромонтомъ, Каролайсъ говоритъ объ отцѣ, объ его несчастной судьбѣ и о томъ, что единственнымъ закономъ его жизни была гордость: онъ никогда не жаловался и никогда не раскаивался въ своихъ поступкахъ, хотя они приносили ему только страданія. А несправедливость преслѣдуетъ его и за гробомъ—его трупъ подвергается поруганію, брошенный въ тюрьму. Но Каролайсъ не приходитъ еще въ отчаяніе, — онъ надѣется, что самъ герцогъ или городскія власти явятся и принесутъ выкупъ за его отца. Надежды Каролайса, однако, тщетны — къ нему приходятъ для переговоровъ передъ засѣданіемъ суда только три главныхъ кредитора его отца. Они сговариваются между собой, чтобы предложить графу слѣдующую сдѣлку: если онъ согласится жениться на дочери одного изъ кредиторовъ, богача съ очень сомнительной репутаціей, ему простятся всѣ долги, такъ какъ богачъ скупилъ у остальныхъ обязательства графа. Предложеніе это дѣлаетъ графу отъ лица всѣхъ кредиторовъ еврей Ицигъ, который предварительно узнаетъ у Каролайса, что у него нѣтъ никакихъ надеждъ получить откуда-нибудь деньги. Но когда онъ указываетъ графу на этотъ путь спасенія, товарищъ графа, Ромонтъ, такъ возмущенъ, что хочетъ выгнать еврея и его компаньоновъ, но Каролайсъ болѣе мягокъ; онъ только кротко говоритъ, что такой сдѣлкой онъ бы еще болѣе обезчестилъ память отца. Отказавшись отъ предложенныхъ условій, графъ пытается убѣдить своихъ кредиторовъ словами. Онъ проситъ оставить его наединѣ съ евреемъ и умоляетъ его выдать ему трупъ отца. Тутъ разыгрывается сцена, освѣщающая идею драмы—вопросъ о правыхъ и неправыхъ; она только слишкомъ напоминаетъ самозащиту Шейлока. Каролайсъ обращается къ человѣколюбію Ицига, говоря, что „хотя онъ еврей, но все-же человѣкъ". Ицигъ иронически подхватываетъ его слова, настаивая на томъ, что ему необходимо всѣми средствами копить деньги, потому что только онѣ даютъ ему власть — и вотъ даже заставляютъ благороднаго графа считать его не только евреемъ, но и человѣкомъ. „Не будь у меня денегъ,— говоритъ онъ, — что̀ бы меня защитило отъ знатныхъ господъ? Они бы дали меня убить какъ собаку. Для меня деньги—гарантія жизни". Каролайсъ умоляетъ его не насмѣхаться, напоминаетъ ему о заслугахъ своего отца передъ страной и взываетъ къ сыновнему чувству еврея.—„Поставь себя на мое мѣсто,—говоритъ онъ,—подумай, что̀ ты чувствовалъ бы, будь это твой отецъ". Но этими словами графъ будитъ самое больное въ душѣ еврея. Ицигъ дѣйствительно вспоминаетъ о томъ, какъ умеръ его отецъ, но это воспоминаніе не смягчаетъ его. Его отецъ не сгнилъ въ тюрьмѣ; ему устроено было пышное погребеніе, на которое собралась вся знать, все духовенство и

даже самъ король, — такъ былъ почтенъ отецъ Ицига. Передъ нимъ монахи несли хоругви и произносились испанскія и латинскія рѣчи. Самъ король собственноручно поджегъ костеръ, къ которому привязанъ былъ отецъ Ицига, громко произносившій, умирая, слова іудейскаго символа вѣры. И этого отца, погибшаго за свою вѣру, Ицигъ такъ же сильно любилъ, какъ графъ Каролайсъ своего — и потому пощады ждать отъ него теперь напрасно.—„Почему бы я былъ добрымъ человѣкомъ?—спрашиваетъ еврей въ отвѣтъ на упреки графа.— Не потому ли, что всякій человѣкъ долженъ быть добрымъ къ другимъ? Но для этого выньте изъ моей груди сердце, сжавшееся въ комокъ отъ обидъ, выколите мнѣ глаза и дайте другіе, не воспаленные отъ многихъ слезъ. Выпрямите мнѣ спину, сгорбившуюся отъ вѣчныхъ поклоновъ, дайте другія ноги взамѣнъ ногъ, уставшихъ отъ скитаній, выньте мозгъ изъ головы, чтобы я могъ забыть все то, что было, и, наконецъ, разрѣжьте жилы мнѣ и выпустите кровь, въ которой сохранилась вся горечь страданій моихъ предковъ. Если вы все это сдѣлаете, господинъ графъ, и я еще останусь въ живыхъ,—тогда я съ вами буду говорить какъ человѣкъ, какъ добрый человѣкъ долженъ говорить съ людьми. А до того, чѣмъ бы я ни былъ, я все-таки остаюсь евреемъ — простымъ евреемъ". Такимъ образомъ, преслѣдующій графа кредиторъ—такая же жертва безправія и несправедливости, какъ и онъ, и судъ надъ нимъ, какъ и надъ его жертвой, одинаково несправедливъ. „Мы, люди, можемъ только творить несправедливое или претерпѣвать несправедливость — судить же не намъ дано": таковъ выводъ изъ всѣхъ происшествій въ драмѣ, среди которыхъ Каролайсъ сталкивается со зломъ и самъ творитъ его. Душа его горитъ скорбью объ отцѣ; мысли его направлены на то, чтобы похоронить отца, хотя бы цѣной собственной свободы, — но въ это время онъ сознаетъ, что мысли его не безкорыстны, что, главнымъ образомъ, онъ хочетъ счастья и покоя для себя, и что вся скорбь его происходитъ отъ безнадежности его собственной жизни. Его мучитъ это отсутствіе внутренней правоты передъ собой еще больше, чѣмъ господство несправедливости во внѣшнихъ отношеніяхъ людей Но вѣчная борьба праваго и неправаго — законъ жизни и человѣческой души, и только одно остается какъ правило жизни: быть твердымъ въ поступкахъ, вопреки сложности побужденій. Каролайсъ знаетъ только, что онъ долженъ выкупить трупъ отца хотя бы цѣной своей свободы и жизни, и отъ этого его не можетъ ничто отвлечь.

Въ этомъ смыслѣ онъ дѣйствуетъ на судѣ, изображенію котораго посвященъ третій актъ. Члены суда, руководясь закономъ, становятся на сторону кредиторовъ, которые имѣютъ право сгноить неоплатнаго должника въ долговой тюрьмѣ. Видя, что судъ не можетъ и не хо-

четъ ему помочь въ его горѣ, Каролайсъ начинаетъ просить кредиторовъ, чтобы они выдали трупъ его отца и взамѣнъ этого посадили въ тюрьму его самого. Чтобы убѣдить ихъ въ выгодности такого обмѣна, онъ объясняетъ имъ, что живой должникъ, запертый въ тюрьму—самая лучшая гарантія для нихъ получить обратно свои деньги. Онъ вѣдь не будетъ сидѣть спокойно взаперти, а будетъ такъ долго надоѣдать просьбами объ освобожденіи герцогу и разнымъ знатнымъ людямъ, что за него навѣрное заступятся. А между тѣмъ, если они оставятъ у себя трупъ и отпустятъ его, то онъ уѣдетъ далеко и будетъ жить въ свое удовольствіе, забывъ о непогребенномъ отцѣ. Когда они потомъ будутъ предлагать ему выдать трупъ за меньшую сумму, онъ уже откажется уплатить за него хотя бы грошъ. Кредиторы колеблются и идутъ совѣщаться. Предсѣдатель суда тѣмъ временемъ заговариваетъ съ Каролайсомъ, и убѣждаетъ его отступиться отъ своего безумнаго предложенія. Вѣдь несомнѣнно, что герцогъ не дастъ за него выкупа. Каролайсъ открыто объясняетъ предсѣдателю, что не надѣется ни на какой выкупъ, не имѣя ни друзей, ни покровителей, и что рѣшилъ всю жизнь просидѣть въ тюрьмѣ, лишь бы похоронить отца, какъ подобаетъ его памяти. Напрасно предсѣдатель убѣждаетъ его не жертвовать свободой, напрасно рисуетъ ему всѣ ужасы тюрьмы; Каролайсъ говоритъ, что онъ не можетъ чувствовать себя свободнымъ, пока стѣны тюрьмы не открылись для трупа его отца, и что жизнь для него не имѣетъ цѣны со смертью отца, единственно близкаго ему на землѣ существа. Предсѣдатель видитъ, какъ сильна воля графа, и какъ глубока его любовь, и потому рѣшается спасти его. Черезъ секретаря онъ посылаетъ сказать кредиторамъ, что беретъ на себя долги графа, съ тѣмъ только, чтобы они не называли передъ судомъ имени поручителя. Когда кредиторы возвращаются въ залу суда, они заявляютъ, что не согласны на предложеніе графа; Каролайсъ не можетъ удержаться отъ крика отчаянія, но, продолжая свою рѣчь, одинъ изъ кредиторовъ объясняетъ, что предложеніе графа не принято, потому что оно—лишнее: за уплату долга его ручается человѣкъ, которому они вполнѣ довѣряютъ. Каролайсъ ошеломленъ внезапнымъ оборотомъ дѣла, никакъ не можетъ сообразить сначала, кто его благодѣтель, а потомъ, узнавъ, что это предсѣдатель суда, онъ выражаетъ ему всю глубину своей признательности. Изумляясь его великодушію, онъ предупреждаетъ, что никогда не сможетъ выплатить ему свой долгъ—но это предсѣдатель зналъ,—и что только готовъ быть всю жизнь его вѣрнымъ слугой. Предсѣдатель говоритъ ему, что приметъ его въ свою семью не какъ слугу, а какъ сына. У него есть дочь, прекрасная Дезирè, для которой онъ искалъ достойнаго мужа, и теперь онъ нашелъ его въ графѣ Каролайсѣ

Такимъ образомъ, въ жизни графа свершается переломъ. Справедливость одержала верхъ. Тѣло павшаго за родину полководца можетъ быть погребено съ подобающими почестями, а сыновняя любовь получила вознагражденіе. Но это торжество добра и справедливости—только мнимое. Поступокъ предсѣдателя становится въ свою очередь источникомъ страданій, зла и неправоты. Прежде чѣмъ предсѣдатель отдаетъ свою дочь Каролайсу, она выступаетъ во второмъ дѣйствіи, въ которомъ авторъ знакомитъ насъ съ домашней обстановкой предсѣдателя. Старикъ-предсѣдатель относится къ дѣлу правосудія съ фанатическимъ идеализмомъ, вѣря въ осуществимость истины на землѣ, требуя отъ себя и отъ другихъ, чтобы никакія личныя чувства и никакіе частные интересы не стояли на пути справедливаго суда.

А между тѣмъ онъ самъ въ своей безграничной любви къ дочери питаетъ чувство, которое заставитъ его потомъ уклониться отъ строгости справедливаго приговора. Въ домѣ предсѣдателя живетъ его племянникъ, Филиппъ, влюбленный въ Дезирѐ, но еще не рѣшающійся говорить о своей любви, прежде чѣмъ его молодое честолюбіе не завоюетъ себѣ видное мѣсто въ жизни. Дезирѐ никого не любитъ, кромѣ отца, которому вполнѣ довѣряетъ, и тотъ, озабоченный счастьемъ дочери, рѣшаетъ самъ выбрать ей достойнаго мужа. Послѣ засѣданія суда, на которомъ она присутствуетъ, отецъ ея обѣщаетъ ея руку графу Каролайсу, и она вполнѣ согласна подчиниться его выбору.

Между третьимъ и четвертымъ актомъ проходятъ три года, и въ судьбѣ графа разыгрывается новая драма—опять на почвѣ правоты и виновности. Параллельность четвертаго и пятаго акта съ предъидущими намѣчена и внѣшнимъ образомъ. Обстановка та же. Четвертое дѣйствіе происходитъ, какъ и второе, въ домѣ президента, гдѣ теперь является хозяиномъ графъ Каролайсъ, а пятое тамъ, гдѣ первое,—въ харчевнѣ. Каролайсъ счастливъ. У него преданная любимая жена и ребенокъ, для котораго онъ работаетъ, управляя владѣніями предсѣдателя; будущее его сына—предметъ его радостныхъ мечтаній. Каролайсъ очень строгъ. Онъ отстраняетъ отъ прежней должности по имѣнію хозяина харчевни, потому что чувствуетъ брезгливость къ его ремеслу. И опять въ томъ, какъ оправдывается несомнѣнно неправый въ своихъ дѣйствіяхъ трактирщикъ, въ томъ, какъ онъ объясняетъ свою жажду жизни, оставшуюся въ немъ и послѣ потери голоса и связаннаго съ нимъ благополучія,— опять звучитъ вопросъ, которымъ полна вся драма: кто правъ и кто виновенъ, и главное,—кто судья? Этотъ вопросъ обостряется наступленіемъ катастрофы въ семьѣ графа. Каролайсъ долженъ уѣхать на постройку, гдѣ съ нимъ хочетъ поговорить архитекторъ. Онъ предпочитаетъ ѣхать въ тотъ же вечеръ, несмотря на снѣжную бурю, потому что если отложить до утра, то

снѣгъ занесетъ дорогу и придется дѣлать объѣздъ. Предсѣдатель тоже долженъ уѣхать на засѣданіе, и молодая женщина остается одна. Своего друга, Ромонта, Каролайсъ тоже отсылаетъ къ хозяину харчевни. Онъ пожалѣлъ обиженнаго судьбой бывшаго пѣвца, и посылаетъ ему сказать, что не отставляетъ его отъ прежней должности. Дезирè отсылаетъ служанку и сама садится за пяльцы. Въ это время является Филиппъ, тайно пробравшійся въ домъ, и, несмотря на протесты молодой женщины, остается и говоритъ ей о своей любви. Онъ объясняетъ ей, что она не могла полюбить графа, случайно, а не по свободному выбору доставшагося ей въ мужья, и что онъ также не можетъ любить ту, которая досталась ему въ придачу оплаченныхъ долговъ. И, въ сущности, онъ правъ, какъ права Дезирè, сначала возмущаясь противъ нарушителя своего покоя, а потомъ поддавшись соблазну и согласившись пойти проводить его. Каролайсъ возвращается домой, не поѣхавъ на постройку,—его остановила буря—и изумленъ, не заставъ жены. Почти вслѣдъ за нимъ является Ромонтъ, и взволнованно начинаетъ искать Дезирè. Убѣдившись, что ея нѣтъ, онъ говоритъ Каролайсу, что видѣлъ ее только-что въ харчевнѣ съ Филиппомъ, который велъ ее, прикрывая плащомъ. Долго Каролайсъ не рѣшается вѣрить, но, убѣдившись въ правдѣ словъ Ромонта, прослѣдивъ слѣды, ведущіе отъ дома къ харчевнѣ, онъ опять такъ же рѣшительно дѣйствуетъ, какъ дѣйствовалъ, рѣшивъ выкупить трупъ отца. Онъ зоветъ секретаря, диктуетъ ему отреченіе отъ всего дарованнаго ему тестемъ состоянія, снимаетъ богатую одежду, одѣваетъ старые доспѣхи, въ которыхъ явился на судъ, затѣмъ велитъ служанкѣ принести ребенка и, закутавъ его въ плащъ, уходитъ. Въ пятомъ дѣйствіи передъ зрителями опять харчевня, служащая для тайныхъ свиданій. Туда является Каролайсъ и убѣждается, что тамъ его жена съ Филиппомъ. Онъ вызываетъ своего тестя, чтобы онъ произнесъ свой приговоръ надъ преступной женой. Филиппа онъ убиваетъ на мѣстѣ, но надъ Дезирè онъ требуетъ суда, требуетъ, чтобы ея отецъ былъ тѣмъ, чѣмъ онъ обязанъ быть—судьей. Онъ говоритъ о своей любви, о своемъ довѣріи къ женѣ и настойчиво требуетъ приговора. Старикъ уклоняется, но Каролайсъ заставляетъ его сказать, что она заслуживаетъ смерти. Онъ ее не убиваетъ, но такъ мучитъ своими обвиненіями, что она сама закалываетъ себя. Каролайсъ остается живъ, но уходитъ навстрѣчу бурѣ и непогодѣ, тщетно силясь понять, каковъ путь истинной справедливости. Онъ только узналъ, что нѣтъ правосудія въ судѣ человѣческомъ, а есть законъ страданія и смиренія; подъ нимъ живутъ люди, изъ которыхъ каждый одновременно и палачъ, и жертва. Это соединеніе правоты и правосудія возсоздано въ драмѣ съ большой тонкостью и—главное—глубиной чу-

ства. Поэтъ съ глубокой любовью понялъ правоту неправыхъ въ силѣ ихъ страданій и представилъ яркіе художественные ббразы въ лицѣ своего героя и окружающихъ его людей. Нужно отмѣтить также великолѣпный стихъ, которымъ написана драма.—З. В.

II.

La Pologne et la crise russe. 1. Lettre d'un Polonais à un Ministre russe. Стр. 27. 2. Observations politiques à propos de la lettre d'un Polonais à un Ministre russe. Стр. 37. Paris. 1905.

Въ польскомъ обществѣ. какъ и въ русскомъ, подъ вліяніемъ грозныхъ событій на Дальнемъ Востокѣ все болѣе распространяется убѣжденіе, что устарѣлый государственный бытъ Россіи долженъ подвергнуться кореннымъ реформамъ, которыя внесутъ радикальную перемѣну и въ русско-польскія отношенія. До сихъ поръ мы какъ будто ставили себѣ цѣлью возбуждать и поддерживать въ полякахъ чувства ненависти и вражды къ господствующей народности при помощи самыхъ суровыхъ формъ административнаго гнета, вторгающихся во всѣ области духовной, умственной и общественной жизни польской націи. Невѣжественные „обрусители", принадлежащіе къ худшимъ элементамъ нашего чиновничества, считали себя истинными хозяевами и распорядителями въ Привислинскомъ краѣ; они употребляли всѣ усилія къ тому, чтобы по возможности отравлять жизнь польскому населенію, непрерывно напоминать ему объ его полнѣйшемъ безправіи и давать ему чувствовать на каждомъ шагу безусловную зависимость его интересовъ отъ произвола всемогущей администраціи. Такая система управленія, поощряемая извѣстною частью нашей печати, составляла національное бѣдствіе для поляковъ и въ то же время причиняла непоправимый вредъ русскому вліянію въ краѣ. Послѣднія событія русско-японской войны внезапно освѣтили предъ нами тотъ пагубный путь, по которому вела Россію всесильная бюрократія. Рядомъ съ неизбѣжнымъ переустройствомъ всего правительственнаго механизма должно послѣдовать и преобразованіе ненормальныхъ порядковъ на окраинахъ и прежде всего въ бывшемъ Царствѣ Польскомъ.

Въ двухъ брошюркахъ, заглавія которыхъ приведены нами выше, изображается яркими красками то невыносимое положеніе, которое создано для поляковъ сорокалѣтними стараніями административныхъ „обрусителей". Авторъ „Письма къ русскому министру"

откровенно признаетъ, что русско-польскія отношенія не могутъ быть хуже, чѣмъ они есть... „Польскій народъ испытываетъ подъ русскимъ владычествомъ самыя глубокія страданія. Съ 1863 года установилась система мстительной [злобы не только противъ современниковъ злосчастнаго возстанія, но и противъ позднѣйшихъ поколѣній, подвергая ихъ суровымъ карамъ за грѣхи отцовъ. Страна лишилась не только національныхъ, но и своихъ жизненныхъ правъ. Всякій слѣдъ малѣйшей организаціи уничтожается. Терроризмъ перересталъ быть временнымъ переходнымъ состояніемъ и превратился въ нормальную основу русско-польскихъ отношеній. Всякій полякъ, независимо отъ своего поведенія и образа мыслей, разсматривался заранѣе какъ государственный преступникъ, исключительно потому, что въ жилахъ его течетъ польская кровь. Издавались исключительные законы и секретные приказы, дѣлавшіе поляковъ гражданами не второго, а послѣдняго разряда. Русское чиновничество наводнило страну, и поляки были устранены отъ всякаго участія въ устройствѣ ихъ собственныхъ дѣлъ, не только крупныхъ, но и самыхъ обыкновенныхъ и незначительныхъ". Отношенія между правящими и управляемыми все болѣе увеличивали пропасть, раздѣлявшую обѣ народности, и навязывали намъ роль угнетателей, враговъ польскаго населенія. „Со стороны бюрократіи не было никакихъ попытокъ къ улучшенію этого положенія. Напротивъ, она старательно поддерживала раздраженіе и вражду, такъ какъ этимъ она охраняла и оправдывала свое господство и свои особыя преимущества. Польскій языкъ, этотъ старинный культурный языкъ, имѣющій богатую и блестящую литературу, подвергался презрительному гоненію, какое не выпадало на долю даже самыхъ бѣдныхъ славянскихъ нарѣчій. Употребленіе его запрещалось даже въ тѣхъ случаяхъ, когда допускается пользованіе нѣмецкимъ и другими иностранными языками. Всѣ должности по судебному вѣдомству замѣщаются людьми, не знающими ни языка, ни обычаевъ, ни мѣстныхъ условій". Особенно печальные плоды приноситъ эта политика въ школьномъ дѣлѣ. Польскія дѣти, видя презрѣніе и ненависть учебнаго начальства къ своему языку, къ своей религіи и къ своей національной исторіи, проникаются такою же ненавистью къ своимъ русскимъ наставникамъ и преподавателямъ. Поляки видятъ, что школы вовсе не имѣютъ въ виду способствовать распространенію знаній, что русскіе педагоги являются не наставниками, а политическими агентами, что въ учебномъ вѣдомствѣ господствуетъ сухо формализмъ, соединенный съ недобросовѣстностью и часто съ прямо продажностью, которая, по словамъ автора, приняла чудовищные размѣры при попечительствѣ Апухтина,—и въ результатѣ получается настроеніе злобы и презрѣнія. „Русское государство,—замѣчает

авторъ,—не могло ставить себѣ такія цѣли и стремиться къ такимъ результатамъ". Русская бюрократія съумѣла оттолкнуть отъ себя всѣ классы польскаго населенія и въ томъ числѣ крестьянство, которое сорокъ лѣтъ тому назадъ было привлечено на сторону правительства разумною земельной реформою; нынѣ огромное большинство крестьянъ чувствуетъ на себѣ тяжесть безконтрольнаго чиновничьяго хозяйничанія, придирчиваго, грубаго и хищническаго. Прусское правительство также дѣйствуетъ въ Пруссіи насильственно и несправедливо, съ точки зрѣнія нравственной и политической, но пруссаки остаются все-таки хорошими и честными администраторами; наши же обрусители, посылаемые въ Польшу для управленія ея дѣлами, могутъ быть сравниваемы только съ турецкими чиновниками. Нѣкоторыя изъ польскихъ мѣстностей, по своей запущенности и по способамъ дѣйствій своихъ русскихъ управителей, положительно напоминаютъ турецкіе вилайеты; онѣ не имѣютъ ни школъ, ни больницъ, ни благотворительныхъ пріютовъ, ни врачебныхъ и санитарныхъ учрежденій, ни удобныхъ дорогъ,—хотя на всѣ эти потребности собираются съ народа обильныя средства. Русская бюрократія упорно проявляетъ къ странѣ систематическое недовѣріе, недостойное могущественной и прочной государственной власти; это недовѣріе рѣзко выражается въ крайне придирчивой и мелочной цензурѣ, сдавливающей польскую мысль и угнетающей лучшіе умы мѣстной печати и литературы. Надежда на то, что поляки когда-нибудь откажутся отъ своей народности подъ вліяніемъ подобныхъ принудительныхъ мѣръ, не можетъ быть раздѣляема даже самыми непреклонными и усердными представителями бюрократіи, и вся практикуемая до сихъ поръ система мѣстной администраціи направлена какъ будто только къ тому, чтобы довести польское общество до отчаянія и вызвать открытыя народныя волненія, которыя позволили бы обрусителямъ надолго обезпечить свое господство въ краѣ. Но,—какъ говоритъ авторъ „Письма",—бюрократы этого не добьются, сколько бы они ни старались сѣять смуту въ умахъ населенія своими вызывающими дѣйствіями, запугивая въ то же время центральное правительство мнимою опасностью вооруженнаго возстанія,—ибо поляки достаточно научены горькимъ историческимъ опытомъ, чтобы не играть въ руку своимъ худшимъ врагамъ и притѣснителямъ; они отлично сознаютъ невозможность прямой борьбы и не думаютъ о какомъ бы то ни было активномъ сопротивленіи; къ русской арміи они не питаютъ и не могутъ питать враждебныхъ чувствъ уже потому, что въ ея рядахъ находятся и сражаются теперь на Дальнемъ Востокѣ многіе десятки тысячъ ихъ соплеменниковъ. Никто изъ добросовѣстныхъ русскихъ патріотовъ

не долженъ однако удивляться, что поляки питаютъ къ русской администраціи глубокую антипатію, которая усиливается съ каждымъ годомъ; эта администрація съ непонятною настойчивостью внушаетъ польскому народу убѣжденіе, что принадлежать къ составу Россійской имперіи — значитъ быть осужденными на безправіе и ничтожество. Нерѣдко ссылаются на то, что сами поляки относятся недовѣрчиво и непріязненно къ Россіи, а пока это отношеніе не измѣнится, до тѣхъ поръ нельзя ожидать серьезныхъ перемѣнъ въ политикѣ правительства; но можно ли требовать отъ поляковъ, чтобы они обнаруживали довѣріе и преданность правительству при существующихъ условіяхъ? „Если государство—заключаетъ авторъ—можетъ имѣть къ намъ довѣріе только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы мы отреклись отъ своей національности, отъ своего языка, отъ своей религіи, то пусть оно никогда не выразитъ намъ своего довѣрія, такъ какъ мы никогда его не заслужимъ". Авторъ не формулируетъ своихъ практическихъ выводовъ, но они сами собою вытекаютъ изъ всей его аргументаціи, весьма умѣренной по тону, но убійственной по содержанію.

Эти же отрицательные выводы подкрѣпляются многими вѣскими фактами и соображеніями, изложенными въ другой брошюрѣ, которая служитъ какъ бы подробнымъ дополнительнымъ комментаріемъ къ „Письму поляка". Обѣ брошюры представляютъ собою не что иное, какъ мучительный вопль наболѣвшей польской души по поводу безцѣльнаго и пагубнаго бюрократическаго гнета, подъ которымъ приходится жить одной изъ наиболѣе культурныхъ и даровитыхъ народностей, подвластныхъ Россіи. Авторъ „Политическихъ замѣчаній", какъ и составитель комментируемаго имъ письма, не желалъ бы, чтобы полякамъ приписывалось намѣреніе воспользоваться новѣйшими неудачами русскаго оружія для своихъ особыхъ національныхъ цѣлей. „Мы хорошо знаемъ,—говоритъ онъ,—что русскіе всегда будутъ имѣть достаточно матеріальной силы для подавленія безоружнаго народа. Но мы хотимъ надѣяться, что испытываемые ими удары судьбы вызовутъ въ нихъ самихъ спасительный поворотъ и раскроютъ передъ ними великіе грѣхи какъ относительно своей собственной страны, такъ и по отношенію къ Польшѣ. Мы разсчитываемъ не на ослабленіе, а на пробужденіе Россіи. Русскіе дѣятели до сихъ поръ слѣпо шли по старымъ путямъ внутренней и внѣшней политики, толкаемые впередъ обычнымъ ходомъ своей бюрократической и военной машины. Оба з[illegible] пути привели къ абсурду. Мы хотѣли бы, чтобы событія помогли с[illegible]мимъ русскимъ понять свои роковыя ошибки и оцѣнить все безр[illegible]судство политическаго режима, возбуждающаго ненависть къ русско[illegible] государству". Правительство много требуетъ и беретъ съ польска[illegible]

населенія, не давая ему почти ничего взамѣнъ. Поляки уплачиваютъ, въ видѣ налоговъ, около пятнадцати рублей съ души, среднимъ числомъ, и ежегодно вносятъ такимъ образомъ въ казну около 150 милліоновъ рублей; „изъ этой суммы третья доля идетъ на содержаніе арміи, имѣющей своимъ назначеніемъ наблюдать за нами въ нашей собственной странѣ; другая доля расходуется на администрацію, которая держитъ насъ въ оковахъ; только ничтожная часть тратится на настоятельнѣйшія мѣстныя нужды, которыя давно требуютъ болѣе крупныхъ издержекъ; остальное—немногимъ менѣе третьей части — попадаетъ въ русское казначейство, какъ свободный излишекъ дохода". Для тридцати тысячъ мѣстечекъ и селъ съ семью милліонами крестьянскаго населенія существуетъ только 2½ тысячи начальныхъ школъ, посѣщаемыхъ 150 тысячами дѣтей обоего пола; въ этихъ училищахъ, предназначенныхъ для поляковъ и католиковъ, распоряжаются не представители польскаго общества и не служители католической церкви, а органы русской полиціи; особенности этихъ школъ таковы, что послѣ перваго года ученія 75% учащихся бросаютъ ихъ, и едва 4% изъ общаго числа поступившихъ доводятъ курсъ до конца; оттого процентъ неграмотныхъ возрастаетъ, вмѣсто того, чтобы уменьшаться. Варшава, съ своимъ бюджетомъ въ 13 милліоновъ рублей, удѣляетъ на городскія школы только триста тысячъ рублей въ годъ, т.-е. вдвое менѣе, чѣмъ городъ Леополь въ австрійской Польшѣ, имѣющій въ пять разъ меньшее населеніе; и въ то же время попытки мѣстныхъ благотворительныхъ организацій и частныхъ лицъ восполнить этотъ огромный недостатокъ въ дѣлѣ народнаго образованія преслѣдуются и караются съ бо̀льшимъ усердіемъ, чѣмъ кража или убійство. Университетъ въ Варшавѣ остается мертвымъ для поляковъ, едва замѣтнымъ между русскими университетами и послѣднимъ изъ европейскихъ. Въ этомъ университетѣ не признается ни исторіи Польши, ни исторіи польскаго права и законодательства; онъ не имѣетъ правильнаго курса польской литературы; въ немъ нѣтъ каѳедры каноническаго права, обязательнаго, однако, въ странѣ; онъ не заботится о преподаваніи такихъ необходимыхъ въ краѣ предметовъ, какъ обязательные для жителей польско-французскіе гражданскіе кодексы, торговое право, ипотечное право и др. За все время своего жалкаго существованія этотъ университетъ, созданный на развалинахъ бывшей „главной школы" съ ея блестящимъ прошлымъ, не далъ странѣ ни одного ученаго, ни одного выдающагося писателя, ни одного замѣтнаго практическаго дѣятеля; наиболѣе способные изъ молодыхъ поляковъ обходили этотъ разсадникъ мрака и поневолѣ искали высшаго образованія внѣ предѣловъ Россіи. Благодаря много-

лѣтнимъ усиліямъ мѣстныхъ „попечителей народнаго просвѣщенія", оффиціальная статистика могла установить тотъ поразительный фактъ, что „самый низкій процентъ грамотныхъ между новобранцами оказывается въ Сибири и въ бывшемъ Царствѣ Польскомъ". Авторъ не находитъ другого выхода изъ этого ряда абсурдовъ, кромѣ откровеннаго признанія, что къ польскому народу должны быть примѣняемы здравые и благотворные принципы самоуправленія, способные создать атмосферу прочнаго взаимнаго довѣрія и уваженія между обѣими родственными націями.—Л. С.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 апрѣля 1905.

Правительственное сообщеніе 18-го марта. — Имѣется ли на лицо periculum in mora?—Необходимость образованія политическихъ партій. —„Правый флангъ монархической партіи", поддѣльный и настоящій.—Дальнѣйшіе оттѣнки мнѣній.—Резолюція съѣзда журналистовъ.—Уличные безпорядки въ Псковѣ.—Совѣщаніе о печати.—Царство Польское и Финляндія.

18-го марта въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" появилось слѣдующее оффиціальное сообщеніе:

„Рескриптомъ отъ 18 февраля сего года Его Императорскому Величеству благоугодно было учредить, подъ предсѣдательствомъ министра внутреннихъ дѣлъ, Особое Совѣщаніе для обсужденія путей осуществленія Высочайше возвѣщеннаго въ томъ рескриптѣ привлеченія достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людей къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній.

„Во исполненіе таковой Высочайшей воли предсѣдатель Совѣщанія безотлагательно приступилъ къ соображенію во ввѣренномъ ему министерствѣ относящихся къ дѣлу матеріаловъ, освѣщающихъ важнѣйшія стороны подлежащаго разрѣшенію вопроса.

„Сложность предстоящихъ Совѣщанію занятій и предуказанная въ Высочайшемъ рескриптѣ необходимость надлежащей осмотрительности въ проведеніи въ жизнь предначертаннаго важнаго преобразованія побудила министра внутреннихъ дѣлъ остановиться съ особымъ вниманіемъ на возможно правильной подготовкѣ подготовительныхъ къ Совѣщанію работъ. Въ этомъ отношеніи нельзя было не принять на видъ, что имѣющіеся по дѣлу матеріалы, въ томъ числѣ поступившіе отъ разныхъ лицъ и учрежденій проекты и предположенія, отличаются разнообразіемъ взглядовъ и сужденій какъ о главныхъ основаніяхъ, такъ и о подробностяхъ предстоящей разрѣшенію Совѣщанія задачи. При такихъ условіяхъ внесеніе на обсужденіе послѣдняго всѣхъ этихъ недостаточно обработанныхъ матеріаловъ и предположеній вызывало бы немаловажныя затрудненія и не могло бы не замедлить хода работъ Совѣщанія. Такая постановка дѣла представлялась бы тѣмъ болѣе неудобною, что Совѣщаніе, въ виду свойства возложенной на него задачи и разнообразія мѣстныхъ особенностей отечества нашего, не можетъ быть образовано изъ однихъ лишь представителей вѣдомствъ и высшихъ государственныхъ сановниковъ, но должно объединить въ своемъ составѣ также и лицъ, заявившихъ себя особыми познаніями и дѣятельностью на разныхъ поприщахъ государственной и общественной службы на мѣстахъ, и, вообще, близко знакомыхъ съ условіями отдѣльныхъ мѣстностей Имперіи и степенью развитія въ оныхъ гражданственности; вслѣдствіе сего Совѣщаніе, по

необходимости, должно быть разнообразнымъ по составу и въ немъ не можетъ не установиться значительнаго и, быть можетъ, существеннаго различія во взглядахъ на многія стороны подлежащаго обсужденію предмета.

„Посему, въ видахъ ускоренія дѣла и обезпеченія успѣшнаго хода занятій Совѣщанія, министръ внутреннихъ дѣлъ призналъ необходимымъ приступить нынѣ же, независимо отъ собиранія матеріаловъ, къ составленію первоначальныхъ соображеній объ основаніяхъ, на коихъ можетъ быть осуществлено предуказанное Высочайшей властью привлеченіе выборныхъ отъ населенія къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній; соображенія эти внести, для ближайшаго согласованія съ общими видами правительства, въ совѣтъ министровъ, и уже засимъ подвергнуть ихъ окончательной разработкѣ и разсмотрѣнію въ имѣющемъ быть образованнымъ, во исполненіе предуказаній Высочайшаго рескрипта 18 февраля сего года, Особомъ Совѣщаніи, въ связи съ тѣми сужденіями, которыя въ совѣтѣ министровъ высказаны будутъ.

„При такой постановкѣ дѣла всѣ подготовительныя работы, не взирая на ихъ сложность и необходимость собранія различныхъ свѣдѣній, относящихся къ окраинамъ Имперіи, могли бы быть закончены не далѣе двухъ-трехъ мѣсяцевъ, и вопросъ объ изысканіи наилучшихъ путей къ осуществленію Высочайшей воли получилъ бы всестороннее освѣщеніе на почвѣ согласованія общегосударственныхъ интересовъ съ мѣстными пользами и нуждами разныхъ частей Имперіи.

„О таковыхъ своихъ предположеніяхъ министръ внутреннихъ дѣлъ всеподданнѣйше повергалъ на Высочайшее Его Императорскаго Величества благовоззрѣніе, при чемъ Государю Императору, 16 марта сего года, благоугодно было оныя Высочайше одобрить".

Когда былъ обнародованъ Высочайшій рескриптъ 18-го февраля, можно было думать, что созывъ возвѣщеннаго имъ собранія состоится весьма скоро. Для предварительнаго разсмотрѣнія связанныхъ съ нимъ вопросовъ никакихъ инстанцій, кромѣ Особаго Совѣщанія, проектировано не было: ему одному было предоставлено обсудить „пути осуществленія Высочайшей воли". Создать избирательный порядокъ, наиболѣе примѣнимый къ условіямъ данной минуты, было, конечно, нелегко, но трудность задачи значительно уменьшалась временнымъ ея характеромъ: установленіе *постоянной* избирательной системы должно было лежать на обязанности будущаго собранія. Быстрота рѣшенія представлялась тѣмъ болѣе важной, чѣмъ больше обострялись недуги, исцѣленіе которыхъ ожидалось отъ „лучшихъ выборныхъ людей". Разрѣшенію недоумѣній, неизбѣжныхъ во всякомъ новомъ дѣлѣ, могъ содѣйствовать житейскій опытъ и нравственный авторитетъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, облеченныхъ полномочіями своихъ собраній. Обращеніе къ нимъ потребовало бы немногихъ недѣль; въ началѣ апрѣля они могли уже быть въ Петербургѣ. Иной является дорога, избранная министромъ внутреннихъ дѣлъ: прежде

чѣмъ соберется Совѣщаніе, „первоначальныя соображенія“, составленныя безъ его участія, будутъ разсмотрѣны совѣтомъ министровъ. Этимъ не только отдаляется начало дѣятельности совѣщанія, но и весьма существенно измѣняются ея условія. Ничѣмъ не стѣсненное въ своей работѣ, Особое Совѣщаніе могло бы свободно отнестись ко всѣмъ поставленнымъ ему вопросамъ и разрѣшить ихъ по своему крайнему усмотрѣнію. Теперь ему необходимо будетъ считаться съ заключеніями совѣта министровъ. Конечно, они будутъ признаны для него необязательными; но это еще не значитъ, что они останутся безъ вліянія на ходъ и результатъ сужденій. Заранѣе, до извѣстной степени, предрѣшеннымъ окажется и отношеніе министровъ къ предположеніямъ Совѣщанія, когда наступитъ моментъ ихъ утвержденія и исполненія.

Изъ кого и въ какомъ порядкѣ будетъ образовано Особое Совѣщаніе—этого мы изъ правительственнаго сообщенія не узнаемъ. Въ составъ совѣщанія имѣется въ виду включить не только представителей вѣдомствъ и высшихъ государственныхъ сановниковъ, но и лицъ, „заявившихъ себя на разныхъ поприщахъ общественной службы и вообще близко знакомыхъ съ условіями отдѣльныхъ мѣстностей имперіи и степенью развитія въ нихъ гражданственности“. Будутъ ли эти лица выбраны общественными учрежденіями или приглашены министромъ внутреннихъ дѣлъ — неизвѣстно. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ полное единодушіе между ними совершенно немыслимо. Это предвидитъ и министерство внутреннихъ дѣлъ, предполагая, что въ средѣ совѣщанія обнаружится значительное и, быть можетъ, существенное разногласіе. Зачѣмъ же, въ такомъ случаѣ, отлагать проявленія этого разногласія до разсмотрѣнія подготовительныхъ работъ въ совѣтѣ министровъ? Не проще ли было бы выслушать съ самаго начала всѣ мнѣнія, освѣтить вопросъ со всѣхъ сторонъ? Если представителямъ общества, слишкомъ поздно призваннымъ въ совѣщаніе, будетъ сказано: до сихъ поръ и не дальше, то къ чему приведетъ самый призывъ, кромѣ взаимнаго раздраженія? Если никакихъ преградъ передъ совѣщаніемъ поставлено не будетъ, то къ чему отсрочка его работы?.. Какъ понимать, откуда считать тотъ двухъ-или трехмѣсячный срокъ, о которомъ говорится въ правительственномъ сообщеніи? Если онъ обнимаетъ собою только фазисъ подготовительныхъ работъ, до внесенія ихъ въ совѣтъ министровъ, и если его началомъ признается день обнародованія сообщенія, то совѣтъ министровъ приступитъ къ разсмотрѣнію „первоначальныхъ соображеній“ не раньше конца мая или половины іюня. Какъ бы онъ ни торопился исполненіемъ своей задачи, совѣщаніе едвали можно будетъ составить раньше іюля. Соберется оно не раньше августа: вѣдь нужно же будетъ дать членамъ совѣщанія, призываемымъ изъ разныхъ концовъ

Россіи, время съѣхаться въ Петербургѣ. Когда, затѣмъ, окончится работа совѣщанія, когда она будетъ утверждена, когда сдѣланы будутъ первыя распоряженія по избранію представителей, когда состоятся выборы, когда откроется собраніе—этого нельзя опредѣлить даже приблизительно. Въ лучшемъ случаѣ съ момента начала занятій совѣщанія до нетерпѣливо ожидаемаго Россіей дня осуществленія новаго порядка пройдетъ немногимъ меньше полугода. Собраніе, возвѣщенное въ минувшемъ февралѣ, едва ли станетъ совершившимся фактомъ раньше февраля 1906-го года. Не того ожидало русское общество, прочитавъ рескриптъ 18-го февраля: созывъ представителей казался близкимъ, очень близкимъ. Его имѣли въ виду, когда думали о возможности ускорить заключеніе мира; съ нимъ связывались надежды на успокоеніе страны, на прекращеніе аграрныхъ и всякихъ другихъ безпорядковъ, на безпрепятственное возобновленіе, съ самаго начала будущаго учебнаго года, занятій въ высшихъ школахъ. Тяжело убѣждаться въ неосуществимости этихъ надеждъ—и мы даже теперь не хотимъ вѣрить, что онѣ потеряны безвозвратно. Опасность медленности—periculum in mora—чувствуется съ каждымъ днемъ все яснѣе и яснѣе; все меньше и меньше остается сомнѣній въ томъ, что прочное умиротвореніе страны не можетъ быть достигнуто ни дѣйствіемъ матеріальной силы, ни обращеніемъ къ обычнымъ бюрократическимъ пріемамъ, ни полумѣрами, никого не удовлетворяющими, ни обѣщаніями, слишкомъ долго остающимися безъ исполненія.

Гдѣ политическая жизнь, тамъ и политическія партіи: это показываетъ исторія всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ. Скажемъ болѣе: образованіе партій предшествуетъ, обыкновенно, началу настоящей, т.-е. открытой, широкой, признанной закономъ политической жизни. Въ своемъ зачаточномъ состояніи партіи имѣютъ, однако, скорѣе характеръ группъ, колеблющихся въ своемъ составѣ, лишенныхъ точно установленной программы и правильной организаціи. Такія группы издавна существуютъ и въ Россіи, яснѣе обозначаясь въ моменты общественнаго возбужденія, стушевываясь и отчасти сливаясь между собою въ моменты унынія и застоя [1]). Партійная борьба ведется у насъ если не со временъ Радищева и кн. Щербатова, Сперанскаго и Карамзина, Магницкаго и Н. Тургенева, то во всякомъ случаѣ съ сороковыхъ годовъ XIX-го вѣка, т.-е. со времени обособленія западниковъ и славянофиловъ. Иногда она сосредоточивается на одномъ вопросѣ—впередъ или назадъ,—иногда усложняется, касаясь различныхъ темповъ и степеней движенія. Въ первомъ случаѣ всю сцен

[1]) См. „Внутреннія Обозрѣнія“ въ №№ 5 и 8 „Вѣстника Европы“ за 1880 г.

занимаютъ два направленія, рѣзко противоположныя одно другому, во второмъ—по меньшей мѣрѣ три: два крайнихъ и одно среднее. Въ 1856—58 гг. защитники старины стояли лицомъ къ лицу съ объединенными сторонниками преобразовательной работы; но уже въ концѣ пятидесятыхъ годовъ между послѣдними возникли глубокія разногласія. При аналогичныхъ условіяхъ аналогичныя явленія повторялись и позже. Никогда, можетъ быть, единодушіе въ рядахъ той группы, которую мы, для краткости, назовемъ освободительною, не было такъ велико, какъ въ началѣ прошлаго года, когда несокрушимой казалась реакціонная твердыня. Лишь только она пошатнулась, поколебался и союзъ, вызванный ея господствомъ. Настала, вмѣстѣ съ тѣмъ, пора превращенія неопредѣленныхъ группъ въ опредѣленныя партіи—превращенія вполнѣ естественнаго и неизбѣжнаго уже потому, что приближается день созыва перваго русскаго народнаго собранія. Пожелать можно только одного: чтобы это превращеніе совершилось безъ напрасной траты силъ, безъ разрыва той связи, которая долго еще должна и можетъ соединять, въ извѣстныхъ предѣлахъ, прогрессивные элементы русскаго общества. Слишкомъ еще сильны враги прогресса, слишкомъ еще велика потребность въ дружномъ противодѣйствіи попыткамъ остановить или повернуть назадъ быстро завертѣвшееся колесо русской жизни.

Объ образованіи партій заговорили недавно и „Московскія Вѣдомости" (№№ 61 и 62), признавая, что „съ 18-го февраля партіямъ въ Россіи придется существовать de jure въ качествѣ сплоченныхъ организмовъ". Хорошему началу не соотвѣтствуетъ продолженіе. Оказывается, что русскихъ партій можетъ быть только двѣ: *монархическая* и *революціонная*, обнимающая собою одинаково какъ „крамольниковъ", такъ и „либераловъ". Отсюда не высказанный прямо, но ясный выводъ: революціонную партію надлежитъ искоренить, не признавая за нею ни права на дѣятельность, ни даже права на существованіе. Образовать „сплоченный организмъ" „революціонеры" могутъ, очевидно, только за кулисами. Немыслима, при этомъ, та открытая, честная борьба — борьба одинаковыми или однородными средствами,—которая составляетъ сущность свободной политической жизни. Говоря о партіяхъ, московская газета играетъ словами: сущность дѣла она попрежнему видитъ въ полицейскомъ (съ помощью добровольцевъ) преслѣдованіи злоумышленниковъ. Совершенно напрасно, поэтому, „Московскія Вѣдомости" называютъ излюбленную ими партію *монархическою*. Монархистами могутъ быть люди столь же различныхъ убѣжденій, какъ различны типы монархіи и представленія о монархіи. Монархисты съ Страстного бульвара—это приверженцы бюрократическо-сословнаго режима, застывшаго въ давно отжившихъ формахъ, ультра-націоналистическаго, на мѣсто религіозности ставя-

щаго узкую церковность, всюду стремящагося водворить вынужденное, наружное и, слѣдовательно, мнимое единство. Въ монархической партіи, достойной этого имени, они могутъ образовать не правый флангъ, хотя бы самый крайній, а только иррегулярный отрядъ, соединяющій въ себѣ представителей всего выдохшагося, злобнаго, безнадежно-отсталаго. Слишкомъ почетнымъ для нихъ было бы и названіе консерваторовъ: они не столько охраняютъ, сколько тянутся назадъ, къ безвозвратно миновавшему и безапелляціонно осужденному недоброму старому времени.

Цѣлой пропастью отдѣлена отъ послѣдователей Каткова настоящая „правая сторона" монархической партіи, представителями которой явились недавно собравшіеся въ Москвѣ губернскіе предводители дворянства. Прямо расходясь съ апологетами произвола, упорно увѣряющими, что все прекрасно въ наилучшемъ изъ государствъ, предводители признаютъ, что переживаемыя Россіей событія заключаютъ въ себѣ „явное осужденіе всей совокупности полицейско-бюрократическаго строя: война обнаружила негодность нашего государственнаго хозяйства, а внутренняя смута—наше духовное и гражданское нестроеніе". „Время порицанія существующихъ порядковъ"—читаемъ мы дальше въ запискѣ предводителей—„прошло. Теперь надлежитъ всѣмъ русскимъ людямъ объединиться на работѣ созидательной и тѣмъ откликнуться на призывъ Царя. Люди порядка и законности, независимо отъ различія ихъ политическихъ взглядовъ, должны сознать, что только ихъ спокойная, трезвая работа можетъ умиротворить смущенные умы. Но этого мало; вступая въ новую гражданскую жизнь, не должно скрывать отъ себя, что впереди предстоитъ не только работа, но и борьба. Въ средѣ общественныхъ дѣятелей существуетъ весьма значительная, сильная по своему личному составу, сплоченная группа сторонниковъ западно-европейскихъ теорій конституціоннаго образа правленія. Нѣтъ сомнѣнія, что группа эта будетъ проводить свои взгляды въ общественныхъ собраніяхъ и приложитъ всѣ старанія къ тому, чтобы дать предстоящимъ государственнымъ реформамъ направленіе строго конституціонное. Съ этимъ, по мнѣнію нашему, надлежитъ бороться, проводя въ общественное сознаніе необходимость объединенія на почвѣ рескрипта 18-го февраля, провозгласившаго возрожденіе нашего отечества на основѣ самодержавія при народномъ представительствѣ... Величайшее въ мірѣ государство способно и должно выработать самобытную форму правленія, органически связанную съ ея духовными, бытовыми, географическими и иными условіями. Мы утверждаемъ, что проченъ будетъ лишь тотъ строй, который соотвѣтствуетъ міровоззрѣнію большинства населенія, который образуется путемъ естественнаго развитія существующихъ основъ, а не путемъ искусственнаго, быть можетъ даже насильстве-

наго насажденія новыхъ. Самодержавіе, при наличности народнаго представительства, одно способно въ настоящее время обезпечить въ равной мѣрѣ нужды разноплеменнаго населенія россійскаго государства и всѣхъ разнохарактерныхъ его классовъ и сословій, крестьянскаго въ особенности, для прекращенія смуты, для справедливаго удовлетворенія назрѣвшей общественной потребности и для обезпеченія лучшаго управленія Россіей. Указанное въ рескриптѣ 18-го февраля народное представительство должно уничтожить произволъ правительственныхъ чиновъ, достовѣрно доводя до Монарха назрѣвшія нужды народа и страны. Оно должно состоять изъ выборныхъ людей. Кромѣ права разсмотрѣнія всѣхъ законопроектовъ, составляемыхъ въ министерствахъ, оно должно имѣть право возбужденія вопросовъ о необходимости изданія новыхъ законовъ или измѣненія прежнихъ. Чтобы отвратить извращеніе законовъ исполнительными властями и ради охраненія свободы совѣсти, личности и слова, оно должно имѣть право запроса министрамъ, которые остаются отвѣтственными передъ Государемъ. Оно должно имѣть право разсмотрѣнія государственной росписи и право контроля надъ исполненнымъ бюджетомъ". Итакъ, отстаивая неприкосновенность главнаго изъ дѣйствующихъ теперь основныхъ законовъ, губернскіе предводители дворянства признають возможность совмѣстной дѣятельности съ людьми другихъ политическихъ взглядовъ. Они призываютъ къ борьбѣ, но къ борьбѣ мирной, къ борьбѣ мнѣній, происходящей на общей для всѣхъ почвѣ народнаго представительства. Они не смѣшиваютъ „строго-конституціонное" направленіе съ революціоннымъ; они не усматриваютъ ничего ненормальнаго, ничего опаснаго въ томъ, что сторонники перваго изъ этихъ направленій „будутъ проводить свои взгляды въ общественныхъ собраніяхъ". Они заимствуютъ изъ его программы такіе существенно важные пункты, какъ право запроса министрамъ, право разсмотрѣнія государственной росписи, право контроля надъ государственнымъ бюджетомъ. Если записка губернскихъ предводителей дворянства найдетъ отголосокъ среди избранниковъ населенія, она послужитъ точкой соединенія для группы, съ которой можно будетъ не соглашаться, но которой нельзя будетъ отказать въ уваженіи. Ея мнѣнія будутъ однимъ изъ тѣхъ элементовъ, столкновеніе которыхъ, по извѣстному французскому выраженію, ведетъ къ раскрытію истины.

Къ монархической партіи, въ обширномъ смыслѣ слова, можно отнести весьма и весьма многихъ изъ числа тѣхъ, кто не согласенъ съ исходной точкой записки предводителей. Какое мѣсто они займутъ въ центрѣ и на лѣвой сторонѣ собранія—объ этомъ теперь нельзя сказать ничего опредѣленнаго. Несомнѣнно только одно: оттѣнковъ мнѣній явится здѣсь немало. Для того, чтобы они обрисо-

вались съ достаточною ясностью, необходимо коренное измѣненіе цензурныхъ и вообще полицейскихъ условій. Пускай ничто не мѣшаетъ называть вещи ихъ настоящими именами, пускай исчезнетъ опасеніе накликать бѣду, откровенною рѣчью, на свою или на чужую голову: вся градація взглядовъ, переходящихъ одинъ въ другой, какъ цвѣта радуги, выяснится тогда сама собою. Въ физическомъ мірѣ свѣтъ способствуетъ разложенію и соединенію тѣлъ; въ мірѣ соціальномъ онъ благопріятствуетъ образованію партій, столь важному для правильнаго теченія политической жизни. Отсутствію опредѣленной группировки слѣдуетъ приписать мало симпатичное явленіе, слишкомъ часто повторявшееся въ послѣднее время: стремленіе навязать болѣе или менѣе широкимъ кругамъ общества какую-нибудь норму, выработанную безъ ихъ участія. Формулы, регулирующія если не образъ мыслей, то образъ дѣйствій, полезны, иногда необходимы внутри прочно организовавшейся партіи, какъ средства къ достиженію цѣлей, общихъ всѣмъ ея членамъ; но для нихъ не должно быть мѣста въ движеніи, объединяющемъ, до поры до времени, не во всемъ согласные между собою элементы. Стремленіе, только-что указанное нами, важно какъ симптомъ: оно указываетъ, что пора оградить разнообразіе въ единствѣ, т.-е. признать самостоятельность отдѣльныхъ группъ, во многомъ близкихъ одна къ другой, но расходящихся въ выборѣ путей и въ опредѣленіи размѣра неотложныхъ требованій. Пояснимъ нашу мысль примѣромъ. 3-го и 4-го марта въ Петербургѣ собрался предварительный съѣздъ столичныхъ и провинціальныхъ журналистовъ, высказавшійся за немедленный созывъ учредительнаго собранія на основаніи всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія. „Этими основными положеніями"—читаемъ мы дальше въ резолюціи съѣзда—„опредѣляется наше отношеніе ко всякаго рода актамъ существующаго правительства, а также и къ совѣщаніямъ и коммиссіямъ, представляющимъ собою органы его. Въ частности, по отношенію къ Булыгинской коммиссіи, признавая, что она ни въ какомъ случаѣ и ни при какихъ комбинаціяхъ не можетъ замѣнить собою учредительнаго собранія, совѣщаніе находитъ, что организованныя общественныя силы должны предъявить къ ней единственное требованіе—о созывѣ учредительнаго собранія на началахъ, указанныхъ выше. Признавая нежелательнымъ,—впредь до открытаго заявленія правительствомъ о намѣреніи созвать учредительное собраніе,—стремленіе общественныхъ учрежденій къ участію въ работахъ коммиссіи Булыгина, мы полагаемъ, что вся роль этихъ учрежденій, въ случаѣ приглашенія ихъ въ названную коммиссію, должна ограничиться повтореніемъ передъ ней перечисленныхъ выше требованій. Таковы единственныя условія, на которыхъ допустимо участіе въ коммиссіи". Само собою разумѣется, что всякое собраніе лицъ, какъ и всякое отдѣль

ное лицо, имѣетъ полнѣйшее право выражать свой взглядъ не только на лучшее разрѣшеніе того или другого вопроса, но и на лучшій способъ достигнуть этого разрѣшенія. Обязательно при этомъ, по нашему мнѣнію, лишь одно: обязательно помнить, что возможны и другіе взгляды, столь же искренніе, столь же твердые, имѣющіе такое же право на выраженіе и проведеніе. Нельзя признавать, что *допустимъ* только одинъ образъ дѣйствій; нельзя какъ бы предписывать его другимъ лицамъ или группамъ лицъ, вовсе не участвовавшимъ и не приглашавшимся къ участію въ обсужденіи обращаемой къ нимъ резолюціи. Съѣздъ журналистовъ даетъ указанія не только писателямъ, но и общественнымъ учрежденіямъ и ихъ представителямъ; онъ устанавливаетъ, что̀ допустимо—и, слѣдовательно, что̀ недопустимо—для земскихъ и городскихъ дѣятелей, игнорируя или упуская изъ виду многочисленныя постановленія земскихъ собраній и городскихъ думъ, совершенно иначе относящіяся къ призыву въ совѣщаніе [1])... До сихъ поръ категоріи „несогласно мыслящихъ" сочинялись только реакціонною печатью и ея бюрократическими союзниками; неужели нѣчто подобное сдѣлается обычнымъ въ совершенно другихъ сферахъ?.. Пускай каждая вновь образующаяся группа составляетъ программу, принятіемъ которой опредѣлялось бы самое вступленіе въ группу; но нѣтъ и не должно быть правилъ, диктуемыхъ всѣмъ участникамъ борьбы противъ существующихъ порядковъ. Успѣху этой борьбы разнообразіе пріемовъ можетъ способствовать гораздо больше, чѣмъ вынужденное единодушіе.

Повторяемъ еще разъ: новыя условія русской государственной и общественной жизни настоятельно требуютъ образованія партій — а образованіе партій предполагаетъ значительную степень политической свободы. Безъ нея крайне затруднено дифференцированіе группъ, въ одномъ согласныхъ, въ другомъ — несогласныхъ между собою; безъ нея невозможна *однородность*, невозможно *равенство* средствъ борьбы, обусловливающія собою правильное, закономѣрное ея теченіе. Истиннымъ несчастьемъ является, поэтому, продолжающееся дѣйствіе стѣсненій, издавна тяготѣющихъ надъ русской мыслью и русской волей. Всего характернѣе, въ этомъ отношеніи, положеніе періодической печати. Въ то самое время, когда совѣщаніе, состоящее подъ предсѣдательствомъ Д. Ѳ. Кобеко, значительнымъ большинствомъ голосовъ, иногда даже единогласно, принимаетъ положенія, наиболѣе благопріятныя для печати, административная практика сохраняетъ свой прежній характеръ, хотя ничто не

[1]) Укажемъ, въ видѣ примѣра, на постановленія саратовскаго губ. земскаго собранія и харьковской городской думы, совершенно аналогичныя съ раньше состоявшимися постановленіями московскаго губ. земскаго собранія и обѣихъ столичныхъ городскихъ думъ.

мѣшало бы возвратиться теперь же къ судебному преслѣдованію проступковъ печати, установленному еще закономъ 6-го апрѣля 1865 года... Указомъ правительствующему сенату, даннымъ 18-го февраля, учрежденія и частныя лица призываются къ представленію предположеній, касающихся усовершенствованія государственнаго благоустройства и улучшенія народнаго благосостоянія; административная власть парализуетъ только-что дарованное право, исключая вызванныя имъ предложенія изъ списка дѣлъ, вносимыхъ въ чрезвычайныя земскія собранія [1]), и не допуская коллективнаго обсужденія такихъ же предложеній, если они идутъ отъ частныхъ лицъ. Ограниченіямъ подвергаются и собранія организованныхъ обществъ; особенно опасной признается публичность засѣданій. То, что̀ просится наружу, искусственно оттѣсняется внутрь. Въ политикѣ такой пріемъ столь же мало цѣлесообразенъ, какъ и въ медицинѣ. Только просторъ, широкій просторъ для всѣхъ оттѣнковъ мысли приготовитъ Россію къ спокойному вступленію въ новыя условія политическаго быта—условія, осуществленіе которыхъ можно задержать, но предупредить невозможно.

До какой степени опасно рекомендуемое въ нѣкоторыхъ газетахъ обращеніе къ добровольцамъ палки и кулака, какъ къ союзникамъ въ борьбѣ противъ такъ называемыхъ революціонныхъ элементовъ—объ этомъ даютъ понятіе процессы, производившіеся недавно у одного изъ псковскихъ городскихъ судей. Они показываютъ съ большою ясностью, какъ легко возбудить противъ ни въ чемъ неповинныхъ людей ту часть городского населенія, которая всегда склонна поддаваться чужимъ внушеніямъ, особенно если они идутъ—или кажутся идущими—отъ власти. Оправдательные приговоры городского судьи, которымъ предшествовало тщательное съуживаніе предѣловъ разбирательства, не уничтожаютъ значенія свидѣтельскихъ показаній въ родѣ того, какое было дано женщиною-врачомъ Малявко-Высоцкою. Вмѣстѣ съ своими дѣтьми и студентомъ - репетиторомъ она выдерживала въ теченіе двухъ часовъ осаду толпы, домогавшейся избіенія учащихся. Она извѣщала объ осадѣ, по телефону, административныя власти, но помощи ни откуда не явилось. Въ толпѣ, по словамъ свидѣтельницы, были переодѣтые пожарные съ палками. Другой свидѣтель прямо называлъ № бляхи городового, подстрекавшаго толп противъ учащихся. Полицейскіе офицеры, по удостовѣренію третьяг свидѣтеля, видѣли всю расправу толпы, но никакого противодѣйстві ей не оказывали. Повѣренный одного изъ потерпѣвшихъ просилъ пр ложить къ дѣлу № газеты („Нашихъ Дней“), гдѣ было напечата

[1]) Такіе случаи имѣли мѣсто, на дняхъ, въ Калугѣ и въ Полтавѣ.

письмо псковскаго полиціймейстера, выразившаго негодованіе по поводу событій 7-го февраля и утверждавшаго, что они не были бы допущены, еслибы онъ въ тотъ день не былъ боленъ. Это ходатайство было отклонено городскимъ судьей; не удовлетворена была имъ и просьба сообщить прокурору о неправильныхъ дѣйствіяхъ полиціи, обнаруженныхъ при разсмотрѣніи жалобъ частныхъ обвинителей. И вотъ, въ такое время, когда насиліе, если не организованное, то допущенное полицейскими чинами, грозитъ мирному населенію даже въ большихъ городахъ, гдѣ сравнительно легко предотвратимы нарушенія порядка, „Московскія Вѣдомости" (№ 78, письмо изъ Петербурга) говорятъ о *„неминуемой* расплатѣ народа съ вожаками общества", а одинъ изъ ихъ подголосковъ—„Пензенскія Губернскія Вѣдомости"—занимается, по словамъ 106 пензенскихъ жителей, „систематическими нападками на интеллигенцію", грозящими, какъ это признала мѣстная городская дума, общественной безопасности... Со всѣхъ сторонъ стекаются, такимъ образомъ, доказательства тому, что пора положить конецъ переходному состоянію, поддерживающему и обостряющему всеобщую тревогу. Что эта цѣль недостижима путемъ „простого усиленія власти", къ которому не устаютъ взывать наши реакціонеры — видно уже изъ того, что болѣе сильной власти, чѣмъ находившаяся еще недавно въ рукахъ В. К. Плеве, нельзя себѣ и представить, а между тѣмъ именно въ періодъ ея господства созрѣли всѣ составныя части современной смуты.

Въ „Письмѣ въ Редакцію", напечатанномъ въ № 2 „Русскаго Богатства", В. А. Мякотинъ, подвергаетъ разбору заявленіе, сдѣланное двумя членами совѣщанія о печати—К. К. Арсеньевымъ и М. М. Стасюлевичемъ—по поводу извѣстной записки четырнадцати редакцій. Продолжая, несмотря на возникшее между нами разногласіе, относиться съ прежнимъ уваженіемъ къ журналу В. Г. Короленко, мы не можемъ оставить безъ возраженій замѣчанія г. Мякотина.

„Гг. Арсеньевъ и Стасюлевичъ"—пишетъ г. Мякотинъ—исходятъ, повидимому, изъ предположенія, что названная записка всецѣло направлена по ихъ адресу". Нисколько. Для того, чтобы отвѣтить на нее, намъ достаточно было признать, что она затрогиваетъ, между прочимъ, и насъ, какъ членовъ совѣщанія. Понятно, что мы говорили только отъ своего собственнаго имени. Побужденія, по которымъ члены совѣщанія согласились вступить въ его составъ, могутъ быть столь же различны, какъ различны представленныя въ совѣщаніи направленія.

„Разъ подписавъ принципіальное заявленіе"—спрашиваетъ насъ г. Мякотинъ,—„можно затѣмъ не считать себя обязаннымъ сообразоваться съ нимъ въ своихъ дѣйствіяхъ?" Въ томъ-то и дѣло, что участіе въ составленіи новаго закона о печати отнюдь не противорѣчитъ

убѣжденію, выраженному нами раньше. Безспорно, при извѣстномъ государственномъ строѣ самый удачный законъ можетъ не привести къ желанной цѣли; но вѣдь мы продолжаемъ надѣяться, что законъ о печати будетъ разсмотрѣнъ въ обновленныхъ государственныхъ учрежденіяхъ, и самое примѣненіе его будетъ происходить при другихъ, лучшихъ условіяхъ. Далеко не безразлично, притомъ, содержаніе законопроекта; чѣмъ ближе оно будетъ подходить къ началамъ, одинаково дорогимъ для насъ и для нашихъ оппонентовъ, тѣмъ больше шансовъ, что они найдутъ мѣсто и въ окончательномъ законѣ. Скажемъ болѣе: даже при неблагопріятной обстановкѣ, при возможности постоянныхъ правонарушеній, хорошій законъ не можетъ быть названъ излишнимъ. Этимъ объясняется ходатайство 78 литераторовъ, относящееся къ началу 1895-го года; этимъ объясняется и представленіе союза писателей (1898-го года), намѣчавшее не только общій пересмотръ законовъ о печати, но и частичныя въ нихъ реформы. Разногласія относительно этихъ мѣръ между нами и нашими оппонентами не существовало. Конечно, нынѣшнія условія весьма отличны отъ тогдашнихъ; но если пересмотру законовъ о печати непремѣнно должна предшествовать коренная перемѣна въ государственномъ строѣ, то какой же смыслъ имѣли попытки, сдѣланныя десять и семь лѣтъ тому назадъ?

В. А. Мякотинъ не хочетъ вѣрить, что наша дѣятельность въ совѣщаніи не стѣснена ни заранѣе установленными предѣлами, ни обязательной программой. Отвѣтомъ на его невѣріе служатъ даже тѣ, весьма неполныя свѣдѣнія о работахъ совѣщанія, которыя оглашены въ печати. Журналами комитета министровъ результатъ трудовъ совѣщанія вовсе не предрѣшенъ. Большинство совѣщанія—за исключеніемъ двухъ сравнительно второстепенныхъ вопросовъ (о залогѣ и о срокѣ нахожденія книги или журнала въ цензурѣ)—оказывалось до сихъ поръ, какъ уже замѣчено выше, на сторонѣ началъ, совокупность которыхъ образуетъ свободу печати, а по вопросамъ, разрѣшеннымъ въ другомъ смыслѣ, ничто не стѣсняло подачу меньшинствомъ особыхъ мнѣній. Ниразу мы не отступали отъ взглядовъ, выражавшихся нами раньше, и съ спокойною совѣстью можемъ ожидать окончательнаго приговора надъ нашей дѣятельностью въ совѣщаніи.

Между пересмотромъ законовъ о печати и пересмотромъ земскаго или городового положенія существуетъ та громадная разница, что естественными участниками послѣдняго являются земскіе или городскіе гласные, избранные земскими собраніями или городскими думами а дѣятели печати не составляютъ организованнаго цѣлаго, отъ котораго могли бы исходить полномочія на защиту интересовъ печати Конечно, можно было бы пригласить журнальныхъ и газетныхъ работниковъ къ образованію группъ, изъ которыхъ каждая послала б представителя или представителей въ совѣщаніе; но за отсутствіемъ

такого приглашенія не слѣдовало, по нашему убѣжденію, увеличивать, отказомъ отъ участія въ совѣщаніи, численную силу элементовъ, мало расположенныхъ къ свободѣ печати.

Что работы совѣщанія происходятъ негласно — это весьма прискорбно; но этотъ недостатокъ—мало, до сихъ поръ, отразившійся на сущности заключеній совѣщанія,—будетъ, нужно надѣяться, исправленъ при дальнѣйшемъ обсужденіи, въ другихъ инстанціяхъ, законопроекта о печати.

„Если"—спрашиваетъ насъ г. Мякотинъ—„всякая попытка той или иной группы людей высказать свой взглядъ является вмѣстѣ съ тѣмъ, по мнѣнію гг. Арсеньева и Стасюлевича, и попыткою стѣснить свободу мнѣній, то на какихъ же основаніяхъ сами названныя лица участвовали въ подобныхъ попыткахъ, подписывая заявленія земской и профессорской группъ?" Отвѣтъ на этотъ вопросъ очень простъ. Заявленія группъ профессорской и земской не заключали въ себѣ ничего похожаго на осужденіе лицъ, съ ними несогласныхъ; въ важнѣйшей изъ резолюцій земскаго съѣзда было даже прямо дано мѣсто двумъ мнѣніямъ — большинства и меньшинства. Въ запискѣ четырнадцати редакцій всякій иной образъ дѣйствій, кромѣ указаннаго ею, заранѣе объявлялся „непримиримымъ съ достоинствомъ русскаго писателя". Только противъ этого мѣста записки и былъ направленъ нашъ протестъ.

Полное упраздненіе предварительной цензуры для русской какъ періодической, такъ и не-періодической печати [1]), полное упраздненіе административныхъ каръ, отвѣтственность за проступки печати только по суду, замѣна концессіонной системы основанія повременныхъ изданій явочною (и, слѣдовательно, отмѣна административнаго усмотрѣнія въ утвержденіи редакторовъ), отмѣна запрещеній говорить о томъ или иномъ предметѣ, не распространяющаяся только на обстоятельства военнаго времени—вотъ основныя начала, принятыя, до половины марта, совѣщаніемъ о печати. Конечно, отсюда еще не слѣдуетъ, что они теперь же войдутъ въ наше законодательство: боязнь передъ свободнымъ словомъ, поддерживаемая привычкой, еще столь сильна, что будутъ, вѣроятно, сдѣланы попытки удержать какъ можно больше изъ нынѣшняго бюрократическаго всевластія надъ печатью. Далеко не лишеннымъ значенія останется, во всякомъ случаѣ, тотъ фактъ, что за дѣйствительное освобожденіе печати высказались—послѣ преній, охватывавшихъ всѣ стороны вопроса,—не только „либеральные" писатели, но и многіе представители церковнаго и свѣтскаго авторитета. Навсегда исчезла, благодаря этому, почва для увѣреній, что свобода печати у насъ въ

---

[1]) Вопросъ о печати иноязычной совѣщаніемъ еще не затронутъ.

Россіи—несбыточная мечта ничтожной горсти людей, злонамѣренныхъ или ослѣпленныхъ.

Повышеніе пульса общественной жизни, начавшееся (если не считать Финляндіи) въ центрѣ Россіи, охватило теперь, въ бо̀льшей или мѐньшей мѣрѣ, ея окраины. Въ Царствѣ Польскомъ, въ Остзейскомъ краѣ, на Кавказѣ, въ Сибири рядомъ съ общими требованіями возникаютъ другія, вызываемыя мѣстными условіями. Параллельно съ чувствомъ солидарности вездѣ растетъ бережное отношеніе къ особенностямъ, племеннымъ, лингвистическимъ и вѣроисповѣднымъ. Движеніе проникаетъ и въ тѣ сферы общества, которыя всего дольше отъ него сторонились. Православное духовенство вышло изъ своего вѣкового оцѣпенѣнія; промышленный міръ стряхнулъ съ себя путы прадѣдовской рутины; крестьянство перестало быть безразличной, инертной массой. Не можетъ, при такихъ условіяхъ, оставаться неизмѣннымъ государственный строй—и чѣмъ скорѣе произойдетъ перемѣна, тѣмъ спокойнѣе можно будетъ идти навстрѣчу будущему. Характеренъ, съ этой точки зрѣнія, Высочайшій рескриптъ 14-го марта на имя варшавскаго генералъ-губернатора, возвѣщающій преобразованія въ мѣстномъ строѣ Привислинскаго края. Еще болѣе характерны послѣдніе правительственные акты по отношенію къ Финляндіи: 16 (29) марта временно пріостановлено примѣнѐніе устава о воинской повинности въ Финляндіи и отмѣнено временное постановленіе 1902 г. о порядкѣ удаленія отъ службы должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства.

ПОПРАВКА.

На стр. 615, строчк. 9 и 10 сн., напечатано: ...„изъ ея устнаго разсказа лишь то, что было сдѣлано ею въ бесѣдѣ съ нами“... Слѣдуетъ: ...изъ ея устнаго разсказа, въ бесѣдѣ съ нами, лишь то, что было сдѣлано ею...

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ
ВТОРОГО ТОМА

МАРТЪ — АПРѢЛЬ, 1905.

Книга третья. — Мартъ. стр.

Мои замѣтки.—Лѣто 1900—іюнь 1904 г.—Окончаніе.—А. Н. ПЫПИНА. . . 5
По совѣсти.—Романъ изъ помѣщичьей жизни нашего времени.—V-XI.—А. НОВИКОВА. 59
Александръ I и Наполеонъ I.—Послѣдніе годы ихъ дружбы и союза.—IV-VI.—Ѳ. Ѳ. МАРТЕНСА 110
Изъ моихъ воспоминаній.—1843—1860 г.г.—V-X.—ЕК. ЮНГЕ 138
Женщина съ вѣеромъ.—Романъ.—Rob. Hitchens, The Woman with the fan.—I—VI.—Съ англ. З. В. 190
Гермесъ Трижды-Великій, „соперникъ христіанства".—VIII-XIII.—Окончаніе.—Ѳ. Ф. ЗѢЛИНСКАГО 244
На вѣткѣ.—Эскизъ по роману: „Sur la branche", par Pierre de Coulevain.—V-VII.—Окончаніе.—Съ франц. О. Ч. 272
Еврейскія колоніи въ Аргентинѣ. — По личнымъ наблюденіямъ. — Н. А. КРЮКОВА. 318
Хроника.—Тяжелые уроки...—Л. З. СЛОНИМСКАГО. 341
Внутреннее Обозрѣніе.—Высочайшій манифестъ 4-го февраля.—„Политика довѣрія" и „политика порядка".—Газетный призывъ къ репрессіямъ и казнямъ.—Мнимыя послѣдствія „уступокъ". — Мнимо-счастливая эпоха.—Идея земскаго собора; ея несвоевременность или своевременность, неосуществимость или осуществимость.—Положенія комитета министровъ по вопросамъ о земскомъ и городскомъ самоуправленіи, о печати, о вѣротерпимости.—Коммиссія Н. В. Шидловскаго.—Записки по рабочему вопросу 353
Записка четырнадцати редакцій и отвѣтъ на нее двухъ членовъ Особаго Совѣщанія по дѣламъ печати. — К. К. АРСЕНЬЕВА и М. М. СТАСЮЛЕВИЧА 372
Иностранное Обозрѣніе.—Вопросъ о мирѣ и военныя дѣйствія.—Положеніе дѣлъ на театрѣ войны.—Международная коммиссія по поводу инцидента въ Сѣверномъ морѣ и ея заключительные выводы.—Странныя газетныя сообщенія.—Засѣданія британскаго парламента.—Торговые договоры и русско-германскій протекціонизмъ 375
Литературное Обозрѣніе.—I. Богдановичъ, Т., Очерки изъ прошлаго и настоящаго Японіи. — II. Русская печать и цензура въ прошломъ и настоящемъ, В. Розенберга и В. Якушкина. — III. Л. Сулержицкій, Въ Америку съ духоборами. — IV. А. Пановъ, Сахалинъ, какъ колонія. — V. Вс. Чешихинъ, Гамерлингъ, характеристика. — ЕВГ. Л. — VI. И. Озеровъ, Экономическая Россія. — VII. Сочиненія К. Родбертусъ-Ягецова, вып. I.—В. В.—VIII. Проф. М. Грушевскій, Очеркъ исторіи украинскаго народа.—И. ЖИТЕЦКАГО.—Новыя книги и брошюры 390
Новости Иностранной Литературы.—I. S. Lublinski, „Die Bilanz der Moderne".—II. Max Dreyer, „Die Siebzehnjährigen", Schauspiel.—З. В. . . . 426
Изъ Общественной Хроники. — Высочайшіе манифестъ, рескриптъ и указъ 18-го февраля.—Ожиданія и надежды.—Журналы комитета министровъ объ „исключительныхъ законоположеніяхъ" и о вѣротерпимости.—Пріостановка занятій въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.—Рабочій вопросъ въ настоящемъ и ближайшемъ прошломъ. — Н. А. Карышевъ и П. О. Бобровскій † 439
Извѣщенія.—Отъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ о преміяхъ имени М. И. Михельсона 454
Библіографическій Листокъ.—Жизнь и труды М. П. Погодина, Николая Барсукова, кн. XIX. — Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій (1762—1825 гг.). — Кустарное дѣло въ Россіи, кн. Ѳ. С. Голицына, т. I.—Сенатскій Архивъ, т. XI.
Объявленія.—I-IV; I-XII.

Книга четвертая. — Апрѣль.

стр.

Мой дневникъ на войнѣ 1877—78 г.г.—1877-ой годъ.—I: 18 апрѣля—9 іюля.— М. А. ГАЗЕНКАМПФА 457
По совѣсти. — Романъ изъ помѣщичьей жизни нашего времени. — XII-XVIII.— А. НОВИКОВА 506
Александръ I и Наполеонъ I.—Послѣдніе годы ихъ дружбы и союза.—VII-XII. —Окончаніе.—Ѳ. Ѳ. МАРТЕНСА 562
Графиня А. А. Толстая.—Личныя впечатлѣнія и воспоминанія.—ИВ. ЗАХАРЬИНА (ЯКУНИНА). 615
Женщина съ вѣеромъ.—Романъ.—Rob. Hitchens, The Woman with the fan.— VII-XI.—Съ англ. З. В. 643
Этюды о байронизмѣ. — Часть вторая: Польская литературы. — АЛЕКСѢЯ ВЕСЕЛОВСКАГО. 695
Два эрота. — Эскизъ. — W. Weigand, Der zwiefache Eros, Novelle. — I-V. — Съ нѣм. О. Ч. 731
Изъ моихъ воспоминаній. - 1843—1860 г.г.—XI-XIV.—ЕК. ЮНГЕ. 763
Хроника. — Внутреннее Обозрѣніе. — Главный вопросъ дня.—Составъ и задача совѣщанія, образованнаго на основаніи Высочайшаго рескрипта 18-го февраля.—Различные взгляды на способъ организаціи перваго представительнаго собранія: проекты барона П. Л. Корфа, г. Н. З. и В. Д. Кузьмина-Караваева.—Переходный порядокъ или сразу всеобщая, равная и прямая подача голосовъ?—Будущая судьба фабричной инспекціи.—Законопроекты по рабочему вопросу 795
Первый шагъ рабочаго законодательства въ Болгаріи.—Письмо въ Редакцію.— Н. КУЛЯБКО-КОРЕЦКАГО 814
Иностранное Обозрѣніе.—Мукденская катастрофа и ея значеніе.—Дѣятельность генерала Куропаткина и его штаба.—Вопросъ о продолженіи войны.— Особенности газетнаго патріотизма.—Сообщенія относительно предпріятій на р. Ялу. — Недоумѣнія и вопросы. — Наши финансы и заграничные кредиторы.—Предложеніе издателю „Times“ 829
Литературное Обозрѣніе. — I. Н. П. Загоскинъ, Исторія Имп. Казанскаго Университета, въ 3 том. 1804—1904 г.г. — Его же, За сто лѣтъ. Біограф. Словарь профессоровъ Казан. Университета. 1804—1904 г.г.—II. Д. Нагуевскій, Профессоръ Францъ Броннеръ.—III. Въ защиту слова. Сборникъ. — IV. Сборникъ Товарищества „Знаніе“, кн. III. — V. Сенатскій Архивъ, т. XI. — VI. Александра Ефименко, Южная Русь, т. I. — VII. Статьи по славяновѣдѣнію, вып. 1.—ЕВГ. Л.—VIII. Война и наши финансы, П. П. Мигулина.—В. В.—Новыя книги и брошюры 843
Новости Иностранной Литературы. — I. R. Beer-Hofmann, Der Graf v. Charolais.—З. В.—II. La Pologne et la crise russe: 1. Lettre d'un Polonais à un Ministre russe. 2. Observations politiques à propos de la lettre d'un Polonais à un Ministre russe.—Л. С. 876
Изъ Общественной Хроники. — Правительственное сообщеніе 18-го марта.— Имѣется ли на лицо periculum in mora? — Необходимость образованія политическихъ партій. — „Правый флангъ монархической партіи“, поддѣльный и настоящій.—Дальнѣйшіе оттѣнки мнѣній.—Резолюція съѣзда журналистовъ.—Уличные безпорядки въ Псковѣ.—Совѣщаніе о печати.— Царство Польское и Финляндія 889
Библіографическій Листокъ.—Н. Н. Ге, его жизнь, произведенія и переписка, В. В. Стасова. — Корея—„запретная“ страна, В. Алова. — Система русскаго гражданскаго права, К. Анненкова. — Вопросы начальной школы, Е. Чебышевой-Дмитріевой.—Курсъ двойной бухгалтеріи, С. М. Бараца. —Справочная книга для путешественниковъ, Ю. Шокальскаг[illegible] К. Богдановича и др.
Объявленія.—I-IV; I-XII стр.

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

~~SEP 28 62 H~~